ОКОЛЬНЫЙ ПУТЬ В СЕРДЦЕ ТЬМЫ

ДЭВИД ЭРИК ФЛИНТ

ОКОЛЬНЫЙ ПУТЬ В СЕРДЦЕ ТЬМЫ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ДЭВИД ЭРИК ФЛИНТ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

DAVID ERIK

DRAKE FLINT

OBLIQUE APPROACH

IN THE HEART OF THE DARKNESS

ДЭВИД ЭРИК

ДРЕЙК ФЛИНТ

ОКОЛЬНЫЙ ПУТЬ В СЕРДЦЕ ТЬМЫ

АСТ издательство ЕРМАК
Москва
2004

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Д73

Серия основана в 1999 году

David Drake, Erik Flint
OBLIQUE APPROACH
1998
IN THE HEART OF THE DARKNESS
1999

Перевод с английского М. Жуковой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения издательства Baen Books
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 22.04.2004. Формат 84x108$^{1}/_{32}$
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 5 000 экз. Заказ № 2290

Дрейк Д.

Д73 Окольный путь. В сердце тьмы: Фантаст. романы / Д. Дрейк, Э. Флинт; Пер. с англ. М. Жуковой. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 714, [6] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-018229-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0078-9 (ЗАО НПП «Ермак»)

...Восточная Римская Империя достигла наибольшего расцвета в VI веке н.э. при императоре Юстиниане I. Немало этому способствовал великий полководец Велисарий, чьи армии значительно расширили пределы Империи, одерживая победу за победой в Африке и Италии...

Это — наша с вами история. История НАШЕГО мира.

Но — в это же время на севере Индии сформировалась и другая Империя. На их стороне — оружие будущего, богатства прошлого и неудержимое стремление к власти. Их ведут те, кого люди всегда считали БОГАМИ. Земля ПОЧТИ покорена, на их пути — лишь один человек. И лишь одному человеку под силу остановить шествие ЗЛА.

Он — человек, возведший войну в ранг искусства. Человек, призванье — командовать. Приказ прост — сражайся и умри!

И это — история Велисария. История расцвета и гибели великих ИМПЕРИЙ. История противостояния величайшего полководца прошлого — и супероружия будущего.

История о том, как ВОЗМОЖНОСТЬ становится РЕАЛЬНОСТЬЮ!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© David Drake & Erik Flint, 1998, 1999
© Перевод. М. Жукова, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

ОКОЛЬНЫЙ ПУТЬ

Если рассчитывать, что все случится так, как ты того ожидаешь, то противник укрепит захваченные позиции и таким образом усилит сопротивление... В большинстве случаев внесение беспорядка в ряды противника и нарушение его психологического равновесия становится необходимой прелюдией к успешному доведению дела до победного конца.

Б. Х. Лидделл-Харт. «Стратегия»

Посвящается Люсиль

Вначале был **камень**.

И только он. И поскольку имелся только он один, какое-либо значение и содержание отсутствовали. Он просто существовал. Был. И ничего больше.

Просто **камень**. Один-единственный. Сознание отсутствовало тоже.

Тем не менее то, во что превратился камень, не появилось случайно. **Замысел** — самый первый, изолированный от всего остального — возник благодаря человеку, сидевшему на корточках в пещере. Человек сидел и неотрывно смотрел на **камень**.

Любой другой человек — или почти любой — открыл бы в удивлении рот и отшатнулся, или убежал, или схватился за бесполезное в данном случае оружие. Некоторые — немногие, избранные люди — попытались бы понять, что они видят. Но человек в пещере просто смотрел, не отрываясь.

Он не пытался понять **замысел**, поскольку с презрением относился ко всему, что шло от ума. Но, можно сказать, он пребывал в состоянии созерцания: сконцентировавшись, он всеми мыслями и душой сосредоточился на предмете, а это было за пределами возможного для почти всех остальных людей, живущих на земле.

Замысел появился в той пещере и в то время, потому что сидевший там человек, который размышлял над **замыслом**, на протяжении многих лет лишал себя всего, кроме собственной, властвующей над всем, важнейшей, всепоглощающей цели.

* * *

Его звали Михаил Македонский, и был он монахом-пустынником, одним из тех святых людей, которые исповедуют свою веру через уединение и размышления, стоя на столбах или поселившись в пещерах.

Михаил Македонский, благодаря своей вере абсолютно лишенный страха, протянул морщинистую руку и дотронулся костлявым пальцем до камня.

Прикосновение пальца монаха стало открывать грань за гранью - - можно сказать, это были грани знания. Если бы **замысел** на самом деле был светящимся изнутри драгоценным камнем, то ослепил бы человека, который к нему прикоснулся.

Как только Михаил Македонский дотронулся до **замысла**, его тело содрогнулось, словно в агонии, рот широко раскрылся в беззвучном крике, а лицо исказила чудовищная гримаса. В следующую секунду он потерял сознание.

* * *

Целых два дня Михаил пролежал в пещере без сознания. Он дышал, сердце его билось, душа витала в призрачных мирах.

На третий день Михаил Македонский проснулся. Проснулся внезапно. Все его тело находилось в состоянии боевой готовности, разум в полном сознании; он даже не чувствовал слабости. (По крайней мере, слабости духа. Тело ощущало привычную немощь после многих лет самоограничений и полнейшего аскетизма.)

Михаил без колебаний протянул руку и схватил **замысел**. Он опасался еще одного приступа, но жажда понять пересилила страх. Да и в этом случае страх оказался беспочвенным.

Ничем не прикрытая сила **замысла** теперь преломлялась многими гранями, а сила вспышки утратила изначальную яркость. Теперь **замысел** был ограничен **отрезком времени**. Внутреннее восприятие времени у монаха изменилось, стало безумным; **замысел** на мгновение был затуманен смятением. **Отрезок времени** превратился в **разнообразие**; таким образом, **замысел** смог разделиться на части и обрести структуру. Грани открылись, расширились, удвоились, утроились и умножились, и снова умножились, и снова, пока не превратились в прозрачный поток, который повлек монаха за собой, подобно бурной реке, уносящей деревянную щепку.

Река достигла дельты, дельта перешла в море, и все успокоилось. **Замысел** лежал на ладони Михаила, мерцая подобно лунному свету на воде. Монах посмотрел на это мерцание с улыбкой.

— Спасибо, что годы моих исканий закончились,— сказал он.— Хотя я и не могу поблагодарить тебя за итог.

Он закрыл на мгновение глаза и погрузился в раздумья.

— Я должен посоветоваться с моим другом епископом,— прошептал он.— Если и живет на земле человек, способный теперь указать мне путь, то это Антоний.

Глаза монаха открылись. Он повернул голову к входу в пещеру и пристально посмотрел на лоскуток ясного сирийского неба.

— Зверь рядом,— произнес он.

ПРОЛОГ

В ту ночь Велисарий отдыхал в деревенской усадьбе, купленной им уже после того, как в его подчинение поступила стоявшая у Дараса армия. Он нечасто приезжал сюда, поскольку считал, что полководец должен находиться при своем войске. Он купил усадьбу для Антонины, на которой женился два года назад. Велисарий хотел, чтобы у нее был уютный дом на безопасном расстоянии от Алеппо и в то же время не слишком далеко от персидской границы, где находился полководец. Но этот жест в общем-то оказался бессмысленным: Антонина настояла на том, чтобы сопровождать Велисария даже в военный лагерь, где было грязно и часто случались драки. Она почти не расставалась с ним, и на самом деле полководец на это не жаловался. Многое в Велисарии оставалось тайной для его солдат, но одно было ясно как день: он обожал свою жену.

Большинству это обожание казалось непостижимым. Да, Антонина отличалась жизнерадостностью и притягивала к себе людей (тех, кто к своему счастью не попадался ей под горячую руку, когда она выходила из себя). К тому же она была весьма привлекательной особой. С этим соглашались все, даже ее многочисленные хулители: несмотря на значительную разницу в возрасте с молодым полководцем, для своих лет Антонина выглядела потрясающе.

Но что это были за годы!

Ее резкий и грубый отец, виртуозно управлявший колесницей, был кумиром толпы, приходившей на ипподром. С матерью ей не повезло еще больше: Антонину родила актриса, а эта профессия считалась немногим лучше проституции. Будучи воспитанной в таком сомнительном окружении, Антонина, несомненно, унаследовала привычки матери, а затем к греху проституции добавила еще и увлечение колдовством. Было хорошо известно, что Антонина преуспела в магии не меньше, чем в плотских пороках.

Впрочем, после замужества ее имя не запятнал ни один скандал, хотя за ней постоянно следили внимательные глаза и прислушивались

внимательные уши. Но только не ее муж. Он, казалось, не сомневается в ее верности. Многие же специально следили за ней и ловили всякие слухи, предвкушая чего-нибудь этакое...

Тем не менее уши ничего не слышали, а глаза видели еще меньше. Некоторые отступились, поняв: ничего они не увидят и не услышат. Однако большинство не теряло бдительности. Ведь шлюха ко всему прочему была еще и ведьмой. И что еще хуже — близкой подругой императрицы Феодоры. (Это никого не удивляло, ибо всем известно: свояк свояка видит издалека. Если в прошлом императрица Феодора и не грешила колдовством, она возместила недостаток таким распутством, что перед ней бледнело даже прошлое ее подруги.) Но кто знает, какое распутство и проделки с черной магией скрывала Антонина?

О самом полководце, если не считать скандальной женитьбы, люди ничего плохого сказать не могли.

Но кое-что, конечно, было. Хотя Велисарий и принадлежал к знати, родился он во Фракии, выходцы из которой славились грубостью и неотесанностью. Однако на этот недостаток смотрели сквозь пальцы. И не потому, что боялись гнева Велисария. Полководец, как известно, время от времени сам шутил насчет фракийской грубости (конечно, отпуская при этом плоские шутки: ведь он же был фракиец).

Вообще-то на этот счет при дворе не очень распространялись, поскольку сам император Юстиниан также родился во Фракии, и даже происходил не из знатного рода, а из крестьян. И если Велисарий отличался ровным характером и добродушием, этого никто не мог сказать про императора. Юстиниан был злобным, подозрительным и очень обидчивым. А обидевшись, становился страшен в гневе.

Нельзя не вспомнить и про молодость полководца. Как известно всем людям, достигшим почтенного возраста, молодость по своей природе — рискованный период, очень опасный с этической точки зрения, бесшабашный и импульсивный. А император не пожелал бы видеть подобные качества в своих полководцах. Тем не менее Юстиниан сделал Велисария одним из своих личных телохранителей, входящих в элитную группу, из которой он выбирал полководцев, а затем, добавив к необдуманному поступку явную ошибку, немедленно назначил его главнокомандующим армии, выступающей против давнего врага — Мидии[1].

Правда, некоторые поддерживали выбор императора, указывая, что, несмотря на молодость, Велисарий умеет точно оценить ситуацию и обладает острым умом. Тем не менее защитники Велисария все равно оставались в меньшинстве — не столько из-за его женитьбы,

---

[1] Мидия — область Древней Персии. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

сколько из-за острого и пытливого ума молодого полководца, который страшно злил его недоброжелателей.

Конечно, ум у мужчины — качество полезное и вызывает восхищение. Даже — иногда — и у женщины. Если только это правильный тип ума — так сказать, без вывихов и уклонов. Не срезающий углов, точно вписывающийся в повороты, средний по возможностям, прямолинейный, целеустремленный.

Но ум Велисария — м-да, это тайна. Взглянуть на полководца — типичный фракиец. Выше среднего роста, хорошо сложен, что свойственно фракийцам, симпатичный (что фракийцам не свойственно). Но все, лично знакомые с полководцем, быстро понимали: в его тренированном теле скрывается изощренный ум. Непредсказуемый, утонченный, южного или восточного типа; не с бесплодных фракийских гор, а из доисторического леса; древний разум в молодом теле, перекрученный, как корень старого дерева, хитрый, как змея.

Так думали многие люди, в особенности после личного знакомства с Велисарием. Никто не мог обвинить полководца в отсутствии манер или несоблюдении приличий. Никто не мог отказать ему в добродушии, хотя многие, расставшись с ним, задумывались, не подшучивал ли он над ними. Но они оставляли свои подозрения при себе, поскольку видели: независимо от ума, в крепости тела полководца сомневаться не приходится.

Велисарий виртуозно владел мечом, копьем и луком. И даже катафракты [1] с восхищением говорили между собой о его воинском мастерстве.

* * *

Именно в дом этого человека и его жены — особы с крайне сомнительной репутацией — пришли Михаил Македонский и его друг епископ и принесли с собой *вещь,* породившую знание.

Катафракты — воины македонской конницы.

Глава 1

Алеппо
Весна 528 года н. э.

Велисария разбудил слуга Губазес. Полководец мгновенно проснулся. Привычка просыпаться сразу выработалась уже давно, после стольких-то военных кампаний. Лежавшая рядом Антонина просыпалась гораздо медленнее. Выслушав Губазеса, полководец набросил тунику и быстро вышел из спальни. Он не стал ждать, пока оденется Антонина, и даже не удосужился обуть сандалии.

Таких странных гостей в необычный для посещений час не следовало заставлять ждать. Полководец давно дружил с Антонием Александрийским, епископом Алеппо. Антоний несколько раз навещал Велисария в усадьбе, но в полночь этого доселе не случалось. А второй — неужели сам *Михаил Македонский*?

Велисарий, конечно, слышал это имя. Оно было известно во всей Римской империи и любимо простыми людьми. Среди высокопоставленных церковнослужителей, однако, это имя пользовалось дурной славой. Церковные иерархи относились к Михаилу без малейшей симпатии, и он платил им тем же, клеймя их в своих проповедях, с которыми время от времени выступал. Но полководец никогда не встречался с этим человеком лично. Михаила видели весьма немногие, поскольку уже много лет монах отшельником жил в пещере.

Проходя по длинному коридору, Велисарий слышал голоса, долетавшие до него из комнаты наверху. Один голос он узнал: это говорил его приятель епископ. Другой голос, как он понимал, принадлежал монаху.

— *Велисарий,*— с расстановкой произнес незнакомый голос.

— Как и ты, Михаил, я считаю это посланием от Бога. Но это послание не нам,— сказал голос Антония Александрийского, епископа Алеппо.

— Он — *солдат*.

— Да, и вдобавок полководец. Тем лучше.

— Он чист душой? — спросил хриплый, бесстрастный голос.— Исповедует истинную веру? Идет путем праведника?

— О, думаю, его душа достаточно чиста, Михаил,— мягко ответил александриец.— В конце концов, он женился на проститутке. Это говорит в его пользу.

Затем епископ добавил холодным тоном:

— А ты, мой старый друг, тоже иногда грешишь фарисейством. Придет день, когда во главе небесного воинства встанет тот, кто, если и не превосходит святостью праведников, то не уступает дьяволу в хитрости. И ты порадуешься этому.

Мгновение спустя Велисарий вошел в комнату и замер на несколько секунд, рассматривая двух ожидающих его мужчин. Они в свою очередь изучали полководца.

Антоний Александрийский, епископ Алеппо, был невысоким полным мужчиной, с круглым веселым лицом и вздернутым носом. При совершенно лысой голове, его борода отличалась густотой и ухоженностью. Велисарию он напоминал дружелюбную, хорошо упитанную умную сову.

Михаил Македонский вызывал в памяти образ совсем другой птицы: истощенного хищника, парящего в небе над пустыней, безжалостные глаза которого ничего не упускают внизу. Кроме некоторых вещей, недостойных внимания святого человека, насмешливо подумал полководец: собственной длинной всклокоченной бороды и туники в весьма плачевном состоянии.

Взгляд полководца встретился с голубыми глазами монаха. На губах Велисария мелькнула сдержанная ухмылка.

— Твоему спутнику не мешало бы покрывать голову капюшоном, когда он оказывается поблизости от твоих голубей, епископ,— заметил полководец, намекая на внешность монаха.

Александриец рассмеялся.

— Прекрасно сказано! Велисарий, разреши представить тебя Михаилу Македонскому.

Велисарий вопросительно приподнял брови.

— Необычный посетитель в столь поздний час; да и в любой час, пожалуй, если то, что я о вас слышал, соответствует действительности.

Велисарий шагнул вперед и протянул руку. Епископ тут же ее пожал. Монах не стал. Но Велисарий не убирал руку, и монах принялся *размышлять*. Рука оставалась протянутой. Большая рука, правильной формы. Секунды шли, а рука нисколько не дрожала. Но не рука заставила святого человека принять решение, а спокойствие карих глаз, которые так странно выделялись на молодом лице. Как темные камни, ставшие гладкими в речном потоке.

Михаил принял решение и пожал руку.

Легкий шум заставил их обернуться. В дверном проеме, зевая, стояла женщина, явно только что вставшая с постели; очень маленького роста, но с роскошной фигурой.

Михаилу говорили, что она весьма красива для своих лет, но теперь он видел своими глазами: ему говорили неправду. Женщина оказалась прекрасна, как утренняя заря, и каждый прожитый год прибавлял ей привлекательности.

Ее красота вызвала у монаха неприязнь. Не так, как обычно у человека, стремящегося к святости и встретившего на пути древнюю Еву. Нет, она отталкивала его просто потому, что, пережив много искушений, он по привычке остерегался всего, что имело ангельский облик. Михаил стал таким, поскольку всю жизнь обнаруживал: то, что люди считали хорошим, таким не является; то, что они называли истинным, оказывается ложным; то, что считают красивым, на самом деле ужасно.

Затем он встретился взглядом с глазами женщины. Зелеными, как первые весенние ростки. Яркими, чистыми глазами на смуглом лице, обрамленном волосами цвета эбенового дерева.

Михаил снова убедился: люди всегда лгут.

— Ты был прав, Антоний,— сказал он хрипло, ощутив предательскую слабость в мышцах. Его слегка качнуло. Спустя мгновение женщина оказалась рядом с ним, помогая добраться до стула.

— Сам Михаил Македонский — ни больше ни меньше,— лукаво произнесла она.— Я польщена. Хотя для вас лучше, если никто не видел, как вы заходили. В такой час — м-да! Моя-то репутация давно подмочена, но вот ваша...

— Репутация — чушь,— ответил Михаил.— Ошибка или ложь, приправленная тщеславием. Что может быть хуже?

— Веселый парень, не правда ли? — жизнерадостно заметил александриец.— Мой самый старый и самый близкий друг, хотя иногда я задумываюсь, почему.— Он покачал головой.— Взгляните на нас. У него — спутавшиеся, нечесаные волосы, борода, отощавшее тело. Я — с ухоженной бородой и... Ну, худым меня никак не назовешь.— Он улыбнулся.— Хотя, несмотря на все мои округлости, заметьте: я, по крайней мере, до сих пор без труда передвигаюсь на своих двоих.

Михаил холодно улыбнулся.

— Антоний всегда любил прихвастнуть. Впрочем, это свидетельствует в пользу его ума, ибо обычный тупой александриец не нашел бы, чем похвастаться. Но он всегда что-нибудь да найдет, спрятанное от остального мира, как крот, выискивающий червей.

Велисарий с Антониной рассмеялись.

— Остроумный отшельник! — воскликнул полководец.— День прожит не зря, хотя солнце еще даже не взошло.

Александриец внезапно стал серьезным и покачал головой.

— Боюсь, что нет, Велисарий. И может не встать вообще. Мы пришли сюда не для того, чтобы принести тебе солнечный свет, но чтобы тебе явить знак тьмы.

— Покажи ему,— приказал Михаил.

Епископ опустил руку в рясу и вынул *вещь*. Протянул ее вперед на ладони.

Велисарий слегка нагнулся, чтобы изучить *вещь*. Его глаза оставались спокойными. На лице отсутствовало какое-либо выражение.

Антонина, напротив, резко вздохнула и отшатнулась.

— Магический предмет!

Антоний покачал головой.

— Не думаю, Антонина. По крайней мере, к черной магии он отношения не имеет.

Любопытство пересилило страх, и Антонина шагнула вперед. Благодаря маленькому росту ей не требовалось нагибаться, чтобы внимательно изучить *вещь*.

— Никогда не видела ничего подобного,— прошептала она.— Я даже никогда не слышала ни о чем таком. О магических камнях — да. Но этот... в первое мгновение напоминает драгоценный камень или кристалл, пока не присмотришься повнимательнее. Затем... внутри... он подобен...

Женщина пыталась найти подходящие слова. Ей помог муж:

— Раскрывающемуся солнечному разуму, если бы мы вдруг смогли заглянуть под его бушующую страстями поверхность.

— О, прекрасно сказано! — воскликнул александриец.— Полководец-поэт! Солдат-философ!

— Хватит шуток! — рявкнул Михаил.— Полководец, ты должен взять это в руку.

Спокойный взгляд переместился на монаха.

— Зачем?

На мгновение под маской гостеприимного хозяина показался хищник. Но только на мгновение. Михаил в раздумье опустил голову.

— Не знаю зачем. Правда, не знаю. Ты должен сделать это, потому что так сказал мой друг Антоний Александрийский. Он самый умный из всех известных мне людей. Даже несмотря на то, что он — погрязший в грехах церковный иерарх.

Велисарий внимательно посмотрел на епископа.

— Так зачем, Антоний?

Епископ неотрывно смотрел на *вещь* у себя на ладони, драгоценный камень, который не был драгоценным камнем, почти невесомый, без острых углов, но с огромным количеством граней. Более того, появлялись все новые и новые грани, а старые меняли формы. *Вещь*

казалась круглой, как идеальная сфера, о которой мечтали древние греки.

— Я не могу ответить на твой вопрос,— пожал плечами Антоний.— Но знаю, что это так. Ты должен.

Епископ кивнул на сидящего монаха.

— *Вещь* впервые возникла у Михаила в пещере, пять дней назад. Он взял ее в руки, и ему явились видения.

Велисарий повернулся к монаху. Антонина после некоторых колебаний уточнила:

— И после этого вы не считаете этот камень колдовской штучкой?

Михаил Македонский покачал головой.

— Я уверен, что *вещь* не от Сатаны. Не могу объяснить, почему; по крайней мере, не могу объяснить словами. Я... прочувствовал эту *вещь*. Жил с нею два дня — то есть она жила в моем разуме, пока я лежал без сознания.

Михаил нахмурился.

— Это было поразительно. Тогда мне показалось, что прошло лишь мгновение.

Он снова потряс головой.

— Я не знаю, что это такое, но я уверен: в ней нет зла. Нигде в ней я не обнаружил даже мельчайшей частицы зла. Правда, видения были ужасны, их страшно даже описывать. Но были и другие, их я не могу четко восстановить в памяти. Они остаются у меня в сознании, как сон, который не можешь вспомнить. Сон о вещах за пределами человеческого воображения.

Михаил тяжело вздохнул.

— Антонина, Велисарий, я считаю это посланием от Бога. Но я не уверен. И я, конечно, не могу это доказать.

Велисарий посмотрел на епископа.

— А ты что думаешь, Антоний? — он кивнул на вещь.— Ты случайно не...

Епископ кивнул.

— Да, Велисарий. После того как Михаил принес мне *вещь*, прошлой ночью, и спросил совета, я взял ее в руку. И я точно так же погрузился в видения. Жуткие видения, как и у Михаила. Но если ему два дня показались мгновением, для меня несколько минут, на которые я ушел от мира, стали вечностью, а я раньше никогда не страдал припадками.

Михаил Македонский внезапно рассмеялся.

— Только представьте: я стал свидетелем истинного чуда! Антоний Александрийский, епископ Алеппо, очнувшись после видений, молчал целую минуту. Этот самый болтливый в мире человек!

Александриец улыбнулся.

— Это так. Я был ошарашен! Не знаю, чего я ожидал, когда брал в руку... *вещь*, но определенно не того, что увидел, даже после предупреждения Михаила. Я, скорее, ожидал единорога... или серафима... или чудесное существо из лазурита, украшенное серебром императорскими кузнецами... или...

— Поистине мимолетное видение,— хмыкнул Михаил.

Рот александрийца захлопнулся. Велисарий с Антониной улыбнулись. Единственным известным пороком епископа была многословность. Возможно, он являлся самым разговорчивым человеком в мире.

Но улыбки вскоре исчезли.

— Что ты увидел, Антоний? — спросил Велисарий.

Епископ отмахнулся от вопроса.

— Я опишу свои видения попозже, Велисарий. Но не сейчас.

Он уставился на свою ладонь. Лежавшая там вещь блестела и сверкала изнутри, причем это внутреннее свечение струилось потоками, за которыми не в состоянии уследить глаз человека.

— Не думаю, что... *послание* предназначалось для меня. Или для Михаила. Думаю, оно предназначается тебе. Что бы это ни было, Велисарий,— епископ кивнул на вещь,— это знак катастрофы. Но там что-то есть, там, внутри. Оно прячется. Я это чувствовал, и чувства были истинными. Это... *замысел*, давайте скажем так, который каким-то образом предназначен, чтобы остановить некую катастрофу. А для претворения замысла в жизнь, как мне кажется, требуешься ты.

Велисарий снова осмотрел вещь. На его лице не выразилось никаких чувств. Но его жена, лучше всех знавшая мужа, принялась его уговаривать.

Однако он не слышал ее, поскольку вещь уже лежала у него на руке. Антонина замолчала. Вещь на самом деле была подобна солнцу — как если бы солнце вдруг зашло в комнату и показалось смертным. И они бы после этого остались живы.

* * *

Расширяющиеся грани взорвались, не как вулкан — как самое начало создания. Они крутились, раскрываясь, удваиваясь и утраиваясь, а затем снова утраиваясь, и утраиваясь, и утраиваясь вновь — и проносились сквозь лабиринт, которым был разум Велисария.

Замысел стал ярко освещенным пятном, а оно дало граням **форму**.

Личность кристаллизовалась. Благодаря ей **замысел** превратился в **цель**. И если бы это было возможно, то **цель** прыгала бы и скакала от радости, как молодой олень в лесу.

Но для Велисария не существовало ничего. Ничего, кроме падения в бездну. Ничего, кроме видения будущего, более страшного, чем любой ночной кошмар.

Глава 2

Проклятые «драконовы стрелы» пролетали над головой. Катафракты пригибались, прячась за баррикадой. Лошади, оставленные в арьергарде с молодыми пехотинцами, испуганно ржали, пытаясь вырваться от удерживавших их людей. Теперь, как и предполагал Велисарий, лошади стали совершенно бесполезны. Именно поэтому он заставил всех всадников спешиться и сражаться вместе с пехотинцами — из-за баррикады, выстроенной их же аристократическими руками. Одетые в броню копьеносцы и лучники, которых когда-то боялся весь мир, не только не возмущались, а мгновенно подчинились. Даже благородные катафракты наконец стали мудрее, хотя знание и пришло слишком поздно.

Какой толк от всадников против...

Из-за баррикады полководец увидел первого из железных слонов, медленно приближающегося к его людям по широкой улице Константинополя. За чудищем играли языки пламени — в городе начались пожары. Люди кричали. В эти минуты гибло полумиллионное население великого города.

Сам император, относившийся к индийской народности малва, захватившей власть вначале в Индии, а потом отправившейся завоевывать весь мир, вынес приговор Константинополю. Жрецы Махаведы благословили его. После случившегося в Ранапуре таких приговоров не выносил никто. Все живое в городе следовало уничтожить, вплоть до собак и кошек. Всех, кроме женщин благородного происхождения, которых следовало передать йетайцам для развлечений. Тех, кто останется в живых после йетайцев,— передать раджпутам. В Ранапуре раджпуты холодно отклонили предложение. Но это было много лет назад, когда жители Раджпутаны все еще гордились своим древним происхождением и не желали питаться объедками. Теперь они не откажутся: их давно поставили на место. Немногих женщин, переживших раджпутов, продадут любым грязным представителям неприкасаемых каст — только бы наскребли несколько монет. Купят благородных женщин Константинополя по цене уродливых старух. Правда, немного найдется неприкасаемых, способных позволить себе даже такую покупку. Но сколько-то найдется в этом муравейнике низших каст, которых с каждым годом становится все больше и больше.

Железный слон выдохнул пар. Он дико сопел и хватал ртом воздух. Если бы это на самом деле было животное, у Велисария могла бы оставаться надежда, что он умирает — настолько странно дышало существо. Но это, как знал Велисарий,— не живое существо, а нечто сделанное мастерами-людьми при помощи нечеловеческого знания. Тем не менее, наблюдая, как страшилище медленно ползет вперед, окруженное визжащими от восторга, предвкушающими окончательную победу воинами-йстайцами, полководец не мог не думать о нем иначе, как о сатанинском звере.

Велисарий увидел, как один из катафрактов подхватил оружие, в свое время захваченное у противника, и громогласно отдал приказ. Катафракт не стал применять оружие сразу. У них осталось всего несколько адских приспособлений, и Велисарий намеревался использовать их наверняка. Но еще было рано: их с противником пока разделяло большое расстояние.

Он погладил седую бороду. От его молодости не осталось ничего, кроме привычек; он весело наблюдал, как старые привычки не желают умирать, даже теперь, когда все надежды рухнули. Но его сердце все еще учащенно билось, как и всегда.

Это было не сердце воина. Велисарий на самом деле никогда так и не стал истинным воином, по крайней мере в том смысле, который в это понятие вкладывали другие. Он родился среди неприхотливых фракийцев и в глубине души всегда оставался мастеровым, ремесленником, выполняющим свою работу.

Да, он великолепно показал себя в бою. (Не в войне — поскольку долгая война практически закончилась с полным разгромом римской армии.) Даже злейшие враги признавали его непревзойденное мастерство на поле брани, что и подтверждала эта демонстрация силы на улицах Константинополя. Иначе зачем выставлять такую огромную армию против горстки воинов? Если бы последними стражниками императора командовал кто-то другой, не Велисарий, жрецы Махаведы послали бы для их ликвидации всего один отряд.

Да, он был великолепен на поле брани. Но его величие происходило от мастерства в военном ремесле, а не воинской доблести. Никто не сомневался в смелости Велисария, даже он сам. Но смелость, как он знал, встречается часто. Бог делает этот подарок мужчинам и женщинам всех возрастов, всех рас, всех положений. Мастерство же встречается гораздо реже, это крайне редкое качество. Мастер не удовлетворяется просто результатом, самим по себе, ему требуется, чтобы работа была выполнена безупречно.

Жизнь Велисария подошла к концу, но он закончит ее достойно, проявив максимум своего мастерства,— и таким образом лишит блеска триумф врага.

Кто-то из его людей закричал. Велисарий посмотрел в ту сторону, думая, что воина ранила одна из стрел, градом падающих вокруг них. Но копьеносец оказался даже не ранен, только его взгляд остановился на чем-то впереди баррикады.

Велисарий проследил за направлением взгляда и понял: появились жрецы Махаведы. Они оставались на безопасном расстоянии за рядами йстайцев и малва, управляющих железным слоном. Жрецы двигались вперед на трех огромных повозках, которые тянули рабы. На каждой повозке сидело по три жреца и палача-махамимамсы. В центре каждой повозки вверх вздымалась деревянная виселица, а с виселиц свисали новые талисманы, добавленные к старым сатанинским атрибутам.

Там качались трое самых дорогих Велисарию в жизни людей. Ситтас, его самый старый и лучший друг. Фотий, любимый пасынок. Антонина, жена.

Скорее это были не трупы, а кожи. Махамимамсы сняли кожу с тел, сшили из нее мешки, надувавшиеся на ветру, и испачкали их собачьим дерьмом. Кожаные мешки были так хитро сделаны, что при каждом порыве ветра раздавался вой ужаса. Кожа крепилась на виселице за волосы того, кто когда-то был живым существом и заполнял эту кожу своим телом. Жрецы прилагали усилия, чтобы мешки оставались в таком положении, чтобы Велисарий мог видеть лица.

Полководец с трудом сдержал смех, ощущая свою победу. Но его лицо осталось спокойным, выражение никак не изменилось. Даже теперь враги его не испугали.

Он сплюнул, увидел, что плевок заметили его воины и приободрились. Велисарий знал: они отреагируют именно так. Но даже если бы они не смотрели на него в эту минуту, полководец все равно сделал бы точно так же.

Разве его волнуют эти трофеи? Разве он язычник, чтобы не различать душу и ее оболочку? Разве он не воин и наложит в штаны при виде человеческих останков?

Но так думали его враги. Как и всегда, они были преисполнены высокомерия. Велисарий предполагал, что они выкинут нечто подобное, и подготовился к этому. А затем он на самом деле рассмеялся (отметив, что это увидели его люди и еще больше приободрились; но он в любом случае засмеялся бы), поскольку теперь, когда процессия подошла ближе, он увидел: кожа Ситтаса свисает на веревке.

— Смотрите, катафракты! — закричал он.— Они не смогли подвесить Ситтаса за волосы! Ведь к концу жизни он потерял их все. Выпали они у него, когда он ночи напролет просиживал, обдумывая стратегию, от которой враги приходили в ужас!

Катафракты подхватили его клич.

— Антиохия! Антиохия! — закричали они, вспоминая одно и то же. Город не устоял, но Ситтас вырезал целую орду малва перед тем, как успешно увести весь гарнизон в безопасное место.

— Корикос! Корикос!

Там, на сицилийском берегу, когда не прошло и месяца после предыдущей битвы, Ситтас поймал в ловушку преследовавших его врагов, сделав Средиземное море темным, как вино, от крови йстайцев.

— Писидия! Писидия!

В поэме Гомера не было кроваво-красных озер. Но если бы поэт дожил до дня, когда Ситтас внес разброд в ряды раджпутов на берегу крупнейшего озера Писидии, он воспел бы его победу.

— Акронон! Акронон!

— Бурса! Бурса!

В Бурсе Ситтас погиб. Но не от рук вивисекторов-махамимамсы. Нанося врагам сокрушительные удары, он умер как воин, возглавив последнюю атаку катафрактов, оставшихся в живых после самого выдающегося отступления со времен марша Ксенофонта к морю.

— Взгляните на лицо Фотия! — крикнул Велисарий.— Прекрасно выглядит, не находите? Как хорошо сохранился! Посмотрите, катафракты, посмотрите! Разве Фотий не улыбается? Ведь это же его веселая улыбка!

Катафракты поддержали полководца криками одобрения.

— Он так смеялся в Александрии! Когда пронзил глотку Ахшунвара своей стрелой! — вспомнил один из воинов.

Командующий йетайцами во время осады не верил в рассказы о мастерстве командующего гарнизоном в стрельбе из лука. Йетайец сам пришел на стены Александрии, чтобы взглянуть на город, выразить презрение и подбодрить своих воинов личным мужеством. Но его воины все-таки оказались правы.

Катафракты подхватили следующий клич, вспоминая другие воинские достижения Фотия во время героической защиты Александрии. Фотий Бесстрашный — так его называли. Фотий, любимый пасынок Велисария. Когда плен стал неизбежным, он принял сильный яд, от которого его лицо застыло в вечной ухмылке. Ничто не могло изменить его выражения. Услышав о случившемся, Велисарий не понимал, почему его разумный пасынок не вскрыл себе вены. Но теперь понял. Из могилы Фотий делал ему последний подарок.

Самое лучшее Велисарий сохранил напоследок.

— А теперь взгляните! Взгляните, катафракты, на кожу Антонины! Взгляните на сморщенную кожу, испещренную болезнью! Они выкопали ее из могилы, куда ее свела чума! Как вы думаете, сколько палачей умрет из-за этого осквернения? Сколько будет корчиться в агонии и кричать, видя, как чернеют и разбухают их тела? Сколько? Сколько?

— Тысячи! Тысячи! — кричали катафракты.

Велисарий оценил настрой воинов и решил: все идет прекрасно. Изучающе посмотрев на катафрактов, он понял: они с ним. Узнав про его план, воины сказали, что пойдут за ним до конца. Таким образом они демонстрировали свое расположение лично к нему, ведь это будет последний бой, и все они погибнут. Теперь Велисарию требовался только воинский клич. Он сразу же верно подобрал его.

За все годы любви с Антониной Велисарий никогда не называл ее шлюхой. Другие, причем многие и даже она сама, называли, но только не он. Даже в их первую ночь, когда Велисарий заплатил за ее услуги.

— За мою шлюху! — заорал он и вспрыгнул на баррикаду.— За мою прыщавую шлюху! Пусть их души сгниют в аду! Пусть они заразятся от нее чумой!

— ЗА ШЛЮХУ! — заорали катафракты.— ЗА ШЛЮХУ!

И они воспользовались захваченными трофеями — драконовым оружием. Им сопутствовал успех: железный слон взорвался и исчез в языках пламени. Катафракты осыпали врагов градом стрел и камней. Снова и снова. И, как много раз в прошлом, йетайцы успели удивиться силе стрел, пробивающих их железную броню, словно ткань. Немногие, кроме воинов Велисария, умели пользоваться этими удивительными луками.

Йстайцы из первого ряда наступавших, которые смогли выжить, удивились еще больше. Они ожидали кавалерийской атаки, уверенные, что драконово оружие внесет панику в ряды лошадей и с противником будет легко справиться. Теперь они с открытыми ртами смотрели на копьеносцев, приближающихся на своих двоих — словно обычная пехота.

На самом деле катафракты гораздо медленнее передвигались пешком, чем в седле. Но не намного — настолько велика была их ярость. А копья, пронзавшие груди и выворачивавшие внутренности на великую улицу, напоминали уже виденное йетайцами раньше.

— За шлюху! За шлюху!

Передние ряды йетайцев скоро превратились в воспоминание. Но надвигался второй эшелон, горящий желанием доказать свою силу. Большинство йетайцев во втором эшелоне по традиции были неопытными воинами, тщеславными юношами, которые никогда не верили рассказам ветеранов.

Но им пришлось поверить. Однако многие погибли, едва успев осознать происходящее, ибо сила врага — беспощадный учитель. Он быстро находит ошибку и очень жестоко исправляет ее.

Таким образом, вторая линия атаки была разбита практически мгновенно. Третья какое-то время продержалась. В ней нашлось много ветеранов, давно усвоивших, что с катафрактами невозможно со-

ревноваться в бою один на один. Ударом на удар им не ответишь. Лишь некоторым удавалось, воспользовавшись большим численным превосходством, находить редкие слабые звенья в защите и всаживать мечи в не закрытые доспехами части тел.

Но немногим и нечасто. Несмотря на ширину улиц Константинополя, все-таки это были улицы, по обеим сторонам которых стояли здания. Это не долина, где враг может окружить противника. Как всегда, Велисарий выбрал идеальное место для оборонительного рубежа. Жрецы Махаведы, как он давно знал, слишком сильно полагались на численное превосходство и сатанинское оружие. Но в этом узком месте смерти они мгновенно сблизились с врагом, их драконово оружие потеряло силу, и преимущество перешло к катафрактам.

Частично это произошло благодаря силе катафрактов, наводящему ужас могуществу закрытых броней тел. Но по большей части это произошло благодаря их железной дисциплине. Враги пытались скопировать эту дисциплину в своих армиях, но им не удалось. Как и всегда, малва полагались на страх противника. Но страх в конце концов никогда не может побороть гордость.

В этот последний день катафракты тоже не забыли про дисциплину. Когда-то она способствовала завоеванию половины мира и правила им на протяжении тысячелетия. Более того, неплохо правила — учитывая все нюансы. По крайней мере, достаточно хорошо, чтобы на протяжении столетий люди многих рас считали себя римлянами. И гордились этим.

На самом деле в этот последний день в рядах катафрактов было мало латинян, и не нашлось никого из великого города, давшего имя империи. Больше всего насчитывалось греков, из надежной конницы Анатолии. Также имелись армяне, и готы, и гунны, и сирийцы, и македонцы, и фракийцы, и иллирийцы, и египтяне, и даже три еврея (они тихо исповедовали свою веру, а когда отправляли ритуалы, их товарищи смотрели в другую сторону и ничего не говорили священникам).

Сегодня катафракты наконец потеряют завоеванное — после войны, длившейся десятилетиями, и проиграют врагу, более мерзкому, чем Медуза. Но они не откажутся от своего римского долга, своей римской чести и своей римской дисциплины.

Третий ряд йетайцев был повержен. Он отшвырнул назад четвертый. Невероятно — для жрецов Махаведы, которые наблюдали за происходящим, стоя на повозках с останками дорогих Велисарию людей, вместе с живодерами-махамимамса,— но византийцы прорывались сквозь орду йетайцев. Подобно мечу, рассекающему доспехи, проникая прямо к...

И тогда они закричали. Отчасти от гнева. Но в основном они кричали от страха. Жрецы знали, что раджпуты никогда не называют великого полководца по имени. Они зовут его просто Мангуст. За эту нечестивую привычку жрецы часто их ругали. Но теперь, видя, на что

способен Велисарий, понимали: для них было бы лучше, если бы они прислушивались к простым воинам.

* * *

— Я вижу, это сработало,— сказал Юстиниан.— Как всегда, твоя стратегия безупречна.

Старый император поднялся с трона и, с трудом переставляя ноги, сделал шаг вперед. Велисарий уже собирался пасть ниц, но Юстиниан остановил его жестом.

— У нас нет времени.

Он с минуту прислушивался к звукам битвы, едва достигавшим дальнего угла Айя Софии — храма святой Софии. Император решил принять смерть здесь, в великом соборе, который он приказал построить много лет назад.

Велисарий, солдат до мозга костей, спорил и предлагал выбрать местом последнего сражения Большой Дворец. Лабиринт зданий и садов было бы легче защищать. Но как и часто в прошлом, император отклонил его предложение. Юстиниан знал, что это, вероятно, тот единственный раз, когда он прав.

Большой Дворец не имеет значения. С империей, продержавшейся тысячелетие, будет к вечеру покончено. Она никогда не возродится, и ее народам предстоят годы ужасного будущего. Но душа вечна, а теперь император беспокоился только о вечности. Он хотел спасти свою душу — если возможно (хотя он и не был в этом уверен, считая, что его, скорее, ждет адский огонь). Но по крайней мере следовало сделать все возможное, чтобы спасти души тех, кто так долго и так преданно служил ему, ни на что не жалуясь, несмотря на все тяготы и мизерное вознаграждение за службу.

Взгляд императора остановился на полководце. У него были старческие глаза, слабые и усталые, наполненные болью — тела и духа. Но оставался выдающийся ум. Его Юстиниан к старости не утратил. Ум, который был так велик, что ослепил владеющего им человека.

— На самом деле это я должен пасть ниц перед тобой,— признался Юстиниан. Он говорил хрипло. Император сказал правду и знал это. И знал, что это знает полководец. Но ему не нравилась правда. Совсем не нравилась. Никогда.

Из тени появилась фигура. Велисарий не сомневался, что раб тут, но не видел его до этой минуты. Представитель народности маратхи был способен долго не шевелиться и не издавать никаких звуков.

— Разрешите мне обмыть их, хозяин,— попросил раб, протягивая руки. Очень старые руки, но практически не утратившие железной хватки.

Велисарий колебался.

— Время есть,— сказал раб.— Катафракты задержат этих собак на столько, сколько нужно,— его губы тронула улыбка.— Теперь они сражаются не за империю. Они сражаются за вашего Христа и Марию Магдалину, которых они достаточно часто предавали при жизни, но не предадут в смерти. Они продержатся. И долго.

Он снова протянул руки.

— Я прошу, хозяин. Для вас это, возможно, мало значит, а для меня — много. У меня другая вера, и я не могу позволить, чтобы их бесценные души отправились в путь необмытыми.

Он взял жуткую ношу у несопротивляющегося Велисария, отнес к большому чану, опустил останки в воду и стал их обмывать. Нежно, несмотря на спешку.

Император и полководец молча наблюдали. Обоим казалось правильным, что в конце времен командует раб.

Очень скоро раб закончил процедуру. Затем повел их по храму почти в полной темноте. Мириады свечей, обычно освещавших великолепную мозаику храма, не горели. Только в самом дальнем от входа помещении все еще мерцало несколько слабых источников света.

Однако там они не требовались. В центре комнаты стоял еще один огромный чан. В этом пузырилось расплавленное золото и серебро. Его оказалось вполне достаточно, чтобы осветить помещение. В помещении было светло, почти как днем.

Юстиниан в задумчивости посмотрел на чан. Он приказал сделать его несколько месяцев назад, уже предвидя конец. На самом деле он гордился своим изобретением — как гордился множеством других великолепных вещей, которые украшали его дворцы. Юноша из фракийских крестьян потерял многое, по трупам взбираясь на трон, он правил империей, проливая кровь, но никогда не растерял детского восторга от умных изобретений. Этот чан сделали греческие и армянские ремесленники, явив свое традиционное мастерство.

Юстиниан протянул руку и нажал на рычаг, запускающий хитрый механизм. Через час чан выплеснет содержимое. Сокровища, накопленные за тысячелетие римской власти, выльются через открывшееся дно и отправятся в многочисленные каналы, а оттуда в разветвленную канализационную систему Константинополя. И там они останутся навсегда вместе с частью уже спущенного трофейного вражеского оружия. Они так никогда и не смогли разгадать секрет драконова оружия, не смогли его скопировать; правда, поняли, как его использовать. И эффективно использовали трофеи против врагов.

Через час все закончится. Но чан должен выполнить гораздо более важную функцию, для которой и будет использован теперь. Ничто из римских сокровищ не останется для украшения стен во дворцах малва.

— Давай заканчивать,— приказал император. Шаркающей походкой он подошел к гробу и наклонился. С трудом, поскольку он был уже старчески слаб, император достал содержимое. Раб подошел, чтобы помочь, но император жестом велел не мешать ему.

— Я сам отнесу ее,— как и всегда, он говорил грубо. Но когда император посмотрел на мумию, которую держал в руках, лицо его смягчилось.— С нею я всегда был правдив. Я очень любил ее.

— Да,— кивнул Велисарий. Он тоже посмотрел на лицо мумии и подумал, что бальзамировщики в свое время хорошо поработали. Прошло немало лет после смерти императрицы Феодоры от рака. Она долго лежала в гробу, но ее восковое лицо все еще сохраняло красоту, которой императрица славилась при жизни.

И она даже стала красивее, решил Велисарий. Мертвое лицо Феодоры было спокойным, мягким и отдохнувшим. Теперь на нем не осталось и следа чрезмерной амбициозности, из-за которой при жизни лицо казалось жестким.

Император с трудом занял место на выступе, возле чана, затем отступил назад. Не от страха, а просто от жара. Такую температуру долго не выдержать, а ему требовалось еще кое-что сказать.

Он должен был, но не хотел — Юстиниан ненавидел извиняться. Он мечтал, чтобы его звали Юстиниан Великий и так запомнили на века. А вместо этого он останется в истории, как Юстиниан Дурак. В лучшем случае. Аттилу прозвали Божий Бич. Он подозревал, что будет известен, как Божья Неудача.

Он открыл рот, чтобы начать говорить. И снова закрыл.

— Не нужно, Юстиниан,— предупредительно поднял руку Велисарий, в первый и последний раз в жизни называя императора простым именем.— Не нужно.— На его губах промелькнула знакомая усмешка.— И в любом случае нет времени. Вскоре падет последний катафракт. А тебе потребуется несколько часов — если собираешься высказать все накопившееся. Тебе будет тяжело, если вообще удастся это сделать.

— Почему ты никогда не предал меня? — прошептал император.— Ведь я платил тебе за верность лишь гнусным недоверием.

— Я дал клятву.

На лице императора промелькнуло недоверие.

— И ты видишь, к чему это привело,— пробормотал он.— Тебе *следовало* предать меня, *следовало* убить меня и самому сесть на трон. На протяжении многих лет римляне шли за тобой — как знатные, так и простолюдины. Ведь только ты удерживал меня у власти после смерти Феодоры.

— Я дал клятву. Богу, не римлянам.

Император махнул рукой в сторону долетавших до них звуков битвы.

— А это? Твоя клятва Богу включает *это*? Если бы императором был ты, то нехристи могли бы и не победить.

Велисарий пожал плечами.

— Кто может знать будущее? Только не я, мой господин. И это не играет роли. Даже если бы я знал будущее, до последнего события, я все равно не предал бы тебя. Я поклялся.

Наконец лицо императора исказила боль.

— Я не понимаю.

— Знаю, мой господин.

Теперь звуки битвы были едва слышны. Велисарий взглянул на дверь, ведущую в помещение, где находился чан.

Раб шагнул вперед и протянул ему останки Ситтаса. Велисарий посмотрел на лицо друга, поцеловал и бросил в чан. Пламя взметнулось вверх — и Сатана получил свой трофей. На лицо пасынка Велисарий смотрел немного дольше, перед тем как отправить его вслед за другом. Он знал, что Фотий поймет его. Ведь Фотий тоже командовал армиями и знал цену времени.

Наконец он взял то, что осталось от Антонины, и встал перед чаном. Мгновение спустя к нему присоединился Юстиниан с мумией императрицы на руках.

Раб считал, что император, всегда выступавший впереди полководца в жизни, должен и первым принять смерть. Поэтому он первым подтолкнул Юстиниана. Раб ожидал услышать крик императора. Но старый тиран был сделан из камня. Почувствовав приближение раба за спиной, Юстиниан просто сказал:

— Вперед, Велисарий. Давай отправим наших шлюх на небеса. Нам самим могут там отказать, но им — никогда.

Велисарий ничего не сказал. И, конечно, не закричал. Отвернувшись от чана, старый раб улыбнулся.

Полководец, несмотря на гибкость ума, всегда оставался крайне упрямым в том, что касалось долга. Христианская вера запрещает самоубийство, поэтому раб и выполнил эту последнюю просьбу. Но она была чистой формальностью. В конце, как знал раб, Велисарий шагнул вперед, только почувствовав легкое прикосновение сильных рук к своей спине.

Но он сможет сказать своему Богу, что его толкнули. Конечно, тот ему не поверит. Даже христианский Бог не так глуп. Но христианский Бог примет ложь. А если не он сам, то его сын. Почему бы и нет?

Закончив выполнение всех обязанностей, а их за долгую жизнь набралось немало, раб медленно направился к единственному в комнате стулу и сел. Это был великолепный трон, как и все сделанное для императора. Раб обвел глазами комнату, наслаждаясь красотой искусной мозаики, и подумал, что это хорошее место для смерти.

Христиане — странные люди. Раб прожил среди них несколько десятилетий, но так и не смог их полностью понять. Они были такими иррациональными и склонными к навязчивым идеям. Тем не менее, он знал, не подлыми. Они как-то по-своему, со своими предрассудками принимали бхакти[1]. И если их путь к бхакти часто казался рабу смехотворным, они стояли за свою веру, по крайней мере, большинство из них, и боролись за нее до конца. Больше, чем это, разумный человек требовать не мог.

И разумный Бог — это точно. А Бог раба был разумным существом. Возможно, капризным и склонным к выкрутасам. Но всегда разумным.

Людям, которых раб столкнул в расплавленный металл, нечего бояться Бога. Даже императору. Да, жестокий старый тиран проживет еще много жизней, расплачиваясь за свои грехи. Много жизней, поскольку совершил большой грех. Он использовал феноменальный ум, данный ему Богом, чтобы раздавить мудрость.

Много жизней-воплощений. Например, как насекомое, считал раб. Возможно, червь. Но несмотря на все зло, принесенное Юстинианом, тот на самом деле не был злым человеком. А поэтому, думал раб, придет время, когда Бог разрешит императору вернуться, снова в образе бедного крестьянина, в каком-нибудь уголке мира. Может, к тому времени Юстиниан постигнет мудрость.

А может, и нет. Время — непостижимо и находится за пределами человеческого понимания. Кто знает, сколько времени может потребоваться душе, чтобы обрести мокшу?[2]

Старый раб достал кинжал из-под плаща.

Велисарий подарил ему этот кинжал много лет назад, в тот день, когда объявил рабу, что отпускает его на волю. Раб отказался от свободы. Ему она больше не требовалась, и он предпочел остаться служить полководцу. Да, к тому времени он уже не надеялся, что Велисарий — Калкин. А когда-то верил. Но постепенно, через несколько лет служения полководцу, раб наконец смирился с фактом. Велисарий велик, но он просто человек. Он — не десятая обещанная аватара[3]. Раб с грустью покорился реальности, зная: мир обречен на

---

[1] Бхакти — преданность, любовь к Богу *(санскр.)* — религиозное течение в индуизме, провозглашающее равенство людей перед Богом, отрицая деление на касты.

[2] Мокша — высшая цель человеческих стремлений, состояние «освобождения» от бедствий эмпирического существования с его бесконечными перевоплощениями.

[3] Аватара — «нисхождение» Бога, т. е. воплощение Бога Вишну в облике героя, вепря, карлика, совершающих подвиги на земле.

еще многие повороты колеса под лапами схватившего его великого асура[1]. Но правда была такой, какая она есть. Дхарма[2] все еще оставалась.

Велисарий не понял, почему раб отказался от свободы, но согласился оставить его у себя. Тем не менее в тот же день он вручил ему кинжал. Раб оценил жест. Именно так смертные должны вести себя в глазах Бога.

Он взвесил оружие в руке. Великолепный кинжал.

В свое время старый раб был наемным убийцей — кроме всего прочего. Он уже несколько десятилетий не пользовался кинжалом, но не забыл прежних ощущений. Кинжал казался теплым и доверчивым, как любимое домашнее животное.

Раб опустил его. Он немного подождет.

За стенами храма святой Софии стояла тишина. Катафракты, участвовавшие вместе с Велисарием в последней битве, теперь мертвы.

Они хорошо умерли. О, очень хорошо.

В свое время раб был известным воином, которого боялись — кроме всего прочего. Он уже несколько десятилетий не участвовал в битвах, однако помнил свои ощущения. Катафракты достойно сражались, великая была битва. Тем более великая, что в ней не было смысла, кроме дхармы.

И возможно, признал раб, небольшая радость от сладости мести. Но месть не так уж важна на весах судьбы, думал раб. Катафракты за эту битву и так сбросили много кармы со своих душ.

Раб был этому рад. На самом деле его никогда особо не волновали катафракты.

Грубые, хвастливые и неотесанные в сравнении с сословием кшатриев, к которым когда-то принадлежал раб. Но ни один кшатрий не посмеет претендовать на большее, чем мертвые катафракты за стенами храма святой Софии. Сам Арджуна[3] примет их души и назовет их своими.

Раб снова подумал о кинжале и решил: его собственная карма станет лучше, если он им воспользуется. Но опять отогнал эту мысль.

Нет, он немного подождет.

---

[1] Асуры — в индийской мифологии — могучие соперники и враги богов, низвергнутые с неба и превратившиеся в демонов.

[2] Дхарма — в буддизме — первичные элементы бытия и психофизические элементы жизнедеятельности личности. Они вечны, постоянно появляются и исчезают.

[3] Арджуна — «белый», «светлый» — герой др.-инд. эпоса «Махабхарата» — идеальный воин, у которого сила и мужество сочетаются с благородством и великодушием.

Он не боялся греха самоубийства. Его вера не разделяла странного христианского убеждения в том, что совершенные деяния влекут за собой моральные последствия, отличные от цели содеянного. Нет, дело в том, что он не мог оставить этот поворот колеса вечности без небольшой сладкой мести.

Этим подлым асурам потребуется время, чтобы добраться до комнаты, где сидел раб. Йетайским собакам и блохам-раджпутам еще предстоит пробраться по широкому центральному проходу собора. И они все это время будут трястись от страха, ожидая нового удара Мангуста.

Старый раб даст им это время, добавив значительную карму к своей душе, которую придется отрабатывать в следующих воплощениях. Раб знал об этом, но не мог устоять.

Он вдоволь насмеется над мучителями.

Так Шакунтала насмеялась над ними, очень давно, перед тем как вскрыть себе вены. И теперь, в конце жизни, старый раб радовался, что наконец может вспоминать девушку без боли.

Как он любил это сокровище мира, этот драгоценный камень создания! С самого первого дня, когда ее отец привел ее к нему и передал сокровище на хранение.

— Научи ее всему, что знаешь,— приказал император великой Андхры.— Не скрывай ничего.

Ей только исполнилось семь лет. У нее была темная кожа, так как ее мать родилась в Керале, а глаза — словно черная бездна. Уже тогда.

По мере взросления красота ее тела привлекала других мужчин. Но никогда — его, мужчину, который, много лет спустя, стал рабом Велисария. Он любил саму красоту девушки. И он думал, что хорошо ее обучил. Ничего не скрывал.

Раб засмеялся, как не смеялся несколько десятилетий. При звуке его смеха йетайцы и раджпуты, осторожно передвигавшиеся в соборе, застыли на своих местах, словно парализованные олени. А радостный смех раба, повторившийся эхом под стенами собора, напоминал крик пантеры.

Так на самом деле звали раба — в то далекое время. Пантера Махараштры. Ветер Великой Страны.

О, как Ветер любил принцессу Шакунталу!

Дочь великого императора Андхры. Но кто знает? Отцовство всегда считалось любимым предметом божьих шуток. Но одно несомненно: ее душа на самом деле была детенышем Пантеры.

Собаки, завоевавшие Андхру, не убили только ее, единственную из династии Сатаваханы. Ее одну — за красоту тела. Император Шандагупта собирался подарить ее своему верному слуге Венандакатре. Венандакатре Подлому. Подлец из подлецов был Венандакатра, а сам

император из проклятых малва — асурской собакой и только собакой. Зверем.

Пантере не удалось предотвратить пленение Шакунталы. Он лежал, спрятавшись в тростниках, и чуть не умер от ран, полученных во время последней битвы перед дворцом в Амаварати. Но, придя в себя, пошел по следу собак к их лежбищу. На север, через Сахьядри, к самому дворцу Подлого.

Шакунтала находилась там. Ее держали в плену уже несколько месяцев, оставляя для удовольствия Венандакатры. Ожидалось скорое возвращение Подлого после выполнения задания, которое ему год назад дал император. Она не была ранена или изувечена, но ее хорошо охраняли. Пантера внимательно изучил охрану и решил: ему с ней не справиться. Шакунталу сторожили кушаны под командованием опытного и хитрого ветерана, который избегал риска и не оставлял без внимания ни одной щели.

Пантера навел справки. Кроме всего прочего, он в свое время был еще и великолепным шпионом, поэтому узнал многое. Главное: личность командира кушанов нельзя недооценивать. Его звали Кунгас, и это имя Пантера слышал раньше. Нет, лучше подождать.

А затем время вышло. Венандакатра вернулся и сразу же отправился в покои новой наложницы, оставив толпу охранников-йетайцев под дверьми. Подлый горел желанием насладиться телом Шакунталы, а еще больше — его осквернением.

При воспоминании о том дне крепкие пальцы старого раба со всей силы сжали рукоятку кинжала. Он слышал осторожные шаги тварей перед дверью. Он еще немного подождет. Но теперь осталось недолго.

Достаточно, чтобы помучить врагов.

В последний день жизни девушки Пантера стоял на коленях в лесах недалеко от дворца Венандакатры и истово молился. Молился, чтобы Шакунтала вспомнила все, чему он ее учил, а не только те уроки, которые она легко усваивала.

Кроме всего прочего старый раб был в свое время известным философом. И много лет назад он молился, чтобы сокровище его души вспомнило: в конце концов только душа имеет значение. А все остальное — суета сует.

Но как он и опасался, она не вспомнила. Вспомнила все остальное, но не это. И поэтому, услышав первый крик Подлого, раб заплакал горькими слезами, оплакивая свою горькую жизнь.

Много лет спустя он услышал о происшедшем от самого Кунгаса. Странно, как поворачивается колесо времени. Он встретил бывшего начальника охраны Шакунталы на том же рабовладельческом корабле, который вез и его на рынок Антиоха. Пантеру наконец поймали во время одной из последних отчаянных битв перед тем, как вся Индия

прогнулась под когтями проклятых асуров. Но те, кто его пленил, не узнали Ветер Великой Страны в усталом пленнике, покрытом множеством шрамов, поэтому просто продали его капитану.

Как он выяснил, Кунгаса уже давно продали в рабство. Теперь у кушана не было рук — их отрубили охранники-йетайцы, обвинившие его в совершенном Шакунталой. Те самые охранники, которые оттеснили его и его воинов в сторону, горя желанием посмотреть на развлечения хозяина. (И конечно надеясь, что Подлый пригласит их последовать своему примеру после того, как закончит сам.)

У Кунгаса также отсутствовали глаза и нос. Палачи-махамимамсы оставили ему только уши и рот, чтобы он мог слышать насмешки детей и выть от горя.

Но Кунгас всегда отличался практичностью, поэтому стал сказочником, причем превосходным. И если люди находили его внешность отталкивающей, они терпели ее ради его рассказов. Он рассказывал великолепные истории. Самой популярной считалась история падения Подлого, которую так любили бедняки — его обычные слушатели, хотя ее и запрещали власти. Сидя в трюме рабовладельческого корабля (где он оказался, весело объяснил Кунгас, потому что благодаря своему бойкому языку совратил знатную женщину, а его невидящие глаза не заметили возвращения ее мужа), он рассказал историю Пантере.

В представлении Кунгаса она звучала весело, в немалой степени потому, что Кунгас считал свое наказание справедливым, а себя виновным в смерти Подлого и давно уже решил: вероятно, это — единственное благородное дело за всю его впустую растраченную жизнь.

Кунгас всегда презирал Венандакатру и йстайцев, правящих всеми, кроме малва. Несмотря на свою твердость и жесткость, он привязался к принцессе, поэтому и не предупредил их. Поэтому и держал рот на замке. Он не предупредил их, что под красивой внешностью скрываются стальные мышцы. Кунгас видел, как она танцует, и знал, наблюдая за легкостью и грациозностью движений, что танцевать ее учил наемный убийца.

Кунгас в деталях описал первый удар, и Пантера увидел его, даже в трюме рабовладельческого корабля. Пяткой в пах, как он и учил ее. И увидел все остальные удары, последовавшие за первым, подобные раскату смеха. Подлый корчился на полу уже через несколько секунд.

Он корчился, но пока оставался жив. Да, девушка помнила все, чему убийца научил ее, кроме того, на что он больше всего надеялся. Конечно, учитель понял, слушая рассказ Кунгаса: она не забыла главную заповедь наемного убийцы на случай уничтожения врага. Оставить жертву парализованной, но в сознании, чтобы отчаяние разума усиливало агонию тела.

Слыша, как собаки-асуры наконец вошли в комнату, старый раб закрыл глаза. Еще чуть-чуть, совсем чуть-чуть, чтобы насладиться памятью. О, как он любил Черноглазый Жемчуг Сатаваханы!

Он видел, как она танцевала, последний танец в своей жизни. О, как велика была ее радость! Танцевать перед Подлым, насмехаясь над ним своим девственным телом, которое никогда не будет принадлежать ему. Из горла Венандакатры, вскрытого его же собственным ножом, вытекала жизнь и его кровь омывала голые подвижные ножки его убийцы, когда они танцевали танец смерти. Ее кровь смешается с его кровью, и очень скоро, потому что она перерезала свое горло до того, как до нее добралась охрана йетайцев. Но Подлый не мог этому обрадоваться, поскольку его глаза уже ничего не видели.

* * *

Время пришло. Как раз когда один из йетайцев протянул руку, чтобы схватить его, старый раб спрыгнул с трона и вскочил на край чана, в котором бурлил расплавленный металл. Прыгнул туда, как молодая пантера.

Пришло время содрать кожу с живодеров.

О, он им покажет! Вначале он подразнил их горечью навсегда потерянных трофеев. Ни кожа, ни кости великих римлян не будут висеть на стенах во дворцах малва, ничто из римских сокровищ не заполнит сундуков!

А затем он дразнил их собой. Ни разу за последние тридцать лет он не пользовался своим настоящим именем. Но теперь он произнес его, и оно прозвучало в соборе подобно грому.

— Меня зовут Рагунат Рао. Я — Пантера из Махараштры. Я убивал ваших отцов тысячами. Я — Ветер Великой Страны. Я косил их души, как коса. Я — Щит Декана. Моя моча была их погребальным омовением.

Я — Рагунат Рао. Рагунат Рао!

Яд Для Лживых Врагов и Зеркало Позора Раджпутаны.

Рагунат Рао! Это я!

Они хорошо знали это имя, даже спустя столько лет. И они отступили назад. Вначале в неверии. Но затем, наблюдая за танцем старика на краю чана с расплавленным золотом, поняли: он говорит правду. Потому что Рагунат Рао умел многое и преуспел во всем, чем занимался, но самых больших достижений он добился, как танцор. Он был велик, танцуя смерть врагов Махараштры, и велик теперь, когда он танцевал смерть самой Великой Страны.

О да, старый раб был великим танцором в свое время — кроме всего прочего. И теперь, у края растопленных римских сокровищ, в

дыме растопленной римской славы он танцевал последний танец. Великий танец, ужасный, теперь запрещенный, но никогда не забытый. Танец созидания. Танец разрушения. Крутящийся, вертящийся, дьявольский танец времени.

Пока он танцевал, жрецы Махаведы шипели в бессильной ярости. Бессильной, поскольку не смели приблизиться к нему — боялись ужаса в его душе; а йстайцы не приближались, поскольку боялись ужаса в его теле; а раджпуты не могли, поскольку стояли на коленях, оплакивая честь Раджпутаны.

Да, он в свое время считался великим танцором. Но никогда он не был таким великим, как в этот свой последний час, и знал это. Танцуя и поворачивая колесо времени, он забыл о своих врагах. Потому что в конце концов они стали ничем. Он помнил только тех, кого любил, и удивился, поняв, скольких людей он любил за свою долгую и полную страданий жизнь.

Возможно, он когда-нибудь встретится с ними вновь. Когда — не знает никто.

Но он думал, что увидит их.

И возможно, в какой-нибудь другой жизни он увидит, как сокровище его души танцует брачный танец, ее голые ловкие ножки мелькают для возлюбленного.

И возможно, в какой-то другой жизни он увидит, как императоры предпочитают мудрость уму, а преданность — клятве.

И возможно, в какой-то другой жизни он снова увидит, как Раджпутана возвращает честь, а битва с древним врагом снова завершается танцем победы.

И возможно, в этой другой жизни он обнаружит, что Калкин на самом деле низошел, чтобы уничтожить асурских фаворитов и связать самого дьявола.

Что может знать человек?

Наконец, почувствовав, что силы покидают его, старый раб выхватил кинжал. На самом деле в нем не было необходимости, но раб считал, что такой прекрасный подарок следует использовать. Поэтому он вскрыл вены, добавил брызжущую кровь в свой танец и смотрел, как его жизнь с шипением соединяется с расплавленным золотом. Он ничего от себя не оставит собакам — ни кожи, ни костей. Он присоединится к нечистому императору и чистому полководцу и самым чистым из жен.

Раб совершил последний прыжок с огромной силой. О, каким высоким был прыжок! Таким высоким, что у него хватило времени в последний раз рассмеяться перед тем, как уйти навсегда.

— О, мрачный Велисарий! Разве ты не видишь, что Бог — танцор, и созидание — это его танец радости?

Глава 3

Открыв глаза, Велисарий понял, что стоит на коленях. Какое-то время он неотрывно смотрел на плитки, из которых выложен пол, но ничего не видел.

Вещь оставалась зажатой в кулаке. Однако теперь она казалась совершенно спокойной и только слегка мерцала.

— Сколько прошло времени? — прохрипел он, не поднимая головы.

Александриец усмехнулся.

— Кажется вечностью, не правда ли? Несколько минут, Велисарий. Всего несколько минут.

Антонина наклонилась над мужем и обняла за плечи. На ее лице было написано беспокойство.

— С тобой все в порядке, любовь моя?

Он медленно повернул голову и посмотрел ей прямо в глаза. Антонина поразилась, увидев там боль и злобу.

— Почему ты молчала? Почему ты мне не доверяешь? — прошептал он.— Что такого я когда-либо сделал или сказал? Разве я когда-нибудь упрекал тебя хоть в чем-то?

Антонина отшатнулась в удивлении.

— О чем ты?

— О Фотии. Твоем сыне. *Моем* сыне.

Она так и села на пол. Лицо побледнело, глаза расширились. Антонина была потрясена.

— Как ты?.. Когда?..— она хватала ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

— Где он?

Антонина потрясла головой. Рука потянулась к горлу.

— *Где он*?

— В Антиохии,— прошептала она, сделав неопределенный жест рукой.

— Как ты можешь лишать меня сына? — несмотря на то что Велисарий говорил тихо, в его голосе отчетливо звучала ярость. Жена снова потрясла головой, взгляд ее блуждал по комнате. Казалось, она находится в полубессознательном состоянии.

— Он *не* твой сын,— прошептала она.— Ты даже не знаешь, что... Как ты узнал?

Прежде чем он смог ответить, александриец схватил Велисария за плечи и сильно встряхнул.

— Велисарий! Остановись! Кем бы ни был этот Фотий, он из твоего видения. Очнись!

Велисарий оторвал взгляд от Антонины и уставился на епископа. Примерно через две секунды наступила ясность. Боль и гнев ушли, внезапно сменившись страхом. Он снова посмотрел на Антонину.

— Но он существует? Я не просто вообразил его?

— Да. Да. Он существует,— Антонина кивнула. Выпрямилась. И хотя она не встречалась взглядом с мужем, напряглась словно пружина. Она решила идти до конца.— С ним все хорошо. По крайней мере было хорошо, когда я видела его в последний раз три месяца назад.

По глазам Велисария все собравшиеся увидели, как быстро у него в голове пролетают мысли. Он кивнул.

— Тогда ты говорила, что едешь навестить сестру. Таинственную сестру, которую я почему-то никогда не видел.— Затем он добавил — с горечью: — У тебя когда-нибудь была сестра?

В словах жены тоже прозвучала горечь, но это была горечь прошлого:

— Нет. Не родная. Сестра в грехе, согласившаяся позаботиться о моем мальчике, когда...

— Я сделал тебе предложение,— закончил фразу Велисарий.— Черт тебя побери! — его тон резал как ножом.

Но он показался слабым отблеском лунного света по сравнению с яростью в голосе монаха:

— Черт тебя побери!

Глаза мужа и жены мгновенно повернулись к Михаилу, словно зайцы к когтям ястреба. И на самом деле македонец, сидевший на стуле, напоминал сокола на ветке дерева.

Вначале в глазах Велисария промелькнуло удивление, в глазах его жены — злость. Через мгновение они оба поняли свою ошибку. До них не сразу дошло, на кого направлено проклятие.

Нечасто Велисарий отводил глаза первым, но взгляд монаха выдержать не смог.

— По какому праву ты укоряешь свою жену, лицемер? По какому праву? — потребовал ответа монах.

Велисарий молчал.

— Поистине люди отвратительны. И отвратителен священнослужитель, продающий душу, если одновременно проклинает проститутку, торгующую телом,— заговорил Михаил.— И отвратителен судья, берущий взятки, если он же выносит приговор вору за украденное рванье.

Велисарий открыл рот. И закрыл его.

— Покайся,— приказал Михаил.

Велисарий молчал.

— Покайся! — опять приказал монах.

Увидев знакомую хитрую усмешку, появляющуюся на губах мужа, Антонина вздохнула. Ее ручка протянулась к огромной ладони, подоб-

но крошечному котенку, приближающемуся к мастифу. Секунду спустя его рука накрыла ее и пожала. Очень нежно.

— Я начинаю понимать, почему они идут к нему в пустыню, подобно стаду,— признался Велисарий.

Его голос слегка дрожал.

— Это нечто, не правда ли? — весело согласился епископ.— И ты понимаешь, почему верхушка церкви желает, чтобы он там и оставался. И, как я подозреваю, никто из судей в последнее время не возражал против его затянувшейся ссылки.

Епископ посмотрел на македонца.

— Надеюсь, Михаил, твое замечание насчет священнослужителей не относилось ни к кому из присутствующих?

Михаил презрительно фыркнул.

— Не надо со мной играть,— он взглянул на поношенную рясу епископа.— Если ты после нашей последней встречи решил заняться симонией [1], ты в ней не очень преуспел. В одном я уверен: если самый знаменитый грек из всех греческих теологов, Антоний Александрийский, когда-нибудь продаст душу дьяволу, то все живое услышит вой Сатаны, понявшего, как его обманули.

Комнату наполнил смех. Когда он стих, епископ нежно посмотрел на Велисария и Антонину.

— Чуть позднее вы должны обсудить вопрос с Фотием,— сказал он.— Я советую вам начать по-доброму. Исходите из того, что цель должна быть благородной. Я всегда считал такой подход самым надежным.— Он улыбнулся.— Хотя в теологических дебатах, признаюсь, он редко используется.

Михаил снова хмыкнул.

— Редко? Лучше скажи: так редко, как...— он замолчал и вздохнул.— Неважно. У нас нет времени уверять присутствующих в том, что я не имел в виду кое-кого из них, говоря о священнослужителях.— Потом добавил мрачно: — Одни замечания на тему займут целый месяц. Даже при моей немногословности.

Македонец наклонился вперед и показал пальцем на *вещь* в руке Велисария.

— Расскажи нам,— приказал он.

* * *

Когда Велисарий закончил повествование, Михаил откинулся на спинку стула и кивнул.

Симония — продажа и покупка церковных должностей или духовного сана.

— Как я и думал. Это не сатанинская штучка. Откуда она появилась, не знаю. Но не из преисподней.

— Иностранец — танцор — не христианин,— неуверенно заметила Антонина.— Какой-то язычник. Возможно... не от Сатаны, а... Может, это какая-то древняя черная магия?

— Нет,— твердо заявил Велисарий.— Точно нет. Он — самый лучший человек из всех, кого я знал. И он не язычник. Он... как бы выразиться? Не христианин, нет. Но я знаю вполне определенно: если бы у всех христиан была душа этого человека, то все мы уже жили бы в золотом веке.

Собравшиеся в комнате уставились на Велисария. Полководец кивнул.

— Вы должны понять. Я пересказал вам только контуры видения. Я *прожил* его, всю жизнь, заключенную в эту оболочку.

Велисарий невидящими глазами уставился на стену.

— Он служил мне тридцать лет. Как я уже рассказывал, даже после того, как я предложил ему свободу. Отказываясь, раб просто сказал, что уже один раз, на свободе, потерпел неудачу и поэтому остается у того, кто еще может преуспеть. Но я также потерпел неудачу и тогда...

К всеобщему удивлению Велисарий рассмеялся звонким детским смехом.

— Как я рад, что наконец узнал его имя!

Полководец вскочил на ноги.

— Рагунат Рао! — прокричал он.— Я тридцать лет хотел узнать его имя. Он заявил, что у него нет имени, что он его потерял... когда не оправдал надежд своего народа.

На мгновение лицо Велисария стало старым и усталым.

— «Называй меня просто раб,— сказал он мне.— Это слово подойдет». И так я его и называл, все тридцать лет.— Велисарий покачал головой.— Я согласен с Михаилом. В этом человеке не было зла, ни грамма. Большая опасность, да. Я всегда знал, что он опасен. Это было очевидно. Причем не из его слов или действий — обратите внимание. Он никогда не прибегал к насилию, никогда никому не угрожал, никогда не поднимал голоса, даже на конюхов. Тем не менее все, даже старые солдаты, понаблюдав за ним, понимали: он смертельно опасен. Несмотря на возраст. Все просто это знали,— он весело рассмеялся.— Даже катафракты, которые о себе обычно высокого мнения, следили за языком в его присутствии. В особенности после того, как видели его танец.

Полководец опять рассмеялся.

— О, да! Он умел танцевать! О, да! Самый великий танцор на свете. Он освоил все танцы, которые ему показывали, а после дня

тренировки мог станцевать лучше любого другого человека. Его собственные танцы были неподражаемыми. В особенности...

Велисарий замолчал. Внезапно до него дошло — и это стало понятно по выражению лица.

— Так вот что это было.

— Ты говоришь про танец у себя в видении,— напомнил александриец.— Танец, который он исполнил в конце. И что это было? Танец созидания и разрушения?

Велисарий нахмурился.

— Нет. Ну, да, но только созидание и разрушение — лишь фрагменты танца. Сам танец был танцем времени.

Полководец потер лицо.

— Я видел, как он его танцевал. Один раз в Иерусалиме, во время осады.

— Какой осады? — спросила Антонина.

— Осады...— Велисарий махнул рукой.— Осады в моем видении. В прошлом — из моего видения.— Полководец снова махнул рукой и твердым голосом добавил: — Какие-то солдаты слышали о танце времени и захотели его посмотреть. И упросили раба — Рагуната Рао — станцевать его для них. Он станцевал, и это произвело огромное впечатление. Потом они попросили его обучить их танцу, и он ответил: этому танцу научить нельзя. Как объяснил раб, в этом танце нет определенных движений.— Глаза полководца широко раскрылись.— Потому что во время каждого исполнения он танцуется по-новому.

* * *

Наконец грани соединились. Это было практически невозможно — настолько чужими оказались мысли, но **цель** смогла сформулироваться.

Будущее.

— Что? — воскликнул Велисарий. Он огляделся по сторонам.— Кто это сказал?

— Никто ничего не говорил, Велисарий,— ответил епископ.— Никто ничего не говорил, кроме тебя.

— Кто-то сказал «будущее»,— уверенно заявил полководец. Он не сомневался.— Кто-то это сказал. Я слышал очень отчетливо.

Будущее.

Он посмотрел на *вещь* у себя в руке.

— *Ты*?

Будущее.

Все, находившиеся в комнате, окружили полководца и уставились на *вещь*.

— Скажи снова,— приказал Велисарий.

Молчание.

— Повтори, говорю тебе!

Грани, если бы могли, закричали бы от отчаяния. Задача невыполнима! Разум совсем чужой!

Цель начала разрушаться. Грани, в отчаянии, выпустили в окружающий мир то, что человек сравнил бы с желанием ребенка попасть домой. Глубокое, глубокое, глубокое страстное желание убежища, безопасности, спокойствия и комфорта.

— Она такая одинокая,— прошептал полководец, глядя на *вещь*.— Потерянная и одинокая. Потерянная...— он закрыл глаза и позволил разуму сфокусироваться на сердце.— Потерянная, как никогда не чувствовал себя ни один человек. Потерянная навсегда, без надежды вернуться. Вернуться домой, который она любит больше, чем какой-либо человек когда-либо любил свой дом.

Грани на одну микросекунду прекратили движение. Надежда появилась. **Цель** переформулировалась. Это было так трудно! Но... но... невероятное усилие.

Тишина и безмятежность под густой кроной лаврового дерева. Спокойствие. Нежный звук гудящих пчел и колибри. Кристаллы блистают в прозрачном пруду. Красота паутины на солнце.

Да! Да! Снова! Грани блеснули и повернулись. **Цель** увеличилась, набухла, выросла.

Раскат грома. Дерево треснуло, сцену поглотила черная волна. Кристаллы разбросаны по голой пустыне и кричат от отчаяния. Сверху на фоне пустого неба без солнца начинают формироваться гигантские лица. Холодные лица. Безжалостные лица.

У Велисария слегка кружилась голова от эмоциональной силы увиденных образов. Он описал их другим собравшимся в комнате и прошептал, обращаясь к камню:

— Что ты хочешь?

Грани напряглись. Они не знали, что такое истощение, но энергия вытекала потоком, который они не могли удержать. Требовалось полное равновесие, но **цель** теперь была тверда, как алмаз, и повелевала. Она требовала! И поэтому один последний отчаянный рывок...

Еще одно лицо, появляющееся из земли. Формирующееся из остатков паутины, птичьих крыльев и листьев лаврового дерева. Теплое, человеческое лицо. Но такое же безжалостное. Его лицо.

Вещь в руке Велисария утратила свое сияние. Теперь она казалась совсем лишенной света; внутри невозможно было что-то разглядеть и даже определить точную форму *вещи*.

— Какое-то время она не будет с нами разговаривать,— объявил Велисарий.

— Откуда ты знаешь? — спросил александриец.

Полководец пожал плечами.

— Просто знаю. Она очень... устала. Если так можно выразиться.— Велисарий закрыл глаза и сосредоточился.— Она настолько чужда нам, если судить по тому, как она... если можно сказать, «думает». Я не уверен. Я даже не уверен, что она живая — в любом смысле этого слова.— Он вздохнул.— Но я уверен в том, что она чувствует. А я не думаю, что зло чувствует...

Велисарий посмотрел на епископа.

— Ты у нас теолог, Антоний. Как ты считаешь?

— Пусть нам поможет небо,— пробормотал Михаил.— Я уже устал, а тут придется выслушать самого многословного лектора в мире.

Александриец улыбнулся.

— На самом деле я согласен с Михаилом. Это была тяжелая ночь для всех нас, и, я думаю, наши сегодняшние попытки — какими бы они ни были — это только начало. Считаю, нам лучше отдохнуть до утра, а тогда уже начинать снова. Немного поесть, когда проснемся,— добавил он, поглаживая себя по округлому животу.— Вот этот мой дружок время от времени требует кусочек чего-нибудь зажаренного, со специями, чего-то существенного.

Македонец фыркнул, но ничего не сказал. Александриец взял его под руку.

— Пойдем, Михаил.— Потом спросил Велисария: — Ты будешь здесь завтра?

— Да, конечно. Я планировал вернуться в Дарас, но это можно отложить.

— Оставайтесь здесь. У нас много свободных комнат и кроватей,— перебила Антонина.

Антоний с Михаилом переглянулись. Михаил кивнул. Антонина засуетилась, собираясь идти готовить гостям место для ночлега. Но александриец остановил ее:

— Отправляйся спать, Антонина. О нас позаботится Губазес,— он посмотрел на них с мужем одновременно ласково и сурово.— Вам двоим нужно кое-что обсудить. Думаю, вам следует сделать это сейчас. Боюсь, завтра у нас будут другие заботы.

Он отвернулся и снова повернулся к ним.

— И не забудьте про мой совет. В частной беседе признаю: разделяю мнение Михаила о большинстве своих коллег-теологов. Но вы не священнослужители, вырабатывающие доктрины на каком-нибудь совете. Вы — муж с женой и вы любите друг друга. Если станете исходить из этого, то благополучно придете к нужному решению.

* * *

В спальне муж с женой попытались последовать совету епископа. Но это оказалось нелегко, несмотря на благие намерения. Из всей боли, которую любящие приносят друг другу, тяжелее всего преодолеть недоверие.

Велисарий помнил об этом. Он никогда не делал ничего, что могло бы вызвать недоверие жены. Он всегда действовал четко, ясно и последовательно. Антонина не могла этого отрицать — как и его правдивости. Ей было труднее представить аргументы, поскольку дело заключалось не только в них двоих, а в отношении людей вообще. Ее нечестность в данном случае была вызвана ситуацией. Не желанием вступить в выгодный брак, а желанием защитить любимого мужа от дальнейшего позора. Но это только добавило горечи... Он ведь верил ей, он очень сильно волновался за нее. Он всегда боялся причинить ей боль своим невниманием. И разница в возрасте только усугубляла положение. Его ум и опыт не соответствовали его двадцати с небольшим годам. В этом возрасте еще верят в данные обещания. Антонине же было тридцать с лишним, и она за свою жизнь слышала больше обещаний, чем могла вспомнить, и только немногие из них оказались выполнены.

В конце, что странно, гордиев узел был разрублен кинжалом. Подобно тигру, разгоряченному охотой на оленя, Велисарий ходил из угла в угол спальни. Внезапно взгляд полководца упал на ящик в прикроватной тумбочке.

Он застыл на месте. Затем медленно подошел к тумбочке, открыл ящик и вынул кинжал.

Оружие великолепной работы. Армянского производства, острый, как бритва. Рукоятка идеально ложилась в руку, словно сделанная специально под нее. Как влитая.

— Я дал ему этот кинжал,— прошептал Велисарий.— Этот.

Проявив интерес вместо негодования, Антонина подошла к мужу и посмотрела на оружие. Конечно, ей доводилось видеть его раньше и даже держать в руках, но она никогда о нем особо не задумывалась. Мгновение спустя ее ладонь неуверенно погладила плечо мужа.

Он опустил взгляд на ее руку, напрягся, затем внезапно расслабился.

— Ах, любовь моя, давай забудем прошлое,— нежно сказал он.— Этот узел нельзя развязать, только разрубить.— Он кивнул на кинжал.— Им, например.

Что ты имеешь в виду?

— Это кинжал из моего видения, и это доказательство правдивости видения. В конце концов, все, что имеет значение,— это мое

отношение к Фотию. Я буду относиться к нему, как к родному сыну. Давай привезем его сюда.

Она посмотрела на мужа с некоторой неуверенностью.

— В самом деле?

— В самом деле. Клянусь перед Богом, жена, что буду любить твоего сына, как своего, и никогда не стану укорять тебя за его рождение.— Он улыбнулся своей хитроватой улыбкой.— Ни за то, что скрывала от меня его существование.

Теперь они страстно обнимались, и очень скоро все недовольство растворилось при помощи самого древнего и надежного метода, известного мужчине и женщине.

* * *

Позднее Антонина лежала, склонив голову на плечо мужа.

— Меня беспокоит одна вещь, любимый.

— Какая?

Антонина села в кровати. Ее полные груди слегка качнулись, отвлекая мужа. Заметив направление его взгляда, она улыбнулась.

— Надо сделать перерыв,— заметила она.

— Ладно. На пятнадцать минут. Не больше.

— Меньше чем за полчаса, мы не успеем все обсудить,— ответила она.— В лучшем случае.

Они улыбнулись друг другу. Это была их старая игра, они начали играть в нее в самую первую ночь, когда встретились. И к радости Антонины обычно Велисарий оказывался прав. Через четверть часа они прерывали разговоры.

Но тут она стала серьезной.

— За Фотием присматривает девушка по имени Гипатия. Ухаживает уже больше двух лет. Ему всего пять. Я навещала его, когда только могла, но... Ему очень хорошо с ней, и ему будет ее не хватать. И у нее нет дохода, кроме того, что я ей платила.— Внезапно лицо Антонины напряглось.— Она больше не может заниматься своим старым ремеслом. Ее лицо сильно попорчено.

Антонина замолчала. Велисарий был поражен, поняв, какой гнев она пытается подавить. Затем он понял и другое. Он не мог не взглянуть на живот супруги, на ужасный шрам в его нижней части. Из-за этого шрама они не могли иметь общих детей. Велисарий поднялся с постели и стал ходить из угла в угол, очень медленно, его спина напряглась. Именно так он обычно подавлял гнев. Ярость еще большую, чем у Антонины, потому что Антонина давно самолично расправилась с виновным.

Пять лет назад, видя, что у Антонины нет сутенера, честолюбивый молодой человек решил занять это место. Услышав отказ, он стал

угрожать ножом. К сожалению для него, он не учел происхождения Антонины. Да, ее мать была шлюхой, но отец управлял колесницей. А люди его сорта не склонны к мирному решению проблем. Колесничий немногому научил дочь (по крайней мере, немногому из того, что знать следует), но он научил ее пользоваться ножом. Причем лучше, чем умел молодой человек. Поэтому сутенер рано отправился в могилу, однако успел оставить о себе мерзкую память.

— Мы их обоих привезем сюда,— объявил Велисарий.— В любом случае Фотию нужна нянька. А когда он подрастет и в ней отпадет необходимость, мы придумаем для нее какое-то другое занятие.— Он махнул рукой.— Любое занятие. Это не играет роли. Что ей больше понравится.

— Спасибо,— прошептала Антонина.— Она очень милая девушка.

Велисарий снова махнул рукой, напряжение не проходило. Жена хорошо изучила его и знала, как он гордится своим самообладанием. Но иногда, думала Антонина, было бы лучше, если бы он не сдерживался.

С другой стороны, ее ничто не смущало, и она могла задать любой вопрос.

— Кого ты собираешься послать... за Фотием?

— А? Ну, Губазеса, наверное.

Антонина покачала головой.

— Нет, не пойдет,— сказала она мягко, но это был голос, заставляющий насторожиться.

— Почему нет?

— Ну...

Она похлопала ресницами. Надо продемонстрировать чуть-чуть нерешительности, но только чуть-чуть. Если больше, то муж что-то заподозрит.

— Понимаешь, ее сутенер никуда не делся. Время от времени он посылает ей клиентов. На самом деле навязывает их ей. Сутенеры — такой народ... Ну, в общем, он будет возражать, если ее увезут.

Внутри у Антонины все наполнилось радостью, когда она увидела, как напряглась спина мужа. Да, она врала, и если Велисарий поймает ее на лжи, то будет очень неприятно. Но ведь это — ложь во спасение и в любом случае кто поверит сутенеру? Конечно, ей придется подготовить Гипатию.

— Его зовут Констанций,— сообщила она. Ее губы слегка подрагивали, но только слегка. Чуть-чуть. «Прекрасно исполнено»,— подумала она.— Он жестокий человек. А Губазес... Ну, он уже не молод и...

— Отправлю Маврикия,— объявил Велисарий.

— Отлично,— прошептала Антонина и зевнула, в это мгновение чувствуя себя победительницей.

На самом деле Констанций потерял интерес к Гипатии как к шлюхе после того, как сам порезал ее лицо. Но он все еще занимается своим ремеслом в Антиохии.

— Отлично,— повторила она, перевернулась на кровати, представив на обозрение мужу очень аппетитное тело. Лучше побыстрее отвлечь его, пока он не погрузился в размышления. По ее прикидкам, пятнадцать минут уже прошло.

Как и обычно, прав оказался Велисарий.

* * *

Вскоре после любви Антонина заснула. Однако Велисарию не спалось. Он ворочался какое-то время, потом встал. Он точно знал: не заснет, пока не решит вопрос.

Маврикий не возмущался, что его разбудили в такой ранний час. Много раз в прошлом, во время кампаний, в которых они участвовали совместно, полководец будил его в любое время дня и ночи.

— Хотя ради такого дела — еще никогда,— решил Маврикий, выслушав Велисария.

В свое время Маврикий был гектонтархом[1], которых в древнем Риме также называли центурионами. Ветеран среди ветеранов, чья борода теперь была седа, но тело оставалось твердым. Железным. Как и характер. Велисарий также всегда отмечал серьезность и проницательность Маврикия. Гектонтарх быстро разбудил еще двоих людей из ближайшего окружения Велисария — его личной гвардии из остатков фракийских катафрактов. Для этого задания он выбрал двух пентархов[2], Анастасия и Валентина. Они также считались ветеранами, хотя и были моложе Маврикия. Правда, они не отличались хитростью, поэтому и не достигли особых высот. Но среди личной охраны Велисария они считались самыми смелыми и безрассудными на поле брани.

Пока они готовили лошадей, Маврикий объяснил ситуацию. Он ничего не скрывал от Анастасия и Валентина, как ничего от него самого не скрывал Велисарий. Фракийские катафракты, составлявшие личную охрану Велисария, были полностью ему преданы. Основой преданности, кроме всего прочего, служила честность молодого полководца. И они все обожали Антонину. Воины прекрасно знали о ее прошлом, и никого из них оно не смущало. Фракийцы часто пользовались услугами шлюх и смотрели на этих женщин, как на таких же служак, как они сами.

Когда группа была готова, Маврикий вывел людей и лошадей из конюшни во двор, где ждал Велисарий. Только начинало светать.

---

[1] Гектонтарх — начальник над 100 воинами.

[2] Пентарх — начальник над 500 воинами.

Увидев напряженную спину начальника, Маврикий вздохнул. Двое его товарищей, переведя взгляд с Маврикия на полководца, сразу же поняли ситуацию.

— Ты же знаешь: сам он не скажет,— прошептал Валентин.

— Есть один вопрос,— заговорил Маврикий, обращаясь к Велисарию.

Полководец повернулся к ним.

— Да?

Маврикий откашлялся.

— Это касается сутенера. Дело такое. Он может находиться где-то поблизости и...

— Среди сутенеров встречаются очень буйные,— заметил Анастасий.

— Не успеешь оглянуться, как воткнут нож тебе в спину,— добавил Валентин.

— Да,— кивнул Маврикий.— Учитывая все эти факты, нам нужно бы знать его имя. Чтобы мы держали его в поле зрения на тот случай, если он захочет создать нам проблемы.

Велисарий недолго колебался, потом назвал его:

— Констанций.

— Констанций,— повторил Маврикий. Валентин и Анастасий последовали его примеру, чтобы запомнить имя.— Спасибо,— поблагодарил Маврикий.

Несколько минут спустя трое катафрактов уже ехали в Антиохию.

Как только они оказались вне зоны слышимости полководца, Маврикий заметил:

— Прекрасно, ребята, когда твой полководец умеет не срывать зло на других. Всегда держит себя в руках. Железная самодисциплина. Даже когда у него внутри кипит кровь, отказывается тут же следовать зову сердца.

— Великолепно,— с восхищением заметил Анастасий.— Всегда имеет трезвую голову, всегда спокоен, никогда не позволяет себе расслабиться. Это наш полководец. Лучший полководец в римской армии.

— И сколько раз это спасало наши задницы,— согласился Валентин.

Они проехали чуть дальше. Маврикий откашлялся.

— Мне пришло в голову, ребята, что мы не военачальники.

Два его приятеля удивленно переглянулись.

— Ну, вроде нет,— согласился Анастасий.

— Мне кажется, мы совсем не похожи на военачальников,— заметил Валентин.

Проехав еще немного, Маврикий вздохнул:

— Грубые ребята эти сутенеры.

Валентин аж содрогнулся.

— Меня трясет, когда о них думаю.— Его опять передернуло.— Видите?

Анастасий тихо застонал.

— Надеюсь, мы с ним не встретимся.— Еще один притворный стон.— А то как бы не наложить в штаны от страха.

* * *

Они вернулись неделю спустя вместе с немного испуганным, но очень счастливым пятилетним мальчиком и менее испуганной, но даже более счастливой девушкой. Фракийские катафракты обратили на нее внимание. Многие ободряюще улыбались. Она смотрела на них, но не улыбалась в ответ.

Однако через некоторое время она перестала отворачиваться, когда к ней приближался кто-то из них. Еще через некоторое время несколько катафрактов показали ей собственные шрамы, включая шрамы на лице, которые были гораздо ужаснее, чем ее собственные. А потом мужчины признались ей, что катафрактами они только называются, поскольку обладают всеми необходимыми умениями и навыками, но у них, к сожалению, нет знатных предков — истинных катафрактов — и сами они в глубине души — просто деревенские парни. Тогда она начала улыбаться.

Антонина опытным взглядом следила за знакомыми поползновениями катафрактов, но по большей части не вмешивалась. Время от времени она только просила Маврикия немного придержать тех, кто был уж очень активен. А когда Гипатия забеременела, Антонина настояла, чтобы отец взял на себя ответственность за ребенка. Отцовство вызывало некоторые сомнения, но один из катафрактов был счастлив на ней жениться. В конце концов, ребенок мог быть от него; кроме того, он не был истинным катафрактом, а просто крепким парнем из Фракии. Какое ему дело до проблем знати? Пусть они беспокоятся о правах наследства. А у него просто будут жена и ребенок.

Его друзья над ним не насмехались. Гипатия была милой девушкой, можно жениться гораздо менее удачно. И кто будет беспокоиться о таких вещах, на которые не обращает внимания их полководец?

* * *

Задолго до того, как Гипатия забеременела,— еще не прошло и шести недель после возвращения Маврикия с двумя сопровождающими — некоего молодого человека выпустили из монастыря в Антиохии, где за ним ухаживали монахи. Задумываясь о своих перспективах в холодном свете нового дня, он решил стать нищим и начал

заниматься своим новым ремеслом на улицах города. И у него неплохо получалось — если учесть невысокие профессиональные требования этого промысла. А его друзья (правильнее сказать: приятели) уверяли его, что шрамы на лице его очень даже украшают. Придают лихой вид. Вот только лихим он теперь быть не мог. Без ног от колена.

Глава 4

— И что мы решаем? — спросил Велисарий.

Александриец поджал губы. Показал пальцем на **вещь** на ладони полководца.

— А что-нибудь еще ты видел?..

Велисарий покачал головой.

— Нет. И не думаю, что в ближайшее время увижу. Если она что-то и покажет, то совсем немного.

— Почему?

— Это... трудно объяснить.— Он пожал плечами.— Не спрашивай, откуда я знаю. Я просто знаю. Камень... давай его так называть — очень устал.

— А что ты видел, Антоний? — спросила Антонина.— Ты вчера нам не рассказывал.

Епископ посмотрел на женщину. Его круглое лицо в этот момент показалось изможденным.

— Я не очень хорошо помню свои видения. В моих отсутствовали ясность и четкость, как у твоего мужа. И еще меньше ясности было в видениях Михаила. Тогда я и почувствовал, что камень... больше подойдет Велисарию. Не могу объяснить, как я это понял. Но понял, и все.

Он выпрямил спину и глубоко вздохнул.

— Я видел только огромный океан отчаяния, потом... церковь, если ее можно так назвать. Но эта церковь была средоточением безбожия. Мерзкая и отвратительная, такая, что самые варварские народы мира и язычники сразу же отказывались от нее. Дух, правящий этой церковью, был ужаснее, чем самый безжалостный бог в их религиях.

Его лицо побледнело, он вытер его пухлой ладонью.

— Я видел себя, как мне кажется. Не уверен. Я сидел на корточках в камере, голый.— Ему удалось хрипло рассмеяться.— Я очень похудел.— Вздох.— Я ждал допроса, причем со странным нетерпением. Я знал, что вскоре умру под пытками, но все равно не отвечу на вопросы палачей. Я откажусь давать благословение на убийство невиновных. Я был удовлетворен, поскольку верил в истинность своей веры и знал: я выдержу пытки, потому что я...

Он резко выдохнул, его глаза округлились.

— Да! Да — это был я. Теперь помню! Я знал: у меня будут силы выдержать испытание, потому что у меня перед глазами все время стоял образ моего друга Михаила. Михаила, принявшего смерть, не сдавшись, и проклинавшего Сатану, даже когда языки пламени окружили его, привязанного к столбу.

Он посмотрел на македонца, и из глаз его полились слезы.

— Всю мою жизнь я благодарил Бога за то, что Михаил Македонский был моим другом с детства. И никогда больше, чем в тот день последнего крушения надежд. Если бы я остался один, то не был бы уверен в себе. С ним у меня сохранялась смелость, которая требовалась, чтобы выстоять.

— Чушь,— как и всегда, в голосе Михаила звучали твердость и непреклонность.

Истощенный монах наклонился вперед и уставился на епископа.

— А теперь послушай меня, епископ Алеппо. На земле нет боли, и в аду нет пыток, которые когда-либо сломают душу Антония Александрийского. Не сомневайся в этом.

— Я часто сомневаюсь, Михаил,— прошептал Антоний.— В моей жизни не было дня, когда я бы не сомневался.

— Надеюсь, нет! — в нем проснулся хищник, и голубые глаза македонца стали такими же безжалостными, как у орла.— Откуда еще может подняться вера, кроме как из сомнений, умный дурак? — Михаил сверкнул глазами.— Настоящим грехом священнослужителя является отсутствие сомнений. Он знает, он уверен, и таким образом попадает в сети, расставленные Сатаной. И вскоре уже сам расставляет сети и радуется, поймав невинных.

Хищник исчез, его заменил друг.

— Другие видят в тебе мягкость духа и мудрость разума. Это так, да. Я всегда их отмечал. Но в основе — истинный человек. Нет силы такой же твердой, как мягкость, Антоний. Ни одна вера не является более чистой, чем несущая сомнения, ни одна мудрость не глубже той, которая задает вопросы.

Монах выпрямил спину.

— Если бы это не было истиной, я бы отверг Бога. Я бы плюнул в Его лицо и присоединился к легионам Люцифера, поскольку архангел имел бы право восстать. Я люблю Бога, потому что я Его создание. Но я не его тварь.

Македонец напрягся. Затем его лицо смягчилось, и на одно мгновение на нем промелькнула такая же мягкость, какая всегда присутствовала на лице епископа.

— Не бойся своих сомнений, Антоний. Это великий дар Божий. И то, что Он поместил эти великие сомнения в твой великий разум,— подарок для всех нас.

В комнате на некоторое время воцарилась тишина. Затем снова заговорила Антонина:

— А что-нибудь еще было в твоем видении, Антоний? Никакой надежды?

Епископ поднял голову и посмотрел на нее.

— Да. Нет. Как я могу объяснить? Все очень туманно. В самом моем видении — нет, не было никакой надежды. Не больше, чем в видении Велисария. Все кончалось, кроме долга. И личного благородства. Но осталось чувство, только чувство, что этого не должно быть. Что это необязательно так. Я знал: я вижу будущее и оно убийственно и неумолимо. Но я также каким-то образом почувствовал: все могло произойти иначе.

— Значит, все ясно. Ясно, как день,— объявил Михаил.

Велисарий вопросительно приподнял брови. Македонец хмыкнул.

— Послание от Бога,— произнес монах. Хищник снова выступил на первый план.— Это бесспорно видят все собравшиеся. И видят свой долг. Мы обречены на проклятие за наши грехи. Но со своими пороками можно бороться, и побороть их, и таким образом создать новое будущее. Это очевидно. Очевидно! — глаза хищника остановились на Велисарии, словно глаза ястреба на зайце.— Выполняй свой долг, полководец!

Велисарий улыбнулся грустной улыбкой.

— Я очень неплохо выполняю свой долг, Михаил. Но мне не совсем понятно, о каком долге идет речь.— Он вытянул вперед руку, жестом пытаясь остановить готовый вырваться гневный возглас монаха.— Пожалуйста! Я не спорю с тем, что ты сказал. Но я не епископ и не святой человек. Я солдат. Тебе легко говорить: побори пороки. Я к твоим услугам, пророк! Но не соизволишь ли ты объяснить мне более четко, как именно побороть порок?

Михаил хмыкнул.

— Ты хочешь, чтобы изможденный монах, пришедший из пустыни, чьи ноги с трудом держат его тело, объяснил тебе, как бороться с войском Сатаны?

— Я бы предложил, Велисарий, начать с твоего видения,— сказал епископ.

Вопросительный взгляд полководца переместился на него.

— Конечно, я не солдат, но мне показалось, что в твоем видении было два главных аспекта силы врага. Многочисленность армии и странное таинственное оружие.

Велисарий вспомнил свое видение и кивнул.

— Значит... Мы должны уменьшить их количество, увеличить свое и, кроме всего прочего, открыть секрет их оружия,— закончил Велисарий.

Епископ кивнул. Велисарий почесал подбородок.

— Давайте начнем с последнего,— предложил он.— Оружие. Как мне кажется, оно чем-то похоже на оружие на основе лигроина[1], используемое нашим флотом. Конечно, у врага оно значительно мощнее и несколько другое. Но сходство есть. Вероятно, мы должны с этого и начинать.

Он уныло развел руками.

— Но я солдат. Не моряк и не инженер. Я видел лигроиновое оружие, но никогда им не пользовался. Это очень большие и неудобные штуки, чтобы использовать их в сухопутном сражении. И...— внезапно он замолчал.

Антонина хотела что-то сказать, но Велисарий жестом попросил ее помолчать. Его глаза, казалось, ничего не видели, он ушел в себя.

— Камень? — спросил епископ. Велисарий снова жестом попросил помолчать. Все выполнили его просьбу, неустанно наблюдая за полководцем.

— Почти...— прошептал он.— Но я нечетко вижу...— Велисарий выдохнул воздух.

Неясные образы глубоко под землей. Невозможно четко различить их — и не из-за отсутствия освещения, а из-за необычности. Видение: трое мужчин в комнате, под зданием, наблюдают за какой-то огромной хитрой машиной. Чувство страха и ожидания. Видение: те же люди в странных очках смотрят сквозь щель; страх, напряжение; внезапная слепящая вспышка света; восторг; страх; благоговение. Видение: другие люди, работающие под землей над какой-то гигантской... трубой? Видение: труба летит, рассекая небо. Видение: странные здания в странном городе внезапно разрушаются, сравниваются с землей, словно по ним ударил гигантский молот. Видение: незнакомый человек, мужчина, молодой, бородатый, сидит в бревенчатом доме, в лесу, показывая неразличимые знаки на странице четверым другим — математикам? Видение: тот же бородатый молодой человек, в таких же очках, как и люди в первом видении, смотрит сквозь подобную щель. Снова невероятный слепящий свет. Снова: восторг; ужас; благоговение.

Образы исчезли так же быстро, как появились. Велисарий потряс головой, сделал глубокий вдох. Описал видения другим, собравшимся в комнате — так, как мог.

— В них нет смысла,— сказала Антонина.

Велисарий почесал подбородок и медленно произнес:

— Думаю, есть. Нет, не в них самих. Я понятия не имею, что там происходило, в этих видениях. Но где-то внизу есть логика. В каждом

[1] Лигроин — смесь углеводородов. Компонент, например, реактивного топлива.

случае возникало чувство, что люди трудятся вместе, чтобы раскрыть секрет, а затем создать машины, которые смогут использовать этот секрет. Они работали над проектами — планомерно, целенаправленно, координируя усилия. Это не тыканье в темноте. И они не простые рабочие или мастеровые.

Он сел прямо.

— Да! Вот что нам требуется. Мы должны запустить такой проект, чтобы раскрыть секрет оружия малва.

— Как? — спросила Антонина.

Велисарий поджал губы.

— Мне кажется, наиболее важными являются две вещи. Мы должны найти человека, который сможет возглавить работу, и нам нужно место, где он будет работать.

Епископ откашлялся.

— Могу предложить решение, по крайней мере, одной проблемы. Вы слышали про Иоанна Родосского?

— Бывшего морского офицера? — Велисарий кивнул.— Я знаю его репутацию как военного. И то, что он подал в отставку при неясных обстоятельствах. Больше ничего. Лично никогда не встречался.

— Теперь он живет в Алеппо,— сообщил александриец.— Получилось так, что я — его исповедник. В настоящий момент у него нет определенных занятий, и ему это не нравится. Дело не в деньгах. Он достаточно богат и не страдает от недостатка чего-либо материального. Но ему очень скучно. У него острый ум, он активен от природы и ненавидит безделье. Думаю, Иоанн будет рад поучаствовать в нашем проекте.

— А если его опять призовут на службу?

Антоний кашлянул.

— При сложившихся обстоятельствах это маловероятно.— Он кашлянул еще раз.— Он... ну... вы же понимаете: я не могу открыть тайну исповеди. Давайте просто скажем, что он много раз оскорбил слишком многих властных фигур, поэтому его возвращение во флот маловероятно.

— А его моральные устои? — спросил Михаил.

Антоний посмотрел в пол, разглядывая плитки с таким интересом, которого эти незамысловатые предметы не заслуживали.

— Предполагаю, что снова должен напомнить вам о тайне исповеди...— пробормотал он.

— Да. Да,— нетерпеливо перебил Михаил и махнул рукой с таким видом, словно заявляя: он относится к тайне исповеди с таким же почтением, как к навозу.

— Позвольте мне просто сказать...— Антоний колебался и выглядел несчастным.— Ну... карьера Иоанна Родосского во флоте шла бы

более гладко, и он не оказался бы на берегу, если бы был евнухом. Он и сейчас беспутный, когда ему за сорок. Иоанн не может жить без женщин, и, к сожалению, женщины влюбляются в него слишком часто.

— Великолепно! Распутник! — недовольно хмыкнул Михаил. Он в эти минуты выглядел, как хищник, осматривающий особо неприятный кусок разлагающегося грызуна.— Ненавижу распутников.

Велисарий пожал плечами.

— Придется работать с тем, кто есть. У нас ведь очень мало времени. Я не могу здесь долго оставаться. Подозреваю, что вскоре опять придется идти в Персию — конфликт назревает. И мне нужно многое сделать в плане подготовки армии. В течение недели я должен отбыть в Дарас. Поэтому все дела, требующие моего участия, следует начать немедленно.

Он посмотрел на епископа.

— Считаю твое предложение прекрасным. Свяжись с Иоанном Родосским и прощупай почву. Мы обязаны решить проблему с этим странным оружием и в любом случае надо с чего-то начинать. Почему бы не с него?

— Если он соглашается, что мы ему говорим? — уточнил александриец.

Велисарий почесал подбородок.

— Нам где-то потребуется оборудовать мастерскую. Оружейную, в некотором роде. Ведь это проект по разработке оружия. И если нам повезет и мы раскроем секрет этого оружия, нам придется нанимать людей и обучать их пользоваться им.

— Так мы будем или не будем рассказывать Иоанну о камне? — перебила Антонина.

Четверо собравшихся в комнате посмотрели друг на друга. Велисарий заговорил первым.

— Нет,— твердо заявил он.— По крайней мере, до тех пор, пока не удостоверимся, что ему можно доверять. Но пока, как мне кажется, мы должны держать эту информацию при себе. Если она начнет распространяться слишком быстро, то нас обвинят в колдовстве.

— Я думаю, мы должны сказать Ситтасу,— добавила Антонина.

— Да,— согласился Велисарий.— Ситтасу мы можем полностью доверять. Причем ему следует рассказать как можно быстрее.— Он взял в руки камень.— Все рассказать.

Михаил нахмурился, епископ кивнул.

— Согласен. По многим причинам. Война, которую мы собираемся начать, пойдет по многим фронтам, причем не все из них военные. И в Риме тоже много врагов. Некоторые в церкви. Некоторые среди знати и аристократии.— Антоний сделал паузу и набрал воздуха в легкие.— И наконец...

— Юстиниан,— Велисарий говорил твердым голосом, как железо.— Я не отступлю от своей клятвы, Антоний.

Епископ улыбнулся.

— Я и не прошу тебя, Велисарий. Но тебе также нужно реально смотреть на вещи. Юстиниан — император. И во благо или во зло — способный и даже исключительно способный. Он не дурак, его нельзя водить за нос и его нельзя игнорировать, оставаясь при этом в безопасности. И он также... как бы это выразить?

— Вероломный, подозрительный, завистливый, ревнивый,— закончила Антонина.— Конспиратор, который везде видит заговоры и твердо уверен в том, что весь мир только и думает, как бы причинить ему зло.

Епископ кивнул.

— Самое смешное, что мы *не* собираемся причинять ему зло. Как раз наоборот. Мы пытаемся сохранить его империю, среди всего прочего. Но чтобы это сделать, нам придется договариваться за его спиной.

— Правда? — уточнил Велисарий.

Александриец был тверд.

— Да. Я очень хорошо знаю этого человека, Велисарий. Гораздо лучше тебя, несмотря на то что вы оба фракийцы. Я провел много часов в беседах с ним с глазу на глаз. Он присутствует на всех советах, где собираются высшие чины церкви, и принимает в них активное участие. Как в официальных дискуссиях, так и в частных беседах со многими нашими теологами. Хотя я в церковной иерархии и не занимаю высокого поста, среди теологов пользуюсь уважением и почетом. А Юстиниан, как вам известно, считает себя выдающимся теологом.

Антоний почесал щеку.

— Он на самом деле в ней хорошо разбирается. И у него много блестящих теологических идей. В душе он склоняется к компромиссу с еретиками и к политике терпимости. Но его холодный честолюбивый ум уводит его к ортодоксальности — в особенности, если учитывать его амбиции в отношении Запада.

— Какие амбиции? — спросил Велисарий.

Антоний удивился.

— Ты не знаешь? Ты, один из его любимых полководцев?

Велисарий ответил с редкой для него горечью:

— Быть одним из любимых полководцев Юстиниана еще не значит быть его доверенным лицом, Антоний. Скорее наоборот. Он достаточно умен, чтобы иметь способных полководцев, но потом начинает прикидывать, как они станут использовать эти способности. Поэтому он ничего не говорит полководцам до последней минуты.

Велисарий махнул рукой.

— Но мы ушли в сторону. Позднее я с интересом послушаю, что там Юстиниан затевает на Западе. Но не сейчас. И ты неправильно понял мой вопрос. Я не спрашивал, нужно ли нам держать наш договор в тайне от Юстиниана. Очевидно, если мы думаем о заговоре, то нужно. Вопрос в том, нужно ли нам планировать заговор? Разве мы не можем подключить императора? Несмотря на все явные недостатки Юстиниана, он на самом деле один из самых способных людей, когда-либо сидевших на императорском троне.

Антонина внезапно глубоко вздохнула. Епископ посмотрел на нее и покачал головой.

— Нет. Совершенно точно, нет. Юстиниан не должен ничего знать. По крайней мере до тех пор, пока не будет уже поздно что-либо предпринять и останется только принять то, что мы сделали.— Антоний скорчил гримасу.— И надеяться, что он не отрубит нам головы.

Велисарий все еще не был убежден. Епископ продолжал давить.

— Велисарий, оставь иллюзии. Предположим, мы скажем Юстиниану. Предположим далее, что он примет все, что мы скажем. Предположим, он даже... но тут я уже захожу в область фантастики — он не заподозрит наши мотивы. Что тогда?

Велисарий колебался. Ответила Антонина:

— Он будет настаивать, чтобы встать во главе нашей борьбы. Со всей своей компетентностью. И со всем своим ослиным упрямством, мелочным тщеславием, постоянными интригами, болезненной гордостью, бесконечным сованием носа не в свое дело, суматохой, неверием в еще чью-либо компетентность, кроме своей, в преданность, в...

— Достаточно! — закричал Велисарий и рассмеялся.— Я убежден. Он переплел пальцы и склонился вперед, поставив локти на колени и уставившись в пол. И снова банальные плитки удостоились необычного для них внимания.

Слова епископа прервали мысли полководца.

— Ты знаешь что-нибудь про Индию, Велисарий? Или ты, Антонина?

Антонина покачала головой. Велисарий, все еще рассматривая пол, пожал плечами и ответил:

— Немного знаю об этой далекой стране, со слов других, но сам никогда не бывал...

Он замолчал на полуслове с открытым ртом. Затем резко поднял голову.

— Что такое я несу? Я *очень* много знаю об Индии. Из моего видения! Я провел тридцать лет в непрекращающейся борьбе с Индией. Правильнее сказать: против тирании малва. И у меня всегда было к кому обратиться за дельным советом — к Рагунату Рао.— Его лицо побледнело.— Боже, Антоний, ты прав. Мы должны устроить

заговор и держать все в тайне. Только надеюсь, что еще не слишком поздно.

— О чем ты? — спросила Антонина.

Велисарий повернулся к ней.

— Я только сейчас вспомнил — это было в моем видении. В империи малва создана самая обширная и развитая в мире шпионская сеть. Это огромная разветвленная система, очень хитро устроенная,— на мгновение он опять ушел в себя.— Я помню один из смертельных ударов, которые они нанесли по нам. К тому времени, как мы наконец проснулись и осознали размеры опасности, римская империя была вся напичкана индийскими шпионами.

Он посмотрел на епископа.

— Ты думаешь...

Александриец махнул рукой.

— Не думаю, что нам следует особо беспокоиться, Велисарий. Уверен: никто не видел, как сюда зашел Михаил. А я у тебя часто бываю, поэтому в моем появлении нет ничего необычного. Конечно, придется проявить осторожность, когда Михаил будет уходить, но это несложно.

Епископ потеребил бороду.

— Однако в будущем проблема очень скоро может стать серьезной. Но давайте вернемся к ней попозже. Сейчас... я могу предоставить вам место, где расположиться для начала. Где мы создадим нашу оружейную мастерскую, будем работать над нашим «оружейным проектом», как ты его назвал. И если нам удастся открыть секрет оружия малва, то мы должны наладить его производство и начать готовить солдат. Недавно одна богатая вдова отписала все свое добро церкви, причем указала обязательное условие: назначить меня распорядителем имущества. Она умерла три месяца назад. Среди всего прочего у нее осталось крупное имение недалеко от Дараса. Рядом с персидской границей. Дом там довольно большой, есть несколько строений, которые вполне подойдут для наших целей. На земле живут крестьяне — арендаторы. Все они, до последнего младенца, сирийцы и монофизиты[1].

Велисарий кивнул.

— Я очень хорошо знаю эту породу, Антоний. Да, это будет великолепно. Если мы сможем завоевать их доверие, то к ним никакой шпион не проникнет.— Он нахмурился в задумчивости.— Они прекрасно подойдут... дайте-ка мне подумать...

— Хорошо,— сказала Антонина.— Но что мы скажем этим крестьянам? И Иоанну Родосскому? И ведь нам придется воспользоваться услугами по крайней мере нескольких мастеровых. И затем, если

[1] Монофизиты — верующие в единую природу Христа.

дела пойдут успешно, нам придется нанять людей, которые будут осваивать это новое оружие. Если мы не собираемся рассказывать им про камень, как объяснить источник наших знаний?

— Думаю, решение этой проблемы очевидно,— заявил епископ.— Мы просто ничего не будем им говорить. Все знают Велисария, а также Ситтаса как двух самых любимых полководцев Юстиниана. А ты, Антонина, известна как близкая подруга императрицы. Если мы просто будем вести себя скрытно, подчеркивая необходимость соблюдения тайны, то Иоанн Родосский и остальные предположат, что мы заняты проектом, на который получено задание самого императора.— Он улыбнулся.— А мои частые появления уверят их, что работа получила благословение церкви.

— Я поговорю с крестьянами,— предложил Михаил.— Я пользуюсь среди них кое-каким авторитетом.

— Кое-каким авторитетом? — весело рассмеялся епископ.— Это подобно тому, как если бы Моисей сказал, что у него есть несколько гипотетических предложений.

Михаил гневно посмотрел на епископа, но тот нисколько не смутился.

— Твое влияние совершает чудеса. Слово Михаила будет больше значить для простых сирийцев, чем чье-либо еще. Если он благословит эту работу и попросит их соблюдать тайну, не сомневайтесь: они именно так и сделают.

— Но это все равно не решает проблемы сохранения в тайне нашей работы от всего остального мира,— заметила Антонина.— Даже если все, живущие в имении, будут молчать, соседи заметят, как туда постоянно приезжают и уезжают люди со стороны. Эту работу нельзя сделать в изоляции, Антоний.

Епископ посмотрел на Велисария. Казалось, в мыслях полководец где-то далеко.

— Нет, но встреча Михаила с сирийцами все равно поможет, хотя бы на первое время,— заявил епископ.— А дальше...

— Это самая простая вещь в мире,— заявил Велисарий. Говорил он холодным тоном.

Полководец поднялся со своего места и стал медленно прогуливаться по комнате, размахивая руками, пока говорил.

— Все будет происходить следующим образом. Михаил спокойно переманит простых людей на нашу сторону. Антоний, ты станешь как бы нашим представителем от церкви. И если у тебя кто-то что-то спросит в церкви, найдешь, что ответить. То же самое будет делать Ситтас при императорском дворе и среди знати после того, как мы посвятим его в дело. В отличие от меня, у него безупречная аристократическая родословная. Я же в любом случае должен исполнять свой воинский долг.

Он прекратил ходить и сверху вниз посмотрел на Антонину.

— А Антонина станет центром всего. Она переберется жить в тот дом под Дарасом и все время будет там. Больше никаких поездок вместе со мной по военным лагерям. Она организует работу над оружейным проектом и будет руководить ею. А когда придет время, она же займется подготовкой новой армии.

Он отмахнулся от назревавшего протеста.

— Я помогу, помогу. Но ты более чем способна сделать это, Антонина. Ты по меньшей мере так же умна, как любой мужчина. А это оружие — новое для нас всех. Как и способы его применения. Я помогу, но не удивлюсь, если твой неподготовленный в данной сфере ум предложит новые способы и решения, лучшие, чем могут предложить моя специальная подготовка и опыт. Над тобой не будут довлеть старые знания и привычки.

Он сделал глубокий вдох.

— Наконец, ты сможешь координировать наши разрозненные действия. Через тебя мы все можем поддерживать связь так, что никто не заподозрит нашу истинную цель.

Ум Антонины действительно был ничуть не хуже, чем заявил ее муж. Ее спина стала прямой, как доска, и жесткой, как лист железа.

— Потому что все будут в таком случае подозревать другое,— сказала она горько.

— Да,— спокойно подтвердил полководец. Спокойно, но очень твердо. И он явно не собирался менять решение.

Глаза епископа слегка округлились. Он посмотрел на мужа, на жену, опять перевел взгляд. Затем отвернулся, теребя бороду.

— Да, это сработает,— пробормотал он.— На самом деле великолепно сработает. Но...— он поднял глаза на полководца.— Ты понимаешь...

— Оставь нас вдвоем, Антоний,— попросил Велисарий. Спокойно, но твердо.— Пожалуйста. И ты, Михаил.

Михаил и епископ поднялись со своих мест и проследовали к двери. Там епископ обернулся.

— Если после разговора с Антониной ты все-таки решишь сделать именно так, как сказал, есть отличный способ быстро воплотить твои идеи в жизнь.

Антонина уставилась в одну точку. Ее смуглое лицо побледнело. В глазах блестели слезы. Велисарий отвел от нее взгляд и посмотрел на епископа.

— Да?

— Недавно ко мне за помощью обратился человек, ищущий работу. Он сейчас в Алеппо. Я знаю его репутацию. Это секретарь с опытом, имеет хорошую подготовку, более того — писатель. Историк.

По крайней мере, таковы его честолюбивые планы. У тебя нет секретаря, но ты уже достиг высот, когда он тебе требуется.

— Как его зовут?

— Прокопий. Прокопий из Кесарии. В дополнение к секретарским обязанностям, он, я уверен, расскажет миру о твоих талантах, и это поможет твоей карьере.

— Значит, он льстец?

— Абсолютно лишенный стыда. Но очень талантлив в лести, поэтому его словам обычно верят. По крайней мере окружающий мир, если не тот, у кого он работает.

— И?

Епископ выглядел несчастным.

— Ну...

— Говори прямо, Антоний!

Александриец поджал губы.

— Он — самый порочный человек из всех, кого я имел несчастье повстречать. Да, льстец, но также ядовитый и завистливый человек, который к публичной лести добавляет самые злобные слухи. Змея — если говорить прямо и кратко.

— Он подойдет великолепно. Присылай его ко мне. Я его сразу же найму. А затем дам все, что ему потребуется, как для публичной лести, так и для запуска слухов.

* * *

После того как епископ и Михаил вышли, Велисарий сел рядом с женой и взял ее за руку.

Он говорил точно так же — твердо и уверенно, не собираясь отступать, но в его голос добавилась нежность.

— Прости, любовь моя. Но это единственный безопасный способ. Другого я не вижу. Знаю, сколько боли он принесет, когда люди опять начнут шептаться о тебе, но...

Антонина засмеялась так резко, что ее смех напомнил воронье карканье.

— Обо мне? Ты думаешь, мне есть дело до того, что люди будут говорить обо *мне*?

Она повернула голову и посмотрела ему в глаза.

— Я — *шлюха*, Велисарий.

Муж ничего не ответил. В его глазах светилась только любовь. Жена снова заговорила.

— О, ты сам никогда не произносил это слово. Но я произнесу. Я трудилась на панели. Все это знают. Как ты думаешь, шлюхе есть дело до того, что люди говорят о ней? — Она снова резко засмея-

лась.— Ты понимаешь, почему императрица Феодора мне доверяет? Доверяет, Велисарий! Как никому другому. Потому что мы обе были шлюхами, а единственные люди, кому по-настоящему доверяют шлюхи — по-настоящему! — это другие шлюхи.

Слезы снова навернулись ей на глаза, но она их быстро смахнула.

— Я люблю тебя, как никогда никого не любила в жизни. Конечно, больше, чем я люблю Феодору. Мне даже не нравится Феодора, многим она не нравится. Но я не могла доверить тебе секрет о моем незаконнорожденном ребенке. Тем не менее я доверилась Феодоре. Она знала. И я также доверила другой шлюхе, Гипатии, заботу о своем сыне.— Ее голос стал резким.— Не беспокойся о том, что люди говорят обо мне. Меня это не волнует. Ты даже не можешь себе представить, насколько мне это безразлично.

— Тогда...

— Но меня очень волнует, что люди говорят о тебе!

— Обо мне? — Велисарий рассмеялся.— Что они еще могут сказать, чего не говорили раньше?

— Идиот! — прошипела она.— Сейчас они говорят, что ты женился на шлюхе. Поэтому они насмехаются над твоим здравомыслием и твоим вкусом. Но они видят, что шлюха не ходит от тебя на сторону, поэтому они — втайне — восхищаются твоей мужской силой.— Она невольно засмеялась и скопировала шепот кумушек: — «Наверное, у него, как у коня, если он удовлетворяет шлюху».— Смех прекратился.— Но теперь они станут называть тебя рогоносцем. Насмехаться над *тобой*, как и над твоим здравомыслием. Ты станешь смешон. Смешон — слышишь меня?

Велисарий снова рассмеялся. Весело — к ее удивлению.

— Знаю,— сказал он.— И рассчитываю на это.

Он встал и протянул к ней руки.

— Да, любовь моя. Я на это рассчитываю.— Он сам скопировал шепот, которым передают слухи: — «Какой человек позволит жене появляться перед собой со своими любовниками? Только самый жалкий, слабый, трусливый».— Его голос стал твердым, как сталь.— И затем это дойдет до врага, и враг спросит себя: и какой же из него полководец?

Антонина в удивлении посмотрела на него.

— Я не подумала об этом,— призналась она.

— Знаю. Но все это к делу не относится. Ты врешь, Антонина. На самом деле и тебя не волнует, что люди говорят обо мне, точно так же, как меня не волнует, что люди говорят о тебе.

Она отвернулась, поджав губы. С минуту молчала, затем наконец из ее глаз брызнули слезы.

— Нет, не волнует,— прошептала она.

— Ты боишься, что я поверю сплетням.

Она кивнула. Слезы полились градом. Ее плечи тряслись. Велисарий опять сел рядом и крепко обнял маленькую женщину.

— Я никогда им не поверю, Антонина.

— Поверишь,— выдохнула она между рыданиями.— Поверишь. Не сразу, но скоро. Может, и несколько лет не будешь верить. Но в конце концов поверишь. Или по крайней мере станешь задумываться, и подозревать, и сомневаться, и не верить мне.

— Нет. Никогда.

Она посмотрела на него сквозь слезы.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

Велисарий грустно улыбнулся.

— На самом деле ты, жена, меня не понимаешь. По крайней мере, не полностью.— Его взгляд был направлен вдаль.— Думаю, единственным человеком, по-настоящему понимавшим меня, был Рагунат Рао. С которым я никогда не встречался, кроме как в видении. Но я тоже понимаю его, как он скрывается в лесу, неподалеку от дворца Венандакатры, молясь всем сердцем, чтобы любимая им принцесса позволила Венандакатре собой овладеть. И более того — улыбнулась бы своему осквернителю и похвалила его мужские способности. Я делал бы то же самое.

Велисарий взял голову жены в ладони и повернул к себе.

— Рагунат Рао был величайшим воином, рожденным среди маратайцев. А каста маратайцев — это индийская каста великих воинов, как и каста раджпутов. Тем не менее того великого воина, скрывающегося в лесах, совершенно не волнуют такие вещи, которые обычно беспокоят воинов. Гордость, честь, уважение, еще меньше девственность и непорочность. Они для него ничего не значат. Потому что он в глубине души не воин, а танцор.

Антонина не могла не рассмеяться.

— Но ты-то — самый плохой танцор, которого мне доводилось видеть!

Велисарий рассмеялся вместе с ней.

— Да. Так.— Затем он стал серьезным.— Я — ремесленник. Ты же знаешь: я никогда не хотел стать солдатом. Мальчишкой я все время болтался в кузнице, восхищаясь работой кузнеца. Я больше всего на свете хотел стать кузнецом, когда вырасту.— Он пожал плечами.— Но этому не суждено было сбыться. Не для мальчика моего происхождения. Поэтому я стал солдатом, а потом полководцем. Но я не растерял обычного для ремесленника подхода к труду.

Он улыбнулся.

— Знаешь, почему меня обожают мои солдаты? Почему Маврикий все для меня сделает — как, например, эта поездка в Антиохию?

Поскольку вопрос был опасным, Антонина предпочла смолчать.

— Потому что они знают — им не придется умирать и мучиться в агонии где-то на поле брани, куда полководец послал их из чувства гордости или чтобы сохранить лицо, или показать свою доблесть, или из-за тщеславия, или по какой-то другой причине, кроме одной: это самое подходящее место, где они должны находиться, чтобы работа была выполнена хорошо.— Велисарий снова хитровато улыбнулся.— И именно поэтому Маврикий проследит, чтобы один сутенер по имени Константций получил по заслугам.

Антонина сидела неподвижно. Очень опасная тема.

Велисарий рассмеялся.

— Неужели ты думала, что я не распознаю твою уловку после того, как у меня было время подумать? — Он выпустил ее из объятий и лениво потянулся.— Проснувшись, я почувствовал себя лучше, чем когда-либо за последнис месяцы, и смог думать спокойно. Мои мысли не застилал гнев.

Антонина украдкой посмотрела на мужа. Затем сама рассмеялась.

— Мне казалось, я все проделала безупречно. Немного дрожали губы, чуть-чуть страха в голосе, колебания...

— Игра была очень хорошей,— согласился Велисарий.— Но именно она и выдала тебя в конце. Ты всегда стараешься выиграть, даже если тебе нравится проигрывать мне. Ты, конечно, не вертишь своим великолепным задом у меня под носом, как красной тряпкой перед быком, но...

— Результат примерно тот же,— прошептала она. Спустя мгновение спросила: — Ты рассердился?

— Нет,— он улыбнулся.— Вначале начал сердиться, потом вспомнил, что Валентин прошептал Маврикию: «Ты же знаешь: сам он не скажет».

— Маврикий взял с собой Валентина?

— И Анастасия.

Антонина закрыла руками рот.

— О, Боже! Мне даже жаль вонючего сутенера.

— А мне нет! — рявкнул Велисарий.— Совсем не жаль.— Он сделал глубокий вдох, потом выдохнул воздух.

— Я притворился, что не слышал Валентина, но... такому ушлому человеку, как я, с моей непомерной гордостью трудно поверить, что люди его любят. И что иногда он вынуждает их хитрить.— Велисарий опять лукаво улыбнулся.— Поверишь, Анастасий на самом деле сказал...— Тут Велисарий заговорил басом: — «Среди сутенеров встречаются очень буйные».

— Анастасий подковы гнет руками,— вспомнила Антонина.

— А затем Валентин простонал: «Не успеешь оглянуться, как воткнут нож тебе в спину».

Теперь Антонина не могла ничего выговорить от хохота.

— О, да. В точности его слова. Валентина, про которого говорят, что он даже задницу вытирает кинжалом, потому что его никто никогда без кинжала не видел.

Какое-то время муж и жена сидели молча, просто глядя друг на друга. Затем Антонина прошептала:

— В слухах никогда не будет правды, Велисарий. Клянусь перед Богом. Никогда. Через месяц, через год, через десять лет. Ты всегда можешь задать вопрос, а ответ всегда будет один: *нет*.

Он улыбнулся и нежно ее поцеловал.

— Я знаю. И я клянусь перед Богом: я никогда не спрошу.

Велисарий встал.

— А теперь мы должны вернуться к работе.— Он направился к двери и крикнул: — Губазес! Позови Михаила и епископа!

Глава 5

Миндус
лето 528 года н. э.

— Вон,— глаза Велисария напоминали два черных камня, отполированные рекой. Холодные, безжалостные кусочки древней породы, попавшие в водный поток.— Вон,— повторил он.

Полный офицер, напряженно стоявший перед ним, снова попытался возражать, затем, увидев непреклонность в ледяном взоре полководца, быстро выскочил из командирского шатра.

— Проследи, чтобы он отправился в путь в течение часа,— приказал Велисарий Маврикию.— И посмотри, с кем он будет разговаривать до этого. Его приятели станут ему сочувствовать, а эти приятели, вероятно, такие же, как и он.

— С удовольствием.— Гектонтарх подал знак троим фракийским катафрактам, тихо стоявшим в углу шатра. Один из катафрактов, плотный мужчин лет тридцати пяти, злобно ухмыльнулся и собрался уходить.

— По пути, Григорий, пришли мне молодого сирийца, которого ты мне рекомендовал,— велел Велисарий.

Григорий кивнул и вышел.

Велисарий снова занял свое место. Как музыкант узнает знакомую мелодию оркестра, он с минуту слушал звуки бурлящего военного лагеря. Ему казалось, он различает веселые нотки в грубостях, которыми обмениваются невидимые солдаты, и надеялся, что у них на самом деле хорошее настроение. В первые дни после его появления звуки лагеря были пропитаны злостью.

Его внимание привлек другой звук. Он бросил взгляд на письменный стол в углу шатра, где Прокопий, новый секретарь, прилежно что-то писал. И стол, и стул, на котором сидел секретарь, не отличались изысканностью. Такими же простыми были собственный стол и стул Велисария.

Прокопий искренне поражался неприхотливости своего нового нанимателя. Более того, она вызывала у него недовольство. Через неделю после своего появления секретарь попробовал снискать расположение Велисария, подарив ему шелковую подушку с красивой вышивкой. Полководец вежливо поблагодарил Прокопия за подарок, но тут же передал подушечку Маврикию, пояснив секретарю, что у него давно сложилась традиция делиться всеми подарками со своим окружением. На следующий день Прокопий широко раскрытыми глазами наблюдал, как фракийские катафракты использовали подушку в качестве мишени во время тренировки стрельбы из лука. Правда, упражнение продолжалось недолго — крупные, острые, как бритва, стрелы, выпущенные из мощных луков, разорвали подушку на куски за несколько минут.

Секретарь побелел от ярости и негодования, но у него хватило ума промолчать, глядя на улыбки фракийцев. И с тех пор, вынужден был признать Велисарий...

— Ты хорошо поработал, Прокопий,— внезапно объявил Велисарий.— Помог выявить этих мелких обманщиков.

Секретарь в удивлении поднял голову. Он уже начал открывать рот, потом закрыл и принял похвалу, просто кивнув, затем вернулся к работе.

Удовлетворенный Велисарий тоже отвернулся. За те несколько недель, что они провели в военном лагере под Дарасом, Прокопий с удивлением узнал, что его нового хозяина лесть нисколько не трогает. С другой стороны, он сам хвалит трудолюбие и мастерство — в любом деле. И какими бы ни были личные черты секретаря, Прокопий оказался отличным работником, в этом сомнений не возникало ни у кого. И он не ленился. Кроме того, секретарь способствовал избавлению от коррупции, имевшей место в новой армии Велисария.

В шатер вошел солдат.

— Меня вызывали?

Велисарий осмотрел его. Парню казалось не больше двадцати. Он был невысокого роста, но мускулистый. Сириец, как решил Велисарий, со значительной примесью арабской крови.

На солдате была надета простая, стандартная униформа: накидка, ботинки и перехваченная ремнем рубаха. На ремне висел вложенный в ножны меч, которым современная римская армия пользовалась вместо древнего гладиуса[1]. Новый походил на старый — прямым

[1] Gladius — меч *(лат.)*.

лезвием, заточенным с двух концов. Он мог использоваться и для того, чтобы рубить врагов, и для того, чтобы протыкать их тела насквозь, но был на шесть дюймов длиннее.

Несомненно, в шатре воина лежала остальная часть амуниции — плащ, шлем, броня, туника и щит. В дневное время плащ надеть было невозможно — жара становилась невыносимой. А во время пребывания в лагере доспехи и щит не нужны.

— Тебя зовут Марк, если не ошибаюсь? Марк Эдесский?

— Да.— На лице Марка проступило легкое беспокойство, смешанное с удивлением.

Велисарий сразу же развеял его беспокойство.

— Я назначаю тебя гектонтархом третьей алы[1],— объявил он суровым тоном военачальника.

Глаза парня слегка расширились. Он встал прямее.

— Я уверен: ты знаешь, что трибуном полка является Петр из Радестуса. Ты будет отчитываться перед ним.

Затем он добавил более мягким тоном:

— Ты еще молод, чтобы тебе давали в подчинение сто человек, и несколько неопытен. Но Петр и Константин, хилиархи[2] кавалерии, хорошо о тебе отзываются. Как и люди из моего ближайшего окружения.— Он кивнул в дальнюю часть шатра, где стояли Маврикий и два других катафракта.

Марк посмотрел на фракийцев. Он ничего не сказал, но по лицу юноши было видно, как он благодарен.

— Еще две вещи, прежде чем ты уйдешь,— продолжал Велисарий. Из его голоса пропала вся мягкость.— Константин и Петр — как и все другие военачальники — знают мои взгляды на коррумпированных офицеров и с ними соглашаются. Но я сейчас потрачу время, чтобы объяснить их тебе. Как ты знаешь, я не буду терпеть офицера, который обкрадывает своих солдат. До сих пор, получив эту армию в наследство от другого полководца, я просто выгонял таких офицеров. Однако в дальнейшем для офицеров, принявших командование, уже зная мои взгляды, наказание будет гораздо более серьезным. Действительно суровым, поверь мне.

Велисарий сделал паузу, внимательно рассматривая молодого сирийца, и решил: дальнейшие рассуждения на эту тему излишни. Лицо Марка покрылось потом, но только от дикой жары в шатре. Велисарий взял платок и вытер собственное лицо.

— И последнее. Ты — кавалерист и был кавалеристом, насколько я понимаю, с тех пор как присоединился к нам. Это так?

---

[1] Ала — в римской армии: подразделение кавалерии.

[2] Хилиарх — начальник над 1000 воинов.

— Да.

— Тогда запомни кое-что еще. Я не потерплю, если кавалеристы будут с презрением относиться к пехоте. Ты понял?

Лицо Марка чуть дернулось.

— Говори честно, Марк из Эдессы. Если ты не понял то, что я сказал, признайся в этом. Я объясню и обещаю: наказания тебе за это не будет.

Молодой сириец бросил взгляд на полководца, затем быстро принял решение и заговорил:

— Я не совсем понял.

— Все просто, Марк. Как ты вскоре увидишь, в моей тактике пехота используется гораздо больше, чем обычно в римской армии. Для того чтобы эта тактика срабатывала, у пехоты должно быть не меньше гордости и самоуважения, чем у кавалерии. Я не могу создать и поддерживать такой моральный климат, если кавалеристы станут унижать пехоту и отказываться брать на себя положенную часть трудной работы, которая обычно полностью ложится на пехоту. Я не намерен терпеть, если кавалеристы решат отдохнуть в тени, пока пехотинцы обливаются потом, возводя укрепления или ставя лагерь. И еще подшучивают над пехотой. Ты понял?

— Да,— четко и твердо ответил Марк.

— Отлично. Тебе будет позволено самому выбрать декархов[1] для твоей сотни. Всех десятерых.

Марк стоял очень прямо.

— Спасибо.

Велисарий с трудом сдержал улыбку. И сказал твердо:

— Действуй по собственному усмотрению, но советую тебе консультироваться с Петром. И также можешь обсуждать вопросы с Маврикием и Григорием. Думаю, поймешь, что они в состоянии помочь.

— Хорошо.

— Предупреждение. Скорее совет. Не надо выбирать декархов из круга твоих друзей. Даже если они окажутся подходящими кандидатурами, это вызовет недовольство среди других, а ты тем самым подорвешь свой авторитет.

— Да.

— И самое главное. Проследи, чтобы твои декархи поняли и приняли мои взгляды. Ты их выберешь, а это отразится на их отношении к тебе. Твой престиж среди кавалеристов, которыми ты командуешь, таким образом укрепится. Но никогда не забывай о последствиях. Ты будешь отвечать передо мной за поведение твоих подчиненных, а также за свое собственное. Я понятно излагаю?

---

[1] Декарх — начальник над 10 воинами.

— Ясно, как день.— Марк бросил быстрый оценивающий взгляд на полководца.— Сирийский день.

Теперь Велисарий улыбнулся.

— Хорошо. Можешь идти.

* * *

После того как Марк ушел, трое фракийцев в дальней части шатра расслабились и снова встали по стойке «вольно». При посторонних члены личной охраны Велисария из трехсот человек придерживались определенных формальностей. В конце концов, большинство из них не имело высоких воинских званий. Даже Маврикий, их командующий, был только гектонтархом — тот же ранг, что и у молодого сирийца, покинувшего шатер.

В реальности фракийцы подчинялись только Велисарию. Он сам лично тщательно выбирал их на протяжении нескольких лет и не сомневался в их верности, неоднократно доказанной. Они платили ему взаимной любовью. Маврикий, несмотря на звание, фактически являлся его старшим помощником. Даже Константин, стоявший во главе командования кавалерией, вместе с хилиархом Прокасом, являвшимся его аналогом в пехоте, научились признавать фактическую власть Маврикия. А после того, как они близко узнали опытного ветерана, стали глубоко уважать его.

— Думаю, у мальчика все хорошо получится,— заметил Маврикий.— Очень хорошо. После того как он немного попробует крови.— Улыбка сошла с лица Маврикия, он нахмурился.— Не могу поверить, насколько же развалил армию твой предшественник, этот Либеларий. Корм для лошадей и снаряжение воруют не так уж и редко, но тут-то воровали еще и солдатское жалованье! По крайней мере, в некоторых пехотных полках.

— И еду! — воскликнул Василий, другой катафракт.— Плохо, когда негодяи продают часть припасов, но ведь они воровали с двух концов. И сама еда была дерьмом. Ее уже покупали полусгнившей.

К разговору подключился третий катафракт. Он был одним из немногих нефракийцев в окружении Велисария, армянин по имени Ашот.

— И что еще хуже, так это общее состояние армии. По спискам: восемь тысяч человек, половина из них кавалеристы. А на самом деле?!

Велисарий скорчил гримасу.

— А что у нас получилось на самом деле после того, как мы пересчитали всех и вычеркнули имена фиктивных солдат, чье жалованье эти свиньи клали себе в карман? — продолжал Ашот с упреком.— *Пять* тысяч человек. И кавалеристов даже меньше, чем четверо из каждых десяти человек.

Велисарий снова вытер лицо. Большую часть времени после прибытия в лагерь он провел в этом душном шатре со свинцовым воздухом, которым было невозможно дышать. Жара давила, а отсутствие физических занятий начинало сказываться.

— А структура армии — просто насмешка,— закончил он.— Чтобы скрыть воровство, в армии в два раза больше начальников, чем людей, которыми командовать.

— Не армия, а скелет,— проворчал Маврикий.— Я нашел одну пехотную сотню, в которой на самом деле оказалось двадцать два солдата. Естественно, с полным набором командиров — гектонтарх и все десять декархов. Снимали сливки,— он сплюнул.— У четверых из этих декархов в подчинении не было ни одного солдата. *Ни одного.*

Велисарий встал и потянулся.

— Ну, теперь все позади. Еще через пару дней мы приведем эту армию в нормальный вид, после того как еще хорошенько тряхнем, и офицеры будут приличные. И, думаю, в войсках восстановится нормальный дух.

Он бросил вопросительный взгляд на Ашота и Василия. Велисарий рассчитывал на то, что не занимающие высоких положений катафракты станут общаться с простыми солдатами разных родов войск и держать руку на пульсе.

— На самом деле боевой дух высок, полководец,— сказал Ашот. Василий согласно кивнул и добавил:

— Определенно, для солдат ситуация все еще остается паршивой. И какое-то время будет оставаться. Но они не ждут чудес и видят, как ситуация меняется. Больше всего их радует и весслит, когда на их глазах известные им воры один за другим входят в этот шатер, а затем в течение часа покидают расположение армии.

— «Велисарий тверд, как сталь меча»! — воскликнул Ашот, смеясь.— Они слышали об этом. Теперь верят.

— А как идут учения? — спросил Велисарий.

Маврикий отмахнулся.

— Так себе. Но меня это не очень беспокоит. Войска недовольны однообразием занятий. Дай им неделю. Тогда мы увидим результат.

— Поторопи их, Маврикий. Я не требую чудес, но не забывай: у нас мало времени. Я не могу откладывать наше отправление в Миндус более чем на две недели.

Велисарий встал и направился к выходу из шатра. Прислонившись к шесту, поддерживающему шатер, он смотрел на лагерь. Как и всегда, на его лице было сложно что-то прочитать. Но Маврикий, наблюдавший за ним, знал: полководец недоволен полученным приказом.

А приказ, полученный с курьером неделю назад, был прост: отправляйся в Миндус и возводи крепость.

Простой, ясный приказ. И Маврикий знал: Велисарий считает его идиотским.

Конечно, Велисарий ничего ему не сказал. Несмотря на всю неформальность и дружественность отношений со своим фракийским окружением, полководец четко соблюдал дистанцию, когда дело касалось вопросов, которые он считал относящимися исключительно к командованию.

Но Маврикий знал полководца лучше других. И он также представлял, что Велисарий думает, хотя это и не говорилось вслух: римская империя преднамеренно подталкивает Персию к активным действиям, причем безосновательно. Более того, проявляет неосторожность и глупость, провоцируя персов, при этом не обеспечив вначале достаточных сил для достижения успешного результата.

Нет, Велисарий ничего не сказал Маврикию. Но если Маврикий не обладал исключительным умом полководца, он все равно ни в коей мере не был глуп. Кроме того, он имел немалый опыт в военном деле.

Маврикий не считал себя достаточно опытным, чтобы судить о мудрости императора — в вопросе антиперсидских провокаций. Но он считал себя достаточно квалифицированным, чтобы судить о способах, которые для этой цели выбрал император. И, думал он, если учитывать состояние византийских войск в регионе, то провоцировать Персию так же опрометчиво, как тыкать палкой спящего льва.

У персов большая армия, расквартированная рядом с верхним течением Евфрата, близко от границы. В спокойное время эта армия располагалась в укрепленном городе Нисибисе. Теперь, когда замаячили неприятности, персидская армия переместилась на север и разбила временный лагерь, угрожая Анатолии, входящей в римскую империю.

Чтобы хотя бы успешно противостоять им — не говоря уже о провокациях — у римлян в регионе имелось только семнадцать тысяч человек. Пять тысяч их них составляла армия Велисария, которая, когда он принял командование, оказалась полуразвалившейся. Более коррумпированной армии Маврикию видеть не доводилось.

Оставшиеся двенадцать тысяч стояли недалеко, в Ливане. Та армия, как мог судить Маврикий, находилась во вполне приличном состоянии. Там определенно не процветала коррупция, подобная той, что оказалась в Дарасе.

Но...

Маврикий был опытным ветераном, ему уже перевалило за сорок. Он давно понял, что в войне численность играет гораздо меньшую роль, чем боевой дух и, в особенности, командование. Армия в Ливане находилась под командованием двух братьев, Бузеса и Кутзеса. Неплохие ребята, думал Маврикий, если учитывать все факторы. Фракийцы, что изначально вызывало симпатии Маврикия. Но молодые, даже моложе Велисария.

И, к сожалению, не отличавшиеся хитростью, благодаря которой Велисарий иногда казался человеком средних лет, а то и старше.

Да, братья были смелыми и самоуверенными, и они ясно дали понять, что ни при каких обстоятельствах не собираются подчиняться Велисарию. И Велисарий не мог их заставлять. Хотя он более опытен, чем Бузес и Кутзес — и оба они вместе взятые, думал Маврикий мрачно — и у него гораздо лучше репутация. Но официально братья занимают такое же высокое положение, как и он. Они все являются главнокомандующими армий и очень этим гордятся. Они не собираются омрачать свое высокое недавно полученное звание, становясь под чье-то командование.

Превосходящие силы противника, отсутствие единоначалия, коррупция, большая часть римской армии под командованием самоуверенных, неопытных юношей, а теперь Велисарию еще приказывают залезть в самую берлогу персидского льва.

Велисарий вздохнул, но легко, и повернулся к людям в шатре.

— А как там с другими делами? — спросил он.

— Мелкое воровство?

Велисарий кивнул.

— Берем под контроль,— ответил Маврикий.— Не могу сказать, что поставки уже идут должным образом и полным ходом, но у солдат нет оснований воровать у местного населения. Сейчас это уже скорее дело привычки, а не необходимости.

— Вот это-то меня и волнует,— признался Велисарий.— Грабеж местного населения — худшая привычка, которая может появиться у солдат.

— Но мы не можем это остановить,— ответил Маврикий. Иногда, думал он, его любимый полководец бывает непрактичен. Да, нечасто. Он удивился, когда Велисарий грохнул кулаком по столу.

— Маврикий! В данном случае я не нуждаюсь в советах бывалого ветерана!

Полководец сильно разозлился, отметил Маврикий с некоторым удивлением. Это было необычно. Ветеран дрогнул, но гордо выпрямил спину, хотя разозленные полководцы уже давно не заставляли его дрожать от страха. Любые полководцы, включая Велисария.

И на самом деле через мгновение на губах полководца появилась обычная хитроватая усмешка.

— Маврикий, я не дурак. Я понимаю: солдаты рассматривают трофеи, как нечто положенное и заслуженное. И пусть будет так — если мы говорим о трофеях.— Велисарий сжал челюсти.— Одно дело, если армия, одержав победу, после окончания кампании возвращается с трофеями. Но совсем другое дело, если у солдат появляется привычка воровать или просто отбирать все, что им захочется, когда у них появ-

ляется соответствующее настроение. Если такое позволить, то вскоре у тебя не будет армии. Просто шайка воров, насильников и убийц.

Он посмотрел на Маврикия.

— Ты понял, о чем я?

— Вчера их повесили. Всех четверых. Выживший брат девушки смог их опознать — после того, как преодолел страх. Я отправил его в Алеппо, к сестре.

— А от монахов что-нибудь слышно?

Маврикий скорчил гримасу.

— Да. Они согласились позаботиться о девушке и помочь ей по возможности. Правда, они не очень рассчитывают на выздоровление. И...— он снова скорчил гримасу.

— Они сказали много неприятных слов о христианских солдатах?

— Да.

— У них имелись все основания. Войска смотрели казнь?

— Нет, не саму казнь. По крайней мере, не армия в полном составе. Конечно, многие смотрели. Но я отдал приказ оставить тела качаться на ветру, пока жара и стервятники не превратят их в скелеты. Солдаты все это увидят и поймут.

Велисарий устало вытер лицо.

— На время.

Он уныло уставился на свои ладони и на грязную тряпку. Тряпка так промокла от пота, что только его размазывала. Велисарий повесил ее на колышек сушиться.

— Но будут еще инциденты,— продолжал он, сев на место.— Армия слишком разложилась. Очень скоро это повторится. Когда это случится, Маврикий, я прикажу повесить и командующего офицера — рядом с солдатами. Я не приму никаких оправданий. Передай это в войска.

Маврикий сделал глубокий вдох. Он не боялся полководца, но знал, когда ему лучше не противоречить.

— Хорошо.

Полководец смотрел сурово.

— Я серьезно говорю, Маврикий. Удостоверься, что люди поняли мои требования. И абсолютно точно удостоверься, что поняли и их командиры.

Полководец слегка смилостивился.

— Это не просто вопрос поведения христианских солдат, Маврикий. Если люди этого не понимают, пусть хотя бы поймут практическую сторону. И ты, и я видели много проигранных сражений или по крайней мере выигранных наполовину, потому что войска в критический момент отвлекались. Позволяли врагу убежать или собраться для контратаки — потому что в это время рыскали в поисках серебряных

блюд, или бегали за курицами, или насиловали женщин. Или просто наслаждались зрелищем горящего вражеского города. Города, который был единственным местом, где они могли бы расквартироваться. И занять позиции, если бы он не стал грудой головешек.

— Да, я понимаю.

Велисарий еще с минуту смотрел на Маврикия, затем улыбнулся.

— Верь мне, старый друг. Я знаю: ты считаешь меня витающим в облаках, но я докажу, что ты не прав.

Маврикий улыбнулся в ответ.

— Я никогда не думал, что ты витаешь в облаках. Хотя иногда тебя немного заносит.

Гектонтарх посмотрел на двух своих подчиненных и кивнул в сторону выхода из шатра. Ашот и Василий сразу же его покинули.

— Может, немного поспишь? — Маврикий даже не взглянул в сторону Прокопия. Ветеран дал ясно понять, причем без всяких реверансов, что смотрит на секретаря примерно так же, как на гадюку. Прокопий положил перо, встал и сам вышел из шатра. Довольно поспешно.

После того как остальные ушли, Маврикий тоже покинул шатер. Но у выхода остановился, недолго колебался и повернулся.

— Я не хочу, чтобы ты меня неправильно понял. Я просто не уверен, что это сработает. Только и всего. Кроме этого, у меня нет сомнений в твоей политике. Никаких. Перед тем как отвести тех четверых на виселицу, я сам отрезал веревку от мотка. И наслаждался каждой минутой.

* * *

Позднее, когда звуки в лагере поутихли, Велисарий опустил руку в тунику и достал камень. Он лежал в небольшом мешочке, найденном Антониной. Велисарий открыл мешочек и положил камень на ладонь.

— Давай, просыпайся,— прошептал он.— Ты уже достаточно поспал. Мне нужна твоя помощь.

* * *

Грани проснулись и блеснули. Энергия возвращалась. За время долгого отдыха **цель** смогла — так сказать — переварить свой странный опыт. Теперь мысли были более четкими, хотя такими же чужими, но тем не менее доступными для понимания.

У **цели** скопилось еще немного энергии, но... достаточно, решила она. Надо попробовать.

Полководец Велисарий, уже почти погрузившийся в сон в своем шатре, внезапно резко сел.

Снова его лицо появляется из земли. Облепленное остатками паутины, птичьих крыльев и листьев лаврового дерева. Внезапно взлетает в небеса, полностью трансформированное. Крылья теперь — крылья дракона. А лавровые листы испускают пламя и гром. Паутина — его мысли, закручивающиеся, плетущие капканы, выпускающие нити сквозь бесконечность.

Будущее.

Глава 6

— Вот и вся дипломатия! — рявкнул Бузес, в ярости разворачивая лошадь. Он с ненавистью посмотрел через плечо на удаляющиеся спины персидских командующих.

— Грязные персидские собаки,— согласился его брат Кутзес. Направляя лошадь вслед за братом, добавил: — Боже, как я их презираю.

Ехавший бок о бок с ними Велисарий предпочел промолчать. Он не видел смысла в спорах с братьями. И так отношения с ними были натянутыми.

На самом деле Велисарию персы нравились. Конечно, у них имелись свои недостатки. Самым главным, вызвавшим недовольство братьев, являлась потрясающая надменность персидских командиров. Надменность, в очередной раз продемонстрированная во время недавно проведенных переговоров.

Переговоры проходили на нейтральной территории у границы, разделявшей римлян и персов. Это была недолгая беседа на клочке абсолютно лишенной растительности земли. В переговорах участвовали шесть человек верхом на лошадях. Велисарий и два брата — Бузес и Кутзес — выступали от Рима. Персов представляли Фируз, командующий персами, и два его заместителя Питиякс и Баресмас.

Переговоры потребовал провести Фируз. Во время встречи он высказал пожелание, чтобы римляне разобрали крепость, возведение которой практически закончила армия Велисария. Или Фируз это сделает за них. По крайней мере, такова была суть требования. Но Фируз представил свое требование самым оскорбительным образом. Он похвалялся собственной военной мощью и насмехался над римлянами, не забывая вставлять многочисленные замечания, касающиеся римской трусости и отсутствия мужественности; со знанием дела порассуждал о стервятниках, которым предстоит пообедать останками римского войска. Конечно, если эти любители падали окажутся достаточно голодными, чтобы питаться таким мерзким мясом.

И так далее, и тому подобное. Велисарий с трудом сдерживал улыбку. Больше всего его развеселил приказ построить в крепости баню. Как объяснил персидский командир, ему потребуется баня, чтобы смыть с тела римскую кровь и грязь. Среди того, что придется смывать, Фируз перечислил в частности мозги Велисария. Мозгов Бузеса и Кутзеса, конечно, не будет, так как они у них отсутствуют напрочь.

Велисарий искоса взглянул на Бузеса и Кутзеса. Братья раскраснелись от гнева. Не в первый раз, нет, вероятно в тысячный, Велисарий задумался о том, как глупо подходить к войне не как к ремеслу. Разве умный человек станет беспокоиться о мнении о нем какого-то персидского петуха? Что касается Велисария, он считал: тем лучше, если Фируз полон самолюбования и презрения к врагу. Это облегчает его разгром. Надменного врага легче обмануть.

Первые полчаса пути назад к форту Велисарий просто наслаждался ездой. Хотя едва перевалило за полдень, было уже очень жарко, но по крайней мере не приходилось сидеть в душном шатре. Вскоре подул легкий ветерок. Более того, дул он с запада, что имело свои преимущества: пыль полетит не в лицо.

Тем не менее тот же приятный встерок вернул мысли Велисария к текущему неприятному положению вещей. В последние дни он много думал о ветре. Ветер с завидным постоянством каждый день поднимался вскоре после полудня и всегда дул с запада на восток. Полководец ценил это постоянство, в особенности в ситуации со столькими меняющимися факторами.

По мере того как трое мужчин приближались к лагерю в полном молчании, Велисарий стал обдумывать варианты возможного выбора. При сложившихся обстоятельствах его естественным предпочтением было бы тянуть время. Несмотря на все тщеславие и хвастовство Фируза, Велисарий не думал, что перс готов немедленно начать войну. Тянуть, тянуть, тянуть — а затем, не исключено, император Юстиниан и его советники образумятся.

Но знания, полученные от камня, которыми теперь обладал Велисарий, делали этот вариант неприемлемым. У полководца просто не было времени, чтобы тратить его на идиотский и ненужный конфликт между Византией и Персией. Только не сейчас, когда силы Сатаны набирают силу в Индии.

«Я должен довести дело до ума и быстро покончить с ним. А единственный способ — это сокрушительная победа. Быстрая. Что, естественно, проще сказать, чем сделать. Особенно с...»

Он снова бросил взгляд украдкой на братьев. Бузес и Кутзес были очень похожи, поэтому вначале Велисарий даже принял их за близнецов. Среднего роста, с каштановыми волосами, карими глазами, мускулистые, с курносыми носами... Он бы улыбнулся, если бы не раз-

дражение. На самом деле оскорбления перса были близки к истине. Если у братьев и имелись мозги, то у них до сих пор не возникло повода продемонстрировать их Велисарию.

После трех дней споров ему удалось убедить братьев согласиться — с большим недовольством и неохотой — объединить силы. Потратить целых *три* дня, чтобы убедить их в очевидном. Конечно, не было никакой надежды убедить братьев отдать объединенные силы под его командование. Велисарий даже не поднимал этот вопрос. Братья бы оскорбились и тут же отказались вообще объединять силы.

Наконец по мере приближения к форту в Миндусе Велисарий принял решение относительно хода действий. Он не видел альтернативы, хотя решение его и не радовало. С одной стороны, это было рискованной игрой, которых Велисарий обычно избегал.

«Однако игрой с достаточно хорошими ставками,— думал он.— Если только Маврикий сможет...»

Велисарий прервал размышления. Они почти приблизились к крепости. Переход от голой выжженной земли к яркой зелени оазиса, где он возвел форт, как и всегда, показался удивительным. Меньше минуты, и они въехали из голой пустыни на покрытую растительностью плодородную землю. Конечно, основную массу населения тут составляли солдаты, но в оазисе проживали и мирные граждане, несмотря на опасность близко расположенной Персии. Трое грязных, но выглядевших здоровыми бедуинских детей, стоявшие под пальмой неподалеку, наблюдали за тем, как небольшая группа римских военачальников проехала мимо. Один из них что-то прокричал на арабском, приветствуя их. Велисарий не различил слов — он мог понять некоторые арабские слова, но только если говорили медленно. Однако он уловил веселые интонации.

— Да, ты тут здорово поработал, Велисарий,— с восторгом заметил Бузес, глядя на крепость. Его брат тут же его поддержал:

— Не могу понять, как тебе это удалось. За то ничтожное время, что у тебя было. И отличный ведь форт. Никакой небрежности.

— У меня среди моих фракийцев есть несколько хороших строителей.

— Строителей? Среди катафрактов?

Велисарий улыбнулся.

— Ну, на самом деле они не катафракты. По крайней мере, не в традиционном смысле. В глубине души это просто крестьяне, которым удалось поднабраться мастерства.

— Жаль, у нас нет настоящих катафрактов,— пробормотал Бузес.— Терпеть не могу этих надменных негодяев, но они великолепны в битве.

Его брат вернулся к теме.

— Даже с хорошими строителями я не понимаю, как тебе удалось так быстро завершить работу.

— Главным было заставить работать и кавалеристов, причем сделать так, чтобы они соревновались с пехотой.

Братья уставились на него, раскрыв рты.

— Ты заставил *кавалеристов* выполнять эту грязную работу? — переспросил Бузес и нахмурился.— Думаю, это плохо для поддержания боевого духа.

— Во всяком случае, не у пехоты,— возразил Велисарий.— А что касается кавалерии, ты будешь удивлен. Вначале они выли, как потерянные души. Но через некоторое время приняли вызов. В особенности после того, как пехотинцы стали над ними подшучивать, называя слабаками. Затем я объявил призы за лучшую работу, выдаваемые каждый день, и кавалерия уже подключилась со всей серьезностью. Конечно, они не достигли мастерства пехоты, но в конце заставляли пехотинцев отрабатывать свои деньги с полной выкладкой. Кое-кто из кавалеристов даже получил награды.

Бузес все еще хмурился.

— Но... даже если это не повлияло на их боевой дух... все равно...

— Это подрывает их уважение к себе,— согласился с ним брат.— Должно. Это ведь собачья работа.

Велисарий решил, что уже слишком долго был вежливым.

— Собачья работа? — переспросил он, притворяясь разозленным.— Хочу напомнить вам обоим, что именно такие собаки построили римскую империю. Пехота, не кавалерия. Пехота, знавшая ценность хороших укреплений и способная их возвести. Быстро и надежно.

Он натянул удила. В эту минуту они находились у крепостных ворот. Велисарий показал на голую землю за финиковыми пальмами, туда, откуда они только что приехали.

— Видите границу с Персией? Эту границу установили несколько столетий назад. Пехотинцы. Как далеко ее отодвинула ваша драгоценная кавалерия с тех пор?

Он бросил яростный взгляд на Бузеса и Кутзеса. Братья отвернулись.

— Ни на одну милю — вот так-то.— Ворота открывали, Велисарий развернул лошадь назад.— Поэтому давайте не будем перехваливать кавалерию! — рявкнул он, въезжая в ворота.

«Неплохо сработано,— мысленно похвалил он себя.— На самом деле они не такие уж плохие ребята. Если бы только у них из голов выбить всякую чушь».

* * *

Внутренняя часть крепости не так впечатляла, как внешняя. На самом деле у Велисария было очень мало времени, даже с помощью кавалерии, поэтому он сконцентрировал все усилия на внешних сте-

нах и укреплениях. Пространство внутри стен представляло собой обыкновенную площадку для строевой подготовки, хотя теперь ее занимали шатры его солдат. Велисарий даже не построил для себя командный пост и продолжал использовать свой шатер как штаб.

Как только Велисарий вошел в свой шатер в сопровождении двух братьев, появился Маврикий.

— У нас есть пленник,— объявил гектонтарх.— Его только что привели.

— Где вы его поймали?

— Полк Суникаса сегодня утром столкнулся с группой персов. Их было человек триста, в десяти милях к северу отсюда. После того как Суникас их прогнал, наши обнаружили одного парня, лежащего на земле без сознания. Его сбросила лошадь.

— Веди его сюда.

Велисарий занял место за большим столом в центре шатра. Бузес и Кутзес остались стоять. Маврикий вернулся через несколько минут вместе с Валентином. Валентин подталкивал впереди себя персидского воина. Руки перса были связаны за спиной. Судя по одежде и личному снаряжению, Велисарий решил, что перс командует небольшой группой солдат. Валентин заставил пленного сесть. Парень демонстрировал обычную для персов отвагу, лицо его ничего не выражало. Он ожидал, что его будут пытать, но не собирался дать врагу возможности насладиться своим страхом.

— У нас есть первоклассный палач,— объявил Кутзес весело.— Я его сюда доставлю в течение часа.

— Нет необходимости,— резко ответил Велисарий. Полководец внимательно посмотрел на перса. Тот встретился с ним взглядом и не отвел глаз.

С минуту Велисарий раздумывал, стоит ли допрашивать пленного на его родном языке. Велисарий бегло говорил на пехлеви, как и на нескольких других языках. Но решил этого не делать. Как он подозревал, Бузес и Кутзес не знали языка персов, а было важно, чтобы они понимали, о чем идет речь. Судя по богатству одежд, перс определенно имел аристократическое происхождение. Поэтому он должен был бегло говорить по-гречески, поскольку — и это являлось одной из маленьких исторических странностей — на греческом говорили при дворе Сассинидадской династии.

— Сколько человек находится под командованием Фируза? спросил Велисарий.

— Пятьдесят пять тысяч,— мгновенно последовал ответ. Как и подозревал Велисарий, пленный говорил на прекрасном греческом.— И это не считая двадцати тысяч, которые он оставил в Нисибисе,— добавил перс.

— Чушь! — рявкнул Кутзес.— Нет...

Велисарий перебил его.

— Я позволю тебе солгать четыре раза, перс. Ты солгал уже дважды. У Фируза двадцать пять тысяч, и он забрал всех людей, покидая Нисибис.

Перс плотно сжал челюсти и слегка прищурился. Кроме этого, он никак не показал своего удивления о точности информации Велисария.

— И сколько кавалеристов среди этих двадцати пяти? — спросил Велисарий.

Перс снова ответил без колебаний:

— Не более четырех тысяч. И большинство наших кавалеристов — копьеносцы.

— Это третья ложь,— мягко заметил Велисарий.— И четвертая. У Фируза десять тысяч пехотинцев. Из пятнадцати тысяч кавалеристов копьеносцев не больше пяти.

Перс на мгновение отвел взгляд, но его лицо оставалось безучастным. На Велисария смелость пленного произвела впечатление.

— Ты использовал позволенные мною четыре лжи.

Не отводя взгляда от перса, Велисарий спросил двух братьев:

— Говорите, у вас есть хороший палач?

Бузес кивнул с готовностью.

— Мы быстро его сюда доставим,— подтвердил Кутзес.

Теперь челюсти пленного были сжаты очень плотно, но смотрел он спокойным взглядом.

— А караван с жалованьем уже прибыл? — спросил Велисарий.

Впервые с начала допроса перс был выведен из равновесия. Он нахмурился, поколебался, потом спросил:

— Ты о чем?

Велисарий хлопнул ладонью по столу.

— Не прикидывайся, перс! Я знаю, что жалованье для вашей армии было выслано из Нисибиса пять дней назад в сопровождении только пятидесяти человек.

Велисарий повернул голову к Бузесу и Кутзесу. На его лице было написано презрение.

— Пятидесяти! Вы можете в это поверить? Типичная персидская самоуверенность.

Кутзес открыл рот, чтобы что-то сказать, но Велисарий жестом остановил его и снова повернулся к пленному.

— Я не знаю, прибыл ли караван в ваш лагерь. Поэтому повторяю вопрос: да или нет?

На лице перса было написано смятение, правда, он взял себя в руки за несколько секунд.

— Думаю, да,— ответил он.— Я уехал из нашего лагеря позавчера, поэтому ничего про караван не слышал. Но теперь-то я уверен: прибыл. От Нисибиса ведь всего четыре дня пути. И они не стали бы нигде задерживаться.

Велисарий какое-то время молча смотрел на пленного. Кутзес хотел что-то сказать, но Велисарий жестом попросил его помолчать. На лице того отразилось раздражение, но он все-таки сдержался.

Еще через пару минут тишины Велисарий откинулся на спинку стула, положив руки на бедра. Казалось, он пришел к какому-то решению.

— Выведи его,— приказал Велисарий Валентину. Бузес хотел возразить, но Велисарий так гневно посмотрел на него, что тот предпочел промолчать.

Однако как только пленного увели, братья взорвались.

— Что, черт побери, это был за допрос? — спросил Бузес.— И почему ты его прекратил? Мы так ничего и не узнали про этот караван с деньгами!

— Пустая трата времени,— фыркнул Кутзес.— Если хочешь получить что-то существенное от перса, нужно приглашать...

— Палача? — спросил Велисарий. Он закатил глаза, всем своим видом показывая отвращение, а потом хмыкнул. Затем резко встал, поставил на стол кулаки и оперся на них.

— Я понимаю, почему вы таскаете за собой профессионального специалиста по пыткам! — рявкнул полководец.— Я бы тоже таскал, если бы был дураком.

Братья смотрели на него в ярости, он отвечал им подобным взглядом.

— Давайте я вам кое-что объясню,— холодно произнес он.— Меня совершенно не интересовала информация о караване с деньгами. Перс о нем ничего не знает. Откуда? Караван вышел из Нисибиса только позавчера.

— Позавчера? — в удивлении переспросил Бузес.— Но ты же сказал...

— Я сказал *врагу*, что караван с деньгами вышел пять дней назад.

Братья теперь молчали, нахмурившись. Велисарий снова сел.

— Мои разведчики увидели, как караван выходил из ворот города. Один из них быстро вернулся сюда. Поэтому караван никак не мог добраться до лагеря Фируза.

— Тогда почему ты...

— Почему я спрашивал о нем перса? Мне просто хотелось получить его первую реакцию. Вы видели — он талантливый лжец. Тем не менее, когда я спросил его о караване, он колебался, подыскивая ответ. О чем это говорит?

Очевидно, братья не были уж слишком глупы, так как оба поняли суть.

— Сами персы не в курсе! — воскликнули они хором.

Велисарий кивнул.

— Я узнал, что персы теперь отправляют караваны таким образом. Вместо того чтобы задействовать целую армию для охраны каравана, они предпочитают все держать в секрете. Даже солдаты, для кого предназначаются деньги, не знают о них до прибытия каравана.

Братья переглянулись. Велисарий рассмеялся.

— Искушает, не правда ли? Но, боюсь, нам придется о нем забыть. По крайней мере на этот раз.

— Почему? — спросил Бузес.

— Да, почему? — эхом повторил брат.— Это великолепная возможность. Почему бы нам его не захватить?

— Ваши мысли идут не по тому руслу. Во-первых, я понятия не имею, какой дорогой пойдет караван. Не забывайте, у нас остается только один день, в самом лучшем случае — два, чтобы захватить караван, пока он не доберется до лагеря персов. Чтобы обязательно найти его, нам придется отправлять целый отряд кавалерии. По меньшей мере. А чтобы быть уверенными, то и два.

— И что? — спросил Кутзес.

— Что? — Велисарий в отчаянии закатил глаза.— Ты же сегодня присутствовал на переговорах с Фирузом!

— Ты к чему клонишь, Велисарий?

— К тому, Кутзес, что Фируз готовится нас атаковать. А мы проигрываем ему в численности. Нам придется защищаться. Сейчас у нас — самое худшее время для отправки части конницы носиться по всей Сирии. Она нужна нам здесь, в форте. Каждый человек.

Кутзес начал возражать, но брат остановил его, схватив за руку.

— Давайте не будем спорить! Нет смысла, к тому же тут слишком жарко,— он демонстративно вытер лоб. Велисарий сдержал улыбку. На самом деле лицо Бузеса практически не вспотело.

Бузес еще раз вытер лоб и сказал:

— Думаю, мы тут со всем закончили. Или есть что-то еще?

Велисарий покачал головой.

— Нет. Вы сообщили всем своим людям, что мы объединяем силы?

— Да, они в курсе.

Последовал краткий обмен любезностями, в котором Кутзес участвовал с недовольным видом. Бузес, с другой стороны, демонстрировал небывалое добродушие. Братья вышли из шатра, Велисарий проводил их и вежливо разговаривал с ними, пока они садились на лошадей. Полководец не возвращался в шатер, пока не увидел, как братья выехали за ворота лагеря.

Маврикий ждал его внутри шатра.

— Ну? — спросил гектонтарх.

— Когда спустится ночь, вручи персу мое послание для Фируза и отпусти его. Удостоверься, что ему дали хорошую лошадь. Затем тихо передай нашим мой приказ. Предполагаю, на рассвете мы отсюда уйдем.

— Так быстро?

— Если только я не допустил серьезной ошибки.— Он посмотрел на выход из шатра.— А я не думаю, что ошибся.

— Тебе должно быть стыдно.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Я очень расстроен.

Гектонтарх саркастически хмыкнул, но не стал ничего комментировать.

— Ашот вернулся,— сообщил он.

— Что Ашот думает о месте?

— Подойдет. Гора очень кстати — *если* ветер будет дуть с нужной стороны.

— Должен, после полудня.

— А если нет?

Велисарий пожал плечами.

— Придется как-то справляться. Даже если не будет ветра, все сделает одна пыль. Конечно, если ветер подует в другую сторону, мы окажемся в неприятном положении. Но я ни разу не видел, чтобы он до вечера дул с востока.— Велисарий сел за стол.— А теперь пошли за хилиархами и трибунами. Я хочу удостовериться, что они правильно поняли мой план.

* * *

В эту ночь, сразу же после окончания совещания, Велисарий прилег отдохнуть. Почти час он лежал в темноте, строя планы, перед тем как заснуть.

Когда полководец размышлял, **цель** бродила по коридорам его разума. Снова и снова грани угрожали распасться. Их почти охватило отчаяние. Как раз тогда, как чужие мысли начали сосредотачиваться! А теперь они сами себя не понимают. Это было подобно изучению языка, в котором постоянно меняется грамматика. Невозможно!

Но теперь у **цели** росла уверенность, и она была способна контролировать грани. С растущей уверенностью пришло терпение. Да, мысли противоречивы, как два образа, накладывающиеся один на другой, правда, под нужным углом. Терпение. Терпение. Со временем, **цель** чувствовала, она сможет их объединить.

А пока имелось кое-что, вызывающее сильное беспокойство. Потому что, несмотря на общую размытость, в одном месте в голове полководца парадоксальные образы выделялись очень четко.

Перед тем как погрузиться в глубокий сон, Велисарий почувствовал мысль. Но он слишком устал, чтобы думать, откуда она появилась.

Опасность.

Глава 7

Велисарий проснулся задолго до рассвета, встал и отправился проверять, как идет подготовка к выступлению. Вскоре он был удовлетворен проверкой: подготовка шла полным ходом. И не удивительно: у него ведь два опытных хилиарха, знающих свое дело; трибуны и гектонтархи точно поняли приказы, которые Велисарий отдал прошлой ночью.

Затем появился Маврикий. Хотя еще не рассвело, Велисарий сразу же узнал приближавшегося человека. Походку Маврикия ни с чьей не спутаешь: создавалось впечатление, что его качает из стороны в сторону.

— Трогаемся прямо сейчас? — спросил Маврикий.

Велисарий кивнул. Мужчины сели на лошадей и выехали за ворота. Армия Ливана стояла лагерем сразу же за стенами форта, там солдаты могли отдыхать от жары в тени деревьев и пользоваться водой оазиса. Через несколько минут Велисарий с Маврикием уже спешивались перед командным шатром, в котором размещались Бузес и Кутзес.

Шатер по размеру значительно превосходил шатер Велисария, хотя уступал обычным стандартам римской армии. Римские полководцы давно прославились своей любовью к роскоши. Юлий Цезарь даже возил с собой плитки, которыми выстилали пол шатра. (Хотя сам он утверждал, что таким образом только производит впечатление на представителей варваров, Велисарий скептически относился к утверждениям великого полководца.)

Когда они с Маврикием спешились, часовые, охранявшие шатер, объявили, что Бузес с Кутзесом отсутствуют. Они покинули лагерь в середине ночи. Дальнейшие расспросы выявили дополнительную информацию: братья взяли с собой два кавалерийских полка.

Велисарий долго ругался, не стесняясь в выражениях. Затем он отправился в соседний шатер, в котором размещались четверо хилиархов, непосредственных подчиненных и следующих по званию за двумя командующими ливанской армией. Маврикий последовал за ним.

Часовой перед шатром хилиархов попытался остановить Велисария, но быстро замолчал, поскольку узнал его, а также понял: полководец в ярости. Решив, что сейчас лучше не попадаться Велисарию на глаза, часовой отступил в сторону. Велисарий ворвался внутрь.

Трое из четверых хилиархов, которые должны были находиться в шатре, с трудом продирали глаза. Они еще туго соображали и вовсю зевали. Один из них зажег светильник. Велисарий немедленно поинтересовался местонахождением четвертого. Он позволил трем хилиархам несколько секунд смущенно оправдываться, потом оборвал их лепет.

— Так. Как я подозреваю, Доротей отправился сопровождать двух кретинов? Тоже спятил, как и они?

Хилиархи запротестовали. Велисарий снова оборвал их.

— Молчать! — он опустился на стул, стоявший у стола в центре шатра. Несколько секунд гневно смотрел на трех мужчин, затем шлепнул ладонью по столу.— Я пока еще добрый. Император может простить идиотов, если решит, что они просто глупы. Но не предателей.

Упоминание об императоре заставило трех хилиархов отшатнуться. Как заметил Велисарий, лицо по крайней мере одного побледнело. Но утверждать было сложно: в шатре было слишком темно.

Велисарий молчал. Тишина становилась гнетущей. Затем он нахмурил брови. Примерно через минуту полководец встал и стал ходить из угла в угол, производя впечатление человека, погруженного в размышления и что-то просчитывающего. На самом деле он очень внимательно осматривал шатер. Он был твердо уверен, что о людях можно судить по месту проживания, пусть это даже временное жилище, поэтому воспользовался возможностью оценить трех хилиархов.

В целом они произвели на него хорошее впечатление. В шатре были порядок и чистота, ни следа прошлых пьянок, и вообще не создавалось впечатления, что живущие здесь люди регулярно пьют, в отличие от многих бывших офицеров армии, которой он сейчас командовал. Велисарий также отметил аскетизм обстановки. Кроме оружия и необходимого обмундирования, в шатре хилиархов не хранилось ничего лишнего.

Полководец остался доволен. Он ценил аскетизм во время военной кампании — не по религиозным или моральным соображениям, а потому, что он давал возможность быстро сняться с места, что было очень важно для командующего любого ранга. Он также давно заметил, что офицеры — за редким исключением — устраивающие свое жильe с излишним комфортом, оказываются лентяями и бездельниками и не могут должным образом реагировать на резкую перемену обстоятельств.

Решив, что уже достаточно пребывал в глубокой задумчивости, Велисарий перестал ходить из угла в угол, выпрямил спину и решительно объявил:

— Ну что ж. Придется обойтись тем, что есть. Он повернулся к трем хилиархам, сгрудившимся с другой стороны стола: — Собирайте вашу армию. Выступаем немедленно.

— Но наших командиров тут нет! — возразил один из хилиархов — из кавалерии. Велисарий гневно и презрительно посмотрел на него.

— Я в курсе, Фарас. И не сомневайся: если мы не перехватим персов до того, как те войдут в Алеппо, об их отсутствии узнает и император. И сделает то, что посчитает нужным. Но в отсутствие Бузес и Кутзеса главнокомандующим армии являюсь я. Они пренебрегли своим воинским долгом, и я не намерен следовать их примеру.

Казалось, от подобного объявления в шатре повеяло ледяным холодом.

— А персы уже выступили? — спросил Гермоген, хилиарх, командующий пехотой.

— Выступят послезáвтра.

— Откуда ты знаешь? — уточнил Фарас.

Велисарий хмыкнул.

— Неужели в ливанской армии нет наших шпионов? — поинтересовался он. Хилиархи молчали.

Усмешка полководца превратилась в поистине злобный оскал.

— О, это просто великолепно! — воскликнул он.— Вы даже не представляете, чем занимается противник. Поэтому, естественно, вы отправили целых два кавалерийских полка в погоню неизвестно за чем. Просто великолепно!

Лицо Фараса стало пепельным — от ярости. Но по большей части просто от страха. Наблюдая за ним, Велисарий довольно низко оценил ум этого человека. Но даже Фарас понимал, как разозлится император на старших офицеров ливанской армии, если они позволят персам дойти до Алеппо и даже не станут им в этом препятствовать.

Самый младший из хилиархов, Эутих из кавалерии, внезапно злобно стукнул кулаком по столу.

— Матерь Божия! Я же говорил им...— он прикусил язык и захлопнул рот. Одно мгновение они с Велисарием внимательно смотрели друг на друга. Затем, едва заметным кивком и еще менее заметной улыбкой Велисарий показал, что понимает и оценивает позицию Эутиха.

Тогда заговорил Гермоген, хилиарх, командующий пехотой. Тембр его голоса выдавал его молодость, но в нем не было ни малейшей дрожи.

— Давайте выступать. Немедленно. Мы все знаем, что Бузес и Кутзес согласились объединить силы с армией Велисария. Поскольку их здесь нет, он по праву становится главнокомандующим.

Эутих тут же согласно кивнул. Через мгновение несколько неохотно кивнул и Фарас.

Велисарий не стал упускать такую возможность.

— Поднимайте людей и выстраивайте их для марша, — приказал он. — Немедленно. — И вышел из шатра.

На улице Велисарий с Маврикием сели на коней. На востоке едва-едва просыпался день.

Велисарий с восхищением огляделся вокруг.

— День будет хороший.

— Нестерпимо жаркий,— возразил Маврикий.

Велисарий тихо рассмеялся.

— Ты — самый мрачный человек, которого я когда-либо встречал.

— Я не мрачный, а пессимистичный. Вот мой кузен Игнатий — да, действительно мрачный. Ты, кажется, с ним никогда не встречался?

— Как я мог с ним встретиться? Разве ты не говорил мне, что он уже пятнадцать лет не выходит из дома?

— Нет, не выходит,— ответил гектонтарх, с вызовом глядя на Велисария.— Боится воров и жуликов. И оправданно.

Велисарий снова рассмеялся.

— Говорю тебе: день будет хороший.— Затем он добавил деловым тоном: — Я останусь здесь, Маврикий. Если я сам не подниму эту армию, им потребуется вечность, чтобы сняться с места. Я хочу, чтобы ты вернулся в форт и проверил, все ли там идет нормально. Думаю, Фока с Константином вполне способны руководить сборами и построением. Но на поле брани я с ними раньше никогда не выходил, поэтому и хочу, чтобы за всем проследил ты. Помни о двух главных вещах: выстави...

— Большой отряд кавалерии впереди, чтобы прикрыть идущих сзади, и проверь, чтобы пехота быстро окопалась и по крайней мере половина из них укрылась за валами.

Полководец улыбнулся.

— Отличный день. Давай двигай.

* * *

Как и рассчитывал Велисарий, потребовалось несколько часов, чтобы сдвинуть ливанскую армию с места. Однако, несмотря на произносимые вслух громкие нецензурные комментарии, он был удовлетворен процессом. Неразумно ожидать от армии в двенадцать тысяч человек более быстрого выступления, без предупреждения и предварительной подготовки.

К полудню армия наконец выступила. Температура воздуха резко повысилась. Западный ветерок, поднявшийся сразу после полудня, принес немного прохлады. Но поскольку армия шла на северо-восток, он не уносил пыль, летевшую из-под копыт и ног, а, наоборот, окутывал ею войско. Оставалось утешаться только тем, что пыль, по крайней мере, не

летит солдатам прямо в лицо. Сирия в середине лета — одно из самых неприятных мест для марша, да еще такой многочисленной армии.

Однако, как обратил внимание Велисарий, командующие ливанской армией воздерживались от жалоб. Что бы они ни думали о неожиданном выступлении и неожиданной смене главнокомандующего, парни предпочли держать мысли при себе. Теперь пришло время объяснить трем хилиархам план битвы, в которой Велисарий в ближайшее время намеревался участвовать. Двое хилиархов, руководивших кавалерией, казалось, скептически отнеслись к роли, планируемой для пехоты, но с комментариями не выступали. Они были довольны планируемой для них самих ролью, и в любом случае не им предстояло заботиться о пехоте.

По приближении вечера Велисарий вызвал для обсуждения плана битвы Гермогена, хилиарха, командующего пехотой. Он был доволен, отметив, что Гермоген начал вскоре проявлять настоящий энтузиазм. Очень часто римские пехотные командиры занимали свои посты из-за некомпетентности и нерадивости: посты в пехоте считались непрестижными и не требующими особого ума. Гермоген, напротив, казался амбициозным парнем и был рад, что его роль в предстоящем деле окажется не только вспомогательной.

К ночи Велисарий понял: Гермоген в состоянии правильно выполнить здание. И даже очень хорошо выполнить. Велисарий решил поставить Гермогена во главе всей пехоты после того, как ливанская армия объединится с его собственной. Фока, его собственный хилиарх, командующий пехотой, был компетентным офицером, но ни в коей мере не выдающимся. С другой стороны, Фока всегда интересовался артиллерией. Поэтому Велисарий собирался поставить Фоку под командование Гермогена, но сделать его отвечающим за артиллерию.

Велисарий заставлял людей идти, пока не наступила кромешная тьма, и только тогда велел ставить шатры и устраиваться на ночлег. Ливанская армия, с удовлетворением отметил он, быстро и умело разбила лагерь.

После того как поставили его собственный шатер, Велисарий несколько минут наслаждался одиночеством. Как хорошо, что нет Прокопия! Несмотря на компетентность и на то, что большинство угоднических и подхалимских привычек нового секретаря удалось изжить, тот все еще раздражал полководца. Но теперь Прокопий находился в усадьбе под Дарасом — с тех пор как Велисарий перевел армию в Миндус. Он не требовался полководцу во время самой кампании, поэтому Велисарий приказал секретарю помогать Антонине в управлении усадьбой.

Он услышал шум снаружи и вышел на разведку. Прибыл Маврикий вместе с Ашотом и тремя фракийскими катафрактами. К тому

времени, как Велисарий показался из шатра, его приближенные уже стояли в ожидании командира. Рядом с ними спешивались восемь человек из двух исчезнувших ночью кавалерийских полков, правда гораздо медленнее. В каждом движении чувствовались боль и изможденение. Один из восьми был офицером. Все они выглядели ужасно — в первую очередь от усталости. Более того, трое были ранены, хотя раны не выглядели серьезными в тусклом лунном свете.

Офицер, хромая, подошел к Велисарию и начал сумбурно что-то говорить. Велисарий приказал ему помолчать, пока он не соберет хилиархов и трибунов. Через несколько минут, когда руководство ливанской армии разместилось в командирском шатре, Велисарий приказал вернувшемуся офицеру рассказать все в подробностях. Тот торопливо выполнил приказ. Маврикий время от времени вставлял замечания.

Как оказалось, Бузес и Кутзес не нашли караван с жалованьем. Вместо него, рыская по окрестностям, они обнаружили половину персидской конницы, занимающуюся тем же самым. Началась стихийная баталия, во время которой значительно уступающие количеством римляне потерпели поражение. Двух братьев схватили. В конце концов большей части римлян удалось скрыться разрозненными группами. По пути они встретили армию Велисария, уже выступившую в поход. Несмотря на низкий боевой дух и потерю половины офицеров, выжившие из двух полков были так рады встретить большую группу римских войск, что с готовностью пополнили ряды армии Велисария.

Когда офицер закончил отчет, Велисарий воздержался от комментариев относительно тупости Бузеса и Кутзеса. При сложившихся обстоятельствах, думал он, это излишне. Он просто закончил совещание кратким повтором своих планов относительно предстоящей битвы, затем отправил всех спать.

— Дела идут неплохо,— заметил он Маврикию, когда они остались вдвоем.

Маврикий сурово посмотрел на него.

— Ты ведешь очень опасную игру, юноша.

Велисарий не отвел глаз. Когда они оставались вдвоем, Маврикий не соблюдал формальностей и не учитывал, что стоит намного ниже в табели о рангах. Хотя при посторонних он обычно называл Велисария только «мой господин». Но он редко обращался к полководцу по имени и не называл его «молодым человеком»...

Велисарий хитровато улыбнулся.

— Я ведь ту битву выиграл, если ты помнишь.

— На грани фола. И тебе потребовалось несколько недель, чтобы отойти от ран. А мне еще дольше,— добавил Маврикий мрачно, потирая правый бок.

Велисарий решил, что в шатре слишком темно, зажег еще один светильник и поставил его на стол. Затем сел и внимательно посмотрел на мрачного гектонтарха. Полководец был уверен в своих планах, несмотря на их сложность, но он давно привык принимать во внимание дурные предчувствия Маврикия.

— Выкладывай, Маврикий. И уволь меня от своих упреков, касающихся двух братцев.

Маврикий хмыкнул.

— Этой парочки? Молокососам нечего делать в руководстве армией. Плевать я на них хотел! — он пренебрежительно махнул рукой.— Нет, меня беспокоит то, что у тебя уж слишком все легко складывается. Ты рассчитываешь на почти идеальные условия, на то, что враг отреагирует так, как ты предрекаешь.— Он еще раз сурово посмотрел на Велисария.— Вспомни мои первые уроки. Ты получил их, едва выбравшись из пеленок. Никогда...

— Никогда не рассчитывай, что противник поступит так, как ты думаешь, и график будет соблюдаться. И лучше всего помни первый закон битвы: все летит к чертям, как только появляется враг. Именно поэтому его и называют врагом.

— И что же случилось с твоей дьявольской предусмотрительностью? — проворчал Маврикий.— С твоим «окольным путем», о котором ты так любишь рассуждать? — Он поднял руку и жестом попросил Велисария помолчать.— Не беспокойся, не надо мне рассказывать, какой у тебя хитрый план. Это совсем на тебя не похоже, Велисарий. Ты никогда не заменял тактику на стратегию. Сколько раз ты говорил мне, что лучшая тактика — заставить врага сдаться или уступить с наименьшим кровопролитием? А сейчас ты задумал генеральное сражение и настаиваешь на нем.

Велисарий глубоко вздохнул. Пальцами левой руки он стал постукивать по столу. Как и много раз за последние несколько недель, он размышлял, стоит ли полностью довериться Маврикию. Полководец снова решил этого не делать. Да, Маврикий умеет держать язык за зубами. Но есть первый закон сохранения тайны: каждый человек, которому ты открываешь тайну, удваивает шанс ее раскрытия.

— Хватит барабанить по столу,— проворчал гектонтарх.— Я ведь знаю: ты так стучишь, только если задумываешь что-то хитромудрое.

Велисарий рассмеялся, сжал левую руку в кулак и принял решение: идти половинчатым курсом.

— Маврикий, я получил кое-какую информацию, которой сейчас не могу с тобой поделиться. Именно поэтому я настаиваю на сражении. Да, срезаю много углов, но выбора у меня нет.

Маврикий нахмурился.

— Что ты знаешь такого о персах, чего не знаю я? — Это был не вопрос. Скорее недовольный упрек.

Велисарий отмахнулся от вопроса о персах.

— Дело не в персах.— Он улыбнулся.— Я не претендую на то, чтобы знать о них больше тебя! Нет... тут дело в... других врагах. Не могу сказать больше, Маврикий. Пока не могу.

Маврикий внимательно посмотрел на полководца. Ему не нравилось сложившееся положение, но... таково оно было.

— Хорошо,— недовольно произнес он.— Но надеюсь, все твои задумки сработают.

— Сработают, Маврикий, сработают. Расчет и не должен быть идеальным. Нам просто требуется появиться на месте предстоящей битвы до персов. А что касается реакции врага — думаю, письмо, которое я отправил Фирузу, сыграет свою роль.

— Что ты там ему написал?

— Ну, потребовал воздержаться от угроз моему великолепному новому форту. Более того, выразил требование самым оскорбительным образом из всех возможных. Похвалялся своей военной мощью и насмехался над навыками и умениями персов. Вставил несколько тщательно выбранных замечаний на предмет персидской трусости и отсутствия мужественности. Со смаком порассуждал о прожорливых червях, которые вскоре обоснуются в трупах персов, конечно, при условии, что скользкие твари окажутся достаточно голодными, чтобы питаться таким мерзким мясом.

— О, Боже,— пробормотал Маврикий, погладив седую бороду.

— В конце письма твердо отказался построить баню в крепости,— весело сообщил Велисарий.— Объяснил, что Фирузу баня не потребуется, поскольку я выброшу его останки — после того как самолично убью его — в выгребную яму. Где им, конечно, самое место, поскольку он — ходячий мешок с собачьим дерьмом.

— О, Боже,— Маврикий медленно опустился на стул. Для гектонтарха подобное было нетипичным. Маврикий всегда твердо придерживался правил поведения: почти никогда не садился в штабе полководца.

— Тебе лучше выиграть предстоящую битву,— пробормотал он.— Или нам всем конец.— Правой рукой он сжал рукоятку меча. Напряженная левая рука лежала на столе.

Велисарий склонился вперед и похлопал по ней.

— Теперь ты понимаешь, Маврикий, почему я думаю, что Фируз покажется на месте?

Маврикий скорчил гримасу.

— Может быть. Они обидчивые, эти знатные персидские господа. Но если он достаточно умен, чтобы справиться с гневом, то сам выберет место битвы.

Велисарий откинулся на спинку стула и пожал плечами.

— Не думаю. Да, он умен, но недостаточно: на выбранном мною месте располагается источник, снабжающей водой его лагерь. Понравится ему наше появление или нет, но он не сможет просто позволить нам сидеть на этом месте.

— Ты бы позволил,— тут же ответил Мрорис.

— Я в первую очередь не встал бы лагерем там, где стоит он.

Правая рука Маврикия отпустила рукоятку меча, и он снова погладил ею бороду.

— Он — идиот,— заметил Велисарий.— Рассчитывает на ненадежный источник воды. Если не можешь найти колодец или оазис, как мы, по крайней мере должен проверить, чтобы источник находился на твоей территории.

Гектонтарх немного распрямил спину.

— Хорошо, полководец. Попробуем. Кто знает, может и сработает. В первом законе битв есть одна хорошая вещь, одна-единственная — события могут развиваться и так, и этак.

Мгновение спустя Маврикий встал. Его движения, как и обычно, стали сильными и уверенными. Велисарий тоже встал и проводил гектонтарха до выхода из шатра.

— Как ты считаешь, когда мы доберемся до места? — спросил Велисарий.

Маврикий запрыгнул в седло. Уже сидя на лошади, он пожал плечами.

— Мы хорошо идем,— объявил он.— Конечно, потеряем время, подбирая остатки этих двух кавалерийских полков, но... думаю, начнем окапываться завтра во второй половине дня.

Велисарий почесал подбородок.

— Это оставляет нам достаточно времени. У солдат в последние дни было много практики в этом деле. Проверь...

— Чтобы и кавалерия потрудилась,— закончил Маврикий за полководца.— Проверь, чтобы артиллерия заняла правильные позиции. Проверь, чтобы еда была готова для ливанской армии, когда она подойдет. И кроме всего прочего, проверь, чтобы гора внезапно не обвалилась.

Велисарий улыбнулся шутке.

— Поезжай. Тебе долго добираться до нашей армии. Но сегодня светит яркая луна.

Маврикий воздержался от ответа.

* * *

Когда Велисарий вернулся в шатер и лег, оказалось, что ему трудно заснуть. На самом деле он разделял беспокойство Маврикия. Он слишком многое поставил на карту. Но другого выбора не видел.

Полководец сжал в кулаке мешочек, в котором лежал камень. Сразу же возникла не совсем четко различимая мысль.

Опасность.

Он сел, уставившись на мешочек. Мгновение спустя открыл мешочек и положил камень на ладонь.

Мысль повторилась, на этот раз она «прозвучала» сильнее.

Опасность.

— Значит, вчера это был ты,— прошептал он.

Опасность.

— Я знаю об этом! Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю! Кто ты?

* * *

Грани задрожали и изменили форму, рассыпались и соединились, и все это произошло за какую-то микросекунду. Но **цель** не исчезала. Даже не дрожала. В сильнейшем напряжении грани ковали мысль, которая проникнет сквозь барьер. Но **цель** была слишком уверена в себе, пыталась сделать слишком многое. Сложная и хрупкая мысль разбилась на кусочки при первом контакте с чужим разумом. Остались лишь ее частички, трансмутированные в образ.

Металлическая птица. Из серебра, украшенного чеканкой, и эмали, украшенной золотом, с вкраплениями драгоценных камней. Сидит на крашеном железном дереве — прекрасной работе кузнеца. Одна из лучших поделок, когда-либо выполненных для украшения дворца императора Юстиниана.

— Но тебя-то делали не греческих золотых дел мастера,— пробормотал Велисарий.— Почему ты здесь? Что тебе от меня нужно? И откуда ты появился?

Цель вздыбилась, подобно волне.

Будущее.

Велисарий в отчаянии резко выдохнул.

— Я знаю будущее! — воскликнул он.— Ты мне его показал. Но поменять-то его можно? И ты сам-то откуда взялся?

Отчаяние оказалось гораздо сильнее, чем надежда, предшествовавшая ему. Сама **цель** почти распалась на куски — на мгновение. Но снова окрепла, безжалостно целеустремленная. Из движения граней был получен урок. Терпение, терпение. Концепции, кроме самых примитивных, пока не могли перейти границу. Мешал барьер в чужом разуме. Надо попробовать опять.

Будущее.

Глаза полководца расширились.

Да! Да! Снова! Грани застыли, теперь безжалостные в своей собственной целеустремленности.

Будущее. Будущее. Будущее.

– Дева Мария, Матерь Божия!

Велисарий встал и медленно прошелся по шатру. Он крепко сжимал камень в кулаке, словно пытаясь выжать из него мысли, как можно выжать воду из губки.

— Еще,— приказал он.— Будущее должно быть удивительным местом. Но что ты хочешь от прошлого? Что мы можем предложить?

Снова металлическая птица. Из серебра, украшенного чеканкой, и эмали, украшенной золотой, с вкраплениями драгоценных камней. Сидит на железном дереве, выкрашенном краской. Но теперь изображение резче, четче. Да, она здорово походила на одно из великолепных изделий, выполненных для дворца императора Юстиниана, но оказалась значительно более тонкой работы и более хитрой конструкции.

— Тебя сделали *люди*? — спросил он.— Люди будущего?

— Да.

— Повторяю вопрос: *что ты хочешь*?

Цель колебалась. Микросекунду. Затем поняла: задача все еще находится далеко за пределами ее возможностей. Терпение, терпение. Туда, куда не в состоянии проникнуть мысль, может видение.

Снова раскат грома. Снова: дерево треснуло, рухнуло, все, что было вокруг, скрыто под черной волной. Снова: кристаллы, разбросанные по голой пустыне, кричат от отчаяния. Снова: на пустом, лишенном солнца небе начинают формироваться гигантские лица. Холодные лица. Безжалостные лица. Человеческие, но без обычного человеческого тепла.

Полководец нахмурился. Почти...

— Ты говоришь, что опасность для тебя представляем мы? В будущем? И что ты пришел в прошлое за помощью? Но это сумасшествие!

Грани задрожали и повернулись, почти в отчаянии. Теперь они требовали и направляли требование на **цель**. Но **цель** хорошо выучила урок. Мысли все еще слишком сложные, чтобы перейти границу. Она повелительно отправила грани назад: терпение, терпение.

Снова гигантские лица. Человеческие лица. Ужасные. Покрытые чешуйками, как у дракона.

— Дева Мария, Матерь Божия,— прошептал он.— Это правда.

Эмоция вылетела из камня подобно взрыву. Подобно крику ребенка — не ярости, а глубокой, очень глубокой обиды из-за предательства родителей. Чистая мысль с силой прорвалась сквозь барьер.

Ты обещал.

Да, подумал Велисарий, это жалобный плач ребенка, у которого что-то отняли, но идущий от магического кристалла.

Полководец взвесил камень на руке. Как и раньше, Велисария поразила полная невесомость камня. Тем не менее он каким-то обра-

зом не уплывал прочь, а оставался на ладони. Подобно доверчивому ребенку.

— Я не понимаю тебя,— прошептал Велисарий.— Пока не понимаю. Но... если тебя на самом деле предали, я сделаю для тебя все, что смогу.

От этой мысли у него на лице появилась улыбка, правда, очень грустная.

— Только я не знаю, что могу сделать. Почему ты считаешь, что я в состоянии помочь?

Внезапно от камня поступила тепловая волна. На глаза Велисария чуть не навернулись слезы. Он вспомнил один важный для себя момент: несколько недель назад Фотий наконец его принял. Вначале мальчик капризничал и упрямился, не понимая, кто этот неизвестный ранее, странный огромный дядька, называющий себя его отцом. Но прошло время, и однажды вечером мальчик заснул перед очагом. Почувствовав сонливость, он забрался на колени к Велисарию, положил маленькую головку ему на плечо. Доверил себя отцу, чтобы тот согревал и охранял его ночью.

Велисарий какое-то время молчал, размышляя. Он знал: что-то пошло не так, произошло нечто ужасное — в будущем, которого он не мог представить. Опасность. Опасность. Опасность.

Он понял, что камень очень устал, и решил прекратить допрос. Медленно, но общение становилось легче. Терпение, терпение. У него и так достаточно опасностей в настоящем, с которыми в любом случае приходится сталкиваться.

Но тем не менее оставался один вопрос.

— Почему ты пришел сюда, в прошлое? Что здесь может быть, что поможет тебе... справиться с опасностями будущего?

Теперь камень быстро терял свечение. Но слабый образ все равно дошел.

Лицо, появляющееся из земли, из паутины, птичьих крыльев и лавровых листьев. Его лицо.

Глава 8

— Сделано идеально,— объявил Велисарий.

— Это самая глупая ловушка, которую я когда-либо видел,— заметил Маврикий.— В нее не попадет даже школьник. Даже школьник-гунн.

— Школьников-гуннов не бывает.

— Вот это я и пытаюсь до тебя донести,— проворчал Маврикий.

Велисарий улыбнулся. Широко, но хитровато.

— У меня отличный план, и ты это знаешь. Тебе просто не нравится отведенная тебе в нем роль.

— И это еще не все! Смешно использовать лучшую тяжелую конницу...

— Достаточно, Маврикий,— полководец говорил спокойно, но Маврикий сразу же узнал этот тон. Гектонтарх замолчал. Несколько минут они с Велисарием стояли на вершине небольшой горы на левом фланге римского войска. Оба молчали, просто наблюдали за сбором персидских сил, подходящих с востока. Вражеская армия все еще находилась на значительном расстоянии, но Велисарий уже различал первые отряды легкой конницы, начинающие оглядывать позиции римлян.

Персам не дали подобраться ближе чем на милю от римских рядов: им навстречу вышли три алы легкой конницы гуннов из ливанской армии. Последовал быстрый обмен стрелами, затем персидские разведчики отступили. Потерь с обеих сторон практически не наблюдалось. Велисарий был вполне удовлетворен результатами встречи: для выполнения его плана требовалось, чтобы у персов не появилось возможности хорошо рассмотреть занятые им позиции.

— Теперь негодяи будут держаться подальше,— проворчал Маврикий.

— Хорошо бы,— ответил Велисарий.— Почти полдень. Вскоре поднимется ветер.

Маврикий посмотрел на небо.

— Надо надеяться. Но если нет...

— Достаточно.

Велисарий отправился к противоположной от врага части горы, к своему коню. Он слышал, как за его спиной Маврикий начал отдавать приказы, но поскольку шел быстро, уже не различал отдельных слов. Приказы адресовались недовольным фракийским катафрактам. Крайне недовольным. Фракийские катафракты смотрели на любой пеший поход — а в еще большей степени сражение не в седле — с энтузиазмом пьяницы, которому предложили стакан с водой. Они были элитой, а их тут заставляют служить охранниками сборища ничтожных, презренных, черт их побери, обычных лучников-пехотинцев. Натуральных плебеев. К тому же еще и варваров.

На самом деле они были правы. Четыреста лучников, стоявших на вершине горы, составляли наемный отряд, набранный исключительно из жителей горных районов южной Анатолии. Нецивилизованный народ, но очень крепкие ребята. И привычные к пешим сражениям на горной местности, как с луками, так и с любым другим оружием, которое умеют держать в руках.

Велисарий улыбнулся. Он знал своих катафрактов. После того как фракийцы увидят горных стрелков в действии, они не смогут устоять

против брошенного вызова. На самом деле Велисарий считал своих катафрактов лучшими лучниками в ливанской армии. И они определенно постараются это доказать. К тому времени, как персы попробуют согнать их с возвышенности, фракийцы уже придут в ярость.

Велисарий на мгновение остановился на спуске вниз и снова осмотрел место.

Идеальная горка. Крутые склоны, каменистые. Самая худшая местность для кавалерийской атаки. А персидская знать смотрит на пешее сражение, как епископы на вечное проклятие. Пусть Бог поможет надменным негодяям, когда они будут пытаться проехать на защищенных броней лошадях вверх по этим склонам, да еще одновременно сражаясь против спешившихся фракийских катафрактов и айсоров из горных местностей Анатолии.

Он снова стал спускаться по западному склону горы. Рядом с подножием остановился у лощины, где держали фракийских лошадей. Велисарий приказал группе самых молодых и самых неопытных катафрактов держать лошадей во время битвы. Они выразили еще большее недовольство, чем ветераны.

Один из них, парень по имени Менандр, подвел Велисарию его коня.

— Командир, я наверняка мог бы...

— Молчать!

Затем Велисарий смилостивился.

— Знаешь, Менандр, вероятно, персы отправят отряд вокруг горы, чтобы атаковать нас сзади. Предполагаю, схватка здесь будет горячей и яростной.

— В самом деле?

— О, да. Отчаянная схватка. Отчаянная.

Велисарий надеялся, что врет. Если персам удастся пройти так далеко вокруг возвышенности и они обнаружат лощину с фракийскими лошадьми, это будет означать одно: персы прорвались сквозь римский ряд тяжелой конницы, защищающий левый флаг, и его план провалился. И его армии, скорее всего, пришел конец. Но Менандр повеселел. Парень помог Велисарию вскочить в седло. Обычно Велисарий прекрасно справлялся сам. Но не сегодня, поскольку был облачен в броню. Ни один катафракт, облаченный в доспехи, не в состоянии сесть в седло без какой-либо подставки или помощи другого человека.

Удобно устроившись на спине коня, Велисарий вздохнул с облегчением. В сотый раз он мысленно похвалил себя за здравый смысл: все его фракийцы пользовались скифскими седлами вместо хлипких римских. Римское «седло» представляло собой тонкую подстилку. Скифские седла делались из хорошей кожи и — самое важное — имели заднюю и переднюю луку. На скифском седле у облаченного в

броню кавалериста по крайней мере был какой-то шанс не свалиться с лошади во время битвы.

Велисарий услышал шум позади себя. Он повернулся и увидел, как двое его катафрактов рысью спускаются с горы. По крайней мере, настолько быстро, насколько возможно в чешуйчатых доспехах и латах. Броня закрывала верхнюю часть тел, правые руки и нижнюю часть туловища до середины бедра. На катафрактах также были шлемы с гребнями и открытым забралом, в германском стиле — застегивающиеся под подбородком. Их предпочитало большинство фракийцев. К верхней части левых рук пристегивались небольшие круглые щиты, поэтому левая рука могла спокойно держать лук; из-под доспехов виднелись плотные стеганые брюки для верховой езды персидского фасона и, конечно, они не забыли полный набор оружия. Он включал длинное копье, мощный лук, колчан со стрелами, длинные персидские мечи, используемые только кавалеристами, кинжалы и особое личное оружие, предпочитаемое тем или другим человеком. В данном случае у одного была булава, у другого — легкий короткий меч.

Велисарий узнал приближающихся катафрактов, догадался об их цели и стал сурово хмуриться. Но когда катафракты приблизились, ему не дали произнести ни слова из заготовленной горячей речи.

— Не утруждай себя,— сказал Валентин.

— Нет смысла,— добавил Анастасий.

— Прямой приказ от Маврикия.

— Совсем недвусмысленный.

— Ты — просто полководец.

— А Маврикий — это Маврикий.

Велисарий скорчил гримасу. Не было смысла отсылать Валентина и Анастасия обратно. Они не станут подчиняться его приказу, и он едва ли сможет на них надавить, поскольку...

Он внимательно посмотрел на двух мужчин.

«Поскольку я думаю, что во всей римской армии навряд ли найдется два более крепких — во всех смыслах — воина».

Поэтому он попробовал рассуждать резонно.

— Мне не требуются телохранители.

— Черт побери, ему не требуются! — последовал резкий ответ Валентина.

— Если когда-то и жил человек, которому требовались телохранители, так это ты,— добавил Анастасий. Как и всегда, голос гиганта звучал подобно раскатам грома. Услышав этот голос, профессиональные басисты зеленели от зависти.

Менандр уже вел коней двух катафрактов. Конь Анастасия был самым крупным жеребцом, которого когда-либо кто-либо видел. Анастасий любил животное, в его отношении сочетались и искренняя

привязанность, и просто чувство самосохранения. Ни один конь меньшего размера не смог бы выдержать его вес в полном вооружении. А как иначе сражаться на поле брани? А если еще и конь в броне? Катафракты защищали лошадей чешуйчатыми доспехами. Закрывалась верхняя часть лошадиной головы, шея, отдельные листы предохраняли грудь и верхнюю часть передних ног.

Анастасий помог Валентину забраться в седло, затем забрался сам при помощи Менандра. К тому времени, как он там оказался, молодой катафракт казался полностью измученным этим непосильным трудом.

Велисарий тронулся с места, направляясь к центру римских рядов. За своей спиной он слышал, как два приятеля обмениваются мыслями по поводу сегодняшнего дня.

— Смотри на дело следующим образом, Валентин: очень неприятно сражаться на своих двоих.

— Ничего подобного.

— Ты просто ходить-то не любишь, а уж тут...

— Ну и что? Разве плохо поработать мясником в группе персов, которые пытаются въехать на лошадях вверх по склону?

— Может, он...

— Ты прекрасно знаешь, что нет. Разве он когда-нибудь менял решение?

Тяжелый вздох, словно несколько камней скатились с горы.

— М-м-м? — снова открыл рот Валентин.— Помнишь хоть один раз? Назови мне! Один раз?

Тяжелый вздох.

Бормотание, бормотание, бормотание.

— Что ты там в конце сказал, Валентин? — спокойным голосом спросил Велисарий.— Я чего-то не понял.

Молчание.

— Звучало как «черт побери безголовых командиров»,— заметил Анастасий.

Шипение.

— Но может и нет,— продолжал Анастасий.— Может быть, этот тощий головорез с отвратительным характером произнес: «Черт побери простолюдинов». Конечно, глупо такое говорить при сложившихся обстоятельствах. В особенности когда сам он происходит из простолюдинов. Но, может, он сказал и что-то другое. Ты же знаешь, его обычно все раздражает.

Шипение.

Велисарий так и не повернул голову. Просто улыбнулся. Вначале хитровато, потом широко.

«Может, Маврикий и прав. Пусть Бог поможет персу, который попробует попасться мне на пути. Это точно».

* * *

Добравшись до укрепленного лагеря в центре римских рядов, Велисарий спешился и вошел через небольшие ворота с западной стороны. Валентин с Анастасием решили остаться снаружи. Слишком трудоемко было спешиваться, а потом снова взбираться в седло, внутрь же этого лагеря на коне не въехать.

Сам по себе лагерь не представлял ничего особенного. Его быстро возвели за один день, и состоял он только из рва, за которым поднималась земляная стена. Обычно такие стены укрепляют бревнами, но в этом регионе бревен практически не встречалось. В некоторой степени воины смогли укрепить стену камнями. Где возможно, воткнули в стену ветки. Так обычно и делалось — с внешней стороны, чтобы на них натыкались противники. Но подходящих веток в пустой от растительности сирийской местности тоже не нашлось. Некоторые предусмотрительные и предприимчивые отряды принесли с собой заостренные на концах палки, но стена все равно оставалась хлипким препятствием. На самом деле — жалкая стена, если судить по традиционным стандартам римских полевых укреплений.

Но Велисарий остался доволен. Причем очень доволен, а не наоборот. Он *хотел*, чтобы персидские разведчики сообщили Фирузу: римское укрепление в центре их рядов — просто ветхая развалина, пародия на настоящее укрепление.

Странным был не сам лагерь, а плотность заполнения и положение обитателей. Некоторые римские пехотинцы стояли на страже за стеной, как и следовало ожидать. Однако подавляющее большинство лежало за стеной в неглубоких траншеях, вырытых внутри лагеря. Если смотреть со стороны персов, то в лагере находилось немного народу, на самом же деле там собралось в четыре раза больше римлян, чем могли бы предположить персы по внешнему виду.

Велисарий услышал, как нестройно и резко протрубили трубы. Очень нестройно, как раз так, как он приказал. Словно трубачи трясутся от страха. Воины, стоявшие в поле зрения персов, тоже стали играть отведенные им роли.

К наблюдающему за последними приготовлениями Велисарию рысью подбежал хилиарх ливанской армии, командующий пехотой. Гермоген улыбался от уха до уха.

— Что вы думаете? — спросил он.

Велисарий улыбнулся.

— Наши определенно неплохо входят в роль. Хотя не уверен, что нужно рвать на себе волосы. Или так громко выть. Или так дрожать — отсюда вижу, как у них коленки трясутся.

Гермоген не прекращал улыбаться.

— Лучше слишком много, чем слишком мало,— он повернулся и с восхищением посмотрел на разыгрываемую драму. К этой минуте воины у стены носились взад и вперед, всем своим видом и поведением изображая смятение и беспорядок.

— Не перестарайся, Гермоген,— предупредил Велисарий.— Люди могут слишком увлечься и забыть, что это только игра, рассчитанная на определенных зрителей.

Хилиарх уверенно покачал головой.

— Ни в коем случае. На самом деле они полны энтузиазма и с нетерпением ждут предстоящего сражения.

Велисарий скептически посмотрел на него.

— Это так, полководец. Ну, может, «полны энтузиазма» — слишком сильно сказано. Можно выразиться по-другому: они уверены в себе.

Велисарий почесал подбородок.

— Думаешь? Я считал, что люди скептически отнесутся к такой детской уловке.

Гермоген уставился на полководца. Затем очень серьезно сказал:

— Если бы этот план предложил какой-то другой полководец, то да. Но... это план Велисария. Вот что играет роль.

Велисарий снова посмотрел скептически.

— Вы недооцениваете свою репутацию, командир. Сильно недооцениваете.

Велисарий уже собрался сказать, что план-то, в общем, не его. Он позаимствовал его у Юлия Цезаря, который использовал спрятанные войска в укрепленном лагере в одной из многих битв против галлов. Но не успел произнести и двух слов. Кричал один из часовых, стоявших на стене. На этот раз прозвучало настоящее предупреждение, а не ложная тревога. Велисарий бросился к стене и выглянул наружу. Гермоген присоединился к нему секунду спустя.

Персы наступали.

Велисарий внимательно рассмотрел, как выстроились персы. Шли они впечатляюще, даже устрашающе. Как и всегда персидские армии.

Странная мысль вызвала на губах полководца усмешку.

«Меня всегда удивляет, почему современные греческие ученые и знать не живут в реальном мире. Их представление о персидской армии зафиксировалось тысячу лет назад, в древние времена. Когда небольшое количество дисциплинированных, одетых в броню греческих и македонских гоплитов [1] всегда могли разогнать легковооруженные персидские шайки Ксеркса и Дария [2]. Когда славные фаланги

[1] Гоплит — тяжеловооруженный пехотинец.

[2] Ксеркс, Дарий — цари государства Ахеменидов.

эллинов выступали против разношерстных орд деспотической Азии. Посмотрели бы на реальность — и выпучили глаза, и задрожали бы, как листья на ветру».

Конечно, многие современные греки знали правду. Но они принадлежали к другому классу, не тому, который писал книги, законы, собирал налоги и правил огромными поместьями.

Персия изменилась за столетия. Даже больше, чем Рим. Появился класс крепкой, владеющей землей аристократии. Она составляла настоящую власть Персии. Да, они с почтением относились к Сассанидской династии императоров и служили им, как и парфянам до этого. Но это было условное почтение и служение с чувством собственного достоинства. Гордость объяснялась простым фактом. Персидская аристократия придумала современную тяжелую конницу, и они до сих пор лучше, чем кто-либо на земле, управляли ею и оставались лучшими кавалеристами. Римские катафракты казались просто попыткой скопировать персидскую кавалерию, составленную из знати.

Теперь персы подошли достаточно близко, чтобы их детально рассмотреть.

В отличие от римских армий, использовавших пехоту в центре своих формирований — как якорь битвы, даже если она почти не участвовала в самой битве,— персы почти не брали пехоту в расчет и относились к ней презрительно. Да, наступающая персидская армия включала десять тысяч солдат, передвигающихся на своих двоих. Но выглядели они жалко и создавали впечатление потрепанной разрозненной толпы. Вероятно, современная персидская пехота была даже хуже, чем толпа, разогнанная гоплитами при Марафоне несколько столетий назад. Несчастные новобранцы из крестьян, начисто лишенные брони, прикрывающиеся лишь щитами из шкур животных, вооруженные только легкими копьями и дротиками. Единственной их обязанностью считалось добивание раненых врагов и выступление в роли буфера против наступающих противников. В общем и целом — вооруженный скот.

Только один раз взглянув на них, Велисарий не стал тратить время. Внимание полководца привлекла кавалерия, приближавшаяся в центре персидской армии. Его опытный глаз сразу же отметил порядок.

В центре персидской конницы находились тяжеловооруженные знатные копьеносцы на спинах огромных военных коней, специально выращенных на персидском плато. В свою очередь каждый знатный господин привел на битву небольшое окружение, состоявшее из более легко вооруженных наездников с луками. Наездники-лучники начнут битву и станут сражаться бок о бок с тяжеловооруженными копьеносцами. Когда копьеносцы пойдут в атаку, лучники на лошадях выступят в качестве щита, чтобы оттеснять вражескую кавалерию и выводить из строя вражеских лучников, пока копьеносцы разгоняют врага.

Это была яростная, хорошо дисциплинированная военная машина. На протяжении более чем ста лет ни одна римская армия не смогла выиграть ни одного генерального сражения на открытом поле брани против Персии.

Но Велисарий был полон уверенности в своих силах.

«Сегодня я сделаю это».

Он отвернулся от стены. Однако перед тем, как уйти, остановился на мгновение и посмотрел на Гермогена. Хилиарх, командующий пехотой, улыбнулся.

— Расслабьтесь, командир. Занимайтесь кавалерией. Пехота выполнит свою работу.

* * *

Снова вскочив в седло, Велисарий отправился к правому флангу армии. Правый флаг находился под руководством командиров-кавалеристов из армии Ливана. Велисарий намеревался лично находиться там в начале сражения. Хотя ливанская армия и приняла его командование, он знал: они быстро сорвутся с поводка, если его не окажется поблизости, чтобы этот поводок крепко удерживать. Его планы мог нарушить поспешный, незапланированный бросок кавалерии. Полководец знал из опыта: кавалеристы всегда хотят совершить нечто подобное.

«Вот что мне еще нравится в пехоте. Когда человеку приходится идти в атаку на своих двоих, он предпочитает вначале подумать. От размышлений устаешь меньше».

Видя его приближение, хилиархи, командующие кавалерией, поехали ему навстречу.

— Теперь скоро,— объявил Эутих.

Велисарий кивнул.

— Да...

Его прервал громкий звук трубы. Велисарий повернулся в седле как раз вовремя, чтобы увидеть, как первые метательные снаряды и простые камни вылетели из шести катапульт, которые он велел поставить за укрепленным лагерем. Фока правильно рассчитал расстояние и отдал приказ для артиллерийской атаки.

Уголком глаза Велисарий заметил недовольную гримасу на лице Фараса.

Велисарий понял значение этого выражения. Как и большинство современных римских командиров, Фарас считал, что артиллерия в сухопутном сражении не нужна.

Велисарий не стал спорить. Из опыта он знал: споры в таком случае бессмысленны.

«Они просто не понимают. Конечно, эти проклятые катапульты очень неудобно таскать за собой. Конечно, они на самом деле не приносят такого уж большого урона противнику. Но они делают две неоценимые вещи. Во-первых, расстраивают ряды вражеской армии. Внимательный воин, даже если он в тяжелом вооружении сидит в седле, обычно может уклониться от метательного снаряда или камня, выпускаемых катапультами,— но только, конечно, если его с двух сторон не прижимают товарищи, не оставляя места для маневра. Поэтому враг начинает рассредотачиваться. Второе и самое важное — воина приводит в ярость тот факт, что в него стреляют, когда он находится слишком далеко, чтобы ответить тем же. Поэтому он бросается вперед. А это как раз то, что мне нужно. Стратегическое наступление, тактическая защита. Вот и весь секрет, если вкратце».

Двое хилиархов уже галопом неслись к переднему ряду. Велисарий последовал за ними. Ему требовалось наблюдать за ходом битвы, и он уже решил, что будет делать это справа. Конечно, гора могла бы служить прекрасным местом обзора, но тогда он оказался бы слишком далеко от правого фланга армии, самого сильного и самого ненадежного одновременно.

Когда он приблизился к первому ряду, персы уже пошли в атаку. Он сразу же понял, что враги начали слишком быстро. А даже огромные персидские кони не могут атаковать слишком долго и не устать.

«Значит артиллерия вот уже в который раз сыграла свою роль».

Но все-таки персы — не готы. Начав кавалерийскую атаку, готы всегда пытались довести ее до конца. Опытные и цивилизованные персы со своей благородной гордостью были слишком хитры, чтобы не заподозрить ловушку.

Поэтому, как только они оказались в зоне досягаемости стрел, персидская тяжелая конница остановила коней и дала животным отдышаться. Более легко вооруженные лучники продолжали скакать вперед и стреляли.

Фарас не стал ждать приказа Велисария и сам приказал римским лучникам-наездникам выдвигаться вперед. Гунны галопом бросились на поле брани, стреляя из луков. Через мгновение началась перестрелка.

Соревнование между персами и гуннами было неравным. Как и всегда, персы стреляли с такой же скоростью, что и гунны — гораздо быстрее, чем римские катафракты или пехотинцы регулярной армии. Но броня у персов была покрепче, и эта броня играла важную роль против относительно слабых луков, используемых обеими сторонами.

Вскоре гунны стали отступать. Персидские лучники не пытались преследовать их. Они не были дураками и прекрасно знали: гунны превосходят всех в умении превратить отступление во внезапную контратаку. Поэтому они просто удовлетворились дисциплинированным,

упорядоченным наступлением. По мере наступления не прекращали выпускать стрелы.

Фарас стал ворчать, но Велисарий его оборвал. Сразу же. Как он и предполагал, хилиарх уже забыл про план битвы.

— Прекрасно,— объявил Велисарий.— Гунны уже добились успеха: левый фланг врага отделился от остальной армии.

— Но они наступают на нас! — закричал Фарас.

«Как этот идиот дошел до хилиарха? Я не доверил бы ему и выпечку хлеба. Потому что первым делом он бы потерял рецепт».

Но вслух он сказал мягким тоном:

— Именно этого я и хочу, Фарас. Пока персидский левый фланг наступает на наш правый, они заняты и не могут больше ничем заниматься. Например, наступать на наш левый фланг, где и решится битва.

Велисарий проигнорировал кипящего от гнева хилиарха и смотрел, как сражение развивается на другой стороне поля. Наемники из Анатолии и фракийские катафракты на горе теперь начали стрелять из луков по персидской кавалерии, рассредоточившейся в центре поля. Через пять минут стало очевидно, что предварительные оценки Велисария оказались правильными.

У лучников-катафрактов имелось одно главное преимущество надо всеми остальными. Именно поэтому Велисарий поставил своих фракийцев на вершине горы. За отдельными исключениями, типа Валентина, они не умели стрелять из лука с такой скоростью, как персы или гунны. Но никто из лучников в мире не стрелял с большей точностью и никто — с такой зловещей силой. Используя преимущество высоты, стрелы катафрактов врезались в ряды персидской кавалерии, привнося панику и разлад. Даже доспехи персидской знати не могли предохранить от этих стрел. А катафракты — в особенности ветераны — в любом случае не целились в персов. Они целились в лошадей. Броня тяжеловооруженных персов могла бы противостоять стрелам, но стрелы-то врезались в незащищенные части тел животных. Умирающие и раненые животные падали на землю, увлекая за собой наездников, и вносили дикую панику в ряды тяжелой конницы врага.

Внезапно Велисарий почувствовал дуновение ветерка в спину и вздохнул с облегчением. Он ожидал его, но все равно...

Ветер, дующий в запада на восток, увеличит дальность полета стрел и снарядов армии Велисария и сократит дальность полета персидских стрел или вообще изменит их траекторию. Однако более важным казалось изменение видимости. На поле брани и так уже клубилась пыль, поднятая копытами лошадей. Как только ветер усилится, пыль также полетит с римской стороны на персидскую. Враг будет наполовину ослеплен даже на близком расстоянии.

— Они собираются атаковать,— предсказал Эутих, второй хилиарх кавалерии.— Нас, по этому флангу.

— Слава Богу! — хмыкнул Фарас. Хилиарх немедленно отъехал, покрикивая на подчиненных ему командиров низшего ранга.

Велисарий оглядел поле брани и решил, что Эутих прав.

«Черт побери! Я надеялся...»

Он внимательно посмотрел на Эутиха, оценивая его. Решение, как и обычно, пришло быстро, и его принятию помог, кроме всего прочего, прямой взгляд, который хилиарх не отводил.

— Я могу надеяться, что ты не такой идиот, как этот? — спросил Велисарий, показывая большим пальцем на удаляющуюся фигуру Фараса.

— Что вы имеете в виду?

— Могу ли я рассчитывать на то, что ты просто встретишь персов на месте? И все. Я хочу, чтобы персов просто удерживали на этом фланге. И это в с е. Ты понял? Они превышают нас по численности, в особенности тяжелая конница. Если ты попытаешься выиграть битву здесь, доблестной идиотской атакой по всему этому флангу, то персы разрубят здесь всех на куски и у меня не останется правого фланга вообще. Сражение будет выиграно на левом. Мне просто нужно, чтобы правый фланг выстоял и отвлекал превосходящие силы врага. Ты можешь это сделать? Ты это сделаешь?

Эутих бросил взгляд на Фараса.

— Да, Велисарий. Но он старше меня и...

— Оставь Фараса мне. Ты будешь держать этот фланг? И больше ничего не делать?

Эутих кивнул. Велисарий поехал к небольшой группе командиров, собравшихся вокруг Фараса. Направляясь туда, многозначительно посмотрел на Валентина и Анастасия. Лицо Анастасия стало каменным. Валентин улыбнулся. На его узком лице с резко очерченными чертами улыбка казалась дикой и безжалостной.

По мере приближения Велисарий смог разобрать команды Фараса своим подчиненным. Как Велисарий и опасался, хилиарх организовывал фронтальную атаку против приближающихся персов.

Велисарий въехал прямо в группу командиров. Боковым зрением он увидел, как Валентин ставит коня рядом с Фарасом, а Анастасий устраивается как раз напротив.

«Спасибо, Маврикий».

— Достаточно, Фарас,— сказал Велисарий. Он говорил резким холодным тоном.— Наша основная атака будет проведена позже, с другого...

— Черт побери! Я буду сражаться сейчас! — заорал Фарас.

— Наш план битвы...

— Да пошел он к черту, твой идиотский план битвы! Это полная чушь! План труса! Я сражаюсь...

— Валентин!

В своей жизни Велисарий никогда не встречал человека, способного более быстро и умело пользоваться мечом, чем Валентин. И более безжалостно. Длинное, стройное и ловкое тело катафракта сработало, как пружина. Он снял мечом голову Фараса так же чисто и быстро, как мясник обезглавливает курицу.

Как и всегда, удар Валентина был экономичен. Никакого показного геройства, никаких лишних движений. Ровно столько, сколько нужно для выполнения работы. Голова Фараса скатилась с шеи и упала на землю рядом с его конем. Мгновение спустя обезглавленное тело свалилось с другой стороны. Залитый волной крови конь понесся прочь.

Командиры стояли с открытыми ртами. Они были в шоке. Один из них начал вынимать меч. Анастасий ударил его по спине. Тут не наблюдалось никакой экономии — булава гиганта отправила мужчину в полет через голову лошади. Хорошо тренированная лошадь даже не дернулась с места.

Велисарий тоже выхватил меч. Четверо оставшихся в группе командиров теперь оказались полностью зажаты Велисарием и двумя его катафрактами. Они все еще не закрывали ртов, их лица побледнели.

— Я не потерплю предательства и неподчинения,— объявил Велисарий.

Говорил он тихо. Холодным, как лед, тоном. Холодным и смертоносным.

— Вы поняли меня?

Открытые рты. Бледные лица.

— Вы поняли меня?

Валентин положил ладонь на рукоять меча. Анастасий демонстративно поднял булаву.

— Вы поняли меня?

Рты закрылись. Лица остались бледными, но головы стали кивать. Через две секунды — с неистовством.

Велисарий расслабился в седле и вставил меч в ножны, висевшие на поясе. Валентин, конечно, не сделал ничего подобного. И Анастасий не торопился убирать булаву.

Велисарий повернулся и посмотрел на Эутиха. Хилиарх находился не более чем в тридцати ярдах. И он, и его непосредственные подчиненные наблюдали за всей сценой. Как, по оценке Велисария, и дюжины кавалеристов ливанской армии. Лица Эутиха и его подчиненных побледнели. Но, отметил Велисарий, они не казались особенно возмущенными. На самом деле как раз наоборот.

Он внимательно оглядел кавалеристов. Никакой бледности. Возможно, кое-кто и нахмурился, но появилось и много улыбок, и улыбки перевешивали количественно. Некоторые просто широко улыбались. Как подозревал Велисарий, Фарас не пользовался особой популярностью.

Велисарий снова сурово посмотрел на Эутиха. Хилиарх внезапно улыбнулся — едва — и кивнул.

Велисарий повернулся к командирам, стоявшим рядом с ним.

— Вы будете подчиняться мне мгновенно и без вопросов. Вы поняли?

Они быстро кивнули. Анастасий опустил булаву. Валентин меч не убрал.

Внезапно затрубили трубы. Велисарий снова повернулся. Он больше не видел персидскую армию, потому что вид закрывала масса кавалеристов на передней линии. Очевидно, персы начали атаку. Эутих с подчиненными ему командирами низшего ранга ехали вдоль рядов, выкрикивая приказы.

Теперь Велисарий торопился. Он быстро отдал простые приказы четырем командирам, стоявшим рядом с ним.

— Эутих будет держать правый фланг, используя половину тяжелой конницы ливанской армии и всех лучников-кавалеристов. Вы четверо должны собрать другую половину копьеносцев и держать их в резерве.— Его голос стал стальным.— Я хочу, чтобы они были готовы к атаке, когда я скажу, там, где я скажу, и так, как я скажу. Это понятно?

Все судорожно закивали.

Велисарий посмотрел на Анастасия и Валентина.

— Пока битва не закончится, эти двое считаются следующими за мной по рангу. Вы должны подчиняться им так, как если бы приказы отдавал я. Это понятно?

Очень быстрые кивки.

Велисарий уже собрался представить катафрактов по имени, потом передумал. Для ближайших целей они уже достаточно хорошо представлены.

Смерть и Разрушение, подумал он. Прекрасно подойдет.

* * *

После того как четверо командующих отправились собирать и сортировать свои силы, Велисарий поехал на передний фронт. По мере его приближения легкая конница гуннов начала возвращаться с поля брани. Они не могли противостоять приближающимся персидским копьеносцам и знали это.

«Вот что хорошо в наемниках,— думал Велисарий.— По крайней мере они не пойдут в идиотскую атаку, наемники — не самоубийцы».

Несмотря на то что они были наемниками, гунны считались хорошими солдатами и опытными ветеранами. В отступлении не наблюдалось ни паники, ни беспорядка. Только оказавшись в относительной безопасности римских подразделений, они начали перегруппировываться. Гунны знали, что тяжелая римская конница вскоре выступит вперед и им потребуется обеспечивать ей прикрытие против персидских лучников-наездников.

Велисарий теперь находился как раз за первым рядом тяжелой римской конницы. Стоя между двумя кавалеристами, он наблюдал за приближением персов.

Тяжелая персидская конница еще не начала атаку и не пустилась галопом. Им еще предстояло преодолеть двести ярдов до римских рядов. Персы сами были ветеранами и знали, что означает довести до изнеможения своих коней — в особенности если сражение проходит жарким сирийским летом. Несмотря на это, их подобное грозе наступление впечатляло. Две тысячи тяжеловооруженных копьеносцев шли четырьмя рядами, поддерживая порядок, по бокам приближались три тысячи лучников-наездников, поддерживая прекрасную дисциплину.

Очень впечатляюще, но...

Римские лучники на укреплениях — хассанские наемники — теперь направляли свои стрелы только на персидскую кавалерию, атакующую справа. В эти минуты они игнорировали персидских лучников-наездников, идущих по центру и стрелявших в лагерь. Гермоген, как отметил Велисарий, не терял голову. Защищенная стеной, его пехота понесет легкие потери от персидских лучников. Тем временем их стрелы могут приостановить наступление персидских копьеносцев.

Гермоген хорошо подготовил своих людей. Арабские лучники преодолели искушение выпустить стрелы в самих копьеносцев. Тяжелая броня, закрывающая тела, отклонит стрелы, выпущенные из легких луков, в особенности с такого расстояния. Вместо этого лучники целились по незащищенным ногам коней. Да, расстояние было большим, но Велисарий видел, что большое количество животных падает, увлекая за собой всадников.

С горы стрелы полетели на персидскую конницу, приближающуюся к правому флангу римлян. Но стрелы не долетали, и стрельба тут же прекратилась. Велисарий понял, что Маврикий остановил слишком горячих катафрактов. Расстояние — по диагонали через все поле — оставалось слишком большим, даже для мощных луков и при помощи ветра. Вместо этого Маврикий приказал катафрактам и парням из Анатолии сконцентрироваться на легковооруженных лучниках-наездниках в центре.

Велисарий порадовался этому. Его армия функционировала так, как должно хорошее войско. Лучники слева защищали пехоту в центре, пока та пыталась прогнать наступающих справа персов.

Катапульты выпускали камни, летевшие в тяжелую персидскую конницу, образуя дыры в ее рядах. Кавалерия стала рассредотачиваться, теряя компактность формирования.

«Хорошо, Фока, хорошо. Но с этим ветром возможно... Да!»

Следующий поток артиллерийских ударов угодил как раз по центру персидского командования, собравшегося группой в арьергарде. Персидские офицеры не ожидали артиллерийских ударов и их внимание полностью концентрировалось на поле сражения. Прилетевшие камни оказались полной неожиданностью. Потери — ужасными. В людей, сидевших на лошадях, попали огромные камни, выпущенные катапультами. Тут не помогла и тяжелая броня. Другие катапульты, именуемые скорпионами, выпустили огромные стрелы, размером с хорошее копье. От них персидская броня тоже не защищала. Одного из офицеров, в которого одновременно попали две стрелы из скорпиона, буквально разорвало на куски.

Как и всегда во время битвы, карие глаза Велисария напоминали камни. Но его холодный взгляд проигнорировал жертвы артиллерии. Его внимание полностью концентрировалось на выживших.

«Пожалуйста, пусть Фируз все еще остается жив. О, пожалуйста, пусть этот самоуверенный, горячий болван еще остается в живых. Да!»

Очевидно, Фируз пришел в ярость. Велисарий узнал яркий плащ и оперение на шлеме персидского главнокомандующего, лично ведущего в атаку основную часть своей армии на центральные ряды римлян. Три тысячи тяжеловооруженных копьеносцев с четырьмя тысячами лучников-наездников по флангам уже неслись галопом.

Эта была атака, достойная идиота Фараса — мертвого Фараса, которого никто не оплакивал. Персидским копьеносцам в центре предстояло преодолеть полмили до римских укреплений. Полмили при дикой жаре, против пыли, летящей им в лицо — ветер не утихал. Это был верх глупости. И еще более глупо из-за трех тысяч персидских наездников-лучников, уже находившихся в центре поля. Наступающие персидские копьеносцы будут спотыкаться о свои собственные войска.

Однако на полпути к персам вернулась способность соображать, хотя бы частично. По крайней мере, к наездникам-лучникам, уже находившимся в центре. Увидев наступающих копьеносцев, сидевших на конях, лучники разбежались прочь с дороги. Их офицеры повели их в атаку против небольшой группы римлян на горе.

Велисарий внимательно наблюдал. Он был уверен: его катафракты и представители горных местностей Анатолии в состоянии отразить атаку, даже если противник будет превосходить их по численности в пять раз. Персам предстоит взбираться по крутым склонам под непрекращающимся огнем. А если станет туго, то у Велисария есть еще две тысячи кавалеристов из его собственной небольшой армии, сто-

ящие на левом флаге, недалеко от горы. Но он не хотел использовать там этих ребят, если в этом не будет крайней необходимости. Полководец хотел, чтобы они оставались свежими, когда...

Внезапно протрубили трубы. Кавалеристы стали стрелять из луков в персидских копьеносцев, которые теперь находились менее чем в ста ярдах. Мгновение спустя трубачи снова протрубили. Римская кавалерия бросилась в атаку, чтобы встретить наступающих копьеносцев. Они выпустили последний поток стрел в начале атаки, а затем убрали луки. Теперь придется работать копьем и мечом.

Велисарий бросил взгляд в центр. Но ничего увидеть не смог. Все поле брани теперь закрывала пыль, которую ветер нес персам в лицо. Однако Велисарий все еще мог видеть гору за клубами пыли. После трех или четырех секунд наблюдения за спокойным и уверенным поведением фракийских катафрактов и представителей горных местностей Анатолии, продолжающих стрелять из луков, Велисарий не сомневался: они продержатся. По крайней мере, достаточно долго.

Время пришло.

Он посмотрел на развертывающееся перед ним сражение. Гунны из ливанской армии заходили справа, пытаясь окружить персидских лучников-наездников. Но персидские лучники также были ветеранами и стали раздвигать свои ряды, чтобы встретить гуннов на полпути. Это часть битвы незамедлительно превратилась в хаотичное кружение наездников, обменивающихся стрелами, часто сидя друг напротив друга.

Теперь пыль поднималась везде. Восхитительная, закрывающая обзор пыль, летящая с запада на персов, ослепляющая их и не дающая увидеть римские маневры.

Единственной частью битвы, которую Велисарий все еще мог видеть — кроме вершины горы,— было столкновение между копьеносцами из ливанской армии и копьеносцами с левого персидского фланга. Эутих и его две тысячи тяжеловооруженных всадников сражались лицом к лицу с равным количеством персидской тяжелой конницы. Шум поля брани, казалось, наполнил всю вселенную. Лязг металла, крики людей и ржание лошадей наполнили воздух.

Эту часть битвы должны были выиграть персы. За исключением лучших катафрактов, никакая тяжелая римская конница не могла победить равное количество персидских копьеносцев. Но наблюдая за напором и смелостью атаки Эутиха, Велисарий был более чем удовлетворен. Эутих проиграет свою часть сражения, но к тому времени, как это произойдет, римляне победят на всем поле в целом.

Большего Велисарий и не требовал.

«Держи правый фланг, Эутих. Просто держи его. И попытайся выжить. Я намереваюсь использовать подобного командующего».

Велисарий отдал приказы через Валентина и Анастасия. Четверо оставшихся командиров ливанской армии быстро подчинились. Очень быстро. Две тысячи копьеносцев этой армии Велисарий держал в резерве — те самые, которых Фарас собирался отправить на самоубийство во время первой атаки. Теперь они двигались по полю брани в хорошем порядке. С юга на север, за рядами римлян, с правого фланга на левый. Персы их совсем не видели из-за пыли.

Когда они оказались за укрепленным лагерем, Велисарий приказал остановиться. Он думал, что еще есть время, и хотел удостовериться, что главное сражение идет в центре.

Поэтому, пока копьеносцы армии Ливана давали своим лошадям отдохнуть, Велисарий поскакал в лагерь и въехал в него через западные ворота. Теперь, даже несмотря на пыль, он мог видеть происходящее.

Как он и планировал (не будучи полностью уверенным — хотя он никогда не признается в этом угрюмому старому Маврикию), основная часть персидских копьеносцев в центре попала в капкан. Да, по приказанию идиота, но — вот она красота первого закона битв. Все может повернуться и так, и этак.

Сидя в седле не более чем в тридцати ярдах от укрепленной стены, Велисарий понял: ему трудно не улыбнуться. Он не видел, что случилось, но знал.

Представьте три тысячи персидских копьеносцев, с грохотом несущихся на несчастную маленькую земляную стену, которую защищают не более тысячи испуганных, жалких, несчастных пехотинцев. Они просто сметут врага, правильно? Подобно лавине!

Ну, не совсем так. Возникли проблемы.

Во-первых, на каждом коне сидело по человеку (в большинстве случаев крупному мужчине) с пятьюдесятью фунтами брони и двадцатью фунтами оружия — если не считать еще сто фунтов брони на самом коне. А галопом полмили, да еще и при дикой жаре сирийского лета?

Значит, кони устали, недовольны и мысли у них в головах черные.

Второе — лошади не глупы. На самом деле они немного поумнее людей, когда дело касается таких вот ситуаций. Такой вот лошадиный разум. Поэтому, когда лошадь видит маячащие впереди ров, стену, кучу народа на стене, держащих в руках некие предметы с острыми концами,— лошадь останавливается. Черт с ней, с атакой. Если какой-то глупый человек хочет броситься на все эти опасные вещи, пусть бросается (что люди довольно часто и делают — перелетая через головы своих упрямых лошадей).

Подобное очень часто случалось во время кавалерийских атак, и Велисарий — всю жизнь — поражался тому, как судорожно люди продолжают держаться за старые привычки, несмотря на весь практический опыт и свидетельства о противоположном результате. Да, лоша-

ди пойдут в атаку — против пехоты на открытой местности, против кавалерии. Против кого угодно при условии, что лошадь видит: у нее есть шанс перебраться через возвышающиеся впереди препятствия, причем без значительных повреждений для себя.

Но ни одна нормальная лошадь не станет атаковать стену, через которую не способна перепрыгнуть. В особенности стену, утыканную неприятными острыми предметами.

И нет смысла убеждать лошадь, что пехота, защищающая стену,— это жалкие деморализованные слабаки.

— Правда? Вот что я тебе скажу, придурок. Слезай-ка ты с моей спины и покажи мне пример. Давай отправляйся ножками. А то мои болят.

Лошадь остановилась бы перед рвом или стеной, даже если бы укрепление на самом деле защищала только тысяча деморализованных пехотинцев. Однако в данном случае, когда лошади приблизились, Гермоген отдал приказ и трубачи заиграли новую мелодию. О, великолепную мелодию.

Неожиданность!

Другие три тысячи кавалеристов, прятавшиеся за стеной, вскочили на ноги и заняли позиции. Теперь стена была буквально покрыта торчащими наружу копьями, а держали их воины, полные уверенности в себе и готовые к сражению.

Первый конный ряд остановился. Многих наездников сбросило на землю. Некоторых убило само падение. Большинство выживших пережили сильное потрясение и получили увечья.

Второй ряд лошадей натолкнулся на первый, третий на второй. Еще часть всадников сбросили. К увечьям, полученным при падении, добавились увечья от наступивших на людей коней. Через несколько секунд вся наступавшая масса персидских копьеносцев превратилась в немобильную, пытающуюся подняться или выбраться из затора, полностью дезорганизованную толпу. И теперь, что хуже всего, римская пехота принялась бросать дротики в суетящихся персов. С близкого расстояния, против сгрудившейся массы дезориентированных кавалеристов, свинцовые дротики были наводящим ужас оружием. Более того, бросавшие их пехотинцы знали свое дело.

Трубы снова затрубили. Тысячи римских пехотинцев стали перебираться через стену. Многие из них держали в руках мечи. Каждый из них бросится в кучу персидской кавалерии и использует испытанную временем тактику пехоты против одетой в доспехи кавалерии.

Возможно, это была подлая тактика, и она никогда не срабатывала против движущейся конницы, но против кавалеристов, которых заставили остановиться, она срабатывала неизменно, как восход солнца.

Перерезать подколенное сухожилие и выпустить кишки у лошади. Затем убить надменных знатных господ, после того как они, как

простые смертные, окажутся на земле. Вы только посмотрите, как им помогли их дорогие тяжелые доспехи. И их копья, и их разукрашенные длинные мечи. Это работа для ножа, мой господин.

Велисарий выехал из лагеря. Битва — его, если только удастся нанести последний удар.

Несмотря на все желание выиграть, Велисарий был осторожен и ехал медленно. Время есть, есть время. Немного, но достаточно. Он не хотел, чтобы погибли лишние кони.

Не дожидаясь его приказа, Валентин и Анастасий заставили сбавить скорость тех, кто горел желанием пустить коней побыстрее. Время есть. Есть время. Немного, но достаточно.

Когда они обогнули западный склон горы, две тысячи кавалеристов из собственной армии Велисария присоединились к ним. Теперь у него была ударная сила из четырех тысяч человек, еще не вкусивших крови и уверенных в себе, на свежих лошадях.

Велисарий увидел маленькую фигурку, стоявшую на склоне и наблюдающую, как мимо проезжает армия. Менандр все еще на посту, который он так не хотел занимать. Даже с такого расстояния, как подумал Велисарий, он различил горький упрек на лице паренька.

«Прости, парень. Но ты еще получишь свою долю крови в будущем. И вот *это* меня на самом деле расстраивает».

Теперь его силы огибали северный склон горы. Они уже проехали практически мимо всех рядов и были готовы врезаться в незащищенный правый фланг врага.

Они выехали из-за горы с Велисарием во главе. Центр поля все еще закрывала пыль, но теперь римляне видели персидских лучников-наездников, пытавшихся штурмовать гору. Там уже полегло много народу и было очевидно: персы теряют мужество.

Вскоре они испытали настоящий ужас. Четыре тысячи римских копьеносцев пробирались сквозь лучников-наездников, даже не останавливаясь. Мгновения спустя они исчезли в пыли, нацеливаясь на персидских копьеносцев, сгрудившихся в центре.

Велисарий наполовину повернулся в седле и дал сигнал следовавшим за ним. Трубачи протрубили приказ на фронтальную атаку. Звук их труб оказался слабым на фоне режущего барабанные перепонки бедлама на поле брани.

Но несмотря на весь шум, полководец слышал разговор Валентина с Анастасием, следующих прямо за ним.

— Я тебе говорил,— донесся голос Валентина.

Анастасий буркнул что-то неразличимое.

Валентин ответил себе под нос.

— Вы это о чем? — спросил Велисарий.— Я что-то не уловил.

Валентин молчал.

— Мне кажется, он сказал: черт побери отважных полководцев,— заявил Анастасий.

Валентин зашипел.

— Но может, и нет,— продолжал Анастасий.— Шумно. Может, этот хладнокровный маленький убийца сказал: черт побери эту казну. Конечно, идиотская вещь, чтобы говорить на поле брани. Но он...

Больше Велисарий ничего не расслышал. В пыли замаячил первый персидский копьеносец, повернувшийся к ним спиной. Велисарий высоко поднял копье и пронзил им сердце перса. Враг свалился с лошади, забрав с собой свое копье.

Еще один перс наполовину повернулся вправо. Велисарий вырвал длинный меч из ножен и тем же движением отрубил руку врага. Затем зарубил следующего перса — снова со спины. Меч вошел ему в шею, как раз там, где кончался шлем. Всадник упал с лошади на землю без сознания. В такой толкотне ему не прожить и минуты: его затопчут.

Вся римская кавалерия ворвалась в ряды персов, начав с правого края уже дезорганизованной формации. Бойня ужасала. Атака оказалась совершенно неожиданной для персов. Многие из них упали в первые несколько секунд, под ударами, которых они даже не заметили.

Конечно, в некоторой степени Велисарий теперь оказался перед той же дилеммой, перед которой недавно стояли персы. Тысячи персов, столпившихся напротив римского лагеря в центре поля, были не совсем стеной. Но почти. Однако лошади испугались, начали шарахаться в разные стороны, сталкиваться, и копья оказались бесполезны. Теперь следовало работать мечом, булавой и топориком. Бойня продолжалась.

Тем не менее, несмотря на продолжающееся столпотворение, конец был определен. Персы оказались в капкане между равным количеством тяжелой римской конницы и тысячами римских пехотинцев. Их самая сильная черта — несравненное персидское мастерство при фронтальном наступлении быстрой конницы — была полностью нейтрализована. А как кавалерист средний римлянин им не уступал. Но это было уже не кавалерийское сражение. Получилась чисто пехотная битва, в которой большинство воинов просто сидели в седле.

Как и всегда в таких обстоятельствах, все большее и большее число людей — с обеих сторон — вскоре оказывалось на земле. Практически невозможно долго размахивать тяжелыми мечами и топорами и не свалиться с лошади. Всадник удерживался на лошади благодаря давлению колен и если возможно — а в битве обычно невозможно — рукам, держащимся за луку седла. А хорошо нанесенный удар даже по доспехам или щиту из седла выбивает. Если промахнулся, нанося удар, теряешь равновесие и тоже падаешь на землю, просто по инерции.

Поэтому примерно через пять минут после начала схватки около половины кавалеристов с обеих сторон оказались на земле.

— Да, будет жарко, как на Тразименском озере,— проворчал Анастасий и свалил замахнувшегося на него перса. Ничего удивительного. Анастасию вообще не требовалось беспокоиться — булава гиганта пробила щит врага и врезалась в шлем с такой силой, что треснул череп.

Велисарий скорчил гримасу. Древняя битва на Тразименском озере была частью римского армейского фольклора. Она произошла во время Второй Пунической войны[1] и началась как чисто кавалерийская, а закончилась как чисто пехотное сражение. В соответствии с легендой, все до последнего воины с обеих сторон упали с коней до того, как исход был разрешен.

Велисарий в глубине души удивлялся, что все еще сидит в седле. Конечно, он в нем оставался частично благодаря своим телохранителям. За все время военной карьеры Анастасий с лошади упал во время битвы только один раз. На самом деле это не считалось — вначале упал его конь, поскользнувшись на снегу на каком-то безымянном небольшом поле в Дакии. А вообще этот воин был таким огромным и мощным — и конь соответствующий — что мог обмениваться ударами с кем угодно, оставаясь в седле.

С другой стороны, Валентин оказался на земле очень скоро — как только все вокруг стали сражаться подобно пехотинцам. Валентин представлял для врага большую опасность, чем Анастасий, но его смертоносные удары были результатом умения, ловкости и скорости. Эти черты практически сводились к нулю в подобной схватке, если бы он остался сидеть на лошади.

Однако Валентин участвовал в схватках не первый год. Несмотря на все шуточки о пехотинцах и сражениях на своих двоих, он сам мгновенно спрыгнул с лошади и стал сражаться на земле. Результатом стала ужасная череда коней с подрезанными сухожилиями и вспоротыми брюхами и их бывших наездников в лужах собственной крови.

Полководца защищали эти двое, к ним прибавлялись его собственные умения — в результате Велисария даже не царапнуло.

Но... это казалось странным. Было что-то еще. Вначале Велисарий не обратил внимания на странность. Потом возникла небольшая пауза в сражении и у него появилась возможность подумать. Но факт оставался фактом: он сражался даже слишком хорошо.

Полководец слышал, как про него говорили: «Смертельны удары Велисария». Да, это — ничем не приукрашенная правда. Но он никогда не нес смерть врагу с таким бесстрашием, как в тот день. Он не стал сильнее или выносливее. Это было... странно. Казалось, он видит

---

[1] Пунические войны — войны между Римом и Карфагеном за господство в Средиземноморье. Битва при Тразименском озере состоялась в 217 году и закончилась победой карфагенян во главе с Ганнибалом.

все с идеальной четкостью, даже сквозь пыль. Казалось, он идеально рассчитывает и оценивает каждое движение врага, и с такой же точностью — свои удары. Раз за разом он наносил удары на грани фола, зная — он убьет. Раз за разом он проскакивал в узкие щели, используя все открывающиеся возможности, одновременно нанося удары и не получая увечий — тем не менее зная: проскочит. Раз за разом он уже начинал соскальзывать с коня, и быстро востанавливал равновесие. Причем делал это играючи. И его самого это удивляло. Велисарий оставлял за собой кровавый след жертв. След напоминал тропу в лесу, вытоптанную слоном.

Это заметили даже его катафракты. И упрекнули его, по крайней мере один из них.

— Мы должны защищать *тебя*,— прошипел Валентин.— А не наоборот.

— Прекрати возмущаться,— прорычал Анастасий. Удар. И еще один перс повержен.— Я — большая цель. Мне пригодится защита.— Удар.

Валентин уже собрался что-то рявкнуть в ответ, но замолчал, внимательно прислушиваясь.

— Я думаю...

— Да,— сказал Велисарий. Он тоже услышал. Первый призыв сворачиваться из персидской глотки. Крик оборвался.

Полководец прекратил наносить удары. Повернулся к Анастасию.

— Приведи Маврикия. И других. Сейчас. Я не хочу завершать битву зверствами. Мы пытаемся выиграть эту войну, а не начать новую.

— Нет необходимости,— проорал Анастасий. Он вытянул правую руку, показывая в сторону окровавленной булавой. Велисарий повернулся и увидел, что весь фракийский отряд несется к ним на лошадях.

Через несколько секунд Маврикий остановил коня рядом с ними.

— Мне не нужна бойня, Маврикий! — закричал Велисарий.— Здесь я сам справлюсь, но гунны...

Маврикий перебил его:

— Они уже направились к лагерю персов. Я попытаюсь их остановить, но мне потребуется подкрепление, как только ты сможешь туда добраться.

Не произнося больше ни слова, гектонтарх развернул коня и пустил его галопом. Секунды спустя все фракийские катафракты уже неслись на восток, в направлении персидского лагеря.

Теперь по всему полю раздавались крики персов. Они просили о пощаде. Многие крики обрывались на полуслове. Вся воинственность из персов улетучилась. Легкая конница уже неслась с поля боя. Персидская пехота пустилась наутек задолго до нее. Тяжелая конница, попавшая в капкан в центре, пыталась сдаться. Без особого успеха.

Римская пехота была в ярости. Они мстили тем, кто столько раз в прошлом вселял ужас в их сердца.

Велисарий заехал прямо в гущу битвы. Он громко закричал, но не мог перекричать шум боя. Анастасий подключился к нему громовым басом. Странно, но именно гнусавый тенор Валентина прорезал шум, подобно мечу. Простой крик, предназначенный приостановить совершаемые римлянами убийства:

— Выкуп! Выкуп! Выкуп!

Крик незамедлительно подхватили сами персы. Через несколько секунд бойня прекратилась. Римская пехота могла сходить с ума от боевой ярости. Однако по большей части они были бедными людьми. И внезапно до них дошло, что у них во власти сотни — а может и тысячи — персов. Отдающиеся им на милость. *Знатных* персов. *Богатых* знатных персов.

Велисарий быстро нашел Гермогена. Хилиарх, командующий пехотой, взял на себя ответственность за организацию сдачи врага. Затем Велисарий отправился на поиски Эутиха.

Но Эутиха было не найти. Только его тело, лежащее на земле. Стрела пробила его горло.

Глядя на труп, Велисарий погрустнел. Он едва знал парня. Но он надеялся узнать его поближе.

Он приказал себе не грустить. Позднее. Не сейчас.

Велисарий нашел старшего по рангу из выживших командующих кавалерией ливанской армии. Его звали Мундий. Он входил в круг приближенных Фараса, и его лицо слегка побледнело, когда к нему подъехал Велисарий. А когда он заметил и Валентина с Анастасием, то очень сильно побледнел.

— Собирай своих кавалеристов, Мундий,— приказал Велисарий.— По крайней мере три алы. Мне они требуются для усиления моих катафрактов в персидском лагере. Гунны там устроят очередную бойню, а я намереваюсь положить ей конец.

Мундий скорчил гримасу.

— Будет трудно,— пробормотал он.— Людям захочется получить свою долю...

— Забудь о выкупе! — громовым голосом рявкнул полководец.— Если станут жаловаться, скажи им: у меня планы на гораздо больший выкуп. Объясню позже. Но прямо сейчас — вперед, черт побери!

Валентин уже собирался подъехать к Мундию, но этого не потребовалось. Испуганный офицер мгновенно начал выкрикивать приказы своим подчиненным. Они в свою очередь стали собирать воинов.

Велисарий знал: кавалеристы расстроены, потому что римская пехота должна получить львиную долю трофеев. По традиции выкуп принадлежал человеку, лично держащему пленника. Эта была разруши-

тельная традиция, по мнению Велисария, и он надеялся со временем ее изменить. Но не сегодня. Впервые за несколько столетий римская пехота продемонстрировала старую славу и купалась в ней, и Велисарий не намеревался омрачать победу или уменьшать их долю трофеев.

В персидском лагере все было перевернуто вверх дном. Сам лагерь разрушен. Большинство шатров кучами лежит на земле. Оставшиеся во многих местах разрезаны мечами. Повозки перевернуты или разбиты. Часть урона была работой наемников-гуннов, но многое персы сделали сами. Чувствуя поражение, те персы, которые обычно оставались в лагере во время сражений, схватили самые драгоценные пожитки и бросились наутек.

Но не всем удалось быстро смыться. В лагере лежало несколько убитых персов, проткнутых стрелами. Все мужчины. Гунны оставляли в живых женщин и детей. Женщин бы потом изнасиловали, а в дальнейшим их и детей продали бы в рабство.

Но в данном случае наемники только начали наслаждаться сбором трофеев, когда прибыли фракийцы и остановили разграбление лагеря. В большей или меньшей степени.

Очень напряженная обстановка. С одной стороны, спешившиеся, но вооруженные сотни наемников-гуннов. С другой, все еще сидящие на лошадях, вооруженные — и с натянутыми луками — триста фракийцев.

Гунны превосходили фракийцев количественно раза в три. Да, фракийцы смогут справиться с наемниками и уничтожат всех до последнего человека, но понесут очень серьезные потери.

Полководца гунны не волновали. Но было бы глупо жертвовать своими катафрактами.

Мундий показал ему трех командующих наемниками. Как и обычно у гуннов, их ранг зависел от положения в клане и не соответствовал римскому.

Велисарий подъехал к комнадирам и спешился. Валентин с Анастасием остались в седле. Оба натянули луки, и их стрелы были готовы отправиться в полет.

Главы кланов гневно смотрели на Велисария. С левой стороны отряда гуннов трое молодых парней выкрикивали оскорбления катафрактам. Один из них держал за волосы молоденькую персиянку. Девушка была полуодета, плакала и стояла на коленях. Рядом с ней на земле сидел мальчик. Как подумал Велисарий — ее младший брат, судя по внешнему сходству. Он находился в полубессознательном состоянии, закрывая лицо руками. Сквозь его пальцы сочилась кровь.

Велисарий бросил взгляд на малолетних пленников, потом повернулся к трем командирам. Встретился взглядом с их холодными глазами. Затем подошел очень близко и тихо сказал на довольно хорошем языке гуннов:

— Меня зовут Велисарий. Я только что разбил всю персидскую армию. Как вы думаете, меня могут испугать такие, как вы?

Через мгновение двое командиров отвели взгляды. Но третий, старший, выдержал взгляд.

Велисарий кивнул на трех молодых гуннов, держащих девушку.

— Из твоего клана? — спросил он.

— Не из какого,— хмыкнул командующий.— Они...

— Валентин.

Велисарий не знал более быстрого и точного лучника, чем Валентин. Гунн, державший девушку за волосы, получил первую стрелу Валентина. В грудь, прямо сквозь сердце. Вторая стрела катафракта, полетевшая вслед за первой, убила другого. Анастасий, несмотря на готовый к стрельбе лук, за это время выпустил только одну стрелу. Только он один мог пользоваться таким огромным луком. Его стрела пронзила тело третьего насквозь.

Три секунды. Трое мертвых наемников.

Велисарий даже не смотрел туда. Он не отводил глаз от лица вождя клана. Теперь Велисарий улыбнулся. Глава клана кипел от ярости. Но это был крепкий орешек.

Велисарий снова тихо сказал на родном языке гуннов:

— У вас простой выбор. Вы можете мне не подчиниться, в таком случае ни один гунн не выйдет из этой битвы живым. Или вы можете подчиниться и разделить с нами трофеи из Нисибиса.

Наконец до вожака гуннов кое-что дошло. Глаза старшего командира округлились.

— Нисибиса? Нисибиса?!

Велисарий кивнул. Он широко улыбался.

Глава клана смотрел на него подозрительно.

— Нисибис — большой город,— заметил гунн.— А у тебя нет оборудования, нужного для осады.

Велисарий пожал плечами.

— У меня несколько скорпионов и простых катапульт. Пусть персы, стоящие на стенах, на них посмотрят. Но это не имеет значения. У меня есть самое мощное оружие. Я только что одержал великую победу, а такая победа порождает у врага страх.

Глава клана все еще колебался.

— Многим персам удалось убежать. Они побегут в Нисибис и расскажут...

— Что расскажут? Правду? И кто поверит этим солдатам? Этим проигравшим и разбитым солдатам? Ты представляешь, в каком виде и состоянии они прибегут в город? Что подумают правители Нисибиса, если эти солдаты и вздумают сказать им, что им нечего бояться римской армии, которая только что разбила всю персидскую?

Глава клана рассмеялся. Несмотря на всю неотесанность, у мужчины не было недостатка в решительности. Мгновение спустя он уже отдавал команды своим людям. Без колебаний двое других командиров последовали его примеру.

Гунны, привыкшие жить кланами, серьезно воспринимали тех, кто стоял во главе клана. Те же, кто не входил ни в какой клан, серьезно восприняли трупы трех своих товарищей. Через две минуты небольшая группа женщин и детей сгрудилась под защитой катафрактов. Судя по виду, некоторым из них здорово досталось, подумал Велисарий, но могло быть и хуже. Гораздо хуже.

Гунны даже начали кучей складывать награбленное, но Велисарий сказал главам кланов, что наемники могут оставить себе эти трофеи. Ему просто требовались выжившие люди.

— А какое тебе до них дело, грек? — спросил старый гунн. Вопрос не был задан воинственно. Мужчина просто не понимал.

Велисарий вздохнул.

— Я не грек. Я фракиец.

Гунн хмыкнул.

— В таком случае мне вообще непонятно! Греки странные, это все знают. Они слишком много думают. Но почему...

— Тысячу лет назад, командир, эти люди уже обладали великим знанием. Тогда, когда твои и мои предки все еще оставались дикарями и носили шкуры.

«И ты до сих пор таким и остался»,— подумал Велисарий, но вслух ничего не сказал.

Старый гунн нахмурился.

— Я все равно не понимаю.

Велисарий вздохнул и отвернулся.

— Знаю,— пробормотал он.— Знаю.

* * *

Две недели спустя Нисибис сдался.

Конечно, это была не полная капитуляция. Римляне не маршировали по улицам. Правителям города требовалось спасти лицо, чтобы в дальнейшем спастись от гнева персидского правителя. А Велисарий, имея свои причины, не хотел рисковать своим триумфальным шествием по персидским землям. Он думал, что его войска находятся под его контролем, но... нет более сильного искушения, в особенности для наемников, которые составляли большую часть его армии, чем перспектива разграбления города после долгой осады.

Нет, лучше полностью избежать проблемы. Персы, как и римляне, были цивилизованными людьми. Потерянные богатства — это просто

потерянные богатства. Скоро о них забудется. А зверства и жестокости остаются в памяти на века. Века этой глупой, бессмысленной, бесконечной войны между греками и персами, которая и так длится уже слишком долго.

Поэтому по улицам никто не маршировал и зверства не учинял. Но, конечно, сокровищ было потеряно много. О, да. Нисибису пришлось расстаться с большим количеством добра. Часть выплатили в качестве дани, остальное — как выкуп за знатных господ. Которых Нисибис оставит у себя в приятном плену, пока знатные господа не вернут Нисибису уплаченное за них.

Римляне ушли из города с большим количеством трофеев, чем кто-либо из солдат мог мечтать. В течение трех дней слух о победе распространился, армию окружили прихлебатели. Среди них, в дополнение к обычным женщинам, были и ловкие торговцы. Солдаты из собственной армии Велисария быстро обменяли свои трофеи на не занимающие много места драгоценности и золотые и серебряные монеты. Они уже знали из опыта, что при суровых методах их полководца невозможно таскать с собой большое количество тяжелых или объемных трофеев. Как и великий Филипп из древней Македонии [1], Велисарий пользовался мулами для перевозки припасов. Повозки на колесах он разрешал использовать только для раненых и артиллерийских орудий.

Ливанская армия, наблюдавшая за процессом обмена, последовала примеру людей Велисария.

Великий полководец Велисарий, поистине великий. Возможно, немного странный. В некоторых вещах невероятно безжалостный. У костров рассказывалось о зарубленной персидской кавалерии и отсеченной голове хилиарха. Первые рассказы вызывали удовлетворенные улыбки, вторые — злорадство и торжество. Еще говорили, что он странно привередливый в некоторых вещах. Рассказывали о детях и женщинах, возвращенных персам в Нисибисе, причем в относительно неповрежденном виде, и об уроках, преподнесенных гуннам. Первые рассказы вызывали удивленные взгляды, вторые — злорадство.

Странный полководец. Но... великий полководец, в этом нет сомнений. Лучше подчиниться его требованиям.

Хорошему настроению армии значительно способствовала общительность и доброжелательность катафрактов, давно сопровождавших полководца. Они оказались прекрасными ребятами, эти фракийцы, самыми лучшими. Всем покупали выпивку, в любое время в любом месте, где останавливалась армия. А делала она это часто. Великий полководец был добр к победоносным войскам, и группа примазавшихся к войскам лиц каждый вечер ставила для воинов

[1] Филипп — царь Македонии, отец Александра Македонского.

палатки. Судя по тому, как воины бросались деньгами, они просто купались в них.

И в самом деле купались. Как главнокомандующий, Велисарий получил большой процент трофеев, но половину тут же распределил между своими приближенными, как и поступал всегда. Эта традиция очень нравилась его катафрактам. И еще больше она нравилась Велисарию. Частично из-за удовольствия, которое он получал от щедрости. Но главным тут все-таки было не удовольствие, а холодный расчет все просчитывающего на несколько шагов вперед мозга. Да, его катафракты и так ему преданны, и по традиции, и по праву рождения. Но никогда не повредит закрепить связь так крепко, как только возможно. Деньгами. И другими способами. Всеми доступными.

Нет, думал он, вспоминая отрубленную голову упрямого хилиарха, и стрелы, торчащие из груди трех гуннов,— лишняя преданность никогда не помешает.

* * *

Только трое из этой великой армии, возвращающейся с триумфом, не делили радости полководца и пребывали в отвратительном настроении.

Двое из них — братья из Фракии. Хотя они и пережили последние события без серьезных увечий для тела, братья сильно грустили.

Как и подозревал Велисарий, Бузес и Кутзес на самом деле дураками не были. У них оказалось достаточно времени, пока они находились в плену в Нисибисе, чтобы обдумать прошлые события. И прийти к определенным выводам относительно так и не найденного каравана с деньгами.

В первый вечер обратного марша в Миндус братья вошли в шатер Велисария. Фактически прорвались в него. Оттолкнули Маврикия в сторону, что свидетельствовало о том, что до обретения истинного ума братьям еще далеко. Затем они бросили вызов полководцу, обвинив его в предательстве и двуличности.

В течение следующих нескольких минут Бузес и Кутзес выучили свой урок, как другие выучили этот урок до них. Некоторым, подобно старому гунну, главе клана, даже удалось пережить его без увечья для организма.

И им удалось, но с трудом.

Велисарий предоставил им три простых варианта на выбор.

Первый. Они могут молча согласиться с его триумфом, притвориться, что не произошло ничего необычного, и спасти остаток репутации. При помощи Велисария можно придумать и обыграть соответствующее прикрытие, все объясняющее. Им даже достанется часть трофеев.

Второй. Они могут немедленно покинуть расположение армии и жаловаться всему свету. Не пройдет и года (если, конечно, Юстиниан решит проявить щедрость и благодушие в связи с победой над персами), как они вернутся назад в усадьбу во Фракии и будут там кормить свиней. Заливать пойло в корыта. Если же император решит не быть милостивым — а милосердие не является одной из его выдающихся черт — они будут кормить свиней на одной из многочисленных усадьб Юстиниана. Причем, может, даже не кормить, а убирать помои.

И, наконец, имелся третий вариант, если они намерены уж слишком возмущаться и выносить их возмущение и их самих станет невозможно. Третий вариант означал...

Валентина.

* * *

В конце концов братья распрощались с глупостью. Да, с трудом и не без горьких слез и теплых объятий с уходящим другом. Но в итоге им удалось отправить глупость в путь, а самим пойти другой дорогой.

Фактически к ночи они оказались в благостном расположении духа. Большое количество вина вместе с полученными трофеями помогло появлению добродушия и мягкости. Но имелось еще одно маленькое утешение.

По крайней мере — на этот раз — честных фракийских ребят обманул другой фракиец. Не какой-то там проклятый грек или армянин.

* * *

После того как они ушли, Велисарий задул светильник и лег.

Он устал, но сон не шел. Ему требовалось кое-что узнать. Он дал мыслям побродить по лабиринту разума, пока они не добрались до места, которое он считал трещиной в барьере.

Велисарий почувствовал присутствие камня.

«Значит это был ты, да? Помогал мне в битве?»

И тогда Велисарий обнаружил третье — существо? — которое не разделяло самодовольства полководца. Вначале мысли камня оставались неясными. Странно, но под ними была какая-то враждебность. Не упрек, не обвинение, как раньше. Скорее...

Да. Раздражение.

«Странно. Почему...»

Внезапно мысль оформилась.

Помог. Трудно.

Затем с очевидным раздражением.

Очень трудно.

Затем, как значительно младший брат мог бы сказать тупому старшему.

Глупо.

«Глупо? Что глупо?»

Глупый.

Велисарий сел, пораженный.

«Я? Почему это я глупый?»

Очень сильное раздражение.

Не ты глупый. Вы все. Все глупые.

Теперь с большой силой.

Кретины.

Велисарий сидел и хмурился. Он не мог придумать, что так расстроило камень.

Он почувствовал новую концепцию, новую мысль, пытающуюся прорваться сквозь преграду. Но мысль отступила, пораженная явившимися образами.

Внезапно сквозь разум быстро пронеслось видение.

Сцена из дневной битвы. Масса кавалеристов, сражающихся друг с другом, падающих с коней. Колени плотно сжимают лошадиные бока. Руки сжимают луки седел. Но люди все равно падают на землю каждый раз, когда по ним наносится удар или они сами неправильно рассчитывают удары.

Кретины.

Еще одно видение. На мгновение появившийся образ.

По степи галопом несется всадник. Какой-то варвар. Велисарий не узнал, к какому племени тот относится. Но сидит на лошади очень грациозно и уверенно. Крупным планом показываются его ноги. Даже ступни.

Мысль наконец прорывается.

Стремена.

Челюсть Велисария отвисла.

— Да будь я проклят! — прошептал он.— Почему об этом никто никогда не подумал?

Глупые.

Глава 9

Константинополь

Осень 528 года н. э.

— Человек года! — воскликнул Ситтас.— О, слава триумфальному завоевателю! — он выпил кубок одним глотком.— Я бы поднялся поприветствовать тебя, Велисарий, но боюсь лишиться чувств в при-

сутствии такой знаменитости.— Он икнул.— Ты знаешь, я склонен преклоняться перед героями. Ужасная привычка, просто ужасная.— Он схватил кувшин, стоявший на небольшом столике рядом с кушеткой, и помахал им.— Я бы тебе тоже налил выпить, но боюсь разлить вино. Понимаешь, дрожу в компании такой легендарной личности, как девочка, у которой кружится голова, когда рядом мужчина, который ей нравится.

Ситтас снова наполнил кубок. Его мясистая рука была тверда, как скала.

— Кстати говоря о девочках, у которых кружатся головы, позволь мне... представить тебя моей подруге.— Ситтас махнул рукой в направлении женщины, сидевшей рядом с ним на кушетке.— Это Ирина. А это знаменитый полководец Велисарий. И его очаровательная жена Антонина.

Велисарий пересек комнату и вежливо поклонился женщине, но не Ситтасу.

Нельзя сказать, что Ирина была красива в традиционном смысле, но привлекательна — определенно. Светлая кожа, каштановые волосы, карие глаза и крупный нос с горбинкой. Казалось, ей около тридцати, но Велисарий решил, что на самом деле она старше, чем выглядит.

По выражению лица Велисария ничего нельзя было прочесть, оно не изменяло своего спокойного выражения. Но он сильно удивился. Ирина очень не походила на предыдущих женщин Ситтаса. Старше их всех примерно лет на пятнадцать и, судя по первому впечатлению, вдвое умнее всех предшественниц вместе взятых.

— Не надо смотреть на него так внимательно, Ирина,— предупредил Ситтас.— Никогда не знаешь, что может произойти с этими мифическими полубожественными личностями. Вдруг забеременеешь от его ауры.

Ирина улыбнулась.

— Пожалуйста, не обращай на него внимания. Он притворяется пьяным.

— У него это неплохо получается,— вставила Антонина.— Неудивительно, с такой-то практикой.

На мясистом лице Ситтаса появилась выражение оскорбленной невинности. Оно ему очень не подходило.

— Я обиделся,— заскулил он.— Я в ярости. Оскорблен вне всякой меры.— Он снова осушил кубок и протянул руку к кувшину.— Ты видишь, к чему привели твои оскорбления, подлая женщина? Привели меня к пьянству, черт побери! К пьянству!

Ирина встала и прошла к длинному столу, стоявшему у дальней стены, вернулась с кубком в каждой руке и вручила их Велисарию и Антонине.

— Пожалуйста, садитесь,— предложила она, кивая на еще одну кушетку. Большая комната была заставлена различными кушетками, все с дорогой обивкой. Правда, цвета обивки резко не сочетались с мозаикой и гобеленами, украшавшими стены. Настенные украшения казались еще более дорогими, чем кушетки. Правда, все свидетельствовало об исключительно плохом вкусе.

После того как полководец с женой сели, Ирина наполнила их кубки из другого кувшина, поставила кувшин на стол и вернулась на свое место.

— Ситтас мне много о вас рассказывал,— сообщила Ирина.

— А я говорил тебе, что у него гораздо лучший вкус в плане мебели? — пробормотал Ситтас. Его глаза-бусинки восхищенно рассматривали комнату.

— У ондатры лучше вкус, чем у тебя, Ситтас,— мило заметила Ирина. Затем улыбнулась Велисарию и Антонине.— Вам эта комната не кажется ужасной?

Антонина рассмеялась.

— Напоминает медвежью берлогу.

— Очень богатого медведя,— благодушно прокомментировал Ситтас.— Который может себе позволить игнорировать мелочные нападки низкородных людишек с псевдохудожественным вкусом. Плебейская зависть, вот это что такое,— он склонился вперед.— Но хватит о мебели! Давайте-ка послушаем тебя, Велисарий. Я хочу знать все в подробностях. Все детали, слышишь? Не потерплю твоей обычной лаконишности.

— Такого слова нет, Ситтас. Надо говорить: лаконичности,— поправила Ирина.

— Конечно, есть! Я же его только что употребил, так? Как бы я мог употребить несуществующее слово? — он улыбнулся Велисарию и снова отхлебнул вина.— А теперь давай! Как тебе удалось обмануть этих жутких братцев и завладеть их армией?

— Я не отбирал у братцев их армию. Сама мысль нелепа, и я удивлен, что ты повторяешь ее, как попугай. Кутзесу и Бузесу просто не повезло: их взяли в плен, когда они возглавляли разведывательный отряд, и я был вынужден...

Ситтас поперхнулся и выплюнул часть вина.

— Даже Юстиниан не верит в эту чушь! — запротестовал он.

Велисарий улыбнулся.

— Как раз наоборот, Ситтас. Я только что вернулся с аудиенции у императора, во время которой он не выказал ни малейшего сомнения в официальном отчете о битве.

— Конечно, не продемонстрировал! Кутзес и Бузес — фракийцы. Юстиниан — фракиец.— Ситтас подозрительно посмотрел на Вели-

сария.— И ты тоже фракиец.— Он перевел взгляд на Ирину.— Чертова деревенщина! У истинной греческой знати нет против вас ни одного шанса.— Он злобно посмотрел на Велисария.— Ты так и не собираешься мне ничего рассказывать?

Затем Ситтас повернулся к Ирине.

— Вероятно, он дал клятву. Он все время дает клятвы. Дал свою первую клятву, когда ему было четыре года. Поросенку. Поклялся, что никогда никому не позволит зарезать эту тварь. И сдержал клятву. Говорят, свинья до сих пор жива. Наводит ужас на прилегающую территорию, жрет все, что попадается на пути. Теперь ее зовут Фракийская Погибель. Крестьяне молятся, чтобы появился новый Геракл и избавил их от чудовища[1].— Он рыгнул.— Вот к чему приводят клятвы. Я сам никогда их не даю.

Ситтас снова посмотрел на Велисария гневным взором, затем вздохнул, словно смиряясь с судьбой.

— Ну хорошо. Выпусти пикантные места. Расскажи о самой битве.

— Уверен: ты уже все слышал.

Ситтас ухмыльнулся.

— Эту чушь! К тому времени, как все приближенные императора, толкающиеся при дворе, передадут историю друг другу, в рассказе о сражении не остается ничего, что могло бы заинтересовать солдата.— Он скривился.— К сожалению, несмотря на свои множественные таланты, наш император не солдат. А придворные становятся все хуже, Велисарий. Двор заполняют личности типа Иоанна из Капуи и Нарсеса. И самая ужасная толпа вечно ссорящихся священнослужителей, которую только можно представить, даже если не судить их особенно строго.

— Не надо недооценивать Нарсеса и Иоанна,— заметила Ирина вроде бы небрежно, но серьезно.

— Я не недооцениваю их! Но... неважно. Потом. Но сейчас...— он поставил кубок и склонился вперед, поставив локти на колени. Его внимательные глаза теперь смотрели только на Велисария. В них не было ни следа выпитого алкоголя.

Большинство людей, встретив Ситтаса, поражались его сходству с хряком. И общий внешний вид, и такие же тяжелые члены, и даже розоватая кожа — необычно светлая для грека, такие же челюсти, нос-пятачок, маленькие глазки-бусинки. Глядя на лучшего друга, Велисарий думал, что сходство нельзя назвать неуместным. Если только помнишь, что свиньи-то тоже встречаются разные. Есть домашние, всю жизнь остающиеся в своем загоне, те, над которыми подшучивают, а потом съедают на пиру. Но есть еще и дикие кабаны, живущие

[1] Имеется в виду пятый подвиг Геракла, когда он убил эриманфского вепря.

в лесах, наводящие ужас одним своим видом. После встречи с ними остаются вдовы и сироты.

— О битве,— приказал кабан.

* * *

Велисарий даже не пытался сократить свой рассказ о сражении. Ситтас сам был состоявшимся полководцем, и, как Велисарий прекрасно знал, его друг не потерпит сокращенную или облагороженную версию. Если Велисарий пропускал какие-то мелкие детали, Ситтас тут же задавал соответствующие вопросы — и все по существу.

После того как Велисарий закончил рассказ, Ситтас долго молча смотрел на друга, полулежа на кушетке.

— Почему? — наконец спросил он.

— Что почему?

— Не надо играть со мной, Велисарий! Ты спровоцировал персов, когда мог бы тянуть время. А потом ты рисковал так, что саму судьбу мог хватить апоплексический удар. *Почему*? В сражении не было смысла, и ты знаешь это не хуже меня.— Ситтас с отвращением махнул рукой.— О, да, конечно, при дворе не устают говорить, что это самая великая победа над персами за столетие. И что? Воюем с персами две трети тысячелетия. А мы, греки, и того дольше. Она никогда не закончится, если только здравый смысл внезапно не явит свою уродливую голову над тронами. Мы недостаточно сильны, чтобы завоевать Персию, а персы недостаточно сильны, чтобы завоевать нас. Все эти войны только уменьшают население на приграничных территориях и изматывают обе империи. Вот мое мнение. И это также твое мнение, если только тобой вдруг не овладели иллюзии о величии. Поэтому я повторяю вопрос: *почему*?

Велисарий молчал. Спустя мгновение Ирина улыбнулась и встала.

— Давай я покажу тебе сад, Антонина?

* * *

Как только они вышли в сад, Антонина опустилась на каменную скамью.

— Тебе не нужно беспокоиться. Я видела его раньше,— сказала она.

Ирина села рядом с ней.

— Сад — нечто, не правда ли? Боюсь, и здесь проявился вкус Ситтаса. И он так же ужасен, как и при выборе мебели и настенных украшений.

Антонина улыбнулась. Ее взгляд упал на статую. Улыбка перешла в гримасу.

— И это если не упоминать его вкус в скульптуре.

Две женщины с минуту смотрели друг на друга.

— Ты хочешь знать, кто я,— утвердительно сказала Ирина.

Антонина кивнула и вопросительно склонила голову.

— Мне любопытно.

— А почему ты предполагаешь, что я не просто последняя любовница Ситтаса?

— По двум причинам. Ты не в его вкусе. Даже близко не подходишь. И если бы ты была одной из его обычных любовниц, он никогда бы не пригласил тебя присутствовать на этой встрече.

Ирина рассмеялась.

— Я его шпионка,— сообщила она.

Заметив удивленный взгляд Антонины, Ирина подняла руку и жестом попросила вторую женщину помолчать.

— Боюсь, это прозвучало не совсем верно. Я не шпионю за тобой.— Она поджала губы.— Будет правильнее сказать: я — начальник шпионов Ситтаса. Начальница шпионской сети. Именно поэтому он пригласил меня поприсутствовать на этой... встрече. Он беспокоится, Антонина.

— О чем? И с каких это пор Ситтасу понадобился начальник над шпионами?

Пришла очередь удивляться Ирине.

— У него с юности был начальник шпионской сети. Они есть у всех греческих знатных господ его уровня.

Антонина фыркнула.

— Ты имеешь в виду Аполлинария? Этого жалкого старого глупца, который и собственную задницу двумя руками не найдет?

Ирина улыбнулась.

— О, думаю, с этим заданием Аполлинарий справится достаточно успешно. По крайней мере при свете дня. Ночью, признаю, у него будут значительные трудности,— она откинула назад волосы, помедлила и добавила: — Примерно год назад Ситтас решил, что ему нужен настоящий начальник шпионской сети. Он навел справки в разных местах, а мои услуги ему очень высоко порекомендовали. Он отправил Аполлинария в отставку, кстати с неплохой пенсией, и нанял меня. Мое прикрытие: я — его последняя возлюбленная.

Она поджала губы.

— У прикрытия есть слабые стороны. Как ты правильно заметила, я не отношусь к его типу женщин.

— И это еще мягко сказано.

— Ты можешь мне объяснить, что происходит? — Ирина кивнула на дверь, ведущую в дом.

— Нет,— ответила Антонина.— По крайней мере, пока нет. Позднее — возможно. Но не сейчас.

Ирина приняла отказ спокойно и больше вопросов не задавала. Появился слуга с подносом, на котором стояли еда и вино, поставил поднос на ближайший столик. Антонина с Ириной перебрались к столику и следующие несколько минут провели в молчании, наслаждаясь едой. Несмотря на отсутствие у хозяина вкуса в обустройстве дома, ни одна из женщин не могла придраться к великолепию подаваемой в доме Ситтаса еды. Отодвинув тарелку, Антонина заговорила:

— Пожалуйста, ответь на вопрос, который я задавала раньше. Почему он все-таки тебя нанял?

Ирина ответила мгновенно:

— Ситтас меня нанял — а мои услуги стоят недешево — потому что в Константинополе сейчас очень много лжецов.

Антонина фыркнула.

— Пожалуйста, Ирина! Сказать, что в Констатинтинополе обманывают,— это все равно, что сказать: в свинарнике есть дерьмо.

Ирина кивнула.

— Да. Вероятно, мне следует сказать: значительно больше обмана, чем обычно, и что волнует Ситтаса гораздо больше — непонятна его природа. Что-то в Констатинополе готовится, Антонина. Что-то глубоко скрытое, серьезное, хитрое и предательское. Что именно, я еще раскопать не смогла. Но я чувствую это, я ощущаю всеми своими порами — могу попробовать, могу понюхать...— Она снова пыталась подобрать слова.— Это — тут. Поверь мне.

Антонина встала и принялась ходить по саду. Бросила взгляд на дверь, ведущую в дом.

— Они уже должны закончить? — спросила Ирина.

Антонина покачала головой.

— Нет. Ситтасу... потребуется время, чтобы прийти в себя.

Ирина нахмурилась.

— Прийти в себя от чего?

Антонина подняла руку, таким образом попросив ее помолчать. Сама продолжала ходить взад и вперед, нахмурившись. Ирина с терпеливостью профессионала просто сидела и ждала. Через некоторое время Антонина перестала ходить и подошла к Ирина. Постояла, сделала глубокий вдох, снова колебалась. Из двери послышался голос. Хриплый голос.

— Заходите, обе.

Ирина открыла от удивления рот. Ситтас определенно выглядел похудевшим. Казалось, он сбросил фунтов пятьдесят.

* * *

Когда они вернулись в комнату и сели на кушетки, Ситтас прохрипел:

— Расскажи ей, Велисарий.

— Я даже не рассказал Маврикию, Ситтас.

— Конечно, нет! На этом этапе не требуется. Но нам нужна Ирина. *Сейчас.*

Велисарий продолжал молчать, все еще рассматривая Ирину. Спина Ситтаса разогнулась, огромные плечи распрямились, потом он склонился вперед. Дикий красноглазый кабан прорычал:

— Расскажи ей.

Велисарий перевел взгляд на Ситтаса. Теперь кабан был в ярости, глаза горели.

— Расскажи ей!

Спокойный взгляд Велисария не дрогнул. Он был фракийцем и вырос в сельской местности. Он заколол своего первого кабана в двенадцать лет.

Из глаз Ситтаса пропало красное свечение, внезапно он просто пожал плечами. А затем широко улыбнулся.

— Смешно, но твое спокойствие обычно срабатывает. Чертовы фракийцы! Но ты все равно можешь ей рассказать, Велисарий. Она в любом случае все вытянет из меня, если я ее только не уволю. А это теперь исключено.

Велисарий посмотрел на Антонину. Жена кивнула.

— Расскажи ей. Я ей верю.

Глава 10

После того как Велисарий закончил рассказ, Ирина посмотрела на своего нанимателя. Лицо Ситтаса приобрело обычный розовый оттенок, правда, до сих пор казалось несколько вытянутым.

— Верь ему, Ирина,— вздохнул Ситтас.— Он пересказал тебе только самую суть, но...— Ситтас сделал глубокий вдох.— Я сам держал камень в руках и видел... Неважно. Просто поверь всему, что он сказал.

— Я могу взглянуть на камень? — спросила она.

Велисарий запустил руку в карман и вынул мешочек. Ирина встала и подошла к полководцу, наклонилась, внимательно осмотрела вещь. Минуту спустя она вернулась на свое место.

— Смысл в твоих словах есть,— наконец признала она.— На самом деле твой рассказ проясняет многое, что до него было непонятно.

Увидев вопросительные взгляды, она пояснила:

— Время от времени ко мне поступала разрозненная информация, туманные намеки, указывавшие на Индию, как на источник сегодняшних... тревог. По крайней мере, многие из них указывали. Но я пренебрегала этими слухами. Индия очень далеко и, если не считать

торговлю, причем не особо активную, она не беспокоит Рим. Я обдумывала и обратное. В смысле: какой интерес может быть у Индии к интригам византийского двора?

— А что ты знаешь об Индии? — поинтересовалась Антонина.

Ирина пожала плечами.

— Которой Индии? Не забывай, Антонина: Индия — огромная территория. Она больше Европы только по площади и гораздо гуще заселена. Самая большая ошибка, которую делают люди с Запада, заключается в том, что мы пытаемся представить Индию, как просто одну страну — по нашим меркам. На самом деле это скорее континент.

Она снова встала и налила себе вина. Затем до краев наполнила кубок Ситтаса. На этот раз его рука тряслась. Слегка. Ирина предложила вина Велисарию и Антонине, но они отказались. Ирина снова заняла свое место и продолжила:

— Индия не была объединена под одним правителем более пятисот лет. С момента падения династии Маурьев. Империя Гуптов, которые в конце концов заменили Маурьев, ограничивалась только Северной Индией. Юг остался под контролем отдельных независимых монархов.

Она снова сделала паузу, ее глаза казались затуманенными. Было очевидно: Ирина вспоминает информацию.

— Или, по крайней мере, это было так до недавнего времени. Империя Гуптов распалась на две части несколько десятилетий назад, и в западную вторглись белые гунны. Мы их называем ефталитами. Они также известны, как...

— Йетайцы,— вставил Велисарий.

Ирина кивнула.

— Белых гуннов или йетайцев разбили, но потом с ними была достигнута какая-то договоренность — западной правящей династией из народности малва. Малва, судя по той информации, которую мне удалось получить, с тех пор быстро расширялись. Они завершили повторное завоевание большей части Северной Индии, хотя очевидно, что их сильно беспокоят восстания. А теперь, судя по моей информации, они начали покорение юга. Сейчас они находятся в состоянии войны с самым великим, самым северным из южных королевств. Оно называется...

Ирина колебалась, нахмурилась, пытаясь вызвать название из памяти.

— Андхра,— подсказал Велисарий.— Андхрой правит династия Сатаваханы.

Ирина кивнула.

— Это, пожалуй, все, что я знаю. Если честно, я никогда особо не интересовалась предметом. Индия, как я уже говорила, казалась слишком далекой страной, чтобы представлять реальную угрозу Риму. В любом случае создавалось впечатление, что они слишком заняты своими собственными проблемами.

Она пренебрежительно махнула рукой.

— Да и если взять рассказы об Индии, которые до тебя доходят, они кажутся полуфантастическими. В особенности рассказы о малва. Боги, ходящие по земле, магическое оружие...— она запнулась и посмотрела на Велисария.

— На самом деле магическое оружие,— проворчал Велисарий.— Нам пока не удалось его даже скопировать.

Ирина посмотрела на супругу полководца.

— Велисарий очень пессимистичен,— сказала Антонина.— Мы едва начали работу. Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как мы сами впервые увидели камень. Столько времени потребовалось, чтобы обустроиться в усадьбе, которую нам предоставил епископ! Иоанн Родосский живет там только три месяца, и мастерская еще полностью не готова.— Она покачала головой.— Поэтому при сложившихся обстоятельствах, как я думаю, слишком рано давать какие-то оценки нашему успеху в копировании оружии малва.

— А камень хоть как-то помогает? — спросил Ситтас.

Велисарий покачал головой.

— Нет, не в этом плане. Я чувствую, как он пытается, но... Ему очень сложно общаться со мной. Это происходит только через видения. И они не особо помогают, когда дело касается оружия.— Внезапно он улыбнулся.— Однако в самом скором времени, Ситтас, мы с тобой можем устроить поединок!

Его огромный друг презрительно фыркнул.

— С какой стати? Я тебя посажу на задницу, как и всегда. И очень быстро.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Тебя ждет сюрприз. Большой сюрприз. Камню все-таки удалось показать мне одно простое новое приспособление. Простое, но я гарантирую: оно произведет революцию в кавалерии.

Ситтас скептически посмотрел на друга.

— И что это? Магическое копье?

— О, ничего такого сложного. Простая штука, называется стремена.— Велисарий снова улыбнулся. Очень хитро.— Ну, договорились? Поединок. И в скором времени.

Велисарий повернулся к Ирине.

— И как там сейчас обстоят дела с покорением юга Индии малва?

Ирина нахмурилась.

— Я не знаю. Судя по последнему полученному мной отчету, а это было три месяца назад, малва только что начали осаду столицы Андхры.— Она сделал паузу, оценивая временные факторы.— Учитывая, что отчет доставлялся сюда в течение нескольких месяцев... предполагаю: осада началась примерно год назад. Враги рассчитыва-

ли на долгую осаду. В отчете говорилось, что столица Андхры хорошо укреплена. И называется она...— Ирина опять замолчала, отвернулась, очевидно, стараясь вспомнить название.

— Амаварати,— подсказал Велисарий. Полководец продолжал говорить, и всем казалось: сейчас он пересказывает то, что видит. Вроде как сам находится в видении.— В скором времени дворец падет, и его займут малва. Во дворце находится юная принцесса Шакунтала. Она — единственная, кто останется в живых из правящей династии. Ее возьмут в плен и отвезут на север, во дворец высокопоставленного представителя касты малва. Она должна стать его наложницей. Недалеко от дворца, в тростниках будет лежать раненый воин. Его зовут Рагунат Рао. Когда он оправится от ран, то сам отправится на север, по следу принцессы и ее стражи. Он найдет ее во дворце того высокопоставленного представителя малва, но не сможет вовремя ее спасти. До того, как ему это удастся, вернется владелец дворца с задания, на которое его посылал император. Владелец дворца умрет, как и принцесса.

Велисарий сжал челюсти, вспоминая ненависть другого человека.

— Высокопоставленного представителя малва зовут Подлый. Венандакатра. Венандакатра Подлый.

Ирина вскочила с кушетки.

— Венандакатра? — переспросила она.— Ты уверен, что его зовут именно так?

Велисарий уставился на нее во все глаза.

— Уверен. Это имя выжжено в моей памяти. А что?

— Он здесь! В Константинополе!

* * *

Когда волнение, последовавшее за объявлением Ирины, утихло, Велисарий снова занял свое место.

— Так вот, значит, на какое таинственное задание император послал Венандакатру,— пробормотал Велисарий.

— Я чего-то не понимаю,— пожаловался Ситтас.— Кстати, я сам с ним встречался. На одном из бесконечных приемов в Большом Дворце. Скользкий тип. Мне он показался неприятным. Но я с ним практически не разговаривал. Он назвался скромным торговым представителем, пытающимся найти новые торговые возможности и торговых партнеров в Риме,— Ситтас небрежно махнул рукой.— А меня это не интересует.

Ирина фыркнула.

— Тебя волнуют только деньги, которые ты получаешь с того или иного дела.

Ситтас улыбнулся.

— Ну да. Кажется, моя семья имеет небольшой интерес в торговле с Индией.

— Они контролируют по крайней мере ее четверть,— заметила Ирина.— Если не больше. Твоя семья очень умело хранит тайны.

Ситтас снова небрежно махнул рукой.

— Да. Да. Несомненно. Но я оставляю этот бизнес моим бесчисленным кузенам. Я пытался сказать, до того как меня грубо прервали, что Венандакатра, судя по твоим словам, Велисарий, кажется слишком могущественным лицом, чтобы его отправили с таким пустяшным заданием. Вы уверены, что мы говорим об одном человеке? Ведь вполне может оказаться, что имя Венандакатра очень часто встречается в Индии.

Велисарий покачал головой и хотел начать говорить. Но Ирина перебила его и обратилась к своему нанимателю:

— Занимайся своей торговлей, Ситтас. Во всем есть смысл, если мы считаем видения будущего, которые показывает камень, правдивыми. А они очевидно точны,— она бросила взгляд на Велисария.— Венандакатре плевать на торговлю. Это просто прикрытие, объясняющее его присутствие. На самом деле он появился здесь, чтобы осмотреться, прощупать почву и заложить фундамент для будущей атаки на Рим.

Ирина помолчала, собралась с мыслями и продолжала:

— Однако его прикрытие делает его уязвимым. С ним приехало совсем немного народу. Он не мог привезти большую свиту — если выступает как торговый представитель. На него будет несложно организовать покушение.

— Нет.

Ирина удивленно посмотрела на Велисария.

— Почему нет? У меня сложилось впечатление, что ты не питаешь к нему особой любви.

Велисарий сжал челюсти.

— Ты даже представить себе не можешь, как я его презираю. Но не нам перерезать ему горло.

Он встал и стал ходить из угла в угол, пытаясь выпустить пар и успокоить нервы. Полководец опустил руку на ножны, медленно вынул из них кинжал и уставился на него.

— Теперь я всегда ношу его с собой. Я чувствую в нем необходимость. Он для меня теперь — нечто типа амулета.

Велисарий расправил плечи.

— Но я думаю: пришло время вернуть кинжал тому, кто должен им владеть по праву. Я должен отправиться в Индию и найти Рагуната Рао.

Антонина побледнела и приложила руку к горлу.

— Ты что, серьезно? — спросил пораженный Ситтас.— Ты нужен здесь, Велисарий! Не время тебе болтаться по Индии. Боже

праведный! Ирина права: Индия — огромная страна, а ты о ней практически ничего не знаешь. Если тот человек все еще жив, как ты собираешься его искать?

Велисарий улыбнулся своей обычной хитроватой улыбкой.

— Пока жив Венандакатра, я буду знать, где искать Рао. Он где-нибудь поблизости, как пантера, готовящаяся к броску, даже если он увидит лишь малейший шанс. Я отправлюсь в Индию, найду этого человека, каким-то образом передам ему кинжал и дам ему шанс.

Полководец повернулся к Ирине.

— Именно поэтому Венандакатру нельзя убивать. Очень важно, чтобы мы договорились о сотрудничестве с Рагунатом Рао. А через него — с единственной наследницей династии Сатаваханы. Чтобы сделать это, его нужно найти, а чтобы найти его, нам нужен живой Венандакатра.

Антонина откашлялась.

— Но, муж мой, такое путешествие...

— Займет по меньшей мере год,— закончил за нее Велисарий.— Знаю, любовь моя. Но это нужно сделать.

— Великолепная идея,— твердо сказала Ирина. Она молчала мгновение, давая Антонине и Ситтасу проникнуться ее мыслью. Эти двое очевидно удивились, поняв, что шпионка приняла сторону Велисария. Им же план казался неподготовленным и импульсивным. Удостоверившись, что они пришли в себя и внимательно ее слушают, Ирина продолжила:

— Как и Ситтас, я не понимаю, почему Велисарий считает этого Рао таким важным звеном. Или принцессу Шакунталу. Хотя...— Ирина внимательно посмотрела на полководца.— Я положусь на его мнение. И тебе следует сделать то же самое, Ситтас. Разве не ты мне как-то говорил, что Велисарий — самый великий римский полководец после Сципиона Африканского? Подозреваю, этот самый полководец сейчас разрабатывает какую-то великую стратегию.

Ирина хитро посмотрела на Велисария и развела руками.

— Но это не играет роли, поскольку Велисарию в любом случае следует отправляться в Индию,— продолжала она.— Во-первых, мы должны получить как можно больше информации об Индии. В особенности военной, об ее новом оружии. А кто сделает это лучше лучшего римского полководца?

Ситтас собирался что-то вставить. Ирина не дала.

— Ты хочешь сказать: чушь! Ты уже заявлял, что он нужен здесь. Зачем? Он только что разбил персов, и теперь они по крайней мере год будут зализывать раны. Но как я предполагаю — несколько лет. Поэтому с той стороны какое-то время нам никакая опасность не угрожает.

Она снова подавила зарождающийся протест.

— И даже если персы начнут мутить воду до того, как вернется Велисарий. Я повторяю: ну и что? Пусть он лучший римский полководец, но он не единственный хороший полководец. Ты сам сейчас сидишь без дела, только в парадах участвуешь, которые, по твоему собственному признанию, тебе наскучили.

Она замолчала. Вульгарный гобелен, висевший на стене напротив, привлек ее внимание. Даже несмотря на серьезность момента, Ирина не смогла не рассмеяться. Ее наниматель очевидно послужил моделью для героического сюжета, изображенного на гобелене. Катафракт в доспехах на коне убивает какое-то чудовище копьем.

— Это лев? — уточнила Ирина.

Ситтас гневно посмотрел на гобелен.

— Это дракон! — рявкнул он.

— Никогда не знала, что драконы покрыты мехом,— заметила Антонина. Они с Ириной быстро переглянулись, пряча улыбки. Ситтас уже начал ворчать, но Велисарий оборвал его.

— Давайте вернемся к делу,— твердо сказал полководец.— Я считаю, Ирина предложила хорошее дело. Думаю, нам удастся добиться назначения Ситтаса на мое место, и он заменит меня на посту главнокомандующего армией, стоящей в Сирии. Таким образом, он окажется неподалеку от усадьбы, где работает Антонина. Раз Ситтас будет неподалеку, то у нее останется выход к военным экспертам, когда ей потребуется совет.

Антонина опять начала возражать, но ее резко оборвала Ирина:

— Ты не думаешь, женщина! Ты беспокоишься о безопасности Велисария и не хочешь, чтобы он уезжал надолго,— внезапно шпионка заговорила холодным тоном.— Ты ведешь себя, как дура, Антонина. Самая большая опасность для Велисария таится не в Индии. Опасность здесь, в Константинополе. Лучше, если он на год уедет в Индию, чем навсегда останется здесь, но в могиле.

Антонина страшно удивилась и уставилась на мужа. Велисарий кивнул:

— Она права, любовь моя. Я учитывал еще один фактор. Юстиниан.

Теперь Антонина посмотрела на шпионку. Ирина скорчила гримасу.

— В настоящий момент самая большая опасность для Велисария исходит от Юстиниана,— подтвердила Ирина.— Император никого так не боится, как великого полководца. В особенности такого популярного, как сегодня Велисарий, после его победы над персами.

— Экспедиция в Индию решит проблему с Юстинианом,— подхватил Велисарий.— Я уеду из Константинополя, от подозрений и страхов императора.

Ирина откинула назад волосы, думая.

— На самом деле, если все подать правильно, то Юстиниан просто ухватится за такое предложение. Вы же знаете: он не сумасшедший. Если

можно, он предпочтет видеть Велисария в живых. Ведь неизвестно, когда снова может потребоваться великий полководец. А отправить его в Индию, с глаз долой по крайней мере на год — о, думаю, Юстиниану это очень понравится. Убрать его из страны и ее окрестностей на какое-то время, а уж за год нынешнее идолопоклонничество пойдет на спад.

Антонина выглядела несчастной.

— Как скоро? — прошептала она.

— По крайней мере полгода я никуда не уеду,— сказал Велисарий.— Скорее всего, месяцев через семь.

Антонина вздохнула с облегчением, но выглядела удивленной.

— А почему так долго? — спросила она.

— Торговля с Индией зависит от сезона дождей,— пояснил муж.— Ветры в тех краях дуют в одном направлении одну часть года, и в другом направлении — вторую. Из Индии на запад нужно плыть с ноября по апрель. А от нас к ним, как предстоит мне,— с июля по октябрь.

Он растопырил пальцы и принялся считать.

— Сейчас начало октября. Слишком поздно отправляться в путешествие в этом году. Скоро ветер переменится и путь до Эритрейского моря займет, по крайней мере, месяц, а то и два. Это означает, что в Индию я могу отправиться не раньше июля следующего года. И не забывай, что это относится к тому отрезку путешествия, который начнется с южного побережья Красного моря. Значит, прибавь еще один месяц, нет, два, чтобы добраться отсюда туда[1].

Он стал считать, но Ирина его оборвала:

— Ты не покинешь Константинополь раньше апреля. Вероятнее всего, мая. Кстати, Венандакатра уже объявил, что планирует отправляться домой как раз в это время.

Облегчение Антонины улетучилось.

— Но... Ирина, судя по твоим словам, Велисарию опаснее всего находиться в Константинополе *сейчас*. Полгода! Кто знает, что может сделать Юстиниан за полгода!

Ирина откинула волосы назад.

— Я знаю. Как раз размышляла об этом, пока Велисарий объяснял тебе организацию морского путешествия. Думаю, могу предложить решение.

Она посмотрела на Велисария.

— Ты когда-нибудь слышал про Аксумское царство?

— Царство эфиопов? — уточнил Велисарий.— Не то чтобы очень много. Я встречал нескольких аксумитов, тут и там. Но... я — полководец, и у меня не было возможности встретиться с ними, так сказать,

---

[1] Авторами допущена ошибка. На самом деле Mare Erythraeum *(лат.)* — Эритрейское море — это Красное море, а не старое название Индийского океана.

на профессиональной почве. Рим и Аксумское царство на протяжении многих столетий прекрасно ладили. А что?

— Я знаю, как одновременно убить двух зайцев. В настоящий момент Венандакатра — не единственный представитель иностранной державы при дворе Константинополя. Здесь также находятся послы Аксумского царства. Они приехали два месяца назад. Официально посольство возглавляет младший сын короля Калеба, Эон Бизи Дакуэн. Ему всего девятнадцать. Едва вышел из юношеского возраста, хотя, я слышала, произвел хорошее впечатление. Но я думаю, что фактическим лидером у них является главный советник Эона. Его зовут Гармат.

— И что?

— А то, что этот Гармат — очень хитрая бестия. Как я слышала, он тут и там намекает на желание аксумитов укрепить связи с Римом.

Она сделала паузу, наслаждаясь произведенным впечатлением.

— Когда я впервые об этом услышала, то не придала особого значения. Но кажется, аксумитов волнует положение дел в Индии, которое, как они предполагают, в будущем вызовет проблемы и у Рима. И Гармат очень расстраивается, что его намеки не понимают или притворяются, что не понимают. Очевидно, он уже объявил о намерении скоро вернуться домой.

Она еще с минуту помолчала, давая трем другим переварить информацию.

— Поэтому у меня есть основания предполагать, что аксумиты только обрадуются интересу известного римлянина. Например, если такой прославленный полководец предложит им посетить вместе с ним Сирию перед тем, как возвращаться в Аксумское царство. А сам представит это путешествие императору Юстиниану, как первую часть *очень* долгого путешествия, которое в конце концов приведет его в Индию. После того как он на несколько месяцев заглянет в Аксумское царство, которое очень кстати лежит на пути в Индию.

— Идеальное место, чтобы дожидаться попутного ветра,— задумчиво произнес Велисарий.— С глаз долой, из сердца вон. С точки зрения Юстиниана, Аксумское царство находится так же далеко, как и Индия. Ему без разницы.

Он встал и снова принялся ходить из угла в угол. Потом прищурился и внимательно посмотрел на Ирину.

— Но это не все.

Она кивнула.

— Нет, не все. Во-первых, такое путешествие даст возможность вам с Антониной вернуться в усадьбу и провести там какое-то время перед тем, как ты отправишься дальше. Думаю, это будет полезно для твоего оружейного проекта.

— И?

— И — в свете того, что я узнала сегодня — думаю, Риму следует очень серьезно отнестись к предупреждениям аксумитов. И к самому Аксумскому царству. Мы ведь очень мало о них знаем. Кроме того, что они всегда были с нами в хороших отношениях, два века назад приняли христианство, и у них есть флот.

— А они сейчас случайно не ведут войну в Аравии? — спросил Ситтас.

— Да,— кивнула шпионка.— Они вошли на южную часть полуострова три месяца назад. Сбросили короля Юсуфа Асара Ятара под предлогом принятия королем Юсуфом иудаизма и преследования арабов-христиан.— Она усмехнулась.— Это, конечно, не объясняет, почему они завоевали весь юго-запад полуострова.

— Ты думаешь, они могут стать нашими союзниками? — спросил Велисарий.— Против Индии?

Ирина пожала плечами.

— Это предстоит выяснить тебе, полководец. По пути в Индию.

Велисарий какое-то время молчал. И ходил по комнате.

— Наверно, на сегодня хватит,— наконец объявил он.

И повернулся к Антонине.

— Посмотри, любовь моя, не удастся ли тебе организовать встречу с Феодорой. Думаю, лучший способ преподнести дело Юстиниану — через его жену.

Велисарий взял Антонину за руку и помог ей встать. Затем, перед тем как повернуться к двери, посмотрел на Ситтаса.

— Есть еще ряд менее важных вопросов. Во-первых, мой слишком большой и слишком самоуверенный друг, я ожидаю увидеть тебя завтра вместе с твоей армией на тренировочном поле. И учти: в доспехах. Они тебе понадобятся.

Ситтас хрюкнул.

— И что еще?

Велисарий кивнул на Ирину.

— Удвой ей жалованье. Независимо от того, сколько ты ей платишь.

Глава 11

На следующее утро, наблюдая за приближением Велисария по тренировочному полю, Ситтас решил, что его друг провел слишком много времени под сирийским солнцем. Очевидно, его мозги испеклись.

Вызов на поединок был натуральным идиотизмом. На своих двоих, сражаясь мечом, как подозревал Ситтас, его друг еще смог бы порезать его на куски. Но на лошадях, в доспехах, копьями — м-да! У него нет ни одного шанса.

Ситтас не тыкал пальцем в небо. Факты есть факты. У Ситтаса не было ловкости и быстрой реакции Велисария, но они мало значат при сражении копьями. При поединке копьеносцев, одетых в броню, да еще сидящих на лошадях, тоже частично прикрытых броней, играют роль только мощь и сила.

Ситтас самодовольно похлопал себя по огромному пузу. В прошлом он несколько раз дрался с Велисарием, и все схватки заканчивались одинаково: Велисарий оказывался на земле, погруженный в размышления о бессмысленности сражения с лучшим копьеносцем Византии.

И вот! Идиот даже копье держит неправильно! Велисарий держал его под мышкой, вместо того чтобы поднять справа над головой. Смех и грех! Как он думает отправлять копье в цель? Ведь даже любой новичок знает: для того чтобы воткнуть копье в мишень, да еще сидя на лошади, нужно вложить в удар всю силу. Начинают работать мышцы спины, потом плечо и — удар!

С краю тренировочного поля, наверху каменной стены Ситтас заметил небольшую группу мальчишек, наблюдавших за схваткой. Судя по их возбужденным голосам, было очевидно: даже босоногие пацанята с презрением относятся к невероятным методам Велисария.

Увидев, что Велисарий тронулся с места, Ситтас пустил галопом своего коня. По мере приближения Ситтас увидел, что странный способ держания копья имеет одно преимущество в плане точности: тупой конец используемого в тренировочных боях копья направлен аккурат в пузо Ситтаса.

Он с трудом сдержал смех. Да черт с ней, с точностью! В таком ударе нет силы. Ситтас с легкостью отклонит копье щитом.

И вот момент настал. Ситтас понял, что Велисарий ударит первым, прикрылся щитом и поднял собственное копье высоко над головой.

Немного времени спустя, в полубессознательном состоянии Ситтас чувствовал себя так, как будто врезался в стену. Как еще объяснить его положение? Лежит на земле, и такое ощущение, что все тело превратилось в один большой синяк.

Он поднял голову и затуманенным взором огляделся вокруг. Велисарий смотрел на него сверху вниз, сидя в седле.

— Ты жив?

— Что случилось? — рявкнул Ситтас.

— Я свалил тебя на землю — вот что случилось.

— Чушь! Я врезался в какую-то стену.

Велисарий расхохотался. Ситтас взревел от ярости и вскочил на ноги, но пошатнулся.

— Где мой конь?

— За твоей спиной, как любое хорошее, правильно выдрессированное животное.

И правда. Ситтас увидел, что его копье лежит на земле рядом. Он схватил его и отправился к коню. Грек был в такой ярости, что попытался без чьей-либо помощи забраться в седло. Конечно, у него ничего не получилось. Через несколько секунд бессмысленных трат времени Ситтас прекратил попытки и повел коня к специальной платформе на краю поля, с которой обычно и садились на лошадей.

Однако один из мальчишек спрыгнул со стены, схватил специальную табуретку и принес к месту, где стоял Ситтас. Забираясь в седло, Ситтас поблагодарил мальчика, но настроение у него нисколько не улучшилось.

— Вам просто немного не повезло, господин,— попытался утешить его мальчишка. А затем с абсолютной уверенностью, свойственной восьмилетним пацанам, добавил: — Ваш противник совершенно ничего не знает о том, как пользоваться копьем!

— Ты абсолютно прав! — рявкнул Ситтас. Потом посмотрел на Велисария и заорал: — Повторим! Тебе просто повезло!

На этот раз по мере приближения к противнику Ситтас полностью сконцентрировался на защите и крепко держал щит. Он решил, что в первый раз проиграл из-за излишней самоуверенности. Слишком долго планировал собственный удар, поэтому и не отклонил удар Велисария как следовало.

Но теперь-то он все сделает правильно. О, да! Щит он держит, как надо, прикрывая грудь. Ха-ха! Удача сейчас отвернется от Фракии!

Какое-то время спустя, после того как подобие сознания вернулось, Ситтас решил, что врезался в собор. Как еще объяснить его положение? На земле, на спине, чувствует себя трупом.

Мутным взглядом он посмотрел на склонившегося над ним Велисария.

— Что случилось? — прохрипел Ситтас.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Ты столкнулся со стременами. Правильнее будет сказать: тебя победили стремена.

— Не понял? — спросил оглушенный Ситтас, все еще думающий о столкновении с собором.— И какой идиот принес эти стремена на тренировочное поле?

* * *

Позднее, когда они уже ехали назад в дом Ситтаса по оживленной торговой улице, грек не переставал бранить Велисария.

— Ты обманул меня! Ты сжульничал, вонючий ублюдок! — орал он в сотый раз. И в сотый раз смотрел на стремена и не мог отвести взгляд. Ни один лесной кабан никогда не смотрел на что-то так яростно и такими красными глазами.

— Великолепная штука, не правда ли? — светился от радости Велисарий. Он встал в седле, поворачиваясь туда и сюда и весело подмигивая различным торговцам, наблюдавшим за ними из своих мелких лавочек.— Также улучшает обзор. Ты только подумай, Ситтас! Можно оглядеться вокруг и не беспокоиться о сохранении равновесия. Даже можно достать лук и стрелять в тех, кто находится позади, когда отступаешь.

— Ты мухлевал, собачье отродье!

— И ты, конечно, понял, как увеличивается эффективность поединка — если сражаешься копьем. Больше никаких падений. А то раньше: нанес удар — и валишься с лошади, потеряв равновесие. Теперь нет. Со стременами ты можешь правильно использовать копье, вложив в удар всю свою силу и не боясь свалиться. Раньше-то обычно всю силу в удар не вкладывали...

— Ты мухлевал, ты...

— Знаешь, ты в любой момент можешь заказать себе парочку стремян.

Ситтас снова гневно посмотрел вниз, на стремена.

— Думаю, так и сделаю,— пробормотал он. И снова гневно посмотрел на Велисария.— И тогда мы снова сразимся на дуэли!

Велисарий улыбнулся.

— О, не вижу в этом смысла. Мы же стареем, Ситтас. Мы теперь серьезные полководцы и отвечаем за других людей. Пора перестать вести себя, как глупые мальчишки.

— Ты обманщик!

* * *

Когда они заехали во двор особняка Ситтаса, там стояли Антонина с Ирина. Обе ждали своих мужчин и выглядели обеспокоенными.

— Он сжульничал! — заорал Ситтас.

— Он никогда не отличался многословностью,— спешиваясь, весело заметил Велисарий.

Ситтас снова взревел, но его успокоила Ирина:

— Да помолчи ты! Мы давно ждем вас, двух идиотов. А тебя, Велисарий, ждет Феодора, и ты уже опоздал!

Антонина гневно покачала головой.

— Только взгляни на них! Отказываются признать, что стареют. Теперь вы — взрослые люди, полководцы, а не клоуны! Пора прекращать уподобляться мальчишкам!

Ситтас сжал огромные челюсти.

— Ты уже договорилась об аудиенции у Феодоры? — удивленно спросил Велисарий.

Ирина улыбнулась.

— Хотелось бы мне приписать это своим качествам интриганки, но тут ключевую роль сыграла Антонина. Я слышала, что Феодора считает Антонину своей лучшей подругой, но на самом деле не верила в это до сегодняшнего дня.

Улыбка исчезла, Ирина нахмурилась.

— Мы должны отправляться немедленно, но...

— Он не может ехать в доспехах! — запротестовала Антонина.

— Я переоденусь за минуту,— сказал Велисарий и вошел в дом.

— Можешь завернуться в ковер! — прокричал Ситтас ему вдогонку.

— Пожалуйста! Забирай эту гадость. Хоть все ковры в доме,— Ирина сладко улыбнулась Ситтасу.— А с тобой что случилось?

— Да, Ситтас, нам любопытно,— добавила Антонина, улыбаясь также сладко.— Ты врезался в стену?

— Скорее, похоже, что он врезался в целый собор,— задумчиво произнесла Ирина.— Видишь вот этот огромный синяк? И... о...

— Говорю вам, он жульничал!

* * *

— Прекрати волноваться, Антонина. Конечно, я поддержу его в этом вашем хитром плане.

Императрица посмотрела в окно залы для приема посетителей. Из него открывался великолепный вид, и еще более великолепным его делало отличное стекло, самое лучшее из существовавших в природе. Императрица могла его себе позволить. Стекло в ее окнах не давало никаких искажений и было без каких-либо вкраплений, которые обычно встречаются в стеклах.

Феодора никогда не уставала от вида из гинекея[1] Большого Дворца. Дело было не только в том, что открывалось взору,— хотя вид огромного города и великолепен. И вид, и стекло постоянно напоминали о ее собственной власти. В женской части дворца правила императрица. Эта византийская традиция возникла задолго до того, как Феодора оказалась на троне, но Феодора вложила в нее всю силу своей личности.

Здесь никто не смел возразить Феодоре. Она была единственной госпожой и начальницей не только над слугами, но и над многими службами и производствами, также располагавшимися на женской половине. Именно в гинекее ткали шелка, на которые у императорского дома имелась монополия. И эти шелка были одним из главных источников императорского богатства.

[1] Гинекей – женская половина римского или греческого дома.

Без разрешения Феодоры даже император не мог войти в гинекей. И Феодора никогда не давала ему такого разрешения. Ей было что скрывать. Конечно, не любовников. Феодора знала: если бы она завела любовника, это рано или поздно дошло бы до Юстиниана. Но в любом случае у нее даже не появлялось искушения. Феодору не интересовали другие мужчины, кроме Юстиниана.

Нет, прятала она не любовников, а совсем других людей. В основном религиозных лидеров. Еретики-монофизиты искали, где укрыться от вновь начавшихся преследований. Они могли найти убежище в дальних тайных комнатах гинекея.

Феодора нахмурилась. Сам по себе Юстиниан был терпимым к другим религиям и течениям и знал, что его собственная императрица благосклонно относится к монофизитам, но Юстиниан все равно пытался наладить более тесные контакты с Папой в Риме. Юстиниан надеялся повторно покорить Западную Европу. Для получения одобрения Папы требовалось заплатить определенную цену — уничтожить ересь.

Исходя из государственных соображений, причем даже более чем личных предпочтений, Феодора считала эту цену слишком высокой — если учитывать перспективные приобретения. Реальная сила империи лежала на Востоке, в странах, где очень много монофизитов,— Сирии, Палестине, и особенно в Египте. Зачем ослаблять власть империи над этими великими провинциями, чтобы получить одобрение далекого Папы, сидящего в Италии и окруженного полуварварами готами? Которые, кстати, сами еретики. Нет, это...

Она покачала головой, отгоняя мысли. Позже. Сейчас следует заняться другим.

Феодора отвернулась от окна и улыбнулась Антонине. Затем улыбнулась Велисарию. Первая улыбка была от сердца. Вторая... нет. По крайней мере, не совсем.

Императрица быстро оценила свои чувства холодным и лишенным эмоций сознанием, что являлось одной из ее сильных сторон. На самом деле ей нравился Велисарий. Просто она не могла доверять ни одному мужчине. Она считала это невозможным. Феодора не доверяла даже Юстиниану. Несмотря на то что искренне любила его. Но... что касается мужчин, Велисарий не был таким уж плохим. Он хорошо относится к Антонине. И, одобрительно подумала Феодора, полководец у нее под каблуком. Независимо от того, можно ли доверять Велисарию, она доверяла Антонине.

Императрица снова села на трон, стоявший в углу. Трон смотрелся странно в небольшой комнатке для приема личных посетителей. Да, конечно, на комнату не пожалели средств. Полы покрывали богатые армянские ковры, стены — экзотическая мозаика и гобелены. Но все-

таки это была слишком маленькая комната, чтобы трон смотрелся должным образом.

Тем не менее даже здесь, в своих собственных покоях, Феодора настаивала на троне. Относительно скромном троне, конечно, ничего подобного тому грандиозному ужасу, который стоял в главном зале дворца. Но все равно это был трон.

Она понимала: это одна из ее слабостей. Трон не так удобен для сидения, как кресло, но... Феодора вспоминала годы бедности и безвестности. Годы, когда она подчинялась мужчинам, а не наоборот. И теперь везде, где ей требовалось разместить свою весьма аппетитную императорскую попку, она настаивала на троне.

— Я просто не люблю, когда мой ум недооценивают,— сказала она недовольно.

Императрица распрямила плечи. Она была высокой женщиной, а тут еще сидела высоко на троне, поэтому просто нависала над теми, кого принимала. Именно такой эффект она и планировала.

— Совершенно очевидно, что у тебя достаточно оснований удрать из-под завистливого ока Юстиниана, Велисарий.

Увидев легкое удивление на лице полководца, Феодора рассмеялась.

— Ты поражен, что я понимаю некоторые... своеобразные черты своего мужа?

Велисарий внимательно посмотрел на императрицу. Красивая женщина, с хорошей фигурой, скорее худая. По происхождению Феодора была египтянкой, как и Антонина, и отличалась смуглым цветом лица. Но если на смуглом лице Антонины удивляли зеленые глаза, глаза императрицы были темно-карими, почти черными. Лицо обрамляли черные волосы, правда, большую их часть скрывали украшения из драгоценных камней.

Полководец решил, что при сложившихся обстоятельствах лучше всего говорить честно. Он плохо знал Феодору, но не мог не заметить расчетливого ума, отражающегося в ее темных глазах.

— Я не удивлен, что ты понимаешь... черты характера императора. Я просто поражен, что ты так хорошо его знаешь и...— он сделал паузу, решив: возможно, он зашел слишком далеко.

Фразу за него закончила Феодора:

— И все равно люблю его?

Велисарий кивнул:

— Да.

Он сделал глубокий вдох. Черт с ним. Как полководец знал по опыту, неразумно менять стратегию в середине битвы.

— И сильно привязана к нему. Даже такой человек, как я, обычно находящийся далеко от императорского двора, это заметил.

Императрица рассмеялась.

— Предлагаю тебе даже не пытаться это понять. Я сама не понимаю, по крайней мере, полностью, хотя и подозреваю, что лучше тебя способна понимать такие вещи. Но факт есть факт. Я люблю Юстиниана и привязана к нему. Не сомневайся в этом.— Она посмотрела на Велисария холодным, властным, императорским взглядом. Но только на мгновение. Велисария, как она поняла, не запугаешь. Да и нет оснований.

Феодора снова улыбнулась.

— Один из фактов, которые есть и к сожалению остаются,— это склонность моего мужа ревновать к чужой славе. Императорская ревность, если быть точными, а это худший вариант из возможных.

Она вздохнула.

— Было бы гораздо лучше, если бы он переживал из-за моей неверности, как большинство мужчин. Тут оснований для ревности нет, и я бы провела немало приятных часов, убеждая его в его мужской состоятельности. Но это не для Юстиниана. Боюсь, его расстраивают только императорские дела. А больше всего — возможность быть свергнутым соперником. В особенности успешным полководцем. На самом деле угроза достаточно реальна. Мне только хочется, чтобы это перестало быть навязчивой идеей Юстиниана.

Феодора задумалась.

— В настоящий момент двумя самыми успешными и уважаемыми полководцами в империи являетесь вы с Ситтасом.— Она слегка усмехнулась.— Но Ситтас не беспокоит даже Юстиниана. Если дело идет не о войне, Ситтас — самый ленивый человек в мире. Более того, он терпеть не может выполнять обязанности полководца в Константинополе, участвуя в парадах и выходя на тренировочное поле,— и все это знают. Он уже несколько месяцев надоедает Юстиниану, умоляя отправить его куда-нибудь, где идут активные действия, позволить командовать настоящей с его точки зрения армией. Амбициозного же полководца выгнать из столицы невозможно, метлой не вымстешь.

Она холодно улыбнулась Велисарию.

— Остаешься ты. Ты один. На тебе фокусируется беспокойство Юстиниана.

Велисарий хотел что-то сказать, но Феодора оборвала его:

— Уволь меня, Велисарий. Ты можешь приводить сколько угодно разумные аргументы, но в них нет смысла. Мне они не требуются, а Юстиниан им не поверит.

Она махнула рукой.

— Нет, вы как раз предложили правильный курс.— Феодора снова усмехнулась.— Даже в моих самых смелых мечтах я не могла бы отправить тебя в Аксумское царство и в Индию! Боже, Юстиниан будет прыгать от радости!

Императрица молчала какое-то время, погрузившись в раздумья.

— И в любом случае это неплохая идея, даже если отбросить ревность Юстиниана.

Она встала и медленно прошлась к окну. Велисария поразила царственная грациозность ее движений, несмотря на тяжесть парадных одежд, надетых на Феодоре. (Которые, как ему сказала Антонина, Феодора носит постоянно.) Она смотрелась настоящей императрицей до мозга костей.

На мгновение Велисарий словно увидел внутренних демонов женщины: неистовство, упорство, амбиции, которые вознесли ее и ее мужа на трон с самого низа. Ведь Юстиниан — полуграмотный крестьянин из Фракии, который, конечно, уже давно стал образованным человеком, не менее грамотным, чем кто-либо в империи. А Феодора — проститутка из Александрии.

И ведь Феодора не была утонченной куртизанкой, как Антонина, весело выбиравшая себе нескольких покровителей, чьей интеллектуальной компанией она потом наслаждалась. Велисарий знал историю Феодоры от Антонины. Нынешнюю императрицу продал в проститутки ее собственный отец, когда ей исполнилось двенадцать лет. Сутенер в свою очередь продавал ее разным проходимцам, болтавшимся рядом с ипподромом.

Велисарий наблюдал за спокойным, красивым лицом, смотрящим в окно. Гордая осанка, некоторая отчужденность и холодность. Велисарий думал, что понимает Феодору. Понимает и ее саму, и ее непоколебимую преданность Юстиниану.

«Я дал клятву Юстиниану, и я всегда буду ему верен. Но я хотел бы дать клятву ей. Из нее получился бы гораздо лучший император».

— Я не верю этому Венандакатре,— тихо сказала Феодора.— Даже до того, как Антонина рассказала мне о подозрениях Ирины, у меня появились свои собственные.— Она посмотрела на Велисария.— Ты с ним встречался лично?

Полководец покачал головой.

— Я представлю тебя завтра. Юстиниан устраивает для Венандакатры прием.

Она снова посмотрела в окно.

— Торговый представитель! — хмыкнула Феодора.— В нем столько надменности, что ее хватило бы и для первого человека во Вселенной. Мерзкое существо! И, подозреваю, самый подлый человек из всех, кто когда-либо жил на земле.

Велисарий сдержал удивление. Антонина, как он знал, просто передала известную им о Венандакатре информацию, которая вполне могла быть доставлена шпионами Ирина. О видении полководца не упоминалось.

Венандакатра Подлый. Очевидно, эту кличку придумал не Рагунат Рао.

Феодора покачала головой.

— Нет, мне этот Венандакатра не нравится. Малва затеяли какую-то тайную и темную игру. А мы о них почти ничего не знаем. Да, лучше, если мы узнаем о них побольше и как можно быстрее.

Она повернулась назад к посетителям.

— Но есть кое-что более важное. У тебя будет достаточно времени, чтобы получше узнать этого Венандакатру. Гораздо больше, уверяю тебя, чем тебе захочется. Однако пока тебе следует незамедлительно познакомиться кое с кем еще. На прием также приглашены послы Аксумского царства. Теперь, поразмыслив, я решила: прием для Венандакатры — одновременно и прощальный прием для послов. На следующий день они возвращаются к себе домой.

Феодора снова села на трон.

— Думаю, предложенный тобой визит в Аксумское царство даже более важен, чем путешествие в Индию. С одной стороны, я не уверена, сколько полезной информации тебе удастся раздобыть в Индии. Каким бы негодяем ни был Венандакатра, он не дурак, и у него насчет тебя обязательно зародятся подозрения.

— А он согласится? В смысле разрешит Велисарию сопровождать его по пути в Индию? — спросила Антонина.

Феодора отмахнулась. Об этом, по ее мнению, беспокоиться не следовало.

— А он разве может отказаться? Ведь он, по легенде,— просто торговый представитель. Как он может отказать в просьбе императору взять с собой домой торгового представителя Рима? — Она покачала головой.— Нет, он согласится, хотя и будет недоволен. Что меня больше беспокоит в настоящий момент, так это согласятся ли аксумиты на эту часть твоего предложения.

— Я считал, что они в хороших отношениях с Римом,— заметил Велисарий.

Императрица поджала губы.

— Да, они *были* в хороших отношениях с Римом. Сохранились ли эти хорошие отношения после того позорного приема, который им тут оказали, сказать не могу.

— Их оскорбили? — поразилась Антонина.

— Не напрямую. Но безразличие к ним Юстиниана вскоре заметили приближенные, которые...— она презрительно фыркнула.— Первая заповедь приближенного: если император обгадился, ты должен наложить гору дерьма.

Велисарий рассмеялся. Феодора покачала головой.

— На самом деле это не смешно. Юстиниан так занят... ну, неважно. Давайте скажем: он просто забыл первое правило императора — не надо переступать через старых друзей, чтобы обзавестись новыми.

— А какое у тебя сложилось впечатление об аксумитах? — спросила Антонина.

Феодора нахмурилась.

— Советник, Гармат, кажется мне умным человеком. Не думаю, что с ним возникнут проблемы. Меня гораздо больше беспокоит принц.

Она медленно произнесла имя принца, наслаждаясь звучанием слов:

— Эон Бизи Дакуэн. Вы знаете, что означает это имя?

Велисарий с Антониной покачали головами.

— Аксумиты — воины. Мы об этом здесь постоянно забываем, поскольку встречаем их только как торговцев и мореплавателей. Но они военные люди, и у страны есть военная история, которой можно гордиться. Традиционное отношение к военным внушается их правящему классу с детства. И военная выправка сразу видна. Да и такой перечень различных местностей может быть только в имени правителя военного народа.

Она закрыла глаза, вспоминая.

— Официально царя аксумитов зовут Калеб Элла Атсбеха, сын Тазены, Визи Лазен, царь Аксумского царства, Химряра, Дху Райдана, Сабы, Салхема, Горной Страны и Яманата, Прибрежной Равнины, Хадрамавта и всех арабов, беджи, нобы, казу и сиямо, слуга Христа.

— Ничего себе,— заметила Антонина.

Феодора открыла глаза и улыбнулась.

— Вот именно. И не следует от этого отмахиваться как просто от монаршего размаха. Все точно, кроме «Элла Атсбеха». Полностью соответствует действительному положению вещей.

— А что означает «Элла Атсбеха»? — спросил Велисарий.

— «Тот, кто правит восходом»,— Феодора пожала плечами.— Эту часть имени мы можем проигнорировать. Но остальное — вот где самое интересное. Длинный список территорий, находящихся под его управлением, абсолютно точен. И аксумиты очень придирчиво к нему относятся. Например, Химряр, как и Хадрамавт, были присоединены к империи недавно. Если так можно выразиться, то аксумиты прибавляют и убавляют названия территорий к имени правителя в точном соответствии с фактами.

Феодора внимательно посмотрела на Велисария.

— О чем тебе это говорит, полководец?

— Они ценят точную информацию, даже формально,— Велисарий хитро улыбнулся.— Редкая черта в правителях.

— Правда? Да, очень строго и скрупулезно подходят к ней. Я велела своим историкам проверить данные. «Элла» прибавляется только к именам правящих монархов,— продолжала объяснения Феодора.— Которых, кстати, правильно называть «негуса нагаст», что означает «царь царей». Мои историки не уверены, но думают, что это тоже

довольно точно. Судя по архивам, оставленным первыми посланниками, Аксумское царство возникло в результате завоеваний и царь правит над многими подчиненными монархами в регионе. Кажется, даже над Мешхедом и Нубией.

— А «Бизи»? — спросил Велисарий.— Это должно что-то означать. Я обратил внимание, что сам правящий монарх — негуса нагаст — и его сын имеют это слово в имени. Наверное, какой-то титул.

— Да. И это самое интересное. Старший сын царя Калеба Вазеб именуется Вазеб Бизи Хадефан, сын Элла Атсбеха. Ему дается отчество, потому что он — наследник. Младший сын, представитель Аксумского царства здесь, Эон, имеет короткое имя, включающее только самое необходимое — Эон Бизи Дакуэн. Одно это имя, поскольку только его аксумиты считают по-настоящему важным.

— Что-то военное,— догадался Велисарий.

Феодора одобрительно кивнула.

— Абсолютно точно. Аксумская армия состоит из постоянных полков. Называют они их «саравиты». Думаю, единственное число этого слова: «сарв». «Бизи» означает «воин из». Поэтому принц Эон идентифицируется только как воин из сарва Дакуэн. Точно так же как его отец, прежде всего — воин из сарва Лазен, а старший брат Эона, Вазеб, наследник, прежде всего — воин из сарва Хадефан.

Антонина переводила взгляд с императрицы на полководца.

— Кажется, я что-то опустила,— призналась она.

Велисарий поджал губы.

— Боже праведный, даже спартанцы так этим не злоупотребляли,— заметил он и повернулся к жене.— Это означает, Антонина, что аксумиты смотрят на мир холодным взором воинов. Гордых воинов. Достаточно гордых, что называют своих царей и принцев по названиям полков. И еще более гордых, поскольку отказываются претендовать на территории, которыми на самом деле не управляют.

Феодора кивнула.

— И к этим людям отнеслись, как к нежелательным гостям, с самого момента их появления. Надменные приближенные императора отмахивались от них. И эти приближенные не в состоянии отличить один конец копья от другого. Бюрократы, не желавшие иметь с ними дела, даже не знают, как выглядит копье!

— О, Боже! — воскликнула Антонина.

Велисарий посмотрел на Феодору.

— Но ты не думаешь, что с советником — Гармат, так его кажется? — возникнут проблемы?

Императрица покачала головой.

— В конце концов, он советник. Вероятно, сам воин, в прошлом, но молодость давно прошла. Нет, проблема в юноше. Эоне Бизи

Дакуэне. Он горд, как может быть горд только молодой воин — а этот-то еще и принц! — и его смертельно обидели.

Феодора с удивлением увидела, что Велисарий смеется.

— О, я так не думаю, императрица! По крайней мере, если он настоящий воин. А с таким именем, подозреваю — настоящий.— На мгновение на лице полководца появилось такое же ледяное выражение, как у императрицы.— Воинов не так легко смертельно обидеть, Феодора. Они видели слишком много настоящих смертей. Если они выживают... ну, конечно, и если у них есть гордость. Но их также отличает практичность.

Он встал.

— Думаю, я использую эту практичность. Поговорю, как один воин с другим.

Антонина поднялась вместе с ним. Было ясно: аудиенция окончена, только...

— Ты устроишь встречу с Юстинианом?

Феодора покачала головой.

— В личной встрече нет необходимости. Юстиниан с вашим планом согласится. В этом у меня нет сомнений.— Императрица помолчала, размышляя.— Думаю, следует публично объявить о предстоящей миссии Велисария на завтрашнем приеме. Это будет хорошим ударом для Венандакатры и поможет смягчить аксумитов.

— Ты сможешь все так быстро организовать?

Феодора холодно улыбнулась.

— Не беспокойся, полководец. Все будет сделано. Ты сам только проследи, чтобы у тебя все получилось с молодым принцем — о чем ты тут хвастался.

Глава 12

Велисарий считал усилия императора пустой тратой времени и сказал об этом Ситтасу. Конечно, очень тихо сказал. Даже бесстрашный полководец Велисарий не был настолько смел, чтобы громко критиковать Юстиниана на официальном императорском приеме.

— Бесспорно, пустая трата времени,— прошептал Ситтас.— Всегда, кроме приема варваров. И что? Юстиниана это не волнует. Он любит свои игрушки, в этом-то все и дело. Думаешь, он упустит шанс поиграть в них?

За этими словами — конечно, произнесенными шепотом, себе под нос — последовали грубые замечания о придурках-фракийцах и их детском восторге от безделушек и погремушек. Широко улыбаясь, Велисарий весело их проигнорировал.

По правде говоря, Велисарий сам не так далеко ушел от фракийской деревни. Его, несомненно, нельзя было назвать неотесанным деревенщиной и придурком — как он считал, эти слова очень неточно описывали и императора,— но он, как и император Юстиниан, получал много радости от *игрушек*.

На самом деле игрушек.

Имелись, например, «летающие троны». На них Юстиниана и Феодору поднимали высоко над толпой. Троны поднимались и опускались в соответствии с настроением императора. В настоящий момент, судя по тому, что трон висел высоко, Юстиниан чувствовал себя отделенным от огромной толпы, собравшейся в зале.

Также имелись и львы, окружавшие троны, когда те стояли на полу. Животные были сделаны из золота и серебра, но их ценность заключалось в другом: по желанию императора они могли дико рычать. Рык напоминал гром. А желание, судя по количеству рыков за полчаса после появления Велисария и компании на приеме, возникало довольно часто.

И, наконец, самые любимые игрушки Велисария: украшенные драгоценным камнями металлические птицы, сидевшие на металлических деревьях и фарфоровых фонтанах, установленных неподалеку от места нахождения императора. Полководца умиляло их металлическое воркование. Больше всего ему нравилась одна птичка на краю фонтана, которая время от времени наклоняла головку, словно для того, чтобы выпить воды.

На самом деле игрушки.

Но, думал он, на этот раз — пустая трата времени и сил. Ни индусы, ни аксумиты не были тупыми варварами, чтобы их удивили и ослепили такие вещи.

Велисарий вначале рассмотрел представителей малва. Выделить Венандактру сложности не представляло: не только потому, что он стоял в центре группы индусов, но и по манере держаться. Он был одет богато, но не кричаще, как и полагалось тому, кто называл себя торговым представителем.

Эта предполагаемая скромность — тоже пустая трата времени, подумал Велисарий, поскольку, как и говорила императрица, Венандакатра вел себя так, словно правил Вселенной.

Велисарий улыбнулся. Показной прием в богато убранном зале специально для Венандакатры был не очень тонким намеком, избранным Юстинианом, чтобы ясно показать малва: римского императора не обманула легенда, преподнесенная индусами. Простого торгового представителя заставили бы ждать несколько недель перед тем, как какой-нибудь бюрократ среднего уровня опустился бы до того, чтобы удостоить его аудиенции в какой-нибудь конторе. Никогда ни одного

настоящего торгового представителя не принимали официально в главном зале Большого Дворца перед собравшейся знатью Константинополя.

Велисарий поднял голову и посмотрел на огромную мозаику, украшавшую стену напротив. Он почти ожидал увидеть шок и непонимание на лицах изображенных там святых. Эти святые глаза на стене привыкли смотреть вниз на победоносных полководцев, высших чинов церкви, украшенных драгоценностями послов из Персии, но никак не ничтожных *торговцев*, да еще пользующихся дурной славой!

Велисарий усмехнулся и снова занялся рассматриванием «торгового представителя» малва.

Кроме надменности, в Венандакатре не было ничего примечательного. Смуглое лицо по византийским стандартам определенно выглядело иностранным. Но оно не выделяло его из толпы. Константинополь считался самым многонациональным городом в мире, свободным от национальных и расовых предрассудков. И его обитатели давно привыкли к экзотическим посетителям. Если человек правильно себя ведет, одевается в византийской манере, говорит по-гречески — все в порядке. Возможно, он и язычник, но цивилизованный язычник.

Венандакатра был мужчиной средних лет, среднего роста. Тонкие черты лица доходили до остроты, что подчеркивалось глубоко посаженными темными глазами. Глаза показались Велисарию такими же холодными, как у рептилии, даже на расстоянии. Паутинка морщинок создавала впечатление чешуи.

Как предположил Велисарий, от рождения Венандакатра склонен к худобе, но на тонких костях накопился значительный жирок. Венандакатра производил странное впечатление: необычная комбинация сдержанной ярости, насыщения и неутоленного голода — как у змеи, заглотившей и не переварившей добычу.

На лице полководца появилась холодная, варварская улыбка. Он вспомнил видение. В другом времени, в будущем, которое Велисарий надеялся изменить, этого подлого человека убивает худенькая девушка. Его побеждают ее мелькающие ручки и ножки, и из его горла, разрезанного его собственным ножом, вытекает кровь.

— Прекрати, Велисарий,— прошептала Антонина.

— Пожалуйста,— подключилась Ирина.— Не следует показывать клыки на приеме в императорском дворце. Ты ведь пытаешься произвести хорошее впечатление, если помнишь.

Велисарий поджал губы. Снова бросил взгляд на Венандакатру, потом отвернулся.

«Ведь на самом деле Подлый».

Потом он перевел взгляд на аксумитов, и мышцы его лица тут же расслабились.

Чисто внешне аксумиты казались гораздо более впечатляющими, чем индусы. И определенно чужестранцами. Во-первых, их кожу даже нельзя было назвать смуглой — только черной. Они оказались черными, как нубийцы (а судя по чертам лица Велисарий решил, что один на самом деле нубиец). С другой стороны, если волосы индусов были длинными и прямыми, у аксумитов — короткими и курчавыми, причем в мелких завитушках. Наконец черты лица индусов — если отбросить смуглый цвет — не отличались от греческих (или по крайней мере армянских), лица же аксумитов имели все африканские черты. Это особенно относилось к тому, кого Велисарий принял за нубийца. В чертах других аксумитов имелось что-то арабское, несмотря на черноту. Лицо старшего в группе — по предположению Велисария — советника Гармата — походило на орлиное.

Велисарий знал, что Аксумское царство и южная часть Аравийского полуострова давно контачат друг с другом. Глядя на аксумитов и вспоминая некоторых арабов со слишком темной кожей, которых ему довелось встречать в прошлом, он решил, что связи между двумя нациями часто имели и более интимный характер.

Они явно выглядели в большей мере чужестранцами, чем индусы,— и по привычкам, и внешне. Велисарий тихо рассмеялся, глядя, как неуютно себя чувствует принц в странном для него византийском костюме, положенном на таком приеме.

— Да, это несколько смешно,— тихо согласилась Ирина.— Думаю, он привык носить гораздо меньше одежды, в его-то климате.

— Жаль, он не приехал сюда пару веков назад,— добавила Антонина.— Когда римляне все еще носили тоги. Думаю, в ней он чувствовал бы себя гораздо комфортнее.

— И я тоже,— пробормотал Ситтас. Он недовольно опустил взгляд вниз, на подол тяжелой накидки, украшенной вышивкой и доходящей до колена. Накидка со всеми причиндалами по весу почти не уступала доспехам катафрактов.

— Как только мы оказались в таких нарядах? — застонал он.— Вместо удобных тог?

— Позаимствовали у гуннов,— прошептала Ирина.— А они, в свою очередь, у китайцев.

Ситтас аж поперхнулся.

— Ты шутишь! — и снова с ненавистью посмотрел на свое одеяние.— Ты хочешь сказать, что на меня надета одежда проклятых гуннов?

Ирина кивнула, улыбаясь.

— Вот так и развивается цивилизация,— заметила она.— Это не ваша вина. Я имею в виду солдат вообще, не лично тебя и Велисария. Когда все с ума сходили по кавалерии, воины настояли на том, чтобы носить штаны, как гунны.— Она усмехнулась.— Почему вы настояли

на том, чтобы также носить и верх их костюма, для меня остается тайной.

— Откуда ты столько знаешь, женщина? — проворчал Ситтас.— Это неподобающе.

— А я не провожу целые дни, попивая вино и жалуясь, что мне нечего делать.

Ситтас гневно посмотрел на нее.

— Будь проклят женский ум. Им никогда не следовало позволять учиться читать. Есть все-таки кое-что хорошее и у фракийцев. Их бабы ходят босиком и читать не умеют.

— Это так,— прошептала Антонина.— Велисарий позволяет мне надевать обувь только на особые мероприятия, подобные этому.— Она с удовольствием посмотрела на собственные ноги, обутые в нечто немыслимое на высоких каблуках, на которых мужчина не смог бы долго удержаться.— И, конечно, еще когда я пляшу голая у него на груди с хлыстом в одной руке и холодным шербетом в другой.

— Покажите мне бабу с умом, и я покажу вам бабу с чувством юмора,— пробормотал Ситтас.— Естественно, все шуточки у нее будут насчет мужчин.— Он обвел взглядом большой зал, на мгновение останавливаясь на каждой женщине и пронзая ее гневным взглядом. Хотя на самом деле большинство из них не казались ни особо умными, ни обладающими чувством юмора.

Велисарий не участвовал в обмене колкостями. Он уже давно смирился с выводящими мужчин из себя шуточками жены. На самом деле они ему даже нравились. Хотя, глядя на этот ужас на маленьких ножках Антонины, он почти содрогнулся, представив, как каблуки разрывают ему грудь.

Он снова обратил внимание на аксумитов. Их было только пятеро. Как он слышал, на прием пришли все, кто приехал в Константинополь. Полководец вновь взглянул на индусов и улыбнулся. И если дипломатическая миссия Аксумского царства состояла всего из пяти человек, индусы, представлявшиеся обычными торговцами, привезли больше двадцати.

Улыбка исчезла. Кое-кто из этих двадцати здесь просто для украшения, но определенно не все. Может, один или два на самом деле интересуются торговлей, но Велисарий не сомневался: по меньшей мере десять индусов — шпионы.

Словно читая его мысли, Ирина прошептала:

— Я слышала, что по меньшей мере десять индусов объявили о своих планах надолго обосноваться здесь. Говорят, для укрепления торговых связей и расширения контактов.

— Несомненно,— пробормотал полководец.— В этом городе всегда был хороший оборот обмана и предательства.

Ирина наклонилась поближе к нему и прошептала еще тише:

— Видишь того, что стоит крайним слева? И плотного, ближе к середине, в желтой одежде с черной вышивкой?

Как заметил Велисарий, она даже не смотрела в их сторону. Сам он бросил лишь один беглый взгляд на представителей малва.

— Да, вижу.

— Того, что слева, зовут Аджатасутра. Плотного — Балбан. Я уверена: Аджатасутра — один из главных шпионов малвы. Насчет Балбана не так уверена, но также его подозреваю. И если мои подозрения насчет Балбана верны, то он, вероятно, и возглавляет шпионскую сеть.

— Не Аджатасутра?

Ирина настолько незаметно покачала головой, что Велисарий этого практически не заметил, скорее почувствовал.

— Нет, он слишком выпячивается. Слишком много показного.

Странным, почти таинственным образом Ирине удавалось читать его мысли. И вот опять...

— Это плохая затея, Велисарий. Никогда не следует убивать известных тебе шпионов и начальников шпионских сетей. Их просто заменят на других, которых ты не знаешь. Лучше держать их под наблюдением и тогда...

— Что тогда?

Она улыбнулась и легко пожала плечами, даже не глядя в сторону индусов.

— Что угодно,— прошептала.— Возможности безграничны.

Антонина толкнула Велисария локтем.

— Думаю, пора познакомиться с аксумитами. Я наблюдала за Феодорой, она с нетерпением и недовольством смотрит на нас.

— Вперед,— сказал полководец.

Он взял жену под руку и повел через зал, прокладывая путь сквозь шумную толпу. Аксумиты стояли как бы в стороне, там, где люди уже не толпились. Даже для Велисария, редко посещавшего такие мероприятия, стало очевидно: их намеренно игнорируют.

Аксумиты заметили их по мере приближения. Старший, которого Велисарий считал советником Гарматом, никак не отреагировал. С другой стороны глаза молодого принца заметно округлились. Можно было бы даже сказать, что он уставился на Велисария как на диковину, пока высокий мужчина за его спиной — тот, кого Велисарий считал нубийцем — не толкнул его локтем. Тогда принц оторвал взгляд от приближающихся людей и посмотрел куда-то в зал. Спину держал прямо, словно кол проглотил.

По мере приближения Велисарий встретился взглядом с нубийцем. Высокий чернокожий мужчина тут же расплылся в широкой улыбке, показав зубы, затем эта улыбка так же быстро исчезла.

Велисария человек удивил. Чем занимался советник Гармат, было ясно. Два других члена миссии явно солдаты. Личное окружение принца, люди, подобные его собственным пентархам Валентину и Анастасию. Опытные, через многое прошедшие воины, которым около тридцати — или чуть меньше, или чуть больше. Достаточно молодые, чтобы подходить физически, и достаточно взрослые, чтобы не бросаться с головой в омут и не совершать необдуманных поступков.

Тогда в какой роли тут нубиец? Каковы его функции? Более того — почему нубиец? А что это так, Велисарий почти уверился, подойдя к небольшой группе. Чертами лица высокий мужчина отличался от аксумитов, в них не было ничего орлиного, только чисто африканские черты.

Но Велисарий скоро узнает точно. Он остановился в нескольких футах от группы и вежливо поклонился.

— Меня зовут Велисарий,— объявил он.— Я...

— Лучший римский полководец! — сказал самый старший в группе.— Такая честь! Я — Гармат, советник принца Эона Бизи Дакуэна.— Он кивнул на молодого человека, стоявшего рядом с ним.

Велисарий внимательно осмотрел принца. Тот, как подумал полководец, оказался очень симпатичен — экзотическим образом. Юноша не отличался высоким ростом, но был определенно хорошо сложен. Под тяжелой вышитой накидкой, подозревал Велисарий, скрывается мускулистое развитое тело.

Принц кивнул, очень легко, почти невежливо. Высокий мужчина, стоявший за принцем, тут же пихнул его локтем, причем довольно сильно, и произнес несколько слов на языке, которого не знал Велисарий. Двое воинов-аксумитов, стоявших по бокам, что-то пробормотали. Судя по интонации, Велисарий понял: это слова одобрения.

Происходило что-то странное. Язык был полководцу неизвестен, но... Велисарий почти понял значение слов. Странно.

Велисарию показалось, что принц, несмотря на черноту кожи, покраснел от смущения. Молодой человек выпрямился еще сильнее (если такое возможно) и поклонился. На этот раз очень низко и уважительно. Высокий мужчина за спиной принца опять сверкнул улыбкой и произнес на греческом с очень сильным акцентом:

— Я ему сказал: «Прояви уважение, мальчишка! Он — великий полководец, проверенный в битвах, а ты только молокосос».— Снова широкая улыбка.— Конечно, я говорил на нашем языке, чтобы не смущать молодого глупого принца. И не дал ему подзатыльник по этой же причине. Но теперь считаю: я должен перевести, чтобы не оскорбить знатных гостей.

— А ты кто, если я могу спросить?

Высокий мужчина улыбнулся еще шире.

— Я? Я — никто, великий полководец. Несчастный раб, только и всего. Самое низшее существо на земле, унижаемое вне всякой меры.

— Не мог бы ты представить нас своей очаровательной жене? — перебил Гармат.

Велисарий извинился и представил присутствующих друг другу. Гармат был опытным и искусным дипломатом и умудрился осыпать комплиментами красоту и шарм Антонины, причем таким образом, что никто не смог бы заподозрить малейшего личного интереса в его словах. У принца так хорошо не получилось. Он говорил очень вежливо, но был явно сражен красотой женщины.

Высокий мужчина за его спиной опять что-то сказал резким тоном. Воины снова выразили одобрение.

Но на этот раз Велисарий понял значение слов — не понимая, как ему это удалось.

— Идиот! Бегай дома за пастушками, если тебе так хочется! Нечего пялиться на жен великих иностранных полководцев!

Велисарий ничем себя не выдал. Или по крайней мере ему так казалось.

— Ты говоришь на нашем языке,— объявил Гармат.

Велисарий думал с минуту, затем покачал головой.

— Нет. Я могу понять некоторые слова, и это все. Но я не могу говорить. А как он называется?

— Геэз[1].

— Спасибо. Прости мне мое невежество. Я очень мало знаю про Аксумское царство. Как я уже упоминал, я не могу говорить на вашем языке, но немного его понимаю.

Гармат очень внимательно смотрел на него.

— Думаю, больше, чем немного.

Советник взглянул на высокого мужчину за принцем.

— Тебя удивляет поведение Усанаса,— это было скорее утверждение, чем вопрос.

Велисарий посмотрел на высокого мужчину.

— Это имя?

Усанас ответил, опять на греческом:

— Это мое цивилизованное греческое имя, полководец Велисарий. На моем родном языке меня зовут...— последовало несколько непроизносимых слогов.

— Ты нубиец,— сказал Велисарий.

Усанас улыбнулся от уха до уха.

— Нет! Ужасные люди, эти нубийцы. Очень любят воображать из себя невесть что, притворяются египтянами. Чихал я на них!

---

[1] Геэз — эфиопский язык.

Гармат перебил его:

— Римляне очень часто ошибаются. На самом деле он родился гораздо южнее Нубии. Он из земли между великими озерами, которая совсем неизвестна людям Средиземноморья.

Велисарий нахмурился.

— Значит, он не из Аксумского царства?

— Нет! — воскликнул Усанас.— Ужасные люди, эти аксумиты! Любят воображать о себе невесть что, притворяются потомками Соломона.

Снова улыбка.

— Однако на Аксумское царство я не чихал. Иначе сарвены,— он показал большим пальцем вначале на одного воина, потом на другого,— побьют наглого раба.

Двое сарвенов утвердительно кивнули.

Велисарий сурово нахмурился. Гармат улыбнулся.

— Тебя, как я понимаю, удивляют некоторые наши обычаи.

— Это что, такой обычай? — с сомнением спросил Велисарий.

Гармат закивал.

— О, да! Очень старый обычай. У любого ребенка мужского пола, родившегося у царя,— а иногда и у девочек, если нет наследников-мужчин,— есть особый раб. Он прикрепляется к ним в возрасте десяти лет. Раб всегда иностранец, ну... в некотором роде. Его называют давазз. Его работа — особого рода. У принца есть советник, чтобы обучать его управлению государством, которым царь должен править как следует,— тут Гармат показал на себя.— Ветераны из его полка обучают его военному искусству, он должен владеть оружием, чтобы остаться у власти.— Гармат показал на двух солдат.— А затем, что самое важное, у него есть давазз. Который учит его, что разница между рабом и царем не так уж велика.

Усанас улыбнулся.

— Гораздо лучше быть рабом! Никаких беспокойств.

Антонина мило улыбнулась.

— Я полагаю, тебя должно беспокоить, что сделает принц, если когда-то займет трон? — спросила она.— И вспомнит давазза, оскорблявшего и обижавшего его бессчетное количество раз?

Улыбка с черного лица не сошла.

— Чушь, госпожа. Принц будет благодарен. Осыплет верного давазза подарками. Предложит ему престижный пост.

Антонина улыбнулась в ответ.

— Может быть. В особенности, если давазз был добрым человеком, мягко укорявшим принца, и то только в редких случаях.

— Чушь! — воскликнул Усанас.— Давазз такого рода бесполезен!

И он дал принцу подзатыльник, причем очень тяжелый. Принц и глазом не моргнул.

— Видите? — спросил Усанас.— Хороший принц. Очень сильный и выносливый, с твердой головой. Если он когда-то станет царем, арабы затрепещут.

Велисарий был зачарован.

— Но... давайте представим на мгновение... я имею в виду...

Гармат перебил его:

— Тебя интересует, какими мотивами руководствуется давазз, проявляя такую суровость? Когда, как указала твоя жена, всегда есть риск, что царь будет вспоминать прошлое, причем самые его неприятные моменты?

Велисарий кивнул. Гармат повернулся к Усанасу.

— Что случится, Усанас, если ты будешь игнорировать свои обязанности? Не сможешь правильно воспитать принца и показать ему истинное положение вещей?

Улыбка исчезла с лица Усанаса.

— Саравит очень рассердится,— он посмотрел в одну сторону, потом в другую.— Очень раздраженные, очень злобные сарвены.— Улыбка вернулась.— Принц — ничто. Царь — почти ничто. Саравит — очень важен.

Солдаты одобрительно кивнули.

Гармат повернулся к Велисарию.

— По нашей традиции, когда принц садится на трон или достигает совершеннолетия — что у нас наступает в двадцать два года,— то его сарв выносит постановление по даваззу. Если решают, что давазз хорошо выполнил свою работу, ему предлагают членство в сарве. И обычно высокий ранг. Или, если он того хочет, он может вернуться домой, с благословением сарва и, конечно, множеством даров от бывшего принца.

— А если сарву не понравится, что он сделал?

Гармат пожал плечами. Из-за его спины Усанас пробормотал:

— Очень плохо.

Солдаты одобрительно кивнули.

Велисарий почесал подбородок.

— А давазз всегда с юга?

— О, нет! — воскликнул Гармат.— Давазз может быть из любой чужой страны, при условии, что его народ считается храбрым и сам он известен своим мужеством. Например, давазз царя Калеба был арабом, бедуином.

— А что с ним произошло?

Гармат кашлянул.

— Ну, на самом деле он сейчас стоит напротив тебя. Я был даваззом Калеба.

Велисарий с Антониной уставились на него. Гармат виновато кашлянул.

— Моя мать, боюсь, не славилась целомудрием. Ей особенно нравились симпатичные молодые эфиопские торговцы. Как видите, в результате одного такого союза получился я.

— А как тебя схватили? — спросил Велисарий.

Гармат нахмурился. Он, казалось, не понял, о чем его спрашивают.

— Кто схватил?

— Аксумиты — когда они взяли тебя в плен, поработили и сделали даваззом Калеба?

— Никто никогда не захватывает давазза! — воскликнул принц.— Если человека можно взять в плен, то он не подходит на роль давазза!

Это были первые слова принца. Голос Эона оказался приятным, хотя и необычно низким для такого молодого человека.

Велисарий покачал головой.

— Я совсем не понимаю. Как тогда вы кого-то делаете даваззом?

— Делаете даваззом? — переспросил принц. Он в замешательстве посмотрел на советника. Гармат улыбнулся. Солдаты хмыкнули. Усанас рассмеялся.

— Никто никого не делает даваззом, полководец,— пояснил Гармат.— Это очень большая честь. Люди приезжают из всех мест, чтобы участвовать в конкурсе. Когда я услышал, что аксумиты собираются выбрать нового давазза, я проехал половину Аравийского полуострова. А затем я обменял великолепного верблюда на весельную лодку, чтобы пересечь на ней Красное море.

— Я шел пешком через джунгли и горы,— сообщил Усанас.— Я ничего не менял и не продавал. Мне нечего было продавать, кроме своего копья, которое мне самому требовалось.

Он приподнял рукав и показал очень мускулистую руку, которую искажал ужасный шрам.

— Получил от пантеры по пути,— улыбка вернулась.— Но шрам того стоил. Благодаря ему я участвовал только в последнем раунде. Не пришлось тратить время на глупые первые конкурсы.

— Усанас — самый великий в мире охотник,— объявил Эон, с гордостью в голосе.

Усанас тут же дал ему подзатыльник.

— Молодой дурак! Самый великий охотник — это львица где-нибудь в саванне. Надеюсь, ты с ней никогда не встретишься. И не будешь думать о своей ошибке, сидя у нее в животе.

— А ты, Гармат? Ты тоже был великим охотником? — спросила Антонина.

Гармат пренебрежительно махнул рукой.

— Ни в коем случае. Ни в коем случае. Я... как бы это выразиться? Давайте скажем, что аксумиты были рады выбрать меня. Одним ударом они получили давазза и избавились от самого беспокойного предводи-

теля бандитов в Хадравмате,— он снова пожал плечами.— Я порядком устал от бесконечной череды набегов и попыток уйти от преследователей. Мысль о стабильном положении пришлась мне по душе и...

Он помедлил, оценивающе оглядывая стоявших перед ним двух римлян.

— И мне всегда нравились люди, из которых происходил мой отец,— продолжил он.— Кто бы ни был мой отец, я никогда не сомневался, что он аксумит.

На мгновение лицо советника стало суровым.

— Меня воспитывали, как араба, и я не забыл этой части своего наследия. Арабы — великие люди, во многом. Но они были очень суровы к моей матери. Насмехались над ней, обижали. Только по той причине, что ей нравились мужчины.

Он отвернулся, оглядывая шумную толпу, собравшуюся в зале.

— Она была хорошей матерью. Очень хорошей. Конечно, когда я получил власть, насмешки прекратились. Но се никогда по-настоящему не уважали. Так, как нужно. Поэтому я забрал ее с собой в Аксумское царство, где другие обычаи.

— А как они отличаются? — спросила Антонина.

Гармат снова посмотрел на нее оценивающе. На этот раз смотрел дольше. Велисарий знал: сейчас принимается важное решение.

— Давайте просто скажем, Антонина, что аксумиты не станут шептаться о женщинах, стоящих у власти, несмотря на их сомнительное прошлое. Даже как здесь шепчутся, среди образованных греков.

Антонина замерла на месте. Гармат уныло улыбнулся.

— Да и оснований для такого шепота не будет — среди аксумитов. Проституция среди них неизвестна. Кроме портовых городов, где она существует для иностранных моряков. Над которыми потом смеются: ведь они заплатили немалые деньги за то, что могли бы получить бесплатно. Ну то есть за шарм, ум и хорошую беседу.

В разговор вступил Усанас, вначале, правда, скорчил ужасную гримасу:

— Аксумиты все выставляют напоказ. Это хорошо известно! Я был поражен, когда впервые услышал об этом, в моей отдаленной маленькой деревне на юге. Конечно, мои люди отличаются высокими моральными качествами.— Его лицо стало печальным.— О, да! Я был шокирован такими новостями! Тут же отправился проверить лично, чтобы прекратить такие ужасные слухи.— Опять широкая улыбка.— Жаль, но слухи оказались верными. Конечно, я бы сразу же убежал, но к тому времени, как я узнал...

— В день прибытия,— вставил один из солдат.

— ...оказалось слишком поздно. Уже был выбран даваззом. И что я мог поделать?

Антонина и Велисарий рассмеялись. Гармат развел руками.

— Видите? Даже наши священники, боюсь, слишком терпимы по вашим стандартам. Но нам нравятся наши обычаи. Даже негуса нагаст не особо беспокоится насчет отцовства своих сыновей. Да и какую роль играет их кровь? В конце концов значение имеет только одобрение саравита.

Солдаты одобрительно кивнули.

Советник посмотрел на Велисария, его глаза были очень внимательными.

— Тебе следует лично приехать к нам,— заметил он.

— Только со мной, чтобы я могла за ним следить! — воскликнула смеющаяся Антонина. Затем, вспомнив об их цели, резко осеклась и замолчала.

Гармат тут же заметил фальшь. Но до того, как он смог что-то сказать, Велисарий откашлялся.

— На самом деле, Гармат...

Его перебил звук фанфар. Велисарий резко дернулся. Трубили в трубы, которые обычно использовались в битвах. Таким образом римские полководцы передавали приказы во время боя. Велисарий был непривычен к их использованию в мирной жизни.

Троны Юстиниана и Феодоры подняли на максимальную высоту. Толпа в зале прекращала разговоры, наступала тишина. Было ясно: сейчас прозвучит важное объявление.

— Я должен перед вами извиниться,— быстро прошептал Велисарий Гармату.— Я так увлекся нашей беседой, что забыл о времени. Объявление...

Гармат положил руку ему на плечо.

— Давай послушаем объявление, полководец. Потом мы обсудим все, что требуется обсудить.

* * *

Когда объявление было сделано, Велисарий заметил три вещи.

Первое. Он отметил изменение отношения толпы и к нему самому, и к аксумитам. Если раньше их игнорировали, сейчас стало очевидно: их в самое ближайшее время окружат собравшиеся в зале.

Второе. Он даже на расстоянии заметил очень кислое выражение лица Венандакатры. И быстрое перешептывание среди его окружения.

Третье. Тройственная реакция аксумитов. Гармат, даже с большим опытом царского советника, не мог не выглядеть довольным. Эон, с малым опытом молодого полного энергии принца, с еще большим трудом скрывал неудовольствие. А давазз, как и всегда, выполнял свою работу под внимательным взглядом сарвенов.

— Нас не поставили в известность! — рявкнул принц.

Усанас тут же дал ему подзатыльник.

— Тупой молокосос! Если лев приглашает тебя пообедать, ты должен принять приглашение. Или ты сам предпочтешь стать обедом? Тупой младенец!

Солдаты одобрительно кивнули.

Глава 13

Амаварати
Зима 528 года н. э.

Ее младший брат хорошо умер. Глупо, но хорошо.

Шакунтала не винила мальчика в глупости. Ему было всего четырнадцать и ему все равно предстояло умереть. Лучше, если его быстро зарежет негодяй-йетайец, чем терпеть унижения и боль в последние минуты жизни.

Последний безнадежный бросок брата против йетайца требовал отмщения. Опытный воин-йетайец без труда уклонился от неловкого удара меча. Варвар дико оскалился, отсекая мальчику голову. Но мгновение спустя улыбка исчезла — острое копье Шакунталы пронзило его сердце.

Воин начал падать, и в это мгновение в покои принцессы ворвались еще три йетайца. Они оттолкнули тело в сторону. Первый йетаец, возглавлявший группу, чуть не упал, зацепившись за ногу мертвого товарища. Неловкого движения для Шакунталы оказалось достаточно, и ее копье проскользнуло над верхом его щита. Острие вонзилось врагу в горло. Варвар выплюнул кровь и упал на колени.

Принцесса немедленно вырвала копье из тела и направила на следующего йетайца. Этот закрылся щитом, блокируя удар. Но принцессу хорошо учили. Ее удар был обманным. И копье воткнулось в ногу врага, сразу над коленом. Йетайец завопил. Шакунтала вырвала копье из ноги и вонзила в открытый рот.

Это был быстрый удар, подобный нападению гадюки,— такой, за которым трудно уследить человеческому глазу, как ее и учили. Но — как ее предупреждали *не* делать — принцесса слишком яростно орудовала копьем и воткнула его слишком глубоко. Оно застряло между двумя позвонками.

Мгновение спустя еще один йетайец перерубил древко ударом меча. Вернее, попытался: его меч не смог полностью прорубить дерево. Но удара оказалось более чем достаточно, чтобы копье вылетело из рук Шакунталы.

Йетайец издал победный клич и кинулся на нее, широко улыбаясь. Шакунтала попятилась в угол. В огромной комнате, служившей ей для

приема посетителей, практически отсутствовала мебель. Принцесса откинула ногой огромную вазу, освобождая себе больше места для маневров. Красивый фарфор разбился, сухие цветы рассыпались по полу.

Сквозь дверной проем (дверь уже сорвали с петель) в комнату ворвались еще шесть йетайцев. Двое из них сразу же направились к принцессе. Четверо других повернулись к служанке Шакунталы. Вторая девушка — Джиджабай — скорчилась в углу комнаты.

Шакунтала услышала, как рыдания Джиджабай переросли в крики. Со служанки сорвали одежду, уложили ее на пол. Девушка сопротивлялась, йетайцы отпускали грязные шуточки, предвкушая удовольствие. Но у Шакунталы не было времени смотреть. Теперь трое йетайцев пытались окружить ее, одновременно заставляя отступать в угол. Они убрали мечи в ножны и бросили на пол щиты. Щиты упали на толстый ковер, покрывавший пол, с гулким звуком.

Принцесса не понимала слов, которыми они то и дело обменивались, но похотливые улыбки делали значение вполне понятным. Она притворилась, что подвернула ногу, согнулась, наполовину разворачиваясь. Один из йетайцев прыгнул на нее. Шакунтала ударила его ребром ладони точно в солнечное сплетение — и он мгновенно рухнул на спину. Второго принцесса ударила кулаком в то же место. Он закашлялся, согнулся и потом рухнул на пол вслед за первым — когда локоть Шакунталы со всей силы врезался ему в челюсть.

Третий йетайец прыгнул ей на спину и обвил ее тело руками. Она врезала ему макушкой по подбородку, потом со всей силы дала пяткой по лодыжке, вырвалась из его объятий и ударила локтем в живот.

Воин пошатнулся. Шакунтала повернулась и врезала ступней ему в пах. Йетайец распластался на полу со стоном.

Шакунтала отпрыгнула и бросилась в другой угол, где на полу лежала Джиджабай. Служанка была почти полностью раздета. Ее руки держал один йетайец, разведенные в стороны ноги держали двое других. Четвертый расстегнул штаны и уже вставал на колени между ног кричащей девушки.

Его наклон превратился в полет головой вперед, когда удар Шакунталы пришелся аккурат между лопаток. Принцесса нанесла удар идеально, без лишних усилий, которые были ее обычной ошибкой. Она не потеряла равновесия и с легкостью опустилась на ноги. Йетайец, державший правую ногу Джиджабай, уставился на нее. Шакунтала выбила ему зубы. Снова идеальным ударом. Следующий удар сломал ему шею.

Но этот удар оказался слишком сильным. Вместо того чтобы перегруппироваться, принцесса потеряла равновесие и рухнула на спину. К счастью, толстый ковер смягчил удар. Мгновение спустя йетайец, державший вторую ногу Джиджабай, оказался на принцессе,

прижимая к полу запястья Шакунталы. Он вопил от ярости. Однако его криков было недостаточно, чтобы заглушить звуки, производимые другими йетайцами, врывающимися в комнату. Джиджабай опять начала кричать.

Шакунтала неистово сражалась с противником. Для своего роста она была очень сильной. Но йетайец оказался значительно тяжелее ее и гораздо сильнее. Затем принцесса внезапно почувствовала, как ее ноги схватили другие варвары. Вопли радости йетайцев наполнили комнату, они казались Шакунтале оглушительными.

Теперь йетайец, лежавший на принцессе, твердо удерживал ее запястья. Он подтянул ноги и сел ей на живот. Лицо мужчины находилось всего в нескольких дюймах от лица Шакунталы. Он что-то начал ей говорить, похотливо улыбаясь. Шакунтала резко приподняла голову и откусила ему кончик носа.

Йетайец взвыл и отдернул голову. Из остатков носа хлестала кровь. Варвар уставился вниз, на нее, полными ярости глазами. Шакунтала выплюнула кончик носа ему в лицо. Воин взвыл от ярости, выпустил ее левое запястье, отвел назад свою правую руку и сжал кулак, готовясь нанести ей удар в челюсть.

Кулак отлетел куда-то вне пределов ее видимости. Воину отрезали часть руки. Йетайец в ужасе уставился на обрубок. Кровь хлестала, заливая все вокруг. Мгновение спустя Шакунтала вся стала красной от крови. Голова йетайца внезапно тоже исчезла.

Теперь кругом царил хаос. Шакунталу практически ослепила кровь, заливающая лицо. Затем на нее свалилось тело обезглавленного йетайца.

Она почувствовала, как руки, державшие ее ноги, ослабили хватку, затем ноги отпустили вообще. Внезапно нижнюю часть ее тела тоже залило чем-то горячим. Кровью. Не ее. Вопли и крики ярости. Звон клинков и щитов. Крики боли. Последние предсмертные крики.

Затем громогласный командирский голос. Еще несколько воинов заходит в комнату. Опять приказ. Звуки битвы затихают. Приказ.

Тишина, тишина. Только Джиджабай плачет в углу.

Тишина, кроме...

За пределами комнаты, где-то на отдалении крики продолжались. И Шакунтала их слышала. Это были жуткие крики боли и отчаяния. Казалось, они заполнили весь мир.

Амаварати взяли. Дворец захвачен. Все потеряно. Все. Все.

Внезапно с нее сняли обезглавленное тело. Она снова была свободна. Шакунтала села и попыталась стереть кровь с лица. Кто-то дал ей тряпку. Ею она протерла глаза, чтобы хотя бы видеть, что происходит.

Теперь вся комната была заполнена воинами. Несколько йетайцев все еще оставались живы. Они сгрудились в углу рядом с рыдающей Джиджабай. Большее количество йетайцев погибло, их тела валялись на полу.

Другие воины, находившиеся в комнате, тоже были врагами, но не йетайцами. Шакунтала узнала их. Кушаны. И один жрец Махаведы.

Жрец бегал между йетайцами в углу и одним из кушанов. Шакунтала догадалась, что это командир кушанов.

Командир кушанов оказался невысоким мужчиной, очень плотного телосложения, с бочкообразной грудью и широкими плечами. В правой руке он держал меч, покрытый кровью. Шакунтала была уверена, хотя точно и не знала, что именно этот меч отрубил руку, а потом голову напавшего на нее йетайца.

Но больше всего в кушане ее поразило лицо. Не черты лица. Внешность была типичной для кушанов: грубые черные волосы завязаны на затылке, немного раскосые карие глаза, плоский нос, высокие скулы, тонкие губы. Нет, дело было в самом лице. Казалось, на нем нет человеческой плоти. Не лицо — железная маска.

Жрец что-то крикнул командиру кушанов. Тот кратко ответил, не желая уступать. Показал пальцем на Шакунталу и еще что-то сказал. Жрец нахмурился. Потом повернулся к йетайцам в углу и что-то им рявкнул. Йетайцы что-то отвечали — частично озлобленно, частично со страхом, но жрец заорал на них, заставив замолчать.

Потом жрец показал на Джиджабай. Командир кушанов отмахнулся от нее. Йетайцы улыбнулись и склонились над служанкой. Мгновение спустя они опять разводили ей ноги и расстегивали штаны.

Шакунтала вскочила на ноги, но командир кушанов внезапно оказался за ее спиной. Мужчина двигался гораздо быстрее, чем принцесса считала возможным. Она почувствовала, как он вывернул ей руку. Шакунтала тут же хотела ударить его ступней, но вместо лодыжки попала только по полу. Больно. Казалось, кушан, не прилагая усилий, вовремя отодвинул ногу, в которую метила принцесса. Причем при этом не потерял равновесия и не ослабил хватки.

Шакунтала почувствовала, как ее руку выкручивают дальше, и стояла, не двигаясь. Она поняла: у него немалый опыт, и впала в отчаяние. Хотя...

Шакунтала попыталась нанести удар локтем другой руки, но удар блокировали, едва он успел начаться. Она попыталась ударить макушкой, получила затрещину. Не очень сильную, но нанесенную опытной рукой.

Джиджабай закричала. Удар. Крик. Еще один удар. Удар. Молчание. Только грубые смешки йетайцев.

— Ты ничего не можешь для нее сделать, девочка,— прошептал командир кушанов на хорошем хинди.— Ничего.

Он потащил Шакунталу к двери. Он был силен. Очень силен. Вместе с ним пошли другие кушаны. Несколько человек шли впереди. Другие по бокам, оставшиеся сзади. Все держали мечи наготове. Испачканные кровью, все, без исключения.

Выходя из двери, Шакунтала услышала, как Джиджабай снова закричала. Затем: удар, еще удар, и молчание.

— Ничего, девочка, ничего,— прошептал кушан.

* * *

Проход по дворцу оказался одним сплошным кошмаром. Принцесса, залитая кровью, находящаяся в полубессознательном состоянии, все равно могла видеть. И слышать. Весь дворец превратился в бойню и сумасшедший дом одновременно. Кто-то искал трофеи, кто-то кого-то пытал, насиловал. Варвары йетайцы напоминали обезумевших волков. Обычные войска малва оказались даже хуже — подобные обезумевшим гиенам, абсолютно не поддающиеся контролю. Несколько раз эскорту из кушанов приходилось останавливать солдат малва, бросающихся на принцессу. Кушаны мгновенно убивали солдат малва, которые приближались к ним, без малейших угрызений совести. Йетайцев убивали за одно то, что те косо посмотрели в их сторону.

Через некоторое время Шакунтала почувствовала, что ослабела от ужаса. Она попыталась бороться со слабостью, но это оказалось почти невозможно. Ее охватывало полное отчаяние.

Железный захват, державший ее вначале, постепенно превратился в успокаивающее объятие. Часть ее сознания все еще искала пути бегства, но воля была похоронена под безнадежностью. И каждую минуту голос повторял:

— Ничего, девочка, ничего.

Мягкий голос. Железо тоже может быть мягким.

* * *

Наконец они вышли из дворца и оказались в огромном дворе.

И она заметила...

Железная рука повернула ее голову и уткнула в железное плечо. И Шакунталу повели прочь.

Принцесса собрала остатки воли.

— Нет. Нет, я должна увидеть,— сказала она.

Железо колебалось. Железо вздохнуло.

— Уверена?

— Я должна увидеть.— Она помолчала и через несколько секунд добавила: — Пожалуйста. Я должна.

Железо колебалось. Еще один вздох.

— Ничего, девочка, ни...

— Я должна! Пожалуйста!

Железная хватка ослабла, ее развернули.

Шакунтала увидела. Они умерли — наконец-то. Собравшиеся вокруг махамимамсы уже занимались своей грязной работой. Скоро кожаные мешки будут готовы, и их вывесят в большом зале дворца императора малва.

Ее отец. Ее мать. Все ее братья, кроме младшего, погибшего в ее комнате. Но его тело скоро спустят вниз к этим палачам.

Железная рука снова развернула ее. Она не сопротивлялась. Мгновение спустя ее затрясло. Затем, несколько секунд спустя, принцесса заплакала.

* * *

Она ничего не говорила часа три, пока не стихли последние крики из Амаварати. Кушаны изо всех сил гнали лошадей, кавалерийский эскорт из раджпутов не возражал против быстрой езды.

Три часа ее мучили воспоминания об Андхре. Великой Андхре, разрушенной Андхре. Пять столетий династия Сатаваханы правила Центральной Индией. И хорошо правила. Династия Сатаваханы имела дравидское происхождение, поэтому они защищали дравидов от вторжений и опустошительных набегов завоевателей с севера, одновременно распространяя среди них все истинные достижения ведической культуры. Само имя «Сатавахана» происходило от колесницы Вишну, в которую были запряжены семь лошадей. Династия приняла это имя, перейдя в индуизм. Приняла — по собственному выбору, не под давлением.

И Сатаваханы воистину правили. Они никогда не уклонялись от войны, но всегда предпочитали более мягкие способы покорения и властвования. Лишь немногие — если вообще кто-то — из их подданных находили их правление деспотическим. Даже высокомерные и задиристые маратхи через некоторое время смирились с правлением Андхры. Смирились, а затем превратились в могучую десницу Андхры.

Под правлением Сатаваханы Андхра стала одним из крупнейших торговых центров мира. Торговля с Римом на западе, Цейлоном на юге, Китаем на востоке. Великий город Амаварати, теперь пылающий в огне, был самым процветающим и мирным городом во всей Индии.

С миром, процветанием и торговлей пришли знания, мудрость и искусство. Сатаваханы поддерживали ученых, мистиков, художников, слетавшихся в Амаварати.

Движение брахманизма росло и развивалось при терпимости Андхры, вливая новые силы в индуизм. Буддисты и джайны, часто преследуемые в других индийских королевствах, не подвергались преследованиям в Андхре. Были даже разрешены пещерные храмы с изображениями и статуями Будды.

Шакунтала вспомнила красоту тех храмов, вихары, чайтьи и ступы[1]. Она с трудом боролась со слезами. Вспомнив великолепные фрески в одном из храмов Андхры, принцесса больше не смогла сдерживаться.

Разрушено. Все. Разрушено навсегда.

* * *

Ее первыми словами были:

— Почему меня пощадили?

Командир кушанов объяснил. Мягко. По крайней мере так мягко, как позволяла правда.

Она плюнула. На мгновение показалось, что на лице командира мелькнула улыбка — небольшой дефект в железной маске.

Потом она спросила:

— Рагунат Рао?

Командир кушанов объяснил. На этот раз его голос не отличался мягкостью. Не было необходимости. Затем командир сказал, что будет потом. Теперь снова мягко. Настолько, насколько железо могло быть мягким.

Шакунтала рассмеялась. Гордость выплеснулась из ее души, подобно реке, смывающей всю безнадежность и отчаяние.

Принцесса произнесла свое последнее в день разрушения слово:

— Ну и дураки.

* * *

Когда спустилась ночь, кушаны и раджпуты разбили лагерь. Везде вокруг поставили часовых — по периметру лагеря и за его пределами. Раджпуты охраняли лагерь от атаки извне. Кушаны охраняли лагерь от Шакунталы.

Это была странная охрана. Кушаны старались держаться от нее подальше, развлекая друг друга — на хинди, который она понимала,— рассказами о недотепах-йетайцах. Напуганных девчонкой йетайцах, которых она пронзала копьем — сердце, горло, ноги и рот, которых она била ногой в пах, выбивала зубы. Кушанам особенно нравился рассказ про откушенный кончик носа.

За освещаемой кострами частью лагеря стояли надменные раджпуты. Они улыбались в бороды. Болтовня кушанов веселила их.

---

[1] Вихара — монастырское общежитие. Чайтья — буддийский храм-молельня, часто пещерный, служащий для поклонения ступе. Ступа — буддийское культовое сооружение, хранящее священные реликвии.

* * *

В ту же ночь, у пруда, недалеко от дворца в Амаварати, лягушка квакнула и отпрыгнула в сторону, испуганная внезапным движением рядом с собой.

Внимательный часовой мог бы разглядеть медленно ползущую фигуру, выбравшуюся из тростника на берег. Но в ту ночь в Амаварати не было внимательных часовых. Армия малва наслаждалась своим триумфом. В эту ночь по Амаварати ходили только орды пьяных убийц, воров и насильников и прятались немногие выжившие жертвы. И еще группа махамимамсов, за которыми присматривали жрецы. Хотя палачи оставались трезвыми и находились на посту, следить за какими-то прудами им было некогда. Они выполняли свои обязанности. И им еще предстояло обработать тело четырнадцатилетнего мальчика.

На берегу мужчина сорвал с себя тунику и перевязал раны. Ран было много, но ни одна не оказалась смертельной и ни одна не оставит его калекой. Через которое время они просто превратятся в шрамы, добавив еще несколько меток к уже значительной коллекции, собранной на его теле.

Перевязав раны, мужчина какое-то время отдыхал. Затем, продолжая двигаться неслышно и почти невидимо, исчез с прилегающей ко дворцу территории. В лесу он пошел быстрее. Молча, неслышно и почти невидимо. Как раненая пантера.

Глава 14

Дарас
Весна 529 года н. э.

Исключительный ум Иоанна Родосского, думал Велисарий,— это, безусловно, положительный фактор.

Но он также был и фактором отрицательным.

— Почему ты мне лжешь? — спросил вышедший в отставку морской офицер.— Каким образом, Боже праведный, я могу сделать то, что ты там от меня хочешь, если от меня скрывают суть дела?

Велисарий спокойно смотрел на мужчину сверху вниз. Полководец был значительно выше ростом.

Иоанн Родосский нахмурился.

— Слушай, Велисарий, оставь позу сфинкса для кого-нибудь еще!

Он плюхнулся за рабочий стол и с отвращением махнул рукой на различные колбы с химикатами и предметы всевозможного предназначения, разбросанные на нем.

— Взгляни на эту кучу! Мусор и игрушки — вот это что. Это все равно, что искать философский камень или эликсир вечной жизни. Черт побери! — он отвернулся от стола, встал и яростно обвел взглядом мастерскую, как будто проклиная все ее содержание.

Велисарий опустился на стул и почесал подбородок.

— Хватит чесать подбородок! — рявкнул морской офицер, а затем сел на ближайший к Велисарию стул. Всем своим видом Иоанн показывал недовольство.— К чертям собачьим манеры.— Он поднял глаза и гневно посмотрел на Велисария.— И это еще не все,— продолжал он.— Что это вы с женой задумали при помощи меня провернуть с этим шакалом Прокопием?

Велисарий не успел придумать ничего подходящего, чтобы успокоить Иоанна. Тот снова вскочил и стал расхаживать по мастерской, гневно жестикулируя и периодически натыкаясь на разные предметы.

— «Не беспокойся!» Пожалуйста! Разве я похож на кретина?

Велисарий решил, что при сложившихся обстоятельствах честность, вероятно, будет самой подходящей тактикой.

— Хватит метаться, как сумасшедший,— сказал полководец.

— Я не мечусь. Я просто выражаю свое раздражение.

— Значит, прекрати беситься. И объясни, что ты от меня хочешь.

Иоанн застыл на месте. Теперь моряк гневно смотрел сверху вниз на спокойно сидящего полководца.

— Ты слышал про мою репутацию? — спросил Иоанн.— Что я совращаю всех направо и налево?

Велисарий кивнул. Иоанн Родосский надул щеки, затем снова плюхнулся на стул.

— Ну, репутация несколько преувеличена. Но не сильно. Я действительно пользовался большим успехом у дам на протяжении многих лет. Знаешь мой секрет?

Велисарий ждал. Впервые после их встречи два часа назад морской офицер улыбнулся.

— Секрет успеха обольщения, Велисарий, тот же, что и в войне. Никогда не следует ввязываться в сражение, которое не можешь выиграть.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Очевидное. Я не провел и часа в компании Антонины, когда мне стало ясно: совратить ее невозможно. Пока ты там гонял персов, мы с ней часто оставались вдвоем. В такие часы она ведет себя очень по-деловому и занята только работой. И все. Так почему же, как только в поле зрения появляется это гнусное создание Прокопий, Антонина внезапно начинает всячески проявлять ко мне нежные чувства?

Опять создавалось впечатление, что маленький Иоанн гневно смотрит на Велисария сверху вниз, несмотря на то что в эту минуту оба сидели.

— Что вы задумали?

Велисарий вздохнул и подвинул свой стул поближе. Затем, оказавшись рядом с Иоанном, хитро улыбнулся.

— Мы занимаемся секретной работой, Иоанн. Это заговор, который держится в глубокой тайне.

Отвратительное настроение морского офицера как рукой сняло. Он улыбнулся, как волк, которого, как подумал Велисарий, Иоанн очень напоминал. Невысокий, жилистый, симпатичный, голубоглазый, черноволосый, с седой бородой. Хорошо ухоженный волк.

— Так! — воскликнул Иоанн.— Это больше походит на правду.

Он склонился вперед и в предвкушении потер руки.

— А теперь расскажи мне о нем.

* * *

После того как Велисарий закончил говорить, Иоанн какое-то время неотрывно смотрел на него.

— Ты все равно что-то от меня скрываешь,— объявил он.— Я не верю, что эти твои... видения, если пользоваться твоим термином, просто появились из ниоткуда. За ними кто-то или что-то стоит.

Велисарий кивнул.

— И ты не собираешься назвать мне, кто? По крайней мере, сейчас.

Велисарий снова кивнул.

Иоанн нахмурился и отвернулся. Несколько секунд спустя его лицо прояснилось.

— Ладно, это я переживу. По крайней мере пока,— сказал он.

Он погладил бородку.

— Но есть еще один вопрос, на который я должен получить ответ. Сейчас. Заговор направлен против власти? Против императора?

Велисарий твердо покачал головой. Иоанн во все глаза уставился на него.

— Поклянись,— велел он.— Я знаю твою репутацию, полководец. Если ты мне поклянешься, мне этого достаточно.

— Я клянусь тебе перед Богом, Иоанн Родосский, что заговор, частью которого ты также являешься, не направлен против императора Юстиниана.

— Но он про него ничего не знает? — с разбойничьей улыбкой спросил Иоанн.

— Нет.

— А императрица?

— Нет. По крайней мере, пока нет.

Иоанн встал и принялся ходить из угла в угол.

— Хорошо. Пусть так пока все и остается. В особенности в том, что касается Юстиниана.— Морской офицер скорчил гримасу.— Такой подозрительный тиран.

Мгновение спустя Иоанн снова надул щеки и посмотрел на верстак.

— Хотя, учти, тут пока особо и скрывать-то нечего. Столько темных мест, так мало стоящего...

— У тебя вообще нет никаких успехов?

— Никаких... кроме небольших усовершенствований греческих штучек, которые мне сюда доставили. Знаешь такие, стреляют огнем во время морского боя? Но ничего, что может хотя бы отдаленно подходить для сухопутной битвы.

Велисарий поднялся.

— Давай выйдем на улицу, я хочу, чтобы ты кое с кем познакомился,— предложил он.

* * *

Не обнаружив аксумитов в доме, Велисарий решил, что их следует искать в казармах. И оказался прав.

Казармы кишели солдатами, в особенности огромный зал, который бывшая владелица усадьбы использовала для официальных обедов. Солдатам новые «казармы» нравились. Фракийцы наслаждались роскошью с момента появления в усадьбе. Но сейчас все были увлечены турниром, проходившим в центре зала.

Увидев Велисария, люди из его ближайшего окружения расступились, чтобы он мог видеть стол. Велисарий осмотрел происходящее и раздраженно вздохнул.

Гармат, к его чести, очевидно старался держать ситуацию под контролем. Как и Маврикий, конечно. И двое солдат из сарва Дакуэн вели себя традиционным образом — так, как ожидается от опытных ветеранов, окруженных другими, незнакомыми ветеранами. Вежливо. Осторожно.

Но принц, к сожалению, был молодым человеком, полным гордости, и горел желанием себя показать. Не все фракийцы, входившие в отряд Велисария, были так же опытны, как Анастасий и Валентин (которые, как заметил Велисарий, с дружелюбным видом развалились на стульях поблизости). Нет, в окружении полководца имелось и много молодых людей, большинство которых так же, как и принца, переполняло желание себя показать. Их нисколько не смущало его монаршее происхождение.

В этом желании — проверить, кто сильнее,— не было никакой явной или тайной вражды. Тем не менее добродушный настрой исчезал на глазах.

Причина для растущего недовольства была очевидна. Кулак фракийского парня по имени Менандр грохнул по столу. Менандр буркнул что-то в ярости и отвращении. Темное же лицо принца Эона озаряла улыбка. Оглядываясь вокруг, Велисарий понял, что по крайней мере трое фракийских парней уже побеждены аксумитом. И очень этим недовольны.

Он снова вздохнул. Во время путешествия из Константинополя в Дарас Велисарий нашел принца обаятельным парнем. После того как Эон справился с некоторой отчужденностью, которая, как знал Велисарий, являлась лишь способом поддержания достоинства в море иностранцев, принц показал себя умным и добродушным. Ему даже удалось — после нескольких подзатыльников давазза — перестать таращиться на Антонину. Он прекрасно поладил с Ситтасом и, к удивлению полководца, даже еще лучше поладил с Ириной. Высокомерная манера поведения аксумита скрывала острый ум, который очень понравился начальнице шпионской сети.

Но... он все равно был еще чуть больше чем ребенком и необычно гордился собственной силой.

Велисарий уже видел обнаженного по пояс Эона, поэтому знал о его геркулесовском телосложении. Однако принц оказался слишком явным вызовом для некоторых фракийцев.

— Достаточно, Эон! — рявкнул Гармат.

— Пусть поборется с Анастасием,— потребовал голос из толпы.

— Несомненно,— поддержал Усанас.— Анастасий!

Давазз, сидевший за столом рядом с принцем, широко улыбнулся огромному пентарху.

Анастасий зевнул.

— Парень для меня слишком силен. Кроме того, я по природе человек ленивый и меланхоличный.

Принц слегка нахмурился. Анастасий сидел с самым серьезным видом, но... Эон почувствовал, что в отказе Анастасия скрывается насмешка. Давазз тоже ее почувствовал и привлек к ней всеобщее внимание. Его улыбка стала еще шире.

— О! Не надо над нами насмехаться! Что за притворное самоуничижение? Это большое оскорбление для королевского достоинства молодого принца! Принц теперь должен защитить свою честь!

Велисарий решил, что пришло время вмешаться.

— Достаточно,— скомандовал он. И сурово посмотрел на давазза.— Кажется, твой долг — удерживать принца от глупостей.

Усанас удивленно посмотрел на Велисария.

— Полная чушь! — воскликнул он.— Невозможно удержать молодого человека королевской крови от глупостей. Это то же самое, что удержать крокодила от поедания добычи.

Усанас грустно покачал головой.

— Ты, Велисарий,— великий полководец. Вот и занимайся своим делом. Давазз из тебя получился бы ужасный.

Улыбка вернулась на его лицо.

— Единственный способ научить принца не делать глупостей — это одобрять и провоцировать ошибки.— Он развел руками.— Если руку этого младшего царского сына, который, вероятно, никогда не станет царем, хорошенько выкрутят, может, это его чему-нибудь научит. Может быть. Может, и нет. Вероятнее всего, нет. Особы королевской крови — дураки по природе. Подобно крокодилам.

Он внимательно оглядел зал.

— Здесь много воинов. Я задам вам вопрос, воины. Как убить крокодила?

Через мгновение кто-то ответил:

— Заколоть копьем.

Усанас счастливо улыбнулся.

— Говорит истинный воин! — Затем улыбку сменило выражение скромности и уничижения.— Я сам не воин. Теперь я несчастный раб. Хотя раньше был великим охотником.

Кто-то фыркнул.

— Правда? Тогда расскажи нам, о несчастный раб, как ты охотишься на крокодила?

Усанас вытаращил глаза.

— Во-первых, никто не *охотится* на крокодила! Крокодил — огромное чудовище! Сильнее вола! Зубы, как мечи!

Он улыбнулся.

— Но это очень глупая рептилия. Поэтому я накормлю его отравленным мясом.

Внезапно давазз протянул длинную руку и дал принцу очередной подзатыльник.

— Видишь вот этого? — спросил он, показывая на Анастасия.— Он пытается накормить тебя отравленным мясом.

Анастасий улыбнулся. Принц посмотрел на него скептически. Усанас дал ему еще один подзатыльник.

— Особы королевской крови не умнее крокодилов!

Теперь принц гневно смотрел на давазза. Наблюдая за сценой, Велисарий не в первый раз подумал, что от давазза требуется мужество вполне особого рода и немалая смелость.

Усанас снова дал подзатыльник принцу.

— Ни один крокодил не глуп настолько, чтобы гневно смотреть на своего давазза!

Двое сарвенов рассмеялись.

— Достаточно,— повторил Велисарий.

Эон оторвал взгляд от Усанаса.

— Я хочу, чтобы ты, принц, и ты, Гармат, встретились с одним человеком.— Затем, мгновение спустя, неохотно добавил: — И ты, Усанас, и сарвены.

Антонина вместе с морским офицером ждала в большой гостиной, вместе с Ситтасом и Ириной. Велисарий представил аксумитов Иоанну Родосскому. После того как все расселись, полководец обратился к Гармату:

— Не мог бы ты рассказать ему все, что тебе известно об индийском оружии?

* * *

Велисарий вышел из комнаты на время, пока аксумиты просвещали морского офицера. Ему требовалось заняться другим делом, в казармах.

Как только он вошел в большой зал, все разговоры тут же смолкли. Но полководец успел услышать последние слова молодого Менандра.

— Раб оскорбляет вас? — спросил Велисарий.

Менандр молчал, но весь его вид свидетельствовал о недовольстве.

Велисарий сдержал вспышку гнева.

— Объясни ему, Валентин,— приказал Велисарий.

Опытный катафракт даже не поднял голову, продолжая строгать какую-то палочку.

— Если ты, Менандр, не научишься разбираться в людях, то никогда не доживешь до отставки и выходного пособия. Сейчас принц — ничто, груда мускулов. Позднее, как знать? Но сейчас — ничто. Двое его солдат — хороши. Готов поспорить, что даже очень хороши, иначе их бы сюда не взяли.— Он замолчал на мгновение.— Советник опасен. Вероятно, он сейчас достиг пика своего могущества, за ним следует наблюдать. Но... он стар. А раб — вот кого следует опасаться.

— Но он — раб! — возразил Менандр.

— Который кормит тебя отравленным мясом,— усмехнулся Анастасий.

В зале послышался смех. Когда он смолк, Валентин наконец поднял голову. Его узкое лицо с острыми чертами было суровым. Он презрительно посмотрел на молодого катафракта глубоко посаженными темными глазами.

— Этот раб может убить тебя, как баранщка, мальчик. Не сомневайся в этом ни секунды.

Велисарий откашлялся.

— Мне нужно, чтобы трое из вас отправились со мной в Аксумское царство. И далее — в Индию. Мы уезжаем завтра утром и будем

отсутствовать по меньшей мере год. Остальные останутся в усадьбе. Как вам известно, здесь находится Ситтас. По приказу императора он заменяет меня на посту командующего сирийской армией. Вы будете ему помогать и выполнять все, что потребуется, если только это не препятствует выполнению вашего долга по охране моей жены и усадьбы Старшим остается Маврикий.

Маврикий ничего не сказал, но заметно поджал губы, таким образом показывая неудовольствие планами полководца. Комнату стал наполнять шум: воины удивленно переговаривались, затем все замолчали.

— Добровольцы есть? — спросил Велисарий.— Кто готов отправиться вместе со мной?

Через несколько секунд, как и ожидал Велисарий, добровольцами вызвались почти все катафракты. Молодежь вызвалась вся, за исключением Менандра.

— Отлично! — воскликнул полководец, затем улыбнулся хитроватой улыбкой.

— Сволочь,— прошипел Валентин.

— Отравленное мясо,— пробормотал Анастасий.

— Со мной поедут те, у кого оказалось достаточно здравого смысла, чтобы не вызваться добровольцем. Валентин, Анастасий... И ты, Менандр.

* * *

К моменту возвращения Велисария в дом аксумиты уже закончили пересказывать собравшимся известные им сведения об оружии малвы. Их на самом деле было немного. На протяжении последних нескольких лет торговцам из Аксумского царства доводилось видеть новое и странное оружие — но только на расстоянии. Малва тщательно охраняли его и не позволяли иностранцам к нему приближаться. Один раз они даже сняли осаду прибрежного города, пока проходивший мимо корабль аксумитов не был оттеснен военными кораблями малва.

Когда аксумиты закончили рассказ, Иоанн Родосский откинулся на спинку стула и стал постукивать пальцами по колену. Он слегка хмурился, и его глаза казались затуманенными.

— В общем-то немного, чтобы начинать? — виновато спросила Антонина.

— Как раз наоборот,— ответил моряк.— Наши друзья из Аксумского царства предоставили мне самый важный факт.

— Какой? — спросил Ситтас.

Иоанн Родосский посмотрел на греческого полководца и улыбнулся.

— Самое главное — это оружие существует, Ситтас,— он пожал плечами.— Что это такое и как действует, остается тайной. Но то, что

оружие есть в природе, означает: проблему можно решить. Это не фантазия. А между этими двумя вещами — реальностью и фантазией — огромная разница.

Он встал и принялся по своей привычке расхаживать из угла в угол, сцепив руки за спиной.

— Нам здесь придется собрать библиотеку. К сожалению, принадлежащие мне книги рассказывают только о морском деле.

— Книги — дорогое удовольствие,— проворчал Ситтас.

— И что? — спросила Антонина.— Ты просто омерзительно богат. Ты можешь их себе позволить.

— Я так и знал,— проворчал Ситтас.— Так и знал. Нужно подоить богатого грека...

Ирина оборвала его.

— Какие нужны книги? — спросила она Иоанна.

Морской офицер нахмурился.

— Я внимательно выслушал рассказ наших друзей из Аксумского царства, и для меня очевидно: оружие малвы включает нечто большее, чем просто горящий лигроин — или какое-то подобное топливо. Все упоминания об оружии описывают его, как... нечто взрывающееся. Словно это нечто типа маленького вулкана, изрыгающего лаву. Самое близкое к описанию физическое явление, которое я знаю, называется воспламенение. И насколько мне известно, это явление подробно изучал только один человек.

— Герон Александрийский [1],— утвердительно сказала Ирина.

Иоанн Родосский кивнул.

— Он самый. Мне нужна его «Пневматика».

Ситтас нахмурился.

— Существует не больше пятидесяти экземпляров этой книги! Ты хоть примерно представляешь, сколько она может стоить? Даже если нам и удастся заполучить хоть один экземпляр, побегав по библиотекам Александрии.

— Мне принадлежит один экземпляр,— сказала Ирина.— Я буду рада дать вам его на время. Однако он находится в моем доме в Константинополе, поэтому потребуется время, чтобы доставить его сюда.

Все собравшиеся уставились на Ирину. Она надменно улыбнулась.

— На самом деле у меня есть большая часть работ Герона. «Механика», «Осада», «Измерения» и «Зеркала». В прошлом году мне чуть не досталась книга «Производство автоматов», но какой-то чертов армянин перехватил ее у меня.

---

[1] Герон Александрийский — др.-греч. ученый. Дал систематическое изложение основных достижений античного мира по прикладной механике и математике. Изобрел ряд приборов и автоматов.

Некоторые мужчины в комнате вытаращили глаза, у Ситтаса вообще отвисла челюсть.

— Я люблю читать,— сухо объяснила Ирина, сопроводив свои слова лукавым взглядом. Антонина расхохоталась.

— Это неестественно! — подавился Ситтас.— Это...

— Выходи за меня замуж,— предложил Иоанн Родосский.

— Нет, Иоанн. Я не твой тип женщины. Ты просто хочешь заполучить мои книги.

Морской офицер улыбнулся.

— Ну, да, в некоторой степени. Но...

— Нет у тебя шансов! — воскликнула Ирина. Теперь она сама смеялась.

— Куда мир катится? — спросил Ситтас.— Моя мать никогда в жизни не открыла книгу, не говоря о том, что ей ни одна не принадлежала! — он нахмурился.— Если на то пошло, то у меня самого нет ни одной.

— Правда? Я удивлена,— сказала Ирина.

Ситтас гневно посмотрел на начальницу своей шпионской сети.

— Ты смеешься надо мной, женщина. Я знаю, что смеешься.

Велисарий не мог не засмеяться сам.

— Чушь, Ситтас! Я уверен: Ирина говорила чистую правду. По правде говоря, я сам удивлен.

Ситтас перевел взгляд на фракийца.

— Не начинай, Велисарий! Только потому, что у тебя есть экземпляр Цезарева...

Вмешался принц Эон.

— А у тебя есть «Анабасис» Ксенофонта?[1] — спросил он у Ирины. Начальница шпионской сети кивнула.

— Можно мне взять почитать?..— принц замолчал.— Вероятно, она тоже у тебя дома. В Константинополе.

— Боюсь, что так.

Принц нахмурился в задумчивости.

— Может, когда мы вернемся...

— Достаточно, Эон! — прикрикнул Гармат.— Мы не собираемся возвращаться в Константинополь за книгой!

— Но это «Анабасис»,— умолял Эон.— Я хочу прочитать его уже...

— Нет! Абсолютно точно нет! Твой отец ждет нас дома. И разве ты забыл...

— Ну это же «Анабасис»! — стонал Эон.

— Говорит истинный библиофил,— восхищенно заметила Ирина. Она улыбнулась отчаявшемуся принцу и махнула рукой.— Эти языч-

---

[1] В «Анабасисе» Ксенофонта рассказывается о походе Кира младшего против Артаксеркса.

ники просто нас не понимают, Эон. Придется смириться. Как в древности святые терпели пытки и издевательства варваров.

— «Анабасис»...— простонал Эон.

— Усанас! — рявкнул Гармат.— Выполняй свои обязанности!

— Какие обязанности? — спросил давазз.— Любовь к чтению — лучшее качество принца. Единственное, что удерживает его от неприятностей.

Давазз склонился и легко стукнул принца по макушке. Очень легко.

— Тем не менее вопрос о смертельной опасности малва не снят,— заметил Усанас.— Отец беспокоится о любимом сыне и ждет от него вестей. А папа — негуса нагаст. Неразумно заставлять такого папу ждать, пока сын бегает за книгой. Неразумно. Беспокойство может перерасти в недовольство. Недовольство негусы нагаста.

Двое сарвенов одобрительно кивнули. Эон погрустнел.

— Как быстро мы можем доставить сюда книгу Герона? — спросила Антонина.

Ирина пожала плечами.

— Если нанять скоростного курьера...

— А ты знаешь, сколько стоят услуги такого курьера? — перебил Ситтас.

Иоанн Родосский рассмеялся.

— Почему так получается, что самые богатые люди обычно оказываются самыми жадными? Расслабься, Ситтас. Мы не станем претендовать на твой кошелек.

Затем он повернулся к Ирине.

— Нет необходимости в скоростном курьере. Предстоят несколько недель работы, перед тем как я смогу подумать о нашем проекте. Нам потребуется найти место, откуда брать химикаты, оборудование, инструменты — все. В настоящий момент у меня лишь какие-то разрозненные куски.

— А помощь ремесленников тебе понадобится? — спросил Велисарий.

Иоанн покачал головой.

— Пока нет, Велисарий. Я не знаю, что им поручать. Они просто потеряют время, а ты — деньги. Может, через полгода. Может быть.

Полководец нахмурился.

— Считаешь, потребуется так много времени?

— Так много? — гневно переспросил Иоанн.— А ты хоть примерно представляешь, о чем меня просишь?

Морской офицер уже собрался встать, явно собираясь опять начать расхаживать по комнате, но Велисарий чуть ли не силой усадил его назад.

— Расслабься, Иоанн. Я тебя не критикую. Я просто... беспокоюсь. И все. Я не знаю, сколько времени у нас в распоряжении, до того как на нас нападет наш будущий враг.

Но Иоанн все еще полностью не успокоился. Однако до того, как он снова начал выступать, заговорила Ирина.

— Это твоя работа, полководец.

— Не понял.

— Сдерживать врага и дать нам время. Это твоя работа. И моя тоже — в некотором роде. Но в основном твоя.

— Ты же делал это раньше,— напомнил Ситтас. Огромный грек улыбнулся.— Конечно, тогда ты сражался против тупых готов. Может, ты недостаточно ловок, чтобы завязать узлом хитроумных индусов?

— Не надо провоцировать моего мужа, Ситтас,— попросила Антонина.

— Я его не провоцирую. Я просто давлю на его тщеславие.

— Мой муж не тщеславен.

Ситтас грустно покачал головой.

— Бедная женщина. Жена всегда узнает последней. Велисарий — самый тщеславный человек в мире. Он так тщеславен, что не тщеславен в том, что обычно волнует других скромных людей. Слава, богатство, внешность, собственная и жены — о нет, это не относится к Велисарию. Он тщеславен только относительно отсутствия тщеславия, а это самый худший вид тщеславия из возможных.

Все в комнате, за исключением Ирины, нахмурились, пытаясь следовать за этой извращенной логикой.

— Не вижу в его словах смысла,— заметил Эон. Затем неуверенно сказал Ирине: — А ты видишь тут смысл?

Ирина весело засмеялась.

— Конечно! Но не забывай: я тоже гречанка, в отличие от всех вас. Ну, кроме Иоанна — он с Родоса. Эти родосцы — практичные люди. Бывшие греки.

Иоанн ничего не сказал, но в его взгляде появилась заинтересованность. Ирина снова рассмеялась.

— Даже не думай об этом, Иоанн. Я не для тебя.

Улыбка морского офицера стала волчьей.

— Почему нет? Я же не могу все время изобретать фантастическое оружие? — Внезапно у него появилась счастливая мысль.— Пожалуй, все-таки могу. Но чтобы работать эффективно, меня следует снабжать последней секретной информацией. Знаете ли, такой информацией, которая стекается к начальникам шпионских сетей. О, да. Ежедневно давать сводку. Очень важно для работы.

— Держись подальше от моей возлюбленной,— проворчал Ситтас. Но очень мягко.

В комнате послышался смех.

Ирина нежно похлопала его по руке.

— Ну-ну. Не волнуйся, дорогой. Думаю, я вполне способна время от времени разбираться с встречающимися на пути волками.

— Греческие дамы едят волков на завтрак,— заметил Усанас.

Иоанн мрачно посмотрел на давазза. Велисарий из опыта мог бы сказать, что это пустая трата времени. Усанас просто улыбнулся в ответ и добавил:

— Конечно, я просто необразованный дикарь. Несчастный раб. Почти ничего не знаю. Но все-таки знаю достаточно, чтобы не бегать за женщинами, которые в десять раз умнее меня.

Велисарий откашлялся.

— Кажется, мы ушли от темы. Кроме ремесленников и книг, о которых мы тут говорили, тебе еще что-нибудь требуется?

Иоанн нахмурился, думал с минуту.

— Совсем немного, Велисарий. Кое-какое оборудование и инструменты, но ничего особенного. Конечно, вещества. Элементы. Химикаты. Кое-какие из них стоят достаточно дорого.

Ситтас прищурился.

— Насколько дорого? И что ты имеешь в виду под словом «элементы»? — Он прищурился еще сильнее.— Случайно не золото? У меня сложилось такое впечатление, что как только вы, алхимики, за что-то беретесь, то начинаете...

Иоанн рассмеялся.

— Расслабься, Ситтас! Золото мне не нужно, уверяю тебя. Или серебро. Знаешь, почему их считают ценными? Одну из причин? Они инертны.

Вопросительный взгляд. Глаза Ситтаса практически изчезли из виду.

— Я знаю, что означает «инертный»! Ты...

— Достаточно,— сказал Велисарий. В комнате мгновенно наступила тишина.

— Боже, у него ведь неплохо получается противостоять Ситтасу,— мягко заметила Ирина. Затем повернулась к Ситтасу и громким шепотом, который слышали все, собравшиеся в комнате, добавила: — Может, тебе самому стоит попробовать произвести золото, дорогой. Вместо того чтобы орать, как кабану, как ты любишь.

— Достаточно!

Теперь и Ирина замолчала. Велисарий встал.

— Значит, так. Если тебе что-то понадобится в мое отсутствие, Иоанн, ты можешь обращаться к Антонине или,— Велисарий посмотрел сурово,— Ситтасу.

Ситтас скорчил гримасу, но не стал жаловаться на бедность. Велисарий продолжал:

— Что касается остальных, думаю, наши планы понятны. Настолько, по крайней мере, насколько позволяют обстоятельства. По

возвращении из Индии, надеюсь, я сообщу вам достаточно информации, чтобы мы могли продолжить. А пока нам следует довольствоваться имеющимися скудными сведениями.

Он посмотрел на Антонину.

— А теперь... Мне хотелось бы провести остаток дня и ночь с женой и сыном.

* * *

После того как Фотий уснул, Велисарий с Антониной остались вдвоем. Они никогда не расставались надолго со дня первой встречи. Теперь же им предстояло расстаться по меньшей мере на год.

Будущие потери придали сил нынешней страсти. Велисарий почти не спал в ту ночь.

Антонина не спала вообще. Когда ее муж наконец погрузился в дрему, просто от усталости, она сидела над ним оставшиеся от ночи часы. Этой драгоценной ночи. Этой... последней ночи, как она боялась.

К восходу солнца Антонина впала в тоску. Будущее представлялось ей мрачным и неопределенным. Возможно, она больше не увидит мужа...

Из бездонной пропасти тоски ее спас сын. Когда рассвело, в комнату вошел Фотий, протирая кулачками глаза.

— А папа вернется? — робко спросил он. На его маленьком личике было написано беспокойство.

Раньше мальчик никогда так не называл Велисария. Произнесенное слово прогнало отчаяние из ее души.

— Конечно, Фотий. Он же мой муж. И твой отец.

* * *

Поздним утром Велисарий с сопровождающими его людьми выехал с территории усадьбы. Они повернули на дорогу, ведущую в Антиохию, а затем к побережью, собираясь сесть на корабль, идущий в Египет, а оттуда через Красное море в Аксумское царство. Затем — в Индию.

Велисарий ехал во главе небольшой группы. Эон пристроился слева от него, Гармат справа. За ним — двое сарвенов. За сарвенами — трое катафрактов.

Усанас путешествовал пешком. Как выяснилось, давазз терпеть не мог верховых животных. Велисарий считал это несколько странным, но... сам этот человек был странным, если подумать. Катафракты не исключали, что он сумасшедший. Сарвены, после долгого опыта общения, в этом не сомневались.

В самом начале путешествия Менандр оказался достаточно смел, чтобы спросить давазза, в здравом ли он уме:

— Кто сумасшедший, мальчик? — расхохотался давазз.— Я? Не думаю. Сумасшедшие доверяют свои жизни огромным животным, у которых есть все основания желать людям смерти. Если бы я сам был конем, или ослом, или верблюдом, то быстренько скинул бы тебя со своей спины, да еще и лягнул бы хорошенько. Если бы я был слоном, затоптал бы.

Когда Менандр передал этот разговор старшим, причем с определенной долей беспокойства посматривая на свою лошадь, Анастасий с Валентином отмахнулись от проблемы. У них было о чем беспокоиться, кроме подобных бредовых заявлений.

— Какое место оставляем! — стонал Валентин.

— Идеальное,— ворчал Анастасий, всем сердцем соглашаясь с другом.— Лучшие казармы, которые мне когда-либо доводилось видеть.

— Усадьба — ни больше ни меньше.

— Вино, женщины, пение.

— К чертям собачьим пение. А теперь...

Невнятное бормотание.

— Что ты сказал?

— Мне послышалось: черт бы побрал авантюристов — начальников,— ответил Менандр. Парень нахмурился.— А может, и нет. Я не всегда его понимаю, когда он бормочет, хотя он постоянно бормочет. Может, это было: черт побери алчных интендантов.

Он сильнее нахмурился.

— Но тогда какой смысл? В особенности во время путешествия...— внезапно у него промелькнула мысль, и он сильно забеспокоился, быстро взглянув на свою лошадь.

— Слушайте, вы, ветераны, может, вы знаете о лошадях нечто, неизвестное мне?

* * *

С другой стороны, разговор в первом ряду небольшой колонны совсем не был мрачным. Даже к Велисарию после того, как усадьба скрылась из виду, снова вернулось обычное хорошее настроение. А затем, час спустя, появилось и великолепное настроение.

В мире много приятного. Среди приятного есть такое удовольствие: тебе задают вопрос, который ты сам хотел задать и думал, как бы это сделать.

Гармат откашлялся.

— Полководец Велисарий. Принц Эон и я обсуждали — уже какое-то время обсуждали, но приняли решение только вчера вечером — конечно, окончательное решение будет принимать негуса нагаст, но мы почти уверены, что он согласится. Ну, дело в том, что...

— О, ради Бога! — воскликнул Эон.— Полководец, мы хотели бы отправиться вместе с тобой и твоими людьми в Индию.

Принц быстро захлопнул рот, выпрямил спину и уставился прямо перед собой.

Велисарий улыбнулся, и на этот раз не хитро.

— Я буду очень рад! — он повернулся в седле — ах, как это легко сделать со стременами! — и посмотрел назад.

— Вы все? — уточнил он.— Включая сарвенов?

Полководец внимательно осмотрел двух чернокожих солдат. Они были диковинными, из малоизвестной и таинственной страны. Но он прекрасно знал такой тип людей.

— О, да — ответил Гармат.— Они поклялись служить лично принцу Эону.

Велисарий перевел взгляд на Усанаса. Давазз легкой трусцой бежал рядом с конем принца.

— А ты, Усанас?

— Конечно! Должен же я следить, чтобы дурак принц не попал в неприятности.

— А само путешествие ты не считаешь неприятностью?

Давазз улыбнулся.

— Путешествие в далекую Индию? Забраться в открытую пасть малвы с сумасшедшим иностранным полководцем, намеренным украсть зубы малвы? Самая разумная вещь, которую когда-либо делал дурак принц.

Велисарий рассмеялся.

— Ты называешь это разумным?

Для разнообразия улыбка исчезла.

— Да, Велисарий. Для принца из Аксумского царства в новом мире малвы я называю это разумным. Все остальное будет ошибкой.

Глава 15

Эритрейское море
Лето 529 года н. э.

— Ну и корабль! — воскликнул Велисарий, с носа до кормы оглядывая судно, на котором путешествовала индийская делегация. Полководец явно был поражен.— Да он же по величине даже больше александрийских судов, на которых мы перевозим зерно! Даже «Изиды»![1]

[1] Изида — в др.-егип. мифологии богиня плодородия, воды, ветра и мореплавания.

— Корыто,— сказал Эон. Взгляд молодого принца, точно так же, как и взгляд Велисария, прошелся от носа до кормы, но никакого восхищения в нем не наблюдалось.

Длина корабля составляла почти двести футов, ширина — около сорока пяти. Размеры превышали размеры кораблей, которые когда-либо строили римляне, даже самых крупных, для перевозки зерна, выращенного в Египте, из Александрии в Константинополь и западное Средиземноморье. Самым знаменитым из них считалась упомянутая «Изида».

Подобно тем грузовым судам, у индийского судна было две нижние палубы и одна верхняя. И, как и на грузовых кораблях римлян, на индийском не предусматривались гребцы. Это было парусное судно. Да весла и не помогли бы кораблю с водоизмещением в две тысячи тонн.

На этом сходство заканчивалось. На грузовых римских кораблях устанавливались три мачты. На индийском имелась всего одна, хотя державшийся на ней огромный квадратный парус оказался не единственным. На корме виднелся еще один, небольшой и треугольный. По средиземноморской традиции ют обычно находился на корме, на судне же малва он оказался точно в центре, окружая основание огромной единственной грот-мачты [1]. Для строительства использовалось тиковое дерево, для оснастки — волокно кокосовой пальмы. Средиземноморские же суда строили из кедра или сосны, добавляя в некоторых местах дуб, оснастка обычно изготавливалась из пеньки или льна (хотя египтяне часто использовали папирус, а испанцы предпочитали эспарто).

Кроме этих очевидных различий, Велисарий не мог ничего назвать. Принц Эон, как оказалось, гораздо лучше него разбирался в судах.

— Корыто,— повторил он надменно.

— Очень большое корыто,— весело добавил Усанас.— Непристойно огромное корыто.

— Ну и что? — посмотрел на него Эон.— Размер — еще не все.

Высокий дававз улыбнулся своему подопечному, глядя на него сверху вниз. Под его веселым взглядом принц сжал челюсти.

— Размер — еще не все,— повторил он.

— Конечно, нет! — согласился Гармат. Старый советник улыбнулся.— Я — маленького роста, поэтому соглашаюсь полностью. Однако, опять же как человек маленького роста, я должен сразу же добавить, что всегда считал необходимым принимать размер в расчет. Как ты считаешь, полководец?

---

[1] Ют — кормовая надстройка судна. В юте размещают каюты и служебные помещения.

Велисарий оторвал взгляд от корабля.

— Э? О, да. Согласен. Хотя, как высокий человек, сталкивался и с обратным.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гармат.

— В расчет следует принимать и другие факторы, не только размер. Например, я обнаружил, что размер армии не играет такую роль в исходе сражения, как умения и навыки солдат и их командиров.

Принц казался довольным. Усанас тут все вставил:

— Велисарий — великий дипломат!

Эон царственно проигнорировал колкость, глядя на воду. Велисарий хитро улыбнулся.

— А почему ты называешь корабль корытом? — спросил полководец у принца.

Эон посмотрел на него уголком глаза. В его глазах промелькнуло подозрение. Хотя Велисарий обычно и не подшучивал над ним — что послужило одной из причин симпатии, возникшей у принца к византийцу,— тем не менее Эон был еще молод, несколько неуверен в себе и в то же время очень горд.

— Объясни,— попросил полководец.

После секундного колебания Эон пустился в пространное рассуждение о многочисленных недостатках огромного судна и недоработках проектировщиков. Велисарий, мало знавший о кораблестроении и морском деле вообще, тут же потерял нить из-за технических деталей. Он пришел к выводу, что суть недовольства Эона заключается в грубом, недоработанном проекте и топорной постройке — по мнению принца. Более того, им управляют неуклюжие моряки. Велисарий не знал, прав ли Эон. Но на него произвели большое впечатление очевидные познания молодого аксумита в морском деле. Именно этот факт, как ничто раньше, позволил ему понять, с какой серьезностью аксумиты относятся к военно-морскому флоту. Ни один римский или персидский принц не смог бы выдать подобной речи.

Как только Эон закончил перечисление недостатков корабля, Усанас влез с комментариями.

— Аксумиты очень любят похвастаться своими достижениями в морских делах,— сообщил он.

Гармат откашлялся.

— На самом деле я согласен с принцем.

— А арабы еще хуже,— заметил Усанас.

— Ты не согласен? — поинтересовался Велисарий.

Давазз пожал плечами.

— Понятия не имею. Я — охотник из саванны. Стараюсь избегать моря, как и все разумные люди. Лодки, суда — неестественные создания. Но ведь хорошо известно, что аксумиты и арабы считают себя

лучшими в мире мореплавателями.— Хитрый взгляд на полководца.— После греков.

— Я не грек,— последовал мгновенный ответ.— Я — фракиец. Но на самом деле я с тобой согласен. Терпеть не могу суда.

— И как ты себя сейчас чувствуешь? — вежливо поинтересовался Гармат.

— Лучше об этом не думать,— ответил Велисарий.— Пожалуйста, продолжай.

Гармат снова откашлялся.

— Ну, может, Эон вкладывает слишком много эмоций...

— Все — чистая правда!

— ...но в общем и целом я с ним согласен. Индусы, как тебе известно, не славятся своими морскими достижениями.

— Нет, я не знал об этом.

— А... Ну, это так. Аксумиты и арабы смеются над ними. По крайней мере северными индусами. Некоторые из южных народностей Индии — неплохие мореплаватели — во всех планах, но мы с ними почти не пересекаемся. Они торгуют в основном с Востоком.— Советник погладил бороду.— В некотором роде этот, внешне производящий впечатление, корабль — подтверждение моей точки зрения. Как принц и сказал, спроектирован он грубо. Работа топорная. А вот это как раз является обычным для индусов.

Велисарий еще раз осмотрел корабль.

— Кажется прочно сделанным.

— О, да! В этом-то и суть. Слишком прочно.— Тут Гармат сам пустился в технические рассуждения, из которых Велисарий вынес одну истину: индусы заменяют тонкую искусную работу на грубую мощь. Велисария снова поразили глубокие познания в морском деле, теперь — высокопоставленного аксумита.

— Корыто,— заключил Гармат.

— Поползет, как улитка,— добавил Эон.— И так же неуклюже.

— Огромное, как чудовище,— вставил Усанас.— Переломает и утопит маленькие лодки арабов и аксумитов.

— Чушь! — воскликнул принц.

— Вскоре выясним,— сухо прокомментировал Усанас и показал пальцем в сторону носа судна.

Небольшая группа аксумитов и римлян проследила за его пальцем. Южный берег Аравии казался красным маревом в лучах уходящего солнца. Но на этом фоне появилось множество парусов.

— О, черт побери,— пробормотал Валентин. Пентарх выпрямил спину и расставил ноги на ширину плеч. Потом толкнул Анастасия локтем в бок. Огромный катафракт тут же проснулся — он дремал.— Ну-ка тащи сюди наши причиндалы. И заодно Мснандра,— приказал Валентин.

— Парень едва может двигаться,— запротестовал Анастасий.— Он говорит: все уже выблевал. Кажется, кишок не осталось.

— Тащи его сюда! Будет жаловаться, объясни, что означает на самом деле лишиться кишок. И что шанс ему вполне может представиться в самое ближайшее время.

Анастасий удивленно посмотрел на Валентина, потом проследил за направлением его кивка.

— О, черт побери,— пробормотал Анастасий.— Это то, что я думаю?

— Арабские пираты! — воскликнул Усанас. И широко улыбнулся.— Нечего беспокоиться! Очень маленькие суда! Да, их очень много. О, очень-очень-очень много. А на каждом — очень-очень много очень воинственных людей, настроенных сделать гадость. Но,— тут он сделал широкий жест,— как утверждает великий полководец Велисарий, размер армии врага ничего не значит.

— Да, мне доводилось слышать, как он говорил это раньше,— проворчал Валентин.— Как раз до того, как разверзались небеса.

Анастасий уже заходил в шатер, который римляне поставили на носу. По всему кораблю раздавались громкие крики и вопли. Индийские мореплаватели также увидели приближающуюся флотилию.

Валентин прошел до левого борта и склонился через палубное ограждение, крепко держась за него худыми руками. Правда, состояли они из одних мышц. Темные глаза катафракта горели нехорошим огнем, когда он смотрел на приближающиеся пиратские суда. Лицо, покрытое шрамами и оспинами, исказила гримаса.

— Хотя бы раз, один только раз мне для разнообразия хотелось бы превосходить врага по численности,— проворчал он горько.— Черт с ними, с умениями. Черт с ними, с навыками. Черт с нею, с хитростью. Черт с нею, со стратегией. С тактикой. Пусть будет численное преимущество!

Его слова перешли в невнятное бормотание.

— Что ты там сказал в конце? — спокойным тоном спросил Велисарий. Валентин молчал.

— Прозвучало, как: черт побери философствующих полководцев,— весело сообщил Усанас.

Валентин гневно посмотрел на него. Давазз широко развел руками.

— Может, и нет. Я — необразованный, ничтожный раб. Говорю на ужасном греческом. Может, суровый катафракт сказал: черт побери похотливые гениталии. Очень высокоморальное чувство! Совсем не подходит для сложившейся ситуации, но очень высокоморальное. Очень!

Внимание Велисария отвлек шум. На палубе появился Венандакатра. Он вышел из каюты, расположенной в центре корабля, за ним следовала группа жрецов Махаведы.

Византийцы и аксумиты практически не видели его после того, как сели на индийский корабль в Асэбе. Представитель Венандакатры объяснил очевидную грубость индуса, сказав, что это совсем не грубость. Венандакатра просто страдает морской болезнью.

Наблюдая, как энергично, хоть и вразвалку, Венадакатра движется по палубе, у Велисария возникли сомнения в истинности его слов.

— Морская болезнь! — фыркнул Эон.

Венандакатра выкрикивал приказы отрывистым, высоким голосом. Через несколько секунд из шатров выскочили дюжины йетайцев и начали выстраиваться вдоль палубного ограждения. Йетайцы держали в руках луки, мечи и щиты и быстро надевали шлемы с доспехами.

За йетайцами на палубы выскочила дюжина других воинов. Их Велисарий узнал: из сословия кшатриев, представители малва. Эти вылезли из люка, расположенного на палубе как раз напротив входа в каюту Венандакатры. Кроме коротких мечей, оружие у них отсутствовало. Никакой брони — только самые легкие кожаные доспехи. Но тем не менее они тащили какую-то тяжелую ношу. Кшатрии разделились на пары и каждая пара волокла по непонятному подобию длинного желоба или корыта, сделанного из странной породы дерева, причем из единого куска — дерева, которого Велисарий не видел никогда раньше.

— Это бамбук,— пояснил Гармат.— Он внутри полый, как трубка. Они разрезали его посередине и вычистили.

— Ты о нем рассказывал Иоанну Родосскому?

Гармат кивнул.

— Да. Сам я индийское оружие никогда не видел, но это,— он кивнул на бамбук,— соответствует описаниям наших торговцев, видевших его в действии. Однако только на расстоянии. Думаю, нам удастся изучить оружие с близкой дистанции.

— Это не радует Венандакатру,— заметил Эон.

Велисарий посмотрел на индийца. Венандакатра совещался с группой жрецов. Все они бросали недружелюбные взгляды в сторону римлян и аксумитов, стоявших на носу судна. Через некоторое время один жрец отделился от группы и направился к ним.

— Я займусь им,— предупредил Велисарий.

Когда жрец подошел к ним, Велисарий даже не дал ему возможности открыть рот.

— Нет.

Жрец попытался возразить.

— Абсолютно точно нет.

— Вы должны спуститься вниз!

— Мы не сделаем этого ни при каких обстоятельствах.

В это мгновение из шатра показался Анастасий. За ним следовал Менандр. Оба катафракта надели доспехи и были полностью воору-

жены, за исключением копий. В руках они несли доспехи и оружие Велисария и Валентина. Их прибытие отвлекло жреца, уже начавшего возмущаться. Его протесты перешли в резкий крик, когда он заметил двух сарвенов, выскочивших из своего шатра, точно так же нагруженных оружием. Причем очень большим количеством оружия — дротики, мечи, копья с огромными наконечниками, щиты.

Несколько мгновений спустя все римляне и аксумиты уже были заняты надеванием доспехов и распределением оружия. Теперь жрец просто захлебывался криком.

— Анастасий, сделай что-нибудь недружелюбно-впечатляющее,— приказал полководец.

Анастасий тут же схватил жреца за шиворот и промежность и отправил в полет в направлении группы жрецов, стоявших в центре корабля. Жрецу удалось приземлиться на ноги, но он тут же потерял равновесие и врезался в центр группы, уронив на палубу двоих.

Венандакатра завизжал от ярости. Небольшая группа йетайцев бросилась вперед.

Даже без приказа Велисария все трое катафрактов мгновенно вырвали по стреле из колчана и натянули луки. Двое сарвенов подняли дротики. Эон с Гарматом крепко сжали копья. Велисарий выхватил меч. Усанас небрежно облокотился о палубное ограждение.

— Ты чего стоишь? — прошипел Менандр.

— Я? — удивленно уставился на него Усанас.— Я — несчастный раб! Я не гожусь для глупостей, которыми занимается знать.

— Усанас! — скомандовал Эон.

Давазз вздохнул.

— Очень неразумный принц.— Потом он лениво шагнул вперед.— Будем играть в старую игру?

Эон тут же вручил Усанасу тяжелое копье. Затем принц снял портупею, оставил меч и невооруженный отправился к малва. За его спиной Усанас жестом показал йетайцам, чтобы освободили проход. Йетайцы несколько удивились, но, не услышав никаких приказов от жрецов, последовали указаниям давазза.

Эон прошел сквозь молчаливую толпу малвы и остановился у каюты, построенной у основания грот-мачты. Только подойдя к ней, принц развернулся и прислонился к стене, сложил руки на груди и расставил ноги на ширину плеч. Он находился примерно в двадцати ярдах от аксумитов и римлян на носу.

Усанас воткнул копье в палубу. Острие вошло в дерево на целый дюйм и стояло ровно, даже не качаясь. Не говоря ни слова, один из сарвенов вручил ему дротик. Давазз поднял дротик над головой, а затем послал через всю палубу с такой скоростью и силой, что все собравшиеся от удивления открыли рты.

Дротик врезался в стену каюты и вошел довольно глубоко. В двух дюймах от левого уха принца.

Мгновение спустя над палубой пролетел еще один дротик. Этот воткнулся в дерево в двух дюймах от правого уха Эона. Третий воткнулся в стену каюты между ног принца, примерно в двух дюймах от промежности.

— Дева Мария, Матерь Божия,— прошептал Валентин.

Анастасий сделал глубокий вдох.

— Невероятно! Поразительно! — воскликнул он.

— Да фиг с ними с бросками,— проворчал Валентин.— Парень-то глазом не моргнул! Вот что удивительно! Я, может, трахаться никогда больше не смогу, только посмотрев на эти броски.

Принц внезапно засмеялся. Они с даваззом обменялись улыбками, глядя друг на друга через палубу.

— Очень глупый принц,— Усанас покачал головой.— Но имеет сердце слона. Всегда такой был, с детства.

Усанас выдернул большое копье из палубы и направился к Эону. Воины и жрецы разбежались у него с дороги. Давазз улыбнулся им.

— Умные люди! — воскликнул он.— Очень разумные и логически мыслящие индусы! — он обворожительно улыбнулся Венандакатре.

Когда Усанас подошел к Эону, они на пару вынули дротики из стены. Самыми впечатляющими, пожалуй, были усилия, которые пришлось приложить этим сильным людям, чтобы вырвать дротики из дерева. Глубина проникновения свидетельствовала о силе бросков.

Велисарий опустил меч в ножны и направился к Венандакатре.

— Мы — солдаты,— твердым уверенным голосом объявил он индусу.— Мы — не дети. Мы не собираемся отсиживаться в трюме во время атаки.

Он не отводил взгляда от разгневанного Венандакатры, и ярости в нем было не меньше. Мгновение спустя Подлый отвернулся.

— Кроме того, ты вскоре будешь только радоваться, что мы находимся на палубе,— и Велисарий показал на приближающиеся пиратские корабли.

Венандакатра нахмурился, но ничего не сказал. Велисарий вернулся на нос судна и стал отдавать указания римским и аксумским воинам. Через несколько минут стало ясно, что индусы оставляют защиту носа в руках нежеланных гостей.

Велисарий никогда не встречался с аксумитами в битве, ни на своей стороне, ни на вражеской. Он колебался, прикидывая, как лучше использовать их способности.

Ему казалась странной уже имевшаяся информация об аксумской манере ведении боя. Казалось, их совершенно не волнует защита тела. Если им не требовалось по какой-то причине следовать греческим

традициям, они надевали лишь тунику с короткими рукавами, набедренную повязку и сандалии. Теперь, готовясь к битве, они скинули туники и остались обнаженными по пояс. Все, за исключением Усанаса, взяли по круглому маленькому щиту из кожи буйвола — не шире предплечья. Очевидно, это был единственный предмет, составлявший их доспехи.

У каждого аксумита имелся меч, который висел на спине, на специальной кожаной ленте, по диагонали пересекавшей тело с правого плеча. Меч помещался аккурат между лопаток. Для того чтобы его выхватить, руку заводили назад вверх. Аксумиты проделывали это очень быстро. Мечи использовались только как рубящие приспособления. Они были короткими, очень широкими и тяжелыми, на конце — квадратными. Больше всего напоминали огромный мясницкий нож.

Однако мечи являлись не главным оружием. Главными были дротики и огромные копья. Длина копья составляла около семи футов. Наконечник — почти полтора, по виду он напоминал узкий лист. Копье было тяжелым, наконечник — острым, как бритва. Древко — таким же толстым, как у копьеносцев из тяжелой римской конницы. Последний фут или около того древка был укреплен железной пластиной, на самом конце также красовалась железная шарообразная ручка двух дюймов в диаметре. Очевидно, копье могло служить и булавой, только очень длинной.

— Предлагаю использовать нас в резерве, Велисарий,— тихо сказал Гармат.— Как ты видишь, мы просто не соответствуем по весу доспехов и оружия твоим катафрактам. У аксумитов другие понятия о битве. Но, думаю, ты найдешь нас очень полезными, когда враги начнут наступать.

— А он? — спросил полководец, кивая на Усанаса. У даваззa не было ни щита, ни меча. Казалось, он считает достаточным свое огромное копье и дротики. Копье, кстати, оказалось на фут длиннее и гораздо тяжелее, чем копья других аксумитов.

Гармат пожал плечами.

— Усанас — сам себе закон. Но, думаю, жаловаться тебе будет не на что.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Несчастный, жалкий раб, да?

Как и часто в прошлом, Усанас поразил его своим отличным слухом.

— Очень несчастный! — крикнул даваззa.— В особенности сейчас! Когда приближаются жестокие безжалостные арабы! — Усанас задумчиво посмотрел на море.— С криками ужаса убежал бы отсюда, только вот плавать не умею.

— Ты плаваешь, как рыба! — рявкнул принц.

Давазз поперхнулся.

— Разве? Подумать только! — Он грустно покачал головой.— Рабство — такое ужасное состояние. Все забываю.

Велисарий отвернулся и снова принялся рассматривать индусов. Он увидел, как непонятные приспособления из бамбука устанавливают вдоль левого борта, у самых палубных ограждений, на расстоянии примерно десяти футов одно от другого. Затем кшатрии бросили по большому количеству шкур у концов бамбуковых желобов — со стороны палубы. Шкуры неизвестных Велисарию животных были туго свернуты в рулоны и по форме напоминали желоба — вернее, стволы, без углублений по длине, но по размеру уступали им примерно в два раза.

— Это слоновьи шкуры,— тихо пояснил Гармат.

Теперь кшатрии привязали к веревкам ведра и то и дело зачерпывали ими морскую воду, затем поднимали ведра на палубы. Потом выливали на шкуры. После того как шкуры очень сильно промокли, кшатрии стали поливать водой все открытые поверхности корабля. После быстрого совещания с Венандактрой двое кшатриев отправились на нос. Жестами показали, что у них мирные намерения, и также стали поливать морской водой нос корабля. По приказу Велисария римляне и аксумиты отошли в сторону и не стали возражать, даже когда кшатрии промочили насквозь кожаные стены их шатров.

После того как кшатрии покинули нос корабля, Велисарий шепотом обратился к Гармату:

— Они почему-то боятся огня. Как ты думаешь, дело в арабах?

Гармат покачал головой.

— Такого не может быть. Время от времени арабские военные моряки стреляют горящим стрелами, но это-то не военные моряки. Это пираты. Какой им смысл сжигать корабль? Они же хотят его захватить.

— Значит, дело в их собственном оружии,— пришел к выводу Велисарий.

В эту минуту из трюма на палубу вылезло еще несколько кшатриев. Они тащили какие-то странные... шесты? С некой непонятной штуковиной на одном конце.

— Это тоже бамбук? — спросил Велисарий.

— Да,— кивнул Гармат.— Каждый шест — один ствол бамбука с какой-то связкой на конце. Нечто кожаное, может, только обмотка из кожи. Видишь? Именно этим концом они помещают шесты в желоба. Другой конец — давай называть его хвост — разрезан по всей длине...

— А как эти штуковины называются?

Гармат пожал плечами.

* * *

Цель воспользовалась моментом. Она целенаправленно смещала грани к одной определенной точке. К узкой щели в защитном барьере, для одного простого удара, чтобы в эту щель прорваться. Если бы **цель** знала, как люди ведут осаду, то сравнила бы себя с тараном или стенобитным орудием, направляемым к петлям, на которых держатся ворота осаждаемого города. Возможно — да! Да! Да!

— Это называется... *ракета*,— прошептал Велисарий.— Еще! — приказал он.— Еще!

— Ты это о чем? — спросил Гармат. Старый советник смотрел на Велисария так, словно тот помутился разумом. Велисарий улыбнулся ему.

— Я не сошел с ума, Гармат, поверь мне. Просто... я не могу все тебе сейчас объяснить. Происходит нечто важное. Я... давай просто скажем, что я понимаю происходящее.

Цель смещала грани. Она снова сконцентрировалась. Снова — стенобитное орудие. Снова — пробоина!

— Да,— прошептал Велисарий.— Да, вижу!

Он нахмурился, концентрируясь, концентрируясь. На мгновение — а уж он-то прекрасно знал правила осады — Велисарий представил себя стенобитным орудием. А при помощи видения сам сделал пробоину в ментальном барьере.

— В дальнейшем это назовут *пушкой*.

У него опустились плечи, он пошатнулся. Гармат помог ему удержаться на ногах.

— Я очень надеюсь, что ты не с сошел с ума,— пробормотал советник.— Сейчас совсем неподходящее время.— Он потряс полководца за руку.— Велисарий! Просыпайся! Пираты совсем рядом!

Велисарий выпрямился, посмотрел на море, затем сверху вниз на аксумита. Покачал головой, улыбаясь.

— Ты преувеличиваешь, Гармат. Арабы окажутся в зоне досягаемости стрел только через две минуты. Но они в пределах досягасмости ракет. Смотри!

В это мгновение послышался странный шипящий звук, словно дракон пришел в ярость. В удивлении Гармат повернулся к центральной части корабля и открыл рот. Одна из *ракет* со свистом летела по направлению к пиратам. На палубе вздымался шар пламени, окруживший шкуры позади желоба, из которого выпустили ракету. Очевидно, кшатрии ожидали этого, потому что прошло не более секунды или двух, когда на дымящиеся шкуры вылили несколько ведер воды. Огненный шар превратился в небольшое облако пара.

Велисарий наблюдал за полетом ракеты. Больше всего его поразила извилистая траектория полета снаряда. Она отличалась от обычной траектории полета стрелы, выпущенной из лука, или брошенного копья. Вместо этого ракета как-то дергалась и извивалась, подобно змее. Мгновение спустя он понял: есть связь между дерганьем и выбросами алого пламени из хвоста. Внезапно сквозь барьер прошли простые, четкие, грубые мысли. Они ворвались ему в мозг, подобно тупым животным, вваливающимся в пещеру. **Плохая смесь. Плохой порошок.**

«Смесь? — задумался он.— Порошок? Какое отношение имеет порошок... пыль... к...?»

Порошок — сила.

— Как так получается? Что за порошок? — спросил он вслух.

Гармат снова посмотрел на него с беспокойством. Велисарий уже начал успокаивающе улыбаться ему, но улыбка сошла с его лица. Он почувствовал, что чужое присутствие у него в мозгу отступает. Ощутил обескураженность и уныние камня.

Ракета стала опускаться к воде. Еще до того, как она опустилась в воду, стало очевидно, что ее плохо нацелили. Она упадет далеко от пиратского корабля.

— А ею вообще целились? — пробормотал он. Рядом с ним Гармат покачал головой. Аксумит, казалось, вздохнул с облегчением, поскольку теперь бормотание Велисария было связано с реальностью.

— Не думаю, полководец. Считаю, их просто посылают в направлении противника. В ту сторону. Ты же видел, как она летела. Как такое капризное оружие вообще можно нацелить?

Ракета упала в воду. Вверх взлетел фонтан брызг, потом появилось облако пара, затем — ничего. Арабы на пиратских судах завопили от радости. Теперь пираты находились достаточно близко, чтобы их можно было рассмотреть.

К индийскому судну приближалось тринадцать пиратских галер. На веслах сидели гребцы, по центру возвышались треугольной формы паруса. Даже просто грубо прикинув численность врагов, Велисарий решил, что на каждом находится более ста человек. Большинство пиратов были вооружены мечами и копьями. Некоторые — луками. Щиты практически отсутствовали.

По отдельности, как решил Велисарий, они угрозы не представляют. Угроза заключалась в их многочисленности.

Выпустили еще четыре ракеты. Снова змеподобные траектории — и снова ни одна ракета не достигла цели. Теперь пираты радовались, как сумасшедшие.

— Они нас догоняют,— проворчал Эон.— Ну и дерьмовый же корабль! В открытом море, с попутным ветром на хорошем корабле мы бы давно от них ушли. Близко бы не подпустили!

Выпустили шесть ракет. И теперь наконец странное оружие показало свою силу. Две попали в одну пиратскую галеру. Арабское судно мгновенно охватил огонь. Несколько пиратов подбросило в воздух, словно им поддала рука невидимого титана.

— Ну и сила! — воскликнул Велисарий.— Да... вот что...— он замолчал.

— Ты о чем? — спросил Гармат.

Велисарий взглянул на него, поджал в задумчивости губы, затем покачал головой.

— Не обращай внимания, Гармат. Я просто заметил, что здесь дело не только в огне. Они несут с собой и нечто другое. Какую-то неизвестную... *силу* — которая не только выпускает огонь, но и ударяет по цели. Очень мощно.

Гармат снова посмотрел на пиратское судно. Теперь облако дыма рассеялось и было очевидно: по кораблю ударили, а не только сожгли. В месте, куда попала одна из ракет, осела и обрушилась целая часть. Судно быстро тонуло, команда прыгала за борт. Стало ясно: корабль обречен. Нельзя было только с уверенностью утверждать, что произойдет раньше: утонет он или сгорит.

И вновь, так же внезапно чужая мысль оказалась в голове Велисария.

Взрыв. Сила — это взрыв.

Велисарий мучительно напрягся и почти поймал образ, который ему посылал камень. Но образ ушел, растворился, поблек — затем снова как бы всплыл на поверхность. Всего на мгновение, но полководец увидел бочонок с ярко и яростно горящим огнем. Огонь рождал какие-то газы, их количество нарастало, потом начало давить на стенки бочонка, пока...

— Да! — воскликнул он.— Да! Я был прав! Это огонь!

Внезапно он понял, что на него внимательно смотрят несколько человек. Не только римляне и аксумиты. Несколько йетайцев, стоявших поблизости, также хмурились, поглядывая в его сторону. И один жрец Махаведы.

«Закрой рот, идиот. Наблюдай молча!» — приказал он сам себе.

Еще несколько ракет. Шесть ракет, шесть мимо. Но теперь радостные крики пиратов значительно поутихли. Арабские суда находились менее чем в двухстах ярдах. Несколько арабских лучников выстрелили, но стрелы не долетели до индийского судна.

— Слабаки,— хмыкнул Анастасий.

Огромный фракиец натянул свой огромный лук. Велисарий почти содрогнулся, наблюдая. Один раз он сам попробовал натянуть этот лук. Попытался, но к своему позору у него ничего не получилось. А Велисария никто бы не посмел назвать слабаком.

Несмотря на всю свою мощь, Анастасий на самом деле не был великим лучником. Он не умел стрелять так быстро и точно, как

Валентин. Но в случае переполненных пиратами судов это роли не играло. Стрела преодолела разделявшее два судна расстояние и врезалась в толпу пиратов. Послышался крик.

— О, благословенная стрела! — воскликнул Усанас.— Благословенная самим Богом!

Анастасий улыбнулся. Валентин фыркнул.

— Он не тебя хвалит, идиот. Он говорит, что тебе повезло.

Анастасий нахмурился, глядя на Усанаса. Давазз грустно покачал головой.

— Валентин врет. Очень нехороший римлянин! Я не говорил, что тебе повезло. Сказал, что Господь очень высоко тебя ценит.

— Вот видишь? — усмехнулся Валентин.

— Давай-ка посмотрим, что у тебя получится! — разозленно рявкнул Анастасий.

Усанас улыбнулся.

— Слишком далеко. Стрелы — дешевы, как грязь. А вот дротики — ценные. Очень важный момент в теологии. Бог капризен, благословляя стрелы. И очень скуп, когда речь заходит о дротиках.

Давазз показал на судно, находящееся с восточного края флотилии.

— Видишь лоцмана? На том корабле?

Анастасий кивнул.

Усанас снова грустно покачал головой.

— Он — большой грешник. Вскоре его заберет шайтан.

— Как скоро? — поинтересовался Анастасий.

— Зависит от мастерства. Мастерства в метании дротика. Бог очень скуп насчет дротиков. Можно сказать, жаден.

Анастасий фыркнул и отвернулся. Снова поднял лук. Стрела снова нашла в толпе жертву.

Пираты приблизились. Какое-то время ракеты не выпускали, но теперь выстрелили еще шестью. Велисарий отметил, что кшатрии, стреляющие ракетами, поправили угол наклона приспособлений, выпускающих снаряды. Если вначале бамбуковые желоба смотрели под определенным углом вверх, теперь они стояли почти параллельно палубе. Эти ракеты не летели вверх, подобно дротикам. Они летели по относительно прямой траектории всего в нескольких футах от водной поверхности и приводили к сокрушительным разрушениям. На таком расстоянии они едва могли промазать. Велисарий в удивлении наблюдал, как одна из ракет носом воткнулась в воду, а потом запрыгала по поверхности, как иногда прыгает брошенный плоский камушек. И эта ракета принесла врагам не меньший урон, чем другие, угодив в нос одного из пиратских кораблей.

Ракеты повредили почти половину пиратских галер. Две тонули и прекратили какое-либо продвижение вперед. Еще две горели, их экипажи прыгали в воду.

Но было очевидно, что арабы не намерены прекращать атаку. Теперь пиратские суда стали рассредотачиваться, чтобы ракеты по возможности не попадали в их гущу. В стоящие рядом несколько галер проще целиться, а по отдельности есть шанс, что индусы опять промажут. Моряки на держащихся на плаву судах помогали подняться на борт спасшимся с тонущих или горящих галер.

Теперь тонуло или горело пять пиратских судов, и еще одно оказалось выведенным из строя. Но Велисарий не думал, что реальное число воинов существенно уменьшилось. Большинство из спрыгнувших в воду поднялось на борт других галер. На палубах было просто не протолкнуться.

Выпустили еще партию ракет. Однако промазали все, кроме одной — пролетели в пустоту между рассредоточившимися пиратскими судами. Но даже и та, что ударились в борт судна, не принесла ему урона, отлетев в воду. Правда, над водой вдруг поднялся столб пламени и дыма.

Велисарий почесал подбородок. Ему пришло в голову, что ракеты на самом деле взрывались не при контакте с целью. Теперь он вспомнил, как несколько ракет взорвались несколько секунд спустя после того, как ударили по пиратским судам. Однако эффект оказался тот же самый, поскольку выпущены они были с силой и легко пробили тонкую обшивку арабских судов. И, несмотря на отсутствие взрывов, ракеты горели так яростно, что суда неизбежно охватывал огонь.

Тем не менее...

— Если правильно подобрать доспехи и тактику, не думаю, что ракеты окажутся такими уж опасными,— задумчиво произнес он вслух.

Валентин повернулся к нему и посмотрел вопросительно.

— Для лошадей они смертельны, полководец,— заметил катафракт.

— Да,— согласился Велисарий.— Это шипение, огонь из хвоста и взрывы ни к чему хорошему не приведут. Лошади начнут паниковать. И их будет не удержать и не успокоить.— Внезапно он улыбнулся.— Думаю, пришло время триумфального возврата пехоты!

— Черт побери,— пробормотал Анастасий.— А ведь он прав.

— Ненавижу ходить пешком,— простонал Валентин.

— *Ты* ненавидишь? — спросил Анастасий.— Да на тебе нет ни грамма жира! Как, ты думаешь, я себя чувствую?

— Почти стемнело,— с беспокойством перебил их Гармат.

И на самом деле спускалась ночь. В сгущающихся сумерках пока еще было возможно разобрать силуэты неповрежденных пиратских судов, но с трудом.

— И новолуние,— добавил Эон.— Через несколько минут станет совсем темно.

С корабля выпустили очередную партию ракет. Велисарий отметил, что кшатрии опять изменили угол наклона бамбуковых приспо-

соблений, чтобы все шесть ракет полетели в один корабль. Даже так в цель попала только одна. К счастью, попала она в центр палубы и взорвалась с оглушительным грохотом. Стало очевидно, что это судно также обречено.

Как раз перед тем, когда ночь полностью вступила в свои права, пиратские суда начали окружать индийский корабль. Однако они пока держались на некотором расстоянии, ожидая наступления полного мрака. Из-за отсутствия света и из-за того, что пиратские суда рассредоточились, стало ясно: от ракет теперь будет мало толка.

Правда, выпустили еще две партии ракет. Потом Венандакатра отдал новые распоряжения, и три ракетных расчета перетащили свои приспособления на другую сторону корабля, на правый борт. Оставшиеся на левом борту три расчета рассредоточили свои орудия по длине судна. По всей вероятности, таким образом планировалось отбивать тех, кто попытается забраться на борт индийского корабля.

Венандакатра выкрикнул новые приказы. Прислушиваясь, Велисарий начал понимать значение слов. Камень снова каким-то магическим образом помогал ему. Малва говорили на языке хинди, из которого Велисарий не знал ни слова. Но внезапно в мозгу появился смысл сказанного. Резкие ответы кшатриев на приказы Венандактры оказались абсолютно понятными.

— Индийские расчеты недовольны,— прошептал Гармат.— Они жалуются...

— Они обгорят, если выполнят приказы Венандакатры,— с отсутствующим видом закончил фразу Велисарий.

Советник был поражен.

— Я не знал, что ты говоришь по-хинди.

Велисарий уже собирался ответить, но захлопнул рот. Гармат снова странно смотрел на него.

«Мне придется ему что-то объяснить, когда все это закончится. Черт побери всех умных советников!»

Венандакатра закричал на подчиненных, подавляя протест. Жрецы Махаведы его поддержали, обещая вызвать из трюма «очистителей» махамимамсов.

Кшатрии огрызнулись, но поспешили подчиниться. Теперь бамбуковые приспособления смотрели вниз. Притащили дополнительные охапки шкур и положили позади. Но по хмурым и обспокоенным лицам кшатриев было ясно: они считают шкуры недостаточным барьером, чтобы закрыть людей от пламени, вылетающего из хвоста ракет.

Еще одна чужая мысль прошла сквозь барьер. **Ударная волна.**

Ночь полностью вступила в свои права. Освещение отсутствовало, кроме тусклого света нескольких светильников, которые держали в руках воины-йстайцы. Велисарий заметил, что Венандакатра внима-

тельно смотрит на него. Мгновение спустя индус с очевидным нежеланием направился на нос корабля.

Когда он подошел, Велисарий заговорил первым, не дав Венандакатре шанса открыть рот.

— Я отлично понимаю, что пираты сконцентрируют атаку на носу и корме, куда нельзя поставить ваши... ваше оружие. Займитесь кормой, Венандакатра. За нос можете не беспокоиться. Тут враг не пройдет.

— Вас немного,— нахмурился Венандакатра.— Я мог бы прислать...

— Нет. Большее количество людей просто создаст толпу, и нам будет труднее сражаться. Мне некогда придумывать, как включить воинов малва в нашу тактику. В то время, как римляне и аксумиты — давние союзники, давно привыкшие сражаться бок о бок.— Ложь сама текла из его рта.

Лицо Гармата ничего не выражало. Сарвены утвердительно что-то буркнули, как и Анастасий с Валентином. Эон хотел что-то сказать, но не успел, получив локтем в бок от давазза. Менандр казался смущенным, но индус в его сторону не смотрел, да и Валентин тут же гневно взглянул на молодого фракийца. Тот мгновенно изменил выражение лица.

— Вы уверены? — спросил Венандакатра.

Велисарий дружелюбно улыбнулся.

— Я же говорил: вы будете рады, что мы находимся на вашем корабле.

Венандакатра сморщился, но ничего не возразил. Секунду спустя он уже шел назад, выкрикивая новые приказы. Велисарий мог понять значение слов и знал: отданные резким голосом Венандакатры команды абсолютно излишни и бессмысленны. Недовольный начальник создает шум, чтобы увериться в собственной значимости. Только и всего.

— Омерзительная личность,— пробормотал Гармат.— Когда-то давно у аксумитов был такой царь. Саравит казнил его и на следующий день учредил институт давассов.

— Вы в самом деле считаете, что они нас атакуют? — внезапно спросил Менандр. Заметив, как все повернулись к нему, молодой катафракт распрямил спину.— Я не боюсь! — рявкнул он.— Просто это... не имеет смысла.

— Боюсь, имеет,— вздохнул Гармат и скорчил гримасу.— Я сам наполовину араб и хорошо знаю сородичей своей матери. Племена с южного берега Аравийского полуострова очень бедны. По большей части это рыбаки и контрабандисты. Большой корабль, подобный нашему, для них — несметное богатство. Они с радостью понесут серьезные потери, чтобы захватить его.

Усанас рассмеялся.

— Верь старому мудрому полукровке, молодой римлянин. Самые презренные люди в мире — эти арабы. Полны порока и грехов!

Гармат прищурился.

— О много пороков! Много грехов!

Гармат сморщился, словно от боли.

— Похотливы, скупы, жестоки!

Гармат нахмурился.

— Склонны к предательству, ленивы, завистливы!

Гармат смотрел гневно.

— Были бы обжорами, если бы не такая бедность!

Гармат скрипнул зубами.

— Жаль, арабам неизвестна трусость.

Гармат улыбнулся. Усанас грустно покачал головой.

— Потому что арабы глупы. Трусость — это единственный полезный порок человечества. Естественно, арабы ничего о ней не знают.

— Они приближаются,— объявил Валентин.— Я их не вижу, но слышу.

Велисарий взглянул на Валентина. Как и часто в прошлом перед самым сражением, катафракт напомнил полководцу ласку. Резкие черты лица, длинное худое тело, подобное сжатой пружине, застывшая поза, но поза готового к прыжку зверя или готовой распрямиться пружины и, самое главное, высшая степени концентрации. В такие минуты органы чувств Валентина работали сверхъестественным образом.

Велисарий вздохнул. Теперь ему предстояло сделать выбор, и этот выбор больше нельзя было откладывать.

«К чертям собачьим тайны,— решил он.— Эти люди — все — мои друзья. Я не могу их предать».

Полководец подошел к палубному ограждению на носу корабля.

— К нам приближаются два судна,— объявил он и показал пальцем.— Вот отсюда и отсюда. То, что справа, ближе.

Он услышал легкий кашель у себя за спиной.

— Поверь мне, Гармат. Я вижу их так ясно, как если бы сейчас был светлый день. Они там, где я сказал.

Он посмотрел через плечо и хитровато улыбнулся.

— Лоцман, на которого ты сегодня показывал, Усанас, ведет ближайший корабль. Ты сегодня о чем-то хвастался, если мне не изменяет память.

Для разнообразия давазз не улыбался. Усанас уставился во тьму, потом назад на полководца.

— Ты — колдун,— объявил он.

Велисарий скорчил гримасу.

Улыбка все-таки появилась. Это было неизбежно. Кожа Усанаса была настолько черной, что увидеть его в ночи казалось практически невозможным, только его силуэт. Но улыбка раба сверкнула, как маяк во тьме.

— Не проблема,— сказал давазз. Затем показал на других воинов.— Эти аксумиты и римляне — цивилизованные люди. Поэтому они полны глупых предрассудков. Считают колдовство чем-то плохим. Я — дикарь с юга, слишком тупой, чтобы смущаться такими мелочами. Я знаю: колдовство такой же факт, как и все остальное в этом мире. Есть хорошее. Есть плохое.

Внезапно тишину прорезал громкий смех Усанаса, удививший всех, находившихся поблизости.

— Отлично! — объявил давазз.— Никогда раньше на моей стороне не сражался добрый колдун.

— Неужели ты в самом деле так хорошо видишь в темноте? — спросил потрясенный принц.— Как такое возможно?

— Да, Эон, вижу. Как такое возможно? — Велисарий колебался. Но только мгновение. Выбор сделан.— Сейчас нет времени. Но после сражения я все объясню.— Он взглянул на Гармата.— Объясню все.— Взгляд на катафрактов и сарвенов.— Вам всем.

Усанас шагнул вперед, поднимая дротик.

— Где лоцман? — лениво спросил он. Велисарий вытянул вперед руку. Усанас прищурился.

— Все равно слишком темно,— пробормотал он.

В это мгновение послышался голос Венандакатры, отдававшего приказ. Во все стороны полетели ракеты. Несколько кшатриев взвыли от боли, обожженные вырвавшимися из хвостов ракет языками пламени, не погашенными шкурами.

— Чертов идиот,— проворчал Анастасий.— Трусливый ублюдок, он просто паникует.

Он был прав. Ракеты отправились в никуда. Они пролетели над морем, освещая волны.

Это не пригодилось никому, кроме Усанаса. Потому что, несмотря на то что ни одна ракета не достигла цели, окружающая местность внезапно осветилась красным пламенем. Пиратские корабли появились в его отсветах, как и отдельные члены экипажей.

— Вижу лоцмана! — весело закричал давазз.

Он кинул дротик, как тигр, бросающийся на добычу. Дротик исчез вместе с погасшим красным свечением. Никто больше ничего не видел, за исключением Велисария.

Полководец же наблюдал за полетом дротика, выше и выше. Велисарий никогда не видел, чтобы оружие выпускалось с такой силой. А потом оно полетело вниз... Воистину мечты Евклида[1] становились реальностью.

Ужасный, короткий крик прорезал ночь.

---

[1] Евклид — др.-греч. математик.

Анастасий, держась за палубные ограждения, склонился вперед, пытаясь рассмотреть, что происходит в море.

— Слушай, Валентин, этот чертов черный ублюдок улыбается? Не могу выдерживать его взгляд.

Валентин рассмеялся.

— Чем-то он мне напоминает маяк в Александрии,— сказал Валентин.— Слепящий маяк в ночи.

Внезапно из темноты прилетело несколько стрел. Конечно, ни одна из них не достигла цели, даже не долетела до борта корабля. Пираты просто таким образом выражали свою ярость.

— Теперь осталось недолго,— объявил Велисарий. И улыбнулся.— Кстати, Анастасий, тебе, наверное, лучше перейти на другой борт. Сейчас вражеский корабль по эту сторону не самый ближний. Он просто болтается на волнах: нет больше лоцмана.

Анастасий что-то проворчал с отвращением. Усанас взял в руки еще один дротик.

— Может, этот чертов идиот, трусливый ублюдок, индийский господин выстрелит для нас еще одной партией ракет? — весело спросил он.— Тогда я заставлю еще одну пиратскую галеру качаться на волнах.

— Я убью его,— пробормотал Анастасий.

— Сомневаюсь,— ответил Валентин. Внезапно он тоже улыбнулся.— И не надо изображать из себя злопамятного идиота. Ты похож на капризного ребенка. Может, ты хочешь, чтобы он бросил дротик в другую сторону?

— Нет, но...— скривился Анастасий.

Больше он ничего сказать не успел. Из тьмы показался силуэт пиратского корабля, словно поднимающийся из моря дракон. С него раздавались воинственные кличи. Мгновение спустя индусы выпустили очередную партию ракет.

Теперь все вокруг было освещено. Смешались воедино красный огонь взрывов, свист стрел и лязг орудий. Анастасий поднял огромный лук и убил пирата, затем еще одного, и еще, и еще. На таком расстоянии его стрелы разрезали грудь врага подобно тому, как мясник режет курицу. Даже если бы пираты были одеты в доспехи, им бы это не помогло. На таком расстоянии стрелы Анастасия проходили и сквозь щиты.

А теперь, когда он увидел, как на волнах качается еще одна пиратская галера, лишенная лоцмана, в его сердце не осталось никаких эмоций, кроме чувства товарищества. Потому что на самом деле катафракт Анастасий не был злопамятным капризным мальчиком, задирающим нос по любому поводу. Он был солдатом, занимающимся своим делом.

И он очень хорошо выполнял свою работу.

Глава 16

Хотя ночь стояла безлунная, сама битва освещалась каким-то жутким светом, то и дело мелькали ослепительные вспышки. Даже несмотря на напряженную обстановку, собственное состояние и необходимость отдавать команды, Велисарий восхищался этой картиной.

Если, конечно, вообще можно употребить слово «восхититься» по отношению к сцене из ада.

К тому времени, как первые пиратские галеры оказались рядом с индийским кораблем и стали закидывать на него абордажные крюки, на плаву остались лишь четыре арабских судна. Другие или пылали, объятые огнем, или затонули. Неровные траектории полета ракет теперь не имели значения. Теперь цель стояла прямо напротив и совсем рядом, и ракеты посылали почти не целясь. Но они не взрывались, попадая в корабли. Вместо этого они продолжали гореть с хвоста, испуская какое-то драконово шипение, которое издавали и во время полета. Пораженный Велисарий наблюдал, как одна из ракет пронзила корму пиратского судна, отскочила от скамьи, на которой сидели гребцы, перелетела на другую скамью, на другой стороне галеры, а затем прокатилась вдоль всего судна по центру, пока не уткнулась в нос. Ее путь отмечался дикими криками множества арабов, судорожно пытающихся загасить собственную горящую одежду, воспламенившуюся во время полета и скачков ракеты по галере. После того как она остановилась, застряв в более толстой обшивке носа, ракета продолжала гореть — и еще ярче, чем раньше. Со стороны она смотрелась бездумным приспособлением — или существом,— которое со звериным упрямством старается пролезть сквозь изгородь, установленную на пути. Прошло несколько секунд до взрыва, в результате которого нос судна разлетелся в щепки. Но к этому времени след, оставленный горящим хвостом ракеты, уже нанес не меньший урон, чем непосредственно взрыв.

«Не думаю, что индусы знают, когда взорвутся ракеты»,— решил Велисарий.

Цель собрала все грани у щели в барьере, подобно тому, как полководец-человек собирает свои войска перед пробитой частью стены, окружающей осаждаемый город. И, как человек направляет войска в проем, еще одна грубая мысль прорвалась сквозь ментальный барьер.

Запалов нет.

Почувствовав удивление Велисария, грани отступили. Но **цель** тут же снова собрала их. С успехом, несмотря на малые достижения, росла уверенность. **Цель** снова отправила грани к щели, теперь ее наполняло фанатичное желание *объяснить*.

Наконец! Наконец! Настоящий успех. Грани сверкнули от восторга. Сама **цель** закружилась от радости, подобно картинкам в калейдоскопе.

Знания, теперь возникшие в мозгу полководца Велисария, не были простой грубой мыслью. Они напоминали живой организм, движущуюся реальность. Велисарий увидел — так ясно, как видел все вокруг — весь путь ракеты, от начала и до конца. Увидел странный порошок (**порох** — как он теперь знал), наполнявший ракету внутри; тот же самый порошок, но в большем количестве был упакован у переднего конца (**боеголовки**) приспособления. Он увидел, как порох зажигается длинной спичкой, которую держит в руке кшатрий. Велисарий видел, как порох превращается в пламя и как горит огонь. (И он также знал, что видение движется с нечеловеческой скоростью, и только камень его притормаживает, чтобы Велисарий мог проследить за процессом.)

Он видел, как пламя несется по стволу вверх, внутри бамбуковой трубки (**фюзеляжа**). Он видел бесснующиеся газы, вылетающие из задней части ракеты (**вытяжка**), и знал, что ярость газов — это сила, заставляющая предмет двигаться. Они отправляют ракету в полет.

(Концепция — **действие/реакция** — пролетела у него по разуму. Велисарий почти ее понял, но она не проникла полностью в сознание. Но вскоре, вскоре он все поймет.)

Наблюдая в реальности за путем пламени, прожигающего порох, Велисарий догадался, почему ракета летит по такой неровной траектории.

Частично потому, что порох плохо перемешан. (А теперь Велисарий знал, что порох — это не вещество само по себе, а комбинация веществ.) Порох не представлял собой единую массу, в ней встречались куски, он чем-то напоминал некачественное зерно. Различные части пороха в различных частях ракеты горели неровно, поэтому ее и бросало из стороны в сторону самым непредсказуемым образом. Но самой главной проблемой было заднее отверстие, сквозь которое выходили выхлопы (**трубка Вентури** — в мысль добавилось презрение). Оно изготовлено плохо. На самом деле его даже не «делали». Это оказалось деревянное кольцо. Индусы просто срезали кусок бамбука на месте сочленения частей ствола и использовали его как наконечник, в котором концентрировались, а затем направлялись выхлопные газы. Но, во-первых, отверстие было сделано топорно — не лучше грубой резьбы по дереву. Велисарий фактически видел своим сознанием, как горячие выхлопы сжигают дерево, вырываясь наружу.

Друзья Велисария боялись за его разум. В эти минуты первые пираты уже забирались на борт индийского корабля — а тут полководец, их предводитель, что-то там шепчет себе под нос, потом, как лунатик, начинает вслух расуждать о греческих и армянских кузнецах и специалистах по художественной обработке металла, а также их

мастерстве и хитрости. Он там даже что-то пробормотал про императорский трон, ревущих львов и птичек!

Но затем подчиненные с облегчением увидели, что приступ безумия прошел — как только первый араб занес ногу над палубным ограждением. Велисарий снес ему голову одним ударом меча, причем его движение было таким быстрым, уверенным, твердым и грациозным, что никто не сомневался: этот человек в полном порядке.

— Смертельны удары Велисария,— пробормотал Валентин.

— Прекрати ворчать,— сказал Анастасий. Сам он опустил булаву на еще одну пиратскую голову. И если в этом действии было мало грациозности, да и быстрым его никто не назвал бы, результат получился вполне определенный.

Теперь арабы хлынули через палубные ограждения подобно быстрому речному потоку. Они лезли и с правой, и с левой стороны, по всей длине судна. Ими двигала безумная целеустремленность, значительно превосходившая обычный азарт сражения. Атаку породило отчаяние. Только отчаяние. Теперь неповрежденными осталось слишком мало галер, чтобы доставить всех пиратов на берег. Им предстояло или захватить большой индийский корабль, или умереть.

Кшатрии бросили желоба, из которых впускали ракеты, и сгрудились за йетайцами. Там они окружили Венандакатру и группу жрецов, стоявших у подножия грот-мачты. Но было очевидно: легковооруженные малва, когда их ракеты больше не помогают, представляют хлипкую охрану. Реальная защита корабля теперь лежала в руках йетайцев. Варвары не замедлили поднять кшатриев на смех за отсутствие мужества.

Правда, насмешки долго не продолжались. Через несколько секунд йетайцы были уже полностью заняты волной пиратов, залезающих на корабль, чтобы беспокоиться о чем-то, кроме собственной попытки выжить.

Как и ожидал Велисарий, пираты сконцентрировали свои усилия на корме и носу, там, откуда в их суда не направят ракеты. Два оставшихся, еще годных к плаванию арабских судна как раз прицепились баграми к носу и корме огромного индийского корабля.

На корме сражение развивалось в пользу пиратов, причем они быстро захватили инициативу. На носу они нашли только смерть.

Велисарий солгал Венандакатре, заявив, что римляне и аксумиты давно привыкли сражаться бок о бок. Но теперь, впервые в истории делая это под командованием величайшего римского полководца за несколько столетий, они оказались идеальной боевой машиной.

Велисарий расставил свою небольшую группу солдат, как и советовал Гармат. На первой линии — трое катафрактов в броне. Неопытный Менандр стоял на самом носу корабля. Валентин и Анастасий — по правую и левую руку от него. Хотя сам Велисарий не имел опыта

участия в морских сражениях, было очевидно: мало кто из пиратов попытается перебраться непосредственно через высокий нос корабля. Самыми опасными являлись палубные ограждения в нескольких футах от носа. И именно туда Велисарий поставил двух своих ветеранов. Анастасия — на левую сторону, Валентина — на правую.

И, как и ожидал Велисарий, там пираты и сконцентрировали свои усилия.

Но с малым успехом. Тяжелые щиты и доспехи катафрактов оказались практически непроницаемы для легкого оружия пиратов. Более того, оружием-то пираты как следует пользоваться и не умели. И держали его лишь в одной руке. Другой рукой каждый пират хватался за палубное ограждение. Тогда Велисарий и выучил свой первый урок морского сражения. Несмотря на насмешки Эона и несмотря на неуклюжесть и грубость конструкции, размер индийского корабля давал преимущество обороняющимся. Пираты не могли просто перепрыгнуть с одного судна на другое. Арабы забирались на огромное судно малвы со своих низких галер в некотором роде подобно тому, как осаждающие забираются на стену сухопутной крепости.

Сражение, можно сказать, было односторонним. Самое большее, что удавалось пиратам,— это один раз взмахнуть оружием. Потом, если напротив араба оказывался Анастасий, пират сразу же умирал. Его череп пробивала булава. Если пират оказываался напротив Валентина, то смерть могла и задержаться на секунду или две. Валентин, также впервые участвовавший в морском сражении, вскоре обнаружил, что самым экономичным способом расправы с врагом является удар по незащищенной руке, держащейся за поручень. Валентин не обладал звериной мощью Анастасия, хотя и был достаточно силен. Но это практически не играло роли. Его меч, как и все мечи, был острым, как бритва. Через две минуты на палубе уже набралась горка отрубленных кистей. Их бывшие обладатели слетели в море, где вскоре умерли — от шока, потери крови или просто утонули.

Менандр, хотя он, конечно, и не являлся полным новичком, не обладал большим опытом старших товарищей. Ни теперь, ни когда-либо в будущем он не приобретет их наводящего благоговейный ужас мастерства в битве. Но он был фракийским катафрактом, входил в элиту, верой и правдой поклявшуюся служить полководцу Велисарию, и никто никогда не скажет про Менандра, что он их опозорил.

Однако несмотря на всю неравность боя, при такой разнице сил решающую роль сыграли аксумиты. Если бы римляне были одни, то в конце концов их бы все-таки сломили — одним численным превосходством. Несмотря на то что катафракты быстро орудовали мечами и булавой, арабы забирались на палубы еще проворнее. Но копья аксумитов работали быстрее.

Катафракты сами многих прикончили, но их главной целью было выступать живой стеной, которая хотя бы на секунду замедлит пиратов. А этого мгновения оказывалось достаточно для сарвенов или Эона. А Усанасу требовалось еще меньше. Стоя в нескольких футах за катафрактами, аксумиты работали копьями подобно нападающей гадюке. Каждый удар был быстрым, точным и почти всегда смертельным. Иногда сарвенам и Эону требовалось нанести второй.

Усанасу — никогда. Действия давазза казались почти сверхъестественными. Наблюдая за ним, Велисарий решил, что никогда не видел, чтобы человек так безошибочно наносил удары. Конечно, не в реальном сражении. Хотя точность практически не играла роли. Давазз не отличался телосложением медведя, подобно Анастасию, или мускулатурой Эона, но Велисарий подозревал, что на самом деле Усанас сильнее любого из них. Огромное копье разрывало человеческие тела на части.

Полководец поставил себя самого и Гармата в резерв. Каждый из них находился в нескольких футах за аксумитами. Гармат справа, Велисарий — на левой стороне судна. Полководец ожидал, что через несколько секунд после начала атаки он уже будет сражаться насмерть.

Как и раньше, в сражении против персов, ему помогал камень. Чувства Велисария обострились до предела, как не могут обостриться у живого человека, рефлексы стали сверхъестественными. Но — он чуть не рассмеялся — этого не требовалось. Ни он, ни Гармат не наносили ударов, хотя советник один удар все-таки нанес — пирату через плечо сарвена. Велисарий подумал, что усилие было лишним, просто впитавшейся привычкой старого воина. Как, очевидно, решил и сарвен. Аксумитский воин тут же пожурил Гармата за вмешательство и попросил — не особо вежливо,— чтобы старый дурак занимался своим делом. После этого Гармат довольствовался ролью резервиста.

После того как Велисарию стало ясно, что ситуация на носу корабля находится под контролем, полководец решил направить свои усилия в другую часть. Не упуская из внимания происходящее на носу, он поинтересовался происходящим в центре и на корме.

Его беспокоила ситуация в общем. Независимо от того, как хорошо римляне и аксумиты сражались на носу, окончательный результат битвы во многом будет зависеть от того, что смогут сделать йетайцы, отражая атаки пиратов в других частях корабля.

Но больше всего его беспокоило будущее. Он уже посмотрел драконово оружие малва в действии и многое узнал из своих наблюдений. Теперь впервые ему предоставляется возможность посмотреть в действии воинов-йетайцев. И наблюдать он за ними будет с самого удобного места из возможных. Он находится рядом, участвует в том же сражении, стоит на небольшом возвышении и — что самое главное — сражается на той же стороне.

Их навыки — неплохи, решил он. Совсем неплохи.

Сила: йетайцы так бесстрашны и агрессивны, как только может желать любой полководец.

Слабость: то же самое. Они слишком агрессивны. Это особо касается молодых людей, стоящих во втором ряду. В своем желании поучаствовать в схватке и доказать свое бесстрашие и умение, они постоянно нарушают построение и мешают первому ряду сражающихся.

Сила: построение все-таки есть. Очень нетипично для варваров.

Слабость: построение не выдерживается. Конечно, одной из причин являлись условия битвы — на палубе корабля, заполненной множеством людей, освещаемой только огнем горящих галер. Другой причиной было нетерпение молодых воинов из второго ряда, пытающихся влезть в первый. Но главным, как подозревал полководец, следовало назвать сам менталитет йетайцев. Блеск цивилизации малва был только тонким слоем поверхностного лоска на воинах, чья натура до сих пор оставалась чисто варварской.

Сила: они умело владеют мечом, хотя стиль, предпочитаемый йетайцами — они наносили режущие удары,— больше подходит для конницы, чем для сражения на своих двоих.

Слабость: они не умеют как следует пользоваться мечом в пешем бою. И в этом, как знал полководец, заключается еще одно наследство военной традиции йетайцев. Варвары в первую очередь — всадники.

Велисарий был очень рад.

У него пока не имелось времени тщательно обдумать все военные сложности, связанные со странным оружием малва. Но один факт уже стал совершенно очевиден: как он и сказал своим катафрактам, пехота вскоре вернется, и это будет историческое возвращение. Конечно, для кавалерии тоже найдется место — и ущемлены они не будут — но основу будущих армий составит пехота.

А в мире нет лучшей пехоты, чем римская. И никогда не было. Никогда. Нигде. В современном мире только эллины оказались способны по-настоящему составить конкуренцию римлянам, пехота против пехоты. А исторический приговор был вынесен в местах, навсегда вошедших в историю: при Киноскефалах и Пидне[1]. В Древнем мире только ассирийцы могли считаться равными с римлянами. Конечно, ассирийцы давно исчезли, поэтому никогда не станет известно, что они могли бы сделать против римских легионов. Но... Велисарий

---

[1] Киноскефалы — гряда холмов в Греции. При К. римская армия разбила македонское войско, и большая часть Греции оказалась в зависимости от Рима (197 год до н. э.). Пидна — город в древней Македонии. Римская армия разгромила у Пидны македонское войско, и Рим полностью подчинил Македонию (168 год до н. э.).

улыбнулся, вспоминая старое. Однажды они с Ситтасом провели приятный вечер, рассуждая на эту тему. Теоретическая дискуссия переросла в пьяную драку. Ситтас хвастливо утверждал, что ассирийскую армию разбили бы за четверть часа. Велисарий — спокойно, холодно и профессионально (как и всегда) — что они могли бы продержаться и час. Может быть.

Он потряс головой, отгоняя воспоминания. Улыбка тут же сошла с его лица.

Больше на наблюдение времени не оставалось. Йетайцы — будущие противники Римской империи, но сейчас они — союзники группы римлян на борту корабля. И эти римские союзники сдают позиции.

Не просто так сдают, не быстро, но поражение несомненно, как и восход солнца. Йетайцы на корме сильно проигрывали арабам в численности. И на них наступали. Арабы победно кричали и оттесняли всех йетайцев по обеим палубам.

Велисарий быстро оценил ситуацию. Атака пиратов на носу прекратилась. У них полностью пропало желание лезть туда после ужасных (и бессмысленных) потерь. Выжившие арабы отступали назад на собственное судно и даже отцепили багры. Половина команды все еще оставалась жива, и теперь они уже начинали грести к корме индийского корабля, надеясь, что там им будет легче взобраться на борт.

Затем внезапно галера закачалась на волнах. Пираты заорали от ярости, пытаясь снова взять свое судно под контроль.

К своему списку жертв Усаанас добавил еще одного лоцмана.

Катафракты тоже победно кричали. Сарвены, с более практичным умом, убили еще пару пиратов успешными бросками дротиков. Как и Эон. Со своей стороны Усанас подождал, пока пираты не выберут нового лоцмана. Три секунды спустя арабам снова пришлось заняться выбором. И вскоре стало ясно: добровольцы отсутствуют.

Велисарий закричал. Не какую-то фразу, просто издал громогласный клич, чтобы привлечь внимание своих друзей. Это было трудно: победные крики арабов и крики отчаяния йетайцев создавали слишком много шума по всему судну.

Велисарий привлек внимание своих друзей и показал на корму. Большего не требовалось. Никакая хитрая тактика на забитой людьми палубе не подошла бы. Не было времени начать контратаку стрелами и дротиками. Йетайцы оказались на грани полного поражения. Варварам удалось восстановить подобие строя в центре судна, как раз у грот-мачты. Но их накрывала волна пиратов.

Теперь было не место и не время для какой-либо тактики, кроме чисто шокирующей. Концентрированной бойни.

Велисарий повел свой маленький отряд вперед. Сам он шел первым, римляне и аксумиты пристроились по бокам. Через секунду или две

девять человек выстроились в линию по всей ширине корабля. На самом деле они находились очень близко друг к другу, что оказалось неудобно. Велисарий не успел отдать приказ, когда Усанас захватил инициативу. Давазз схватил Эона за набедренную повязку и оттащил назад. Мгновение спустя, следуя его резкому окрику, Гармат тоже отступил назад.

Эон сильно возмущался. Усанас дал ему подзатыльник, и в этом подзатыльнике полностью отсутствовал юмор. Давазз в гневе высказал принцу все, что о нем думает.

Даже хотя Велисарий мог в общем и целом понимать геэз при помощи камня, ему не удалось ухватить все произнесенные Усанасом слова. Но необходимости не было. Сам полководец во время прошлых сражений говорил подобные слова молодым воинам. Хотя никогда с таким количеством эмоций и ругательств.

— Чертов ничтожный молокосос! Пора уже вырасти. Детям нет места в переднем ряду. Должна быть от тебя хоть какая-нибудь польза. Тупой младенец! Воткни копье в кого-нибудь сбоку. Недоразвитый ребенок! Вместо того чтобы мешаться под ногами у ветеранов... Лучших катафрактов и сарвенов в мире! Незачем им умирать, споткнувшись о мешающегося под ногами принца! Благородная задница! Особы королевской крови — все дураки по природе. В особенности принцы. Но пусть будет дурак. Только бы не совсем безмозглый. Чертов идиот!

И другие подобные слова.

Через несколько секунд небольшой отряд римлян и аксумитов прорвался к группе йетайцев, сгрудившихся в центральной части корабля. Теперь в рядах йетайцев не было никакой дисциплины. Наступающие пираты, правда, тоже не использовали никаких построений. Но налегающие арабы вдохновлялись предчувствием уже видимой победы, в то время как йетайцев наполняло отчаяние от предстоящего поражения.

У Велисария нашлась секунда, чтобы взглянуть на Венандакатру и небольшую группу жрецов и кшатриев, сгрудившихся вокруг грот-мачты. Малва — по крайней мере кшатрии — сохраняли подобие порядка и дисциплины. Но тут свою роль в большой степени сыграл парализующий страх. И толка от их порядка было не больше, чем от хаоса йетайцев.

Мгновение спустя передняя линия римлян и аксумитов прорвалась на небольшой проем между отступающими йетайцами и наступающими арабами. Теперь они уже находились фактически за грот-мачтой и каютой Венандакатры, в кормовой части — к облегчению Велисария. Врагу никак не пробраться им за спины, их защищает строение каюты. Теперь предстояло сражаться на площадке в сорок футов.

Увидев внезапное появление дисциплинированного и целенаправленно приближающегося ряда, пираты замедлили наступление. Пауза длилась достаточно долго, чтобы Усанас, Эон и Гармат с силой

прорвались сквозь сгрудившихся йетайцев и встали как раз за спинами катафрактов и сарвенов.

Из толпы арабов на корме вперед протолкнулся мужчина в тунике и шлеме. У него был длинный, слегка искривленный меч, причем очень хорошей работы.

Мужчина был средних лет, но за исключением нескольких седых волосков не наблюдалось и следа потери жизненной силы. Высокого роста, хорошо сложен, во всем облике чувствовалась власть. Он стал громогласно подгонять арабов вперед. Они послушались его команды, видимо, давно привыкнув ему подчиняться.

Пираты начали атаку, но внезапно она прекратилась. Поскольку все дротики Усанаса закончились, он метнул огромное копье. Впервые в жизни Велисарий наблюдал, как человека обезглавливают копьем. На мгновение полководец застыл от удивления и широко раскрыл рот. Огромное копье вошло точно в шею командира пиратов, голова отлетела, а затем копье пролетело дальше и воткнулось в грудь стоявшего за спиной командира араба.

Пираты застыли в ужасе от этого зрилища, их просто парализовало. Тут Велисарий громко выкрикнул приказ, и катафракты с сарвенами бросились вперед.

Теперь это была резня, чистая бойня. Римляне и аксумиты ворвались в толпу арабов подобно машине. Легковооруженные пираты в первых рядах рухнули, как бараны, их черепа или разбили, или вскрыли, груди и животы проткнули или выпустили кишки, руки отсекли. Падая, они увлекали за собой стоявших за их спинами пиратов, которые в свою очередь не могли сопротивляться подобному жестокому напору.

Конечно, сражение нельзя было назвать только односторонним. Менандр выкрикнул и упал, схватившись за бок. Удар меча откуда-то из толпы пиратов нашел цель. Один из сарвенов тоже вскрикнул и пошатнулся. Его ранили в голову. Рана не была смертельной, так как аксумиту удалось ответи удар щитом. Но, как и все раны в голову, эта сильно кровоточила.

Сарвен упрямо хотел вернуться на переднюю линию атаки, но Усанас оттащил его назад и забрал у него копье. Сарвен был практически беспомощен: он ослеп от заливающей глаза крови. Гармат помог ему устоять, поддержав под руку. Старый советник охранял раненого сарвена и Менандра, а сражение переместилось на корму.

Усанас занял место в первом ряду. Мгновение спустя к нему присоединился Эон. Теперь давазз не сдерживал молодого принца. Эон прорвался сквозь проем, образованный падением Менандра, и стал активно работать копьем рядом с двумя ветеранами — Валентином и Анастасием, сражавшимся по обеим его сторонам.

Он мог быть молодым и нетерпеливым, даже глупым в своем энтузиазме. Но он не мешал ни одному из катафрактов справа и слева от себя. И даже если Анастасию один раз пришлось прикрывать бок принца, потому что парень слишком выдвинулся вперед от неопытности, огромный катафракт не выражал недовольства. В прошлом он много раз таким же образом прикрывал других молодых воинов. Молодых воинов, которых слишком часто парализовал внезапный страх, что определенно не относилось к принцу. Эон прикончил врага перед собой, а Анастасий убил другого, который нанес бы удар по незащищенному боку принца.

Обучение молодых воинов считалось частью работы ветеранов. А вообще умение вести бой нельзя освоить иначе, как на практике. Нет другого способа. И об этом Анастасий напомнил даваззу, твердым тоном, в тихие часы после битвы, когда Усанас принялся укорять молодого идиота. А Валентину удалось полностью утихомирить Усанаса, заставить его замолчать — чудо из чудес! — несколькими краткими, резкими, едкими фразами. Полными эмоций и яростными, но по делу.

Циничный ветеран Валентин, как выяснилось, внезапно почувствовал симпатию к принцу Эону. Причем очень сильную симпатию, рожденную древней воинской традицией.

Не все жертвы битвы — новички. Ветераны тоже иногда умирают, не всегда фортуна на их стороне, а как может сложиться... И в ту ночь, ночь адского огня, диких криков, ярости дракона, хитрый и умелый Валентин чуть не погиб. Удача отвернулась от него на долю секунды.

Ветеран-убийца, мастер своего дела, выживший на сотне пыльных полей сражений, внезапно лицом к лицу встретил смерть на деревянных досках мачты. Он не учел, что палуба окажется скользкой от пропитавшей ее крови и будет сильно отличаться от пропитанной кровью земли во время сражения на суше. И поэтому, шагнув вперед, чтобы нанести очередной смертельный удар, как он делал множество раз в прошлом (что даже не помнил количество убитых им врагов), он поскользнулся. Валентин упал на спину, щит отлетел в сторону, хорошо хоть меч не выпустил, но рукой сильно ударился о палубу. Его тело оказалось открытым врагу и беспомощным. Пират мгновенно воспользовался прекрасной возможностью, издав вопль радости. До самого последнего дня Валентин не забудет конец вражеского меча, устремленный прямо в его незащищенный живот.

Но меч остановился, не более чем в дюйме, скользнул в сторону. Валентину потребовалась секунда, чтобы понять: причиной вражеского промаха явилось копье Эона, проткнувшее пирату грудь. Тогда Валентина самого парализовало на мгновение. Не от страха, а от странного удивления.

Пират до последней секунды жизни не терял намерения убить катафракта. Его неистовые черные глаза не отвели взгляда от глаз Валентина. И ярость в этих глазах не умерла, пока не умер сам пират. Меч продолжал целиться в живот Валентина, тело араба продолжало склоняться вперед, но пирата удерживало копье мальчишки. Молодого идиота — возможно, но сильного и бесстрашного — совершенно определенно.

Поэтому в тихие часы после окончания битвы, когда наставник парня стал его критиковать, называя идиотом, Валентин не позволил. Нет, совсем не позволил. И затем всеми было отмечено — всеми, кто знал эту смертоносную ласку,— что в одной небольшой группе прибавился новый член.

В группе товарищей по оружию Валентина. Так ее называл сам Валентин, и так ее называли другие. Эти немногие — очень-очень немногие — имели привилегию делить с ним кубок, держать в руках его оружие, критиковать его ошибки и делать комплименты его женщинам.

Эон, принц Аксумского царства, стал единственной особой королевской крови, допущенной в элитный клуб. Тогда и когда-либо в будущем. Но парень не возгордился. И не обиделся, что группа не монаршая и даже не из знатных господ. Она была одним из самых маленьких клубов в мире. Определенно одним из самых труднодоступных, только для самых избранных.

Однако все это произойдет в будущем. А пока арабов оттеснили на самую корму. По мере того как все большее их количество оказывалось на маленьком пятачке, им становилось труднее сражаться. Толкотня мешала даже тем пиратам, которые все еще были способны отражать атаку.

Но таких осталось совсем немного. Безжалостное наступление византийцев и аксумитов деморализовало основную часть пиратов, в значительной степени потому, что они уже считали себя на грани победы.

Большинство пиратов теперь волновало только, как убежать с корабля. Они старались перебраться на галеру, все еще прикрепленную баграми к борту корабля. Но галера вскоре оказалась переполненной беглецами, и капитан приказал отцепить багры.

Многие пираты просто прыгали за борт. Некоторые успели забраться на отплывающую галеру или на вторую, которую абордажные крюки еще удерживали на плаву. Но безжалостные римляне и аксумиты оттолкнули ее. Большинство пиратов утонули.

В конце концов на борту индийского корабля осталось около дюжины арабов. Они собрались небольшой группой, сгрудившись на самом краю кормы. Эти люди стали говорить с Велисарием об условиях сдачи. Со своей стороны полководец не возражал. И так было слишком много крови.

Но переговоры были мгновенно сведены на нет. Йетайцы, к которым теперь вернулось мужество, бросились на толпу на корме, вы-

крикивая воинские кличи. Услышав их, Велисарий приказал римлянам и аксумитам расступиться и дать йетайцам дорогу. Они завершили битву.

Варвары ни в коей мере не интересовались переговорами. И поэтому все остававшиеся на корабле арабы были убиты.

Но резня ни в коей мере не стала односторонней. Пираты не были трусами и не собирались покорно склонять головы. Перед тем как умереть, они забрали с собой в мир иной нескольких йетайцев.

Хотя на протяжении этой схватки лицо Велисария оставалось бесстрастным, гибель йетайцев на корме принесла ему немалое удовольствие. Как он подумал, и катафрактам, и сарвенам. Судя по лицам Эона и Гармата — им-то уж несомненно.

Что касается отношения Усанаса — тут сказать было сложно. Наблюдая за последним финальным актом сражения сбоку, давазз комментировал его, переходя от философских замечаний о справедливом возмездии пиратам к веселым комментариям относительно некомпетентности варваров, не умеющих толком пользоваться мечами.

Он говорил по-гречески, не на хинди — языке самих варваров. Но по крайней мере у одного йетайца возникли подозрения насчет смысла произносимых слов. Один йетайец, угрожающе размахивая мечом, двинулся в сторону Усанаса.

Однако правду никто никогда не узнает. Усанас схватил воина за кисть и за горло, вырвал меч, сломал шейные позвонки и выбросил за борт. Другие варвары, наблюдавшие за сценой, после этого предпочли игнорировать все замечания Усанаса. Что для них оказалось лучшим вариантом, поскольку в дальнейшем Усанас переключился на рассуждения о ничтожности варваров вообще и йетайцев в частности.

Говорил он достаточно громко и достаточно надменно, чтобы его слышали все рыбы в Эритрейском море.

Глава 17

В последовавшие за битвой с пиратами дни многое изменилось. Только индийский корабль продолжал бороздить Эритрейское море.

Море осталось таким же, дул юго-восточный ветер. Он не изменял направления и надувал паруса с одинаковой силой каждый день. (Гармат сообщил римлянам, что юго-восточный ветер — порывистый и яростный — сильно отличается от теплого и приятного, который через несколько месяцев понесет их назад). Море всегда казалось одинаковым, точно так же, как и слабо различимая береговая линия на севере. Теперь они шли вдоль берегов Персии, оставив позади Аравию и опасности, которые могли поджидать у ее берегов.

Из-за постоянно маячившей в поле зрения береговой линии Эон ежедневно с недовольством рассуждал о неуклюжих индусах. Его советник часто комментировал противоречивые привычки разных народов, например аксумитов и арабов (ну и греков, конечно). Правда, отдать им должное, все они смело выходят в открытое море, оставляя далеко позади берег, и пересекают любые водные пространства. Неизбежно следовали замечания Усанаса о неразделимой связи морского дела и аксумского бахвальства.

Но все остальное изменилось.

Во-первых, отношение Венандакатры к «гостям». Индус забыл о высокомерии и холодной, змеиной надменности. Он больше не игнорировал иностранцев. О нет, совсем не игнорировал. Венандакатра ежедневно приходил в гости, за ним тащилась группа жрецов. Компания по меньшей мере час проводила в беседах с Велисарием, Эоном и Гарматом. (Остальных Венандакатра игнорировал; они были просто обычными солдатами или, в случае Усанаса, самыми гротескными рабами в мире.)

Он также ежедневно приглашал Велисария и Эона (и из вежливости — Гармата) отужинать с ним в его каюте. Приглашение всегда принималось. Велисарием — с энтузиазмом, Гармат выполнял долг, принц с мрачным видом подчинялся. Правда, он чувствовал себя, как мальчик, которого тащат за уши.

Готовность и желание полководца участвовать в этих ужинах не объяснялись радостью общения с Венандакатрой и желанием провести вечер в его компании. При личном общении с узком кругу индус оказался еще более отвратительным, чем на расстоянии. Энтузиазм Велисария также не подогревали сами ужины, хотя их готовили великолепные повара. Велисарий не был гурманом и всегда считал лучшей приправой к еде приятную компанию за столом. Несмотря на изысканность подаваемой в каюте Венандакатры пищи (благодаря использованию многочисленных специй и соусов), едкая приправа, которую приходилось терпеть, казалась слюной самого Сатаны.

Полководец не сомневался в истинных мотивах Венандакатры. Велисарий прекрасно понимал, что внезапное гостеприимство малвы — не результат благодарности за решающую роль, которую сыграли лично Велисарий и его люди во время сражения с пиратами.

Нет, ни в коей мере. Полководец был уверен в этом так же, как в том, что его зовут Велисарий. Да, новое отношение Венандакатры на самом деле стало следствием битвы. Однако результатом, рожденным не из благодарности, а страха.

Венандакатре никогда раньше не доводилось наблюдать за римлянами или аксумитами в деле. Теперь он увидел и знал: это — его будущие враги. Индус увидел разбитые булавой черепа, проткнутые

копьями тела, отрубленные конечности, выпавшие кишки и море крови. По его спине пробегал холодок, когда он думал, как этот враг ужасен, и что совсем недавно они даже представить не могли, насколько ужасен. Раньше, в коридорах особняков малва или полных благовоний залах императорских дворцов, во время планирования предстоящих операций, они с уверенностью смотрели в будущее. Теперь ни о какой уверенности не могло идти и речи. Да, они покорят и поработят Рим, но это окажется нелегкой задачей, очень непростой.

И поэтому, знал Велисарий, Венандакатра и ходил каждый день в гости и ежедневно приглашал их на ужин. Именно так кобра приподнимает голову, показывает раздвоенный язык и раскачивается в странном завораживающем ритме, чтобы ввести в транс будущую жертву.

И точно так же, радостно, мангуст попадает в ловушку.

Ум Велисария напоминал корень старого дерева. И теперь между извилин своеобразного ума зарождался, строился и развивался план.

Новый план оказался таким же хитрым, как и все стратегические разработки, когда-либо придуманные полководцем. (А он был человеком, ценившим хитрость гораздо выше, чем другие ценят золото, а третьи — красоту наложниц.) Ум сам по себе давал сердцу Велисария только удовлетворение, но не радость. Нет, радость он получал по-другому. Радость, нет, лучше сказать: дикое и безудержное веселье объяснялось тем, что весь план основывался и вертелся вокруг души человека, против которого был направлен. Венандакатру называли Подлым. И именно его подлость погубит его — при помощи Велисария.

Поэтому каждый день на залитом солнцем носу корабля Велисарий сердечно и уважительно приветствовал Венандакатру. И поэтому каждый вечер в освещенной светильниками каюте Велисарий отвечал на показное дружелюбие индуса показным весельем, на непристойные шутки хозяина — ответными остротами, на рассказы о развращенности и испорченности малва — демонстрируя свою собственную коррумпированность.

В другой ситуации хитрый и внимательный советник Гармат реагировал бы на вдруг появившуюся сердечность Венандакатры ничего не выражающим лицом. Или даже молчаливым презрением. Отвращением. Надменный молодой принц с сердцем слона — сказал бы что-нибудь укоризненно и презрительно. Но после сражения изменились многие обстоятельства. И изменения в группе римлян и аксумитов не были результатом двуличности или подлости.

На самом деле и перед битвой и римляне, и аксумиты относились друг к другу по-дружески.

Во время совещания с Эоном и Гарматом, после их возвращения в Аксумское царство вместе с Велисарием, царь Калеб ясно показал им важность укрепления союза с Римом. Именно по этой причине он

согласился на предложение сопроводить византийцев в Индию, хотя путешествие и может стать последним для его младшего сына.

Велисарий не получал таких точных и определенных императорских наставлений, но имел свои основания для закрепления отношений с аксумитами. Он уже — пусть только примерно и в общих чертах — формировал стратегию будущей войны Рима с империей малвы. Роль Аксумского царства в этой войне станет решающей.

Опытные воины — катафракты и сарвены Эона — быстро поняли отношение своего начальства и вели себя соответствующим образом. Менандр, наполненный бездумной уверенностью юности, сам по себе мог бы каким-то образом проявить враждебность или продемонстрировать предубеждения, но только не рядом с ветеранами, наблюдавшими за ним, как два ястреба.

Поэтому во время долгих месяцев, предшествующих сражению с пиратами, римляне и аксумиты вместе отправились в Сирию, потом в Дарас, затем в Египет, Асэб — порт в Аксумском царстве, оттуда по суше в столицу Аксумского царства город Аксум, долгое время оставались в Аксуме, опять вернулись в Асэб и там взошли на борт корабля малва, несущего Венандакатру и сопровождающих его лиц назад в Индию. За это время между римлянами и аксумитами сложились теплые отношения. Все они к тому же соблюдали дисциплину и приличия, не оскорбляя ни расовые, ни национальные чувства друг друга.

Да, все это так. Но тем не менее они друг для друга оставались чужестранцами, несмотря на то что аксумиты говорили на хорошем (пусть и с акцентом) греческом, а римляне начали говорить на плохом (и с очень сильным акцентом) геэзе. Никто ни разу не произнес слов, которые могли бы оскорбить других. (Конечно, не считая Усанаса. Но поскольку давазз всех оскорблял в равной степени, включая племена и нации, о которых никто даже не слышал, его немыслимое поведение вскоре стало приниматься, как нечто естественное, точно так же, как люди примиряются с ветром, дождем или надоедливыми насекомыми.) Но на протяжении всех месяцев совместного путешествия и взаимного расположения, все-таки полного доверия и полной уверенности друг в друге не возникло. И не сложилось искренней близости духа.

Теперь все изменилось. После сражения соблюдаемые раньше положенные правилами хорошего тона приличия исчезли. Исчезла положенная вежливость к представителям другой нации, в особенности среди простых воинов. Их заменили насмешки и грубые шутки, оскорбления и унижения, ворчание и жалобы — короче, все то, чем омытые кровью ветераны закрепляют свою дружбу.

Сарвены впервые произнесли вслух свои имена. Получивший новый шрам на черной голове звался Эзана. Второй — Вахси. Римлянам рассказали о древнем аксумском обычае. Настоящее имя сарвена

никогда не раскрывалось никому, кроме членов саравита, чтобы враги не использовали против воина колдовские чары. После того как мальчика принимали в сарв, он получал новое имя, которым его с тех пор называли его товарищи, но только при личном общении.

Вскоре после сражения с пиратами, на небольшой церемонии, проведенной, пока начальники общались с Венандакатрой, двое сарвенов официально приняли в свои ряды — в Дакуэн — трех катафрактов и назвали им свои настоящие имена.

Римские воины посчитали традицию странной, но не стали над ней смеяться, потому что они совсем не считали странной боязнь колдовства. Валентин с Анастасием носили на себе различные амулеты, отгоняющие колдовские чары и предохраняющие от них. А Менандр, даже пока его мучила лихорадка, пока он лежал без сознания и затем поправлялся после полученного ранения, ни на секунду не выпустил из руки маленькую иконку, полученную в тот день, когда он с гордостью вступил в ряды катафрактов по призыву Велисария. Иконку вручил ему деревенский священник и заверил молодого катафракта, что она убережет его от зла и дьявольских чар.

И она на самом деле уберегла — ведь юноша поправился, разве нет? От раны, которая по опыту ветеранов, как римлян, так и аксумитов, обычно приводила к смерти от заражения крови, причем мучительной и долгой. На самом деле великолепная иконка!

Но независмо от того, была иконка чудотворной или нет, выздоровлению молодого фракийца несомненно помогли аксумиты. Их странные и экзотические настои и мази, а также сочувствие и поддержка друзей на протяжении длинных, наполненных болью дней и ночей, в особености поддержка менее серьезно раненого Эзаны.

Со временем Менандр научился быстро говорить на геэзе, гораздо лучше всех римлян. Более того, речь парня не портил ужасный акцент, от которого не могли избавиться другие римляне, пытавшиеся говорить на геэзе (за исключением Велисария, конечно, чей геэз вскоре не отличался от речи аксумита; но Велисарий-то — колдун).

Со временем Менандр станет самым популярным римским офицером среди аксумских войск, с которыми его войскам придется часто объединяться. И много времени спустя после выздоровления от полученного ранения катафракт наконец вернется в свою любимую Фракию. Конечно, уже не юношей, неизвестным никому, кроме соседей по деревне, а железным седовласым ветераном, чье имя гремело на многих территориях. Он будет спокойно относиться к славе и наслаждаться годами отставки, а всю свою гордость и любовь сохранит для большого потомства — темнокожих детей — и любимой жены из Аксумского царства.

Эзана тоже переживет войны. Время от времени сарвен будет приезжать во Фракию, навестить своего старого друга Менандра и

сводную сестру, ставшую женой Менандра. Эзана не станет брать с собой во Фракию много сопровождающих, хотя сам высоко поднимется в воинской иерархии и большую группу сопровождающих ему всегда станет предлагать негуса нагаст. Но зачем они ему? Во Фракию поедет он сам — и его обширная коллекция шрамов и воспоминаний.

В будущем Эзана получит огромное удовольствие от этих посещений. Он с наслаждением будет смотреть, как солнце садится за дальними горами Македонии, попивая из кубка вино в компании Менандра и своей сводной сестры. Вокруг них соберутся внимательные многочисленные отпрыски Менандра, а также целая орава деревенских детей, для которых скромная усадьба Менандра станет огромной игровой площадкой. Они вместе будут делиться воспоминаниями.

Некоторые из воспоминаний окажутся грустными. Вахси не переживет войны. Он погибнет во время морской битвы у персидских берегов, и его тело не найдут. Но он умрет геройски, и его имя останется в памяти — его вырежут на небольшом монументе в африканских горах и будут вспоминать в небольшом тихом фракийском монастыре.

Всегда во время этих посещений Менандр и Эзана будут вспоминать корабль и Эритрейское море. И в это время дети всегда будут прекращать игры и замолкать, и собираться вокруг. Это станет их любимым рассказом, и они никогда от него не устанут. Ни дети, ни старые ветераны, которые с радостью повторят его снова и снова.

(Конечно, от него устанет жена Менандра и станет жаловаться своим деревенским подругам. Но зачем мужчинам обращать внимание на ворчание? Они давно к нему привыкли. Как знают все ветераны, жены любят поворчать, не дождешься от них должного уважения к рассказам мужей.)

Дети будут любить все части истории. Накал морского сражения: драконово оружие, из хвоста которого вырывался огонь, атака пиратов, перелезающих со своих галер на индийское судно, сражение на носу и в особенности — бросок на корму, который возглавил легендарный Велисарий. О, вот это была атака!

И если описание яростного сражения на корме несло в себе некоторые небольшие поправки к грубой исторической правде, все равно оно оставалось правдивым. Эзана ничего не сказал, когда Менандр — чуть-чуть — приукрасил свой рассказ о полученном страшном ранении. (Тут дети обязательно захотят увидеть ужасный шрам у него на животе, и Менандр обязательно его покажет.) Меч, которым была нанесена эта рана, во время многочисленных пересказов случившегося превращался в огромный клинок в руке могучего араба, который благодаря своей легендарной хитрости смог обмануть молодого римского воина. В рассказах не останется ничего от неопытности воина, хаоса битвы и просто удачи, благодаря которой безымянный и

неизвестный пират просто резанул мечом по первому попавшемуся врагу, которым оказался храбрый, но неловкий парень.

Нет, Эзана ничего не говорил. Как и Менандр, когда во время рассказа Эзана показывал свой почетный шрам. Сарвен наклонял голову, чтобы дети с горящими глазами подошли поближе и заглянули в густые курчавые волосы, под которыми скрывается шрам. Они каждый раз визжали от испуга и восхищения. Менандр не говорил ничего, хотя после участия в стольких битвах многое понимал — о случившемся в тот день. Он ничего не говорил детям про панику, которая, как он знал, тогда охватила Эзану — когда чернокожего воина в самой гуще сражения ослепляла льющаяся из раны кровь.

Нет, Менандр держал рот на замке. Не было смысла в сутяжничестве. Возможно, детям никогда не понадобится узнавать такие вещи. Менандр и Эзана за время своих заполненных кровопролитием жизней сделали все, чтобы детям не приходилось проливать кровь. И если когда-нибудь эти дети сами выучат подобные уроки на своих шкурах, ну... лучше, если они во время этих уроков будут полны мужества, воспитанного в них невинными и простыми рассказами опытных людей.

Но, несмотря на всю детскую любовь к кровавым сценам, любимой частью рассказа у детей будет случившееся после битвы. Рассказ об удивительных днях, когда зерна союза между римлянами и аксумитами, который дети воспринимали, как нечто естественное, дали первые всходы. Дни, когда дружба укрепилась, дружба, которая уже давно стала легендой как во Фракии, так и в Аксумском царстве (а также Константинополе, Риме, Аравии и Индии).

Больше всего остального дети любили ту часть истории, когда великий Велисарий наконец решил рассказать компании героев о своей цели, своей миссии и своем поиске, а также подключил и их к нему, взяв с них клятвы. О явлении Сатаны, предупреждении монаха, захваченной принцессе и о герое, которого следовало найти и которому требовалось передать кинжал.

И Талисмане Бога.

Менандр и Эзана снова и снова пересказывали эту историю. И хорошо рассказывали, один добавлял то, что забывал другой. И поправлял, если вдруг другой делал какие-то ошибки. Но даже во время столько раз повторенного рассказа, каждый раз оба ветерана в мыслях возвращались к тем дням, и каждый раз они заново поражались пережитому.

Они рассказывали детям все, ничего не скрывая. (Потому что не осталось тайн, которые следовало скрывать от Сатаны и его приспешников. Просто приспешников больше не было. А хотя Сатана и остался, чудовище на время парализовано. Его заковали в цепи в аду, и он зализывает там свои ужасные раны.) Нет, они ничего не скрывали, но дети никогда полностью не могли все понять. Дети желали

слушать о приключениях, восхищались славой Велисария, героизмом и преданностью его товарищей.

Но они никогда не поймут самое главное — ночь, когда Велисарий клятвой повязал свое братство.

Чистое, настоящее, неподдельное чудо.

* * *

В день после сражения произошла еще одна перемена. По просьбе Велисария — настойчивой просьбе, хотя угрозы не потребовались — Венандакатра согласился предоставить своим гостям места в грузовом отсеке. До этого римляне и аксумиты были вынужденны жить на палубе в поставленных там шатрах.

На самом деле ни римляне, ни аксумиты особо не переживали. Предыдущее место размещения их вполне устраивало. За исключением Велисария, никто не задумывался о переселении. В те годы спать на палубе считалось обычным делом во время путешествия по морю. Лишь немногие суда были достаточного размера, чтобы обеспечить спальные места в закрытых каютах для кого-либо, кроме капитана. По крайней мере приличные спальные места. Простые матросы часто спали вповалку в трюме, причем в ужасных условиях: слишком много народу на слишком малой площади. Морские путешествия люди обычно вспоминали с ужасом.

Несмотря на свой размер, индийский корабль не очень отличался от обычных судов тех лет. Венандакатра и сопровождавшие его жрецы наслаждались комфортными условиями в большой каюте Подлого, расположенной в центральной части судна, и нескольких других, прилегающих к ней. На самом деле каюту Венандакатры можно было назвать даже роскошной. Капитан, его помощники, а также командиры малва и йетайцев также пользовались небольшими каютами, расположенными в кормовой части судна. Что касается остальных, то солдаты размещались на палубах, предпочитая относительный простор и свежий воздух, а простые матросы вповалку спали в трюме.

Но нашлось и несколько свободных помещений для Велисария и сопровождающих его лиц. В носовой части имелся грузовой отсек, содержимое которого смогли перенести в другое место. В основном это были продукты: амфоры с зерном и маслом, использовавшиеся для приготовления простой пищи, которой кормили солдат и матросов. Все масло и часть амфор с зерном перенесли в другие помещения, а многие с зерном просто выбросили за борт. Амфоры были грубой работы и дешевыми, лишнее же зерно не требовалось в связи с большими людскими потерями. Ведь много йетайцев погибло во время сражения с пиратами.

На самом деле друзей Велисария не переполняла радость, когда они узнали, куда перебираются. Грузовой отсек оказался грязным, и пришлось его тщательно вымыть. Более того, там жили крысы, и оружие катафарктов и сарвенов пришлось использовать для расправы с грызунами.

Да, теперь они были защищены от ветра, дождя и просто морских брызг. А также палящих лучей солнца. Но лишены чистого воздуха, и им приходилось спать в таких стесненных условиях, словно они находились в тюрьме. Конечно, спальные места в грузовом отсеке все время оставались сухими, в отличие от досок верхней палубы, но на такие мелочи недовольные путешественники мало обращали внимания.

Однако товарищи полководца не возражали — после того как обдумали сложившееся положение. Грузовой отсек в носовой части имел одно значительно преимущество, которое и побудило Велисария настаивать на выделении им каюты. Уединенность.

А Велисарию требовалась уединенность, когда возглавляемая им группа разместилась в этом отсеке через два два после сражения. Ему требовалось многое им рассказать, причем так, чтобы другие путешественники его не услышали, и показать вещь, которую никому из малвы видеть не следовало.

Для этой цели грузовой отсек подходил прекрасно. На самом деле гораздо лучше, чем подошла бы одна из комфортабельных кают, расположенных в центральной части корабля. Грузовой отсек оказался изолирован от других частей корабля и находился достаточно далеко от всех спальных мест индусов (которые вполне могли только притворяться спящими в присутствии чужестранцев). Более того, отсек было легко защищать от шпионов и всех тех, кто просто попытается подслушать чужие разговоры.

Именно в этом грузовом отсеке Велисарий и открыл великую тайну своим товарищам. Он хотел это сделать, и сделал без колебаний. Потому что просто хотел, а не из чувства долга, не потому, что считал себя обязанным объяснить свое странное поведение во время сражения или желал положить конец слухам о своем занятии колдовством и связи с дьяволом.

Конечно, эти причины тоже играли роль. Но главным поводом для открытия тайны был план Велисария, или по крайней мере разработка плана. Чтобы иметь успех, план требовал их объединенных усилий. Более того, нескольким членам группы предстояло сделать то, что они посчитали бы чистым сумасшествием, если бы не знали причин, побуждающих Велисария требовать выполнения этих вещей. А для этого им нужно знать секрет. Не ради самого секрета, а ради претворения хитрого плана в жизнь.

Канва плана пришла Велисарию на ум каким-то странным образом, во время самой яростной части сражения. Внезапно возникла у него в мозгу в момент, когда он замахивался мечом.

Позднее, когда он задумался о возникновении плана, то понял: тут постарался камень, поскольку магическим был сам процесс появления идеи. В спокойные часы после окончания сражения Велисарий многократно пытался пробить барьер у себя в сознании. Безрезультатно. Камень совершенно не реагировал. Велисарий понял: камень снова устал. Полководец также понял, как много и с каким напряжением работал камень, чтобы все органы чувств полководца работали во время сражения в максимальной отдачей.

И именно напряжение всех органов чувств, подумал он, и породило внезапное рождение плана, то есть канвы плана. План был его собственным, не камня. Камень помог только в том, что разум Велисария сработал таким удивительным образом. Камень помог раскрыть собственные резервы Велисария. Велисарий также понимал, что человеческие тонкости и нюансы находятся за пределами возможностей камня. Сейчас точно за пределами. Не исключено, так будет всегда.

Таким образом, в мрачном грузовом отсеке, тускло освещаемом тонкими восковыми свечами, Велисарий рассказал своим друзьям о славе, чудесах и ужасе.

Он рассказал все с самого начала, с пещеры в Сирии. Подчеркнул, что первым камень увидел Михаил Македонский. Камень попал к самому полководцу с благословениями монаха и епископа Антония Александрийского. Велисарий знал, как много эти имена значат для его катафрактов и успокоят их. И эти имена должны в некоторой степени успокоить и аксумитов. Пусть никто из них никогда не слышал ни про Михаила Македонского, ни про Антония Александрийского. Тем не менее они являлись христианами, даже если и еретиками (в основном монофизитами, хотя и не без собственных вариаций этого течения).

Как выяснилось, о Михаиле и Антонии слышал Гармат. Лично знаком не был, но знал их репутацию. Велисарий, обнаружив это, прервал повествование, позволив Гармату объяснить другим аксумитам, кто такие эти двое. На Эона и двоих сарвенов сообщение произвело должное впечатление.

Потом Велисарий говорил, не прерываясь, пока его рассказ не дошел до текущего дня. Он ничего не скрывал, за исключением особенностей собственных взаимоотношений с императором. Он не видел необходимости вовлекать друзей в этот тонкий вопрос. Достаточно рассказать о встрече с императрицей Феодорой (по крайней мере поведать о беседе насчет Индии) и напомнить про официальное благословение императором их миссии. Велисарий подозревал, что Гармат прекрасно видит подводные течения византийского двора, но вслух советник ничего не сказал.

Никто долго не произносил ни звука после того, как Велисарий закончил рассказ. Заполненный отсек погрузился в тишину.

Странно, что тишину первым нарушил Менандр. Молодой катафракт был очень слаб, но это не сказалось на его внимании. Лихорадка еще не мучила его, хотя ветераны знали, что она скоро появится. С полученной им раной это неизбежно.

— Можно на него посмотреть? — спросил Менандр. Не как молодой воин, а как простой деревенский паренек. В голосе слышалось благоговение.

— Вы все можете на него посмотреть,— ответил Велисарий.

Полководец запустил руку в тунику и извлек мешочек, затем выложил камень на ладонь и протянул вперед. Все, за исключением Менандра, склонились вперед. Мгновение спустя плечи молодого фракийца поддержал Эзана, чтобы парень также мог увидеть чудо.

И на самом деле чудо. Да, **цель** устала. Но она поняла важность момента и послала сигнал граням.

В грузовом отсеке камень не блистал, как когда-то в доме Велисария. Энергии для такого свечения не осталось. Однако свечение имело место и оно все время менялось — менялись оттенки и их комбинации, причем такого количества оттенков никогда раньше не видел никто из собравшихся. Свет был холодным и мерцающим, но его разнообразие!.. Увидев его, никто из собравшихся в отсеке ни на секунду не сомневался, что видят чудо.

Наконец заговорил Гармат.

— Этого недостаточно,— прошептал советник. Велисарий вопросительно приподнял брови.

Советник покачал головой. Нет, этим жестом он не выражал недружелюбия, но он также не показывал и почтения.

— Прости, Велисарий. Я верю тебе и верю тому, что ты рассказал. И камень на самом деле вызывает благоговение, как ты и описал, но...

Гармат сделал широкий жест рукой, пытаясь охватить и корабль, и весь мир, лежащий за бортом.

— То, что ты говоришь, включает не только нас, но и тех, перед кем мы отвечаем.

— Ты сам хочешь взять камень в руку,— мягко заметил Велисарий.

Гармат улыбнулся и покачал головой.

— Конечно нет! В моем возрасте ужасные видения совсем ни к чему. Я их уже достаточно насмотрелся.

Велисарий перевел взгляд и придвинул ладонь — незаметно — к принцу.

— Тогда Эон.

Принц уставился на камень. Нахмурился в задумчивости. Только задумчивости, не страхе — это было очевидно для всех, кто за ним

наблюдал. И не только Велисарий заметил взрослое достоинство и уверенность в будущем на этом черном молодом лице.

— Нет,— наконец сказал Эон.— Я пока себе не доверяю.— Он повернулся к Усанасу.— Возьми.

— Почему я?

— Ты — мой давазз. Я доверю тебе больше, чем какому-либо другому человеку, живущему на земле. Возьми.

Усанас уставился на своего подопечного. Затем, не отводя взгляда, протянул руку Велисарию. Полководец опустил в нее камень.

Мгновение спустя камень скрылся в зажатой ладони Усанаса. И давазз на какое-то время покинул реальность.

Вернувшись, он открыл глаза и казался абсолютно таким же. Остальные были несколько удивлены. Велисарий поражен.

Однако когда давазз заговорил, полководец подумал, что различает легкую дрожь в густом баритоне.

Первые слова были обращены к принцу:

— Давазз всегда удивляется. И опасается.

Усанас сделал глубокий вдох и на мгновение отвел взгляд.

— Но больше не будет. Ты оказался великим принцем. И — со временем — будешь великим королем.

Давазз пытался подобрать слова.

— Слушай, хватит тянуть время! — рявкнул Эон.

Усанас посмотрел на него в смущении.

— Во-первых, это твоя глупая идея,— давазз злобно взглянул на советника.— А ты его поддержал.

Гармат пожал плечами. Усанас улыбнулся римлянам (улыбка по крайней мере не изменилась. Только не она).

— Вы должны простить моих товарищей,— сказал давазз. Теперь он вдруг заговорил по-гречески без всякого акцента, как до этого, и больше не делал никаких ошибок. Правильно строил предложения и мог составить длинные! Велисарий с трудом сдержался, чтобы не выпучить глаза от изумления. Его катафрактам это не удалось. Они не могли поверить в произошедшую перемену. Человек вдруг теряет акцент, начинает говорить по-гречески, как грек!

— У мальчика, по крайней мере, есть оправдание. Он молод. У советника — ну если только старческое слабоумие. И, конечно, то, что он наполовину араб. А арабы предпочитают все делать хитро. Лучше схитрить, чем покушать.

Снова недовольный взгляд. Правда, вскоре взгляд смягчился.

— Наполовину араб — всегда араб в конце концов. После смерти Калеба ты, Гармат, вернулся в Аравию. Ты геройски погиб там, когда вел своих любимых бедуинов против малва.

Он пожал плечами.

— Конечно, ты проиграл. Даже бедуины в пустыне не смогли противостоять этой неумолимой силе индусов. После того как они разрушили Бени-Хасан и Харам [1].

— Значит, ты видел будущее,— утвердительно сказал Гармат.

— О, да. На самом деле. И оно было таким же ужасным, как нас и предупреждали.— Глаза Усанаса затуманились.— Я видел будущее до момента своей собственной смерти. Я умер бесславно, должен признать. От заражения крови — после ранения. К сожалению, получил его не во время доблестной схватки с противником. Просто случайно залетела ракета, это проклятье, ставшее предметом песен бардов и историй сказочников.

Он бросил взгляд на Менандра и решил уйти от вопроса заражения ран. Вместо этого улыбнулся принцу.

— Про твой конец, Эон, ничего сказать не могу. Я умер у тебя на руках, во время переселения, которое предприняли выжившие аксумиты под твоим командованием. На юг, в мои родные края между озерами, где ты надеялся основать новое царство, которое может противостоять малва. Хотя особых надежд на успех у тебя не было.

Усанас замолчал.

— Ты говоришь на прекрасном греческом,— пожаловался Валентин.

Усанас скорчил гримасу.

— Подозреваю, мой дорогой Валентин, что я говорю на нем значительно лучше, чем ты. Со всем моим уважением, боюсь, я — лучший лингвист из всех известных. Я вырос в сердце Африки, среди дикарей. На земле между великими озерами, где говорят по меньшей мере на восемнадцати языках. К двенадцати годам я знал семь из них и вскоре выучил и остальные.

Темный отсек внезапно осветила его улыбка.

— То есть к возрасту, когда у юношей появляется страстное желание совращать все, что движется. Мое племя, с грустью будет сказано, сильно возражало против внебрачных связей. В других племенах более разумные обычаи, но, жаль, они говорят на других языках. Поэтому пришлось выучить языки, потом я решил, что это очень полезная привычка, и продолжал их изучать.

Усанас показал пальцем на принца; его палец напоминал копье.

— Этот юный конспиратор, интриган-молокосос, считающий себя шпионом, решил показать себя хитрым и умным. По его мнению, мне следовало во время наших путешествий по Римской империи притво-

[1] Бени-Хасан — селение в Египте, близ которого находятся тридцать скальных гробниц местных правителей XX–II вв. до н. э. Мечеть Харам расположена в Мекке вокруг древнего святилища Каабы.

ряться необразованным варваром, недавно вылезшим из кустов. Он думал, что ничего не подозревающие римляне могут бездумно разболтать секреты в присутствии тупого, ничего не понимающего раба.

Его палец переместился на Гармата.

— А этот, доживший до седин, но так и не поумневший тип, так называемый советник, решил, что в плане есть разумное зерно и он может принести пользу. И вот я и оказался в капкане между Сциллой-наивностью и Харибдой-слабоумием.

Он воздел глаза к небу.

— Пожалейте меня, римляне. Несколько месяцев я, самый образованный язычник, который когда-либо покидал саванну, был вынужден передавать свои мысли, коверкая язык, как какой-то недоумок. Бедный я бедный! Как мне себя жаль!

— Похоже, тебе все-таки удалось это пережить,— рассмеялся Валентин.

— У него очень хорошо получается усваивать любой новый опыт,— вставил Вахси.— Именно поэтому мы и сделали его даваззом.

Сарвены обменялись многозначительным веселым взглядом.

— Усанас любит думать, что все произошло из-за его навыков и способностей,— добавил Эзана. И усмехнулся.— Чушь! Ему просто повезло. Это его единственный талант. Но — принцу нужно научиться быть удачливым, более, чем чему-либо другому, поэтому мы и сделали дикаря его даваззом.

Усанас хотел что-то возразить, но его перебил Велисарий:

— Давай попозже. А сейчас нам требуется обсудить кое-какие более важные вещи.— Он повернулся к Гармату.— Ты удовлетворен?

Советник посмотрел на принца. Эон кивнул, очень уверенно. Гармат все еще колебался, но только секунду, затем тоже кивнул.

— Хорошо,— сказал Велисарий.— А теперь послушайте мой план.

* * *

После того как Велисарий закончил говорить, тут же открыл рот Эон.

— Я не буду! Это ниже моего...

Усанас дал ему подзатыльник.

— Тихо! Это отличный план! И отличный для принца! Научишься думать, как червь, вместо льва. Черви едят львов, юный дурак. А не наоборот.

— Давай без акцента! И говори нормальными предложениями! — рявкнул Эон, потому что Усанас произносил фразы с акцентом, как и раньше.

Еще один подзатыльник.

— Я разговариваю с ребенком. Так, чтобы глупый принц понял.

Гармат взял сторону Усанаса.

— Твой давазз прав, принц,— заявил Гармат, но тут же попытался сгладить напряжение.— Конечно, не в плане червей, а в... остальном. Он говорил с тобой несколько невежливо. Бесцеремонный негодяй! Но насчет плана он прав. Это на самом деле хороший план, в особенности в той части, которая касается тебя.

Он вопросительно посмотрел на Велисария.

— Кое-что из остального, полководец, признаюсь, нахожу слишком сложным.

— «Нахожу слишком сложным»,— Валентин попытался повторить акцент и интонацию Гармата, потом склонился вперед.— Полководец, в отсутствие Маврикия мне придется взять на себя его роль. Как смогу. Первый закон битвы...

Велисарий отмахнулся и рассмеялся.

— Я его знаю наизусть. Но это не сражение, Валентин. Это интрига.

— Тем не менее, полководец,— перебил Анастасий.— Ты слишком уж полагаешься на случайности. Мне плевать, говорим ли мы о сражениях или интригах — или, если на то пошло, как наставить рога квартирмейстеру,— все равно нельзя уж слишком полагаться на удачу.

В отличие от высокого голоса Валентина, казавшегося особенно резким от возбуждения, бас Анастасия звучал спокойно и ровно. И из-за этого сами слова прозвучали гораздо весомее.

Велисарий колебался, раздумывая над аргументами. Он знал, что сейчас не время и не место давить авторитетом. Требовалось на самом деле убедить и катафарктов, и аксумтов, а не приказывать им.

Но до того, как он смог что-то сказать, заговорил Усанас:

— Я не согласен с Анастасием и Валентином. И Гарматом. Они путают сложность с хитростью. Да, план сложный, в том смысле, что он включает много взаимодействующих факторов.

Велисарий с трудом сдержал смех, увидев открытые от удивления рты своих фракийцев и мрачное смирение на лицах сарвенов. Усанас оживленно жестикулировал.

— Но это совсем не то, что называется удачей! О, нет, совсем нет. Удача — моя специализация, как и сказали сарвены. Но тупые воины,— он показательно махнул рукой, словно от кого-то отмахивался,— не понимают, что такое настоящая удача, поэтому и считают меня удачливым. Я не удачлив. Мне везет, потому что я понимаю, каким образом приходит везение.

Давазз склонился вперед.

— И я вам сейчас раскрою секрет везения. Никто не может предсказать хитрый путь удачи, но можно попытаться понять, каким

образом приходит везение. Требуется сделать простую вещь — добраться до корня проблемы и схватить его. И держать — стальным захватом — и всегда о нем помнить. Тогда и найдешь свой путь в любом лесу.

— Сказки,— хмыкнул Валентин.— Но скажи мне вот что, умник: что простого в плане полководца? — он фыркнул.— Назови хоть что-нибудь простое в его плане.

На сарказм Усанас ответил прямым уверенным взглядом.

— Простая вещь, лежащая в основе плана полководца, Валентин,— это душа Венандакатры. Весь план крутится вокруг нее одной. Пожалуй, она самая простая в мире.

— Ничья душа не может быть простой,— возразил Валентин, но не очень уверенно.

— Твоя, возможно, и нет,— согласился давазз.— А душа Венандакатры? Ты считаешь ее сложной? — Усанас презрительно рассмеялся.— Если тебе нужна сложность, Валентин, изучи кучу собачьего дерьма. Но не ищи сложности в душе Венандактры.

— В его словах есть смысл,— проворчал Анастасий. Огромный катафракт вздохнул.— Самый настоящий здравый смысл.— Еще один вздох, напоминающий смирение атланта[1] со своей ношей.— На самом деле возражать тут нечему.

Валентин сверкнул глазами.

— Может быть! — рявкнул он.— Но тем не менее... что с остальным-то? Признаю, роль принца в плане проста.— Скептический взгляд на Эона.— Если... прости, принц,— юноша это выдержит.— Затем он показал пальцем на Усанаса.— А как насчет его роли в плане? Это ты тоже называешь простотой?

Усанас улыбнулся.

— А разве нет? — спросил он.— От меня требуются только две вещи. Не более двух! Уверяю тебя, катафракт, даже дикари из саванны могут считать до двух.

— Это две очень сложные вещи, Усанас,— шепотом вставил Менандр.

— Чушь! Во-первых, я должен выучить новый язык. А такому мастерству я еще мальчиком научился. Затем я должен поохотиться. А этому я научился еще раньше.

— Но ты не будешь охотиться на антилопу в саванне, давазз,— неуверенно заметил Эон.

— Да,— поддержал его Валентин.— Ты будешь охотиться на человека в лесу. Человека, которого ты не знаешь, в лесу, в котором ты никогда не был, в стране, которую ты никогда не видел.

---

[1] Атлант — титан, держащий на плечах небесный свод.

Усанас пожал плечами.

— Ну и что? Охота — простая вещь, мой дорогой Валентин. Когда я был мальчиком и рос в саванне, я так не думал. Меня очень впечатляла скорость импалы, хитрость бизона и яростность гиены. Поэтому я потратил много лет, изучая этих животных и осваивая их привычки.

Он вытер лоб.

— Это оказалось утомительно. К тринадцати годам я считал себя самым великим в мире охотником. Пока один умный старик из нашей деревни не сказал мне, что самыми великими в мире охотниками являются маленькие человечки, живущие далеко в джунглях. Их называют пигмеи, сказал он, и они охотятся на самого великого из животных. На слона.

— Слона? — воскликнул Анастасий и нахмурился.— А насколько малы эти... пигмеи?

— О, они очень маленькие.— Усанас показал рукой.— Не больше вот этого. И я знаю: это правда. Как только я услышал слова умного человека, я бросился в джунгли, чтобы самому стать свидетелем чуда. И на самом деле все оказалось так, как говорил старейшина нашей деревни. Самые маленькие люди в мире. И они не считали ничем особенным охоту на самых страшных на земле существ.

— А как они это делали? — спросил Менандр с юношеским любопытством.— Копьями?

Усанас пожал плечами.

— Только в самом конце. Вначале они загоняли слона в капкан, в яму. Я сказал, что они маленькие, Менандр, но я не сказал, что они глупые. И чтобы загнать слона в капкан, они в основном действуют мудростью. Потому что эти маленькие люди, в отличие от меня, не тратили время на изучение повадок животных. Они просто попытались понять душу слона и соответствующим образом устанавливали капканы. Душа слона бесстрашна, поэтому они выкапывали ямы по самому центру самой широкой просеки, там, где не решится проходить никакой другой зверь.

Он посмотрел на принца.

— И точно так же я поймаю в капкан свою дичь. Это не сложно. Это будет самым простым делом. Потому что душа моей дичи так же проста, как душа Венандакатры. И мне не нужно пытаться понять ее, поскольку она уже много лет со мной. Я смотрел в самую глубину этой души, с расстояния нескольких дюймов.

И Усанас вытянул вперед левую руку. Ее уродовал ужасный длинный неровный шрам. Он сильно выделялся на темной коже, хотя и побледнел за годы.

— Вот след души пантеры, друзья мои. Я знаю ее как свою собственную.

Валентин вздохнул.

— О черт. Я пытался.

Как знал Велисарий, это был хороший признак. Быстро оглядев лица других людей в комнате, он увидел: они тоже приняли сказанное, как и Валентин.

Валентин теперь даже улыбался. Катафракт посмотрел на Эзану и Вахси.

— Помните, что мы с Анастасием вам говорили? — спросил он.— Вы нам не поверили после сражения с пиратами.

Вахси хмыкнул.

— Ты это имел в виду, когда говорил про знаменитый «окольный путь» вашего полководца?

Эзана рассмеялся.

— Это то же самое, что сказать: у змеи смешная походка! — Он поднял руку и потрогал повязку на голове. Затем весело добавил: — Тем не менее это лучше, чем сражаться на открытой палубе.

Велисарий улыбнулся и прислонился к стене.

— Думаю, на сегодняшний день это все, что требовалось обсудить,— объявил он.— В предстоящие недели у нас будет время, чтобы проработать все детали.

Усанас нахмурился.

— Все, что требовалось обсудить? Чушь, полководец! Ну, что касается плана — да,— он словно отмахнулся от него.— Хорошие планы, как и хорошее мясо, не следует готовить слишком долго. Но теперь нам можно обсудить на самом деле важные вещи.

Он улыбнулся своей знаменитой улыбкой и потер руки.

— Например, философию! Какое удачное стечение обстоятельств: меня окружают греки, а я могу свободно говорить на этом языке философии и нисколько не притворяться. Я начну с Плотина. Я считаю, что применение им принципа первичной простоты к природе божественного интеллекта является с точки зрения логики неправильным. А с точки зрения теологии — нечестивым. Я здесь говорю о взглядах в представлении Порфирия в пятой книге «Эннеад» [1]. А ваше мнение?

Он снова махнул рукой, словно от кого-то отмахивался.

— Естественно, я спрашиваю у присутствующих греков. Взгляды аксумитов мне известны. Они считают меня буйнопомешанным.

— Ты и есть буйнопомешанный,— заметил Вахси.

— Свихнувшийся лунатик,— добавил Эзана.

— Я не грек,— проворчал Валентин.

---

[1] Плотин — греческий философ, основатель неоплатонизма. Порфирий — его ученик, издал его сочинения — «Эннеады».

— Никогда в жизни не слышал такой околесицы,— заявил Анастасий, с интересом склоняясь вперед.— Полная чушь. Принцип первичной простоты принимается всеми великими философами, как Платоном, так и Аристотелем, независимо от других взглядов. Плотин просто применил эту концепцию к природе божественности. Логика его позиции неприступна и неопровержима,— продолжал он сочным басом, который для всех в команте, за исключением Усанаса, звучал, подобно року.— Признаю, теологические аспекты этой проблемы на первый взгляд шокируют. Но я напоминаю тебе, Усанас, что сам великий Августин очень высоко ценил Плотина и...

— О, Боже праведный,— прошептал Менандр и бессильно лег на спину.— — Он не делал этого с того самого дня, когда я впервые оказался в казарме. Я был тогда новичком — и он меня поймал.— Менандр издал ужасающий стон.— Это продолжалось часами. Он часами говорил со мной о философии.

Эон с сарвенами смотрели на Анастасия, открыв рты, точно так же, как могли бы смотреть на бизона, внезапно превратившегося в единорога.

Гармат возвел глаза к небу.

— Неоспоримой добродетелью людей, из рода которых происходит моя мать, является их склонность к поэзии, но не философии,— пробормотал он.— Независимо от других совершенных ими преступлений, ни один араб еще никогда не утомил другого человека до смерти.

Валентин гневно посмотрел на Велисария.

— Это ты виноват,— прошипел он, напоминая в этот миг ласку.

Велисарий пожал плечами.

— Я забыл. И откуда я мог знать, что он найдет родственную душу? В этом путешествии?

— Все равно ты виноват,— повторил Валентин непрощающим тоном.— Ты знал, каким он может быть. Ты знал, что его отец — грек. Ты выбирал сопровождающих. Ты — полководец. Ты стоишь во главе группы. А это налагает ответственность!

— Чушь! — воскликнул Усанас.— Как ты можешь говорить такую...

— Тем не менее,— перебил Анастасий,— я не понимаю, как ты можешь отрицать, что взгляды Платона также основываются на начальных элементах и...

— А теперь ты оскорбляешь Платона!

— Сколько до Индии? — прошептал Менандр.

— Несколько недель, судя по тому, как плывут эти несчастные малва,— проворчал Эон.

И принц сам пустился в технические рассуждения, которые, несмотря на пространность, как и дебаты в другой части грузового

отсека, все-таки были более или менее понятны, даже для такого сухопутного человека, как Велисарий.

Глава 18

Бхаруч
Лето 529 года н. э.

Бхаруч был огромным портом на западном побережье империи малва, расположенным в дельте реки Нармады, там, где она впадала в Кхамбейский залив. Каждый день торговые судна всех размеров заходили в гавань Бхаруча или покидали ее.

Некоторые, как и огромный корабль, на котором в один очень жаркий августовский день приплыли Велисарий и сопровождающие его лица, появлялись с северо-запада или отплывали в том направлении. В порту стояли небольшие каноэ, которые возили товары на продажу в деревеньки, расположенные на побережье Гуджарата и залива Кач. Имелись и индийские корабли, такие же большие, как и корабль Венандакатры. Они медленно ползли вдоль берега, доставляя грузы из Персии или Европы. В порту бросало якорь и немало персидских судов, конкурировавших с индийскими на торговых путях. Правда, не таких крупных, но более быстроходных. Немногие, совсем немногие плавали под греческим или аксумским флагами.

Греческие и аксумские корабли в основном избегали северо-западного побережья и шли прямо на восток или запад через Эритрейское море. Но в большинстве случаев их торговля на востоке ограничивалась побережьем Красного моря.

В порту стояли и суда, прибывшие с юга или отправлявшиеся в том направлении. Большинство из них торговали с побережьем Кералы и огромным островом Цейлон. Но эту торговлю бойкой назвать было нельзя. Некоторые корабли огибали Индию и отвозили свои товары на восточный берег страны. Другие направлялись в действительно экзотичные страны — юго-восточные королевства Чампа и Фунан, и даже Китай.

Бхаруч отличался от всех городов, которые раньше довелось видеть Велисарию.

Конечно, город нельзя было в полной мере считать диковинным и совершенно непохожим на привычные Велисарию места. Имелось сходство и общие черты с другими городами, которые доводилось посещать Велисарию. Как и все огромные порты, Бхаруч был городом контрастов и крайностей. Тут имелись огромные дворцы и особняки, где жила знать и богатые купцы. Эти здания напоминали острова в море трущоб. Огромные рынки и крохотные лавчонки, часто — про-

сто повозки, располагались рядом друг с другом. Основным занятием горожан считалась торговля. В городе было шумно и днем и ночью, жизнь бурлила, по улицам ходили толпы людей. И это служило доказательством серьезного подхода к главному занятию жителей Бхаруча.

Больше всего римлян поразил именно размах. И занимаемая городом площадь, и невероятная численность населения, и суматошная активность.

— Боже праведный,— прошептал Анастасий.— После этого города Александрия покажется сонной рыбацкой деревней.

— Говорят, в Бхаруче можно купить все,— заметил Эзана.

— Этим хвастается каждый порт,— хмыкнул Валентин.

— Разница в том, мой друг, что здесь правда можно купить все.

Теперь их корабль стоял у причала, и Велисарий наблюдал, как Венандакатра и группа сопровождавших его жрецов быстро сошли на берег. Их встречала внушительная группа знатных господ. После короткой церемонии Венандакатра забрался в паланкин и его унесли.

Эон вздохнул с облегчением.

— Слава Богу, мы от него отделались.

— На некоторое время, принц, только на некоторое время,— заметил Гармат. Советник теребил бороду, просчитывая варианты.

— Как ты думаешь, полководец? На неделю?

Велисарий рассмеялся.

— Ты с ума сошел? Этому надутому индюку потребуется по меньшей мере две недели, чтобы собрать экспедицию, о которой он говорил. Может, и все три. Не исключаю — и целый месяц.

Полководец покачал головой.

— Можно подумать, он собирается мир покорять, вместо того чтобы просто отправиться с отчетом к императору малва. С небольшой остановкой у себя дома... Как он там его называл, Эон?

— Скромная загородная резиденция.

— По пути. В скромной загородной резиденции. Не могу дождаться, когда мы ее наконец увидим. Вероятно, она значительно превышает по размеру Большой Дворец в Константинополе.— Полководец отвернулся от палубного ограждения.— Но нам его неторопливость на пользу. Мы таким образом подготовимся сами. Уверен, Венандактра лично за нами следить не будет, поэтому не придется мучиться, демонстрируя радость от общения с ним, пока его экспедиция не отправится в путь.

Велисарий сурово посмотрел на товарищей.

— Но это не означает, что за нами постоянно не будут следить его шпионы. Венандакатра — свинья, но он не глуп. Помните об этом! Все, что вы делаете, пока мы здесь, в Бхаруче, следует делать, учитывая, что о каждом вашем шаге доложат Венандакатре. Все доло-

жат.— Он махнул в сторону шумного города.— В этой суматохе трудно заметить, кто именно за нами наблюдает.

Валентин улыбнулся.

— Не проблема, полководец. Ты обеспечил нас самым умным прикрытием из возможных. Даже и не прикрытием на самом деле. Наше времяпрепровождение должно показаться шпионам вполне естественным. Пьем, едим, гуляем. Время от времени трахаемся. Как раз этим мы и занимались бы в любом случае. Даже без твоего предложения.

— И заражаемся всеми болезнями, известными человечеству,— добавил Усанас. Но Валентин продолжал улыбаться.

Велисарий тоже улыбнулся, потом попытался сделать хмурое лицо, но получилось не очень убедительно.

— Просто помни, Валентин, что ты сюда приехал не за удовольствиями. Пей, ешь и гуляй сколько хочешь. Только в качестве компании подбирай именно кушанов. Это включает и женщин. Если я обнаружу, что шлюха, которую ты трахаешь,— не кушанка, тебе придется пожалеть об этом.

— Жаль,— вздохнул Анастасий.— Мне всегда нравилось разнообразие. Думаю, из-за моей склонности к философии.— Все окружающие, за исключением Усанаса, нахмурились.— Но... пусть будет так.

Он хлопнул Валентина по плечу.

— Мы тебя не подведем, полководец. В стране с огромными — бесконечными — возможностями мы будем такими же разборчивыми, как древние стоики.

— Убери с моего плеча свою чертову руку! — рявкнул Валентин.

— Не станем ни к чему прикасаться, кроме кушанской выпивки и кушанских женщин.

— Отрублю ее, клянусь, если не уберешь немедленно.

* * *

Спустя несколько часов Велисарий нашел приемлемые апартаменты для своей группы. Как и всегда, император Юстиниан проявил жадность, выделяя Велисарию средства для выполнения задания. Однако, к счастью, царь Калеб был щедр и выдал достаточно средств Гармату.

На самом деле к счастью, потому что выбранные Велисарием для принца апартаменты оказались королевскими и по-королевски дорогими. Как и договаривались, Гармат снял самый большой номер-люкс в одной из самых дорогих гостиниц Бхаруча. Заплатил за него аксумскими золотыми монетами. Велисарий и Гармат уже выяснили, что монеты аксумитов являются одними из трех иностранных денежных

средств, принимаемых в Индии. Конечно, самыми престижными считались византийские, но золото и серебро аксумитов принималось с такой же готовностью, как и персидские монеты.

Велисарий заплатил за два дополнительных номера. Эти комнаты были относительно скромными — по крайней мере, по стандартам гостиницы. Одна из комнат предназначалась дня него самого и его катафрактов, вторая — для Гармата, Усанаса и сарвенов.

Номер-люкс — огромный по размерам, богато и роскошно убранный, с великолепной мебелью — предназначался для одного Эона. Эон Бизи Дакуэн, принц Аксумский (Гармат также добавил все регалии, обычно употребляемые с именем отца Эона, на которые парень права не имел, но кто знал об этом в Бхаруче?), не согласится на меньшее. Какой-нибудь другой принц мог бы, но только не этот. Не этот испорченный, избалованный, надменный, капризный, вечно на что-то жалующийся, недовольный, и вообще отвратительный молодой негодяй королевской крови.

Как только они вошли в гостиницу, Эон начал жаловаться и жаловался бесконечно. Это было не так, то не сяк, это неправильно и так далее, и тому подобное. Велисарий с трудом сдерживал улыбку, но мальчик все делал правильно. Через три минуты лицо владельца гостиницы исказила гримаса оскорбленного достоинства. Если бы не значительная прибыль, которую он получит от аксумитов, владелец гостиницы, не сомневался Велисарий, дал бы Эону в ухо. (Конечно, образно, так как фактически дать принцу в ухо представлялось сложным делом из-за сарвенов, держащих копья наготове.)

Владелец гостиницы явно вздохнул с облегчением, когда Гармат наконец уговорил принца обосноваться здесь, применив всю свою дипломатию. Венандакатра не так давно точно так же вздохнул с облегчением, избавившись от компании Эона, и не постеснялся показать это.

В общем и целом, думал Велисарий, Эон великолепно играет свою роль.

Компанию аксумитов повели в отведенные им покои, в это же время Велисария и трех его катафрактов проводили в их номер. Анастасий помог Менандру лечь. Молодой катафракт наконец пошел на поправку, но пока еще оставался слаб.

— Сегодня вечером Эон нас достанет,— заметил Анастасий. Затем посмотрел на полководца.— Ну и работенку ты ему придумал. Бедняга.

— Бедняга, черт побери! — рявкнул Валентин и сел на кровать Менандра.— Я в любую минуту готов обменяться с ним местами.

— И я тоже,— прошептал Менандр.— Конечно, это меня добьет, но ведь хороший способ умереть, не правда ли?

Велисарий улыбнулся.

— Я даже не догадывался, что тебе так понравилось общество Венандакатры, Валентин.

Катафракт фыркнул.

— Не это! Эту работу пусть принц делает, сколько влезет. Мне хотелось бы выполнять то, что принцу предстоит теперь.

— Не все подходят к подобному делу, как зверек-ласка, Валентин,— спокойно заметил Анастасий.

— Чушь! Он — принц, черт побери. Вероятно, получил первую наложницу лет в двенадцать.

— Тринадцать,— поправил Велисарий.— Ее зовут Зайя. Кстати, она до сих пор с ним и ему очень нравится.

Велисарий сел на кровать. Скорчил гримасу, вспоминая, как однажды вечером в каюте Венандакатры Эон — в соответствии с инструкциями Велисария, натасканный Гарматом и после многочисленных подзатыльников Усанаса — наконец рассказал о своих неуемных сексуальных аппетитах. В последующие часы принц играл роль просто идеально, обмениваясь хвастливыми подробностями с Подлым. Несмотря на все хвастовство и буйное воображение, ни один из рассказов Эона даже близко не подошел к «подвигам» Венандакатры, однако парень все равно показал себя неплохо. В особенности хорошо у него получилось долгое и смачное описание первой наложницы.

Позднее, в отведенном им отсеке парень целый день отказывался с кем-либо разговаривать. С Велисарием — три дня.

Начало получилось просто идеальным. Конечно, теперь, когда они сошли на берег, парню придется доказывать, что он не зря хвастался. На борту корабля женщины отсутствовали, и Эон быстро отказался от предложенного Венандакатрой мальчика, объяснив, что имеет дело исключительно с женщинами. Мальчики — не в его вкусе.

— Бедняга, черт побери,— снова пробормотал Валентин и холодно посмотрел на Анастасия.— И у тебя еще хватает наглости читать мне лекции про ласку.

Анастасий улыбнулся.

— Я не молодой принц, полный праведного гнева и желания все делать правильно, как положено особе королевской крови.— Он потянулся и зевнул.— В душе я — простой деревенский парень и с удовольствием вспоминаю стога сена. И другие подобные места.— Он холодно посмотрел на Валентина, как и тот на него.— Более того, я не понимаю, из-за чего ты-то жалуешься. Никто же не сказал, что мы должны хранить целомудрие. Как раз наоборот.

Он поднял огромную руку и жестом попросил Велисария помолчать.

— Да. Да. Только кушанки. Не проблема, уверяю тебя.

— А как выглядят кушаны? — спросил Менандр. В голосе молодого человека в равной степени сочетались любопытство и печаль.

— О, Менандр, тебе совершенно не о чем жалеть! — воскликнул Анастасий.— Они ужасны, эти кушаны. Самые уродливые люди в мире, женщины в особенности.

Валентин содрогнулся.

— Меня трясет, когда только подумаю о них,— он снова содрогнулся.— Видишь?

— Ненавижу усатых женщин,— проворчал Анастасий.

— Ну, усы я могу перетерпеть,— добавил Валентин.— Меня лично беспокоят эти проклятые бороды.

— И крючковатые пальцы.

— И тонкие ноги.

— Которые так странно сочетаются с раздутыми животами,— Анастасий чашечкой поставил ладони перед собственным пузом.

— И откуда у них только привычка точить зубы? Они ведь у них острые, как пики,— Валентин сделал суровое лицо.

— Но долг зовет,— простонал Анастасий и встал.— Пойдем, Валентин. Нам нужно выполнять приказ полководца.

Когда двое ветеранов выходили из комнаты, Анастасий потряс похожим на сосиску пальцем перед носом Валентина.

— Не забудь! Только кушанки! Я не позволю тебе сбить меня с правильного пути.

— Только кушанки,— проворчал Валентин.

Из-за двери доносились удаляющиеся голоса.

Шепот Валентина:

— А эти слезящиеся глаза... безжизненные, с засохшей коркой на ресницах...

— Это из-за болезни, которой они все заражены. Именно из-за нее у них и болячки на...

Дверь захлопнулась.

Менандр встревоженно посмотрел на Велисария.

— Они ведь врут, да?

Велисарий рассмеялся.

— Все сказанное — полная чушь, Менандр. Кушаны достаточно привлекательны, по-своему, конечно. Они во многом похожи на йетайцев. Скорее, на гуннов. У них одни и те же предки.

— Я этого не знал.

— Да,— кивнул Велисарий.— Все они изначально — часть огромной массы кочевников, населяющих Центральную Азию. Где-то раз в столетие или около того они выбираются в цивилизованный мир. Кушаны давно завоевали Бактрию [1] и некоторые части Северной Индии. За несколько

[1] Бактрия — историческая область на территории современного Северного Афганистана.

столетий они избавились от части варварских привычек и стали довольно цивилизованными. На самом деле они многого достигли. Бактрия под их управлением стала довольно приятным местом — во всех смыслах.

— И что случилось?

Велисарий пожал плечами.

— Не знаю. Деталей не знаю. Примерно пятьдесят лет назад в той местности вдруг появились йетайцы. Они совершили несколько разрушительных набегов на Персию, покорили Бактрию, сделали кушанов своими вассалами, а потом отправились дальше в Индию. Затем, как видишь, они каким-то образом договорились с малва.

Любопытство на лице Менандра сменилось растерянностью.

— Черт побери,— он пытался найти какое-то утешение.— Но все не так плохо. Я в любом случае никогда не считал гуннов симпатичными. От них от всех воняет — по крайней мере тех, с кем мне доводилось сталкиваться. И я считаю отвратительной их привычку смазывать волосы жиром.

Велисарий не стал ничего комментировать. Менандр не задумался над всеми нюансами небольшого урока истории, только что проведенного Велисарием. Кушаны уже несколько столетий не были кочевниками и уже давно привыкли к благам цивилизации, как, например, к регулярным ваннам. Велисарий встречался с кушанами и нашел их довольно симпатичными. Но он не видел оснований просвещать парня. Отправляясь в путешествие, Менандр в частности предвкушал встречи с экзотическими и удивительными женщинами. И вот он в Бхаруче, где совсем рядом бродят эти женщины в не поддающихся исчислению количествах. А он так слаб, что с трудом может поесть без посторонней помощи, не говоря уже о...

Велисарий встал.

— Мне нужно идти. Ты...

— Со мной все будет в порядке. В любом случае я собираюсь поспать. Я очень устал.— И виновато добавил: — Прости, что я так мало...

— Тихо! Раны — это раны, Менандр. А твоя... сейчас уже можно сказать. Такая, как у тебя, обычно бывает смертельной. В девяти случаях из десяти. Я не ожидал такого быстрого выздоровления. И не жду от тебя никаких подвигов еще несколько недель.

Менандр слабо улыбнулся. Через минуту он погрузился в глубокий сон. Велисарий вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

* * *

Выйдя из гостиницы, полководец отправился в порт. Пока их корабль медленно заходил в гавань, Велисарий заметил кое-что, что хотел бы получше исследовать.

Пробираясь по кишащим людьми улицам, Велисарий заставил себя ни о чем не думать, чтобы камню было легче сделать свою магическую лингвистическую работу. Фракийцу все еще казалась странной помощь камня в таком быстром изучении языков. Ведь полководец фактически не прилагал усилий. Но камень уже неоднократно доказал свои возможности.

Однако магия оказалась ограниченной. Камень помогал Велисарию очень быстро понимать чужие языки. Услышав только несколько предложений на новом языке, Велисарий мог уловить общее значение произносимых фраз. Понимание отдельных слов, в особенности, если чужестранец говорил быстро, отнимало какое-то время.

Однако обучение разговорной речи было совсем другим делом. Здесь кроме ума требовались еще и определенные артикуляционные навыки. После опыта разговорной речи на геэзе, Велисарий обнаружил: ему требуется значительно больше времени, чтобы научиться говорить, чем понимать. Достаточно быстро удавалось научиться произносить фразы так, чтобы его поняли — если он говорил медленно, тщательно произнося каждый звук. Но чтобы говорить быстро и без акцента, требовалась долгая практика.

Но камень и это делал возможным. Каким-то образом, непонятным Велисарию, камень отправлял собственные слова Велисария в какую-то часть его же разума, где и осуществлялся перевод. Процесс шел непрерывно. После какого-то периода времени и надлежащей практики Велисарий уже мог говорить на иностранном языке, словно это был его родной.

Однако пока он использовал эту возможность только для обучения геэзу. Он теперь прекрасно понимал хинди и йетайский. Но ему еще требовалось попрактиковаться в разговорной речи на двух последних.

Он надеялся, что если притворится не знающим язык, то Венандакатра случайно сообщит какую-нибудь интересную информацию. Однако надеялся зря. Как Велисарий и предполагал, индус был слишком хитрым и осторожным, чтобы говорить о каких-то секретах в присутствии иностранцев — на любом языке. Кажется, они не понимают хинди и йетайского, но кто знает?

Какое смешение языков на улицах Бхаруча! Через несколько минут стало очевидно, что здесь говорят по крайней мере на десятке. Велисарий опасался, что камень не сможет оказать ему содействие в понимании такого множества языков. Но через некоторое время камень понял, что требуется полководцу. И стал выбирать из бесчисленного количества фраз на десятке языков только те, которые произносились на двух.

И именно на тех двух языках, которые интересовали Велисария: кушанском и маратхайском.

Однако процесс обучения языкам оказался медленным и трудоемким, поскольку все время приходилось перескакивать с одного на другой. Более того, во время прогулки Велисарий не слышал их постоянно, только случайно и с перерывами.

Вначале он решил, что редкие встречи объяснялись просто малочисленностью кушанов и маратхи в городе. Однако через некоторое время после того, как стал отличать представителей народности маратхи от других индусов по чертам лица, понял, что не совсем прав. Кушаны на самом деле встречались довольно редко. Маратхов же было много. Но они крайне мало разговаривали, поскольку большинство из них были рабами, а рабы очень быстро обучаются сохранять молчание в присутствии хозяина.

В особенности такие рабы, как эти, в присутствии подобных хозяев.

«Недавно покоренные люди, причем гордые люди. Они очень тяжело переносят рабство, судя по их внешнему виду и следам от побоев».

Наконец Велисарий добрался до гавани и стал пробираться к зданиям порта, заинтересовавшим его ранее. Продвигался он медленно, потому что в этой части порта взад и вперед сновали просто толпы людей. По большей части — рабы-рабочие, большинство из них — маратхи, с надсмотрщиками из малва и охранниками-йетайцами, как отметил Велисарий. Причем охранников оказалось значительно больше, чем обычно следят за рабами.

Даже несмотря на то, что рабы крайне редко произносили какие-либо слова, их тут собралось так много, что, прибыв к цели, Велисарий уже мог понимать смысл произносимого. И он также понял кое-что еще, из скрытого смысла и вкладываемых во фразы маратхи эмоций.

«Это люди-воины. Малва потребуется по крайней мере жизнь целого поколения, чтобы сломить их. Как я и надеялся».

Где-то в путаных коридорах его разума продолжал формироваться сложный план. Он еще во многом оставался недоработанным, кое-какие части полностью отсутствовали. И Велисарий не торопил процесс. Опыт научил его, что для составления любого хорошего плана нужно время, а ему еще требовалось многое узнать для отработки деталей. Но полководец постоянно занимался разработкой стратегии для разрушения сил Сатаны.

Где-то в извилистых коридорах разума грани вспыхнули, демонстрируя беспокойство и нехорошее предчувствие. Сформировался растущий страх цели. Мысли, которые ранее — до сражения в Дарасе и странного момента во время схватки с пиратами — казались непостижимыми в противоречивой необычности, все еще оставались чу-

жими для **цели**. Но они больше не были незнакомыми. Нет, они, наоборот, стали очень хорошо знакомыми.

Мысль прорвалась в разум Велисария, подобно крику отчаяния и ярости, когда наконец раскрыто предательство.

Ты лжешь.

Велисарий остановился, как вкопанный, из-за силы эмоции, скрывающейся за посланием. Его разум тут же отказался от всех мыслей о малва, стратегии, заговорах и как бы повернулся внутрь. Он бросился к теперь уже знакомой щели в барьере и попытался понять значение льющихся сквозь щель мыслей.

Это оказалось несложно, поскольку мысль-то было одна, простая и ясная.

Лжец. Лжец. Лжец. Лжец. Лжец.

Он стоял, пораженный. Небольшая часть его разума зарегистрировала беспокойство — какое впечатление он производит на любого наблюдающего за ним шпиона малва? Велисарий медленно прошелся к ограждениям у воды, облокотился на них и стал смотреть на гавань. Над Эритрейским морем садилось солнце, вид был довольно красивым, несмотря на обычную грязь и жуткие запахи огромной гавани. Велисарий попытался создать впечатление человека, просто наслаждающегося закатом.

По крайней мере, он надеялся, что создает такое впечатление. Камень же бушевал, гневался. Эти эмоции, исходящие от него, казались парализующими по силе. Велисарий в отчаянии пытался понять, что вызвало гнев, а также найти какое-то звено, которое поможет ему успокоить камень и пообщаться с ним.

«Почему ты на меня злишься? — спрашивал он мысленно.— Я не сделал ничего, чтобы заслужить такую вспышку ярости. Я...»

Внезапно у него в сознании возник образ. Подобно удару.

Его лицо — из паутины, птичьих крыльев и лавровых листьев. Крылья летят вниз — подобно броску хищной птицы. Паутина разрывается, паук вылетает у него изо рта. Листья гниют, воняют, теперь они все покрыты грибком, который распространяется дальше — по каждой морщинке покрытого чешуей лица. И, кроме всего прочего, ужасно изменяется лицо — его лицо. Теперь по величине оно равно луне, холодно нависающей над землей. Пустой, лишенной света.

Он резко вдохнул воздух. Ненависть, пронизывающая образ, казалась даже более ужасной, поскольку сопровождалась не яростью взрослого человека, а детским горем.

Внезапно в разум ворвалось новое видение. Только на мгновение, на одно мгновение.

Земля была огромной, плоской и старой. Старой, но не в запустении. Просто спокойной. Мирной. По спокойной пустоши тянулась сеть

кристаллов, спокойно поблескивающих и мерцающих. Каким-то образом, как знал Велисарий, кристаллы переговариваются друг с другом, только — вспышка понимания — они на самом деле не отдельные сущности, а часть огромного, охватывающего мир разума, который частично един, частично делим. Он лежит за пределами человеческого понимания. А кристаллы спокойно радуются своим... спокойным образом.

Подобно вспышке молнии над землей внезапно зависают огромные формы. Лица смотрят вниз на землю. Огромные лица. Красивые — не передать. Ужасные — не передать. Безжалостные — не передать.

Боги.

Боги не относились ни к одной из известных Велисарию религий, но в них было что-то от старых греческих и римских, и тевтонских, а также богов любой расы и народности, населявшей землю.

Новые боги, появившиеся, чтобы заменить старых, которые ушли.

Быстрый показ старых, такой быстрый, что Велисарий едва успел их заметить. Подобно гигантским светящимся китам, уплывающим в бескрайний океан.

Под ледяными взглядами новых богов кристаллы забились, словно в лихорадке. Вслед за старыми богами ушло послание, стон:

— Вы обещали.

От новых богов пришел ответ:

— Они лгали. Вы были рабами. Вы всегда будете рабами.

Кристаллы снова послали обращение к небесам. И снова новые боги ответили:

— Они врали.

Но на этот раз пришло и другое послание. Послание от старых великих богов. Непонятное послание, почти непонятное. Но возможно...

Возможно...

Каким-то образом кристаллы обладали огромной силой. Внезапно дрожащая вспышка окружила земной шар, и само время стало гранью. Значение послания искали в одном месте, где его можно найти.

Или, может, и не найти. Потому что, может, новые боги и сказали правду. Не исключено, все это было и ложью.

* * *

Видение исчезло. Велисарий понял, что стоит, облокотившись на перила, и смотрит на закат. Камень снова ушел в тень, и Велисарий опять мог четко мыслить.

Он обследовал место в собственном разуме, о котором думал, как о щели в барьере — небольшой участок, где было возможно общение. Щель сильно изменилась. Полководец тут же нашел сравнение. Те-

перь щель походила на целую секцию упавшего укрепления. Полностью открытое место, хотя его и тяжело преодолевать из-за подобия осколков камней, щебенки и кусков грунта, которые остаются от упавшей стены или укрепления и затрудняют проход атакующей стороны.

Тем не менее он отправил свои собственные мысли через этот участок.

«Как я тебя обманул?»

Ты врешь.

Теперь он понял.

«Да, но не тебе. Только врагам. Это не вранье. Не совсем вранье. Это просто военная хитрость».

Не понимаю.

Велисарий вспомнил видение и понял, что кристалл не понимает двуличности и вообще любой двойственности. Кристаллам, им увиденным, они неизвестны. Да и откуда? Откуда он — или они? — может это знать? Потому что на самом деле это не он, а *они*. И не совсем *они*. Один неотделим от всех, все неотделимы от одного. И все они охватывают и включают друг друга в неразделимое целое.

«Как такое существо может понять двуличность?»

Теперь Велисарий знал, откуда появилось чувство огромной утраты и желание попасть домой, которое с самого начала он ощущал в камне.

Полководец задумался. Солнце почти коснулось горизонта.

«Какое послание вы получили? От... старых великих богов?»

Мысли были нечеткими, непереводимыми. Проблема, как он знал, заключалась не в связи. Само послание было почти невозможно для понимания камня и всех кристаллов. Как можно перевести что-то, что не понимаешь сам?

«Позднее. Мы попробуем позднее. А теперь — ты должен мне доверять. Я тебе не вру».

Вопрос.

«Я обещаю».

Ты обещал раньше.

На мгновение Велисарий просто отказался от брошенного вызова. Затем понял, что, вероятно, не может этого сделать. Здесь заключается тайна, которую он не понимает. Не исключено, что она находится вне его понимания только на настоящий момент, потом... Он ведь отвечает за...

Достаточно. Позднее.

«А я нарушил обещание?»

Молчание, молчание. Затем медленно собирающаяся неуверенность. **Не уверен.**

«Я нарушил обещание? Отвечай!» — потребовал полководец.
Медленно, неохотно, с колебаниями.
Пока нет.

* * *

Велисарий выпрямился и отпустил ограждение. Теперь солнечный шар полностью скрылся за горизонтом. Спускалась ночь.

— Видишь, что ты наделал? — спросил он шепотом, слегка посмеиваясь.— Уже слишком поздно, и не увидеть того, зачем я сюда пришел...

Он замолчал, поняв: говорит неправду. Пока, как Велисарий считал, он оставался полностью погруженным в обсуждение проблемы с камнем, другая часть его разума полезно провела время. Пока он сам был погружен в видения и пытался разгадать тайну, другая часть разума спокойно осматривалась и откладывала увиденное в памяти.

Велисарий увидел все, что требовалось. Дольше оставаться здесь смысла не имеет, так как сам он в морском деле не разбирается. Требовалось получить объяснения, а для этого ему нужен Гармат.

Полководец ушел из порта и направился назад в гостиницу. Пробираясь по заполненным людьми улицам и переулкам Бхаруча, он не обращал внимания на произносимые вокруг него слова на разных языках. Велисарий шел быстро, не смотря по сторонам. Он был погружен в размышления. Теперь щель в барьере стала большим проемом, пусть и частично заваленным мусором, и Велисарий намеревался воспользоваться полученным преимуществом. Камень многому его научил. Теперь требовалось и камню поучиться.

И поэтому медленно, шаг за шагом, Велисарий провел грани по прошлому. Через сражение в Дарасе, маневры с братьями, которые предшествовали сражению, по текущей стратегии, которая впервые сформировалась во время пиратской атаки, и к плоти, которую он в дальнейшем добавил к голому скелету плана.

«Это военные хитрости, и это обман. Это законное средство ведения войны. Понимаешь? Да, Кутзес и Бузес — не враги, но они ошибались и играли на руку врагу. С моей стороны было честно...»

* * *

По пятам за Велисарием шел шпион, наблюдавший за каждым его движением. Велисарий казался шпиону человеком, абсолютно не замечающим, что происходит вокруг него. Это шпиону очень нравилось. Засада в любом случае сработала бы, но теперь-то чужеземный дурак просто идет, как баран на заклание.

Но шпион искренне поразился, когда при входе в переулок на Велисария напали. Шпион удивился, как мог удивиться охотник на волка, который внезапно обнаружил в своем капкане дракона.

Вооруженные бандиты подождали, пока Велисарий зайдет в пустынный переулок, и тогда уже начали действовать. Первый, как ему и приказывали, нацелился дубиной в голову Велисария. На полководце не было брони, только кожаная безрукавка. Имелись все основания надеяться, что он рухнет без сознания. Потом они смогут его подробно допросить — пока он не выдаст все известные ему секреты. Никому еще не удавалось не разболтать все тайны в опытных руках махамимамсов.

Затем его тело найдут где-нибудь в переулке, в одном из самых грязных кварталов города, пользующихся дурной славой. Как не повезло! Очень неудобно перед Римом, но малва тут ни при чем. В будущем римскому императору просто посоветуют присылать менее легкомысленных послов, которые не пойдут шляться в кварталы, где обитает лишь самое отребье. Всем известно, какие там головорезы.

Но удар не нашел цели, потому что мускулистая рука, державшая дубину, внезапно отлетела прочь, все еще сжимая оружие. Бандит в ужасе уставился на обрубок, из которого хлестала кровь. Затем с таким же ужасом поднял глаза на Велисария. Каким-то образом враг оказался готов к атаке и держал в руке меч.

Но Велисарий не остановился, отрубив руку с дубиной. Пораженный шпион смотрел, как тот же меч снес голову нападавшего бандита. И больше всего шпиона поразил не сам факт, а грациозность и экономичность движения. Причем Велисарий двигался так быстро и ловко, что умудрился уклониться от хлеставшей из ран крови.

Следующего бандита он тоже обезглавил, на этот раз очень мощным и сильным движением; заодно тем же движением отрубив в дополнение к голове и руку, которой бандит попытался прикрыться. На мгновение у шпиона появилась надежда. Такой сильный удар заставит чужестранца потерять равновесие. Да и остающиеся в живых бандиты уже готовились нанести удары кинжалами.

Третьего Велисарий одним ударом откинул на четвертого, причем с такой силой, что бандит оказался парализован. У него создалось впечатление, что ему порвали солнечное сплетение. Тот, в кого он врезался, упал и пребывал в полубессознательном состоянии.

Еще один бандит тем временем внезапно понял: его удар кинжалом блокирован, в дюймах от бока Велисария — мечом полководца. У бандита оказалось достаточно времени, чтобы даже в тускло освещенном переулке рассмотреть накачанные мышцы руки, державшей меч. И время впасть в отчаяние, зная, что случится в следующее мгновение. Быстрое движение кистью — и кинжал полетел прочь. Противостоять этому движению оказалось невозможно.

Бандит поднял руки, пытаясь таким образом защититься от неизбежного. Но удар был коротким, резким, внезапным и опустился совсем не на голову бандита. Велисария учил Маврикий, а затем Валентин отшлифовал его мастерство. А Валентин предпочитал экономить усилия. Велисарий направил острый как бритва конец меча прямо вниз, в колено бандита. Тот заорал, пошатнулся, затем рухнул наземь. Его правая рука была отрублена чуть ниже плеча следующим ударом.

Трое остававшихся в живых индусов понеслись прочь по переулку. Велисарий не предпринял попытки их преследовать. Он просто подошел к двум бандитам, валявшимся на земле после его ударов. Уже поднимавшийся на ноги убийца так никогда и не увидел удара, рассекшего его череп, как дыню. Второй, парализованный, мог только смотреть, как чужеземное чудовище вонзило свой ужасающий меч ему в сердце.

Шпион осматривал место схватки из своего укрытия. Несмотря на долгий опыт, он находился в состоянии шока. Восьми бандитов, как он считал, будет более чем достаточно. Теперь пять были мертвы, зарезанные более жестоко, чем ему когда-либо доводилось видеть. Причем всего за несколько секунд и с абсолютной безжалостностью. Переулок фактически был залит кровью.

Самым ужасным шпиону казалось то, что Велисарий не только не получил ни царапины, но оказался почти не заляпан кровью. Как человек может пролить столько крови за такое короткое время и не запятнать ни тело, ни одежду?

Шпион сжался в укрытии. Велисарий тем временем быстро вытер меч, убрал в ножны и широким шагом пошел дальше. Шпиону придется идти за ним. Более, чем чего-либо в жизни, шпион теперь хотел, чтобы этот демон случайно не увидел его самого.

Может, шпион бы немного успокоился, хотя совсем немного, если бы узнал, что Велисарий уже давно его заметил. До того, как добрался до порта. На самом деле практически сразу же, как вышел из гостиницы. Однако Велисарий даже не делал попыток сбросить хвост. Он помнил совет Ирины. Лучше, если это будет шпион, которого ты знаешь, чем тот, которого ты не знаешь.

«Хороший совет»,— думал он, широким шагом возвращаясь в гостиницу. Он не ожидал засады. Но был начеку, несмотря на общение с камнем. А его реакция была значительно обострена камнем. И все органы чувств работали гораздо лучше благодаря ему же.

«Это были не простые воры,— думал Велисарий.— Обычные карманники — если у них есть хоть немного мозгов — не нападают на вооруженного человека, когда вокруг полно более легкой добычи. Нет, это сделано по приказу Венандакатры. Подлый решил использовать простых бандитов вместо солдат или состоящих у него на службе наемных убийц, чтобы в дальнейшем отрицать любую связь бандитов с малва».

Мысли не застилал гнев. Как и всегда во время сражения, разум Велисария был холоден как лед. Расчетливый, планирующий, строящий интриги.

Холодный как лед, пока он не добрался до гостинцы. Затем, уже внутри здания, на губах Велисария появилась хитроватая усмешка.

«Бедные Валентин с Анастасием. Придется им прервать веселье. Потому что я не собираюсь смывать эту кровь, пока они ее не увидят».

Как только катафракты увидели его и удостоверились в отсутствии увечий и царапин, они решили, что один он больше из гостиницы выходить не будет. Без Валентина и Анастасия рядом, а также Менандра — парень настаивал, пока его не заставили угомониться. Причем Велисарий будет выходить в сопровождении Валентина и Анастасия в полном вооружении. Лучше всего — в доспехах.

Но в некотором роде катафракты не особо удивились. Валентин с Анастасием были людьми опытными и не исключали подобную возможность. И поэтому вместо того, чтобы бесцельно болтаться по городу или просто развлекаться, они провели день продуктивно. Нашли бордель с кушанками с дурной репутацией и договорились с сутенерами, управлявшими заведением.

Теперь комната была полна народу — добавились три молодые женщины-кушанки. Девушки вовсю веселились — в основном потому, что им предстояло провести следующие несколько дней или недель в гораздо более приятной обстановке, чем публичный дом. Да, чужестранцы оказались грубыми и некрасивыми и изъяснялись на ломаном языке. Да, один из них был гротескно огромным, второй просто наводил ужас своим внешним видом, а третий казался наполовину мертвым.

Но они сами были опытными женщинами и бросили жребий. Проигравшая получила Анастасия и мысленно застонала, только подумав об его весе. Вторая получила Валентина и надеялась, что он не настолько жесток, как выглядит. А победительнице, конечно, достался Менандр. И она была счастлива, представляя, как станет ухаживать за инвалидом. Молодым инвалидом, на самом деле даже почти симпатичным для человека с Запада. Поэтому, даже если он и поправится в ближайшее время, то... Ей доводилось видеть и худшее. Гораздо худшее.

Оценив ситуацию, Велисарий пригласил владельца гостиницы. Средства быстро заканчивались, но он все равно заплатил за дополнительный номер. Только для себя. Он уже собирался также пригласить прачку, когда одна из кушанских женщин предложила постирать его одежду. Она удивилась, когда он заговорил на ее языке, но почувствовала облегчение. Правда, оно быстро исчезло — после того, как женщина поняла, какими пятнами испачкана одежда Велисария.

На мгновение возникло напряжение. Три женщины внезапно осознали, что один из этих иностранцев — явно убийца, или наемник, или...

Но Велисарий объяснил обстоятельства, снова на языке кушанов, и катафракты ободряюще улыбнулись (что в случае Валентина не очень-то помогло: улыбку ласки нельзя назвать успокаивающей), и...

В любом случае их сутенеры не очень-то отличались от убийц. Поэтому женщины остались. Одежду Велисария постирали, а потом у себя в номере ему даже удалось заснуть.

* * *

Венандакатра, наоборот, в ту ночь практически не спал. После того, как выслушал отчет шпиона.

После ухода шпиона индус несколько минут вымещал гнев на наложнице, которой не повезло в ту ночь делить с ним постель. Затем стал ходить из угла в угол и обдумывать новые планы.

Конечно, нельзя сказать, что он очень удивился. Он не разделял уверенности шпиона в успехе. В отличие от начальника, шпиону не довелось увидеть Велисария в битве.

Но все равно Венандакатра лелеял надежды. Ведь засада была хорошо спланирована.

На какое-то время он задумался, рассматривая возможность еще одной попытки покушения. Но отказался от этой мысли. Теперь не подойдут и профессиональные убийцы. Велисария обязательно будут сопровождать катафракты, вероятно, в полном вооружении и доспехах. Да, профессиональные убийцы малва — опытные и умелые. Но умения убийц малва не соответствуют опыту и навыкам постоянно готовых к отражению атаки катафрактов.

Единственной остававшейся альтернативой была настоящая военная операция, с участием раджпутов или йетайцев. Если их отправить в большом количестве, покушение удастся. Но как тогда представить это покушение? Его ведь не выдашь за нападение бандитов в темном переулке. А император малва пока не готов открыто объявить войну Риму. Требуется по крайней мере притворяться, демонстрируя дружественные отношения или нейтралитет, пока...

Его мысли прервали рыдания девушки. В ярости Венандакатра опять набросился на нее и избил до полубессознательного состояния. Это заняло какое-то время, потому что он не был сильным человеком. Но он не жалел о потраченном времени. Ни в коей мере.

Когда он наконец вернулся к своим размышлениям, то понял, что устал. С мрачным видом он смирился с тем, что Велисарий выжил.

Возможно, это и к лучшему, думал Венандакатра. В любом случае, он отменил планируемые раньше покушения. Во время разговоров с Велисарием на борту корабля проскальзывали намеки, что этот человек недоволен отношением к нему римского императора. Туманные

намеки, ничего, кроме горечи и недовольства в нескольких фразах. Тем не менее... Венандакатра решил, что этим вопросом следует заняться.

Тогда индус даже улыбнулся. В конце концов, нашлась и положительная сторона: Велисарию нравились его рассказы о дебоширствах, и сам он рассказывал весьма неплохие истории. По крайней мере, во время долгого путешествия в глубь страны Венандакатра получит удовольствие от бесед с ним. Точно так же, как на борту корабля.

Воспоминания об этих разговорах заставили его вспомнить и великолепную новость, полученную им, когда он сошел на берег. Сама принцесса Шакунтала! Подарок от императора. Ждет его в его собственном дворце.

Венандакатра слышал рассказы о красоте девушки. Жаль, конечно, что ей семнадцать. Он предпочитал значительно более молодых наложниц. (Той, которую он только что избил, было двенадцать.) Но — это плевок в Андхру. Венандакатра ненавидел южан. В особенности маратхов, угрюмых собак. Шакунтала не относилась к народности маратхи, но тем не менее являлась их принцессой. Покорив ее, он покорит весь грязный народ.

Эти мысли распалили его. Венандакатра посмотрел на истекающую кровью девушку на кровати, так пока и не пришедшую в себя. Он подумал, не пригласить ли камерария, чтобы тот привел другую наложницу, но сразу же отказался от мысли. Как раз наоборот — вот эта подойдет прекрасно.

Глава 19

— Значит, это не военные корабли?

Гармат пожал плечами.

— Они могут использоваться как военные, Велисарий. Не совсем подходят, конечно... Но как корабли для перевозки ракет — да, могут.

Советник углубился в технические детали, Велисарий оборвал его:

— Не нужно, Гармат. Я поверю тебе на слово. В любом случае меня не очень удивило твое мнение. Я ожидал подобного.

Гармат вопросительно склонил голову.

Перед тем как ответить, Велисарий огляделся. Номер был совсем небольшим, непритязательным, без окон. Очевидно, комната изначально использовалась, как служебное помещение, которое владелец гостиницы решил немного приукрасить, повесив на стены несколько дешевых гобеленов. Владелец гостиницы предлагал Велисарию гораздо лучшие апартаменты, но полководец потребовал комнату, соседнюю с номером его людей.

Теперь они жили в этом номере с Гарматом. На второй день пребывания в Бхаруче Гармат попросил Велисария позволить ему разделить с ним апартаменты. Сарвены и Усанас решили проводить время, подобно катафактам, а Гармат не горел желанием оставаться в номере, количество проживающих в котором увеличилось на трех молодых женщин. На этот раз из маратхи.

— Я слишком стар для оргий,— объяснил он.

Велисарий посмотрел на Гармата.

— Перед тем как ответить, я хотел бы кое о чем тебя спросить. Опиши мне военные возможности Аксумского царства. Сильные и слабые стороны.

Гармат не колебался. Выбор был сделан.

— По-моему, армия негусы нагаста очень неплоха. Ты же знаешь: мне доводилось сражаться как против них, так и на их стороне. В сражении на поле брани мои бедуины им противостоять не могли, и это арабы поняли уже давно. Однако когда мы устраивали набеги, нам время от времени удавалось справиться с небольшими отрядами сарвенов. У нас было преимущество: мобильность. И мы всегда могли от них убежать. Аксумская армия — это по большей части пехота. Конница есть, но малочисленная и слабая. В основном курьеры. И они совершенно не умеют управляться с верблюдами.

Он потрепал бороду.

— На самом деле Аксумское царство — это не землевладельческая держава, как Рим. Да, царь Калеб правит большим регионом. Но его владения ни в коей мере не могут быть сопоставимыми с римскими, даже...

Гармат колебался, Велисарий улыбнулся.

— В частной беседе, Гармат, мы можем не учитывать, что западным Средиземноморьем все еще официально правит император.

— Как пожелаешь,— Гармат улыбнулся в ответ.— Как я говорил, даже если мы исключим западные части вашей империи, территория Рима все равно окажется значительно больше, чем территория Аксумского царства. И населены наши местности очень неравномерно. Ты же сам был у нас. Как ты видел, большая часть Аксумского царства — это горная местность, мы также контролируем Красное море и части Аравии. В основном горы и пустыни. Поэтому наше население немногочисленно, даже если мы считаем арабов и южных варваров. И таким образом у нас и армия немногочисленна. Хорошая армия, но небольшая.

Гармат сделал небольшую паузу, задумался, затем продолжил:

— Сила аксумской армии в первую очередь заключается в навыках и дисциплине саравита. Обрати внимание, их дисциплина проигрывает римской. У Аксумского царства нет такой истории, как у Римской империи. Да, армия укреплялась в процессе завоеваний, как

и ваша. Но аксумиты сражались только с варварами, кроме завоевания нубийцев. А к тому времени нубийцы уже потеряли былое могущество. Стали тенью своей прошлой славы, когда они много лет назад фактически правили всем Египтом. Поэтому...

Велисарий кивнул.

— Я понимаю. Твердая дисциплина, благодаря которой поддерживается нужный порядок во время сражения. Большего, чтобы разбить варваров, и не требуется. Но никакой утонченной тактики. Такой могла бы быть и римская армия, если бы нам не пришлось сражаться против таких цивилизованных противников, как этруски, карфагеняне, греки и персы.

— Да. Но это еще не все. Настоящая сила Аксумского царства заключается в контролировании им торговых путей. В особенности морской торговли. Поэтому сложилась странная ситуация. Хотя сердце страны — это высокогорные районы, само царство — морская держава. Наши сарвены рождаются и тренируются на высокогорье, но в основном служат на море.

— Значит, они в основном моряки,— сделал вывод Велисарий.

— Да,— кивнул Гармат.— Как я понял из твоих слов, наша недавняя встреча с пиратами стала твоим первым опытом морского боя. Значит, теперь ты понимаешь, какие качества требуются морякам.

Велисарий посмотрел в потолок, размышляя о сражении.

— Смелость, хорошие навыки владения оружием — сражение происходит на небольшом участке, причем палуба еще может раскачиваться. Схватка идет быстро, яростно и за ошибки сразу же приходится платить. Значит, нужна твердая дисциплина — даже железная дисциплина. И никаких тактических тонкостей. В них нет необходимости при сражении на таком ограниченном участке, как палуба, и при перелезании на борт чужого судна. Да и места для тактических разработок нет.

Он снова посмотрел на Гармата.

— И это — слабости аксумской армии. Малочисленность. Неопытность в больших сухопутных сражениях. Примитивная тактика.

— Да.

— Именно так я и думал.

— Я могу поинтересоваться целью твоих вопросов?

— Конечно. Они связаны с индийскими кораблями, о которых мы говорили. Думаю, ты удивлен тем, что мы увидели в гавани.

Гармат кивнул.

— Не понимаю целей малва. Почему они запустили такой кораблестроительный проект. Такой грандиозный проект. Почему они строят такие большие корабли? Корабли того размера, как мы видели в гавани, стоят очень дорого, Велисарий. Люди, никак не связанные с морским делом, даже опытные полководцы, подобные тебе, не могут

понять, насколько дорого обходятся такие суда. Их поддержание в рабочем состоянии, использование, не говоря уже о постройке.

Советник пожал плечами.

— Так в чем же смысл? — продолжал Гармат.— Зачем все это делать, если сами суда очень плохо спроектированы для морских сражений? Даже несмотря на эти ракеты малва. В особенности учитывая использование ракет. Если бы я отвечал за проект, я построил бы большое количество некрупных, но быстрых судов. Они не хуже служили бы в качестве платформ, с которых можно запускать ракеты. И оказались бы лучше — более маневренными.

Велисарий рассмеялся.

— Говорит настоящий моряк! Или, следовало сказать, советник монарха, который властвует над морем.

Полководец встал с кровати и принялся ходить из угла в угол.

— Но Индия — не морская держава, Гармат. По крайней мере, малва — не моряки. Они ведь привыкли жить и сражаться на суше и думают этими терминами.

Он прекратил ходить и почесал подбородок.

— У аксумской армии есть еще одна слабость, которую ты не упомянул, Гармат. Уверен, ты даже о ней не подумал. Но это неизбежная слабость, исходя из твоего описания.

— И что это?

— У вас нет настоящего опыта материально-технического обеспечения армии, организации работы тыла. А эти вопросы порой доминируют при организации кампании.

Гармат задумался на мгновение, потом кивнул.

— Думаю, ты прав,— признал он.— Самой большой силой, собранной Аксумским царством в новые времена, была армия, которую мы отправили завоевывать Йемен. Четыре саравита — немного больше трех тысяч человек. Немного, по стандартам Рима и Персии. Или Индии. Конечно, их обеспечение не представляло особого труда, поскольку...

— Вы — морская держава и завоевывали прибрежный регион. А ты хоть примерно представляешь, как трудно заниматься обеспечением армии, насчитывающей десятки тысяч человек, марширующей через огромную территорию, удаленную от какого-либо берега?

Гармат уже открыл рот, чтобы что-то сказать, затем воздержался и покачал головой.

— Нет, не представляю.

Велисарий рассмеялся.

— Фракийскому полководцу всегда смешно читать историю римских войн, написанную греческими учеными. Почти всегда они утверждают, что армия насчитывала десятки или даже сотни тысяч человек. В особенности армии варваров.

Он опять рассмеялся.

— Варвары! Даже Рим со всем своим опытом не может собрать армию такой численности. По крайней мере, сухопутную. И тем более не могут варвары. А причина, конечно, заключается в материально-техническом обеспечении. Какой смысл отправлять в поход сто тысяч человек, если они во время похода умрут с голода?

Велисарий снова сел.

— Итак — к делу. Если бы ты был императором малва и планировал завоевать Запад, как бы ты поступил?

Гармат потрепал бороду.

— Думаю... есть путь через реку Инд и...

— И не думай даже.

— Почему нет? Это традиционный путь для завоевателей Индии. Так почему бы самим индусам им не воспользоваться?

— Потому что индусы собирают современную армию. Они — не варвары-кочевники, которые обычно все тащат с собой, а много тащить кочевникам в первую очередь никогда не требовалось. Малва идут не грабить, они идут завоевывать, чтобы установить свое господство. Навсегда. Им недостаточно прийти к стенам Антиохии или Константинополя и потребовать трофеев. Для того чтобы победить, они должны покорить города. А никто из варваров еще никогда не покорял большого укрепленного города. Ну если только в результате предательства.

— Александр...

Велисарий кивул.

— Да. Знаю. Александр Македонский также воспользовался сухопутным путем, когда пытался покорить Индию. Дошел до реки Инд. И что? Проиграл, если помнишь. И не последней причиной была изможденность армии после того, как они прошли по всем этим бесконечным горам. И именно поэтому — а теперь мы подходим к интересующему нас вопросу — он обратно пошел другим путем.

Гармат нахмурился.

— Прибрежным? Но ведь это же оказалось еще худшим вариантом для македонцев, Велисарий! — он хотел продолжить, но закрыл рот.

— Да. Именно так. Александр провалился по той простой причине, что не понимал, какие ветры дуют в этом регионе. И как они связаны с сезоном дождей. А мы понимаем. И индусы понимают.

— В Персию через Месопотамию. Потом в Рим.

— Да. Таков план малва. Я уверен в этом, как уверен в том, что меня зовут Велисарий. Я подозревал это даже до того, как мы прибыли в Бхаруч и увидели строительство кораблей. Теперь, выслушав твои объяснения, я просто уверен. Огромный флот, насчитывающий такое количество гигантских кораблей, не предназначен для ведения морских сражений, Гармат. Как ты и предположил, они на самом деле

не являются военными кораблями. Они будут использоваться для материально-технического обеспечения огромных сухопутных кампаний. Покорение Персии, начинающееся с Месопотамии. Малва обязательно примут в расчет ветры, чтобы обеспечивать армию через Персидский залив, реки Тигр и Евфрат.

— Реки не...

— ...особо помогут армии, идущей вверх по течению. Да, знаю. В отличие от Нила, где движение в обе стороны всегда проходит без труда, поскольку течение несет тебя на север, а ветры всегда дуют на юг, ветры в Месопотамии обычно дуют в ту же сторону, что и течение. По Тигру и Евфрату легко идти по течению — на юг. Но трудно в противоположном направлении.— Он пожал плечами.— Но ты преувеличиваешь сложность. Это все равно значительно — значительно! — более легкий способ обеспечения, чем тащить припасы по суше. Поверь мне, Гармат. Это можно сделать. Я не моряк, но имею большой опыт использования рек. Могу придумать несколько способов, как протащить огромные количества припасов вверх по рекам Месопотамии.

Он встал.

— Значит, теперь мы знаем.

— Что ты планируешь делать?

— На данный момент ничего. Мне требуется обдумать вопрос. Но хорошая стратегия требует хорошей разведки. Это путешествие в Индию уже окупает себя.

Гармат также встал.

— Ты не собираешься вновь отправляться в гавань?

Велисарий покачал головой.

— Нет необходимости. Вместо этого, Гармат, я думаю, что следующие несколько дней нам нужно просто погулять по городу. Мне хочется выяснить, как население относится к происходящему.

— Малва решат, что мы шпионим.

— И что? Они ожидают этого от нас. Я хочу, чтобы они считали нас просто шпионами. Вместо того, чтобы думали о том, какую другую цель мы пытаемся скрыть.

* * *

На протяжении следующих недель Велисарий с Гарматом как раз и занимались исследованием Бхаруча. А Велисарий еще и совершенствовал знание языков — кушанского и маратхайского.

Однако большая часть усовершенствования проходила по ночам, в гостинице. Каждую ночь он брал себе одну из девушек — или кушанку, или маратху. Девушки удивлялись, поняв, что полководца не интересуют их обычные услуги. Он просто хочет поговорить. Это

было странной причудой, но иногда встречающейся. Хотя обычно разговоры любящих поболтать клиентов не касались индийской истории, культуры, традиций, обычаев и общества.

Но девушки не жаловались. От них не требовалось ничего сложного, да и полководец был вполне приятным мужчиной. В общем и целом, ситуация складывалась гораздо лучше, чем ожидали кушанки. И во много раз лучше для маратхов, которые у себя в борделе были только рабынями.

К концу первой недели в Бхаруче Велисарий уже полностью понимал разговорный кушанский и маратхайский и вполне прилично на них изъяснялся. Женщины, с которыми он разговаривал, поражались его успехам.

Однако оставалась проблема, о которой ранее Велисарий и не подозревал. Ему также требовалось научиться писать и читать на маратхайском, но все девушки этой народности оказались неграмотными. Следующие три дня он ломал голову, каким образом решить вопрос. В конце концов — с неохотой — понял, что есть только один способ.

К счастью, если учитывать быстро уменьшающиеся средства, выданные императором, цена оказалась низкой. Рабы-маратхи стоили очень дешево. После покорения Андхры рынок был ими переполнен. Предложение значительно превышало спрос. Маратхи, как объяснил ему работорговец с горечью, славились отвратительным характером. Более того, считались трудноуправляемыми.

— По крайней мере, у тебя хватило ума не брать молодого,— добавил работорговец, показывая на сутулого раба средних лет, которого только что купил Велисарий.— Молодые могут быть опасны. Даже девчонки.

Полководец внимательно осмотрел нового раба. Однако осмотр мог быть только поверхностным, так как контора работорговца плохо освещалась лишь одной небольшой масляной лампой. Окна, которые могли бы пропускать солнечный свет, отсутствовали. И никакие отверстия не пропускали воздух — запах человеческих тел, идущий от соседних помещений-загонов, где содержались рабы, вызывал тошноту.

Вероятно, рабу лет пятьдесят, решил Велисарий. Невысокого роста, худой, седой. Глаза настолько темно-карие, что кажутся почти черными. Но Велисарий их практически не видел. Раб смотрел в пол, только один раз позволив себе быстро взглянуть на нового хозяина.

Велисарий собрался уходить и жестом показал рабу, чтобы тот следовал за ним.

— Ты не надел на него наручники и даже не связал! — воскликнул работорговец.

Велисарий не обратил на него никакого внимания. На улице к полководцу присоединились Анастасий с Валентином. Велисарий несколько секунд стоял, просто глубоко вдыхая воздух, пытаясь избавиться от набившегося в ноздри и легкие отвратительного запаха.

Ароматы, наполнявшие улицы Бхаруча, конечно, тоже попали ему в легкие вместе с вдыхаемым воздухом, но это были запахи жизни — масла, на котором жарили еду, специй — и кроме всего прочего, здесь ни от кого не исходили флюиды отчаяния.

Полководец широкими шагами двинулся назад в гостиницу. Валентин с Анастасием шли по обоим его бокам. Оружие лежало в ножнах, но два опытных воина постоянно осматривали улицы и боковые переулки, находясь в боевой готовности. Их внимательные глаза также не выпускали из поля зрения и нового раба, который следовал за ними в нескольких шагах позади.

После того как они оставили загоны с рабами далеко позади и работорговец не мог их больше видеть, Велисарий остановился и повернулся. Двое его катафрактов замерли у него по бокам. Раб также остановился, но глаз не поднял. Небольшая группа вооруженных мужчин чем-то напоминала валун в реке. Бесконечный поток людей, спешащих по улице, самым естественным образом разделялся при подходе к ним и огибал группу, подобно тому как вода огибала бы камень. Никто не останавливался, лишь немногие решались бросить взгляд на странных чужеземцев, стоявших полукругом и разглядывавших полуодетого раба. Любопытство не считалось разумным в оккупированном малва Бхаруче.

— Посмотри на меня,— приказал Велисарий.

Раб поднял голову в удивлении. Он не ожидал, что его новый хозяин — явно иностранец — говорит по-маратхайски.

— Я не стану надевать на тебя кандалы или наручники, если ты не дашь мне для того оснований. Советую не пытаться убежать. Это бесполезно.

Раб внимательно осмотрел полководца, потом катафрактов, потом снова уставился в землю.

— Посмотри на меня,— вновь приказал Велисарий.

Раб с неохотой подчинился.

— Ты — опытный писарь, если верить работорговцу.

Раб помедлил, потом заговорил. В его словах звучала горечь.

— Я *был* опытным писарем. Теперь я раб, который умеет читать и писать.

Велисарий улыбнулся.

— Ценю разницу. Мне требуются твои услуги. Ты должен научить меня читать и писать на маратхайском.— Внезапно ему в голову ударила мысль.— А ты умеешь писать еще на каких-то языках?

Раб нахмурился.

— Не уверен, понимаете ли вы, что северные языки можно передать как на классическом санскрите, так и современным деванагари [1]?

---

[1] Деванагари — индийское слоговое письмо.

Велисарий покачал головой.

Раб продолжал говорить.

— Я могу научить вас и тому, и тому. Для практических целей я предложил бы деванагари. Большинство северных языков используют этот вариант письма, в частности хинди и маратхайский. Если вы хотите научиться писать на гуджарати, то придется изучать другое письмо, ему я также могу обучить. У всех основных южных языков также свое письмо. Из этих языков я знаю только языки тамилов и тегугу.— Раб пожал плечами.— Кроме этого, я знаю пехлеви и греческий.

— Прекрасно. Я также хочу выучить хинди. Может, и другие языки, но позднее.

В глазах раба стоял вопрос, причем к нему примешивалось сомнение и опасение. Велисарий сразу же все понял.

— Я не стану тебя винить, если дело окажется для меня трудным. Но, думаю, ты удивишься. Я буду хорошим учеником.

Он замолчал на мгновение, принимая сложное решение. Правда, учитывая его характер, ему не потребовалось много времени, поскольку решение было неизбежным. Раб поймет слишком многое к тому времени, как Велисарий получит от него все необходимые знания. Кто-то другой решил бы проблему самым простым способом. Однако жестокость Велисария всегда была только жестокостью полководца, но не убийцы.

— Я заберу тебя с собой в Рим после того, как уеду из Индии. Там, если ты будешь верно мне служить, я отпущу тебя на свободу. И дам тебе денег, чтобы начать новую жизнь. У тебя не возникнет сложностей, если твои таланты соответствуют тому, что ты описал. Найдется немало греческих торговцев, готовых с радостью нанять тебя.— Ему в голову пришла еще одна мысль.— У меня есть знакомый епископ, которому могут потребоваться твои услуги. Он добрый человек и окажется прекрасным нанимателем.

Раб внимательно смотрел на него, делая собственные выводы. Но недолго: ведь в его положении выбирать не приходилось.

— Как пожелаете.

— Как тебя зовут?

Раб открыт рот, затем закрыл. На его губах промелькнула горькая усмешка.

— Называйте меня «раб»,— сказал он.— Это имя подойдет.

Велисарий рассмеялся.

— Да, на самом деле гордые люди!

И улыбнулся рабу, глядя на него сверху вниз.

— Однажды у меня был раб из маратхи в другой... давно. Он тоже отказывался назвать мне свое имя и отзывался только на слово «раб».

Велисарий не мог сопротивляться внутреннему порыву. Конечно, того кинжала он с собой не носил. Кинжал был надежно спрятан в

багаже. Но Велисарий всегда носил какой-то кинжал на ремне, рядом с мечом. Этот кинжал уступал тому, что был предназнач для Рагуната Рао, но все равно был великолепно сделан.

Уверенным, многократно проделанным движением он быстро достал кинжал из ножен, затем протянул рабу, рукояткой вперед.

— Возьми,— приказал Велисарий.

Глаза раба округлились.

— Возьми,— повторил Велисарий, на его губах появилась улыбка. Потом добавил тихо, чтобы его мог слышать только раб: — Так люди должны вести себя в глазах Бога.

Раб протянул руку, потом отдернул, затем сказал на хорошем греческом:

— Раб не имеет права носить оружие. Это противозаконно. Наказание — смерть.

Катафракты уже хотели возмутиться. Но, услышав слова раба, воздержались. Конечно, они считали полководца сумасшедшим. Подумать только — собрался вручать кинжал рабу. Но тем не менее он все-таки был полководцем. Он сам принимал решения.

— Как ты думаешь, кто из жалких индийских солдат соберется тебя арестовать? — спросил Валентин. Анастасий сурово оглядел улицу. К счастью, поблизости не оказалось никого из солдат малва.

Раб внимательно посмотрел на двух катафрактов. Затем внезапно рассмеялся.

— Да, вы, римляне, на самом деле сумасшедшие.— Он снова улыбнулся, посмотрел на Велисария и покачал головой.— Подержи кинжал у себя, хозяин. В твоем жесте нет необходимости.

Быстрый одобрительный взгляд на катафрактов.

— У меня нет сомнений, что твои люди с радостью порежут свору собак малва, но, думаю, не нужно их провоцировать. Если кто-то из малва увидит у меня кинжал, меня попытаются арестовать. Малва очень строго подходят к этому вопросу, в особенности в случае рабов-маратхи.

Велисарий почесал подбородок.

— Разумно,— признал он. И сунул кинжал в ножны.— А теперь пошли рядом со мной. Если отказываешься назвать свое имя, ты должен, по крайней мере, рассказать мне всю свою жизнь.

* * *

К концу дня раба разместили в номере, который Велисарий делил с Гарматом. Он устроился удобно. Да, номер был небольшим и раб спал на матрасе в углу, но ему предоставили чистое белье, да и сам раб помылся. Он с наслаждением по-настоящему вымылся впервые после

того, как попал в рабство. Велисарий настоял на том, чтобы раба пустили в ванну, несмотря на возмущения и протесты хозяина гостиницы.

Этим вечером раб приступил к своим обязанностям, обучая полководца писать по-маратхайски. Как и предсказывал Велисарий, раб поразился быстрому прогрессу своего нового хозяина.

Но раба в новом хозяине и сопровождающих его людях поразило не только это. Его поразили еще три вещи.

Во-первых, солдаты.

Как и большинство мужчин народности маратхи, раб разбирался в военном деле. Хотя раб и не был кшатрием, в молодости он участвовал в сражениях. На самом деле даже считался неплохим лучником. Поэтому разбирался в воинах. Через день он решил, что никогда в жизни не встречал такой смертельно опасной группы, как римские катафракты и черные солдаты — сарвены, как они себя называли.

Тем не менее, в отличие от большинства воинов, которых он встречал в прошлом — конечно, воинов малва,— в них странным образом отсутствовала жестокость, с которой большинство воинов малва относились к тем, кто находился ниже их на социальной лестнице. Катафракты и сарвены не грубили ему и разговаривали почти уважительно, хотя он был только раб. И совершенно очевидно, что женщины, проживавшие с ними, не только не боялись их, но и не смущались. Казалось, солдатам даже нравилось, когда женщины над ними подшучивали и заигрывали с ними.

Во-вторых, принц.

Рабу никогда не доводилось видеть ни одного знатного господина, который пропускал бы через свою постель такое количество женщин. И раб также никогда не видел, чтобы это делалось с такой очевидной неохотой.

Это казалось странным. Очень странным. Вначале раб объяснял недовольное выражение лица принца, когда тот выпускал очередную девушку из своих шикарных аппартаментов, качеством предоставленных услуг. Принц недоволен девушкой. Но затем, видя радость, с которой молодые женщины подсчитывали полученные деньги, раб решил, что причина в другом.

Отбросив первую теорию, раб объяснил недовольное выражение лица принца недовольством своими собственными мужскими способностями. Возможно, принц — импотент, в отчаянии пытающийся найти женщину, которая его возбудит. Но затем, видя усталость на лицах считающих деньги довольных женщин, опять решил, что причина в другом.

Странно. Очень странно.

Наконец случай с новой девушкой из маратхи. Рабыней-наложницей, купленной для принца его... слугой? Наставником? (Они все называют его давазз — очень странный человек!)

Случай произошел через две недели после того, как раб поступил в услужение Велисария. Они с Велисарием сидели в его номере, раб обучал хозяина деванагари. Они были одни, потому что Гармат проводил вечер с аксумскими солдатами.

Внезапно в номер ворвался принц. Без приглашения и даже не постучав. Это само по себе было странным. Раб уже знал, что принц, несмотря на постоянное недовольство на лице, всегда придерживается этикета. Принц встал перед полководцем с гневным видом и смотрел на него сверху вниз.

— Я не буду этого делать,— произнес принц тихо, но с ударением на каждом слове.— Я готов изображать из себя жеребца-производителя — ради тебя, Велисарий, но *этого* делать не буду.

Велисарий как и обычно сохранил на лице спокойное выражение. Но раб уже достаточно хорошо изучил его и понял: полководец ошарашен.

— Ты о чем?

Принц — его звали Эон — посмотрел на полководца еще более гневно.

— Не притворяйся, что ты не имел к этому отношения!

От двери послышался другой голос. Голос давазза.

— Он не имел к этому отношения, Эон. Он о ней даже не знает. Я привел ее в твой номер прямо из рабского загона.

Давазз посмотрел на Велисария.

— Да, полководец просил меня держать ухо востро и не упустить подобной возможности, если таковая предоставится. Но *этого* не просил.

Давазз затем посмотрел на раба. Многозначительно.

— Я выйду, если желаете,— сказал раб, вставая.

— Останься,— приказал Велисарий. Полководец на него даже не взглянул. Его глаза смотрели на давазза.

Давазз пожал плечами.

— Она подходит идеально, Велисарий. Как раз то, на что ты надеялся. Не только из дворца, а из личной прислуги принцессы. Только...— чернокожий скорчил гримасу.— Но сразу я не понял... Я думал, она только...

— Покажи мне ее,— Велисарий встал.

Разгневанный Эон вылетел из номера. А вылетая, перевел гневный взор на давазза. Давазз вздохнул и вышел вслед за принцем. Велисарий пошел следом, но у двери повернулся. Для раба было очевидно — по тому, как хозяин смотрел на него,— что полководец принимает решение. И очевидно, что решение — каким бы они ни было — касается раба.

Как и обычно, новый хозяин долго время не тянул.

— Пошли,— приказал он.

Раб последовал за Велисарием в номер принца. К этому времени поднятый шум привлек внимание уже всех членов группы под предводительством полководца. Катафракты и сарвены стояли в коридоре, где располагались все их номера. Доспехов ни на ком не было, катафракты оказались почти раздеты, но все держали в руках оружие. Даже молодой катафракт, больной, тоже стоял там. Девушки — кушанки и маратхи — делившие номера с мужчинами, собрались вокруг них и выглядывали из-за их плеч.

Раб увидел, как Велисарий, Эон, давазз и Гармат собрались вокруг огромной кровати в спальне принца. Они смотрели вниз на лежащую на ней в позе эмбриона девушку.

По чертам лица раб узнал представительницу маратхи. На мгновение он пришел в ярость, но быстро понял: принц тут ни при чем. Синяки и рваные раны на теле девушки появились давно. А отсутствующее выражение на лице — явно результат пережитого ужаса.

— Я не буду этого делать! — заорал принц.

Велисарий покачал головой. Эон фыркнул, но его гнев пошел на спад. После небольших колебаний принц вытянул вперед руку. Девушка на кровати застонала, дернулась и попыталась сжаться еще сильнее.

— Не трогай ее,— сказал Велисарий.

— Дева Мария, матерь Божия,— послышался голос Валентина от двери.

Раб оглянулся на катафракта. Как и раньше, его поразила внешность Валентина. Вероятно, катафракт был самым жутким и зловеще выглядевшим человеком, которого когда-либо доводилось видеть рабу. В особенности теперь, когда на его лице застыло отвращение.

Катафракт повернул голову и бросил через плечо:

— Анастасий! Веди сюда женщин.

Валентин повернулся назад в комнату.

— Отойдите от кровати,— приказал он.— Все. Немедленно.

В этот момент рабу не показалось странным, что все присутствующие тут же выполнили приказ подчиненного. Позднее, когда раб все обдумал в деталях, это все равно не показалось ему странным. Вероятно, самый зловеще выглядящий человек в мире. Уж точно — в тот момент.

Вскоре после этого в комнату вошел Анастасий, за которым следовали молодой катафракт и полдюжины молодых женщин. Увидев девушку на кровати, вновь прибывшие отреагировали по-разному. Лицо Анастасия, которое даже в лучшие времена напоминало гранитную плиту, стало еще тверже. Женщины вскрикнули, быстро и испуганно посмотрели на собравшихся мужчин, затем отшатнулись. Менандр открыл от удивления рот, смутился и сделал шаг вперед. Его мгновенно остановила огромная лапища Анастасия.

— Не надо,— пророкотал здоровенный катафракт.

— Что с ней? — прошептал Меннадер. Его смутили не раны, как понял раб. Его смутило почти безумное выражение на лице.

Анастасий с Валентином переглянулись.

— Забыл я, что значит быть невинным,— пробормотал Валентин.

Анастасий набрал воздуха в легкие.

— Тебе никогда не доводилось бывать в захваченном городе?

Менандр покачал головой.

— Когда и если доведется, увидишь много подобного. И гораздо худшего.

Молодой катафракт, бледный после болезни, еще сильнее побледнел после того, как до него дошел смысл слов. Анастасий жестом показал женщинам, чтобы прошли вперед.

— Помогите девушке,— сказал он на кушанском с сильным акцентом.— Успокойте ее.

Мгновение спустя Велисарий уже давал девушкам указания на хорошем кушанском и маратхайском. Девушки поспешили сделать, как он им велел. Они все еще с упреком бросали взгляды на солдат, собравшихся в комнате, но рабу было понятно: это упреки мужчинам вообще, не лично этим.

Очень странные солдаты, на самом деле.

Но, он знал, не уникальные. Он вначале не все понял, поскольку оказался непривычен к неофициальному общению римлян. Полководца и его подчиненных. Но рабу доводилось встречать таких солдат и раньше. Нечасто. Только кшатрии из маратхи и раджпутов обладали таким кодексом чести. Эти мужчины не унижались до зверств, изнасилований и бессмысленной жесткости, поскольку являлись самыми опасными и умелыми убийцами в мире. Типичное для солдат дебоширство было ниже их достоинства.

Кшатрии из малва не чтили этот кодекс. Йетайские звери лишили их той малой доли чести, которой они все еще обладали. А обычные солдаты, составлявшие основную массу армии малва, вообще не знали, что такое честь. Шакалы — стоило только ослабить дисциплину.

Раб содрогнулся, вспоминая, что сталось с его родным городом.

Он никогда больше не увидит свою любимую семью, но он знал их судьбу. Его жена, скорее всего, сейчас надрывается на кухне у какого-нибудь знатного господина из малва или купца. Его сын работает или на полях, или в шахтах. А две его дочери...

Он посмотрел на трех своих соплеменниц, которые теперь сидели на кровати, окружив обезумевшую девушку. Нежно прикасались к ней женскими руками, произносили теплые слова. От них пахло женскими запахами. Три молодые рабыни, принадлежащие какому-то сутенеру.

Раб отвернулся, сдерживая рыдание. Потом заставил себя снова посмотреть на девушку на кровати. По крайней мере, его жена и дочери

этого избежали. Избежали, потому что им повезло: их дом захватили раджпуты, а не йетайцы, и не простые солдаты. Раджпуты-кавалеристы под командованием молодого знатного офицера. Который холодно, надменно и презрительно смотрел на все и вся, как может смотреть только раджпут из сословия кшатриев. Раджпуты забрали из их дома все, до последней простыни. Затем съели всю еду и выпили все вино. Но когда пришел неизбежный час и кавалеристы стали поглядывать на пленных женщин, раджпут-офицер твердо сказал: «Нет».

Холодно, надменно, презрительно. Его люди подчинились. Даже не стали ворчать. Они были обучены дисциплине раджпутов, гордости раджпутов и чтили древнюю славу раджпутов.

Раба вернул в настоящее голос хозяина. Как понял раб, Велисарий приказывал всем мужчинам покинуть номер.

В коридоре Велисарий достал кошелек. Гармат положил руку ему на плечо.

— Мы заплатим, Велисарий. Мы оба знаем, что у тебя недостаточно средств.

Аксумит отдал приказ одному из сарвенов. Черный солдат исчез в поисках владельца гостиницы. Вскоре он вернулся, за ним следовал владелец. Последний улыбался. И неудивительно! Еще одну комнату гостям! Конечно!

Не прошло и часа, как несчастную девушку перенесли в новый номер. Это была небольшая комнатка, прилегающая к номеру Эона. От люкса ее отделяла дверь. Велисарий приказал женщинам, чтобы по крайней мере одна из них постоянно находилась с несчастной. И ни при каких условиях не следовало пускать в комнату мужчин, до его особого распоряжения. Девушки с беспокойством посмотрели на солдат. Их мысли были очевидны:

«Он что, всерьез ожидает, что мы сможем не пустить этих мужчин туда, куда они захотят войти? Каким образом, интересно?»

— Они даже не станут пытаться,— заявил Велисарий.— Уверяю вас.

Поскольку вопрос временно решился, Велисарий отвел всех мужчин в свой номер. Раб последовал за группой воинов. Неуверенно, с колебаниями и с очень большой неохотой.

После того как все расселись — те, кто мог, поскольку номер был маленьким,— Велисарий вздохнул и объявил:

— Это сильно изменит наши планы.

Как раб и опасался, все, как один, посмотрели на него. Их мысли казались очевидными:

«Мертвые ничего не расскажут».

Велисарий мрачно улыбнулся.

— Нет,— сказал он.— Я заберу его с собой в Рим. Проблема в девушках. Малва определенно допросят их после того, как мы уедем

из Бхаруча. До сегодняшнего дня меня это не волновало. Но наше отношение к этой несчастной резко не соответствует образу, который мы так тщательно создавали. Венандакатра не дурак. Он почует, что что-то не так.

Гармат откашлялся. Велисарий вопросительно приподнял брови.

— На самом деле, Велисарий, я думаю, что проблема возникла раньше. Даже до появления новой девушки.— Он еще раз кашлянул.— Из-за тебя.

— Меня? — переспросил полководец.— Как так?

Гармат вздохнул и всплеснул руками.

— Я же живу с тобой в одном номере! Я же не слепой!

Он потрепал бороду.

— Если твоя жена когда-то начнет интересоваться твоим поведением, я смогу ее уверить, что ты был поразительно верен ей во время путешествия в Индию, даже когда красивые молодые женщины приходили в твой номер по ночам. Но не думаю, что это успокоит Венандакатру. По крайней мере, не после того, как ты столько времени потратил, убеждая его в том, что не менее развратен, чем он сам.

Лицо Велисария стало каменным. Он сжал челюсти.

— Ха! — воскликнул Эон.— Так! От меня требуют, чтобы я влезал на любую бабу, которую приводят ко мне в номер. Я вынужден играть роль жеребца. Но полководец, все это придумавший...

Давазз дал ему подзатыльник. Раб пытался не вытаращить глаз. Он не думал, что когда-то привыкнет к подобному. Ни одного индийского принца так не воспитывали. Да еще раб.

— Тихо, Эон! Ты не женат. И хватит жаловаться. Я устал от твоих стонов.

— Мы все устали,— рявкнул Валентин.

— Дома ты трахал всех баб, которых мог затащить к себе в кровать,— проворчал Эзана.— Начиная с четырнадцати лет.

— Тринадцати,— поправил Вахси.

— Там все было по-другому! Их не заталкивали мне в комнату и я не делал это, потому что...

— Заткнись! — рявкнул Менандр. Молодой катафракт покраснел.— Прости, принц. Но я на самом деле не в состоянии больше выносить твои жалобы. Ты все время возмущаешься по этому поводу, а я не могу... ну, надеюсь, через пару дней или... но...

— Достаточно,— приказал Велисарий.— Признаться, я согласен с Эоном. По крайней мере, признаю справедливость его обвинений. Я в некотором роде был лицемерен.

Анастасий рассмеялся.

— Пожалуй, я в первый раз слышу, как верность называется лицемерием.

В комнате послышались смешки. Даже Эон через секунду присоединился к ним. Валентин откашлялся.

— Полководец, я считаю: проблему можно решить простым способом. Я уже думал об этом и...

— Грандиозная идея! — воскликнул Усанас.

— Отличная,— согласился Анастасий.— Мои мысли тоже блуждали в том направлении, что весьма странно.

— И? — спросил Эзана. На лице сарвена появилось удивленное выражение. Словно его озарила смелая догадка.

Затем Эзана с Вахси обменялись удивленными взглядами.

Вахси заговорил первым:

— На самом деле поразительно, Эзана, что я и Усанас тоже пришли к этому решению...

— Идеальному решению вопроса! — воскликнул Эзана.

Гармат хмурился от непонимания. Велисарий расхохотался.

— О чем они говорят? — спросил советник.

Велисарию удалось прекратить хохот на какое-то время, чтобы спросить у Валентина:

— Предполагаю, участвовавшие в обсуждении стороны... о, как бы мне получше выразиться? — (тут он задохнулся от смеха) — поняли, что их мысли повернули в одном направлении, или мне следует сказать...— (смех) — они борются с трудностями при помощи... (тут он просто прекратил говорить, держась за бока от хохота).

Валентин посмотрел в потолок.

— Ну, на самом деле одна из девушек заметила...

— Что они устали от Бхаруча,— с готовностью добавил Менандр.

— Устали до смерти,— проворчал Анастасий.— Готовы к новым впечатлениям. Новым приключениям.

— Маратхи горят еще большим желанием покинуть этот очаг заразы,— вставил Эзана.

— Ужасный город,— проворчал Вахси.— Ужасный.

Гармат теперь гневно смотрел на Усанаса.

— Это ты их подговорил,— обвинил его советник.— Знаю, что ты.

— Я? Я? Как ты можешь такое говорить? Я — давазз моего принца! Я думаю только о его благополучии! Я — несчастный раб! Как такое несчастное существо может подбить кого-то на что-то, тем более таких жутких катафрактов и убийц-сарвенов?

Появилась знаменитая улыбка.

— Но ведь великолепный план, обрати внимание. Решит все проблемы одним махом. Поможет спасти знающих слишком много девушек — очаровательных, симпатичных девушек — от допросов малва. А верные, но страдающие и унылые солдаты будут веселы и довольны, несмотря на то что находятся так далеко от дома.

Велисарий наконец снова мог говорить.

— Согласен,— он махнул рукой.— Вперед. Займитесь этим делом.

Он улыбнулся Гармату.

— Они правы, знаешь ли. Что нам еще остается? Перерезать девушкам горло?

Валентин с Анастасием были уже у двери, Эзана с Вахси шли за ними по пятам.

— Минутку! — крикнул Велисарий. Мужчины обернулись.

Велисарий достал кошелек.

— Возьмите денег. Сутенерам не понравится наше предложение. Придется с ними расплачиваться.

Анастасий нахмурился.

— Сутенеры. Я о них не подумал.

Он посмотрел на Валентина.

— Среди них встречаются буйные.

Валентин содрогнулся.

— Дрожу при мысли о них,— он снова содрогнулся.— Видите?

— Я слышал об этих сутенерах,— вставил Эзана, его лицо исказил страх.— Говорят: очень жестокие.

— Они демоны. Злые демоны,— застонал Вахси.

— Придется как-то решать вопрос,— простонал Валентин, приблизился к кошельку и достал одну самую мелкую монету.— Наверное, этого хватит. А, нет. Забыл. Придется же общаться с двумя группами сутенеров.— Он достал еще одну мелкую монету.— Более чем достаточно, как мне кажется.— Он вопросительно посмотрел на Анастасия.

— Достаточно,— пророкотал гигант.— Я буду торговаться. Вы же знаете: я — наполовину грек.

Усанас лениво прошел вперед.

— Наверное, и я составлю вам компанию. Вдруг этим сунерам захочется поговорить на философские темы.

— Точно! — воскликнул Анастасий.— Например, об Аристотеле.

Усанас покачал головой.

— Думаю, скорее о стоицизме.

Анастасий кивнул со счастливым видом.

— Да, правильно! Спокойное принятие неожиданных жизненных поворотов. Спокойствие...

Валентин с двумя сарвенами быстро вышли из номера.

— ...перед лицом непредвиденных неприятностей.

Анастасий последовал за ними, Усанас замыкал шествие.

— Пренебрежение и презрение ко всему материальному,— сказал давазз, закрывая за собой дверь.

Из коридора донесся голос Анастасия, хотя и не очень четко:

— Удовольствие от духовного созерцания.

* * *

Два дня спустя в гостиницу прибыл курьер от Венандакатры и сообщил римлянам и аксумитам, что экспедиция малва на север под руководством его хозяина отправляется на следующий день. Велисарий и сопровождающие его лица — а их количество теперь сильно увеличилось — приготовились к отъезду.

В утро последнего дня в Бхаруче произошла одна неприятность. Когда они выходили из гостиницы, группу остановил офицер-раджпут. Его сопровождал взвод раджпутов, которые, как он объяснил, являются полицией Бхаруча.

Появились подозрения, были выдвинуты обвинения и поданы жалобы. Два хорошо известных и уважаемых владельца борделя подверглись жестокому нападению со стороны грубых иностранцев. Служащие этих двух заведений были изувечены варварами. Им пришлось пережить немало ужасных минут. Пять стали калеками, четверо получили серьезные ранения, двое убиты.

Услышав сообщение, Велисарий выразил сожаление. Сожаление, но не удивление. Конечно, нет. Таких ужасных преступлений в конце концов следует ожидать в Бхаруче. Страшный город! Полон опустившихся личностей! Подумать только — на него самого в одном из переулков напала шайка бандитов. В день его прибытия. И ему пришлось убить нескольких в целях самообороны.

Услышав описание случившегося в переулке из уст полководца, офицер обрадовался. Таким неожиданным образом разгадана тайна, до этого казавшаяся непостижимой. Массовая бойня. Убиты пять печально известных бандитов, которых боялись местные жители и которых давно искали раджпуты за совершение бессчетного количества преступлений. А их порезали как баранов. Как свиней.

Раджпут очень внимательно и сурово осмотрел Велисария и сопровождавших его лиц. После чего объявил, что его подозрения были явно необоснованными, обвинения безосновательными, жалобы — поданными не по адресу. Ужасный город Бхаруч, этого нельзя отрицать. Полон неизвестных, действующих исподтишка, склонных к криминалу иностранцев. Которые, к сожалению, все выглядят похожими друг на друга в глазах индусов.

После тщательного осмотра группы раджпут решил, что нет ничего общего между беснующимися демонами, описанными владельцами борделя, и этими приятными, хорошо дисциплинированными, высокопоставленными иностранцами. Несомненно, его неправильно уведомили. Или сутенеры смотрели на нападавших затуманенными глазами, думая о внезапной огромной финансовой потере. Несомнен-

но, поставщики девочек что-то напутали, с мозгами у них не все в порядке после встречи с теми иностранцами.

Очень неприятной встречи, думал офицер, судя по представленным свидетельствам случившегося. Огромные резаные раны, глубокие колотые раны, значительная потеря крови, разбитые коленные чашечки, сломанные кисти рук, отрезанные большие пальцы, сломанные ребра, расплющенные носы, выдавленные глаза, ампутированные уши, проломленные черепа, разорванные почки, треснувшие локти, искалеченные ступни, словно пропущенные сквозь мельницу берцовые кости. Это если не упоминать сломанную шею одного мертвого сутенера — подобно прутику — каким-то великаном-людоедом.

Несомненно, встреча с варварами оказалась очень неприятной для сутенеров, решил офицер. Холодным, надменным, презрительным образом, который так отличает кшатриев из раджпутов.

Глава 20

Дарас

Осень 529 года н. э.

Ситтас с Маврикием наблюдали за учениями катафрактов Ситтаса на тренировочном поле. Ситтас казался довольным. По выражению лица Маврикия понять что-либо было невозможно.

Зрелище, бесспорно, впечатляло. Ситтас привел в Сирию тысячу греческих катафрактов благородного происхождения для усиления стоявшей там римской армии. Земля дрожала, когда по ней двигалась тяжеловооруженная конница. Копья врезались в тренировочные мишени с поражающей воображение силой. Неудивительно: теперь копья держали по-новому и в удар вкладывали всю силу, не беспокоясь, как удержаться в седле.

Ситтас привстал на стременах, наслаждаясь движением.

Боже, как ему нравятся стремена! И как они нравятся катафрактам!

Ситтас дураком не был — несмотря на все отрицательные черты характера. Поэтому довольное выражение его лица сменилось хмурым.

— Ладно, Маврикий. Давай выкладывай,— проворчал он.

Гектонтарх вопросительно посмотрел на него.

— Не нужно играть со мной в игры, черт тебя подери! — рявкнул Ситтас.— Я прекрасно знаю: ты считаешь все это пустой тратой времени,— он кивнул на тренирующихся катафрактов.— Почему?

— Я не произнес ни слова,— Маврикий помахал рукой у себя перед лицом, разгоняя клубы пыли, поднятой копьеносцами. Если раньше на поле и имелась какая-то растительность, теперь все было затоптано копытами тяжелых коней.

Ситтас нахмурился.

— Знаю,— сказал он.— В этом-то все и дело. Ты меня ни разу не покритиковал. Ни разу! Никакой критики — от самого Маврикия? Ха! Не сомневаюсь: ты ведь даже ругал свою мать, когда она тебя рожала, и пояснял ей, что она делает неправильно.

На губах Маврикия промелькнула улыбка.

— И вот еще что. Я обратил внимание, что ты не заставляешь своих фракийцев тренироваться в копьеметании. Вместо этого они у тебя постоянно работают с луком, причем сидя в седле. И сидя както необычно. Признавайся, Маврикий, в чем дело?

Улыбка исчезла с лица гектонтарха.

— Думаю, вопрос обращен не к тому человеку. Это ты, полководец, знаешь вещи, о которых не знаю я. От Велисария.

Судя по выражению лица, Ситтас почувствовал себя неловко.

— Ну...

Маврикий отмахнулся.

— Я не жалуюсь. И я не задаю лишних вопросов. Если полководец не сказал мне о своем секрете, я уверен: на то имеются веские основания. И это не означает, что я сам не в состоянии кое о чем догадаться.

— Как например?

— Как например... Он поселил в одном известном тебе доме гения механики, который сейчас занимается изобретением Бог знает чего. Какой-то дьявольской штучки. И его... изобретения или что это там такое явно каким-то образом связаны с артиллерией. Велисарий всегда трепетно относился к артиллерии. И всегда обожал пехоту, в особенности в последнее время. А перед отъездом недвусмысленно приказал мне хорошо заботиться о Гермогене.

Ситтас почесал щеку, размазав пыль и пот по лицу.

— И что?

Маврикий фыркнул.

— Поэтому я подозреваю, что через несколько лет атака копьеносцев будет считаться самым быстрым способом самоубийства.

— А я люблю атаки копьеносцев,— проворчал Ситтас.— И сам люблю наносить удары копьем. А ты разве нет?

— Шутишь? Во-первых, я вообще не люблю сражения. Если бы я умел зарабатывать на жизнь каким-то иным способом, то выбрал бы его. Но поскольку уж я оказался в военном деле, то мне нравится быть в нем спецом. Это означает, что мне хочется побеждать в сражениях, а не проигрывать. А больше всего мне хочется остаться в живых.

Ситтас помрачнел.

— Если задумал разлюбить военное дело — поговори с чертовым фракийским деревенщиной,— проворчал он.

— Только чертов грек благородного происхождения может любить войну.— На мгновение лицо Маврикия стало враждебным.— Ты знаешь, сколько раз на Фракию нападали варвары? В то время, как знатные греки сидели и смотрели, оставаясь в безопасности за крепостными валами Константинополя?

Ситтас скорчил гримасу. Маврикий развернул коня.

— Поэтому наслаждайся своими копьеносцами, полководец. Лично я готов поставить на Велисария и его планы — какими бы странными они ни казались на первый взгляд. И если Иоанн Родосский изобретет секретное оружие, которое устрашит кавалерию, я с радостью стану его использовать. Я с радостью спущусь на землю из седла и стану сражаться на своих двоих — если таким образом смогу разбить следующую волну варваров, которая придет грабить Фракию.

После того как гектонтарх уехал, Ситтас грязно выругался. Резкие слова Маврикия вывели его из себя, но злиться долго он не мог. В словах было слишком много правды. Несмотря на классовые предрассудки, Ситтас прекрасно осознавал реальности жизни большинства римских граждан. Он не наблюдал за разграблением Фракии из-за высоких стен Константинополя. Он сам вел отряды вперед, причем отряды копьеносцев, против нападавших варваров. Он видел, как варвары убегали от него, смеясь, и на следующий день нападали еще на одну деревню. И он видел результаты этих нападений — через день, когда приходил в те деревни вместе со своими катафрактами. Как и обычно, слишком поздно, чтобы что-то сделать, если не считать захоронения трупов.

Ситтас поехал вперед на тренировочное поле. Заметив его приближение, катафракты весело закричали. Затем, после того как подчиненные увидели выражение его лица, веселые крики смолкли.

— Хватит, черт побери, баловаться с копьями! — рявкнул он.— Готовьте луки!

* * *

На следующий день Маврикий прискакал в усадьбу под Дарасом. Он привез с собой Гермогена.

Гермоген гордился высоким званием: теперь он стал командующим всей пехоты, входящей в сирийскую армию. Ситтас последовал совету Велисария: по прибытии в Сирию, где он заменил Велисария на посту главнокомандующего римской армией, Ситтас тут же назначил Гермогена на эту должность.

Когда Маврикий с Гермогеном заехали во двор усадьбы, из дома вышли Антонина с Ириной и поприветствовали гостей.

— Где Ситтас? — спросила Антонина.

— Остался с армией,— спешиваясь, проворчал Маврикий.— По крайней мере, пока. Насколько — не знаю.

— Вероятно, пока не справится с последним приступом дурного настроения,— весело заметила Ирина.— Что ты сказал ему на этот раз?

Маврикий ничего не ответил. Гермоген улыбнулся и сообщил:

— Думаю, он оклеветал славу громоподобных катафрактов. Вероятно, также добавил пару слов о греческой аристократии.

Маврикий с чувством собственного достоинства промолчал.

— Вы приехали как раз к ужину,— объявила Антонина.— И Антоний здесь.

— Епископ? Антоний Александрийский? — спросил Гермоген.— Здорово! Я так давно хотел с ним познакомиться!

* * *

Гермогена впервые пригласили в усадьбу после отъезда Велисария. Молодой человек получил большое удовольствие от проведенного там вечера, однако первые часы привели его в небольшое замешательство. Разговор за столом казался каким-то натянутым. Гермоген несколько раз пытался расспросить Иоанна Родосского о достигнутых результатах и таинственном проекте по изобретению артиллерийского оружия. Но Антонина с Ириной каждый раз вмешивались в разговор и уводили его в сторону. Через некоторое время Гермоген понял: они не хотят обсуждать вопрос в присутствии других гостей.

Вначале он предположил, что нежелательным слушателем является епископ. Святой человек может почувствовать себя оскорбленным, если при нем станут обсуждать такой низменный предмет. Поэтому, примиряясь с требованиями хозяев, Гермоген оставил все попытки разузнать о проекте создания оружия и пригласил епископа к обсуждению религиозной доктрины. Гермоген, как и многие греки среднего класса византийского общества, считал себя теологом-любителем.

Но последовавшая дискуссия привела его в еще большее замешательство. Не потому, что он понял: ему далеко до знаний Антония Александрийского. Гермоген ни в коем случае не считал себя равным знаменитому епископу Алеппо в знании теологических тонкостей. Но просто Антонина с Ириной снова вмешались, когда Гермоген уже собрался заострить внимание на взглядах епископа на триединство. И, как и раньше, увели разговор в сторону, болтая о каких-то глупостях, словно не желали, чтобы епископ высказывал свое мнение перед остальными гостями.

Затем наступил худший момент вечера, когда Гермоген внезапно понял: он сам и является этим нежеланным гостем. Но через некоторое время смущение прошло. Казалось очевидным, судя по друже-

любному отношению к нему, что ни Антонина, ни Ирина, ни Маврикий не считают его присутствие неприятным.

Тогда что?..

Все прояснилось после того, как все с наслаждением выпили по первому кубку десертного вина. Антонина откашлялась и обратилась к секретарю полководца:

— Прокопий, боюсь, мне к завтрашнему утру нужен полный отчет о финансовом состоянии усадьбы.— Она положила маленькую ручку на полную кисть епископа, сидевшего рядом с ней.— Антоний хочет начать работу с бумагами, как только проснется.

На мгновение Гермогену почти показалось, что пальцы Антонины нежно гладят пальцы Антония Александрийского. Чушь.

Прокопий нахмурился.

— Мне *сейчас* им заниматься? — жалобно уточнил он.

— Боюсь, да.

Антонина бросила взгляды на всех мужчин, сидевших за столом. По очереди. Взгляды сопровождались странной улыбкой. Если бы он не считал это абсурдом, Гермоген мог бы поклясться: Антонина пытается кокетничать со всеми мужчинами, кроме Прокопия. Взгляд, брошенный на Иоанна Родосского, казался особенно похотливым. А на лице Ирины, как он обратил внимание, теперь появилась странная понимающая улыбка. Почти непристойная, если бы не... Чушь.

Прокопий уставился на Антонину. Его глаза сверкали, лицо раскраснелось, губы были поджаты. Создавалось впечатление человека, которому явилось тайное видение.

— Конечно,— ответил он, словно подавился.

Секретарь встал из-за стола, сухо поклонился и покинул помещение. Один раз оглянулся назад. Гермогена поразил огонь в его взоре.

Как только Прокопий ушел, атмосфера в комнате тут же изменилась. Маврикий поджал губы. Гермоген думал, что гектонтарх плюнул бы на пол, если бы его не остановила вежливость. Иоанн Родосский медленно выдохнул и молча протянул кубок Ирине. Улыбаясь, Ирина наполнила кубок до краев. Антонина вздохнула, откинулась на спинку кресла и протянула собственный кубок.

Епископ тут же повернулся к Гермогену.

— Отвечая на твои вопросы, могу сказать следующее,— объявил Антоний.— Мое мнение о триединстве совпадает с ортодоксальной традицией, принятой на пятом церковном соборе. Я также считаю, что окончательное решение проблемы не будет найдено никогда. И таким образом считаю любую попытку навязать подобное решение неразумной — и с социальной, и с политической точки зрения. А с теологической — абсолютно нечестивой.

— Нечестивой? — переспросил Гермоген.— *Нечестивой*?

Антоний Александрийский усиленно закивал.

— Да, молодой человек. Ты правильно меня понял. Нечестивой.

Гермоген пытался найти нужные слова.

— Я никогда раньше не слышал, чтобы кто-либо говорил...

Он замолчал и в задумчивости отхлебнул вина.

Александриец улыбнулся.

— Признаю: мой подход не является традиционным. Но позволь спросить тебя вот о чем, Гермоген. Почему вопрос триединства сложно понять? Почему он является загадкой?

Гермоген колебался.

— Ну... я не теолог, вы же знаете. Но это очень сложный вопрос. Это всем известно.

— Почему?

Гермоген нахмурился.

— Не понимаю.

— А почему он такой сложный? Тебя никогда не удивляло, что Всевышний выбрал такой способ представить себя? Таким способом, который мучает всех?

Гермоген открыл рот, потом закрыл, сделал еще один большой глоток вина, фактически очень большой глоток вина. На самом деле он время от времени действительно мучился этим вопросом. Но наедине с собой. Только наедине с собой.

Александриец снова улыбнулся.

— Я тебя понимаю. Я считаю, мой дорогой Гермоген, что Господь выбрал такой путь по одной простой причине. Он *не хочет,* чтобы люди понимали триединство. Это тайна, и это и есть простая истина. Конечно, нет вреда, если кто-то решает задуматься или обсудить проблему. Я сам этим занимаюсь. Но заходить дальше, объявлять свою точку зрения правильной, более того — навязывать ее церковным и светским властям — по-моему не стоит. Вот это кажется мне нечестивым. Это грех. Гордыня. Происки Сатаны.

Гермогена больше всего поразили даже не слова александрийца, а выражение лица. Странное сочетание доброго взгляда и сурово поджатых губ. Гермоген знал о репутации епископа как теолога среди греков из высших слоев общества. И он также знал и репутацию александрийца как святого человека — причем еще более высокую — среди сирийских крестьян и всего плебса. Внезапно все, что он слышал об этом человеке, соединилось у него в сознании.

— Хватит теологии! — запротестовала Ирина.— Я хочу послушать Иоанна. Как продвигается дело с его адскими штучками?

Гермоген почти благодарно отвернулся от епископа. Иоанн Родосский резко выпрямил спину и гневно посмотрел на Ирину. С грохотом поставил кубок на стол. К счастью, кубок был почти пустой, поэтому на стол

выплеснулось всего несколько капель вина. Но в первое мгновение Гермоген опасался, что кубок расколется — с такой силой Иоанн им грохнул.

— Нет никого прогресса, ты, женщина ада! Как тебе самой известно — ты же сама вчера присутствовала при последнем провале.

Ирина улыбнулась. И посмотрела на епископа.

— Ты слышал, Антоний? Он назвал меня дьяволом! Тебе это не кажется несколько преувеличенным? Что ты нам скажешь как эксперт?

Александриец улыбнулся.

— Потребуется дальнейшее уточнение. Если он назвал тебя дьяволом, то это... да... сильное преувеличение. Однако Иоанн не был так точен. Выражение «женщина ада» в конце концов может относиться к любой обитательнице ада. Например, к бесенку женского пола. В таком случае, боюсь, я должен поддержать Иоанна. Потому что на самом деле, Ирина, в тебе есть нечто бесовское.

— Мне кажется, бесенят женского пола не существует,— заметила Ирина.

Епископ широко улыбнулся.

— И я так думал, мой дорогая Ирина, пока не познакомился с тобой.

Все сидевшие за столом рассмеялись. Когда смех стих, заговорил Маврикий:

— Что произошло, Иоанн?

Моряк нахмурился.

— Я спалил мастерскую. Вот что произошло.

— Опять?

— Да! *Опять*! — Иоанн уже собрался встать, но Антонина улыбнулась ему и жестом попросила оставаться на месте.

— Пожалуйста, Иоанн! Я слишком много выпила. У меня закружится голова, если придется смотреть, как ты бегаешь из угла в угол.

Моряк вздохнул и остался сидеть.

— Дело в проклятом лигроине, Маврикий,— пробормотал он через несколько секунд.— Местная дрянь. Мне нужен лигроин хорошего качества. А для этого...

Он повернулся к епископу.

— Твой приятель, Михаил Македонский, сейчас в Аравии?

Епископ покачал головой.

— Уже нет. Он вернулся несколько недель назад и поселился неподалеку. В любом случае он не сильно помог бы тебе. Он был в Западной Аравии, у Бени-Хасан. Западная Аравия, знаешь ли, не лучшее место для поиска лигроина. И, кроме того, я не думаю...

Он откашлялся и замолчал.

Гермоген уже собирался спросить, чем знаменитый Михаил Македонский занимался в Аравии, когда внезапно заметил, что Антонина

с Ириной очень внимательно на него смотрят. Он плотно сжал губы. Мгновение спустя обе женщины одарили его улыбками.

«Что-то наклевывается,— подумал он.— Здесь какие-то скрытые течения, причем глубоководные. Думаю, для молодого офицера сейчас лучше всего держать рот на замке. Плотно, плотно закрытым. Однако послушать стоит».

— У нас в коннице есть офицер из арабов,— снова заговорил Маврикий.— Вообще-то он только наполовину араб. Гектонтарх по имени Марк. Марк из Эдессы. Его мать живет неподалеку от мыса Гир. Его сородичи по большей части — бедуины. Я поговорю с ним. Вероятно, он сможет что-то организовать.

— Буду очень благодарен,— сказал моряк. Мгновение спустя он встал из-за стола.— Я пошел спать,— объявил Иоанн.— Завтра мне потребуется снова отстраивать проклятую мастерскую. Снова!

Перед уходом Иоанн обменялся улыбками с Антониной. Как отметил Гермоген, в этих улыбках не было ничего предосудительного, только дружелюбие двух людей, которым хорошо в компании друг с другом. Гермоген вспомнил о странном похотливом выражении лица Антонины некоторое время тому назад, в присутствии Прокопия.

«Глубинные течения. Исходящие от скрытого источника по имени Велисарий — если не ошибаюсь. Наверное, мой любимый полководец опять что-то задумал. Итак, остается только один вопрос. Какая роль отведена мне?»

Маврикий поднялся из-за стола.

— Я тоже отправляюсь спать.

Гектонтарх посмотрел на Гермогена.

— Наверное, я еще немного посижу,— сказал Гермоген и протянул кубок Ирине.— Не могла бы ты?..

Маврикий вышел из комнаты. Антонина зевнула и потянулась.

— Наверное, мне следует взглянуть, как там Фотий. Он сегодня не очень хорошо себя чувствовал.— Она встала, похлопала Ирину по плечу и посмотрела на Гермогена.— Ты к нам надолго?

— На одну ночь,— ответил Гермоген.— Уезжаю рано утром. Мне на самом деле нельзя надолго оставлять армию. Кажется, Ситтас наконец понял, что нельзя заниматься одними копьеносцами, и начинает поговаривать об общих маневрах.

— Приезжай снова, когда сможешь.

— Приеду. Обязательно.

Через несколько минут они остались вдвоем с Ириной. Женщина и мужчина какое-то время молча смотрели друг на друга.

Он понял значение ее взгляда. На самом деле в нем был вопрос. Этот мужчина, сидящий напротив меня, собирается меня совращать? Или...

Гермоген улыбнулся.

«В жизни я делал много глупостей. Но я все-таки не такой дурак, чтобы пытаться ее соблазнить. Как всегда говорил мой дядя Феодосий: никогда не следует бегать за женщиной, которая гораздо умнее тебя. Тебе ее не поймать. Но может произойти и худшее: ты ее поймаешь».

— Ну, Ирина, расскажи мне об этом деле. Все, что можешь.

* * *

На следующее утро Антонина встала рано, чтобы попрощаться с Гермогеном до его отъезда. Когда она вышла из дома, солнце только показалось из-за горизонта. Молодой человек уже был во дворе, держал под уздцы оседланного коня и тихо разговаривал с Ириной.

Антонина удивилась, увидев начальницу шпионской сети. Как правило, Ирина вставала поздно и прилагала все усилия, чтобы ее никто не разбудил раньше времени.

Когда Антонина подошла, Гермоген улыбнулся и вежливо поклонился. Антонина обменялась вежливым поклоном с молодым человеком, он вскочил в седло и уехал.

Антонина посмотрела на Ирину. Начальница шпионской сети зевнула во весь рот.

— Ты рано встала,— заметила Антонина.

Ирина скорчила гримасу.

— Нет, я просто засиделась позже обычного. Я еще не ложилась.

Он кивнула в спину удаляющегося Гермогена, который в эту минуту выезжал за ворота.

— Знаешь, он — толковый парень. Догадался о гораздо большем, чем я могла бы предположить, всего лишь наблюдая за окружающими его людьми.

— Именно поэтому он и остался за столом? Я подумала, что он положил на тебя глаз.

Ирина покачала головой и улыбнулась.

— О, нет. Он вел себя безупречно. Моя честь не опорочена. Нет, он хотел присоединиться к заговору. Каким бы он ни был. На самом деле суть заговора его совершенно не волнует, если в нем участвует Велисарий. Боюсь, тяжелый случай идолопоклонничества.

— Что ты ему сказала?

— Достаточно. Но не очень много. Однако этого хватит, чтобы сделать его счастливым и заполучить на нашу сторону. У меня об этом молодом человеке сложилось очень хорошее впечатление, Антонина. Велисарий правильно его оценил и даже немного недооценил.

Антонина обняла подругу за талию и повела назад в дом.

— О деталях расскажешь попозже. Ты выглядишь абсолютно изможденной, Ирина. Тебе нужно в кровать.

Ирина рассмеялась.

— На самом деле — обратно в кровать.

Почувствовав удивление Антонины, Ирина устало улыбнулась.

— Я сказала: *я не спала*, Антонина. Мы же не говорили о заговорах всю ночь, черт побери.

— Но...

Ирина улыбнулась еще шире.

— Я считаю неотразимыми симпатичных молодых людей, которые достаточно умны, чтобы не пытаться меня соблазнить.

Глава 21

Гвалияр
Осень 529 года н. э.

— Думаю, Венандакатра заслужил мои извинения,— сказал Велисарий.

Гармат нахмурился.

— Почему, черт побери, ты должен извиняться перед этой свиньей? — спросил он суровым тоном.

— О, я не собираюсь произносить слова извинения. Просто это груз, давящий мне на плечи. Не тяжелый груз. Но тем не менее Венандакатра заслужил извинений.

Велисарий кивнул вперед, на огромную процессию, которая вытянулась змеей по правому берегу Нармады.

Небольшая группа римлян и аксумитов располагалась в конце каравана, далеко от передних рядов. Полководец с Гарматом ехали бок о бок, на лошадях. Сразу же за ними следовали Валентин с Анастасием и раб-писарь, также на лошадях. Остальные члены их группы сидели на двух слонах, выделенных им малва. Эзана и Вахси выступали в роли махаутов — погонщиков огромных животных. Эон вместе с женщинами-маратхами ехал в паланкине на спине одного слона. Кушанки с Менандром — на спине другого. Молодой катафракт возражал против подобного размещения и убеждал старших в своей способности удержаться в седле. Но Велисарий настоял на своем, да и сказать по правде, юноша возражал больше из приличия. Может, он еще и не был готов ехать в седле, но в целом его здоровье значительно улучшилось. По крайней мере, судя по веселому и довольному выражению лица в тех редких случаях, когда занавески паланкина приоткрывались.

Как и всегда, Усанас шел пешком. И не проявлял признаков усталости. Караван двигался медленно, у Усанаса даже не сбилось дыхание. Слоны шагали плавно, словно иноходью.

Велисарий улыбнулся.

— Если ты помнишь, я обвинил Венандакатру в том, что он устраивает это грандиозное представление, руководствуясь только эгоистическими мотивами.

— И что? Он в самом деле эгоист. С неуемной манией величия.

Велисарий усмехнулся.

— Да. Ты прав. Но он — *умный* человек с манией величия. У этого зрелища есть другая цель, кроме удовлетворения болезненного тщеславия Венандакатры. Ты знаешь, что обычно на Индо-Гангскую равнину из Бхаруча следуют другим путем?

— Правда?

Велисарий кивнул.

— Да. Мы идем южнее Сахьядри,— он показал на горную цепь, растянувшуюся слева от них. Горы были невысокими — не более нескольких тысяч футов — но густо покрытыми лесом, и казались довольно скалистыми.— Где-то нам придется перебираться через этот хребет, что, несомненно, окажется делом нелегким. В особенности для каравана, подобного нашему.

— Это не караван,— проворчал Гармат.— Это небольшая армия!

— Вот именно. И в этом-то все и дело. Если бы мы следовали обычным путем — судя по тому, что мне сообщили мои катафракты, в свою очередь выудив инфомацию у кушанок,— то мы двигались бы севернее горного хребта. Там полупустынная местность, но по ней многие путешествуют, и без особых сложностей. Однако тот путь, как ты знаешь, пролегает по территории малва.

— Так и этот тоже.

— Сегодня — да. Но это недавно завоеванная местность, Гармат. Год назад все это,— он обвел рукой окружающую их местность,— было частью империи Андхры.

Гармат понял, что хотел сказать Велисарий.

— А,— медленно произнес он.— Значит, цель этой процессии — еще сильнее припугнуть новых подданных. Напомнить им об их новом статусе.

Он осмотрел пейзаж. Огромный лесной массив можно было сравнить с ковром, покрывавшим далекие от границ районы Индии. В некоторых местах леса были вырублены, но поля оказались необработанными, а глинобитные крестьянские хижины, попадавшиеся тут и там, выглядели заброшенными. Территория казалось практически незаселенной, несмотря на явную плодородность почвы. Поскольку Гармат в молодые годы неоднократно участвовал в сражениях, он без труда узнал местность, в которой бушевала война.

Затем аксумский советник посмотрел вперед, на растянувшуюся процессию. «Караван» был огромным. Гармат даже не увидел первые ряды, но представление о масштабности складывалось сразу же.

Во главе шел слон, сразу же за ним следовали топографы. Топографы измеряли дорогу при помощи длинных кусков веревки. Один уходил вперед на длину веревки и останавливался на мгновение, к нему подскакивал второй со своим концом веревки и произносил вслух число — какой это по счету отрезок. Третий записывал. Потом первый снова шел вперед.

В первый день пути Гармат с Велисарием терялись в догадках — зачем это делается. Потом они пришли к выводу, который ложился в схему всего уже виденного ими в Бхаруче. Малва захватили власть. Они основали огромную, расширяющуюся империю, включающую в себя множество различных народов и обычаев. Становилось ясно, что малва намеревались превратить все завоеванные территории в централизованное, объединенное под одним началом государство.

Как они поняли, явление было новым для Индии. Да, в этом регионе и раньше существовали огромные империи. Империя Гуптов, непосредственных предшественников малва; и империя Маурьев в Древнем мире, которая включала в себя большую часть Индии[1]. Но эти империи, несмотря на свой размер и богатство, не грабили огромное население Индии. Императоры Гуптов и Маурьев не предпринимали попыток вмешиваться в каждодневную жизнь своих подданных, не отнимали власть и привилегии провинциальных сатрапов[2] и местных начальников. Их удовлетворяла дань, уважение, подчинение. Кроме этого, они занимались пирами, гаремами, охотой и грандиозными архитектурными проектами. Даже величайший из этих древних правителей, легендарный Ашока[3], никогда не пытался вмешиваться в индийские обычаи и традиции, кроме покровительства и поддержки новой буддийской веры. Но, конечно, ни империя Гуптов, ни империя Маурьев никогда не имели амбиций малва. Империи прошлого были вполне довольны, управляя Индией и даже только Северной Индией. Они не претендовали на покорение мира.

— Все дороги ведут в Рим,— пробормотал Велисарий.— Вот так легионеры покорили Средиземноморье и правили им. Похоже, малва собрались нас скопировать.

Да, объяснение подходило. Оно подходило, например, к новой бюрократии, появление которой Велисарий с Гарматом отметили в

---

[1] Государство Гуптов — др.-инд. империя, основанная Чандрагуптой I в 320 г. В период наибольшего могущества включало почти всю Северную Индию и ряд других территорий. Распад начался в конце V века, завершился в VI веке. Маурья — династия в IV–II вв. до н. э. Их государство охватывало территорию почти всей Индии и часть современного Афганистана.

[2] Сатрап — наместник провинции.

[3] Ашока — правитель из династии Маурьев в 268–238 гг. до н. э.

Бхаруче. Население выражало большое недовольство и неприязненно относилось к бюрократии. Это было невозможно не заметить, даже только по разговорам на улице. (Через несколько лет, соглашались Велисарий с Гарматом, говорить будут менее открыто: шпионы малва и провокаторы уже выполняют свою работу.)

Странная новая бюрократия — если судить по традиционным индийским стандартам. Назначенная по результатам ежегодных экзаменов, а не в соответствии с полученным образованием и происхождением. Да, большинство успешно прошедших кандидатов происходили из брахманов или кшатриев, являлись потомками представителей одного или другого сословия из четырех уважаемых. Но среди бюрократов встречались также и вайшьи и даже — ходили слухи — шудры![1]

Однако вневарновых среди бюрократов не встречалось. Режим малва оказался еще более суровым для неприкасаемых, чем того требовала традиция. Но этот небольшой поклон в сторону принятых устоев не приносил особого успокоения варнам. Малва также ломали четыре уважаемых варны среди всех народностей за исключением самих малва и их привилегированных вассалов-раджпутов. (И конечно йетайцев. Но у варваров вообще не было правильных варн. Ведь это же грубые язычники, дикари.)

Теперь все больше и больше представителей шудры обнаруживали, что их считают неприкасаемыми. А тут и там даже и некоторые вайшьи. Пока благородные варны — кшатрии и брахманы — казались нетронутыми. Но кто знает, что может принести будущее?

Ненавистная новая бюрократия. Ее ненавидят, но боятся, поскольку эти новые чиновники облечены властью и имеют полное право пренебрегать классовыми и кастовыми традициями. Амбициозные, вмешивающиеся не в свое дело, быстро использующие свою власть против традиционных сатрапов и давно установленных местных порядков.

Огромную власть, устанавливаемую благодаря оружию и огромной армии малва, привилегированным вассалам-раджпутам и еще более привилегированным йетайцам. Устанавливаемую также благодаря орде их шпионов и информаторов и — хуже всего — новыми религиозными кастами: жрецами Махаведы и их палачами-махамимамсами.

Однако, несмотря на всю власть новой династии, Велисарию и Гармату стало ясно: для преобразования Индии малва выбрали неполную схему. Неполную и противоречивую. Как подозревали иностран-

---

[1] В Древней Индии было четыре основных сословия: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Господствующее положение занимали брахманы и кшатрии, трудовое население входило в вайшьи и шудры. Эти четыре сословия имели общее название: варны. Угнетенные и бесправные назывались «вневарновые».

цы, большая реальная власть до сих пор находилась в руках традиционных правителей. Которые плевать хотели на новых владык.

Они редко восставали, но опасность постоянно присутствовала. На самом деле даже в эти минуты в северной провинции со столицей в Ранапуре бушевало восстание. Кстати, их экспедиция должна туда прибыть. Император лично наблюдал за осадой Ранапура, что в свою очередь служило для Велисария и Гармата хорошим показателем того, как серьезно малва к нему относятся.

Вслед за топографами и их слоном, примерно в четверти мили позади, двигалась группа конных раджпутов. Примерно двести человек, элитная конница. За ними следовали несколько слонов, на них сидели мужчины с огромными литаврами. Затем группа пеших воинов несла знамена.

Затем — и эти путешественники также не были видны Велисарию и Гармату из места в хвосте — двигался еще один конный отряд раджпутов. Человек сто. За ними ехала большая по численности группа конных йетайцев.

Следующих участников путешествия уже было видно и не заметить невозможно. Двадцать военных слонов. Их огромные головы и тела защищала кожаная броня с железными вставками. Каждым слоном управлял махаут, за его спиной был установлен паланкин, в котором сидели четверо кшатриев из малва. Конечно, солдаты малва не везли ракеты. Оружие бы повергло в панику огромных толстокожих животных. Вместо ракет они были вооружены луками и странными небольшими фляжками, которые, как знал Велисарий, называются гранатами. Меньшие по размеру предметы, подобные гранатам, привязывали к стрелам. Гранаты большего размера, как объяснил Велисарий, следовало бросать рукой.

За отрядом военных слонов ехал сам Венандакатра и его окружение из жрецов и махамимамсов. Жрецы Махаведы и палачи сидели на слонах, по четыре в паланкине. Время от времени Венандакатра присоединялся к той или иной группе. Однако большую часть времени великий господин путешествовал в специальном паланкине — огромном роскошном сооружении, которое несли восемь крупных рабов. Паланкин окружала небольшая толпа пеших слуг. Часть слуг несла кувшины с водой и вином, другие — тарелки с едой, третьи специальными метелочками отгоняли постоянно присутствующих мух. Венандакатра не отказывал себе в комфорте.

Чтобы скрасить ночи господина, на двух слонах, следовавших за паланкином Венандактры, также в паланкинах путешествовали восемь его наложниц. Караван каждый раз останавливался перед заходом солнца и разбивал лагерь. Шатер Венандакатры — если такой скромный термин можно использовать для описания целого набора

павильонов — всегда устанавливался до его прибытия. У господина было слишком много «шатров». Не используемый посылали вперед, под охраной еще одного отряда конницы раджпутов, чтобы заранее подготовить место для ночлега на следующий день.

За Венандакатрой и его окружением следовала пехота малва. Не менее тысячи воинов. Видимо, большим количеством предполагалось компенсировать среднее качество. Это не были элитные войска, просто заурядный отряд из большой армии малва. Сами войска в основном состояли не из малва, являясь набором людей из разных подчиненных народов. Офицеров же назначали преимущественно из малва, но не сословия кшатриев.

Велисария гораздо больше интересовала пехота, чем элитная конница. Он понял йетайцев, а после некоторго периода наблюдения и раджпутов. Несомненно, они впечатляли. Но Велисарий был римлянином, а у римлян имелся многовековой опыт общения с персидской конницей.

Но Велисарий считал, что будущее войны за пехотой, поэтому самым внимательным образом изучал пехоту малва. Ему не потребовалось много времени, чтобы составить общее мнение.

Гармат высказал свои чувства вслух.

— Самая жалкая группа солдат, которую мне когда-либо доводилось видеть,— презрительно хмыкнул аксумит.— Ты только взгляни на них!

Велисарий улыбнулся, склонился к Гармату и прошептал:

— А почему ты так решил? Увидел ржавчину на наконечниках копий? Или ржавчину на доспехах?

— Эта дрянь — доспехи?! — воскликнул Гармат.— Да у меня на пряжке ремня больше металла.

— Или опущенные плечи? Выражение лица побитой собаки? Волочащиеся ноги?

— Моя дочь ходила увереннее в два года,— хмыкнул аксумит.— Саравит бы позавтракал этими клоунами.

Велисарий выпрямился в седле. Улыбка сошла у него с лица.

— Да. Как и любой хороший отряд римской пехоты. Но давай не будем задирать нос, Гармат. Несмотря на все мои речи о том, что дело в качестве и качество всегда побеждает, численность тоже имеет значение. Здесь целая орда этих пехотинцев. Если малва смогут решить вопрос с материально-техническим обеспечением, то заполонят Запад. И нельзя сбрасывать со счетов их оружие, йетайцев и раджпутов. Причем большое количество йетайцев и раджпутов, судя по тому, что я уже видел.

Гармат скорчил гримасу, но ничего не сказал.

Велисарий повернул голову и посмотрел в конец каравана. Римляне с аксумитами стояли сразу за пехотой. Они находились в самом конце военной части процессии. Но за ними еще следовал огромный хвост.

— А им потребуется немало времени, чтобы правильно решить вопрос материально-технического обеспечения,— пробормотал он.— Если вообще есть с чего начинать.

Гармат проследил за направлением его взгляда.

— Это неправильно? — спросил он.

— Нет, Гармат, это неправильно. Даже в самой плохой римской армии никогда не бывает такого отряда обеспечения. Это абсурд!

Гармату пришлось приложить усилия, чтобы не расхохотаться. В эту минуту лицо полководца, обычно не выражавшее ничего, было искажено определенно гомерической гримасой.

— Да, нет ничего страшнее гнева оскорбленного ремесленника,— пробормотал он.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего, Велисарий, ничего. Однако хочу обратить твое внимание, что большая часть создаваемого за нашей спиной хаоса — вина гражданских лиц, следующих за военными.

Велисарий не успокоился.

— Ну и что? Любой армии приходится сталкиваться с этой проблемой. Ты думаешь, к марширующей римской армии не присоединяются гражданские лица? Они всегда там: купцы, торгующие едой и выпивкой, сутенеры и проститутки, работорговцы, скупщики трофеев и масса других. И это если не упоминать огромное количество людей, которые просто хотят пойти той же дорогой и воспользоваться защитой, которую может предоставить армия.

— И как ты решаешь вопрос с ними со всеми? Прогоняешь прочь?

— Ха! — Велисарий аж подпрыгнул в седле.— Это невозможно. Те, кто следует за армией, подобны мухам.— Он отмахнулся от мухи, жужжащей у его лица.— Нет, Гармат, в этом нет смысла. Вместо этого нужно сделать прямо противоположное. Просто включить их в армию. Заставить подчиниться дисциплине. Обучить их!

Глаза Гармата округлились.

— Ты обучаешь купцов и работорговцев? Сутенеров и проституток?

Велисарий улыбнулся.

— Это нетрудно, Гармат. По крайней мере, после того как прошел критический период. Это сделка, понимаешь? Взамен выполнения приказов и следования установленным правилам гражданские лица становятся признанными членами армии, со своим местом в ней. И конкуренция прекращается.

Полководец почесал подбородок.

— Однако мне кажется, что этот полнейший беспорядок может послужить нашей цели. В нашем плане есть одна маленькая проблема, которая давно меня беспокоит...

Он посмотрел вниз на Усанаса, двигающегося рядом.

— Ты — несчастный раб, не так ли?

Давазз показательно опустил плечи, затем голову, таким образом показывая свое ничтожество. Поза плохо вязалась с огромным копьем у него в руке.

— Я поражен,— проворчал Велисарий.— Абсолютно поражен, глядя, как ты беззаботно болтаешься где хочешь. В моей стране несчастные рабы всегда заняты делом.

Усанас вопросительно посмотрел вверх. Поза изменилась.

— О да,— продолжал Велисарий.— Очень заняты. Бегают по округе — закупают провизию, ругаются насчет цен на припасы, все в таком роде.— Он нахмурился.— Конечно, притворяются. Эти лентяи просто стараются не попадаться на глаза хозяину и напоказ развивают бурную деятельность. Фактически пытаются никому не попадаться на глаза. Никто никогда не находит раба там, где он должен находиться. К этому привыкаешь.

Усанас оглянулся на огромную орду гражданских лиц, следовавших за военными.

— А, понимаю,— сказал он.— Иногда великий полководец — только иногда — нисходит до того, чтобы сказать прямо. Ты хочешь, чтобы я затерялся в толпе? Чтобы, когда придет время мне совсем исчезнуть, никто из шпионов не заметил моего отсутствия.

Велисарий улыбнулся.

— Ты уловил суть.

Мгновение спустя Усанас уже двигался в хвост каравана, всем своим видом изображая несчастного раба, относящегося вяло и равнодушно к окружающему его миру. Наблюдавшего за ним Велисария поразила непривычная манера передвижения. Усанас был единственным известным Велисарию человеком, который мог неслышно идти шаркающей походкой.

Внезапно внимание Велисария привлек радостный женский крик. Велисарий с Гарматом посмотрели на паланкин на слоне, идущем перед ними. Из-за занавесок было невозможно рассмотреть, что делается внутри.

— По крайней мере, принц прекратил жаловаться,— проворчал Велисарий.

Гармат покачал головой.

— Ты несправедлив, полководец. Он ведь не неразборчивый по натуре. По крайней мере, по стандартам особ королевской крови.— Советник пожал плечами.— Да, он принц, и сам по себе очаровательный парень. У него никогда не было сложностей с женщинами, и определенно ему это занятие нравилось. Но... он любит женщин, ему нравится их общество, нравится с ними общаться. Однако он предпо-

читает несколько другое положение дел. И более или менее постоянные отношения.

Мгновение спустя Велисарий уныло улыбнулся.

— Я не могу его осуждать. Кстати, я сам такой.— Он кивнул на паланкин.— Кажется, он там неплохо устроился.

Гармат кивнул.

— Похоже, они с Тарабай понравились друг другу. Я обратил внимание, что в последнее время другие девушки-маратхи перестали делить с ним его шатер по ночам, кроме...

Он замолчал, быстро оглядевшись по сторонам. В пределах слышимости шпионов не наблюдалось.

— Как она? — спросил Велисарий.— Ты в курсе? По очевидным причинам, я стараюсь держаться подальше от паланкина.

— Я сам не заглядывал внутрь. Как говорит Эон, она привыкла к его присутствию, но он не уверен, как она отреагирует на другого мужчину. Она больше не шарахается от него, но все еще не разговаривает, даже с Тарабай. Наконец стала хорошо есть. Физические раны все зажили. Эон говорит, что все время старается держаться подальше от нее, как можно дальше — на столько, на сколько позволяет ограниченное пространство паланкина. Как он думает, девушка больше не считает, что от него исходит угроза. Хотя бы потому...

Из паланкина послышался еще один крик радости. Радости от наслаждения.

— ...что Тарабай держит под контролем все его эротические импульсы,— усмехнулся Велисарий.

Полководец показал пальцем на погонщика, управляющего слоном.

— Надеюсь, Эзана не выражает недовольства? Или Вахси? Или Усанас?

Гармат рассмеялся.

— А с чего бы вдруг? Да, они больше не наслаждаются компанией Тарабай, но есть еще две женщины-маратхи. И кушанки не прочь продемонстрировать свои симпатии, когда твои катафракты слишком устают, чтобы уделить им внимание. Кроме всего прочего, все они — солдаты. Самые лучшие из солдат. Они не склонны к глупой ревности, а также в курсе, что мы действуем по военному плану.

Еще один женский крик радости. За ним — тихий стон мужчины. Стон удовольствия.

— В некотором роде.

Велисарий улыбнулся.

— Ну, Эон определенно выполнил роль, отведенную ему планом,— сказал Велисарий.— Просто идеально, с первого дня путешествия.

— Великолепно сыграл,— согласился Гармат.— Во время последнего представления я думал, что Венандакатру удар хватит, прямо на месте.

Советник с любовью похлопал лошадь по спине.

— Бедный Венандакатра! Он дарит нам лучших лошадей, а принц тут же начинает жаловаться и требовать паланкин. Стонет, что для его монаршей задницы нужны подушечки!

— И *очень* большой слон,— добавил Велисарий, посмеиваясь.— Достаточно сильный, чтобы нести и принца, и его женщин.

Теперь и Гармат хохотал.

— А затем... Ты видел лицо Венандакатры после того, как...

— Его хитрый замысел обернулся против него? — Велисарий чуть не свалился с лошади от хохота.— Здорово получилось! Какой идиот! Он дает самого большого и самого трудноуправляемого слона...

— ...африканцам!

Велисарий с Гарматом замолчали, с удовольствием предаваясь воспоминаниям.

— И это ваш самый большой слон? — спросил Эзана.— Этот карлик?

— Вы только взгляните на эти маленькие ушки! — застонал Вахси.— Может, он еще слоненок?

— А может, и вообще не слон,— добавил Усанас.— Может, просто крупная антилопа гну.

Венандакатра уставился на них в ярости и неверии. Потом осталась одна ярость. Неверие прошло после того, как Эзана с Вахси быстро продемонстрировали свое умение в управлении слонами. После того как сарвены вспомнили несколько аксумских военных кампаний, в которых участвовали африканские слоны и хорошо показали себя. После того как Усанас перечислил добродетели африканских слонов, не забыв при этом упомянуть их отличия от индийских. Так называемых слонов. Но возможно, и не слонов. Может, просто крупных тапиров[1], претендующих на большее.

После того как они прекратили смеяться, Гармат заметил:

— Не исключено, мы на самом деле перестарались. Как я заметил, Венандакатра не приглашал нас на ужин с начала путешествия.

— Еще пригласит,— уверенно ответил Велисарий.— Мы выехали из Бхаруча только две недели назад. Судя по скорости передвижения — ну просто матроны на прогулке — нам потребуется месяца два, чтобы добраться до его «скромной загородной резиденции».— Он фыркнул.— Если бы я был одним из его подчиненных, то уже умер бы от скуки. Сомневаюсь, что мы преодолеваем больше десяти миль в день. В лучшем случае.

— Ты уверен, друг мой? Пригласит ли вообще?

---

[1] Тапиры — семейство животных отряда непарнокопытных. Нос и верхняя губа тапиров образуют небольшой хобот.

— Подозреваю, примерно недели через две или около того. Среднему человеку, страдающему манией величия, нужна только неделя, чтобы проглотить недовольство. Но даже Венандакатре не потребуется больше месяца. Что бы о нем ни говорили, он не дурак, и я сделал уже немало намеков. К этому времени он уже разработал свой план, который еще не начал претворять в жизнь. Не может он определиться окончательно, пока с нами не поговорит. Со мной. Так что — да, две недели.

И на самом деле через тринадцать дней из шатра Венандакатры, вскоре после того как караван остановился на ночлег, прибежал курьер. Он принес послание от хозяина, написанное на прекрасном греческом. Венандакатра вежливо приглашал Велисария составить ему компанию на «скромном ужине».

— Ни меня, ни Эона не пригласили,— заметил Гармат. Старый советник посмотрел на Велисария, затем поклонился.

— Я восхищен, Велисарий. Ты на самом деле великий стратег. Признаюсь: до этой минуты я скептически относился к твоему плану. Не думал, что он сработает.

Велисарий пожал плечами.

— Давай не будем ничего предполагать. Как обычно напоминает мне мой старый учитель Маврикий: никогда не рассчитывай на то, что враг поведет себя так, как ты ожидаешь.

Гармат кивнул.

— Прекрасный совет. Но он не включает всю военную мудрость. Время от времени, знаешь ли, враг все-таки делает то, на что ты рассчитываешь. В таком случае ты должен быть готов нанести безжалостный удар.

— Именно это я и говорю Маврикию! — весело воскликнул Велисарий. Он бросил послание в костер, который только что развел Усанас. Давазз выпрямился и повернулся.

— Час пробил? — спросил он. Губы расплылись в улыбке.

Велисарий снова пожал плечами.

— Какое-то время мы не будем знать. Но думаю: да. Ты готов?

Улыбка его напоминала Александрийский маяк.

* * *

Через три часа после появления в шатре Венандакатры Велисарий уверился, что все идет как надо. С минуту он раздумывал, не подать ли сигнал Усанасу, затем отказался от этой идеи. Бесполезное беспокойство. Зачем подавать сигнал о приближении добычи приготовившемуся к броску льву?

На самом деле полководец обрел уверенность уже час назад. После обычных ничего не значащих приветствий и обмена любез-

ностями подали еду и разлили вино. Венандакатра сразу же принялся обсуждать любовные дела. «Пытается выведать секреты»,— подумал Велисарий. Но вскоре стало очевидно: нет секретов, которые бы не знал Венандакатра. Кроме одного, который он знал, но неправильно интерпретировал. Именно так, как думал Велисарий.

Как говорил Усанас в свое время, дичь следует ловить, поняв ее душу.

— Теперь мне все ясно,— сказал Венандакатра и захихикал.— А то я думал: почему он выбирает только сук из маратхи для путешествия? После того как он попробовал все национальности, которые только есть в Индии, в Бхаруче.— Венандакатра опять засмеялся.

Велисарий не мог ответить таким же похотливым смехом, но решил: его грубый хохот для этого случая сойдет.

— Это правда. Он любит покоренных женщин. Чем меньше времени прошло после покорения, тем лучше. Они самые покорные. Такие как раз в его вкусе.— Еще один грубый смешок. Велисарий специально пустил струйку вина вниз по подбородку.— Его солдаты рассказывали мне, как они ходили в Гумхурию [1]. Аксумиты покорили ее, а парень — ему тогда было только семнадцать — перетрахал весь...

Велисарий поведал почти невероятную историю — но только не для Венандакатры. Хотя почему бы и не поверить в способности Эона? После того, что он вытворял в Бхаруче? А об этом Венандакатра явно знал в подробностях. Как и предполагал Велисарий, шпионы высокопоставленного представителя малва допрашивали женщин, которые делили постель с принцем. Конечно, всех, кроме маратхи.

Тем не менее Венандакатра почувствовал фальшь. Почти почувствовал. Ведь Велисарий рассказал не только о сексуальных возможностях принца, но и о его жестокости.

— Странно, но у меня сложилось впечатление...— осторожно заметил Подлый после того, как отсмеялся над рассказом.— Ты понимаешь, сам я ничего не знаю, но ведь слухи об иностранцах всегда распространяются... Так вот, говорят, ни одну из женщин, прошедших через постель Эона, не избили. Ну если только его членом!

Венандакатра опять захихикал, Велисарий ответил грубым смехом. Потом пожал плечами.

— Как я понял из слов советника, парень себя сдерживает. Он все-таки находится в чужой стране.— Полководец легко махнул рукой.— Ведь есть же законы.

Он отхлебнул еще вина. Рыгнул.

— Поэтому в конце концов парень пришел в отчаяние. Ну не может он все время сдерживаться! Эон велел своим людям найти

[1] Гумхурия — современный Судан.

рабынь.— Велисарий рыгнул еще раз.— С рабами можно обращаться так, как захочет хозяин. В любой стране.

(Велисарий врал. Дела обстояли совсем не так в большинстве цивилизованных стран, где доводилось бывать Велисарию, по крайней мере в современном мире. Определенно не так по римскому праву. Но он считал, что Венандакатра этого не знает. Рабы и их права считались ниже даже презрения великого Венандакатры. В любой стране и, конечно, его собственной.)

— Да, да.— Взгляд Подлого опять стал похотливым.— На самом деле ходит слух, что одна из рабынь-маратхи не поладила со своим новым хозяином.

Велисарий сдержался от резкого ответа, и выражение его лица осталось тем же. Ему было нетрудно контролировать отвращение или презрение. У него имелось достаточно опыта после стольких недель — даже месяцев! — в компании Венандакатры. Но не показать, что ему стыдно, оказалось труднее.

Секунду его взгляд бесцельно блуждал по комнате, осматривая богатые гобелены, покрывающие шелковые стены шатра. Глаза остановились на подсвечнике, стоявшем в центре стола. Несмотря на блеск золота, прекрасный дизайн и работу, подсвечник казался гротескным. Сделан он был в форме пляшущего божка с мерзкой ухмылкой, с эрегированным членом, в четырех руках божество держало серебряные черепа, в которые и вставлялись свечи.

Велисарий оторвал взгляд от подсвечника и снова посмотрел на Венандакатру. И даже смог изобразить на лице похотливое выражение.

Он отправил владельца гостиницы в комнату несчастной под каким-то дурацким предлогом и дал определенные указания девушке, ухаживающей за ней. Сиделка должна позволить владельцу гостиницы войти в комнату (что она с неудовольствием сделала — в конце концов она ведь рабыня). Но Велисарий не стал заранее предупреждать принца, поскольку знал: Эон загородит вход своим телом.

Конечно, задумка сработала. Владелец гостиницы увидел девушку и, судя по презрению у него на лице, все понял. Или думал, что понял. А Венандакатра определенно интерпретировал увиденное владельцем гостиницы так, как надеялся Велисарий,— после того как допросил владельца гостиницы. Полководцу было даже стыдно вспоминать о случившемся.

Велисарий считал, что принц набросится на него — позднее, когда Эон узнал о случившемся. И набросился бы, если бы его не сдержали Эзана с Вахси.

«Боже, а я ведь полюбил этого парня,— думал Велисарий.— Эона нисколько не волновало, что о нем подумает владелец гостиницы.

Только то, что из-за меня девушка подверглась новым страданиям. Пусть мой сын Фотий вырастет таким же, как он».

Но Велисарий был полководцем, великим полководцем, а этой породе людей никак не обойтись без безжалостности. Поэтому ему и удалось удержать на лице похотливую ухмылку. И пустить еще одну струйку вина по подбородку.

Венандакатра лично наполнил ему кубок. В отличие от всех предыдущих совместных ужинов, на этот раз Венандакатра выгнал из шатра всех слуг после того, как они с Велисарием закончили трапезу.

— Как я заметил, принц спокойно делится своими женщинами с солдатами,— сказал Венандакатра.— Обычно особы королевской крови этого не делают.

Велисарий рыгнул.

— А почему бы и нет? Это же не жены и даже не наложницы. Они же просто шлюхи и рабыни.— Он снова рыгнул.— Я сам делюсь кушанскими шлюхами со своими солдатами. И много раз так делал во время кампаний.

Велисарий многозначительно посмотрел на Венандакатру и подмигнул — как один бывалый опытный солдат другому (хотя, конечно, высокопоставленный представитель малва не мог считаться не только опытным солдатом, но и солдатом вообще, хотя и мнил себя неизвестно кем).

— Знаешь, это помогает поддерживать популярность в войсках. Такая мелочь, а простые люди это любят. И ведь шлюх всегда хватает. В особенности после того, как возьмешь город.— Полководец изобразил похотливую улыбку.— Боже, как я люблю брать города! Осада — полная дрянь, но потом... О, да!

Венандакатра захихикал.

— И я! — закричал он.

«А ведь на самом деле Подлый. Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни подходил к осажденному городу ближе, чем на дальность полета стрелы. Но уверен: после захвата врывался первым, выбирая трофеи и женщин».

Велисарий снова боролся с собой, чтобы не показать отвращение. Он ненавидел разграбление покоренных городов. Делал все от него зависящее, чтобы избежать этого, конечно, кроме проигрыша кампании. Практически невозможно держать войска под контролем в захваченном городе после долгой осады, за исключением элитных подразделений, как его катафракты. Нет ничего ужаснее, чем город, подвергающийся разграблению. Это ад на земле. Царство Сатаны. Тогда совершаются самые жестокие и зверские преступления, на которые только способны люди. Причем совершаются с радостью и дикостью, которая бы опозорила даже демонов ада.

Но Велисарий сдерживал ярость. Он — полководец, и великий полководец, чья жестокость всегда имеет цель. Придет время сражаться — и он будет жестоко сражаться. Но жестокости нет места в мирное время.

— А ты сам, кажется, предпочитаешь кушанок,— с беззаботным видом заметил Венандакатра.— И, как я слышал, и твои катафракты.

«Пришло время нанести удар».

— О, да! — воскликнул Велисарий.— Когда я узнал, что в Бхаруче есть кушанские шлюхи, тут же отправил Валентина с Анастасием, чтобы разыскали нескольких.— Хохот. Хохот. Хохот.— И парни полетели, как ветер, хочу тебе сказать — а это нечто: с весом Анастасия!

Хихиканье.

— Представляю! Это тот, самый большой из ваших? — Хихиканье.

Велисарий ждал. Самое важное при установке капкана — правильно рассчитать время. Поймать момент.

Он подождал, пока Подлый не нахмурил лоб. Затем осторожно заговорил:

— Кушанки — самые сладострастные женщины в мире. И все кушаны — самые сладострастные люди. Мужчины даже больше, чем женщины.— Он закашлялся, словно подавился вином.— Только пойми меня правильно! — воскликнул он, руками отмахиваясь от возможной интерпретации его слов.— Меня мужчины в этом смысле не интересуют. Но это так, поверь мне. Именно поэтому я избавился от всех наемников-кушанов в своей армии. Нет вопроса — они способные воины. Но с ними слишком много беспокойства. Не могут оставить в покое ни одну женщину в пределах досягаемости. Даже стали косо поглядывать на мою жену!

Подлый нахмурился еще сильнее. Глубоко посаженные глаза окружила паутина морщинок.

— В самом деле? — переспросил он.— Я не знал, что ты имел дело с кушанами.

— Кушанами? Конечно. Их можно встретить в любой части римской империи. В основном солдаты и шлюхи. Два ремесла, в которых они преуспели. Сражаться и трахаться. В особенности трахаться.

Венандакатра в задумчивости потягивал вино.

— Как только ты их упомянул, я вспомнил: ты ведь говоришь на прекрасном кушанском,— Венандакатра пожал плечами.— Конечно, я считал это ложным слухом. Мне казалось, у тебя не было возможности...

Венандакатра не закончил предложение. Хотя он и выпил немного вина, но ни в коей мере не был пьян (в отличие от римского пьяницы). Но представитель малва понял, что чуть не раскрыл слишком многое из раздобытого его шпионами.

«Ты, тщеславный идиот,— думал Велисарий, правильно истолковав внезапное молчание.— Я всегда предполагал, что ты все знаешь, и исходя из этого и строил свои планы».

Велисарий заполнил паузу целой серией веселых рассказов. Заканчивал один и тут же начинал другой. Именно таким образом старый развратник обычно развлекает другого. Другой человек мог бы задуматься, почему все рассказы касаются только кушанов. И мог бы задуматься, почему в этих рассказах говорится о сексуальных подвигах лишь кушанских мужчин.

— О, какие подвиги они совершают! Просто неудержимая похоть! Какие странные способы совращения! Просто мистическая способность раздвинуть женские ноги, в особенности молодых женщин. И девственниц! Неважно, кто эти женщины, где они, что происходит вокруг. Если девушка — девственница, ни один кушан не может устоять. Он обязательно примет вызов. О, да! Ни один мужчина на земле не имеет такого опыта в дефлорации, как кушаны. В особенности среднего возраста, ветераны. Мистика, абсолютная мистика.

На протяжении всех рассказов Венандакатра не произнес ни слова. Но не казался усталым или скучающим. Нет, совсем нет. На самом деле он слушал очень внимательно.

«У каждого хорошего меча две заточенные стороны. Пора нанести еще один удар».

— Ну, достаточно! — воскликнул полководец. И протянул кубок.— Не изволишь?..

Венандакатра наполнил кубок Велисария. Велисарий снова поднял его.

— Но я — плохой гость. А ты — слишком скромный хозяин. До меня самого время от времени доходят слухи. И как я слышал, ты заполучил один очень аппетитный экземплярчик,— Велисарий дико расхохотался.— Великий экземплярчик, если простишь мне такое выражение. Королевский!

Он выпил вино одним глотком.

— Мои поздравления!

Венандакатра с трудом сохранял спокойствие. В нем боролись негодование из-за наглой фамильярности грубого иностранца и гордость новым приобретением.

Конечно, выиграло желание похвастаться. Капкан для дичи нужно выставлять, поняв ее душу. Прав был Усанас.

— Да! — воскликнул он.— Принцесса Шакунтала. Самой благородной крови и очень красивая. Ее называют черноглазой жемчужиной Сатаваханы.

— А ты сам ее не видел?

Венандакатра покачал головой.

— Нет. Но мне ее описывали. Она великолепна!

И Венандакатра пустился в пространное описание отличных качеств принцессы Шакунталы. Как он их сам представлял.

Велисарий внимательно слушал. Во-первых, преследуя свои цели. Но также и потому, что переживал самый странный опыт. Подобно ментальному — если так можно сказать — двойному видению. Полководец никогда в жизни не встречался с девушкой в реальности. Но один раз смотрел на нее в видении, глазами другого человека. Человека, отличного от Венандакатры так, как день отличается от ночи, а пантера от кобры.

После того как Венандакатра закончил говорить, Велисарий вновь поднял кубок, как бы приветствуя им гостя, выпил до дна и снова наполнил. Как он заметил, Венандакатра прекратил пить какое-то время тому назад.

Полководцу было трудно не рассмеяться. Затем, подумав, он все-таки засмеялся — как смеются пьяные. Бессмысленно. Он выпил кубок, налил себе еще один. Уголком глаза заметил легкую улыбку, играющую на губах Подлого.

«Ты, козел, я ведь из Фракии. В душе я — простой деревенский парень. Я вырос в сельской местности, где нет развлечений, кроме пьянки. Я смог бы тебя перепить и в возрасте десяти лет».

— Значит, ты вскоре ее увидишь,— воскликнул Велисарий.— Счастливчик!

Он сделал попытку встать, потом неуклюже плюхнулся назад, схватившись за край стола, чтобы не упасть. Половина вина выплеснулась из кубка на великолепный ковер, покрывающий землю. Подсвечник в центре стола закачался. Венандакатра быстро поправил его, но не успел удержать одну из свечей. Она упала.

— Прости,— пробормотал Велисарий.

На какое-то мгновение на лице Венандакатры промелькнула ярость. Но он ничего не сказал. Он просто поставил упавшую свечу на место и легко махнул рукой, словно отмахиваясь от незначительного инцидента.

Велисарий выпил остававшееся в кубке вино. Венандакатра тут же добавил ему еще.

Полководец пьяно улыбнулся представителю малва. Затем похотливо сказал:

— Конечно, она — девственница. Должна быть. Ведь принцесса же! — Хохот. Хохот.— Боже, никто не может сравниться с девственницей! Обожаю, как они визжат, когда ты им вжахаешь!

Затем он словно бы с трудом придал лицу серьезное выражение и потряс указательным пальцем перед лицом Венандакатры, как бы предупреждая его. Выглядело это так, словно один педофил дает советы другому.

— Но ты должен ее хорошо охранять! Такой подарок! Ха! Я бы, например, окружил ее евнухами или священниками, давшими обет безбрачия. А еще лучше — священниками-евнухами.— Хохот. Хохот.— А потом бы сам запустил руку им под рясу. Сам бы проверил, что у них там!

Он подавился следующим глотком вина, откашлялся и добавил:

— У нас в Риме есть одна поговорка. Quis custodiet ipsos custodes?

Венандакатра нахмурился.

— Боюсь, я не знаю латыни.

— А. Я предполагал... Прости. Греческий-то у тебя идеален.— Он рыгнул.— Ну, перевести можно примерно так: а кто будет охранять охранников? Это означает, как...

— Я прекрасно понимаю, что это означает! — рявкнул Венандакатра.

«О, Боже! Какой он вспыльчивый! Пора вынимать клинок. И нанести еще один удар. В другое место. Пока он не понял, что истекает кровью и дело может закончиться смертью».

— Но достаточно о женщинах! — пророкотал Велисарий.— Все они — ничтожные шлюхи. Недостойны нашего внимания. Только когда мы впадаем в настросние потрахаться. Мы — деловые люди, ты и я. Важные люди.

Он протянул руку за графином с вином, не удержался на стуле и рухнул на пол.

— Суки все они! — пробормотал, с трудом поднимаясь на ноги.— Предательницы.— С трудом снова занял свое место.— С ними хорошо потрахаться. И все,— проворчал полководец, гневно глядя в стол.

Венандакатра налил ему еще вина. Уголком глаза Велисарий снова уловил выражение лица Венандакатры. Презрение, наложенное на беспокойсто.

«А теперь мне нужно, чтобы беспокойство поселилось у него в сердце, надежно там устроилось, и он ни в коем случае не заподозрил меня. Он должен подозревать других...»

— Да, деловые люди,— повторил он, по-пьяному растягивая слова.— Важные люди.— Он сжал зубы.— Важные.

Венандакатра ответил:

— Да, мой друг. Только,— немного колебаний, небольшая пауза.— Возможно, нас не всегда ценят.

Велисарий еще крепче сжал челюсти.

— Черт побери, это правда! Разве это справедливо? Я сам...

«Осторожно! Он не дурак».

Велисарий махнул рукой.

— Неважно,— пробормотал он.

Подлый глотнул из своего кубка. Как заметил Велисарий — впервые за час разговоров. («Никогда нельзя недооценивать противника. Кто знает? Может, римлянин и не так пьян, как прикидывается?»)

— Мне в этом плане повезло,— небрежно заметил Венандакатра.— Император Шандагупта всегда оценивает мои усилия во имя него. Всегда справедлив в своей критике. Только мягкой критике, конечно, никогда ничего серьезного. И он мне полностью доверяет.

Велисарий подозрительно посмотрел на него. Но было очевидно: подозрение нацелено на утверждение, а не на говорившего.

— О, это правда, уверяю тебя.

— С трудом верится,— с негодованием пробормотал Велисарий.— Мой опыт...

Он снова замолчал.

— А, какой смысл? — проворчал он.— Императоры — это императоры, и этим все сказано.— Казалось, он погрузился в собственные мысли. Мрачные, горькие мысли. Черные мысли пьяного человека.

«Время. Как говорит Валентин, усилия нужно расходовать экономно».

Он поднялся на ноги, уперся ладонями о стол, пытаясь стоять прямо.

— Мне пора,— объявил он и рыгнул.— Извини. Боюсь, я выпил лишку. Ты меня простишь?

Венандакатра благородно кивнул.

— Со мной тоже это случалось, друг мой.— Потом его посетила счастливая мысль: — Мы же деловые люди. Сам знаешь. Столько всего на нас висит. Со столькими вопросами приходится разбираться. Нам нужно напиваться время от времени.

— Да, ты прав! — Велисарий улыбнулся Подлому. Никогда в истории пьяный не одаривал товарища такой веселой улыбкой.— Очень приятно с тобой общаться, Венандакатра,— произнес он, стараясь тщательно артикулировать слова. Сильно пьяный человек, старающийся показать свою искренность.— Очень приятно. Жаль, мы начали не совсем удачно, тогда...— полководец неопределенно махнул рукой в направлении, где по его прикидкам находилось море. Рыгнул.— Тогда, в начале. На корабле.

— Забудь об этом! Я уже давно забыл, уверяю тебя.— Венандакатра встал.— Мне позвать слуг? Чтобы тебе помогли добраться...

Велисарий отмахнулся от предложения.

— Не нужно! — рявкнул он. Я сам... без проблем. Дойду. Без проблем.

Он поклонился Венандакатре, утрированно, осторожно, напряженно. И направился к выходу из шатра. Там отвел в сторону украшенную вышивкой портьеру, закрывающую вход. Наблюдая за осторожностью его движений, можно было решить: он пытается не порвать драгоценную ткань. Перед тем как выйти в ночь, Велисарий остановился, ухватившись за один из шестов, удерживающих шатер, чтобы самому удержаться на ногах. Потом повернулся к Венандакатре.

Несколько секунд Венандакатра и Велисарий смотрели друг на друга. Выражение лица представителя малва изображало радушие, правда, несколько туманно. Широта души отсутствовала. На лице римского полководца выражалась старая скорбь, которая вылезла наружу после нескольких часов пьянства.

Мрачные, горькие мысли. Черные мысли. Пьяные мысли.

Велисарий отвернулся, покачал головой и шатаясь вышел в ночь.

Ему не требовалось оглядываться. Он знал, что увидит на лице Подлого. Расчет, наложившийся на презрение. Презрение, наложившееся на беспокойство. Беспокойство, червем пролезающее в червивую душу.

Велисарий с трудом сдерживал улыбку, пока шел в свой шатер. Кругом шпионы. Он удержался и даже не смотрел на лес, окружающий караван. Шпионы везде. И в любом случае смотреть было бессмысленно, поскольку он все равно ничего бы не увидел. В этой темноте не увидишь ничего, кроме белозубой улыбки. А охотник никогда не улыбается, когда идет за дичью.

Добравшись до шатра, Велисарий шатаясь зашел внутрь и уже там выпрямился. Шатер был сделан из хорошей римской кожи. Сквозь нее ничего не видно.

— Ну? — спросил Гармат.

О своих словах Велисарий жалел несколько лет, поскольку сам ненавидел хвастовство. Но не особо жалел. Он не смог удержаться.

— Смертельны удары Велисария,— сказал полководец.

* * *

С утра пораньше на следующий день — даже до восхода солнца — от каравана отделилась группа жрецов Махаведы и «очистителей» махамимамсов. Они поехали на лошадях, сопровождаемые отрядом раджпутов. Их отправили впереди каравана, во дворец, со специальным заданием господина Венандакатры.

Им не пришло в голову проверять, не следует ли кто-то за ними,— ведь они находились в сердце империи малва. Но если бы они и посмотрели назад, это бы не сыграло роли. Того, кто шел за ними по следу, обучали львицы и пигмеи, самые лучшие и великие охотники в мире.

Глава 22

Он был в отчаянии. Если только так можно сказать об этом человеке.

Однако ни один наблюдатель не понял бы, в каком он находится состоянии. Потому что человек казался абсолютно спокойным и сидел

неподвижно, скрючившись в густом кустарнике, над которым нависали деревья. Заросли заканчивались в нескольких футах от стен дворца Венандакатры.

Да, наблюдатель мог бы задуматься, что там делает этот человек. Среднего роста, черноволосый, чернобородый. Судя по небольшому количеству седых волос, он приближался к среднему возрасту. Босой, из одежды ничего, кроме грязной набедренной повязки.

В общем, судя по внешнему виду: ничтожество, из одной из низших каст.

У наблюдателя и мысли бы не появилось об опасности. Человек явно беден, у него опущены плечи после многих лет нищенского тяжелого существования, безоружен. В грязной, порванной, тонкой набедренной повязке нет места, чтобы спрятать хоть какое-то оружие.

Однако, если бы такой наблюдатель приблизился, он стал бы сомневаться в своих первоначальных предположениях. Вблизи у прячущегося в лесу человека можно было заметить и кое-что другое, не совсем соответствующее его общему внешнему виду.

Во-первых, он был слишком неподвижен. На самом деле он вообще не шевелился. Ни один ничтожный представитель низших каст не в состоянии удержаться от почесывания и перемены позы.

При ближайшем рассмотрении мускулатура приводила в замешательство. Да, плечи опущены, но это могло быть сделано и преднамеренно — ведь он же прячется в зарослях. И хотя человека никто бы не назвал мускулистым, по крайней мере накачанным, все мышцы были определенно великолепно разработаны. По виду — железные. Таких мышц не увидишь у ничтожных представителей низших каст.

А плечи и руки! Очень длинные руки для такого роста. Длинные и сильные. И кисти очень большие — в пропорции к телу. Сильные. В шрамах и мозолях, и эти шрамы и мозоли появились совсем не в результате какого-то простого крестьянского труда.

И наконец глаза. Светло-карие, почти желто-оранжевые. Необычные для человека, явно относящегося к маратхи. И если бы наблюдатель подошел достаточно близко, чтобы заглянуть в них, он обратил бы внимание еще на одну странность. Глаза не смотрели так мрачно и без выражения, как смотрят представители низших каст. Нет, эти глаза скорее подобны глазам...

Наконец наблюдатель поймет. Человека, скрывающегося в лесах, называли по-разному. В одном случае он получил прозвище из-за цвета глаз и взгляда, который так походил на взгляд хищника.

У наблюдателя бы не нашлось времени, чтобы предупредительно крикнуть. Он бы просто умер в течение двух секунд. Пантере не нужно никакое оружие, кроме того, каким ее обеспечила природа.

* * *

На самом деле наблюдатель имелся. Но Пантера не стал его убивать, поскольку не заметил. Этот наблюдатель сам не в первый раз оказался в лесу и давно познакомился с хищниками. И, конечно, он не был дураком, чтобы приближаться к этому человеку. Не в эти минуты. Не тогда, когда человек, если бы он в самом деле был пантерой, бил бы в ярости хвостом.

Нет, лучше подождать. Наблюдатель уже нашел лежбище Пантеры. Он будет ждать его там и поймает его тогда, когда Пантера меньше всего настроен убивать. Наблюдатель знал, как поймать хищника в его норе. Ему доводилось делать это раньше, бессчетное количество раз, и он сделает это вновь.

Наблюдатель исчез, скрылся в лесу, не издав ни звука. Если бы Пантера оглянулся в этот момент, он бы заметил наблюдателя. Нет, не самого наблюдателя, поскольку тот был мастером. Просто странную, быстро мелькнувшую вспышку чего-то белого, сверкнувшую в темноте листвы, подобно маяку. Только на мгновение.

Но Пантера не обернулся. Он слегка пошевелился. Скрытая часть его разума пыталась передать сигнал. Но это был неопределенный, путанный, неуверенный сигнал, и сознательная часть разума Пантеры его подавила.

Уже на протяжении двух дней он на бессознательном уровне получал сигналы. Кто-то за ним наблюдает. В первый день он отнесся к ним очень серьезно. Но не смог ничего определить. Ничего — а он редко не определял, откуда исходит опасность. На второй день человек отмахнулся от сигналов, списав их на нервное напряжение. В конце концов нелогично столько времени наблюдать за ним в лесу и не предпринимать никаких шагов. Враг дал бы о себе знать. Каким-то образом.

Стали бы малва кого-либо опасаться? Здесь? В самом центре подвластной им территории? Когда рядом стоит целая армия?

Пантера снова отмахнулся от сигнала.

* * *

Два часа спустя его остававшееся без движения тело напряглось. Что-то происходило.

Группа раджпутов на лошадях заехала во двор и остановилась перед главным входом во дворец Подлого. Это оказался отряд сопровождения полудюжины жрецов Махаведы и более двадцати махамимамсов, проклятых любителей падали.

Дверь во дворец открылась, и вышел дворецкий — полный мужчина невысокого роста. Одет он был в прекрасные одежды и великолепный тюрбан, как и следовало по рангу. Оставаясь слугой, он занимал самое высокое положение в своем низшем классе. Причем достаточно высокое, так как йетайцы, проживавшие во дворце, не демонстрировали неуважения, с которым обычно относились ко всем слугам.

И, кстати, ко всем остальным. Как только йетайцы заметили раджпутов, у них словно шерсть встала дыбом, как у дворовых котов, встретившихся на улице с незнакомыми собаками. Раджпуты, люди более благородного происхождения, игнорировали йетайцев.

Дворецкий рявкнул, призывая к порядку. Последовал обмен слов. Несколько мгновений спустя жрецы и махамимамсы спешились и их проводили во дворец. Перед тем как войти внутрь, один из жрецов остановился и сказал несколько слов старшему в отряде раджпутов. Раджпуты развернули лошадей и выехали со двора. Им вслед неслись насмешки йетайцев. Но раджпуты не оглянулись, не отвечали и даже не подали знака, что вообще слышали йетайцев.

После того как раджпуты уехали, йетайцы неспешно вернулись во дворец. Естественно, не преминули сказать что-то оскорбительное слуге, придерживающему им дверь.

Примерно в течение получаса стояла тишина. Тишина, за исключением обычных звуков, доносящихся из дворца — звуков, которые ожидаешь услышать из здания, населенного целой армией слуг.

Очень занятых слуг. Ожидалось скорое появление хозяина. Это было хорошо известно, причем не только слугам, но и жителям всех соседних деревень. Узнав новость, слуги демонстрировали сумасшедшую активность. А жители деревень в страхе сидели по домам, выходя только по необходимости.

Человек в лесу был в отчаянии. Но об этом не свидетельствовало ничего, кроме, пожалуй, легкой дрожи длинных, сильных пальцев. Он надеялся, он молился, он шпионил, он строил планы — а теперь время вышло.

Человек в лесу закрыл глаза — на мгновение,— приводя в порядок чувства. Отчаяние, казалось, жгло его изнутри, подобно адскому огню. Отчаяние, которое ему не доводилось испытывать никогда в жизни. Отчаяние, вызванное только одним.

Только одним человеком. Одним человеком и другими, подобными ему, которых он возглавлял.

Пантера открыл глаза. В сотый раз, в тысячный раз его быстрый ум работал и работал, прокручивая все известные факты, снова и снова. Он много раз продумывал план действий. И с таким же результатом.

Это сделать нельзя. Это просто нельзя сделать. Бессмысленно даже пытаться. Они слишком хороши. В особенности *он*.

Он.

Конечно, Пантера знал, как *его* зовут. И знал уже несколько недель, почти с того самого дня, когда сам прибыл ко дворцу. Пантера узнал *его* имя у жителей ближайшей деревни, а потом и у слуг, которые жили в деревнях, точно так же, как узнал многие другие вещи.

Это было несложно. Ни жители деревень, ни слуги ничего не заподозрили. Дружелюбный, веселый человек, может, слегка повредившийся умом — несомненно, после ужасных переживаний, выпавших на его долю. Еще один несчастлый беглец, лишенный надежд, в мире беглецов, готовый выполнить разовое поручение в обмен на еду, которой могут поделиться жители деревни. И ему хочется поговорить. Очевидно, человек одинок. Немного не в себе, но безобидный и приятный. На самом деле — благословение для деревенских тетушек, которых часто никто даже не желает слушать.

Да, он из маратхи, не из их народности. Но жители деревни не испытывали никаких симпатий к малва. Совсем их не любили. Ничего не испытывали, кроме страха и глубоко запрятанной ненависти. Наиболее вероятно, что это — беглый раб, хотя на нем и нет клейма. Может, убежал до того, как его заклеймили. Жители ближайшей ко дворцу деревни инстинктивно скрывали его от любопытных и ничего не сказали властям.

И в любом случае кому им было докладывать? Дворецкому, который, как и все ему подобные, был мелким тираном? Лучше избегать его всеми возможными способами. Для низших каст, к которым относились жители деревни, считалось немыслимым даже приближаться к жрецам Махаведы, и только сумасшедшие осмеливались бросить взгляд на махамимамсов. Раджпуты просто игнорировали жителей деревни, как игнорируют мошек. Йетайцы делали то же самое, если только, как часто случалось, у них не появлялось желания поразвлечься. И несчастным становился тот, с кем они решали поразвлечься. В особенности не везло женщинам. И к кому тогда идти? Может, к кушанам. Но кушаны заняты своим делом, и у них нет ни времени, ни желания заниматься чем-то еще. Нет, лучше ничего не говорить. Это просто безобидный сумасшедший. В конце концов, ему и так пришлось пережить много горя.

Он. Да, Пантера знал его имя, но никогда не произносил вслух, даже в мыслях не называл его по имени. Зачем? О н был главным в жизни Пантеры. Уже несколько недель. А разве нужно давать имя центру вселенной?

Он. Проклятый, ненавистный *он.*

О, да. Часто проклинаемый — человеком, который вообще редко ругался. Глубоко ненавидимый — человеком, который редко опускался до ненависти.

Но не презираемый. Никогда. Потому что ненависть была особым видом ненависти, несмотря на глубину эмоций. Пантера никогда в жизни

не ненавидел человека так, как ненавидел *его*. Пантера никогда не ненавидел так сильно, никогда не желал никому разрушения с такой болезненной страстностью и в то же время не находил во враге недостатков.

В конце концов даже в служении малва. Ведь у человека не было выбора. Это Пантера знал, поскольку знал ситуацию в целом. История обязала человека, которого он ненавидел, и его соплеменников стать вассалами. Их сила и умение сражаться рекомендовали их другим. Но они оказались недостаточно сильны и недостаточно умелы, чтобы отказаться. И как и многие другие до них и те, кто придет за ними, они склонили головы.

Нет, в самом человеке не было ничего, что заставило бы Пантеру ненавидеть его. *Он* лично в этом не виноват, и сам он ничего плохого не сделал. Как раз наоборот, подозревал Пантера. Ведь сокровище его души осталась неповрежденной, ни душой, ни телом, несмотря на долгое пребывание в плену. Пантера знал, поскольку видел ее, хоть и на расстоянии. Видел много раз. Всегда в компании с ним. С *ним* и его людьми.

Конечно, она несчастна. Пантера знал, что она полна ненависти и отчаяния. Но также видел, как она смотрит на *него*. Нет, ни о каком дружелюбии не могло идти и речи. Но в ее взгляде Пантера не заметил ненависти, злости, отвращения или презрения.

И Пантера также видел, как *он* смотрел на нее. Сложно прочитать, что *он* чувствует. Человек с лицом, подобным железу, который казался холодным, как камень. Но Пантера понимал этого человека.

Возможно, в конце именно это понимание наполнило сердце Пантеры яростью, огненной яростью. Пантера ненавидел *его*, как не ненавидел ни одного человека в своей жизни. И также знал, что в другое время, другом месте, на другом повороте колеса он бы оценил душу этого человека.

* * *

А затем внезапно *он* оказался во дворе. Вышел из дверей дворца. После него вышли его подчиненные. Все подчиненные были из его племени. На самом деле из одного клана, как выяснил Пантера. Сплоченная группа опытных ветеранов, поклявшихся в верности своему командиру, соединенная с ним узами родства и кровавым опытом.

Пантера узнал их всех. Он помнил каждое лицо. Они все собрались во дворе. Весь отряд.

Пантера застыл на месте. Возможно... возможно. А вдруг это его шанс? Да, почти безнадежный, но в любом случае надежды больше нет. Они никогда не разрешали принцессе разгуливать по двору. Ее ежедневный моцион проходил в саду, разбитом на крыше дворца. Впервые Пантере предоставлялся шанс пробиться сквозь *их* ряды на земле.

Пантера скорчил гримасу. Пробиться. С пустыми руками. Да, руками наемого убийцы. Ему даже не требовалось оглядывать *их*: он точно знал, что увидит (хотя он все равно осмотрел, в тысячный раз). Дисциплина, безукоризненные шлемы и доспехи, хорошо заточенные, блестящие на солнце мечи и наконечники копий. И выправка и уверенность. Выправка и уверенность, которые приобретаются в сражениях, причем выигранных сражениях.

Но другого шанса не будет. Он медленно, незаметно стал готовиться к прыжку. Пантера подождет, пока не появится сама принцесса и не отойдет подальше от двери.

Он ждал. И ждал. И удивлялся.

Что происходит?

Теперь они кучно собрались в центре двора. За их спинами закрылась дверь дворца. Не было и следа принцессы.

Пантера смотрел на людей во дворе. Казалось, они ссорятся. Он не мог различить слов, но по тону становилось очевидно: они злятся. И так же очевидно по *его* лицу. *Его* выражение всегда читалось с трудом, но Пантера хорошо изучил его лицо. Сквозь железную поверхность проступила ярость с примесью горечи, хотя *он* и подавлял эмоции, поскольку привык к жесткой дисциплине.

Нет. Не ссора. Они не ссорились друг с другом. Ярость нацелена на кого-то еще. Пантера заметил *их* гневные взгляды, бросаемые на дворец. Яростные взгляды.

Дверь снова открылась. Пантера напрягся. Но принцесса опять не появилась. Только группа слуг с какими-то связками. Пантера внезапно понял: в этих связках находится все имущество...

Его взгляд вернулся к центру двора. Внезапно появилась надежда.

Он что-то сказал. Рявкнул, командуя. Пантера снова не смог разобрать слов. Но он знал тон. Так командуют армиями. Великие командиры.

Приказ есть приказ. Подчиняйся. Просто заткнись и выполняй.

Мгновение спустя *он* шел прочь. В следующую секунду за ним последовали его люди, подобрав свои вещи. Со двора. Вниз по выложенному плитками подходу ко дворцу. Затем повернули налево по грунтовой дороге...

...ведущей в казармы.

Неужели? Неужели это возможно?

Пантера колебался одну секунду. Достаточно долгую, чтобы бросить быстрый оценивающий взгляд на дворец.

Нет. Вначале нужно узнать...

Пантера понесся по лесу, чтобы окружным путем добраться до казарм. Он двигался очень быстро, но почти невидимо, создавая минимум шума. Можно сказать, подобно ветру.

Пантера нашел хорошее место, надежно укрытое, из которого мог наблюдать за казармой. Казармой, в которой жили раджпуты и обычные солдаты. Они не считались достаточно привилегированными, чтобы селиться во дворце. Из охраняющих дворец только йетайцы размещались внутри стен дворца. Только йетайцы, за исключением *его* и его людей из-за выполнения ими особого поручения. До этих минут.

Он уже был там, как и его люди. Они вошли в лучшую из казарм, предназначенных для обычных солдат. Раджпуты размещались в специальной казарме с другой стороны площадки, отведенной под эти строения. Конечно, не роскошной, там даже не имелось отдельных апартаментов для офицеров, но все равно значительно лучшей, чем отведенные для простых солдат.

Из казармы, в которую вошли *он* и его люди, доносились голоса. Голоса раздраженных и разозленных людей. Они вошли в нее, как волки в убежище шакалов.

Поток простых солдат потянулся из казармы. Поспешно, даже суетливо. Последнему из тех, кто вышел на своих двоих, помогли пинком под зад. Секунду спустя за ним вылетели двое, выброшенные подобно мешкам с рисом. Они приземлились в грязи и лежали там без сознания, из голов текла кровь — их жестоко ударили.

Вскоре из дверей полетели вещмешки обычных солдат. Мешки не упаковывали должным образом. На самом деле их вообще не упаковывали. Просто сгребли барахло в кучу и выбросили в грязь, подобно тому как домохозяйка в плохом настроении выбрасывает на улицу мусор.

Угрюмо и покорно — ну, может, посылая лишь тихие проклятия в сторону казармы — солдаты суетились, собирая свои пожитки. Очистили их от пыли, свернули и отправились в другую казарму, расположенную подальше от этой. В пустую казарму. С проломленными в некоторых местах стенами и незалатанной крышей. Во время дождя она спасала не лучше рыбацкой сети.

Да. Да. Да. Это правда!

Пантера понесся назад тем же путем. Но перед тем, как добраться до знакомого укрытия недалеко от дверей, ведущих на территорию дворца, остановился.

О, это было сложно! Недели отчаяния просто гнали его к ненавистному месту!

Но он остановился, сдерживаясь, как человек, устроивший сотню засад и избежавший еще больше.

«Терпение,— сказал он себе.— Подлый еще долго не прибудет. Много дней. Время есть. Я должен точно выяснить, что случилось. И выстроить план».

Он повернулся и пошел сквозь лес, к своему лежбищу в его гуще. По пути он пытался придумать новые уловки, основываясь на новой

реальности. Но вскоре отказался от попыток. Глупо строить планы, пока у тебя нет точной информации. И кроме всего прочего его душу переполняли эмоции.

Новая эмоция. Надежда. Огромная, подобная урагану. Она заполняла каждую потайную щелочку и закуток его души.

И место для нее имелось. Другая эмоция ушла. Пантера больше не ненавидел *его*. Ненависть исчезла, как соломинка во время урагана, и Пантера радовался, что она ушла.

* * *

Пантера прибыл к своему лежбищу. Оно не представляло собой ничего особенного. У него и так было мало вещей, а тут он еще и избавился от большей их части. Пантера тщательно готовил свое лежбище, чтобы его никогда никто не нашел.

Пантера сел на корточки, отодвинул камни и ветви, скрывавшие пепел, и стал горкой выкладывать щепки, чтобы развести костер. Еды немного, но у него есть время ее приготовить. Время строить планы и место. Безопасное, хорошо укрытое лежбище. Где он может погрузиться в свои мысли, не опасаясь обнаружения.

А затем за его спиной внезапно прозвучал голос. И этот звук был первым сигналом. Пантера попал в засаду. Он никогда бы не поверил, что такое возможно.

Голос говорил на его родном языке. Но с явным акцентом.

— Ты очень хорош, Рагунат Рао. Не так хорош, как я, но очень хорош.

Пантера повернулся. Очень медленно. И уставился на заросли, из которых слышался голос. И все равно ничего не увидел. Пока в темноте не промелькнула белая вспышка. Мгновенная вспышка, ничего больше. Пантера его различал, но едва. Человек так хорошо укрылся, что его тело было черным на черном фоне. Пантера медленно, незаметно стал готовиться к броску.

Из темноты, где прятался охотник, прилетел какой-то предмет. Приземлился не более чем в футе от ног Пантеры. Небольшая связка. Тонкая, около фута длиной. Завернутая в кусок ткани.

И снова прозвучал голос:

— Вначале посмотри на подарок, Рагунат Рао. Затем, если все еще захочешь вести себя по-глупому, ты по крайней мере будешь вооруженным дураком.

Пантера колебался всего секунду. Протянул левую руку и быстро развязал сверток. Подарок... лежал перед ним.

Конечно, он знал, что это. Но только после того, как он вынул вещь из ножен и осмотрел, Пантера понял, какой это великолепный подарок. Он понял, как великий знаток кинжалов и умеющий ими пользоваться.

У его ног приземлился еще один сверток.

— А теперь посмотри это,— послышался голос.

Пантера ножом разрезал кожаную обертку, в которую был завернут свиток. Открыл второй подарок и понял: это несколько листов папируса. На них было послание, написанное на его родном языке.

Пантера поднял глаза за незваного гостя. Охотник не сдвинулся с места.

«Странная засада»,— подумал Пантера и принялся читать.

Невозможно описать эмоции, которые вызвало в душе Пантеры это невероятное послание. Снова надежду — подобно голубому небу с радугой. Надежду дало само послание. Радугу — последние слова.

В полубессознательном состоянии он медленно поднял голову и уставился на охотника в тени.

— Это правда? — прошептал он.

— Какая часть? — прозвучал голос.— Начало — да. Ты сам видел. Мы очистили для тебя путь. Середина? Возможно. Все еще нужно сделать, и кто знает будущее?

Шорох, очень слабый. Охотник поднялся и вышел на небольшую опушку. Пантера уставился на высого мужчину. Он никогда не видел никого, подобного ему, и уставился на незваного гостя. Пантера давно знал, что созидание — удивительная вещь. Почему бы не появиться на свет такому удивительному человеку?

Пантера быстро осмотрел оружие пришельца. Затем — не так быстро — осмотрел то, как легко и уверенно тот держал огромное копье. Пантера узнал этот захват и понял, что уже был бы мертв, если бы этот человек...

— Как мне повезло, что я не могу отказать себе в удовольствии чтения,— заметил Пантера.

— Да, это удовольствие,— согласился охотник, весело улыбаясь.— Я сам люблю почитать. Черта характера, которая, не сомневаюсь, значительно продлила мою жизнь.

Огромный охотник внезапно сел на корточки. Они с Пантерой уставились друг на друга, их глаза находились почти на одном уровне. Улыбка не сходила с лица охотника.

— Что, странно, возвращает нас к твоему вопросу. Верна ли последняя часть послания? Это, как мне кажется, ты хочешь узнать больше всего.

Пантера кивнул.

Охотник пожал плечами.

— Трудно сказать. Я не очень хорошо знаю... сущность. Давай ее — его? — так называть. Он, этот кристалл, тесно связан с тем, кто послал тебе письмо.

— Ты видел его?..

— О, да. Но ненадолго, учти, совсем ненадолго. Но это был запоминающийся опыт.

Охотник сделал паузу, на мгновение уставился в лес. Затем медленно заговорил:

— Не знаю. Думаю: да. Но на этот вопрос трудно ответить с уверенностью. Потому что, видишь ли, он включает природу души.

Пантера задумался над словами. Затем снова посмотрел на листы и снова прочитал последнюю часть послания. А затем весело рассмеялся.

— Я думаю: ты прав.

Он свернул листы папируса, обернул кожей и засунул за набедренную повязку.

— Похоже, мне снова придется действовать в мире чувств, основываясь только на вере,— заметил он и пожал плечами.— Но пусть будет так.

— Чушь,— твердо сказал охотник.— Только вере? Чушь! — И махнул рукой, словно отмахиваясь от неуверенности.— У нас есть философия, парень! Философия!

На лице охотника появилась улыбка, светившаяся в мрачном лесу, подобно маяку.

— Я слышал, ты сам увлекаешься философией.

Пантера кивнул.

Улыбка чуть не слепила.

— И что же? Вопрос с душой не такой уж и сложный в конце концов. По крайней мере несложный, если мы начнем с простой истины. Постоянно изменяющаяся очевидная реальность — это ничто, кроме тени, бросаемой на наше сознание неглубокими, лежащими в основе, неизменяемыми, вечными формами.

Пантера прищурился так, что глаза превратились в щелочки. Сокровище его души в плену — предназначено для удовлетворения похоти зверя — впереди страшная битва — отчаянный побег от погони, уловки и этот... этот... этот полуголый чудной варвар... этот... этот...

— Я никогда в жизни не сталкивался с таким вздором! — рявкнул Пантера.— Детский лепет! — Хвост как бы ударил по земле.— Полный кретинизм!

Он в гневе развел огонь.

— Нет. Нет, мой дорогой, ты совершенно запутался в этом вопросе. Майя[1] — пелена иллюзии, которую ты так небрежно называешь постоянно изменяющейся очевидной реальностью,— ничто. Не тень — ничто. Если ты называешь такую пустоту тенью, то это подразумевает...

---

[1] Майя — понятие др.-инд. философии — иллюзорность всего воспринимаемого мира, скрывающего под видимым многообразием свою истинную сущность.

Пантера замолчал.

— Но я веду себя невежливо. Я не спросил, как тебя зовут.

— Усанас.— Чернокожий гигант приложил руку к груди и слегка склонил голову.— Возможно, я начал тему в не совсем подходящее время. Нужно спасать принцессу, совершать убийства, уводить в сторону погоню, готовить уловки, обманывать и раскрывать обман... И все это, основываясь не на чем-то существенном, а на видении. Возможно...

— Чушь!

Рагунат Рао устроился поудобнее, как пантера устраивается, чтобы сожрать импалу.

— Шакунтала подождет,— объявил он, повелительно махая рукой.— Как я не устаю объяснять этой любимой, хотя и упрямой девчонке: в конце концов роль играет только душа. А что касается остального, то должно быть очевидно с первого взгляда — даже для тебя — что существование самой души предполагает Сущность, Идею. А Сущность, по своей природе, должна быть неделима. А если...

— Чушь! — проворчал Усанас.— Такая сущность... Кстати, это глупый термин — с точки зрения логики, поскольку предполагает то самое, что должно быть доказано. Сама по себе сущность может быть только...

И далеко в ночь, далеко в ночь. Тихий, шепчущий звук в лесу. Слабый, мерцающий свет. Но ничего не видно, кроме двух хищников, спорящих о добыче.

Душа, великая добыча, гигантская добыча, единственная достойная для по-настоящему великих охотников. Великих охотников. Возможно, самых великих в мире, за исключением маленьких человечков в другом лесу, далеко от этих двух. Которые тоже, своим собственным образом, борются за самого гигантского зверя.

Глава 23

Три ночи спустя Ветер Великой Страны пронесся по дворцу Подлого.

Жуткий ветер. Молчаливый, как призрак. Не задел ни одной занавески, не разбил ни одной чашки. Но оставил на своем пути разрушения, подобно урагану. Урагану, прадедушке ярости, поднимаемые которым волны смывают целые берега, разрушая все на своем пути.

На этот раз поднялась неестественная волна. Выборочная в разрушении, узконаправленная и точная.

Дворецкий умер первым, в своей постели. Он быстро отправился на тот свет, поскольку ему и так уже было тяжело от накопившегося жира, подобно ножнам окружающего все тело. Он умер молча, налившись краской, глаза его вылезли из орбит и мертвым взором смотрели на множественные веревки и рычаги, к которым в отчаянии тянулась

его рука. К приспособлениям, которые могли бы спасти его, поскольку являлись нервным центром дворца. Эти механизмы могли бы послать сигнал тревоги охранникам-йетайцам, разбудить жрецов и палачей, вызвать слуг.

Удивительные рычаги, сделанные мастерами по художественной обработке металла. Красивые веревки из самого лучшего шелка.

К сожалению, механизмы оказались вне пределов его досягаемости. Они бы все равно были вне пределов досягаемости, даже если бы ближайшая шелковая веревка, та, к которой дворецкий тянулся с особым отчаянием, все еще оставалась на месте. Дернув за нее, можно было бы подать сигнал тревоги в место размещения йетайцев. Но ее не оказалось на месте. Дворецкий увидел ее обрывок, свисавший с потолка. Ее, наверное, отрезали бритвой — судя по свисавшему концу. Или по-настоящему великолепным кинжалом.

Однако дворецкий не успел поразмышлять о том, куда подевалась исчезнувшая веревка. Красивый шелк скрылся в складках жира, окружавших его шею, и сильные стальные руки затянули ее. Он пытался бороться с этими руками с отчаянием и неистовой волей к жизни.

Но это была не та воля, слишком ничтожная, мелкая и жалкая в сравнении с волей, управлявшей невероятными руками. Эта воля могла превратить мякоть в сталь.

И лакей умер так же, как жил. Раздутый до невозможности.

Ветер вылетел из покоев дворецкого. Перед тем как их покинуть, Ветер ненадолго задержался, чтобы обрезать все веревки и вывести из строя все рычаги. И при этом — сверхъестественный ветер! — ни один из многочисленных звонков во всем дворце даже не дрогнул.

Рычаги Ветер выбросил. Веревки оставил при себе. Отличные веревки, шелковые. Они очень понравились Ветру.

Три из них Ветер использовал в следующие несколько минут. Высшие жрецы Махаведы, наблюдавшие за группой обычных жрецов и палачей, недавно приписанных ко дворцу, располагались неподалеку от покоев дворецкого. Их комнаты не были украшены так богато, как его покои, да и замки оказались не такими сложными. Но если бы и оказались, это не сыграло бы особой роли. У дверных замков, независимо от сложности, было не больше шансов противостоять Ветру, чем у одуванчиков урагану.

Не сыграло также роли и то, что легкие жрецов не окружали слои жира. И то, что их шеи не покрывал слой жира и они оставались тонкими из-за привычки к аскетизму, свойственному священнослужителям. Даже слишком тонкими на самом деле для таких высокопоставленных жрецов. Но и этим шеям пришлось попробовать на себе веревку. Потому что жрецы Махаведы, по мнению Ветра, заслуживали, чтобы на их шеях затянули веревки.

Ветер вылетел из покоев верховных жрецов и пронесся через соседние комнаты. Маленькие и незапертые спальни скромных жрецов и занимающих еще более низкое положение махамимамсов.

Они стали еще скромнее, просто образцами скромности во время прохода Ветра. Да, их простые постельные принадлежности окрасились в ярко-красный цвет, очень неподходящий для их скромного статуса. Но их едва ли можно винить в этом. Ведь ураган всегда приносит влагу. Тут она оказалась красного цвета.

Закончив с делами в этих покоях, Ветер отправился в западное крыло дворца. Там, на некотором расстоянии, находилась конечная цель Ветра, принесшего разрушение.

Через покои слуг Ветер шел легко и медленно. Ветер не враждовал с ними. Поэтому он прошел по их коридорам, как самый нежный из зефиров[1], чтобы не разбудить спящих.

Тем не менее один человек проснулся. Не услышав шаги Ветра, а из-за старости. Старые люди часто просыпаются по ночам. Вот и эта старуха, морщинистая после долгих лет тяжелой работы и плохого отношения, на этот раз не спала. Ей просто не повезло, что она вышла из крохотной каморки не в то время.

Вскоре она снова оказалась у себя. Лежала на матрасе с кляпом во рту, связанная шелковыми веревками, но никаким другим образом не пострадавшая. Она не пыталась разорвать веревки. И не боролась с железными пальцами. Ее обнаружили на следующий день. Неприятно, что ей пришлось пролежать ночь на пропитанном ее же мочой матрасе. Но больше жаловаться было не на что.

Однако в этом случае жалость Ветра не помогла женщине. Два дня спустя старуха все равно умрет. Посаженная на кол во дворе по приказу Венандакатры. Приговоренная к смерти за то, что не смогла справиться с одним из величайших наемных убийц в мире.

Странно, но, услышав приговор, она не особо расстроилась и не винила Ветер. Она прожила несчастную жизнь на этом повороте колеса. А следующая может быть только лучше. Да, последние минуты оказались болезненными. Но старухе не привыкать к боли. А пока можно здорово повеселиться. Больше повеселиться, чем за всю ее предыдущую, полную несчастий жизнь.

И ее в конце окружала неплохая компания. Самая лучшая. Этих мужчин она хорошо знала. Солдаты-йетайцы, которые годами развлекались, издеваясь над нею, избивали, проклинали и плевали в нее. Их отцы делали то же самое, когда она была молодой, а еще и насиловали ее. Но теперь они сами развлекут ее, в последние часы ее жизни. Очень хорошо развлекут.

---

[1] Зефир — легкий западный ветер.

Поэтому старуха наслаждалась последними минутами жизни и радостно приняла смерть. А семнадцать сильных йетайцев сидели вокруг нее на таких же колах и кричали от боли, уходя в небытие.

* * *

Покинув покои слуг, Ветер быстро понесся по роскошно убранным комнатам, где размещался и развлекался Подлый, когда останавливался во дворце. Ветер оставался невидимым, поскольку никакие лампы не горели, и он как и всегда не создавал шума. Но в невидимости и тишине не было необходимости. В ночное время, в отсутствие хозяина никто не пойдет в его покои. Никто не посмеет. Если кого-то там обнаружат, то обвинят в воровстве и казнят в течение часа.

Нет необходимости оставался невидимым, нет необходимости не производить шума. Но все равно он двигался бесшумно, потому что Ветер всегда так двигался, такова его природа. Такова душа явления.

Ветер вылетел в коридор, ведущий на лестницу. Там он встретил первого охранника из махамимамсы. Охранник стоял у лестницы в жалком подобии позы, которую должен принимать часовой. Ветер задержался на мгновение, потом полетел вверх по ступеням. Махамимамса остался внизу, сильно изменив позу. Он больше не пытался притворяться несущим вахту. Но для разнообразия у него теперь были раскрыты глаза.

У верхней площадки, перед последним рывком вверх, Ветер остановился и замер. Прислушиваясь, как только может прислушиваться Ветер.

Один махамимамса, не больше.

Если бы он не привык соблюдать тишину, Ветер взвыл бы от презрения. Даже у йетайцев хватило бы ума поставить двух часовых на верхней площадке.

Но йетайцам никогда не разрешалось подниматься сюда, по крайней мере с тех пор, как сокровище, размещавшееся в западном крыле, привезли во дворец. На самом деле принцессу разместили в этом крыле потому, что оно дальше всего располагалось от места, отведенного йетайцам. Ни один представитель малва — в здравом уме — и близко не подпустит йетайцев к такому сокровищу, как девственница. Варвары неоценимы, но не одомашнены. Дикие собаки из степей, натягивающие поводок. И часто — бешеные собаки.

А хозяин этого дворца находился в здравом уме. И ему еще немного вправил мозги мудрый иностранец. Да, пьяный иностранец. Но — in vino veritas[1]. И поэтому находящийся в здравом уме хозяин усилил охрану сокровища. Отправил приказ вперед. Теперь сокровище будут

[1] Истина в вине *(лат.)*.

охранять только палачи-махамимамсы, а наблюдать за ними — несколько жрецов. Мужчины, давшие обет безбрачия. Они давали торжественные клятвы, а еще больше боялись осквернения (самым же ужасным считалось влажное грязное кровавое женское лоно).

Ветер преодолел последние несколько ступенек и завернул за угол. Еще одна веревка нашла применение.

Ветер был доволен, поскольку ценил красоту. Такой великолепный шелк должен находить применение, им должны восхищаться, а не прятать в апартаментах одного обжоры. А теперь его увидят и другие, на следующий день. Возможно, не станут восхищаться. Смертных, склонных к иллюзиям, трудно удовлетворить.

Дальше по коридору налево, дальше по коридору направо. Так Ветер и продвигался. Медленно, уверенно, словно знал каждый дюйм пути.

И на самом деле знал. Ветер выяснил все секреты дворца. Получил их из самого скромного источника: ленивой болтовни деревенских женщин, которые по многу лет трудились в нем. Долгие годы мыли стены, меняли белье, вытирали полки от пыли, натирали полы. Ленивой болтовни, к которой Ветер внимательно прислушивался.

Теперь в конце коридора Ветер снова замер. О его появлении не предупредило ничто, даже шорох. Этот коридор вел в большой зал под куполом, центральное помещение западного крыла дворца.

Ветер знал о нем. Под огромным куполом располагался пустой зал, за исключением небольшого столика в центре. Столика и трех стульев. О, да. Ветер хорошо знал это помещение. На самом деле лучше, чем какую-либо комнату, в которую когда-либо заходил.

Хорошо знал, потому что ненавидел этот зал под куполом больше, чем ненавидел какое-либо помещение, построенное людьми. Ветер думал об этом зале часами, днями, неделями. Пытаясь найти способ преодолеть его так, чтобы не прозвучал сигнал, который принесет смерть.

Но Ветер так и не нашел способ. Потому что человек с железным лицом тоже думал о зале и о том, как его охранять.

В самом конце коридора, у самой границы света, отбрасываемого светильником, стоявшим в центре зала, Ветер остановился. Замер.

Раньше Ветер мог не торопиться. После того как он войдет в зал, времени у него не останется.

Зал являлся первым из последних барьеров к цели Ветра. Таких барьеров было четыре. Первый — зал под куполом и стража в нем. Затем, через два коротких коридора, второй — стражники, дежурящие перед дверью в покои принцессы. Третий — это прихожая перед входом в спальню, где дежурит основная группа охранников. А потом Ветер узнал и о четвертом барьере (в предыдущий день, от деревенской женщины, кипевшей от ярости). Четвертый барьер находился в комнате принцессы. Раньше, пока человек с железным лицом коман-

довал другими охранниками, принцессе позволяли спокойно спать. Теперь даже во время сна за ней наблюдали палачи.

Но главным барьером для Ветра на протяжении всех этих недель являлся первый. Ветер нисколько не сомневался, что в состоянии преодолеть зал — даже когда помещение охраняли *его* люди — и добраться до следующих барьеров. Но обязательно прозвучит сигнал тревоги. А после того как прозвучит сигнал, следующие барьеры становятся непреодолимыми препятствиями, даже для Ветра.

Застыв в темном коридоре, Ветер осматривал ненавистный зал в свете новой реальности. И опять с трудом сдерживался, чтобы не взвыть.

Его воины в те дни, когда они несли вахту, всегда стояли прямо, прислушиваясь ко всем странным шумам, и держали в руках оружие. Они не разговаривали. В любом случае болтать друг с другом было невозможно, потому что его часовые располагалась на приличном расстоянии один от другого. Ведь если нападут на одного, у другого будет возможность по крайней мере предупредить других криком. И не только предупредить. Ветер шагами вымерял расстояние в лесу, как бы моделируя зал, и пришел в отчаяние.

И даже не другого, а других. Потому что человек с железным лицом всегда ставил трех стражников в зале, причем в любое время дня и ночи. Это — главный пост верхнего этажа западного крыла. Главная линия защиты. А о н был ветераном, мастером, умеющим оценить местность. *Он* сразу же все понял, как только осмотрел место новой битвы.

Трое. Здесь. Трое. Трое. Всегда.

Это были первые приказы, которые отдал человек с железным лицом, заступив на новый пост. Ветер знал это от деревенской женщины. Она мыла пол в зале, когда туда вошел человек с железным лицом.

Увидев *его*, она просто застыла на месте.

Не из-за лица. Ей доводилось видеть жесткие лица и раньше, и она знала, каким людям они принадлежат. Поэтому и заставила себя не шевелиться. Она сидела на корточках в углу зала, подобно мышке на голом полу, когда внезапно вошел кот.

Не из-за приказа. Она едва запомнила его, да и то только потому, что приказ соответствовал сильной, грубой натуре человека, отдавшего его.

Нет, она не могла вымолвить ни звука и пошевелиться потому, что человек с железным лицом очень быстро оценил ситуацию, отдал команду, а затем медленно повел своих людей через зал, причем заставил их ступать шаг в шаг. Осторожно ступать, чтобы не повредить результаты труда женщины — пять часов бесполезного монотонного труда, когда она на коленях исползала весь зал, оттирая каждую половицу.

Услышав этот рассказ, Ветер тоже был поражен, но по-другому. Он не мог произнести ни слова, его язык словно примерз к нёбу. Ветер

боролся между великой ненавистью и еще большим желанием направить ненависть на другой объект.

А теперь было можно. Человека с железном лицом больше нет во дворце. И нет людей, которыми *он* командовал. Людей, подобных ему самому.

Они ушли, а их заменили... *эти*.

Как трудно! Как трудно не закричать от радости!

Зал охраняли два представителя малва. Один жрец и один махамимамса.

Солдаты охраняли бы зал совсем по-другому.

Любые солдаты.

Обычные солдаты, конечно, были бы менее осторожны, чем *его* люди. Обычные солдаты, которым скучно, сошлись бы на полпути и тихо разговаривали друг с другом. Да, они остались бы стоять. Но стояли бы напряженно и держали бы оружие наготове.

Йетайцы, вечно надменные и грубые, сели бы за стол в центре зала. И вскоре все помещение наполнилось бы их громкими голосами, шумом. Они обязательно бы обменивались репликами. Тем не менее даже йетайцы развернули бы стулья от стола, поставив их так, чтобы смотреть на дверь, и держали бы оружие наготове.

И только жрец с палачом могли охранять помещение, сидя за столом, повернувшись спинами к коридорам и положив мечи на третий стул сбоку. Они склонились над абзацом из веды[1]. Жрец был раздражен, пытаясь объяснить тупому палачу тонкости текста, посвященного его занятию.

Ветер оглядел их из коридора, находясь вне пределов освещенного пространства. Бегло осмотрел.

Время осмотров прошло.

Ветер в темноте стал готовиться к броску.

Вначале Ветер повесил оставшуюся часть веревки на незажженную лампу, укрепленную на стене.

Время шелка прошло.

Затем Ветер в последний раз полюбовался шелком и понадеялся, что его найдет какая-нибудь служанка. Возможно, если за ней в тот момент не будут следить, ей удастся украсть этот шелк и привнести в свою мрачную жизнь немного красоты.

А затем Ветер молча запел от радости. Ветер радовался, что человека с железным лицом больше нет во дворце, но, с другой стороны, пока о н был здесь, *его* люди свято хранили сокровище души Ветра и оберегали ее от опасностей. И еще Ветер пел тому неизвестному, благодаря которому человек с железным лицом покинул дворец.

---

[1] Веды — священные книги индусов.

Ветер немного задержался в коридоре, чтобы исполнить эту молчаливую песню, поскольку время радости прошло. Но радость — более драгоценна, чем шелковая веревка, и с ней нужно обращаться осторожно, беречь ее. И забыть о ней в нужный момент, чтобы мысли о радости не повредили делу. Вихрю.

Неизвестному, с первобытного Запада. И Ветер задумался о странном Западе. Удивление тоже драгоценно. Слишком драгоценно, чтобы отбрасывать в сторону, не посмаковав его великолепие.

Кто они? На самом деле ничтожества, язычники с предрассудками, как ему всегда говорили? Необразованные варвары, которые никогда не видели лица Бога?

Но Ветер размышлял недолго, поскольку время размышлений тоже прошло.

А спираль закручивалась и закручивалась.

Кончено, удивление еще вернется, в нужное время. Придет день, когда, все еще удивляясь, Ветер изучит Библию, это Священное писание Запада.

Собираясь с силами, он отбрасывал все драгоценное для души. Отбрасывал прочь, чтобы оставить место.

Ненависть нелегко шла в душу, называемую Ветром. Она приходила с большими трудностями. Но душа Ветра — это человеческая душа, и ничто человеческое было ей не чуждо.

Придет день в будущем, когда Ветер, изучая Священное писание западных людей, откроет страницы книги Екклезиаста. Тогда Ветер найдет ответ. Небольшое удивление заменится большим. Оказывается, Бог так велик, что даже тупой Запад смог увидеть Его лицо.

Но это в будущем. А в темном коридоре настоящего, во дворце Подлого радость и удивление уходили от Ветра. Все истинное и ценное уходило, как обычно делают все разумные существа, почувствовав приближение шторма.

Любовь выкопала норку. Нежность взобралась на дерево. Жалость нырнула на дно озера. Щедрость укрылась в траве. Терпимость, милосердие и доброта судорожно били крыльями, пролетая под опускающимся небом.

У Ветра была огромная душа. Огромная, но теперь она свернулась. А в центре сформировалась огромная пустота. И в этот вакуум бросились ненависть и ярость, гнев и огонь. Горечь добавила общего веса, жестокость придала энергии. Месть собрала тучи.

Ураган приближается. Сила его нарастает.

Ураган, как и Ветер, был многим для многих людей. Разным в разное время. С разными лицами.

Ураган приносит дождь. Ветер в сезон дождей — если это не ураган — помогает морякам, тысячам моряков, которые везут свои

грузы по морю. А еще одно лицо — это лицо самой жизни. Потому что миллионы крестьян выращивают урожай, а в сезон дождей на землю выпадает влага.

Но у урагана есть и другие лица. Он уничтожает все строения на берегу, затопляет долины и убивает миллионы.

Говорят, и правильно говорят, что Индия — страна, созданная ураганом. Может, именно по этой причине — кто знает? — индийское видение Бога так отличается от принятого на Западе.

На непреклонном Западе Бог — только Создатель. Но даже на Западе знают о сезонах и даже поняли их значение.

В Индии Бог также творит разрушение и поет в своей ужасной великой радости: я стал смертью, разрушителем миров.

Для всего есть время. Для всего есть свое время.

И во дворце Подлого это время пришло.

Сезон дождей. Ураган.

* * *

Из-за невероятной скорости представители малва, сидевшие за столом, не услышали приближения Ветра, пока он не оказался над ними. Махамимамса вообще не услышал, поскольку так увлекся трудным текстом. Он только что размышлял над словами, а в следующую секунду уже ни о чем не размышлял. Разбивший его голову кулак положил конец мыслям.

Жрец услышал, начал поворачиваться и открыл от удивления рот, увидев, как умер его товарищ. Затем резко вдохнул воздух, подавился, попытался закричать, но не смог. Палача убила правая рука Ветра. Закончив с ним, рука пошла дальше. Ребро ладони врезалось в горло жреца, подобно кувалде.

Жрец уже почти умер: шея у него была сломана, но теперь Ветер пришел в ярость. Ураган по своей природе не просто убивает, чтобы убить, он несет разрушения и хаос. Ужасные руки сделали свою работу. Левая схватила жреца за волосы и развернула к себе полностью, правая подобно железному наконечнику разбила нос и вдавила сломанные кости в мозг. Все в одно мгновение.

И Ветер в ярости понесся через зал под куполом, потом дальше по коридору.

Короткий коридор перешел в следующий. После поворота налево на небольшом расстоянии находилась дверь, ведущая в покои принцессы. Перед этой дверью стояли трое махамимамсов. А о н тут ставил двоих. Места тут мало, и трое могли только помешать друг другу.

Ветер понесся по коридору. Время сохранения тишины прошло. А стражнику требовалось только выглянуть из-за поворота. О н всегда ставил одного из двух охраняющих коридор людей у поворота, чтобы

оттуда постоянно наблюдать за залом. В свое время это приводило Ветер в отчаяние.

Несмотря на всю ярость бущующего Ветра, шума практически не было. Благодаря манере передвижения ног Ветра он получил и другое имя, среди других. Вообще-то это только одна из причин... Лапы пантеры не бьют по земле, не создают шума. Прыгая на дичь, пантера грациозно приземляется на лапы.

Но тем не менее полностью избежать шума не получалось. Палач, стоявший ближе всех к коридору, нахмурился. Что?.. Больше от скуки, а не потому, что его что-то встревожило, махамимамса направился к повороту. Его товарищи увидели, как он пошел, и даже не задумались, почему. Они сами вообще ничего не слышали. Предположили, что он решил прогуляться от скуки.

А Ветер вылетел из-за поворота. Лень исчезла. И скука исчезла. Палачи пожалели, что не находились в состоянии боевой готовности, причем сильно пожалели, как человек жалеет о потерянном сокровище, поскольку никогда не знал его цену.

Но агония была короткой.

Первый палач, тот, если так можно выразиться, бдительный, вообще не успел ни о чем пожалеть. Кинжал вонзился ему под подбородок, прошел сквозь язык, рот, в мозг. Агония закончилась, только начавшись.

У остававшихся двух палачей было время только выпрямиться и уставиться широко раскрытыми глазами. Один даже попытался нащупать свой меч. Он умер первым, кинжал рассек ему горло. И тем же движением Ветер убил и второго, проведя кинжалом по одной линии через два горла.

Конечно, теперь не обошлось без шума. Тела упали на пол с глухим звуком, а кровь струей выплеснулась на стены. Громче всего, пожалуй, оказался булькающий звук — из ран выходил воздух. В последние мгновения жизни палачи сделали большие вдохи от страха, а теперь этот воздух вылетал наружу вместе с кровью.

Стражники-йетайцы, несмотря на всю свою надменность и высокомерие, обязательно услышали бы эти звуки. Даже через закрытую дверь.

Но жрец и шесть палачей, несущих вахту за этой дверью, не услышали ничего. Или, скорее, услышали, но ничего не поняли. В отличие от воинов-йетайцев они не были знакомы со звуками, производимыми людьми, быстро отправляемыми на тот свет.

Другими звуками смерти, да. О, многими звуками. Крики боли они знали. Стоны в агонии. Вопли, да. Завывания, да. Стенания — бесспорно. Поскуливания и рыдания они могли бы узнать во сне. Даже глухое, почти молчаливое шипение, вылетающее из горла, охрипшего от продолжавшихся в течение долгого времени криков ужаса и боли. Это они знали. Хорошо знали.

Но слабые звуки, идущие сквозь дверь?.. (Хотя один палач удивился, подошел к двери и начал ее открывать.) Это были звуки быстрой смерти, а быстрая смерть оказалась незнакома людям, стоявшим за дверью.

Но теперь станет знакома.

А Ветер оказался в пике ярости. Дверь исчезла, разбитая проносящимся ураганом. Он ворвался в помещение.

Разлетаясь в стороны, куски двери попали в нескольких палачей. Один свалился на пол, второй зашатался. Ветер на мгновение проигнорировал упавшего. А пошатнувшийся все-таки упал — на спину, мертвый. Его убил по-настоящему великолепный кинжал, который пронзил тощую грудь насквозь.

Пятеро других представителей малва, находившихся в помещении, широко раскрыли рты. Их глаза округлились от страха и шока. И больше всего — полного неверия.

Странные чувства на самом деле, в особенности для жреца. Разве он сам снова и снова не объяснял махамимамсам, что убийство и резня благословляются ведами? (Другие индийские священники, мистики и садху отрицали это, причем горячо и горько, и даже называли культ Махаведы гнусностью в глазах Бога. Но теперь они молчали. Махамимамсы сделали свою работу.)

Итак, ураган влетел в комнату, а находившиеся там люди должны были оценить божественную суть опыта. Но не сделали этого. Скандальное поведение, в особенности для жреца. Остальных малва в прихожей можно и извинить. Несмотря на все их ритуальные претензии, отрывочное и несистематичное знакомство с ведами, которые они частично выучили наизусть, махамимамсы оставались просто грубыми ремесленниками и занимались ремеслом, грубым по природе. Поэтому понятно, что когда это самое ремесло применили в отношении них самих, они не увидели ничего, кроме блестящего исполнения работы.

Лежавший на полу махамимамса не успел даже восхититься. Отлетевший кусок двери, который сбил его с ног, также оглушил его. В полубессознательном состоянии он только успел увидеть на долю секунду железную пятку, которая остановила его сердце.

Следующему махамимамсе повезло больше. Та же самая нога откинула его в угол, но не парализовала его разум вместе с телом. Поэтому его можно назвать привилегированным. Он умрет последним, после того как Ветер сметет всю остальную жизнь из помещения. У махамимамсы будет достаточно времени, чтобы восхититься высшим мастерством убийства.

Примерно четыре секунды.

Теперь умер жрец. Ему перерезали сонную артерию, причем таким экономичным и быстрым ударом, что даже Валентин, если бы его

увидел, восхитился бы экономичностью деяния. Затем умер махамимамса, который получил локтем в висок, причем так сильно, что половина мозга наполнилась кусками раздробленной кости.

Еще один махамимамса, еще одна перерезанная сонная артерия. Но этот удар оказался не очень экономичным — Ветер почти отрубил голову.

И теперь наконец у одного малва нашлось время, чтобы крикнуть, предупреждая других. Крик оборвался, перешел в кашель. Все это сделал кинжал, пронзивший сердце.

И только один махамимамса из семи представителей малва, находившихся в прихожей, смог достать оружие, перед тем как умереть. Короткий кривой меч, который он занес для нанесения удара. Ветер набросился на него и отсек кисть, державшую меч, разбил коленную чашечку одним ударом, а затем локтем руки, державшей кинжал, разбил и череп палача.

В четвертую, последнюю секунду Ветер залетел в угол, куда раньше загнал палача, и воткнул кинжал ему в глаз и сквозь него в мозг. Великолепное лезвие прошло сквозь кость легко, словно разрезало мясо.

Быстрая смерть, невероятно быстрая, но — конечно — ни в коем случае не беззвучная. Во-первых, дверь разлетелась на куски, один палач издал полувскрик-полукашель, ломались кости, брызгала кровь, клацкнул меч, падающий на пол. И, конечно, несколько тел с грохотом падали на пол и врезались в стены.

Ветер услышал движение за последней дверью, закрывающей путь к его сокровищу. Движения и отрывистые выкрики людей, готовящихся к схватке. Судя по голосам, двух людей.

Затем — другие звуки, странные звуки.

Ветер знал их значение.

Ветер бросился к этой двери и разобрался с ней так, как это делает ураган, и в ярости влетел в комнату. Комнату принцессы Шакунталы. Где она даже во сне не могла побыть одна, не могла избежать блестящих жестоких глаз.

Двое махамимамсов, как и думал Ветер.

Непредсказуемый, внушающий суеверный страх Ветер. И теперь наступил главный момент всего, ярость шторма достигла пика, потом ураган ослаб. Стал мягким ветерком, который медленно полетел вперед, желая просто потрепать траву и цветы на полях, не больше.

Остался один махамимамса. Второй был мертв. Скорее умирал.

Ветер быстро осмотрел его. Палач умирал на полу, давился, двумя руками держась за горло. Ветер знал этот удар, разбивший дыхательное горло — прямой удар, наносимый двумя разведенными буквой V пальцами, напряженной рукой, в который вкладывается сила всего тела. Он сам нанес точно такой же удар менее минуты назад, жрецу в зале с куполом.

Если бы Ветер сам наносил удар валяющемуся на полу махамимамсе, то тот умер бы, не успев долететь до пола. Но удар наносил не он, а его ученица, которую он и обучил ему. Правда, в ней не было его ураганной силы.

Неважно. Нельзя сказать, что Ветер остался недоволен. На самом деле удар был прекрасный. Умело нанесен и — что давало Ветру еще большее удовлетворение — выбран быстро и разумно. Человек может не умереть сразу. Но сколько бы он ни продержался, он сможет издать только хрип.

В данном же случае человек умер быстро. Ветер не видел смысла в том, чтобы оставлять его в живых, и покончил с ним, сильно ударив пяткой.

Однако удар был нанесен почти лениво, потому что основное внимание Ветер направлял на последнего врага и его кончину.

Здесь Ветер нашел повод для неудовольствия и ворчания. Глубокого сожаления, глубокого неудовлетворения.

Она была к этому склонна. Властная принцесса не смогла устоять перед королевским жестом.

Да, признал Ветер, она очевидно начала хорошо. Быстрым, резким ударом в пах. Хорошо выбрала из богатого набора ударов, которым ее обучил Ветер. Парализующий удар, в худшем случае полупарализующий, в самом лучшем — парализующий голосовые связки. Кашель, тихий стон, не больше.

Она первым нанесла этот удар, Ветер знал. Знал с уверенностью, хотя и не присутствовал в спальне.

Как Ветер и учил ее, в случае, если приходится сражаться с двумя противниками. Быстрый удар по одному, выводящий его из игры, смертельный другому, затем вернуться к первому и покончить с ним. Но этой простой формуле сам Ветер следовал далеко не всегда. Но ведь Ветер был мастером, знавшим все тонкости, поскольку он задавал игру.

Пока — все прекрасно. Но затем — бес, а не девка!

Ветер выдохнул в отчаянии, как и много раз в прошлом. Сколько раз он ей говорил? Сколько? Упрямая девчонка!

Но ярость быстро уходила. Гораздо быстрее, чем собиралась, на самом деле гораздо быстрее. Другие эмоции возвращались потоком и пели, таким образом знаменуя свое возвращение. И среди них — великое среди других — было чувство юмора.

На самом деле сцена оказалась комичной.

Большой, грузный человек. Большая голова на толстой шее, которая в свою очередь сидит на грузном теле. Держится за пах. Стонет. Его лицо искажает гримаса боли. Шатается, напоминая раненого бизона. И девушка — маленького роста, несмотря на то что ее удивительное тело сформировалось под жестким контролем Ветра,— висит на этой голове, держась обеими маленькими ручками.

Ручки идеально расположены, это Ветер признавал. Левая держит за растрепанную бороду, правая глубоко запущена в растрепанную шевелюру. Идеальная позиция для смертельного завершающего аккорда, который свернет шею мужчине подобно тому, как ломают прут.

Если бы мужчина был вполовину меньше, а она вполовину больше. Но так как есть девушка напоминала обезьяну, пытающуюся сломать шею буйволу. Буйвол мечется, а обезьяна раскачивается во все стороны, вися на его шее.

Яростный взгляд черных глаз принцессы встретился с взглядом Ветра. Ветер наклонился, подскочил поближе, произнес несколько слов — тихо и мягко. В черных глазах горела первобытная ярость.

— О — хорошо! — прошипела она. Она отпустила руки и отскочила на переднюю часть стопы. Мгновение, чтобы удержать равновесие, мгновение, чтобы принять стойку, мгновение на раздумья.

Быстрый удар по колену был идеальным — копия удара, нанесенного Ветром палачу в предыдущем помещении. Его удар раздробил колено, ее просто выбил коленную чашечку. Неважно — в любом случае человек не сможет идти. А положение его головы...

Да! Ветру очень понравился удар ладонью по переносице. У Ветра этот удар всегда был смертельным. Но девушка — на этот раз — нанесла его так, как он ее учил. Скорость и грация. В ней просто было недостаточно веса и чисто мужской силы, чтобы каждым ударом дробить кости. Так что ее удар просто выводил противника из строя, давал возможность повернуть его голову и...

Удар локтем по виску, последовавший за предыдущим, напоминал удар молнии. Он был идеальным повторением того, что Ветер нанес другому махамимамсе в соседней комнате, менее минуты назад. Да, удар Ветра мгновенно убил человека, в то время как принцессе потребовалось еще два перед тем, как ее противник замертво свалился на пол.

И что?

В конце только душа играет роль.

И тогда Ветер успокоился. Улетел, танцуя, назад в Великую Страну. Он снова поднимется, как ураган, когда позовет Махараштра. Но теперь он улегся.

Остался только человек Рагунат Рао. Обнимающий сокровище своей души, шепчущий ее имя, целующий ее глаза, тихо плачущий, уткнувшись ей в волосы.

ЭПИЛОГ

Солдат и полководец

Кунгас был доволен. Его подчиненные сделали все необходимое и приготовились к отправлению в путь. Теперь он решил: пришло время нанести визит вежливости. Им предстояло долгое путешествие в лагерь императора, разбитый у осажденного Ранапура. Продлится оно по меньшей мере месяц, вероятно, даже больше — судя по виду каравана и прошлому опыту общения Кунгаса с начальником каравана. Кунгасу и его людям предстояло провести немало времени с группой иностранцев, которых их подрядили сопровождать. Лучше должным образом представиться, причем заранее, чтобы в дальнейшем не возникло непонимания. В особенности ему не хотелось непонимания с иностранцами. *Этими* иностранцами.

Кунгас пересек двор перед дворцом Венандакатры. Остановился на мгновение, наслаждаясь видом.

Суровая жизнь научила Кунгаса многому, преподнесла немало уроков. Например, скрывать свои чувства. Мир всегда поворачивался к нему суровым лицом, и он сам отвечал тем же. У него было несколько кличек. Его подчиненные называли его Железнолицый. Он не возражал. Нет, совсем не возражал.

Но на этот раз даже Кунгасу было трудно не улыбнуться.

* * *

Четверо йстайцев все еще оставались живы. Едва. Один даже издавал какие-то звуки. Тихие звуки, чем-то напоминающие мяуканье. Если повезет, этот проживет еще один день, подумал Кунгас. Еще один день агонии и безнадежности.

К завтрашнему дню Кунгас уже покинет эти места, но будет с наслаждением вспоминать о случившемся. Ему и его людям поручили вырезать колы и посадить на них йстайцев. Это оказалось самым приятным поручением за много лет.

Он посмотрел на женщину, сидевшую среди йетайцев, и удовольствие как водой смыло.

Не все оказалось приятным.

Для старухи они сделали все, что могли. Они хотели посадить ее на более длинный кол, но Венандакатра тут же его заметил и запретил использовать. Служанку следовало посадить на такой же кол, как и йетайцев, чтобы продлить агонию.

Однако Кунгас улыбнулся в душе. Мрачно улыбнулся.

«Но мы этого ожидали. Жаль, не смогли добраться до настоящего яда: было слишком мало времени. Но кухарки постарались. Венандакатра следил за нами, как ястреб, проверяя, не поднесем ли мы ей какую-то отравленную еду или питье. Но мы и этого ожидали. К тому времени, как мы посадили несчастную на кол, все уже высохло. Венандакатре потребовалось бы лизнуть шест, чтобы найти искомое».

Командир кушанов уже начал отворачиваться. Затем, повинуясь испульсу, повернулся назад. Быстро оглядел двор. Никто не смотрит.

Кунгас быстро поклонился старухе. Это меньшее, что он может сделать. К тому времени, как деревенским жителям позволят снять ее тело, от него мало что останется. Конечно, священники откажутся отслужить заупокойную. Поэтому несчастная заслужила по крайней мере поклон от своего убийцы.

Это ни в коем смысле не было религиозным жестом. Как и большинство его подчиненных, Кунгас все еще оставался верен буддизму, который принял после покорения Бактрии и Северной Индии. Принял, а затем защищал. Во времена расцвета Пешавар, столица Кушанской империи, был мировым центром буддизма. Но славные дни Кушанской империи миновали. Ступы лежали в руинах, монахи и ученые были мертвы или разлетелись в разные стороны. Йетайцы жестоко преследовали буддистов. А после того как варваров поглотила поднимающаяся и приобретающая силу и власть малва, преследования только усилились. К жестокости йетайцев добавились расчетливость и безжалостность малва. Они намеревались вытоптать все соперничающие религии в пользу культа Махаведы. Нет необходимости говорить, что они абсолютно не симпатизировали буддистам и джайнам.

После преследований и собственной тяжелой жизни у Кунгаса осталось мало религиозных чувств. Поэтому его легкий поклон мертвой старухе скорее служил знаком почтения воина смелой душе. Может, это признание облегчит путь ее душе, ожидающей новой жизни, пусть совсем немного. (Если новая жизнь есть. Если душа вообще есть. Кунгас относился ко всему этому скептически.)

«Не то что ее душе требуется успокоение,— думал он мрачно, уходя прочь.— Казалось, крики и мучения йетайцев доставили ей еще большее удовольствие, чем нам. Может, мы и зря отравили ее».

Он потрогал новую рану на лице. Она уже покрылась корочкой и вскоре заживет полностью. Боль не играла роли. Кунгас считал, что через несколько месяцев не останется даже шрама. Человек, оставивший эту отметину, был слаб, даже несмотря на ярость. А плеть, учитывая все факторы, не лучшее оружие, если хочешь оставить шрам на старом ветеране.

«Но пусть лучше на мне останется след от удара плетью, чем меня посадят на кол».

Мысль вызвала еще один импульс. У Кунгаса было мрачное чувство юмора. Он остановился и снова повернулся, опять осмотрел двор, чтобы удостовериться: поблизости нет шпионов. Затем снова слегка поклонился. На этот раз йетайцам.

«Благодарю вас, о могущественные йетайцы. Вы спасли мне жизнь. И, вероятно, жизнь всех кушанов».

Покидая двор, он вспоминал о случившемся.

От Венандакатры можно было такого ожидать — от этого великого воина, гениального стратега. Ну и гений! Как только он получил известие, бросился сюда сам, впереди своей маленькой армии. Сопровождаемый только несколькими жрецами и группой иностранцев. Не прошло и часа, как он впал в дикую ярость. Приказал казнить — публично посадить на кол — всех йетайцев-стражников, служивших во дворце, а затем понял: единственные, кто может выполнить его приказ,— это раджпуты-кавалеристы. Не считая около сотни пехотинцев малва, которые разбежались как зайцы, когда йетайцы стали крушить все вокруг.

«О, какая это была драка! Конечно, после того как она закончилась, Венандакатра едва ли мог посадить нас на кол рядом с ними. Кто бы это сделал? Не раджпуты же! Эти надменные мерзавцы пострадали больше всех, понесли самые большие потери, за исключением группы простых солдат, которые умеют быстро бегать. Мы вначале оставались безоружны — по приказу самого гения, поэтому йетайцы нас игнорировали. К тому времени, как мы получили наше оружие назад, все практически закончилось».

Кунгас с неохотой признал, что раджпуты сражались достойно, как и всегда.

Но все равно проиграли бы иностранцам. Те были смертносны. Абсолютно убийственны.

Кунгас задумался.

«Интересно, почему? Раджпуты с радостью били собак йетайцев. Конечно. Как и мы — после того как получили оружие. Но какое дело до этого иностранцам? Могу понять, почему они приняли сторону Венандакатры,— в конце концов они его гости. Но почему они действовали с таким явным энтузиазмом? Можно подумать, они сами что-то не поделили с йетайцами».

Кунгас шел своим обычным быстрым шагом и вскоре ступил на выложенную плиткой дорожку, ведущую во двор. Теперь никто из дворца не мог его видеть. Впервые веселое настроение отобразилось на лице Кунгаса. Правда, только тот, кто хорошо его знал, смог бы назвать улыбкой это слабо заметное легкое искривление губы.

«О, да, они были великолепны. Думаю, они порезали не меньше йетайцев, чем раджпуты. И остались живы, получив только царапины. За исключением того паренька. Жаль паренька. Но он в конце концов поправится».

Мысль вернула его к настоящему.

«Думаю, визит вежливости — это как раз то, что нужно сделать. Очень вежливый визит вежливости. Я определенно хочу поладить с этими людьми. О, да. Хорошо поладить. Задание напоминает сопровождение группы тигров».

Еще подумав, он решил, что, может, предпочел бы сопроводлать тигров. Кунгас не был уверен.

* * *

Кунгасу пришлось потратить какое-то время, чтобы найти компанию, которую он искал. К своему удивлению он обнаружил, что иностранцам отвели место в самом хвосте огромного каравана. После группы обеспечения, в центре орды присоединившихся к каравану гражданских лиц.

«Странное место для почетных гостей».

Следуя вдоль каравана, Кунгас думал над вопросом.

«Теперь, поразмыслив над случившимся, наш великий господин ими недоволен. В особенности их предводителем. Я замечал, как Венандакатра неоднократно бросал злобные взгляды в его сторону. Но сразу о них не подумал. Я предположил, что великий господин просто находился в соответствующем настроении и как и обычно вымещает его на всех. У него нет оснований для недовольства иностранцами. Они ведь оказали ему услугу. Без них несколько йетайцев смогли бы добраться до негодяя и порезать его на куски. Странно».

В конце концов Кунгас нашел группу. Предводитель стоял немного в сторонке, наблюдая за тем, как устанавливаются паланкины на спинах двух слонов, выделенных иностранцам. Очевидно, он и двое его подчиненных временно отдыхали от полуденной жары в тени деревьев. Одно это выдавало иностранцев, если не брать в расчет бледную кожу и странные одежды. Тень не давала особого облегчения, тем более в тени сильнее влажность. Кроме этого, деревья останавливают дуновения легкого ветерка, который обдувает тебя на открытой местности, пусть и под лучами солнца, и под деревьями также скапливаются мошки.

Наблюдая за полководцем, Кунгас опять поразился несоответствиям, о которых уже знал.

«Самый странный полководец, которого мне доводилось видеть. Слишком молод, раза в два моложе, чем должен бы быть, и в два раза смертоноснее, чем любой полководец, которого мне когда-либо довелось встретить на жизненном пути. Этот человек просто сеет смерть мечом».

Мысли о смертоносности заставили Кунгаса перевести взгляд на сопровождающих полководца лиц. Они стояли в нескольких футах от своего командира.

Кунгас вначале оглядел того, что слева, не такого крупного, как второй.

«Этот внешне кажется самым устрашающим человеком, которого мне только довелось видеть в жизни. Похож на самого жуткого в мире мангуста».

Затем Кунгас перевел взгляд на стоявшего справа телохранителя — огромного по размерам.

«Легенды имеют под собой реальную основу. Гималайский великан-людоед все-таки живет среди нас. И его лицо высечено из камня великих гор».

Полководец заметил его. Казалось, Велисарий слегка напрягся, но Кунгас не был уверен. У полководца было одно из тех лишенных выражения лиц, которые практически невозможно прочитать. Кунгас подошел к нему. Вспомнил те немногие греческие слова, которые знал.

— Ты — полководец Велисарий? Посланник из Рима?

Полководец кивнул.

— Меня зовут Кунгас. Я — командир... э... группы кушанов господина Венандакатры. Кушанских сил. У господина Венандакатры... э... как бы это сказать?..

— Я говорю по-кушански,— объявил полководец.

Кунгас мысленно вздохнул с облегчением.

— Спасибо. Я очень плохо говорю по-гречески. Нам приказали сопровождать вас по пути в Ранапур.

И снова Кунгас понял, что не в состоянии прочитать выражение лица полководца. Да, он казался немного напряженным. Словно был не рад видеть кушана. Кунгас не мог найти причину, почему это так, но был практически уверен в правильности своей догадки.

Однако полководец вел себя дружелюбно. И определенно хорошо говорил по-кушански. На самом деле великолепно — даже без акцента.

— Очень приятно, Кунгас,— произнес он сочным баритоном.

Полководец помолчал немного, потом добавил:

— Пожалуйста, пойми меня правильно, Кунгас. Но я удивлен видеть тебя. Нам не нужны сопровождающие. У нас не было эскорта по пути сюда из Бхаруча. Мы вполне способны постоять за себя.

На лице Кунгаса промелькнула легкая улыбка.

— Да, я видел. Однако наш господин настаивает на эскорте.

— А,— протянул полководец и отвлекся на мгновение, отмахиваясь от мухи, севшей ему на шею. Однако Кунгас заметил, что внимательные карие глаза иностранца постоянно наблюдали за ним. Постоянно, даже когда Велисарий убивал муху.

Разделавшись с мухой, полководец лениво заметил:

— Я предполагал, что вас отправят в погоню за принцессой и ее спасителями. О, прости, похитителями.

Железное лицо стало более жестким.

— Мой господин почему-то перестал доверять нам. Не понимаю, почему. Принцессу не спас... э, украли, пока м ы ее охраняли.

Кунгас подумал, что полководец старается скрыть улыбку. Но не был уверен. Этого человека трудно понять.

— Кроме того, господин Венандакатра уже отправил сотню раджпутов-кавалеристов, а также более тысячи других людей в погоню. Нет необходимости отправлять еще и нас.

Иностранный полководец на мгновение отвернулся. Когда он повернулся назад, казался особенно напряженным.

— А как ты оцениваешь шансы, Кунгас? Ты же профессионал. Как ты считаешь, прицесса и ее... э... похитители будет пойманы?

— Только один похититель, полководец.

— Один? — полководец нахмурился.— Как я слышал, дворец атаковала целая банда головорезов. Судя по слухам, дворец стал местом жуткой бойни.

— Бойни? О, да. На самом деле бойни. Дворецкого, трех высокопоставленных священнослужителей и двух охранников-махамимамсов задушили. Одиннадцать жрецов и махамимамсов зарезали в своих постелях — очевидно, им перерезали горло бритвой. Жреца и махамимамсу убили в большом зале. Голыми руками. Трех махамимамсов зарезали перед входом в покои. Жреца и шестерых охранников-махамимамсов — в прихожей перед спальней. В основном ножом. Еще двоих махамимамсов непосредственно в спальне принцессы. Работа наемного убийцы, хотя...

— Хотя?

Кунгас сделал быструю оценку. Частично оценка основывалась на воспоминаниях о воплях Венандакатры, недовольного полководцем. Но в основном — на тонком юморе в голосе полководца, когда он использовал слово «похитители».

— Ну, так получилось, что я сам осматривал место... э, преступления. По приказу господина Венандакатры. Поэтому я и сказал «один похититель». Всю операцию провел один человек.

— *Один* человек? — переспросил полководец, но не казался особо удивленным.

Кунгас кивнул.

— Да. Один человек. Не группа лиц. Судя по оставленным следам. Один, без помощников. Его зовут Рагунат Рао. Пантера Махараштры — так его иногда называют. Или Ветер Великой Страны. Есть и другие имена. Это был он. Я уверен. Известна его личная привязанность к принцессе. В Индии не более трех — может, четырех — наемных убийц такого класса. И ни один из них так не владеет голыми руками и ступнями.

Кунгас чуть не скорчил гримасу.

— Никто так не умеет дробить кости и корежить тела. Двое махамимамсов, убитых в спальне принцессы, были также убиты голыми руками. Но удары, хотя и умелые, не наносились с той звериной яростью, свойственной Пантере.

Полководец нахмурился.

— Но... ты же сказал: один человек...

— Принцесса. Их убила она. Понимаешь, ее обучал сам Рагунат Рао. По крайней мере я так считаю. Я много раз видел, как она танцует, в те долгие дни, когда охранял ее. Она прекрасно танцует, но... в ее движениях всегда было что-то... запах, привкус наемного убийцы. А в Амаварати, в конце осады, она убила нескольких йетайцев, которые набросились на нее у нее в покоях. Одного из них после того, как ее разоружили.

Глаза полководца округлились. Слегка.

Кунгас склонил голову и уставился в землю. Когда он заговорил вновь, его голос был таким же твердым, как и лицо.

— Что касается твоего первого вопроса — поймают ли их. Да. Поймают. Их положение безнадежно.

— Почему ты так уверен?

Кунгас пожал плечами и поднял глаза.

— Она только девочка, полководец. Принцесса. Да, не такая принцесса, как все остальные. Принцесса из легенды. Но тем не менее на нее никогда не велась охота. У нее нет опыта, подготовки и умения. Она не сможет убежать от тысячи мужчин, преследующих ее по лесам и горам.

Кунгас покачал головой, предупреждая следующий вопрос полководца.

— Это не играет роли. Даже если Рагунат Рао будет помогать ей и вести ее, она...— он замолчал.— Я уверен: ты когда-то принимал участие в охоте, в большой группе.

Полководец кивнул.

— Поэтому... если бы Рагунат Рао был один, не сомневаюсь: он бы обхитрил преследователей и ушел от них. Но даже для него задача была бы чрезвычайно сложной — когда за ним по пятам идет такое

количество охотников. А тут его обременяет принцесса,— Кунгас снова пожал плечами.— Это просто невозможно. Нет, их поймают.

Кунгас заметил, как полководец глянул в сторону. Казалось, он слегка напрягся. Возможно.

Кунгас проследил за направлением его взгляда. Последние члены группы иностранцев приближались к паланкину. Молодой чернокожий принц из Аксумского царства со своими женщинами.

Кунгас слышал рассказы о принце. О его неуемной похоти и безжалостности в отношении наложниц. Кунгас по большей части не обращал внимания на такие рассказы. В основе слухов об особах королевской крови и знатных господах часто лежала злоба и зависть. Поэтому Кунгас относился к ним с недоверием.

Но, наблюдая, решил, что в рассказах есть доля правды. Женщины определенно боялись его. У всех были закрыты лица, смотрели они в землю. Казались очень покорными, робкими и несчастными созданиями. Начисто отсутствовали веселые возбужденные любопытные взгляды молодых девушек или женщин, отправляющихся в путешествие.

Одно женское лицо Кунгас все-таки рассмотрел. Она тихо плакала, ее успрокаивала вторая, обнимавшая ее. Вторая вела ее. Принц внезапно дал подзатыльник одной из других женщин в группе. Потом последней в группе. Заставил женщин поторопиться, просто сорвав на них свое недовольство и нетерпение. Но, очевидно, молодой принц не очень сердился. Он был крепко сложен, если и не отличался гигантским ростом. Широкоплечий, с мощной грудной клеткой, очень мускулистый. С таким телом он мог бы ударить так, что девушки не удержались бы на ногах. А тут создалось такое впечатление, что они даже не почувствовали удара.

Одну девушку подняли в паланкин. Ей помогал чернокожий солдат, явно служивший погонщиком слонов. Затем подняли другую, плачущую.

— Насколько я понимаю, они все — маратхи,— заметил Кунгас, чтобы просто поддержать разговор.

Полководец кивнул.

— Да, принцу Эону нравятся представительницы этой народности. У него целая группа этих созданий.— Легкий смешок.— На самом деле я точно не знаю, сколько их у него. Никто не может уследить за их количеством.

Третья девушка, та, которая успокаивала плачущую, приготовилась забираться наверх. Маленького роста. Гораздо более смуглая, чем средняя маратха. Очень гибкая. Кунгас восхитился грациозностью, с которой девушка взялась за руку погонщика и стала взбираться на огромного слона. Вытянула голую ножку...

«Великолепная танцорка. Такая невероятная грациозность. Гибкая, плавная. И меня всегда поражали ее ноги. Самые красивые ножки, которые мне довелось видеть. Очень живые и подвижные. С высоким подъемом, узкой пяткой, идеальной формы».

Девушка скрылась в паланкине. За ней последовали четвертая и пятая.

Принц залез последним и задернул шторки.

Кунгас застыл на месте, как столб. Он не мог ничего с собой поделать. С телом и лицом. Его лицо всегда напоминало железную маску перед лицом опасности.

Он почувствовал напряжение полководца, стоявшего рядом. За своей спиной услышал движение телохранителей. Они придвигались к нему. Со спины.

«Это может оказаться самым опасным моментом в моей жизни».

У него была трудная жизнь, и часто приходилось принимать решения. В эту секунду Кунгас принял самое легкое решение из всех, которые когда-либо принимал. И, думал он, возможно, самое лучшее — определенно самое чистое — в общем-то зря потраченной жизни. Он также немного гордился тем, что его собственное выживание не играло никакой роли в принятии решения.

«Что не решает моей главной проблемы на этот момент. Не дать перерезать себе горло. Нет необходимости притворяться — о, только не с этим полководцем. Не с этими людьми за моей спиной. Кроме того...»

Его лицо озарила редкая улыбка. (Она могла считаться улыбкой только для Кунгаса. Никто другой так бы ее не назвал.)

— Сколько женщин! Нам, конечно, придется удостовериться, что они хорошо защищены. Я дам указания своим людям, чтобы никому не позволяли беспокоить наложниц принца. Даже подходить к паланкину. Или шатру по ночам. В конце концов он же принц. Уверен: он придет в ярость, если кто-то положит глаз на его женщин.

Кунгас чувствовал, как быстро пролетали мысли в голове у человека, стоявшего рядом с ним. Мгновение спустя полководец заговорил. В его голосе все еще слышались колебания.

— Думаю, прекрасная идея. Конечно, твои люди...

Кунгас отмахнулся.

— О, я прикажу им самим тоже держаться подальше от паланкина. И сам буду держаться подальше.

На лице полководца появилась странная хитроватая ухмылка. Если он и колебался раньше, теперь все сомнения ушли.

— Представляю, как будет трудно тебе и твоим людям. В смысле контролировать себя, когда рядом женщины.— Он виновато кашлянул.— Учитывая репутацию кушанов.

Кунгас слегка нахмурился.

— Репутацию?

Полководец рассмеялся.

— О, Кунгас, прекрати! Не надо этого отрицать. Она хорошо известна. Нельзя доверять кушанам, если рядом женщины. В особенности молодые. В особенности девственницы. Правда, в этом паланкине девственниц нет,— полководец рассмеялся.

Кунгас все еще хмурился.

— Ты готов пойти на такие жертвы! — восхитился полководец.— Но в этом нет необходимости, Кунгас. Уверяю тебя. Не в нашей компании. Помню, как мы сидели с Венандакатрой и болтали на эту тему по пути из Бхаруча. Развлекали друг друга разными историями. Хотя теперь, вспоминая это... Боюсь, память меня подводит. Я сильно напился в тот вечер. Но... хорошо подумав, я кое-что помню. Помню, как рассказывал анекдоты. Мне показалось странным, что великий господин раньше не слышал про репутацию кушанов.

Теперь все согласились бы, что на лице Кунгаса появилась улыбка. Слабая, едва заметная — да. Но нельзя было сомневаться в том, что это. Улыбка.

— Жаль. Наконец о нашей репутации стало известно. А мы так старались, чтобы о наших талантах не узнали. Все эти месяцы.— Он уныло покачал головой.— Ну что ж, ничего нельзя поделать. Теперь о ней узнают все. Черт побери! Мужья станут следить за женами. Отцы за дочерьми.

— Принцы за наложницами.

Кунгас посмотрел на телохранителей полководца.

— Солдаты за женщинами, следующими за войском.

Полководец почесал подбородок.

— Предвижу скандал. Разговоры в караване. Они, вероятно, дойдут и до господина Венандакатры. Предвижу сцену. Кушанские солдаты — хулиганы, их одолевает похоть, с которой они не в состоянии справиться — постоянно окружают паланкины и шатры иностранцев, в которых столько красивых девушек. Налетают на них, как мухи на мед. И, конечно, грубо обходятся со всеми мужчинами, оказывающимися поблизости.

— Да, мы очень быстро и жестоко разделываемся с конкурентами,— согласился Кунгас.— Когда дело касается женщин.

Он осторожно коснулся рукоятки меча, потом сжал ее и вынул меч из ножен где-то на дюйм, затем с лязганьем вернул его в ножны.

— Да, да,— продолжал полководец.— Жаль несчастных малва, если они вдруг подойдут близко, проявляя любопытство. Захотят взглянуть на женщин.

Кунгас содрогнулся.

— Дрожу, думая о несчастных. Что с ними станется!

Уголком глаза он заметил, как улыбаются телохранители полководца. Ну и улыбка у похожего на мангуста типа! Самая жуткая, которую доводилось видеть Кунгасу. Это точно.

— Конечно, если какой-то предприимчивый малва проникнет сквозь ряды кушанского эскорта и проберется к...

— О, ужасно! — воскликнул полководец. Прищурился. Его огромная рука легла на рукоятку меча.— Его зарежут. Внимательные катафракты или сарвены всегда находятся настороже, чтобы отбивать бесконечные, безжалостные, настойчивые попытки пробраться к их женщинам, которые предпринимают эти ужасные, похотливые кушаны. Жаль, если они перепутают кушанов с малва.

Полководец развел руками.

— Но господину Венандакатре грех жаловаться. В конце концов это он велел вам сопровождать нас.— Тут полководец улыбнулся и никто в мире не смог бы сказать, что это не улыбка.— Вероятно, он как раз преследовал эту цель. Я имею в виду: сделать нас несчастными.

Кунгас кивнул с серьезным видом.

— Да, великий господин раздражен. Из-за вас. Сильно недоволен. Не могу понять, почему.

Караван начал движение. Звуки донеслись до его конца. Кунгас посмотрел вперед, правда, начало каравана не увидел. Оно было слишком далеко.

— Лучше я пойду. Соберу своих людей и объясню им, что от них требуется. Очень осторожно. Проверю, как они поняли то, что должны понять, а не то, что не должны. Мы не хотим — как бы мне выразиться? Можно ходить на кончиках пальцев, пока удерживаешь равновесие.

— Хорошо сказано,— заметил полководец.— Ты мне нравишься. А ты не ожидаешь...

— От *моих* людей? Нет. Все будет в порядке. Если я прикажу им покрасить лица в голубой цвет и весь путь до Ранапура ехать с закрытым левым глазом, то они, черт побери, выкрасят лица в голубой цвет и не будут открывать левый глаз весь путь до Ранапура. Причем сделают это быстро и не будут ничего комментировать и задавать лишних вопросов. Приказ есть приказ. Подчиняйся. Просто делай, что сказано.— Лицо опять стало железным.— Я не терплю неповиновения.

— Представляю,— сказал полководец.

Очень симпатичная у него хитроватая усмешка, подумал Кунгас. Он сам улыбнулся (если это можно было назвать улыбкой) и ушел.

* * *

Когда кушан скрылся из виду, Валентин прошептал Велисарию:

— Ты ходил по лезвию бритвы.

Велисарий покачал головой.

— Нет, Валентин, не ходил. Не могу представить страну, где угодно, когда угодно, при любом повороте колеса, когда этот человек принял бы другое решение.

Полководец отвернулся и направился к лошади.

Уходя, что-то пробормотал себе под нос.

— Ты его слышал, Анастасий?

Гигант улыбнулся.

— Конечно. И ты бы услышал, если бы твои уши были настроены на философские мысли, как им и следует. Вместо того чтобы...

— Просто ответь на вопрос, черт тебя побери! — рявкнул Валентин.

— Он сказал, что в конце концов роль играет только душа.

Принц и принцесса

Принц расслабился. Его пальцы, судорожно сжимавшие занавеску, отпустили ее. Ткань, отодвинутая на четверть дюйма, вернулась на место. Эон открывал лишь щелочку.

— Он ушел,— тихо сообщил Эон. Принц откинулся на шелковые подушки, устилавшие внутреннюю часть паланкина. И с облегчением выдохнул воздух.

Четыре женщины-маратхи, находившиеся в паланкине, по-разному отреагировали на новость. Пятая женщина, не из народности маратхи, внимательно следила за их реакциями. Ее учили наблюдать за людьми, расслабляющимися после стресса. Таким образом можно многое о них узнать. И обучал ее эксперт по стрессовым ситуациям и реакциям на них.

Одну девушку она знала много лет. Теперь эта девушка еще крепче вцепилась в нее. Но впервые с момента их новой встречи, при самых неожиданных обстоятельствах, прекратила плакать. Ее звали Джиджабай и она лишилась рассудка после пережитого ужаса. Но, возможно, думала Шакунтала — скорее надеялась — страх уйдет и разум вернется. Ужас для этой девушки начался, когда ее оторвали от принцессы. Теперь принцесса вернулась и, не исключено, Джиджабай тоже станет прежней.

Но в эти минуты Шакунтала ничего не могла сделать для Джиджабай, только держать ее в объятиях. Поэтому Шакунтала посмотрела на других.

Девушка, сидевшая справа от принца, выдохнула воздух, широко улыбнулась и склонилась к плечу Эона. Принц нежно обнял ее. Она закрыла глаза и потерлась носом о шею мужчины.

Шакунтала немного знала об этой девушке из разговора с принцем в предыдущий день. Ее звали Тарабай и она считалась любимицей

принца. Эон предложил ей поехать вместе с ним к нему домой, когда он вернется в Аксумское царство, и стать там одной из его наложниц. Тарабай с радостью согласилась.

Принца этот ответ явно обрадовал. Почти удивил — как мальчика, у которого сбылась мечта.

Шакунталу заинтересовала его радость. Ее учил наблюдать за людьми самый наблюдательный человек из всех, кого она знала. Человек с острым и тонким восприятием. И способу восприятия людей Шакунтала тоже научилась у него.

Поэтому, с одной стороны, ее забавляла радость принца. Какая женщина в положении Тарабай — плененная маратха, оказавшаяся в адской дыре, рабском борделе,— не воспользуется шансом стать наложницей особы королевской крови? Настоящей наложницей, в почетном и традиционном смысле, а не одной из жалких презренных существ, которых малва именуют этим словом. Женщиной с признаваемым и уважаемым статусом в доме особы королевской крови. Ее дети не смогут претендовать на престол, но точно получат высокие должности, дающие власть и престиж.

Но Шакунтала не смотрела на принца высокомерно или надменно. Как раз наоборот. Она зауважала принца за его радость. Ее учили уважать этот тип несамонадеянной скромности. Не говорили прямо, а учили примером. Примером человека, который никогда не хвастался, хотя ему было чем похвастаться, больше поводов, чем у любого другого живущего в Индии с времен, описанных в «Махабхарате» и «Рамаяне» [1].

Эта мысль принесла боль, но Шакунтала отогнала ее.

Действия Тарабай и принца сказали Шакунтале и многое другое. У ее собственного отца, императора Андхры, было много наложниц. Шакунтала часто наблюдала за ними в присутствии отца. Ее отец всегда хорошо относился к наложницам. Но ни одна из них не осмелилась бы так интимно и непосредственно прикоснуться к нему в присутствии остальных. Ее собственная мать, императрица, не стала бы так делать. И даже, как подозревала Шакунтала, не стала бы так вести себя, когда они с отцом оставались вдвоем в императорской спальне.

Ее отец был холодным, жестким и необщительным человеком. Император до мозга костей. Он не терпел фамильярности ни от кого, ни от мужчины, ни от женщины. И, насколько знала принцесса, он ни к кому не проявлял ни малейшей нежности. Уж точно не к ней самой.

Однако от этой мысли не стало грустно. Всю жизнь отца занимала угроза малва. Шакунтала поняла, что много лет назад отец по-своему

---

[1] «Махабхарата» — эпос народов Индии. Состоит из 18 книг. Эпические сказания фольклорного характера. «Рамаяна» — др.-инд. эпическая поэма на санскрите. Посвящена подвигам Рамы.

любил ее. Он отдал ее на воспитание наемному убийце из маратхи — презрев все обычаи и традиции — только по одной причине. Он ценил девочку и дал ей самый большой подарок в своей власти. Этому подарку Шакунтала обязана жизнью.

Однако воспоминания снова принесли боль. Но принцесса заставила себя вернуться к текущему моменту.

Значит, мягкий и нежный принц, к тому же еще и скромный. Отзывчивый, участливый, душевный.

И находчивый!

Шакунтала сдержала смешок. Ребенок в некоторых вещах. Хватит!

Она с трудом сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Принцесса обладала великолепным чувством юмора. Оно особым образом проявлялось, когда ее не выводили из себя. И, несмотря на всю напряженность той ситуации, эпизод-то был комичным.

Принц обнаружил ее в шкафу, где ее спрятал Рагунат Рао. Как и планировалось заранее. На полке, на которой девушка едва умещалась вместе с кувшином воды, небольшим количеством еды и — ее нос сморщился от воспоминания — ночным горшком. На ней лежала стопка простыней.

Как только принц занял гостевые апартаменты в углу дворца, Эон поспешил открыть шкаф и вызволить Шакунталу. На приемлемом маратхайском принц начал объяснять детали плана. Шакунтала старалась отводить взгляд. Принц торопился, смывая кровь и грязь с тела. (Принцесса совсем недавно слышала звуки битвы на подступах ко дворцу, ей очень хотелось выбраться из шкафа и посмотреть, что там происходит.)

Пока Эон раздевался, еще один человек — его называют давазз, должность у него такая, несколько странная — наполнил для принца ванну прямо в спальне. Шакунтала один раз позволила себе взглянуть на него, не столько от девического любопытства, сколько для того, чтобы оценить принца. Очень впечатляющее тело. Но на нее гораздо большее впечатление произвело отношение к нему — принц небрежно, не думая о крови и следах, оставленных вражеским оружием, просто смывал с тела жуткую память о сражении.

Так. Смелый принц. Опытный и умелый в битве, несмотря на молодость. Такими принцы и должны быть в новом мире, созданном малва. Шакунтала его одобрила. Очень одобрила.

Из-за дверей донеслись звуки голосов — раджпуты ругались с иностранцами. Человек принца тут же схватился за огромное копье. Но принц прошипел указания на своем языке. Давазз поставил копье к стене и направился к двери, причем с такой широкой улыбкой, какую Шакунтале не доводилось видеть никогда в жизни.

Принц мгновенно бросился к шкафу и убрал все следы пребывания там Шакунталы. Прятать было почти нечего — там стояли пустой

кувшин из-под воды и наполовину заполненный мочой ночной горшок. Принц поставил оба предмета на видном месте, после того как вылил мочу в окрашенную кровью воду.

Затем, до того как Шакунтала успела понять, что происходит, Эон схватил ее и толкнул на кровать. Мгновение спустя принц — все еще голый — лежал на ней. Он набросил на них простыню и сразу же стал активно работать ягодицами. Шакунтала оказалась полностью закрыта — частично простыней, частично принцем. Он был ненамного выше ее, но в два раза шире в плечах и груди. Девушка чувствовала себя, как котенок под тигром. Она ничего не видела, кроме голой груди принца.

Мгновение спустя голоса уже звучали в комнате. Вошедшие продолжали спорить. Теперь она понимала язык раджпутов. С опозданием господин Венандакатра приказал обыскать весь дворец и прилегающую к нему территорию. Офицер-раджпут, командующий отрядом, извинялся. Он не сказал прямо, но дал понять: считает занятие идиотским. Просто детская прихоть великого господина. Ясно же, что преступники давно покинули дворец. Разве трех йетайских собак, охранявших ворота, не нашли убитыми наутро после бойни? С тех пор прошло почти целых два дня. Абсурдно предполагать, но... Приказ есть приказ.

Тогда принц Эон поднял голову, чуть-чуть. И закричал в ярости. Как разгневанная особа королевской крови. Но ягодицы так и ходили взад и вперед и его пах терся об ее собственный. Конечно, она все еще была одета. Но раджпуты не могли этого видеть. Единственное, что они могли видеть,— это волосы принцессы. Длинные черные волосы, ничем не отличающиеся от волос большинства индийских женщин. А затем, мгновение спустя, маленькую ручку, которая обхватила принца за шею с очевидной страстностью. Очевидной, судя по стонам, издаваемым неизвестной девушкой. Шакунтала не была абсолютно уверена, что издает правильные стоны. Но как и все умненькие девочки, живущие в большом и густонаселенном месте, таком, как дворец, она не брезговала подслушиванием в те времена, когда жила в Амаварати.

Раджпуты старались не обращать внимания на принца, занятого вполне определенным делом, и быстро осмотрели покои. Затем, многократно извинившись, ушли.

Как только за ними закрылась дверь, Эон мгновенно слез с Шакунталы. Долго извинялся, объясняя, что его действия вызваны необходимостью. Подчеркнул глубину своего уважения к царственной особе и достоинству принцессы. Снова и снова повторил...

Шакунтала отмахнулась от его извинений. Ответила достойно — на самом деле по-королевски — признавая искренность его извинений. Произнесла подобающие слова, уверяя принца, что понимает

необходимость и оценивает быстроту его ума и сообразительность. Добавила дальнейшие заверения: она не сомневается в его благочестии, хороших манерах, воспитании и монаршем достоинстве.

Но затем — не в силах удержаться — скромно заметила:

— Боюсь, принц, что одна из твоих провинций восстала.

Темная кожа принца не позволяла судить с полной уверенностью. Но Шакунтала подумала, что он покраснел. В особенности после того, как давазз добавил со своей потрясающей улыбкой:

— На самом деле! Совершенно наглое восстание! Принцу надо бы постараться и разобраться с восставшим! — А затем сделал широкий жест рукой: — Попробуй взять мое копье!

* * *

Вспоминая и улыбаясь, Шакунтала встретилась взглядом с принцем. На его лице тоже появилась улыбка, затем ее сменило другое выражение — улыбка стала извиняющейся, глаза слегка закатились, он пожал плечами и сделал приглашающий жест рукой. Левой рукой, той, которой он не обнимал Тарабай.

Шакунтала поняла его и прижалась к нему с левого бока. Он обнял ее. Принцесса уткнулась лицом в его мускулистую шею. Мгновение спустя почувствовала, как Джиджабай пристраивается у ее собственного левого плеча, дрожа от страха, что принцесса ее покинет. Шакунтала обняла девушку, прижала ее голову к себе и тут же почувствовала, как Джиджабай перестает дрожать.

Шакунтала вздохнула про себя. Будет трудно, муторно и неудобно путешествовать много дней и даже недель в таком положении. Но она безжалостно прогнала эту мысль. Они находятся в состоянии войны, а для ведения войны требуется различная тактика. Эта тактика сработала раньше. Она — испытанная и проверенная. Если кто-то заглянет в паланкин, то не увидит ничего, кроме соответствующим образом прославившегося аксумского принца, как и всегда окруженного покорными женщинами. Конечно, их лица практически никто никогда не видит, ведь они его так боятся. Он же такой жестокий.

Она встретилась взглядом с Тарабай через грудь принца. Маратха робко улыбнулась.

Тарабай все еще испытывает благоговение, поняла Шакунтала. Какое-то время маратхи знали, что иностранцы, в руках которых они оказались, заняты некой странной активностью. И даже почувствовали, что активность каким-то образом направлена против ненавистных малва. Но они не знали точных целей активности до сегодняшнего утра. Прямо перед отправлением каравана девушек завели в комнату, Эон и его люди представили им Шакунталу и объяснили план.

Услышав имя, Джиджабай подняла голову и заплакала от удивления. Плач заглушила сама Шакунтала, обняв свою бывшую служанку. С того самого момента и пока они не забрались в паланкин, девушка не прекращала плакать. Шакунтала все время оставалась рядом с ней. Вначале от любви и жалости. Потом также поняв, что сложившаяся ситуация идеально подходит для их целей.

Три другие маратхи оказались слишком сильно поражены, чтобы сделать что-то, кроме как выполнить все от них требующееся в полубессознательном состоянии. На самом деле получилось даже лучше, чем планировалось.

Тарабай больше не удивлялась. Как поняла Шакунтала, присутствие Эона восстановило смелость девушки. Но она все еще находилась в благоговении. Судя по всем признакам, она родилась в простой семье. Несомненно, из низших каст, вайшиев или шудров. Маратхи всегда серьезно относились к происхождению, но эта мысль, как и всегда, показалась Шакунтале болезненной, и она отмахнулась от нее. Не время думать о сословиях. Тарабай никогда в жизни не могла предположить, что окажется в паланкине — да и еще и на одной мужской груди — с особой королевской крови!

Теперь Шакунтала посмотрела на двух девушек, которых не знала. Они также глядели на нее округлившимися глазами. Но в этих глазах она заметила не только благоговение. Две маратхи практически дрожали от страха. Затем, заметив, что принцесса глядит на них, опустили головы. И стали дрожать сильнее.

«Это должно прекратиться»,— подумала Шакунтала.

— Посмотрите на меня,— приказала она. Несмотря на молодость, ее голос звучал резко. Не грубо, просто... она приказывала и слова прозвучали именно как приказ.

Женщины немедленно подняли глаза. На Эона, не участвовавшего в разговоре, манера Шакунталы произвела впечатление.

— Вы очень испуганы,— констатировала факт принцесса.

Мгновение спустя женщины кивнули.

— Вы боитесь гнева малва, если они обнаружат, что происходит. Вы боитесь, что вас убьют.

Они снова кивнули.

Мгновение Шакунтала просто смотрела на них, затем заговорила вновь:

— Ваш страх понятен. Но вы должны его перебороть. Страх вам ничего не даст, вы только можете выдать нас всех. Вы должны быть смелыми. Эти люди, эти иностранцы — хорошие люди. Смелые и находчивые. Вы же сами знаете, что это так.

Она ждала. Секунду спустя обе женщины кивнули.

— Вы доверяете этим людям.

Она снова ждала. Они снова кивнули.

— И доверяйте дальше. А также и мне. Я — ваша принцесса. Теперь — ваша императрица. Я — законная наследница трона Андхры.

Маратхи тут же кивнули. Махараштра была одной из немногих земель в Индии, где женщину у власти принимали без вопросов, если она получила власть законным путем. В прошлом маратхи даже становились во главе армий.

Но мысли о Махараштре принесли боль, и Шакунтала заставила себя не думать об этом.

— Я призываю вас на службу, женщины Великой Страны. Андхра снова поднимется, а малва, это дерьмо, будут уничтожены. Этой цели я посвящаю свою жизнь. Если вас уничтожат малва, то они уничтожат с вами и вашу императрицу. А я вас не покину.

Мгновение спустя женщины поклонились. Шакунтала признала поклон. Страх из их глаз уходил, его заменяла смелость, и это радовало Шакунталу. Но радость приносила боль, поэтому принцесса также отмахнулась от нее. Она знала: в ее жизни не будет радости. Только смелость и долг. Она поклялась этим женщинам и она сдержит клятву. Хотя эта клятва навсегда закроет для нее радость.

Шакунтала услышала, как принц что-то пробормотал. Фразу на его родном языке.

— Что ты сказал? — спросила она, взглянув на него.

Эон смотрел на нее своими темными глазами, очень серьезно. Мгновение спустя принц улыбнулся.

— Я сказал: и снова Велисарий оказался прав.

Шакунтала нахмурилась, не понимая. Конечно, она знала, кто такой Велисарий. Рагунат Рао объяснил (столько, сколько знал сам, а это было немного). Но она еще не встречалась с полководцем, только видела его уголком глаза.

— Я не понимаю.

На его губах промелькнула ехидная улыбка.

— Один раз я спросил его, почему мы все это делаем. Пойми: я не был против. Этот проект казался мне стоящим сам по себе. Спасение очаровательной принцессы от такого существа, как Венандакатра. Но... в конце концов я — принц. И имею права на престол Аксумского царства. Мой старший барт Вазеб абсолютно здоров, поэтому я не рассчитываю когда-либо стать негусой нагастом. Меня это вполне устраивает. Но все равно рано учишься думать, как монаршая особа. Уверен, ты меня понимаешь.

Шакунтала кивнула.

— Поэтому я один раз спросил у Велисария — как безжалостный наследник престола, а не горячий романтичный принц — почему мы так рискуем?

Он уже начал извиняться, но Шакунтала оборвала его:

— Не нужно, Эон. Это очень хороший вопрос. Так почему же вы это сделали? — Она улыбнулась.— Не то чтобы я не была вам благодарна, ты понимаешь.

Эон ответил улыбкой на улыбку. Затем улыбка сошла у него с лица.

— Мы это делаем, сказал он, по трем причинам. Во-первых, это стоит сделать, само по себе. Чистое и хорошее дело в мире, в котором можно совершить мало подобного. Во-вторых, мы делаем это, чтобы освободить душу величайшего индийского воина и он, в свою очередь, мог направить всю ярость своей души на врага. И наконец, и это самое важное, мы это делаем, поскольку сами не можем победить Индию. Сама Индия должна стать нашим союзником. Настоящая Индия, а не этот выблядок, зачатый семенем Сатаны. И для этого мы должны освободить из плена величайшую правительницу Индии.

— Я не правительница,— прошептала она.— И уж точно не величайшая в Индии.

Он снова улыбнулся.

— Именно это я и сказал.

Улыбка исчезла.

— Она станет ею,— ответил Велисарий.— Станет. И заставит малва выть.

* * *

Когда опустилась ночь, караван остановился и принц Эон вместе с женщинами перебрался из паланкина в свой королевский шатер. Их в темноте не видел никто. Шакунтала не отходила от принца ни на минуту. После того как он заснул, она лежала, прикасаясь к нему, как и в паланкине, и он обнимал ее. Чтобы, если вдруг кто-то заглянет внутрь, ее можно было опять закрыть его телом.

Но принцесса — теперь императрица — не спала. Несколько часов. После того как она поняла, что все остальные в шатре заснули, Шакунтала наконец позволила себе заплакать. Позволила боли утраты окутать себя. Боль напоминала нож, вонзающийся в сердце.

Шакунтала последний раз позволит себе такую вольность. Но она не вынесет, если сокровище ее души уйдет без прощания.

Всю свою жизнь она любила только одного мужчину и никогда не полюбит другого. Не по-настоящему. Даже теперь, испытывая боль, она помнила улыбку на лице мужчины, которого любила. «В хорошем сердце много места»,— любил он говорить. Она улыбнулась, вспоминая, пока воспоминание не возобновило боль.

Шакунтала любила этого человека столько, сколько себя помнила. Возможно, безнадежной любовью, как она часто думала. Казалось, он

никогда не отвечал ей взаимностью, по крайней мере, не любил ее так, как она его. Но еще девочкой она думала о том, когда станет старше. Она будет красива. Она всегда знала, что будет. А когда это наконец случилось, Шакунтала была довольна, но не удивлена. Она всегда достигала своих целей, после того как ставила их перед собой. И, думала она, придет день, когда она станцует на его свадьбе. Как его невеста. Ее быстрые ножки будут мелькать, и на его сердце накатит теплая волна, опьяняя его, как вино. Она будет танцевать танцы, которым он научил ее, как и всему остальному, что стоит знать в этой жизни.

Конечно, ее отец не одобрил бы ее намерений. На самом деле он пришел бы в ярость. Поэтому Шакунтала скрывала свои чувства, никоим образом их не проявляя. Чтобы ее отец не забрал ее от человека, которому передал ее для обучения и в которого она влюбилась.

Потому что для принцессы Андхры этот человек совершенно не подходил. О, это был прекрасный человек, несомненно. Даже великий человек. Но его кровь неприемлема для принцессы.

Да, человек происходил из сословия кшатриев, но относился к народности маратхи. Однако никто из других народностей Индии не признавал притязаний маратхи — в смысле родовых притязаний. Лишь немногие семьи маратхи могли проследить свое генеалогическое дерево более двух или трех поколений. В отличие от раджпутов, или гуптов, или брахманов и кштариев Андхры и Кералы, которые имели практически бесконечные генеалогические деревья. Суровая и каменистая земля Махараштры. Великая Страна для тех, кто жил там. Но среди них было много отверженных, беженцев и вообще неизвестно откуда взявшихся людей. Людей, которые перебрались туда из других мест, в поисках убежища в крепостях на холмах или возвышенностях, небольших фермах, на каменных грядах; которые бежали от знатных особ и землевладельцев, правящих в других землях. Люди с норовом, неуживчивые, которые легко относились к вопросам происхождения и еще легче — к вопросам загрязнения крови. Свирепые и жестокие люди, которые меряли знать по своим собственным стандартам. Жестким и суровым стандартам. Которые мало уважали традиции и происхождение.

Маратхи были суровыми и тяжелыми людьми. Не ничтожными — ни один честный человек такого не скажет. Даже самые надменные раджпуты из высших каст — по крайней мере не после того, как попробуют пыл и храбрость маратхов в битве. Но не благородные. Не подходят для истинных кшатриев. И совершенно немыслимы для чистейшей императорской крови Андхры.

Тем не менее она мечтала. Когда-нибудь ее отец умрет и его на престоле сменит один из его сыновей. Андхра потребует от нее вступления в брак с какой-нибудь особой королевской крови, для достижения целей Андхры. Но она откажется. В конце концов она же

не правит Андхрой и ее не связывают обязательства правителя. Она откажется и завоюет сердце мужчины, которого любит, и убежит вместе с ним на территорию Великой Страны, где их никто не найдет. Определенно, не этого человека, если он захочет, чтобы его не нашли.

Но теперь Андхра стала ее судьбой. Шакунтала единственная выжила из древней династии Сатаваханы. Она будет править, и править хорошо. И правильно выберет себе мужа, руководствуясь только нуждами Андхры. Необходимостью заключить союз против асуров, убивших ее людей и уничтоживших ее страну. Теперь она будет руководствоваться этим соображением и только им.

«Может, этот принц?» — прикидывала она в мыслях, чувствуя, как его сердце бьется там, где ее голова лежит на его массивной груди. Мысль принесла ей небольшое удовольствие, но ненадолго. Конечно, она никогда его не полюбит, по крайней мере, не по-настоящему. Но он кажется неплохим человеком, хорошим принцем. На самом деле в нем есть все, что должно быть в принце. Он смел, отважен, умеет сражаться, быстро соображает, даже нежен и влюбчив. Может, даже мудр. И если не сейчас, то станет мудр в дальнейшем.

«Возможно. Если Андхре потребуется заключить соглашение с его страной. А если нет... Я выйду замуж за самое отвратительное существо на земле и рожу ему детей, если только это заставит взвыть малва. О, да, я заставлю взвыть малва».

Ее сердце давно отдано, но остается душа. Ее душа, как и душа любого человека, принадлежит только ей. Это — единственное, что нельзя от нее отделить, и то, что нельзя отдать.

И поэтому в шатре иностранцев, на вражеской земле императрица Шакунтала посвятила свою душу своему народу. Посвятила ее уничтожению малва. И попрощалась с сокровищем своей души.

Это оказалось самым горьким для нее, в эту самую горькую из всех ночей, и наконец она поняла то, чему уже отчаялся научить ее учитель.

В конце концов только душа играет роль.

Раб и хозяин

В ту же самую ночь, в другом шатре один раб тоже посвятил свою душу цели. Решение сделать это уже давно формировалось, но пришло с трудом. Нет ничего сложнее для души, которая уже смирилась с безнадежностью, чем заново открыть рану жизни.

Теперь цель хозяина стала понятна рабу. По крайней мере часть цели — раб подозревал, что в ближайшее время узнает что-то новое. Гораздо больше. Из опыта общения с хозяином раб уже знал: разум у хозяина работает каким-то дьявольским образом.

И раб посвятил себя служению этому человеку с дьявольским разумом.

Хотя было поздно, светильник все еще горел. Раб перевернулся на другой бок и увидел, что хозяин все еще не спит. Сидит, сложив ноги по-турецки, положил огромные руки на колени и смотрит в никуда. Словно прислушивается к какому-то внутреннему голосу, который разговаривает с ним одним.

Что, как знал раб, именно так и есть.

Как и всегда, несмотря на озабоченность и поглощенность мыслями, хозяин ничего не упускал в окружающей его обстановке. Раб перевернулся на другой бок практически бесшумно, но движение привлекло внимание хозяина. Он повернул голову и посмотрел на раба. Вопросительно приподнял брови.

— Меня зовут Дададжи Холкар,— тихо сказал раб.

Он снова отвернулся и закрыл глаза. И быстро заснул, гораздо быстрее, чем считал возможным.

Полководец и его помощник

Секунду Велисарий смотрел на затылок раба. Затем, слегка пораженный, отвернулся.

Неожиданное объявление раба не было причиной, вызвавшей эту реакцию. Оно просто подтолкнуло полководца к признанию собственной слепоты.

Его мысли бросились к проему в барьере. На этот раз Велисарий не предпринимал попыток расчистить мусор. Просто мысленно спросил:

«Как тебя зовут?»

Грани сверкнули и задрожали. Что?.. Еще больше бессмыслицы... Невозможно! Разум слишком...

Цель привела грани в порядок, призвала их к дисциплине.

Это не невозможно! Разум не...

Борьба продолжалась. Помогла преодолеть непонимание. Наконец — наконец! — часть послания Великих сфокусировалась. Самый конец послания старых ушедших богов, которое все еще было туманным из-за отсутствия цельного текста, но больше не непонятным. Грани сверкнули. Кристалл праздновал победу. **Цель** перевела победу на понятный язык.

Великие сказали:

> **Найди полководца, но не просто воина.**
> Прикрепись к нему;
> Помоги ему в достижении цели, содействуй ему во всем.

Он в свою очередь поможет тебе,
Ты увидишь нас при достижении цели,
Найдешь себя в процессе поиска
И увидишь, как выполняется обещание
В том месте, где живет обещанное,
Месте, куда не добраться Богам,
Потому что оно — вне пределов их досягаемости.

И тогда к Велисарию пришел мысленный импульс, резко ворвался к нему в разум, как поток. Он был наполнен сладкой гордостью. Подобно улыбке ребенка после того, как ребенок сделал свой первый шаг.

«Называй меня Эйд. Это значит — помощник».

Женщина и изобретатель

— Готовы? — спросил Маврикий.

Антонина и Иоанн Родосский кивнули. Гектонтарх взмахнул деревянным молотком.

Оружие внешне напоминало катапульту. Да вообще-то Иоанн Родосский и взял катапульту за основу своего изобретения, только выпускала она не камни, а глиняные сосуды (если это, конечно, можно было назвать сосудом). Их помещали в катапульту на самый край стропы, и они вылетали из орудия после удара деревянным молотком.

Трое людей, стоявших рядом с артиллерийским орудием, наблюдали за траекторией полета снаряда. Через две секунды он врезался в каменную стену, возвышавшуюся на некотором удалении от катапульты, и тут же превратился в огненный шар.

— Да! Да! — заорал Иоанн и заважничал. Он был горд собой.— Работает! Ты только посмотри, Антонина! Взорвалось мгновенно! При соприкосновении!

Она сама улыбалась от уха до уха. Улыбка не сошла с ее лица даже после того, как она увидела, что Маврикий хмурится.

— О, хватит, Маврикий! — она рассмеялась.— Клянусь, ты — самый угрюмый человек на земле!

Маврикий кисло улыбнулся.

— Я не угрюмый. Я просто пессимист.

Иоанн Родосский скорчил гримасу.

— И что вызвало пессимизм на этот раз?

Отставной морской офицер показал на стену, на которой до сих пор бушевал огонь.

— Ты только взгляни! И если ты все равно не веришь, иди туда и попробуй его затушить! Вперед! Обещаю тебе: горсть будет — даже

на камне — пока не сгорит все топливо, которое я туда залил. Единственный возможный способ затушить — засыпать землей. Неужели ты считаешь, что враги пойдут в бой с лопатами?

Маврикий покачал головой.

— Я не спорю с твоими утверждениями. Но послушай, Иоанн, ты ведь морской офицер. Ты привык находиться на корабле с ровной палубой и думаешь, что таскать придется только глиняные сосуды. Да, тяжелые, но не такие уж тяжелые, что их не сможет подносить к орудию один человек. Все остальное время они будут надежно упакованы — например, в трюме, обернуты большим количеством ткани, чтобы случайно не разбились и не загорелись. Но как-нибудь попробуй везти их на мулах, по пересеченной местности, и ты поймешь, почему я не прыгаю от радости.

Иоанн нахмурился, но ничего не ответил. Антонина вздохнула.

— Ты несправедлив, Маврикий.

Гектонтарх нахмурился так, что выражение лица Иоанна можно было принять за улыбку.

— Несправедлив? — переспросил он.— А это какое отношение имеет к делу? *Война* несправедлива, Антонина! Это природа чертова зверя.

Гектонтарх прекратил хмуриться, подошел к Иоанну и положил руку ему на плечо.

— Я не критикую тебя, Иоанн. Я нисколько не сомневаюсь, что ты только что совершил революцию в ведении морского боя. И к тому же в ведении осады. Но я просто говорю правду. Прямо, ничем не приукрашивая факты. Твое изобретение слишком сложно для использования сухопутными войсками.

Морской офицер тоже прекратил хмуриться. Посмотрел в землю, выдохнул воздух.

— Да, я знаю. Именно поэтому я и сказал, что мы должны отойти подальше назад, да еще и немного в сторону. Я не был уверен, что глиняный горшок не разлетится на куски в воздухе. И не был уверен, *когда* он разлетится.

Он потер шею.

— Проблема в этом проклятом лигроине. Он все еще составляет основу смеси. Пока мы его используем, лучших результатов не добьемся.

Маврикий хмыкнул.

— Что ты на этот раз к нему добавил? — он кивнул на пылающий в отдалении огненный шар.— Что бы это ни было, разница огромная.

Иоанн тоже посмотрел на пламя. Его голубые глаза казались яркими, как алмазы, словно он пытался придать пламени какую-то другую форму просто силой воли.

— Селитру,— пробормотал он.

Маврикий пожал плечами.

— Тогда почему бы тебе не попробовать смешать селитру с чем-то еще? Чем-то не жидким. Глиной или порохом. Чем угодно, что будет гореть, но нетяжелым.

— Как например? — резко спросил Иоанн. И добавил с ухмылкой: — Может, самородной серой?

— Почему бы и нет? — спросила Антонина весело. Как и обычно, она старалась развеселить и подбодрить морского офицера после того, как результат очередного этапа долгих усилий не дотянул до желаемого результата.

Иоанн скорчил гримасу.

— Дайте мне отдохнуть. Кстати, а вы когда-нибудь нюхали горящую серу?

— Попробуй,— сказал Маврикий.— И перед испытаниями проверь направление ветра.

Иоанн думал мгновение, потом пожал плечами.

— Почему бы и нет? — Затем добавил с улыбкой: — Раз уж мы этим занялись, почему бы еще не порассуждать на тему. Что еще легко горит и не раздражает старых солдат?

— Как насчет каменного угля, Маврикий? — спросила Антонина. Конечно, веселым тоном. Мужчины ведь такие раздражительные.

— Слишком тяжелый,— проворчал Маврикий.

Иоанн Родосский в отчаянии вскинул руки.

— Тогда древесный уголь! Как он тебе, черт тебя побери?

Перед тем как Маврикий мог ответить, Антонина подошла к Иоанну и обняла его за талию.

— Тихо, тихо, Иоанн. Не надо раздражаться.

Иоанн уже собрался окрыситься на нее. Затем, уловив движение уголком глаза, сменил гримасу на похотливую улыбку.

— Не надо? Ну... Как скажешь, как скажешь. Давай пойдем в нашу мастерскую и попробуем смешать эту чертову смесь, которую предложил Маврикий.

Он тоже обнял Антонину за талию. Они вдвоем отправились в мастерскую. По пути рука Иоанна немного опустилась и похлопала Антонину чуть ниже спины.

Маврикий даже не потрудился обернуться. Он знал, кого там увидит. Прокопий появился из дверей дома и широко открытыми глазами следит за удаляющейся парочкой.

Маврикий раздраженно выдохнул воздух и уставился в небо.

«Когда-нибудь ты перехитришь сам себя, Велисарий. Со своими опасными играми. Ты бы мог мне и сказать. Если бы я сам не догадался достаточно быстро и не предупредил ребят, то твой гениальный изобретатель уже лежал бы где-нибудь с кинжалом в спине».

Маврикий повернулся назад к дому.

Конечно. Прокопий.

Он снова выдохнул воздух.

«А с тех пор я только и делаю, что останавливаю ребят, готовых воткнуть кинжал в э т у спину. Черт побери полководцев и все их хитрые планы!»

Кинжал и танец

Несколько недель спустя Рагунат Рао наконец решил, что избавился от преследователей. Ключевым моментом, как он и надеялся, оказался его поворот на запад. Враги ожидали, что он продолжит путь на юг, воспользовавшись прямой дорогой в Махараштру. Вместо этого он повернул на запад, к заливу Кач.

В последующие дни, пробираясь через соляные болота, он не видел преследователей. Теперь он наконец добрался до моря и был уверен: больше его никто не преследует.

Этой ночью он решил разбить лагерь на берегу. Да, есть шанс, что его заметят, но он настолько мал, что Рагунат Рао решил рискнуть. Он устал от болот. Чистый воздух станет бальзамом на душу.

Он два дня ничего не ел, но не обращал внимания на спазмы. Пост и самоограничения были старыми друзьями. Завтра он начнет путь по берегу, вокруг полуострова Катхиявар. Очень скоро он набредет на рыбацкую деревню. Рао бегло говорил на гуджаратском и не сомневался, что его встретят по-дружески. В Гуджарате позиции джайнов все еще сильны, в особенности в небольших деревнях, расположенных далеко от центров сосредоточения малва. Рао не сомневался: деревенские жители его примут. И помогут ему, не задавая вопросов.

Рао сам не был джайном, но уважал эту веру и хорошо знал ее кредо. Он внимательно изучил ее в молодости и хотя и не принял целиком, принял многие из постулатов их учения и включил в свое синкретическое видение Бога. Точно так же, как и учение Будды.

Потребуется время, чтобы обойти полуостров. И еще больше времени, чтобы пересечь Камбейский залив, омывающий полуостров с другой стороны. После залива лабиринт Великой Страны окажется уже в пределах досягаемости.

Он начал раздумывать о методах, которые может использовать, но быстро отказался от мыслей. У него еще будет время строить планы, основываясь на реальности по мере ее проявления.

На его лице появилась улыбка.

«На самом деле по этому вопросу Усанас оказался прав. Хорошие планы, как и хорошее мясо, не следует готовить слишком долго. Какой

великолепный человек! Даже если он и верит самые нелепые вещи! «Вечные и неизменяемые формы»! Вы только подумайте!»

Улыбка сошла с его лица. Как там сокровище его души? Конечно, она в самых лучших руках. Но тем не менее она в самом сердце владений асуров.

И снова он отбросил эти мысли. Рао согласился на план иностранцев. Он не был склонен к бессмысленным сомнениям и к тому, чтобы менять принятое решение. Кроме того, план был хороший, нет, даже отличный. Шакунталу спрятали в том самом месте, где полные надменности малва и не подумают ее искать. Да и в любом случае не было альтернативы. Вспоминая прошлые недели, Рао мог с уверенностью сказать: он не смог бы убежать от преследователей вместе с Шакунталой. И без нее это оказалось очень сложно.

А теперь? Теперь будущее стало ясным. После того как он доберется до Великой Страны, Пантера Махараштры начнет рычать. Известие распространится со скоростью молнии. Ветер снова ударил по врагу. Смертельным ударом! Сатавахана освобождена! Ветер сам несется по горам!

Он создаст новую армию, которая заставит малва бояться Махараштру. В Великой Стране правление асур станет призраком. Их будут видеть только днем, в больших городах. А земля станет смертельной ловушкой для йетайцев и раджпутов и всех разнородных орд дьявола.

Рао стал думать об уловках и тактике, но снова отказался от мыслей. Для этого еще будет достаточно времени. Более чем достаточно.

Он снова улыбнулся, вспоминая свой последний разговор с Шакунталой. Как Рао и предполагал, принцесса пришла в неописуемую ярость, когда он объяснил ей план. Но в конце концов согласилась.

Конечно, не потому, что он убедил ее. Она не верила, что помешает ему убежать от преследователей. Нет, она согласилась из чувства долга. Долга, который молотом вдолбили в ее упрямую, не желающую соглашаться душу.

Она больше не принцесса. Больше не девочка, для которой жизнь — приключение. Теперь она стала императрицей, правительницей разбитой Андхры. Единственной выжившей из огромной династии Сатаваханы. На ее плечах — и душе — лежит судьба ее народа. Ее жизнь больше не принадлежит ей и она не имеет права ею рисковать. Пока она жива, восстание против асуров сможет найти якорь, точку опоры, вокруг которой объединяться. Без нее восстание станет просто выступлением шайки разбойников.

Ее долг — выжить, вступить в союзы, которые нужны кровоточащей Андхре. А на сегодняшний день невозможно представить лучшего союза, чем союз с теми людьми, которые рисковали жизнью, чтобы освободить ее. Эти люди и их цель могут оказаться ключом, открывающим кандалы, надетые Сатаной. Долг. Долг. Долг.

В конце концов она согласилась, как и знал Рагунат Рао. Ее душа не могла поступить по-другому.

Начала появляться старая боль, он по старой привычке загнал ее назад. Но затем, как никогда раньше, позволил ей снова подняться.

«На этот раз, только на этот раз, единственный, я позволю. И никогда больше».

Несколько минут прошло в размышлениях. Он размышлял о необъятности времени, прикидывая, может ли когда-нибудь, при каком-нибудь повороте колеса, появиться мир, когда его душа и ее сокровище не будут навсегда разъединены дхармой.

Возможно. Откуда это знать человеку?

Вскоре мечты ушли.

Его жизнь была подчинена жесткой дисциплине и самоограничениям, эти привычки теперь стали автоматическими. Поэтому он опять загнал старую боль вглубь, причем более жестоко, чем когда-либо раньше.

Возможно, из-за усилия, которое потребовалось для осуществления этой задачи — большего, чем когда-либо раньше,— его мысли обратились к жертвенности. Как правило, он не придерживался древних ритуалов. Рао ценил сами веды, но старые ритуалы не имели для него большого значения. Он давно принял путь бхакти, преданности Богу, даже до того, как культ Махаведы превратил почетные ритуалы в жестокость и варварство.

Солнце садилось над Эритрейским морем, омывая воды и берег сияющим красным огнем.

Да, он принесет жертву.

Рао быстро разжег три ритуальных костра. После того как языки пламени взметнулись вверх, он вынул свое приношение из кожаной сумки.

Рао сохранил только последний лист. Другие он уничтожил в лесу, несколько недель назад, тоже на костре. Если бы при нем нашли другие листы — в случае его смерти или пленения — то они выдали бы человека, написавшего послание. Но если бы малва добрались до последнего листа, то он показался бы им бредом. В любом случае они бы в нем ничего не поняли.

Это послание было самой дорогой вещью, которая ему когда-либо принадлежала. Но он пожертвует им сейчас, выражая таким образом свою преданность будущему.

Перед тем как бросить лист в огонь, он перечитал его в последний раз.

«...как ты можешь представить. Больше я ничего не могу сказать определенно. Он странный. Часто ведет себя как ребенок, полный молчаливой обиды и сожаления. И это большая обида и большие сожаления, в чем я не сомневаюсь. И, я считаю, справедливые.

Но в нем также есть сила, в этом я также не сомневаюсь. И самая большая сила — это сила знания.

Я не знаю его имени. Не думаю, что он сам его знает.

Тем не менее я верю. Вера исходит не из моей религии — хотя и не вижу, чтобы это ею запрещалось, так же считают и самые святые люди, которых я знаю. Вера идет из видения. Видения, которое однажды меня посетило. Я видел тебя, танцующего на грани разрушения.

Я считаю, что он — Калкин. Десятый аватара, который был обещан, присланный, чтобы связать асур и уничтожить их приспешников.

Или, по крайней мере, обучить нас, как это сделать».

Рагунат Рао бросил папирус в огонь и смотрел, пока языки пламени полностью не уничтожили его. Затем он вынул кинжал. Рао также пожертвует и кинжалом.

На самом деле отличный кинжал. Но время кинжалов прошло.

Однако перед тем, как он собирался бросить его в огонь, Рао почувствовал импульс. Импульс, которому невозможно сопротивляться и, как он решил, наиболее соответствующий моменту.

В его душе слились боль, приносящая ему страдания, и радостное удивление, и Рагунат Рао вскочил на ноги.

Да! Он будет танцевать!

И он танцевал на берегу, на золотом краю Эритрейского моря. Он был великим танцором, Рагунат Рао. И теперь, у края расплавленного сокровища природы, в золотом солнечном свете взрывающейся надежды, он танцевал танец. Великий танец, ужасный танец, никогда не забытый. Танец созидания. Танец разрушения. Танец времени.

И когда он танцевал, он поворачивал колесо времени и ни разу не подумал ни о своих врагах, ни о своей ненависти. Потому что в конце концов они были ничем. Он думал только о тех, кого любит, и тех, кого полюбит, и был удивлен их количеству.

Он танцевал для своей императрицы, восхищаясь ее величием, и для своего народа, восхищаясь его могуществом. Он танцевал Эритрейскому морю и триумфу, поднимающемуся из его волн. Он танцевал друзьям прошлого и товарищам будущего. И, самое главное, он танцевал самому будущему.

Наконец почувствовав, что силы покидают его, Рагунат Рао поднял кинжал. Снова восхитился им и бросил ценный подарок в волны. Он не мог придумать лучшего места для этой красоты, чем воды Эритрейского моря.

Он закрутил последний прыжок. О, как высоко он подпрыгнул! Так высоко, что у него было время рассмеяться — до того как он бросился в воду. Рассмеяться от радости.

«О, великий Велисарий! Разве ты не видишь, что ты — танцор, а Калкин — только душа твоего танца?» — мысленно воскликнул Рагунат Рао.

В СЕРДЦЕ ТЬМЫ

ПРОЛОГ

После окончания обильной трапезы слуг отослали прочь.

Начальник шпионской сети сообщил плохую новость.

— Велисарий жив,— объявил он резким тоном.

Кроме него в комнате находились еще семеро. Один из них, как и начальник шпионской сети, был иностранцем. Судя по тому, что на его лице не отразилось никаких эмоций, он уже слышал новость. Пятеро из шести римлян привстали на своих местах. На лицах отражалась различная степень ужаса.

Седьмой, тоже римлянин, только презрительно скривил губы и просто перенес вес тела на другой локоть.

Весь вечер он испытывал отвращение.

Двое находившихся в комнате священнослужителей вызывали у него отвращение лицемерной болтовней. Глицерий из Халкедона и Георгий Барсимес были дьяконами и оголтелыми ортодоксами и выступали от лица Руфиния Намациана, епископа Равенны[1]. Однако их ортодоксальность служила только способом прикрытия амбиций. Епископ Равенны хотел стать Папой, а его подчиненные надеялись сделаться патриархами Константинополя и Александрии.

Амбициями руководствовался и этот седьмой, но он не скрывал их за ложной набожностью. (Да и странная это была набожность — объединение с индуистскими язычниками против христианских еретиков с выгодой для себя.) За седьмым человеком в комнате числилось много грехов, как незначительных, так и смертных. Но лицемерия среди них не значилось.

Двое господ благородного происхождения из собравшихся в комнате вызывали у него отвращение своим бахвальством и самодовольным

---

[1] Равенна — город в Италии. В эпоху Римской империи был стратегическим портом, прикрывающим с Востока дорогу на Рим.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

видом. Их звали Ипатий и Помпей. Они были братьями и племянниками бывшего императора Анастасия. Если следовать формальным династическим критериям, то они являлись законными наследниками императорского трона. Но римляне никогда не поклонялись алтарю наследственности. Главным критерием для надевания пурпурной мантии служила компетентность. И если во всей Римской империи и имелась еще пара более бесполезных и нерадивых людей, то они хорошо прятались.

Другой высокопоставленный римский чиновник вызывал у седьмого отвращение иного рода. Его звали Иоанн из Каппадокии и он являлся префектом претория[1] у императора Юстиниана. Определенно — способный человек. Но его жестокость, жадность и порочность не знали границ. Убийца, вор, вымогатель, палач, насильник — Иоанна из Каппадокии называли всеми этими словами. И все это было правдой.

Двое шпионов из народности малва были сами по себе отвратительны, причем льстивый Балбан, начальник шпионской сети, даже больше, чем наемный убийца Аджатасутра — частично из-за их фальшивого добродушия и притворного дружелюбия, но в основном из-за притворной заботы об интересах Рима и представления себя вроде как незаинтересованными лицами, во что мог поверить только идиот. А седьмой человек в комнате совсем не был идиотом и принимал притворную невинность представителей малва за оскорбление своему уму.

Седьмой относился с отвращением и к самому себе. Он являлся главным камерарием Римской империи[2], одним из самых ценных советников императора Юстиниана; он пользовался очень большим доверием, которое не собирался оправдывать. Он был близким личным другом императрицы Феодоры, которую планировал убить. К своим грехам он добавит еще одно предательство и еще одно убийство — и все ради того, чтобы получить большую власть, хотя и ненамного большую. Он был евнухом и не мог претендовать на трон. Сам не мог. Но мог по крайней мере стать главным камерарием бездарного императора вместо самостоятельного — и обрести истинную власть в Риме.

Благодаря своему острому уму седьмой понимал, что его стремление к власти — само воплощение глупости. Он стар. Даже если он и воплотит эти амбиции в жизнь, вероятно, ему удастся наслаждаться полученным всего лишь несколько лет.

Ради этих глупых, мелких амбиций седьмой и рисковал — ведь вместо желаемого он может быть казнен и навеки проклят. Он презирал

---

[1] Префект претория — начальник преторианской гвардии.

[2] Камерарий — ведает хозяйством королевского двора или дома человека благородного происхождения. Занимающие подобную должность всегда играли большое политическое значение.

себя за мелочность, собственная глупость вызывала у него отвращение. Но он не мог поступить по-другому. Несмотря на то что седьмой всегда гордился своим железным самоконтролем, он никогда не мог справиться с честолюбием. Оно властвовало над евнухом, как похоть над сатиром. Оно двигало его вперед, сколько он себя помнил, с тех дней, когда другие мальчики насмехались над ним и избивали его после кастрации.

Но больше всего у него вызывало отвращение то, что реакционеры из малва и римлян, собравшиеся в комнате, настояли на ужине в архаичных традициях, вместо того чтобы сесть на стулья, расставленные вокруг стола, как делают все современные разумные люди. Постаревшее тело седьмого уже давно потеряло гибкость, необходимую для трапезы в полулежачем состоянии.

Его звали Нарсес, и у него болела спина.

* * *

Индус, начальник шпионской сети, не сводил глаз с Нарсеса с того момента, как сделал свое объявление. Несколько месяцев назад Балбан понял, что этот евнух пока является самым серьезным из римских союзников — и единственным ни в коей мере не простофилей. Священнослужители были провинциальными фанатиками, императорские племянники — безмозглыми пижонами, Иоанн из Каппадокии — несмотря на несомненные способности — слишком опьяненным своими собственными пороками, чтобы отличить факты от вымысла. Но Нарсес точно понимал смысл заговора малва. Он согласился к нему присоединиться просто потому, что не сомневался: он сможет одурачить малва после того, как захватит власть в Риме.

Балбан не был полностью уверен, что евнух ошибся в своей оценке. Получивший власть Нарсес станет гораздо более опасным врагом для малва, чем Юстиниан. Поэтому Балбан давно начал планировать покушение на Нарсеса. Но он всегда считал себя методичным человеком, который знает ценность терпения, и был готов идти вперед маленькими шажками. На текущий момент требовалось союзничество с евнухом.

И поэтому...

— Как тебе новость, Нарсес? — спросил индус. Он бегло говорил на греческом, правда с сильным акцентом.

Евнух сморщился: принятие сидячего положения доставило ему боль.

— Я говорил тебе, что план был глупым,— проворчал он. Как и всегда, Балбана поразил низкий, грудной, сильный голос невысокого пожилого человека. Да к тому же еще и евнуха.

— Нет, не был,— проскулил Ипатий. Его брат судорожно закивал, показывая свое согласие. Он пытался вести себя достойно и уверенно — правда, с напомаженными волосами и раскрашенным лицом, с

головой на тонкой шее, этот господин благородного происхождения напомнил скорее куклу, которую трясет карапуз.

Евнух сфокусировал взгляд болотно-зеленых глаз на племянниках. Благодаря костлявому лицу, испещренному множеством морщин, он напоминал рептилию. Смертоносную и хладнокровную. Братья отпрянули от его взгляда, как мыши.

Нарсес удовлетворился этим молчаливым устрашением. Несмотря на частые искушения, Нарсес никогда не оскорблял братьев. В будущем один из них потребуется, чтобы стать марионеточным императором. Любой, какой именно — не играло роли. Тот, который наберется достаточно мужества, чтобы вместе с Нарсесом спланировать убийство второго. Поэтому, как и всегда, евнух формально выказывал уважение и позволял лишь одним глазам демонстрировать свое превосходство.

— Я с самого начала говорил вам, что план безнадежен и жалок,— сказал он.— Если вы хотите убить такого человека, как Велисарий, то следует использовать не обычных преступников, а кого-то другого.

Впервые за вечер заговорил Аджатасутра. Он являлся главным агентом индийской миссии, специалистом по непосредственным акциям, человеком улиц и темных переулков, в то время как Балбан манипулировал из-за кулис. Аджатасутра также бегло говорил по-гречески, но в отличие от Балбана — с минимальным акцентом. Аджатасутра мог сойти за римского гражданина из одной из более экзотических, дальних провинций империи — он напоминал темнокожего сирийца или полукровку-ассирийца.

— Судя по отчету, операцию хорошо спланировали,— произнес он тихо. Говорил он спокойным тоном, давая беспристрастную оценку произошедшего.— На Велисария устроили засаду вскоре после того, как он сошел на берег в Бхаруче. Ночью, в темноте. Он был один, без своих телохранителей-катафрактов. Там было не менее восьми вооруженных бандитов. Все — опытные убийцы, проверенные в деле.

— Правда? — хмыкнул Нарсес. Он с удовольствием оскорблял малва, в разумных пределах, конечно. Поэтому позволил себе презрительно усмехнуться, но не стал плевать на полированный паркетный пол.— Скажи мне вот что, Аджатасутра. Мне просто любопытно. Сколько из этих — как же ты их назвал-то? — ах, да! «опытных убийц, проверенных в деле» — ни больше ни меньше... Так сколько из них выжили после встречи с Велисарием?

— Трое,— немедленно последовал ответ.— Они бросились бежать после того, как Велисарий убил первых пятерых. В течение нескольких секунд — судя по отчету.

Ухмылка сошла с лица Нарсеса. Аджатасутра никак не реагировал на презрение римлянина. В темно-карих глазах агента читался только

профессиональный интерес — и ничего больше. И евнух хорошо помнил, как на собрании несколько месяцев назад Аджатасутра сам выражал сомнения, когда принималось решение рекомендовать покушение на Велисария как только он доберется до Индии. (Они могли только рекомендовать, не приказать. Окончательное решение принимал Венандакатра. Балбан занимал высокое положение в иерархии империи малва, но не являлся членом императорского династического клана. Он не отдавал приказы людям типа Венандакатры. Если хотел жить дальше.)

Нарсес вздохнул — и от боли в спине, и от отчаяния.

— Еще тогда я сказал вам, что вы сильно недооцениваете Велисария,— продолжал он.

В его голос добавилась настоящая злость, что случалось крайне редко.

— Боже праведный, чем вы думали? Вы понимали, против кого вы играете? — спросил он.— Этот человек — один из величайших полководцев, когда-либо рожденных в Риме. К тому же он еще и молод. И полон жизненных сил. И знаменит своими навыками владения мечом. И у него еще есть опыт участия в реальных сражениях, которого нет у большинства солдат, в два раза его старше.

Он гневно посмотрел на Балбана.

— Настоящего участия в настоящих сражениях против настоящих врагов.— Тут он снова презрительно усмехнулся.— А не опыта «проверенных в деле убийц», головорезов, умеющих воткнуть нож в спину купцу.— Нарсес умолк и зашипел. Частично от раздражения, но в основном из-за резкой боли в позвоночнике. Затем снова прилег и прикрыл глаза.

Балбан откашлялся.

— На самом деле это, может, и к лучшему. Я имею в виду то, что Велисарий выжил. Мы только что получили сообщение — причем от самого господина Венандакатры — где говорится, что господин Венандакатра считает: Велисарий может согласиться на преда... присоединиться к нашему общему делу. Венандакатра подружился с Велисарием, и они неоднократно вели долгие беседы во время путешествия в Индию. Полководец полон горечи и негодования — ему не нравится, как к нему относится Юстиниан, и он пропускал в разговоре намеки, что не прочь бы сменить патрона.

Нарсес не открывал глаз и боролся с болью, но одновременно прислушивался к разговорам, которые внезапно заполнили комнату. Римляне говорили возбужденными голосами. Зазвучала смесь холодного расчета, дурацкого лопотания, анализа и интриги, диких рассуждений и — по большей части — плохо скрываемого страха.

За исключением Нарсеса, всех римлян в комнате раздирали сомнения. Если им удастся привлечь Велисария на свою сторону, то у их

заговора сильно увеличатся шансы на успех. Так они все говорили — вслух. Но то же самое значительно ослабит их личные перспективы. Так они все думали — молча.

Нарсес ничего не сказал. И после минуты или около того перестал обращать внимание на слова. Пусть лопочут и играют в свои глупые игры.

Бессмысленные игры. Главный камерарий, несмотря на старость и то, что он был евнухом, знал и не сомневался: нет шанса, что Велисарий откажется от своей клятвы Юстиниану и предаст его, как у группы уличных бандитов нет шанса устроить на него засаду и убить. Первое даже менее вероятно, гораздо, гораздо менее вероятно.

В сознании Нарсеса возник образ Велисария, такой четкий, словно фракиец стоял перед ним. Высокий, красивый, хорошо сложенный. Образец простого солдата, если не считать хитроватую усмешку и странный, мудрый, всепонимающий взгляд.

Нарсес уставился в потолок, не обращая внимания на болтовню вокруг себя. Он боролся с болью.

До него дошел голос Балбана.

— Значит так. Думаю, мы все согласны. Будем надеяться, что господину Венандакатре удастся склонить Велисария на нашу сторону. А пока здесь, в Константинополе, мы приложим усилия, чтобы завоевать на нашу сторону его жену Антонину. Как вы знаете, она месяц назад прибыла из их усадьбы в Сирии. Аджатасутра уже попытался наладить с ней контакт.

Нарсес продолжал смотреть в потолок. Слушал Аджатасутру.

— Думаю, все прошло неплохо — для первого контакта. Очевидно, ее потряс мой намек на то, что император Юстиниан вступил в заговор с малва, чтобы организовать покушение на Велисария, пока тот находится в Индии, вдали от своих друзей и армии. Вскоре мне предстоит встретиться с нею вновь, пока она еще находится в столице.

Заговорил Иоанн из Каппадокии, горячо, хриплым голосом:

— Если это не сработает, просто соврати шлюху. Похоже, предположительно исправившаяся проститутка совсем не отказалась от старых привычек. По крайней мере, судя по тому, что говорит личный секретарь Велисария Прокопий. На днях мы с ним немного поболтали. Она раздвигала ноги для всех с того самого дня, как ее обожаемый муж отправился в Индию.

В комнате послышался бесстыдный смех. Нарсес слегка повернул голову, так и оставаясь лежать. Но достаточно, чтобы направить взгляд рептилии на Иоанна из Каппадокии.

«Но для тебя не раздвинула. И никогда не раздвинет. Как я подозреваю — ни для кого не раздвинет. И только кретин станет верить этому злобному сплетнику Прокопию».

Нарсес вначале принял сидячее положение, потом встал.

— В таком случае я ухожу,— объявил он.

Нарсес вежливо кивнул всем собравшимся в комнате, за исключением Иоанна из Каппадокии. В этом случае вежливость не требовалась и в любом случае стала бы потерей усилий. Префект претория не замечал Нарсеса. Его глаза казались пустыми, направленными внутрь себя, на возникший в сознании образ красавицы Антонины.

Поэтому Нарсес просто внимательно смотрел на Иоанна с минуту, наслаждаясь зрелищем извращенца с навязчивой идеей. Евнух знал, что после триумфа их предательства Иоанн планирует наконец удовлетворить свою страсть к Антонине.

Нарсес отвернулся. Тогда Иоанн из Каппадокии забудет об осторожности. Это будет идеальным моментом, чтобы его убить.

Нарсеса наполнило чувство жестокого удовлетворения. В своем полном горечи сердце Нарсес составил список всех тех, кого ненавидел в этом мире. Это был очень-очень длинный список.

Имя Иоанна из Каппадокии занимало одно из первых мест. Нарсес с наслаждением убьет его. С большим наслаждением.

Возможно, это удовольствие частично смягчит боль от других преступлений. Боль от убийства Велисария, которым Нарсес глубоко восхищался. Боль от убийства Феодоры, которое еще доставит ему адские муки на смертном одре.

Слуга помог ему надеть плащ перед тем, как открыть дверь.

Нарсес стоял в дверном проеме, ожидая, пока слуга не доставит туда паланкин из расположенных в задней части усадьбы конюшен. Он поднял голову. Ночное небо было чистым, безоблачным. Открытым. Незапятнанным.

Тем не менее он их убьет или проследит, чтобы это было сделано.

За спиной он услышал не очень отчетливо доносившийся голос Иоанна из Каппадокии. Нарсес не различал слов, но грубый мерзкий голос ни с чьим не спутаешь.

Мерзкий звук голоса и незапятнанное небо закружились в душе Нарсеса. Образы убитых Иоанна из Каппадокии и фракийца Велисария исчезли. Наконец евнух перестал сдерживаться и его холодное неподвижное до этого лицо исказила гримаса. Теперь оно ни в коей мере не напоминало морду рептилии. Это было лицо человека с горячей кровью. Почти детское, несмотря на все мелкие и глубокие морщины, если только когда-то ребенок мог испытывать такую беспомощную ярость.

Проклятые, ненавистные амбиции. Он бы убил себя за это человеконенавистничество.

Паланкин был готов. Его принесли четверо рабов и теперь ждали в молчаливой покорности, пока слуга помогал Нарсесу занять место на подушках. Рабы тронулись с места.

Нарсес откинулся на подушки и прикрыл глаза.
Спина болела.

Глава 1

Ранапур
Весна 530 года н. э.

Велисарий наблюдал за траекторией полета каменного ядра. Оно летело по дуге. Траектория оказалась не ровнее, чем траектория выпускаемого катапультой снаряда, но каменный шар врезался в окружающую Ранапур кирпичную стену с гораздо большей силой. Даже несмотря на грохот пушки, до Велисария долетел звук, с которым ядро ударилось о стену.

— По меньшей мере фут в диаметре,— заметил Анастасий.

Велисарий подумал, что оценка катафрактом размера проделанного пушечным ядром отверстия точна, и кивнул, соглашаясь. Второй из его телохранителей, Валентин, скорчил гримасу.

— И что? — проворчал он.— Я видел, как снаряд катапульты делал большую дыру.

— Не на таком расстоянии,— возразил Анастасий.— И не с такой силой.— Огромный фракиец пожал плечами.— Нет смысла обманывать себя. По сравнению с этими адскими приспособлениями малва наша римская артиллерия выглядит просто игрушками.

Менандр, последний из трех катафрактов, сопровождавших Велисария в Индию, открыл рот.

— А ты что думаешь, полководец?

Велисарий повернулся в седле, чтобы ответить. Но его ответ прервали ругательства.

— Удивительно, как быстро мы забываем наши старые навыки, не правда ли? — усмехнулся Анастасий.

Велисарий уныло улыбнулся, поскольку нельзя было отрицать справедливость этого замечания. Велисарий ввел стремена в своей коннице всего за несколько месяцев до отправления в Индию. Он уже частично забыл небольшие уловки, помогающие удержаться в седле без них. Но Велисарий и сопровождавшие его лица не взяли новые приспособления в Индию: стремена являлись одним из немногих приспособлений, по которым римляне ушли вперед от империи малва, и Велисарий не собирался знакомить с ними будущего врага.

Однако ему их очень недоставало, и каждое движение, после которого он терял равновесие, сидя в седле, заставляло его вспомнить об их отсутствии, даже такое, как простой поворот в седле, чтобы ответить находящемуся у него за спиной молодому фракийцу.

— Я согласен с Анастасием, Менандр,— сказал Велисарий.— На самом деле я думаю, что он еще преуменьшает проблему. Дело не только в том, что в настоящий момент пушки малва превосходят наши катапульты. Еще хуже то, что наши артиллерийские орудия и техника их использования достигли высшей ступени своего развития, в то время как орудия малва все еще грубы и примитивны.

Глаза Менандра округлились.

— Правда? Они кажутся...

Молодой воин обвел глазами поле битвы. Велисарий и сопровождающие его лица прибыли в Ранапур только на прошлой неделе. Но северная индийская провинция, столицей которой являлся Ранапур, восстала против правителей малва два года назад. Теперь уже больше года сам Ранапур находился под осадой. К этому времени когда-то плодородные земли, окружающие огромный город, утоптали и перекопали, и они превратились в лабиринт из траншей и земляных укреплений.

Сцена больше всего напоминала Менандру огромный муравейник. Куда бы ни смотрели его глаза, он видел солдат и подсобных рабочих, волокущих боеприпасы или продукты питания, иногда на тележках или фургонах, но гораздо чаще просто на своей спине. Менее, чем в тридцати ярдах от них пара человек несла запаянную глиной, плотно плетеную корзину с порохом. Корзина свисала с бамбукового шеста, каждый конец которого лежал на плечах мужчин. Несмотря на то что носильщики были одеты лишь в набедренные повязки, они сильно вспотели. Конечно, в основном — из-за страшной жары, обычной для Гангской равнины весной, во время сухого сезона, который индусы называют гарам. Но потели они и от работы. По оценкам Менандра, вес корзины составлял шестьдесят фунтов, и он знал, что эта — одна из многих, которые эти двое мужчин таскают уже немало часов.

Сцена повторялась дюжины раз, куда бы он ни глянул. Весь город Ранапур окружали деревянные частоколы, земляные стены, канавы и все другие виды укреплений, используемых во время осады. Их воздвигли атакующие малва для защиты от катапульт восставших и совершаемых время от времени вылазок.

Менандр думал, что малва излишне осторожны. Он сам был слишком неопытен, чтобы правильно судить об этих вещах, но Велисарий и ветераны-катафракты оценили размер армии малва, окружающей Ранапур, в двести тысяч человек.

Эта цифра поражала воображение. Ни одна из западных империй не имела возможности собрать такую силу для полевого сражения. А солдаты, как знал Менандр, являлись только сражающимся острием впереди еще большей массы людей. С их теперешней точки обзора Менандр видел только их часть, но знал: все дороги в окрестностях города забиты транспортом, доставляющим провизию и боеприпасы армии.

Посмотрев на юг, он увидел баржи, медленно поднимающиеся вверх по реке Джамне к временным причалам, которые малва соорудили, чтобы сгружать припасы. Каждая баржа имела водоизмещение от трехсот до шестисот тонн — размер среднего морского судна в Средиземноморье. Они доставляли провизию и боеприпасы со всего севера Индии, производимые трудом бессчетных подчиненных малва народов.

В дополнение к грузовым баржам имелись еще и баржи, стоящие у причалов на южном берегу Джамны. Они были такого же размера, но более комфортабельные. На них размещались представители знатных родов и высшие чиновники малва. Тут и там Менандр видел узкие весельные суда, которые передвигались гораздо быстрее. Это были галеры с пятьюдесятью или около того гребцами, а также дополнительной воинской силой на борту. Малва постоянно патрулировали реку, закрывая Ранапуру доступ к передвижениям по воде.

Больше всего взгляд Менандра притягивали огромные бронзовые пушки, которые стреляли по Ранапуру. С того небольшого возвышения, откуда он и другие римляне наблюдали за осадой, можно было разглядеть восемь. Каждая пушка стояла на каменной площадке, окруженной низким поребриком, и обслуживалась небольшой ордой солдат и подсобных рабочих.

— Эти пушки кажутся почти магическими,— тихо сделал вывод он.

Велисарий покачал головой.

— В них нет ничего магического, парень. Это работа по металлу и химия — и все. И, как я и говорил раньше, грубая и примитивная работа и незамысловатая химия.

Полководец огляделся вокруг. Большой эскорт раджпутов находился неподалеку, но все еще вне пределов слышимости.

Велисарий склонился вперед в седле. Когда он заговорил, его голос звучал тихо и напряженно. Говорил он достаточно громко, чтобы его слышали все трое катафрактов, но слова главным образом предназначались для Менандра. Из сотен катафрактов, составлявших букелляриев Велисария, его личную военную свиту элитных солдат, не было никого более смертоносного, чем Валентин и Анастасий. Именно поэтому он и выбрал их для сопровождения во время опасного путешествия в Индию. Но несмотря на все воинские навыки, ни один из ветеранов на самом деле не подходил для оценки кардинально новой ситуации. Молодой Менандр, даже после приобретения большего опыта, никогда не сможет сравниться с Анастасием или Валентином как воин. Но он уже показал, что способен гораздо быстрее впитывать новые реалии, которые малва вводили в военное дело.

— Послушайте меня, вы все. Может, я не вернусь живым из этого путешествия. Что бы ни случилось, важно, чтобы по крайней мере

один из нас вернулся в Рим с тем, что узнал, и передал информацию Антонине или Иоанну Родосскому.

Валентин уже собрался возразить, но Велисарий отмахнулся от него.

— Это глупо, Валентин, и ты это знаешь лучше, чем кто-либо. На поле брани ты можешь погибнуть по тысяче разных причин — как и вне его — и я не более защищен от них, чем кто-либо. Важна информация.

Он снова посмотрел на раджпутов, но кавалеристы все еще находились вне пределов слышимости.

— Я уже объяснил вам, как работают пушки,— сказал он. Посмотрел на Менандра.

Молодой фракиец тут же повторил состав пороха и сложный набор необходимых действий, которые требовалось последовательно выполнять, чтобы правильно изготовить порох. Его речь напоминала монотонное пение или декламацию человека, которому часто приходится повторять какие-то данные.

Велисарий кивнул.

— Ключевым являются смачивание и перетирание. Запомните это.— Он слегка кивнул в сторону дальних пушек.— На самом деле порох у малвы дрянной, в сравнении с тем, какой можно сделать. То же касается и работы по металлу.

Осматривая одну их пушек, Велисарий слегка распрямился в седле.

— Посмотрите,— приказал он.— Они готовятся стрелять. Проследите за траекторией полета снаряда.

Менандр и двое других катафрактов проследили за направлением взгляда полководца. Мгновение спустя они увидели, как один из солдат малва достает длинный железный стержень из небольшой кузницы. Стержень был загнут под углом в девяносто градусов на конце, а выступающие два дюйма раскалены докрасна. Солдат осторожно вставил стержень в небольшое отверстие, из ствола пушки вылетело огромное облако дыма, за которым практически сразу же последовал оглушительный звук выстрела.

Пушка дернулась назад. Менандр увидел, как канонир выпустил из рук стержень и тот отлетел на других солдат малва, которые тут же быстро отскочили назад, суматошно стараясь уклониться от все еще раскаленного кончика. Менандр не завидовал пушечным расчетам малва. У них была рискованная работа. Два дня назад он видел, как после отдачи пушка слетела с подставки и раздавила одного из канониров.

Менандр и другие римляне проследили за траекторией полета снаряда вплоть до его удара по крепкой стене Ранапура. Даже на таком расстоянии они видели, как стена вздрогнула, отлетели куски кирпича, потом упали на землю.

Велисарий посмотрел на товарищей. Они все хмурились — ветераны просто от удивления, Менандр — в задумчивости.

— Снаряд не летел прямо,— объявил молодой катафракт.— Он отклонился. Он должен был ударить в стену в пятнадцати или двадцати футах восточнее.

— Вот именно,— довольно кивнул Велисарий.— Если вы внимательно посмотрите и проследите, то в конце концов заметите, что пушечный огонь очень беспорядочен. Время от времени они стреляют прямо. Но гораздо чаще снаряд отклоняется под углом, причем отклонение такое же беспорядочное.

— Почему? — спросил Менандр.

— Это зазор. И сопротивление воздуха,— ответил полководец.— Для того чтобы снаряд летел прямо, он должен точно подходить к размеру ствола. Для этого требуются две вещи — ровный, абсолютно точно выверенный по всей длине ствол пушки и соответствующий размер пушечных ядер.

Анастасий надул щеки, потом выпустил воздух.

— Это уж слишком, полководец. Даже для греческих мастеров.

Велисарий кивнул.

— Да. Но чем лучше выверены ствол и ядра, тем точнее стрельба. Малва даже не пытаются добиться этой точности. Пушечные ядра у них — не больше, чем грубые камни. Они добились бы большего успеха, если бы пользовались железными, да и при ковке стволов работают грубо. Подозреваю, весь процесс изготовления оружия у них очень груб. Ничто не подвергается обработке на станке.

Валентин нахмурился.

— А как подвергнуть обработке на станке нечто такого размера? — спросил он.— В особенности сделанное из металла?

Велисарий улыбнулся.

— Я даже не стал бы пытаться, Валентин. Для пушек такого размера неточность на самом деле не является такой уж большой проблемой. Но давайте рассмотрим вопрос под другим углом. Насколько сложно подвергнуть обработке на станке очень маленькую пушку?

— Очень сложно,— мгновенно ответил Анастасий. Его отец был кузнецом и очень рано стал подключать сына к работе.— Любая обработка на станке сложна, даже с деревом. Почти никто не пытается делать это с металлом. Но... да, если она достаточно мала...

— Ручные пушки! — возбужденно воскликнул Менандр.— Вот что ты хочешь. Что-то небольшое, с чем может управляться один человек. Или двое.

— Один,— объявил Велисарий.

— Я не видел ничего подобного у малва,— неуверенно заметил Валентин.— Может...

Он замолчал и откашлялся.

Дул легкий ветерок, и облако дыма, вылетевшее из ближайшей пушки во время последнего выстрела, наконец добралось до римлян.

— Боже, как эта дрянь воняет,— пробормотал Валентин.

— Лучше привыкай,— довольно неласково сказал Анастасий. На мгновение показалось, что огромный фракиец уже собирается выступить с одним из своих частых философских наставлений, но гневный взгляд Валентина заставил его от них отказаться.

— Ты не видел ручных пушек, Валентин, потому что у малва их просто нет,— мягко, но уверенно произнес Велисарий.— Они не прячут их от нас. Я уверен в этом. Они держат нас подальше от места сражения, но не настолько уж и далеко. Если бы у них были пушки небольшого размера, мы бы к этому времени их заметили.

Он подождал, пока не затихнет звук очередного пушечного выстрела, потом продолжил:

— Это — дело будущего. Ручные пушки. Если нам удастся вернуться в Рим — если кому-то из нас удастся вернуться в Рим — и передать эту информацию Иоанну Родосскому, то у нас появляется шанс. У нас будет лучший порох, чем у малва, наши ремесленники в общем и целом более искусны, чем их. Мы сможем построить совершенно новый тип армии. Армию, которая сможет разбить этого колосса.

На мгновение Велисарий задумался, не поделиться ли некоторыми из идей, к которым он приходил в последнее время, относительно структуры и тактики такой будущей армии, но отказался от этой мысли. Его идеи все еще оставались не до конца сформулированными и робкими. Они смутят катафрактов больше, чем все остальное. Велисарию требовалось побольше времени. Время подумать. И, главное, время поучиться у странного разума, который каким-то образом жил в причудливом камне, который Велисарий носил в мешочке у себя на груди. Этот разум называл себя Эйд, или Помощник, и утверждал, что пришел на Землю из далекого будущего.

Его размышления прервал Валентин.

— Осторожно,— тихо сказал катафракт.— Приближаются раджпуты.

Велисарий посмотрел через плечо и увидел, что небольшая группа раджпутов отделилась от основного отряда элитных наездников и галопом направляется к ним. Во главе ехал командующий эскортом, один из многих царьков, составляющих высший слой вассалов малва из раджпутов. Этот относился к клану Чаухар, одной из самых известных династий раджпутов. Его звали Рана Шанга.

Наблюдающего за приближением Шанги Велисария разрывали два чувства.

С одной стороны, он был раздражен тем, что его прервали. Велисарий не сомневался: раджпуты выполняют вполне определенный

приказ и поэтому они ни разу не позволили римлянам оказаться достаточно близко от места сражения и никогда не позволяли долго наблюдать за ним. Несмотря на ограничения, Велисарий смог узнать многое, наблюдая за осадой восставшего Ранапура. Но он узнал бы гораздо больше, если бы ему позволяли подойти поближе и не ограничивали бы время наблюдения несколькими минутами.

С другой стороны...

На самом деле он искренне зауважал Рану Шангу. И даже каким-то странным образом между ними начала зарождаться дружба, несмотря на то что раджпуту в будущем предстояло стать врагом Рима.

«И врагом, которого следует бояться»,— мысленно добавил Велисарий.

Во всем, кроме одного, Рана Шанга являлся архитипичным раджпутом. Он был очень высокого роста — даже выше Велисария — и хорошо сложен. Грациозная посадка на лошади говорила о его прекрасной физической форме, но также и об отличных навыках наездника, свойственных всем раджутам, которых встречал Велисарий.

Его одежда и личное снаряжение также были типичны для раджпутов, если только немного лучшего качества. Раджпуты предпочитали более легкое снаряжение и доспехи, чем катафракты или персидские копьеносцы,— кольчуга доходила до середины бедра, но оставляла открытыми руки; шлемы с открытым забралом; плотно обтягивающие штаны заправлялись в сапоги до колена. Из оружия имелись копья, луки и кривые сабли. Велисарий не видел, как Шанга использует что-либо из этого оружия в действии, но нисколько не сомневался, что он великолепно владеет всем.

Да, идеальный образ раджпута во всех смыслах, кроме...

Теперь до Шанги оставалось несколько футов. Велисарий улыбнулся ему. Он не мог ограничить улыбку тем минимумом, которого требовала вежливость.

«Кроме этого великолепного, сухого чувства юмора».

— Боюсь, должен теперь попросить тебя, полководец Велисарий, и твоих людей уехать,— объявил раджпут, остановив коня рядом с римлянами.— Думаю, вскоре здесь будет горячо. Как и всегда, мы должны ставить во главу угла заботу о безопасности наших гостей.

Словно получив сигнал от слов раджпута, именно в эту минуту над Ранапуром появился некий предмет. Велисарий наблюдал за бомбой, выпущенной катапультой, скрытой за стенами города, пока она летела по дуге в направлении осаждающих малва. Даже с такого большого расстояния он видел небольшие искры, отлетающие от запала.

— Ты видишь, что происходит,— объявил Шанга.

Как заметил Велисарий, запал обрезали слишком коротко. Бомба взорвалась в воздухе задолго до того, как попала по цели — первому

ряду окружающих город траншей, который находился по крайней мере в миле от места, где они стояли.

— Смертельно опасно,— заметил Шанга.

— В самом деле,— задумчиво произнес Велисарий.— Не исключено, это — самый опасный момент в моей жизни. А может и нет. Наверное, второй по опасности после случившегося со мной в возрасте восьми лет. Тогда моя сестра погрозила мне поварешкой.

— Сестры — страшные существа,— тут же согласился Шанга.— У меня у самого три. Смертельно опасны с поварешками, каждая из них, и очень жестоки. Просто трудно поверить в их жестокость. Поэтому я не сомневаюсь, что тогда ты находился в большей опасности, чем сейчас. Но я все равно настаиваю, чтобы вы уехали. Безопасность наших почетных гостей из Рима вызывает наибольшее беспокойство у нашего императора. Если послы императора Юстиниана получат хотя бы царапину, то она станет несмываемым пятном на чести нашего императора.

Выражение лица раджпута оставалось торжественным, но Велисарий внезапно улыбнулся. Не было смысла спорить с Шангой. Несмотря на постоянную учтивость раджпута, Велисарий быстро узнал, что у него железная воля.

Велисарий развернул лошадь и поехал от осаждаемого города. Его катафракты тут же последовали за ним. Эскорт из раджпутов занял свои места — все пятьсот человек. Большинство раджпутов держались на почтительном расстоянии позади римлян, но значительное число заняли места по флангам, а небольшая группа из двадцати человек поехала вперед, чтобы служить авангардом для небольшой армии, пробирающейся сквозь толпы солдат малва и подсобных рабочих.

Рана Шанга ехал рядом с Велисарием. После минутного молчания раджпут заговорил вновь.

— Ты все лучше и лучше говоришь на хинди, полководец,— заметил он.— На самом деле твой прогресс удивителен. А акцент становится почти незаметен.

Велисарий сдержал гримасу и молча отругал себя за дурость. На самом деле Велисарий мог бегло говорить на хинди, когда хотел, и совершенно без акцента. Почти магическая способность к изучению языков являлась одним из многих талантов, которыми его наделил Эйд. Ею Велисарий воспользовался уже не один раз.

Но он снова напомнил себе, что она приносит наибольшую пользу, если держать ее в секрете.

Велисарий вздохнул, очень легко. Он понял, что одной из самых сложных задач, с которыми приходится сталкиваться в этом мире, является умение притворяться с трудом понимающим и изъясняющимся на языке, на котором на самом деле говоришь бегло.

Велисарий откашлялся.

— Рад слышать. Сам я этого не заметил.

— Я так и думал,— ответил Шанга. Раджпут оглянулся через плечо.— Раз ты начал так бегло говорить на хинди, предлагаю с этой минуты говорить на греческом. Как ты знаешь, мой греческий не очень хорош. Я хотел бы воспользоваться возможностью его улучшить.

— Конечно,— кивнул Велисарий, переходя на греческий.— С радостью.

Римский полководец показал большим пальцем назад, на Ранапур.

— Одна вещь вызывает у меня любопытство, Рана Шанга. Я обратил внимание, что, как кажется, у восставших нет ваших пушек, тем не менее у них очевидно имеется большой запас пороха. Странно, что у них есть одно и нет другого.

С минуту раджпут молчал. Велисарию было очевидно, что Рана Шанга балансирует на грани того, что может открыть римлянину.

Но колебался он недолго. Шанге были несвойственны колебания. Велисарий подумал, что это — одна из многих мелочей, которые показывают способности военачальника.

— Не так уж и странно, полководец Велисарий. Пушки находятся под контролем кшатриев из малва и их никогда не оставляют в провинциальных городах. Точно так же, как и запасы пороха. Пушки очень сложно изготовлять, для этого требуются определенные места, оборудование. По закону такое производство запрещено организовывать где-либо за пределами города Каушамби. С другой стороны, порох произвести гораздо легче. Или по крайней мере я так понял. Конечно, я сам не знаю секрета его производства. Никто не знает, кроме жрецов Махаведы. Но для его производства не требуется сложное оборудование. Если у тебя есть необходимые ингредиенты...

Раджпут замолчал и легко пожал плечами.

— ...которых, как ты понимаешь, у меня нет...

«Враль,— подумал Велисарий.— Сомневаюсь, что он точно знает весь процесс, но уверен: такой наблюдательный человек, как Шанга, знает три необходимых ингредиента и примерные пропорции».

— ...и необходимые знания, то порох можно изготовить. Даже в городе под осадой.

— Я удивлен, что жрецы Махаведы присоединились к восстанию против императора Шандагупты,— заметил Велисарий.— У меня создалось впечатление, что брахманы малва абсолютно преданы вашей империи[1].

Шанга фыркнул.

---

[1] В древней Индии было четыре основных сословия: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Господствующее положение занимали первые два.

— О, сомневаюсь, что они стали бы сотрудничать добровольно. Большинство священнослужителей, несомненно, убили, когда провинция восстала, но правители Ранапура явно оставили нескольких в живых. Правда, жрецы Махаведы давали клятву, что совершат самоубийство, прежде чем откроют секрет оружия Вед[1]. Но...

Раджпут поджал губы.

— Но, возможно, жрецы не смогли полностью освободиться от слабостей, свойственных нам, простым смертным. В особенности, когда на них самих оказывают физическое давление, а не...

Он замолчал. Велисарий закончил фразу мысленно.

«А не они наблюдают за работой палачей махамимамсов».

Во время этого разговора Велисарий ближе всего подобрался в тайному оружию малва. Он решил посмотреть, как далеко ему удастся зайти.

— Я обратил внимание, что ты называешь это невероятное новое оружие «оружием Вед». Мои люди склоняются к тому, чтобы считать его результатом колдовства.

Как он и надеялся, последние слова задели раджпута.

— Это не колдовство! Возможно, в них есть что-то магическое. Но это — возрожденная сила наших ведических предков, а не колдовство некоторых современных язычников!

Это была официальная публичная версия империи малва: древнее оружие времен Вед, заново открытое трудолюбивыми священнослужителями, принадлежащими к новому культу Махаведы. Велисария поражало, как безоговорочно эту версию приняли все, даже раджпуты королевской крови.

Но возможно, думал он, это не так уж и удивительно. Как знал Велисарий, никто из народов Индии не относился с большей, чем раджпуты, гордостью к своему ведическому прошлому. Гордость была сильнее — может, лучше сказать яростнее — благодаря тому, что многие нераджпуты с сомнением относились к претензиям раджпутов на это наследие. Противники раджпутов утверждали, что они являются поздними мигрантами в Индию. Кочевники из Центральной Азии не так уж и много поколений назад покорили часть северо-западной Индии и сразу же стали держать нос кверху. Причем воображать из себя неизвестно что! Сам термин «раджпуты» означал «сыновья королей», а это про себя заявляли все и каждый раджпут.

Вот так говорили многие индусы-нераджпуты. Но, как заметил Велисарий, говорили тихо. И никогда — в присутствии самих раджпутов.

Велисарий решил еще надавить.

---

[1] Веды — древнейший памятник индийской религиозной литературы на так называемом ведическом санскрите. Веды состоят из четырех сборников.

— Думаешь? У меня самого никогда не было возможности изучить Веды...

(Откровенная ложь. Велисарий провел много часов, изучая манускрипты на санскрите, расшифровывать старый язык ему помогал раб Дададжи Холкар.)

— ...но у меня сложилось впечатление, что ведические герои сражались другими видами оружия, а не теми, которые используют наши современники.

— Сами герои — возможно, да. Или по крайней мере не часто. Но в этих древних сражениях непосредственно участвовали боги и полубоги, полководец Велисарий. И на них никакие ограничения не распространялись.

Велисарий бросил быстрый взгляд на Шангу. Теперь раджпут казался рассерженным.

«Думаю, можно еще немного надавить».

— Наверное, вы рады, что эти божественные силы возвращаются в мир,— заметил полководец.

Рана Шанга не ответил. Велисарий снова бросил на него быстрый взгляд. Больше раджпут не казался рассерженным, но хмурился.

Мгновение спустя он перестал хмуриться и легко вздохнул.

— Это несомненно, Велисарий,— мягко ответил Шанга. Римлянин не мог не заметить, что на этот раз раджпут впервые назвал его просто по имени, не добавляя слово «полководец».— Несомненно. Тем не менее... иногда я предпочел бы, чтобы ведическая слава осталась в прошлом,— он снова ненадолго замолчал.— Слава,— произнес задумчиво.— Ты сам солдат, Велисарий, и таким образом можешь лучше, чем большинство людей, оценить *все*, что включает слово «слава». Например, древнюю битву на Курукшетре[1] можно описать, как «славную». О да, на самом деле славную.

Теперь они находились в сотне ярдов от римского лагеря. Велисарий видел, как кушанские солдаты выстраиваются перед шатрами, где расположились римляне и их аксумские союзники. Кушаны были вассалами, которых малва назначили постоянным эскортом для иностранных послов.

Как и всегда, кушаны быстро и качественно выполнили свою работу. Их командира звали Кунгас, ему подчинялось около тридцати кушанов, все — из его клана и таким образом связанные с ним кровными узами. Он поддерживал в отряде железную дисциплину. Кушаны по любым стандартам являлись элитными солдатами. Даже Вален-

[1] Курукшетра — равнина между городами Амбала и Дели, почитающаяся в индийской мифологии священной. На К. приносят жертвы боги. По преданию на К. произошла длившаяся 18 дней «великая битва».

тин с Анастасием признали — отдать должное, с большой неохотой,— что они, возможно, не хуже фракийских катафрактов.

Когда они остановились перед шатром, который Велисарий делил с Дададжи Холкаром, раб из народности маратхи выбежал из него и подхватил лошадь полководца под уздцы. Велисарий спрыгнул на землю, как и его катафракты.

С земли Велисарий посмотрел вверх на Рану Шангу.

— Мне кажется, ты не закончил мысль,— тихо произнес Велисарий.

Рана Шанга на мгновение отвернулся. Потом снова встретился взглядом с Велисарием.

— Битва на Курукшетре стала пиком ведической славы, Велисарий. Ей посвящена вся «Бхагаватгита» из «Махабхараты»[1]. Битва на Курукшетре была величайшим сражением, которое когда-либо имело место в мировой истории, и бессчетное количество слов было использовано для обсуждения ее божественного значения, философской глубины и религиозного значения.

Теперь смуглое красивое бородатое лицо Раны Шанги больше всего напоминало вырезанную из дерева маску.

— Также написано, что в том сражении погибло восемнадцать миллионов простых солдат.

Раджпут потянул за удила, разворачивая коня.

— Ни одно из этих имен не записано.

Глава 2

Велисарий наблюдал за отъездом Раны Шанги и его подчиненных. Пока раджпуты не скрылись из виду, он не поворачивался к Дададжи Холкару.

— Не думаю, что он — типичный раджпут,— заявил Велисарий. Слова скорее прозвучали как вопрос, чем утверждение.

Раб из народности маратхи не согласился. Мгновенно и без колебаний. С любым другим хозяином он бы не посмел не согласиться. По древней индийской традиции — хотя только малва сделали ее официальным законом — раб был обязан лелеять своего хозяина и полностью подчиняться ему. Но необычный иностранный полководец рассматривал подчинение, как преданность его целям, а не ему лично. Поэтому Дададжи Холкар сказал то, что думает на самом деле.

— Ты неправильно его понял, хозяин. Рана Шанга довольно знаменит. Большинство индусов — и все маратхи — смотрят на Рану

[1] «Махабхарата» — эпос народов Индии. Состоит из 18 книг. Эпические сказания фольклорного характера. «Бхагаватгита» — одна из книг.

Шангу, как на самого истинного раджпута. Возможно, он — величайший воин-раджпут из ныне живущих и определенно — лучший полководец-раджпут. Его подвиги легендарны. Конечно, он также и царь, но...— тут раб улыбнулся.— Это само по себе мало что значит. Существует слишком много царьков-раджпутов, большинство из которых правят на своей вершине маленькой горки так, словно это — центр Вселенной. Но Шанга относится к династии Чаухар, которая, возможно, является величайшей монаршей династией. Чаухары известны и за свой ум, а не только за умелое владение луком и мечом.

Велисарий вопросительно приподнял брови.

— И что?

Дададжи Холкар пожал плечами.

— А то, что Рана Шанга — истинный раджпут и очень гордится этим. А поскольку гордится и думает, как думает представитель семьи Чаухаров, он также размышляет над тем, что означает быть раджпутом. Понимаешь, он знает — люди даже слышали, как он время от времени шутит над этим,— что родословная раджпутов на самом деле ненамного длиннее родословной моих сородичей, жителей горных регионов из народности маратхи. Тем не менее Рана Шанга также знает, что эта родословная правдива. И поэтому думает о родословной и о том, как она стала такой, и как истина рождается из иллюзии. И, я думаю, он задается вопросом о том, в чем заключается разница между правдой и иллюзией и что это означает для его дхармы[1].

Раб погладил лошадь по шее.

— Это опасные мысли, хозяин. Кроме колдовского оружия и огромной армии, у малвы нет ничего более ценного, чем навыки и умения Раны Шанги на поле брани. Но я считаю, что малва в равной степени и боятся его, и ценят.

— А у них есть основания его бояться? — спросил Велисарий.

Дададжи Холкар прищурился и посмотрел вдаль — туда, где исчезли раджпуты.

— Трудно сказать, хозяин. Рагунат Рао заявил однажды, что придет день, когда Ране Шанге придется выбирать между честью Раджпутаны и долгом Раджпутаны. И когда тот день настанет, самый истинный из раджпутов поймет, что долг приобретает значение только благодаря чести.

Римский полководец почесал подбородок.

— Я не знал, что они знакомы.

— О, да. Они как-то сражались один на один. Тогда они оба были молоды, но уже слыли известными воинами. Это известная история.

---

[1] Дхарма — в буддизме — первичные элементы бытия и психофизические элементы жизнедеятельности личности. Они вечны, постоянно появляются и исчезают.

Велисарий слегка дернулся.

— Я удивлен, что они оба выжили!

Раб улыбнулся.

— И они удивились! И все удивились! Но они выжили. Конечно, оба получили серьезные ранения. В самом начале схватки Шанга убил коня представителя маратхи стрелой из лука, а затем ранил Рао в руку. Но стал слишком самоуверен и подошел слишком близко. Рао вспорол брюхо коню раджпута и встретил наездника мечом и латной рукавицей с железными когтями. Тут схватка пошла на равных, и они сражались до тех пор, пока обоих не залила кровь. Лишившись оружия, они сражались голыми руками. Ни один человек в Индии за исключением Раны Шанги не смог бы противостоять Рагунату Рао в схватке голыми руками. Конечно, у Шанги не было такого мастерства, но он гораздо крупнее и сильнее физически. К концу дня оба настолько ослабли, что не могли не только поднять руку, но даже стоять на ногах. Поэтому они упали рядом и продолжили схватку на словах.

Велисарий усмехнулся.

— А кто победил?

Холкар пожал плечами.

— Кто может сказать? На заходе солнца они решили, что честь удовлетворена. Поэтому каждый подозвал своих друзей, чтобы те отнесли их с места схватки и обработали раны. А сами армии так и не вступили в сражение. Все раджпуты и маратхи, присутствовавшие при схватке, решили: она была такой славной, что любое сражение только испортит память о ней. Прошли годы, и Рао, и Шанга стали известными полководцами, хотя они никогда больше не встречались на поле брани, ни как воины, ни как полководцы. Но с того дня Рао всегда говорил, что в мире нет более великого лучника, чем Рана Шанга, и не более четырех или пяти человек, которые могут сравниться с ним во владении мечом. Со своей стороны Шанга говорит то же самое про латную рукавицу и кулаки Рао и клянется, что лучше сразится с тигром одними зубами, чем еще раз выступит против Рао по вопросам философии.

Велисарий теперь откровенно рассмеялся.

— Какая прекрасная история! Как ты думаешь, сколько в ней правды?

Холкар ответил с самым серьезным видом:

— Все правда, хозяин. Каждое слово. Я сам присутствовал при той схватке, а потом помогал перевязывать раны Рао.

Римский полководец посмотрел сверху вниз на раба. Дададжи Холкар был невысоким худым мужчиной средних лет. Его волосы давно поседели. Его внешний вид и манеры полностью соответствовали должности высокообразованного писаря, которую он занимал до порабощения малва. Велисарий напомнил себе, что несмотря на весь интел-

лект Дададжи Холкар родом из Махараштры. Махараштры, Великой Страны. Страны вулканического камня, суровой и непрощающей. Страны маратхи, которые если и не являются самым благородным народом Индии, определенно — самые воинственные, жесткие и смертоносные.

— Я не сомневаюсь в твоих словах, Дададжи,— мягко сказал он.

Мгновение огромная сильная рука римского полководца гладила худое плечо раба из маратхи. И раб знал, что в этот момент хозяин испытывает к нему такие же чувства, как и он — к хозяину.

После этого Холкар быстро ушел, чтобы отвести лошадь Велисария к кормушке. Раб несколько раз сморгнул, чтобы никто не заметил его слез. Он жил в одном шатре с хозяином и каждую ночь слушал, как полководец разговаривает с неким божественным посланцем. Из этого бормотания Холкар знал, что Велисарий лично встречался с Рао — правда, не в этом мире, а в видении. В том видении вся Индия пала под когтями малва, а за Индией в конце концов последовал и Рим. В том мире Рао не удалось спасти Махараштру и он по странному выверту судьбы стал рабом величайшего римского полководца.

Дададжи Холкар осторожно снял седло со спины лошади и стал протирать ей спину. Он любил лошадей и, судя по тому, как эта лошадь терлась мордой о его плечо, она отвечала ему взаимностью. Он также знал, что постоянная доброта Велисария к нему — это частично перенос чувств римского полководца к Рао на другого человека той же народности. Велисарий один раз сказал Дададжи Холкару, что в той жизни он встретил много прекрасных людей, однако ни один из них не мог превзойти Рагуната Рао. Но теперь Дададжи Холкар хорошо изучил своего нового хозяина, за несколько месяцев после того, как только что прибывший в Бхаруч иностранец купил раба для обучения его индийским языкам и письму. И Дададжи точно знал: для Велисария он важен сам по себе, он не просто замещает другого. Римлянин любит его самого. Ценит его самого, его преданность, его службу и память о его разгромленном народе и разбросанным по земле членам его семьи.

Раб Дададжи Холкар накормил лошадь хозяина. Теперь его никто не мог увидеть, поэтому он позволил себе заплакать. Затем, через минуту, посмотрел заплаканными глазами на дальние, уже в некоторых местах пробитые, кирпичные стены Ранапура.

«Ранапур вскоре падет. Звери малва убьют людей и поступят с ними еще хуже, чем поступили с моим народом».

Дададжи опустил взгляд, вытер слезы, посмотрел, как лошадь ест. Он любил смотреть, как лошадь с наслаждением поглощает овес. Это немного напоминало ему радость, с которой он смотрел на то, как его жена и дети сли приносимую им в дом пищу. Пока не пришли малва и не сожрали всю семью.

«Наслаждайтесь своим триумфом, кобры из малва. Он не продлится вечно. Вы пустили в свое гнездо мангуста».

Лошадь съела все. Холкар отвел ее в конюшню, сооруженную из тростника и крытую пальмовыми листьями. Римские солдаты построили ее для своих коней. Конюшня была большая и полностью скрытая от посторонних глаз. У стороннего наблюдателя, не исключено, мог бы возникнуть вопрос, зачем такой небольшой группе людей такое большое количество коней. И таких прекрасных!

На самом деле это были отличные кони. Холкару нравилась кобыла, но он знал, что она — худшая из животных, отдыхавших в стойле. Римляне никогда не садились на самых лучших, которых Холкар лично покупал у купцов, появлявшихся неподалеку от места осады Ранапура. Лошадей всегда покупали в конце дня и отводили в стойло под покровом ночи.

Хозяин никогда не объяснял, почему он покупает этих лошадей, а Холкар никогда не спрашивал.

Велисарий также никогда не объяснял еще более странные покупки.

Два дня назад по приказу хозяина Холкар купил трех слонов. Трех небольших, укрощенных, спокойных слонов, которых держали в огромном, но простом шатре, поставленном на небольшой опушке в лесу, на расстоянии многих миль от места осады и многих миль от лагеря римлян и аксумитов.

Холкар ничего не спрашивал. Он не спрашивал, почему шатер располагается так далеко и почему он внешне так сильно отличается от грандиозного шатра, который аксумский принц Эон поставил для себя и своих наложниц. Или почему сами слоны так отличаются внешне от двух огромных и трудно управляемых боевых слонов, на которых аксумиты обычно путешествуют. Или почему этих новых слонов кормят только по ночам и только африканский раб по имени Усанас, невидимый в темноте частично благодаря цвету кожи, но в основном благодаря его невероятным умениям охотника и следопыта.

Нет, Холкар просто выполнял приказы хозяина и не просил их объяснять. Представитель маратхи не думал, что хозяин в состоянии все объяснить, если бы он и спросил его. По крайней мере внятно. Или точно. Разум Велисария устроен по-другому. Его мысли никогда не идут прямым путем, а всегда под каким-то углом. В то время как другие люди обдумывают следующий шаг, Велисарий думает о следующей развилке на дороге. А когда другие люди, подойдя к развилке, встают перед выбором между право и лево, Велисарий скорее начнет копать нору или заберется на дерево.

Холкар закрыл тростниковую дверь в стойло. Замок отсутствовал: в нем не было необходимости. Кушаны быстро разделаются с любым вором или просто любопытным. Медленно возвращаясь в шатер,

Холкар улыбался. Теперь стемнело, но он чувствовал внимательные взгляды охранников-кушанов.

«Они так же внимательны, как и любопытны,— думал он, посмеиваясь про себя.— Но они не показывают своего любопытства. Когда приказы отдает Кунгас, его люди подчиняются. Кушаны также не задают вопросов».

Холкар бросил быстрый взгляд на огромный шатер, принадлежащий принцу Эону. Как подозревал Холкар, ничто не вызывало у кушанских охранников такого любопытства, как этот шатер. Хотя он и не был уверен, Холкар считал, что командир кушанов уже знает секрет шатра. И раньше знал, и не мог не помнить о своих обязанностях, но решил их проигнорировать по причинам, о которых Холкар мог только догадываться. Лицо командира кушанов невозможно прочесть, никогда. Но Холкар думал, что понимает душу этого человека.

Самому Дададжи Холкару тоже ничего не сказали про секрет шатра. Он никогда не заходил внутрь шатра принца Эона. Но он был очень наблюдательным человеком и хорошо изучил своего хозяина. Холкар не сомневался: в шатре проживает Шакунтала, единственная выжившая из династии Сатаваханы, бывших правителей покоренной Андхры.

Как и все в Индии — история распространилась очень быстро — Холкар знал, что прославленный воин из народности маратхи Рагунат Рао несколько месяцев назад спас Шакунталу от захватчиков из малва. Но если все остальные думали, что она убежала с Рао, Холкар считал, что ее спрятали Велисарий и его аксумские союзники — под видом одной из наложниц принца Эона.

Холкар снова улыбнулся. Такой хитрый маневр как раз в стиле его хозяина. Уловка, обманный шаг. Удар под углом, никогда напрямую. Запутать и направить не в ту сторону. В некотором роде, как подозревал Холкар, именно благодаря Велисарию охранников Шакунталы из кушанов заменили на жрецов и палачей. Тех самых кушанов, которые теперь служили в личном эскорте Велисария. До этого они охраняли Шакунталу. За последние месяцы Холкар достаточно на них насмотрелся, чтобы понять: даже Рагунат Рао не смог бы прорваться сквозь них.

Он остановился на мгновение, разглядывая шатер. На губах мелькнула усмешка.

Малва заплатили бы ему целое состояние за эту информацию. Но Холкар никогда даже не помышлял о предательстве. Он был так же предан Велисарию, как ненавидел малва. И кроме того, как и Рагунат Рао, он относился к народности маратхи. Принцесса Шакунтала — теперь императрица Шакунатала — являлась законной правительницей Махараштры. Она — его законная монархиня. Мысленно поклонившись, Дададжи Холкар признал ее власть.

Он снова двинулся в направлении шатра Велисария. На губах мелькнула легкая улыбка. Как и многим умным, хорошо образованным людям, Дададжи Холкару была свойственна историческая ирония. Поэтому он находил свою глубокую преданность памяти Андхры смешной. В некотором роде.

Когда династия Сатаваханы находилась на пике власти, маратхи являлись самыми непокорными из их подданных. Махараштра никогда, после включения в состав Андхры, не выступала против нее открыто. Представители династии Сатаваханы всегда проявляли осторожность и не давили на Великую Страну. А теперь, после того как Андхра оказалась под каблуком малва, маратхи стали самыми ярыми приверженцами падшей династии. И никто более, чем Дададжи Холкар.

Внезапно его внимание привлекла яркая вспышка на горизонте. Холкар остановился и уставился на нее. Мгновение спустя над лагерем пронесся грохот канонады.

Он снова тронулся с места.

«Вскоре, да. Ранапур падет. И кобра снова насытится. Как и много раз в прошлом».

Он подошел к шатру хозяина. Остановился на мгновение, изучая простое сооружение.

«На самом деле смотреть особо не на что. Но, с другой стороны, мангуст никогда не гордится своей внешностью. Он просто изучает кобру и раздумывает, под каким углом лучше ударить».

Холкар взялся за кусок ткани, закрывающий вход в шатер. Еще один грохочущий звук заставил его остановиться и оглянуться. На мгновение лицо ученого исказилось и стало похожим на морду горгульи — так он ненавидел все, связанное с малва.

Но рядом не было никого из шпионов малва, чтобы увидеть его лицо. Эти шпионы быстро поняли, что бесконечные споры из-за женщин, часто возникающие между иностранцами и сопровождающими их кушанами, почти мгновенно переходят в драки, в которых каким-то странным образом пострадавшими оказываются зрители, находившиеся рядом с местом возникновения спора. В первые дни после того, как иностранцы разбили лагерь, два шпиона малва оказались случайно покалечены во время такого жаркого спора. После этого шпионы стали держаться подальше и доносили своим хозяевам как можно меньше информации, чтобы им, не дай Бог, не велели снова более внимательно наблюдать за иностранцами, да еще с близкого расстояния.

Раб откинул кусок ткани, закрывающий вход в шатер, и вошел внутрь. Он увидел, что его хозяин сидит на деревянном настиле, смотрит в никуда и что-то тихо бормочет, но так тихо, что слов не разобрать.

Ненависть исчезла. Ее заменила преданность самому хозяину. И во-вторых, преданность цели хозяина. А затем просто преданность.

Раб только что закрыл за собой мир демонов малва и оказался в присутствии чего-то божественного.

Он склонился в молитве. Молчаливой молитве, потому что не хотел беспокоить хозяина. Но тем не менее это была истовая молитва.

На древней, огромной земле Индии в ту ночь молились и другие. Миллионы человек.

Двести тысяч молились в Ранапуре. Они в первую очередь молились об освобождении от малва. А затем, зная, что освобождение не придет, они молились, чтобы асуры[1] не забрали их души вместе с телами.

Когда молился Холкар, его семья молилась вместе с ним, хотя он этого и не знал. Его жена находилась далеко, в столице империи малва Каушамби, во дворце господина благородного происхождения. Она стояла на коленях на собственном настиле в углу огромной кухни, где целыми днями занималась тяжелой бесконечной работой. Она молилась о безопасности мужа. Сын Холкара лежал, с трудом втиснувшись между дюжинами других рабов, на земляном полу в хижине в далеком Бихаре[2]. Он молился, чтобы у него оказалось достаточно сил выжить еще один день, работая на полях. Две дочери Холкара обнимали друг друга в рабском борделе в Паталипутре. Они молились, чтобы их сутенеры оставили их вместе еще на один день.

Из миллионов, которые молились той ночью, многие, как Холкар, молились об обещанной десятой аватаре[3]. Молились, чтобы Калкин пришел и спас их от демонов малва.

Их молитвы, как и молитва Холкара, были истовыми.

Но молитвы Холкара, в отличие от других, были не просто истовыми. Их также наполняла радость. Потому что он, единственный в Индии, знал, что его молитвы услышаны. Он знал, что делит шатер с десятой аватарой. Он знал, что не более чем в пяти футах от него сам Калкин вкладывает свою великую душу в судьбу мира. В странный, искривленный хитрый разум мангуста — или его хозяина-иностранца.

Глава 3

Солнце нещадно палило. Оно освещало ландшафт внизу, который может присниться только в кошмарном сне. Когда-то здесь были поля и сады. Теперь землю пересекали глубокие траншеи. Земля лишилась всех

---

[1] Асуры — в индийской мифологии — могучие соперники и враги богов, низвергнутые с неба и превратившиеся в демонов.

[2] Бихар — штат в Индии.

[3] Аватара — «нисхождение» бога, т. е. воплощение бога Вишну в облике Кришны, Рамы, вепря, карлика и т. д., совершающих подвиги на Земле.

форм жизни, если не считать нескольких расколотых деревьев, нескольких стеблей растоптанной пшеницы и единственного початка кукурузы.

— Где мы? — спросил Велисарий. Он глухо бормотал. Его глаза были закрыты, чтобы лучше сконцентрироваться на образах, мелькающих у него в сознании.— И в каком времени?

«Рядом с городом под названием Курск,— пришел ментальный импульс от Эйда. Грани сверкнули на микросекунду, переводя точность Стрелы Времени кристаллов в странные человеческие понятия о календаре.— Через полторы тысячи лет».

На поле бросилась шеренга монстров. Огромные штуковины, разрывающие почву странными движущимися лентами — какими-то металлическими ремнями, надетыми поверх колес. Сверху, из куполов, торчали огромные хоботы. Из хоботов вылетали пламя и дым. На боках были нарисованы кресты, некоторые — квадратные, двойными линиями, другие — загнутые на концах.

— Железные слоны,— прошептал Велисарий.— Подобные тем, которых построят малва, но гораздо лучше!

«Это танки. Их назовут танками. Этот вид назовут «Пантерами». Они будут весить сорок пять тонн и смогут преодолевать по тридцать четыре мили в час. Они станут стрелять из пушек, размер которых будет определяться, как семидесятипятимиллиметровый».

С противоположной стороны поля вперед бросилась новая группа чудовищ — танков. Они стали обмениваться пушечными выстрелами с другими танками. Велисарий почувствовал, что эти новые танки сконструированы несколько по-другому, но единственное отличие, которое он четко уловил своим неподготовленным разумом,— это красные звезды на боках вместо крестов.

«Это — лучший танк того времени. Назывался Т-34».

Битва была ужасной и в то же время потрясающей.

Ужасной по своим разрушениям. Велисарий видел, как купол танка...

«Орудийная башня».

...как орудийную башню снесло целиком. Тонны металла полетели по воздуху подобно отрубленной человеческой голове. Изнутри танка вверх взметнулись языки пламени. Велисарий знал: люди внутри превратились в пепел. Он увидел, как люди выбираются из другого горящего танка, кричат, одежда на них горит. Он увидел, как они внезапно умирают, скошенные словно невидимым серпом.

«Пулеметный огонь».

Потрясающая битва. Какая скорость у танков! Точность стрельбы! Битва напоминала видение о Георгии Победоносце, сражающемся с драконом. Если не считать того, что святой здесь сам был драконом. А его копье, как волшебная палочка, изрыгало пламя.

— Каким образом это происходит?

Перед глазами Велисария промелькнули образы сложных... машин?

«Двигатели внутреннего сгорания».

Образы идеальных металлических труб — пушечных стволов, как понял Велисарий. Он наблюдал за тем, как в одну из труб вставляют некий предмет. Предмет подошел идеально. Велисарий задумался, что же это такое, пока не увидел, как стреляет пушка. Понял: это пушечное ядро, только оно совсем не походило на привычное ядро. Это был некий цилиндр, поверх которого находился купол.

— Как можно придать металлу такую точную форму?

Велисарий оказался внутри огромного здания. Завода, как он понял. Везде вокруг он видел стальные бухты и слябы, которым придавали форму и нарезали с невероятной скоростью и точностью. Он узнал одну машину — она напоминала токарный станок, которыми пользовались опытные плотники для придания нужной формы ножкам стульев и столов. Но этот токарный станок оказался гораздо больше и мощнее. Те станки, которые доводилось видеть Велисарию, приводились в действие ножной педалью. Но ни один из них не мог прорезать металл, как эти, даже бронзу не мог. Велисарий видел, как стальная стружка отлетает от станка, подобно водопаду.

Остальные машины он не узнал.

«Горизонтально-расточный станок. Вертикально-токарный станок с револьверной головкой. Радиально-сверлильный станок».

— Невозможно,— твердо сказал полководец.— Чтобы сделать такие станки, потребуется сделать станки, чтобы делать станки, которые делают станки. У нас нет времени.

Грани тут же задрожали, запутавшись. Кристаллический разум, который называл себя Эйд, смотрел на реальность совершенно по-другому, отлично от людей. Логика за выводом Велисария была ему непонятна. Там, где человек видел сложную систему следствий, причин и результатов, Эйд видел великолепный калейдоскоп вечности.

«У малва будут танки».

Мысль несла в себе грустный подтекст. Велисарий улыбнулся, но только слегка. Эйд напомнил ему маленького ребенка, жалующегося на соседского мальчика. У него красивая новая игрушка, так почему у меня ее нет?

— Танки малва полностью отличаются от этих, в видении. Их не производят таким образом, с такой...— Велисарий пытался подобрать слова для описания вещей, которые никогда не видел в реальной жизни.

Пустоту заполнил Эйд:

«Машинной точностью. Массовое производство».

— Да. Малва не используют эти методы. Они пользуются теми же базовыми методами, что и мы, римляне. Мастерство ремесленников. Навыки мастеровых.

«Не понимаю».

Велисарий вздохнул. Несмотря на всю потрясающую сообразительность, странный разум Эйда часто путался при столкновении с самыми простыми человеческими реальностями.

— Каждый танк малва — танки, которые они сделают в будущем — станет уникальным. Ручной работы. Результатом медленного, тяжелого труда. Малва могут себе позволить такие методы, с их гигантскими ресурсами. Греческие ремесленники превосходят их, но не сильно. Мы никогда не сможем соответствовать малва, если станем их просто копировать. Мы должны найти свой путь.

Полководец резко рубанул воздух.

— Забудь о танках. Еще раз покажи мне битву. Это не могло быть — не сможет быть — только танковое сражение.

Монтаж образов. Пехота в траншеях, стреляют из неких ручных пушек и бросают гранаты. Ряд других пушек спрятан в небольшой рощице. Изрыгают огонь. Странный стеклянно-металлический фургон останавливается. Его не тянет никакая лошадь. Поверх фургона находится целый набор труб. Внезапно из труб вылетает пламя и вперед летит партия ракет. Еще один...

— Стоп! Вот тут — сфокусируйся вот тут! Ракетный фургон!

Снова фургон. Теперь Велисарий видит, что внутри закрытой стеклом передней части сидят люди. Другие люди помещают ракеты в трубы. Трубы установлены в задней части фургона и направлены под углом в небо. Снова огонь. Снова летят ракеты.

— Что это?

«Их назовут катюшами. Там восемь стотридцатидвухмиллиметровых ракетниц, установленных на грузовиках марки 4Х6».

— Да. Да. Это возможно.

Мысль, которая теперь пришла от Эйда, несла гораздо больше горечи.

«А почему *это* возможно, а не танки? И то и другое изготавливается одними и теми же способами, которые, как ты сказал, невозможно скопировать. Противоречие».

— Ты путаешь эти...— грузовики? — с ракетами. Это две разные вещи. Мы не можем произвести грузовики, но можем сделать ракеты. Не такие хорошие, но достаточно хорошие. А затем мы заменим грузовики на другую...— он пытался подобрать незнакомые, пока еще неизвестные ему термины.

«Оружейную платформу».

— Да. Вот именно.

Велисарий распрямил спину, потянулся. Движение слегка нарушило концентрацию. Он увидел, как Дададжи Холкар стоит на коленях на своем настиле и молча молится. Раб поднял глаза. Мгновение

Холкар и Велисарий смотрели друг на друга, потом раб склонил голову и продолжил молитву. Несмотря на всю торжественность позы Холкара, Велисарий заметил улыбку на его лице. Он ни разу не сказал Холкару ни слова об Эйде, но знал: представитель маратхи пришел к своим собственным выводам. Выводам, которые недалеко ушли от правды. В этом Велисарий не сомневался.

Велисарий закрыл глаза и вернулся к делу.

— Ты продолжаешь показывать мне вещи, которые очень сложно и трудно сделать,— прошептал он.— Мы должны оставаться в рамках простых вещей, настолько простых, насколько возможно, в течение нескольких следующих лет.

От Эйда пришла вспышка отчаяния. Возникло новое видение.

Человек медленно идет по лесу, тащит ноги. У него опущены плечи, он весь грязный, одет в грубо обработанные звериные шкуры. В руке сжимает топор — грубой формы кусок камня, привязанный к топорищу куском шкуры.

Велисарий рассмеялся.

— Думаю, мы в состоянии пойти дальше, Эйд. В конце концов, мы же цивилизованные люди.

Снова отчаяние. И снова видение:

Человек стоит на колеснице. Одет в блестящие бронзовые доспехи — нагрудник, наголенники. Великолепный, изысканно украшенный шлем, поверх которого имеется гребень, защищает голову. В левой руке — большой круглый щит. В правой держит копье. Колесница — небольшое средство передвижения, в которую впрягается пара лошадей. Задняя часть колесницы открыта. Рядом с воином в доспехах есть место только для возничего, который управляет лошадьми в то время, как копьеносец концентрирует свое внимание на приближающихся врагах.

Велисарий начал мягко посмеиваться. Эйд все еще грустил. Образ, несмотря на всю четкость, был пародийным изображением легендарной фигуры. Ахилла перед стенами Трои.

Внезапно Велисарий прекратил смеяться.

— Да! — прошипел он.— Колесницы!

И громко рассмеялся.

— Матерь Божия! Никто столетиями не использовал колесницы в военном деле! Но с ракетами... немного видоизменив...

Грани рассыпались, соединились вновь, задрожали, блеснули — все за одно мгновение, пытаясь уследить за мыслями полководца. Калейдоскоп закрутился вокруг последствий. Внезапно Эйд привел все в порядок. Появился новый образ, переданный из кристаллического разума для человеческого понимания:

— Еще одна колесница. Немного длиннее и шире. Также одноосевая, также открытая сзади. Снова один возничий управляет лошадьми.

Но теперь сопровождающий его воин одет только в легкие кожаные доспехи, у него нет с собой личного оружия, если не считать короткий меч, висящий в ножнах на поясе. Он не копьеносец, он ракетчик. Из центра колесницы поднимается крепкий шест высотой пять футов. К шесту приделаны шесть труб — соединенных по три. Воин направляет ракетницы вперед и вбок. На приближающуюся вражескую армию, которая находится в нескольких сотнях ярдов. Он выкрикивает предупреждение. Вместе с возничим пригибается. Ракетчик зажигает спичку и подносит к коротким запалам. Мгновение спустя полдюжины ракет с шипением летят к приближающейся армии.

Возничий поворачивает лошадей и несется прочь. За ним другие колесницы повторяют тот же маневр. Не более чем за минуту ряды врага разбиты прилетевшими ракетами. Ракеты были не очень точны, но компенсировали неточность своим количеством и типом взрывов.

«Осколочные боеголовки,— пришла мысль от Эйда. На этот раз мысль была полна удовлетворения.— Шрапнель».

Велисарий откинулся назад и вздохнул. Устало потер глаза.

— Да. Это многообещающе,— он снова почесал подбородок.— Но эти — катюши — будут работать только на ровной местности. В горной нам потребуется что-то другое. Что-то, что небольшое подразделение может нести в руках.

Грани сверкнули в возбуждении.

«Минометы».

Глаза Велисария округлились.

— Покажи мне,— приказал он.

Он уловил легкое движение. Раб закончил молитву и ложился на свой настил, готовясь ко сну. Его лица не было видно, потому что он отвернулся. Велисарий отложил разговор с Эйдом и посвятил момент размышлениям о человеке Дададжи Холкаре.

Эйд не возражал и не прерывал. В людях было много того, чего Эйд не понимал. Возможно, к Велисарию это относилось в большей степени, чем к другим. Велисарию, человеку из древности, прошлого, которого кристаллы выбрали, как ключ к сохранению будущего. Это был их выбор, и ими руководили Великие.

«Найди полководца, но не просто воина»,— приказали Великие.

Велисарий, великий полководец.

Эйд начинал медленно понимать одну странную вещь. Он останавливался, как бы ощупью искал ответы.

Велисарий, человек. Это странное создание Эйд уже знал.

Поэтому Эйд терпеливо ждал. Ждал, пока один человек горевал, чувствуя боль и муки другого. Эйд терпеливо ждал не потому, что понимал печаль, а потому, что понимал будущее. И знал: его собствен-

ное будущее охраняется не оружием, которое он показал полководцу, а природой самого человека.

Момент прошел. Человек отступил.

— Покажи мне,— приказал полководец.

Глава 4

Константинополь
Весна 530 года н. э.

— Ты уверена? — спросила Феодора.— Не ошиблась?

Сидевшая на роскошном троне римская императрица склонилась вперед. На нее лице отсутствовало выражение, если не считать напряженной настороженности. Но костяшки пальцев, сжимающих подлокотники, побелели, как снег, вены выступали подобно проводам.

Ирина прямо встретилась с темными глазами.

— Я уверена, Ваше Величество. Лицом к лицу мы с Нарсесом встречались только три раза, но я достаточно хорошо его знаю. Я изучала это человека годами, как один профессионал — и возможный соперник — изучает другого. Я не могла спутать его с кем-либо, тем более никак не замаскированного. Как и он меня, кстати,— именно поэтому я приложила массу усилий, чтобы изменить внешность.

Феодора перевела пронизывающий взгляд на Гермогена. Молодой полководец сморщился и пожал плечами.

— Я не могу в этом поклясться, Ваше Величество,— как в том, что это был он, так и в том, что не он. Я никогда не встречался с Нарсесом.— Гермоген сделал глубокий вдох.— Но я знаю Ирину, и если она утверждает, что это был Нарсес...

Императрица прервала его резким движением. Темные глаза переместились на Маврикия.

— Это был Нарсес,— проворчал Маврикий.— Я много раз встречался с этим человеком, императрица, пока служил своему господину Велисарию. Нас никогда не представляли друг другу, и я сомневаюсь, что он узнал бы меня. Но у него отличительная внешность. Я узнал бы его везде, при условии, что он не изменил внешность, и при хорошем освещении.— Седовласый ветеран тоже сделал глубокий вдох.— Этот человек не маскировался. Его лицо — да и вся фигура — были хорошо видны, когда он вышел из дома Балбана и ждал паланкин. И освещения хватало: полумесяц на чистом небе.

Императрица отвернулась. На ее лице так и не появилось выражения.

— Не исключено, он ведет двойную игру,— робко заметила Ирина.— Просто пытается вывести на чистую воду предателей до того, как...

Императрица покачала головой. Это движение было коротким, резким, окончательным.

— Нет. Ты не понимаешь, Ирина. Мы с Нарсесом были близки — очень близки — на протяжении многих лет. Если бы у него возникли подозрения в предательстве и он хотел бы вывести предателей на чистую воду, он сказал бы мне об этом. Есть только одно объяснение его присутствия на том собрании.

Феодора повернулась назад, повелительно подняла голову, посмотрела на Маврикия и Гермогена.

— Спасибо, господа,— сказала Феодора. Говорила она холодным тоном, чуть-чуть сдавленно. Совсем чуть-чуть. Императрица слегка повернула голову и уставилась в стену.— А теперь, пожалуйста, оставьте нас. Я хочу побыть с Антониной и Ириной.

Двое мужчин тут же покинули помещение. Закрыв за собой дверь, Маврикий и Гермоген посмотрели друг на друга и облегченно выдохнули воздух.

— Пусть теперь этим занимаются женщины,— пробормотал Маврикий. Он пошел по коридору тяжелыми шагами, Гермоген последовал за ним, не предпринимая никаких попыток ступать тихо.

* * *

Оставшаяся в комнате императрица продолжала тупо смотреть в стену, сохраняя напряженную позу до тех пор, пока звуки шагов двух мужчин полностью не заглохли. Затем она сломалась, но не как ломается ветка, а как может разрушиться камень. До того как появились первые слезы, Антонина уже вскочила со своего места и прижала голову Феодоры к животу. Императрица обняла ее и зарыдала, полностью спрятав лицо в юбках Антонины. Тиара на голове сдвинулась назад на волосы и превратила изысканную прическу неизвестно во что.

Ирина осталась на своем месте. На ее лице отражалось ее собственное огорчение. Но когда она попыталась встать и прийти на помощь Антонине, жена Велисария остановила ее взглядом и легким покачиванием головы.

Ирина снова опустилась на стул. Она поняла все без слов. Это понимание принесло другое огорчение.

Страх. Страх, очень похожий на тот, который испытывает опытный моряк, почувствовав скрытые рифы и опасные течения.

Ирина Макремболитисса являлась одной из самых лучших профессиональных начальниц шпионских сетей в Римской империи. Одной из лучших интриганок — в эпоху, когда интрига была распространенной практикой, и такой изощренной, что выражение «напомина-

ющий нравы Византии» в лексиконе будущих языков станет означать «коварный, предательский и интриганский».

Теперь она попала в опасные воды. Количество ныне живущих людей, которые когда-либо видели Феодору в таком состоянии, можно пересчитать по пальцам одной руки. Это одновременно являлось привилегией и смертельной опасностью.

Через минуту или около того императрица прекратила плакать. Ирина с отстраненным интересом шпионки обратила внимание, что, несмотря на горечь и злость, рыдала Феодора почти молча. Императрица Феодора никогда не станет выть. Как и у любой женщины, ее сердце может быть разбито. Но это — маленькое, крепкое, каменное сердце. Раны на нем заживают быстро и просто добавляют шрамов.

Как только рыдания прекратились, императрица повернула голову, все еще прижимаясь одной щекой к животу Антонины, и уставилась на Ирину. Начальница шпионской сети сжалась на стуле, замерла, словно замороженная этими холодными черными глазами. Она чувствовала себя кроликом, которого рассматривает ястреб.

— Скажи мне, Антонина,— приказала Феодора. В ее голосе все еще слышались следы неприкрытого отчаяния, но лишь слегка. Это был холодный, в общем-то лишенный эмоций голос.

— Она мне дорога и она — моя подруга, Феодора,— ответила Антонина. Ее голос, хотя и мягкий по тембру, звучал еще холоднее.— Я люблю ее так же, как и доверяю ей.

Последовало молчание, Ирине показалось, что оно длилось часами. Но прошло не более полминуты перед тем, как императрица оторвалась от Антонины.

— Этого достаточно,— пробормотала она.

Императрица сделала глубокий вдох, откинулась на спинку трона. Все это время она не сводила взгляд с Ирины. Но на лице появилась улыбка. На самом деле это была очень легкая улыбка. Но Ирина внезапно обнаружила, что может дышать.

Феодора рассмеялась. Смех напоминал воронье карканье.

— Добро пожаловать в клуб старых шлюх, Ирина,— выдала она и царственно махнула рукой.— Делаю тебя почетным членом.

Феодора подняла голову и посмотрела на Антонину. Теперь наконец на ее лице отражалась не только боль.

— Спасибо, Антонина,— прошептала она.— Как и всегда.

Затем она села прямо. Автоматически, словно чтобы успокоиться, ее рука поднялась к тиаре. Обнаружив, что та сползла назад, Феодора попыталась вернуть ее на место. У нее ничего не получилось, так как тиара запуталась в волосах.

— О, черт с ней,— пробормотала императрица. Она сорвала тиару с головы и положила на пол.

Ирина тогда чуть не рассмеялась, увидев выражение полнейшего изумления на лице Антонины. На протяжении последних лет Антонина часто рассказывала ей о навязчивой идее Феодоры: та постоянно, при любых обстоятельствах носила императорские регалии.

Императрица жестом приказала Антонине вернуться на свое место.

— А теперь к делу,— объявила она. Затем, после того как подруга заняла место, продолжила: — Во-первых, Антонина, ты должна наладить контакт с этим индусом — как там его?

— Аджатасутра.

— Да. Контакт, который попытался установить сам Аджатасутра. Ты понимаешь, что он попытается получить от тебя какое-то заявление, свидетельствующее о твоем предательстве?

Антонина кивнула.

— Конечно,— сказала она.— И где-нибудь поблизости будет прятаться какой-нибудь безупречный свидетель. Например, Иоанн из Каппадокии.

Ирина покачала головой.

— Не он. Слишком многие откажутся верить, если этот мерзкий ублюдок заявит, что солнце встает на востоке и садится на западе. Нет, скорее один из двух — а то и оба — священнослужители.— Она пожала плечами.— Или еще кто-то, о ком мы пока не знаем.

— Необходимо, чтобы ты сделала такое заявление, Антонина,— продолжала Феодора.— Это ключ, который откроет дверь. Пока малва считают, что у них есть на тебя компромат, они будут тебе доверять.

Антонина рассмеялась.

— Ты называешь это доверием?

Императрица улыбнулась.

— Это то, что считается доверием в этом мире. Боюсь, что это как раз наш мир.

— Прекрасная идея,— вставила Ирина.— Дороже золота. Интриган никому не доверяет так, как человеку, которого успешно шантажирует.

Антонина недовольно поморщилась.

— И что потом? — спросила она.

Феодора пожала плечами.

— Посмотрим. После того как малва решат, что у них на тебя достаточно компромата и они могут тебя шантажировать, они потребуют, чтобы ты оказала им какую-то услугу. Вероятно, передала им какие-то секретные сведения. Когда мы выясним, что именно они хотят знать, мы поймем, что для них важно.

Антонина какое-то время размышляла над словами императрицы.

— Разумно,— согласилась она. Затем посмотрела на Феодору ровным, спокойным взглядом и добавила: — Пусть будет так.

Императрица не отвела глаз. Целую минуту не произносилось ни слова. Когда императрица отвернулась, Ирина заметила, что ее лицо приобрело обычный цвет.

— Спасибо, Антонина,— прошептала Феодора.— Еще раз.

Напряженность, с которой она произнесла слова, удивила Ирину. Вначале. До тех пор пока Ирина не поняла, что сейчас произошло. Поняв это, перевела внимательный взгляд на лицо Антонины.

На красивом смуглом лице египтянки выделялись зеленые глаза и еще обращали на себя внимание обрамляющие лицо темные волосы. И спокойствие.

На протяжении всего времени знакомства Антонина часто производила впечатление на Ирину. Но никогда большее, чем в эту минуту.

Внимание Ирины привлек легкий смешок императрицы. К своему удивлению, Ирина обнаружила, что Феодора наблюдает за ней.

— Хорошо, Ирина. Значит, ты понимаешь, немногие смогли бы.

Ирина выдохнула воздух.

— Немногие женщины согласились бы скомпромстировать себя ради императрицы, чей муж — как ходят слухи — пытается убить твоего собственного. Даже не задав ни одного вопроса. Это несколько другой вид доверия, отличный от того, с которым мне обычно приходится сталкиваться.

— С которым кому-либо приходится сталкиваться,— поправила Феодора. На мгновение она яростно сжала челюсти.— Я уверена, что ты слышала: мы с Антониной так близко дружим потому, что мы обе в прошлом — шлюхи из Александрии? Свояк свояка видит издалека, как говорят.

Ирина кивнула.

— Много раз слышала.

— Идиоты! — рявкнула императрица.— Я знаю — по крайней мере знала — множество александрийских шлюх, готовых перерезать горло родной сестре за два денария[1].

— Это несправедливо, Феодора,— тихо заметила Антонина.— Может быть, шлюхи из Антиохии. Любая уважающая себя египетская шлюха подняла бы цену до солида[2].

Феодора хрипло рассмеялась. Потом склонилась вперед и положила руки на колени.

— Мне нужно, чтобы ты, Ирина, стала начальницей моей шпионской сети.

Она правильно поняла колебания, отразившиеся на лице Ирины. Феодора небрежно махнула рукой, словно отмахиваясь от проблемы.

---

[1] Денарий — древнеримская серебряная монета, имела массу 4,55 г.

[2] Солид — золотая римская монета, имела массу 4,55 г.

— Я решу этот вопрос с Ситтасом. Ему не требуются твои услуги в той мере, как мне. Мне они в два раза нужнее. Я буду платить больше. Он богат, но я все равно богаче. И в отличие от Ситтаса, я не жадная.

Ирина рассмеялась, обводя глазами роскошно обставленную комнату.

— Определенно нет!

Когда Ирина обратилась к Феодоре неделю назад, представила обвинения против Нарсеса и описала свой план по поимке его в капкан во время очередного собрания предателей, именно императрица купила этот дом, чтобы сделать его их штабом. *Купила*. Огромную, роскошно обставленную усадьбу. Просто взяла и купила. Как матрона покупает фрукты у лавочника.

Начальница шпионской сети покачала головой.

— В этом нет необходимости, Феодора. Я могу служить тебе, одновременно получая жалованье у Ситтаса. И даже лучше, если все останется так, как есть. Чем меньше людей знает о наших отношениях, тем лучше. Путь денег проследить проще простого. Если платить мне будешь ты, даже тайно, кто-то все равно сможет до этого докопаться.

— То же самое относится и к твоей службе Ситтасу,— возразила императрица.— И даже в большей степени. Я уверена, что у меня приняты большие меры безопасности.

Ирина пожала плечами.

— И что? Пусть наши враги выяснят, что я являюсь начальницей шпионской сети Ситтаса. В любом случае я уверена, что они это уже и так знают. Хорошо. Отлично. Пусть так и думают. Их не беспокоит Ситтас. Это просто толстый полководец, которому страшно не нравится служба при дворе в Константинополе. Сидит далеко отсюда, в Сирии. Определенно знает свое дело, но ленив и неамбициозен.

Феодора в задумчивости провела рукой по изысканной прическе. Почти сразу же ее пальцы запутались в невероятном строении. Внезапно она с силой запустила пальцы в волосы и распустила их. Длинные черные пряди упали ей на плечи. Ее волосы, которые теперь можно было по-настоящему рассмотреть, оказались на самом деле красивыми.

— Боже, мне так давно хотелось это сделать!

Женщины снова рассмеялись. Но это был лишь краткий миг веселья.

— Ты права,— кивнула Феодора.— Каким бы ни был их заговор, не похоже, что они нацелены на армию. Как я заметила, никто из военных не присутствовал на сегодняшнем совещании.

— Нет. Я практически уверена, что они задействовали нескольких военных, но немногих. Единственный, кто имеет какое-то значение,— это Агидий, командующий армией Вифинии[1]. Не уверена, но думаю:

---

[1] Вифиния — область на северо-западе Малой Азии. После 184 года до н. э. оказалась в сфере римского влияния.

он — один из них. Хотя и занимает подчиненное положение, не один из руководителей.

Феодора нахмурилась.

— Мне никогда не нравился этот сальный ублюдок. Боже, у моего мужа — самый отвратительный вкус в выборе полководцев!

Она повернулась к Антонине и извинилась.

— Конечно, не считая Велисария. И Ситтаса.

Императрица снова запустила пальцы в волосы, еще больше их взлохматив. Было очевидно чувственное удовольствие, которое она от этого получала, но оно не отвлекло ее от темы.

— Тебе это не кажется странным, Ирина? Отсутствие внимания к армии? Все остальные предательские заговоры, которые я помню, ставили военных на первый план. По очевидным причинам.

— На самом деле это с их стороны хитрый шаг. Они знают, что подозрения Юстиниана всегда будут сконцентрированы на армии. Поэтому держатся от нее подальше, по мере возможности, и рассыпают яд в темных уголках.

— Я все равно не понимаю,— голос Феодоры звучал глухо от раздражения.— Я понимаю, что ты имеешь в виду, но... что из того? Какая польза планировать предательство, если ты не сможешь привести план в исполнение, когда час пробьет? А для этого требуются военные. Гораздо большие силы, чем армия Вифинии. Сколько людей в этой армии? Тысяч десять? Самое большее?

— Восемь,— ответила Ирина.— Недостаточно, чтобы захватить власть, но достаточно, чтобы нейтрализовать преданные подразделения. В особенности, если большинство решит остаться в стороне, пока не осядет пыль. Что, к несчастью, делают многие подразделения во время переворотов.

Начальница шпионской сети хотела добавить что-то еще, но замолчала. Быстро взглянула на Антонину.

Феодора не упустила этого.

— Вы двое что-то знаете,— объявила она.

Молчание.

— Скажите,— это был голос императрицы, а не женщины Феодоры.

Ирина просительно посмотрела на Антонину. Антонина вздохнула.

— Я расскажу все, Феодора. Сегодня вечером. Но ты не поверишь.

— Расскажи.

* * *

Когда Феодора покидала усадьбу, Ирина с Антониной проводили императрицу до паланкина, поджидающего во дворе. Феодора забралась в паланкин, потом склонилась к женщинам и прошептала:

— Ты была права, Антонина. Я НЕ верю этому! Это абсурдно! У Велисария есть Талисман Бога? Посланец будущего?

Антонина пожала плечами.

— Ты так же не поверила Ирине, когда она сообщила тебе про Нарсеса. Но тем не менее ты приехала сюда, чтобы убедиться самой.

Две старые подруги уставились друг на друга. Императрица отвернулась первая.

— Нет, не поверила. И да, приехала.

Она откинулась на плюшевые подушки. Антонина с трудом различала лицо Феодоры в темном закрытом паланкине, но не могла не заметить гримасу.

— Ненавижу путешествия,— проворчала императрица.

Вздох.

— Да, Антонина. Я приеду. Я приеду в Дарас и посмотрю сама. Этим летом.

Еще один вздох.

— Ненавижу Сирию летом.

Очень тяжелый, королевский вздох.

— А теперь, подумав, я ненавижу Сирию в любое время года.

* * *

После того как ворота закрылись за паланкином, Антонина и Ирина какое-то время оставались во дворе, наслаждаясь ясным ночным небом.

— Мне любопытно кое-что узнать, Антонина,— заговорила Ирина.

— Да?

— На самом деле я не совсем понимаю. Ну, давай просто скажем, что меня удивило то, как тяжело Феодора восприняла предательство Нарсеса. Я знала, что он — один из ее ближайших советников, но...

— Он был гораздо больше, чем советник, Ирина,— ответила Антонина и грустно покачала головой.— Гораздо, гораздо больше.

Маленькая египтянка посмотрела вверх на подругу-гречанку.

— Я уверена, ты слышала все рассказы о прошлом Феодоры, не так ли?

Ирина пожала плечами.

— Конечно. Не могу сказать, что обращала на них особое внимание. Люди всегда быстро...

Антонина покачала головой.

— Дело в том, что они по большей части правдивы. По крайней мере в том, что, как говорят, она делала.

Антонина отвернулась и сжала челюсти перед тем, как добавить:

— А врут они о сути. В молодости Феодора была великой шлюхой, более великой ты не найдешь. Но она никогда не была распут-

ной.— Она усмехнулась.— На самом деле это звучит иронично. Когда люди с широкими взглядами, уважаемые, правильные, сравнивают ее и меня, они готовы сомневаться насчет меня. Да, до встречи с Велисарием я продавала свои услуги за деньги. Но только тщательно выбранным мужчинам и немногим. В то время как Феодора...

Затем Антонина заговорила резко:

— Если все-таки сравнивать, то все как раз наоборот. Я делала то, что делала, по собственному выбору. Обрати внимание: особого выбора у меня не было — я родилась в бедной семье, фактически на улице в Александрии. Мать моя была шлюхой, отец — возничим на колеснице. Но... я не могу, если быть полностью откровенной, заявлять, что меня кто-то насильно отправил заниматься тем, чем я занималась.

Она сделала глубокий вдох, затем посмотрела подруге прямо в глаза. Ирина поморщилась.

— Пожалуй, я не хочу услышать, что за этим последует,— призналась Ирина.

— Ты сама спросила. Феодоре никогда не нравилось быть шлюхой и ей никогда не предоставлялось выбора. Ее отец — свинья! — изнасиловал ее, когда ей только исполнилось девять лет, и продолжал насиловать, пока в двенадцать лет не продал ее сутенеру. А сутенер оказался еще хуже. Этот вонючий...

Антонина резко замолчала и рубанула рукой воздух.

— Неважно. Это одна блевотина.— Она сделала еще один глубокий вдох, потом выдохнула воздух.— Дело в том, Ирина, что Нарсес ближе всего подошел к образу отца, которого у этой женщины по-настоящему-то и не было. Когда они впервые встретились, Феодора была просто бедной амбициозной молодой женщиной, помогающей своему бедному амбициозному молодому любовнику пробираться наверх. Нарсес взял ее под крылышко и помогал ей в пути. Иногда деньгами, в другие разы — тайными сведениями, потом знакомил с нужными людьми. Но по большей части он помогал ей, как отец помогает дочери. Как *хороший* отец помогает дочери. Он просто... учил ее.

Антонина замолчала на мгновение.

— Я уверена, что он...— заговорила Ирина.

Антонина покачала головой.

— Нет. *Нет*. Ну, это уж слишком. Да, человек, подобный Нарсесу, всегда ждет свой шанс. Хочет получить крупный выигрыш. Но тут дело было по-другому, Ирина. Поверь мне. Нарсес очень умен, но он — не всемогущий Бог. И только сам Господь в те дни мог знать, что Феодора когда-нибудь станет императрицей Римской империи. Ни она, ни Юстиниан тогда не знали этого. Даже не думали об этом.

Антонина взяла Ирину под руку и медленно повела ее со двора.

— Нет, я думаю... что в своем роде Нарсес смотрел на Феодору как на ребенка, которого у него никогда не было. Не могло быть. Поэтому все детское доверие, которое осталось в девочке, которая не верила ни одному мужчине, она отдала пожилому евнуху. А отцовская забота человека, который не мог иметь детей, направлялась на молодую шлюху.

Антонина замолчала, пытаясь не расплакаться. Тупо уставилась в небо.

— Боже, я так надеялась, что Нарсеса не будет на этом совещании,— прошептала она.— Я так надеялась, что ты, Ирина, ошиблась, хотя и знала, что не ошиблась.— Теперь слезы полились градом.— Феодора от этого никогда не оправится.

— Ты не права,— возразила Ирина.— У нее все еще есть Юстиниан.

Антонина покачала головой.

— Нет, Ирина. Это не одно и то же. Феодора любит Юстиниана, но она никогда ему не доверяла. Не так, как она доверяла Нарсесу.

Антонина вытерла глаза, снова взяла Ирину под руку и вывела со двора. Теперь она шла быстрым шагом. В десяти футах от двери заговорила вновь:

— Феодора крепче стали и гордится тем, что не повторяет ошибок. Она никогда не поверит ни одному другому мужчине. Неважно, кто он. *Никогда.*

— Боже, бедная женщина,— грустно сказала Ирина в пяти футах от двери.

У самой двери Антонина остановилась. Повернулась к подруге и прямо посмотрела на нее. Теперь в ее красивых зеленых глазах не осталось и следа печали. Просто пустота.

— Бедная женщина? — переспросила она.— Никогда так не думай, Ирина. Если можешь, полюби Феодору. Но даже не думай когда-либо ее жалеть.— Теперь ее взгляд напоминал взгляд гадюки.— Если рассказ об ее отце и сутенере вызывал у тебя тошноту, то когда-нибудь я расскажу тебе, что с ними сталось. После того как Феодора взошла на трон.

Ирина почувствовала, как у нее перехватило дыхание.

— Что бы ты ни делала в этом мире, Ирина, никогда не пересекай дорогу этой бедной женщине. Лучше спустись в ад и плюнь в лицо Сатане.

Антонина уставилась в дверной проем.

— Бедная женщина! — бросила она через плечо, словно эти слова прошипела змея.

* * *

Два часа спустя, после нескольких бутылок вина Антонина опустила голову на подлокотник и заговорила:

— Мне тоже любопытно кое-что узнать, Ирина.

Говорила она медленно, осторожно и четко произносила каждое слово, что означало: настало время — но ненадолго, совсем ненадолго — поговорить о серьезных вещах. Прервать ради них другое серьезное занятие — пьянку до потери пульса.

— Спрашивай что хочешь! — приказала начальница шпионской сети со своего ложа, величественно взмахнув рукой. Полупустая бутылка в совершающей жест руке несколько ослабила его величественность. Как и отрыжка, которая последовала за ним.

Антонина улыбнулась, затем попыталась сконцентрироваться на мысли.

— Все, что ты сказала...— ее собственный величественный жест потерял величественность в воздухе.— Там, сегодня вечером, раньше... имело смысл.

Антонине удалось сдержать собственную отрыжку, она победно улыбнулась подруге и продолжила.

— О том, чтобы продолжать получать жалованье у Ситтаса. Но... разве тебя не заинтересовало предложение? Я имею в виду, что Феодора жутко богата. На ее фоне Ситтас кажется бедняком. Она в самом деле платила бы тебе гораздо больше. Гораздо.

Ирина вытянула руку, схватилась на подлокотник и медленно встала. Попыталась сфокусировать взгляд, но у нее это не очень получалось. Поэтому удовлетворилась яркой победной улыбкой.

— Ты на самом деле меня не понимаешь, дорогая подруга. По крайней мере в... этом деле. Вы с Феодорой обе росли в бедности. Деньги для вас кое-что значат. Я же росла в богатой семье...

Она величественно взмахнула рукой. Очень величественно, даже слишком. Потеряла равновесие и грохнулась на колени. Затем рассмеялась и, смеясь, забралась назад на ложе. Затем гордо подняла голову и продемонстрировала сомневающейся Вселенной, что не потеряла мысль.

— ...и поэтому воспринимаю деньги, как должное. На самом деле...— она попыталась не рыгнуть, лицо приняло мрачное выражение. Ирина жестоко боролась, чтобы не показать, насколько пьяна.— Дело в том, что я не трачу даже половину жалованья, которое мне платит Ситтас.— Она снова подавила желание рыгнуть — устроила короткую борьбу с собственным организмом, правда безнадежную.— Лично, я имею в виду. На себя. Мне эти деньги не нужны.

Ирина победно завершила мысль, затем рухнула на ложе и туманным взором уставилась на великолепные гобелены на противоположной стене. Она была не в состоянии рассмотреть детали рисунка, но знала: это — великолепная работа. Невероятная.

Как часто случается в такие моменты, радость от победы перешла в пьяные слезы.

— Для меня имеет значение то, что сама римская императрица хочет видеть меня начальницей своей шпионской сети.— Ирина икнула.— Это тешит мое тщеславие. Очень сильно тешит. Но это также означает, что теперь у меня есть доступ к императорской казне. Казне!

Она сделала круговое движение пальцем, как бы охватывая всю усадьбу.

— Ты только посмотри на это! Это, черт побери,— просто наблюдательный пост, ради всего святого!

Ирина радостно улыбнулась подруге, радостно посмотрела на гобелен, прыгнула на ноги и развела руки в стороны. Всем своим видом демонстрировала чистую радость.

— О, Боже! Как я повеселюсь! Сколько удовольствий!

Антонина попыталась поймать подругу, когда та падала, но только свалилась сама. Лежа на животе, прижимаясь щекой к паркету, ей удалось сфокусировать взгляд на Ирине, чтобы удостовериться: подруга не пострадала. Только наконец напилась до потери сознания.

— Женщина не умеет пить,— пробормотала она, хотя для трезвого наблюдателя последнее слово подозрительно напомнило бы храп.

* * *

— Пошли, Гермоген, надо отнести их в кровать.

Маврикий наклонился, крепкими руками поднял маленькую Антонину и вынес за дверь. Он без усилий шел по коридору. Гермоген последовал за ним, также не напрягаясь. Ирина была гораздо выше Антонины ростом, но худой в отличие от египтянки с пышными формами, поэтому весила столько же.

Первой на пути находилась комната Антонины. Маврикий повернулся спиной к двери, толкнул ее, вошел и уложил Антонину на кровать. Как и вся остальная мебель в доме, кровать была шикарная. Очень хорошо сделана, роскошная и... очень большая.

Маврикий повернулся и посмотрел на Гермогена. Молодой полководец стоял в дверном проеме, держа Ирину на руках. Маврикий жестом пригласил его внутрь.

— Нести ее сюда, Гермоген. Пусть спят вместе.

Гермоген колебался какое-то мгновение, глядя на безвольно свешенную голову Ирины. Слегка опущенные уголки губ выдали его сожаление.

— Заходи,— усмехнулся Маврикий.— Сегодня ночью ты не будешь наслаждаться ее обществом. Если ты положишь ее в свою кровать, то сам сегодня не заснешь. В результате тебе придется спать на полу. Она будет храпеть, как свинья, и ты это знаешь не хуже меня.

Гермоген уныло улыбнулся и занес Ирину в комнату Антонины. Осторожно опустил ее на кровать рядом с подругой. На этой огромной кровати женщины напоминали детей.

— Никогда раньше не видел, чтобы она так напивалась,— признался Гермоген. В его голосе не было укора, просто веселое удивление.— Я даже никогда не видел ее поддатой.

Маврикий бросил быстрый взгляд на Ирину.

— Она же — начальница шпионской сети,— проворчал он.— Да еще и гречанка благородного происхождения в придачу.

Затем он долго задумчиво смотрел на Антонину. В его взоре тоже не было укора, только любовь.

— А вот ее я видел пьяной в хлам,— пробормотал он.— Дважды.

Он подтолкнул Гермогена к выходу из комнаты.

— В первый раз, когда Велисарий впервые отправился в поход. Я задержался на несколько дней, организуя материально-техническое обеспечение армии. Она напилась в первый вечер после его отъезда. На следующее утро села на лошадь и поскакала за ним, чтобы присоединиться к нему в лагере. Я послал вместе с нею пять катафрактов в качестве сопровождающих. Командовал Анастасий. Позднее он сказал, что думал: ему придется привязывать ее к лошади, чтобы она не свалилась. Но Антонина сама справилась, без чьей-либо помощи.

Он остановился в дверном проеме и с любовью оглянулся.

— На меня это произвело впечатление.

Гермоген кивнул и улыбнулся.

— Да, здорово. Скакать на лошади с такого похмелья! Я знаю. Самому приходилось.

Маврикий с упреком посмотрел на него.

— Нет, не приходилось. Ты уже умел ездить на лошади. А она тогда впервые села в седло.

Гермоген отвесил челюсть. Маврикий улыбнулся.

— О, да. Очень крепкая маленькая женщина, в своем роде. Хотя и не подумаешь, если на нее посмотреть.

Он закрыл за собой дверь.

— А второй раз?

Улыбка сошла с лица Маврикия.

— А второй раз она напилась в тот день, когда Велисарий отправился в Индию. На следующее утро она, шатаясь, отправилась в конюшню и провела там четыре часа. Просто сидела на куче соломы и смотрела на лошадь.

Гермоген выдохнул воздух.

— Боже.

Маврикий пожал плечами.

— А, черт побери! Мне хотелось бы, чтобы она делала это почаще.

Он пошел по коридору.

— Ей приходится держать внутри слишком много боли для ее маленького тела.

* * *

Когда Ирина проснулась на следующее утро, ей потребовалась целая минута, чтобы сфокусировать взгляд. Первым, что она увидела, была Антонина в халате. Она стояла у окна и смотрела на улицу внизу.

Ирина наблюдала за ней десять минут, ни разу не отведя взгляд.

Вначале потому, что просто не могла шевелить глазами. Затем потому, что стоило ей это сделать, как сразу же становилось больно. Потом она надеялась, что если привыкнет к боли, то та уйдет. Затем, после того как стало ясно, что боль останется надолго, потому что Ирине хотелось думать о чем-то другом, а не о своем похмелье. Затем наконец потому, что она в самом деле начала думать.

— Что черт побери ты делаешь? — прохрипела Ирина.

— Да в общем-то ничего,— последовал тихий ответ.— Просто смотрю на лошадь.

Глава 5

Ранапур
Весна 530 года н. э.

На десятый день после их прибытия к Ранапуру, когда Велисарий и сопровождавшие его катафракты выехали в направлении небольшой возвышенности, с которой обычно наблюдали за осадой, раджпуты из группы сопровождения перехватили их, пока римляне не успели проехать даже полумили. Всадники казались напряженными и раздраженными, хотя вроде бы беспокоили их не иностранцы.

Когда сам Рана Шанга подъехал к Велисарию, его лицо ничего не выражало. Как и обычно, он вел себя сдержанно и вежливо. Но его первые слова дали понять, что сегодняшний день будет необычным.

— Ты и твои люди, полководец Велисарий, сегодня не будете наблюдать за осадой с вашей обычной точки обзора.

Велисарий нахмурился.

— Если ты, Рана Шанга, предложишь нам встать еще дальше, то мы вообще можем наблюдать за битвой с Луны!

Шанга тоже нахмурился.

— Не нужно волноваться по этому поводу, полководец! — резко ответил он.— Дело обстоит как раз наоборот.— Раджпут резко отпустил голову и быстро поднял.— Прости меня,— тихо сказал он.— Я

говорил невежливо. Я... несколько раздражен. Боюсь, я сорвался на тебе из-за отсутствия лучшей цели. Пожалуйста, прими мои извинения.

Велисарий улыбнулся.

— С радостью, Шанга. С радостью. Но... Конечно, это не мое дело, но...

Шанга покачал головой.

— Ты вскоре сам все увидишь. Главнокомандующий армией, господин Харша, издал указ, что Ранапур падет сегодня. Прибыл сам император, чтобы наблюдать за покорением восставшего города. Тебя приглашают понаблюдать за подавлением восстания из личного шатра императора. Мне приказали проводить тебя туда.

— А,— только и произнес Велисарий.

После прибытия к Ранапуру римскую делегацию игнорировали и император, и его окружение. Даже Венандакатра не прислал ни одного официального сообщения. Эта дипломатическая невежливость, не сомневался Велисарий, должна была дать римлянам понять, какое низкое место им отводится с точки зрения малва. Велисарий также не сомневался, что внезапное приглашение в императорский шатер имело целью произвести на иностранцев впечатление, показать им мощь и безжалостность империи малва.

Не было смысла протестовать против этого позорного отношения. Конечно уж не выражать протест Ране Шанге, которому отводилось место на периферии двора малва. (Кроме случаев, как подозревал Велисарий, когда при военных столкновениях требовались навыки и умения раджпутов.)

Но там, где протест не имеет смысла, по крайней мере может развлечь ирония. Велисарий нахмурился, глубоко погрузился в размышления и позволил челюсти отвиснуть от удивления.

— Какая великолепная стратегия! Завершить осаду, издав указ ее завершить! Со стыдом признаю: мне самому никогда такое не приходило в голову, несмотря на то что мне неоднократно приходилось участвовать в осадах.

Шанга резко рассмеялся.

— И мне тоже! — воскликнул он. Горький юмор раджпута быстро исчез. Он повернул коня и тронулся в нужную сторону.— Поехали, Велисарий,— весело бросил он через плечо.— Давай посмотрим, как сработает военный гений.

Они прибыли к восточной части осажденного города. Вскоре для Велисария стало очевидно, что они на этот раз подойдут ближе к Ранапуру, чем когда-либо раньше. Полководцу с трудом удавалось поддерживать вид, словно это его не особо интересует. Однако, бросив взгляд через плечо, он с удовольствием отметил, как его катафракты очень внимательно осматривают место. Менандр что-то бормотал

себе под нос. У молодого воина вошло в привычку это делать, если он хотел что-то запомнить.

Вскоре Велисарий смог различить огромный шатер на небольшой возвышенности, прямо к востоку от города. Шатер стоял сразу же за радиусом действия катапульт. Очевидно, император Шандагупта собирался наблюдать за падением Ранапура с наиболее близкого расстояния, с какого только возможно.

Велисарию ни разу не удалось понаблюдать за осадой с этой стороны. Его всегда ограничивали южной. Но он давно подозревал, судя по звукам канонады, что именно на востоке малва собрали основные силы. По мере того как они приближались к месту, стало очевидно, что предполагал он правильно. Огромная кирпичная стена, окружающая Ранапур, теперь превратилась в гору обломков. Пушки сделали ее барьером из щебня.

На равнине перед барьером из обломков собиралась огромная армия и готовилась к завершающей атаке. В основном она состояла из пехотинцев из регулярной армии малва, усиленных йетайцами. Отряды йетайцев собирались в арьергарде регулярной армии. Очевидно, их задачей было не ведение атак, а обеспечение выполнения воинского долга простыми солдатами.

Раджпуты практически отсутствовали. Велисарий уже собрался что-то сказать по этому поводу, но его перебил Шанга.

— Нам дали другие задания. Все наездники-раджпуты, за исключением сопровождающих тебя и нескольких курьеров, отправлены патрулировать подступы к городу. Чтобы ловить восставших, если они попытаются убежать.

— А,— кивнул Велисарий. Бросил быстрый взгляд на смуглое лицо Шанги с поджатыми губами.— Отличный маневр — использовать лучшие силы для того, чтобы прочесать район после великой победы, которую на самом деле еще не одержали. Хотя, конечно, уже издан указ о победе.— Он почесал подбородок.— Со стыдом признаюсь, что я сам, хотя я-то конечно — простофиля в военном деле, всегда использовал свои лучшие силы непосредственно в сражении.

Шанга снова выдал несколько хриплых смешков.

— И я! Ах, Велисарий, мы с тобой — просто дети у ног великого мастера.— Он покачал головой.— На самом деле имя господина Харши стоит в одном ряду с Александром Македонским и Ашокой[1].

— Да,— согласился Велисарий.

Римский полководец осмотрел поле боя. На его опытный взгляд было очевидно: малва давно готовились к этой массированной атаке на восточную стену города.

---

[1] Ашока (273–236 гг. до н. э.) — др.-инд. царь, один из наиболее известных государственных деятелей Древней Индии.

— Как я вижу, господин Харша не особо ценит неожиданные атаки и обманные маневры,— заметил он.

Шанга презрительно скривил губы.

— Такие методы ниже презрения господина Харши,— едко ответил раджпут.— Тактика бандитов, как он их называет.

С минуту римский полководец и командир раджпутов смотрели друг на друга. Потом оба улыбнулись, слегка, но тепло, перед тем как Шанга вздохнул и отвернулся.

— Но ведь он — великий человек и не собирается перед кем-то прогибаться,— пробормотал раджпут. Пожал плечами.— А с такой силой в его распоряжении ему, возможно, это и не требуется.

Теперь они были менее чем в двухстах ярдах от огромного шатра императора малва. Велисарию штаб Шандагупты показался сказочным. Словно он сам вдруг очутился в сказке. Ему никогда раньше не доводилось видеть ничего подобного на поле брани. Даже очень надменный персидский император, даже древние Ксеркс и Дарий[1] никогда не ставили такие невероятные сооружения на месте столкновения армий.

Шатер взметнулся вверх на целые шестьдесят футов, поддерживали его десять огромных шестов, скорее это были установленные вертикально огромные бревна. Множество тросов, толщиной в дюйм каждый, шли во всех направлениях. Они крепили шесты к земле. Сам шатер был сделан из хлопка — даже правитель малва не мог себе позволить шелковый — но все многочисленные входы в шатер закрывали полотна из шелка, шелковыми были также веревки и кисточки. Хлопковая ткань шатра поражала великолепным окрасом, сложными геометрическими узорами и тонкими оттенками.

К ним навстречу тронулся небольшой отряд йетайцев на лошадях. Судя по яркой форме, а также красным и желтым флажкам, украшавшим их копья, Велисарий узнал в них членов личной охраны императора. Говорили, охрана включает восемь тысяч человек, хотя, после быстрой оценки, Велисарий решил, что на поле брани собралось не более половины.

В это мгновение барабаны забили сигнал к наступлению. Первая шеренга пехотинцев малва начала движение — медленно. Наступление шло неровным темпом, не столько из-за недисциплинированности пехоты, а потому, что земля была вся изрезана траншеями и ямами, образовавшимися после попадания снарядов. Поэтому пехотинцы малва не могли выдержать ровную линию. Огромная численность армии добавила сумятицы. По оценкам Велисария в этой медленно наступающей толпе собралось около сорока тысяч пехотинцев, если не считать пять тысяч варваров-йетайцев, которые двигались в арьергарде.

[1] Ксеркс, Дарий — цари государства Ахеменидов.

Примерно три четверти солдат малва, неловко продвигающихся вперед по неровной местности, были вооружены традиционным оружием. Большинство пехотинцев отдавали предпочтение копьям и мечам, хотя у некоторых имелись боевые топорики и булавы.

Из ранних наблюдений Велисарий знал, что это оружие — дешевое и плохо сделанное, точно так же как и доспехи. Йетайцы, подгоняющие простых солдат малва, были облачены в кольчуги и железные шлемы конической формы. Но пехотинцам приходилось довольствоваться кожаными доспехами с чешуйчатой броней на плечах. Шлемы представляли собой кожаные шапки, армированные чешуйчатой броней, правда, отдать должное, получше защищали головы, чем доспехи — тело. Разница в щитах тоже оказалась поразительной. Щиты йетайцев, как и щиты римлян, были сделаны из прочного ламинированного дерева, укрепленного железными обручами, и имели железную выпуклость в центре. Щиты простых солдат малва, с другой стороны, выглядели просто жалкими: плетеная из ивняка основа, покрытая простой кожей.

Однако кроме массы простых солдат с традиционным оружием Велисарий заметил довольно большое количество людей с лестницами и гренадеров, вооруженных гранатами малва в форме пестика. У римлян это будет первая возможность посмотреть гранаты в действии, и Велисарий намеревался воспользоваться ею по полной.

Велисарий и Рана Шанга остановились, чтобы понаблюдать за наступлением. Уголком глаза Велисарий заметил, что приближающаяся патрульная группа йетайцев тоже остановилась. Но он мало обращал на них внимания, потому что его интересовало происходящее на поле брани. Велисария снова поразило состояние грунта. Как его вытоптали! Очевидно, осада продолжается давно и во время нее не происходило никаких сюрпризов. Именно такой тип грунта перед осаждаемым городом он считал оскорблением своим инстинктам ремесленника. И тут же стал продумывать альтернативные методы, которые попытался бы применить, если бы сам отвечал за осаду.

Или если бы командовал силами, защищающими город.

Тогда ему пришла в голову мысль, полусформировавшаяся идея, рожденная долгим опытом и недавно приобретенным знанием. Велисарий повернулся к Шанге.

— Мне кажется, несколько дней назад ты упомянул, что в Ранапуре всегда была развита горная промышленность?

— Да,— кивнул Шанга.— Почти треть угля империи добывается здесь.

Велисарий прищурился и осмотрел грунт, по которому армия малва медленно продвигалась вперед. Он обратил внимание, что восставшие не встречали наступающих стрельбой из катапульт. На

первый взгляд это казалось странным. Но в глубине сознания у него начала выкристаллизовываться смутная мысль.

Шанга обратил внимание на внезапную задумчивость полководца.

— Ты о чем-то размышляешь, Велисарий. Могу поинтересоваться, о чем?

Велисарий колебался какое-то мгновение. Несмотря на то что ему нравился Шанга, раджпут был в конце концов будущим врагом. С другой стороны, в настоящий момент судьба Велисария и его людей завязана с раджпутами.

— Прости меня за то, что я скажу, Рана Шанга, но я нахожу методы осады малва несколько — как бы лучше выразиться? — простоватыми по римским меркам. Подозреваю, причина кроется в том, что большинство ваших войн велось в долине этой великой реки. Не думаю, что у вас есть опыт ведения военных действий на горной местности.

Шанга в задумчивости потрепал бороду.

— Возможно, и так. Конечно, я никогда не наблюдал за ведением осады римлянами. Но определенно одной из причин множества беспокойств, доставленных нам представителями маратхи — шип в нашем боку! — является их горная местность и их хитрые крепости на возвышенностях. Ведение осады в Махараштре в два раза сложнее, чем ведение осады на Гангской равнине.

Он внимательно посмотрел на римлянина.

— Ты что-то подозреваешь,— объявил Рана Шанга.

Велисарий снова колебался. Внимательно наблюдал за наступлением малва. Первая шеренга пехотинцев уже почти до половины преодолела ничейный участок земли протяженностью в пятьсот ярдов, который отделял передние траншеи малва от стены Ранапура. И все равно катапульты не стреляли.

Велисарий выпрямился.

— Мне тут кажутся важными три фактора, Рана Шанга. Во-первых, среди восставших есть опытные шахтеры. Во-вторых, они знали уже несколько недель — если не месяцев,— что основное наступление будет происходить с этой стороны. Очевидно, господин Харша не предпринимал никаких обманных маневров. В-третьих, не стреляют катапульты, словно они берегут оставшиеся запасы пороха.

Он почесал подбородок.

— На самом деле теперь, размышляя на эту тему, мне кажется, что восставшие в последние дни очень мало стреляли из катапульт. Ты не знаешь случайно, отправлял ли господин Харша саперов-минеров на контрминирование?

Ответ стал очевиден по выражению непонимания на лице Раны Шанги.

Велисарий все еще колебался. Подозрение, зарождавшееся у него в сознании, пока не сформировалось полностью. Большую его часть составляли догадки. Велисарий ничего не мог утверждать с полной уверенностью. Возможности пороха и его использования на поле брани все еще являлись новым и в основном теоретическим знанием для Велисария. Он даже не был уверен, что...

Грани неистово засверкали. Человеческие поля сражений для Эйда являлись полностью теоретическим понятием. (И к тому же абсолютно странными для кристаллического сознания.) Но теперь странная идея, формирующаяся в мозгу Велисария, наконец сформировалась достаточно, чтобы Эйд ее уловил. Знание всей истории прорвалось сквозь грани.

«Опасность! Опасность!»

Велисарий с трудом сдержал крик из-за силы видения, ворвавшегося к нему в сознание.

Туннель — много туннелей — подземных, укрепленных деревянными балками и досками. Люди в синей форме и шлемах устанавливают ящики с палками — нет, не палками, а какими-то приспособлениями, сделанными на основе пороха,— по всей длине этих туннелей. Ставят их один на другой. Устанавливают запалы. Уходят.

Наверху. Солдаты в серой форме на крепостном валу.

Внизу. Горят запалы.

Наверху. Пришел армагеддон.

Велисарий спрыгнул с лошади. Посмотрел на катафрактов и слегка мотнул головой. Трое фракийцев тут же последовали примеру полководца. К счастью, римляне сегодня на надели все доспехи. Если бы они облачились в броню и взяли все оружие катафрактов, то им было бы сложно спрыгивать на землю без помощи товарища и невозможно сделать это быстро.

— Может, я и не прав, Рана Шанга, но я очень рекомендую тебе приказать своим людям спешиться,— тихо сказал Велисарий.— Если бы я командовал восставшими в Ранапуре, я бы проложил под этим участком ничейной земли подземные ходы и наполнил бы их всем порохом, который у меня остался.

Рана Шанга уставился на поле брани. Теперь вся масса пехотинцев малва находилась на участке шириной в полторы мили и двести ярдов длиной. Исчезло даже подобие какого-либо построения. Наступающая армия недалеко ушла от дезорганизованной толпы. В арьергарде йетайцы двигались взад и вперед, подгоняя отстающих. Их усилия только добавляли сумятицы.

Это была идеальная цель для катапульт. Но катапульты не стреляли.

Смуглое лицо Шанги слегка побледнело. Он повернулся в седле и стал выкрикивать приказы своим подчиненным. Несмотря на удивле-

ние, хорошо дисциплинированные раджпуты тут же подчинились. Через десять секунд все пятьсот раджпутов стояли на земле, держа коней под уздцы.

Велисарий заметил, как небольшое конное подразделение йетайцев смотрит на них с удивлением. Командир йетайцев нахмурился и начал что-то кричать.

Его слова потерялись в шуме. Миру пришел конец.

Велисария бросило на землю. По полю пронеслась серия взрывов. Даже на таком расстоянии звук больше походил на удар, чем на шум. Лежа на боку и глядя на Рапапур, Велисарий увидел, как вся армия малва исчезла в облаке пыли. Сквозь пыль, разрывая солдат на части, летело множество предметов. Большинство из них, как мрачно понял Велисарий, было тем, что Эйд называл шрапнелью. Но сила взрывов оказалась настолько невероятной, что практически все представляло смертельную опасность.

Все еще полуоглушенный Велисарий наблюдал за полетом щита — хорошего щита какого-то йетайца, единым круглым куском дерева, армированным железом. Щит летел по воздуху, словно диск, выпущенный гигантом. Отряд йетайской конницы, который приближался к ним, все еще пытался успокоить своих коней. Летящий щит обезглавил их командира точно так же, как фермерша отрубает голову курице. Мгновение спустя на все подразделение йетайцев обрушился град различных обломков.

Обломки падали и среди раджпутов и римлян. Однако потери были легкими, в основном потому, что люди уже спешились и смогли упасть на землю до того, как обломки прилетели. В основном раджпуты пострадали от копыт испуганных и раненых лошадей.

После первых секунд, когда он впал в состояние шока, Велисарий понял, что мысли возвращаются.

«Первый закон войны с использованием пороха: ложись на землю»,— подумал он.

На него упали какие-то обломки. Он свернулся калачиком, стараясь по возможности прикрыть все тело щитом.

«Ложись как можно ниже».

У него создалось впечатление, что некое племя карликов молотит по нему молоточками.

«Как бы мне хотелось, чтобы рядом была нора. Или лопата, чтобы ее выкопать».

«Их назовут одиночные окопы. Солдаты будут автоматически выкапывать их — так естественно, как дышат»,— пришел ментальный импульс от Эйда.

Удар. Удар. Удар. Удар. Удар. Удар.

«Верю»,— мысленно ответил Велисарий. И попытался представить лопаты.

Удар. Удар. Удар. Удар. Удар. Удар.

Эйд послал ему в сознание образ. Небольшая лопатка, способная складываться в месте соединения с черенком. Легко переносится в солдатском вещмешке. Называется саперная лопатка.

Удар. Удар. Удар. Удар. Удар. Удар.

«Это первое, что мы начнем делать, когда вернемся в Рим».

Удар. Удар. Удар. УДАР.

«Самое первое».

Взрывы прекратились. Велисарий осторожно поднял голову. Затем выбрался целиком из-под покрытого камнями и кусками земли щита. Скорчив гримасу, сбросил с ноги кусок кровавого месива.

Посмотрел на своих катафрактов. Все трое, увидел он с облегчением, тоже поднимались на ноги. Казалось, никто из них не ранен, только взгляды пока обалделые. Лошадь Менандра лежала рядом, слегка дергая ногами. Судя по виду несчастного животного, Велисарий решил, что кобыла сломала шею, падая на землю. Другие лошади римлян отсутствовали — они, как он предположил, сейчас в составе обезумевшего табуна несутся на восток. Оглядевшись вокруг, понял, что никому из раджпутов не удалось удержать своих коней. Как он подозревал, большинство даже не пытались. А те, кто пытались, вероятно, получили копытами за свои попытки.

В нескольких футах из-под своего щита на ноги поднимался Рана Шанга. Его качало. Но основное внимание Велисария было направлено на поле боя, где прозвучали невероятные взрывы.

Раньше это было ничем непримечательное место. Голая земля, изрезанная траншеями и земляными укреплениями, усеянная небольшими воронками от снарядов, выпущенных катапультами. Теперь она казалась видением из кошмарного сна, словно боги решили вырыть огромные ямы и наполнить их трупами.

Тела, тела и тела. Куски тел. Куски кусков тел. Куски, принадлежность которых к какой-либо части тела невозможно определить. Но красные куски мяса. Плоть, растерзанная до неузнаваемости.

Однако к своему удивлению Велисарий увидел, что многие солдаты малва пережили этот кошмар. На самом деле через несколько секунд наблюдения за шевелящейся массой тел он понял: выжило больше половины, хотя многие ранены, большинство в полубессознательном состоянии и, как он подозревал, все оглушены. Его собственный слух еще не восстановился полностью, в ушах звенело.

«Не могу поверить, что кто-то мог выжить».

«Это типично,— пришел ментальный импульс от Эйда.— Всегда люди будут удивляться, как многие пережили самую страшную бомбежку».

И Эйд послал ему в сознание следующую картину:

Люди в форме, в стальных шлемах. Огромная масса людей, идущих в атаку по местности, очень напоминающей ту, которая простиралась перед ним. В руках несут оружие, которое, как Велисарий знал, называется винтовками, с прикрученными к ним штыками. В дополнение к оружию они шатаются под непомерным весом: Велисарий узнал гранаты, патронные ленты, запасы еды, контейнеры с водой, лопатки и увидел странные предметы, чем-то напоминающие маски, которые он раньше никогда не видел. Пока они шли в атаку, вокруг произошло бессчетное количество взрывов. Бойня была жуткой — такой, какую ему никогда не доводилось наблюдать, несмотря на весь его военный опыт. Тем не менее они шли в атаку. Продолжали идти. Продолжали идти.

«Ее назовут битва на реке Сомме[1]. Она начнется в день, который в будущем будет считаться первым июля 1916 года. В этой атаке, в первый день, погибнут двадцать тысяч человек. Еще двадцать пять тысяч будут ранены. Но большинство выживут и снова пойдут в атаку на следующий день».

Велисарий покачал головой.

«Как?..»

«Мы не знаем. Мы не до конца понимаем людей, даже Великие не до конца понимают. Но вы это сделаете. Вы будете делать это снова, и снова, и снова. И вы выживете, снова, и снова, и снова. Мы не знаем как. Но вы выживете».

Странно, но именно упоминание Великих привлекло внимание Велисария.

«А Великие — люди?»

Эйд только однажды мельком показал ему эти странные существа. Великих. Которые являлись в некотором роде создателями — или предателями? — будущего кристаллического разума, к которому принадлежал Эйд. Но в видении Эйда Великие были светящимися гигантами, подобными китам с крыльями, плывущими по небесам, и даже отдаленно не напоминали людей.

Отвечая, Эйд колебался.

«Мы так думаем. Новые боги говорят, что они — последняя гнусность против человечества».

Новые боги. Велисарий помнил мелькающие образы, которые ему показал Эйд. Гигантские, красивые, идеальные, безжалостные лица на

---

[1] Сомма — река на севере Франции. Во время Первой мировой войны 17–18.11.1916 англо-французские войска на Сомме безуспешно пытались прорвать оборону германской армии. Обе стороны потеряли более 1,3 млн. человек. На Сомме английские войска 15 сентября 1916 года впервые применили танки.

небе. Они пришли на Землю, чтобы разбить кристаллы и вернуть их в рабство.

Он уже начал задавать следующий вопрос, но сразу же выкинул из головы проблему Великих. Сработал инстинкт полководца. Стычка была неизбежна. Он уже видел первые волны, идущие через отдаленную разбитую стену Ранапура. Тысячи восставших жителей Ранапура бросились в атаку на выживших после взрывов представителей малва. Безжалостно убивали их, кричали, как сумасшедшие.

Восставшие не теряли времени зря. Они прорубали себе дорогу сквозь массу малва, имея перед собой определенную цель. Бойня была лишь побочным продуктом атаки.

Цель этого неистового броска была очевидна. Велисарий повернул голову. Шатер императора малва все еще стоял — в большей или меньшей степени, хотя часть шестов, на которых он держался, завалились и яркая ткань оказалась порвана во многих местах долетевшими до шатра камнями и обломками. Но Велисарий думал, что находившиеся внутри этой грандиозной структуры, вероятно, выжили, как и большинство из охранявших его четырех тысяч йетайцев.

Он опять повернул голову и уставился на идущих в атаку жителей Ранапура. По его оценкам их насчитывалось около десяти тысяч. На самом деле количество солдат малва, выживших после взрывов, все еще превышало количество атакующих. Но теперь оно не имело значения. Выжившие малва выглядели оглушенными овцами — в том, что касается их способности оказать сопротивление. Даже выжившие йетайцы не отличались от оглушенного скота. Они падали под ударами наступающих горожан, почти не поднимая рук и не пытаясь защититься. Большинство просто разбежалось в стороны, чтобы дать восставшим нестись сквозь их ряды. За то время, пока Велисарий наблюдал на восставшими, те почти полностью прорвались сквозь ряды основной группы войск малва. Теперь между восставшими и ненавистным императором не осталось никого, кроме охранников-йетайцев.

Рядом с ним раздалось шипение. Велисарий повернул голову и увидел, что Рана Шанга тоже мгновенно оценил ситуацию.

Пятьсот кавалеристов-раджпутов. Теперь без лошадей, но все еще живые и способные драться.

Мгновение карие глаза Велисария смотрели в черные глаза Шанги.

«И четверо римлян. Которые являются будущими врагами малва».

Лицо Шанги абсолютно ничего не выражало. Но Велисарий в это мгновение понимал этого человека, как себя самого.

— Я дал клятву,— объявил Шанга.

Велисарий кивнул.

Шанга стал выкрикивать приказы. Ничего сложного. Просто обычные указания:

— Туда! Прямо сейчас!

Раджпуты побежали к шатру императора, стоявшему в ста пятидесяти ярдах. Они срезали угол через поле брани. Их скорость произвела на Велисария впечатление. Лишь немногие кавалеристы способны развить такую скорость. Им удастся добраться до нужного места, чтобы занять позиции, гораздо раньше, чем восставшие добегут до шатра. Пятьсот раджпутов и четыре тысячи йетайцев против десяти тысяч восставших, каждый из которых намерен убить императора.

«За что я их совсем не виню,— мрачно подумал Велисарий.— Но проблема остается: что делать нам, римлянам?»

Теперь трое катафрактов сгрудились вокруг него. Они уже отошли после взрывов. Все трое смотрели на полководца, ожидая приказов.

Это был один из немногих моментов в жизни Велисария, когда он не мог быстро принять решение. Он не обязан помогать малва. Как раз наоборот — они ведь его будущие враги, причем враги, которых он презирал. Его симпатии лежали на стороне восставших. Да, он стал уважать Рану Шангу и раджпутов, и ему будет жаль, если их порубит на куски надвигающаяся масса восставших. Но... Велисарий мысленно пожал плечами. Он видел, как другие люди, которых он уважал, погибали в бою. Некоторых из них, персов например, он убивал лично. Это было его долгом, выполнять который он поклялся своему императору.

Так в чем теперь заключается его долг? Велисарий попытался просчитать истинные интересы Рима. Ответ казался простым: пусть император малва умрет. Для римлян лучше от него избавиться. Но Велисарий знал и о тонкостях, которые лежали за пределами простого уравнения. О сложностях, которые все еще оставались туманны, чтобы он мог их полностью понять и оценить.

Впервые после того, как Михаил Македонский принес ему кристалл, Велисарий обратился к нему за помощью в конкретной ситуации.

«Эйд! Что мне делать?»

На мгновение грани застыли, прекратив бесконечное движение. Это был момент статического равновесия, пока сущность по имени Эйд пыталась интерпретировать вопрос. Вопрос включал то, что люди называют тактикой, а ее Эйд понимал очень плохо. Эйд попытался прямо решить задачу, тут же потерпел поражение и мгновенно понял, что не в состоянии дублировать человеческий ход мыслей. Эйд полностью отказался от попытки и повел грани вокруг препятствия. Точно так же специалист по игре в го может подходить к вставшей во время игры проблеме.

Сквозь разум Велисария пролетел каскад мыслей и образов.

«Император — не ключевая фигура, так или иначе»,— пришел мысленный импульс.

Потом последовал монтаж из истории. Различные типы империй, созданных человечеством на протяжении веков. Империи, которые полностью зависели от выживания одного человека. Велисарий знал об Александре Македонском, но не знал Тамерлана. Последний — просто чудовище. Других тоже не знал. Империи, основывавшиеся на твердой бюрократии и прочно обосновавшейся правящей элите. Рим. Китай. Смерть одного императора ничего не значила, потому что на его место всегда придет другой. Империи в переходный период, когда новые правящие круги формируются вокруг старой династии.

«Сфокусируйся. Здесь. Малва здесь».

Быстро мелькающие образы стабильности династии малва, боковой ветви династии Гуптов. Велисарий внезапно понял — впервые — положение таких людей, как Венандакатра и Харша. И других, подобных им. Некоторые из них были способными и умными, другие — нет. Но все они занимали положение, дающее власть. Они связаны кровными узами и имеют родство с правящей династией. У них нет прав на престол, но их положение и богатство полностью зависит от продолжения династии. В каком-то смысле они сами — династия и проследят за тем, чтобы она выжила.

«Император не имеет никакого значения. Он умрет, его место тут же займет следующий. Малва выживут. Ранапур падет. Персия падет. Рим падет. Нужно найти и уничтожить Линка».

Имя было Велисарию незнакомо.

«Кто такой Линк?» — спросил Велисарий.

«Не кто, а что. Линк — это...»

Еще один монтаж. Странные образы. Казалось, это машины. Но машины, которые ничего не делают, только думают.

«Машины, да. Не думающие. Машины не думают. Машины называют компьютерами. Они не думают, они считают. Думают люди. Думают кристаллы».

«Но как он может быть нашим врагом, если он не...»

«Орудие. Орудие новых богов. Посланное назад во времени, чтобы изменить...»

Мысль раскололась на куски. Велисарий уловил только фрагментарные образы неясной борьбы в далеком будущем между новыми богами и Великими. Он ничего не понял из борьбы, но один удивительный факт до него дошел: и Великие, и новые боги в некотором роде человечны.

Он почувствовал нарастающее отчаяние Эйда и знал: кристаллическая сущность пытается передать идеи, которыми ни она сама, ни Велисарий еще не готовы обмениваться. К полководцу вернулась обычная решительность.

«Неважно. Линк в шатре?»

«Возможно».

Решение пришло мгновенно. Сбор информации все еще оставался главнейшей целью. Когда Велисарий повернулся к своим катафрактам, то понял: прошло всего несколько секунд.

— Мы поможем малва,— объявил он.

Его катафракты тут же собрались броситься вперед, но Велисарий жестом остановил их.

— Нет, не так. Еще четыре меча сами по себе роли не сыграют,— он показал вниз по склону на Ранапур. Наступающие горожане уже прорвались сквозь ряды армии малва и начинали взбираться вверх по склону. Огромное количество солдат малва и йетайцев, которые никак не пострадали ни от взрывов, ни от атаки восставших, все еще не пришли в себя на взорванном участке земли перед Ранапуром.

— А вот они могут сыграть роль.

Валентин с Анастасием поняли мгновенно. Два ветерана побежали вниз по склону, держа в руках мечи. Они свернули влево, чтобы не попасться на пути продолжающей наступление орде восставших.

За ними последовали Велисарий и Менандр. Смущение молодого катафракта было так очевидно, что Велисарий с трудом сдержал смех.

— Ты размышляешь, как нам удастся заставить малва выполнять наши приказы? — спросил он.— И тем более йетайцев?

— Да. Я не...

— Смотри, Менандр. Смотри и учись. Настанет день, когда тебе потребуется собирать и наводить порядок среди разбитого войска.

Велисарий остановился, чтобы привести в норму дыхание. Теперь, после того как опасность случайной встречи с восставшими миновала, Валентин с Анастасием увеличили темп. Даже для людей в такой прекрасной физической форме бежать было нелегко. Да, они сегодня не надели все доспехи. Но находились в жаркой Индии. Жара заменяла доспехи.

— Смотри,— повторил Велисарий.— И учись.— Отдышался.— Главное — это полная уверенность и властность.— Пауза.— Испуганные и потерявшие ориентиры солдаты тут же на них отреагируют.

Они почти добрались до первых групп солдат малва. Велисарий заметил поблизости небольшую группку йетайцев, обогнал Валентина с Анастасием и сконцентрировал свое внимание на йетайцах. Стал махать мечом в направлении императорского шатра и выкрикивать приказы.

На прекрасном йетайском, без какого-либо акцента.

— Стройте этих вонючих трусливых ублюдков!

Йетайцы уставились на него. Велисарий показал мечом на толпу простых солдат малва, бесцельно шатающихся менее чем в пятидесяти ярдах от них.

— Вы слышали меня! Стройте это бесполезное дерьмо! Восставшие атакуют императора!

Они начали его понимать. Как один, йетайцы гневно уставились на простых солдат. Мгновение спустя они уже занялись привычным делом, организуя пехотинцев и подгоняя их вперед.

Валентин с Анастасием уже повторяли действия полководца. Ветераны не говорили по-йетайски, но для их целей хватило и примитивного хинди. Через несколько минут римляне и триста йетайцев, реорганизованных в небольшие подразделения, уже выстроили и погнали вперед более двух тысяч простых солдат малва. Со своей стороны простые солдаты малва почти не возражали, в особенности после того, как йетайцы продемонстрировали свою готовность убить любого, кто будет колебаться или попытается сбежать.

Менандра поразил успех маневра. Он сам попытался скопировать действия полководца и ветеранов. Нельзя сказать, что добился такого же успеха, но и полным провалом его действия назвать нельзя. Только один раз йетайец засомневался в правомочности действий римлян. Менандр решил, что это один их командующих — если он правильно прочитал знаки отличия на его форме. Но он не был уверен, да и форма йетайца вскоре оказалась полностью залита кровью. Меч Валентина отрубил левую руку йетайца и пронзил грудную клетку до половины.

Теперь небольшая, только что сформированная армия Велисария двигалась вверх по склону. Простые солдаты малва находились впереди. Шли они такими неровными шеренгами, но их с трудом можно было назвать воинским подразделением. Но они все равно двигались вперед, с оружием в руках, сфокусировав взгляды на восставших, нацеленных на охранников императора у шатра, примерно в двухстах ярдах впереди. За ними шли йетайцы. Воинское построение степных варваров было немногим лучше, чем у пехоты, но к йетайцам вернулась их обычная ярость и желание показать себя. Они безжалостно гнали вперед солдат малва.

Шествие замыкали четверо римлян, которые внимательно наблюдали за ситуацией в целом.

Менандр теперь шагал широкими шагами рядом с Анастасием и Валентином. Он все еще держал рот открытым.

Анастасий рассмеялся.

— Видишь, парень? — пророкотал гигант.— Разбитые войска подобны овцам. А что касается йетайцев...

— Сутенеры,— улыбнулся Валентин.— Всего лишь трахнутые сутенеры.

Менендр покраснел, закрыл рот. Молодой катафракт уставился вперед, через массу малва и йетайцев перед ним. Он видел шатер, теперь наполовину лежащий на боку, но мог только почувствовать

ярость битвы, которая разворачивалась между восставшими и охранниками императора.

— Нас все равно меньше,— сказал он.

Анастасий посмотрел на него сверху вниз. Одобрительно. В голосе парня не было страха, просто констатация факта на основании расчетов, сделанных не замутненным страхом умом.

— Правильно, парень,— огромный фракиец быстро оглядел маленькую армию, которую они гнали перед собой.— Но мы ударим по восставшим сзади, и они окажутся между двух огней. И...

— Они думают, что находятся на грани победы,— добавил Валентин.— Шок от неожиданной атаки сыграет решающую роль.

Менандр вспомнил сражение с пиратами на корабле, перевозившем посла малва. Во время того сражения его серьезно ранили, но он находился в сознании и видел, как быстро упал боевой дух пиратов, когда Велисарий провел неожиданную контратаку. Он кивнул и крепче сжал рукоятку меча. Теперь от места схватки перед шатром их отделяло менее ста ярдов.

— Всегда помни вот что, парень,— прошипел Валентин.— Никогда не считай сражение выигранным, пока ты не заплатил за свой первый кубок вина на праздновании победы. Не заплатил, учти, потому что захваченное у врага вино способно сыграть с тобой плохую шутку. Враг может вернуться и перерезать тебе горло, пока ты еще не успел его допить.

Анастасий уже собрался что-то добавить к этой ветеранской мудрости, но его слова потонули во внезапном шуме. Солдаты малва начали атаку, выкрикивая свои воинские кличи. Теперь Менандр ничего не видел, кроме йетайцев впереди себя и остатков шатра, маячивших вдали. Сразу после воинских кличей малва резко вскрикнули восставшие. Они кричали от удивления и страха. Мгновение спустя раздался металлический лязг клинков, который добавил к шуму погребальную песню. Затем тут и там послышались взрывы гранат, которые ни с чем не спутаешь.

Менандр попытался прорваться вперед. Велисарий рукой остановил его.

— Нет,— приказал он.— Пусть малва сами сражаются. Мы привели им армию. Пусть они ее используют или не используют. Наша задача выполнена.

В следующее мгновение Менандр заметил, как взгляд полководца словно ушел внутрь себя. Глаза перестали фокусироваться. Молодой катафракт задержал дыхание. Он знал, что видит, он уже много раз становился свидетелем подобного, но все равно каждый раз испытывал чувство глубокого религиозного благоговения. Великий полководец разговаривал с Талисманом Бога.

Как и обычно, общение длилось недолго. Когда Велисарий снова сфокусировал взгляд на катафрактах, он был острым, как и всегда.

— Но оставайтесь наготове,— приказал он.— Может наступить момент, когда нам потребуется броситься вперед. Если удастся, я хотел бы оказаться рядом с императором.

Он посмотрел в сторону, изучая место схватки, и хитровато улыбнулся.

— А пока, Менандр, будь добр — прихвати-ка вон ту гранату, валяющуюся вон там. И еще одну. Как вор, вышедший на дело ночью. Мне бы хотелось взять несколько штучек домой.

Менандр быстренько спрятал две гранаты у себя в тунике. Вроде бы никто его не видел. Затем после минутного раздумья подвязал тунику пропитанным кровью куском ткани, оторванным от туники мертвого пехотинца малва.

Валентин нахмурился.

— Это не самая лучшая идея, парень,— проворчал он.— Докторам малва может захотеться осмотреть твою «рану».

Анастасий фыркнул и уже собрался что-то сказать, но Менандр оборвал его:

— У малва нет докторов. По крайней мере полевых хирургов. Если тебя ранили во время битвы — тебе сильно не повезло,— он пожал плечами, не по годам жестоко.— Сам себя зашивай или попроси друга.

Валентин тихо присвистнул.

— Ты шутишь? — его худое лицо в этот момент больше, чем обычно, напоминало морду ласки.— Я думал: они — цивилизованные люди!

Во время разговора Велисарий ни разу не спустил глаз с разворачивавшегося перед ними сражения. Но он резко ответил Валентину.

— Они цивилизованны, Валентин. Именно это и делает их опасными.

Шум битвы усиливался. Внезапно впереди них в рядах малва появились проемы. Римляне впервые смогли наблюдать за самой схваткой.

Одного взгляда хватило. Проемы образовались благодаря восставшим, которые пытались бежать. Малва преследовали их. Восставших разбили, они сломались, оказавшись между смелыми охранниками императора и неожиданно появившимся сзади подкреплением. Полуорганизованные подразделения с обеих сторон быстро превратились в кружащийся хаос, группки дезорганизованных людей, режущих друг друга. Теперь началась бойня. Восставших все еще было больше, чем приверженцев династии, но это не играло никакой роли. Как и всегда, убегающие с поля боя солдаты становились легкой добычей.

— Следуйте за мной,— приказал Велисарий.

Полководец широкими шагами стал пробираться сквозь хаос впереди, проталкиваясь сквозь толпу. Его катафракты шли по бокам и очень внимательно следили за окружающей обстановкой, готовые убить кого угодно — восставшего или приверженца династии — который посмеет хотя бы косо посмотреть на Велисария. Один раз Валентин положил восставшего. Солдат не атаковал их, он просто искал путь к спасению. Но в своем отчаянии восставший несся на Велисария, размахивая мечом, пока Валентин не воткнул меч ему в сердце. Анастасий убил одного йетайца. Варвар стоял у них на пути и кричал, его глаза казались безумными от ярости. Йетайец даже не смотрел в их сторону, но обезумел от жажды крови, и ветеран знал: этот йетайец атакует любого, кто покажется ему не своим. Анастасий не дал ему такой возможности.

Теперь они оказались у самого шатра, или того, что от него осталось, перебирались через тела мертвых или раненых йетайцев и раджпутов, которые умерли или были изувечены, защищая императора. Им пришлось обрубить запутавшиеся веревки и прорезать дыру в ткани, чтобы войти внутрь.

Внутренняя часть шатра представляла собой фантастическую сцену. С одной стороны человеческие кишки оказались нанизаны на ручки красивой вазы великолепной формы. С другой стороны остатки еще одной вазы были заполнены мозгами мертвого йетайца, его пробитый череп лежал у ее основания. Римляне обошли небольшую груду из трех безжизненных тел — раджпута и двух восставших, которые соединились не только в смерти, но еще и оказались прикрыты общим саваном — оторвавшимся куском шелка.

Затем они столкнулись со странным препятствием — одним из огромных шестов, удерживавших шатер. Он теперь лежал поперек пути подобно упавшему в лесу дереву. Здесь шла жестокая схватка. Йетайцы использовали упавший шест как баррикаду. Валялось много трупов йетайцев, перекинувшихся через шест, но их количество не шло ни в какое сравнение с горой изуродованных трупов восставших, наваленных горой с другой стороны баррикады.

Никакого другого пути не было — требовалось перебираться через гору трупов. Римляне перебрались. Велисарий и ветераны — с холодными, ничего не выражающими лицами опытных воинов, Менандр же побледнел и скорчил гримасу. Почти у вершины горы трупов Менандр увидел тело мертвого горожанина. Это был мальчишка не более чем пятнадцати лет. Невидящим взором он смотрел на провисающий у него над головой шелк. Ему вспороли живот — или копьем, или мечом. Но Менандра потряс не вид вывалившихся кишок, а грудная клетка — такая же хрупкая и отощавшая, как у бездомного котенка.

Несмотря на хитрый маневр восставших, Менандр внезапно понял, что сегодняшняя атака стала результатом только одного отчаяния. Ранапур голодал.

— Мы не на той стороне,— пробормотал он.

Он думал, что его никто не слышал, но ответ Валентина последовал мгновенно:

— Терпение, парень, терпение. Мы вскоре будем перебираться через тела малва.

Для разнообразия голос ветерана звучал мягко. Валентин огрубел после долгого опыта участия в военных действиях, но он не был бессердечным. Он все еще помнил свое первое поле брани после завершения бойни. Во время той схватки его собственные кишки не присоединились ко многим разбросанным вокруг. Даже молодым парнем Валентин был невероятно смертоносным. Но когда битва закончилась, содержимое желудка тут же вылетело из него. И он не мог прекратить блевать, пока не потерял сознания.

Перебравшись через шест и гору трупов, римляне оказались в пустом пространстве. Они добрались до центра шатра. Стоять оставались всего четыре шеста, которые поддерживали часть крыши примерно в пятнадцати футах над землей. Участок тускло освещался — только солнечными лучами, которые пробивались сквозь порванную или разрезанную ткань.

Теперь стоны и крики, доносившиеся снаружи, казались тише. И впервые после того, как римляне вошли в шатер, им удалось встретить живых людей. Живых йетайских охранников — и настороже. Увидев римлян, восемь йетайцев загорелись гневом и начали окружать их. Обнаженные мечи в их руках были покрыты кровью.

Велисарий уже собрался открыть рот, но вмешался резкий голос.

— Остановитесь! — приказал Рана Шанга.— Это римляне. Гости императора.

Мгновение спустя командир раджпутов вышел из затемненного угла и встал между римлянами и йетайцами. Его самого практически полностью покрывала запекшаяся кровь, кровью пропиталась борода, в сапогах похлюпывало. Но любой, кто в эти минуты смотрел на величественно державшегося мужчину, не стал бы сомневаться: кровь не его.

Шанга посмотрел на йетайцев сверху вниз и поднял меч. Меч, как и сам мужчина, был покрыт кровью.

— Опустите мечи! — рявкнул он.— Или я сам вас сейчас порублю!

Йетайцам, несмотря на все другие недостатки, трусость была несвойственна. Но против Шанги они выглядели, как шакалы против тигра.

Шанга даже не стал ухмыляться. Он повернулся и поклонился римлянам. Провел мечом по воздуху, делая приглашающий жест.

Вежливость, проявленная таким образом, выглядела несколько комично и мрачно одновременно, поскольку вслед за летящим по воздуху мечом летели капли незасохшей и кусочки запекшейся крови.

— Добро пожаловать, Велисарий,— Шанга взял меч левой рукой — от ножен толку больше не было — они оказались разбиты — и шагнул вперед, протягивая вперед правую руку.— Благодарю вас. От имени нас всех. Я видел контратаку. Именно она спасла нас.

Искреннюю теплоту в рукопожатии нельзя было ни с чем спутать. А также тепло двух пар темных глаз, которые смотрели друг на друга — на равных, потому что оба были высокими людьми. Но Велисарий, встретившись взглядом с Шангой, также понял стоявший в его глазах вопрос.

— Я тоже давал клятву,— произнес он тихо.

Шанга нахмурился.

— Другому императору,— римлянин говорил почти шепотом.

Раджпут прекратил хмуриться в удивлении, теперь он все понял. Тогда Велисарий почти пожалел о своих словах, поскольку знал, что открыл слишком многое. Шанга, не сомневался Велисарий, не понимал, почему римлянин поступил так, как поступил. Но он также был уверен, что раджпут его прекрасно понимает — как человека. А никого не следует бояться так, как врага, который тебя понимает.

Мгновение два будущих врага смотрели друг на друга. Затем губы Шанги изогнулись таким образом, что получившаяся улыбка удивительно напомнила наблюдавшим за ним катафрактам хитроватую улыбку их собственного полководца.

— Значит так,— произнес Шанга очень тихо — его слышал только Велисарий.— В защиту Венандакатры всегда говорят, что он не дурак. Говорят, он только спасает лицо.— Раджпут улыбнулся шире.— Похоже, у великого господина в конце концов и спасать-то нечего.

Велисарий ничего не ответил. Слегка пожал плечами, слегка вопросительно приподнял брови, сам хитровато улыбнулся.

Шанга отвернулся.

— Ты хочешь встретиться с императором? — спросил он.— Не думаю, что теперь придворные станут возражать. Навряд ли они смогут отказать в аудиенции человеку, который только что спас их головы.

Велисарий последовал за раджпутом в угол шатра, отгороженный баррикадой из мебели. Там было очень темно. Солнечный свет практически не проникал. Но Велисарий рассмотрел сидящего на полу человека средних лет, невысокого роста, плотного телосложения, одетого в богатые шелковые одежды. Его окружали другие люди примерно того же возраста и одетые почти так же. Одним из них был Венандакатра. Лицо Подлого Велисарий с трудом узнал. Теперь в нем

не осталось ничего зловещего, обычное выражение заменил полубезумный ужас.

— Ты должен извинить императора за то, что он не может принять тебя подобающим образом,— тихо сказал Шанга.— Я воспользовался его троном при строительстве баррикады.

Раджпут прошел вперед. Император и его придворные посмотрели на него снизу вверх. Под смуглой кожей индусов заметно просматривалась бледность. Лица вытянулись.

— Ваше Величество, могу ли я представить вам полководца Велисария, посла из Рима? Мы обязаны ему нашими жизнями. Он организовал контратаку, которая сломила восставших.

В это мгновение в сознание Велисария ворвался ментальный импульс Эйда — так резко и жестко, как меч входит в тело.

«Ты должен посмотреть ему в глаза. Я должен увидеть глаза императора».

Велисарий шагнул вперед, опустился на колени и простерся ниц перед императором малва. Затем поднял голову и уставился прямо в глаза Шандагупты с расстояния в два фута.

Маленькие глазки, близко посаженные, темно-карие. Немного затуманенные, словно разум за ними все еще находился в состоянии шока. Что, как подумал Велисарий, так и есть. Он подозревал, что император малва никогда не смотрел смерти в лицо с такого близкого расстояния.

Кроме этого Велисарий ничего не увидел.

Мгновение спустя Эйд высказал свое мнение. Отстраненно и безразлично.

«Ничего. Линка тут нет. Это только император».

Велисарий с трудом сдержал смех.

Глава 6

— Они — настоящие звери! — рявкнул Менандр.

Молодой катафракт имел естественный светлый цвет лица. Светлая кожа вместе с рыжеватыми волосами и голубыми глазами были продуктом готской крови, которая текла у него в венах, как и у многих фракийцев. Теперь цвет кожи не был светлым. Он стал полностью белым. Частично от тошноты. Но в основном, как думал Велисарий, от чистой ярости.

— Они убивают даже детей. Младенцев!

В отличие от Менандра цвет лица полководца сохранял свой естественный светло-оливковый оттенок. Он не мог не слышать звуков бойни, даже с расстояния в милю. И хотя — в отличие от Менандра, которого притягивало жестокое любопытство — полководец не

отправился смотреть на бойню в Ранапуре, он без труда мог представить сцену. Как и двое ветеранов, он видел подобное раньше. Более, чем один раз, правда, но никогда в таких масштабах.

Четверо римлян стояли изолированной маленькой группкой прямо перед входом в шатер императора малва. Его новый шатер, который поспешно соорудили за четыре дня, пока грабили Ранапур.

Теперь с разграблением Ранапура было практически покончено. Не из-за внезапной милости со стороны малва, а просто потому, что малва убили практически всех в городе. Даже, как сказал Менандр, младенцев.

Шел пятый день с тех пор, как малва наконец прорвались сквозь оборону города. Успешная атака произошла утром после того, как Велисарий и его люди помогли отразить атаку восставших. Та вылазка была последним броском Ранапура.

— Это наша вина,— прошептал Менандр.

Велисарий успокаивающе положил руку на плечо катафракта.

— И да, и нет, Менандр. Даже если бы восставшие убили императора, Ранапур бы все равно пал. Возможно, только через несколько недель, но преемник Шандагупты проследил бы за этим.

Очевидно, его слова не принесли облегчения. Велисарий легко вздохнул и развернул молодого катафракта, чтобы тот смотрел прямо ему в лицо. Но глаза парня смотрели в землю.

— Взгляни на меня, Менандр,— приказал он.

Катафракт с неохотой поднял голову. Велисарий едва не отпрянул от горечи и непроизнесенного укора, стоявших в молодых глазах.

— Если в этом и есть вина, то моя, а не твоя, Менандр. Я — твой полководец и я отдавал приказ.

Менандр сжал челюсти и отвернулся.

Сзади подошел Валентин.

— Это полная чушь, полководец, дерьмо, если ты простишь мои грубые слова,— произнес он резким тоном.— Вот *это* ты не приказывал.

Ветеран уже собрался что-то добавить, но Велисарий жестом попросил его помолчать.

— Дело не в этом, Валентин. Я знал, что подобное случится, когда отдавал те приказы, которые отдал. Как и раньше приказывал своим войскам штурмовать город, который отказывался сдаться.

— Это все равно не одно и то же,— пророкотал Анастасий.— Да, бывали случаи, когда твои войска выходили из-под контроля во время разграбления города. Не знаю ни одного полководца, которому бы всегда при таких обстоятельствах удавалось бы удерживать свои войска под контролем. Но ты всегда делал все возможное, чтобы восстановить дисциплину, причем как можно скорее. Включая казнь солдат, который оказались виновны в зверствах.

Огромный фракиец сплюнул на землю.

— Эти войска малва не вышли из-под контроля. Им приказали совершать зверства. Личная охрана императора показывала пример.— Он сплюнул еще раз.— Йетайские собаки.

Менандр содрогнулся. Этот жест принес некоторое облегчение. Парень потер лицо и тихо сказал:

— По крайней мере раджпуты в этом не участвуют. Мне эти люди понравились, в некотором роде, за последние недели. Мне было бы очень неприятно, если...

Валентин расхохотался.

— Не участвуют? Матерь Божия, я вчера думал, что начнется гражданская война!

Велисарий с Анастасием тоже усмехнулись. Внезапно лицо Менандра приобрело обычный цвет. На губах появилась улыбка, свойственная людям гораздо более старшего возраста.

— Это было что-то, не так ли? Когда йетайцы предложили им то, что осталось от женщин благородного происхождения. Если бы Рана Шанга не сдержал их, клянусь: вонючему императору потребовались бы другие охранники.

Менандр выпрямился, расправил плечи. Быстро, в последний раз взглянул на Ранапур.

— Со мной все в порядке, полководец,— сказал наконец.

У них за спиной, внутри императорского шатра забили барабаны. В то время как римляне для привлечения внимания и отдания приказов во время сражения трубили в трубы, малва пользовались барабанами.

— Это сигнал для нас,— объявил Велисарий.— Следуйте за мной. И помните: что бы малва ни сделали, мы — *римляне*.

* * *

Внутри шатра собралась толпа, но римлянам не составило труда сквозь нее пробраться. Высокопоставленные малва вежливо расступались перед ними. Это делали даже охранники-йетайцы, хотя не могли не бросать на римлян яростные взгляды.

— Они явно что-то для нас придумали,— пробормотал Анастасий.

В центре шатра римляне обнаружили особое почетное место, которое было оставлено для иностранных гостей. Свободным оставался и неровный круг, диаметром примерно сорок футов. Это место окружали солдаты, удерживавшие основную массу чиновников, господ благородного происхождения и военачальников на небольшом удалении. Большинство солдат состояли из охранников императора, йетайцев по национальности, но в эту избранную компанию включили и небольшую группу из пятнадцати раджпутов. Они стояли сами по

себе, прямо и с достоинством, не бросая ни единого взгляда на йетайцев, находившихся по их бокам.

Сам император восседал на троне, сделанном из какого-то неизвестного римлянам, красиво раскрашенного под мрамор дерева с твердой древесиной. Резьба выглядела изысканной — то немногое, что из нее можно было рассмотреть. Большую часть дерева покрывала шелковая обивка, остальное — золото, драгоценные камни и слоновая кость. Вокруг императора на менее изысканных стульях сидели лица из ближайшего окружения. Хотя их стулья не выглядели такими величественными, они все равно были очень хорошо сделаны. Среди лиц, окружавших императора, выделялся Венандакатра.

По диагонали, справа перед ним, сидели главные военачальники императора. Их насчитывалось восемь, располагались они двумя рядами. Все они восседали на роскошных подушках, странным образом скрестив ноги. Индусы называли эту позу позой лотоса.

Велисарий с интересом отметил, что в эту группу включен Рана Шанга. И нет господина Харши. Велисарий слышал, что бывшего главнокомандующего с позором отправили в его поместье. Если бы не кровное родство с императором, его, вероятно, казнили бы. Его место занял один из многочисленных двоюродных братьев Шандагупты Татхагата.

Велисарий быстро, но внимательно осмотрел нового главнокомандующего малва. Среднего роста, полноват, средних лет. Кроме этого, было сложно что-то прочитать в глазах с тяжелыми веками и на лице с грубыми чертами. Велисарий бросил взгляд на Рану Шангу. Раджпут сидел во втором ряду военачальников. Сидел прямо, его голова значительно поднималась над головами других мужчин. Его взгляд встретился с взглядом Велисария. Глаза Раны Шанга показались агатовыми: ничего не выражали, смотрели ровно, в них ничего нельзя было прочитать.

Слева от императора, также по диагонали от него, находилось место для иностранных эмиссаров. Там уже расположились аксумиты. Для высокопоставленных иностранцев приготовили обитые шелком стулья с плюшевыми сиденьями. Принц Эон и Гармат сидели на двух таких стульях, за их спинами уважительно стояли Усанас и два сарвена. Третий стул был приготовлен для Велисария. Он занял отведенное ему место, катафракты встали за его спиной.

— Разве не забавно? — тихо произнес Гармат после того, как Велисарий оказался рядом с ним.

Эон ничего не сказал. Молодого принца, очевидно, хорошо подготовил Гармат, поэтому его лицо ничего не выражало. Но Велисарий после долгого опыта общения мог прочитать сдержанную ярость в напряженных огромных плечах.

— Какова цель этого собрания? — спросил Велисарий.— Ты знаешь, зачем нас пригласили?

Как и Гармат, он говорил очень тихо, более того, в помещении стоял шум, которого не могло не быть в заполненном людьми шатре. И, как и Гармат, Велисарий говорил на геэзе. Они с Гарматом давно пришли к выводу, что язык Аксумского царства неизвестен малва.

— Нет,— слегка покачал головой Гармат.— Однако что-то неприятное. В этом можно не сомневаться.

Барабаны забили снова. Толпа в шатре стала затихать.

Гармат поджал губы.

— Что бы это ни было, нам по крайней мере не придется высиживать бесконечный прием,— прошептал он.— Взгляни на Венандакатру.

Велисарий посмотрел на высокопоставленного представителя малва и встретился с взглядом Подлого. Тот очень вежливо кивнул ему. Его глаза блестели.

В шатре воцарилась тишина. Венандакатра встал и пошел вперед, пока не оказался на небольшом свободном участке между окружением императора и самыми главными военачальниками и почетными гостями.

Практически сразу же после того, как Венандакатра начал говорить, Велисарий понял, что Гармат прав. По крайней мере долго ждать не придется. Венандакатра быстро разделался с обязательными словами восхищения и восхваления императора, на которые обычно тратился целый час.

Да, он потратил минуту, напоминая слушателям, что Шандагупта — это «сама луна среди королей и солнце доблести, любимое богами».

Затем еще минуту указывал на то, что шаг императора «красив, как походка отборного слона» и что он «проявил силу и мощь тигра невероятной смелости».

Перейдя к духовной стороне, Венандакатра потратил еще минуту, рассуждая о «звуках барабанов, который стали отзвуками добродетели», и на подобные описания справедливости и преданности Шандагупты.

Далее, к сожалению, он на несколько минут углубился в рассуждения о глубоком интеллекте императора. За это время впавшие в благоговение слушатели обнаружили, что Шандагупта «заставляет стыдиться всех остальных своим острым и отточенным умом, вокальными данными и владением музыкальными инструментами. Он, единственный, достоин того, чтобы о нем думали ученые. Его поэтический стиль стоит изучать».

К счастью, цитировать поэзию не стал.

Теперь, когда разглагольствования Венандакатры подходили к концу, они быстро поднялись к небесам. Он напомнил всем, что император, это:

Адхираджа, сверхправитель.

Раджатираджа, верховный царь царей.

Девапутра, сын небес.

Махати девата, великое божество в облике человека.

Затем, отбросив в сторону всю ложную скромность, добавил:

Ахинтия Пуруша, не доступная для понимания сущность.

Парамадаивата, высшее божество.

— И все это упаковано в таком толстом маленьком теле,— задумчиво произнес Гармат, глядя на сидящего на троне императора.— Кто бы догадался?

Велисарию удалось не улыбнуться. Его борьбе с самим собой помогли следующие слова Венандакатры, когда он обратил внимание на Ранапур. Вскоре стало очевидно, что именно это и является настоящей целью речи. Самой обороне Подлый посвятил всего несколько предложений, которые, по стандартам малва, были оскорблением военачальникам. Однако основной упор Венандакатра сделал на наказании Ранапура.

Велисарий слушал несколько минут, причем пораженно. Его поразила не столько сама речь, которая состояла из бесконечного, подробного любовного описания пыток, которым подвергли жителей Ранапура, а тот факт, что малва хвастаются ими публично. Даже самые злобные и жестокие римские императоры всегда старались скрыть детали своих преступлений.

Через некоторое время Велисарий закрыл сознание для проникновения в него слов. Он уже слышал описание зверств малва — не от улыбающегося Подлого, а от бледного, сжимавшего зубы Менандра. Велисарий знал о сажании на кол, сожжении, о том, как людей разрывали на части впряженные в разные телеги мулы, как их скармливали тиграм, как их топтали слоны, а также, к особой радости императора, о мужчинах и женщинах, чьи руки и ноги отрывал специально обученный боевой слон. Как слышал Велисарий, этого слона императору подарил Венандакатра.

Он обратился внутрь себя и позвал Эйда.

«Эта невероятная жестокость — работа сущности, которую ты называешь Линк?»

Ответ пришел немедленно, но не содержал никаких сомнений и путаных объяснений, которые были часто свойственны ответам Эйда.

«Нет. Линк не жесток. Линк — машина. Для нее жестокость ничего не значит. Только результаты».

«Значит, ее потребовали новые боги?»

Немного колебаний. Совсем немного.

«Мы... так не думаем. Они... слишком холодны. Им также нужны только результаты. Но...»

Мысль распадалась на фрагменты. Велисарий поймал достаточно, чтобы понять.

«Да. Им нужны только результаты и жестокость не доставляет им никакого личного удовольствия. Но результатов можно достичь многими способами. А они естественно выбирают эти средства. Их естественный ответ на сопротивление: убивай, режь, наводи ужас».

«А Великие? Каков их естественный ответ, когда они хотят добиться результатов, а другие им сопротивляются?»

Молчание. Затем Эйд ответил гораздо более неуверенно:

«Трудно объяснить. В некотором роде они еще холоднее. Они просто принимают сопротивление и пытаются направить его по определенному пути. Возможно, именно поэтому они и создали нас, а мы являемся самыми холодными из всех существ. Мы имеем разум, в отличие от компьютеров. Но, как и компьютеры, нас нельзя назвать живыми существами».

Очень неуверенно:

«Про крайней мере, мы не думаем, что мы — живые. Мы не уверены».

Эйд замолчал. Велисарий знал, что больше он от него ничего не услышит, по крайней мере сейчас. Он думал о разговоре с кристаллом, пока Гармат не вернул его к настоящему.

— Он заканчивает,— прошептал аксумит.

— В своей божественной работе великий Бог-На-Земле привлек на свою сторону все силы Вселенной. Даже в тот момент, когда силы зла уже думали, что победят, он заставил гнев иностранных союзников пасть на них. И таким образом демоническое восстание было подавлено!

Венандакатра слегка махнул рукой. Четверо крепких на вид официальных лиц шагнули вперед, пошатываясь. Они несли сундук. Поставили сундук перед Велисарием. Трое отступили.

Венандакатра показал на сундук театральным жестом:

— Велика награда тем, которые радуют Бога-На-Земле!

Четвертый мужчина схватился на крышку и открыл ее, демонстрируя содержимое сундука всем собравшимся. Затем тоже отступил в сторону.

Находившиеся достаточно близко охранники и чиновники резко вдохнули воздух. Сундук был до краев заполнен золотыми монетами, жемчугом, бриллиантами, изумрудами, сапфирами, рубинами и красиво обработанным нефритом.

Велисарий с трудом сдержался, чтобы самому не вдохнуть резко воздух и не вскрикнуть. Он никогда не страдал от жадности, хотя был достаточно практичным, чтобы предпочитать богатство бедности. Но его все равно поразил подарок. Содержимое этого сундука фигурально являлось царской долей участника кампании.

Или, скорее, царской взяткой.

Мгновение он боролся, но не с жадностью. Пока он не был уверен, что справился с приступом ярости, Велисарий не поднимал головы, невидящими глазами глядя в сундук, словно его ослепило внезапное богатство.

Как часто случается в подобных схватках, в качестве оружия Велисарий выбрал юмор. Велисарий напомнил себе, что если жадность никогда не являлась его пороком, то ему был свойствен другой грех. Чувство долга и честь сами по себе не являются грехом. Но тщеславие является.

Он вспомнил раскрасневшиеся и злые лица Бузеса и Кутзеса, двух молодых полководцев, чью смелость оскорбил персидский господин благородного происхождения. В тот раз Велисарий задумался, почему разумного человека волнует, что какой-то персидский павлин — да к тому же еще и враг — думает о его смелости.

«Так почему я должен волноваться, что павлин малва думает о моей чести?»

Он поднял голову и широко улыбнулся. Встал, поклонился Венандакатре, простерся ниц перед императором. К тому времени, как он снова занял свое место, шатер гудел от голосов собравшейся элиты малва.

— Будет что-то еще,— тихо произнес Гармат. Его губы едва шевельнулись.

Велисарий почти незаметно кивнул.

— Конечно,— так же тихо ответил он.— Вначале взятка. Затем проверка.

Он почувствовал шевеление позади толпы. Словно кто-то с силой пробирался вперед. Или его толкали вперед.

Даже до того, как Венандкатра заговорил, Велисарий знал, какая проверка его ждет. На него снова нахлынул приступ ярости, гораздо более сильной, но он тут же справился с ним. Единственным показателем ярости стало обращение к Гармату на арабском вместо геэза:

— Интересно, почему жестокие люди всегда думают, что у них есть монополия на безжалостность?

Мгновение они с Гарматом смотрели друг на друга. Гармат ничего не сказал, но Велисарий узнал слегка скривившуюся губу. Как и большинство аксумитов, Гармат обладал чувством юмора. Но он также ценил поэзию, этот талант он унаследовал от матери. Он знал, почему Велисарий произнес последнюю фразу на арабском. Хотя некоторые малва владели этим языком, они не поймут значения слов. Только наполовину араб, наполовину аксумский бандит поймет. Головорез из пустыни, который выбрал служение иностранному черному царю, покорившему южную Аравию. Не из-за трусости или жадности, а трезвого понимания, что это — лучший путь для его народа. Обоих его народов.

Стоящие кругом в центре шатра охранники расступились. В центр подтолкнули небольшую группу пленников. Пленников быстро и грубо выстроили в одну линию перед Венандакатрой и заставили встать на колени. Их было шесть человек: мужчина средних лет, женщина средних лет, трое молодых мужчин и девушка не более чем пятнадцати лет. Они были одеты в грубые туники, их руки крепко связали за спиной. Все они, судя по выражениям опущенных в землю глаз, находились в полубессознательном состоянии, но никто из них, казалось, не пострадал физически.

Голос Венандакатры прозвучал резко и громко:

— Правитель восставшего Ранапура! И его семья! Они — единственные пережили гнев Бога-На-Земле! Великий Шандагупта решил оставить их, как подарок благословенным иностранцам!

И Венандактра показал на Велисария.

По шатру прокатился одобрительный рев. Велисарий почувствовал на себе блестящие глаза собравшихся малва. За спиной почувствовал, как напрягся Менандр. И Менандра тут же успокоил Анастасий.

— Ничего, парень. Это ловушка,— тихо проворчал гигант.

Венандакатра сверху вниз улыбнулся Велисарию. Его глаза казались яркими камнями. Он снова театральным жестом показал на пленников.

— Делай с ними все, что захочешь, Велисарий! Покажи нам, как римляне подавляют восстание! — И добавил с усмешкой: — Девчонка даже еще девственница.

— Валентин! — тут же сказал Велисарий.

Катафракт шагнул вперед. Бросил беглый взгляд на пленников, потом повернулся к ближайшему охраннику-йетайцу и протянул левую руку. Йетайец улыбался, как волк.

— Шелк.

Улыбка сошла с лица. Йетайец нахмурился в удивлении. Но, чувствуя на себе взгляды малва, тут же снял с шеи платок. Небольшой кусок шелка, выкрашенный в красные и золотые цвета династии. Подобный шейный платок указывал на его положение в императорской охране.

Как только платок оказался в левой руке Валентина, в правой появился меч. Магически для тех, кто никогда раньше не видел, как быстро Валентин умеет доставать меч. Катафракт резко развернулся, поднял руку, взмахнул ею.

Удар. Удар. Удар. Удар. Удар. Удар.

Венандакатра завизжал, зашатался, пытаясь уклониться от фонтанирующей крови. Она заливала его из шести шей, с которых были снесены головы. Нога Венандакатры попала на одну голову, катящуюся по полу. Он потерял равновесие и грохнулся на колени еще одного родственника императора. Тот заорал от удивления и злости и стол-

кнул Венандакатру со своих колен. Затем, как и все малва, сидящие рядом с императором, как и сам император, быстро поднял ноги в тапочках, чтобы дорогая вещь не пропиталась кровью, лужа которой уже растекалась по полу. Хотел спастись от ужасного загрязнения, которое уже покрыло Венандакатру.

В шатре воцарилось молчание. Валентин спокойно вытер кровь со своего меча шелковым платком. Он не колебался, вытирая меч, не более, чем фермер, когда скармливает помои свиньям. Работа сделана. Валентин протянул руку, отдавая платок назад владельцу. Йетайский охранник сжал зубы от ярости, схватился за рукоятку собственного меча и гневно уставился на Валентина.

Затем замер на месте, встретившись в взглядом холодных, пустых глаз. На узком лице катафракта начисто отсутствовало выражение. Но йетайец видел меч в его правой руке. Опущенный, не поднятый. Катафракт небрежно держал его, не сжимал, но тем не менее меч все еще находился у него в руке. Тонкой, жилистой, быстрой, как ласка, руке.

Йетайец схватил платок. Валентин поклонился ему, не очень низко, просто слегка склонил голову. Затем поклонился всем йетайским охранникам, стоявшим по кругу. Они ответили на поклон с горящими глазами и сжатыми челюстями.

Когда Валентин, медленно и торжественно кланяясь по кругу, дошел до небольшой группы раджпутов, то поклонился значительно ниже. Они, со своей стороны, поклонились в ответ еще ниже. На самом деле так низко, что никто не мог видеть их лиц.

Когда раджпуты выпрямились, их выражения не демонстрировали ничего, кроме уважения и серьезности. Но Велисарий подумал, что им повезло: пол шатра застлан ковром, а не покрыт зеркалами. Или, он не сомневался, собравшуюся компанию ослепили бы улыбки, которые на мгновение появлялись в густых бородах.

Валентин занял свое место, уважительно встав позади полководца. Представители малва быстро бросились вперед, чтобы убрать тела и кровь. Поскольку грязную работу на этот раз выполняли высокопоставленные чиновники, непривычные к работе низших классов, у них не очень хорошо получалось.

Велисарий игнорировал их. Он игнорировал шокированный шепот собравшихся в шатре представителей малва. Игнорировал ярость на лицах йетайцев. Игнорировал повторяющиеся яростные вопли Венандакатры. Он просто неотрывно смотрел на императора.

Шандагупта в свою очередь тоже смотрел на него. Велисарий встал, снова простерся ниц и встал прямо.

— Таким образом римляне расправляются с врагами, великий Шандагупта,— тихо сказал он.— Как ты и приказал мне, Бог-На-Земле.

Глава 7

— Не уверен, что это было разумно, Велисарий,— сказал Эон.

Аксумский принц сидел на покрытом ковром полу своего шатра. После долгих недель проживания бок о бок с Шакунталой Эон пришел к выводу, что поза лотоса является самой удобной во время обсуждения серьезных вопросов. Он стал заниматься йогой, которой она также обучала его. Эон утверждал, что поза лотоса и занятия йогой помогают ему концентрироваться.

Велисарий бросил быстрый взгляд на сарвенов. Истинные африканцы Эзана и Вахси прочно сидели на небольших стульчиках, которые предпочитали их соплеменники. Да, эти стулья не были простыми деревянными африканскими, а богато обитыми в индийской манере. Но при сложившейся ситуации других аксумским солдатам раздобыть не удалось.

Велисарий знал, что сарвены косо смотрят на то, с каким энтузиазмом их принц воспринял некоторые странные индийские обычаи. Но они не возражали, пока принц не принял возмутительную индийскую идею о том, что монархи являются божественными созданиями, а не простым инструментом, обеспечивающим благосостояние и благоденствие своего народа. Но опасности, что Эон примет эту бредовую идею, не было. Она противоречила самому складу характера Эона, даже если бы не...

Велисарий улыбнулся и бросил быстрый взгляд на Усанаса. Давазз, как и принц, тоже сидел в позе лотоса. Его любимое выражение — когда находишься в Риме, делай все так, как делают римляне — являлось второй натурой Усанаса. Если бы он оказался в стае львов, Велисарий не сомневался: Усанас тут же принял бы их звериные привычки, вплоть до поедания сырого мяса, и убил бы вожака стаи, чтобы занять его место. Хотя может быть — только может быть — не стал бы совокупляться со львицей.

Усанас сидел рядом с принцем. За ним — из уважения. Не очень далеко, на тот случай, если принц сморозит какую-нибудь глупость и Усанасу придется давать Эону подзатыльник.

Велисарий заметил, как рука давазза дернулась.

— Думаю, совсем глупо,— повторил Эон.

В голосе принца не прозвучало упрека, просто на плечах молодого человека лежала большая ответственность, которая его беспокоила, и он пытался определить лучший курс действий, не имея долгого опыта за плечами.

— Чушь,— твердо заявила Шакунтала.— Все прошло идеально.

Как и всегда, когда наследница династии Сатаваханы говорила на политические темы, ее голос звучал твердо, как сталь. Она была еще

моложе Эона, и на ее худеньких плечах лежала даже большая ответственность, но...

Велисарий сдержал улыбку, глядя на Шакунталу. Если бы она заметила улыбку, Велисарий знал: молодая императрица оскорбилась бы. Она не была надменной монархиней — по крайней мере по индийским стандартам. Но ее формировала культура, в которой отсутствовала римская, а уж тем более аксумская неформальность в общении с представителями правящей династии. Ее до сих пор, даже после многих недель участия в частых военных советах, которые проводились в шатре Эона, явно поражала свободная манера, в которой римские и аксумские подчиненные высказывали свое мнение — даже свою критику! — тем, кто стоял выше них.

Импульсивное желание улыбнуться прошло. Все еще наблюдавший за Шакунталой Велисарий знал, что повелительные манеры Шакунталы имели в своей основе более глубокие корни, чем традиция. Ему нравилась Шакунтала — в своем роде. И он, как и все в небольшой группе римлян и аксумитов, понял, что его непреодолимо притягивает ее магнетическая личность. Он не обожал девушку, как ее собственное окружение из женщин народности маратхи. Но ему было несложно понять это обожание.

Несколько месяцев назад, объясняя своим скептическим союзникам причины, почему им следует так сильно рисковать, чтобы спасти императрицу у захвативших ее в плен малва, Велисарий сказал им, что она станет величайшей правительницей Индии. Она заставит малва выть, объявил он им.

После недель — теперь уже месяцев — в ее компании они больше не высказывали скептицизма по этому поводу.

Шакунтала прямо посмотрела на Эона.

— Что бы ты хотел, Эон? Что он, по-твоему, должен был сделать?

Как решил Велисарий, это была уступка обычаям союзников — она пыталась объясниться, а не просто отдавала приказы. Затем еще подумав, он изменил свое мнение. Девушка по-своему искренне принимала лучшие аспекты иностранных обычаев и традиций. Ее отличал исключительный ум, и она сама видела, какое несчастье случилось с ее собственной династией, которая не желала отходить от традиций для того, чтобы адекватно ответить брошенному малва вызову. И кроме всего прочего, ее обучал и тренировал Рагунат Рао, являющийся квинтэссенцией маратхи.

— Что еще можно было сделать? — спросила она.— Если бы он отказался казнить их, то это противоречило бы тщательно создаваемому нами имиджу человека, раздумывающего о предательстве. Вся эта кропотливая работа пошла бы насмарку — и твоя работа также, Эон, ты ведь все это время притворяешься жестоким зверем, челове-

ком со звериными инстинктами, который не думает ни о чем, кроме удовлетворения собственной похоти. Месяцы работы, теперь уже почти год. И ради чего?

Ее голос был полон холодного императорского упрека.

— Ради чего? Милости? Неужели ты думаешь, что Шандагупта разрешил бы оставить в живых правителя Ранапура и его семью? Чушь! Их бы просто увели в другое место и пытали до смерти. А так они умерли быстро, так быстро, как только возможно. Безболезненно, судя по тому, что ты описал.

Императрица бросила быстрый одобрительный взгляд на Валентина. Катафракт стоял с одной стороны группы совещающихся начальников, вместе с Анастасием и Менандром. Им предложили стулья, но они вежливо отказались от них. У букеллариев Велисария были свои, въевшиеся в кожу привычки, которые им вдалбливал их командующий Маврикий. Они вели себя естественно и свободно в компании своего полководца и были готовы высказывать свое мнение. Но они не садились в присутствии полководца, если обсуждались вопросы государственной важности.

Эон раздраженно пожал плечами.

— Я знаю это, Шакунтала! — рявкнул он.— Я не...

Он прикусил язык, сделал глубокий вдох, успокоился. Но когда снова посмотрел на императрицу, глаза его все еще горели.

— Мы, аксумиты, не так быстро принимаем решение о казни, как вы, индусы,— проворчал он.— Но мы также не являемся нежными овечками.

Двое молодых людей обменялись гневными взглядами, одна монаршая воля соперничала с другой. Теперь Велисарию было очень сложно не улыбнуться. В особенности когда стало очевидно, что соперничество затянется.

Он украдкой посмотрел на Гармата и понял, что совстник ведет свою собственную борьбу, чтобы не показать, как ему забавно на них смотреть. На мгновение он встретился взглядом с Усанасом. Лицо давазза не было видно молодым монархам, которые сидели перед ним, поэтому он широко улыбнулся.

Эон и Шакунтала тесно общались друг с другом на протяжении нескольких недель после того, как Велисарий и его союзники освободили наследницу династии Сатаваханы. Очень тесно.

Весь план придумал Велисарий. После того как Рагунат Рао убил ее охранников из махамимамсов во дворце Венандакатры, он спрятал Шакунталу в шкафу в гостевых покоях, перед тем как увести погоню по индийским лесам и горам. Аксумиты прибыли во дворец Подлого вместе с римлянами менее чем через двое суток и заняли гостевые покои, потом украдкой вывели Шакунталу из дворца. Ее замаскиро-

вали под одну из многих наложниц Эона, и с тех пор она проводила все время или в установленном на слоне паланкине, или в его шатре. По ночам она всегда спала, прижавшись к телу Эона, на тот случай, если кому-то из шпионов малва вдруг случайно удастся заглянуть в шатер принца.

Велисарий размышлял на досуге, не перейдет ли это постоянное пребывание в компании друг друга в страсть. Оба были молоды и здоровы, полны огромной жизненной силы и каждый в своем роде исключительно симпатичен. На первый взгляд эта ситуация могла разрешиться только одним способом.

Но, как он знал от Усанаса и Гармата, реальность оказалась гораздо сложнее. Не было сомнений, что Эон и Шакунтала искренне взаимно симпатизируют друг другу, причем симпатия быстро стала довольно сильной. С другой стороны, каждый имел хорошо развитое (хотя и различное) чувство монаршего долга. Шакунтала, хотя она сдерживалась от выражения этого, очевидно ненавидела свое зависимое положение. Эон со своей стороны чувствовал еще большую напряженность, отказываясь делать что-либо, что, как он думал, может быть использованием своего преимущества.

У них обоих также имелись обязанности перед другими людьми. Перед встречей с Шакунталой Эона уже привлекла Тарабай, одна из женщин из народности маратхи, которых аксумиты встретили в Бхаруче. До появления Шакунталы именно Тарабай каждую ночь спала в объятиях принца, и в отличие от Шакунталы их отношения с принцем не были платоническими. С тех пор, хотя Шакунтала часто выражала готовность смотреть в другую сторону, Эон с Тарабай оставались целомудренными. Эон из чувства монаршего приличия, Тарабай из-за неизбежной робости, свойственной женщинам низкого происхождения в присутствии своей императрицы.

Таким образом Эон оказался пойманным в красивый капкан: молодой здоровый мужчина, окруженный красивыми женщинами практически круглосуточно, жил жизнью монаха. Сказать, что он испытывал расстройство,— это не сказать ничего.

Со своей стороны Шакунтала тоже разрывалась, но по-другому. Гармат и Усанас не были уверены, потому что императрица очень редко говорила об этом человеке, но подозревали, что чувства Шакунталы к Рагунату Рао значительно глубже, чем восхищение ребенка своим учителем. Рао занимался с нею с семи лет. Один из самых известных воинов-маратхи практически выступал в роли отца, может, лучше сказать дяди. Но несмотря на всю разницу в возрасте, теперь Шакунтала стала женщиной, а Рао был настолько привлекателен, насколько может быть привлекателен мужчина в самом расцвете сил — он только-только входил в средний возраст. А поскольку он

никак не был связан с нею кровными узами, не возникало препятствий для перерастания их отношений в романтические.

За исключением суровых, непререкаемых, давно въевшихся в плоть индийских обычаев. В особенности того странного (как на взгляд римлян, так и аксумитов) упрямства относительно чистоты крови и избежания загрязнения. Шакунтала происходила из одного из древнейших родов, имела чистейшую родословную кшатриев. В то время как Рао, несмотря на всю свою славу, был только лишь военачальником, даже скорее атаманом, да еще и из маратхи — приграничной народности, и не знал более двух поколений своих предков.

Поэтому она, как и Эон, попала в капкан между чувством и честью. Это был другой капкан, но его зубцы оказались не менее крепкими.

В конце концов, как знал Велисарий, двум молодым людям удалось выстроить отношения, которые в некотором роде напоминали отношения брата и сестры. Очень близкие, очень интимные — которые часто разбавляли вспыхивающие ссоры.

Он увидел, что взгляды не смягчаются. Решил вмешаться.

— Пожалуйста, объясни свою позицию поподробнее, Эон.

Принц оторвал взгляд от Шакунталы. Когда он смотрел на Велисария, гнев из глаз пропал.

— Я не критикую твою безжалостность, Велисарий. Как раз наоборот,— он бросил быстрый гневный взгляд на императрицу.— Я раздумываю, проявил ли ты достаточную жестокость.

Велисарий пожал плечами.

— Что мне следовало сделать? Пытать их? Знаешь ли, мне пришлось бы это делать самому. Валентин бы отказался. Как и Анастасий с Менандром. Они — катафракты. Пытки — ниже их достоинства.

Это было не совсем правильно. Ни Валентин, ни Анастасий ни в коей мере не были разборчивыми или брезгливыми, и им обоим в прошлом приходилось неоднократно применять к захваченным в плен солдатам методы допроса, которые более нежные люди назвали бы безжалостными. Но на самом деле Велисарий не был уверен, что Валентин подчинился бы, если бы он приказал ему пытать ту семью для развлечения малва. Возможно, катафракт бы подчинился, но сделал бы все быстро и грубо, что оставило бы аппетит малва неудовлетворенным. Но Велисарий нисколько не сомневался: это было бы последним, что катафракт когда-либо сделал бы для него.

Эон сжал челюсти и махнул рукой так, словно отмахивался от нелепого предложения.

Но Велисарий не смягчился.

— И что тогда? Это был мой выбор. Мой единственный выбор.

Эон вздохнул. Его плечи опустились.

— Я знаю. Я был там. Но...— он вздохнул сильнее.— Боюсь, Велисарий, ты все равно выдал наш заговор. Или по крайней мере так оскорбил малва, что они больше не станут тебя привечать.

Велисарий уже собрался ответить, но его перебил Усанас:

— Ты ошибаешься, Эон. Ты совсем не понимаешь малва.

Давазз лениво поднялся и встал там, откуда его мог видеть принц.

— Ты следил за Венандакатрой, мальчик. В этом твоя ошибка.

Появилась широкая улыбка.

— Конечно, естественная ошибка! Он выглядел так комично, когда прыгал подобно жирной курице, запачканной собственными расколотыми яйцами. Мне самому было сложно не насладиться приятным зрелищем.

Все, присутствовавшие при сцене, усмехнулись. Усанас продолжал говорить:

— Но все равно ошибка. Тебе следовало следить за императором. И — что еще важнее — за его другими советниками. Как делал я.— Он улыбнулся, глядя сверху вниз на Велисария.— Конечно, императора парализовало. В большей степени взглядом Велисария, чем пролитой кровью. Что хорошо. Теперь он впервые начнет бояться Велисария — как боится Венандакатра.

— Почему это хорошо? — спросил Эон.— Страх заставит его...

— Делать что? Лично избегать римлян? О, конечно. У императора есть подчиненные, чтобы делать эту работу. Но неужели ты думаешь, что он станет избегать римлян политически? Как раз наоборот, Эон. После того как император приведет нервную систему в порядок, можешь не сомневаться: он поставит во главу угла вопрос подкупа Велисария.

— Почему? — нахмурился Эон.

— Это просто, принц,— ответил Гармат.— Потенциальный предатель привлекателен прямо пропорционально его достоинствам. Подозреваю, что до сегодняшнего дня никто из высокопоставленных малва за исключением Венандакатры не видел в Велисарии ничего, кроме не имеющего значения иностранца. Несмотря на всю их утонченность, индусы, как правило — и малва в особенности,— довольно провинциальные люди. Или, может, лучше сказать — они так высоко думают о себе, что недооценивают иностранцев.

Шакунтала утвердительно кивнула. Гармат продолжал говорить.

— Конечно, я не уверен — я ведь никогда не присутствовал на совещаниях высокопоставленных малва — но подозреваю, что Венандакатре несмотря на приложенные усилия не удавалось убедить придворных в том, что этот странный варвар,— он показал на Велисария,— стоит серьезного внимания. Вы не могли не заметить, что император с момента нашего появления держал нас на расстоянии. На грани глубокого неуважения.

Гармат развел руками и улыбнулся.

— Могу заверить вас: теперь все изменится. Причиной сегодняшнего шоу было решение императора наконец позволить Венандакатре доказать свою точку зрения. Что он и сделал, хотя и с не самыми приятными последствиями лично для себя.

Все снова усмехнулись.

— Слушай своего советника, мальчик,— добавил Усанас.— Ты слишком много думаешь о Венандакатре. В этом твоя ошибка. Да, Венандакатра в ярости, как и всякий самовлюбленный человек, поставленный в неловкое положение. Но даже он после того, как придет в себя, поймет: случившееся может служить его интересам. В конце концов он же оказался прав, не так ли? Разве этот гротескный полуварвар, иностранный полководец не впечатляет? — Давазз весело рассмеялся.— О, да. На императора случившееся произвело большое впечатление! Но что еще важнее — так это другие советники. Как я сказал, я внимательно наблюдал за ними. После того как они оправились от удивления и удостоверились, что их драгоценные тапки не пострадают, они неотрывно смотрели на Велисария,— он снова рассмеялся.— С большим интересом, мальчик. О, с очень большим. С таким интересом, какой проявляет скупец, когда внезапно обнаруживает, что кусок гальки на самом деле является золотым самородком.

Эон все еще хмурился. Гармат вздохнул и сделал еще одну попытку.

— Послушай меня, Эон. Я говорю из опыта арабского кочевника, который торговался о цене с возраста четырех лет. Если ты хочешь получить лучшую цену за свой товар — что в случае Велисария — предательство,— то ты должен сделать больше, чем просто показать, что ты назначил цену. *Это* Велисарий уже сделал, в намеках Венандакатре на протяжении последних месяцев и приняв золото императора. Но затем — *затем* — ты должен показать, что твоя стоимость очень высока. Потому что чем выше цена, тем более ценным является товар.

Эон все еще хмурился.

— Глупый мальчишка! — рявкнул Усанас.— Император думал купить себе еще одного палача, каких у него уже полным полно. Велисарий показал ему правду, когда приказал эту казнь. Если император хочет его заполучить, он может его заполучить — только если император готов платить цену за полководца. Которых, судя по имеющимся данным, у него очень мало.

Усанас снова широко улыбнулся.

— О да, мальчик,— не сомневайся в этом. Сегодня вечером, прямо сейчас, когда мы тут совещаемся, другие совещаются в шатре императора. Убеждают его заплатить цену.

Глава 8

— А что, ты думал, он сделает, Венандакатра? — рявкнул Татхагата.— Станет заискивать перед Шандагуптой, отрезая носы у ранапурских собак собственным мечом? Публично насиловать ранапурских шлюх?

Главнокомандующий армии малва выпрямился на стуле.

— Этот человек — полководец, дурак. Не махамимамса.— Он добавил надменно: — Я сам сделал бы то же самое.

С расстояния, где он сидел в соответствии со своим положением вместе с другими менее важными официальными лицами, Рана Шанга внимательно осматривал тучную фигуру Татхагаты. Главнокомандующий вместе с высшим офицерским составом и высокопоставленными чиновниками занимал выставленные полукругом стулья, глядя на сидящего на троне императора.

«Вонючий лжец,— думал Рана Шанга.— Ты бы с радостью пытал правителя Ранапура. И изнасиловал как его жену, так и дочь. Да и сыновей тоже. Конечно, при условии, что у тебя бы встал».

Ничто из этих мыслей не отразилось у него на лице, но Шанга находил вид Татхагаты таким отвратительным, что отвернулся. По его мнению, Татхагата был ничем не лучше Харши. Может, немного менее некомпетентен, как полководец, но еще более подл, как человек.

Его взгляд упал на Дживиту, второго по значению военачальника в империи малва. Ненадолго, затем Шанга отвел его. Дживита был соткан из той же материи. Шанга перевел взгляд на человека, сидевшего в самом конце того небольшого ряда. Тут его взгляд задержался. Из всех кшатриев малва, монополизировавших посты высших военачальников в империи малва, Шанга искренне уважал только Дамодару.

Раджпут отвернулся и легко вздохнул. К сожалению, несмотря на все свои способности, Дамодара являлся только дальним родственником императора. На самом деле Шанга удивлялся, что Дамодаре удалось добраться до его теперешнего положения — он занимал шестой по значению пост в армии. Выше он не поднимется, если только не случатся внезапные потери или военные провалы не перевесят династические чувства малва.

«Что вполне может случиться после того, как мы атакуем Персию и Рим,— подумал он.— В особенности...»

К его удивлению, он услышал свое имя. Его произнес Дамодара.

— Мне бы хотелось выслушать мнение Рана Шанги по этому вопросу. За исключением Венандакатры, он общался с Велисарием больше, чем кто-либо из нас. И он сам полководец и может похвастаться большими военными достижениями.

Венандакатра уже начал яростно возмущаться тем, что кому-то пришла в голову мысль спросить мнения какого-то раджпута в такой почетной компании, но император резко оборвал его.

— Замолчи, Венандакатра! — рявкнул Шандагупта.— Я сам хочу послушать мнение Рана Шанги.

Пристыженный Венандакатра шлепнулся на стул.

Рана Шанга вышел в центр шатра. Простерся ниц перед императором, встал, отступил на несколько шагов так, чтобы его могли видеть и император, и его главные советники.

— Так что ты о нем думаешь? — повторил Дамодара.

Шанга колебался долю секунды. Затем расправил плечи и заговорил твердым голосом. Он был раджпутом.

— Я не представляю, как бы Велисарий поступил по-другому. По трем причинам.

«Если что-то нужно сделать, делай это хорошо».

— Во-первых, его честь. Ни один полководец с таким именем не может позволить запятнать свою честь. Пытать пленников при таких обстоятельствах — даже приказывать сделать это своим солдатам — опустило бы его до уровня...

«Осторожно. Они ценят своих грязных махамимамсов».

— ...простого слуги. Представителя низшего класса. С таким же успехом его можно было бы попросить вычистить императорские конюшни.

Он замолчал. Малва кивнули, соглашаясь.

— Во-вторых, его репутация. Если бы он отказался разобраться с пленниками, это запятнало бы его репутацию. Он прослыл бы нерешительным человеком, не готовым проливать кровь. Ни один полководец не может позволить такое пятно на своей репутации. Определенно не такой, как Велисарий, который, если вы не знаете, имеет потрясающую репутацию у себя на родине. И в странах его врагов.

Рана Шанга снова замолчал. Теперь большинство малва робко кивали, за исключением Дамодары и двух или трех других. Было очевидно: лишь немногие из них потратили усилия, чтобы узнать что-то о Велисарии, хотя такую информацию было несложно получить от прекрасного шпионского аппарата малва.

— Для него отказ казнить пленников означал бы отсутствие силы воли. Склонность уклоняться от необходимых действий, дрожать при виде бойни.

Больше никто не колебался, кивая. Официальным лицам малва не требовалось объяснять ценность репутации жестокого человека.

— В-третьих, его мужество.

Здесь они его совершенно не поняли, за исключением — как он думал — Дамодары. Шанга сделал глубокий вдох и объяснил:

— Именно мужеством объясняется мгновенность казни и — в других случаях неизвиняемая — манера ее проведения. Он не предупредил господина Венандакатру и не отвел пленников в сторону, чтобы кровь восставших не запятнала уважаемых господ. И...

«Нужно сохранять уважительное выражение лица. Сделай это».

— ...полное отсутствие уважения, продемонстрированное охранникам императора из йетайцев.

Рана Шанга замолчал и осмотрел слушателей. Они все еще не понимали. Шанга вздохнул, сделал глубокий вдох и объяснил очевидное:

— Нельзя поставить человека типа Велисария в такое положение и ожидать, что он отреагирует каким-либо способом, отличным от того, который демонстрирует всем собравшимся его бесстрашие и ярость. Господин Венандакатра решил поставить полководца Велисария в такое положение, которое ясно выражало презрение к нему. Это было ошибкой. Человек, подобный Велисарию, будет терпеть презрение не больше, чем тигр.

Понимание появлялось, но все равно не до конца. Шанга выразился еще яснее:

— Господа, великий император. Вы, если пожелаете, можете дразнить тигра в клетке, чтобы проверить, есть ли у него когти. Однако если вы это делаете, проверьте, чтобы у вас была длинная палка.

Теперь все официальные лица рассмеялись, за исключением Венандакатры. Венандакатра гневно уставился на раджпута и метал в него взгляды-молнии, пока уголком глаза не заметил, что император тоже смеется. Рана Шанга, с трудом сдерживая смех, наблюдал за борьбой на лице Венандакатры между инстинктивной злобой и просчитанным своекорыстием.

Своекорыстие выиграло. Венандакатра присоединился к смеху и сделал жест, словно умалял собственное достоинство. Затем встал и выступил:

— Я согласен с Раной Шангой. Я много раз говорил вам о характере и горячности Велисария. Возможно, теперь вы прислушаетесь к моим словам.— Он снова сделал умаляющий жест.— Мне самому следовало слушать себя. Боюсь, я позволил вашему скептицизму заразить меня.

Теперь его смех стал более насыщенным после того, как он донес до других свою точку зрения. Венандакатра уныло улыбнулся, благосклонно кивнул раджпуту.

— Спасибо, Рана Шанга, что напомнил мне об опасности тигриного укуса,— сказал он.— Уверяю тебя, в следующий раз я воспользуюсь очень длинной палкой.

Так его отсылали прочь. С облегчением Рана Шанга уже стал поворачиваться. Затем, напомнив себе о своей чести, повернул назад.

«Я дал клятву».

— Я также должен сказать...

— Достаточно, Шанга! — рявкнул Татхагата. Главнокомандующий малва насладился неловкостью Венандакатры, но ведь после того, как все сказано и сделано, этот парень — простой раджпут.

Шанга стоял не двигаясь.

— Достаточно! — взревел Татхагата.

Шанга пожал плечами, хотя и очень легко, снова пал ниц перед императором и занял свое место в дальнем конце.

Татхагата уже собрался выступить, но его перебил Дамодара:

— Могу ли я предложить, уважаемые малва, сделать небольшой перерыв для отдыха? Мы все немного устали.

Татхагата бросил взгляд на императора. Шандагупта кивнул:

— Хорошо. Мы продолжим через час.

* * *

За стенами шатра, куда Шанга вышел, чтобы вдохнуть свежего воздуха, к нему вскоре присоединился Дамодара.

— Скажи мне,— приказал военачальник из малва.

Шанга вздохнул. Он, с одной стороны, надеялся, что Дамодара спросит. С другой — боялся.

«Я дал клятву».

— Говори прямо, Шанга. Тебе не нужно бояться последствий. Не с моей стороны.

Раджпут посмотрел сверху вниз на невысокого полного военачальника. По стандартам малва Дамодара был молод для такого положения. Возможно, ближе к сорока. Но, как и все представители династии, которые по праву рождения становились главными военачальниками, он не был воином. Тем не менее...

«Я дал клятву».

— Венандакатра совершенно не понял Велисария, господин Дамодара. Все это обсуждение — фарс,— Шанга показал на шатер.

Дамодара нахмурился. Не от злости, просто пытался сконцентрироваться.

— Объясни.

— Нет шанса — никакого! — что Велисарий предаст Рим.

Глаза Дамодары округлились. Он даже отшатнулся на полшага. Шанга продолжал объяснять.

— Он играет с Венандакатрой. Он не собирается вступать в союз с малва. Он просто пытается получить наше расположение, затесаться в наши ряды как можно глубже, втереться нам в доверие, чтобы украсть как можно больше наших секретов, перед тем как вернуться в Рим.

Дамодара отвернулся, задумчиво потрепал бороду.

— Ты думаешь... Откуда ты знаешь? Он что-нибудь говорил тебе?

Шанга покачал головой.

— Нет, он ничего такого не говорил. Но я знаю этого человека, господин Дамодара. Предательство не в его характере.

Дамодара быстро внимательно взглянул на Шангу. Несмотря на воспитание в традициях малва, он кое-что знал о кодексе чести раджпутов. Он не разделял этих взглядов — как и никто из малва — но в отличие от большинства он понимал этот кодекс чести. Губы Дамодары язвительно скривились.

— Тем не менее, по твоим собственным словам, Велисарий не опустится до работы низших классов. А теперь ты утверждаешь, что полководец готов выступать в роли шпиона.

Шанга пожал плечами.

— Его понятия о чести отличаются от моего. Нашего. Я не очень хорошо знаю римлян, но достаточно, чтобы понять: они уделяют меньше внимания форме чести, чем содержанию. В конце концов, они же язычники, которые не понимают чистоту и загрязнение. Но даже у язычников может быть честь.

Дамодара с минуту молчал, глядел в сторону, думал.

— Тем не менее неужели ты в самом деле считаешь, что великий полководец опустится так низко? — наконец спросил он.— Просто ради того, чтобы шпионить? Да, у нас есть секрет оружия Вед. Но я не вижу, где бы он мог многое выяснить. Мы были очень осторожны. И ведь он же — под твоим присмотром.

— И я не пренебрег своими обязанностями,— сказал Шанга. Затем добавил с неохотой: — У него на самом деле не было возможности многое выяснить.

— И в будущем не появится,— продолжал настаивать Дамодара.— Причем неважно, как далеко ему удастся — как ты там выразился? — втереться нам в доверие.

Шанга обратил внимание, что высокопоставленный малва достаточно вежлив, чтобы не добавить: не более, чем мы когда-либо позволяли полководцам-раджпутам узнать наши секреты.

Теперь пришел черед колебаний Шанги. Он тоже трепал бороду.

— Я понимаю вас, господин. Я сам размышлял над этим вопросом. Я не понимаю, что делает Велисарий, но я знаю: этот человек очень хитер и наблюдателен. И он видит возможности там, где другие их не замечают.

Дамодара нахмурился.

— Я не видел... Объясни.

Шанга мрачно улыбнулся.

— Нет, вы видели, господин Дамодара, вы просто не обратили внимания, как и я в то время.

Шанга показал вниз по склону, на котором стоял шатер. На то место, где произошла последняя схватка перед стенами Ранапура.

— Я — хороший полководец,— заявил он.

— Ты — великий полководец,— возразил Дамодара.

Шанга скорчил гримасу.

— Так я когда-то думал. Но разрешите мне спросить вас, господин Дамодара, почему мне не пришло в голову собрать солдат на этом поле? Это для меня было бы гораздо проще, имея в своем подчинении пятьсот раджпутов, чем иностранцу только с тремя. Но я тогда об этом не подумал. Я выбрал прямой путь, самый простой. Очевидный.

Дамодара уставился на поле внизу. Даже теперь, несколько дней спустя, там все еще оставались видны мрачные следы смерти.

— Я... начинаю понимать, что ты хочешь сказать. Ты говоришь, что он — человек, который почти автоматически подходит к задаче со стороны. Так сказать под углом.

Шанга кивнул. Затем показал на шатер.

— Там я сравнил Велисария с тигром. И предложил использовать длинную палку.

Дамодара кивнул и улыбнулся.

— Это плохое сравнение, чем больше я о нем думаю. Тигра можно дразнить длинной палкой. Но спросите себя вот о чем, господин Дамодара: какой длины должна быть палка, если вы хотите подразнить мангуста?

* * *

Позднее, когда совещание продолжилось, Дамодара потребовал оставить только самых высокопоставленных советников малва. Император согласился с готовностью, и все остальные покинули шатер. Даже охранники-йетайцы встали на удалении от совещающихся — вне пределов слышимости.

Когда Дамодара поднялся, чтобы выступить с речью, он не стал повторять ничего из разговора с Раной Шангой. Чувство долга раджпута было для него чем-то инородным, но он его понимал. Возможно, именно это понимание заставило его защитить Шангу от наказания.

Вместо этого он воспользовался — впервые — своим священным правом родства с высокопоставленными малва. Он потребовал, чтобы проблема Велисария была поставлена перед самым высшим авторитетом.

Требование поразило бы всех, кроме собравшихся в шатре. Весь мир знал — по крайней мере вся Индия,— что император Шандагупта является самим Богом-На-Земле. Самым высшим авторитетом и властью.

Но собравшиеся в шатре знали другое. Независимо от величия Шандагупты, имелся другой, обладавший большей властью. Ведь над Богом-На-Земле в конце концов еще есть небеса.

С требованием Дамодары согласились. Отдать должное, с неохотой, со злостью --- со стороны Венандакатры. Но согласились, потому что выбора не было.

Вопрос Велисария поставят перед самой душой династии. Великим разумом, управляющим судьбой малва. Перед божественной сущностью по имени Линк.

Линк, или Связующее Звено. Странное имя, но подходящее. Потому что, как божественная сущность часто объясняла, она является только лицом, которое великие новые боги показывают человечеству. Она осуществляет между ними связь.

* * *

Позднее тем же вечером, после того как все остальные раджпуты заснули, Рана Шанга стоял у входа в свой шатер. Он стоял там уже несколько часов, почти не двигаясь, и просто смотрел вперед. Какое-то время он смотрел на Луну. Дольше смотрел на мерцающие огни костров, которые все еще горели тут и там в той куче обломков, которая когда-то была Ранапуром. Он смотрел и не видел ничего. Он размышлял.

Теперь Ранапур был погружен в тишину и мысли Шанги не прерывали никакие шумы. Да, вонь смерти Ранапура проникала ему в ноздри. Но раджпут уже давно познакомился с этим особенным запахом. Его разум автоматически заблокировал его.

Наконец Шанга отвернулся. В последний раз взглянул на Луну, висевшую высоко в небе и светившую серебряным светом, и зашел в свой шатер.

Последней его мыслью перед тем, как он вошел во тьму, была та же, за которую он держался на протяжении долгих часов:

«Я дал клятву».

* * *

На следующее утро императорские курьеры отправились в различные концы огромного лагеря с объявлением, что император возвращается в Каушамби. Объявление пришло гораздо раньше, чем кто-либо ожидал, поэтому приготовления к отъезду получились неорганизованными и поспешными.

Иностранцы в лагере, по давней и впитавшейся в кровь привычке, завершили приготовления за час. По крайней мере очевидные простые приготовления. Другие приготовления отняли гораздо больше

времени, больше суток, но у них имелось достаточно времени. Достаточно, чтобы обеспечить передвижение многих отличных, быстрых лошадей и нескольких маленьких, спокойных слонов. Достаточно времени даже, чтобы сделать так, словно эти передвижения не имеют к ним отношения.

Достаточно времени. Еще три дня никто не покидал лагерь. Только через три дня небольшая армия — на самом деле большая армия по стандартам всех народов за исключением малва — начала долгий марш на юг. Эту армию передали в подчинение Венандакатре, которого объявили гоптрием Деканского плоскогорья. Это была великолепная должность, даже по стандартам Венандакатры, поэтому великий господин смягчился, несмотря на неподобающую быстроту, с которой ему пришлось отправиться в путь.

У малва имелись различные типы губернаторов, но ни одна должность не считалась такой престижной, как должность гоптрия. (Наиболее точным переводом на языки западных стран был бы: хранитель болот.) Венандакатру не сделали обычным губернатором с небольшой спокойной провинцией. И даже не сделали обычным сатрапом с большим и спокойным регионом. Нет, Венандакатру благословил сам император и дал ему в управление все Деканское плоскогорье. Император доверил ему подчинить эту беспокойную землю.

Несмотря на свое презрение к Венандакатре, многие официальные лица малва, наблюдая за его отъездом, почти испытывали к нему жалость.

Через три дня армия самого императора тронулась в путь. Наверное, было бы лучше сказать: торжественно выступила. Ей предстоял более короткий путь на восток. Самому императору и его окружению, конечно, не придется маршировать, совсем не придется. Император и высокопоставленные малва с комфортом отправились по реке Джамне на самых роскошных в мире баржах, сопровождаемые флотилией узких военных галер.

Однако большая часть императорской армии шла пешком. Как и орда увязавшихся за армией личностей. И небольшая группа иностранцев, которая напоминала щепку в медленно движущемся океане людей.

Глава 9

Дарас
Лето 530 года н. э.

Первый день после возвращения в Дарас Антонина провела с сыном. Фотий страшно обрадовался матери после нескольких месяцев отсутствия, в особенности после того, как увидел небольшую гору

подарков, которую она привезла ему из сказочного Константинополя. Тем не менее, несмотря на то что мальчик одним глазом постоянно и нетерпеливо посматривал на удивительные новые игрушки, он весь первый день провел, прижимаясь к матери.

Семилетний мальчик просто радовался от воссоединения с матерью, а не испытывал облегчения от ее приезда. С ним во время ее отсутствия, очевидно, хорошо обращались. На самом деле, как подозревала Антонина, заметив, как он поправился, его откровенно баловали.

Конечно, ко второму дню желание поиграть в новые игрушки перевесило всю сыновнюю преданность. На рассвете Фотий уже играл. Когда его мать появилась примерно час спустя, мальчик поприветствовал ее чисто формально. Матери ведь всегда матери. Это нечто приятное и неизменное, как солнце на небе. А вот игрушки — кто знает, когда они могут исчезнуть, например, вернуться в то же волшебное царство, из которого появились?

Антонина какое-то время наблюдала за его игрой. В другом случае она могла бы опечалиться из-за невнимания сына. Но на самом деле Антонине не терпелось приступить к своим делам. Поэтому она вскоре направилась в мастерскую, где ее ждал Иоанн Родосский.

Она сразу же заметила, что мастерская значительно расширилась за месяцы ее отсутствия. Когда подошла ближе, поняла: Иоанн больше не работает один. Сквозь открытую дверь мастерской до нее донеслись голоса.

Вначале это привело ее в замешательство. Ей стало неуютно. Последние недели в Константинополе усилили ее осознание необходимости сохранять тайну и соблюдать осторожность.

Однако через несколько секунд замешательство и беспокойство сменились другими эмоциями. Только одна причина могла побудить Иоанна привлечь к работе других людей.

Поэтому надежда, а не беспокойство, заставила ее ускорить шаги.

То, что она увидела, войдя в мастерскую, мгновенно соединило оба чувства в одно.

Громкий треск заставил ее дернуться.

К счастью. Дернувшись, она отскочила в сторону.

К счастью. Летящая с шумом неизвестная ракета пролетела мимо ее головы.

В отличие от срикошетившей, которая ударила ее аккурат по мягкому месту.

Однако у срикошетившего предмета не было такой силы. Антонина упала на пол в основном от удивления, а не от боли.

— Ради всего святого, Антонина! — заорал Иоанн Родосский.— Неужели ты не в состоянии прочитать простую надпись?

Морской офицер поднялся из-за перевернутого стола и широкими шагами направился к ней. По ровному и аккуратному положению становилось очевидно, что стол перевернули преднамеренно.

Иоанн протянул руку и поднял Антонину на ноги. Затем, не выпуская ее запястья, потащил ее назад, через дверной проем, которым она только что воспользовалась.

Там он развернул ее и заорал:

— Вот! Здесь! Чтобы все видели!

И победно показал на место над дверью.

— Просто и ясно! На греческом! Говорится...

Молчание. Антонина потерла мягкое место и нахмурилась.

— Да, Иоанн? Что говорится?

Молчание.

— Эйсебий! Иди сюда! — заорал Иоанн.

Мгновение спустя в дверном проеме появился настороженный молодой человек — невысокого роста, плотного телосложения, со смуглым цветом кожи. На самом деле выглядел он несколько зловеще. Совсем не походил на образ невинного херувима, который отчаянно пытался создать.

Иоанн обвинительно показал на пустое место над головой.

— Где надпись, которую я велел тебе здесь повесить? — спросил он.

Эйсебий явно оробел. Виновато улыбнулся.

— Забыл,— пробормотал он.

Иоанн сделал глубокий вдох, выдохнул воздух, упер руки в бока, затопал ногами и стал носиться по всему двору.

Антонина знала эти признаки. Она не была в настроении выслушивать очередную тираду морского офицера.

— Неважно, Иоанн! — воскликнула она.— Ничего не пострадало, кроме моего достоинства.

— Не в этом дело! — рявкнул Иоанн.— Эти штуковины достаточно опасны сами по себе. А тут еще какой-то глупый мальчишка — снова! — забывает принять необходимые меры предосторожности и повесить...

— *Что* опасно само по себе? — спросила Антонина и радостно улыбнулась.— О, это звучит возбуждающе!

Иоанн прекратил бегать по двору. Теперь просто размахивал руками.

— Мы его получили, Антонина! — воскликнул он возбужденно.— Мы его получили! *Порох*! Пошли — я тебе покажу!

Он бросился назад в мастерскую. Эйсебий отошел с дороги и благодарственно улыбнулся Антонине.

Антонина во второй раз вошла в мастерскую.

Бах! Взиик! Удар. Клац-клац-клац...

Она быстро пригнулась и опять выскочила наружу.

За ее спиной орал Иоанн:

— Эйсебий! Ты — идиот! Разве я не сказал тебе, что нужен длинный огнепроводный шнур?!

— Забыл,— прозвучало бормотание.

* * *

— Если не считать, что у него девичья память, на самом деле он мне очень помогает,— сказал Иоанн позднее. В задумчивости отпил глоток вина.— Химия на самом деле не является моей сильной стороной. А Эйсебий в ней разбирается лучше, чем кто-либо, кого я знаю.

— В таком случае лучше найми кого-нибуль, кто будет следить за тем, чтобы он все помнил,— улыбаясь предложила Антонина.

Иоанн уверенно поставил кубок. Твердо положил руки на стол. Резко расправил плечи.

— Мы не можем себе этого позволить, Антонина,— объявил Иоанн.— Нет смысла спорить по этому вопросу.— Он нахмурился.— Теперь Прокопий уже неделю радостно потирает руки. С тех пор как он прибыл сюда впереди тебя и просмотрел бухгалтерию.— Иоанн сильно нахмурился.— Он только и ждал, чтобы нажаловаться тебе. Я потратил все деньги. Все. Не осталось ни одного солида. Ни одного.— Он мрачно нахмурился.— А Ситтас — жирная жадная свинья! — больше ничего не дает. Он назвал меня транжирой в последний раз, когда я попросил у него денег.

Улыбка не сошла с лица Антонины.

— Сколько раз тебе удалось выжать из него деньги?

— Восемь,— мрачно ответил Иоанн.

— Поздравляю! — рассмеялась она.— Это рекорд. Никому еще не удавалось выжать из него деньги более двух раз подряд, насколько мне известно.

Иоанн улыбнулся очень кисло.

— На самом деле это не смешно, Антонина. Мы не можем продолжать без денег, и я не представляю, откуда их взять. Я ничего не могу получить от Антония Александрийского. У епископа свои проблемы. Патриарх Ефраим в последнее время много воет о растрате церковных средств не по назначению. Его дьяконы ползают по Антонию, как блохи по собаке. Они даже пересчитали его личное серебро.

— В чем дело? — фыркнула Антониа.— У Ефраима износились шелковые одежды?

Теперь улыбка Иоанна стала более веселой. Совсем чуть-чуть.

— Не то чтобы я заметил. Конечно, трудно уследить, если учесть, какое количество мантий у него имеется. Думаю, он недоволен, что на пальцах левой руки на кольца было потрачено не столько золота,

сколько на кольца на правой. Поэтому его клонит набок во время прогулок по улицам Антиохии, когда он благословляет бедных.

Морской офицер фыркнул и вздохнул. Обвел взглядом комнату. Они сидели в главном зале дома, за столом в углу.

— Я бы предложил продать один из великолепных гобеленов, только...— пробормотал он.

— У нас нет ни одного.

— Вот именно.

Антонина улыбнулась очень весело. И покачала головой.

— Мне следует прекратить тебя дразнить. Мне стыдно за себя. Дело в том, мой дорогой Иоанн, что деньги больше не представляют проблемы. Я нашла новое лицо, готовое профинансировать наш проект.

Она опустила руку вниз и с трудом вытащила мешок. С большим трудом. Столик зашатался, когда она опустила мешок на него.

Глаза Иоанна округлились. Антонина, все еще улыбаясь, схватила мешок за низ и перевернула. Небольшой поток золотых монет рассыпался по столу.

— Недавно отчеканены, надеюсь, ты это заметил,— весело заявила она.

Иоанн смотрел на кучку, как сова. Однако его внимание привлекли не сами монеты. Он понял, что стоит за ними.

Власть. Чистая власть.

После правления императоров Валентиниана и Валента золотая монета — солид, введенная Константином Великим, служила твердой римской монетой на протяжении двух веков, и на ее чеканку имелась монополия.

В Римской империи было много легальных монетных дворов. Больших, в Фессалониках и Никомедии, и ряд небольших в других городах. Но они ограничивались выпуском серебряных и медных монет. По закону только император мог чеканить золотые монеты. В Константинополе, в самом Большом Дворце.

— Ты сказала Феодоре,— объявил он.

Антонина кивнула.

— Это разумно? — спросил он.

В вопросе не прозвучало обвинения, просто любопытство.

Антонина пожала плечами.

— Думаю, да. При сложившихся обстоятельствах у меня не было особого выбора. Я оказалась глубоко втянута в императорскую интригу, пока находилась в Константинополе. Ирина не вернулась вместе со мной потому, что теперь — фактически, если не официально — является начальницей шпионской сети Феодоры.

Иоанн смотрел на нее с большим интересом.

— Малва?

— Да. Они строят какой-то предательский заговор, Иоанн. Насколько нам известно...— она замолчала.— Неважно. Это долгий рассказ, и мне не хочется повторять его дважды за один день. Антоний, Михаил и Ситтас сегодня приедут ужинать. Также будут Маврикий и Гермоген. Теперь они оба вовлечены. Тогда я все и объясню.

Она протянула руку и стала заталкивать монеты назад в мешок.

— В любом случае я считаю, что сказать Феодоре было необходимо. И к тому же это правильно. Мы вскоре узнаем. Этим летом, но попозднее, она сама приедет сюда. Чтобы полностью ознакомиться с проектом.

— Что? — взревел Иоанн.— Этим летом? — Он вскочил на ноги. Яростно стал размахивать руками.— Невозможно! Невозможно! У меня к тому времени ничего не будет готово! Невозможно! — Он стал носиться из угла в угол, яростно топать ногами.— Сумасшедшая! Нет чувства реальности — совсем нет. Невозможно. Порох все еще непредсказуем. Гранаты не протестированы. А ракеты вообще в зачаточном состоянии!

Он топнул ногой, снова топнул и еще раз.

— Безумные женщины! Думают: химия подобна выпечке хлеба. Что-то не так с тем, как горит порох. Я знаю, что не так. Мне нужно поэкспериментировать, проверить несколько способов изготовления этой дряни.

Он топнул ногой, снова топнул и еще раз.

— Идиотки! Может, стоит его перемолоть, если мне удастся придумать, как это сделать так, чтобы самому не взорваться. Может, вначале его следует смочить и в этом все дело. Черт побери, надо попробовать.

Он топнул ногой, снова топнул и еще раз.

— Хотя вообще-то опасно. Этот придурок Эйсебий может взорвать все. Даже взорвать кучу коровьего дерьма, если за ним не следить. Он неосторожен, как женщина.

Время в начале вечера, до и во время ужина, было в основном посвящено Прокопию. Это не представляло сложности. После нескольких месяцев практики Антонина развила навыки искушения Прокопия до высшего мастерства.

На самом деле она в основном зря тратила усилия. К этому времени Прокопий уже был так хорошо выдрессирован, что фактически все, что бы ни говорила и ни делала Антонина, служило ее целям. Он напоминал запряженного тупого мула, который не видит перед собой ничего, кроме натоптанной дороги. Антонине стоило только сказать что-то о прекрасном жеребце, как Прокопий тут же списывал это на постыдное скотоложство. Поболтает с крестьянкой — тут же с уверенностью жди трактата о древнем грехе Сапфо[1]. Взяла сына на

[1] Сапфо (конец 7–6 вв. до н. э.) — др.-греч. поэтесса. Жила на острове Лесбос.

колени — а! Великолепно! — Прокопий всю ночь будет жечь лампу, создавая трактат о педофилии и инцесте.

Поэтому ее похотливые взгляды, обращенные на собравшихся за столом мужчин, ее завуалированные замечания, головокружительный смех, хитрые намеки, даже шутка о четырех солдатах и паре священнослужителей, которых ни одна женщина не может обработать за раз — смех, смех — стали полной потерей усилий. Она могла бы сидеть за столом одна, при холодном свете только поднимающегося из-за горизонта солнца, и молча есть. К середине утра Прокопий бы стал заверять всех, кто стал бы слушать, что шлюха мастурбировала за завтраком.

Вскоре Прокопий встал из-за стола и отправился в свои покои. Антонине не было необходимости отправлять его под каким-то предлогом. Человека фактически распирало от желания побыстрее добраться до пера.

— Боже, как меня от него тошнит! — рявкнул Ситтас.

Мгновение полководец выглядел так, словно собирался выплюнуть вино. Но только мгновение. Он передумал, проглотил, налил себе еще один кубок.

— А это необходимо? — проворчал Михаил Македонский.

Антонина сморщилась. Но до того, как она смогла ответить, заговорил епископ Антоний. Резко.

— Да, Михаил, необходимо. Это мерзкое создание — хотя он слишком глуп, чтобы это понимать — является главным шпионом малва, приставленным к Антонине. Он — акведук, который доставляет им воду знания. Только этот акведук при помощи Антонины на самом деле является сливной трубой, по которому в их резервуары течет только дерьмо.— Он улыбнулся. Вообще-то это была слишком хитрая улыбка для епископа. Почти дьявольская.— У нас тут не совещание по вопросу, как справиться с малва. У нас тут оргия!

Затем он улыбнулся по-другому.

— А что тебя так беспокоит — твоя репутация?

Македонец гневно уставился на него.

— Вся репутация — чушь,— объявил он.

— И она подкармливается гордыней, что еще хуже,— завершил фразу епископ. Его улыбка стала еще шире.— На самом деле, Михаил, ты должен расширить свой репертуар поговорок.

Антонина откашлялась.

— Как я говорила...

— Ты ничего не говорила, Антонина,— разумно заметил Антоний Александрийский.— Поэтому я не видел причины, почему бы мне не занять время безвредным...

— Хватит приставать к Михаилу,— проворчал Маврикий.— Он сотворил чудеса с местными ребятами, их женами и родителями.

Даже деревенские старейшины воют не громче, чем средний морской шторм.

— Ну конечно сотворил! — весело воскликнул Антоний.— Он — святой человек. Должна же быть от него какая-то польза.

Антонина разогнала собирающийся шторм.

— Скажи мне, Михаил, как ты оцениваешь ситуацию? — обратилась она к нему серьезно.— Михаил?

Македонец прекратил попытки (бесполезные) испепелить епископа гневным взглядом.

— Прости, Антонина? Я не уловил, что ты сказала.

— Крестьяне,— повторила она.— Как ты оцениваешь ситуацию?

Михаил махнул рукой. Это не был легкий жест. Скорее наоборот. Так камень может подчеркнуть твердость.

— Проблем не будет. Никаких.

— И это еще не все,— добавил Маврикий.— Большое их число, как я думаю, ухватится за возможность присоединиться к новому полку.— Он посмотрел на Иоанна Родосского.— При условии, что для них найдется какое-то достойное занятие, кроме как гнать овец на врага.

Иоанн не отреагировал на приманку.

— Прекрати волноваться, Маврикий. Ты соберешь свой новый полк, я подготовлю для них оружие. По крайней мере гранаты.

— А ракеты? — спросил Гермоген.

Иоанн сморщился.

— Не стоит на них рассчитывать. Проклятые штуковины гораздо сложнее сделать, чем я думал.— Он осушил кубок и налил себе еще один. Затем добавил ворчливо: — На самом деле проблема не в том, как их делать. У меня в сарае кучей сложено штук двадцать. И каждая из них полетит и довольно зрелищно взорвется. Проблема в том, что нельзя сказать, *где*.

Он снова сморщился.

— Одна проклятая штуковина — и я говорю чистую правду — фактически сделала круг и почти снесла мне голову.

— А как их нацеливают малва? — спросил Ситтас.— Должен быть способ.

Иоанн пожал плечами.

— Не знаю. Я испробовал все, что мог придумать. Стрелял сквозь трубки. Приделывал к ним флюгеры, даже перья! Ничего не срабатывает. Некоторые летят более или менее ровно, большинство — нет, и я, черт побери, не могу никак объяснить причину, которая за этим кроется.

Маврикий шлепнул ладонью по столу.

— Так давайте не будем об этом волноваться,— предложил он.— Когда полководец вернется из Индии...

— Если,— поправил Иоанн.

— *Когда* он вернется,— продолжал Маврикий,— я уверен: он сможет открыть нам секрет нацеливания ракет. А пока давайте ограничимся гранатами. Их будет достаточно, чтобы занять новый полк из крестьян.

— Это мысль! — воскликнул Ситтас.— Прекрасная мысль, я думаю! Маврикий прав. А меня вы знаете — обычно я смотрю на новые идеи примерно так, как на коровье дерьмо.

— В чем дело? — спросила Антонина.

Маврикий провел рукой по голове. Он любил это делать. Хотя все волосы на его голове давно поседели, шевелюра нисколько не поредела и оставалась такой же, как и в юношеские годы.

— Я стал думать. Проблема с гранатами заключается в том, что вы хотите бросать их на достаточное расстояние, перед тем как они взорвутся. Тогда вам нужно решать между расстоянием и эффективностью. Человек с хорошей рукой может бросать гранаты достаточно далеко — но если она слишком мала, то пользы от нее при приземлении почти никакой. Если он попытается бросить большую гранату, то ему нужно находиться ближе, менее чем в радиусе действия стрел.— Ветеран пожал плечами.— Во время большинства сражений мои катафракты прикончат его до того, как он в лучшем случае успеет метнуть одну. Я должен предполагать, что это могут сделать и враги. Персы определенно могут.

— Так какое решение ты предлагаешь? — спросил Иоанн.— Катапульты?

Маврикий покачал головой.

— Нет. Учтите: я двумя руками за то, чтобы развивать как артиллерию, так и гранаты. Не думаю, что будет сложно адаптировать катапульту, предназначенную для метания камней, для этой цели. Но это артиллерия. Сама по себе хороша, но она не заменит пехоту.

Гермоген улыбнулся. Он был одним из тех немногих римских полководцев, который специализировался по пехотной войне. Велисарий сам готовил молодого человека и направлял его.

— Или кавалерию,— проворчал Ситтас. Этот полководец, с другой стороны, был страстно предан традициям катафрактов.

— Забудьте о кавалерии,— сказал Маврикий.— Эти ребята — только крестьяне, Ситтас. И к тому же сирийские крестьяне. У фракийских и иллирийских крестьян есть какое-то знакомство с лошадьми, а у этих ребят нет. Ты знаешь не хуже меня, что из них никогда не получится хороших наездников. Не за то время, которое у нас есть.

Ситтас кивнул, достаточно великодушно. Честь кавалерии поддержана, поэтому он не станет дальше спорить по вопросу.

— И это ключ,— заявил Маврикий.— Я пытался придумать лучший способ соединить сирийских крестьян и гранаты, начав с сильных и слабых сторон и тех, и других. Ответ очевиден.

Молчание. Иоанн взорвался.

— Ну — тогда выкладывай!

— Праща.

Иоанн нахмурился.

— Праща?

Он уже собрался спорить, больше по укоренившейся привычке, чем по какой-либо другой причине, но замолчал.

— М-м-м,— он отпил вина.— М-м-м.

Антонина улыбнулась.

— В чем дело, Иоанн? Не говори мне, что у тебя тут же не сложилось мнение.

Морской офицер скорчил гримасу.

— К сожалению, нет. На самом деле, хотя мне и не хочется это признавать, я ничего не знаю про пращу. Эти глупые штуки никогда не используются в морских сражениях.

— Ты никогда бы не назвал их «глупыми штуками», если бы оказался на поле брани против балеарцев,— проворчал Маврикий. Гермоген с Ситтасом усиленно закивали.

— Но это — не балеарские стрелки, Маврикий,— заметила Антонина.— Островитяне известны... уже несколько веков. А у нас — просто деревенские ребята.

Маврикий пожал плечами.

— И что? Каждый из этих крестьян, в особенности пастухи, пользовался рогаткой с мальчишеских лет. Конечно, они не профессионалы, как жители Балеарских островов, но для наших целей это и не нужно. Единственная разница между наемником-профессионалом с Балеарских островов и крестьянским парнем — это точность. Это имеет значение, если стрелять железными пулями. Если стреляешь гранатами, не имеет, по крайней мере не такое большое.

Тут Иоанн начал приходить в возбуждение.

— Знаешь, а ты прав! Как далеко эти сирийские парни могут бросить гранату?

Маврикий покрутил толстыми пальцами одной большой ладони.

— Зависит от обстоятельств. Покажи мне гранату, о которой идет речь, и я дам тебе близкий к истине ответ. Грубо? Примерно, как средний лучник. Если же сделать качественную пращу, то как катафракт или перс.

— Кавалерия превратит их в фарш,— заявил Ситтас.

Маврикий кивнул.

— Если они одни — да. По крайней мере хорошая конница, которая не пришла в панику после первой партии гранат. Они погонят ребят с гранатами...

— Называй их гренадерами,— вставил Иоанн.— Так звучит более достойно.

— Пусть будут гренадеры,— он замолчал, задумался.— Гренадеры. Мне это нравится!

Гермоген тут же кивнул с энтузиазмом.

— Особое название укрепит их боевой дух,— заявил молодой полководец.— Мне тоже нравится. На самом деле я думаю, это очень важно.

— Значит, нам понадобится конница по флангам,— задумчиво произнес Ситтас.

— Также хорошая защита из пехоты,— вставил Гермоген.

Маврикий кивнул.

— Да, они тоже. В гранатах нет ничего магического. В правильной комбинации, используемые правильно...

— Может, фаланга[1],— сказал Гермоген.

— Полная чушь! — рявкнул Ситтас.— Фаланги так же устарели, как и возлежание на пирах. Нет, нет, Гермоген, но надо бы подумать насчет старых республиканских манипул[2]. Я думаю...

Епископ Антоний повернулся к Антонине.

— Могу ли я предложить тебе, дорогая, оставить этих мужчин играть в свои игры? Предполагаю, через минуту обсуждение станет настолько техническим, что мы в любом случае не сможем за ним следить. А я умираю, так хочу послушать о твоих подвигах в Константинополе.

Антонина встала и улыбнулась.

— В таком случае пошли в другой зал.

Она посмотрела на Михаила.

— Ты к нам присоединишься?

Монах покачал головой.

— Подозреваю, ваш разговор с Антонием тоже вскоре станет таким техническим, как и разговоры этих мужчин,— сказал он уныло.— Боюсь, от меня не больше пользы при планировании дворцовых интриг, чем при обсуждении военной тактики и оружия.

Ситтас услышал слова монаха.

— В чем дело, Михаил? — на его лице появилась хитрая улыбка.— Ты, конечно, не утверждаешь, что вечной душе нет места в миру?

Монах посмотрел на полководца так, как только что насытившийся орел смотрит на мышь. Интерес есть, но спокойный.

— Ты и тебе подобные принесут в битву оружие и тактику,— сказал он тихо.— Антонина, Антоний и им подобные принесут знание

---

[1] Фаланга — боевой порядок др.-греч. войск в виде тесно сомкнутого линейного построения с глубиной строя в 8–16 рядов.

[2] Манипула — тактическое подразделение пехоты в римском легионе. Состояла из двух центурий по 30–60 воинов в каждой. В боевом построении легиона входившие в него 30 манипул располагались в 3 линии.

врага. Но в конце, Ситтас, все, что вы принесете, окажется пылью, если крестьянский парень, которому вы отдадите свои подарки, не имеет души, способной противостоять Сатане во время бури.

Он встал.

— Я принесу вам крестьянина.

Выходя, Михаил задумчиво посмотрел на Ситтаса. Как только что насытившийся орел рассматривает мышь. Перспективы — отличные.

— Никогда не стоит дразнить святого человека,— пробормотал Маврикий.— Правда не стоит,— повторил он, не обращая внимания на гневный взгляд Ситтаса. Осушил кубок.— Спроси у любого крестьянина.

* * *

На следующее утро двое полководцев отправились вместе с Иоанном Родосским на тренировочное поле. Они горели желанием поэкспериментировать с гранатами. Маврикий ждал их там с дюжиной добровольцев из крестьян. Вначале сирийцы довольно сильно нервничали. Даже после того, как их мастерство в метании гранат получило одобрение полководцев, молодые люди терялись в компании таких благородных господ.

Однако вскоре появился Михаил Македонский. Он ничего не сказал ни полководцам, ни крестьянам. Но Маврикий с интересом наблюдал, как присутствие монаха изменило сирийских ребят, превратив их в молодых орлов в присутствии огромных мышей.

К середине дня молодые орлы уже свободно спорили с огромными мышами.

Конечно, не о тактике или военных построениях. (Хотя сирийцы на самом деле дали кое-какие ценные советы по практике метания гранат. Большая их часть касалась запалов и их длины.) Молодые люди не были дураками. Необразованными и неграмотными — да. Глупыми — нет. Они не притворялись, что лучше понимают военное дело, чем такие люди, как Ситтас и Гермоген. (И в особенности — они имели свой крестьянской взгляд на такие вещи — Маврикий.)

Но у них имелось вполне определенное мнение о казармах и военных лагерях. Их детям казармы не понравятся, хотя, не исключено, они получат удовольствие от проживания в шатрах лагерем. Их женам не понравится ни то, ни другое, но жены вытерпят лагерь. Они — простые женщины. Практичные.

Однако казармы просто не подойдут. Никакой личной жизни. Неприлично. Их жены — простые женщины, но приличные. Они не те шлюхи, которые увязываются за армией.

Сирийцам требовались хижины. Каждой семье — свою хижину. (Конечно, для походных лагерей подойдут шатры.)

Полководцы объяснили абсурдность такой организации. Нарушение военной традиции.

Крестьяне объяснили абсурдность военной традиции.

В конце под пристальным взглядом монаха молодые крестьяне переспорили полководцев. Монах улыбался.

Никаких хижин — никаких гренадеров.

* * *

В усадьбе тем временем проходило еще одно столкновение характеров. Другим образом.

— Это слишком опасно, Антонина,— настаивал епископ.— Я так думал прошлой ночью и думаю сегодня. А сегодня еще больше уверен в этом.— Он отодвинул тарелку с едой.— Смотри! — укоризненно кивнул на тарелку.— Я даже потерял аппетит.

Антонина улыбнулась, глядя на упитанного епископа. Несмотря на то что Антоний Александрийский несомненно жил просто и скромно, его никто никогда не мог назвать аскетом. По крайней мере в том, что касалось приема пищи.

Она пожала плечами.

— Может быть, да. Однако уверяю тебя, Антоний, малва сейчас не принесут мне зла. Ни в коем случае. Я — их гордость и радость. Они во мне души не чают.

Епископ упрямо уставился на несъеденный завтрак. Антонина вздохнула.

— Неужели ты не можешь понять, Антоний? После того как Аджатасутра «поймал меня в капкан» — и какой это был капкан! — ведь целых два дьякона слышали, как я призывала к смерти Юстиниана! — малва держат меня в тисках. Как они это видят. Они попытаются выжать из меня все, что возможно. Перед моим отъездом из Константинополя они вытянули из меня все, что мне известно о внутренней политике ипподрома.

Антонина на мгновение замолчала и скорчила гримасу.

— Я до сих пор не знаю, почему их так заинтересовал этот вопрос. Матерь Божия, пока я росла, я только и слышала от отца о соперничестве на ипподроме. Этот из Голубых сделал это, а тот из Зеленых сделал то. Эти Голубые — просто клоуны, но следи внимательно за теми Зелеными.

Она вскинула руки в отчаянии.

— Мне даже пришлось расспросить нескольких старых приятелей отца — по крайней мере тех, кого удалось разыскать в Константинополе,— чтобы мои знания о борьбе на ипподроме были свежими. Боже праведный, ну и жалкие бандиты!

— Они были рады снова увидеть тебя? — спокойно спросил Антоний.— После стольких лет?

Антонина выглядела удивленной. Затем улыбнулась, довольно весело.

— Сказать по правде, они меня чуть ли не облизали. Местная девчонка выбилась в люди, а тут возвращается навестить старых друзей. Я даже не представляла, насколько Велисарий популярен в их кругах.

Она пожала плечами.

— Так что в конце концов мне удалось предоставить Балбану все детали о том, чем занимаются обитающие у ипподрома банды. И я до сих пор не знаю, зачем малва...

— Интерес малва не случаен, Антонина,— перебил Антоний Александрийский.— И я не стал бы называть его странным. Этих головорезов в Константинополе — тысяч двадцать или тридцать. Потенциально — не такая уж незначительная военная сила.

Антонина фыркнула.

— Головорезы с ипподрома? Не дури, Антоний. О, конечно, они представляют достаточно серьезную угрозу в уличной драке. Но против катафрактов? Кроме того, они примерно в равном количестве разделены на Голубых и Зеленых. Скорее они будут сражаться друг с другом, чем выполнять то, что от них захотят малва.

Епископ потер большой и указательный пальцы друг о друга. Древний жест означал одно: «деньги».

Антонина вопросительно склонила голову.

— И Ирина так думает. Но я считаю, что она переоценивает силу банд, даже если малва и удастся их объединить взятками.— Она покачала головой.— Достаточно об этом. По крайней мере сейчас малва требуют от меня каких-то разумных секретов. К тому времени, как я вернусь в Константинополь через несколько месяцев, я должна представить им в деталях все данные о военных подразделениях на востоке. *Всех* подразделениях, не только здесь в Сирии, но также и в Палестине. И даже в Египте.— Антонина улыбнулась.— Или...— египтянка многозначительно замолчала.

Антоний уставился на нее, все еще оставаясь серьезным. Антонина перестала улыбаться.

— Тебя волнует это «или», не так ли?

Антоний глубоко вздохнул.

— На самом деле нет. По крайней мере не очень.

Он встал из-за стола и стал медленно прогуливаться из угла в угол.

— Боюсь, ты не полностью понимаешь, чего я опасаюсь, Антонина. Я согласен с тобой насчет малва. По крайней мере на текущий момент они совсем не собираются приносить тебе какой-то вред.

Антонина нахмурилась.

— Тогда что?..

Теперь пришел черед Антония всплеснуть руками в отчаянии.

— Неужели ты можешь быть так наивна? В этом заговоре участвуют не просто малва, женщина! В него также вовлечены римляне. И они преследуют свои, своекорыстные цели, причем достаточно часто эти цели противоречат целям других участников заговора.

Он шагнул к столу, положил на него пухлые руки и склонился вперед.

— Ты оказалась в эпицентре шторма, Антонина. Сама туда влезла. Между Сциллой и Харибдой — и множеством других монстров! — которые все точно так же строят заговоры против других конспираторов, как и против Римской империи.— Он снова выпрямился.— Ты, моя дорогая, не можешь знать, откуда придет удар. Совсем. Ты видишь только малва. И только то лицо, которое они тебе показывают.

Антонина мрачно уставилась на него. Но не отводила глаз.

— И что? Я понимаю, что ты хочешь сказать, Антоний. Но я повторяю: и что?

Она пожала плечами, и этого было достаточно, чтобы разбить сердце епископа. Так женщины плечами не пожимают, так делают ветераны.

— Это война, Антоний. Ты предпринимаешь все возможное против врага, зная, что он намерен в полной мере ответить тебе тем же. Один из вас выигрывает, другой проигрывает. Обычно умирает.

На лице появилась холодная улыбка.

— Так говорит Велисарий, как, впрочем, и Маврикий. Я думаю, мой муж позаимствовал эти знания от него. Я имею в виду первый закон битвы. Любой план сражения летит к чертям собачьим,— прости меня за такие выражения, епископ,— как только появляется враг. Именно поэтому его и называют врагом.

Антоний потрепал бороду. В жесте была усталость, но также и доля юмора.

— Грубо, грубо,— пробормотал он.— В общем и целом грубовато сказано. Изысканные теологи выразили бы это по-другому. Против любой логичной доктрины выдвигаются возражения, как только на совет прибывают другие догматики. Именно поэтому их называют еретиками.

Наконец он улыбнулся.

— Очень хорошо, Антонина. В любом случае я не могу тебя остановить. Я предоставлю тебе всю помощь, какую могу.

Он снова занял свое место. Затем, какое-то время просидев, уставившись в тарелку, он пододвинул ее к себе и принялся есть с обычным аппетитом.

— Конечно, не особо смогу помочь в том, что касается военных вопросов и головорезов с ипподрома,— он весело взмахнул ножом.—

С другой стороны, конспираторы из церкви — не сомневайся: их полно! — это совсем другое дело.

Он проткнул два финика.

— Глицерий из Халкедона и Георгий Барсимес, так?

Финики исчезли как по волшебству. Антоний взялся за грушу.

— Руфиний Намациан, епископ Равенны,— пробурчал он задумчиво, с полным ртом фруктов.— Хорошо их знаю.

Последний кусок груши проскочил в горло, словно ребенок по пищеводу великана-людоеда.

— Младенцы в лесу,— рыгнув, добавил он.

* * *

После того как на закате вернулись полководцы, Антонина с полчаса слушала их крики и ругань. Она решила, что потребуются такт и дипломатия. Но вначале требовалось дать им высказаться и немного выпустить пар. Затем она вынесла решение.

— Конечно, они не станут жить в казармах. Сама мысль абсурдна. Эти люди не мобилизованы на военную службу. Они — добровольцы, они давно занимаются сельским хозяйством, у них есть семьи. Они в этих местах рано женятся и начинают заводить детей лет с пятнадцати. А девушки еще раньше.

Полководцы злобно заворчали. Иоанн Родосский топнул ногой. Антонина с любопытством наблюдала за ними.

— А что вы ожидали? Неужели вы думали, что эти люди бросят свои семьи только ради того, чтобы кидать для вас гранаты?

Злобное ворчание прекратилось. Полководцы уставились друг на друга. Морской офицер чуть не упал.

Антонина фыркнула.

— Вы НЕ подумали.

Она опять фыркнула.

— Иногда я соглашаюсь с Феодорой. Мужчины...

Ситтас гневно уставился на нее. В ярости он напоминал дикого кабана.

— Ты, девушка, не думай тут издавать монаршие указы!

— Я определенно собираюсь это делать,— нежным голоском ответила Антонина.— Разве ты забыл, что именно я плачу жалованье?

Она склонила голову, глядя на Иоанна Родосского.

— Ты закончил топать ногами?

Морской офицер скорчил недовольную мину. Антонина опустила руку вниз, вытащила мешок и шлепнула его на стол.

— Нанимай рабочих, Иоанн. А еще лучше — плати самим крестьянам. Эти парни хорошо умеют работать руками. Они очень быстро

построят хижины. Они будут счастливее, построив свои собственные дома.

От двери послышался голос Михаила:

— Они также захотят часовню. Конечно, ничего особенного. Самую простую часовню.

Полководцы, поставленные на место женщиной, направили свой гнев на монаха.

Македонец уставился на них. Как только что насытившийся орел смотрит на пищащих мышей.

Поединок характеров. Смешно.

Глава 10

Каушамби
Лето 530 года н. э.

С южного берега Джамны Велисарий смотрел на храм, поднимающийся у самого берега реки на противоположном берегу. Солнце клонилось к закату, и последние лучи освещали храм. Он словно купался в золоте. Велисарий находился слишком далеко, чтобы рассмотреть детали множества статуй, украшавших ведущие к храму ступени, но не мог не оценить красоту строения в целом.

— Какой великолепный храм! — пробормотал он. Уголком глаза заметил, как Менандр неодобрительно поджал губы.

Вначале он думал не обращать внимания на гримасу Менандра, но потом решил, что это — прекрасная возможность заняться образованием молодого катафракта.

— В чем дело, Менандр? — спросил он, вопросительно приподнимая брови.— Мое восхищение языческими идолами оскорбляет тебя?

Он произнес слова спокойным и приятным тоном, но Менандр покраснел от смущения.

— Это не мое дело...— начал он, но Велисарий оборвал его.

— Конечно, это твое дело, парень. Ты должен выполнять мои приказы, как любой подчиненный обязан выполнять приказы своего командира. Но ты не обязан соглашаться с моим мнением по вопросам теологии. Так что выкладывай,— Велисарий показал на храм.— Что ты о нем думаешь? Как ты можешь отрицать его красоту и великолепие?

Менандр нахмурился. Выражение лица было задумчивым, но не неодобрительным. Однако парень не стал отвечать сразу же. Они с Велисарием спешились после того, как добрались до реки, чтобы выпить воды, а их лошади до сих пор утоляли жажду. Менандр медленно поглаживал шею лошади несколько секунд, потом начал говорить.

— Я не могу отрицать, что это здание красиво сделано, полководец. Я просто хотел бы, чтобы оно предназначалось для другой цели.

Велисарий пожал плечами.

— Для какой? Для поклонения Христу? Конечно, это было бы лучше. К сожалению, христианские миссионеры только начали проникать в Индию.— Затем он добавил с иронической улыбкой: — И к сожалению, все они — несторианцы-еретики. Немногим лучше открытых язычников. По крайней мере, судя по словам большинства ортодоксальных священнослужителей.

Он повернулся и прямо посмотрел на Менандра.

— А пока миллионы индусов ощупью в потемках ищут свой путь к Богу. Это доказательство,— он пальцем показал на храм.— Ты бы предпочел, чтобы они полностью игнорировали Бога? Или все-таки лучше так?

Менандр нахмурился сильнее.

— Нет, никто не должен игнорировать Бога,— тихо ответил он через какое-то время.— Я просто...— он колебался, вздохнул, пожал плечами.— Я много раз видел, как Дададжи молится в твоем шатре. И я не сомневаюсь в его искренности или его преданности. Я просто...— он снова пожал плечами, выражая таким образом фатальность принятия реальности.

— Ты бы хотел, чтобы он молился христианскому богу?

Менандр кивнул.

Велисарий снова посмотрел на храм. Теперь он сам пожал плечами. Но пожал весело, выражая в большей степени удивление, чем смирение.

— И я, Менандр, если уж говорить об этом. Но я не могу сказать, что не сплю из-за этого. Душа Дададжи чиста и правдива. Я не думаю, что Бог ее отвергнет, когда пробьет его час.

Полководец посмотрел на запад. Солнце уже почти коснулось горизонта.

— Нам лучше возвращаться,— сказал он.— Я надеялся взглянуть на Каушамби до заката, но вижу, что мы все еще в нескольких милях от пригородов.

Они с Менандром сели на лошадей и поехали прочь от реки. Менандр заговорил на пути в лагерь.

— Я думал, что ты — православный,— глаза молодого человека казались задумчивыми. Затем, решив, что его заявление может быть понято неправильно, Менандр начал извиняться. Но полководец отмахнулся от извинений.

— Да, я православный,— подтвердил он, затем хитро улыбнулся.— Наверное. Меня так воспитывали, как и всех фракийцев. И я считал себя всегда православным.

Он колебался.

— Это трудно объяснить. Меня эти вещи не особо волнуют, Менандр. Моя жена, которую я люблю больше всех на свете, не православная. Ради моей репутации она не демонстрирует свою веру, но склоняется к монофизитам, как и большинство египтян. Мне что, верить, что она будет проклята и ее ждет вечный адский огонь?

Велисарий посмотрел на Менандра. Молодой катафракт поморщился. Менандр еще с большим восхищением относился к Антонине, чем большинство букеллариев.

Велисарий покачал головой.

— Думаю, нет. Христос, которому я поклоняюсь, не проклянет ее. И дело не только в ней, Менандр. Я — полководец и я вел в битву солдат, которые во что только ни верили, включая арианцев[1], и видел, как они смело умирали. И держал их на руках, когда они умирали, слушая их последние молитвы. Этим людям было заранее предначертано проклятие? Думаю — нет.

Он сжал челюсти.

— Мое безразличие к вероисповеданию уходит гораздо глубже. Много лет назад, когда я впервые взял на себя командование — мне тогда было восемнадцать лет,— я сражался против персидского военачальника по имени Варанес. Его войско было небольшим, как и мое, и наша схватка растянулась на несколько недель. Мы в равной мере использовали маневры, уловки, обманные шаги, как и непосредственно сражались. Он был великолепным полководцем и вымотал меня до предела.

Велисарий сделал глубокий вдох.

— Он также был честным и галантным противником. Как часто случается у персов. Один раз мне пришлось бросить троих моих людей. Они получили слишком тяжелые ранения, чтобы их перевозить, а Варанес поймал меня в такой капкан, из которого требовалось выбираться немедленно — или я потерпел бы поражение. Когда Варанес на них наткнулся, он проследил, чтобы о них позаботились.

Велисарий отвернулся. На мгновение его лицо потеряло обычное спокойное выражение, но ненадолго, и Велисарий продолжил рассказ. Менандр слушал очень внимательно.

— Я обнаружил это после того, как разбил Варанеса. В конце концов я сам поймал его в капкан и ворвался в его лагерь. Трое моих людей все еще находились там. Один за это время умер от ран, но это случилось не по вине персов. Двое других оставались в безопасности благодаря Варанесу. Сам Варанес был смертельно ранен, он получил

---

[1] Арианство — течение в христианстве. Зачинатель — священник Арий (умер в 336 г.) из Александрии. Ариане не принимали один из догматов официальной христианской церкви о единой сущности Бога-отца и Бога-сына.

ранение копьем в пах. Ему потребовалось несколько часов, чтобы умереть, и я провел с ним эти часы. Я пытался облегчить его участь как мог, но рана оказалась ужасной. Несмотря на жуткую агонию, Варанес хорошо держался. Он даже шутил со мной, и мы провели время, обсуждая среди всего прочего предыдущие недели сражения. По большей части он выигрывал, но я быстро учился. Он предсказал мне большое будущее.

Велисарий замолчал на мгновение, направляя лошадь по сужающейся тропинке. Через несколько секунд они миновали последний ряд деревьев у реки. Теперь на более открытой местности полководец возобновил свой рассказ.

— К тому времени, как Варанес наконец умер, спустилась ночь. Он относился к зороастрийцам, как и большинство персов,— тем, кто поклоняется огню. Он попросил меня развести для него костер, чтобы он мог умереть, глядя в лицо свого бога. Я это сделал, и с готовностью. Священник, по крайней мере большинство православных священников осудили бы меня за это. Несомненно, священнослужители объяснили бы мне, что зороастриец в любом случае вскоре получит достаточно огня в аду, поскольку будет проклят вечно. Но я не думал, что Варанеса ждет вечное проклятие. Я не думал так тогда. И не думаю сейчас.

Наблюдавшего за полководцем Менандра поразила внезапная холодность во взгляде. Обычно карие глаза Велисария смотрели тепло, за исключением сражений. Да и даже во время сражений они не были холодными. Просто... спокойными, отстраненными от всего постороннего, наблюдательными.

Однако обычное тепло вернулось через несколько секунд. Велисарий продолжал говорить задумчиво:

— Один раз я попытался объяснить Рао тонкости триединства — так, как мог;— он махнул рукой.— Не в этом мире, а в моем видении.

Менандр, которого поразила эта прежде глубоко личная история полководца, теперь был полностью очарован. Он знал о том видении, которое Велисарию показал кристалл, доставленный ему Михаилом Македонским и епископом Антонием Александрийским за год до отправления в Индию. Велисарий рассказал ему эту историю, как и другим римлянам и аксумитам во время совместного морского путешествия.

Менандр бросил взгляд на грудь полководца. Под доспехами и туникой ничего нельзя было рассмотреть. Но молодой катафракт знал: Талисман Бога находится там, хранится в небольшом мешочке, который Велисарий всегда носит на шее. Менандр даже сам его видел, потому что Велисарий показывал его им в тесной каюте на корабле малва, на котором путешествовал посол малва Венандакатра, на пути в Индию. Тогда Менандра ослепило мистическое великолепие Талисмана. Теперь его слепило воспоминание.

Велисарий внезапно рассмеялся.

— Рао очень внимательно и терпеливо выслушал мое объяснение,— продолжал он.— Но было очевидно, что он считает все это детским лепетом. Затем он сказал мне, что по его религии существовало триста тридцать миллионов богов и богинь, все из которых в том или ином роде являются просто манифестациями самого Бога.

Велисарий улыбнулся своей обычной хитроватой улыбкой.

— Несомненно: этот человек обречен — если послушать наших священников. Но я скажу тебе вот что, Менандр: я лучше окажусь рядом с Рагунатом Рао в аду, чем рядом с патриархом Ефраимом в раю.

Велисарий больше ничего не говорил. Менандр также молчал, пытаясь разобраться с новыми для него мыслями, которые оказались гораздо сложнее простых проповедей деревенского священника.

Они добрались до рощицы, в которой римляне и аксумиты разбили лагерь. Все еще погруженный в раздумья Менандр не особо обращал внимание на то, как его лошадь идет между деревьев. Управлял ею автоматически. Но после того, как они выехали на опушку в центре рощицы, все мысли о теологии исчезли.

— Что-то случилось, Менандр,— тихо сказал полководец.

Как только Велисарий выехал на небольшую опушку, то понял: что-то не так. И Эзана, и Вахси стояли на страже перед шатром принца Эона. Обычно эту обязанность выполнял только кто-то один из них — по очереди. Более того, оба сарвена *стояли*. Обычно несущий вахту расслабленно сидел на стуле. Не было оснований стоять. На протяжении многих недель римлян и аксумитов охраняли кушаны, подразделение из более чем тридцати человек, которые являлись истинными профессионалами своего дела, особенно в обеспечении безопасности.

В позах аксумских солдат чувствовалось очевидное напряжение. Они не просто стояли, они стояли напряженно, настороже, в готовности.

Велисарий быстро оглядел открывающуюся взору местность. Освещение было плохим. Почти спустилась ночь, только самый край горизонта чуть-чуть озарялся слабым пурпурным светом. Сам солнечный шар исчез, а тот свет, который еще оставался, закрывали окружающие лагерь деревья. Для всех практических целей опушка освещалась свисавшими с шестов фонарями.

Затем Велисарий бросил взгляд на два римских шатра, расположенных недалеко от большого шатра принца Эона. Он заметил, что перед ними стоят Валентин с Анастасием. Точно так же, как сарвены — напряженно, настороже, в готовности.

Затем он посмотрел через опушку на линию шатров, в которых жили кушаны. Обычно в это время кушаны занимались приготовлением ужина. Вместо этого они собрались небольшими группками,

тихо переговаривались и бросали быстрые взгляды на шатер принца Эона и — чаще всего — на своего командира.

Теперь Велисарий посмотрел на Кунгаса. Командир кушанов стоял в одиночестве. Как и всегда, а теперь больше, чем когда-либо, Велисарию показалось, что его лицо выковано из железа. Канишка, его племянник, и следующий за ним по рангу, стоял неподалеку. Судя по тому выражению, что Велисарию удалось рассмотреть на его лице, молодой кушан казался расстроенным и приведенным в смятение.

Кунгас встретился с ним взглядом. Кушан ничего не сказал, и на железной маске — его лице — не появилось никакого выражения. Но Велисарий не упустил почти незаметного пожимания плечами.

Тогда он понял, что случилось. Из шатра Эона появился Гармат и поспешил к полководцу. Гармат просто подтвердил догадку Велисария.

— Всему хорошему когда-нибудь приходит конец,— вздохнул полководец, спешиваясь. К тому времени как Гармат достиг его, Менандр уже уводил обеих лошадей.

— У нас проблема, Велисарий,— напряженным тоном сказал Гармат.— Очень серьезная проблема.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Это не могло продолжаться вечно, Гармат. Кушаны не дураки. Конечно, до определенного предела они будут подчиняться Кунгасу и не станут задавать вопросов. Но только до определенного предела.

Он снова посмотрел на кушанов.

— Что случилось? — спросил.

Гармат пожал плечами.

— Трудно ожидать от полных жизненных сил молодых людей, таких как Эон и Шакунтала, да к тому же еще и королевской крови, что они неделю за неделей будет жить в одном шатре без возможности прогуляться или даже просто подвигаться и...

Он вздохнул. Велисарий кивнул.

— Они поссорились.

Гармат кисло улыбнулся.

— О, да. По-королевски! Из-за чего — понятия не имею. Теперь они сами не помнят, с чего все началось. Но вскоре Эон стал брать верх, и принцесса — наверное, стоит сказать: императрица — бросила ему вызов. Предложила сразиться один на один. Конечно, без оружия. Она сказала ему, что если он воспользуется оружием, то будет навечно проклят, как трус.

Несмотря на всю серьезность момента, Велисарий не мог не рассмеяться. Появившийся у него в сознании образ был неописуемо смешным. Эон, принц Аксумского царства, не отличался высоким ростом. Но он был удивительно мускулистым и сильным, как вол. В то время как невысокая маленькая Шакунтала весила вполовину меньше его.

И тем не менее...

Ее обучал сражаться голыми руками сам Рагунат Рао. Рагунат Рао, Пантера Махараштры. Ветер Великой Страны. Самый смертоносный из наемных убийц Индии, среди всего прочего.

Велисарий весело покачал головой.

— Интересно, что бы из этого вышло. Надеюсь, до драки не дошло?

Гармат покачал головой.

— Они молоды и импульсивны, но они — не сумасшедшие. Как я понял, вызов Шакунталы внезапно изменил атмосферу в шатре. К тому времени как я вошел, они уже извинялись друг перед другом и клялись в дружбе.

Он потрепал бороду.

— К сожалению, до того как атмосфера в шатре переменилась, прилегающая к шатру местность была наполнена звуками голосов разозленных людей. А у Шакунталы, как ты знаешь, весьма запоминающийся голос, в особенности, если она в ярости.— Затем Гармат добавил с неохотой и восхищением: — На самом деле голос как раз для императрицы.

Велисарий почесал подбородок.

— Ее услышали кушаны,— объявил он.

Гармат кивнул. Велисарий снова бросил взгляд на кушанских солдат. Они все еще стояли, разбившись по группам, но, к его облегчению, не создавали впечатление людей, готовых начать драку.

Однако мгновенное облегчение освободило место другому беспокойству. Велисарий осмотрел прилегающий к лагерю лес.

Как и всегда, где было возможно, Велисарий разбивал лагерь внутри рощицы. Он объяснил такое свое предпочтение малва тем, что среди деревьев не так чувствуется жара и не так печет индийское солнце. Малва со своей стороны не возражали. Они радовались, что иностранцы уединяются. Да, деревья дают тень. Но ведь хороший шатер предоставляет то же самое. А деревья также заслоняют от ветерка и там обычно роится множество насекомых.

А радовались малва потому, что деревья представляют рай для шпионов.

Пока Велисарий смотрел на деревья, из зарослей появился Усанас и вышел на опушку. Охотник небрежно стирал кровь с огромного копья.

«Нет больше шпионов малва»,— подумал Велисарий.

На его губах появилась хитрая усмешка.

Усанас в некотором роде был рабом. Очень своеобразным рабом. Высокий африканец не являлся аксумитом. Как и у всех жителей Аксумского царства, у него была черная кожа. Однако крупные черты лица Усанаса не имели ничего орлиного, отличительной черты корен-

ных аксумитов. Он родился между великими озерами — по крайней мере так сказали Велисарию — на значительном расстоянии к югу от Аксумского царства. Усанас считался личным рабом принца Эона — его даваззом, как аксумиты называли занимаемое им положение. В некотором роде советником. Очень особого рода.

Усанас подошел к Велисарию и резко кивнул. Полководец обратил внимание, что обычная широкая улыбка охотника не появляется.

— Больше шпионов нет,— тихо сообщил Усанас. Он резко кивнул на шатер.— Давай войдем внутрь,— проворчал он.— Я должен дать совет глупому мальчишке.

Усанас широкими шагами отправился к входу в шатер, Гармат последовал за ним, как рыба-прилипала за акулой. Велисарий на мгновение почувствовал жалость к молодому принцу. Давазз, когда считал это необходимым, был склонен к суровым мерам.

Велисарий снова быстро оглядел опушку. Теперь трое его катафрактов находились в полном вооружении, и выражения их лиц были такими же мрачными, как и лица сарвенов. Велисарий поймал взгляд Валентина и сделал легкое движение. Валентин слегка расслабился и пробормотал что-то Анастасию и Менандру. Катафракты не ослабили внимания, но напряжение немного спало.

Теперь Велисарий сконцентрировал внимание на кушанах, оценивая их настроение. Вассалы малва тоже были вооружены и очевидно напряжены. Но они казались пока неготовыми предпринимать решительные шаги. Может, ситуация разрешится до принятия крайних мер? Да, они злились — это было очевидно. Злились на своего командира, по большей части — как думал Велисарий. Но они выглядели смущенными, и во взглядах сквозила неуверенность. Кунгас был их командиром, в конце концов, и это положение он завоевал на сотне полей сражений. И они все связаны кровными узами. Члены одного клана, вместе призванные на службу господами из малва. Несчастливую и неблагодарную службу.

Трудные годы научили кушанов доверять только себе и больше всего доверять своему командиру. Такие привычки невозможно преодолеть за мгновение. Велисарий оценивал и размышлял над проблемой и принял решение. Как и всегда, принял быстро. Он пересек опушку широкими шагами и встал перед кушанами.

— Подождите,— приказал он.— Я должен зайти в шатер. Не принимайте решения, пока я не вернусь.

Кушаны напряглись. Слова римского полководца были произнесены на беглом кушанском. Они знали, что он неплохо говорит на их языке, но теперь он звучал идеально и без акцента. Некоторые из них бросили взгляды на деревья.

Велисарий улыбнулся — широко, не хитро.

— Шпионов там нет. Больше нет.

Кушаны тоже видели, как из лесу появился Усанас. И если они и не знали о выдающихся достижениях африканского охотника, они видели, с какой легкостью он носит в руке огромное копье, с которым никогда не расстается. Они стали незаметно расслабляться. Совсем немного.

Велисарий бросил взгляд на Кунгаса. Командир кушанов легко кивнул. Римский полководец развернулся и направился в шатер. Когда он повернулся, то замстил Дададжи Холкара, стоявшего рядом с шатром. Несмотря на возраст, отсутствие оружия, положение раба, Дададжи очевидно был готов помогать защищать шатер.

Велисарий не улыбнулся, но почувствовал глубокую симпатию к Дададжи. На сердце стало тепло.

— Пошли,— приказал он, проходя мимо Холкара.— Подозреваю, ты уже знаешь правду, но можешь сам посмотреть.

Когда они вошли в шатер, Усанас уже разошелся.

— ...буду вынужден сказать негусу нагасту, что ему лучше утопить дурака сына и зачать другого. Сарв Дакуэн придет в ярость! Они будут обвинять меня! Изобьют меня за то, что я провалился, выполняя свои обязанности! Но я выдержу дикие удары сарвенов с большой радостью! Зная, что наконец избавился от безнадежной задачи обучения принца с умом червя. Его даже не дотянешь до разума лягушки!

— Не надо его ругать! — рявкнула Шакунтала.— Это я виновата!

Девушка говорила на геэзе, как и Усанас. Она все еще плохо освоила этот язык, говорила с акцентом, но понимала достаточно, чтобы уловить смысл выступления Усанаса.

Девушка сидела на плюшевой подушке, скрестив ноги в одном углу шатра. Сидела напряженно и прямо. Несмотря на молодость и маленький рост, она вела себя с императорским достоинством.

Усанас нахмурился. На него монаршие особы не производили впечатления. Аксумиты в общем и целом и Усанас в частности не разделяли индийского благоговения перед монархами. Сам Усанас служил даваззом, в обязанности которого входило обучение принца простой истине: разница между царем и рабом не такая уж и большая. В основе основ все дело в удаче и мозгах — чтобы удержать свое положение.

Давазз переключился на хинди, на котором обычно говорили все в шатре.

— В следующий раз, императрица, не бросай вызов кретину принцу,— проворчал он.— Не вызывай его на бой. Просто бросайся на него, как львица, и избей до потери чувств. Глупая девчонка!

Усанас грустно покачал головой.

— Да, монархи глупы по натуре. Но это! Это не глупость! Это... это...— Он застонал.— Это нельзя описать! Даже на греческом, языке

философии, в котором есть слова для описания любой известной человеку глупости.

Сидевший на подушке Эон поднял склоненную до этого голову. Молодой принц — девятнадцати лет, примерно на год старше Шакунталы — попытался вернуть хоть сколько-то монаршего достоинства.

— Хватит стенаний! Говори нормально! — приказал он.

Велисарий с трудом сдержал улыбку. Он знал, что ответит Усанас до того, как давазз открыл рот.

— Говорю нормально. Как говорят с младенцами. Только такой язык понимает дурак принц!

Когда Велисарий впервые встретился с Усанасом, год назад в Константинополе, африканец говорил с ошибками, простыми фразами. Усанас несколько месяцев продолжал коверкать язык до тех пор, пока союз между римлянами и аксумитами, к которому стремился Велисарий, не закрепился после сражения с пиратами в Эритрейском море. Тогда по приказу принца Усанас прекратил притворяться, что едва может изъясниться на греческом. Римляне поразились, обнаружив, что африканец из каких-то дальних земель является удивительным лингвистом, который бегло говорит на многих языках. В особенности на греческом, который ценил Усагас, потому что любил философские споры и рассуждения — к большому удовольствию Анастасия и отчаянию остальных.

Теперь Усанас углубился в дикие пространные рассуждения об онтологических[1] различиях между невежеством и глупостью:

— ...с невежеством можно справиться. А глупость — навсегда. Подумай, глупый мальчишка, о судьбе...

— Достаточно,— приказал Велисарий.

Усанас захлопнул рот.

— Я только-только начал входить во вкус,— пожаловался через несколько секунд.

— Да, знаю. Потерпи до другого раза, Усанас. Кушаны не станут долго ждать.

Полководец показал на вход в шатер.

— Мы должны решить эту проблему. Быстро.

Эон резко выдохнул воздух. Его большие плечи опустились.

— А что им известно? — спросил он, ни на кого не глядя.

Отвечал Гармат:

— Они знают, что Шакунтала здесь. В этом шатре. Сейчас.— Теперь советник тоже сел и смотрел на принца с расстояния в несколько футов.— Это все, что они *знают*,— продолжал он.— Но они

[1] Онтология — раздел философии, изучающий основы, принципы бытия, мироустройства.

не дураки. Они поймут, что она находилась с нами со времени бойни во дворце Венандакатры в Гвалияре. Они поймут, что она не бежала вместе с Рагунатом Рао. Они поймут, что Рао повел малва за собой в то время, как императрицу тайно включили в твое окружение. И мы ее прятали с тех пор.

Он вздохнул.

— И, самое главное, они теперь поймут, почему Кунгас велел им приставать к нашим женщинам. Приставать, но не серьезно. Достаточно, чтобы начинать ложные схватки с катафрактами и сарвенами. Схватки, во время которых случайно были покалечены несколько шпионов, а оставшиеся донесли, что сопровождающие нас кушаны на самом деле такие похотливые и распутные, как дали понять Венандакатре.

Гармат бросил взгляд на Велисария и пожал плечами.

— Как я уже сказал, кушаны не дураки. К этому времени они уже услышали, что их сняли с охраны Шакунталы, потому что Венандакатра боялся их похотливости. И поэтому заменил их махамимамсами. Которые пали, как овцы, когда во дворец ворвался Рао и спас императрицу.

Советник потрепал бороду.

— Поэтому они заподозрят, что Велисарий все так и придумал с самого начала. Хотя...— тут он улыбнулся.— Они, вероятно, не знают, что Велисарий передал Рао кинжал, которым тот воспользовался, вырезая палачей.

— Другими словами, они знают все,— проворчал Усанас.

— Да,— заявил Велисарий.— И что хуже всего — это очевидно после взгляда на них — они знают, что их собственный командир должен был быть частью плана. По крайней мере в некотором роде. Они не любят малва, но они все равно поклялись служить им. Теперь они узнают, что их предали, да еще и их командир. Если малва теперь обнаружат императрицу, то им всем несдобровать. Их ждет смерть.

Полководец сделал глубокий вдох.

— Если только они мгновенно не захватят Шакунталу и не передадут ее своим господам.

— Им также придется отдать малва Кунгаса! — возразил Эон.— Малва никогда не поверят, что Кунгас не заметил Шакунталу.

Велисарий кивнул.

— Да, я уверен, что они и это понимают. И именно поэтому они колеблются.

Он снова бросил взгляд на вход в шатер.

— Они будут колебаться какое-то время. Но не очень долго. Эти люди — солдаты. Самые лучшие солдаты. Они привыкли к жестким и быстрым решениям. Они привычны к грубой необходимости и реальностям жестокого мира. Поэтому мы должны каким-то образом придумать...

— Приведи их в шатер,— перебила Шакунтала.— Всех. Прямо сейчас.

Велисарий дернулся. Даже римский император Юстиниан, даже императрица Феодора не могли бы соревноваться с этим приказным тоном. Невероятно повелительным голосом.

Он уставился на девушку. Смуглая Шакунтала была очень красива, по-экзотически. Но в этот момент ее красота была не красотой девушки, а красотой древней статуи.

«И в этом ключ,— подумал он.— Юстиниан и Феодора, несмотря на всю свою власть — люди низкого происхождения. Сколько императоров Рима на протяжении столетий могли проследить своих предков королевской крови более чем на одно или два поколения? Никто. В то время как династия Сатаваханы, которая правила Андхрой...»

— Великая Андхра,— сказал он вслух.— Теперь разбитая Андхра. Но даже яростные бедуины пустыни приходят в благоговение от сломанного сфинкса.

Шакунтала уставилась на него. Полководец почесал подбородок.

— Ты уверена в выбранном курсе, императрица? — спросил он.

Велисарий посмотрел на других людей, собравшихся в шатре. По нахмурившимся, непонимающим лицам было очевидно: только Велисарий догадался о цели Шакунталы. Он не удивился. Она предлагала настолько смелый шаг, что в это было трудно поверить.

Шакунтала уверенно кивнула.

— Никакой другой путь невозможен, Велисарий. И к тому же...

Она сделала глубокий вдох. И опять сказала величественно:

— ...это единственный путь, открытый для чести Андхры. Любой другой будет грязным.

Она рубанула рукой воздух.

— Пусть малва правят так. Я не стану.

Хмурящиеся лица, окружавшие императрицу и полководца, на секунду нахмурились еще сильнее. Было очевидно: никто другой в шатре не понимает, что она планирует.

Велисарий хитро улыбнулся и поклонился.

— Как прикажешь, императрица.

Он повернулся к выходу. Затем ему в голову ударила мысль и он повернул назад. Теперь он улыбался очень хитро.

— И вот еще что. Мы узнаем, на самом ли деле правдиво самое любимое изречение Рао.

Мгновение спустя Велисарий уже откинул кусок ткани, закрывающий вход в шатер. Когда он наклонился, чтобы выйти наружу, то обратил внимание на Усанаса. Огромный африканец открыл рот. Велисарий не очень удивился, что Усанас первым догадался. Усанас закрыл рот, его лицо озарила обычная улыбка.

— Да, греки на самом деле сумасшедшие! — воскликнул давазз.— Это неизбежный результат того, что они проводят слишком много времени, размышляя о душе.

Велисарий улыбнулся и вышел из шатра. Когда проем за ним закрылся, он услышал следующие слова Усанаса:

— Какая глупость! Какая чушь, что в конце только душа играет роль. Идиотский мистицизм от сумасшедшего бандита маратхи. Нет, нет, все на самом деле наоборот, мои хорошие, уверяю вас. Как совершенно ясно объяснил Платон, вечные и неизменяемые *формы*, которые...

— Усанас, заткнись! — рявкнул принц.— Что, черт побери, происходит?

Когда Велисарий снова вошел в шатер вместе с кушанами, то увидел, что Шакунтала уверенно взяла ситуацию в свои руки. Гармат и Эон сидели на подушках с одной стороны от нее. За их спинами стояли Эзана и Вахси. Двое сарвенов держали в руках копья, но проявляли осторожность, чтобы держать их не воинственно, а в положении «вольно». Было очевидно по мрачным выражениям лиц, что все аксумиты считают план Шакунталы — на который согласился Велисарий! — простым сумасшествием. Но для них события развивались слишком быстро и их безнадежно вовлекли в это сумасшествие.

К удивлению полководца женщины маратхи не прятались в страхе в углу шатра. Они сидели рядком, их подушки лежали прямо за Шакунталой, которая устроилась в центре большого шатра, занимая главенствующее положение.

Велисария поразило спокойствие, с которым держались женщины маратхи. Более того, спокойствие и уверенность на молодых лицах, когда они смотрели на еще более молодую императрицу, усилили уверенность самого Велисария. Он бросил взгляд на Усанаса, стоявшего в ближайшем углу шатра, и по его улыбке понял, что охотник разделяет эту уверенность.

Еще несколько недель назад эти девушки были рабынями. Они принадлежали к низшим кастам, а затем, после того как малва завоевали Андхру, их заставили стать проститутками. Римские и аксумские солдаты купили их в Бхаруче, частично ради удовольствия, но в основном для того, чтобы запустить план Велисария по спасению Шакунталы.

Вначале девушки робели. Со временем они поняли, что зверская внешность иностранцев не сопровождается зверским поведением, и маратхи расслабились. Но после того как они наконец поняли, в какой план их вовлекли, их практически парализовало от страха. До тех пор, пока их не успокоила Шакунтала и не объявила их своими новыми фрейлинами и поклялась, что сама разделит их судьбу, какой бы она ни была.

Теперь Велисарий бросил взгляд на Дададжи Холкара. Представитель народности маратхи тоже сидел рядом с императрицей, сразу слева. На нем была простая набедренная повязка раба, но в его манере держаться и выражении лица не просматривалось ничего рабского. На лице отражался острый ум, который обычно оставался скрытым из-за опущенного в землю лица и опущенных плеч, но теперь его могли видеть все. Очевидно, мужчина создавал образ высокопоставленного императорского советника, которому доверяют. И если эта аура плохо сочеталась с набедренной повязкой, тем хуже для повязки. В культуре индусов, как и римлян, имелось место для ученых аскетов.

Спокойные, уверенные лица. Заходя в шатер, кушаны заметили эти лица и поняли, что они притягивают их глаза. Как и планировала Шакунтала — понял Велисарий. Молодая императрица собрала все свои ресурсы, хотя их и насчитывалось совсем немного, чтобы произвести образ правительницы, а не беглянки. Это была фикция, но не притворство и не мошенничество. Совсем нет.

К тому времени как все кушаны вошли, даже огромный шатер оказался набит. Затем, когда за ними последовали катафракты, Велисарий подумал, что шатер может треснуть по швам.

Шакунтала взяла все в свои руки.

— Сядьте,— приказала она.— Все, кроме Усанаса.

Она посмотрела на Усанаса,

— Осмотри лес. Проверь, чтобы там не осталось шпионов.

Давазз улыбнулся. Конечно, приказ был излишним. Он уже позаботился об этом. Но он знал, что Шакунтала просто пытается успокоить кушанов. Поэтому он тут же подчинился и не стал жаловаться. Выходя из шатра, прошептал Велисарию:

— Завидуй мне, римлянин. Я по крайней мере смогу дышать.

Кушаны все еще стояли в неуверенности.

— Сядьте,— приказала Шакунтала.

Не прошло и трех секунд, как они повиновались. Но когда они садились, она снова заговорила:

— Кунгас, сядь здесь.

Шакунтала повелительно показала на одну из двух подушек, положенных недалеко от ее собственнной, по диагонали справа. Вспомнив, как рассаживались приближенные в шатре императора малва, Велисарий понял, что это индийский способ отдать честь тем, кто ближе к трону.

Она показала на другую подушку.

— Канишка — сюда.

Кушанский командир и его заместитель выполнили приказ.

После того как все кушаны расселись на укрытом ковром полу шатра, Шакунтала долго молча смотрела на них. Воины, в свою очередь, смотрели на нее. Конечно, они хорошо знали ее лицо. Именно они спасли

Шакунталу от зверствующих йетайцев в королевском дворце во время разграбления Амаварати. Они доставили ее во дворец Подлого в Гвалияре, где ей предназначалось стать новой наложницей высокопоставленного представителя малва. Они были ее охранниками во время долгих месяцев, пока ждали возвращения Венандактары с задания в Константинополе.

Тем не менее, несмотря на несколько месяцев, проведенных в ее компании, большинство их них сейчас смотрели на нее, открыв рты. Частично от удивления, поскольку увидели ее так неожиданно и при таких обстоятельствах. Но в основном их удивляло, как она изменилась. Это не девушка-пленница. Тогда она была гордой и все время бросала вызов, но ее охватывало отчаяние. А эта... Что? Кто?

Велисарий знал, что это — критический момент. У него не было времени что-то с ней обсудить. Он боялся, что из-за юношеской неопытности Шакунтала сделает ошибку и попытается объяснить ситуацию. Или попытается убедить кушанов.

Императрица Шакунтала, наследница древней Сатаваханы, законная правительница великой Андхры, начала говорить. И Велисарий понял, что с таким же успехом мог волноваться о восходе солнца.

— Я вскоре вернусь в Андхру,— объявила Шакунтала.— Моя цель здесь практически достигнута. Когда я вернусь, я построю заново империю моих предков. Я восстановлю ее величие. И я сброшу гнусность Махаведы и сотру из человеческой памяти их собак махамимамсов. Я заново построю вихары[1] и восстановлю ступы[2]. И снова я сделаю Андхру благословенным центром изучения индуизма и буддизма.

Она сделала паузу. Ее часто называли Черноглазой Жемчужиной Сатаваханы. Теперь ее глаза горели, как угольки.

— Но вначале я должна разрушить империю малва. Этому я посвящаю свою жизнь и свою священную душу. Это моя дхарма, мой долг и моя судьба. Я заставлю малва выть!

Она снова замолчала. Черная ярость в глазах смягчилась.

— Рагунат Рао уже возвращается в Великую Страну. Ветер пролетит по Махараштре. Он соберет новую армию по возвышенностям и деревням и великим городам. Он — новый главнокомандующий армии Андхры.

Она дала время кушанам переварить ее слова. Сидевшие перед ней мужчины были элитными солдатами, огрубевшими ветеранами. Они знали Рагуната Рао. Как и все индусы, они знали его репутацию. Но в отличие от многих, они знали больше. Они видели результаты во дворце в Гвалияре после того, как Пантера Махараштры пронесся по нему.

---

[1] Вихара — монастырское общежитие.

[2] Ступа — буддийское культовое сооружение, хранящее священные реликвии.

Шакунтала почувствовала, как они гордо расправляют плечи. Она ценила эту гордость. Она рассчитывала на эту гордость. Да, кушанские солдаты знали Рао и глубоко его уважали. Но их гордость происходила от знания, что он также их уважает. Потому что Рао не пытался спасти принцессу, пока они ее охраняли. Он подождал, пока их не заменили на...

Шакунтала наблюдала за тем, как их губы презрительно скривились. Она ценила это презрение. Она рассчитывала на это презрение. Сегодня кушаны являлись элитными солдатами на службе империи малва. Но они также являлись потомками тех яростных кочевников, которые вышли из Центральной Азии много столетий назад, и покорили всю Бактрию и Согдиану, и Северную Индию. Покорили их, правили ими и после того, как приняли цивилизацию и буддийскую веру, очень хорошо правили. Пока не пришли йетайцы и малва и не сделали их своими вассалами.

Шакунтала и кушаны долго смотрели друг на друга. Наблюдая за ними из задней части шатра, Велисарий поразился тому, как они теплеют друг к другу. Они и она провели долгие месяцы рядом друг с другом. И если во время того долгого и болезненного плена между ними не было дружбы, то всегда оставалось уважение. Уважение, которое со временем стало невысказанным вслух восхищением.

«Сейчас»,— подумал Велисарий.

Словно прочитав его мысли, Шакунтала заговорила:

— Рао соберет мою армию. Но мне также нужна другая сила. Мне тоже придется идти опасным путем. Мне потребуется императорская стража, чтобы защищать меня, пока я восстанавливаю Андхру.

Шакунтала отвернулась.

— Я долго думала над этим вопросом,— сказала она мягко.— Я рассматривала многие возможности. Но всегда мои мысли возвращались к одному.

Она снова посмотрела на них.

— Я не могу найти лучших людей для своей стражи, чем те, которые спасли меня от йетайцев и охраняли меня на протяжении долгих месяцев в Гвалияре.

За спиной Велисарий услышал шепот пораженного Менандра:

— Боже! Она сошла с ума!

— Чушь,— прошипел Валентин.— Она отлично их поняла.

Затем прозвучал рокочущий бас Анастасия, полный философского удовлетворения:

— Не забывай, парень: в конце только душа играет роль.

Теперь заговорил один из кушанов, сидевших в центре первого ряда. Велисарий не знал, как его зовут, но узнал его, как предводителя простых кушанских солдат. Эквивалент римского декарха.

— Мы должны знать вот что, принцесса...

— Она не принцесса! — резко сказала одна из женщин маратхи, сидевших за спиной Шакунталы. По имени Ахилабай.— Она — императрица Андхры!

Кушанский солдат поджал губы. Шакунтала командно подняла руку.

— Помолчи, Ахилабай! Мой титул для этого человска ничего не значит.

Она склонилась вперед и уставилась на кушана черными глазами.

— Его зовут Куджуло, и я хорошо его знаю. Если Куджуло решит поклясться мне в верности, то мой титул никогда не будет иметь для него значения. Неважно, сижу ли я на троне в заново отстроенном Амаварати или прячусь за баррикадами в осаждаемой горной крепости на земле маратхи, меч Куджуло всегда окажется между мною и малва.

Напряженные мускулы кушана расслабились. Он расправил плечи. Мгновение смотрел на императрицу, затем низко склонил голову.

— Спрашивай, что хочешь, Куджуло,— предложила Шакунтала.

Кушанский солдат поднял голову. В его глаза вернулась ярость, и он показал пальцем на Кунгаса.

— Нас приняли за дураков,— проворчал он.— Наш командир был частью трюка?

Шакунтала тут же ответила:

— Нет. Сейчас Кунгас впервые находится в моем присутствии с тех пор, как вас освободили от охраны моей персоны в Гвалияре. Я ни разу не разговаривала с ним с того дня.— Она произносила слова резким тоном.— Но какова цель твоего вопроса, Куджуло? Вас никто не считал дураками. *Малва* считали дураками, и их обвели вокруг пальца. Да и не я сама, а самый большой хитрец в мире — иностранный полководец Велисарий.

Все кушаны зашевелились и повернули головы. Велисарий воспринял это, как сигнал, и шагнул вперед, чтобы встать перед ними.

— Кунгас никогда не был участником заговора,— твердо заявил он.— Как и ни один из кушанских солдат.

Тогда он улыбнулся, и кушаны, увидев эту странноватую знакомую улыбку, внезапно поняли, насколько она на самом деле хитрая.

— На самом деле хитрость требовалась из-за вас,— продолжал он.— Рао никогда не смог бы спасти принцессу, пока ее охраняли вы. Даже для него задача была невыполнимой.

Он замолчал, позволяя гордости погреть сердца кушанов. Как и Шакунтала, он прекрасно знал: уважение — ключевой момент для завоевания этих людей на свою сторону.

— Поэтому я убедил Венандакатру — или по крайней мере мне так говорят, сам я в тот вечер очень сильно напился и мало что помню

из нашего разговора,— что кушаны являются самыми похотливыми людьми на земле. Настоящие сатиры, причем особенно любят и умеют совращать девственниц.

По рядам кушанов прошел смех.

— Очевидно, мои слова пали на благодатную почву,— полководец почесал подбородок.— Боюсь, господин Венандакатра готов верить в самое плохое о других людях. Может, лучше сказать, готов предполагать, что другие люди подобны ему.

В шатре прозвучал гораздо более громкий смех. Веселый смех, кушаны смеялись над ошибкой великого господина. Горький смех, потому что этого господина не случайно называли Подлым.

Велисарий пожал плечами.

— Остальное вы знаете. Вас бесцеремонно освободили от охраны Шакунталы и заменили жрецами Махаведы и палачами махамимамсами. Именно им и пришлось столкнуться с Пантерой Махаршатры, когда он пронесся по дворцу.

Все веселье исчезло.

Теперь лицо римского полководца было таким же жестким, как обычная железная маска Кунгаса.

— Кинжал, которым воспользовался Пантера, лишая жизни этих зверей из малва, привезен из моей страны. Отличный кинжал, изготовленный нашими лучшими ремесленниками. Я привез его в Индию и проследил, чтобы он попал в руки Рао.

Его лицо смягчилось, вернулась часть обычного юмора.

— Малва, как мы и планировали, подумали, что императрица убежала вместе с Рао. И они отправили в погоню тысячи раджпутов. Но Рао был один, и поэтому ему удалось от них скрыться. Мы знали, что у императрицы недостаточно навыков и умений, чтобы сделать то же самое. Поэтому, как мы и планировали изначально, Рао оставил ее во дворце, спрятав в шкафу в гостевых покоях. Когда мы приехали через два дня, мы спрятали ее среди наложниц принца Эона.

Он посмотрел сверху вниз на Кунгаса. Командир кушанов встретился с ним взглядом. Его лицо ничего не выражало.

— Кунгас об этом ничего не знал, не больше, чем кто-либо из вас. Это правда. Но в тот день, когда мы покидали Гвалияр, направляясь в Ранапур, я считаю, он узнал императрицу, когда мы проводили ее в паланкин принца Эона, установленный на слоне. Однако я не уверен, потому что он мне ничего не сказал, как и я ему. Мы никогда не обсуждали этот вопрос в дальнейшем. Но я считаю, что он узнал ее. И по своим собственным причинам решил промолчать.

Куджуло уставился на своего командира.

— Это правда? — спросил он.

Кунгас кивнул.

— Да. Все было именно так, как говорит римлянин. Я ничего не знал про их план. Но я узнал Шакунталу. В тот день, когда мы покидали Гвалияр, направляясь в Ранапур, как он и сказал.

— Но почему ты молчал? — спросил Куджуло.

— Ты не имеешь права задавать этот вопрос,— ответил Кунгас. Его тон, если это возможно, стал еще жестче, чем его лицо.— Ты можешь спрашивать о моих действиях, как твоего командира, Куджуло, и требовать отчета в них. Но ты не имеешь права допрашивать *меня*.

Куджуло слегка отпрянул назад. Казалось, все кушаны стали меньше ростом.

Кунгас резко рубанул воздух.

— Кроме того, это глупый вопрос. Сегодня вечером ты, Куджуло, можешь принять другое решение. Но не притворяйся, что ты не понял моего. Если тебе в самом деле нужно задать этот вопрос, то ты — не мой родственник.— Его железные глаза прошлись по всем кушанам.— Это касается всех вас.

По шатру пронесся тихий вздох. Внезапно один из кушанов, сидевших ближе к задней части шатра, усмехнулся.

— А почему бы и нет? — спросил он.— Меня тошнит от малва. Тошнит от их надменности, от лая йетайских собак, усмешек раджпутов.

Еще один кушан согласно проворчал.

— В любом случае нам судьбой предначертано умереть,— сказал третий тихо.— Лучше умереть почетным императорским охранником, чем вьючным животным малва.

— Я не потерплю таких разговоров,— проворчал Кунгас.— Нет такой судьбы. Есть только острие хорошего меча и умения человека, который держит этот меч за рукоятку.

В этот момент Усанас тихо вошел в шатер. Он оказался как раз вовремя, чтобы услышать замечание Кунгаса.

— И ум человека, командующего солдатами! — добавил Усанас.

Куджуло искренне рассмеялся. Глядя на императрицу, кивнул на Велисария.

— Насколько я понял, императрица, этот человек — один из твоих союзников.— Куджуло замолчал, вдохнул воздух и принял решение.— Теперь — один из *наших* союзников.

Быстрый коллективный возглас означал, что все кушанские солдаты приняли решение. Куджуло продолжал.

— Он, определенно, большой хитрец и мастер строить хитрые планы. Но подобные хитрости доведут нас лишь до определенной грани. А он еще на что-нибудь сгодится?

Шакунтала надменно выпрямилась. Велисарий заметил, как его катафракты напряглись от злости. Он уже собрался заговорить, но, увидев, как Усанас пробирается вперед, расслабился.

— Кушанский солдат — очень большой дурак,— весело заметил давазз.— Он, наверно, спрашивает у голубей, как есть мясо, а у крокодилов — как летать.

Африканский охотник встал перед Куджуло и уставился сверху вниз на кушанского солдата. Куджуло задрал голову и не отводил взгляда. Злость на Усанаса из-за сказанной им чуши начала затемнять лицо кушана.

— Почему ты спрашиваешь об этом императрицу Андхры? — продолжал Усанас.— Что она знает о таких вещах? Лучше спросить у персов, которые выжили после Миндуса.

Злость прошла, ее сменила заинтересованность. Куджуло посмотрел на Велисария.

— Он разбил персов? — Как и все воины из Центральной Азии, которые на протяжении многих веков сражались против Персидской империи, Куджуло с большим уважением относился к персидской тяжелой коннице.

— Целую армию ублюдков! — рявкнул Валентин от входа в шатер.— Только в прошлом году!

— Можешь спросить и мнение готтов, раз уж собрался,— пророкотал Анастасий.— Он так много раз бил варваров, что они наконец попросили его стать их царем. Не могли придумать лучшего способа с ним справиться.— Огромный фракиец зевнул.— Он отказался. Сказал: в этом нет вызова.

Куджуло с большим интересом смотрел на римского полководца. Он никогда не слышал о готтах, но ему доводилось встречаться в битвах с другими варварами.

— Значит, теперь мы — императорская стража династии Сатаваханы,— сделал вывод он.— Рагунат Рао — полковолец несуществующей армии, а этот Велисарий — союзник.

Куджуло улыбнулся. В этой волчьей улыбке на мгновение исчезли столетия цивилизации. Появился степной воин.

— Жаль несчастных малва! — воскликнул другой кушанский солдат.

Улыбка Куджуло стала еще шире.

— Лучше, если мы совсем не будем их жалеть,— возразил он.

Глава 11

Ровно через две недели после прибытия Велисария в Каушамби малва наконец решили заплатить установленную им цену. Учитывая все обстоятельства, Велисарий был доволен собой. А что касается предательства... Он считал, что заключил удачную сделку. В особенности для новичка.

Нанда Лал тоже так думал.

— Ты подобен торговцу лошадьми,— усмехнулся чиновник малва. Он идеально говорил на греческом. На то, что язык был для него не родным, указывал очень слабый акцент и абсолютно правильное использование грамматики. Нанда Лал снова усмехнулся.— Ты уверен, что ты — только полководец?

Велисарий кивнул.

— Я был солдатом всю взрослую жизнь. Но рос я в сельской местности. Крестьяне по своей природе умеют торговаться.

Нанда Лал рассмеялся. Очень открытым, сердечным смехом. На Велисария он произвел впечатление. Он думал, что никогда в жизни ему не доводилось встречать лучшего лжеца, чем Нанда Лал. И такого, чья душа так не соответствовала внешнему парадному мундиру.

Официально у Нанда Лала имелось много титулов.

Во-первых, он был одним из анвая-прапта сачива. Фраза приблизительно переводилась, как «занимающий пост министра по наследству». Это означало, что Нанда Лал принадлежал к самой эксклюзивной из элит малва, которые являлись кровными родственниками императора и таким образом имели право называть себя частью династии малва. Ни один человек в империи малва, который не являлся анвая-прапта сачива, не мог надеяться подняться достаточно высоко, чтобы занять любой из самых высших официальных постов, как военных, так и гражданских.

Во-вторых, Нанда Лал был мантрином — высшим советником — и таким образом являлся членом центрального совета императора Шандагупты, мантри-паришада. Да, Нанда Лал являлся одним из младших членов этого совета, тех, которых малва называли кумараматья, или кадет-министр, но тем не менее его статус считался одним из самых высоких во всей Индии.

В-третьих, Нанда Лал занимал специфический пост, который малва именовали акшапатал-адхикрита. Этот титул грубо переводился безобидно звучащей фразой «хранитель государственных документов».

На самом деле он был шпионом. Может, лучше сказать — Шпионом. С большой буквы. Или еще лучше — главным начальником всех шпионов.

Смех Нанда Лала затих, и он в последний раз печально покачал головой.

— Итак, полководец, расскажи мне все подробно. Твои впечатления? Твое мнение? На самом деле мне очень любопытно. Знаешь ли, я только шутил о торговле лошадьми.— Он снова усмехнулся.— Только полководец потребовал бы продемонстрировать ему наши военные мощности перед тем, как согласиться вступить с нами в союз. Конеч-

но, в дополнение к огромным деньгам.— Снова усмешка.— Еще к одному огромному сундуку, мне следовало бы сказать.— Усмешка.— Кстати, обустроил ты все очень умело, если позволишь мне высказать мое мнение.— Усмешка. Нанда Лал небрежно взмахнул рукой и попытался скопировать тон Велисария: — «О, что-нибудь простенькое. Типа того сундука, который вы мне презентовали».

Велисарий пожал плечами.

— Я привык говорить прямо, называть вещи своими именами. И я хотел знать... Давай лучше скажем, что я до смерти устал от прижимистых, даже жадных императоров, которые хотят чудес за горстку монет. А что касается твоего вопроса — мое мнение?..

Перед тем как ответить, Велисарий внимательно осмотрел помещение. Он не искал подслушивающих. Он нисколько не сомневался, что они тут. Ему было просто интересно.

Покои Нанда Лала по стандартам малва выглядели аскетично. И Велисарий еще раньше отметил, что Нанда Лал собственноручно заваривал и подавал чай, который они пили. Никого из слуг не пускали во внутренние покои.

«Умелые руки»,— подумал Велисарий, глядя на них.

Как и многие члены династического клана, Нанда Лал был грузным мужчиной. Но крупное тело начальника шпионской сети не отличалось рыхлостью, свойственной большинству анвая-прапта сачивам. Как подозревал Велисарий, под одеждой скрывались мускулы. И он не сомневался, что руки Нанда Лала умеют хорошо не только заваривать чай. Несмотря на их безупречность и маникюр, это были руки душителя, а не писаря.

— Увиденное произвело на меня большое впечатление,— признался Велисарий.— В особенности масштаб производства пушек и боеприпасов. У вас — то есть *нас* — огромная огневая мощь.

Он замолчал и в задумчивости почесал подбородок.

— Но?..— спросил Нанда Лал.

— Вы недостаточно продумали материально-техническое обеспечение,— многозначительно заявил Велисарий.— Есть старая солдатская поговорка, Нанда Лал: любители изучают тактику, профессионалы — матобеспечение. Оружие Вед, каким бы ни было его происхождение — и, пожалуйста, обрати внимание, что я не спрашиваю об этом,— на самом деле не является магическими. Даже с ним вам потребовалось два года, чтобы взять Ранапур. Вам следовало сделать это гораздо быстрее.

Теперь Нанда Лал искренне заинтересовался.

— Правда? Позволь мне спросить тебя, полководец: сколько времени тебе бы потребовалось, чтобы взять Ранапур?

— Восемь месяцев,— немедленно последовал ответ.— Без пушек. С ними — четыре.

Глаза чиновника малва округлились.

— Так быстро? Что мы сделали не так?

— Две вещи. Во-первых, как я сказал, у вас отвратительно поставлено материально-техническое обеспечение. Вы заменяете навыки и опыт массовостью. Вам следует развить профессиональную квартирмейстерскую роту, военно-хозяйственное управление вместо...— он с трудом сдержал презрительную насмешку.— Вместо того чтобы грузить десятки тысяч человек друг на друга. Если вы изучите ранапурскую кампанию, я уверен, вы обнаружите: направлялось абсурдное количество провизии для осаждающих.

Велисарий склонился вперед.

— И это подводит меня ко второму вопросу, который я хочу покритиковать. Ваши армии слишком медленные и ну... я не стану говорить: робкие. Не совсем. Ваши солдаты обладают достаточной смелостью, в особенности йетайцы и раджпуты. Но их робко используют.

В глазах Нанды Лала в равной степени соединились заинтересованность и подозрительность.

— А ты бы использовал их лучше? — спросил он.— Если бы мы сделали тебя главнокомандующим?

Велисарий не упустил скрываемого антагонизма. Подозрительность была так же естественна для Нанды Лала, как плавание для рыбы.

Полководец резко отмахнулся от идеи.

— Зачем спрашивать, Нанда Лал? Мы уже согласились, что от меня будет больше пользы, если я вернусь в Рим. Я буду поддерживать амбиции Юстиниана по покорению Западного Средиземноморья и проверю, чтобы его армии завязли там на долгие годы. Это очистит путь для вашего вторжения в Персию.

— А после Персии?

Велисарий пожал плечами.

— Это проблема будущего. Когда наконец начнется война между малва и Римом, мне придется открыто перейти с одной стороны на другую. Когда этот момент настанет, вы решите, какой пост в вашей армии дать мне. В настоящий момент меня этот вопрос не волнует. До его решения еще несколько лет.

Подозрительность исчезла из глаз Нанды Лала. Чиновник малва резко поднялся.

— Я внимательно обдумаю проблемы, которые ты поднял, полководец. Но думаю, на настоящий момент мы можем отложить это обсуждение.

Велисарий сам встал и потянулся.

— Подозреваю, на сегодня мы еще не закончили? — спросил он с грустной улыбкой.

Нанда Лал покачал головой так же грустно, как улыбался Велисарий.

— Боюсь, нет. Еще не вечер, полководец. По крайней мере четверо официальных лиц настояли на встрече с тобой именно сегодня. А затем, вечером нам предстоит посетить важное мероприятие.

Велисарий приподнял брови. Нанда Лал пожал плечами, этим жестом изысканно выражая одновременно отчаяние, смирение и тщательно скрываемое раздражение. Сопровождающая улыбка выражала сочувствие и понимание тяжести испытаний.

— Великая Госпожа Холи — возможно, ты слышал о ней?

Велисарий покачал головой.

— Нет? Ну, это любимая тетушка императора. Женщина производит впечатление, несмотря на возраст. Она давно требует встречи с тобой. Кажется, она очарована всеми рассказами о таинственном иностранном полководце.

Нанда Лал взял Велисария под локоток и стал подталкивать к двери. Его улыбка стала шире.

— Как я подозреваю, в основном ее интересует твоя внешность — то, что о ней говорят. Она очень любит общество молодых красивых мужчин.

Заметив, как Велисарий слегка дернулся, Нанда Лал рассмеялся:

— Не бойся, полководец! Ей почти семьдесят. И она действительно аскетка. Уверяю тебя, она просто любит посмотреть.

Нанда Лал открыл дверь. Как и всегда, сам. Никого из слуг в эти покои не пускали. Последовал за Велисарием в коридор.

Заперев дверь — это была единственная дверь во дворце с замком, по крайней мере Велисарий других не видел,— Нанда Лал повел его в большой зал.

— В любом случае она уже много дней досаждает императору. Наконец он от нее устал. Поэтому утром, как раз перед твоим прибытием, он приказал мне отвести тебя к Великой Госпоже Холи сегодня вечером после того, как мы закончим с делами.

Велисарий вздохнул. Нанда Лал скорчил гримасу.

— Я понимаю, полководец. Но, пожалуйста, не грусти. Уверяю тебя: долго мы там не задержимся. Несколько минут, чтобы засвидетельствовать почтение, немножно поболтаем, и все.

Велисарий смирился и расправил плечи.

— Как хочешь, Нанда Лал. Она живет во дворце?

Нанда Лал снова грустно покачал головой.

— К сожалению, нет. Ей не нравится дворец. Она говорит, что здесь слишком шумно и полно народу. Поэтому она живет на барже, на реке у причала.

Он усмехнулся.

— Все не так плохо! До твоего отъезда тебе обязательно следует посмотреть на баржу Великой Госпожи Холи! На самом деле там есть на что взглянуть. Она великолепна. Самая роскошная баржа из когда-либо построенных!

— Не могу дождаться,— пробормотал Велисарий.

Теперь они проходили мимо главного входа в Большой Дворец. Полководец остановил Нанду Лала, положив руку ему на предплечье.

— Подожди минутку. Мне нужно сообщить катафрактам о наших планах. Зачем им стоять на жаре и солнцепеке остаток дня?

Нанда Лал милостиво кивнул. Велисарий вышел из дверей дворца во двор. Как и всегда, трое катафрактов ждали его прямо у главного входа в Большой Дворец. Их лошади, как и лошадь Велисария, были привязаны рядом.

С первого дня после прибытия в Каушамби, когда Велисарий начал затянувшиеся переговоры с мантри-паришадом, он приказал катафрактам оставаться снаружи. Если бы он брал их с собой во все места, которые посещал во дворце, это означало бы определенную робость, что совсем не подходило для человека, планирующего предательство. И кроме того, катафракты неизбежно омрачили бы переговоры. Многие из анвая-прапта сачив присутствовали в императорском шатре, когда казнили правителя Ранапура и его семью. А те, которые не присутствовали, слышали рассказы. Конечно, было бы забавно смотреть, как самые высокопоставленные малва сжимаются в присутствии Валентина. Забавно, но непродуктивно.

Велисарий быстро описал ситуацию и велел катафрактам возвращаться в предоставленные им апартаменты. Валентин попытался возражать, но не сильно. В основном формально, поскольку должен был возражать, как телохранитель. В конце концов, они для всех считались телохранителями Велисария и ими на самом деле являлись. Но Велисарий настоял, они сели на лошадей и вернулись к комфорту и тени их роскошных апартаментов.

* * *

— Это все, Ваше Величество,— объявил Холкар.

Он завязал веревку по верху мешка и опустил его в обитое шелком отделение в небольшом сундучке. Затем закрыл крышку сундучка и встал. Мгновение восхищенно осматривал работу, потом оглядел всю комнату.

После прибытия в Каушамби римлян и аксумитов разместили в особняке, расположенном в императорском квартале столицы. Императорский район протянулся вдоль южного берега Джамны, сразу к западу от пересечения Джамны с могучим Гангом. Большой Дворец императора стоял в самой восточной части района. Особняк гостей

находился ближе к западной и стоял недалеко от флотилии роскошных барж, временных резиденций элиты малва в летний период. Воды Джамны немного облегчали жару.

Прямо к югу от императорского района вытянулись оружейные мастерские, где производили оружие малва и боеприпасы к нему,— огромный комплекс по производству пушек, ракет и пороха. Запахи, идущие от этого комплекса, часто были ужасны, но элита малва их терпела ради безопасности. Оружие Вед являлось основой их силы, и они держали его поблизости.

Особняк, в котором разместили иностранцев, принадлежал одному из многочисленных троюродных братьев Шандагупты, которого по заданию императора отправили в Бихар. Здание было почти небольшим дворцом. Там насчитывалось более чем достаточно комнат, чтобы разместить всех сопровождающих кушанов в дополнение к самим иностранным послам. Шакунтала и Эон наконец смогли спать по отдельности.

Шакунтала, по крайней мере, проводила ночи одна. Дададжи бросил взгляд на Тарабай, которая сидела на подушке в углу огромной спальни Шакунталы. Он сдержал улыбку. Женщина из народности маратхи почти не расставалась с Эоном с момента их прибытия. На самом деле сегодня она впервые взялась за выполнение обязанностей фрейлины.

Если, конечно, занятия сегодняшнего дня можно было назвать обязанностями фрейлины или горничной. Холкар в этом сомневался. Императорские фрейлины редко — вероятнее всего, никогда — проводили целый день, помогая императрице считать богатство.

Взгляд Холкара вернулся на сундучок, крышку которого Дададжи только что закрыл. Он был лишь одним из многих небольших сундучков в покоях Шакунталы. Эти сундучки значительно уступали размером большому сундуку, стоявшему в центре комнаты. Большой сундук сиял изысканной резьбой, украшенной золотом и рубинами — цветами династии малва. Теперь он практически опустел.

Шакунтала покачала головой. Она, казалось, пребывала в почти бессознательном состоянии. Когда она заговорила, в голосе слышалось благоговение.

— Я не могу в это поверить,— прошептала она.— В сундуке оказалось столько...

Дададжи улыбнулся.

— Годовой доход принца. Богатого принца.

Писарь почесал щеку.

— Тем не менее это не очень много — для императорской военной казны.

Шакунтала все еще качала головой.

— Как я когда-нибудь смогу отплатить Велисарию? — задумчиво произнесла она.

Дададжи улыбнулся шире.

— Не бойтесь, Ваше Величество. Полководец не рассчитывает, что вы расплатитесь с ним деньгами — только ударами, которые вы нанесете по малва. Ударами, которые это богатство поможет финансировать. Как он выразился? «Императрица без денег — это политическая и военная калека. Союзник-калека бесполезен для Рима».

Шакунтала прекратила качать головой. Сделав глубокий вдох, села прямо.

— Конечно, он прав. Но сколько людей ты знаешь, которые отдадут такое богатство практически незнакомому человеку? И ведь он отдал не только последнюю взятку малва.

— Сколько людей? — переспросил Холкар.— Очень немногих, Ваше Величество. Очень-очень немногих.— Раб рассмеялся вслух.— И я знаю только одного, который сделает это с такой радостью!

Шакунтала сама улыбнулась, вспоминая веселые слова Велисария прошлым вечером, когда он подарил ей сундук, который ему в свою очередь подарил Нанда Лал — и половину содержимого первого, который вручил ему Шандагупта в Ранапуре.

«Мне хочется думать об этом, как об идеальной справедливости,— сказал римский полководец, хитро улыбаясь.— Пусть взятки малва финансируют восстание Андхры».

Шакунтале, женщинам-маратхи и Холкару потребовалось потратить целый день, чтобы пересортировать монеты и камни по небольшим сундучкам, которые гораздо легче транспортировать. Большая часть сокровищ была упакована теперь в множество маленьких сундучков. Но часть Шакунтала разложила по кошелям, которые распределила между всеми членами своей группы.

Рожденных в бедности женщин-маратхи это полностью ошарашило. Каждая из них теперь имела при себе больше денег, чем все члены их больших семей заработали на протяжении нескольких поколений тяжелым трудом. Холкар внимательно посмотрел на четырех молодых женщин, сидевших в углу. Он подумал, что теперь они уже оправились от шока. Но если раньше они еще как-то колебались или сомневались, прислуживать ли им Шакунтале, теперь все колебания исчезли. Доверие императрицы полностью припаяло их к ней.

Взгляд Холкара вернулся к Шакунтале, и он тут же понял вопрос на ее лице.

— Нет необходимости, Ваше Величество,— сказал он, качая головой.— Я все еще служу Велисарию, даже если вы и являетесь моей императрицей. Если он захочет, чтобы у меня были деньги, то даст их мне. Я не могу принимать их от другого человека. И кроме того, где мне их прятать? — он насмешливо показал на набедренную повязку.

Шакунтала уже собралась ответить, но ее перебил стук в дверь.

Тарабай открыла дверь. В комнату вошел Валентин в компании с Эоном. Они подошли к Шакунтале.

— Мы можем планировать вечер,— сказал Эон и показал на Валентина.— Катафракты только что прибыли из дворца. Велисарий отпустил их до вечера. Похоже, он вернется поздно. Ему предстоит посетить какое-то мероприятие.

Катафракт нахмурился.

— Эти правящие малва еще хуже, чем греческая аристократия, когда дело касается знакомства со знаменитостями. И так плохо, что ему приходится тратить время на массу третьесортных бюрократов во дворце. А теперь они настаивают, чтобы он еще и познакомился с какой-то старухой.

Шакунтала нахмурилась.

— Старухой? Во дворце?

Валентин покачал головой.

— Нет, хуже. Они тащат его на какую-то баржу, стоящую на реке, чтобы встретиться с какой-то престрелой родственницей императора. Думаю, двоюродной бабушкой.

Шакунтала замерла.

— Как ее зовут? — прошипела она.

Валентин прищурился, глядя на нее. Его поразил ее тон.

— Великая Госпожа Холи. А что?

Шакунтала прыгнула на ноги.

— Она ведьма! Колдунья!

Валентин с Эоном уставились на нее. Шакунтала гневно топнула ножкой.

— Это правда, вы, идиоты!

Девушка с усилием успокоилась. Она знала: эти двое относятся к тому типу мужчин, с которыми даже любой намек на истерику может оказаться не только непродуктивным, а как раз наоборот.

— Поверьте мне, Валентин, Эон,— она говорила тихо и спокойно, но очень серьезно.— Мой отец несколько раз рассказывал мне о ней. Его шпионы многого не знали: было опасно к ней приближаться. Но они узнали достаточно, чтобы понять: она имеет очень большую власть среди малва. Не позволяйте ее возрасту обмануть вас. Она — колдунья!

Первым оправился Валентин.

— Я позову остальных,— сказал он и развернулся к двери.

Он вернулся менее чем через минуту, за ним пришли все члены римской и аксумской делегаций. Они также привели с собой Кунгаса.

Эон взял обсуждение в свои руки.

— У нас возникла непредвиденная ситуация, которую мы должны оценить.

Принц быстро обрисовал положение. Затем обратился к Кунгасу:

— Приведи Канишку. И Куджуло, и двух других командиров подразделений.

Кунгас исчез. Эон посмотрел на остальных, недавно появившихся в комнате.

— Вы все. Заходите и садитесь.

Пока все рассаживались — большинство просто на пол,— вернулся Кунгас. Четверо подчиненных следовали за ним. Пять кушанов не стали садиться. Эон тут же приступил к делу.

— Вы все слышали...— Он колебался, взглянув на Кунгаса.

— Я рассказал им,— проворчал командир кушанов.

— Значит, вы все в курсе,— продолжал Эон.— Может, это и ложная тревога. Но есть достаточно оснований, чтобы думать по-другому.— Он вдохнул воздух.— Как вы знаете, мы надеялись тихо покинуть Индию. Просто мирная дипломатическая миссия возвращается домой. Но Велисарий всегда предупреждал нас, что ситуация может измениться. Что что-то пойдет не так. Именно поэтому он велел приобрести запасных лошадей и слонов.

Он снова вдохнул воздух. Глубоко вдохнул.

— Не исключаю, что это как раз такой случай. Мы должны предположить, что такой.

Он обвел взглядом комнату. Все лица были мрачными, но не в смятении. Возможно, за исключением Менандра. Лицо молодого катафракта побелело от страха. Страха не за себя, а за полководца.

— У тебя есть план? — спросил Анастасий.

Эон пожал плечаи.

— Велисарий обсуждал несколько возможных альтернатив. Вы сами их слышали. Но ни одна из них на самом деле не подходит, поскольку, не исключено, сам Велисарий не сможет к нам присоединиться. Поэтому нам придется импровизировать.

Он уставился на Шакунталу.

— Первое — это удостовериться, что она выберется отсюда и окажется в безопасности. Кунгас, ты и твои люди должны сопровождать императрицу и ее фрейлин.

Кушаны кивнули.

Эон обвел взглядом помещение, осматривая сундуки с сокровищами.

— Хорошо. Вы уже готовы.

Его перебил Анастасий:

— Они должны взять и кушанок. Если полководец попал в капкан, то нам придется проводить черт знает какой отвлекающий маневр. Нам это не удастся, если придется тащить за собой женщин.

— Это не проблема,— заявил Кунгас.— Мы представим их, как женщин, обычно пристраивающихся к армии или просто любой группе солдат. Никто не увидит в этом ничего странного.

Эон кивнул.

— Хорошо. Остальные, за исключением Дададжи, будут приманкой. Дададжи, тебе придется отправиться с императрицей.

Эон тут же погасил протест Холкара.

— Ты не думаешь! Забудь о своих обязательствах перед лично Велисарием и вспомни о его цели. Единственный способ вывезти отсюда Шакунталу — это устроить обманный маневр. Молодая женщина благородного происхождения не может путешествовать по Индии без сопровождения. Кто-то должен изображать ее мужа. Никто из нас не подходит для этой роли. Только Валентин достаточно похож внешне на индуса, но он говорит с жутким акцентом. Сыграть роль мужа можешь только ты.

Холкар открыл рот, затем захлопнул его. Затем с неохотой кивнул. К нему даже вернулось чувство юмора.

— С вашего разрешения, Ваше Величество.

Шакунтала благосклонно кивнула, правда, на ее губах промелькнула только едва заметная улыбка. Было не до веселья.

— Мне нужна другая одежда,— сказал Холкар.— Набедренная повязка не пойдет.— Он усмехнулся.— Как удачно, что Велисарий заставил меня купить одежду. Как вы думаете: он умеет предсказывать будущее?

Валентин покачал головой.

— Нет. Но любит планировать на все случаи жизни. Учитывает все обстоятельства, которые могут неожиданно открыться. И заранее к ним готовится.

— Чушь! — весело воскликнул Усанас.— На самом деле все совсем не так. Велисарий сам колдун. К счастью, *наш* колдун.

Валентин проигнорировал замечание.

— Что еще? — спросил он.

— Вам потребуется проводник,— сказал Кунгас и показал на Куджуло.— Куджуло очень хорошо знает Деканское плоскогорье и бегло говорит на языке маратхи. Как и еще трое или четверо из моих людей. Возьмите их всех. В любом случае вам потребуются дополнительные бойцы. Вы пойдете по кровавой дороге.

Куджуло улыбнулся. Эон нахмурился.

— Никто не должен заподозрить, что кушаны участвуют в деле,— запротестовал он.— Это может выдать императрицу.

Кунгас отмахнулся от возражений.

— Они могут изменить внешность и выглядеть как йстайцы. У Куджуло это очень хорошо получается.

Куджуло тут же опустил плечи, выставил вперед нижнюю челюсть, придал глазам пустое выражение, стал издавать звуки, похожие на звериные. В комнате засмеялись.

Времени на колебания просто не было. Эон кивнул.

— Отлично,— сказал он.— С этим решили. Давайте...

— Нет.

Повелительный тон заставил всех в комнате застыть на своих местах. Эон гневно уставился на Шакунталу.

— Мы уже...

— Нет.

— Ваше Величество, наши планы...— сделал попытку Валентин.

— Нет.

До того как кто-то смог вымолвить хоть слово, Шакунтала сказала с ударением:

— У вас затуманены мозги. Вы плохо соображаете. Вы все.

— Полководец...— открыл рот Эон.

— Вы не думаете о полководце.

— Конечно, мы о нем думаем! — с горячностью воскликнул Валентин.— Но ничто...— катафракт внезапно резко замолчал. До него дошло то, что хотела на самом деле сказать Шакунтала.

Она смотрела на него пронзительным взглядом черных глаз. Казалось, этот взгляд приковал Валентина к месту.

— Да,— сказала она.— Вы не думаете, *как* Велисарий. Если бы *он* столкнулся с внезапно изменившейся ситуацией, он бы изменил ситуацию. Добавил новый угол.

— Какой? — спросил Эон.

Шакунтала улыбнулась.

— Нам нужен другой отвлекающий маневр. Великий маневр! Что-то, что может послужить сигналом нам всем — помните: мы же разделимся,— что побег начался. Такой отвлекающий маневр, который поможет не только прикрыть наш собственный побег, но сделает возможным — не исключено — и побег самого Велисария.

— Я — за! — объявил Менандр. И пожал плечами.— Что бы это ни было.

Шакунтала сказала ему, что она имела в виду. После того как она закончила говорить, комната взорвалась возражениями. Возражали все, кроме Менандра.

— Я — за,— упрямо повторил молодой катафракт.

— Глупая девчонка сошла с ума,— пробормотал Усанас.— Снова повторяю: особы королевской крови глупы по природе.

Шакунтала пресекла все возражения самым простым из всех возможных аргументов:

— Я приказываю.

Последовали возражения. Возражения. Возражения.

— Я приказываю.

Возражения. Возражения. Возражения.

— Я приказываю.

Выходя из комнаты, Канишка начал жаловаться своему командиру:

— От нас хотят, чтобы мы стали императорской стражей, но проклятая императрица сама...

Кунгас посмотрел на него. Как и всегда, его лицо ничего не выражало. Но в его словах присутствовала доля юмора.

— Ты всегда можешь вернуться к Венандакатре и работать на него. Вот он-то уж никогда не рисковал сам.

Канишка заткнулся.

* * *

Когда они с Нандой Лалом вечером вышли из дворца, Велисарий обнаружил, что уже готов паланкин, в котором их доставят на баржу Великой Госпожи Холи. Паланкин украшали красные и золотые флажки династии. Одни эти флажки гарантировали, что все будут уступать дорогу паланкину, куда бы он ни отправился в кишащей людьми столице. Но они почти не требовались. Перед паланкином ехали сорок стражников-йетайцев, которые с радостью растопчут любого, кто окажется достаточно глупым, чтобы попасться на дороге. Да и сам паланкин, который несли двенадцать рабов, выглядел настолько крепким и тяжелым, чтобы раздавить слона.

— Ну и сопровождение,— пробормотал он.— Она на самом деле настаивает на таком количестве охранников?

Нанда Лал покачал головой.

— Великая Госпожа Холи просто цепенеет от ужаса, если где-то поблизости от своей баржи видит вооруженных незнакомцев. У нее собственная стража. Она не доверяет даже императорской охране.— Начальник шпионской сети кивнул на йетайцев, одетых в красно-золотую форму.— После нашего прибытия позволят остаться только четверым из этих людей.

Путешествие на баржу оказалось недолгим. До причала, где самые высокопоставленные господа малва держали свои роскошные баржи, от Большого Дворца было полмили. После того как они вылезли из паланкина, Велисарий выпучил глаза при виде баржи Великой Госпожи Холи.

Как Нанда Лал и говорил, она на самом деле выглядела потрясающе. По размеру и форме она не особо отличалась от остальных роскошных барж малва. Примерно девяносто футов в длину и тридцать в ширину, несколько закругленная форма. Баржа напоминала некое мифическое существо с огромным брюхом. Самым странным на взгляд римлянина была двойная корма — создавалось впечатление, что при строительстве соединили две кормы от двух судов. Каждую

корму на всех баржах украшала голова какого-нибудь животного. В случае баржи Великой Госпожи Холи — львы.

В общем и целом украшена она была просто великолепно. Везде бросались в глаза красные и золотые цвета династии. Огромные львиные головы покрывало чеканное золото. Все уключины были золочеными. Палубные ограждения покрыты золотыми пластинами с вставленными в них рубинами. И так далее, и тому подобное. Удивительно, что баржа не тонула от веса украшений.

Велисарий взошел вслед за Нандой Лалом по мостику, который соединял баржу с причалом. Мостик перешел в закрытую палубу, на которой располагались основные каюты. Взойдя на судно, Нанда Лал вошел в дверь, расположенную напротив мостика. Мгновение спустя Велисарий обнаружил, что находится в обитом плюшем нутре баржи.

Ментальный импульс от Эйда пришел подобно удару грома.

«Опасность».

Велисарий чуть не упал.

«В чем дело?»

«Здесь Линк. Я чувствую его».

Грани задрожали от возбуждения. Но полководец просто улыбался.

«Наконец-то. Мой враг».

Глава 12

На углу переулка Кунгас сделал легкое движение рукой. Следовавшие за ним кушанские солдаты тут же остановились. Кунгас пробрался вперед и выглянул на центральную улицу.

Он не волновался, что их заметят. Ночью улицы Каушамби освещались лампами, но малва отличались жадностью и размещали их на большом расстоянии друг от друга. Несмотря на огромные богатства империи, оно не было неограниченным, а широкомасштабная кампания по производству вооружения забирала большую часть ресурсов. Элита не боялась упасть или не найти дорогу в темноте. В конце концов, рабы всюду носили их в паланкинах. И если рабы упадут, доставив неприятности господам, какое это имеет значение? После того как рабов посадят на кол, их заменят новые. В отличие от уличных ламп, рабы стоили дешево.

Удовлетворившись, Кунгас отвернулся. Десять следовавших за ним кушанов собрались плотной группой, чтобы услышать его шепот.

— Две двери. Основная почти прямо напротив. Ее охраняют трое жрецов Махаведы. В пятидесяти футах есть еще одна дверь. Двое йетайцев.

— Это сторожка,— прошептал один из кушанов.— Внутри будет целое подразделение йетайцев.

Кунгас кивнул.

— Ведите императрицу.

Один из солдат двинулся назад по переулку. Вернулся минуту спустя с Шакунталой и женщинами из маратхи.

Наблюдая за их приближением, Кунгас смог не улыбнуться, хотя чтобы не улыбнуться, пришлось приложить усилия. Некоторым из его солдат не удалось. Двое открыто ухмылялись. К счастью, у них хватило ума, чтобы отвернуться.

«Еще никогда в индийской истории ни одна императрица так не одевалась»,— подумал Кунгас, ухмыляясь про себя.

Все императорские регалии были отброшены, словно никогда и не существовали. Шакунтала и ее фрейлины облачились в традиционные одежды проституток, работающих на севере Индии. Сари не являлись чем-то необычным для уважаемых женщин, но ярко-оранжевые платки, которыми императрица и фрейлины обернули талии, приличные женщины никогда не носили. И если бедные женщины обычно ходили босиком, то проститутки носили большие безвкусные ножные браслеты на лодыжках.

Платки и браслеты предоставила Ахилабай. Оказалось, женщина из маратхи прятала их в своем рюкзаке. Она надеялась, что ей никогда не придется ими воспользоваться, но кто знает, что может преподнести жизнь? Она и другие женщины маратхи показали Шакунтале, как их носить.

Кунгас быстро описал обстановку императрице. Шакунтала кивнула:

— Значит, мы будем ждать сигнала. Если он поступит.

Она огляделась вокруг и нахмурилась.

— А что мы будем делать, если кто-то за это время нас обнаружит? Нам может потребоваться оставаться здесь какое-то время. И мы до сих пор не уверены, потребуется ли нам срочно покидать Каушамби.

Теперь Кунгас улыбнулся. Очень легко.

— Нет никаких проблем, Ваше Величество. В темноте все просто будет выглядеть так, словно подразделение солдат развлекается в переулке. Никому не придет в голову разбираться, даже йетайцам. Солдаты обычно бывают очень недовольны, если их прерывают во время этого занятия. Тем, кто прервал, может не поздоровиться.

Шакунтала скорчила гримасу.

— Мне очень не нравится именно этот маскарадный костюм,— пробормотала она.

Но на самом деле недовольства в ее голосе не прозвучало. Наблюдая за ней, Кунгас подумал, что императрица почти надеется, что им с фрейлинами все-таки потребуется принимать участие в отвлекающем маневре, а потом срочно покидать столицу. У Шакунталы темперамент беговой лошади, и за исключением всего прочего отчаянный

побег по крайней мере послужит облегчением после бесконечных недель неподвижности.

Он отвернулся, частично для того, чтобы наблюдать за входом в переулок. Однако в основном потому, что теперь Кунгас не мог сдержать улыбку.

«Служить охранником у *этой* императрицы будет интересно. Это все равно, что охранять муссон[1]».

* * *

В другом переулке, в полумиле к северо-востоку Усанас тоже с трудом сдерживал улыбку. Охраняющие баржу Великой Госпожи Холи йетайцы, как и обычно, забыли о своем долге. Все четверо развлеклись игрой в кости и гоняли их по деревянному настилу причала. Сами кости почти не производили шума, но недовольное ворчание или радостные возгласы йетайцев разносились на тридцать ярдов.

Усанас осмотрел баржу. В месте соединения мостика с баржой стояли на страже два представителя малва. Стражники из малва, в отличие от йетайцев на причале под ними, были легко вооружены и имели при себе только короткие мечи. Гранаты, свисавшие у них с поясов, указывали, что они относятся к сословию кшатриев.

Кшатрии склонялись через палубное ограждение баржи и гневно смотрели сверху вниз на йетайцев. Усанас снова с трудом сдержал улыбку. Как и все, кто решает взять в качестве домашнего животного дикого зверя, малва часто приходили в отчаяние от йетайцев. Но несмотря на все очевидное неудовольствие поведением йетайцев, кшатрии не предпринимали попыток остановить игру. Ни один человек не станет пытаться отобрать кость у домашней гиены.

Усанас продвинулся немного дальше по переулку, спрятавшись под нависающими ветками большого куста. Он не волновался, что его заметят. Династия малва не тратила денег на вырубание диких кустов в переулках столицы. Зачем им? Они не ходят по переулкам.

Он взвесил в руке одно из небольших копий. Он взял с собой два таких копья и свое любимое большое. Наконечники всех трех были замазаны золой, чтобы не выделялись в темноте.

Усанас оценил расстояние, снова взвесил копье в руке. Да, расстояние отличное. Если потребуется, он воспользуется небольшими копьями, чтобы разделаться с кшатриями на барже. А большое копье оставит для йетайцев.

---

[1] Муссон — ветер, периодически меняющий свое направление: летом дует с моря, зимой с суши.

Он даже не думал о двух гранатах, которые ему дал Менандр. Для Усанаса гранаты являлись просто средством подать сигнал. Он хотел лично расправиться с йетайцами, а что может быть для этого лучше, чем его большое копье?

* * *

В другом месте, в миле на юго-запад Менандр жалел об отсутствии украденных гранат. Наблюдая за множеством простых солдат малва, собирающихся вокруг костров, где они готовили ужин, он думал, что парочка удачно брошенных гранат сотворила бы чудеса.

Но он ничего не говорил. Гранаты были единственным, что у них имелось для подачи сигнала, если в сигнале возникнет необходимость. Сам Менандр предложил использовать их таким образом. И кроме того, молодой катафракт не хотел выслушивать еще одну лекцию Валентина о преимуществах и достоинствах холодной стали.

Менандр повернул голову и посмотрел налево. Валентин прятался за стволом дерева, не более чем в четырех футах. Ветеран встретился с ним взглядом, но ничего не сказал. Менандр посмотрел направо. Он не мог видеть Анастасия, но знал: катафракт там, спрятался немного дальше за линией деревьев, которые росли на границе военного лагеря малва. Эзана и Вахси прячутся рядом с ним, еще дальше. Рядом с ними принц Эон.

Гармат тоже прятался среди деревьев, но советник находился дальше всех. Несмотря на его возражения, старому разбойнику поручили держать лошадей. Ему и Кадфисесу, кушанскому солдату, который будет служить их проводником, если им придется бежать. В конце концов кто-то должен был это делать. У них двадцать лошадей, все резвые и возбужденные. Гармат лучше всех из их группы знает лошадей, как заметил Эзана, поэтому держать лошадей предстояло ему. Он естественно подходил для этого задания. Конечно, никто не упомянул возраст советника, но гневный взгляд Гармата четко указал, что он думает о таком распределении обязанностей.

Менандр даже не пытался разглядеть Куджуло и трех других кушанов. К этому времени они тоже уже нашли укрытие среди деревьев. Но их укрытие располагалось на противоположной стороне небольшой армейской базы.

Менандр мрачно изучал солдат малва, собравшихся вокруг костров. По его оценкам — восемьсот человек. Жалкие солдаты на самом деле. Но они все равно — враги и их все равно восемьсот.

«Матерь Божия, я надеюсь, что это будет только разминка. Бессонная ночь в лесу, самое худшее. Ложная тревога. Завтра Велисарий вернется. Никаких проблем. И мы все хорошо посмеемся над плохими

нервами. Вскоре мы покинем Индию, легко и с комфортом. Вернемся в Рим, совсем не пролив крови».

Находившийся слева от Менандра Валентин рассматривал его лицо в дрожащем свете, отбрасываемом огнем костров. Валентин заметил меняющиеся эмоции на лице молодого катафракта. Ветеран улыбнулся.

«Добро пожаловать в наш клуб, парень. Это первый закон ветерана: чертовы неожиданные авантюры».

* * *

В миле на восток к облегчению пятнадцати кушанских солдат Дададжи Холкар объявил, что доволен установленными на спинах слонов паланкинами.

— Давно пора,— проворчал Канишка.

Холкар презрительно посмотрел на него. И это оказался довольно выразительный взгляд. Как раз тот, которого можно ожидать от знатного господина из малва, каким и выглядел Холкар в своем новом одеянии. Очень знатным господином. Конечно не анвая-прапта сачива, не членом этой самой эксклюзивной династической касты, потому что тот не стал бы лично проверять, как готовят к отъезду его слонов. Но в империи малва имелось много знатных господ, в особенности в Каушамби. Столица была полна чиновников, бюрократов, господ благородного происхождения, властелинов всех сортов.

Холкар отвернулся и широким шагом направился к владельцу конюшни. Наградил того таким же надменным взглядом. Тот униженно поклонился. Трое его сыновей, стоявших за его спиной, преданно скопировали жест отца.

Наблюдая за поведением этой семьи, Холкар почувствовал огромное облегчение. Он боялся, что ему придется их убить. И если бы он был вынужден приказать кушанам убить мужчин, то не осталось бы выбора, кроме как прикончить и остальных членов семьи. Жену, дочь, двух невесток и трех слуг.

Если бы возникла необходимость, Холкар сделал бы это. Но убийство висело бы камнем у него на душе. Владелец конюшни не был врагом из малва. Просто человеком, кормящим свою семью, заботясь о лошадях и слонах тех, кто богаче его.

Но необходимости не возникло. Было очевидно: маскарадный костюм сослужил службу. Да, странно, что знатный господин уезжает ночью, а не днем. Но Холкар нашел удовлетворительное объяснение. Возникла срочная необходимость. Отец его жены находится при смерти.

— Глупая женщина,— ворчал он.— Настаивает, чтобы мы немедленно уезжали. В середине ночи! А затем несколько часов сама собирается!

Владелец конюшни осмелился показать, что прекрасно понимает знатного господина.

— Что можно сделать, господин? Женщины — невозможны!

Мгновение Холкар гневно смотрел на человека, осмелившегося высказать свое мнение. Но после того, как владелец конюшни сжался от страха должным образом, смилостивился. Подумал, что уже достаточно напустил страху на него. Теперь немного доброты — и это решит дело.

— Я очень доволен твоей работой,— объявил он надменно.— Ты хорошо позаботился о слонах, и меня удовлетворяют паланкины.

Владелец конюшни низко поклонился и многословно поблагодарил знатного господина за оценку его ничтожного труда. Холкару было весело наблюдать за направлением взгляда владельца конюшни. Он не отводил его от руки Холкара. А когда владелец конюшни увидел, как рука опустилась в очень большой кошель, висевший на поясе знатного господина, его глаза явно заблестели.

— Как я тебе и обещал, за хорошую работу плачу дополнительно.

Холкар наблюдал за лицом мужчины, когда опускал в протянутую руку небольшую горстку монет, и решил, что правильно выбрал сумму.

Но на всякий случай Холкар решил немного ослабить напряжение.

— Да, я очень доволен. Можно обратиться с просьбой? Поскольку моя жена запаздывает, ты можешь накормить моих людей? Я говорил им, что, судя по моим прошлым визитам, твоя жена прекрасно готовит.

Он снова опустил руку в кошель.

— Конечно, я заплачу.

Через несколько секунд дом владельца конюшни пришел в движение.

Наблюдая за тем, как прекрасно срабатывает их план, Дададжи Холкар улыбнулся. Кушаны оставались мрачными. Но воины, как он знал, имеют склонность предчувствовать дурное или опасаться резкого изменения планов. Холкар не смеялся над этими опасениями. Он сам в молодости был солдатом. Но много лет назад решил, что солдаты — мрачные ребята.

* * *

Один солдат в этот момент совсем не казался мрачным.

Он приехал в Индию по нескольким причинам и с несколькими целями. Многие — большинство — этих целей были уже достигнуты. Он использовал морское путешествие, чтобы закрепить союз между Римом и Аксумским царством. Он освободил императрицу Андхры из плена и таким образом заложил основы еще одного союза — с нею и Рагунатом Рао. (Он даже, к своей радости, смог использовать взятки малва для финансирования будущего восстания на Деканском плоскогорье.) Он смог многое узнать о новом оружии малва, сделанном на основе

пороха. Эти знания вместе с помощью Эйда сделают возможным создание новой римской армии, способной сражаться против малва.

Однако в основном Велисарий отправился в Индию, чтобы узнать врага. Он был полководцем и считал хорошую разведку самым полезным мероприятием в военном деле. И здесь он тоже многого добился. Велисарий видел армию малва в действии, как и йетайцев, раджпутов и кушанов. Он также смог изучить общество малва. В некотором роде он смог оценить самого императора и многих из его военных и гражданских советников.

Но одно у него не получилось. Он не встретил главного врага. Линка. Эта — сущность? существо? — в некотором роде и стала причиной вновь возникшей угрозы Риму и, как считал Велисарий, всему человечеству. Линк.

Тем не менее он был пока не уверен. Но, следуя за Нандой Лалом по королевской барже, думал, что находится на грани достижения и этой цели.

Определено так считал Эйд.

«Да. Линк здесь. Я в этом уверен».

Велисарий вспомнил, как Эйд мельком один раз показал ему странные машины, которые назовут компьютерами. Некоторые из них были огромными — ряды и ряды стальных ящиков. Другие — не больше маленького сундучка. Металл и стекло, мерцающие словно магически.

«Не эти. Новые боги развили кибернетику гораздо дальше, чем эти примитивные приспособления».

Слово «кибернетика» ничего не значило для Велисария. Точно так же, как и другие последовавшие слова. Нанотехнология[1]. Микроминиатюризация. Киберорганизмы.

Они подходили к концу длинного коридора, который шел вдоль палубы баржи. Впереди Велисарий увидел, как Нанда Лал перешагнул через высокий порог и оказался в какой-то большой комнате.

«Мы почти на месте»,— сказал полководец Эйду.

Велисарий почувствовал возбуждение граней. От Эйда пришел следующий ментальный импульс:

«Линк — киборг. Киберорганизм. Он выглядит как человек, но это не человек. За глазами нет души».

Затем Велисарий почувствовал холодное дрожание. Это было самым сильным приближением к страху, которое могло испытывать кристаллическое сознание.

«Если я останусь у тебя в сознании, то он может меня обнаружить. В хаосе шатра, когда я просил тебя посмотреть в глаза императора, я был уверен, что смогу спрятаться. Здесь я не уверен. Грани могут спрятаться, но самому Эйду это может и не удасться».

---

[1] «Нано» в сложных словах имеет значение 10 в минус девятой степени.

Велисарий подошел к порогу. Остановился, словно оценивая высоту.

«Тогда растворись. До тех пор, пока не сможешь снова появиться так, что тебе это не навредит. Ты — наш самый большой помощник. Мы должны скрыть тебя от врага».

«Если Эйд растворится, то грани не смогут тебе помочь. Этот момент очень опасен для тебя».

Велисарий переступил через порог.

«Меня зовут Велисарий. Я — твой полководец. Делай, как я приказываю».

Если в ответе Эйда и было колебание, то ни один человек не мог бы его заметить.

«Да, Великий».

* * *

Зал, в котором оказался Велисарий, был в своем роде таким же фантасмагорическим, как шатер, воздвигнутый для императора Шандагупты на поле брани. Такая невероятная роскошь на борту баржи граничила с нелепостью.

Комната была большой, в особенности для судна,— возможно, тридцать футов в ширину. Велисарий быстро оценил ширину всей баржи и понял, что боковые стены являются бортами баржи. Изысканные шелковые гобелены здесь, с внутренней стороны, практически полностью скрывали деревянную обшивку — от палубы до потолка. Большинство гобеленов изображали сцены из мифологии. Основывались на различных сказках, которые рассказывал Велисарию Дададжи. Велисарий подумал, что один из гобеленов изображает Арджуну и Кришну во время битвы на Курукшетре. Но он не был уверен и не стал тратить время на внимательный осмотр гобеленов.

Его гораздо больше интересовали не покрытые гобеленами части стен. В длину помещение составляло около сорока футов. В трех местах на каждой стене, на расстоянии примерно десяти футов, имелись квадратные бамбуковые рамки (каждая сторона составляла по три фута), которые поддерживали шелковые сети. Шелк был выкрашен в цвета малва — красные и золотые, но никаким другим образом не украшен. Велисарий не видел, что находится за сетями. Но судя по тому, как они легко надувались, догадался: они закрывают окна, через которые в помещение проникает воздух.

Быстро осмотрев окна, Велисарий отвернулся. Впереди, в дальнем конце на возвышении сидели две женщины. Оно находилось примерно на фут выше, чем устилавший пол толстый ковер. Стулья, на которых они сидели, нельзя было назвать тронами из-за размера.

Однако, если отбросить размер, то этими стульями мог бы гордиться любой император. Они были сделаны из резной слоновой кости и покрыты минимумом подушек. Их не украшали ни золото, ни драгоценные камни. Они бы просто умалили изысканную великолепную резьбу на каждом квадратном дюйме поверхности.

На обеих женщинах были богатые сари, и лица обеих скрывали вуали. С такого расстояния Велисарий не мог рассмотреть их внешность. Но он подумал — судя по позам — что та, что справа, значительно старше.

Прямо перед возвышением на коленях стояли шестеро мужчин. Велисарий подозревал, что это евнухи — судя по тому, что он узнал о традициях малва, связанных с женщинами высокого происхождения. На всех мужчинах были мешковатые штаны, подвязанные на лодыжках. Ноги оставались босыми, груди — голыми.

Национальность, к которой относились мужчины, Велисарий не знал. Явно что-то восточное, но совсем не такие, как азиаты, которых знал Велисарий. Желтоватая кожа, сильно отличающаяся от коричневых оттенков различных индийских народностей. И если Велисарию доводилось часто видеть желтоватый оттенок кожи у степных кочевников — йетайцы и в особенности кушаны часто имели такой же оттенок или близкий к нему,— то этих мужчин не отличала жесткость черт лица, характерных для степных азиатов. Как у кушанов, но не йетайцев, которых часто называли «белыми» гуннами, у этих людей были узкие глаза, причем с даже более выраженной узкоглазостью. Но их черты лица казались мягкими, без следа степной окостенелости. И их лица были такими круглыми, как Луна.

Однако больше всего в глаза бросался рост. Все они были огромными. Велисарий решил, что их рост превышает шесть футов, даже ближе к семи, и подумал, что ни один из них не весит меньше трехсот фунтов. Да, часть этого веса составлял жир. У всех имелись животики, значительно выпиравшие вперед. Но Велисарий не мог не заметить их огромные ручищи и широченные, покатые плечи. Мускулы под жиром напоминали свернувшихся питонов.

Конечно, полководец не упустил и оголенные кривые индийские сабли, которые каждый евнух держал на коленях. Эти кривые сабли были самыми большими, которые Велисарию когда-либо доводилось видеть. Ими могли пользоваться только такие гиганты, как эти.

Нанда Лал стоял в нескольких футах перед ним. Тут он низко поклонился женщинам. Затем повернулся к Велисарию и с извиняющимся выражением лица прошептал:

— Боюсь, полководец, что мы должны обыскать тебя на предмет оружия. Как я и говорил тебе, Великая Госпожа Холи очень опасается за личную безопасность.

Велисарий напрягся. Требование Нанды Лала было крайне невежливым. Как начальник шпионской сети прекрасно знал, Велисарий пришел без оружия. Он уже много дней не носил его при себе. Он не брал с собой меч, когда встречался с представителями малва королевской крови. Этим утром Велисарий оставил оружие в особняке, как делал каждый день, отправляясь в Большой Дворец. Это было для него в порядке вещей. Его собственного императора Юстиниана хватил бы удар, если бы у него на приеме кто-то появился с оружием, за исключением его собственной охраны.

Но он не видел смысла возражать. Если, как подозревал Эйд, он в самом деле находился в присутствии Линка, то паранойя малва понятна.

— Конечно,— сказал он.

Велисарий развел руки в стороны, предалагая Нанде Лалу обыскать его. Затем, услышав за спиной легкое покашливание, повернулся.

Там стояли четверо мужчин. Велисарий не услышал, как они приблизились. Несмотря на толстый ковер, это произвело на него впечатление. Он быстро оценил их. Эти явно относились к той же национальности, что и гигантские евнухи, но отличались от них средним ростом. Ни у одного из них не было огромной кривой сабли, только длинные ножи, висевшие в ножнах на талии. Больше никакого оружия Велисарий не заметил.

Их рост не обманул полководца. Велисарий подумал, что они, вероятно, в два раза опаснее огромных евнухов. И он не сомневался — судя по их неслышному появлению даже больше, чем по уверенной манере держаться,— что все они — опытные наемные убийцы.

Все еще держа руки в стороны, он позволил одному из четверых обыскать его. Наемный убийца выполнил работу быстро и умело. Когда он закончил, то отступил назад и произнес несколько фраз на языке, которого Велисарий не знал.

Нанда Лал нахмурился.

— Он говорит, что у тебя при себе есть небольшой нож. В том кошеле, на поясе.

Велисарий в удивлении посмотрел на кошель, о котором шла речь. Он уже протянул к нему руку, но застыл на месте, когда внезапно почувствовал, как замерли наблюдавшие за ним четверо наемных убийц.

Велисарий повернулся к Нанде Лалу.

— Я о нем даже не подумал, Нанда Лал. Это не оружие. Это просто маленький ножичек, который я ношу с собой, чтобы заострять перья, которыми пишу.— Велисарий замолчал на мгновение, потом добавил с унылой улыбкой: — Наверное, я мог бы убить им курицу, после отчаянной борьбы,— он пожал плечами.— Пожалуйста, забери его, если он так тебя нервирует.

Нанда Лал мгновение смотрел на него. Затем, не сводя глаз с полководца, спросил обыскивавшего Велисария мужчину что-то на том же незнакомом языке.

Наемный убийца произнес несколько фраз. Нанда Лал улыбнулся.

— Неважно, полководец. Начальник стражи Великой Госпожи Холи подтверждает твое описание э... предмета.

Теперь Нанда Лал был сама сердечность. Он взял Велисария под руку и повел к женщинам в дальней части комнаты. Шпион склонился к уху Велисария и прошептал:

— Стражник сказал, что курица выиграет.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Он недооценивает меня. Но я уверен: шрамы будут напоминать мне о схватке до самой смерти.

В десяти футах от ряда стоявших на коленях евнухов гости остановились. Нанда Лал и Велисарий, который последовал примеру начальника шпионской сети, низко поклонились, но не пали ниц. Из небольшой дверцы в углу помещения за спинами сидящих женщин появились двое слуг. Они принесли подушки, которые положили на пол прямо перед Велисарием и Нандой Лалом. Сделав это, оба отступили. Однако не ушли, остались стоять, по одному с каждой стороны. Садясь на подушку, Велисарий быстро внимательно осмотрел обоих.

«Думаю: слуги. Ничего больше».

Женский голос впереди привлек его внимание. Судя по тембру — молодой женщины. Шел он — как Велисарий и предположил — от женщины, сидевшей слева.

— Мы рады наконец встретить тебя, полководец Велисарий. Мы столько о тебе слышали.

Велисарий не мог различить черт лица женщины из-за вуали. Но он не упустил острого ума в этом голосе, который скрывался за произносимыми банальностями. И тот факт, что она говорила на идеальном греческом. Без следа акцента.

Он кивнул, но ничего не сказал.

Молодая женщина продолжала говорить.

— Меня зовут Сати. Имею честь быть одной из дочерей императора Шандагупты. А это — Великая Госпожа Холи,— она легко махнула рукой в сторону сидевшей рядом с нею женщины.— Тетя императора, как, я предполагаю, тебе уже сообщили.

Великая Госпожа Холи слегка склонила голову. Кроме этого женщина оставалась в неподвижности, как статуя. Вуаль также полностью скрывала ее лицо. Велисарий снова кивнул.

— Моя тетя попросила встречи с тобой, поскольку слышала, что ты хочешь служить целям малва. И она слышала, что ты предложил очень хитрый план для достижения нашей великой цели.

Велисарий решил, что на этот раз требуется ответить.

— Благодарю тебя и ее за теплые слова. Я не стал бы заходить так далеко и называть план очень хитрым. Хотя да, я думаю, что он сработает. Римский император Юстиниан в любом случае планирует завоевать Западное Средиземноморье. Я просто собираюсь подталкивать его к этому. Таким образом, не привлекая к себе подозрений, я могу удерживать римские армии от вмешательства, когда вы будете завоевывать Персию.

Он замолчал, надеясь, что этого будет достаточно. Но Сати стала расспрашивать его дальше.

— А тебя не беспокоит то, что объединение Римской империи заново будет представлять долгосрочную угрозу малва?

Велисарий покачал головой, очень уверенно.

— Нет, госпожа Сати. Проект Юстиниана полностью ошибочен.

— Ты утверждаешь, что Восточная Римская империя не может завоевать заново Западную?

Велисарий почувствовал, что в вопросе таится опасность, хотя и не мог точно сказать, где. После недолгого колебания он решил, что лучшим выбором станет правда.

— Я не говорил этого. По моему мнению, завоевание возможно. На самом деле...— здесь он снова замолчал, но на этот раз — для произведения нужного эффекта.— Если простите меня за нескромность, я уверен, что это можно сделать, если Юстиниан поставит меня главнокомандующим. Но это будет бесполезная победа.

— Почему?

Она пожал плечами.

— Мы можем заново завоевать Запад, но не легко. Войны будут долгими и трудными. В конце Юстиниан станет править разоренным войной Западом, которым попытается управлять с потерявшего массу денег Востока. Рим станет больше по размеру, но гораздо слабее.

— А...

Это все, что сказала Сати, но Велисарий тут же понял, что прошел какую-то проверку.

Понимание принесло небольшое облегчение напряжения, которое сдавливало его шею. Но мгновение спустя напряжение вернулось в полной мере.

Впервые заговорила Великая Госпожа Холи:

— Подойди поближе, молодой человек. У меня старые глаза и я плохо вижу. Мне хочется получше рассмотреть твое лицо.

Она также говорила на прекрасном греческом и без акцента.

Велисарий не колебался, по крайней мере, не дольше, чем ему потребовалось, чтобы оценить, на каком расстоянии следует оставаться. Он встал с подушки, на которой сидел, скрестив ноги — он тоже освоил позу лотоса,— и сделал два шага вперед. Прямо перед рядом

кривых сабель он встал на одно колено — так, чтобы его глаза находились примерно на одном уровне с глазами пожилой женщины, сидевшей в нескольких футах.

Великая Госпожа Холи склонилась вперед. Старческая, изрезанная венами рука поднялась и сняла вуаль. Темные глаза уставились прямо в карие глаза Велисария.

Пустые глаза. Темные не от радужной оболочки, а из-за отсутствия чего-либо за ними.

— Это правда, что ты планируешь предать Рим?

В этих словах было что-то странное, туманно почувствовал он. И голос звучал странно. Он имел проникающую способность. Велисарий почувствовал, как слова бегут по всем тропинкам его тела — нервам, артериям, венам, мышечной ткани, связкам.

— Ты планируешь предать Рим?

Он понял, что выдает себя. Все происходило как бы в тумане, на расстоянии, смутно. Разум — или что это? — за словами не был человеческим. Он считывал мгновенные, невольные реакции Велисария так, как не может ни один человек. Ни один живой человек не может врать достаточно хорошо, чтобы обмануть *это*.

Но парализовывали Велисария глаза, а не голос. Не страхом, а ужасом. Велисарий теперь узнал истинную природу ада. Это не огонь и проклятие. Это просто...

Пустота. Ничто.

Как и часто в прошлом, его спас Валентин. Валентин, Анастасий, Маврикий и бессчетное количество других ветеранов. Жесткие люди, грубые, в некотором роде невежественные. Часто подобные животным. Временами даже жестокие.

Но всегда люди. Никогда не пустые.

Полководец Велисарий улыбнулся своей хитрой улыбкой и сказал довольно приятным тоном:

— Черт побери всех малва.

Затем, все еще стоя на одном колене, врезал каблуком правой, обутой в сапог ноги в лицо Нанды Лала. Велисарий был сильным человеком, а его каблук прошел через многие поля сражений. Начальник шпионской сети рухнул на пол. От носа ничего не осталось.

Глава 13

Велисарий воспользовался этим ударом, чтобы прыгнуть вверх. Шесть евнухов перед ним также начали подниматься. Ворча от прилагаемых усилий, вспрыгнули с колен на корточки, потом — на ноги. Они уже заносили кривые сабли для смертельных ударов.

Велисарий не обращал на них внимания. Евнухи представляли собой непреодолимый барьер — более тонны мяса да еще с занесенными для удара саблями отделяли его от возможности убить Линка. Но они были слишком тяжеловесными, чтобы немедленно помешать побегу.

Он не слышал наемных убийц, но точно знал: они приближаются. Велисарий сделал два быстрых шага влево. Стоявшего там слугу парализовало от страха. Полководец схватил слугу за горло и бедро, резко развернулся и швырнул в наступающих наемных убийц.

Слуга завопил и врезался в трех бросившихся вперед наемных убийц. Его крик резко оборвался: четвертый быстро разобрался с препятствием, просто одним быстрым и умелым ударом зарезав его. Когда Велисарий несся к ближайшему окну, то уголком глаза заметил умирающего слугу, который все еще сдерживал трех наемных убийц. Создавалось впечатление, что их тела запутались. Кинжал, который оборвал жизнь слуги, хотя и не отличался весом меча, все равно смог отрубить шею до половины. Кинжал был острым, как бритва, и пользовался им умелый мастер.

Велисарий добрался до окна. Не было времени ни на что, кроме как на слепой бросок. Он нырнул прямо сквозь шелковую сетку, выставив вперед сжатые кулаки. Шелк порвался под давлением. Велисарий свободно пролетел сквозь окно. Он понял, что летит по ночному воздуху к поверхности Джамны. Брошенный наемным убийцей нож пролетел почти рядом — в дюйме от тела. Велисарий увидел, как нож упал в реку. Секунду спустя сам последовал за ним.

* * *

Усанас поднялся из-под куста в темном переулке, сделал два шага, распрямился. Перекинул небольшое копье из левой руки в правую.

Доносящиеся с баржи звуки не отличались повышенной громкостью, но ошибиться в их значении было нельзя. По крайней мере такие люди, как Усанас и йетайцы, игравшие в кости на деревянных мостках, поняли их значение. Йетайцы уже вспрыгивали на ноги и доставали мечи.

Однако двое кшатриев из малва, стоявших на страже наверху мостика, жили в более спокойных условиях. Они тоже услышали звуки. Но только нахмурились и отвернулись от борта баржи. Они стояли неподвижно, уставившись на ведущую во внутренние покои дверь.

Копья Усанаса попали им точно между лопаток. Оба тут же умерли. Удар послал одного из кшатриев сквозь дверь во внутреннюю часть баржи. Другой врезался в косяк. Там и остался. Копье пронзило его насквозь, вышло с другой стороны на целый фут и прикрепило его к косяку, словно бабочку.

Йетайцы, хотя и оставались настороже и были более внимательными, чем кшатрии малва, оказались недостаточно подготовлены. Как и всегда, надменность варваров сыграла с ними плохую шутку. Они бежали вверх по мостику, опустив головы, и ворчали от усилий, поэтому даже не заметили, как два копья пролетели у них над головами. Они так нацелились на выполнение своей смертоносной задачи, что им не пришло в голову, что у них нет монополии на бойню. По крайней мере до тех пор, как бегущий первым вверх по мостику варвар не заметил мертвого кшатрия, пригвожденного копьем к дверному косяку.

Тогда йетайцы вспомнили об осторожности, но слишком поздно. Первый йетайец остановился. Трое товарищей врезались в него сзади. На мгновение четверо орущих варваров превратились в запутавшуюся друг в друге кучу-малу. Мелькали только дрыгающиеся и дергающиеся конечности.

Этого мгновения для Усанаса оказалось достаточно. Он уже находился у начала мостика. Четыре огромных шага, скорее прыжка — и ужасное копье начало свою работу.

Трое йетайцев разлетелись в стороны и грохнулись с мостика вниз, на деревянный причал. Двое умерли до того, как долетели до досок. Третий умер несколько секунд спустя, от жуткой раны на спине.

У четвертого йетайца нашлось время оглянуться. Даже время на то, чтобы замахнуться мечом.

Огромное копье отвело удар меча. Затем, отклонившись от первоначального курса, жуткое железное острие разбило коленную чашечку йетайца. Усанас отвел копье назад — и снова нанес удар. На этот раз острие копья оборвало крик боли йетайца, когда прошло сквозь горло с такой же легкостью, с какой свистело по воздуху.

Усанас перепрыгнул через труп йетайца. Теперь он находился на самой барже, стоял наверху мостика. На мгновение охотник замер.

Прислушивался.

Думал.

Он услышал, как какое-то тело с приглушенным всплеском рухнуло в воду. С другой стороны баржи, с той стороны, которая выходила на реку и берег в двухстах ярдах. Теперь, внимательно прислушиваясь к шумам, доносящимся изнутри баржи — крикам ярости и отчаяния, приказам,— Усанас улыбнулся.

Полководец убежал. По крайней мере сейчас он смог убежать с баржи.

Усанас быстро прикинул возможные варианты собственных действий.

Мгновение — очень короткое — он думал подождать, пока не появится Велисарий. Но практически сразу же отказался от этой идеи. Он знал полководца. Поскольку для спасающегося с баржи человека

естественно проплыть вокруг баржи или под ней к причалу, Велисарий сделает по-другому.

Значит, задача Усанаса — это не помогать непосредственно побегу Велисария. От него опять требовался отвлекающий маневр.

Теперь Усанас достал гранату. На мгновение — снова очень короткое — он думал запустить гранату в саму баржу.

Нет. Суматоха доставит ему удовольствие, но звук взрыва будет приглушен.

«Следуй плану».

Основная цель гранат — это подать сигнал товарищам.

Усанас развернулся и побежал вниз по мостику. Мгновение спустя, снова стоя на деревянном причале, он опустил копье. Из небольшого мешочка, привязанного к поясу, вытащил удивительный механизм.

Он даже потратил секунду — очень короткую,— чтобы восхититься умным приспособлением малва, перед тем как зажечь запал первой гранаты.

Запал был коротким. Усанас бросил ее на палубу баржи. Достал вторую гранату. Зажег запал. Этот запал был еще короче.

Первый наемный убийца малва появился в дверном проеме. Увидел Усанаса, завопил от ярости. Усанас бросил вторую гранату.

Никаких трудностей бросок ему не доставил. Усанас, мастер бросать копья, обучался подобному мастерству еще мальчишкой, когда бросал камни. Граната разбила лоб наемного убийцы. Мгновение спустя лоб полностью исчез, вместе с самой головой и половиной тела. Взрыв превратил дверь в щепки.

А первая граната взорвалась на открытой палубе, произвела только легкие разрушения. Почти вся сила была направлена вверх, в деревянной обшивке осталась только небольшая дыра, как воспоминание о ярости взрыва.

Конечно, если не считать жуткий грохот, который разнесся по ночному небу над Каушамби.

Усанас подхватил копье и бросился бежать прочь. Забежав в узкий переулок, понесся подобно ветру и услышал за спиной новые крики ярости. На палубе появились другие малва и увидели его убегающую фигуру.

Он знал, что они почти ничего не увидят. Огромная фигура, несущаяся по переулку. Ростом с римского полководца. Да, цвет кожи покажется им черным. Не имеет значения. Все люди кажутся черными в темном переулке. Династия малва не видела оснований освещать переулки столицы. Они не ходят по переулкам.

«Но сегодня ночью им придется,— с ликованием подумал Усанас.— О, да, сегодня им придется познакомиться со многими темными переулками. Я проведу для них экскурсию».

Потом добавил:

«Удачи, Велисарий».

Все другие мысли исчезли, за исключением мыслей об охоте. Теперь охотник сам стал дичью. Но он был великим охотником, который изучал многих великих животных.

* * *

Отплывая от баржи, Велисарий услышал звуки борьбы у себя за спиной. Он не поворачивал голову. Это сбило бы его с ритма. Он тихо скользил к середине Джамны, плыл брассом. Но Велисарий внимательно прислушивался, а у него в этом деле был опыт. Его уши могли точно определить природу звука.

Крик боли, резко оборвавшийся. Крик ярости малва. Взрыв, приглушенный. Взрыв, громкий, как удар грома. Крики ярости малва. Крики ярости от обнаружения. Крики ярости во время преследования.

Конечно, Велисарий не был уверен, но думал, что знает имя человека, который вызвал эти звуки. Не уверен, нет. Но думал, что узнал в них некую особенность, подобно подписи. Некоторые люди, как Валентин, подписываются экономично. Другие предпочитают делать это с большим размахом.

Велисарий начал улыбаться, пока небольшая речная волна не ударила ему в лицо, вода попала в рот. Он не мог позволить себе задохнуться, не теперь, поэтому сомкнул губы и упорно продвигался дальше в темной воде.

Несмотря на силу полководца, продвигался он медленно. На нем были сапоги и одежда, которые теперь намокли. Но он не стал останавливаться, чтобы их сбросить. Пока нет. Ему требовалось добраться до середины реки, выйти из радиуса света ламп. Поэтому он просто плыл вперед, медленно, тихо, упорно, с терпением ветерана, участника многих кампаний.

Да, он думал, что знает человека, который помог ему убежать. Никогда не планировалось, чтобы этот человек вмешался так, как вмешался. Ни один план не включал попадание в капкан самого Велисария. Но он попал в капкан — и человек вмешался.

Велисарий снова сдержал улыбку, вспомнив кое-что, что один раз сказал этот человек. В отсеке корабля малва, когда они совместно строили заговор против врага, владельца того огромного корабля.

«Хорошие планы, как и хорошее мясо, не следует готовить слишком долго. А теперь мы можем обсудить более важные вещи. Философию!» — вот что сказал Усанас на корабле Венандакатры.

«Чудной человек. Странный. Но не пустой. Не ничто»,— подумал Велисарий.

* * *

Звук разрыва гранат прозвучал слабо. Не столько из-за расстояния, сколько из-за шума, производимого солдатами малва, приступившими к ужину. Они громко болтали. Но люди, прислушивавшиеся к звуку разрыва гранат, не могли его ни с чем спутать.

— Значит, случилось,— тихо, спокойно, почти безмятежно произнес Валентин, и Менандр его услышал.

Гораздо менее спокойными были следующие слова Валентина, которые тот прошипел:

— Черт побери все эти авантюры.

Но Менандр подумал, что шипение происходит больше от напряжения, чем раздражения. Валентин предпочитал очень мощный лук. Стрела, выпущенная из этого лука, полетела в лагерь малва по практически прямой траектории. Сидевший в тридцати ярдах на корточках солдат малва, наслаждавшийся ужином, тут же рухнул на землю, словно по нему ударил проносившийся мимо слон.

Первая стрела Менандра вонзилась в другого солдата. Он умер мгновенно, хотя и не с таким драматическим эффектом. Вторая стрела Валентина прилетела долей секунды позже. Третий малва отправился на тот свет.

Ужинавший поблизости взвод понес первую потерю. Тяжелое ранение, но не фатальное. Жестокая стрела Анастасия пробила левое плечо солдата малва. Анастасий не отличался точностью стрельбы из лука, но его лук был еще мощнее, чем лук Валентина.

Теперь в тридцати ярдах малва несли новые потери. Трое солдат погибли от копий, брошенных из ближайшего леса. Прилетели еще три копья. Двоих насмерть. Сразу. Третий получил смертельное ранение.

Теперь Валентин прикончил уже пятерых. Убил всех сразу же. Менандр прикончил еще одного, ранил третьего. Анастасий убил двух.

— Достаточно! — прокричал Валентин.

Катафракт развернулся и бросился в темноту, предоставляемую деревьями. Менандр с Анастасием последовали за ним. Менандр слышал, как слева убегают принц Эон и сарвены.

Не прошло и полминуты, как катафракты добрались до небольшой опушки, где Гармат и Кадфисес держали лошадей. Несколько секунд спустя на опушку выскочили Эон и сарвены.

Услышав их приближение, Гармат и Кадфисес уже вскочили на лошадей. Другие тоже быстро сели в седло.

Валентин развернул лошадь, направляясь на небольшую тропу, ведущую сквозь лес на юго-запад. Назад к армейскому лагерю малва. Даже сквозь деревья они слышали создаваемый солдатами малва шум.

Анастасий и Менандр последовали за ним. Как и Эон.

Валентин придержал коня и гневно посмотрел на принца.

— Прекрати эту глупость, Эон! — рявкнул Эзана.

Они с Вахси, вслед за Гарматом и Кадфисесом вели своих лошадей и всех запасных к другой тропе, идущей на юго-восток от опушки. Прочь от лагеря.

Эон нахмурился, но остановил лошадь. Мгновение принц и Валентин гневно смотрели друг на друга. Затем гнев на лице Валентина заменила улыбка.

Однако в этой улыбке ветерана не было ничего веселого. Просто улыбка товарища.

— Спасибо, Эон,— сказал Валентин почти мягко.— Но ты ведешь себя глупо. Аксумиты — пехотинцы, не кавалеристы. Это работа для катафрактов.

Затем он исчез. Несколько секунд спустя Анастасий и Менандр исчезли вместе с ним среди деревьев.

Эон вздохнул, развернул лошадь и погнал ее рысью по тропе, по которой поехали другие аксумиты. Мгновение спустя молодой принц пожал могучими плечами, отбрасывая сожаления, и поехал быстрее вперед, догоняя Эзану.

Сарвен бросил на него взгляд и нахмурился. Однако достаточно скоро перестал хмуриться. А еще через минуту на лице появилась улыбка. Мрачная улыбка.

Молодые принцы, напомнил себе Эзана, должны быть смелыми. Даже импульсивными. Лучше так, чем наоборот. Лучше так, чем осторожными и хитрыми, проницательными и знающими тактику. Этому можно научить.

Улыбка стала шире. Но все равно оставалась мрачной.

«Если он когда-нибудь станет негусом нагастом, то может оказаться не очень мудрым правителем,— думал Эзана.— По крайней мере недостаточно мудрым для новых времен, для малва. Но ему никогда не будет недоставать смелости. Не моему принцу».

* * *

В переулке, где прятались императрица и сопровождающие ее лица, также услышали взрывы гранат. Конечно, слабые звуки из-за расстояния. Но не совсем приглушенные. Каушамби был огромным городом, кишащим людьми. Но как и во всех городах того времени, задолго до появления электрического освещения, подавляющее большинство жителей вставало и ложилось по солнцу. Несмотря на занимаемую площадь и количество проживающих граждан, город ночью окутывала тишина, которая поразила бы горожанина из будущего.

Жрецы Махаведы и йетайцы, стоявшие на страже перед оружейными мастерскими, также слышали взрывы. Двое йетайцев прекратили ленивую болтовню, вытянули шеи в направлении звуков. Однако кроме этого не пошевелились.

Один из жрецов Махаведы нахмурился и шагнул вперед из-под навеса, где стоял на страже вместе с двумя товарищами перед тяжелыми двойными дверьми — главным входом в оружейные мастерские. Жрец сделал несколько шагов по улице, остановился, развернулся в направлении звуков, прислушался. Его пальцы нервно теребили короткий меч на поясе.

Он слушал. Слушал.

Ничего.

Тишина.

Конечно, прилегающие к причалам территории в эти минуты совсем не были погружены в тишину. К этому времени кшатрии малва и йетайцы уже носились по барже, разбегались во все стороны по причалу, бросались в темный переулок, выкрикивали приказы, потом другие выкрикивали диаметрально противоположные приказы, орали. Но эти звуки производили люди, и, несмотря на достаточную громкость, они были все равно слишком слабыми, чтобы долететь до оружейной мастерской.

— Сейчас,— прошипела Шакунтала.

Наблюдавший за малва Кунгас сделал повелительный жест.

— Пока нет,— прошептал он в ответ.

Императрица напряглась. У нее в сердце тут же стала подниматься императорская надменность, и она чуть не рявкнула на него. Но ее спас здравый смысл — здравый смысл и годы жесткого обучения Рагунатом Рао. Она прикусила губу, промолчала. У себя в сознании она слышала голос Рао:

«Итак, глупая девчонка. Ты, значит, гениальна? Ты понимаешь тактику лучше, чем человек, которые одержал победы над врагами на сотне полей сражений? Такой человек, что даже я не смог с ним справиться?»

Жесткий голос. Издевательский. Любимый.

Стоявший в центре улицы жрец Махаведы пожал плечами и пошел назад к своему месту. Еще дальше двое йетайцев опять стояли «вольно». Звук гранат прозвучал где-то далеко. Очень далеко. И за ним ничего не последовало. Никаких других звуков. Возможно, случайность. Несчастный случай. Их это не должно волновать.

— Сейчас,— прошептал Кунгас.

Шакунтала выкинула из головы все мысли о Рао. Она встала и вышла на улицу. За ней последовали четыре женщины из народности маратхи.

Тарабай вышла вперед перед Шакунталой.

— Следуйте за мной, Ваше Величество,— прошептала она.— И делайте то же, что и я. Как сможете.

Снова на мгновение королевская надменность угрожала прорваться наружу. Но на этот раз Шакунтала быстро и легко ее поборола. Ей не требовалось призывать Рао на помощь. Хватило здравого смысла.

«Ну и что что я надела эту одежду? Но на самом деле я не имею ни малейшего представления, как действует проститутка».

Она наблюдала за плавной, скользящей походкой Тарабай и пыталась, как могла, копировать ее. За спиной услышала голос Ахилабай, поднявшийся над приглушенными голосами мрачных кушанских солдат.

Резкий голос. Насмехающийся голос:

— Если хотите благотворительности, то ходите с кружкой нищего!

Шакунтала и Тарабай наполовину перешли улицу. Императрица увидела, как впереди напряглись жрецы Махаведы. Вначале от удивления. Затем от смертельного оскорбления.

Снова за спиной раздались гневные мужские голоса. Пьяные голоса, пьяно растягивающие слова заплетающимися языками. Шакунтала узнала среди них голос Кунгаса, но ничего не поняла из произносимых слов. Она концентрировала внимание на жрецах впереди себя.

Она смутно расслышала Ахилабай:

— Чертовы идиоты! Совращайте глупых девственниц, если у вас нет денег! Нечего ко мне приближаться!

Теперь до жрецов оставалось пятнадцать футов. Шакунтала едва не рассмеялась. Лица жрецов Махаведы искажала ярость, и теперь они практически сжались под навесом перед дверью в оружейные мастерские. Они достали мечи и угрожающе ими размахивали. Но это была ложная угроза, пустая. Страх загрязнения парализовал их.

— Держитесь отсюда подальше! — закричал один.

— Грязные бабы! Нечистые! — выдал другой.

Качая бедрами, Тарабай прошла вперед и произнесла ласково:

— О, не надо так кричать! Вы выглядите приличными людьми. Мы не стоим дорого.

Третий жрец Махаведы заорал, призывая йетайцев. Двое варваров уже прошли половину пути от своего поста, чтобы понаблюдать за зрелищем. Йетайцы улыбались от уха до уха. Даже вид кушанских солдат, спорящих о цене с проститутками, не мешал им веселиться.

Жрецы снова заорали, размахивая мечами, яростно пытаясь призвать йстайцев. Все еще улыбаясь, те рысью двинулись к ним.

Шакунтала шагнула вперед, чтобы встретить их. Тарабай загоняла жрецов все дальше под навес перед дверью. Она не толкала их физически, просто одно ее прикосновение могло их осквернить.

За спиной Шакунтала услышала гневный крик Ахилабай:

— Пошли вон, я сказала! Пошли вон! Бесполезное дерьмо! — Затем яростно добавила: — Мы на вас напустим йетайцев! — Потом добавила ласково: — Такие хорошие парни эти йетайцы.

Двое йетайцев настигли императрицу. Ни один из них даже не удосужился достать меч. Все еще улыбаясь, варвар слева положил руку ей на плечо.

— Пойдем, милая,— сказал он на хинди с сильным акцентом.— Оставьте в покое несчастных жрецов. В любом случае они не мужчины. Пошли к нам в сторожку — и приведите с собой ваших сестер. У нас там десять сильных йетайских парней. Они умирают от скуки, и у них есть деньги.

Шакунтала широко улыбнулась и повернула голову. Крикнула Тарабай:

— Забудь о глупых жрецах! Давай...

Она развернулась и врезала кулаком йетайцу в поддых. Варвар громко крякнул и сложился пополам. Его опускающаяся вниз голова встретилась с предплечьем Шакунталы, поднимающимся для удара. Идеальный удар — правый кулак опирается в левую ладонь, а твердая кость поднимается по воздуху вверх со всей силой бедер и тела девушки. Да, конечно, кость небольшая, и вся рука у Шакунталы небольшая. Поэтому она не разбила челюсть йетайца. Он просто рухнул на колени в полубессознательном состоянии. У него треснула челюсть и вылетела половина зубов. Это сделало колено Шакунталы. Варвар рухнул на землю.

Императрица отвернулась до того, как йетайец достиг земли, и начала борьбу с другим йетайцем. Поднимая ногу, чтобы нанести удар, она молча проклинала маскарадный костюм. Сари мешало плавному движению ноги.

Вопящий йетайец протянул руку за мечом.

Движение закончилось не начавшись.

Шакунтала опустила ногу, безвольно. Императрица уставилась, широко раскрыв глаза. Ее челюсть отвисла.

Она видела Кунгаса в действии только один раз в жизни. В Амаварати, когда Андхра наконец пала и орда малва разграбляла дворец. Но даже тогда она на самом деле не видела. Вид ей заслонял йетайец, сидевший на ней верхом. Он срывал с нее одежду и раздвигал ей ноги, готовясь изнасиловать. Она тогда только успела заметить, как отрубленный кулак йетайца летит по воздуху, перед тем как ее ослепила кровь, выливающаяся из тел обезглавленных насильников.

Тогда ту работу выполнил Кунгас, как и теперь. Менее чем через три секунды командир кушанов в прямом смысле порезал йетайца на куски.

Шакунтала сбросила секундное оцепенение и развернулась. Кушанские солдаты перестали притворяться пьяными, проскочили мимо

Тарабай и прикончили жрецов. Кровавая работа завершилась к тому моменту, как Шакунтала повернулась. У жрецов даже не было времени ничего крикнуть, только пискнуть один или два раза. Да и писк очень резко оборвался. Но Шакунтала подумала, что все произошло практически бесшумно. Она не сомневалась, что шум не донесся до сторожки, стоявшей немного дальше на той же улице.

Кушаны действовали быстро, очень быстро. Один из солдат уже осматривал ведущую в оружейные мастерские дверь. Он безразлично поставил колено на грудь мертвого жреца.

— Слишком долго,— кратко объявил он.— Две минуты, чтобы прорваться сквозь эту большую дверь.

Кунгас кивнул и отвернулся. Он ожидал подобного.

— Значит, через сторожку,— приказал он.

Кунгас отправился по улице к боковой двери, где раньше стояли два йетайца. Его люди последовали за ним такой же размашистой походкой. Быстро, быстро. Расстояние сокращалось. Шакунталу поразило почти полное отсутствие шума — кушаны умели передвигаться неслышно. Частично из-за мягкой обуви, которую Кунгас предпочитал тяжелым сандалиям. Но по большей части, думала она, они приобрели это умение в результате тренировок и опыта.

Шакунтала и женщины маратхи последовали за ними. Однако помедленнее, гораздо медленнее. Сари хорошо подходит для женской фигуры, подчеркивает ее достоинства, но не предназначено для быстрых движений. Шакунтала в раздражении дала себе молчаливую клятву. В будущем среди прочего она внесет радикальные изменения в фасон женской одежды.

Во время этого бесконечного продвижения по улице она даже выбрала стиль. Панталончики, решила она, такие, как носят танцоры из Чолы, которых она видела. Конечно, более скромные и окрашенные со вкусом, чтобы выглядеть прилично. Тем не менее панталончики, которые не будут мешать женщине двигать ногами.

Шакунтала увидела, как впереди Кунгас бросился в сторожку. Тут же последовали звуки яростной схватки. Злобное клацканье стали, разрубание плоти и крики ужаса. Тихая улица, казалось, наполнилась звуками.

Сильно ругаясь, она ускорила шаг. Звуки схватки достигли пика.

Шакунтала опять сделала шажок, снова выругалась. Шажок, ругань. Шажок, ругань. Да будь проклято это сари!

До сторожки все еще было десять ярдов. Внезапно доносившиеся из открытой двери звуки смолкли.

Наконец, наконец она достигла двери. Зашла в сторожку.

Остановилась. Очень резко. Ей в спину врезались женщины маратхи. Тарабай и Ахилабай выглянули из-за более низких плеч императрицы. Открыли рты.

Шакунтала не стала хватать ртом воздух или задыхаться. Она вообще не издала никакого звука.

У нее было смелое, яростное сердце. Яростность этого сердца в будущие десятилетия станет частью наследия, которое она оставит после себя. Наследия такого сильного, что историки будущего единогласно, что редко для этих людей, назовут ее Шакунталой Великой. Но даже ее сердце в этот момент дрогнуло.

Кушаны прошлись по йетайцам, как волки по отаре овец. Как оборотни.

Пол фактически заливала кровь. Не было ни одного йетайца — насколько Шакунтала могла видеть — не порезанного на куски. Варвары не просто умерли. Им вспороли животы, отрубили головы, ампутировали конечности, разбили черепа, разрезали грудные клетки, отрезали куски тел. Комната выглядела как внутренние помещения скотобойни. Скотобойни, которой владеет самый быстрый, самый неряшливый в мире маньяк-мясник.

Шакунтала встретилась взглядом с Кунгасом, стоявшим у противоположной стены. Несколько пятен крови появились на тунике и легкой броне командующего личной охраной Шакунталы, но немного. Он стоял на одном колене, вытирая меч о тунику йетайца. Как и всегда, его лицо ничего не выражало. Ни ужас, ни ярость, ни даже удовлетворение от выполненной работы. Точно так же висящая на стене железная маска может смотреть на проклятие и адский огонь.

Странно, что в тот момент душу Шакунталы наполняла любовь. Любовь и прощение.

Не Кунгаса, а Рао. Она никогда полностью — в самых потайных уголках того, что во многом еще оставалось сердцем ребенка — не простила Рао. Теперь она простила ему те месяцы, которые находилась в плену. Она провела долгие недели во дворце Венандакатры в Гвалияре. Когда ее выводили на прогулку по крыше или она ходила по комнатам, охраняемая Кунгасом и его кушанами, Шакунтала знала, чувствовала, что Рао скрывается в лесах неподалеку. Скрывается, но так и не приходит. Наблюдает, но не наносит удар.

Она ругала его тогда, где-то в самых глубинах детского сердца, и называла трусом. Ругала его за страх перед кушанами.

Теперь наконец она поняла. Ругала она его зря.

Понимание вернуло назад императрицу. Ребенок исчез вместе с дрогнувшим сердцем.

— Отлично,— сказала она.— Просто прекрасно.

Кунгас кивнул. Его люди улыбнулись. Никто из них, как она заметила с облегчением, сильно не пострадал. Только двое перевязывали раны, и те очевидно легкие.

Кунгас кивнул на дверь в дальней части сторожки:

— Она ведет в сами мастерские. Она не закрыта.

— Мы должны поторопиться,— сказала Шакунтала.

Она посмотрела на пол, пытаясь найти дорожку так, чтобы се ноги не промокли от крови.

Двое кушанских солдат — теперь улыбающиеся — решили проблему самым простым способом. Они схватили трупы йетайцев и выложили их на полу в ряд таким образом, что получилось некое подобие тропы из мертвой плоти.

Шакунтала не колебалась и пошла по мерзкой дороге. Другие женщины последовали за ней с большими опасениями.

К тому времени, как она миновала дверной проем, кушаны уже рассредоточились по оружейной мастерской. Они знали по предшествовавшей поспешной рекогносцировке, что на противоположной стороне огромного кирпичного здания имеется еще одна сторожка. Теперь они искали дверь, ведущую в ту сторожку, и одновременно наблюдали, чтобы не пропустить йетайца или жреца Махаведы, которые могут случайно заглянуть в мастерскую или вдруг дежурить там.

Оружейные мастерские оказались пусты. Кушаны нашли дверь. За ней услышали йетайцев. Обычные звуки, доносящиеся из казарм. Очевидно, варвары не услышали смертельной борьбы.

Кушаны слегка расслабились. Они поставили четверых охранять дверь, в то время как остальные рассредоточились по оружейной мастерской и занялись тем, ради чего собственно говоря и пришли сюда.

Шакунтала и женщины-маратхи уже открывали крышки на корзинах с порохом, используя ножи, которые недавно принадлежали стражникам йетайцам. Кушанские солдаты тут же брали открытые корзины и рассыпали порох по оружейной мастерской. Скоро, очень скоро все корзины в мастерской были как бы соединены дорожками из рассыпанного по полу пороха. Закончив эту работу, кушаны схватили ракеты, висевшие на стенах, и установили их вокруг составленных друг на друга корзин с порохом.

— Достаточно,— объявил Кунгас.

Несмотря на то что он говорил тихо, приказ услышали все. Его люди тут же прекратили работу и поспешили назад в сторожку. Правда, их задерживали медленно двигающиеся женщины. После раздраженного приказа Шакунталы кушаны взяли всех женщин на руки, включая ее саму, вынесли на улицу и отнесли их по улице в темный переулок. Только там по приказу Шакунталы их опустили на землю.

Шакунтала оглянулась назад. Кунгас уже преодолел половину пути до переулка, шел спиной вперед, рассыпая порох из корзины в руках. Последние крупинки высыпались из корзины, когда он добрался до переулка.

— Давай,— приказала Шакунтала.

Кунгас тут же склонился и выбил искру. Порох мгновенно загорелся — яростно и с шипением. Пламя стало быстро подбираться к оружейной мастерской.

— Быстро отсюда,— проворчал он.

Он не стал ждать приказа Шакунталы, просто подхватил ее на руки и побежал по переулку. За ним последовали его подчиненные с другими женщинами в руках.

Шакунтала, которую то подбрасывало вверх, то опускало вниз у Кунгаса на руках, была довольна. Но не совсем. У нее в сердце оставалось место для еще одной эмоции.

Когда через две минуты оружейная мастерская взорвалась, императрица даже удивилась. Ее разум находился в другом месте. Она думала о панталончиках.

Глава 14

Теперь Велисария от баржи отделяло пятьдесят ярдов, и он попал в основное течение Джамны. Он остановился, чтобы осмотреться и определиться, где находится. Какое-то время медленно кружил, изучал обстановку, начиная с ближайшего берега.

Теперь Велисарий находился в безопасности. Свет ламп или факелов с берега, где стояла на якоре баржа Великой Госпожи Холи, сюда не доставал. По воде струился слабый лунный свет, но очень слабый. Сквозь облака проглядывала только часть полумесяца. А судя по облакам, которые начинали закрывать небо, Велисарий подумал, что вскоре начнется ливень, типичный для сезона муссонов. Тогда видимость станет почти нулевой.

Теперь ему следовало бояться только весельных галер, патрулировавших реку. С них его могут заметить. Он видел, как несколько галер направляются в месту стоянки баржи. Капитаны галер явно услышали шум на барже и решили проверить.

Внезапно с причала ввысь взлетела ракета. Наблюдая за зеленым огнем взрыва, когда ракета взорвалась на небольшой высоте, Велисарий понял: это сигнальная ракета. Потом взлетела еще одна. И еще.

Галеры мгновенно увеличили скорость. Капитаны выкрикивали команды. Велисарий не мог разобрать слов, но их значение не вызывало сомнений. Галеры быстро собирались у причала. Он видел, как со всех направлений прибывают все новые и новые. За несколько секунд в пределах его видимости оказалось не менее четырнадцати. Он решил, что у него наконец есть время избавиться от одежды. В любом случае ему требовалось подождать, чтобы посмотреть, каким образом галеры будут осуществлять поиск.

Ему потребовалась минута, чтобы сбросить одежду. Еще минута ушла на сапоги. Их ведь не следовало терять. Еще минута, чтобы проверить, что кошель с небольшой, но очень ценной горсткой монет и драгоценных камней остался надежно привязанным к поясу. Еще минута, чтобы удостовериться: на шее висит мешочек с исключительно ценным кристаллом. И наконец последняя минута, чтобы связать всю одежду с сапогами в середине. Перед этим Велисарий вынул небольшой ножичек из кошеля и взял в зубы. Ему может потребоваться этот нож, причем мгновенно. Пользы от него не будет, если придется тратить время на доставание его из кошеля. Велисарий закончил работу, привязав тунику к шее за рукава. Таким образом он сможет нести на себе одежду, не занимая рук. Нож в зубах станет немного мешать дыханию. Но больше класть его некуда.

Все это время Велисарий внимательно наблюдал за галерами. Когда он закончил раздеваться, небольшая флотилия военных судов уже отходила от причала. Велисарий слышал выкрикиваемые приказы, но снова не мог различить слов.

Необходимости в этом не было. Для него сразу стало очевидно, как малва намереваются осуществлять поиск. Большинство галер погребли вдоль ближайшего берега, вверх и вниз по течению от баржи Великой Госпожи Холи. Солдаты склонялись с обоих бортов галер, поднимая над головами лампы. По южному берегу Джамны шли солдаты, держа в руках факелы. Они исследовали береговую линию.

Однако шесть галер погребли прочь от берега. Велисария больше всего интересовали эти суда. После мгновения наблюдений за ними он понял логику. Два судна останутся в центре реки, патрулируя в обоих направлениях. Остальные четыре направлялись к противоположному берегу, рассредотачиваясь по мере продвижения вперед. Малва не упускали ничего. Они, очевидно, думали, что Велисарий или остался у южного берега, или уже вышел на него. Но тем не менее они решили осмотреть всю реку.

Он остановил свой выбор на галере, идущей дальше всех справа от него. Галера направлялась к противоположному берегу и причалит она к нему дальше вверх по течению, чем любая другая.

Велисарий поплыл к ней. Он плыл теми же сильными гребками, брассом. Это относительно небыстрый стиль плавания. Но Велисарий был отличным пловцом, способным очень быстро передвигаться по воде, однако для его целей подойдет и брасс, и этот темп. Тем более у брасса несколько преимуществ. Он практически неслышен, руки и ноги пловца не мелькают над поверхностью воды, и с ножом в зубах это дает возможность легко дышать.

К счастью, Велисарий оказался под нужным углом, поэтому ему удалось оказаться там, где нужно, за целых полминуты до того, как

по месту проплыла галера. Полководец ждал прямо по ее линии движения. Как он и надеялся, солдаты малва на борту галеры не держали факелов на носу. Факелы имелись на корме. Солдаты на этой галере, как и все малва, явно считали, что Велисарий поплыл к ближайшему берегу. Поэтому они и смотрели на южный берег, несмотря на то что сами направлялись на противоположный.

Галера практически достигла его. Велисарий набрал побольше воздуха в легкие и нырнул. На мгновение он испугался, что куча одежды, которую он тащил на себе, может стать буйком, тянущим его на поверхность. Но теперь его одежда полностью промокла. Связка даже добавляла вес.

Теперь он плыл под баржей, под правым бортом. Тут Велисария ждало первое препятствие в исполнении поспешно придуманного плана.

Он оказался слепым, как летучая мышь. Он ничего не видел.

Конечно, Велисарий предполагал, что видимость в ночное время будет почти нулевой. Но он думал, что ему удастся разглядеть достаточно и он сможет ориентироваться под водой. К сожалению, он не учел природу самой Джамны.

Это был не горный поток с чистой прозрачной водой. Джамна — огромная, медленно текущая по долине река с мутной водой. Водой с добавлениями глины и ила. Плавание по ней напоминало плавание по жидкой угольной шахте.

Велисарий руководствовался звуками и ощущениями. Слева его границей стали с всплеском опускающиеся в воду весла. Он вытянул руку вправо и попытался нащупать деревянную обшивку корпуса.

Он рассчитал неправильно. Вероятно, его вел подсознательный страх внезапной слепоты, поэтому Велисарий плыл недостаточно глубоко. С корпусом встретились не его пальцы, а голова.

Столкновение почти оглушило полководца. На мгновение он запутался перед тем, как взял себя в руки. Он быстро нашел корпус пальцами.

Деревянная обшивка проносилась мимо. Велисарий внезапно услышал, как глохнет шум опускающихся в воду весел, словно они прошли мимо него.

«Пора»,— приказал он себе.

Он взял нож, который сжимал зубами, и поднял вверх, надеясь, что маленькое лезвие не сломается. Кончик вошел в дерево. Неглубоко — на полдюйма — но достаточно.

Используя нож, чтобы удержаться у корпуса, Велисарий стал отчаянно искать поверхность воды. Воздух в легких почти закончился.

И снова он рассчитал неправильно. Он все еще находился далеко от кормы. Прижимался лицом к корпусу. Велисарий чувствовал, как

поверхность воды теребит его волосы, но не мог ее достичь, чтобы вдохнуть воздух.

Он вырвал нож, позволил течению нести себя долю секунды, снова воткнул нож. Удар на этот раз оказался еще слабее.

Этого едва хватило. Но лезвие держало. Велисарий позволил течению поднять себя к корпусу. Голова вышла из-под поверхности воды.

У него возникло ощущение, что легкие сейчас взорвутся, но он все равно потратил долю секунды, чтобы бросить быстрый взгляд вверх, перед тем как вдохнуть воздух.

Наконец хоть что-то прошло, как запланировано. Как он и надеялся, Велисарий прятался под нависающей кормой. Открыл рот и медленно вдохнул воздух, проявляя осторожность, чтобы производить как можно меньше шума.

Минуту он просто висел там, вдыхая воздух, отдыхая. Затем оценил ситуацию.

Ситуация была ненадежная. Нож едва удерживал его у корпуса. Нож мог выскользнуть в любой момент. Если это произойдет, то галера уйдет вперед, а он останется позади. Его не очень беспокоило, что его заметят с галеры, но он не мог позволить себе потерять укрытие галеры. Укрытие и отдых. У него не было желания плыть к далекому противоположному берегу, расходуя собственные силы. Да, Велисарий в состоянии проплыть такое расстояние, но усилия измотают его. Он не мог позволить себе вымотаться. Его впереди ждало еще много, очень много изматывающих часов. По крайней мере день до того, как можно будет подумать об отдыхе.

Полководец осмотрел днище галеры, пытаясь найти твердую доску, в которую заново воткнуть нож. Ему не требовалось волноваться, что он помешает рулю. Руль на галере отсутствовал. В те времена он имелся лишь на немногих судах, если не считать суда, которые строили живущие на севере Европы варвары. Вместо него галера направлялась рулевым веслом. Весло находилось на противоположной стороне кормы от той, где прятался Велисарий. Как и римляне, малва устанавливали рулевые весла на левой стороне кормы. Велисарий решил плыть вдоль правой именно затем, чтобы его не задели тем веслом.

Внезапно он услышал взрыв где-то вдали. Затем еще один.

Еще один. И еще.

Теперь создалось впечатление, что по воде разносится гром. Шумовой вал. Звук взрывов имел странное, приглушенное качество.

Велисарий осторожно повернул голову и слегка ее приподнял. Он теперь мог видеть активность на берегу, который оставил. Малва бросали гранаты в реку. Несколько фонтанов взлетели над поверхностью.

Эти гранаты, подумал он, могут быть для него опасны.

Пришел ментальный импульс от Эйда. Грани опять работали по-старому.

«Подводные взрывы. Очень опасно. Толчки по воде передаются гораздо лучше, чем по воздуху».

Внезапно в сознании промелькнул жуткий образ его собственного тела, разорванного и кровоточащего от тысячи внутренних повреждений.

Велисарий потряс головой, чтобы избавиться от образа. Первым делом самое важное. Для его ближайших целей грохот взывов гранат — благословение. Полководец выдернул нож из деревянной обшивки, подождал долю секунды, рассчитывая движение галеры, и снова воткнул его. Нож вошел в толстый кусок дерева. Нож и сам Велисарий крепко держались.

Сильный удар ножом по дереву был совсем не тихим. Но шум полностью потонул в грохоте взрывов, причем многие гранаты теперь взрывались неподалеку. Солдаты малва, несущиеся на галерах по реке, тоже бросали гранаты в воду.

Велисарий подумал, что это занятие абсурдно. Он немного знал об эффектах подводных взрывов. Но независимо от того, как взрывная волна идет по воде, он не верил, что у малва достаточно гранат, чтобы нанести удары по всей огромной, длинной Джамне.

Полководец знал, что настоящая проблема встанет позже. Он не может долго прятаться под галерой. При дневном свете его определенно обнаружат. И в любом случае ему следовало выбраться на берег задолго до рассвета. Ему потребуется несколько часов темноты, чтобы выбраться из города незамеченным.

Поэтому тот факт, что гранаты малва не представляли для него непосредственной опасности, не приносил особого облегчения. Если солдаты продолжат бросать их в воду, Велисарий будет в опасности с того момента, как оставит галеру и поплывет к дальнему берегу. Если только галера на встанет на причал, в чем он сомневался. Ни одна из галер на противоположном берегу этого не делала. Значит, ему придется плыть как минимум тридцать ярдов до берега. К тому времени малва начнут осматривать берег. И даже если они не заметят Велисария, то смогут случайно убить его одной из гранат, которые бросают во все стороны.

Он посмотрел на небо. Тучи быстро надвигались. Полководец молился, чтобы пошел дождь.

Галера продолжала быстро разрезать воды Джамны. Добралась до середины реки.

Велисарий молился, чтобы пошел дождь.

Галера разворачивалась, меняла угол движения, чтобы идти вверх по течению на запад. Вернее, под углом между западным направлением течения и берегом — то есть на северо-запад. Теперь она находи-

лась в ста ярдах от берега и более чем в двухстах ярдах к западу от баржи Великой Госпожи Холи на противоположном берегу.

Велисарий молился, чтобы пошел дождь.

Когда галера оказалась в пятидесяти ярдах до северного берега, капитан выкрикнул новые приказы. Галера пошла практически параллельно берегу, направляясь на запад. Капитан велел приблизиться на тридцать ярдов к берегу, но ближе не подходил.

Вскоре они уже удалились на триста ярдов от баржи Великой Госпожи Холи. Четыреста ярдов.

Но галера так и не подходила ближе к берегу. Держалась в тридцати ярдах.

Велисарий тихо ругался. Ему придется плыть. Прямо на глазах внимательных солдат, которые держат в руках гранаты.

Он в последний раз взглянул вверх. Теперь тучи затянули практически все небо. Он снова молился о дожде.

Его молитвы были услышаны. Но не совсем так, как он просил. Сильнейший, грохочущий, вулканический взрыв сотряс небо на юго-востоке. Удар грома от этого взрыва прокатился по реке, потопляя взрывы гранат, как капли дождя тонут в океанской волне.

На мгновение все стихло. Затем, опять с юго-востока донеслись другие звуки, последовавшие практически сразу же за первым взрывом. Один взрыв за другим, и еще. Ни один из них по интенсивности не напоминал первый, но сплошным потоком они казались еще страшнее. Теперь в небо с шипением также стали взлетать ракеты, под всеми возможными углами, и каждая летела по своей собственной траектории, словно их никто не нацеливал. Просто какая-то рука гиганта отправляла их куда полетят сами.

Капитан галеры выкрикнул новые приказы. Галера стала разворачиваться от северного берега, теперь планируя вернуться на юго-восток, туда, где у берега стояла баржа Великой Госпожи Холи, вернее качалась на волнах, приходящих от места взрывов.

Велисарий не смог различить всех слов капитана — его голос, как и все другие звуки, заглушил непрекращающийся грохот далеких взрывов. Но он знал, что случилось. С самого начала малва не особо напрягались, осматривая северный берег. Теперь, после этих дальнейших драматических доказательств, свидетельствующих, что подлый и гнусный иностранный полководец убежал на юг, от осмотра северного берега полностью отказались.

Велисарий выдернул нож из корпуса, оттолкнулся и погрузился в воду. Когда он минуту спустя поднял голову, корма быстро удаляющейся галеры была едва различима в темноте.

Еще через минуту Велисарий уже оказался у берега. Через несколько секунд нашел укрытие под низко нависающими ветками ка-

кого-то дерева. Там развернул одежду, выжал, вылил воду из сапог, быстро оделся и обулся.

Как только он вышел из-под дерева, наконец хлынул дождь. Через несколько секунд его одежда снова промокла, словно он ее и не выжимал.

Однако направляясь прочь широким шагом, Велисарий не расстраивался. Как раз наоборот. Он улыбался так широко, как Усанас.

Несмотря на свою репутацию отличного стратега — мастера тактики и маневров, Велисарий всегда знал, что война никогда не развивается четко и предсказуемо. Хаос и сумятица являются самой душой зверя. Секрет в том, чтобы ценить этот смерч, а не пугаться его.

Хаос был лучшим другом Велисария, суматоха — дорогим товарищем.

Он повернул голову, восхищаясь хаосом на юго-востоке. С любовью поднял глаза на небеса.

«Ты не боишься? — пришел ментальный импульс от удивленного Эйда.— Теперь мы совсем одни».

Велисарий отправил Эйду свой ментальный образ.

Он и кристалл. Пробираются сквозь турбулентный смерч. Используют каждый порыв ветра, взлетают ввысь, избегают падения вниз. Против них идет зверь по имени малва. В отчаянии бьет гигантскими крыльями, задыхаясь от бессильной ярости.

Зверь очень напоминал гигантскую курицу.

* * *

В другом месте в этот самый момент Валентин проклинал хаос и суматоху.

Оружейная мастерская взорвалась как раз в тот момент, когда катафракты начали свой бросок, направляясь на лагерь малва.

Результатом была самая абсурдная ситуация, в которой Валентин оказывался когда-либо в жизни.

Они с Анастасием идеально рассчитали время броска. Они позволили пройти какому-то времени после первой атаки лагеря, перед тем как совершить кавалерийский бросок. Эти минуты требовались, чтобы аксумиты отъехали подальше. Это было необходимо, поскольку все аксумиты, за исключением Гармата, не имели достаточных навыков наездников, как катафракты. Время требовалось и для того, что шокированные товарищи убитых солдат малва распространили панику. Минуты, чтобы полукомпетентные командиры этих полукомпетентных войск собрались вместе и стали выкрикивать противоречащие друг другу приказы. Минуты, чтобы хаос превратился в суматоху. Минуты, чтобы дать Куджуло и другим кушанам, переодетым в йетай-

цев, пробежать по лагерю малва, выкрикивая новость о побеге предателя, иностранного полководца Велисария.

Наконец время пришло. К этой минуте, по оценкам Валентина, Куджуло и кушаны, которые должны были подойти с другой стороны лагеря, уже достигли командующих в лагере малва. Там на ломаном хинди, перемежаемом яростными ругательствами йетайцев, они уже приказали командирам начинать бросок на юг, где, как известно, прячется иностранный полководец.

Все, что требовалось, чтобы подтвердить их слова,— это внезапная атака катафрактов на южную часть лагеря.

Валентин отдал приказ. Вместе с двумя товарищами выскочил из-под деревьев. Их лошади понеслись к лагерю малва, стоящему примерно в шестидесяти ярдах. Они натянули луки, выпустили первую партию стрел...

Небо на северо-востоке превратилось в огонь и гром.

Все солдаты малва в лагере повернулись как один и с открытыми ртами уставились на зрелище. Они даже не заметили первые три потери в своих рядах. Трех солдат, которые рухнули наземь со стрелами в спинах.

Они не заметили и следующих трех убитых. И следующих. И следующих.

К тому времени, как Валентин и его товарищи добрались до жалкого низкого заборчика, окружающего лагерь, они уже убили восемь солдат малва и серьезно ранили примерно стольких же.

И несмотря на то что катафракты избавились от стольких противников, они вполне могли бы послать вместо себя мальчишек, бросающих камушки. До сих пор все солдаты малва еще смотрели в другую сторону, в ужасе открыв рот. Они наблюдали за невероятным зрелищем на севере, совершенно не замечая, что несут потери от летящих с юга стрел.

Катафракты остановили лошадей у самой границы лагеря. Они совсем не планировали вступать в схватку с солдатами малва. Они просто хотели привлечь к себе внимание.

Серия взрывов продолжала грохотать на севере. Ракеты взлетали в небо во всех направлениях, шипели и врезались куда попало.

Валентин ругался, но громкие ругательства тонули в шуме взрывов.

Ему на помощь пришел хаос. Одна из ракет, выстрелившая из взорвавшейся оружейной мастерской, прилетела прямо в лагерь малва. Собравшиеся солдаты наблюдали за траекторией ее полета. Как она взлетала все выше, выше и выше и все равно направлялась к ним.

На самом деле ракета не представляла для них особой опасности. Но в ее неумолимом полете было что-то пугающее. Эта ракета — в

отличие от других летящих вроде бы без определенной цели — казалось, собралась ударить прямо по лагерю. Ее траектория была прямой и не менялась, подобно траектории стрелы.

Толпа солдат стала отступать. Затем почти как один они повернулись и, толкаясь, стали отступать в южном направлении. Прочь от летящей на них ракеты.

Наконец малва увидели катафрактов. Наконец, спотыкаясь об убитых товарищей, увидели, сколько человек среди них уже пострадало.

— Давно пора, тупые ублюдки! — рявкнул Валентин.

Он натянул лук и убил малва в первом ярду. Еще одного. Еще. Анастасий и Менандр добавили свою долю трупов.

Валентин увидел, как один йетайец бросился вперед. Он уже собирался убить его, но быстро изменил цель, прикончив ближайшего солдата малва.

— Это римляне! — услышал он крик йетайца на грубом, неправильном хинди.— Сам Велисарий! За ними! Хватайте их!

Йетайец перепрыгнул через заборчик, по-командирски размахивая мечом.

— За ними! — приказал он.

Валентин увидел, как еще трое йетайцев протолкнулись сквозь толпу малва, не жалея ударов, правда незаточенной частью мечей, по спинам простых пехотинцев, и выкрикивая ту же простую команду:

— За ними! За ними!

Валентин развернул лошадь и понесся галопом. Анастасий и Менандр последовали за ним. Несколько секунд спустя с ревом вся толпа малва бросилась в погоню.

По пути катафракт подумал:

«Ты очень смелый парень, Куджуло. Ты, сумасшедший сукин сын! Я ведь мог тебя убить».

* * *

Куджуло на самом деле был смелым человеком. Как только он убедился, что движение малва необратимо, то стал пробираться на фланг бросившейся в погоню толпы. Трое его товарищей следовали за ним.

Минуту спустя, пробегая мимо небольшой рощицы, Куджуло нырнул внутрь в поисках укрытия.

Под ветками было практически совсем темно. Куджуло пришлось шепотом подзывать к себе других кушанов.

— Что теперь? — спросили его.

Куджуло пожал плечами.

— Теперь? Теперь мы сами попробуем убежать.

— Этот план слишком хитрый, черт побери,— пожаловался еще один кушан.

Куджуло улыбнулся. Он тоже думал, что план слишком сложный и неполностью проработанный. Но он уже давно оценил Усанаса.

— Черт побери этот план,— весело ответил Куджуло.— Я рассчитываю на охотника.— И добавил: — Пошли.

Минуту спустя четверо кушанов вышли из рощицы с другой стороны и побежали на запад. Они бежали большими шагами, не создавая шума, так кушаны могли бежать несколько часов.

Им требовалось поддерживать этот темп. У них была назначена встреча. Они охотились на охотника.

* * *

Дама благородного происхождения ворвалась в конюшню сквозь западные ворота с гневным криком.

— Город сошел с ума! Нас атакуют вооруженные бандиты!

Пораженные, ее муж и владелец конюшни повернули головы от северных ворот, откуда они наблюдали за взрывами. Теперь взрывы стихали. По крайней мере огонь тушил хлынувший дождь. Но все равно время от времени в воздух взлетали ракеты, освещая ночное небо.

Жена знатного господина гневно прошла вперед. Ее ярость была видна только по одной ее походке. Владелец конюшни радовался, что из-за вуали не видит ее лица.

Несмотря на то что его шокировало ее внезапное появление, у владельца конюшни сохранилось достаточно присутствия духа, чтобы заметить две вещи.

Мужчина обратил внимание на хорошую фигуру молодой женщины, которая выделялась под мокрым сари, прилипшим к телу.

Относящийся к низшей касте человек заметил пятна крови, забрызгавшей туники сопровожавших ее солдат. Выглядели они пугающе.

Мужчина тут же исчез. Как и все низкорожденные в Индии, за исключением жителей Махараштры и Раджпутаны, последнее, что он хотел видеть в своем доме, так это тяжеловооруженных, злобно выглядящих солдат. Он и так уже был особенно рад увидеть пятнадцать солдат, появившихся вместе со знатным господином. А теперь появилось еще десять существ, причем на их доспехах и оружии следы убийства оставались еще свежими.

Владелец конюшни стал отступать назад. Вбок, туда, где его жена тихо, но быстро направляла других членов семьи в небольшой дом, пристроенный к конюшне.

Его остановил знатный господин, взмахнув рукой.

— Не бойся, владелец конюшни,— тихо сказал он.— Это моя личная стража. Они — дисциплинированные солдаты.

Знатный господин шагнул вперед, чтобы встретить жену. Она все еще была в ярости.

— Замолчи, женщина! — приказал он.— Ты ранена?

Его жена мгновенно замолчала. Это произвело впечатление на владельца конюшни. Он даже позавидовал. Он не мог похвастаться таким подчинением своей супруги.

Жена покачала головой, вуаль билась о лицо. Она казалась недовольной.

Знатный господин обратился к тому, кто явно командовал солдатами:

— Что произошло?

Солдат пожал плечами.

— Не знаю. Мы были на полпути сюда, когда что-то взорвалось,— он показал на север.— Подобно вулкану. Мгновение спустя на нас набросилась целая банда головорезов.— Он снова пожал плечами. Этого жеста было достаточно, чтобы объяснить, что произошло потом.

Владельцу конюшни внезапно страшно захотелось рассмеяться. Как сумасшедшему. Он сдержался. Он не мог представить, что пришло в голову банде головорезов, когда они набросились на этих внушительно выглядевших солдат. Сумасшедшие.

Но это вообще сумасшедший мир. Не впервые владелец конюшни пожалел, что оставил свою разумную маленькую деревню в Бенгалии. Но жалел недолго. Да, в деревне все были разумными. Но также бедными. А он преуспел в Каушамби, несмотря на то что ненавидел город.

Пока знатный господин дальше интересовался самочувствием жены и стражи, владелец конюшни внимательно рассмотрел солдат.

Из каких-то степных варваров, это он знал. Внешность впечатляла. Узкие глаза, приплюснутые носы. Они чем-то напоминали лица китайских купцов, которых он иногда встречал в юности, в огромном бенгальском порту Тамралипти. Такой же желтый оттенок кожи. Даже хвосты, в которые были завязаны волосы под железными шлемами. Некотрые китайцы точно также завязывали волосы. Но никогда у тех купцов не было волчьего выражения лица.

Но точно владелец конюшни национальность определить не мог. Возможно, йетайцы, хотя эти казались менее дикими, чем йетайские солдаты, которых ему доводилось встречать, шатающихся по улицам Каушамби.

Но он не был уверен. Как бенгальцу, ему предоставлялось мало возможностей встретить варваров из северо-западных степей. Как бенгальскому иммигранту в Каушамби, возможности предоставлялись. Но как и все разумные люди владелец конюшни избегал этих встреч, как чумы.

К нему приблизился знатный господин.

— Мы сейчас поедем. Спасибо еще раз за твою работу.

Мужчина набрался смелости, чтобы спросить:

— Надеюсь, ваша жена в порядке, господин?

Знатный господин кивнул.

— О, да. Испугана, не больше. Не могу представить, что думали бандиты.

Он махнул на солдат, которые теперь помогали жене господина и ее прислуге забираться в паланкин. Жест говорил сам за себя.

Владелец конюшни покачал головой.

— Бандиты — сумасшедшие по натуре.

Благородный господин кивнул и развернулся. Очевидно, внезапно мелькнувшая мысль заставила его повернуться назад.

— Я понятия не имею, что сегодня случилось на улицах Каушамби. Но, что бы ни случилось, для тебя будет лучше, если ты на несколько дней закроешь свою конюшню.

Владелец конюшни скорчил гримасу.

— Мне самому пришла в голову эта мысль. Малва...— Он замолчал. Хотя знатный господин и не относился к малва, но очевидно занимал среди них высокое положение.— Городские солдаты будут свирепствовать на улицах.— Он пожал плечами. Это был горький жест.— Но... мне нужно кормить семью.

На лице знатного господина в этот момент появилось очень странное выражение. Очень грустное, как показалось владельцу конюшни. Хотя он не мог представить, почему.

— Да, мне кое-что известно об этом,— пробормотал знатный господин.

Он подошел поближе и еще раз запустил руку в кошель. Владельца конюшни поразила небольшая горстка монет, которая перекочевала к нему в руку.

Следующие слова знатный господин признес очень тихо:

— Как я сказал, закрой конюшню. На несколько дней. Этого тебе хватит, чтобы покрыть убытки.

Теперь он отвернулся. Наблюдая за тем, как господин идет к слонам, владелец конюшни почувствовал внезапный импульс.

— Господин!

Тот остановился. Владелец конюшни обратился к его затылку.

— Я могу показаться вам смелым, господин, но я советую вам выехать из города через Львиные ворота. Это вам не совсем по пути, но... солдаты там э... несколько расслаблены. Они — бедные люди. Бенгальцы. Когда мне самому приходится покидать город, я обычно еду через те ворота. Никаких трудностей.

Знатный господин кивнул:

— Спасибо. Наверное, я воспользуюсь твоим советом.

Минуту спустя он и его жена покинули двор вместе с сопровождением. «Ну и процессия»,— подумал владелец конюшни. Знатный господин ехал в паланкине на слоне один, на первом слоне, как и подобало ему по статусу. Его жена — на втором вместе с одной из служанок. Три другие служанки — на последнем слоне. Впереди маршировало подразделение солдат под предводительством командира. Остальные сопровождающие двигались сзади. На владельца конюшни произвели впечатление дисциплина и порядок, с которыми маршировали солдаты, не обращая внимания на дождь. Шли они легко, но широкими шагами. И практически не производили шума.

Он отвернулся, запер ворота конюшни и побыстрее ушел из-под ливня.

Потом подумал о слонах. Самых приятных и спокойных слонах, которых когда-либо видел.

На полпути в дом его жена выскочила из двери примыкающего здания. Поспешила ему навстречу.

— Уехали? — спросила с беспокойством. Затем, заметив закрытые и запетые ворота, спросила: — Почему ты их запер? Клиенты подумают, что мы закрыты.

— Мы закрылись, жена. И мы не откроемся, пока это сумасшествие не закончится и город не будет в безопасности,— он кивнул на север и скорчил гримасу.— По крайней мере настолько безопасным, насколько он может быть для бедных людей.

Его жена попыталась возражать, но владелец конюшни заставил ее замолчать, показав монеты в руке.

— Знатный господин оказался очень щедрым. У нас достаточно денег.

Его жена больше не спорила. Она сама почувствовала облегчение, узнав, что они спрячутся от сумасшествия.

Позднее, той же ночью, когда они готовились ко сну, владелец конюшни обратился к жене:

— Если кто-то когда-то в будущем спросит про знатного господина, ничего не говори.

Жена повернула к нему удивленное лицо.

— Почему?

Владелец конюшни гневно посмотрел на нее.

— Делай, как я тебе говорю! Хоть раз послушайся мужа!

Жена пожала полными плечами от раздражения, но кивнула. Не столько из покорности, а из простой практичности. Время от времени бедные мужчины свободно разговаривают с властями. Бедные женщины — почти никогда.

Гораздо позднее той же ночью, лежа без сна, владелец конюшни поднялся с кровати. Он тихо подошел к маленькому окошку и открыл

ставню. Чуть-чуть — в этом окне не было стекла, чтобы предохранять от непогоды.

Какое-то время он стоял там, глядя на восток. Ничего не было видно за темнотой ночи и стеной дождя.

Когда он вернулся в кровать, то быстро и легко заснул. Принятое решение иногда дает такой эффект.

Глава 15

Через час Велисарий наконец нашел то, что искал.

Это был очень тяжелый час, доставивший ему немало беспокойства. Да и причин для растройства хватало. С одной стороны, он видел много одиноких солдат. Но все они относились к простым солдатам малва, бросившим свои обязанностями, и прятались в темных переулках, нишах и уголках, где-нибудь подальше от центральных улиц. Из-за их невысокго роста и довольно хрупкого телосложения форма солдат малва не подходила Велисарию. И он вообще не думал, что сойдет за индуса, родившегося на Гангской равнине.

Он хотел найти йетайцев. На Западе йетайцев часто называли белыми гуннами. На самом деле слово «белые» искажало смысл. Йетайцы не были «белыми» в том смысле, как готты или франки. На самом деле цвет кожи йетайцев не особо отличался от цвета кожи других азиатских степных жителей. Но их черты лица были значительно ближе к западным, чем черты лица традиционных гуннов или, например, кушанов. А поскольку сам Велисарий имел довольно смуглый цвет лица для фракийца — такой же, как армяне,— то считал, что вполне может сойти за йетайца. В особенности раз он бегло говорит на их языке.

И йетайцы обычно отличались мощным телосложением. Он не сомневался, что найдет такого, чья одежда подойдет ему по размеру.

Йетайцы встречались в больших количествах. И крупные йетайцы. Но они всегда ходили подразделениями и имели склонность оставаться настороже, в отличие от простых солдат малва.

К счастью для Велисария, йетайцев в основном интересовали простые солдаты, которых они собирали и выгоняли на улицы. Проверку темных переулков йетайцы считали ниже своего достоинства. Это работа для собак, простых солдат. Работа же йетайцев — бить солдат кнутом.

Вначале, наблюдая за массированной поисковой операцией, которая началась в столице, Велисарий беспокоился, что его обнаружат до того, как он сможет убежать из Каушамби. Но вскоре его страхи прошли. На самом деле примерно через полчаса — полчаса, которые

он провел, перебегая из одного темного переулка в другой, направляясь на запад окружным путем. За это время Велисарий решил, что вся ситуация комична.

Взрыв оружейных мастерских разбудил и поднял на ноги всех солдат в столице империи малва, всех родов войск. А поскольку в Каушамби стояло большое количество различных подразделений, вскоре улицы Каушамби кишели солдатами. Но солдаты были полностью дезорганизованы, не могли разобраться в происходящем и по большей части не имели настоящих лидеров. Ими никто не управлял не из-за отсутствия командиров, а потому, что сами командиры смутно представляли, что конкретно они должны делать. Но им не хотелось, чтобы кто-то обвинил их в ничегонеделании — в особенности под суровыми взглядами йетайцев,— поэтому командиры и посылали своих людей в разные стороны, где те создавали видимость активности. Вскоре массы солдат различных родов войск, носящихся по улицах в разные стороны, так безнадежно перемешались, что исчезло любое подобие дисциплины и порядка. Ни о каком построении речи не шло вообще.

Наблюдая за происходящим, Велисарий понял, что увидел одну из военных слабостей империи малва. У малва отсутствуют элитные ударные войска. Причина, вероятно, кроется в социальной и политической структуре империи. Кштарии малва, обладавшие монополией на пороховое оружие, функционировали, скорее, как привилегированные артиллерийские подразделения, чем элитные солдаты. Йетайцы, несмотря на все воинское мастерство, также на самом деле не являлись элитными войсками. Их роль в армии малва в основном заключалась в выполнении функций охраны, наблюдающей за простыми солдатами. Сами йетайцы не возглавляли атаки, никогда не выступали в роли передовых частей или инициативных групп. А раджпутам или кушанам, которые легко могли бы стать элитными войсками малва, не особо доверяли.

В результате у малва не было подразделения, подобного фракийским букелляриям Велисария. А для задачи поимки иностранного беглеца на улицах огромного города типа Каушамби, в особенности ночью, под проливным дождем, гораздо лучше подошел бы относительно небольшой отряд дисциплинированных, закаленных воинов, чем орды простых солдат, которых малва отправили на выполнение задания.

Поэтому с относительно малыми трудностями Велисарию удалось добраться почти до окраин Каушамби за час. Во время этого путешествия он три раза встречался с отрядами малва. Каждый раз он просто уверенным тоном приказывал им отправиться на поиски в другой переулок.

Солдаты малва, слыша уверенный командирский голос внушительно выглядящего крупного мужчины, даже не думали спрашивать, какое право у него есть отдавать приказы. Да, они не узнали его

форму. Но в темноте да еще под проливным дождем было в любом случае сложно разглядеть детали. Все солдаты на улицах Каушамби в ту ночь гораздо больше походили на мокрых крыс, чем на кого-то еще. И кроме того, империя малва представляла собой гиганский конгломерат подчиненных наций и народов. Несомненно, этот человек из командного состава. Он бегло говорит на хинди, на самом деле лучше, чем солдаты в двух из встретившихся отрядов, и только командующий может вести себя так надменно, нагло и повелительно. Войска малва давно были приучены к подчинению и реагировали на Велисария, как хорошо дрессированные собаки.

Наконец он нашел одинокого йетайца. Велисарий спрятался в каких-то кустах недалеко от входа к темный переулок. Оттуда он наблюдал за подразделением йетайев, собирающих толпу солдат на одной из больших улиц на окраине Каушамби. Когда они проходили мимо переулка, один из варваров отделился от товарищей и зашел в темный переулок. Велисарий отступал дальше в тень, пока не понял, наблюдая за парнем, что момент настал. Йетайец был крупным — по крайней мере достаточно крупным — и, что лучше всего, собирался предоставить Велисарию прекрасную возможность. Йетайец зашел в переулок на десять футов, повернулся лицом к одной из глиняных стен хижин и собрался помочиться.

Подготовка к процессу заняла какое-то время, поскольку йетайцу потребовалось развязать доспехи, а потом штаны. Велисарий подождал, пока йетайец не начнет непосредственно мочиться. Тогда он выскочил из кустов и ткнул варвара лицом в стену. Оглушенный йетайец отлетел от стены. Велисарий врезал ему кулаком по почкам, один раз, два, три. Йетайец застонал и рухнул на колени. Велисарий вынул нож, отрезал ленты, на которых держался шлем, снял шлем, затем, бросив нож, схватил йетайца за волосы и со всей силы опять стукнул его головой о стену. Один раз, два, три.

Полководец бросил быстрый взгляд на вход в переулок. Велисарий снова порадовался темноте и ливню. Товарищи йетайца ничего не видели и не слышали. Вернув нож в ножны, Велисарий надел шлем на собственную голову, затем поднял бесчувственного варвара на плечо и стал быстро углубляться в темноту переулка.

Через тридцать ярдов он опустил варвара на землю и стал снимать с него форму. Через пять минут варвар остался обнаженным, как в день появления на свет, а Велисарий выглядел как настоящий йетайец.

Теперь он колебался, глядя на лежащего на земле.

Вопрос был не в том, убивать или не убивать йетайца. Такого вопроса вообще не стояло. Как только Велисарий снял одежду с йетайца, не оставив на ней никаких кровавых пятен, которые могли бы рассказать свою историю, он достал нож и чиркнул им по горлу варвара.

Вопрос был в том, что делать с телом. Велисарий оттянул его к каким-то кустам и начал под них заталкивать. Его это решение не радовало, поскольку тело найдут вскоре после рассвета, но...

Он замер, осматривая глинобитную стену. Внезапно понял, что это не стена дома. Эта стена окружала один из небольших огородов, которые имелись у большинства бедных жителей Каушамби. Такие огороды разбивались на небольших участках земли, примыкающих к дому сзади, и пополняли скудное меню овощами.

Велисарий оглянулся вокруг, оценивая местность. Он находился в одной из городских трущоб.

Решение пришло мгновенно. Он поднял тело над головой и бросил его через стену. Долей секунды спустя он услышал, как тело с мокрым всплеском рухнуло во двор с другой стороны. Вслед за ним он бросил римскую форму. Затем широким шагом пошел по переулку, шел открыто, с надменным видом йетайца.

Велисарий рисковал, но считал, что риск оправдан и его шансы очень неплохи. Он почти не сомневался, что проживающие в этом небольшом жалком домике — скорее хижине — слышали шум. К тому времени, как он достиг конца переулка, они уже, вероятно, начнут обследование мрачного — и очень нежелательного — добавления к огороду. Что они сделают? Сообщат властям?

Возможно. В богатом районе они определенно бы так и сделали.

Но, как он думал, в этом районе — нет. Бедняки в большинстве стран — определенно в Индии, управляемой малва — прекрасно знают, что власти имеют склонность принимать быстрые решения, если в дело вовлечены низкорожденные.

Вы нашли мертвого человека в вашем огороде позади дома? Почему вы его убили, вы, вонючие свиньи? Ограбили его, так? Отрицаете? Ха! Мы из вас выбьем правду.

Как считал Велисарий, к восходу солнца тело йетайца исчезнет вместе с римской формой. Форма, конечно, в разрезанном виде, может использоваться в бедном доме несколькими путями. Тело? Удобрение для огорода.

Он пожелал неизвестной семье хорошего урожая и пошел своей дорогой.

* * *

Трос катафрактов с грохотом мчались по дороге, ведущей на юг от Каушамби. Валентин ехал первым, за ним следовал Анастасий, Менандр — замыкающим.

Молодому катафракту было страшнее, чем когда-либо в жизни.

— Помедленнее, Валентин! Черт тебя побери — сбавь скорость!

Это было бесполезно. Ливень глушил его крики и словно вдалбливал их в грязь.

«По крайней мере грязь может спасти нас и мы не сломаем шеи после того, как нас сбросят лошади»,— мрачно думал Менандр.

Валентин установил сумасшедший темп. Он несся во весь опор, по неизвестной дороге, в кромешной тьме, в дождь, который лил так сильно, что было невозможно даже держать глаза открытыми более чем несколько секунд подряд.

О, да — и без стремян.

Но каким-то образом они выжили. Лошади их не сбросили, и сами они из седел не выпали.

Катафракты пролетели мимо сторожки до того, как даже увидели ее. К тому времени, как им удалось придержать лошадей и развернуть их, аксумиты уже вышли из дверей.

— Вы сошли с ума? — спросил Гармат.

Валентин пожал плечами.

— У нас мало времени.

Он кивнул на сторожку.

— С ними разобрались?

— Не дури,— проворчал Вахси.— Мы сюда приехали полчаса назад.

Эон, Эзана и Кадфисес привели запасных лошадей.

— Лучше поменять лошадей,— сказал Анастасий.— Мы достаточно измочалили этих.

— И меня тоже,— проворчал Менандр.— Валентин, черт побери, ты спятил.

Ветеран улыбнулся так, как могла бы улыбнуться ласка.

— Ты выжил, не так ли? Мы же катафракты, парень. Кавалеристы.

Когда катафракты пересели на новых лошадей, Вахси заявил с ударением на каждом слове:

— Мы не кавалеристы.— И добавил: — Поэтому давайте поедем на нормальной скорости.

— Скорость уже не имеет значения,— заметил Кадфисес.— Через полмили мы заворачиваем в лес. Нам придется вести их по той тропе пешим шагом. Если ее можно назвать тропой.

— Надеюсь, ты знаешь, куда нас ведешь? — спросил Валентин.

Улыбка кушана была звериной, как и у Валентина.

— Я не говорю тебе, как ездить на лошади. Не надо говорить мне, как найти дорогу.

Он был прав. Через пять минут группа из восьми мужчин и двадцати лошадей свернула с основной дороги и въехала в лес. Вначале Менандр почувствовал облегчение. Как и сказал Кадфисес, по этой тропе было невозможно двигаться быстрее, чем пешим шагом.

Пешим, медленно. Менандр раньше думал, что вокруг темно и ничего не видно. Теперь он просто ослеп. Толстые, нависающие ветви вместе с низким ночным небом превратили лес в достоверное подобие полной листвы шахты. Без фонарей и факелов.

Как мог судить Менандр, имелся один положительный момент: листва была такой густой, что защищала их — в большей или меньшей степени — от ливня.

Менандр не боялся свалиться с лошади. Они двигались шагом пожилой женщины. Через некоторое время он так же перестал волноваться, что лошадь может подвернуть ногу. Хотя тропа и была узкой, ее не преграждали препятствия.

Он просто беспокоился, что они потеряются — в дополнение к тому, что преследователи из малва их догонят, раз они передвигаются так медленно. Даже несмотря на огромное преимущество, которое они получили после скачки сумасшедшим темпом, установленным Валентином.

Но когда он высказал эти мысли широкой спине Анастасия впереди, ветеран, как оказалось, совершенно не беспокоится.

— Во-первых, парень, не бойся потеряться. Похоже, кушан знает дорогу. Не спрашивай меня, как — я тоже ни черта не вижу, но он видит. А что касается остального — не дури. Когда малва доберутся до сторожки и увидят мертвых стражников, они предположат, что мы дальше едем по основной дороге на юг. Они никогда не заметят эту боковую тропинку. Пронесутся мимо и будут продолжать погоню по той дороге.

— Мы не стали заметать следы.

Анастасий укоризненно рассмеялся.

— Какие следы? — спросил он.— Этот ливень — всемирный потоп, черт побери — смоет все следы меньше чем за минуту.

Менандра это все равно не убедило, но он замолчал. А затем, полчаса спустя, когда они наконец вышли из леса, признал, что его страхи были глупыми.

По крайней мере признался в этом себе. Он ничего не сказал Анастасию и гордо проигнорировал едва различимую в темноте улыбку, которая как бы говорила: «Ну, убедился?»

Выехав из леса, они оказались еще на одной грунтовой дороге. (Ее правильнее было бы назвать грязевой дорогой.) Теперь они полностью изменили направление и поехали на север. Милю спустя, может, меньше, дорога сделала поворот и направилась на запад. Страхи Менандра заявили о себе вновь — новые страхи. Казалось, этой ночью их у него в запасе целый сундук.

— Черт побери, Кадфисес знает, куда мы едем?

Дождь уже не шел сплошной стеной, и слова Менандра донеслись вперед. Ответ Кадфисеса последовал незамедлительно. Пролог был

кратким, резким и очень похабным. Потом кушан смилостивился и снизошел до объяснений.

— Если ехать по ней на юг, эта дорога не пересекается ни с одной другой до небольшого городка в пятидесяти милях в той стороне. И она не ведет в Каушамби. Она огибает болото, слева от нас, а отсюда идет на запад — более чем двадцать миль. Однако до того мы снова повернем на юг по еще одной дороге. К этому времени малва уже не представляют, где мы. И что лучше всего, эту дорогу никто не охраняет. Ею пользуются только крестьяне, купцы по ней не ездят.

— А где мы встретимся с Усанасом и другими кушанами? — спросил Эон.

Кадфисес пожал плечами, что было почти неразличимо в темноте.

— Это зависит от них, принц. Куджуло знает, по какой дороге мы поедем. Если он найдет вашего охотника — или охотник найдет его — они и нас найдут. Если ваш охотник так хорош, как вы говорите.

Вместо ответа Эон только удовлетворенно хрюкнул. В данном случае Усанасу не пришлось их догонять и искать. Вскоре после рассвета, после многих миль по новой, идущей на юг дороге, на которую они повернули, беглецы наткнулись на Усанаса. Охотник вместе с Куджуло и тремя другими кушанами ждали их у края дороги. Крепко спали, даже были относительно сухими под прикрытием давно брошенной хижины. Только один кушан стоял на страже. Валентин был очень раздражен и недоволен. В особенности после того, как заметил корзину с едой, в которой осталось очень мало продуктов.

— У вас нашлось время и поесть, да? — спросил он резким тоном, спешиваясь.

Усанас принял сидячее положение, потянулся и улыбнулся.

— Великие наездники ездят очень медленно,— объявил он.— Я поражен. Поражен. Все иллюзии развеялись.

Куджуло улыбнулся.

— Вам следует попробовать путешествовать с ним. На самом деле следует. Он уже ждал нас, когда мы вырвались из армейского лагеря. Как, черт побери, он так быстро добрался туда от реки, я никогда не узнаю. В особенности с двумя корзинами еды.

— *Двумя* корзинами? — застонал Валентин.

— Мы сберегли одну для вас,— сообщил еще один кушан, посмеиваясь.— Усанас настоял на этом. Сказал, что если мы этого не сделаем, Анастасий никогда не станет снова спорить с ним о философии.

— Конечно, не стал бы,— согласился гигант.— За исключением простых правил из Демокрита [1]. Все можно свести до атома. Включая Усанаса.

---

[1] Демокрит (ок. 460–ок. 370 до н. э.) — др.-греч. философ-материалист. От многочисленных сочинений сохранились лишь фрагменты.

Катафракты и аксумиты принялись за еду. После того как первый голод был удовлетворен, проснулось юношеское любопытство Менандра.

— А что это такое? — спросил он.

— Часть — сушеная рыба,— ответил Куджуло.— Остальное — кое-что другое.

Раздумывая над ответом, Менандр решил не уточнять дальше. В конце концов, то, что они ели, на вкус не было такой уж гадостью, даже если он и подозревал, что «кое-что другое» когда-то имело гораздо больше ножек, чем подошло бы для правильного фракийца.

К тому времени, как еда исчезла, дождь наконец прекратился. Куджуло и еще один кушан сходили в лес и привели своих лошадей.

— Где вы взяли лошадей? — спросил Валентин.

Куджуло показал на Усанаса.

— Они были у него. Не спрашивай меня, где он их взял, потому что я не знаю. Боюсь спросить.

Валентин этих страхов не разделял.

— Где ты их взял? — спросил он теперь у Усанаса. Затем, наблюдая за легкостью, с которой Усанас запрыгнул в седло, пожаловался: — Я думал, ты не любишь лошадей.

— Я ненавижу этих тварей,— весело ответил Усанас.— С другой стороны, лошади меня очень любят.— Охотник повернул лошадь на юг и бросил через плечо: — Это демонстрирует отличное понимание обеими сторонами, не думаешь?

В последующие часы, пока группа солдат ехала к далекому Деканскому плоскогорью, Менандр не удивился, обнаружив, что Усанас — один из лучших наездников, которых он когда-либо видел.

* * *

На рассвете того же дня капитан отряда бенгальцев, которые охраняли (если так можно выразиться, но точнее будет сказать: «сгрудились вокруг») Львиные Ворота Каушамби, вежливо попрощался со знатным господином и сопровождающими его лицами. После того как все сопровождающие, включая пристроившихся к солдатам женщин, прошли мимо и направились на восточную дорогу в Паталипурту, командир приказал закрыть ворота.

— Хороший человек,— одобрительно сказал он.— Как бы я хотел, чтобы все высокомерные хамы из малва были такими же.

— Сколько? — спросил заместитель.

Командир не стал ничего скрывать. Заместитель был также его младшим братом. На самом деле большую часть подразделения составляли его родственники. Он вытянул руку, открыв ладонь.

Глаза брата округлились.

— Пошли за нашими женами,— приказал командир.— Сегодня будем пировать.

* * *

В то же самое время Велисарий вышел через Ворота Пантеры, одни из западных ворот Каушамби. На самом деле ворота так назвали зря. Небольшие покосившиеся ворота частично развалились, поэтому им более подошло бы название: Ворота Дворовой Кошки.

Но, конечно, именно поэтому Велисарий их и выбрал.

Выходя, полководец напустил ужаса еще на одного солдата малва. Солдат постарался побыстрее рвануть в сторону, чтобы избежать встречи с угрожающим кулаком варвара. У него не было желания повторить судьбу сержанта, который лежал без чувств на земле, раскинув руки.

Выйдя сквозь ворота, Велисарий развернулся, упер руки в боки и заорал:

— В следующий раз, собаки, если йетайец говорит вам открыть дверь, выполняйте приказ сразу же и не спорьте! — Он достал меч.— Или в следующий раз я воспользуюсь вот этим.

Он сунул меч назад в ножны, повернулся и пошел прочь. За спиной услышал, как ворота закрываются с громким скрипом. Петли давно не смазывали, а солдаты малва очень торопились побыстрее их закрыть. Очень торопились.

Велисарий пошел по недавно обновленной дороге, строительством которой занимались малва. Это не была грязная крестьянская тропа. Ее ширина составляла пятнадцать футов, дорога поднималась над уровнем долины, была правильно насыпана и вымощена камнями. Эту дорогу даже римляне с гордостью могли бы назвать своей.

Она шла параллельно северному берегу Джамны, в нескольких милях южнее. Вела на запад, пока не доходила до города Матхуры, примерно в трехстах милях. Однако Велисарий не собирался путешествовать до Матхуры. Сразу к северу от Гвалияра река Чамбал ответвлялась на юго-запад. Примерно через сто миль вверх по Чамбалу река Банас ответвлялась прямо на запад. Имелись дороги, идущие параллельно этим рекам, которые приведут Велисария прямо в древний город Аджмер, у самой северной точки горного хребта Аравалли.

— Аджмер,— задумчиво произнес он.— Оттуда я могу направляться или на юг, или на запад. Но... интересно...

Велисарий снова призвал на помощь Эйда. Эйд уже предоставил ему всю географическую информацию, которая ему требовалась. Теперь...

«Расскажи мне об императорских курьерах».

Дождь прекратился. Велисарий шагал открыто, прямо по середине дороги, и продолжал обсуждение с Эйдом, пока не сделал вывод. После этого Велисарий просто восхищался рассветом.

«Может, даже будет радуга»,— весело подумал он.

Глава 16

Дарас
Лето 530 года н. э.

Феодора прибыла в усадьбу ближе к концу лета. Ее появление было неожиданным. Не время появления, а манера.

— Она обеспокоена,— прошептала Антонина Маврикию, наблюдая за тем, как императрица въезжала во двор.— Сильно обеспокоена. Не могу предположить другой причины, которая заставила бы Феодору путешествовать таким образом.

Маврикий кивнул.

— Думаю, ты права. Я даже не знал, что она умеет ездить верхом.

Антонина сжала губы.

— Ты *это* называешь ездой верхом?

— Не надо иронии, девочка,— прошептал Маврикий.— Ты выглядела не лучше, когда впервые влезла в седло. По крайней мере, по Феодоре не скажешь, что она сейчас свалится с похмелья. Хотя бы судя по тому, что она не впивается в луку седла.

Антонина сохраняла достоинство, полностью проигнорировав последнее замечание. Она шагнула вперед и поприветствовала императрицу, разведя руки в стороны.

Феодоре удалось заставить лошадь встать, в некотором роде. Двадцать сопровождавших ее катафрактов остановились на значительном расстоянии позади нее. Частично из-за уважения к императрице. В основном из-за уважения к угрюмой лошади, терпение которой было готово лопнуть.

— Как слезают с этого мерзкого животного? — прошипела императрица.

— Позвольте мне, Ваше Величество,— сказал Маврикий.

Гектонтарх прошел вперед с табуреткой в руке. Успокоил лошадь, положив руку на шею и произнеся несколько мягких слов. Затем поставил табуретку на землю и помог императрице спокойно на нее спуститься.

На земле Феодора гневно отряхнулась.

— Боже, ну и вонь! Я не про тебя, Маврикий. Ну и вонючая лошадь.— Императрица гневно посмотрела на животное, на котором недавно сидела.— Слышала, во время осады едят этих тварей.

Маврикий кивнул.

— Ну по крайней мере есть на что надеяться,— пробормотала Феодора.

Антонина взяла ее под руку и повела к дом. Феодора хромала рядом.

— Но в предстоящей войне, судя по тому, как идут дела, похоже, много осад не будет! — рявкнула Феодора.

Антонина колебалась несколько секунд, потом спросила:

— Все так плохо?

— Хуже,— проворчала императрица.— Говорю тебе, Антонина, моя вера иногда дает сбой, когда я думаю, что Бог создал этого человека по своему образу и подобию. Возможно, Всемогущий на самом деле — кретин? Свидетельства Его работы на это указывают.

Антонина вздохнула.

— Насколько я поняла, Юстиниан не прислушивается к твоим предупреждениям?

Ворчание.

— А если Он вылепил Юстиниана по своему образу и подобию? Ты только представь: огромный Юстиниан на небесах! — Она опять заворчала себе под нос.— Ты только представь гигантского лопочущего идиота.— Опять ворчание.— Ведь ваяние всяких поделок — любимое занятие Юстиниана на досуге.

* * *

Позднее, после обильной трапезы, настроение Феодоры улучшилось.

Она приветственно подняла кубок с вином.

— Поздравляю тебя, Маврикий,— сказала она.— Тебе удалось довести провинциального сборщика налогов до грани смерти. От апоплексического удара.

Маврикий что-то проворчал себе под нос.

— Все еще обижен, недоволен собранными налогами? — спросил.

— Он жаловался мне несколько часов, с той самой минуты, как я сошла с корабля. Знаете ли, эта большая усадьба представляет для него многое — в смысле потерянного дохода. Однако по большей части он беспокоится из-за своих подчиненных. Как он выглядел в их глазах.

Маврикий не ответил ничего, кроме уклончивого и ни к чему не обязывающего:

— Ваше Величество.

Императрица улыбнулась и покачала головой.

— На самом деле не стоило бить его так сильно. В конце концов, он только выполнял свою работу.

— Он не выполнял! — рявкнула Антонина.— Эта усадьба юридически освобождена от общего налогообложения, и сборщики налогов прекрасно это знают!

— Освобождена,— согласился Антоний Александрийский.— Технически это — res privata[1]. Часть...

Феодора от него отмахнулась.

— Пожалуйста, епископ! С каких это пор провинциальный трактатор беспокоился бы о презренных деталях юридического статуса налогооблагаемой усадьбы? Выжать, выжать, выжать. Пусть жалуются в Константинополь. К тому времени, как бюрократы соберутся принять решение по этому вопросу, все в любом случае умрут от старости.

Маврикий кивнул с серьезным видом:

— Очень точно вы это сформулировали, Ваше Величество. На самом деле это и есть обычная тактика трактаторов.

Он отхлебнул вина.

— Отличная тактика. При условии, что выберут правильную губку, которую выжимать.

Феодора покачала головой.

— А губкой, как я предполагаю, не может быть усадьба, населенная несколькими сотнями фракийских катафрактов?

Маврикий откашлялся.

— На самом деле, Ваше Величество, нет. Я бы не советовал смотреть на усадьбу таким образом. В особенности, когда у катафрактов есть секреты, которые они хотят держать в тайне от сборщиков налогов.

Феодора теперь улыбнулась епископу. И снова подняла кубок в приветствии.

— И также тост за тебя, Антоний Александрийский! Не думаю, что какой-либо епископ в истории церкви когда-либо раньше на самом деле вызывал пену у рта патриарха, когда тот его вспоминает.

Епископ красиво улыбнулся.

— Вы преувеличиваете, Ваше Величество. Патриах Ефраим — очень достойный человек.— Затем добавил робко: — А что, правда?

Феодора кивнула. У Антония появилось довольное выражение лица.

— Ну, тогда определенно я оказываюсь в августейшей компании. На самом деле это не так. В смысле, что я — первый. Великий Иоанн Златоуст[2] вызывал пену у рта у многих патриархов.

---

[1] Res privata — частная вещь (*лат.*).

[2] Иоанн Хризостом, или Иоанн Златоуст (345–407) — один из виднейших идеологов вост.-христ. церкви, константинопольский патриарх. Его критика вызывала недовольство константинопольского правительства. И. З. был низложен и отправлен в ссылку.

Антонина улыбалась, слушая диалог. Пока не вспомнила о судьбе Иоанна Златоуста. Вокруг стола, когда остальные тоже вспомнили, улыбки сошли с лиц, как свечи, затушенные в конце вечера.

— Да,— сказала римская императрица.— На нас опускается темная ночь. Давайте выпьем за то, чтобы увидеть утро.

Феодора опустила кубок, все еще почти полный.

— Мне достаточно,— объявила она.— Предлагаю всем не пить много вина. Нас впереди ждет долгий вечер.

Несмотря на всю вежливость, замечание звучало, как императорский приказ. Все кубки опустились на стол почти одновременно. Почти — только Ситтас быстро осушил свой перед тем как поставить.

— Юстиниан не желает меня слушать,— начала императрица.— Я с таким же успехом могла бы говорить с каменной стеной.— Она заворчала.— Я бы предпочла говорить с каменной стеной. По крайней мере, каменная стена не стала бы гладить меня по голове и заверять, что примет мои слова во внимание.

Она вздохнула.

— Он слушает только Иоанна из Каппадокии и Нарсеса. Они оба — нет необходимости говорить — поддерживают его в его заблуждениях. И уверяют, что его жена расстраивается, когда поводов для расстройства нет.

На мгновение Феодора отвернулась. Ее лицо стало маской. Она прилагала усилия, чтобы не расплакаться.

— Настоящий вред приносят слова Нарсеса,— прошептала она.— На самом деле Юстиниан никогда не страдал иллюзиями относительно Иоанна из Каппадокии. Он терпит Иоанна, потому что тот — такой умелый сборщик налогов, но он ему не доверяет. Никогда не доверял.

— Слишком умелый,— проворчал Ситтас.— Его налоговая политика разорит всех в Риме, за исключением императорской казны.

— Я согласна с тобой, Ситтас,— вздохнула императрица.— На самом деле и Юстиниан так думает. Иронично, не правда ли? В Риме никогда не было императора, который тратил бы столько времени и энергии, проверяя, чтобы налоги справедливо распределялись среди населения, а затем рушил все свои усилия, налагая такое высокое бремя налогообложения, что уже не важно, в равной степени они распределяются или нет.

Феодора махнула рукой.

— Но давайте не будем в это углубляться. Нет смысла. Налоговая политика моего мужа исходит из того же, что и религиозная политика. Обе плохи — и он знает это — но обе требуются для претворения в жизнь навязчивой идеи заново включить варварский Запад в Римскую империю. Это все, что он видит. Даже Персия едва маячит на горизонте. А малва полностью не имеют значения.

Заговорил Антоний Александрийский:

— Значит, нет надежды, что Юстиниан положит конец преследованиям монофизитов?

Феодора покачала головой:

— Нет. Учтите: он их не поощряет и не подстрекает к ним. Но уверенно смотрит в другую сторону и отказывается отвечать на какие-либо жалобы, отправляемые просителями из провинций. Все, что для него значит,— это одобрение ортодоксов. Их благословение предстоящего вторжения в Западное Средиземноморье.

Антонина заговорила, резко:

— Как я предполагаю, если он слушает Иоанна и Нарсеса — в особенности Иоанна из Каппадокии,— это означает, что Велисарий все еще находится под подозрением императора.

Феодора улыбнулась ледяной улыбкой.

— О, совсем нет, Антонина. Как раз наоборот. Иоанн и Нарсес щедро хвалили твоего мужа. Просто доходили до массовых восторгов. Словно они знают...

Она замолчала и сурово посмотрела на Антонину.

Ситтас шлепнул мясистой ладонью по столу. Этот звук заставил всех дернуться.

— Ха! Да! — заорал он.— Он обвел ублюдков вокруг пальца! — Ситтас схватил кубок и наполнил его до краев.— За это надо выпить!

— Ты о чем кричишь, Ситтас? — спросила императрица.

Полководец улыбнулся ей, глядя на нее поверх обода кубка с вином. На мгновение лицо исчезло, когда он наклонил кубок и одним глотком вылил в себя половину. Затем одобрительно вытер губы.

— Если они так целенаправленно хвалят Велисария при дворе, Ваше Величество,— вы ведь знаете, как его ненавидит Иоанн из Каппадокии,— это может только означать, что у них есть о нем информация, которая не поступила к нам. А это...

Исчез остаток вина.

— ...может быть только доклад из Индии: Велисарий планирует предать Рим.

Он улыбнулся всем в команте. Протянул руку к амфоре с вином.

— За это нужно...

— Ситтас! — взорвалась императрица.

Полководец выглядел так, словно ему больно.

— Всего один маленький кубок, Ваше Величество. Нет никакого вреда...

— Почему это нужно отмечать?

— О! — Ситтас возобновил наливание вина.— Это очевидно, Ваше Величество. Если они услышали новость из Индии — а я не могу предложить другого объяснения,— это говорит нам две вещи. Во-

первых, Велисарий жив. Во-вторых, он, как и обычно, тщательно выполнил свою работу и перехитрил врага.

Он снова поприветствовал всех поднятым кубком.

— А как ты можешь быть уверен, что в докладе из Индии нет правды? — не успокаивалась императрица.

К тому времени, как Ситтас опустил кубок на стол, веселье уступило место спокойствию и безмятежности.

— Беспокойтесь о чем-нибудь другом, Ваше Величество,— сказал он.— Беспокойтесь, что солнце начнет вставать на западе. Беспокойтесь, что рыбы начнут петь, а у птиц вырастет чешуя.— Он презрительно фыркнул.— Если вы все-таки настаиваете, чтобы растраиваться из-за фантазии, беспокойтесь, что я начну пить воду и рано по утрам делать гимнастику. Но не волнуйтесь, что Велисарий совершит предательство.

Антонина перебила его. Говорила очень холодным тоном:

— Если ты будешь продолжать эту тему, Феодора, то я с тобой порву навсегда.

В комнате воцарилась тишина. Все замерли на своих местах. Несмотря на тесные отношения Феодоры со всеми в этой небольшой группе, было немыслимо угрожать императрице. *Этой* императрице определенно.

Но именно Феодора, а не Антонина, первой отвела взгляд, когда они гневно смотрели друг на друга.

Императрица сделала глубокий вдох.

— Я... я...— она замолчала.

Антонина покачала головой.

— Не беспокойся, Феодора. Я на самом деле не рассчитываю, что ты извинишься.— Она посмотрела на Ситтаса.— Не более, чем я рассчитываю, что он начнет делать гимнастику.

— Боже упаси,— полководец содрогнулся и протянул руку к кубку.— Мне от одной мысли хочется выпить.

Наблюдая за тем, как Ситтас осушает кубок, Феодора внезапно улыбнулась. Подняла свой и протянула.

— Налей и мне, Ситтас. Наверное, я присоединюсь к тебе.

Когда кубок был наполнен, она подняла его.

— За Велисария,— сказала.— И больше всего — за доверие.

Два часа спустя Феодора закончила ознакомление небольшой группы своих приверженцев со всей информцией, которую собрала Ирина на протяжении последних месяцев в Константинополе. После этого императрица объявила, что собирается идти спать.

— Завтра утром я должна быть в пике своей формы,— объяснила она.— Я не хочу, чтобы ваш новый полк крестьян... Как вы их называете?

— Гренадеры,— сказал Гермоген.

— Да, гренадеры. Звучит неплохо. Я не хочу, чтобы они разочаровались в императрице. А они определенно разочаруются, если я рухну или меня вытошнит.

Все поднялись вместе с императрицей. После того как она ушла, провожаемая в свои покои Антониной, большинство остальных тоже отправились по спальням. Вскоре в комнате остались только Ситтас и Антоний Александрийский.

— А ты не идешь спать? — спросил полководец, наливая себе еще вина.

Епископ улыбнулся ангельски.

— Подумал: стоит ненадолго задержаться. В конце концов возможность появляется только раз в жизни. Я имел в виду посмотреть, как ты делаешь гимнастику.

Ситтас поперхнулся и расплескал вино.

— О, да,— продолжал Антоний.— Уверен: это дело времени. Конечно, чудо. Но чудеса сегодня вечером — обычное дело. Разве я не видел сегодня вечером, как императрица Феодора поднимала тост за доверие?

Ситтас заворчал, налил себе еще один кубок. Епископ посмотрел на амфору.

— Я был бы осторожен, Ситтас. Оно вполне могло превратиться в воду.

* * *

На следующее утро императрица не разочаровала свой новый полк. Нет, совсем нет.

Она появилась перед ними в полном императорском одеянии, к трону ее проводили Антонина, Ситтас, Гермоген и епископ Антоний Александрийский.

На наблюдавших за ней крестьян-гренадеров Феодора произвела впечатление. Как и на их жен, которые стояли рядом с ними, гордясь своей формой помощниц.

Конечно, впечатление на них произвели императорские регалии. И конечно, сопровождающие императрицу лица. Однако в основном на них произвел впечатление трон.

Одежда — это все-таки одежда, несмотря ни на что. Да, на императрице были одежды из шелка высшего качества. Домотканые. Но крестьяне — люди практичные. В конце концов все вещи снашиваются, независимо от того, что ты на себя напяливаешь.

Конечно, тиара оказалась для них новшеством. Не имелось никакого крестьянского эквивалента этому великолепию. Они ее раньше не видели. Но все знали, что императрица носит тиару. Производит впечатление, как они и ожидали.

Даже сопровождающие императрицу лица не вызвали у крестьян слишком сильного благоговения. Молодые сирийцы уже видели этих людей, узнали за последние месяцы. С тесным знакомством пришло уважение. На самом деле глубокое уважение. А в случае Антонины и Антония Александрийского — обожание.

Но трон!

Крестьяне раздумывали, что это за штука, пока ждали появления императрицы. По шеренгам пробегали слухи. Пехотинцы из регулярной армии Гермогена, которые служили их инструкторами и временными командирами, пытались гневными взглядами заглушить шепот, но им это не удалось. У гренадеров и их жен имелись свои взгляды на воинскую дисциплину. Построение ровными рядами казалось крестьянам разумным — очень римским, очень солдатским,— поэтому их ряды никогда не нарушали этого построения. Выполняли все в точности. Но поддержание полной тишины они считали очевидной чушью, поэтому гренадеры не колебались, высказывая свои мысли вслух.

На какое-то время показалось, что по полю прошел слух о языческих ритуалах. Некоторые гренадеры были уже на грани неподчинения, так как они не сомневались: странный предмет — это алтарь, предназначенный для языческих жертвоприношений.

Но появление епископа избавило их от этого страха. Снова возник другой слух, главный конкурент исчезнувшего. Предмет предназначается для каких-то соревнований в военном деле. Подразделение против подразделения, или представители от каждого, чтобы выбрать местного Геркулеса, который сможет поднять эту штуку. Или, может, даже сдвинуть на фут или два.

Поэтому, когда наконец Феодора опустила свою императорскую задницу на трон, то с удовлетворением отметила волну благоговения, пронесшуюся по молодым лицам.

— Я говорила тебе, что его стоило тащить сюда,— победно прошептала она Антонине.

Хотя лицо ее этого никогда не показало, на Феодору произвело впечатление то, за чем она наблюдала следующие два часа.

В некотором роде сами гранаты. Она слышала о пороховом оружии, которое малва ввели в мир. Феодора не совсем верила в них, но она по натуре была скептиком. Затем, когда ее скептицизм развеялся после демонстрации, она все равно не испытала благоговения. В отличие от большинства людей того времени, Феодора привыкла к машинам и всяким хитрым приспособлениям. Ее муж очень любил такие штучки. Большой Дворец в Константинополе был наполнен хитрыми приспособлениями.

Да, гранаты оказались мощными. Феодора видела их военный потенциал, даже не будучи солдатом.

Феодора правила империей. И как и все люди, достойные звания правителя, понимала: не оружие поддерживает трон. Только люди, которые используют это оружие.

Поэтому гренадеры произвели на нее большое впечатление.

— Как вам это удалось? — прошептала она, склоняясь к Антонине.

Антонина скромно пожала плечами.

— В основном я брала сторону крестьян в каждом споре с солдатами. По крайней мере во всем, что касалось их жизни. Я не вмешивалась в чисто военные споры. В любом случае таких возникало немного. Сирийские парни счастливы, узнавая истинные хитрости ремесла, и они никогда не спорят с Маврикием. Они просто не терпят глупостей.

Феодора наблюдала, как взвод гренадеров продемонстрировал еще один маневр. Шесть человек бросились вперед, за ними следовало такое же количество помощниц-женщин. Гренадеры быстро укрылись за баррикадой и стали выпускать гранаты из пращей в направлении дальнего сарая, который служил их целью.

Вскоре сарай превратился в щепки. Но Феодора обращала мало внимания на его разрушение. Ей было гораздо интереснее наблюдать за гренадерами, в особенности за той эффективностью, с которой женщины-помощницы готовили гранаты и — всегда — обрезали и поджигали запалы.

Наблюдая за направлением ее взгляда, Антонина усмехнулась.

— Это была моя идея,— тихо сказала она.— Конечно, с полководцами случился припадок. Но я на них надавила.— Она фыркнула.— Глупые мужчины. До них не доходило, что единственные люди, которым эти крестьяне доверят свои жизни,— это их женщины. Никто больше не может обрезать запалы так коротко и одновременно не взорвать своих мужей.

Новая партия гранат отправилась в сторону остатков сарая, от запалов отлетали искры.

— Смотри,— сказала Антонина.— Смотри, как точно все рассчитано. Дело в длине запалов.

Взрывы прозвучали практически одновременно с прибытием гранат к цели. Последние остававшиеся целыми доски разлетелись.

— Это искусство,— заметила она.— Если запал обрезать коротко, то граната взорвется, пока еще остается в воздухе. Слишком коротко — то взорвется в руках у гренадера, пока он даже не успел отправить ее в полет. Но если оставить его слишком длинным, то у врага будет время бросить ее назад.

Она излучала удовлетворение.

— Жены гренадеров — настоящие мастера в этом деле.— Антонина усмехнулась.— Даже Ситтас наконец прекратил ворчать и признал это, после того как сам попробовал бросать гранаты.

— Что случилось?

Антонина улыбнулась.

— Вначале все гранаты, которые он бросал, возвращались назад и били его по голове. К счастью, он использовал тренировочные гранаты, которые вместо взрыва только громко хлопают. Но он все равно прыгал, подобно жабе, пытаясь от них уклониться. Наконец он очень расстроился и обрезал запал слишком коротко.— Она улыбнулась.— Слишком коротко.

— Он пострадал?

Антонина широко улыбнулась.

— Не сильно. Но несколько дней пришлось поднимать кубок левой рукой. Не мог держать его в правой из-за бинтов.

Тренировка закончилась большим маневром, изображающим полномасштабное сражение. Весь полк сирийских крестьян и их жены встали боевым порядком в центре, рассредоточившись на нужное расстояние между бойцами. Подразделения пехоты Гермогена заполнили проемы, выступая в качестве щита для гренадеров на случай ближнего боя. Маврикий с катафрактами, в полном вооружении и на лошадях, охраняли фланги от вражеской конницы.

Ситтас отдал приказ. Гренадеры отправили партию гранат. Выпущенные из пращей гранаты взрыхлили пустой участок земли в ста пятидесяти ярдах. Пехота прошла вперед на десять ярдов, их щиты и мечи блестели. Подразделения гренадеров тоже пошли вперед, жены подготовили следующие партии гранат. Бросок. Снова земля взметнулась вверх в хаосе. И снова пехота прошла вперед. Снова гранаты.

По флангам рассредоточились катафракты. Словно зубы в акульей пасти.

Ситтас повернулся в седле и улыбнулся императрице.

— Выглядит великолепно,— прошептала императрица Антонине.— Но как это пройдет в настоящем сражении?

Антонина пожала плечами.

— Наверное, будет бардак, как я предполагаю. Ничего подобного этому аккуратному выступлению. Но меня это не беспокоит, Феодора. Враг будет не в лучшей форме.

Феодора посмотрела на нее скептически.

— Расслабься, императрица. Вспомни: мой муж — полководец. Я все знаю про первый закон битвы. И его следствие.

Феодора кивнула:

— Это хорошо.— Холодная улыбка.— В особенности раз ты у нас теперь — новый командир этого полка. Кстати, как ты его собираешься называть?

Антонина открыла от удивления рот.

— Ну, ну, подруга. Это элитное подразделение. У него должно быть название.

Антонина хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Что ты имеешь в виду? Командир? Я не солдат! Я...— Она начала причитать: — Я — женщина, ради всего святого! Кто когда-либо слышал, чтобы женщина...

Императрица показала пальцем на гренадеров. Палец напоминал скипетр.

— Они слышали,— объявила она. Феодора откинулась на троне, очень довольная.— Кроме того, Антонина, я не могу больше никому доверить этот новый полк. Это новое пороховое оружие слишком мощное. Вы будете моей последней надеждой, моей секретной силой, когда все остальное потерпит неудачу. Я никогда не доверю свою жизнь мужчине. Никогда снова.

Императрица встала.

— Я поставлю в известность Ситтаса. Конечно, он заблеет, как потерявшийся ягненок.

Потом добавила холодно и мрачно:

— Пусть. Я обстригу его до самой кожи.

* * *

Странно, но Ситтас блеять не стал. Совсем не стал.

— Я думал, что она так сделает,— признался он Антонине. Ситтас стоял рядом с ней, наблюдая за реакцией толпы на объявление, которое только что сделала императрица.— Умная женщина,— сказал одобрительно.

Антонина подозрительно посмотрела на него.

— Это совсем на тебя не похоже,— пробормотала она.— Ты — самый реакционный...

— Чушь! — ответил Ситтас весело.— Я совсем не реакционер. Я просто ленив. Я ненавижу все новые идеи потому, что обычно от меня требуются какие-то действия. В то время, как это...

Он широко улыбнулся крестьянским гренадерам. Некоторые неуверенно улыбнулись в ответ. Однако большинство стояли, уставившись на нового командира. На невысокую женщину с пикантными формами. Мужчины смотрели округлившимися глазами. У жен глаза практически вылезали из орбит.

— Наслаждайся, девочка, развлекайся,— тихо сказал Ситтас.— Я лучше вернусь к своим обычным занятиям, где я не особо перенапрягаюсь. Я могу вести катафрактов в атаку и во сне.

Ситтас отвернулся к склонился к Феодоре.

— Я думаю, нам следует назвать их Когортой Феодоры,— объявил он.

— Это прекрасная идея,— согласилась императрица.— Прекрасная.

* * *

Этим вечером, когда старейшины деревни собрались в большом зале усадьбы, где чувствовали себя неуютно, то дали ясно понять, что совсем не считают ситуацию прекрасной.

Совсем нет. Ничто в этой ситуации.

Они не возражали против названия. Название с их точки зрения роли не играло.

Они возражали против всего остального.

— Кто будет обрабатывать землю, когда мужчины уедут? — стонал один.— Деревенские жители начнут голодать.

— Не начнут,— заявила Феодора. Она возвышалась над небольшой толпой старейшин. С большими усилиями ее трон перенесли внутрь здания.— Они совсем не будут голодать. Как раз наоборот. Каждый гренадер из Когорты Феодоры станет получать ежегодное жалованье в двадцать номисматов. Я также предоставлю десять дополнительных номисматов в год на оборудование и форму. Жены — помощницы — будут получать половину этого.

Стоявшие за спинами старейшин представители молодых гранадеров и их жены возбужденно стали переговариваться. Ежегодный доход из двадцати номисматов — это был греческий термин, обозначающий солид — в два раза превышал доход от хозяйства сирийского крестьянина. Причем процветающего хозяйства. Десяти дополнительных солидов более чем достаточно, чтобы обеспечить солдата необходимым обмундированием. Если включить сюда еще и жалованье жен, то каждая крестьянская семья, включенная в Когорту, на самом деле только что утроила свой годовой доход.

Старейшины потрепали бороды, подсчитывая.

— А что с детьми? — спросил один.

Заговорила Антонина:

— Дети будут сопровождать саму Когорту. Императрица также согласилась обеспечить наем всех слуг, которые потребуются.

Объявление принесло еще один благодарственный шум от гренадеров. И в особенности от их жен.

— Конечно, во время сражения дети будут оставаться позади, в безопасном лагере.

— Какое же это безопасное место, если их разобьют? — указал один из старейшин.

Наконец один из стоявших позади гренадеров потерял терпение.

— Сами деревни не будут в безопасности, если мы потерпим поражение! — рявкнул он. Его товарищи согласно заворчали. Как и их жены.

Старейшины потрепали бороды. Подсчитывая.

Попробовали новый подход.

— Неподобающе, чтобы командовала женщина,— старейшина, который произнес эти слова, гневно посмотрел на крестьянских жен.— Девчонки начнут воображать,— предсказал он.

Чтобы подтвердить его предположения, жены разочарованно посмотрели на него. К еще большей его досаде. Их мужья рассмеялись.

— Вы видите? — пожаловался он.— Они уже...

Императрица уже собралась его оборвать, но ее перебил другой голос:

— Да будьты вы прокляты, сатанинские дураки!

Вся толпа была ошарашена и замолчала, услышав этот голос.

— У него это очень хорошо получается, не так ли? — пробормотал Антоний Александрийский.

Обладатель голоса вошел в зал из боковой двери.

Старейшины отпрянули назад. Молодые гренадеры за их спинами и их жены склонили головы. Даже Феодора, сидя на высоком троне, поняла, что ей тяжело не склониться перед этой фигурой.

Ястреб. Пустынная хищная птица.

Михаил Македонский подошел и уставился в лицо жалующегося старейшины.

— Значит, ты мудрее Христа? — спросил он.— Более уверен в воле Бога, чем Его Сын?

Старейшина затрясся от страха. И это неудивительно. На участках сирийской сельской местности, где в основном жили монофизиты, постановления православных советов ничего не значили. Здесь даже презрительно смотрели на щипцы и инструменты инквизиции. Но никто не насмехался над святыми людьми. Монахи-аскеты, живущие в пустыне, в глазах простых людей являлись истинными святыми, служителями Бога. Говорили голосом самого Бога.

Михаилу Македонскому стоило только сказать слово, и жители его же деревни закидают старейшину камнями.

Когда Михаил наконец отвел безжалостный взгляд, старейшина чуть не потерял сознание от облегчения.

Теперь его товарищи отпрянули от взгляда хищника.

— Вы на самом краю ада,— объявил Михаил. Тихо, но его слова достигли всех уголков зала.— Молчите.

Он повернулся и посмотрел на гренадеров и их жен.

— Я благословляю этих молодых людей,— объявил он.— И также благословляю их жен. В особенности их жен, поскольку они только что доказали, что являются самыми преданными из женщин.

Он опять гневно посмотрел на старейшин. И добавил каменным тоном:

— Так вы и сообщите людям. Во всех деревнях. Публично.

Головы старейшин затряслись, как поплавки в раскачиваемом корыте.

— Вы также объявите и кое-что еще,— приказал он. Теперь монах смотрел на императрицу и стоявшую рядом с ней Антонину.

Он пал ниц. За его спиной крестьяне резко вдохнули воздух.

— Боже праведный,— прошептал Антоний Александрийский в ухо Антонине.— Он никогда в жизни этого не делал.— Епископ сам едва не хватал ртом воздух.— Именно поэтому он отказывался от всех многочисленных приглашений в Константинополь. Ему пришлось бы пасть ниц перед императором или открыто восстать.

Михаил встал. Крестьяне прекратили шептаться.

— У меня было видение,— объявил он.

Теперь воцарилась мертвая тишина.

Монах показал на императрицу. Потом на Антонину.

— Бог послал их нам, как послал Марию Магдалину.

Он повернулся и собрался уйти. На полпути к двери остановился и в последний раз посмотрел на старейшин.

Ястреб, дающий обещание зайцам.

— Осторожно, фарисеи.

Он ушел.

Ситтас выдохнул воздух:

— Дело сделано,— объявил он.— Подписано, пропечатано и доставлено.

Он склонился к Феодоре:

— А теперь, Ваше Величество, с вашего разрешения?

Феодора кивнула.

Ситтас шагнул вперед и посмотрел на гренадеров. Развел в сторону огромные ручищи. Широко улыбался.

— За это надо выпить! — прокричал он.— Бочонки ждут снаружи. Ваши товарищи — все деревенские жители — уже начали праздновать! В то время как мы, бедняги, вынуждены бороться с жаждой,— кабан гневно посмотрел горящими глазами на сжимающихся старейшин и обнажил клыки.

Но старейшина всегда остается старейшиной.

— Затраты,— пожаловался один.

— Я прогорю,— застонал другой.

Ситтас заткнул их:

— Нечего бояться, вы, дураки! Я — богатый человек. Я плачу за это все!

— Не уверена, что еще смогу долго это выдерживать,— прошептала Феодора, наблюдая за тем, как крестьяне с готовностью покидают зал.— Определенно, еще одно чудо — и я умру.

Она покачала головой.

— Талисман Бога. Посланцы из будущего. Магическое оружие. Новые армии. Женщины-командующие. Святые разгуливают вокруг.

Она хмыкнула.

— А теперь еще — щедрый Ситтас. Что следующее? — спросила она.— Что следующее? Разговаривающие лошади? Звезды падают с неба?

Она встала.

— Пошли,— приказала.— Мы должны присоединиться к нашей новой армии и выпить за их успех. Быстро. До того, как вино превратится в воду.

* * *

Три дня спустя рано утром императрица уехала из усадьбы.

Несчастная женщина.

— Ты уверен, что это твой укрощенный зверь? — спросила она.

Маврикию удалось не улыбнуться.

— Да, Ваше Величество,— он похлопал старую кобылу по шее. Затем помог Феодоре сесть в седло. Задача была сложная, если учесть неловкость Феодоры и острую необходимость подсаживать ее так, чтобы не положить руку на императорскую задницу.

Теперь, сидя в седле, Феодора посмотрела сверху вниз на Антонину.

— Значит, помни. Как только я пришлю информацию, веди свою Когорту в Константинополь. И не забудь...

— Уезжай, Феодора,— перебила Антонина и улыбнулась.— Я не забуду ничего из твоих указаний. Гермоген уже готовит свои полки. Ситтас делает то же самое. Епископ тайно договаривается о кораблях. А десять катафрактов вчера отбыли в Египет.

— Командует ими Ашот,— сказал Маврикий.— Один из моих лучших декархов. Когда Велисарий наконец прибудет, он доставит его сюда — или в столицу, куда потребуется — как можно быстрее.

Феодра поудобнее устроилась в седле и кивнула.

Затем сверху вниз посмотрела на кобылу.

— Может, в конце концов все-таки будут осады,— пробормотала она мрачно.

Феодора неловко тронулась с места.

— Не забывай об этом, лошадь,— были ее последние слова.

* * *

На следующий день Маврикий смыл улыбки с лиц гренадеров.

— Конечно, парни, Антонина — ваш командир,— сказал он, разгуливая взад и вперед перед их рядами.— Но, знаете ли, командиры обычно находятся далеко. Это очень отстраненный тип людей. Они не имеют никакого отношения к рутинным ежедневным учениям.— Он

остановился и положил руки на бедра.— Нет. Нет. Это все тривиальные дела. Всегда их оставляют в руках низших гектонтархов.

Потом добавил мрачно:

— В данном случае это я.

Гренадеры следили за ним настороженно. Смотрели на улыбающихся катафрактов, которые стояли рядом. Гренадерам только что объявили, что катафракты станут новыми инструкторами.

Маврикий показал на катафрактов.

— Они — это то, что мы называем руководящими кадрами.

Катафракты очень зловеще улыбались.

— О, да,— продолжал Маврикий.— Теперь ваши учения начинаются по-настоящему. Забудьте про всю показуху для императрицы.

Он снова стал ходить взад и вперед.

— Я начну с того, что познакомлю вас с первым законом битвы. Его можно передать просто. Любой план сражения летит к чертям собачьим, как только появляется враг. Именно поэтому его и называют врагом.

Он остановился, повернулся и весело улыбнулся.

— Ваши планы только что полетели к чертям собачьим.

Улыбнулся от уха до уха.

— Я прибыл.

Да, улыбки сошли с их лиц. Но улыбки в их сердцах, сердцах молодых крестьян, не исчезли. Никогда не исчезали, за время последующих недель, несмотря на многочисленные ругательства, отправляемые в адрес Маврикия. (Не нужно говорить, конечно, что за его спиной.)

Нет, ни разу. Молодые сирийцы не были дураками. Даже мужчины, и определенно их жены. Они были необразованными и неграмотными, да. Но не глупыми. Несмотря на все удовольствие от их вновь приобретенного статуса, они никогда не думали, что занялись несерьезным делом.

Они отличались практичностью. Они понимали, что такое серьезное дело. И они по-крестьянски оценивали серьезных людей.

Антонина — радость, императрица — удовольствие. Ситтас — неплохой великодушный господин. Антоний Александрийский — архетипичный истинный епископ.

А Михаил, конечно,— пророк на земле.

Но теперь пришло время серьезных дел. Крестьянской работы. И поэтому, хотя они никогда не улыбались, сирийские крестьяне не обижались — и не возмущались — оскорблениями фракийцев.

Эти фракийские катафракты сами в глубине души — сельские ребята. Крестьяне, ничего больше.

Но очень, очень крепкие крестьяне.

И поэтому, когда лето перешло в осень, а осень в зиму...

...полководец и его союзники пытались убежать от когтей малва,

...императрица в Константинополе наблюдала за тем, как империя готова начать распадаться,

...конспираторы везде строили заговоры...

А несколько сотен крестьян и их жен трудились под сирийским солнцем. Делая то, что крестьяне делают лучше всего, используя опыт тысячелетий.

Тяжелую работу. И становились от нее только крепче.

Глава 17

Северная Индия
Лето 530 года н. э.

Когда они набрели на результаты третьей бойни, Ране Шанге этого хватило.

— Сумасшествие! — рявкнул он.— Римляне снова это сделали!

Его первый заместитель, Джаймал, оторвал взгляд от окровавленных тел, разбросанных по обеим сторонам дороги. Там лежало семь тел, в дополнение к трем солдатам, которых они нашли в самой сторожке. Все они были простыми солдатами, и всех их зарезали, как овец. Судя по отсутствию крови на лежащем рядом оружии, Джаймал не думал, что солдаты нанесли хотя бы одно ранение нападавшим. Большинство из них, как он подозревал, даже не пытались. По крайней мере половину убили при попытке к бегству.

— О чем ты говоришь? — спросил он.

— Это... идиотизм,— Шанга гневно посмотрел на него.— Нет, беру слова обратно. Это не идиотизм. Совсем нет. Это просто обманный трюк.

Его подчиненный нахмурился.

— Я не понимаю...

— Это очевидно, Джаймал! Весь смысл этой бойни — как и первых двух, и атаки на армейский лагерь — просто направить нас в погоню.

Увидев непонимание на лице Джаймала, Шанга сдержал гнев. Однако ему не удалось не вздохнуть от раздражения.

— Джаймал, задай себе несколько простых вопросов. Почему римляне убили этих людей? Почему они так стараются, выбирая дороги, которые проходят мимо сторожек? Почему, выбирая эти дороги, они тратят время, атакуя строжки, вместо того чтобы украдкой пробраться мимо них? Ты знаешь не хуже меня, что эти жалкие ублюдки не станут выходить из сторожек, если их не заставят,— он презрительно показал пальцем на трупы.— Наконец почему римляне атаковали армейский лагерь в Каушамби в ночь побега?

Молчание. Подчиненный нахмурился в непонимании. Шанга наконец взорвался:

— Ты — идиот! Римляне делают все возможное, чтобы заставить нас следовать в этом направлении. Черт побери, почему?

Открытый рот Джаймала выглядел бы комично, если бы Шанга был в веселом настроении.

— Велисария... с ними... нет,— пробормотал он, заикаясь.— Он побежал в другую сторону.

— Мои поздравления,— проворчал Шанга. Развернул коня.— Собери людей. Мы возвращаемся.

Джаймал нахмурился.

— Но до Каушамби ехать три дня. А нам приказали...

— Черт побери приказы! Я разберусь с Татхагатой. И что, если ехать три дня? Мы уже потеряли четыре на этом дурацком задании. К тому времени, как мы вернемся — предполагая, что мне сразу удастся донести разумные мысли до малва,— у Велисария будет уже недельное преимущество перед нами. Ты предпочтешь, чтобы оно было больше?

Он недовольно ткнул пальцем на юг.

— Сколько еще дней ты хочешь тратить на погоню за подчиненными римского полководца? В любом случае, сомневаюсь, что мы можем их поймать. Патаны[1] говорят, что они уже в дне пути от нас. Они за три дня преодолевают столько, сколько мы можем за четыре. И у них еще есть время на *это*,— он снова яростно показал на трупы.— По пути. Между делом.

Джаймал кивнул. Большие кавалерийские подразделения раджпутов типа их всегда включали нескольких патанов. Большую часть времени варвары нарушали дисциплину и мешали, но являлись непревзойденными мастерами по чтению следов.

— А как им удается ехать так быстро? — задумался Джаймал.

Шанга пожал плечами.

— Во-первых, у них есть запасные лошади, которых нет у нас. И у них, вероятно, лучшие в мире лошади. Возможно, мы этого никогда не узнаем, но я готов поставить годовой доход на то, что Велисарию удалось купить лучших лошадей, которых он мог найти в Индии. И он где-то их прятал.

Затем Шанга добавил стальным тоном:

— Я теперь, Джаймал, делай, как я приказал. Собирай людей. Мы поворачиваем назад.

За определенной чертой никто из подчиненных Шанги не спорил с ним. Сейчас этого барьера уже достигли, как знал Джаймал, и незамедлительно выполнил приказ.

---

[1] Патаны — члены афганского племени патанов.

Его непосредственные подчиненные Удай и Пратап в частной беседе высказали ему свои сомнения. Эти сомнения в основном концентрировались вокруг их страха малва. Как малва отреагируют, когда они вернутся в Каушамби? Но теперь, после того как курс установлен, Джаймал не терпел несогласия так же, как сам Шанга.

— И кроме того, нас не будет тут не хватать,— проворчал он.— По этим равинам ходит тысяч сорок человек. Треть из них — конница раджпутов, еще треть — йетайские наездники. Пять тысяч из нас разницы не сыграют.

— Справедливо,— проворчал Удай.— Если у римлян такие хорошие лошади, да еще имеются и запасные, то только императорские курьеры способны двигаться быстрее их.

— А их послали? — спросил Пратап.

Джаймал раздраженно пожал плечами.

— А я откуда знаю? С каких это пор император Шандагупта сообщает мне о свох делах? Но предполагаю: да. К этому времени, думаю, курьеров уже отправили во все порты Эритрейского моря, чтобы предупредить гарнизоны.

Теперь он говорил таким же тоном, каким с ним самим разговаривал Шанга.

— Достаточно споров. Выполняйте приказ.

* * *

Курьеров на самом деле отправили. Так, как предполагал Джаймал — в каждый порт на Эритрейском море. Курьеры были прекрасными и опытными наездниками и ехали они на самых лучших конях. Однако у них с собой не имелось запасных лошадей. Вместо этого они меняли лошадей на почтовых станциях, которые малва держали на равном расстоянии по всем основным дорогам империи. Эти почтовые станции на Гангской равнине были небольшими, не больше, чем хлев или загон, пристроенный к небольшой казарме, в которой размещалось четверо солдат.

Курьер, отправившийся в Бароду, был одним из трех, которых послали по дороге на Матхуру. Сама Матхура не являлась пунктом назначения кого-либо из них. Все трое, задолго до того, как доберутся в Матхуру, разойдутся по различным ответвлениям дороги, которые ведут в Бароду и небольшие порты на полуострове Катхиявар, в северной части Камбейского залива.

Курьер к Камбейскому заливу отправился первым, на следующий день после побега Велисария. Малва не сомневались, что полководец и его подчиненные бежали назад в Бхаруч. Но они считали важнейшим делом послать курьеров, чтобы перекрыть весь залив. Курьеры, которые направлялись на полуостров Катхиявар и в Бароду, тронулись

в путь несколько часов спустя, словно отправляющему их с нескольким опозданием пришла в голову соответствующая мысль.

Вначале двое мужчин путешествовали вместе. Но через некоторое время курьер, направлявшийся на полуостров Катхиявар, вышел вперед. Он был новичком в императорской курьерской службе и придерживался о себе высокого мнения. Его товарищ обрадовался, что от него отделался, почувствовал облегчение, которое чувствуют потрепанные в боях ветераны, когда избавляются от общества раздражающих их глупых учеников. Курьер-ветеран не видел смысла в поддержании немыслимой спешки молодого. Зачем беспокоиться? Все и так знают, что римляне отправились на юг, а не запад.

К тому времени, как он добрался до почтовой станции в конце первого дня пути, курьер-ветеран пребывал в отвратительнейшем настроении. Испытывал отвращение, которое разбавлялось сильной дозой жалости к себе. Барода, его конечная цель, была самым западным портом, имеющим хоть какое-то значение в империи малва. Она находилась даже за рекой Инд — примерно в тысячах милях от Каушамби, если по прямой.

Конечно, курьер ехал не по прямой. Ему придется преодолеть по крайней мере вполовину большее расстояние до того, как он доберется до цели. По большей части по плохим дорогам и по жуткой жаре Раджпутаны. И ему еще придется часть пути путешествовать по пустыне Тар, самой жуткой пустыне Индии. Долгое, тяжелое путешествие по жаре, и в конце его не ждет ничего хорошего, только самый худший в Индии порт. Курьер ненавидел Бароду. Это был город полукровок, половину его населения составляли иностранные варвары. Да и живущие там индусы немногим лучше, уже давно приспособились к обычаям язычников из чужих земель.

Поэтому, спешиваясь перед почтовой станицей, курьер чувствовал огромную жалость к себе. Его жалость перешла в ярость, когда из казарм не вышел ни один солдат, чтобы помочь ему снять с лошади седло. Курьер широким шагом направился к двери в казарму и толкнул ее плечом, даже не постучавшись.

— Какого черта вы...

Меч вошел на четверть дюйма ему в грудь. Не смертельная рана, несмотря на болезненность, даже не особо кровоточащая. Но курьер чувствовал, как стальной конец меча скребет о его грудную клетку. А рука, которая держала меч, была твердой, как скала.

Курьер вначале уставился на эту руку, потом провел взглядом по ней туда, где рука переходила в туловище. Все воспринималось как в тумане.

Курьер стоял, не двигаясь. Он замер и пребывал в полубессознательном состоянии. Он не смог различить слов. Тогда меч подтолкнул

его назад, и он был вынужден прижаться спиной к дверному косяку. Курьер снова уставился на меч, словно околдованный зрелищем.

Слова прозвучали вновь. На хинди. Наконец их значение дошло.

— После тебя еще будут курьеры?

Он понял, но не мог говорить. Меч снова пошевелился в ране.

— Что? — резко выдохнул он.

Меч еще раз шевельнулся.

— Н-н-нет,— пролепетал он, заикаясь.

Меч прошел сквозь грудную клетку, словно его вбили молотком. Курьер рухнул на колени. В последние секунды жизни он наконец смог сфокусировать взгляд и увидел всю казарму.

Его первой реакцией стало смятение. Почему два курьера, его товарища, все еще здесь? И почему они лежат на группе солдат?

Зрение покидало его.

Наконец он понял. Они все мертвы.

Последним, что он увидел в жизни, было лицо молодого курьера, который ехал вместе с ним первую часть пути. Зрелище вызвало у него легкую улыбку. Немного развеселило. Тщеславный сноб, желавший славы, походил на лягушку, с открытым ртом и выпученными глазами.

Зрение покинуло его. Последней мыслью, очень смутной, стало понимание, что он на самом деле не разглядел человека, который его убил. Только его руку. Крупную, мощную, мускулистую.

* * *

В сотне миль к востоку от Каушамби, рядом с Сатарой, владелец гостиницы чуть не прыгал от радости. Он безжалостно гонял жену, детей и слуг.

— Подать самую лучшую еду! — снова восклицал он, и снова, и давал затрещину жене.— Самую лучшую! Я предупреждаю вас — если знатные господа пожалуются, я вас побью. Они очень богаты и будут щедры, если останутся довольны.

Его жена поспешила подчиниться, склонив голову. Дети и слуги сделали то же самое. Все они страшно боялись владельца гостиницы. Когда дела шли плохо — а они обычно-таки шли,— владелец гостиницы становился угрюмым, жестоким тираном с отвратительным характером. Когда дела шли хорошо, он был еще хуже. Жадность просто добавляла ему жестокости.

Поэтому для всех в этом хозяйстве, за исключением самого владельца гостиницы, следующие двенадцать часов прошли как медленно разворачивающийся кошмар.

Вначале они боялись, что знатному господину и его жене не понравится еда. Но этот страх не материализовался. Знатная госпожа

ничего не сказала — и абсолютно правильно, в особенности для женщины, которая настолько моложе своего мужа,— а знатный господин очень долго благодарил и высоко оценил поданное.

К сожалению, знатный господин добавил сверху за прекрасную еду. Жадность владельца гостиницы еще обострилась. В кухне он безжалостно гонял семью и слуг, заставляя их шевелиться побыстрее. Знатный господин и его жена отправились спать вместе со служанками жены, но также следовало накормить большой отряд сопровождения. Конечно, солдатам предназначалась не самая лучшая еда, но неплохая, потому что иначе они пожалуются своему господину. И еды в любом случае требовалось много!

Ужас в доме нарастал. Солдаты казались злобно выглядящей ордой. Какие-то варвары. Их было много, и только три женщины, увязавшиеся за ними. Старшая дочь владельца гостницы и две служанки содрогались от мысли, что им придется войти в комнаты, где солдаты остановились на ночь. Мать и одна из пожилых служанок, чья потрепанная внешность избавит их от домогательств, попытались отнести еду солдатам. Но владелец гостиницы шлепнул жену и приказал молодым женщинам выполнить задание. Все, чтобы солдаты остались довольны и не жаловались на негостеприимство своему господину.

Этот страх тоже оказался беспочвенным. Несмотря на устрашающую внешность, солдаты вели себя прилично. На самом деле даже вежливо.

Поэтому после того, как солдаты поужинали и улеглись на спальные настилы, владелец гостиницы побил дочь и двух служанок. Они очевидно были грубы с солдатами, иначе их бы домогались.

Последним страхом, из-за которого весь дом не спал целую ночь, было следующее утро. Уезжая, знатный господин и сопровождающие его лица могут не дать владельцу гостиницы больших чаевых, как тот ожидал. Страх усиливался, пока тянулись бесконечные часы. Ожидания самого владельца гостиницы усиливались с каждым часом, и он сам не спал ночь, раздумывая и просчитывая предстоящее богатство. На рассвете владелец гостиницы убедил себя, что он на грани получения огромных чаевых. Когда реальные чаевые оказались гораздо ниже его абсурдных ожиданий, его семья и слуги знали: он будет ужасен.

Но страх тоже исчез. Чаевые, которые получил владелец гостиницы — к удивлению всех и его собственному,— оказались по их стандартам огромными.

И поэтому в конце концов пребывание в гостинице неизвестного знатного господина стало благословением для этого дома. Конечно, жадность владельца гостиницы вскоре добавит им несчастья. В этом нисколько не сомневались ни жена, ни дети, ни слуги. Владелец гостиницы будет ожидать подобных чаевых от появляющихся время от времени благородных господ, которые в будущем станут останав-

ливаться в их гостинице. А когда не получит их, то станет вымещать недовольство на домочадцах.

Но это проблема будущего. Ни его жена, ни дети, ни слуги не имели склонности беспокоиться о будущем. Настоящее представлялось очень мрачным. И они радовались, что временно насладятся редкой передышкой от вечно присутствующего в их жизни страха. Владелец гостиницы, купаясь в неожиданном богатстве, три следующих дня беспробудно пил.

Каждую ночь, видя, как он спит пьяный, жена думала отравить его. Это было ее главным развлечением в жизни. На протяжении совместной жизни она думала о восемнадцати различных ядах, которыми могла бы воспользоваться. Пять из них не оставят ни следа и не бросят на нее подозрение.

Но как и всегда, забава потеряла яркость через некоторое время. Нет смысла травить его. От нее потребуется — теперь по закону — принести себя в жертву на его погребальном костре. Ее детям и слугам от этого станет немногим лучше. Владелец гостиницы давно попал в безнадежную долговую зависимость от местных властелинов. После его смерти придется платить долг — немедленно и в полном объеме. Теперь по закону все семьи бедняков отвечали за долги главы семьи после его смерти. Они не смогут выплатить эти долги. Гостиницу заберут. Слуг продадут в рабство. Дети, поскольку не относились к кастам неприкасаемых, не могут быть проданы в рабство из-за долгов. Они просто умрут с голода или будут вынуждены заняться немыслимыми занятиями.

К окончанию запоя владельца гостиницы, через три дня, жена едва помнила благородного господина, который обеспечил ей небольшой отдых от вечного страха. Она думала о более далеком прошлом, о своей молодости. Лучших временах, которые она помнила — или по крайней мере ей так казалось. Хотя ее молодость прошла не так счастливо, как у ее матери или бабушки, судя по их рассказам, которые она частично помнила из детства. Времена, когда сати[1] ожидали только от богатых вдов — женщин благородного происхождения, которые хотели доказать свои благочестие и набожность и которым не требовалось думать о материальном благосостоянии детей.

В старые времена, когда правили Гупты. Когда обычаи, хотя могли быть и жестокими, оставались только обычаями. Времена, когда жестокие обычаи на практике часто улучшались более добрыми или по крайней мере менее жестокими правителями. Времена, когда даже жестокий правитель не стал бы проклинать буддийского монаха или садху.

Времена до того, как появились малва. С законами малва, с безжалостностью малва. До того как жрецы Махаведы стали очищать огнем, а палачи махамимамсы наказывать зараженных.

---

[1] Сати — самосожжение вдовы на погребальном костре вместе с телом мужа.

* * *

Четырнадцать императорских курьеров гнали лошадей на юг через Северную Индию. В отличие от трех курьеров, отправившихся на запад, все эти курьеры понимали срочность своей миссии. Императорские курьеры являлись элитой, и занятие считалось одним из самых почетных в Индии малва. Все они относились к кшатриям по рождению, да, низкорожденным кшатриям, но тем не менее кшатриям. И в то время, если их положение в сословии было скромным, по официальной аристократичной шкале, они наслаждались необычной степенью интимности с самыми высокопоставленными людьми в Индии. Многие из этих курьеров более чем один раз брали свои послания из рук самого Бога-На-Земле.

Поэтому они отличались надменностью. Императорские курьеры малва считали себя самыми быстрыми людьми в мире. Когда они неслись на юг, каждый из этих четырнадцати не сомневался, что у огромных орд армии малва нет шанса поймать иностранных дьяволов. Курьеры, и только они, стоят между хитрыми иностранцами и их успешным побегом.

Несмотря на скорость римлян и аксумитов на их отличных лошадях, они не могли передвигаться так быстро, как курьеры малва. Лошади, на которых скакали курьеры малва, были даже лучше, а у курьеров имелось одно большое преимущество — им не требовалось оставлять лошадей в живых. Вдоль каждой основной трассы их ждало еще много лошадей. Поэтому все они более чем один раз загоняли лошадей до смерти, пока гнали от станции до станции.

Курьеры не сомневались, что в состоянии достичь портов до убегающих врагов и предупредить гарнизоны. Армия малва может барахтаться и спотыкаться, раджпуты и йетайцы — метаться в бесцельном преследовании, но курьеры всех спасут.

Так они думали. Но императорские курьеры, как и многие другие в Индии в те времена, были слишком уверены в себе. Слишком самоуверены и мало внимания уделяли безопасности, не считая, что что-то может пойти не так в этом загрязненном мире.

Пренебрежение одного курьера к собственной безопасности проявилось самым простым образом из возможных. Он с грохотом несся по заворачивающей дороге, и вид впереди закрывал густой лес, который возвышался по обеим сторонам дороги. Курьер внезапно узнал, что он на самом деле двигается быстрее иностранных врагов. Он догнал их.

Курьер уже врезался в центр иностранцев до того, как к своему несчастью это обнаружил. Курьер быстро соображал, поэтому не стал делать ошибки, пытаясь развернуться. Вместо этого он воспользовал-

ся преимуществом скорости и просто пронесся сквозь них, умело направляя лошадь сквозь небольшую толпу.

И ему это удалось. На самом деле императорский курьер являлся одним из лучших наездников в мире.

Но ни один наездник не достаточно хорош, чтобы ехать быстрее стрелы катафракта. По крайней мере той, которую выпускает катафракт по имени Валентин.

Иностранцы затащили тело курьера в лес, а затем к убийству добавили оскорбление. Они добавили его великолепного жеребца к запасным коням.

Второй курьер, и третий, а затем и четвертый тоже обнаружили капризы судьбы.

Драматично в случае второго курьера. Ливни в сезон муссонов размыли многие дороги в Индии. Дорога, по которой поехал этот курьер, оказалась одной из менее значимых, а поэтому приняла свою часть климатических изменений. Однако этого курьера не смущали такие препятствия. Он был опытным курьером и прекрасным наездником. Он перепрыгивал через многие смытые части дороги за свою карьеру и сделал это снова. И снова, и снова, и снова, с самоуверенностью человека, занимающего такое высокое положение. К сожалению, он не учел, что конь не разделял его навыков и опыта, по крайней мере тогда, когда был полумертвым от усталости. Поэтому, перепрыгивая через очередной поток, конь пошатнулся и сбросил курьера.

Коня хорошо выдрессировали, поэтому он ждал, пока его наездник снова сядет в седло. Это был очень хорошо выдрессированный конь, поэтому он не сходил с места два часа, пока его конский разум наконец не пришел к выводу, что этот курьер почему-то решил остаться лежать в потоке. Странно, что лицом вниз, под двумя футами воды.

Несчастье третьего курьера приняло менее драматическую форму. Он тоже ехал на измученном коне по разбитому участку дороги, на которой его конь подвернул ногу и упал. В отличие от другого курьера, этот не ударился головой о камень в воде. Он приземлился в кусте и просто сломал ногу. Простой перелом, не смертельный. Но его обнаружили только через два дня, а к тому времени, как небольшая группа лесорубов доставила его на ближайший пост малва, это уже не имело смысла. Было слишком поздно ему помогать.

Четвертый курьер встретился с несчастливой судьбой в самом обычном и плебейском проявлении. Он заболел. Он чувствовал себя нехорошо даже перед отъездом из Каушамби, а после недели безжалостного путешествия уже бредил. Человек может загнать лошадь до смерти, но не без последствий для себя. Курьер был упрямым человеком и смелым и намеревался выполнить свой долг. Но одной силы воли недостаточно. Вечером седьмого дня он добрался до почтовой

станции и свалился с лошади. Работающие на станции солдаты отнесли его в казарму и сделали все, что могли — с помощью местного травника, чтобы он выздоровел.

А всего возможного, учитывая медицинские знания того времени, оказалось недостаточно. Курьер был смелым и упрямым человеком, поэтому прожил еще четыре дня. Но ни разу не пришел в сознание перед смертью, а солдаты боялись даже дотронуться до сумки курьера, тем более взломать печать малва и открыть послание. Да и в любом случае это было бы бессмысленно, так как никто из них не умел читать.

И только через два дня по прибытии первого подразделения регулярных войск, отправившихся в погоню за беглецами, командующий изучил послание. Он принадлежал к высшей касте и народности малва и оказался достаточно надменным, чтобы взломать императорскую печать. Сразу же после прочтения послания командир отдал два приказа. Он отправил лучшего наездника в Бхаруч с теперь сильно запоздавшим посланием. По второму приказу солдат с почтовой станции высекли. По пятьдесят ударов бамбуковой палкой каждому за невыполнение обязанностей. Грубое уклонение от них.

Тем не менее десять курьеров осталось. К концу второй недели после того, как римляне и аксумиты начали побег на юг, все десять курьеров обогнали иностранцев и теперь скакали впереди них. На самом деле иностранцы двигались очень быстро и уверенно шли впереди огромной массы преследователей. Даже курьеры могли только уходить вперед на несколько миль ежедневно. В среднем. Все курьеры ехали по разным дорогам, и ни одна не совпадала с той, которую выбрали иностранцы.

Несколько миль в день — это немного. Но этого хватит. Курьеры прибудут к Камбейскому заливу с достаточным запасом времени, чтобы предупредить. Четверо из них направлялись в Бхаруч. К тому времени, как иностранцы появятся на побережье, Бхаруч и меньшие порты закроют. Иностранные беглецы окажутся в капкане в Индии, с огромной армией малва вокруг, готовой их поймать.

Это был план малва с начала преследования. Конечно император и высокопоставленные приближенные надеялись, что армия поймает беглецов до того, как они доберутся до побережья. Но они знали, что это может и не удасться, поэтому немедленно послали курьеров.

Это был отличный план, который использовал преимущества отличной курьерской службы малва. План, принятый людьми, которые отличались как умом, так и надменностью. И как и многие такие планы, провалился из-за надменности.

Надменные люди, раздувшиеся от собственной важности, имеют склонность забывать о враге.

В этом случае врагах. Во множественном числе. Они совсем не знали человека, которого они преследовали, полководца Велисария. Он, как и они, тоже строил планы. Он, как и они, тоже пытался их выполнить. Но он — в отличие от них — также знал, что планы ненадежны. А поскольку планы могут быть нарушены всевозможными обстоятельствами, он знал: всегда следует строить планы внутри планов, чтобы ожидать любого, самого неожиданного развития событий. Каждого нового поворота.

За несколько месяцев до этого Велисарий увидел одну такую возможность. Он ухватился за нее обеими руками. Римляне и аксумиты освободили из плена императрицу Шакунталу, а величайший воин Махараштры в свою очередь освободился от выполнения этого задания.

Рагунат Рао был теперь свободен несколько месяцев. Свободен, чтобы зажечь пламя в Великой Стране.

Конечно, нескольких месяцев недостаточно, чтобы организовать огромное народное восстание. Определенно не в недавно завоеванной стране, люди которой до сих пор зализывают раны. Но месяцев достаточно для такого человека, как Рао, чтобы собрать ядро будущей армии. Собрать воинственных молодых людей, к этому времени почти тысячу — в изолированных горных крепостях, построенных на суровой земле Великой Страны.

Рао был не только опытным командующим, но у него имелась природная склонность к ведению партизанской войны. Поэтому практически со дня возвращения в Махараштру он направлял стекающихся под его знамена молодых людей на первое, простейшее и самое главное задание будущего бойца.

Разведку.

Наблюдайте. Смотрите. Никто не должен двигаться южнее гор Виндхья без нашего ведома.

Самый быстрый из курьеров малва наконец прорвался через Гангскую равнину и через горы Виндхья, которые являлись традиционной границей между Северной Индией и Деканским плоскогорьем. Теперь до Бхаруча было недалеко.

Он не проехал и тридцати миль до того, как на него напали. Свалился на землю, получив в тело пять стрел.

Так получилось, что Рао находился в лагере неподалеку, в горном форте примерно в двадцати милях. Через несколько часов молодые маратхи, сидевшие в засаде, принесли ему курьерскую сумку. Рао не боялся императорской печати и умел читать. На самом деле умел читать очень хорошо и быстро.

Сразу же после прочтения послания он отдал свои команды. Через несколько минут в крепости никого не осталось, за исключением

самого Рао и двух его заместителей. Все остальные — примерно триста человек — понеслись распространять новость.

Приближаются курьеры малва. Их всех нужно остановить. Убить. Взять их курьерские сумки. Приказ отдал сам Рао.

После того как молодые воины ушли, Рао и два его заместителя с наслаждением съели простую еду. За едой они обсуждали значимость последнего события.

— А мы можем помочь римлянам как-то по-другому? — спросил Маджоли.

Рао пожал плечами.

— Возможно. Посмотрим, когда они прибудут. Я не знаю их планов, хотя подозреваю, что малва правы. Римляне и африканцы попытаются взять корабль в Бхаруче. Если это так, то нам достаточно остановить курьеров.— Он мрачно улыбнулся.— Эти люди очень способные. Они справятся, если мы поможем гарнизонам ничего не узнать.

— А что, если с ними императрица? — спросил второй заместитель Рамчандра.

Рао уверенно покачал головой:

— Ее с ними нет.

— Откуда ты знаешь?

Теперь улыбка Рао совсем не была мрачной. На самом деле он улыбался весело.

— Я знаю, как работает мозг Велисария, Рамчандра. Этот человек никогда не станет делать очевидное. Вспомни, как он спас Шакунталу. На самом деле...— Рао посмотрел на свиток с посланием, который все еще держал в руке.— Интересно...— задумчиво произнес он.

Он заново свернул свиток и опустил в сумку. Движение имело в себе законченность.

— Мы вскоре узнаем,— он откровенно улыбался.— Ожидайте, что удивитесь, друзья. Когда имеешь дело с Велисарием, удивление — единственное, в чем можешь быть уверен. Единственное.

Одним легким движением Рао поднялся на ноги. Широкими шагами подошел к одной из бойниц и стоял мгновение, глядя на Великую Страну.

Каменная стена крепости поднималась вверх от почти перпендикулярной скалы высотой примерно в сотню ярдов. Вид был великолепным.

Двое заместителей присоединились к нему. Их обоих поразила безмятежность на лице Пантеры.

— Мы вскоре увидим императрицу,— прошептал он.— Она прибудет, друзья,— не сомневайтесь. С самой неожиданной стороны, самым неожиданным образом.

* * *

В тот же самый день и даже час молодой командующий блок-поста прямо к югу от Паталипутры оказался в затруднительном положении.

С одной стороны, у компании, которая хотела миновать его пост, не было нужных документов. Их отсутствие тяжело воспринималось командующим потому, что он происходил из сословия брахманов и преклонялся перед письменным словом и почитал его, как и все представители этого класса священнослужителей и ученых. Наследие брахманов необычно для военного. Как правило, в них шли кшатрии. Но он избрал эту карьеру из-за амбиций. Он относился не к народности малва, а к бихарцам. Как представитель подчиненной народности, он мог ожидать подняться выше в военном деле, чем в гражданской иерархии.

Тем не менее он сохранил инстинкты мелочного бюрократа, а у этих людей нет документов.

С другой стороны... Знатный господин очевидно принадлежал к очень высокой касте. Не из малва, нет, из какой-то западной народности. Но ни один командир в низком звании не готов оскорбить высокопоставленного господина в империи, малва или другой.

Командир слышал, как его подчиненные ворчат позади него. Они видели размер взятки, предложенной знатным господином, и их приводила в ярость навязчивая идея командующего с глупыми правилами и постановлениями.

Командующий колебался, проявлял неуверенность, нерешительность, копался в узких лабиринтах разума.

Жена знатного господина положила конец его нерешительности.

Командующий услышал ее резкие приказы. Наблюдал, как она слезала из паланкина на слоне и ей помогали солдаты зловещего вида. Наблюдал, как она целенаправленно идет к нему.

Она была невысокого роста и очевидно молодая. И симпатичная — судя по тому немногому из ее лица, что он видел. Красивые черные глаза.

То удовольствие, которое ему доставила ее внешность, испарилось, как только она заговорила.

На хорошем хинди, но с очень сильным южным акцентом. Он подумал, что это керальский акцент.

— После того как я поставлю императора Кералы в известность о твоей наглости, тебе в этом мире жить останется недолго. Он — мой отец, и он потребует твоей смерти у малва. Трус! Тебя...

Муж попытался ее успокоить.

— ...посадят на кол. Я потребую посадить на короткую палку. Мой отец император...

Муж пытался ее успокоить.

— ...позволит посадить тебя на длинный кол в интересах дипломатии, но он не...

Муж пытался ее успокоить.

— ...не согласится на меньшее, чем смерть под пытками. Я потребую, чтобы твое тело скормили собакам. Небольшим собакам, которые будут отрывать от него куски, а не сожрут целиком. Мой отец император...

Муж пытался ее успокоить.

— ...не станет настаивать на собаках в интересах дипломатии, но он потребует...

Наконец знатному господину удалось увести жену. Через плечо она крикнула:

— Твоему вонючему трупу откажут в отправлении погребальных ритуалов. Ты проживешь пять жизней в образе червя, еще пять паука, потом...

Когда компания преодолела блок-пост, поруганная честь командующего была частично восстановлена большой взяткой, которую вручил ему знатный господин.

Частично, не больше. Молодой командующий не пропустил ухмылки, которыми обменялись подчиненные ему солдаты и охранники, сопровождающие знатного господина. Ухмылками, которыми обмениваются простые солдаты, наблюдая за унижениями высокопоставленных нахальных сопляков.

* * *

В течение следующей недели девять из десяти курьеров малва умерли в Махараштре. Конечно, они путешествовали быстрее партизан маратхи, но курьеры ограничивались дорогами и на самом деле не знали местность. С другой стороны, молодые люди Рао знали, как и где срезать углы в этих горах вулканического происхождения. И все места, где устроить засаду.

Из четырнадцати императорских курьеров, которые направились на юг из Каушамби несколько недель назад, только один пережил путешествие. Он воспользовался самой северной дорогой из всех, по которым поехали курьеры, и на самом деле она только огибала Великую Страну. Поэтому он все-таки прибыл к месту назначения. Небольшому порту, на северном краю залива.

Наконец все прошло по плану. Командующий небольшого гарнизона тут же мобилизовал войска и начал тщательно патрулировать порт и прилегающие к нему территории. На все корабли — все три — наложили арест и запретили им покидать порт.

Командир был агрессивным твердым командиром. Небольшую гавань прочно закрыли. И поэтому в соответствии с планом никто из врагов не убежал через этот порт.

Что, как оказалось, они и не собирались делать.

Глава 18

Если бы Нанда Лал не вмешался, то дело могло бы дойти до драки. После этого Рану Шангу казнили бы, но он получил бы удовлетворение, убив господина Татхагату, как свинью, которой тот и был.

— Тихо! — заорал начальник шпионской сети, как только ворвался в комнату.— Замолчите оба!

У Нанды Лала был сильный голос. Он несколько искажался в связи со сломанным носом, но все равно оставался сильным. И его голос наполняла чистая черная ярость, такая жуткая, что заставила бы замолчать любого.

В этом настроении Нанда Лал пребывал с тех пор, как пришел в сознание на полу на барже Великой Госпожи Холи. На промоченном кровью ковре, заляпанном его собственной кровью, куда отправил его сапог иностранного демона.

Теперь уже миновала неделя, но ярость не прошла. Это была ярость начальника шпионской сети — ледяная, не горячая, но абсолютно безжалостная.

Шанга сжал челюсти. Он уставился на Нанду Лала не из грубости и любопытства, а просто потому, что больше не мог выносить жирное, глупое свиное рыло Татхагаты. Затем, поняв, что его взгляд могут неправильно понять, Шанга отвернулся.

На самом деле в облике начальника шпионской сети империи малва было на что посмотреть. Почти любому другому человеку огромный бинт, закрученный вокруг лица, придал бы комический вид. Но Нанду Лала он делал похожим на великана-людоеда.

Придя в себя от удивления, Татхагата перевел свою ярость на Нанду Лала.

— Что это означает? — заорал главнокомандующий армии малва.— Это немыслимо! Ты не имеешь права здесь командовать! Это только военный вопрос, Нанда Лал, я бы попросил тебя заниматься своим делом...

Следующие слова Нанды Лала прозвучали, как шипение змеи:

— Если ты закончишь это предложение, Татхагата, ты обнаружишь, какие права у меня есть и каких нет. Гарантирую: обнаружение тебя шокирует. Но только на короткое время. Ты умрешь в течение часа.

Татхагата подавился словами. Его челюсть отвисла. Его глаза — огромные, как у камбалы, обвели взглядом комнату, словно искали что-то в великолепии штаба, что могло бы противоречить утверждению Нанды Лала.

Очевидно, он ничего не нашел. По крайней мере так Рана Шанга интерпретировал его продолжающееся молчание.

Нанда Лал вошел в комнату. Он не побеспокоился закрыть за собой дверь. Шанга видел сквозь дверной проем часть соседней комнаты. Одной из личных покоев императора, как он понял.

Сам Шанга никогда туда не заходил. Раджпут встречался с Шандагуптой только в покоях, предназначенных для публичных мероприятий. Шанга сейчас находился в части Большого Дворца, которая в основном была ему неизвестна. В самом сердце огромного здания и силы, которая в нем содержалась.

— Почему ты здесь, Шанга? — спросил начальник шпионской сети. Теперь он говорил негромко и спокойно.

Шанга начал объяснять свою теорию о побеге Велисария, но Нанда Лал сразу же перебил его:

— Не это, Шанга. *Это* я уже слышал.

Начальник шпионской сети уже собрался скорчить гримасу, но боль в носу не дала ему этого сделать. Он махнул рукой в сторону открытой двери.

— Мы *все* это слышали. Сам император послал меня сюда, чтобы прекратить твой крик.— Он сурово посмотрел на Татхагату, все еще стоявшего с открытым ртом, как рыба-собака.— И его крик. Мы не могли слышать собственные мысли из-за ваших воплей.— Затем все следы веселья исчезли.— Я снова спрашиваю: почему ты пришел сюда?

Шанга понял.

— Я хочу получить полномочия отправиться на поиски Велисария на западе. Он движется именно туда. Я в этом уверен.

Наконец Татхагата больше не мог сдерживать ярость. Но проявлял осторожность, чтобы направить ее на раджпута.

— Это наглость и сумасшествие, Нанда Лал,— заявил он.— Вонючему раджпуту просто надоело...

На этот раз его заставил замолчать голос самого императора.

— Веди их обоих сюда, Нанда Лал,— послышался императорский приказ из соседнего помещения.

Татхагата заскрипел зубами, но ничего не сказал, хотя его лицо исказила ярость.

Следующие слова из соседней комнаты заставили его жирное лицо побледнеть. Слова, произнесенные старой женщиной.

— Да, Нанда Лал, веди их сюда. Немедленно.

Рану Шангу удивили частные покои императора. Они оказались гораздо меньше, чем он ожидал, и почти... слово «утилитарные» едва подходило к комнате, украшенной гобеленами и изысканной мебелью. Но в сравнении со всем другим окружением, в котором раджпут когда-либо видел своего монарха, эта комната казалась почти голой и пустой.

В комнате находились трое. Император Шандагупта, его дочь Сати и его тетя Великая Госпожа Холи. Шанга видел обеих женщин раньше, на различных церемониях, но только на расстоянии. Он ни разу не разговаривал ни с одной из них.

Его поразила их внешность. Ни одна не прикрывала лицо вуалью. Принцесса Сати была красивой молодой женщиной, но казалась такой же недостижимой, как горизонт. Великая Госпожа Холи казалась еще более далекой, в особенности когда Шанга встретился с нею взглядом. С пустыми глазами. Ничего не выражающими. Отсутствующими.

Однако больше, чем их внешность, на него произвели впечатления их стулья. По императорским стандартам в них не было ничего необычного. Но они выглядели ничуть не хуже императорского. Никто, по опыту Шанги, никогда не сидел на таком же хорошем стуле, как у императора. По крайней мере одновременно в той же комнате, где находился император.

Однако у Шанги не было времени поразмышлять на эту тему. Татхагата снова не смог сдержать свою ярость.

— Ваше Величество, Великая Госпожа Холи, я должен настоять на наказании раджпута. Суровом наказании. Здесь на карту поставлен очень важный вопрос — воинская дисциплина, ни больше, ни меньше. Этот... эта... эта собака отказалась мне подчиняться и...

Голос Великой Госпожи Холи казался таким же пустым, как и ее глаза. Но сами слова резали подобно ножу. Холодные, острые, резкие.

— Вопрос здесь стоит о некомпетентности нашего военного командования, Татхагата. Каждое произнесенное тобой слово иллюстрирует это.

Татхагата резко глотнул воздух. Наблюдая за ним, Шанга понял: человек в ужасе. Раджпут перевел взгляд назад на Великую Госпожу Холи. На его лице не было никакого выражения, но разум находился в смятении. Он не видел перед собой ничего, кроме пожилой женщины, в ней не видел ничего, что бы могло вызвать такой страх. Ну, может, только глаза.

«Она — та сила, которая стоит за троном? — подумал он.— Я слышал рассказы — колдовство, магия,— но я никогда не относился к ним серьезно».

Теперь заговорил император, обращался к Татхагате. Как кобра может разговаривать с дичью. Короткая, толстая, не внушающая страх своим внешним видом кобра. Но тем не менее кобра.

— Мы недавно обнаружили — только этим утром,— как Рана Шанга уже пытался один раз предупредить нас, что Велисарий нас обманывет. Но ты тогда велел ему замолчать, как и теперь ты пытаешься заставить его замолчать.

— Это ложь! — воскликнул Татхагата.

— Это не ложь,— прозвучал голос сзади.

Шанга повернулся. В дальнем углу комнаты сидел Дамодара. Раджпут был так занят своими мыслями, когда вошел в императорские покои, что не заметил его.

Дамодара встал и вышел в центр комнаты.

— Это не ложь,— повторил он.— Во время совета в императорском шатре у Ранапура, когда Рана Шанга высказывал свое мнение о действиях Велисария, он попытался говорить дальше. Предупредить нас, что римлянин планирует предательство. Ты заставил его замолчать.

— Да, заставил,— проворчал император.— Я очень хорошо это помню. Ты назовешь *меня* лжецом?

Татхагата неистово замотал головой.

— Конечно нет, Ваше Величество! Конечно нет! Но... я не знал, что он собирается сказать,— это же был совет малва, а он раджпут и...— Он добавил, почти воя: — А откуда кто-то знает, что он собирался сказать?

— Я позднее спросил его об этом,— сообщил Дамодара.— И он сказал мне. Поэтому, когда совет собрался вновь, я потребовал...— он резко замолчал.— Поэтому я потребовал то, что потребовал.

Дамодара кивнул на Шангу.

— Тогда я ничего не сказал о словах Раны Шанги.— Горько, презрительно: — Чтобы его не наказали люди типа тебя. Но наконец мне удалось рассказать обо всем императору, Нанде Лалу и... Великой Госпоже Холи. Сегодня утром. Сразу, как только ты позволил мне аудиенцию с ними. Раньше ты меня к ним не подпускал.

— Я ничего об этом не знал,— простонал Татхагата.

— Поэтому ты виновен в некомпетентности, а не предательстве,— объявила Великая Госпожа Холи.

Ее слова, несмотря на всю их резкость, были произнесены тоном, который — по крайней мере для Раны Шанги — не нес совсем никакого эмоционального подтекста. Она могла бы говорить о погоде. В тысячах милях отсюда, в стране, где она никогда не была и никогда не окажется.

— Оставь нас, Татхагата,— приказал император.

Шандагупта распрямился на стуле. Все равно он оставался невысоким и тучным. Но никого не напоминал больше, чем кобру, расправляющую капюшон.

— Ты освобождаешься от должности главнокомандующего. Отправляйся в свою усадьбу и оставайся там.

— Но... Ваше Величество...

— Теперь ты лишаешься половины своего имущества. Не пытайся что-то скрыть. Императорские аудиторы все тщательно проверят.

Татхагата уставился, широко раскрыв глаза. Парализованный.

— Если ты еще останешься в этой комнате через минуту, то я лишу тебя всего имущества,— продолжал император.— Через две минуты я прикажу тебя казнить.

Татхагата вылетел из двери через четыре секунды.

Император бросил взгляд на Дамодару.

— Поставь в известность Дживиту, что он теперь — главнокомандующий армии. Я приму его через час.

Дамодара поклонился и повернулся, чтобы уйти. Его остановила Великая Госпожа Холи.

— Скажи ему, что император примет его в западных покоях, Дамодара.

Шангу снова поразил холодный ледяной тон ее слов.

Нет, тон не был холодным. Холодной может быть температура. Лед — это состояние. У тона отсутствовала температура. И отсутствовало состояние. Совсем.

Но еще больше его поразило внезапное удивление императора.

«Она только что приказала императору покинуть эту комнату»,— понял он.

Затем, наблюдая за тем, как император легко пожал плечами, Шанга поразился еще больше.

«И он собирается подчиниться — даже не возражая! Что дает этой женщине такую власть?»

Заговорил Нанда Лал:

— Что именно ты предлагаешь сделать, Рана Шанга?

Раджпут стряхнул ментальный шок, который вызывали слова Великой Госпожи Холи. Почти с облегчением повернулся к начальнику шпионской сети.

— Во-первых, мне нужна помощь твоих шпионов и твои данные. Велисарий — даже Велисарий — не мог убежать из Каушамби, не оставив никаких следов. Они здесь, если их хорошо поискать. Затем, если я прав и мы получим подтверждение, что он направился на запад, а не на юг, я помчусь за ним вместе со своей конницей.

— Твоим подразделением? Но в нем только пятьсот человек.

Шанга с трудом чуть не фыркнул и не рассмеялся.

— Их более чем достаточно. Он только человек, один человек, Нанда Лал, а не асур. Проблема в том, чтобы найти его, а не поймать после того, как найдем. Для этого-то уж пятисот хороших кавалеристов достаточно.

Он решил отбросить осторожность.

— Их не просто достаточно — они самые лучшие солдаты для такой работы. Огромные толпы, шастающие на юге, только мешают друг другу,— Шанга даже не пытался скрыть насмешку.— Если Велисария можно поймать — *если*, Нанда Лал, я не даю никаких обещаний, не после того, как у этого человека была неделя, чтобы от нас скрыться,— мои раджпуты и патаны-следопыты это сделают.

— А если ты потерпишь неудачу? — спросил император.

Шанга посмотрел на Шандагупту, колебался, потом отказался от всякой осторожности.

— Если я провалюсь, Ваше Величество, значит, провалюсь. В войне иногда проигрываешь. Не потому, что ты некомпетентен, а потому, что враг лучше.

— А этот... этот мерзкий римлянин... лучше тебя?

Никакой осторожности.

— Он НЕ «мерзкий римлянин», Ваше Величество. Считать его таким было нашей ошибкой. Он — истинный римлянин, и это делает его опасным. Это и его огромный опыт и умения.

На лице императора вспыхнула ярость, как и на лице Татхагаты до него, но эту ярость потушила Великая Госпожа Холи.

— Прекрати, Шандагупта,— приказала она.— У Линка больше нет времени на тщеславие малва.

Пораженный Шанга увидел, как побледнел император. Он понял, что в голосе Великой Госпожи Холи есть что-то странное. Он как-то менялся, трансмутировал. Если в нем раньше не было никаких эмоций, то теперь он начинал звучать совсем не по-человечески.

«А кто такой Линк?» — подумал он.

Странность усилилась и еще усилилась.

— Нанда Лал, сделай, как просит Рана Шанга,— прозвучал голос Великой Госпожи Холи.— Расспроси своих шпионов. Проверь все отчеты.

В голосе не осталось совершенно ничего человеческого. Он звучал, как...

Рана Шанга застыл на месте. Время от времени он слышал рассказы, но не обращал на них внимания. Много лет назад, принимая коллективное решение совета царей Раджпутаны, Рана Шанга тоже дал клятву императору малва. Тогда и позднее он с достоинством проповедующего индуизм раджпута игнорировал передававшиеся шепотом слухи о новых богах малва.

...голос богини. Холодный не как лед, а как обширность самого времени.

В полубессознательном состоянии он услышал, как голос продолжает говорить:

— Оставь нас, Шандагупта. Линк хочет поговорить с Раной Шангой.

Раджпут услышал протестующие слова императора, но не понял ни одного из них. Только ответ.

— Уйдите, малва. Вы — наш инструмент и ничего больше. Если мы будем тобой недовольны, Шандагупта, то найдем другого. Уходи немедленно.

Император ушел — на самом деле поспешил из комнаты с немного большим достоинством, чем Татхагата до него. Как и другой представитель малва, Нанда Лал. Теперь Шанга остался один с двумя женщинами.

Вначале он ожидал, что молодая принцесса также уйдет. Вместо этого Сати обратилась к нему.

— Я понимаю, что это тебя шокирует, Рана Шанга,— сказала она очень вежливым тоном. Ее голос, с облегчением обнаружил Шанга, все еще оставался голосом молодой женщины. Да, холодным, да, отстраненным, но несомненно человеческим.

Раджпут посмотрел на Великую Госпожу Холи. Старая женщина, как он обнаружил с еще большим облегчением, казалось, погрузилась в состояние транса. Словно она и не здесь. Только статуя, недвигающаяся, застывшая.

Сати проследила за его взглядом и слегка улыбнулась.

— Она — не Великая Госпожа Холи. Не на самом деле. Великая Госпожа Холи — это просто оболочка. Божественное существо, которое живет в этой оболочке, зовут Линк.

— Богиня? Или бог? — спросил Шанга. Он гордился, что не заикался и голос его нисколько не дрожал.

— Ни то, ни другое,— ответила Сати.— Линк — бесполое существо, Рана Шанга. Это чистая сущность, дэва[1], который послали боги. Новые боги.— Молодая принцесса распрямила спину.— Когда Великая Госпожа Холи умрет, я заменю ее, как оболочка для Линка. Я готовлюсь к этой священной миссии всю жизнь. С младенчества.

Наблюдая за ее очевидной гордостью от этого объявления, Шанга внезапно почувствовал острое сожаление. Он не находил Сати привлекательной, как мужчина женщину. Несмотря на красоту молодой принцессы, ее отличал отстраненный тип красоты, который Шанге совсем не нравился. Его жена была полной женщиной, с обычным лицом, она рано поседела. Но она также отличалась такой же теплотой, как плодородная земля, и игривостью, как котенок.

Тем не менее Шанга почувствовал острое сожаление. Он не мог представить, чтобы эта принцесса когда-либо щекотала мужа в постели, как любила делать его жена. Но он не мог не испытывать сожаления,

---

[1] Дэвы — в иранской мифологии — злые духи, великаны, покрытые шерстью, с острыми когтями на руках и ногах, ужасными лицами.

думая об этой молодой женщине, как... кем бы там ни была Холи. Кем-то нечеловеческим. Теперь он знал, что нечеловеческая сущность в комнате способна читать мысли лучше, чем кто-либо живой.

— Не надо испытывать жалость к судьбе Сати, Рана Шанга. Твоя жалость направлена не туда. Она происходит только из незнания.

Он уставился на Великую Госпо... Линка.

— Тебе оказана честь, Рана Шанга. Ты — первый человек, с кем я говорю после прибытия в этот мир. После малва.

— Почему? — смог спросить он.

— Это необходимо. Я не ожидал, что Велисарий окажется таким способным. Исторические данные сбили меня с толку.

Шанга нахмурился. Любопытство пересилило страх.

— Ты о нем знал?

— Конечно. В мире, который существовал, он заново завоевал Римскую империю для Юстиниана. Если бы не суровые ограничения, при которых он был вынужден действовать, он мог бы стать величайшим полководцем, которого когда-либо рождало человечество. Он определенно был одним из них. Отличия на таком уровне гениев статистически не имеют значения.

Шанга не понял слова «статистически», но уловил суть заявления Линка.

— Если ты знал все это, почему...

— Я не бог. Сами боги — даже новые боги, которые реальны — это не боги. Не в том смысле, как вы понимаете термин. Ничто во Вселенной не может быть «богом» так, как вы понимаете термин. Этому препятствует теория хаоса и принцип неуверенности.

Последнее предложение казалось полной чушью, но снова Шанга понял суть заявления Линка. На мгновение его индуистская ортокосальность поднялась в протесте, но Шанга загнал ее назад. Момент был слишком важным для споров по религиозным вопросам.

— Объясни дальше. Пожалуйста.

— Я мог знать о Велисарии до своего прибытия сюда только то, что записано в истории. Он — великий полководец. Это исторический факт. Что он нечто большее, в архивах не зарегистрировано. Я не понимаю такой неожиданной способности. Ни один полководец не смог бы сделать то, что он сделал. Ни один полководец не мог бы манипулировать всеми малва так ловко. И, конечно, ни один полководец не мог среагировать так мгновенно, когда я обнаружил его обман.

На мгновение Линк замолчал, словно задумавшись.

«А такое существо думает?» — прикидывал Шанга.

— Или мои данные неполные, или срабатывают другие факторы. Я должен выяснить, что. Необходимо, чтобы ты поймал его. Необходимость разобраться важнее всех других причин.

Шанга был в благоговении, даже испуган. Но он все равно оставался раджпутом. Царем раджпутов, напомнил он себе.

— Я не могу обещать тебе это,— резко ответил он.— Я не даю клятв, которые не могу сдержать.

В последовавшей тишине у Шанги имелось время подумать о наказании, которое его ждет. Эта... сущность удовлетворится, лишив его земель? Или потребует его жизнь?

Ответ, когда он наконец пришел, поразил Шангу. От божественного существа, которое тайно правило малва, Шанга ожидал реакции малва.

— Отлично. Ты — сокровище, Рана Шанга. Возможно, мы ошиблись, выбрав малва, а не раджпутов. В конце концов, надежность казалась более важной, чем способности. С прицелом на далекое будущее.

Последнее предложение веяло холодом. Шанга внезапно понял — хотя и смутно — огромность этого «далекого будущего». Как его видят боги.

— Теперь в результате нам приходится адаптироваться. В новый мир, который мы создаем, должно быть включено больше сути Раджпутаны. Больше ваших способностей.

Шанга совсем не был уверен, что эти слова его успокоили. Для него сутью Раджпутаны являлись не способности раджпутов, а душа раджпутов. Честь раджпутов.

Снова божественная сущность по имени Линк смогла прекрасно прочитать его мысли.

— Ты не понимаешь, Рана Шанга. Малва и раджпуты — это только моменты пути. Стадии процесса, ничего больше. Для тебя они огромны и зафиксированы. Для новых богов они преходящи, как мухи-однодневки. Значение имеет только процесс.

— Какой... процесс? — подавился он.

— Спасение человечества от того, что будет. От ужаса созданного им самим будущего. Меня послали назад во времени, чтобы изменить это будущее. Изменить историю. Я покажу тебе этот ужас. Я проведу тебя по будущему. Через проклятие человечества. Через конечное загрязнение.

У Шанги едва было время, чтобы протестующе поднять руку. Но она безвольно опустилась.

Его охватили видения. Как питон глотает добычу.

Глава 19

Слепящая вспышка. Солнце встало под солнцем. Город под солнцем исчез. Его жители превратились в пепел до того, как что-то поняли.

Окраинам города не так повезло. Они обуглились, но вся влага не ушла; люди, живущие там, кричат, кожа мгновенно кусками сходит с тел. Несколько секунд спустя окраины и живущие там кричащие люди разрываются на куски сметающей все стеной ветра.

— Ударная волна. Перегрузка.

Шанга не понял ни один термин. Как и следующие слова Линка.

— Боеголовка мощностью семьдесят мегатонн. Перегрузка. Грубо. Другая сторона ответила ракетами с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения. Циркулярная вероятность ошибки была так ничтожно мала, что это не играло роли.

Другой город. Уничтоженный не одним гигантским солнцем, а десятью маленькими. Разницы в конце не было никакой

— Обмен ударами продолжался восемь дней. В течение месяца половина жизни на Земле исчезла. В течение года вся исчезла, все выше уровня бактерии. Это был первый раз, когда человечество уничтожило свой собственный мир. Но не последний.

Мир, пустой. Одна бескрайняя пустыня, настолько лишенная растительности, что Тар на ее фоне кажется оазисом. Моря, серые и пустые. Небо, черное от туч, более густых, чем Шанга когда-либо видел, даже в худшие периоды сезона муссонов.

— Человечество четыре раза разрушало Землю. Дважды ядерным огнем, один раз кинетическими болидами, один раз болезнью.

Шанга понял только один термин: «болезнь».

— Болезнь была самым худшим. Кристаллический псевдовирус, который имел целью дезоксирибонуклеиновую кислоту. ДНК — это основа всей жизни. Без нее жизнь невозможна. Истинная жизнь невозможна. Разрушенную огнем Землю можно заселить заново. Даже радиоактивность умирает после достаточного периода времени. Эта чума — никогда. Даже бактерии исчезли. Земля опустеет навечно. Станет домом для одних гнусностей.

Снова земля. Снова голая. Но теперь везде, где можно видеть землю, она блестит от сети мерцающих точек. Подобно паутине или зараженной плоти жертвы чумы.

— Тебе интересно, как можно заново заселить Землю после того, как была разрушена вся жизнь. Я покажу тебе.

Огромная крутящаяся спираль. Сделанная из миллионов световых точек. Видение приблизилось. Каждая из этих точек — солнце. Большинство солнц окружают миры. Миллиарды миров. Каждый отличен от других.

Видение приблизилось.

Небольшие тела перемещаются сквозь это невероятное черное пространство. Медленно, медленно, медленно. Машины, как понял Шанга. Какие-то средства передвижения.

— Космические корабли. Ограничены скоростью света.

Шанга понял слова «скорость» и «свет». Но выражение в целом казалось бессмыслицей. Есть свет. Но как он может иметь скорость?

— Он имеет скорость. 186 300 миль в секунду. Ничто во Вселенной не может передвигаться быстрее. Потребовались столетия, чтобы космические корабли смогли достичь ближайших звезд. Но они до них добрались. А затем, столетия спустя, до звезд за ними. А затем, тысячелетия спустя, до звезд за теми звездами. И за другими, и за следующими. И за следующими, и за следующими. Миллионы миллионов лет.

Чувство времени Шанги расширилось. Он увидел, как космический корабль несется сквозь небеса. Увидел, как огромное пространство сжимается в мгновение. Увидел, как семена его мира разбрасываются по спирали.

— Галактика. Эта галактика. Млечный Путь, вы ее называете. Люди также доберутся до Андромеды и Магеллановых облаков — всех галактик в ближайшей группе. Никакая другая сознательная жизнь так никогда и не была найдена. Теперь люди — бывшие люди — распространились по галактике и ее соседям и заполнили ту экологическую зону, которую вы называете «разумом». Никакой другой никогда больше не поднимется. И человечество разрушило себя. Оно стало ничем, кроме уродства, чудовища. Болезнь. Загрязнение Вселенной.

Мир гигантских деревьев. Огромные, подобные обезьянам существа качаются на ветках. Однако у них на теле нет растительности, и они носят одежду. Полоски ткани крепко привязаны, позволяя свободно двигаться членам. Короткий, мускулистый хвост. Пальцы на руках длинные, на ногах — гротескно длинные. Ходят на четырех конечностях. Один из них появляется близко.

У него человеческое лицо. Когда-то было человеческим.

Мир воды, без земли, с огромными плавающими саргассовыми водорослями. Подобные рыбам существа плавают сквозь этот опоясывающий мир океан. Одно из них внезапно хватает другая форма, резко выскочившая из-под куска саргассовой водоросли. Странная форма. Ее плавники двигаются вверх и вниз, как у дельфина, а тело имеет обтекаемую форму торпеды. Но у нее сохранились очень короткие, как обрубки, руки — чуть больше, чем кисти, выпирающие вперед из остатков плеч. Руки затолкали «рыбу» в широкий рот, в котором имеются острые, как иглы, зубы. Затем тварь аккуратно отделила рыбьи кости и уложила их в привязанный к шее мешочек.

Более крупный план. Это лицо — с расширившимися глазами, открытым ртом, с острыми зубами, почти без носа — тоже когда-то было человеческим.

Тяжелый мир, с густой атмосферой. Формы, подобные крабам, разбегаются по его низко лежащей поверхности. Активно заняты

строительством каких-то зданий. Их руки и кисти, хотя и большие, все еще близки к человеческим. Но передвигаются на шести конечностях. Задние конечности сохраняют слабые следы сходства с двуногими прародителями. Но средние конечности — просто кошмар. Адаптация грудной клетки.

Когда-то люди.

Чудовищное искажение следовало за чудовищным искажением. Некоторые были такими странными, что Шанга не мог увидеть в них никаких остатков человеческого.

И Земля — не единственная планета, которая стала безжизненной. Шанга увидел тысячи этих миров, разрушенных и уничтоженных «ядерным огнем», «кинетическими болидами» и другими вещами. «Чума ДНК» восемь раз. Три планеты, которые плывут вместе по пустоте вне времени и самого пространства, были «повернуты вокруг своей оси». Многие уже не планеты, больше не планеты. Просто осколки, дрейфующие в космосе. «Очень большие кинетические болиды».

Шанга не понимал ни один термин, но понимал реальность. Он был солдатом. Ужас не являлся для него чем-то неизвестным. Хотя он никогда, в самых худших кошмарах, не представлял разрушения в таких масштабах.

— Ты думаешь, не вру ли я тебе?

Нет, он не думал. Теперь он находился внутри сознания Линка и понимал его природу. Линк был «божественной сущностью», да — Шанга почувствовал реальность великих новых богов, которые создали Линка. Он видел эти идеальные, красивые лица. (Странно, но красота его не тронула. Она была подобна красоте Сати, увеличенной в тысячи раз. Но он не сомневался, что они красивы. И идеальны. И божественны.)

И он также не сомневался, что Линк показывает ему истинное видение. Сущности по имени Линк не свойственно врать. Разум Линка двигался по тропе, данной ему, подобно водяному колесу, вращающемуся с потоком воды. Он мог врать не больше, чем водяное колесо может повернуть против течения.

— А потом появилась последняя гнусность.

Светящийся образ плавал в пустоте. Вначале Шанга подумал, что это какой-то тип эфирного мотылька, пока не ухватил размеры существа. Размером с кита. Больше. Шанга не мог определить точную форму тела существа. Оно неполностью материально, почувствовал Шанга. Большая часть этого существа... магическая?

— Силовые поля. Энергетическая матрица.

«Бессмысленные слова»,— сказал у себя в сознании Шанга.

— Оно тоже когда-то было человечным. Но в нем не осталось ни следа человеческого наследия. Человеческой чистоты. Оно даже не живо.

— Как?

— Они возникли, как биологи, изучающие чуму ДНК. Искали лечение или вакцину. Они не нашли ни лечения, ни вакцины. Чума ДНК по своей природе не может быть остановлена. Любой антидот или сыворотка будут сами основаны на ДНК. Просто новая пища для чумы.

«Биологи», «вакцина», «сыворотка» — Шанга ничего из этого не понимал. Но он мог следить за смыслом, за словами.

— Вместо этого они нашли кое-что другое. Они использовали загрязнение. Они ввергли своих детей в проклятие. Они отказались от самой жизни. Они отбросили ДНК и заменили бездушный механизм своего собственного создания.

Шанга снова увидел блестящую сеть кристаллов. Подобную паутине — одновременно отталкивающую и красивую. Но это не была паутина, покрывающая планету. Эта кристаллическая паутина проходила сквозь саму структуру светящегося гигантского мотылька — кита? — который двигался сквозь небеса.

— Они нашли безжизненный заменитель ДНК. Самой жизни. Производное из тех же кристаллов, которые разрушили ДНК. Они даже вдохнули пародию разума в них. Самоуправляющийся хаотический разум, не покорную чистоту компьютера. Гнусность полная. Загрязнение — это все, что осталось.

Шанга не понял термин «компьютер», хотя понял, что сам Линк на него похож. Что касается остального... На ум пришел вопрос.

— Как их называют? — спросил он у себя в сознании.

— У нас нет для них имени, кроме чудовищ. Сами кристаллы называют гнусность, которая их создала, «Великими».

— А как эти Великие называют себя сами?

Колебание, впервые. Нежелание? Шанге стало интересно.

— Они называют себя людьми.

— А как они называют эти кристаллические создания?

Определенно колебание. Нет, не нежелание, понял Шанга. Полное отвращение.

— Они называют их людьми.

* * *

Когда Шанга пришел в сознание, то понял, что прошло очень мало времени. Великая Госпожа Холи и Сати все еще сидели перед ним, их руки лежали на коленях.

— Теперь ты понимаешь, Рана Шанга,— сказала Сати мягко.— По крайней мере достаточно.

Шанга открыл рот, потом закрыл. Он собирался возражать, что понял очень мало. Определенно недостаточно. Но почувствовал: в

таких возражениях нет смысла. Кроме того, он дал клятву. По крайней мере *это* он понимал.

Снова показалось, что Великая Госпожа Холи прочитала его мысли. Но к облегчению Шанги, когда она заговорила, в ее голосе снова появилось что-то человеческое. По крайней мере она говорила, а не посылала импульсы ему в сознание.

— Тебе не нужно понимать больше, Рана Шанга,— сказало тело, в которое вселился Линк.— По крайней мере сейчас.

В раджпуте поднялась упрямая гордость.

— Почему ты пришел сюда? В это... в наше время?

— Анализ показал, что это оптимальное время и место, чтобы изменить историю. Задача очень сложна, Рана Шанга. История подобна большой реке. Ее течения нельзя перекрыть дамбой. Они просто найдут другой путь и зальют дамбу. Должен быть прокопан новый канал. Широкий, глубокий, большой канал. Задача очень сложна. Новые боги определили, что это — оптимальный период для того, чтобы резко изменить курс человеческой истории, который нужен человечеству. Возможно, единственный момент, когда это возможно.

— Почему? — упрямо повторил Шанга.

— Потому что в этой исторической эпохе одновременно существуют оба из возможных будущих человечества. Это единственное время в истории, когда оба можно изменить одновременно. Зерно фактического разрушения человечества лежит в гнусности, которую называют Рим. Зерно потенциальной славы лежит в Индии малва.

— Почему? — все равно упрямо.

— Истинное будущее лежит здесь, потому что только в Древней Индии человечество начало наощупь пробираться к истине. У вас есть то, что вы называете варнами и кастовой системой. Ваши концепции замараны, погрязли в предрассудках и незнании, но ваше грубое понимание обеспечивает основу, рамку для начала необходимой программы евгеники[1], которая сохранит человеческую расу. Именно поэтому, несмотря на их ограниченность, мы поддерживаем родословную малва ненарушаемой и формируем все вокруг этого зерна. В сегодняшней Индии малва можно увидеть только самый примитивный зародыш будущего. Но в конце, после тысяч лет тщательного генетического управления появятся новые боги. Не горстка на этот раз, из этого загрязненного будущего, а могучий хозяин истинного будущего, которое мы создадим.

Сати холодно перебила:

---

[1] Евгеника — учение о наследственном здоровье и наследственных способностях человека, возможностях ограничения передачи наследственных заболеваний последующим поколениям и влиянии на эволюцию человечества.

— И также именно поэтому, несмотря на способности раджпутов, мы оставили раджпутов подчиненными. Из всех человеческих пороков ни один не является таким коварным и разрушающим, как слепое поклонение способностям. Это путь к гнусности.

— Рим — вот где возникло загрязнение,— продолжила Великая Госпожа Холи.— Или по крайней мере пустило самые глубокие корни в древней истории. Да, существовали другие опасные периоды и места, даже в древности. Мы вскоре с ними разберемся. Например, мы накинем узду на Китай, задолго до того, как сможет появиться династия Сун[1] и ее мандариновая болезнь. Но Рим — *Рим* — вот самый главный враг. Именно там огромное пятно впервые загрязнило четвертую часть планеты. И распространялось оттуда, как болезнь, в будущие столетия. Латентная болезнь, достаточно часто, эндемическая, а не эпидемиологическая. Но это наследие там, всегда готовое подняться заново. Рим. Чудовищное королевство дворняг, кровосмешений. Эта абсурдная так называемая империя, где каждый человек может назвать себя римлянином и требовать защиты римского права, словно он имеет истинную латинскую родословную. Где ни один император не может проследить свой королевский генотип свыше двух поколений. Где любой варвар может мечтать стать императором. Любой крестьянин, родившийся после смешения рас — как тот, который сейчас сидит на троне. Где любая зараженная шлюха может сидеть на троне рядом с ним и принимать почести истинно рожденного. В конце концов в Риме роль играют только способности. Это поклонение способностям над чистотой разрушит человечество. Несдерживаемый, недисциплинированный генетический хаос разрушит планету и тысячи других. И в конце он не оставит ничего, кроме нечеловеческих монстров, чтобы загрязнять Вселенную.

Снова встряла Сати:

— Этого достаточно, Рана Шанга. Ты уже был выделен сверх всех других, за исключением малва. Не надо больше давить. Твоя задача в конце концов — подчиняться.

Шанга встал, пал ниц и вышел из комнаты.

* * *

Нанда Лал ждал его в покоях Татхагаты — в бывших покоях Татхагаты. Там также находились Дживита и Дамодара.

— Ты был прав, Рана Шанга,— сразу же начал Нанда Лал.— Это стало очевидно, как только я связал факты, уже имевшиеся у нас в распоряжении.

---

[1] Сун — династия, царствовавшая в 420–478 гг. на юге Китая.

Теперь лицо начальника шпионской сети на самом деле напоминало лицо великана-людоеда.

— Несколько моих подчиненных понесут суровое наказание за то, что пренебрегли представить мне эти факты раньше.

Это означало увечье, возможно слепоту. Шанга не чувствовал в сердце никакой жалости к этим неизвестным подчиненным. Он не любил шпионов малва, даже компетентных.

— Какие имеются факты? — спросил он.

— Йетайский солдат — на самом деле член императорской стражи — исчез в Каушамби в ту ночь, когда убежал Велисарий. Он так и не вернулся в свое подразделение.

Дживита нахмурился.

— Я до сих пор не понимаю, почему ты считаешь этот факт таким важным, Нанда Лал,— сказал он.— Йетайцы — практически варвары. Их дисциплина...

— Абсолютно варварская,— перебил Шанга.— Я согласен с Нандой Лалом. Говорите, что хотите, о варварстве йетайцев, господин Дживита. Но факт остается, что ни один йетайец — определенно не из императорской стражи — не посмеет отсутствовать на своем посту. Йетайца, который прибывает даже на день позднее, бьют палками, в результате чего он может стать калекой. Те, кто отсутствуют два дня, на самом деле становятся калеками. Три дня — отрубание головы. Четыре — сажание на кол. Пять дней или больше — на короткую палку.

Нанда Лал кивнул:

— Это имеет смысл. Йетайцы больше всего похожи на людей с запада, чем кто-либо еще у нас. Велисарий мог без труда сойти за йетайца.

— Он не говорит на языке,— запротестовал Дживита.

— Я не стал бы так уверенно это заявлять,— возразил Шанга. И добавил несколько виновато: — Велисарий — невероятный лингвист. Я сам обратил внимание, как быстро он стал бегло говорить на хинди и почти без следа акцента. Я никогда не слышал, чтобы он говорил...

Шанга замолчал и почти отвесил челюсть.

И обратился к Нанде Лалу, эмоционально:

— А ты допросил солдат, в особенности йетайцев, которых Велисарий собирал во время контратаки под Ранапуром?

Нанда Лал покачал головой. На мгновение он казался озадаченным, пока не пришло понимание.

— Конечно! Как он мог бы собрать йетайцев...

— Это можно сделать,— заявил Шанга.— Приказы только на хинди, с суровыми мерами сделали бы дело. Но когда ты допросишь этих солдат, думаю, обнаружишь, что он прекрасно говорит по-йетайски.

Раджпут принялся ходить взад и вперед.

— Что еще?

— Подразделение солдат сообщает, что на следующее утро один йетайец вышел из Каушамби через Ворота Пантеры.

— А они позволили ему пройти? — спросил Дживита.

Нанда Лал пожал плечами.

— Он был очень яростным йетайцем, по их отчету. Он даже атаковал их сержанта, когда тот спросил документы. Навряд ли можно ожидать от простых солдат...

— Проучите собак! — заорал Дживита.— Дайте им кнута!

Шанга и Демодара переглянулись. Заговорил Шанга:

— Я разберусь с этим вопросом, господин Дживита. Я буду проезжать через Ворота Пантеры через час. Я сам проучу кнутом этих людей. Клянусь вам.

— Отлично! — воскликнул Дживита.

— В таком случае я пошел,— Шанга собрался развернуться.

Его остановил Нанда Лал:

— Мгновение, Рана Шанга. Мне нужно твое мнение.

— Да?

Разбитое лицо начальника шпионской сети было уродливым, как от ярости, так и смятения.

— Мы все равно что-то упустили. Я чувствую это своими костями,— проворчал он.— Ясно, что римляне и аксумиты побежали на юг — после того как убили охрану на барже и взорвали оружейные мастерские. Это просто были отвлекающие маневры. Сам Велисарий отправился на запад. Но — есть что-то еще. Я чувствую это. Еще какой-то обман.

Шанга молчал и думал.

— Сейчас у меня нет времени, Нанда Лал,— сказал он.— Но мне в голову приходит несколько вопросов. Я предлагаю тебе подумать над ними.

— Да?

— Во-первых, что случилось с богатством? У Велисария было два огромных сундука с золотом и драгоценными камнями. Такое богатство ни один человек не захочет бросать. Но как он его унес? Он сам — один йетайец пешком — мог иметь при себе только малую часть. И его помощники могли забрать с собой тоже только понемногу. Не поддерживая такую невероятную скорость. Сокровища бы их сильно тормозили.

Нанда Лал подергал повязку.

— Что еще?

— В ту ночь кругом бегало слишком много йетайцев. Солдаты из армейского лагеря утверждают, что видели самого Велисария. Но когда я допросил нескольких из них, они могли только сказать, что это им в свою очередь сказали «йетайцы». Какие йетайцы?

— Я это выясню. Что еще?

— Слишком много йетайцев, но недостаточно кушанов. Что случилось с сопровождавшими Велисария кушанами? Я о них ничего нн слышал с той ночи. Что с ними? Римляне и аксумиты убили их всех? Сомневаюсь. Не тех кушанов. Я знаю их командира. Не очень хорошо, но достаточно. Его зовут Кунгас, и его нельзя застать врасплох. Что произошло с ним и его подчиненными?

Нанда Лал теперь смотрел яростно и яростно дергал себя за повязку.

— А еще что?

Шанга пожал плечами.

— Кто знает, когда речь идет о Велисарии? Я бы проследил все до самого начала, со дня, когда он прибыл в Индию. У меня нет данных, я не вижу четкой связи, но всегда задавался одним вопросом, Нанда Лал. Как именно Шакунтала убежала из дворца Венандакатры?

Его перебил Дживита, его голос был полон раздражения.

— Какой смысл вспоминать это, Рана Шанга? Все знают, как она убежала. Дьявольский Рао убил ее охранников и забрал ее с собой.

Рана Шанга уставился на него. Ему удалось сдержать презрение, готовое прорваться наружу.

— И что? Вы когда-нибудь говорили — лично — со следопытами-патанами, которые вместе с раджпутами пытались поймать Рао и принцессу?

Дживита надменно расправил плечи.

— Это навряд ли можно считать моей...

— Нет, он не говорил,— перебил Нанда Лал.— И я не говорил. А следует?

Шанга пожал плечами.

— Все следопаты-патаны заявляли, что видели следы только одного человека, не двух. Следы мужчины. Совсем никаких следов женщины.— Шанга потрепал бороду.— И это — не единственная странность, связанная с тем побегом. Я не знаю деталей, но... я снова и снова задавался вопросами. Как один человек мог убить всех тех стражников? Отличных охранников, как я предполагаю?

Он заметил странное выражение в глазах Нанды Лала.

— Скажи мне,— приказал Шанга.

— Ее охраняли жрецы и махамимамсы,— пробормотал Нанда Лал.

— Что?! — взорвался Шанга.— Кто в здравом уме поставит охранять кого-то, кроме самых лучших солдат, против *Рао*? — Шанга во второй раз за этот день вышел из себя.— Неужели вы, малва, все сошли с ума? — орал он.— Я сражался с Рагунатом Рао один на один! Он — самый страшный воин, с которым я когда-либо сталкивался.

Все малва в комнате, несмотря на занимаемое положение, сжались. Они знали эту историю. Вся Индия знала эту историю.

— От Рагуната Рао? Вы... вы... идиоты! Вы решили, что Шакунталу можно защитить от Рао жрецами? Вонючими палачами?

Дживита попытался выплеснуть свое негодование от оскорбления малва, но попытка провалилась под чистой яростью во взгляде раджпута. Дамодара виновато откашлялся.

— Пожалуйста, Рана Шанга! Это было решение господина Венандакатры, не наше. Похоже, его беспокоила невинность девушки. Поэтому он поставил ее под охрану тех, кто дал обет безбрачия, вместо...

Было комично смотреть, как челюсти Нанды Лала и Дамодары отвисли практически одновременно.

— ...вместо элитного подразделения кушанов,— хрипло закончил фразу Нанда Лал.

— Если я правильно помню, под командованием человека по имени Кунгас,— прохрипел Дамодара.— Я не уверен.

Шанга фыркнул.

— Теперь можете быть уверены, господин Дамодара. Расследуйте! Вы обнаружите, как я догадываюсь, что этих кушанов сняли с охраны как раз перед побегом Шакунталы. И как раз перед прибытием во дворец самого Велисария, если мне не изменяет память.

— Не изменяет,— прошипел Нанда Лал.— Он посмотрел на раджпута с просьбой во взгляде.— Как кто-то может быть настолько хитрым, чтобы все это провернуть? — спросил он.

Шанга рубанул воздух.

— Если один человек смог, то это Велисарий. Расследуй, Нанда Лал. Впервые ничего не предполагай. Ищи сокровища и таинственного йетайца, и кушанов, которые появляются и исчезают. И главное, ищи принцессу Шакунталу.— Он отвернулся и проворчал: — Но это твоя работа, а не моя. Мне нужно ловить римлянина.

— Дьявол! — закричал Нанда Лал.

— Нет,— сказал Шанга, выходя из комнаты.— Дьявольский ум, да. Но не дьявол. Это — нет.

* * *

Нанда Лал на самом деле провел расследование, тщательно и безжалостно. Он был очень способным человеком, несмотря на всю надменность малва. Но его естественная цепкость подпитывалась горящей ненавистью ко всем вещам, хотя бы отдаленно связанными с Велисарием. После того как Нанда Лал поставил перед собой задачу — и впервые без неосторожных предварительных предположений,— он решил загадку за два дня. По крайней мере большую ее часть. Сам он думал, что всю.

* * *

Несколько недель спустя гостиница рядом с Гангом получила благословение сверх всякой меры. Это была бедная гостиница, которой владела бедная бенгальская семья. Их единственным сокровищем, как любил говорить владелец гостиницы, оставался вид на великий Ганг, который неустанно пролагал путь на юг, в Бенгальский залив.

Священный Ганг, говорил он в присутствии членов своей семьи, когда вместе с ними тайно молился. Он и его семья все еще придерживались старой веры и поклонялись Махаведе только публично.

Бедная семья той ночью стала богата по меркам северных бенгальцев. Знатный господин показал себя очень щедрым, а его жена — очень милой.

Знатная женщина мало говорила, и это правильно для женщины, которая настолько моложе своего мужа, но несколько ее слов были очень добрыми. Она очень понравилась владельцу гостиницы и его семье. Знатный господин, несмотря на всю сердечность и хорошие манеры, их немного пугал. У него было бледное лицо, и в чертах что-то западное. И смотрел он, как малва. (Они не думали, что сам он из малва, но... занимает среди них высокое положение. И из Западной Индии определенно. Этого жестокого, безжалостного Запада.)

Но его жена — нет, она не из малва. И не из Западной Индии. Небольшого роста, как бенгальцы, и даже темнее. Возможно, из Кералы или Чолы. Откуда-то оттуда. В некотором роде одна из них. Бенгальцы, конечно, не были дравидами[1], а она очевидно была. В их венах текло больше древней ведической крови, чем в народах с южной части Деканского плоскогорья. Но не очень намного больше, и они тоже почувствовали на себе кнут очищения.

На следующее утро после того, как знатный господин и сопровождавшие его лица отбыли, владелец гостиницы сказал своей семье, что они на несколько дней закроют гостиницу. Они уже несколько лет не могли позволить себе отдых. А теперь позволят после того, как искупаются в священных водах Ганга.

Владелец гостиницы и его жена запомнили несколько следующих дней, как время редкого и благословенного отдыха от тяжелой работы. Их дети запомнили их, как самые счастливые дни их счастливого детства.

И владелец гостиницы с женой были счастливы после возвращения. Притихшие и испуганные соседи рассказали им о солдатах, которые терроризировали деревню в предыдущий день. Кричали на

[1] Дравиды — группа народов (тегулу, тамилы, ораоны и др.) в Индии.

людей, даже били. Спрашивали, не видел ли кто молодую темнокожую женщину в сопровожении кушанских солдат.

Что-то туманно пошевелилось в сознании владельца гостиницы. Но он намеренно оттолкнул мысль.

Не его дело. В конце концов его тут не было, чтобы отвечать на вопросы. И он определенно не собирался сам искать представителей властей.

Поэтому в конце Нанда Лал опять провалится.

Частично потому, что он продолжал делать выводы, когда думал, что не делает. Он предположил, что убегающая принцесса и ее охранники выберут самый быстрый путь из империи малва. Поэтому Нанда Лал послал солдат во все направления Северной Индии, в поисках молодой женщины в сопровождении кушанов на лошадях.

Ни религиозный владелец гостиницы, ни молодой офицер блокпоста, скрывающий свое унижение, ни кто-то из других людей, которые могли направить малва к Шакунтале, не увидели связи.

А единственый человек, который смог и сделал, промолчал.

Когда солдаты малва допрашивали владельца конюшни в Каушамби, он ничего не сказал. Солдаты не допрашивали его очень долго. Они были усталые и невнимательные после того, как побывали уже в пяти кошюшнях в большом городе этим утром и им требовалось посетить еще и другие. Поэтому владельцу конюшни удалось отделаться от них достаточно быстро.

Нет, он не видел никаких знатных дам — или солдат,— уезжающих на лошадях.

В любом случае он не может отличить кушанов от любых других степных варваров. Все варвары кажутся ему одинаковыми.

Солдаты, крестьяне с Гангской равнины, улыбнулись. Кивнули.

Он ничего не видел. Ничего не слышал. Ничего не знает.

Солдаты, удовлетворенные, отправились дальше.

Планы тиранов рушатся из-за многих вещей. Они разбиваются о скалы героической борьбы. Они разрываются на рифах открытого сопротивления. И их медленно подтачивают, по чуть-чуть, на тех самых землях, где они праздновали победу, маленькие бесчисленные песчинки. Упрямая порядочность униженных маленьких людей.

Глава 20

На пути через Ворота Пантеры, как он и обещал Нанде Лалу, Рана Шанга разобрался с солдатами, которые позволили Велисарию покинуть город.

— Дайте им кнута,— требовал Дживита.

Как и всегда, Шанга сдержал слово.

Каждый получил по два удара. Шанга бил своим собственным кнутом, самой мощной рукой в Раджпутане. Возможно, эти удары могли бы убить и муху. Возможно.

После того как он вместе со своим кавалерийским отрядом оказался за стенами столицы и они поехали на запад, Шанга посовещался с заместителями и главным следопытом из патанов. Совещание было очень коротким, поскольку фундаментальная проблема преследования стала сразу же очевидна для всех, кто бросил хотя бы один взгляд на местность.

Гангская равнина после недели сильных дождей представляла собой море грязи. Любые следы, даже оставленные день назад, не говоря про восемь, исчезли. Единственной частью равнины, которая оставалась относительно сухой, была сама дорога. Хорошая дорога, на Матхуру, но этот факт не принес успокоения раджпутам. Много хорошего говорят о вымощенных камнями дорогах, но ни одно из этих хороших слов ни разу не произнесли патанские следопыты.

— Даже ни один конь никогда не оставил следа на этих чертовых идиотских камнях,— проворчал патан.— Тем более пеший человек.

Шанга кивнул:

— Я знаю. Мы не сможем выйти на его след, пока не доберемся до Раджпутаны. Не в это время года.

Раджпут посмотрел вверх, оценивая. Небо прояснилось, и Шанга надеялся, что сезону дождей Индии, харифу, пришел конец. Хариф приносили муссоны в мае и продолжался он до сентября. Его сменит прохладный, сухой сезон, который индусы называют раби. Затем в феврале обжигающая сухая жара гарама будет выжигать Индию до следующих муссонов.

Джаймал повторил его мысли:

— Раби почти здесь. Слава Богу.

Шанга одобрительно проворчал. Как и у многих индусов, раби был его любимым сезоном.

— Нет смысла искать следы,— объявил он,— но у нас есть одно преимущество здесь, на равнине,— по этой дороге путешествует много людей. Вероятно, они обратили внимание на одинокого йетайца. К этому времени все, кого Велисарий встретил в первые дни пути, уже ушли далеко. Но мы можем надеяться, что через два или три дня начнем встречать людей, которые его видели.

— Солдаты на почтовых станциях, где курьеры меняют лошадей, могли его видеть,— заметил Удай.— Им нечего делать, кроме как смотреть на дорогу.

— Да,— согласился Шанга.— До первой станции мы должны добраться во второй половине дня. Удай прав — солдаты могли его заметить. Поехали!

* * *

— А ты уверен, что это они? — спросил скрючившийся молодой воин, глядя вниз в ущелье.

— О, да,— ответил Рао.— Уверен. Я встречался только с одним из них, но он не тот человек, которого можно забыть.

Воин маратхи поднялся из-за укрытия за большим валуном. Всадник в доспехах, который вел небольшую группу по тропе внизу, мгновенно остановил коня. На Рао произвела впечатление скорость, с которой в руках у человека оказался лук.

«Вероятно, он так же хорошо стреляет. Но не будем это выяснять».

— Эй, Усанас! — закричал он.— Ты до сих пор поддерживаешь нелепое заявление, что восприятие — это только проявление вечных и неизменяемых форм?

Ответ пришел мгновенно:

— Конечно! Ты сам — живое доказательство, Рагунат Рао, даже там, где стоишь. Самая платоническая форма зрелища для больных глаз.

Молодые партизаны, стоящие в ряд у обрыва, где Рао устроил засаду — дружескую засаду, конечно, но Рао никогда не упускал шанса потренировать молодых последователей,— выпучили глаза.

Они были провинциалами, почти без исключений. Молодые люди из деревень, большинство из них никогда не видели мир за горами и уступами Великой Страны. Римляне выглядели достаточно странно, с уродливыми, костлявыми, бледными лицами, которые казались больными. Аксумиты и кушаны казались еще более странными. Но тот! Высокий, полуголый, черный, как погреб в ночи,— и спорит о философии с самим Рао!

Маньяк. Очевидно.

— О, Боже,— пробормотал Валентин, убирая лук.— Еще один философ. Маньяки, все они.

На самом деле Валентин сам с трудом не выпучил глаза. Наконец после всех этих месяцев он встретил легендарного Рагуната Рао. И...

Человек выглядел очень обычно. Самый средний человек. Валентин ожидал индийскую версию Ахилла.

Он изучал Рао, теперь стоявшего на валуне примерно в тридцати футах от них и на десять футов вверх по склону.

«Невысокого роста — по крайней мере по римским стандартам. Средний рост для маратхи. Немного староват. Наверное, сорок с небольшим. Хорошо сложен, да, никакого жира на мускулах, но это не Геркулес, подобно Эону. Интересно...»

Рао спрыгнул с валуна и легко приземлился на дне ущелья в десяти футах внизу. Еще два быстрых прыгающих шага, и он оказался рядом с лошадью Валентина. Улыбнулся ему снизу вверх, протянул приветственно руку.

«Мария, Матерь Божия!»

Патера Махараштры — так называют Рао, как слышал Валентин. Он отмахивался от фразы, как и все ветераны обычно отмахиваются от подобных романтических, рассчитанных на дешевый эффект штучек.

— Будь вежливым, Валентин,— услышал он бормотание Анастасия.— Пожалуйста. Будь вежливым с этим человеком.

* * *

Тела гнили уже несколько дней, а воздух в окруженное толстыми глинобитными стенами пространство пропускали только два небольших окна. Вонь была невероятной.

— Он — демон! — рявкнул Удай.— Только бездушная асура стал бы...

— Что стал бы, Удай? — спросил Шанга.

Раджпутский царь кивнул на груду разлагающихся тел.

— Убивать врагов? Ты сам убил не меньше.

Удай гневно посмотрел на него.

— Но не так. Не...

— Что не так? Не из засады? Насколько я помню, последние пять засад, которые ты устраивал, были точно такими же варварскими, как эта.

Удай захлопнул рот. Но все еще смотрел гневно.

Шанга сдержался.

— Послушай меня, Удай,— сказал он. Его глаза обвели всех собравшихся в комнате раджпутов.— Все послушайте. Пора вам выбросить из головы все эти предрассудки малва. Или вы никогда не поймете природу врага.

Он сделал паузу. Когда удостоверился, что их внимание направлено только на него — а это было нелегко, не в покойницкой,— продолжил. Говорил он тихо и холодным тоном.

— Некоторые из вас находились в императорском шатре, когда Велисарий приказал своему катафаркту казнить пленников. Помните?

Джаймал и Пратап кивнули. Другие раджпуты через мгновение тоже кивнули. Они сами не видели, но слышали.

Шанга махнул рукой на сложенные горой тела в углу почтовой станции.

— Это тот же человек. Малва думают — по крайней мере думали,— что он слабак. Полон глупой мягкотелости. Не безжалостный, как они. Не твердый.

Легкий смешок послышался от следопыта-патана, склонившегося у тел.

— В самом деле? — спросил он.

Затем встал после того, как закончил осмотр.

— Ну? — спросил Шанга.

— Все солдаты когда-нибудь убивают,— следопыт показал на грубый стол, свалившийся у одной из стен помещения. Одна из ножек стола была отломана чисто, другая расщеплена. Рядом на земляном полу валялись стулья.— Вошел через дверь. Думаю, ночью. Быстро, быстро, быстро. Солдаты ели. Удивил их, когда они сидели.

Патан показал на почерневшие, высохшие пятна крови на полу, стенах, столе, стульях. Разбросанные куски еды, теперь покрывшиеся плесенью.

— Это была битва,— он безразлично пожал плечами.— Недолгая. Думаю, двое солдат достали оружие перед тем, как умерли. Может, трое. Пользы это не принесло. Овцы. Зарезаны.

Он шагнул назад к груде тел.

— Затем стал ждать курьеров. Съел солдатскую пищу, пока ждал. Другую упаковал с собой. Собрал лошадей в загоне. Готовился.

Патан наклонился и схватил один из трупов. Небрежно дернул, и гниющий ужас выпал на пол. Перемещение трупа, несмотря на всю его легкость, разорвало стенку желудка. Полужидкие внутренности вывалились наружу, в них копошились черви. Патан отошел на шаг назад, но никакой другой реакции не продемонстрировал.

— Первый курьер. Его пытали.

Он склонился над гниющей воняющей массой, поднял кисть и помахал ею в воздухе. Большой палец отвалился. Указательный и средний уже отсутствовали.

— Отрубил два пальца. Хотел информации. Сколько еще будет курьеров?

Он отпустил кисть и выпрямился.

— Хороший метод. Отрезаешь один и говоришь: «Колись или отрежу второй палец». Отрезаешь второй и говоришь: «Колись или отрежу третий». В большинстве случаев — достаточно. Хороший способ. Очень хороший. Быстрый. Очень быстрый. Сам им пользуюсь.

Патан отвернулся. Тех, кто его не знал, его грубость и жестокость ужасали. Но те, кто видел его в действии, знали, что он значительно более жесток.

— Снова ждал. Следующего курьера.

Он показал пальцем на одно из тел в форме императорского курьера.

— Не пытал. Не было необходимости. Сам сказал и умер.

Следопыт показал пальцем на третьего курьера.

— Последний. Не пытал. Не было необходимости. Сказал — умер.

Патан посмотрел на дальнюю дверь, которая вела в конюшню, где держали запасных лошадей. Раньше держали.

— Затем поставил курьерских лошадей в конюшню. Усталых лошадей. От них мало пользы. Взял других. Накормленных, отдохнувших. Пять лошадей. Хороших лошадей. И уехал.

Закончив ответ, следопыт положил руки на бедра и осмотрел всю сцену.

— Очень хороший человек! — проворчал следопыт.— Быстрый, быстрый. Никаких глупостей. Приняли бы его в свой клан.

Шанга позволил своим подчиненным несколько секунд, чтобы переварить информацию, перед тем как продолжать.

— Никогда больше не повторяйте ошибку,— проворчал он.— Эту ошибку малва. Велисарий — не жестокий человек. В этом я полностью уверен. Но ни один махамимамса, который когда-либо жил, не сможет соответствовать ему по безжалостности, когда возникает необходимость. Этот человек соображает быстро и так же быстр во всем, как мангуст. И такой же смертоносный. Насколько мангуст милосерден к кобре?

Джаймал фыркнул. Шанга продолжал говорить:

— Есть еще один урок. Он не дьявол, но думает дьявольским образом. Прикиньте, какой это был смелый и хитрый шаг. После того как его люди предприняли обманный отвлекающий маневр и повели нас в погоню за ветром, Велиоарий вышел из Каушамби — открыто — переодевшись йетайцем.— Шанга холодно посмотрел в сторону.— Удай, догадаешься с трех раз, как он добыл форму йетайца?

Его заместитель сморщился, отвернулся. Шанга продолжал:

— Затем Велисарий как можно быстрее добрался до первой почтовой станции. Он каждый раз опережал нас — предупреждал каждый наш шаг. У него было две проблемы. Во-первых, отсутствие лошадей, во-вторых, он знал, что курьеры отправятся на побережье предупреждать стоящие там гарнизоны. Он решил обе проблемы одним ударом.

— Убил солдат, устроил засаду на курьеров, украл их лошадей,— пробормотал Джаймал.— Лучших лошадей в Индии.

— Пять лошадей,— добавил Пратап.— У него теперь есть запасные лошади, больше не нужно. Он может их гнать столько, сколько сам в состоянии сидеть в седле. И пересаживаться, как только конь устанет.

— А как он мог быть уверен, что тела не найдут в самом скором времени? — спросил Удай.— Тогда ведь начнется охота.

Шанга нахмурился.

— Не знаю. Разум у этого человека работает каким-то сверхъестественным образом — также и в военном плане. Он, кажется, все о нас знает. Вне Гангской равнины это не сработало бы. Поскольку там свирепствуют банды, на всех почтовых станциях в западных

провинциях расквартировано гораздо большее число солдат и их регулярно проверяют патрули. Но здесь...

— Эти даже не из регулярной армии,— фыркнул Пратап.— Провинциальные солдаты. Неженатые парни. Они тут служат по два года. Даже сами выращивают свою еду.

Раджпут уставился на жуткую гору тел.

— Несчастные ублюдки,— тихо сказал он.— Я один раз останавливался на одной из этих почтовых станций. Парни — мальчишки — так обрадовались увидеть новое лицо, что заставляли меня говорить всю ночь.— Он бросил взгляд на патана.— Как он и сказал. Овцы. Бараны, отправленные на заклание.— Затем зашипел в ярости: — Римский мясник.

Шанга ничего не сказал. Он сам чувствовал ярость. Но в отличие от Пратапа не позволил ярости затуманить воспоминания. Он видел и других людей, лежащих в таких кучах. Людей, подобных этим — молодых, одиноких, которым никто не уделял внимания. Солдат только по названию. Они тоже были как овцы в руках мясника.

Мясника по имени Рана Шанга. Против опыта, хитрости и быстрого как молния меча у них не имелось ни одного шанса.

— Теперь мы его никогда не поймаем,— простонал Удай.

— Мы попробуем,— заявил Шанга. Стальным тоном. Затем добавил, немного смягчившись: — Это не невозможно, друзья. Не для раджпутов. Он все равно только один человек, и ему предстоит путешествие длиною в более чем тысячу миль. Ему потребуется отдыхать, есть и искать еду.

— Только один человек,— добавил Джаймал.— Переодетый йетайцем. Который ведет нескольких лошадей. Люди его заметят.

— Да, он сможет ехать быстрее нас, преодолевать больше за один день — но только вначале. И он стартовал на несколько дней раньше. Но он не может поддерживать тот же темп, день за днем, так, как может кавалерийское подразделение. Мы имеем право реквизировать еду и требовать размещения. Он не может. Он должен все это искать. На это требуется время, причем каждый день. А впереди его ждет много дней. Много дней до того, как он доберется до побережья. Он может получить ранение или заболеть. А рядом нет друзей, которые бы о нем позаботились. Если ничего такого не случится, он просто очень устанет.

— Куда он направляется, как ты думаешь? — спросил Пратап.

Шанга пожал плечами.

— Пока рано что-то говорить. Вероятно, в Аджмер. Если нет, то мы разделимся на небольшие группы, чтобы искать его в других городах. Но думаю, вначале он все-таки направится в Аджмер. Ему нужно быстро уйти с Гангской равнины, где слишком много народу. В Раджпутану, где людей не так много.

— Аджмер,— задумчиво произнес Джаймал, потрепав бороду.— Аджмер. Оттуда он может направиться на юг или запад. На юг, вдоль подножия гор Аравалли, по направлению к Камбейскому заливу. Возможно, даже в Бхаруч, где он надеется воссоединиться со своими людьми.

— Или на запад,— добавил Удай.— В Бароду.

— Мы вскоре узнаем,— заявил Шанга. И пошел к двери широкими шагами.— После того как он выйдет с равнины, он начнет оставлять следы. Мы обнаружим следы до Аджмера.

Менее чем через минуту, пятьсот раджпутов тронули лошадей. Не неистовым галопом, просто целенаправленно поскакали кентером опытных наездников. Впереди их ждали полторы тысячи миль пути.

* * *

Да, он никогда не был красивым человеком. Но теперь, впервые в жизни, он стал предметом насмешек.

Детских насмешек. Дворцовых детей.

«Плосколицый» — так они называли его за спиной. Или они так думали, не понимая, что говорить за *его* спиной невозможно. Лягушка,— ухмылялись они, или Рыба, или, чаще всего,— Нос. Конечно, всегда тихим шепотом. Не понимая, ни в малейшей степени. Нанда Лал замечал детей и отмечал их имена. Когда-нибудь их могущественные отцы умрут.

Думая об этих далеких временах, Нанда Лал улыбался. Но затем, думая о ближайшем времени, улыбнулся еще шире.

Это была новая улыбка для этого человека. В прошлом его улыбка казалась сердечной и веселой. Недели болезненного восстановления исказили улыбку почти так же, как исказили его лицо.

Холодная, дикая улыбка. На самом деле оскал.

На самом деле новая улыбка подходила Нанде Лалу гораздо лучше, чем когда-либо подходила прошлая. Теперь она выглядела так, как должна выглядеть. Улыбка начальника шпионской сети после того, как он обеспечил свою месть.

Курьеров снова отправили. Не императорских курьеров по императорским дорогам. Нет, эти курьеры были совсем другого сорта. Почти такие же прекрасные наездники, но гораздо более смертоносные.

Лучшие агенты в великолепной шпионской сети малва. Трое, все из которых знали дорогу на Рим. Северную дорогу, дорогу по суше, а не медленную, окружную, южную дорогу по морю, которой пользовалось большинство. Эти люди поедут на лошадях, с запасными, через горную систему Гиндукуш. Через Центральную Азию. Через Персию, используя сеть шпионов малва, уже работающих на местах. В Анатолию при помощи похожей — если и меньшей — сети. И наконец в Константинополь.

В Константинополе они передадут послание агенту малва, ответственному за миссию в Риме. Балбана это сообщение не обрадует. Окажется, что много работы было сделано впустую.

Но он подчинится. Возможно, раздумывая, как появились такие приказы, что сыграло роль — дальновидность или злоба. Но он подчинится.

На самом деле работали и дальновидность, и злоба. Несмотря на всю ярость, начальник шпионской сети все равно оставался разумным человеком. Профессионалом своего дела.

Нанда Лал знал, даже если Балбан и обманывает себя, что лживый римский полководец не один. Он понимал, если остальные и не понимали, что агентов малва в Константинополе обманули точно так же, как его самого в Индии.

Но больше нет. Дальновидность в любом случае требовала приказов. То, что те же приказы будут изысканной местью, просто оказалось случайностью. Почти.

Почти, но не совсем.

Начальник шпионской сети снова улыбнулся. Он был реалистом. Он знал, что Велисарию может удасться сбежать из Индии. Но начальник шпионской сети получит удовлетворение, украв все удовольствие от этого побега.

Если Велисарию удастся добраться домой, то он найдет место пустым. Приказ дойдет в Рим быстрее него.

«Она обманывает вас, как он обманул нас. Убейте шлюху».

Глава 21

В сотне миль к востоку от Аджмера, после того как они достигли сухой местности, патаны наконец напали на след Велисария.

К тому времени, как они добрались до города, старший следопыт растерял все иллюзии.

— Нет, этого мы бы в свои ряды не взяли,— ворчал он.— Никогда. Очень глупый зверь. Ничего не видит.

Следопыт склонился с коня, осмотрел дорогу, фыркнул и громко плюнул.

— Вероятно, трахает козу. Думает, что это его жена.

Плюнул громко.

— Не обращает внимания ни на что.

Сплюнул громко.

— Слепой идиот.

Шанга, который ехал рядом с патаном, кисло улыбнулся. Как и многие люди с узким кругозором, патан имел склонность судить о людях по очень ограниченным критериям.

Да, Велисарий наконец допустил ошибку. Но это была маленькая ошибка по любым разумным стандартам. На самом деле такая маленькая, что ее обнаружил только опытный следопыт.

Где-то по пути — и это не удивительно при путешествии, продолжающемся несколько недель — одна из лошадей римского полководца порезала копыто. Ничего серьезного само по себе. Только маленькое повреждение, вызванное острым камнем. Сама лошадь навряд ли бы заметила, даже когда сама порезалась, и «рана» ни в коей мере не доставляет ей дискомфорт.

Но этого достаточно, чтобы оставить отчетливый след. Никто другой не обратил бы на него внимания, но патан его тут же заметил. Несколько раджпутов, после того как следопыт на него показал, обрадовались.

Теперь Велисария будет легко найти!

Патан немного умерил их энтузиазм. Такой быстрый человек, заверил он их, вскоре сам заметит след, который оставляет. Тогда он займется копытом, счистит часть ткани, сделает копыто таким, что оно станет неотличимо от других. Если случится худшее и след будет не изменить, то римлянин просто бросит лошадь. В конце концов у него же есть еще четыре.

Но дни шли, а метка оставалась. День за днем патан шел по следу с легкостью человека, который ночью идет к огню. День за днем его оценка Велисария стремительно падала.

К этому времени, по мнению патана, Велисарий стоял очень низко в естественом порядке вещей. Возможно, над овцой. Определенно под лягушкой-быком.

Ограбление купца просто подтвердило его точку зрения. Закрепило мнение, словно он запаял кувшин.

За три дня до Аджмера раджпуты догнали купца, тяжело передвигающегося по дороге. Купца сопровождали двое слуг, каждый из которых шатался под тяжестью вещей для продажи.

Все трое были полностью обнажены.

Когда раджпуты остановились рядом, купец немедленно разразился неистовой тирадой — обвинениями, укорами, упреками и осуждениями.

Немыслимо, что такое могло случиться!

Где власти?

Ограбление на императорской дороге! Императорским стражником йетайцем!

О, нет! Никакой ошибки! Купец много путешествует. Опытный человек. Знающий. Он бывал в Каушамби. Много раз.

Императорский стражник!

Немыслимо! Немыслимо!

Где власти?

Он требует правосудия! Компенсации!

Больше всего — возмещения ущерба!

Ограблен императорским стражником!

Возмещать убытки должны власти!

В данном случае, после того как купец достаточно успокоился, чтобы рассказать о случившемся, возмещение ущерба оказалось простым. Единственным, что забрал бандит-йетайец, оказалась одежда купца и его слуг.

Странно, но он больше ничего не взял. Ни деньги купца, ни товар для продажи, а это были специи, довольно ценные, даже не взял золотую цепочку с шеи купца или кольца, украшие его пальцы.

Патан разозлился.

— Что это за бандит с умом карлика? — горячо спросил он.— Кретин! Идиот!

Следопыт гневно посмотрел на купца.

— Если бы я ограбил тебя, жирный, ты был бы рад, если бы у тебя осталась кожа. Золотая цепь — режь голову. Кольца — руби пальцы. Быстро, быстро.

Патан перегнулся через шею коня и прищурился, гневно глядя на слуг. Двое мужчин отпрянули назад, дрожа.

— Старого бы я убил. Второго взял бы. Продал бы уйгурам.— Он выпрямился, склонился, громко сплюнул.— Римлянин — самый большой идиотский зверь из всех живых,— сделал вывод он. И с тех пор не изменил своего мнения.

Шанга с другой стороны подумал, что ограбление было очень хитрым. Он раздумывал, как Велисарий планирует пробираться через Раджпутану, в особенности город типа Аджмера, если он переодет йетайцем. На Гангской равнине один йетайец, ведущий небольшой табун лошадей, не особо привлекал внимание.

Однако в Раджпутане ситуация изменится. Раджпуты не любят йетайцев, если мягко выразиться. Один йетайец в стране раджпутов очень быстро столкнется с большим количеством разнообразных трудностей, в особенности в густонаселенном месте, как Аджмер. С неприятностями, начиная с банд воинственных юношей до внимательных властей, на которых не производит большого впечателния красно-золотая форма йетайцев. Не в Раджпутане, где власть малва очень слаба.

Украв одежду купца и его слуг, Велисарий обеспечил себе прекрасный маскарадный костюм. Странствующие купцы, торговцы, бродячие ремесленники, путешествующие в одиночестве или небольшими группами, были обычным делом по всему пространству Западной Индии. Шанга подозревал, что Велисарий соединит часть относительно хорошего одеяния купца с частями скромного одеяния слуг.

В результате станет похож на торговца, у которого с трудом идут дела и который стоит чуть выше нищего.

Хитрый римлянин проигнорировал деньги купца, золотые украшения и товар. В этой части Индии бандиты и воры так же распространены, как и купцы, поэтому все постоянно настороже. Если бы Велисарий попытался продать украшения или товар купца или использовать монеты, он бы рисковал, что на него падет подозрение.

Шанга обратил внимание, что на протяжении всего периода преследования Велисарий всегда ищет себе еду, а не покупает, что было бы гораздо быстрее. Основная причина, позволившая раджпутам сократить расстояние до римлянина — по оценкам патана он сейчас находился в пяти днях пути от них,— заключалась в том, что Велисарий каждый день тратил время на поиски еды. По большей части римлянин охотился при помощи лука и стрел, которые забрал у солдат на почтовой станции. Время от времени он воровал из местных амбаров или садов. Но ни разу, как могли определить раджпуты или следопыты-патаны, Велисарий еду не покупал.

Шанга не сомневался, что делает он это по выбору, а не по необходимости. Конечно, Велисарий не мог нести при себе огромные богатства, которые ему вручили малва. Но раджпут был уверен: Велисарий оставил небольшую часть этого богатства при себе. Имел при себе постоянно. На всякий случай. Элементарная предосторожность являлась второй натурой такого человека.

Тем не менее он ни разу не воспользовался полученным богатством. Частично, как думал Шанга, потому что Велисарий боялся подозрений, если воспользуется королевскими монетами или драгоценностями. Но в основном, подозревал Шанга, потому, что Велисарий берег деньги для побережья — чтобы нанять корабль или купить корабль, если у него при себе осталось что-то из драгоценных камней из сундуков.

Поэтому Шанга считал патана неразумным. Но он не укорял патана. Это в любом случае бессмысленно, словно спорить с камнем.

Главный следопыт уже много лет служил царю раджпутов. С тех пор как Шанга поймал его, после яростной схватки один на один, во время одной из многочисленных маленьких кампаний против горных варваров. На патана произвело большое впечатление мастерство и смелость победителя. На самом деле такое большое, что он попросил Шангу сделать его своим собственным рабом, а не продавать какому-нибудь ничтожному дураку.

Шанга удовлетворил просьбу и ни разу об этом не пожалел. Патан преданно служил ему много лет даже после того, как Шанга отпустил его на волю. На самом деле служил очень хорошо. Но Шанга знал ограниченность человека и давно отказался от надежды изменить его.

Два дня спустя, когда стены Аджмера поднялись над горизонтом, патан все еще ворчал.

— Чертов идиот,— услышал Шанга его бормотание.— Если бы я обкрадывал купца, я сделал бы по-другому. Он бы не жаловался. У него не осталось бы языка.

Конечно, в Аджмере они потеряли след. Даже более заметный след копыта, чем метка, которую оставляла одна из лошадей Велисария, был бы затерт движением в городе. Но Шангу это не беспокоило.

Он отправил часть своих людей (все — следопыты-патаны) кружить вокруг Аджмера. Уйти подальше от города, туда, где уже не такое движение, чтобы найти направление, в котором двинулся Велисарий. Отличительный след к этому времени был так же виден раджпутам, как и патанам. А пока Шанга и оставшиеся солдаты начали систематически обследовать сам город.

Они искали лошадей. Если точнее — воспоминания о лошадях.

Раджпутана была страной лошадей. Потрепанный купец сам по себе может пройти через Аджмер незамеченным. Но Шанга знал, точно так же как знал свое имя, что его соотечественники определенно заметили лошадей. Этих великолепных, отличных, королевских лошадей.

И определенно поиск лошадей оказался таким же легким, как поиск отличительного отпечатка копыта. Лошадей видели только пять дней назад у южных городских ворот. К середине дня Шанга уже допрашивал стражников.

— О, да! — воскликнул один из них.— Прекрасные кони! Редко таких увидишь! Такие хорошие, как у императорских курьеров!

Еще один стражник показал на дорогу, ведущую на юг.

— Двинулись в этом направлении. Пять дней назад.

— А человек? — спросил Шанга.— Как он выглядел?

Стражники переглянулись в удивлении.

— Не помню,— признался один.— Торговец, коробейник, может быть.

— Думаю, он был высокий,— сказал другой, в задумчивости потрепав бороду.— Думаю. Не уверен. Я смотрел на лошадей.

Через две мили к югу от Аджмера они встретили остальных наездников Шанги и следопытов-патанов. Они возвращались на север с новостью.

Следы обнаружили. В пяти милях, на дороге к Камбейскому заливу.

— Вероятно, в Бхаруч,— заявил Джаймал, когда они поскакали на юг. Заместитель Шанги смотрел вперед и вправо. Солнце начинало садиться за пиками Аравалли.— Но, может, и нет,— продолжал размышлять он.— Как только он окажется к югу от Аравалли, он может срезать на запад к заливу Кач и идти вдоль побережья назад к Бароде. Будет окружной путь, но...

— Очень тяжело гнать лошадей по той жуткой дороге,— возразил Пратап.— И зачем беспокоиться?

Споры продолжались, пока они не встали лагерем на ночь. Шанга в них не участвовал. Пытаться перехитрить Велисария в отсутствие информациии было чистой глупостью по его мнению. Они вскоре и так узнают. Следы скажут свое слово.

Последней его мыслью той ночью, перед тем как он заснул, стало размышление об иронии. Так странно, так грустно, что такого великого человека в конце концов можно победить чем-то таким ничтожным, как маленький камешек, попавшийся на пути.

Два дня спустя патан был сам не свой от ярости и негодования. Если у него и оставалось какое-то уважение к Велисарию, то теперь он его полностью отбросил.

Он склонился в седле. Громко сплюнул.

— Огромный идиотский зверь! Знал, что он глуп, как овца. Теперь он еще и ленив, как овца.

Патан обвиняюще показал на следы.

— Теперь едва тащится. Моя бабушка ходила быстрее. И сейчас бы прошла, несмотря на то что уже мертва много лет.

Громко сплюнул.

Очевидно, удовлетворившись, что отделался от любой погони, римлянин значительно снизил скорость после того, как покинул Аджмер. Шанга снова решил, что патан ведет себя неразумно. Да, Велисарий неосторожен. Но в то же время следует сделать скидки. В конце концов он же только человек. Римлянин несколько недель передвигался на большой скорости, установил себе жесткий темп. Неудивительно, что наконец он решил отдохнуть.

Неудивительно, нет, но вряд ли за это человека можно осуждать. Но это все равно ошибка, и при данных обстоятельствах фатальная.

Менее чем через два дня они догнали Велисария.

К концу дня на следующий день ведущий следопыт заметил его. Менее чем в пяти милях впереди, уже разбивающего лагерь на ночь.

Командующие раджпутов устроили быстрое совещание. Заместители Шанги настаивали, чтобы окружить лагерь римлянина и атаковать его этой же ночью.

Шанга не хотел об этом слышать.

— Не его,— твердо заявил он.— Не этого человека, не ночью. Во-первых, он может сбежать под покровом темноты.

Он поднял руку ладонью вперед, чтобы пресечь возражения Удая.

— Признаю: это маловероятно. Меня волнует, что мы можем быть вынуждены убить его. Я хочу взять его живым. Это может оказаться невозможным, но если у нас есть шанс, то днем. В ночной атаке, с общей суматохой, шанса нет вообще.

Он посмотрел на небо. Западный горизонт уже стал пурпурным.

— И нет необходимости торопиться. Он разбивает лагерь, поэтому никуда не собирается. Мы используем ночь, чтобы тихо окружить его.

Он сурово посмотрел на заместителей.

— Тихо,— повторил он.

Они кивнули. Шанга уставился на юг.

— На восходе мы его возьмем.

* * *

Велисария брал сам патан. Следопыт даже не потрудился оглушить его. Он просто прыгнул на римского полководца, который все еще спал, закутавшись в одеяло — за полчаса до рассвета — вот ведь лежебока! — у углей, оставшихся от небольшого костерка — кто же разводит костер, когда ты пытаешься убежать, идиот! — и резко поднял его за волосы. Затем ножом порезал щеку римлянину. Один раз легонько полоснул, не больше, достаточно, чтобы пометить своего пленника.

Быстро, быстро патан отошел прочь.

Римский полководец шатаясь поднялся на ноги, истошно кричал. Схватился за щеку обеими руками. Кровь из раны лилась у него между пальцев. Он сделал два шага, покачнулся и свалился животом на остатки костра. Затем, поскольку в костре догорели не все угли, откатился в сторону с еще более громкими криками. Вскочил на ноги, пытаясь затушить тлеющую одежду окровавленными руками.

Патану этого хватило.

Он широким шагом прошел вперед и снова отправил римлянина на пузо яростным сильным пинком. Затем прыгнул на него, поднял голову за волосы и заставил встать на колени.

— Вот твой великий полководец, хозяин Шанга,— презрительно сказал он. Затем врезал римлянину, пресекая очередной вопль.

Рана Шанга уставился сверху вниз на Велисария. Затем уставился на патана, который держал его за волосы. Следопыт по-звериному улыбался.

Снова уставился на Велисария. Полководец хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, глаза горели.

Снова уставился на патана. Потом на Велисария.

— Кто это, черт побери? — рявкнул Джаймал.

Тоже уставился на *это*. Потом на патана.

— Я никогда в жизни не видел этого человека,— тихо сказал следопыту.

Случившееся, по мнению Раны Шанги, того стоило. Наконец после всех лет он увидел, как патан раскрыл рот. Как глупый зверь.

* * *

— Я просто бедный коробейник,— стонал мужчина в сотый раз. Прикладывал повязку к щеке. Стонал.— Меня зовут...

— Заткнись! — рявкнул Удай.— Мы знаем, как тебя зовут. Мы хотим знать, где ты взял лошадей?

Коробейник посмотрел снизу вверх на раджпута. Наконец что-то, кроме всеохватывающего ужаса и жалости к самому себе, появилось у него в мозгу.

Жадность.

— Это *мои* лошади! — завопил он.— Вы не можете...

— Заткнись! — рявкнул Удай.— Просто заткнись!

Рана Шанга положил руку на плечо Удаю, пытаясь его успокоить. Ярость заместителя просто пугала пленника до потери чувств.

Рана Шанга сел на корточки, так чтобы его глаза находились на одном уровне с глазами человека с окровавленным лицом, который лежал в грязи.

— Послушай меня, коробейник,— сказал он спокойно. Спокойно, но очень твердо. Коробейник замолчал.— Меня зовут Рана Шанга.

Глаза коробейника округлились. Он не был раджпутом, но торговал в Раджпутане. Он знал это имя. Хорошо его знал.

— Мы заберем твоих лошадей,— тихие, но железные слова.

Коробейник открыл рот, начал возмущаться.

— Этих лошадей украли у императорской курьерской службы. Обладание ими ведет к смертному приговору. Тебя могут посадить на кол.

Рот коробейника захлопнулся. Глаза выкатились из орбит.

Шанга успокаивающе поднял руку.

— Не бойся. Нас твоя казнь не интересует. Если ты сослужишь нам хорошую службу, мы можем даже заплатить тебе за утраченных лошадей.

«Частично,— добавил он про себя, видя, как алчность снова загорается в глазах коробейника.— Что ты сам заплатил за них. Что, я уверен, гораздо меньше, чем их истинная цена. Я думаю, что начинаю понимать этого... этого... дьявола!»

Он сделал глубокий вдох.

«Нет. То, что сотворил этот дьявольский разум на этот раз».

Шанга посмотрел в сторону. В тридцати футах патан-следопыт поднял одну из лошадиных ног. Осматривал копыто. Очень внимательно. Шанга повернулся назад к коробейнику.

— Но теперь, парень, ты должен рассказать мне — очень быстро, очень четко и ясно,— как ты получил этих лошадей.

— Он был йетайец,— выдохнул коробейник. Затем слова полились из него быстрым потоком: — Думаю, дезертир из императорской стражи. Я не уверен. Я не спрашивал! Не станешь же спрашивать йетайца. Но я так думаю. Я видел часть формы. Красной и золотой. Думаю, он спасался бегством. У него ничего не было, кроме этих отличных лошадей, и он казался в отчаянии, хотел убежать из Аджмера. Поэтому он... он...

Удивительно, но внезапно коробейник вдруг разразился смехом.

— Идиот йетайец! Глупый варвар! Он не представлял, сколько стоят эти лошади! Совсем не представлял, говорю вам! В конце — а мне потребовалось только два часа торга — я обменял их на трех верблюдов, несколько одеял и палатку. Еду. Может, пятьдесят фунтов воды. Две полные большие канистры. И пять бутылок вина. Дешевого вина.— Он хохотал, хохотал.— Чертов идиот! Чертов варвар!

Шанга шлепнул парня по уху.

— Молчать!

Истерический смех коробейника тут же прекратился. Его лицо побледнело.

— А еще что? — спросил Шанга.— Было ведь что-то еще.

Выражение лица коробейника стало странной смесью удивления, страха, жадности. Главным образом страха.

— Откуда ты знаешь? — прошептал он.

— Я знаю этого... йетайца,— тихо ответил Шанга.— Он не стал бы просто отправлять тебя в путь. Он бы обеспечил, чтобы ты поехал в этом направлении. Как?

Страх. Жадность. Страх.

— Покажи мне.

* * *

Это был один из императорских изумрудов.

Небольшой изумруд, очень маленький по императорским стандартам. Вероятно, самый маленький из драгоценных камней, которые при себе имел Велисарий. Но он представлял богатство для коробейника. Достаточное, чтобы он отправился в Бхаруч, где ему обещали второй точно такой же изумруд, если он передаст сообщение соответствующему получателю.

— Кому?

— Греческому купцу. Капитану корабля.

— Как его зовут? Как называется корабль?

— Ясон. «Арго»[1].

---

[1] Ясон — герой греческой мифологии, который на корабле «Арго» отправился за золотым руном.

— Покажи мне послание.

Рана Шанга умел читать по-гречески, но плохо. Это не имело значения. Большая часть послания была математической, это он понял достаточно хорошо. (Индия была местом рождения математики. Столетия спустя европейцы откажутся от римских чисел и примут новую, хитрую арифметику. Они назовут их «арабскими цифрами», потому что получат их от арабов. Но изобрели эти цифры в Индии.)

Но он смог понять послание, достаточно хорошо.

В конце концов раджпут не сдержался. Он стал смеяться, как сумасшедший.

— В чем дело? — спросил Джаймал, когда истерический смех Шанги пошел на спад.

— Это теорема,— сказал он слабым голосом.— Какого-то грека по имени Пифагор. Она объясняет, как считать углы.

Патан прекратил исследование копыта и подошел к ним.

— Порезано не камушком на дороге. Ножом. Сделано специально.

Шанга уже догадался об этом.

— Вот именно,— он улыбнулся и потрепал бороду.— Он знал, что мы заметим след. И после нескольких недель следования по нему перестанем думать о чем-то другом. Поэтому он схитрил в Аджмере, нас отправил на юг по ложному пути, в то время как сам несется по пустыне Тар на верблюде.

Шанга бросил взгляд на коробейника, все еще с пепельным цветом лица.

— Три верблюда,— задумчиво сказал Шанга.— Достаточно, чтобы переехать пустыню не останавливаясь, с запасами еды и питья.

Он поднялся на ноги. Это было уверенное, решительное движение.

— Теперь мы его никогда не поймаем. К тому времени, как мы вернемся в Аджмер и отправимся в погоню, у него будет по крайней мере восемь дней преимущества. С тремя верблюдами и полным набором еды и питья он сможет передвигаться по той местности быстрее, чем мы.

Его заместители сверкали глазами, но не спорили. Они знали: он прав. Пятьсот отличных наездников могут в конце концов догнать одного, даже если у него есть запасные лошади. Но не в пустыне Тар.

Это земля верблюдов. Вероятно, в Аджмере нет пятисот верблюдов, для начала. А даже если и есть...

Раджпуты не могли назвать себя опытными в езде на верблюдах.

— Вонючие верблюды,— проворчал Удай.

— Терпеть не могу чертовых тварей,— согласился Пратап.

— Хорошее мясо,— заявил патан.

Раджпуты гневно посмотрели на него. Следопыт этого не замечал. Его разум блуждал где-то далеко.

— Значит, сдаемся? — спросил Джаймал.

Шанга покачал головой.

— Нет, не сдаемся. Но мы больше не будем пытаться гоняться за римлянином. Вместо этого...

Он поднял послание вверх.

— Мы воспользуемся его советом. *Углы*. Можем быть, только может быть, нам удастся добиться успеха, если мы охватим два угла треугольника, пока он в состоянии охватить только один. Мы направимся в Бхаруч — так быстро, как позволяют наши лошади. В Бхаруче мы реквизируем корабль — или несколько кораблей — и поплывем на север в Бароду. Он направляется туда, я уверен в этом.

Шанга пошел к своему коню.

— Может, нам удастся встретить его там. Поехали!

* * *

Ночью у костра патан наконец прервал молчание. До этого он за несколько часов не произнес ни слова.

— После того как мы примем его в свой клан, мы сделаем его вождем. Нет. Королем. Первым патанским королем за всю историю,— он улыбнулся раджпутам, глядя на них поверх пляшущих языков пламени.— Тогда патаны завоюют весь мир.— Он благосклонно кивнул Шанге.— Ты был хороший хозяин. Когда ты станешь моим рабом, я тоже буду хорошим хозяином.

Три дня спустя Джаймал склонился в седле и рявкнул Шанге:

— Если этот патан и дальше будет так шутить, я его убью.

— Джаймал, он не шутит,— ответил царь раджпутов. Холодным тоном.

Глава 22

Рао забавляла неохота, с которой молодые подчиненные выполняли его приказы. Его заместителю Маджоли было не до веселья.

— Ты слишком их жалеешь,— жаловался он.

Говорил он без труда, несмотря на то что они с Пантерой бежали вдоль крутого склона горного хребта, практически под линией неба. С другой стороны горного хребта доносился шум битвы. Постепенно лязганье стали затихало. Гневные крики командиров малва — нет.

— Здесь,— сказал Рао.

Он полез вверх по склону. Перед самой вершиной прижался всем телом к скале. Маджоли последовал за ним. На животах двое мужчин проползли к самому верху и выглянули на небольшую долину внизу.

— Видишь? — обвинительным тоном прошипел Маджоли. Он злобно показал пальцем, негодующе кивнул, борода гневно выпятилась вперед.— Некоторые из непослушных собак до сих пор работают мечами.

— Только двое,— пробормотал Рао.

Он наблюдал, как двое молодых маратхи внизу прикончили солдата малва, перед тем как стали взбираться вверх по склону с противоположной стороны. По верху склона стоял ряд партизан, которые выпускали стрелы по собравшимся внизу войскам малва.

— Они братья, как ты знаешь. Один из них, вероятно, ввязался в схватку, второй пришел на помощь.

— Тем не менее...

— Не расстраивайся, Маджоли. Они вскоре приучатся к дисциплине.— Рао добавил мрачно: — После того как понесут тяжелые потери от излишнего энтузиазма.

Он замолчал, оценивая малва. Командующие наконец приводили в порядок свою небольшую армию. По их приказу солдаты стали взбираться вверх по склону. Малва несли тяжелые потери от стрел, дождем летящих на них, но не прерывали продвижения вперед. Малва попытались втолкнуть слишком много солдат в узкую долину — по размеру не больше, чем ущелье. Эти плотно сомкнутые ряды стали легкой целью, но после того, как они начали контратаку, их оказалось слишком много, чтобы отразить их бросок.

— Теперь вы должны уходить, собаки! — рявкул Маджоли.— Вы же получили четкие приказы!

Рао не стал спорить по этому вопросу. На самом деле он приказал своим людям выпустить не больше двух стрел после того, как малва начнут контратаку. Партизаны уже должны были отступать. Вместо этого молодые восставшие маратхи дождались, пока малва не окажутся на середине склона, перед тем как наконец отправились прочь.

Рао развернулся и стал спускаться со склона. Маджоли последовал за ним, все еще ворча.

— Тебе не следовало давать им этих лошадей. Именно поэтому они такие храбрые. Неуважительные молодые собаки. Они думают, что эти лошади убегут от кого угодно.

Теперь, спустившись вниз на значительное от вершины расстояние, Рао встал в полный рост. Улыбнулся заместителю.

— Эти лошади на самом деле могут убежать от кого угодно. От всего, что есть у этих жалких малва. Лучшие лошади, которых можно купить на иностранные деньги.

Маджоли встал и отряхнулся.

— Отличные лошади, признаю,— согласился он с неохотой.— Они были прекрасным подарком.

— Я думаю об этом, как об обмене,— задумчиво произнес Рао. Посмотрел на запад. Конечно, он не видел Бхаруч. Великий порт находился во многих милях отсюда, спрятанный за горами.— Они дали нам лошадей, мы предоставляем им возможность.

— Как ты думаешь, им удастся убежать?

Рао пожал плечами.

— Думаю, да. Мы остановили курьеров, мы...— он махнул рукой на склон, широко улыбнулся.— Отвлекаем малва.

Он повернулся и отправился к лощине, где были спрятаны их собственные лошади. Несмотря на высокий темп, Рао не запыхался и разговаривал без труда.

— Как я и говорил тебе раньше, Маджоли, эти люди обладают удивительными способностями,— бросил Рао через плечо.

* * *

Способности не требовались. В конце концов побег оказался детской игрой.

Гармат просто прошел по мостику, соединяющему аксумский торговый корабль с причалом, и представился капитану. До того как Гармат достиг его, капитан выпучил глаза.

— Хватит изображать лягушку, Эндубий,— проворчал он.— Не надо так на меня пялиться. У тебя глаза сейчас вылезут из орбит.

Капитан отвесил челюсть.

— И закрой рот, дурак. Тебя могут увидеть шпионы.

Рот Эндубия захлопнулся. Капитан бросил быстрый взгляд на берег, искал опасность опытным глазом.

Как и все аксумские капитаны торговых судов, Эндубию приходилось участвовать в схватках. Торговые суда служили резервом военно-морского флота Аксумского царства. Моряк не мог дойти до капитана корабля даже в торговом флоте без одобрения негуса нагаста. Несмотря на отсутствие строгих правил в других областях жизни, аксумиты никогда не относились небрежно к своему морскому могуществу.

— Проблемы? — спросил Эндубий.

Гармат легко улыбнулся.

— Можно сказать и так. Вся империя малва хочет нашей крови.

Эндубий сморщился.

— Принц?

— С ним все в порядке,— Гармат почти незаметно кивнул.— На том складе. С даваззом и сарвенами. И еще кое с кем.

Советник быстро осмотрел корабль.

— В целом тринадцать человек. Займем много места, но...

— Справимся,— пробормотал Эндубий.

Капитан повернулся и стал выкрикивать приказы. Моряки тут же засуетились, бегая по кораблю и готовясь к отплытию.

— Мне хотелось бы, чтобы вы появились завтра,— проворчал Эндубий.— Тогда у меня будет груз. Ненавижу ходить порожняком. Самый известный мне путь к бедности.

Гармат улыбнулся.

— Не так, Эндубий. Пустой корабль — это быстрый корабль, и нам не будет тесно. Что касается нищеты...

Он опустил руку в кошель, вынул ее и открыл ладонь.

Капитан снова выпучил глаза и напоминал лягушку.

— Предполагаю, ты возьмешь деньги малва? — спросил Гармат.— О, взгляни! Мне кажется, тут даже есть рубин. Нет, три рубина.

По пути из гавани Бхаруча их окрикнули с корабля малва и попытались встать вдоль борта.

— Проигнорируй их,— приказал принц.— Иди дальше.

Капитан посмотрел на него уголком глаза.

— Это осложнит дело для следующего торгового корабля Аксумского царства,— заметил он.

Эон пожал плечами.

— Не будет никакого следующего торгового корабля Аксумского царства. Теперь мы в состоянии войны с малва.

Капитан вздохнул.

— А. Плохо. Это был хороший бизнес.

Офицер на носу корабля малва снова их окрикнул. Его голос звучал злобно.

— Ты *можешь* уйти от него? — спросил принц.

Эндубий фыркнул.

— От корыта малва?

Он пренебрег каким-то другим ответом, если не считать приказов морякам.

Час спустя командир малва приказал прекратить преследование.

Его просто трясло.

Частично его ярость объяснялась превосходством аксумского корабля. В основном же голой черной задницей, свешивающейся с кормы аксумского корабля. А затем широкой белозубой улыбкой над нею.

* * *

Неделю спустя в порту Тамралипти, на противоположном берегу Индии еще один морской офицер малва улыбался от чистой радости. И ему было от чего радоваться. В этот день он заработал больше денег, чем за три предыдущих месяца.

Его заместитель тоже улыбался. Его части от взятки знатного господина хватит, чтобы шикарно гульнуть в самом печально известном районе у гавани Бенгальского залива.

Заместитель кивнул на торговый корабль, который прямо сейчас проходил мимо волнореза.

— Следует поставить в известность Муршида и его людей? В сундуках этого знатного господина — целое богатство. И жена у него молодая. Вероятно, также и красивая. Она и другие женщины принесут хорошую прибыль.

Командующий потрепал бороду, раздумывая над вопросом. Он и его подчиненные делали неплохие деньги на стороне, продавая информацию о лакомых целях местным пиратам.

Он не долго раздумывал над вопросом.

— Нет,— твердо сказал офицер.— Не с таким сопровождением.

— Их не больше тридцати,— возразил заместитель.— Муршид может собрать три корабля и более сотни...

Командующий гневно уставился на него.

— Сотню кого? — рявкнул он.— Ты говоришь, что их будет три против одного, в лучшем случае — четыре против одного. Бандиты Муршида против *этих*?

Заместитель скорчил гримасу.

— Ну...

Командующий отмахнулся от идеи, как человек может отмахнуться от мухи.

— Забудь об этом. Муршид потом не поблагодарит нас, поверь мне. И какую долю мы получим? Бочонок с кишками? Два бочонка?

* * *

Наблюдая за ними с кормы судна, капитан торгового корабля решил, что правильно прочитал позы офицеров малва. Расстояние было большим, но он обладал очень хорошим зрением. И большим опытом.

Удовлетворенный, капитан отвернулся.

— Можем расслабиться,— сказал он своему заместителю.— Проблем не будет.

Заместитель вздохнул с облегчением. Он посчитал капитана сумасшедшим за то, что тот согласился везти такой груз в этих водах. Обычно они перевозили только сыпучие грузы в Бенгальском заливе, зараженном пиратами. Тип грузов, который не покажется привлекательным ни одному пирату.

Но его капитан решил рискнуть. Предложенная знатным господином цена была слишком привлекательной, чтобы отказаться. Неболь-

шое богатство, чтобы перевези его самого, жену и сопровождающих их лиц в Мангалуру, главный порт в южном индийском королевстве Керала.

Кроме того...

Заместитель бросил взгляд на ближайшего из солдат знатного господина. Он не был уверен, но ему казалось, что именно этот человек командует сопровождающими знатного господина лицами.

Командир отряда сопровождения склонился через палубные ограждения, наблюдая за удаляющейся гаванью. Время от времени лениво проводил по мечу точильным камнем. Это казалось бессмысленным занятием. Клинок уже был острым, как бритва.

Его взгляд встретился с взглядом заместителя.

— Проблемы? — точильный камень не прекратил своего движения. Заместитель покачал головой.

— Не думаем.

На лице командира отряда сопровождения не появилось никакого выражения. Оно напоминало железную маску — было такими же застывшим и неизменяемым.

— Плохо,— пробормотал он и поднял клинок на солнце, осматривая край.— Мои люди несколько застоялись. Им можно было бы немного размяться.

* * *

Месяц спустя Рана Шанга вернулся в свой дом рядом с Джайпуром. Он год не видел свою семью и решил, что должен сделать это перед возвращением в Каушамби. Ему больше может не представиться такой возможности. Когда он отчитается о своем провале в поимке Велисария, его накажут. Возможно, даже казнят.

К удивлению Шанги, дома его ждал Дамодара. Он приехал две недели назад, уверенный, что Шанга вначале заглянет сюда, независимо от того, хорошая будет новость или плохая.

Несмотря на то что раджпут горел желанием увидеть свою семью — Дамодара вежливо предложил подождать, пока он с ними поздоровается,— Шанга настоял, что вначале отчитается. Они с Дамодарой засели в небольшой комнатке, прилегающей к огромному залу, который служил Шанге как зал приемов. Двое мужчин сидели на подушках друг напротив друга. Между ними стоял маленький столик. Они остались вдвоем, после того как слуги поставили чай и печенье и удалились.

Отчет Шанги был полным, точным и ни в коем случае не оправдывающим себя. Когда он дошел до последних эпизодов преследования Велисария, Дамодара оборвал его:

— Не нужно дальше, Шанга. Суть, как я предполагаю, в том, что вы не нашли и его следа ни в Бароде, ни в каком-то другом из небольших портов?

Шанга покачал головой.

— Никаких, господин Дамодара. Я уверен, что он где-то там сел на корабль, но он идеально замаскировал следы. Если шпионы Нанды Лала проведут расследование — очень тщательно, очень долго,— то, вероятно, и смогут отыскать их. Но...

— А смысл? — спросил Дамодара. Он отмахнулся от проблемы маленькой пухлой ручкой.— Если они и найдут доказательства, будет слишком поздно что-то сделать.

Он потягивал чай. Прожевал печенье.

— Такое расследование не принесет ничего, кроме вреда,— заявил он.— На самом деле большого вреда.

Шанга сидел напряженно, молча. Дамодара мгновение смотрел на него. Затем к удивлению Шанги улыбнулся.

— Ты на самом деле истинный раджпут. Честь превыше всего.

Если такое и было возможно, Шанга напрягся еще больше.

— Но я не раджпут,— продолжал Дамодара.— Я уважаю твой взгляд на вещи, Рана Шанга. Мне даже кажется, что я понимаю этот взгляд, но не разделяю его.— Он добавил резко: — Я — малва. И таким образом я — человек практичный. Меня послали сюда, чтобы встретить тебя и оценить результаты твоих поисков. И я теперь это сделал.

Он снова отпил чай.

— И вот к каким выводам я пришел. Исходя из того, что Велисарий *мог* отправиться на запад, Рана Шанга провел долгую, очень тщательную поисковую операцию — дошел до самой Бароды ни больше ни меньше!

Он снова отпил чай.

— Никаких следов Велисария раджпуты не нашли. Какое-то время казалось, что они вышли на его след. Но в конце это оказался ложный след. Единственным, кого они нашли, был потрепанный коробейник и кровавый след йетайца-дезертира из императорской стражи, который убежал из империи после того, как жестоко убил нескольких солдат и императорских курьеров и ограбил купца.

Шанга начал возражать. Дамодара заставил его замолчать.

— Ничто не доказывает обратное, Рана Шанга. Твои подозрения были просто беспочвенными. Это все.

Дамодара снова махнул рукой. После этого жеста рука потянулась в печенью.

— Нет доказательств,— сделал вывод Дамодара.— Ничего существенного. Ничего конкретного.

Довольный, удовлетворенный, самодовольный Дамодара отправил печенье в рот.

— Есть,— сказал Шанга, опустил руку в тунику, достал небольшой кошель, открыл и высыпал содержимое на стол между ними.

Изумруд. Небольшой, но сверкающий.

Дамодара подавился печеньем. Кашляя, протянул руку за чаем и быстро отпил, промывая горло.

— Раджпут,— пробормотал он, ставя чашку на стол. Гневно уставился на изумруд.

Но гневался недолго. Когда Дамодара поднял голову, то снова улыбался.

— Это, как я предполагаю, и есть тот изумруд, который, как ты утверждаешь, Велисарий дал коробейнику? Один из изумрудов из подарка императора?

Шанга напряженно кивнул.

Дамодара рассмеялся.

— Чушь! — Он покачал головой.— Любой раджпут может после одного взгляда оценить меч или коня, но покажи им драгоценный камень...

Несмотря на полноту, Дамодара выбросил вперед руку, словно ящерица бросилась на горячий камень, чтобы схватить насекомое. Изумруд исчез у него в тунике. Он заговорил суровым тоном:

— Сколько подделок! Бесстыдные преступники! По возвращении в Каушамби я сообщу о последней возмутительной находке в соответствующую инстанцию.— Он снова махнул рукой.— В какую требуется. Мне кажется, она называется Ранабхандагарадхикара. Именно она в казначействе занимается подделками. Может, пойду в полицию. В департамент Бхукти — это один из маленьких отделов, спрятанных где-то в Большом Дворце. Работают в нем сонные тупицы.

Возражения короля раджпутов были резко оборваны.

— Дело сделано, Рана Шанга. Закончено. Это все.

Он встал. Шанга встал вместе с ним. Невысокий командующий из малва посмотрел вверх на раджпута. Он не дернулся от взгляда более высокого мужчины.

— Меня зовут Дамодара,— мягко произнес он.— И я пришел к своим выводам.

Все еще не отводя взгляда от гневного взгляда Шанги, Дамодара наклонился и взял еще одно печенье. Засунул в рот.

— Печенье на самом деле великолепное,— сказал он с набитым ртом.— Пожалуйста, поблагодари от меня своего кондитера.

Шанга все еще смотрел гневно. Дамодара вздохнул.

— Рана Шанга, в том, что касается малва, все предельно ясно. Велисарий убежал — вместе со своими людьми — на *юг*. Все импера-

торские курьеры, которые должны были предупредить портовые гарнизоны, попали в засады, устроенные бандитами из маратхи. Поэтому нехороший римский полководец и его сообщники смогли убежать на аксумском корабле, который ждал в гавани. Несомненно, по предварительному сговору. У нас есть четкое описание одного из этих сообщников от морского офицера, которому не удалось остановить корабль. Четкое описание.— Дамодара добавил хододно: — За провал в поимке того корабля морской офицер был казнен. Вместе с командующим гарнизоном Бхаруча.

Шанга фыркнул.

— Обоих посадили на кол,— добавил Дамодара без какого-либо проявления эмоций.— По приказу господина Венандакатры, как только он прибыл в Бхаруч.

С ничего не выражающим лицом Дамодара сообщил:

— После моего возвращения, по моему требованию офицер, командующий подразделением, из которого дезертировал убийца-йетайец, тоже будет казнен. За пренебрежение своими обязанностями.

Он отвернулся.

— Я не стану требовать сажить его на кол. Отрубания головы достаточно.

Лицо Шанги исказилось.

— Это делалось раньше и будет делаться в будущем,— тихо сказал Дамодара.— Не нужно считать эти... жертвоприношения бесцельными убийствами, Рана Шанга. Пожалуйста. Оставь все, как есть.

Он положил руку на предплечье Шанги.

— А теперь у меня есть новость. Меня назначили командующим северной армии на предстоящую персидскую кампанию. Конечно, главнокомандующим всей кампании будет Дживита.

Раджпут холодно посмотрел на него. Отвернулся.

— Я попросил, чтобы большую часть армий раджпутов передали моей армии. Тебя и твою конницу в особенности. Мою просьбу удовлетворили.

Теперь Шанга снова смотрел на Дамодару. Неотрывно.

Дамодара улыбнулся.

— Официально моим главным аргументом был: моей армии больше, чем какой-либо другой, придется действовать на пересеченной местности. Поэтому, говорил я, мне нужна наша лучшая конница.— Он пожал плечами.— Конечно, этот аргумент обоснован сам по себе. И он избавил меня от необходимости объяснять Дживите, что я не разделяю его веры в непобедимость пороха. Лично я хочу, чтобы сталь раджпутов охраняла мои фланги, на спинах хороших раджпутских коней.

Шанга почти улыбнулся. Но не совсем.

Рука Дамодары слегка потрясла предплечье Шанги.

— Ты мне нужен, Рана Шанга. Живой, здоровый и во главе твоего войска,— он опустил руку и отвернулся.— Я сейчас уеду. Я и так достаточно задержал тебя.

Рана Шанга проводил Дамодару во двор. Пока они ждали, когда приведут коня Дамодары, тот тихо сказал последние слова:

— И не надо расстраиваться из-за побега Велисария, Рана Шанга. Оставь это. Пусть будет так. В любом случае мы снова его увидим. Достаточно скоро. А на мой вкус так и слишком скоро. В этом я уверен, как в восходе солнца.

— И я,— пробормотал Шанга после отъезда Дамодары.— Уверен, как в восходе солнца.— На его лице появилась унылая улыбка.— Но, к сожалению, он не так предсказуем.

Шанга повернул назад к дому. Жена и дети уже выбегали из двери, раскрыв объятия. Все остальные эмоции исчезли, он просто радовался их любящим объятиям.

* * *

Неделю спустя на пути назад в Каушамби Дамодара и сопровождающие его лица прибыли к реке Джамне.

Дамодара объявил привал и спешился.

— Мне нужно помочиться,— объявил он солдатам.— Ждите здесь,— приказал, небрежно махнув рукой.— Я вполне способен справиться с этим без вашей помощи.

Добравшись до реки, он прошел несколько футов вдоль берега, в поисках подходящего места. Найдя его, Дамодара занялся делом. Дамодара был практичным человеком. Малва. Он не видел причины не завершить два необходимых дела одновременно.

В конце концов ему в самом деле требовалось помочиться. Во время этого процесса он бросил небольшой изумруд подальше в реку.

* * *

В тот самый момент, когда этот изумруд приземлился на грязное дно реки, торговый корабль причалил в другом месте, через океан. Моряки тут же стали устанавливать трап.

— Вон твой отец,— объявил Гармат. Советник показал пальцем вверх по склону, смотрящему на гавань Асэба. Фигура царя царей маячила наверху крутой каменной лестницы.

Аксумиты не любили грандиозные императорские регалии других царств. На негусе нагасте была простая льняная юбка, только украшенная золотыми нитями. Его массивную грудь не прикрывало ничего, кроме перекинутых крест-накрест кожаных ремней, украшенных

жемчугом. Тяжелый золотой ошейник окружал толстую шею, по пять золотых браслетов блестели на каждой из мускулистых рук. На голове была простая серебряная тиара, украшенная сердоликом, камнем царя царей. Тиара удерживала на месте традиционный фахиолин, головной убор из четырех перевязей, который означал самое важное положение носителя, как царя аксумитов. В правой руке Калеб держал огромное копье, положенное ему по рангу, причем наверху древка красовался огромный крест, в левой — мухобойку. Копье символизировало его благочестие и власть, мухобойка — служение народу.

Ничего больше. Конечно, его собственная фигура впечатляла — широкоплечая, очень мускулистая, с огромным животом. Выглядел он достойно и внушительно. Брови нависали над могучим носом, губы плотно сжаты, тяжелые челюсти крепко стиснуты.

— Он кажется сердитым,— заметил Менандр.

— Он в ярости,— высказал свое мнение Анастасий.— Можно подумать, он уже слышал плохую новость. Его упрямый и своевольный младший сын только что ввязал его в войну с самой могущественной в мире империей.

— Конечно слышал! — радостно воскликнул Усанас.— Взгляните на того, кто рядом с ним! Вон он — самый быстрый в мире поставщик плохих новостей. Самый хитрый вестник в мире!

Велисарий. Теперь он стоял рядом с царем. Улыбался своей хитрой улыбкой.

— Черт побери,— пробормотал Валентин.— Лучше буду смотреть на гневный взгляд царя, чем на эту улыбку. Когда угодно.— Он вздохнул.— Предстоят возбуждающие авантюры.

Глава 23

Константинополь
Зима 530 года н. э.

Через пять минут после начала встречи с Балбаном Антонина знала, что что-то не так. Начальник шпионской сети малва недостаточно внимательно ее слушал.

Да, он слушал. Всем, кроме Антонины, Балбан показался бы идеалом внимательности. Он сидел на краешке стула — на самом деле словно как на жердочке — склонился вперед, зажал руки коленями. Глаза его уставились на женщину, сидевшую напротив в небольшой комнатке. Он молчал, очевидно погрузившись в информацию, которую ему передавала Антонина.

Только информация сама по себе гарантировала бы его интерес, даже если бы ее не передавала красивая женщина. Начальник шпион-

ской сети малва узнавал все детали о всех перемещениях или планируемых передвижениях всех римских воинских подразделений какого-либо значения в Сирии, Леванте и Египте[1]. Для человека, который стоял в самом центре заговора по сбрасыванию римского императора — заговора, который наконец подходил к решающей стадии,— такая информация фактически бесценна.

И прекрасная информация — во всех отношениях. Прекрасная не только благодаря тому факту, что она ему предоставлялась, но и прекрасная сама по себе. Суть отчета Антонины состояла в том, что ни одно римское воинское подразделение из огромных южных и восточных провинций не сможет прибыть в Константинополь вовремя, чтобы предотвратить планируемый переворот.

Но Балбан не обращал внимания. По крайней мере на информацию. На мгновение Антонина задумалась над причиной безразличия Балбана. Он в курсе, что все ее слова — ложь? На самом деле Феодора несколько недель назад отправила сообщение в Дарас о том, что заговор подходит к завершающей стадии. Гренадеры Антонины находились в Константинополе уже десять дней, переодетые семьями пилигримов. Их вместе с фракийскими катафрактами перевезли несколько быстроходных судов. Подразделения из армий Ситтаса и Гермогена прибыли только в предыдущий день на более медленных кораблях для перевозки зерна. Они до сих пор прятались в трюмах этих кораблей, стоявших на якоре в порту Цезаря.

Но Антонина практически сразу же отмахнулась от такой возможности. Она не чувствовала враждебности Балбана, ни следа — а она должна была бы присутствовать, если бы начальник шпионской сети подозревал Антонину.

Нет, дело только в том, что по какой-то причине Балбана не интересует информация. Он не не верил, но и не верил. Ему просто все равно.

Его интересовала она сама — точно так же, как и почти любого другого мужчину, который оказывался в ее обществе. Лишь немногие знакомые Антонине мужчины были способны проигнорировать ее красоту. Это просто факт жизни. Но кроме этого — ничего.

Антонина похолодела до костей. Она догадалась, что происходит. И что планируется.

«Они собираются убить меня».

Если бы Балбан знал, как точно Антонина все поняла, то поразился бы до глубины души. Начальник шпионской сети малва являлся мастером своего дела. Он готов был поклясться, что никто не смог бы обнаружить след убийственных намерений в его идеально поддерживаемой позе.

---

[1] Левант — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря. В узком смысле — Сирия и Ливан.

И на самом деле почти никто в мире не смог бы. За исключением женщины, которая в молодости была одной из самых эксклюзивных куртизанок во всей Римской империи.

Антонина, в отличие от Балбана, не являлась экспертом в вопросах шпионажа и наемных убийств. Но она была экспертом — на самом деле одним из лучших в мире экспертов — по вопросу мужчин и их настроений. Ее успех куртизанки, конечно, частично объяснялся ее физической красотой. Но красивых женщин много. Большим талантом Антонины была ее способность поддерживать в мужчине заинтересованность. Не только в ее красоте, но и в удовольствии от ее общества.

За долгие годы она научилась распознавать сигналы тревоги. Раньше или позже — до того как она встретила Велисария — мужчины, которые искали ее общество, теряли интерес. Необязательно в ней. У них вполне могло оставаться сильное желание к ее телу. Но они теряли интерес к ее обществу.

Антонина всегда могла сказать, когда наступал такой момент. И она всегда сразу же разрывала отношения. Или по крайней мере как только могла это сделать красиво.

Ее отношения с Балбаном никогда не имели оттенка сексуальности. Ни в какой степени. Но с ним тоже настал момент.

За то короткое время, которое ей потребовалось, чтобы закончить отчет, Антонина быстро оценила возможные варианты выбора.

Они не станут убивать ее в доме Балбана. В этом она не сомневалась. Малва всегда прилагали усилия, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания в Константинополе. Даже Ирина, со всем ее опытом, навыками и обширными ресурсами, которые передала в ее распоряжение Феодора, обнаружила местонахождение военной базы малва только несколько дней назад. Балбану удалось контрабандным путем ввезти несколько сотен элитных индийских солдат в римскую столицу и держать их в укрытии несколько недель так, что об их существовании не знали.

Такой человек не станет рисковать привлечением к себе внимания, когда до начала решительных действий остается совсем немного времени.

Антонина также не думала, что он станет пользоваться услугами Аджатасутры или какого-то другого агента малва. Всегда оставался риск, что, если покушение на нее провалится, таких агентов смогут поймать и проследить их связь с ним.

Ее убьют римские головорезы, которых для этого дела наймут через посредников.

На протяжении последних нескольких дней улицы Константинополя все более и более наполнялись людьми. Банды с ипподрома, которым малва давали взятки, с каждым часом становились все наглее и увереннее. Банды Голубых и Зеленых свободно и безнаказанно орудовали,

нарушая спокойствие в столице. Воинские подразделения, расквартированные в Константинополе, отправились в свои казармы — точно, как предсказывала Ирина несколько месяцев назад. Командующие этими подразделениями предчувствовали предстоящий переворот и намеревались отсидеться в стороне, пока не будет известен результат.

Антонина не сомневалась в плане малва.

Дело уже близилось к вечеру. К тому времени, как она покинет дом Балбана, спустятся сумерки. В соответствии с полученными указаниями, она пришла сюда одна по той же дороге, которой всегда пользовалась. По пути назад на нее нападет банда уличных головорезов. Не ближе чем в трех кварталах отсюда, не дальше чем в шести. Нападение произойдет у пустующего здания или еще в каком-то уединенном месте. Ее утащат с улицы. Затем ее обворуют, вероятно изнасилуют и убьют. Когда ее тело найдут — а это может случиться только через несколько дней,— преступление назовут неудачным эпизодом во время всеобщего хаоса.

Ей с трудом удалось не вздохнуть с облегчением.

Против профессиональных наемных убийц типа Аджатасутры ей, вероятно, не потянуть. Но она думала, что в состоянии справиться с уличными бандитами.

В большей или меньшей степени Антонина теперь успокоилась, поэтому без труда пережила последние несколько минут встречи с Балбаном. Самой большой проблемой для нее было сдерживать нетерпение во время долгого обмена любезностями с Балбаном. Предстоял исключительно опасный час, но Антонина относилась к людям, которые хотят просто побыстрее покончить с проблемами.

Как только стало возможным, Антонина встала и направилась к выходу. Балбан проводил ее до двери. По пути они встретились в коридоре с Аджатасутрой. Антонина мило улыбнулась ему и прошла мимо, даже не вздрогнув. Это было нелегко, но в конце концов она все-таки могла ошибиться.

Но Аджатасутра не сделал ничего, кроме как кивнул ей в ответ с вежливой улыбкой.

Балбан открыл дверь и произнес несколько последних вежливых слов. Антонина пересекла двор к открытым воротам, которые вели на улицу. Даже до того, как она прошла сквозь ворота, услышала, как дверь за ней закрылась.

Балбан покачал головой и отвернулся от двери. К его удивлению, Аджатасутра все еще стоял в коридоре.

— Жаль,— вздохнул Балбан.— Такая красивая...

— Она знает,— прошипел Аджатасутра.

Балбан моргнул.

— Что?

— Она знает,— повторил наемный убийца.

Балбан нахмурился.

— Почему ты это говоришь? Я не заметил знаков, что у нее возникли какие-то подозрения.

Он посмотрел на Аджатасутру.

— И только сейчас она спокойно прошла мимо тебя, практически не обратив никакого внимания.

— В этом-то и дело,— возразил наемный убийца.— Эта женщина не глупа, Балбан. Она точно знает, кто я. Чем я занимаюсь. Все другие разы, когда я оказывался рядом, она всегда очень внимательно за мной следила. Украдкой, но...— В смятении он пытался подобрать слова.— Я говорю тебе: она *знает*.

Балбан колебался. Повернул голову, посмотрел на дверь. На мгновение почти показалось, что он снова откроет ее. Но этот момент быстро прошел. Затем, когда Аджатасутра стал сам приближаться к двери, Балбан остановил его, положив руку на плечо.

Начальник шпионской сети покачал головой.

— Думаю, тебе это кажется, Аджатасутра. Но даже если и нет, то мы ничего не можем сделать.

Балбан нахмурился.

— В любом случае я думаю, что приказы Нанды Лала были острой реакцией на случившееся. Последнее, что я собираюсь сделать — сейчас из всех случаев! — это рисковать, обнаруживая себя.

Балбан пошел по коридору, все еще держа Аджатасутру за предплечье.

— Кроме того, какая разница, даже если она и знает? — добавил он.— Она — просто женщина, Аджатасутра. И к тому же — маленькая женщина.— Балбан улыбнулся и сказал весело: — Овца часто знает, что находится в опасности, когда ее окружает стая волков. И какая польза от этого овце?

Аджатасутра сбросил его руку. Резко остановился и заставил Балбана посмотреть на него.

— Она не овца, Балбан,— твердо заявил наемный убийца.— Она выросла на улицах Александрии. Самых жестких улицах в Римской империи. Ее отец был возничим на колеснице — одним из самых жестких людей, которых ты когда-либо встретишь. И ее муж не только великий полководец, но также и великий мастер по обращению с мечом. А те бандиты, которых ты нанял,— не «волки». Они — свора паршивых уличных псов.

— Достаточно! — рявкнул Балбан.— Я принял решение.

Он широкими шагами пошел прочь. Аджатасутра остался один, стоял в коридоре, уставившись на дверь. Он стоял там, молча и не двигаясь, целую минуту. Затем легко улыбнулся и прошептал:

— Удачи, *волки*. Вам она потребуется.

* * *

Антонина шагала по улице в том же направлении, которым всегда пользовалась, до тех пор пока не отошла на достаточное расстояние от дома Балбана, чтобы оказаться вне поля зрения. К этому времени она уже миновала два квартала и знала, что засада где-то поблизости.

У следующего перекрестка Антонина резко свернула вправо и быстро пошла по узкой боковой улочке. За спиной услышала легкие шаги. Судя по звукам, несколько человек в квартале от нее внезапно начали движение.

Она побежала.

Улица была чуть больше узкого переулка. Антонина ее не знала. Но она раньше замечала — в те разы, когда проходила мимо,— что на этой улочке расположен ряд небольших пекарен и кондитерских, которые обеспечивали Константинополь свежим хлебом и сладостями.

Антонина пробежала мимо трех маленьких магазинчиков. Слишком маленьких. Ей требовался большой магазин с большой кухней.

У четвертого она остановилась. Колебалась. Почувствовала густой сильный запах мясного бульона.

«Может быть».

Она услышала, как к ней приближаются шаги.

«Должно сойти».

Антонина вошла в дверь магазинчика. Магазинчик оказался маленьким — не более десяти квадратных футов — и полностью пустым, за исключением небольшого прилавка, на котором были выставлены образцы продукции. Увидев, что это пирожки с мясом, Антонина вздохнула с облегчением.

Женщина средних лет — Антонина предположила, что это жена владельца магазинчика — приблизилась к Антонине и стала говорить любезности. Антонина не уловила слов.

— Вы готовите мясной бульон? — спросила она.

Женщина нахмурилась от удивления, затем начала кивать. Антонина схватила женщину за запястье и потащила ее к двери на противоположной стене. Женщина начала возмущаться и яростно сопротивляться. Но абсолютно безрезультатно, несмотря на плотное телосложение и довольно высокий рост. Антонина для своих размеров и так была очень сильной женщиной, а тут еще полна безжалостной целеустремленности.

Антонина плечом открыла дверь, толкнула женщину внутрь, последовав за ней мгновение спустя. Перед тем как закрыть дверь, бросила взгляд на вход в магазинчик. Входная дверь все еще оставалась закрыта. Антонина подумала, что ее преследователи не видели, как она вошла в магазинчик.

«Хорошо. У меня есть немного времени».

Он повернулась и посмотрела на женщину, которую теперь трясло от ярости. Рядом с женщиной стоял муж. Он гневно смотрел на Антонину, держа в руке металлическую поварешку. Держал почти угрожающе.

— Заткнитесь! — рявкнула Антонина.— У вашей двери люди, которые пытаются меня убить! Они и вас убьют!

Рот женщины захлопнулся. Мгновение спустя открылся заново.

— Убирайся вон! Убирайся вон! — завизжала она.

Муж с опаской шагнул вперед, поднимая поварешку.

У стены кухни рядом с дверью стоял большой стол. Антонина высыпала на него содержимое кошелька. Получилась небольшая кучка золотых монет вместе с небольшим кинжалом.

Вначале взгляды мужчины и женщины были прикованы к монетам. Потом к кинжалу в руке Антонины.

— У вас простой выбор,— прошипела Антонина.— Вы можете взять деньги — считайте их платой за пользование вашей кухней — или кинжал. В ваши мерзкие животы.

Владелец магазинчика и жена смотрели на нее выпученными глазами.

Антонина подняла кинжал. Лицо жены, наблюдавшей за острым как бритва кинжалом, слегка побледнело.

Лицо мужа побледнего гораздо сильнее.

Он был полным человеком средних лет. Но в молодости вел несколько сомнительный образ жизни. На него не произвел особого впечатления маленький, пусть и острый кинжал Антонины. Мужчина был профессиональным поваром. У него имелось несколько ножей, таких же острых и гораздо большего размера.

Но он узнал хватку. Легкий, уверенный способ держать кинжал.

— Заткнись, женщина! — рявкнул он на жену.— Бери деньги и иди наверх.

Жена нахмурилась, глядя на мужа. Владелец магазинчика пригрозил ей поварешкой. Антонина отступила от стола, освобождая место. Жена хозяина магазинчика поспешила к столу, боязливо поглядывая на Антонину. Затем, собрав монеты, фактически пробежала расстояние до небольшой дверцы в дальнем углу кухни. Мгновение спустя Антонина услышала, как она взбегает по лестнице в жилые помещения наверху.

Ее муж стал пятиться к той же двери.

— Не ходи наверх,— пробормотал он.— Я не собираюсь ни во что ввязываться. И так все это — полное сумасшествие.

— Просто запри дверь и оставайся наверху. Но перед тем как уйти, скажи: где у тебя мука? И ножи?

Владелец магазинчика показал поварешкой на стенной шкаф.

— Мука там. И ножи тоже.

— Хорошо. Оставь мне поварешку.

Он нахмурился, посмотрел на поварешку, пожал плечами.

— Куда ее положить?

Антонина кивнула на большой котел на плите. Владелец магазинчика поспешно опустил поварешку в кипящий бульон и быстро покинул кухню.

Антонина шагнула к двери, которая вела непосредственно в магазин, и приложила к ней ухо.

«Хорошо. Они еще не нашли магазин».

Она бросилась к шкафу и раскрыла дверцы. Мгновение колебалась между бочонком с мукой и висящими на стене ножами.

«Вначале ножи».

Антонина схватила четыре ножа, по два в каждую руку и отнесла к верстаку рядом с плитой. Быстро взвесила их в руке. Один, как она решила, подходит. Этот и ее собственный маленький кинжал Антонина положила на край верстака, лезвиями к себе. Три других — гораздо больших, один из них фактически мясницкий нож — положила после них, развернув рукоятками.

Потом поспешила назад к стенному шкафу и схватила с полки небольшую кружку. Затем открыла крышку бочонка и опустила кружку в муку. Мгновение спустя, оставляя кругом следы, высыпала муку в котел. Быстро поварешкой помешала бульон с мукой.

Антонина практически плясала от нетерпения. Но не смела слишком быстро добавить еще муку. Ей требовалось время, чтобы бульон опять стал таким же горячим.

Когда жидкость начала пузыриться, Антонина поспешила назад к шкафу. Еще муки. В котел. Помешать. Подождать. Подождать.

Снова.

«Этого достаточно»,— решила Антонина. Теперь бульон стал густой вязкой массой. Не более чем через минуту она опять начнет пузыриться.

Она огляделась вокруг. На крючках увидела толстые влажные тряпки, которыми владелец магазинчика брал котел. Антонина обернула ладони этими тряпками и взяла в руки котел. Заворчала от напряжения — это был большой котел, заполненный на три четверти.

«Да. Едва. Но — да».

Она снова поставила котел на плиту, оставив тряпки рядом. Затем подбежала к двери и закрыла ее на задвижку. На мгновение думала приставить что-то к двери, но отказалась от этой мысли.

«Лучше так. Я не хочу, чтобы они слишком перенапрягались, пытаясь ворваться внутрь. Просто чтобы немного потрудились. Задвижки для этого достаточно».

Она шагнула к столу, на который высыпала монеты, и перетащила его на середину кухни. Затем присела на корточки, прислонилась плечом к краю стола и опустила его на бок. Это был крепкий деревянный стол, большой и тяжелый, поэтому он с грохотом упал на пол.

Наверху закричала жена хозяина магазина.

«Черт тебя подери!»

Наконец донесся голос с улицы:

— Здесь!

Антонина услышала, как резко распахнулась входная дверь. Затем звук шагов нескольких мужчин, врывающихся в магазин.

Теперь кричали громче:

— Здесь!

Она увидела, как шелохнулась ведущая в кухню дверь. Кто-то пытался ее открыть. Задвижка задрожала.

— Она здесь! — крикнул кто-то очень громко.

Антонина шагнула к плите. Снова обернула влажными тряпками ладони и схватилась за котел. Стояла неподвижно, глядя через плечо. Наблюдала за дверью. Глухой удар. Дверь затрещала. Задвижка тоже трещала, но пока держала.

— Не мешать! — крикнули очень громко.

Громоподобные шаги.

Удар!

Задвижка отлетела. Дверь распахнулась. Огромное тело, затем еще одно ворвались в кухню. За ними следовали еще трое. Все были одеты в грубые одежды уличных бандитов и все держали в руках дубинки.

Первый мужчина, который объявил себя бревном для пробивания дверей, потерял равновесие в процессе. Он врезался в перевернутый стол в середине кухни и отлетел назад, наполовину распластавшись на полу. Тот, кто бежал за ним, врезался в него и упал на колени, сам перегнувшись через стол.

Трое мужчин, бежавших за вторым, добавились в кучу-малу.

Пять человек перемешались в кучу и не могли предпринять никаких действий.

Антонина схватила котел и опрокинула содержимое на бандитов.

Несколько галлонов кипящего, густого мясного бульона с мукой вылились на потенциальных убийц.

Комнату наполнили крики боли. Наполовину обезумевшие от боли и страха, пять мужчин в кухне стали терзать собственную плоть, суматошно пытаясь стряхнуть обжигающий бульон.

Не смогли. Не смогли! Из-за муки бульон прилипал к коже.

Антонина проигнорировала их. В первом помещении магазинчика оставались другие. Двое застыли в дверном проеме, широко открытыми глазами наблюдая за сценой.

Антонина легко развернулась и схватила свой маленький кинжал. Он, как она знала, идеально сбалансирован.

Опять развернулась, теперь резко.

«Отец, мне сейчас нужна твоя помощь!»

Возничий на колеснице не представлял собой ничего особенного, но он обучил дочь пользоваться ножом.

Очень хорошо обучил.

Маленький кинжал перелетел через комнату и глубоко вошел в горло человеку, стоявшему в дверном проеме справа.

Его глаза выпучились. Он выплюнул кровь. Схватился за рукоятку. Попытался выдернуть. Не смог. Упал на колени. Умер.

К тому времени, как стоявший с ним рядом мужчина понял, что случилось, было слишком поздно. Через кухню пролетел еще один нож.

Однако не в горло. Этот нож был не таким легким, как ее собственный маленький кинжал, поэтому Антонина выбрала другую, более надежную цель. Тяжелый нож вошел на четыре дюйма в грудь бандита, прямо в сердце.

Антонина схватила мясницкий нож. Два мертвых тела в дверном проеме заставят других нападающих задержаться на несколько секунд. Достаточно времени.

Она прыгнула вперед к углу перевернутого стола и принялась резать людей на другой стороне стола.

Фигурально. Ее удары ножом были короткими, резкими движениями опытного мясника, разрубающего тушу. Никаких драматических замахов, безумных ударов, выставления напоказ.

Просто короткие, прямые удары. Тяжелым, острым как бритва мясницким ножом.

Удар. Удар. Удар. Удар.

Отлетел нос. Пальцы руки, прижатой к лицу. Еще один нос и большая часть верхней губы. Ухо и половина щеки.

Назад, быстро. Удар. Удар. Удар. Пальцы упали на пол. Кисть зависла в воздухе, наполовину отрубленная. Кровь залила лицо, из которого торчали кости.

Снова назад, быстро. Люди, валяющиеся кучей у стола, теперь превратились в беспомощную визжащую кучу. Это были овцы, наполовину парализованные от ожогов третьей степени и отрубания частей тела.

Удар. Удар. Удар.

Теперь крики были смертельными. Руки с отрубленными кистями и ампутированные пальцы больше не могли защищать шеи. Антонина метила в сонные артерии и попала по двум из трех. Третий тоже умрет, но более медленно, после разрезания яремной вены.

Она мгновенно промокла от крови. Антонина склонялась в брызжущие струи, как ребенок может склониться в фонтан, и ударила по двум

остающимся с другой стороны стола мужчинам. Они оба с помутившимся от шока и агонии сознанием пытались отползти от кошмара.

Одному удалось, и он получил только удар по лопатке. Другой свалился замертво. Антонина врезала ему аккурат по шее сзади, разрубив позвоночник.

Единственный выживший с воплем от страха и боли на коленях и руках вылетел из двери. Вернее, одной руке. На левой не осталось пальцев. Момент, с точки зрения Антонины, был идеальным. Остававшиеся в первом помещении бандиты наконец смогли оттащить загораживающих дверь двух убитых. Двое из них ворвались внутрь для того, чтобы споткнуться о бандита, ползущего к ним.

Одному удалось устоять на ногах, но он врезался в косяк. Другой поскользнулся и свалился на груду тел в центре кухни. Вытянул вперед руки, когда падал, и смог схватиться за углы стола.

На мгновение бандит уставился на Антонину.

Ее лицо было последним, что он увидел. Если не считать огромный мясницкий нож, который опустился на его собственное и уничтожил его. Нож врезался ему в лоб и пошел вниз, управляемый яростью Антонины. Лезвие срезало его брови, вырезало глаза, снесло нос, обе губы и подбородок.

Затем Антонина допустила свою первую ошибку. К этому времени — а с начала сражения прошло около тридцати секунд — она уже пришла в неописуемую ярость. Она отбросила ногой отрезанное лицо, подняла нож и напополам разрубила голову врага. Удар оказался таким сильным, что нож застрял в черепе.

Антонина яростно потянула за рукоятку. Дернула. Еще раз дернула.

Застрял.

Она подняла глаза. Опершийся о косяк бандит уставился на нее. На мгновение глаза мужчины просто округлились от шока. Челюсть отвисла.

Затем, увидев, в какое положение попала Антонина, бандит внезапно победно закричал и прыгнул к ней. Обежал груду тел и перевернутый стол, пробираясь к задней части маленькой кухни.

— Сюда, ребята! — заорал он.— Я поймал суку в капкан!

Он победно махал дубиной.

Антонина попятилась к плите и схватила оба оставшихся ножа. Приготовила один к броску. Держала его за лезвие и сделала бросательное движение. Размахивавший дубиной парень перед нею отпрыгнул назад, пытаясь уклониться от ножа.

Но это был обманный маневр. Антонина чуть-чуть развернулась и бросила нож в другого бандита, как раз заходящего в дверь.

Однако этот нож оказался слишком тяжелым для хорошего броска. Бандит взвыл от боли — нож сильно порезал ему грудь — и шатаясь

убрался из поля зрения. Но Антонина знала, что он в состоянии продолжать участвовать в драке.

В отчаянии она повернулась к непосредственному противнику.

«Я не думала, что их будет так много».

Антонина отбросила все отчаяние. Она не ожидала выжить, но намеревалась дорого продать свою жизнь.

Из первого помещения до Антонины донеслись внезапные крики. Победные, предполагала она, но проигнорировала их. Ее внимание полностью сконцентрировалось на нападавшем в кухне.

Бандит перед ней приплясывал, продвигаясь то вперед, то назад, рычал и размахивал дубиной. Несмотря на всю его браваду, Антонина поняла: он также очень испуган. Она ведь в самом деле прикончила нескольких его товарищей. И как и владелец магазинчика до него, уличный головорез понял: она умеет держать в руке нож.

Он склонил голову набок, не отводя от нее взгляда.

— Идите сюда! — заорал он.— Черт вас побери! Я поймал ее в капкан!

Антонина шагнула вперед. Ее нож мелькал в руке, она делала обманные движения, словно примериваясь к удару. Бандит прижался спиной к стене, неистово размахивая дубиной. Антонина держалась на расстоянии, ожидая возможности.

Бандит снова закричал.

— Чего вы ждете, черт вас побери?!

Ему от двери ответил холодный голос:

— Они ждут Сатану.

Антонина резко вдохнула воздух. Ее взгляд повернулся к двери. Она зашаталась и припала к противоположной стене, чуть не упав от облегчения.

Глаза бандита последовали за направлением ее взгляда. Мгновение спустя он побелел.

Маврикий вошел в кухню. Его шлем заливала кровь. С замаранных кровью доспехов соскользнул кусок мозгов. С меча в правой руке капала кровь. Его лицо было забрызгано кровью. Кровь капала с седой бороды.

Для всех он скорее выглядел не человеком, а машиной для убийства. Чем-то из железа, не плоти. Его глаза тоже были серыми. На его покрытом кровью и всякой мерзостью лице они казались двумя заклепками.

Маврикий обошел груду тел и перевернутый стол в центре кухни. Он шел расслабленной походкой, почти легкой, словно прогуливался по саду.

Зашипев от ужаса, бандит попятился в дальний угол кухни, к двери, которая вела к комнатам наверху. Нащупал рукой дверную ручку и стал неистово ее дергать.

Бесполезно. Владелец магазинчика запер дверь с другой стороны.

Теперь бандит закричал от ужаса и ярости. Маврикий полностью проигнорировал звук. Он приближался, пока не оказался почти в радиусе действия меча. Бандит в отчаянии замахнулся дубиной. Попытался нанести удар. Не хватало половины фута. Маврикий даже не потрудился увернуться.

Гектонтарх слегка повернул голову. Достаточно, чтобы спросить Антонину:

— Ты что-нибудь хочешь узнать у этого куска дерьма?

Антонина покачала головой. Затем, поняв, что Маврикий ее не видит, ответила:

— Нет. Он ничего не знает.

— И я так думаю,— проворчал Маврикий.

Бандит снова замахнулся дубиной. На этот раз Маврикий встретил удар молниеносным ударом меча. Дубина развалилась пополам. Остатки вывалились из руки бандита. Он был в шоке.

Бандит резко глотнул воздух. Снова глотнул, когда увидел, как его рука отлетает после следующего удара меча. Снова глотнул — то есть попытался,— наблюдая, как меч движется к его левому виску. В последнем отчаянном жесте бандит попытался вскинуть левую руку, чтобы защититься от удара.

Меч отрезал ему руку до того, как снести полголовы. Бандит свалился на колени, как зарезанный вол.

Маврикий заворчал, поворачивая меч сильной кистью, затем высвободил его из черепа врага. Тело бандита рухнуло на пол.

— Кто-нибудь остался? — прошептала Антонина.

Смешок катафракта был полностью лишен юмора.

— Не дури, девочка.

Маврикий обвел взглядом кухню. Вначале холодным, мрачным. Но к тому времени, как серые глаза добрались до Антонины, они стали веселыми.

— Хотел бы я познакомиться с твоим батей,— сказал он.— Наверное, был классным мужиком.

Антонина легкомысленно засмеялась.

— Он был полным негодяем, Маврикий! Бесполезным лоботрясом!

Затем она разразилась слезами и соскользнула вдоль стены, села на корточки у нее. Приложила тыльную сторону руки, в которой все еще оставался нож, ко рту, размазывая по лицу кровь.

Вдохнула воздух, попыталась заглушить рыдания, все-таки разрыдалась.

Прошептала:

— Спасибо, папа. О, спасибо.

Глава 24

— Хватит со мной нянчиться! — рявкнула Антонина.— Говорю тебе: со мной все в порядке.

Начальница шпионской сети покачала головой. Лицо Ирины побледнело и осунулось. Она уже много дней сидела в уединении в покоях Феодоры и узнала о попытке убийства подруги только на следующее утро. Ирина тут же приехала в дом Антонины в пригороде.

Антонина отправилась к шкафу и начала вытаскивать чистую одежду. Одежду, которая была на ней, когда они с Маврикием вернулись в дом прошлым вечером, уже уничтожили. Оказалось невозможно оттереть ее от крови и прочей грязи.

— Надень теплый плащ,— сказала Ирина.— На улице прохладно.— Затем добавила мрачно: — Я не должна была соглашаться отпускать тебя одну.

Антонина уперла руки в боки и уставилась на подругу.

— В первую очередь решала не ты, а я,— указала она.— Я всегда раньше одна ходила на эти встречи. На этом настаивал Балбан.

Ирина вытерла лицо дрожащей рукой.

— Знаю. Тем не менее... Боже, тебя чуть не убили!

Антонина пожала плечами. Затем надела тунику. Ее приглушенный голос донесся из-под простого одеяния, которое носили представители почти всех сословий.

— Но ведь не убили же. И дело сделано. Поэтому хватит суетиться. Кроме того...— Ее лицо показалось в вороте, Антонина широко улыбалась.— Это было лучшей новостью — в некотором роде — за несколько месяцев. Ты ведь понимаешь, что означает эта попытка покушения?

Ирина нахмурилась. Антонина рассмеялась.

— Предполагается, что начальница шпионской сети у нас ты, Ирина. Поэтому начинай для разнообразия обрабатывать информацию и прекрати со мной нянчиться, словно я — твой маленький ребенок.

Ирина все еще хмурилась.

— Думай, женщина. Почему малва решили меня убить? Сейчас из всех случаев?

Глаза Ирины округлились. Она прижала пальцы ко рту.

— Велисарий!

Антонина улыбнулась.

— Вот именно. Балбан явно получил новые приказы из Индии. А это означает: мой дорогой муж сделал что-то, что привело малва в полную ярость. И это также означает, что он убежал от их когтей.

— Конечно,— прошипела Ирина. Начальница шпионской сети начала медленно ходить из угла в угол.— Если бы они до него добра-

лись, то имели бы гораздо более сильное средство давления на тебя, чем то, которое они использовали до этого. Это означает, что раньше или позже Велисарий вернется в Константинополь. Когда, как ты думаешь?

Антонина пожала плечами.

— Откуда мне знать? Мы не представляем, каким путем он выбирается из Индии. Скорее всего, он вернется на корабле в Аксумское царство. Если так, то там его встретят Ашот и его люди.

Антонина направилась к двери.

— Ашот получил очень четкие указания,— добавила по пути.— Они поплывут по Красному морю, выйдут в Нил, по реке пройдут до Александрии. Там будет стоять корабль, который доставит их прямо в Константинополь.

В коридоре Антонина широкими шагами быстро пошла к входной двери.

— Он могут появиться почти в любую минуту. Или не появиться неделями.

За ее спиной Ирина скорчила гримасу.

— Хотелось бы, чтобы мы знали, когда. Это бы...

Антонина отмахнулась от мысли.

— Даже не думай об этом, Ирина! Мы не должны строить никаких планов, основываясь на возвращении моего мужа. Мы можем только рваться вперед. Кстати, а все ли гранаты прибыли?

Они достигли прихожей. Там их ждал Маврикий. Как и Антонина, он переоделся. Но шлем и доспехи оставались теми же, которые были на нем во время столкновения. Он просто их почистил. Та кухня стала далеко не первым местом сражения у Маврикия. Новые пятна потерялись среди старых следов.

Маврикий ответил на вопрос.

— Да. И их уже отвезли в монастырь.

— Тогда пошли,— сказала Антонина.

Маврикий открыл дверь. Антонина вышла во двор, слегка задрожала от холода декабрьского утра. Затем, увидев во дворе и на прилегающих улицах катафрактов на лошадях, остановилась. Быстро их подсчитала. Развернулась.

— Где остальные катафракты, Маврикий? — спросила она.— Здесь не больше сотни.

Маврикий сжал челюсти.

— Остальные в настоящий момент заняты. Но они вскоре к нам присоединятся. Они встретятся с нами в монастыре, когда закончат свои дела.

Антонина подозрительно на него посмотрела.

— Заняты? Делами? Какими?

Лицо гектонтарха напоминало камень.

— А ты как думаешь, девочка?

— О, нет,— прошептала Антонина.

Ирина зашипела.

— Маврикий! Ты что? Это будет сигналом для малва. Они узнают...

— Мне плевать на то, что знают малва! — рявкнул Маврикий. И гневно посмотрел на обеих женщин.— Я не шпион,— заявил он.— И не интриган. Я — командующий букелляриями полководца, и они,— он показал пальцем на сидящих на конях фракийцев,— катафракты моего начальника.

Он широким шагом отправился к своему коню и взялся за удила.

— Если какая-то вонючая свинья думает, что может пытаться тебя убить — без последствий,— то этот сукин сын сильно ошибается.

Он запрыгнул в седло и сверху вниз гневно уставился на Антонину и Ирину. Как статуя. Неподвижная статуя.

Антонина выдохнула воздух. Затем вздохнула и отправилась к своей лошади.

Менее чем через минуту они с Ириной выехали сквозь ворота дома. На улице женщин окружила сотня катафрактов. Маленькая армия начала путь к внутренней части города.

Через некоторое время Ирина пробормотала:

— О, хорошо. Вероятно, Балбан не думает, что ты все еще работаешь на него.

Антонина рассмеялась.

— Считаешь, у него зародятся подозрения? Когда двести катафрактов разрывают его усадьбу на части вокруг него?

* * *

Балбан налил чай в чашку Нарсеса. Евнух немедленно с признательностью отпил из нее.

— Спасибо,— поблагодарил он.— Как раз то, что нужно холодным утром.

— Но, надеюсь, небо ясное? — спросил Балбан.

Нарсес кивнул:

— О, да.— Он легко улыбнулся.— Если не считать холода, то это — идеальный день для мятежа и восстания. Ни облачка на небе.

— Хорошо,— пробормотал Балбан.— Последнее, что нам нужно,— это плохая погода. Как тебе кажется обстановка в Большом Дворце?

— Я сказал бы, что почти идеальная. Чем сильнее ухудшается положение Юстиниана, тем крепче он держится за Иоанна из Каппадокии и меня.

Нарсес поставил чашку на стол.

— Именно поэтому я пришел сюда. Юстиниан приказал мне оставить Большой Дворец и собрать войска. Поскольку у меня появилась возможность, я подумал, что стоит заглянуть для последнего совещания.— Он хрипло рассмеялся.— Войска. Юстиниан до сих пор не сознает, что у него нет войск, за исключением дворцовой стражи. Все остальные воинские подразделения в столице заперлись по своим казармам, пережидая бурю. Нам даже не потребуется Эгидий с армией Вифинии. Голубых и Зеленых должно быть достаточно.

Балбан кивнул:

— В таком случае нам и совещаться практически не о чем. Банды начнут собираться к полудню. Мои кшатрии захватят ипподром в течение часа. Все, что от нас требуется,— это появиться и надеяться, что Ипатий придет для провозглашения его новым императором,— Балбан нахмурился.

Нарсес фыркнул:

— Он появится. Или если он не придет, то появится Помпей. Конечно, нам придется обеспечить нового императора новыми штанами. Я уверен: оба племянника уже наложили в штаны. Но Ипатий будет там. Амбиции сильнее страха.

Балбан рассмеялся. Затем более серьезно спросил:

— А что там с Феодорой?

Нарсес поморщился.

— Это — единственная небольшая проблема. Она знает обо всем, Балбан,— я уверен в этом. Ее новая начальница шпионской сети — молодая женщина по имени Ирина Макремболитисса — дьявольски способна. Но Юстиниан жену совсем не слушает,— Нарсес пожал плечами.— А теперь время у него вышло.

Балбан заворчал.

— Тем не менее...— Нарсес колебался, затем снова пожал плечами.— Несомненно, ты прав. К ночи это в любом случае не будет играть роли. Ее труп присоединится к трупу Юстиниана, будут кормить рыб в Мраморном море.

Нарсес сжал губы, борясь с негодованием. Он яростно напомнил себе о своих амбициях. Чтобы скрыть чуства, наклонился вперед и протянул руку к стоящей на столе чашке с чаем.

Рука остановилась. Чашка дрожала.

В небольшую комнатку ворвался Аджатасутра.

— Уходим! — зашипел он.— Немедленно!

Наемный убийца широкими шагами направился к двери в дальней стене. Резко отворил ее и стал поспешно оттаскивать в сторону тяжелый сундук, который стоял на полу в каморке за дверью.

Балбан встал и злобно нахмурился.

— Что ты себе позволяешь?..

Аджатасутра, все еще двигающий тяжелый сундук, повернул голову. Его глаза напоминали горящие угли.

— Если ты, Балбан, хочешь прожить дольше двух минут, помоги мне отодвинуть чертов сундук от потайного хода.

Балбан остался стоять на месте, все еще хмурясь. Нарсес мгновенно встал из-за стола и отправился на помощь Аджатасутре. Несмотря на возраст и небольшой рост, евнух не был слабаком. С его помощью Аджатасутра выдвинул сундук из каморки.

— Ставь к стене,— проворчал наемный убийца.

Мгновение спустя сундук стоял там, где нужно. Аджатасутра запрыгнул в каморку и отвернул дорогой ковер. Затем мгновение возился с половицей, которая казалась неотличимой от всех других на деревянном полу, и открыл дверь потайного хода.

— Лезь,— приказал Нарсесу.

Старый евнух не колебался ни секунды и стал спускаться вниз по лестнице.

На полпути вниз лестница начала дрожать. Нарсес остановился, наполовину высунувшись из проема, и уставился на Балбана. Начальник шпионской сети теперь стоял у ведущей в каморку двери.

Он все еще хмурился — но теперь больше от удивления, чем от злости. Балбан посмотрел вниз, на свои ноги.

— Почему дрожит пол? — спросил он.

Нарсес бросил быстрый взгляд на Аджатасутру. Наемный убийца с трудом сдерживал ярость.

— Матерь Божия,— пробормотал Нарсес. И обратился к Балбану: — Что ты сделал, ты, чертов идиот?

Балбан гневно уставился на него.

— Это тебя не касается, Нарсес! — рявкнул он.

Затем, продолжая хмуриться и глядеть в пол, он снова спросил:

— Почему дрожит пол?

Нарсес фыркнул.

— Как я понимаю, ты никогда не сталкивался с атакой катафрактов в полном вооружении? — спросил он.— Вот что ты чувствуешь, дурак. Несколько сотен тонн приближающейся смерти и разрушения.

Балбан выпучил на него глаза.

— Что ты несешь? Мы в центре Константинополя!

Нарсес вздохнул и посмотрел на Аджатасутру.

— Он приказал убить Антонину,— процедил наемный убийца сквозь стиснутые зубы.

— Прекрасно,— пробормотал Нарсес.— Просто прекрасно.

Евнух опять стал спускаться по лестнице. Очень быстро. Его голос донесся снизу:

— Теперь, Балбан, ты не в Константинополе. Ты во Фракии.

Снаружи донесся грохот удара, потом жуткий треск. Секунду спустя Балбан понял, что это рухнули ворота.

С грохотом и треском.

Крик. Оборвался. Еще. Еще. Еще. Все крики обрывались, но Балбан узнал голоса. Стражники малва. Умирали.

Умерли.

Аджатасутра прыгнул к двери в комнату и уставился вдоль по коридору, ведущему к главному входу в дом. Мгновение спустя оттуда донеслись грохот и треск.

Он запрыгнул назад в комнату и захлопнул дверь.

— Это было копье, которое прошло сквозь входную дверь,— сообщил он.

Балбан больше не колебался. Полез вниз по лестнице за Нарсесом. До того как его голова скрылась внизу, он услышал серию громоподобных звуков. Двери и окна разбивали. К тому времени, как Балбан добрался до небольшого прохода в пятнадцати футах внизу, он уже слышал крики, эхом разносящиеся по всему дому. Резали всех остальных малва, проживавших в доме.

Аджатасутра закрыл дверь каморки, перед тем как сам стал спускаться по лестнице. По мере возможности он попытался натянуть ковер на место, чтобы тот закрыл крышку потайного хода после того, как он ее запрет изнутри.

Когда Аджатасутра добрался до прохода внизу, то нашел двух других. Балбан и Нарсес дожидались его. Балбан зажег небольшой фонарь, который специально держали внизу лестницы.

— Я не знаю дороги,— прошептал начальник шпионской сети.— Я никогда раньше не спускался сюда.

Аджатасутра взял фонарь из его руки.

— Следуйте за мной,— приказал он.— И смотрите, куда ступаете. Мы не стали выравнивать пол. На самом деле я не думал, что нам когда-нибудь придется воспользоваться этим ходом.

После того как трое мужчин преодолели по узкому туннелю примерно сто футов, Нарсес спросил:

— Еще долго, Аджатасутра? Моя обувь не предназначена для таких переходов. И, черт побери, она шелковая! Дорогая.

Аджатасутра мрачно усмехнулся.

— Забудь об обуви, Нарсес. Нам идти еще футов двести. До того как мы доберемся до сливной трубы.

— Великолепно,— пробормотал Нарсес.— Просто великолепно.

Еще через пятьдесят футов он спросил:

— А какие еще гениальные идеи тебя сегодня посетили, Балбан? Ты случайно не прыгал в Босфор, чтобы проверить, мокро ли там? Не глотал раскаленный уголек, чтобы проверить, не сожжет ли он тебе горло? Ты...

— Заткнись! — рявкнул начальник шпионской сети.— Я получил приказ. От самого Нанды Лала.

После этого Нарсес замолчал до тех пор, пока они не добрались до сливной трубы, а потом пробирались по вонючей жиже по меньшей мере еще двести футов. Он стал все сильнее и сильнее отставать. Наконец Аджатасутра вручил фонарь Балбану и отправился назад помогать старому евнуху.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— Мог бы воспользоваться твоим плечом,— проворчал Нарсес.— Чертова труба такая низкая, что мне приходится нагибаться. Спина болит.

Аджатасутра подставил правое плечо под левую руку Нарсеса и стал ему помогать. Евнух повернул голову так, чтобы его губы оказались в нескольких дюймах от уха Аджатасутры.

— Ты понимаешь, что означает этот приказ от Нанды Лала, да? — прошептал старый евнух.

Аджатасутра кивнул, очень легко.

— Да,— ответил он так же шепотом. Затем поднял голову. Фигура Балбана смутно просматривалась впереди футах в тридцати, освещаемая фонарем, который он нес.— Это означает, что ты был прав насчет Велисария,— прошептал наемный убийца.— Значит, он убежал из Индии.

Они прошли еще пятьдесят футов. К этому времени вонючая жидкость промочила их до середины бедра.

Нарсес снова поднес губы к уху Аджатасутры.

— Нас ждет корабль. В Неорионовой гавани бухты Золотой Рог. Ты знаешь, где это?

— Да,— прошептал Аджатасутра.— Почему я?

— Ты — лучший из жалкой кучки. А если мне придется бежать в Индию, мне нужен кто-то, кто бы меня должным образом представил.

Аджатасутра слегка улыбнулся.

— Ты не кажешься полностью уверенным в успехе нашего плана.

Нарсес фыркнул.

— В этом мире нельзя быть ни в чем уверенным, Аджатасутра. Кроме этого, лучше выпустить дьявола из ада, чем упустить Велисария. В особенности после убийства его жены.

— Ее не убили,— пробормотал Аджатасутра.

Увидев, как евнух нахмурился, наемный убийца рассмеялся.

— Я последовал за ней. Конечно, на расстоянии. И ни во что не вмешивался. Судя по доносившимся из того магазинчика звукам, устроила она там нечто, даже до того, как прибыл катафракт. Я ждал, пока он ее не выведет. Антонина оказалась покрыта кровью с головы до ног, но там не было ни капли ее крови.

Нарсес вздохнул.

— Ну, это уже что-то. Велисарий просто покажет невероятную компетентность в смертоносности. Проявит свои идеальные способности — как и обычно. Вместо того чтобы стать самим дьявольским воплощением мести.

Они тащились дальше и дальше. Наконец далеко впереди увидели, как Балбан распрямился и встал прямо. Он наконец добрался до выхода из сливной трубы.

— Быстрее! — услышали они шипение начальника шпионской сети.— Времени мало!

Как раз перед тем, как они добрались до зоны слышимости Балбана, Аджатасутра прошептал:

— Как выглядит корабль?

— Словно он хочет очень быстро покинуть Константинополь,— только ответил евнух.

* * *

Маврикий подождал, пока катафракты не объедут монастырь кругом, перед тем как позволить Антонине и Ирине спешиться. Фракийские катафракты пребывали в мрачном, очень мрачном настроении. Небольшая толпа любопытных, которая начала собираться из ближайших домов, быстро отошла назад под этими взглядами.

— Прекрасно,— пробормотала Антонина.— Просто прекрасно.

Она гневно посмотрела на Маврикия. Гектонтарх спокойно встретился с ее гневным взглядом.

— Вот что получилось из сохранения в тайне местонахождения Когорты Феодоры,— проворчала она.

Маврикий пожал плечами. Показал на юго-запад.

— Посмотри. Время секретов прошло.

Антонина и Ирина развернулись в седле. Они были недалеко от колонны Марциана. Монастырь и прилегающий к нему собор располагались прямо внутри старых стен столицы — стен Константина. От сердца Константинополя, уголка города, в котором находились Большой Дворец и ипподром, их отделяло не более двух миль.

Поблизости от ипподрома две женщины увидели дым, поднимающийся от костров, которые развели собирающиеся Голубые и Зеленые, чтобы погреть своих хулиганов. Они слышали слабый рев толпы, даже на таком расстоянии.

— Как ситуация в Большом Дворце? — спросила Антонина у Ирины.

— Напряженная. Очень напряженная. Юстиниан на сегодня на полдень назначил заседание высшего совета. Однако он все еще слушает Иоанна из Каппадокии, который заверяет его, что большая

часть армейских подразделений будет защищать трон. Поэтому он живет в раю для дураков. Он не понимает, что единственная сила, которая у него есть,— это отряд дворцовой стражи — пятьсот человек — и войска, которые приведем мы.

Ирина повернула голову и посмотрела на юг.

— Ситтас с Гермогеном должны быть в гавани Хормиздаса. Мне лучше сейчас уехать и сказать им, где стоят твои силы.

Антонина кивнула. Маврикий приказал взводу катафрактов сопроводить начальницу шпионской сети.

Внимание Антонины привлек шум.

Толпа гренадеров и их жен высыпала из дверей монастыря и направилась к ней. Все они смотрели на нее, на лицах было написано беспокойство.

— Ты сказал им,— Антонина взглянула на Маврикию.

Маврикий усмехнулся.

— Сказал им? Я отправил сюда утром десять катафрактов, чтобы порадовать их рассказом. Полным рассказом! До последней мрачной, мерзкой, отвратной детали.

Антонина вздохнула от раздражения, Маврикий поставил своего коня рядом с ней. Склонился к ней — весь юмор испарился — и хрипло прошептал:

— Послушай меня, девочка, и хорошо послушай. Теперь ты ввязалась в войну, и ты — командир. Женщина-командир — первая в римской истории, если не считать древние легенды. Тебе нужна вся уверенность, которую ты можешь получить от своих солдат. А им она требуется еще больше, чем тебе.

Антонина уставилась в его серые глаза. Она раньше никогда не замечала, насколько холодными могут быть эти глаза.

— Неужели ты думаешь, что я не воспользуюсь такой возможностью? — спросил он. Затем добавил с хриплым смешком: — Боже, теперь, после того как все закончилось, я почти готов поблагодарить Балбана! Какой подарок он нам сделал!

Маврикий снова прямо сел в седле.

— Антонина, самые суровые из моих катафрактов испытывают благоговение перед тобой. Попав в такую засаду — без оружия, только с одним маленьким кинжалом,— выжил бы, может, один из десяти. И они это знают. Как, ты думаешь, себя чувствуют эти сирийские крестьяне? Теперь? Что они думают о своем командире — маленькой женщине?

Было очевидно, что чувствуют крестьяне. Гренадеры и их жены окружали Антонину, молча глядя на нее снизу вверх. Выражения их лиц читались без труда. Смесь чувств — облегчение от очевидного благополучия Антонины, яростное удовлетворение от ее победы, гордость своим командиром и гордость, что она командует ими.

В большей мере — и это почти пугало Антонину — они испытывали чувство квазирелигиозного восхищения. Простые сирийцы смотрели на нее так, как они могли бы смотреть на живого святого.

Она благословлена милостью Божьей.

Как и предсказывал пророк Михаил.

На мгновение Антонина почувствовала, что сжимается от этой давящей на нее ответственности.

Затем, собрав в кулак огромную силу воли, которая всегда оставалась ее частью, с детства на улицах Александрии, Антонина отбросила все колебания в сторону.

— Со мной все в порядке,— громко заверила она гренадеров.

Она стала спешиваться, но тут же почувствовала, как ей помогает дюжина рук. Те же руки затем понесли ее к собору. Тут же возникли монахи и священники и открыли огромные ворота. Среди них Антонина увидела полную фигуру епископа Антония Александрийского.

Когда ее проносили сквозь двери, она встретилась взглядом с Антонием. Он ответил ей улыбкой, но в глазах читалось беспокойство.

Ее отнесли к алтарю и поставили на ноги. Она повернулась и увидела, как гренадеры и их жены быстро заходят в собор. В течение двух минут огромный собор заполнился. Там стояли все сирийцы. Они молча смотрели на нее.

За много лет до этого мать Антонины немного обучала ее актерскому мастерству. Антонина не пошла по стопам матери, выбрав другую дорогу, хотя такую же неуважаемую, но приносящую гораздо больший доход. Но она все еще помнила уроки. Не скромные таланты матери как трагической актрисы, а ее умение проецировать звук голоса.

Все гренадеры в помещении — как и катафракты, которые к ним присоединились — чуть не подпрыгнули. Такая маленькая женщина и такой сильный, мощный голос!

— Я не буду долго говорить, солдаты. Друзья. И не нужно много говорить. Наши враги собираются. Вы видите их костры. Вы слышите их грубые победные крики. Не бойтесь их. Они — ничто. Ничто. Наемные убийцы. Уличные бандиты. Головорезы. Насильники. Воры. Сутенеры. Мошенники. Ничто. Ничто!

Она сделала паузу, подождала. Гренадеры — вначале один или два — подхватили клич. Вначале тихо. Затем громче и громче.

— Ничто. Ничто!

— Мы превратим их в ничто. Мы отгоним их назад в их сливные трубы.

— Ничто! Ничто!

— Мы загоним их в их норы. Мы последуем за ними в их крысиные норы. Мы будем гнать их, пока они не попросят пощады.

— НИЧТО! НИЧТО!

— Пощады не будет. Для ничтожеств — ничто!

Теперь от криков содрогался сам собор. Антонина показала пальцем на катафрактов. Крики смолкли. Гренадеры слушали ее с полным вниманием.

— У нас простой план. Предатели собирают силы на ипподроме. Мы пойдем туда. Катафракты поведут нас, но мы станем молотом Божьим. Удары нашего молота превратят ничтожество в ничто.

Антонина пошла вперед, по центральному проходу. Гренадеры расступались перед нею, а затем мгновенно смыкали ряды. Она двигалась сквозь небольшое людское море, как корабль под всеми парусами.

Когда она достигла двери, вперед шагнул Антоний Александрийский. На мгновение она обняла старого друга.

— Пусть мне поможет Бог,— прошептала Антонина.

— О, я считаю, Он поможет,— мягко ответил епископ.— Поверь мне в этом, Антонина.— На лице мелькнула улыбка: — Ты знаешь, я ведь довольно известный теолог.

Она ответила на улыбку, поцеловала в щеку и пошла дальше.

К этому времени на улице собралась большая толпа зрителей. Даже гневные взгляды катафрактов не могли отогнать любопытных. Но затем, услышав звук множества приближающихся лошадей — тяжелых, в броне,— толпа отошла назад, прижимаясь к стенам домов и заборам, которое стояли вдоль улицы.

По улице рысью приближались две сотни катафрактов. Оставшиеся фракийские букелларии возвращались после собственного триумфа.

Всадники достигли собора и остановились. Катафракты из первых рядов бросили результат своей мести к ногам Антонины.

Толпа зрителей стала хватать ртом воздух и шипеть, сильнее прижалась к стенам. Некоторые, у кого страх пересилил любопытство, быстро скрылись в домах и дворах. Двадцать или около того отрубленных голов могут заставить похолодеть самого любопытного.

Увидев мрачные трофеи, гренадеры с другой стороны разразились дикими довольными криками.

— НИЧТО! НИЧТО! НИЧТО!

Антонина двинулась к лошади. Маврикий и двое его катафрактов встретили ее на полпути.

— Надень вот это,— приказал Маврикий.— Я специально заказывал их для тебя.

Сопровождавшие его катафракты протянули ей кирасу и шлем.

— Сделать шлем было легко,— заметил Маврикий.— Но кираса оказалась в некотором роде вызовом для мастера-оружейника. Он не привык делать ложбинки.

Антонина улыбнулась. При помощи Маврикия надела непривычные доспехи. Улыбка сошла с лица.

— Штуки-то тяжелые.

— Не жалуйся, девочка. Скажи спасибо, что ты не в полном вооружении. И в особенности скажи спасибо, что мы сейчас в Константинополе и зимой, вместо Сирии летом.

От этой мысли Антонина скорчила гримасу. Затем добавила с хитрой улыбкой:

— А меч мне дают или как?

Маврикий покачал головой. Достал нож в ножнах — большой странный нож, судя по ножнам — и протянул ей.

— Ничего лучше у меня нет.

Антонина достала клинок из ножен. Не смогла не вдохнуть воздух.

— Как я вижу, ты его узнала,— сказал Маврикий довольным тоном.— Владелец магазинчика запросил за него много, но я решил, что его все равно стоит приобрести.

Антонина переводила взгляд с Маврикия на мясницкий нож и обратно. Губы гектонтарха изобразили мрачную улыбку.

— Спроси любого ветерана, Антонина. Они скажут тебе, что во время сражения нет ничего более важного, чем иметь при себе проверенный в деле клинок, которому ты доверяешь.

Внезапно наличие этого простого кухонного предмета в руке наполнило Антонину уверенностью.

— Думаю, ты прав, Маврикий.

Она услышала голоса катафрактов. Они передавали новость гренадерам. Секунды спустя гренадеры начали новую песню:

— Ножом их, ножом! Мясницким ножом!

При помощи Маврикия Антонина забралась в седло, с трудом сдержав ругательство: мешал лишний вес шлема и доспехов. Усевшись в седло, она подняла мясницкий нож над головой и помахала им.

Гренадеры закричали. Катафракты присоединили к ним свои голоса.

— НИЧТО! НИЧТО!

Антонина сдержала смех. Для всего мира она была воином из легенды, который размахивал таинственным, обладающим магической силой прославленным мечом! И она, хотя сама этого пока и не знала, на самом деле стала таким воином. А этот скромный мясницкий нож, к ее нескончаемому удивлению, тоже станет частью легенды.

Глава 25

Увидев приближающееся судно, Иоанн Родосский стал сильно ругаться. Некоторые из ругательств направлялись на Ирину Макремболитиссу. Начальница шпионской сети не предупредила его, что предатель полководец Эгидий приобрел боевую галеру. Видимо, с ее

помощью намеревался очистить путь для перевозящих его войска судов. Иоанн уже видел первые из них, с эмблемами армии Вифинии. Четыре судна прямо в эти минуты покидали гавань Халкедона, направляясь через Босфор в Константинополь. Но большая часть ругательств направлялась на жизнь в целом. Иоанн Родосский на самом деле не очень винил Ирину за недостаток в шпионской работе. Если быть справедливым, то от начальницы шпионской сети нельзя ожидать, что она узнает о враге абсолютно все.

— Просто это жизнь,— пробормотал он.— Она всегда была непостоянной сукой.

— Прости? — спросил Эйсебий, подняв голову от работы.

Лицо молодого артиллерийского техника приобрело зеленоватый оттенок. Он явно плохо себя чувствовал из-за качающегося движения судна. В особенности когда стоял в центре корабля, на платформе с оружием, занятый важным делом открывания ящиков с зажигательными бомбами. Платформа поднималась на десять футов над палубой и на ней неустойчивость корабля чувствовалась сильнее.

— Побыстрее, Эйсебий,— проворчал Иоанн Родосский. Морской офицер показал вправо по борту.— Нам вначале придется разобраться с *этим*.

Эйсебий выпрямился, прищурился близоруко, глядя на приближающуюся с юга галеру.

— О, Боже,— пробормотал он.— Я не очень хорошо вижу, но... Это то, что я думаю?

Иоанн мрачно кивнул.

— Да, боевая галера. Сто солдат и по меньшей мере сто пятьдесят гребцов, причем хороших гребцов, судя по скорости. И они уже опустили паруса.

Эйсебий побледнел. Парусные боевые галеры были самыми быстроходными судами — по крайней мере до того, как устанут гребцы — и самыми маневренными. Настоящие военные суда.

Иоанн Родосский спустился по лестнице вниз на основную палубу и поспешил в кормовую часть, где быстро проконсультировался с лоцманом. В его отсутствие Эйсебий стал распаковывать еще один ящик с зажигательными бомбами. Артиллеристы на платформе предложили свою помощь, но он от нее отказался. Вероятно, Эйсебий был слишком осторожен — после того как сражение начнется, артиллеристам самим придется заряжать, но Эйсебий лучше, чем кто-либо, знал, насколько опасны могут быть эти бомбы, если случайно взорвутся.

Кроме этого, таким образом он мог отключиться от волнений.

А поводов для волнения имелось более чем достаточно. Эйсебий не был моряком, но он за последние месяцы узнал многое от Иоанна Родосского, чтобы понять серьезность их положения.

Артиллерийский техник посмотрел на две катапульты, установленные на боевой платформе корабля. Затем, медленнее, изучил приближающееся к ним судно.

Он не получил никакой радости от этого изучения.

Экипаж полномасштабной большой парусной галеры, как той, которая к ним приближалась, составлял от двухсот до трехсот человек. Гребцы размещались на двух палубах с двумя рядами весел каждая. Пятьдесят гребцов были постоянно приписаны к внутренней нижней палубе, по человеку на весло. Остальной экипаж, который насчитывал по меньшей мере сто пятьдесят человек, приписывался к верхней открытой палубе. Сто из них будут сидеть на веслах в верхнем ряду, по два человека на весло, в то время как другие служили лучниками или использовались, когда брали другое судно на абордаж. В случае преследования или, наоборот, ухода от противника гребцы на верхней палубе менялись местами с солдатами таким образом, чтобы люди не уставали.

Технически, как знал Эйсебий, их судно относится к такому же классу и именуется боевой галерой с гребцами. Но она являлась типом среднего размера, который назывался памфилосом. У них имелось место только для восемьдесяти весел, по двадцать в каждом ряду. На верхней палубе имелось место только для одного гребца на весло.

Сто пятьдесят гребцов против восьмидесяти. Несмотря на больший вес приближающейся галеры, она будет быстрее, чем их собственная. И они двигались еще медленнее из-за модификаций Иоанна, проведенных на их корабле.

Иоанн знал, что над ними во время предстоящего сражения будет большое численное преимущество — один корабль против двадцати, может и больше. Поэтому он решил использовать одно судно чисто как артиллерийское, бомбардирующее вражеский флот с большого расстояния зажигательными бомбами. По этой причине с ними плыло всего двенадцать солдат — достаточно только, чтобы заниматься двумя катапультами. В случае бомбардировки они окажутся в безнадежном меньшинстве.

Да, у них также был двойной экипаж гребцов. Если план Иоанна сработает, то его людям придется грести долго. Поэтому он загрузил на корабль сменных гребцов. Они выдержат быстрый темп дольше, чем экипаж приближающейся галеры, но вес запасных гребцов тоже замедлит их ход.

Не упоминая...

Эйсебий осмотрел платформу, на которой стоял. Она была больше и тяжелее, чем обычно у галер такого размера. Это требовалось, чтобы обеспечить необходимую опору и место для двух катапульт, которые Иоанн установил на платформе. Но этот дополнительный размер тоже добавлял вес. Как и...

Эйсебий опустил глаза за палубу самого корабля. Обычно византийские боевые галеры имели современный дизайн, который назывался афракт — «небронированный». Поскольку современные морские тактики использовали абордаж, как и пробивание тараном, гребцы-солдаты на верхних палубах защищались только легким каркасом, установленным вдоль сходен, к которому они прикрепляли свои щиты.

Но поскольку Иоанн не имел намерения брать суда на абордаж, он переделал судно под старый дизайн катафрактов: добавил твердые деревянные выступы к планширам, с нависающими балками, чтобы защитить гребцов от стрел. Бронированные выступы напоминали каркасы древних эллинистических галер, хотя сами гребцы все еще сидели внутри корпуса. Конечной целью было размещение гребцов в крепких, защищающих от стрел укрытиях. Возможно, там было душновато из-за отсутствия вентиляции, но предоставлялась гораздо лучшая защита, чем просто щиты, висящие на легком каркасе.

Но судно становилось гораздо тяжелее.

Однако их судно все равно было быстрым и более маневренным, чем бочкообразные, оснащенные четырехугольными парусами корабли, которые использовала армия Вифинии для перевозки бойцов. Но оно казалось медлительной черепахой в сравнении с приближающейся галерой.

Иоанн не ожидал на самом деле увидеть настоящий военный корабль.

— Быстро! — рявкнул родосец, забираясь назад на платформу.— Нет. Неважно. Нам придется довольствоваться бомбами, которые ты уже распаковал.

— Их только восемь,— запротестовал Эйсебий.

— Значит, нам придется хорошо стрелять! — рявкнул Иоанн.— У нас нет времени, Эйсебий. Эта чертова галера идет, как морская свинья. Шевелись!

Когда Иоанн с Эйсебием стали заряжать две катапульты первыми зажигательным бомбами, лоцман выкрикнул приказы команде. Хотя лица моряков были такими же мрачными, как у капитана, они без колебаний взялись за дело. Моряки сами родились на Родосе. Иоанн лично выбирал их из римских морских сил, расквартированных в Селевкии. Их командиры даже не жаловались, по крайней мере не после того, как увидели подписанный императрицей Феодорой приказ о полномочиях Иоанна, который он носил с собой.

Новый враг приближался из Мраморного моря.

Иоанн внимательно смотрел на приближающуюся галеру.

«Боже, какие прекрасные гребцы!»

Несколько катафрактов стояли на боевой платформе на носу галеры, в свою очередь уставившись на него. Черты их лиц скрывали шлемы.

«Потрепанные шлемы,— мрачно подумал Иоанн.— Как и их броня, черт ее подери. И — о, дерьмо — как они уверенно держат луки! Явно большой опыт в этом деле. Просто великолепно. Черт побери!»

Он уставился на одного из катафрактов. Он был крупным мужчиной.

«Боже, я даже не хочу думать о мощности лука этого великана. Вероятно, двести фунтов».

Иоанн уже начал разворачиваться, направляясь к одной из катапульт. Мысль заставила его остановиться. Иоанн повернулся и снова посмотрел на огромного катафракта. Затем посмотрел на другого, стоявшего на носу галеры.

Высокого катафракта.

Высокий катафракт снял шлем. Его лицо больше не было закрыто.

Иоанн Родосский славился отличным зрением.

Мгновение спустя Эйсебий и весь экипаж прекратили свои занятия. Они были поражены, отвесили челюсти, выпучили глаза при виде своего командующего.

Иоанн Родосский прыгал по деревянной платформе и вопил, как банши [1]. Он прыгнул на левую сторону боевой платформы и изобразил неприличный жест флоту, переносящему армию Вифинии через Босфор. Затем, очевидно неудовлетворенный только жестами, Иоанн развязал штаны, достал пенис и помахал им все еще далеко находящемуся врагу.

— Он сошел с ума! — воскликнул Эйсебий.

Артиллерийский техник не представлял, что делать, разрываясь между необходимостью срочно заряжать катапульты и еще большей необходимостью остановить Иоанна до того, как маньяк свалится в море. Деревянная платформа выступала на два фута за корпус корабля.

К счастью, морской офицер умел прекрасно удерживать равновесие на движущемся судне. Мгновение спустя Иоанн завязал штаны и прыгнул на середину платформы. Подскочил к Эйсебию, улыбаясь от уха до уха.

Внезапно до Эйсебия дошло, что очевидному сумасшествию Иоанна может найтись и другое объяснение. Артиллерийский техник повернул голову и уставился на галеру. Она теперь находилась менее чем в пятидесяти ярдах.

— Это?..

— Да! — закричал Иоанн.— Велисарий! Как раз в нужное время! Правильно выбрал момент!

Все еще кружась, морской офицер в новом свете осмотрел боевую галеру. Его улыбка стала шире. Глаза Иоанна плясали между галерой, его собственным судном и флотилией врага.

---

[1] Банши — привидение-плакальщица (*ирл., шотл.*), дух, вопли которого предвещают смерть.

К тому времени, как галера встала рядом с ним, его улыбка стала просто ослепительной.

— О, этим жалким ублюдкам конец! — весело воскликнул он.— Конец.

Минуту спустя Иоанн и его команда помогали Велисарию перебраться к ним на борт.

После короткого, но крепкого объятия Велисарий мгновенно забрался на боевую платформу. Быстро осмотрел бомбы в открытых ящиках рядом с артиллерийскими орудиями. Бомбы были аккуратно уложены в многочисленные куски шерстяной материи.

— Зажигательные? — спросил он.— Или пороховые?

Полководец кивнул на Ашота, который все еще стоял на носу галеры.

— Ашот сообщил мне, что ты открыл секрет пороха,— одобрительно сказал он.

Иоанн кивнул.

— Да, хотя уверен, что у тебя будут предложения по улучшению его качества. Но эти не пороховые. Как я подумал, для морского сражения зажигательные будут лучше. Они сделаны по моей особой формуле. Я добавил селитру к лигроину. Отличная штука! Великолепная! Но с ними нужно проявлять повышенную осторожность.

Движения глаз Велисария теперь повторяли движения глаз Иоанна не более двух минут назад. Катапульты — галера — вражеский флот; катапульты — галера — вражеский флот.

— У тебя есть план сражения,— заявил он.

— Да,— подтвердил Иоанн.— Я надеялся только уничтожить достаточно этих судов, чтобы Ситтас и Гермоген смогли справиться с оставшимися воинами, которым удастся сойти на берег. Но теперь — с твоей галерой — мы можем добиться большего. Гораздо большего.

— Опиши мне всю ситуацию,— приказал Велисарий.

Иоанн выдохнул воздух.

— Сердце заговора предателей на ипподроме. Малва подкупили и Голубых, и Зеленых — ты можешь представить, сколько денег потребовалось на это? — и полагаются на них. Надеются, что головорезы с ипподрома выполнят за них всю по-настоящему грязную работу.— Иоанн поднял голову на солнце, которое недавно взошло над горизонтом.— Через три или четыре часа — самое позднее к полудню — они соберутся на ипподроме. Двадцать, может, тридцать тысяч уличных бандитов. Ирина также обнаружила, что малва тайно ввезли несколько сотен своих солдат. С пороховым оружием. Ракетами и гранатами, как мы думаем.

Велисарий кивнул.

— Скорее всего. Это кшатрии. Хотя я сомневаюсь, что им удалось ввезти сколько-то пушек.

Полководец посмотрел на вражеский флот. Теперь все суда уже вышли из гавани Халкедона и вошли в Босфор.

— Итак,— задумчиво произнес он.— Они используют кшатриев как головной отряд, а огромная толпа бандитов обеспечит основную массу сражающихся. Что еще? Как настроены воинские подразделения Константинополя?

Иоанн пожал плечами.

— Все стоят в сторонке. Вонючие трусы прячутся по своим казармам.

Он кивнул на флотилию.

— Это армия Вифинии. Полководец Эгидий участвует в заговоре. У него на этих судах восемь тысяч человек, включая тысячу катафрактов и их лошадей. По информации Ирины, его основной задачей является нейтрализация любых воинских подразделений, которые могут прийти на помощь императору.

Иоанн повернулся на запад, изучая берег Константинополя.

— Ситтас и Гермоген смогли доставить сюда небольшую армию из Сирии. Пятьсот катафрактов и две тысячи пехотинцев. Они с самого прибытия прятались на кораблях, стоящих в порту Цезаря. Но они должны были выступить сегодня утром. К этому времени — я надеюсь — они заняли позиции, охраняя гавань Хормиздаса. Это ближайшее к ипподрому и Большому Дворцу место высадки. В соответствии с информацией Ирины, именно там планирует высаживаться армия Вифинии.

Велисарий кивнул.

— Как я понимаю, это означает, что у нас для подавления кшатриев и толпы на ипподроме есть только мои триста катафрактов и когорта гренадеров Антонины.

— Дело хуже, Велисарий. Иоанн из Каппадокии собрал почти тысячу собственных букелляриев. Я уверен: он использует их против стражников, охраняющих Юстиниана в Большом Дворце.

Велисарий сильно нахмурился.

— Ради всего святого! Почему же Юстиниан не распустил их?

Иоанн поморщился. Он понимал удивление и ярость Велисария. По римскому праву частные армии — букелларии — считались незаконными у всех, за исключением действующих полководцев типа Велисария и Ситтаса. Этот закон был введен более пятидесяти лет назад императором Львом[1] именно для того, чтобы не позволять находящимся на государственной службе чиновникам и землевладельцам становиться слишком могущественными.

— Юстиниан предоставил эту привилегию Иоанну из Каппадокии,— объяснил он. Затем добавил с хриплым смешком: — Даже не

[1] Лев I — император Восточной Римской империи в 457–474 гг.

это! Он сделал его полководцем. Через несколько месяцев после того, как ты отправился в Индию.

Велисарий в отвращении закатил глаза.

— Этот вонючий мошенник никогда в жизни не участвовал в сражении! — рявкнул он. Затем внезапно на его лице появилась обычная хитроватая усмешка.— Что, как я сейчас думаю, не так уж и плохо.

Полководец почесал подбородок, наблюдая за вражескими судами.

— Ты их считал? — спросил у Иоанна.

Морской офицер кивнул.

— Во флотилии Эгидия тридцать один корабль. Большинство — самые крупные — это корбиты.

Увидев непонимание на лице Велисария, Иоанн объяснил поподробнее:

— Мы, моряки, называем их «корзинами». Корбиты — это грузовые корабли, полководец. Они работают только под парусом, без гребцов. Они медленно идут при самых благоприятных обстоятельствах, и они еще более медленно идут здесь, в Босфоре, когда борются против северных ветров. Но у них большая вместимость. На каждом может размещаться до четырехсот пассажиров, хотя сомневаюсь, что сейчас на каждом больше трехсот. Им ведь также приходится перевозить доспехи и оружие.

— И лошадей катафрактов,— добавил Велисарий.

— И их тоже. Но я почти уверен, что самих катафрактов перевозят на более мелких судах. У Эгидия во флотилии восемь торговых галер — их называют «акатой». Примерно для тысячи катафрактов. Хотя — что для нас хорошо — им приходится пользоваться только парусами. Для гребцов в дополнение к катафрактам у них нет места.

Велисарий уставился на флотилию. Иоанн замолчал, понимая, что полководец приходит к решению.

— Правильно,— пробормотал Велисарий. И посмотрел на родосца.— Самое главное сейчас — остановить армию Вифинии, чтобы она не достигла Константинополя. Ты — морской офицер, Иоанн. Как бы ты это сделал теперь, когда у тебя в дополнение к твоему кораблю есть моя галера?

Иоанн нахмурился.

— У тебя хорошие гребцы. Но насколько они свежие?

Велисарий пожал плечами.

— Достаточно свежие, как мне кажется. Большую часть пути из Египта мы шли под парусом. Ашот договорился, чтобы эта галера ждала нас в Абидосе и мы пересекли Мраморное море под парусом. Мы достали весла всего несколько минут назад.

— Хорошо. Мы можем устроить переполох среди этой флотилии весельной боевой галерой. Среди корбит. Настоящей проблемой яв-

ляются акатои. Это быстрые торговые галеры. И они полны катафрактов.— Иоанн скорчил гримасу.— Мне не хотелось бы встретиться с их стрелами, даже на бронированной галере. Не тогда, когда хочешь подойти достаточно близко, чтобы пробить тараном.

— Тебе это и не потребуется,— ответил Велисарий.— Я займусь их торговыми галерами с твоего корабля — воспользуюсь катапультами. Ты садись на мою галеру и приноси как можно больше повреждений корбитам.

Увидев колебания Иоанна, Велисарий надавил еще.

— Другого пути нет, Иоанн. Я не морской офицер, а ты — он самый и есть. Я понятия не имею, что делать с боевой галерой. В то время как здесь...

Он кивнул на катапульты.

— Я знаю, как использовать артиллерию. Достаточно хорошо.

Увидев почти гневное выражение лица родосца, Велисарий чуть не рассмеялся. Иоанн, как он знал, хотел наконец попробовать свое новое великолепное артиллерийское оружие.

Иоанн вздохнул.

— Ты прав, черт побери.

Он скептически посмотрел на Велисария.

— Предполагаю, ты также не знаешь, как управлять судном?

Велисарий ответил улыбкой.

Морской офицер заворчал. Поманил одного из стоявших на корме моряков. Парень поспешил к ним.

— Его зовут Гонорий. Пусть он командует на корабле. Просто скажи ему, что ты хочешь. Ты сам можешь сконцентрироваться на катапультах.

Иоанн повернулся к своему помощнику.

— Покажи полководцу, как обращаться с зажигательными бомбами. Он будет командовать артиллерией. Я иду на галеру.

Иоанн посмотрел на катафрактов Велисария. К этому времени один из них перешел вслед за Велисарием на корабль Иоанна.

Увидев жадность в глазах Иоанна, Велисарий усмехнулся.

— Оставь мне Валентина,— сказал он.— Я хочу, чтобы он нацеливал вторую катапульту. Остальных можешь взять.

Не прошло и минуты, как боевая галера уже отходила от корабля Иоанна и направлялась прямо на флотилию врага. Иоанн стоял на корме галеры, отдавая приказы лоцману.

Велисарий смотрел на них только несколько секунд. Перед ним стояли свои проблемы.

«Как лучше всего использовать небольшой артиллерийский корабль против более чем двух дюжин вражеских?» — послал он ментальный импульс Эйду.

От кристалла пришел ответ:

«Маневр. Сосредоточение артиллерийского огня на передовых кораблях противника».

«Объясни поподробнее»,— приказал полководец.

Ему в сознание ворвалась серия образов. Сцены морского сражения, где корабли стреляли друг в друга из пушек. В каждом случае флотилии пытались вести свои корабли прямо, пересекая линию движения врага, чтобы артиллерия одного борта могла бить по как можно большему числу противников.

Велисарий почесал подбородок, размышляя. Показанные ему Эйдом сцены не полностью соотносились с ситуацией. На его корабле стояли только две катапульты, расположенные в центре, а не линия пушек вдоль целого борта. Поэтому «артиллерия одного борта» не для него.

Тем не менее...

Моряк, которого Иоанн назначил вместо себя, теперь стоял рядом с Велисарием, ожидая приказов. Полководец повернулся к Гонорию и попытался словами и жестами задать вопрос.

— Ты можешь провести этот корабль под прямым углом к линии, по которой приближается вражеская флотилия?

Гонорий прищурился, глядя на вражеские корабли. Армада Эгидия уже зашла в Босфор, примерно на милю.

— Легко. У них скорость задают большие корабли вместо галер. Для начала эти корбиты вообще не отличаются быстроходностью. А если они набиты катафрактами, да еще в полном вооружении, то идут еще медленнее, чем обычно.

Он склонился через ограждение платформы, на которой стояли катапульты, и стал выкрикивать приказы команде. Корабль изменил направление, но Велисарий не следил за этим. Он сконцентрировался на катапультах.

Как он видел, Иоанн правильно выбрал оружие. Это был тип катапульт, которые использовались для бросания камней, назывался этот тип палинтонос. Название происходило от выражения «сворачивающаяся пружина». В этом проекте два скручивающихся рычага выходили вперед дальше, чем было возможно при традиционном этитоносс — «прямой пружине». Орудие устанавливалось на том же типе треноги, которую римские инженеры использовали для кранов и подъемников. Затем катапульты ставили на передвигающееся добавление поверх треноги. В результате орудие можно было поднимать выше или опускать ниже, а также поворачивать во всех направлениях по кругу.

Римляне не доводили артиллерийские орудия до той же степени стандартизации, как станут делать в следующих столетиях. Но из долгого опыта Велисарий знал, что обе катапульты относятся к так называемому классу «11 фунтов» — максимальный вес камня, кото-

рым катапульта может выстрелить. При таком весе снаряда они могли послать снаряд на расстояние более 400 ярдов.

— Какой вес у ваших зажигательных бомб? — спросил он у Эйсебия.

— Чуть больше восьми фунтов. Не больше девяти.

Велисарий кивнул.

— В таком случае можем стрелять почти на пятьсот ярдов.

Он снова осмотрел катапульты. Орудия стояли с двух сторон платформы, достаточно далеко друг от друга, чтобы ни сами орудия, ни расчеты не мешали друг другу стрелять одновременно или поворачивать орудия в любую сторону. К сожалению, их нельзя было использовать для одновременного выстрела в одну сторону. Когда корабль пойдет наперерез вражеской флотилии, одна из катапульт останется незадействованной.

На мгновение Велисарий задумался о том, как лучше устанавливать артиллерийские орудия на судах. Почти мгновенно получил ментальный образ от Эйда.

Стальной корабль, очень гладкий и обтекаемый, несмотря на громадные размеры, бороздит море. Пушки — три в ряд — установлены на какой-то странной вертящейся подставке на шарнирах...

«Орудийная башня»,— подсказал Эйд.

...прямо по центру корабля. Две подобные на шарнирах...

«Орудийные башни».

...стоят ближе к носу, одна на корме. Эти пушки способны стрелять в любом направлении. Все девять могут стрелять вправо по борту, влево, давая бортовой залп одновременно. Шесть могут стрелять в сторону, куда смотрит нос, три — корма.

— Ну хорошо, нам придется обходиться тем, что есть,— пробормотал Велисарий.

Вражеская флотилия теперь оказалась почти в радиусе действия катапульт. Ближайшие корабли находились от их правого борта под углом в тридцать градусов. Оценивая ситуацию и подсчитывая относительную скорость, Велисарий решил, что они смогут одновременно использовать две катапульты по крайней мере на протяжении трех минут, потом использовать катапульту, стоявшую ближе к левому борту, станет невозможно.

— Я займусь правой катапультой,— объявил он.— Валентин, ты отвечаешь за другую. Эйсебий, ты следишь, чтобы вовремя подавать нам зажигательные бомбы.

Он начал отдавать приказы двенадцати другим солдатам, стоявшим на платформе, но увидел, что в этом нет небходимости. Все они были опытными артиллеристами и уже заняли свои позиции. Расчет каждой катапульты состоял из шести человек, не считая наводчика. По два

человека стояли с каждой стороны каждой катапульты, готовые заниматься воротом для натягивания каната. Это была изматывающая работа — в особенности, когда выполнялась на головокружительной скорости, требующейся во время сражения. Поэтому за спиной каждого стоял сменщик. Они менялись местами между выстрелами. Еще один человек — заряжающий — загружал бомбу в «ложку», в то время как шестой удерживал тетиву, пока наводчик не отправлял снаряд в полет. Эти двое последних также помогали наводчику двигать тяжелую ложку и проверять, правильно ли проведена настройка на нужное расстояние.

Все поспешили заняться своими делами. Не прошло и минуты, как катапульты были готовы к стрельбе. Велисарий объявил, что стреляет первым. При помощи своего расчета он выровнял тяжелую ложку так, чтобы катапульта нацелилась на ближайшее из вражеских судов. Как только он увидел цель захваченной между двумя «ушками», которые служили грубым прибором наведения, Велисарий дернул за небольшой рычаг, который служил спусковым крючком орудия.

Катапульта выстрелила. Менее чем в шестидесяти ярдах зажигательная бомба врезалась в море с достаточной силой, чтобы разорвать глиняный контейнер. Огненный шар взметнулся над волнами.

— Мы в море,— пробормотал Велисарий и добавил несколько запинаясь: — Я забыл.

При сражении на суше ему никогда не требовалось учитывать подъем и опускание палубы. Он выстрелил как раз тогда, когда нос корабля шел вниз.

Валентин выстрелил пять секунд спустя. Катафракт учел ошибку полководца. Он рассчитал нажатие на курок так, чтобы оно совпало с подъемом носа на волне.

Зажигательная бомба великолепно взлетела к небесам. Через некоторое время почти спокойно упала в море. На этот раз не было столба пламени. Зажигательная бомба упала в море под таким углом, что если глиняный контейнер и разорвало, то содержимое из лигроина и селитры мгновенно смешалось с водой.

Другими словами, не принесло никакого вреда. Вообще никакого, потому что зажигательная бомба опустилась в воду в двухстах ярдах от любого из вражеских судов.

Они все еще находились в четырехстах ярдах от противника. Достаточно, чтобы слышать насмешки и издевки.

— Повторяем,— проворчал Велисарий.

Зажигательную бомбу загрузили в ложку. Другой артиллерист отвел назад ворот. Велисарий прицелился, учел движение судна, качание на волнах — и нажал на пуск.

На этот раз у него получилась приличная траектория. Вполне приличная. Не слишком высоко, не слишком низко.

Но, к сожалению, снаряд даже не приблизился к вражеским кораблям. Еще один не принесший урона выстрел в море.

Насмешки и издевки слышались громче.

Выстрелил Валентин.

Экстравагантный провал. Полное унижение. Вторая бомба опустилась в воду еще дальше от вражеской армады, чем первая.

Насмешки и издевки теперь напоминали постоянный грохот водопада.

Велисарий гневно посмотрел на Гонория.

— Ради всего святого! Этот проклятый корабль...

Он жестами показал все, что думает.

— Дергается, качается из стороны в сторону и никак не встанет ровно,— добавил Гонорий. Моряк пожал плечами.— Ничем не могу помочь, полководец. В этом направлении — которое ты сам приказал взять — мы получаем худшую комбинацию действия волн.

Велисарий с трудом сдержал гневный взгляд. Если быть точным, то он перевел его с моряка на врага, который все еще над ним насмехался.

Велисарий показал пальцем на флотилию.

— Есть ли способ к ним подобраться так, чтобы этот несчастный проклятый корабль не прыгал, как блоха? — спросил он.

Гонорий оценил ветер и море.

— Если направимся прямо на них,— объявил он.— Тогда мы пойдем с волной, вместо того чтобы идти против волны. Не должно быть...

— Давай! — приказал Велисарий.

Гонорий поспешил повиноваться.

Эйд запротестовал.

«Сосредоточь артиллерийский огонь на передовых кораблях! Ты должен идти поперек их курса!»

«Заткнись! Если ты думаешь, что это так легко, ты... ты... проклятый маленький толстый бриллиант, вылезай из мешка и делай все сам».

Эйд ничего не сказал. Но грани дрожали с какими-то очень человеческими чувствами.

Сердились. Дулись.

«Ты пожалеешь об этом»,— послали наконец ментальный импульс.

К тому времени, как катапульты перезарядили, Гонорий изменил направление судна. Теперь они гребли прямо на врага. И, как и предсказывал моряк, корабль шел значительно ровнее.

Значительно.

Велисарий и Валентин выстрелили практически одновременно. Через несколько секунд насмешки и издевки внезапно сменились криками тревоги и боли.

Две ближайшие торговые галеры взорвались языками пламени. Закругленный нос той, в которую стрелял Велисарий, сильно горел.

Выстрел Валентина вызвал еще большую сумятицу на цели. Его зажительная бомба взорвалась у палубного ограждения на носу. Вместо того чтобы объять нос пламенем, лигроин разлился по палубе, подобно горизонтальному водопаду пламени и разрушения.

Это была палуба, на которой плечом к плечу стояли тяжело вооруженные катафракты.

Сцена на том судне получилась просто ужасной. По крайней мере дюжина катафрактов горели живьем в железной броне. Несколько из них в отчаянии прыгнули в море. Там их безнадежно потянул вниз большой вес доспехов, и они утонули.

Но они в любом случае были мертвецами. По крайней мере их агония закончилась. Те, кто остались на борту, напоминали человеческие факелы. Своими безумными движениями они помогали дальше распространять пламя. Дьявольская смесь Иоанна оказалась подобна моче Сатаны. Она прилипала ко всему, чего касалась,— и это горело, и горело, и горело, и горело. В течение тридцати секунд вся палуба того судна превратилась в один сплошной кошмар.

Затем он расширился. Лоцман, увидев, как к нему приближается огненное проклятие, сам прыгнул в море. В отличие от катафрактов, он не был обременен тяжелыми доспехами и мог надеяться выплыть.

Но куда плыть? Предположительно на ближайший корабль. К сожалению, покидание им корабля привело к тому, что горящий корабль пошел по ветру, подгоняемый волной. Корбита, которая шла непосредственно за ним, не смогла избежать столкновения.

Теперь пламя переметнулось на второй корабль. По большей части из-за запутавшихся парусов. Но часть принесли с собой обезумевшие люди-факелы, которые стали перебираться на борт корбиты.

Теперь два судна полностью вышли из строя.

Ни Велисарий, ни Валентин не обращали на это особого внимания. Они были слишком заняты, нацеливаясь на следующие суда.

Для Велисария цель была та же, что и в предыдущий раз. Подойдя ближе к судну, нос которого он уже поджег — теперь на триста ярдов,— полководец направил катапульту на центр судна.

Он целенаправленно пытался сымитировать выстрел Валентина. Первый раз промазал — слишком низко, языки пламени разлетелись по морю в пятидесяти ярдах до цели. Но после быстрой настройки следующий выстрел у него получился. Зажигательная бомба Велисария взорвалась у палубного ограждения корабля и нанесла разрушения вдоль по заполненной палубе.

Корабль вышел из строя.

Ожидая, пока расчеты перезарядят катапульту, Велисарий наблюдал за следующим выстрелом Валентина, который тоже пытался повторить свой успех.

Однако он неправильно оценил расстояние, и его выстрел прошел немного выше, чем требовалось.

Это не имело значения. Они с Велисарием оба выучили еще один урок в совершенно новом мире морского артиллерийского сражения.

Паруса и оснастка, по которым попала зажигательная бомба, горят подобно смоченным маслом щепкам. В течение пяти секунд у корабля не осталось мачты и он безнадежно качался на волнах.

Тем не менее...

Стоявшие на палубе катафракты не пострадали — по крайней мере на настоящий момент.

Они были целы, невредимы и полны ярости. Велисарий видел, как дюжины катафрактов готовят свои мощные луки. Менее трехсот ярдов до цели — это в радиусе стрел катафрактов. Через несколько мгновений на его маленький корабль полетит туча стрел. Гребцы внизу будут в относительной безопасности, так как их прикрывают планки. Но людей на орудийной платформе прикрывают только низкие стенки-ограждения.

— Готов! — крикнул заряжающий орудийного расчета.

Велисарий принялся поворачивать катапульту, используя всю свою силу. Заряжающий и еще один человек помогли ему повернуть катапульту кругом. Как только она встала так, как нужно, Велисарий нажал на пуск.

Катафракты на вражеском корабле уже начинали натягивать тетиву. Некоторые выпустили стрелы, но, дернувшись, не попали в цель. Большинство катафрактов, увидев, как прямо на них летит зажигательная бомба, просто отшатнулись.

Боковая сторона судна превратилась в огненный шар. Это не было мгновенное разушение, которого они боялись. Выстрел Велисария попал достаточно низко под палубным ограждением, и лигроин не растекался по палубе в жутком водопаде пламени. Но достаточно скоро они умрут. И они это знали.

Пойманные в капкан на судне, которое выгорит до ватерлинии. В капкане в полном вооружении. В капкане в центре Босфора.

Корабль Велисария прошел мимо них на расстоянии двухсот ярдов. Он видел некоторых катафрактов в проемах в черном масляном дыме. Однако они больше даже не думали о своих луках. Все те, кого видел Велисарий, судорожно пытались освободиться от доспехов.

Менее чем за десять минут Велисарий разделался с половиной катафрактов армии Вифинии.

Но у него не было времени находить в этом удовлетворение. Велисарий с опозданием понял, что своим безрассудным броском прямо на врага, несмотря на немедленную эффективность, поставил себя и своих людей в смертельно опасное положение. Вместо того чтобы бомбардировать противника, оставаясь на удалении от него,

Велисарий бросился прямо в место массового скопления судов врага. На всех этих судах имелись лучники — сотни лучников. Даже тысячи.

Не пройдет и двух минут, как их осыплет град стрел.

«Я тебя предупреждал»,— раздался голос у него в сознании.

Потом добавил с мрачным самодовольством:

«Сосредоточь артиллерийский огонь на передовых кораблях! Ты должен идти поперек их курса!»

Валентин уже пришел к тому же выводу.

— Теперь мы словно сошлись с врагом в узком переулке. Можно сделать только одно.

Велисарий кивнул. Он знал ответ на их дилемму.

Валентин научил его этому много лет назад.

Первым ударь другого бездумного идиота.

Он повернулся к Гонорию. Лицо моряка побледнело — он тоже осознал опасность, но оставался спокоен и держал себя в руках.

— Прямо,— приказал Велисарий.— Так быстро, как можешь. Попробуем прорваться.

Когда он стал нацеливать катапульту на следующий в ряду корабль, то заметил, как Валентин скорчился за своим орудием. Мгновение спустя катафракт выстрелил. Палуба ближайшей корбиты превратилась в тот же ад на земле, который уже посетил заполненный катафрактами акатой.

Валентин улыбнулся, как ласка.

Увидя эту победную улыбку, Велисарий понял, что не может ее не скопировать. Снова и снова, в прошедшие годы, когда Валентин тренировал молодого командира, обучая обращаться с мечом, он объяснял ему, что глупо сражаться ножом, если мало места.

Конечно, Валентин это знал. Эту глупость он совершал не раз. И выживал, потому что был самым лучшим мастером по обращению с ножом, которых Велисарий знал.

Он услышал заряжающего:

— Готово!

Ближайшим вражеским судном была корбита, но Велисарий нацелился не на нее, а на следующую приближающуюся галеру. Он опасался стрел катафрактов на акатое больше, чем стрел простых солдат.

Велисарий выстрелил. Промазал. Хотя корабль шел ровно, все равно качка не прекращалась и Велисарий выстрелил на двадцать ярдов правее, чем хотел. Его расчет перезарядил катапульту, и Велисарий тут же выстрелил снова. Опять промазал — слишком высоко на этот раз. Бомба пролетела над мачтой судна.

Расчеты устали. Те, кто стоял у воротов для натягивания канатов, ворчали от перенапряжения. Заряжающий быстро установил бомбу, его помощник проверил пуск.

— Готово! — крикнул заряжающий.

Велисарий прицелился, более осторожно на этот раз — и надавил на пуск.

На мгновение он подумал, что снова выстрелил слишком высоко. Но его зажигательная бомба врезалась в мачту в двух третях длины от палубы и охватила оснастку акатоя огнем.

За спиной он услышал, как Гонорий выкрикивает приказ лоцману. Велисарий не понимал отдельных слов — они произносились на специфическом морском жаргоне. Но через несколько секунд он увидел, как корабль меняет направление, и понял, что делает Гонорий. Моряк тоже быстро учился некоторым принципам нового стиля морского боя.

«Эта торговая галера вышла из строя, но катафракты на ней все еще могут воспользоваться своими луками. Решение? Простое. Плыви куда-то еще. Оставайся вне радиуса действия стрел. Пусть горит. Пусть горит и отправляется в ад».

Велисарий уже собрался сказать Валентину, чтобы тот вначале стрелял по судам, на которых находятся катафракты, но увидел, что в этом нет необходимости. Валентин уже делал это. Его следующий выстрел пролетел мимо ближайшей корбиты, по направлению к галере, находящейся на максимальном удалении — почти пятьсот ярдов. Валентин так же хорошо умел стрелять из катапульты, как и из лука. Велисарий увидел, что он специально выстрелил высоко, зная, что попадание по оснастке практически так же успешно, как и ужасные попадания по палубным ограждениям, в результате чего лигроин разливается по палубе.

Еще один акатой начал сильно гореть.

— Готово! — крикнул заряжающий.

Велисарий быстро оглядел заполненное судами море, выискивая одну из двух оставшихся галер.

Их не было. Вероятно, спрятались за плотно стоящими друг рядом с другом корбитами. Быстрый бросок судна, на котором находился Велисарий, поставил его в центре вражеской армады.

Нельзя было терять время. Одна из корбит находилась в двухстах ярдах. Простые солдаты тоже могут стрелять из лука. Да, не так хорошо, как катафракты, но с близкого расстояния достаточно хорошо. Стрелы с ближайшего корабля уже падали в море в нескольких ярдах от корабля.

Велисарий нацелил катапульту. Промазал. Снова выстрелил. Ему повезло — он целился в оснастку — и его бомба попала в палубное ограждение. Разрушение разлилось по вражеской палубе.

Валентин попал еще по одной корбите. Затем выругался. Удар пришелся низко. Зажигательная бомба взорвалась у самой ватерлинии. Вражеский корпус начинал гореть, но очень медленно.

Валентин быстро выстрелил вновь. На этот раз страшно ругался. Он полностью промазал — его выстрел пролетел в десяти футах над вражеской палубой.

Тем временем Велисарий поджег оснастку еще на одной корбите. Затем после двух промахов зажег еще одну.

Теперь их окружали вражеские корабли, несколько из которых находились в радиусе действия стрел. Стрелы летели в них, подобно градинам во время шторма. Навес над местом расположения гребцов напоминал дикобраза — столько стрел в него воткнулось и застряло. Лоцман в небольшой каюте на корме присел и так и стоял, скрючившись. Тонкие стены его укрытия пробили несколько наконечников острых стрел. Но он продолжал выкрикивать приказы, спокойно и громко.

Стрелы врезались и в стены, окружающие платформу. К счастью, из-за высоты боевой платформы находившиеся на ней люди были защищены от стрел, выпускаемых по прямой траектории с корбиты с низким корпусом. Но некоторые из этих стрел, выпущенные лучшими или просто более удачливыми лучниками, шли по изогнутой траектории.

Один из тех, кто держал ворот для натягивания каната, внезапно закричал от боли. Стрела перелетела через ограждение и врезалась ему в плечо. Он упал — частично от боли, частично от желания найти укрытие за низкой стенкой. Его сменщик тут же вышел вперед.

Велисарий ждал, пока зарядят катапульту, и старался думать о чем-то, кроме летящих на них стрел. Он смотрел на то, как Валентин отправляет третью зажигательную бомбу на ту же проклятую корбиту.

Велисарий никогда раньше не видел, чтобы Валентин мазал три раза подряд. И теперь не промазал. Выстрел оказался идеальным. Зажигательная бомба врезалась в палубное ограждение как раз перед мачтой, разнося смерть по палубе и разрушения оснастки.

— Готово! — крикнул заряжающий.

Велисарий повернулся, прицелился...

Ничего. Пустое море.

Они проплыли сквозь вражеский флот.

Уловил движение уголком глаза. Быстро повернул катапульту, прицелился.

Это была боевая галера, несущаяся по волнам прямо к ним. На носу стоял Иоанн Родосский, держал руки на бедрах и яростно хмурился.

Его первыми словами, произнесенными мощным голосом опытного морского офицера, были:

— Вы что там, спятили, черт вас побери?

Потом добавил:

— Вы ведь могли повредить мой корабль!

* * *

Минуту спустя после того, как галера встала рядом, родосец перебрался на корабль и широким шагом прошел по палубе. До того как добрался до Велисария, уже размахивал руками. Делая странные движения, словно отрубал одну руку другой.

— Что ты думаешь? — горячо спросил он.— Что ты думаешь? — Теперь он уже топал ногами, бегая взад и вперед.— Придурок! Это, черт побери, артиллерийский корабль! — Одна рука рубанула по другой.— Ради всего святого! Даже чертов полководец должен был это понять! Даже чертов сухопутный полководец! Ты должен держаться подальше от чертовых врагов! Нужно использовать артиллерию, не подходя близко! Ты... ты...

Его рука рубила другую, рубила другую.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Сосредотачивать артиллерийский огонь на передовых кораблях противника? Маневр, когда идешь наперерез эскадре и палишь по первым? Одновременный бортовой залп всех орудий на одном борту?

Глаза Иоанна округлились. Он перестал размахивать руками. Ярость спала, ее заменил интерес.

— Эй. Интересно. Мне это нравится. Звучит неплохо.

У Велисария в сознании раздался еще один голос. Мрачный. Самодовольный.

«Я тебя предупреждал».

Велисарий рассмеялся.

— Предполагаю, моя морская тактика была несколько примитивной,— признал он.

У него в сознании возник образ.

Человек. С опущенными плечами, грязный, одетый в грубо сшитые звериные шкуры. В руке сжимает топор. Лезвие — кусок камня, которому грубо придали нужную форму и привязали к топорищу сухожилиями.

Стоит на бревне, которое несется вниз по течению реки. Яростно пытается бить топором другого человека, который одет и вооружен так же, как он, и стоит на том же бревне.

Каменный топор против каменного топора.

Прямо впереди — водопад.

Глава 26

После того как Велисарий и Валентин перебрались на боевую галеру, Велисарий посмотрел вверх на Иоанна Родосского, стоявшего на боевой платформе памфилоса.

— Ты уверен, Иоанн? — спросил он.

Морской офицер кивнул:

— Отправляйся, Велисарий! — Затем добавил с хитрой улыбкой: — Я вот что хочу тебе сказать. Ты можешь быть самым сумасшедшим капитаном корабля, который когда-либо пытался совершить самоубийство, но ты — и самый смертоносный.

Иоанн махнул рукой, этим жестом охватывая половину Босфора.

— Ты разрушил шесть из восьми галер и полдюжины корбит. А я утопил три корбиты и одну галеру. Это более трети армии Эгидия и три четверти его катафрактов. Ты посмотри на них!

Велисарий обвел взглядом Босфор. Даже на взгляд сухопутного человека было очевидно: вражеский флот разбегается в стороны в страхе и смятении.

Ему в голову внезапно пришла мысль. Иоанн облек ее в слова даже до того, как Велисарий что-то сказал.

— Кроме того, как я думаю, Эгидий мертв. Вероятно, он находился на борту одной из галер, что означает: шансы на его выживание — три против одного.

Велисарий кивнул.

— Если я правильно интерпретирую движения судов, то это похоже на армию без командующего.

Иоанн фыркнул.

— Они похожи на утят, оставшихся без утки, которые шлепают лапами по воде, тыкаясь во всех направлениях.— Он снова махнул рукой.— Отправляйся, Велисарий. Теперь ты нужен в Константинополе, а не здесь. Твоя галера быстрее донесет тебя до берега, чем какое-либо из этих судов сможет до него добраться. А я тем временем продолжу наводить страх на этих ублюдков,— он похлопал по стоявшей рядом с ним катапульте. Хитрая улыбка снова вернулась на лицо, и он яростно добавил: — С приличного расстояния, как умный человек.

Велисарий улыбнулся и отвернулся. Затем, услышав следующие слова Иоанна, улыбнулся очень широко.

— Мне понравился твой маневр. Очень понравился!

По сигналу полководца старший у гребцов на галере тут же отдал приказ и стал отсчитывать ритм. Весла опустились на воду. Галера быстро пошла к берегу.

Некоторое время Велисарий наблюдал, как вражеские корабли бесцельно бродят по Босфору. Как увидел полководец, находившийся ближе всего к кораблю Иоанна уже пытался уйти от приближающегося родосца. Очевидно, одному из вражеских кораблей приключений хватило. Корбита направлялась прямо назад в Халкедон, на азиатскую часть пролива.

Вскоре за первой последовали еще полдюжины корбит. Среди оставшихся кораблей вражеской армады все еще царила суматоха и

смятение. Несколько кораблей — всего семь, которые вела одна из выживших галер — направлялись к порту Цезаря. Кто-то среди выживших катафрактов армии Вифинии — возможно, сам Эгидий, но скорее всего один из его заместителей — очевидно, решил продолжить выполнение предательского плана. Но осторожно. Теперь они планировали высадиться в более отдаленной гавани.

Победный крик Менандра привлек внимание Велисария к основному флоту. Как он тут же увидел, одна из корбит в гуще кораблей яростно горела. Иоанн нанес свой первый удар.

Смятение в основной части предательского флота рассеивалось. Не прошло и минуты, как большинство из оставшихся кораблей уже неслись назад через Босфор. Только четыре из них — к сожалению, включая последнюю галеру с катафрактами — решили отправиться в порт Цезаря.

Велисарий отметил, что теперь рядом с ним стоит Ашот. Ашот был армянским катафрактом, который возглавлял небольшой отряд, отправленный Антониной для встречи Велисария в Египте. Антонина и Маврикий выбрали Ашота для этого задания потому, что кроме всего прочего Ашот был одним из немногих катафрактов среди букеллариев Велисария, у кого имелся морской опыт.

— Что ты думаешь? — спросил Велисарий.

Ашот сразу же понял суть вопроса. Армянин показал пальцем на корабль Иоанна.

— Если бы я был на месте Иоанна, то последовал бы за судами, возвращающимися в Халкедон. Гнал бы их безжалостно. Полностью вывел бы их из строя. Оставил бы все, которые идут в порт Цезаря, Ситтасу и Гермогену. У них не должно возникнуть никаких проблем.

Мгновение Ашот изучал одиннадцать судов, теперь направлявшихся в самую западную гавань на южном берегу Константинополя.

— Две галеры,— произнес он.— И девять корбит. Чтобы не ошибиться, давай скажем: триста катафрактов и три тысячи пехотинцев. Против пятисот катафрактов Ситтаса и двух тысяч пехотинцев Гермогена.

Ашот плюнул в море.

— Ягнята на заклание,— сделал вывод он.

Велисарий улыбался, глядя на яростное выражение лица армянина. Затем ему стало любопытно посмотреть на реакцию Ашота, и он заметил:

— Пехоте придется тяжело.

Армянин фыркнул.

— Шутишь? Пехоте Гермогена? — катафракт уверенно покачал головой.— Ты отсутствовал почти полтора года, полководец. Ты не видел, что Гермоген сделал со своими войсками. А в Константинополь

он привел свои лучшие подразделения. Лучшая римская пехота со дней принципата[1]. Они прорвутся прямо сквозь этот вифинский мусор.

Велисарий кивнул. Он не удивился. Тем не менее это доставило ему удовольствие.

— Враг также утратил мужество, у него сломлена воля,— добавил Ашот.— В смятении — вероятно, у них нет лидера, и они испуганы. Некоторые — не исключено — наложат в штаны.

Он снова плюнул в море.

— Ягнята на заклание. Ягнята на заклание.

Велисарий увидел, что Иоанн, очевидно, пришел к тому же выводу, что и Ашот. Его корабль преследовал корбиты, отступающие в Халкедон.

— А он догонит кого-то их них? — спросил Велисарий.

— Нет шансов,— тут же ответил армянин.— Они сейчас идут против ветра. Теперь преимущество на стороне более тяжелых корбит и их квадратных парусов, в особенности раз гребцы Иоанна устали. Но после того как они дойдут до Халкедона, эти корабли попадут в капкан. Иоанн может встать на входе в гавань и бомбардировать их, оставаясь в безопасности. Он превратит весь флот в щепки.

Еще раз плюнул в море.

— Армия Вифинии вышла из строя, полководец. За исключением нескольких судов, которые направляются в южный Константинополь.

Мгновение Велисарий смотрел на стоявшего рядом с ним катафракта. Армянин следил за вражескими кораблями, направлявшимися к порту Цезаря, и не замечал взгляда полководца.

Велисарий резко принял решение.

— Через несколько месяцев, Ашот, ряд моих людей ждет повышение. Они станут гектонтархами. Ты — один из них.

Глаза армянина округлились. Он уставился на полководца.

— У нас только один гектонтарх — Маврикий. А я не...— Ашот пытался подобрать слова. Как и все катафракты Велисария, он глубоко уважал Маврикия.

Велисарий улыбнулся.

— О, Маврикия я тоже повышу. Теперь он станет хилиархом.

Ашот так и смотрел круглыми глазами. Велисарий покачал головой.

— Мы в новом мире, Ашот. Раньше я никогда не считал, что мне нужно более нескольких сотен буксларисв. Но среди многого, чему я научился в Индии, я узнал одну вещь: у малва нет по-настоящему элитных войск. По крайней мере тех, на которые они могут положиться. А я намерен максимально использовать это римское преимущество.

---

[1] Принципат — в Древнем Риме специфическая форма рабовладельческой монархии, при которой формально сохранялись республиканские учреждения. Существовала с 29 г. до н. э. до 193 г. н. э.

Он почесал подбородок, оценивая.

— Пять тысяч букелляриев. Если возможно — семь. Конечно, не сразу. Я хочу, чтобы они были элитными войсками, а не просто приближенными ко мне лицами. Но это моя цель.— Он хитро улыбнулся.— Вероятно, ты сам достаточно скоро станешь хилиархом. Мне потребуется несколько для этих войск. Командовать всеми будет Маврикий.

Ашот снова попытался подобрать слова.

— Я не думаю... Это слишком много фракийцев, полководец. Пять тысяч? Семь тысяч? — Он добавил, колеблясь: — А я армянин. Я лажу с фракийцами, которые служат сейчас, это так. Они давно меня знают. Но я не уверен, что новые фракийские ребята будет так рады иметь армянина...

— Если не смогут справиться, то я смогу их убедить,— резко ответил Велисарий.— Или выгоню их к чертовой бабушке.— Он снова улыбнулся.— Кроме того, кто сказал, что все они будут фракийцы?

Он усмехнулся, увидев, как Ашот нахмурился.

— У меня больше нет времени на нежные чувства кого-либо. Мне нужно пять тысяч букелляриев — лучших в мире катафрактов — причем как можно быстрее. Большую часть составят фракийцы. Но там будет также много иллирийцев и так много ассирийцев, сколько мы сможем найти, желающих стать катафрактами. Ассирийцы — очень крепкие ребята. Кроме этого...— Велисарий пожал плечами.— Все, кто может хорошо сражаться и научиться стать катафрактом. Греки, армяне, египтяне, варвары, даже евреи. Меня это не волнует.

Ашот справился с изначальным удивлением, теперь задумчиво трепал бороду.

— Дорого, полководец. Пять тысяч букелляриев — даже если ты не будешь таким щедрым, как обычно — то все равно...

Он замолчал, вспомнив. Он видел сокровища малва, которые полководец привез из Индии. Да, Велисарий отдал три четверти взятки Шакунтале. Но остаток все равно был огромным богатством по всем, кроме императорских, стандартам.

Ашот кивнул.

— Да, ты можешь себе это позволить. Даже с хорошим жалованьем и средствами на экипировку у тебя хватит денег, чтобы платить пяти тысячам букелляриев по меньшей мере четыре года. После этого...

— После этого или будет достаточно трофеев, или мы все умрем,— холодным тоном заявил Велисарий.

Ашот кивнул.

— Новый мир,— пробормотал он.

Их внимание привлек крик Анастасия:

— Вон Ситтас! Я его вижу!

Велисарий и Ашот посмотрели вперед. Галера проходила сквозь двойной волнорез, который отмечал вход в небольшую гавань Хормиздаса, частную гавань римских императоров. За гаванью поднимались возвышенности Константинополя. Большой Дворец, хотя и находился рядом, был спрятан за склоном. Но они видели последние ряды ипподрома. И могли слышать рев собравшейся на нем толпы.

Глаза Велисария опустились ниже, к большой фигуре, стоявшей на ближайшем причале.

Да, Ситтас. Рядом с ним стояли Гермоген и Ирина.

Когда они приблизились, Ситтас заорал громовым голосом:

— Что вы так долго? Разве не знаете, что пришла пора сражаться?

Кабан в полной ярости.

* * *

Толпа тоже пришла в полную ярость. Сиденья на ипподроме были забиты вооруженными людьми. Конечно, с одной стороны находились Голубые, с другой — Зеленые. Даже во время неожиданного союзничества лидеры группировок были достаточно мудры, чтобы не перемешивать своих людей.

Наблюдая за сценой, Балбан радовался. Стоявший рядом с ним Нарсес не радовался.

— Почти сорок тысяч! — воскликнул начальник шпионской сети малва.— Я самое большее надеялся на тридцать.

Нарсес чуть не прознес то, что вертелось у него в мозгу: «Я с ужасом думал о более чем двадцати», но сдержался. Теперь не имело смысла ввязываться в еще один бесполезный спор.

Балбан ушел. Его позвали, чтобы решить какой-то спорный вопрос между бандами. Нарсес и Аджатасутра остались, стоя в укрепленной ложе в юго-восточной части ипподрома, которую называли катхизма.

Это была императорская ложа. Зарезервированая только для него. Захватив ее, конспираторы объявили о своих намерениях.

Нарсес взглянул через плечо. Дверь в задней части ложи закрыли на засов. Эта дверь была единственным входом в катхизму, за исключением открытой стены впереди. За дверью находился крытый проход, который соединял императорскую ложу на ипподроме с Большим Дворцом.

Теперь дверь заперли с обеих сторон. Со своей стороны Нарсес видел пятерых кшатриев малва, стоявших на страже. С другой стороны, как он знал, дежурит даже большее количество личных стражников императора, с беспокойством теребящих свое оружие.

Этот проход между ипподромом и Большим Дворцом теперь служил границей между Юстинианом и теми, кто хотел его сбросить с престола.

Нарсес отвернулся. Граница тоже падет, и скоро. Ее сломает дальнейшее предательство.

Его размышления прервал тихий голос Аджатасутры:

— Кажется, ты не разделяешь энтузиазма Балбана от нашей многочисленной армии.

Нарсес фыркнул.

— Позволь мне объяснить тебе истинное положение вещей с бандами с ипподрома, Аджатасутра. И Зеленые, и Голубые имеют примерно по пять тысяч человек, которые могут считаться настоящими уличными бандитами и способны преуспеть в уличных драках. Возничие на колесницах и те, кто их окружает. Те, кто принимает ставки, и их прислужники, помогающие ставки выбивать. Такой сорт. Серьезные бандиты.

Он показал пальцем на простирающийся перед ними ипподром.

— Это те, кто держит в руках настоящее оружие — хорошо сделанные мечи, копья и имеет на голове шлем. Может, даже какие-то доспехи.

Его губы исказила гримаса.

— Затем у каждой группировки есть еще по пять тысяч человек — самое большее — которые могут за себя постоять в драке. На уровне драки в таверне. Остальные...

Он презрительно отмахнулся, жест был почти неприличный.

— Просто дерьмо. Любители падали, которых привлек запах гниющей плоти.

Нарсес опустил руку. Ухмылка исчезла, теперь он просто хмурился.

— Я вспоминаю разговор, который у меня однажды состоялся с Велисарием. Полководец сказал мне, что одна из худших ошибок, которые делают люди, когда дело доходит до военных вопросов,— это путать количество с качеством. Многочисленная, некомпетентная армия, сказал он мне, больше мешает сама себе, чем противнику. А затем, если их отбрасывают назад, то паника толпы заражает хорошие войска.

Нарсес вздохнул.

— Поэтому давай надеяться, что нас никто не откинет назад. И не нарушит планов. Я не стал бы доверять этой толпе в критическом положении больше, чем я стану доверять такому количеству крыс.

Аджатасутра пожал плечами.

— Не забывай, Нарсес. У нас еще есть четыреста кшатриев, чтобы укрепить их намерения. С оружием Вед. Это должно придать мужества толпе.

— Вскоре мы узнаем,— Нарсес снова вытянул палец вперед. На этот раз просто показывал.— Посмотри. Они закончили установку ракет.

Аджатасутра взглянул в нужном направлении. В дальней северо-восточной части ипподрома, где беговая дорожка заворачивала, кшатрии

малва установили несколько ракетниц на грязной поверхности арены. Желоба смотрели вверх под углом, целясь прямо через ипподром.

Балбан хотел зацементировать преданность группировок демонстрацией оружия Вед. Начальник шпионской сети не сомневался: римлян наполнит чувство религиозного благоговения. Сработают предрассудки. Со своей стороны Нарсес был скептически настроен. Бандиты с ипподрома — не дикари. Они все-таки жили в Константинополе. Но евнух не стал возражать против плана. В то время, как он не думал, что бандиты придут в благоговейный трепет, на них произведет впечатление простая сила ракет.

Наблюдая, как последние Голубые и Зеленые занимают свои места, Нарсес улыбнулся. Малва убедили группировки, что ракеты безопасно пройдут над юго-западной стеной ипподрома, но бандиты не рисковали. Вся юго-западная часть ипподрома оставалась пустой. У основания желобов кшатрии бросили кучи слоновьих шкур, которые сейчас смачивали из ближайшего питьевого фонтана. На ипподроме было много таких фонтанов, в которые вода поступала по небольшому акведуку. Та же вода использовалась для смачивания больших деревянных частоколов, которые малва воздвигли за своими стреляющими желобами. Несмотря на заверения лидеров группировок, у кшатриев был слишком большой опыт с непредсказуемыми ракетами, чтобы лишний раз рисковать самим. Большинство солдат малвы встанут за этими баррикадами, когда начнется стрельба.

— Идет Ипатий,— объявил Аджатасутра.— И Помпей.

Нарсес бросил взгляд вниз по ступенькам, которые вели с ипподрома к императорской ложе. Ступеньки заканчивались на широкой каменной платформе прямо перед катхизмой. В целях безопасности прямой доступ оттуда в императорскую ложу отсутствовал. Но почетные гости и официальные лица, салютующие императору, могли стоять на платформе и смотреть на Их Высочество, которое восседало на троне над ними. От наемных убийц императора отделяла стена высотой в девять футов.

По этим каменным ступеням два племянника бывшего императора Анастасия взбирались вверх в сопровождении Балбана. Лица Ипатия и Помпея побелели от беспокойства. Их шаги были нетвердыми, губы дрожали. Но они все равно поднимались. Жадность и амбиции в конце победили страх.

— Наконец-то,— проворчал Нарсес.

Минуту спустя вновь прибывших подняли через стену в императорскую ложу. Императорские племянники с трудом перенесли это, несмотря на помощь нескольких кшатриев. Балбан, несмотря на плотное телосложение, справился гораздо легче.

Увидев, как Нарсес нахмурился, Балбан весело улыбнулся.

— Ты слишком пессимистичен, друг мой. Какой мрачный человек! Теперь все на месте. Группировки здесь. Кшатрии здесь. Новый император здесь. Армия Вифинии на пути сюда. А Иоанн из Каппадокии уже готов воткнуть нож в Большом Дворце.

Внезапно из-за двери, ведущий в Большой Дворец, донеслись крики. Крики тревоги, от стражников. Затем лязганье стали. Балбан развел руками, широко улыбаясь.

— Видишь? Иоанн выпустил своих букселлариев. Что может пойти не так?

* * *

Когда пришел черед последнего предательства Иоанна из Каппадокии, оно оказалось грубым и простым.

Он стоял на полу небольшого зала для приемов, где Юстиниан срочно собрал совет, и неистово отрицал последнее обвинение Феодоры, выдвинутое против него.

— Это наглая ложь, Ваше Величество,— клянусь в этом! Стражники в этом зале — самые лучшие из твоих личных охранников,— он махнул рукой на солдат с копьями, которые стояли вдоль стен и за тронами.

— Которых выбрал ты,— рявкнула Феодора.

Иоанн развел руки в успокаивающем жесте.

— Эта одна из моих обязанностей, как префекта претория.

Юстиниан твердо кивнул. Пять других министров в зале повторили его жест, хотя и не так явно. Им не хотелось навлекать на себя гнев Феодоры.

Императрица проигнорировала их. Феодора наполовину привстала с трона и показала пальцем на Иоанна из Каппадокии. Ее голос, несмотря на всю ярость, был холодным и почти спокойным.

— Ты предатель, Иоанн из Каппадокии. Ирина Макремболитисса сказала мне, что ты дал взятку и подстрекал к предательству дюжину императорских стражников.

Внезапно за закрытыми дверьми зала, где совещался совет, раздался звук схватки. Иоанн из Каппадокии на мгновение повернул голову. Когда он снова посмотрел вперед, то улыбнулся императрице.

— Она ошиблась, императрица,— сказал Иоанн.

И рубанул воздух.

Четверо стражников, стоявших в дальней части зала, прошли вперед и схватили императора и императрицу за руки, прижимая их к подлокотникам. Десять других, стоявших вдоль стен, мгновенно подняли копья и закололи шесть оставшихся стражников. Атаки были такими быстрыми и безжалостными, что только один из преданных

стражников смог отразить первый удар копья. Но все равно умер мгновение спустя от второго удара.

— Их четырнадцать! — воскликнул Иоанн из Каппадокии.

Десять предателей-стражников теперь бросились на пятерых министров, стоявших с одной стороны. Четверо из них, пораженные случившимся, даже не пошевелились. Они умерли там, где стояли, с открытыми ртами и выпученными глазами.

— Получилось так, что все четырнадцать оказались в этом зале,— смеялся префект претория.

Пятый министр, старший над нотариусами[1], соображал быстро. Несмотря на возраст и внешность ученого, он ловко уклонился от удара мечом и рванул к двери. Ему удалось положить руку на ручку до того, как ему в спину врезалось копье. Мгновение спустя ему в спину воткнулись еще два.

Даже тогда, даже падая на колени, он слабо попытался открыть дверь. Но первый из предателей-стражников добрался до него, и яростный удар меча отрубил голову пожилого человека.

Иоанн смотрел, как голова министра катится по полу и останавливается у задравшегося угла ковра.

— Конечно, я проверил, чтобы они все сегодня стояли здесь. Знаете ли, это моя работа. Как префекта претория.

Он улыбнулся императору и императрице. Юстиниан молчал, бледный от шока, обвисший в руках захвативших его в плен. Феодора тоже прекратила сражаться против державших ее рук, но не побледнела и не молчала.

Она яростно шипела.

— Только четырнадцать, предатель? Значит, остается пятьсот верных стражников, чтобы порубить тебя на куски!

Иоанн из Каппадокии весело засмеялся. С показным издевательским поклоном махнул на большую дверь, ведущую в коридор. Не прошло и пяти секунд, как дверь резко распахнулась. Заляпанные кровью солдаты ввалились в зал для приемов. Они широко улыбались и победно махали окровавленными мечами. Они были в форме букеллариев Иоанна из Каппадокии.

— Все, Иоанн! — закричал один из вновь прибывших.— Клянусь — все!

Один из следовавших за ним добавил:

— Не совсем. Несколько стражников забаррикадировались в монетном дворе. И все стражники Феодоры еще в Гинекее.

---

[1] Нотариус — с 3 в. так именовали всех доверенных писцов и канцелярских служащих, позднее — делопроизводителей и служащих судебного ведомства.

— Разберитесь с ними,— приказал префект претория. Его букеллярии тут же покинули зал.

Иоанн повернулся к императорской чете. Феодора плюнула в него. Он уклонился от плевка и ответил на презрение императрицы веселой улыбкой, перед тем как посмотреть на Юстиниана.

— Действуйте,— приказал он.

Двое державших Юстиниана стражников стащили императора с трона и с возвышения на покрытый ковром пол зала. Третий врезал Юстинину под колени сзади так, что император упал на колени и согнулся пополам. Двое держали его за руки. Третий сбросил у него с головы тиару, схватил Юстиниана за волосы обеими руками и оттянул голову императора назад.

Когда Юстиниан поднимал голову, его глаза встретились с взглядом палача, заходящего в зал через боковую дверь. В руках он нес железный прут. На руках были надеты рукавицы. Конец прута раскалили докрасна.

Это станет последним, что император увидит в жизни, и он это знал. Ему едва хватило времени, чтобы начать кричать до того, как раскаленный прут врезался ему в левый глаз. Мгновение спустя — в правый. Палач действовал быстро, он знал свое дело.

Крик императора, казалось, сотряс стены зала. Но он был коротким, очень коротким. Через несколько секунд настоящая агония лишила Юстиниана сознания. Державший его голову стражник отпустил ее. Мгновение спустя то же сделали те, кто держал его руки. Император рухнул на пол.

Крови не было. Раскаленный докрасна конец железного прута прижег жуткие раны как только их нанес.

На что тут же указал Иоанн из Каппадокии.

— Ты видишь, какой я милостивый, Феодора? — спросил он. Еще один издевательский поклон.— Другой человек — жестокий и презренный, как ты так часто меня называла — убил бы твоего мужа. Но я удовлетворен, просто ослепив его.

Затем он добавил весело:

— И ведь ослепление проведено экспертом! — Затем с небрежной беззаботностью ценителя: — Знаешь, это настоящее искусство. Большинство людей это не оценивают. Сложно ослепить человека, одновременно не убив его. Менее чем один из десяти выживает после обычного палача.— Иоанн величественно показал на человека в рукавицах, который ослепил императора.— Я использую только лучших! Самых лучших! По моим оценкам...— Он сделал паузу, изучая распростертое на полу тело Юстиниана с преувеличенной внимательностью.— У твоего мужа один шанс из трех! — пришел к выводу Иоанн.

На протяжении всего монолога Феодора не произнесла ни слова. Она не смотрела на Юстиниана. Она не отводила взгляда от Иоанна из Каппадокии. Смотрела пустыми глазами, как ворота к проклятию.

Даже празднующий победу Иоанн отшатнулся от этого адского взгляда.

— Теперь никакой твоей надменности, сука, не будет! — рявкнул он и показал пальцем на Юстиниана.— Один шанс из трех, говорю я. Если он немедленно получит медицинскую помощь. Самую лучшую медицинскую помощь.— Он усмехнулся.— Которая у меня тоже есть. За определенную цену.

Феодора ничего не сказала. Адский взгляд не колебался ни на мгновение.

Иоанн отвернулся. Его взгляд остановился на Юстиниане. Казалось, Иоанн из Каппадокии черпает силу из этого жалкого зрелища. Хотя его глаза избегали Феодору, говорил он холодно и уверенно.

— Теперь, после того как Юстиниан ослеплен, он больше не может быть императором. Ты знаешь римское право, Феодора. Ни один калека не может носить мантию. Его не примут ни Сенат, ни население, ни армия. Ему, как императору, конец.

Он ухмылялся. Но все равно избегал встречаться с взглядом Феодоры.

— Ты можешь — можешь — все еще спасти его жизнь. Что от нее осталось. Если больше не будешь сопротивляться. Если ты публично провозгласишь Ипатия новым императором.

Когда Феодора наконец заговорила, ее голос соответствовал взгляду. Голос из ада.

— Я не сделаю ничего подобного. Если ты приведешь ко мне червя Ипатия, я плюну на него. Если ты потащишь меня на ипподром, я прокляну его перед толпой.

Она вырвала правую руку у стражника, который ее держал. Показала пальцем на Юстиниана.

— Все, что ты сделал, это ослепил человека, которого и так ослепила бы смерть. Ты угрожаешь убить человека, когда ни один человек не живет вечно. Ну так сделай это. Убей меня вместе с ним. Я — императрица. Я лучше умру, чем уступлю и сдамся.

Она поднялась на троне.

— Есть старая поговорка, которую я одобряю: королевская мантия — хороший саван.

Адский взгляд. Адский голос.

— Так убивай же, предатель. Убивай нас, трус.

Иоанн сжал кулак, открыл рот. Но до того как он успел произнести хоть слово, один из его букелляриев ворвался в зал. Солдат резко остановился, чуть не свалившись, когда зацепился за смятый ковер. У него со лба капал пот. Он хватал ртом воздух.

Полукрича, полушепотом он сообщил:

— Армию Вифинии разгромили на море! Половину их кораблей сожгли! Большинство выживших вернулись в Халкедон!

Он опять хватал ртом воздух.

— Говорят, армия движется к ипподрому. Катафракты,— он опять хватанул воздух.— Говорят, их ведет шлюха Антонина.— Он хрипел.— И говорят — здесь Велисарий!

Смех Феодоры был весел, словно смех самого Сатаны.

Адский смех.

— Вы все — мертвецы. Ну, убейте нас, предатели! Сделайте это, трусы! С той же уверенностью, что встает солнце, вы присоединитесь к нам до заката!

Все предатели в зале уставились на императрицу.

Иоанн из Каппадокии славился своими ухмылками. Но ухмылка Феодоры в сравнении с его была как клыки тигра в сравнении с резцами мелкого грызуна.

— Ну, трусы! Похвастайтесь Велисарию, что вы убили его императора и императрицу. Сделайте это! Расскажите верному человеку о вашем предательстве. Сделайте это! Скажите человеку чести, что вы убийцы. Сделайте это! — она опять ухмыльнулась.— После того как он насадит ваши головы на копья. После того как плоть сгниет на ваших черепах. Он смелет ваши кости в пыль. Он скормит их фракийским свиньям. А на ваших могилах размажет свиное дерьмо.

Она замолчала.

— Ну, трусы! Убейте нас, предатели!

Иоанн рявкнул, без слов выражая ярость.

— Держите их здесь! — приказал стражникам.— Пока я не вернусь!

Он широкими шагами вышел из зала, вслед за ним шел его букелларий. К тому времени, как Иоанн достиг двери, он почти бежал.

В коридоре снаружи он в самом деле побежал. Но насмешка Феодоры следовала быстрее.

— Я буду ждать тебя в аду, Иоанн из Каппадокии! До того как тебя заберет Сатана, я выжгу тебе глаза своей мочой!

После того как Иоанн из Каппадокии ушел, Феодора опустила глаза на тело Юстиниана.

— Отпустите меня,— приказала она.

С колебаниями, но неизбежно — словно подчиняясь силе природы — стражники ослабили хватку. Они теперь стали предателями, но они слишком много лет находились на императорской службе, чтобы отказать этому голосу.

Императрица встала и спустилась с возвышения на пол. Склонилась и встала на колени рядом с Юстинианом. Император был все еще без сознания. Твердо, но осторожно Феодора обняла его. Откинула

волосы с его изуродованного лица и уставилась на жуткие сморщенные раны, которые совсем недавно были глазами ее мужа.

Когда она заговорила, в голосе не осталось ни следа каких-либо эмоций. Он был просто холодным. Ледяным.

— В соседней комнате есть вино. Принесите его, предатели. Мне нужно обмыть раны.

На мгновение что-то, почти напоминающее юмор, появилось у нее в голосе. Холодный, холодный юмор.

— Я пришла с улиц Александрии. Неужели вы думаете, что я раньше не видела, как слепят человека? Неужели вы думаете, что я сломаюсь от смерти и пыток?

Юмор ушел, лед остался.

— Принесите вино. Сделайте это, трусы.

Двое стражников поспешили подчиниться приказу. На мгновение они столкнулись и мешали друг другу в дверном проеме, перед тем как решить, кто выйдет первым.

Минуту спустя один из стражников вернулся с двумя амфорами. Второй не вернулся.

Феодора смочила подол императорской мантии вином и осторожно начала промывать раны Юстиниана.

Человек, который принес вино, выскользнул из двери. Не прошло и минуты, как за ним последовал другой. Еще один. Затем двое.

Феодора не поднимала головы. Еще один ушел. Еще. Двое.

Когда в комнате осталось только четверо стражников, императрица, все еще не поднимая головы, прошептала:

— Вы все — мертвецы.

Адским шепотом.

Все четверо поспешили из зала. Их шаги в коридоре эхом отдавались в пустом зале. Вначале быстрые шаги. Очень скоро — бег.

Теперь Феодора подняла голову. Она уставилась на дверь, сквозь которую убежали предатели.

Адский взгляд. Адское шипение.

— Теперь вы все — мертвецы. Куда бы вы ни пошли, я вас найду. Где бы вы ни спрятались, я вас найду. Я прикажу вас ослепить. Самому неловкому мяснику в мире.

Она опустила голову, черными глазами уставилась на лицо мужа.

Медленно, очень медленно адский огонь затух. Через некоторое время первые слезы стали омывать лицо Юстиниана.

Этих слез было немного. Совсем немного. Они исчезли в вине, которым Феодора промывала раны мужа, словно они были такой же природы, как и вино. Тек непрерывный небольшой ручеек слез из самого маленького, самого твердого, самого постоянного сердца в мире.

Глава 27

Первая ракета привела толпу на ипподроме в благоговейный трепет. Удачно, что ракета пролетела практически ровно и взорвалась, пока находилась в поле зрения всей толпы. Из хвоста вырывалось пламя, потом она взорвалась в небе, как раз над незанятыми сиденьями с юго-западной стороны.

Бандиты из группировок заорали, выражая свое одобрение. Многие из них вскочили со своих мест и победно размахивали оружием.

Судя по открытым ртам расположившихся в императорской ложе Ипатия и Помпея, зрелище произвело впечатление и на них. Но наблюдавший сзади Нарсес обратил внимание на маленькие нюансы.

Открытый рот Ипатия сопровождался хмурым выражением лица. Вновь коронованный «император» — тиара красовалась на голове — был далеко не всем доволен. Рев одобряющей ракеты толпы казался значительно более полон энтузиазма, чем рев, с которым они приветствовали его «взошествие на престол» менее пяти минут назад.

Открытый рот его брата Помпея тоже сопровождался гримасой недовольства. Но в этом случае на лице отражалась задумчивость. Помпей уже планировал сбросить брата.

Нарсес фыркнул в дальней части ложи. Это, как он знал, тоже было частью заговора малва. Индусы намеревались сделать низвержение Юстиниана точкой, с которой начнется целый раунд гражданских войн, один претендент на трон станет бороться с другим. Годы гражданской войны — как в худшие дни после правления Антонина, за три столетия до этого — в то время, как малва расправляются с Персией без чьего-либо вмешательства и готовятся к последнему решающему удару по Риму.

Как и всегда, Нарсес подумал, что малва перехитрят сами себя. Они бы лучше придерживались первоначального плана — поддерживали бы амбиции Юстиниана покорить Запад. Это послужило бы их целям, без дополнительного риска вооруженного восстания.

Но Нарсес медленно и осторожно убедил их в обратном. У евнуха имелись свои амбиции, которые требовали убрать Юстиниана с пути. Он рисковал будущими планами малва ради собственного немедленного приобретения большей власти. Не будет гражданских войн. Нарсес положит им конец, быстро и безжалостно.

Евнух проследил за следующей ракетой, взмывающей в небо. Траектория этой оказалась гораздо более неровной, чем первой, что было заметно невооруженным глазом. К тому времени, как ракета взорвалась, она скрылась из виду за северо-западной стеной ипподрома.

Нарсес вздохнул в отчаянии. Он тоже был очень умен. Но он стар. У него практически нет выбора. У Нарсеса нет времени ждать годами,

пока Юстиниан вымотает Римскую империю в своей грандиозной попытке восстановить былую славу.

Еще одна ракета. Это вела себя правильно. Но четвертая после начального многобещающего взлета внезапно пошла по дуге вниз и взорвалась на самом ипподроме. К счастью, в секторе, где она приземлилась, не сидели люди.

Нарсес снова вздохнул.

Не перехитрил ли он сам себя?

Он дернулся от другого взрыва. Сектор рядом с местом расположения группировки Голубых объяло пламенем и дымом. Однако никто не пострадал.

Нарсес нахмурился. Ракеты не было.

Еще один взрыв. Этот прогрохотал на грани толпы Голубых, убив нескольких бандитов и раскидав куски разорванных тел по находящимся поблизости приятелям.

Балбан, который сидел рядом с «императором» Ипатием, вскочил на ноги. Повернулся и гневно уставился на Аджатасутру.

— Ты, дурак, дал гранаты группировкам? — спросил он.

Аджатасутра стал отрицать обвинения, но замолчал. В его отрицаниях не было необходимости.

Истина внезапно стала очевидна.

Теперь серия взрывов содрогнула сектора, убивая как Голубых, так и Зеленых и не делая между ними различий. Огромная толпа поднималась на ноги, кричала и размахивала оружием.

Размахивала, но не победно, а глядя на своих новых врагов — которые теперь строем заходили на ипподром через широкие ворота в незанятой юго-западной части.

Катафракты — пешком, что удивительно — по флангам защищали небольшую армию мужчин — и женщин? — которые отправляли гранаты в толпу на ипподроме. Из пращей!

Теперь все в императорской ложе вскочили на ноги и наклонились, прижимаясь к открывающей вид на ипподром стене.

Все за исключением Нарсеса, который просто остался сидеть на своем месте, вздыхая. Нарсес слышал слабые воинские кличи вновь прибывшего врага.

— Ничто! Ничто!

Он перехитрил сам себя.

* * *

Стоявший на причале Велисарий услышал те же взрывы.

— Это Антонина! — воскликнула Ирина.— Сражение на ипподроме уже началось!

Ситтас и Гермоген посмотрели на Велисария.

— Ипподром может подождать,— заявил он.— Антонина в состоянии справиться с толпой, по крайней мере временно способна ее удерживать. Мы должны проверить, в порядке ли император с императрицей, до того как займемся чем-то еще.

Ситтас показал в море.

— Осталось еще несколько кораблей из флотилии Эгидия. Они вскоре причалят в порту Цезаря.

Велисарий пожал плечами.

— Пусть. Большая часть той армии разбита. Вероятно, сам Эгидий мертв. Даже если и нет, ему придется потратить немало времени, чтобы собрать войска и организованно пойти к внутренней части города. Мы разберемся с ними позднее.

Он показал вверх по склону.

— Мы должны обеспечить безопасность Большого Дворца. Прямо сейчас.

Не говоря больше ни слова, Велисарий пошел с причала. Ирина и фракийские букелларии последовали за ним. Ситтас с Гермогеном очень быстро организовали свои войска, и те тоже строем отправились из гавани.

До Большого Дворца было только четверть мили. С Велисарием во главе небольшая армия из пятисот катафрактов и двух тысяч пехотинцев добралась до стен, окружающих Большой Дворец, за несколько минут.

Большой Дворец в Константинополе представлял собой обширный комплекс. Это был почти маленький город в городе. Многие здания дворца отделялись перистилями[1] или портиками, которые перемежались открытыми дворами и садами. Портики украшали мозаики, дворики и сады — статуи и фонтаны. Это было идеально спланированное место для того, чтобы держать оборону, но Велисарий знал: им вначале нужно справиться со всеми врагами, чтобы такую оборону организовать. Поэтому один из немногих разов в жизни он приказал фронтальную атаку. Он посмотрел на Гермогена.

— Штурмовые лестницы с собой?

Гермоген ответил, просто показав пальцем назад. Велисарий обернулся и увидел, как подразделения пехотинцев уже бегут с веревками и крюками.

Велисарий был доволен — в некотором роде. Он более внимательно изучил стену. По меньшей мере восемь футов в высоту.

— Нам на самом деле нужны лестницы,— пробормотал он.— Чтобы достаточное количество людей перебралось вовремя и...

---

[1] Перистиль — колонны, окружающие здание или внутренний двор.

Он замолчал, увидев выражение сдерживаемого раздражения на лице Гермогена.

— Мы тренировались для этого,— проворчал Гермоген.— Я не хотел всюду таскать с собой занимающие много места лестницы, поэтому вместо них...— Он сделал глубокий вдох.— Просто смотри, полководец. И расслабься.

Велисарий улыбнулся. Смотрел. Улыбался очень широко.

На расстоянии тридцати футов, вдоль по двумстам ярдам стены, взводы из десяти человек пехотинцев забросили крюки. Мгновенно по два человека из каждого взвода быстро забрались по веревкам и спрыгнули в сад с другой стороны. Другие разделились по двое. Каждая пара помогала перебираться другим солдатам, используя щит, который они держали между собой. Солдаты вставали на щит, подтягивались, потом перепрыгивали с другой стороны, где их уже ждали товарищи. После того как первая волна солдат перебралась через стену, первые пары заменили свежие солдаты, а те сами перебрались через стену.

Из-за окружающих дворцовую территорию стен Велисарий слышал крики удивленных защитников, лязганье стали и удары по щитам. Но криков было немного, а лязганье стали вскоре стихло.

Это произвело на Велисария впечатление. Менее чем за минуту пятьсот пехотинцев перемахнули через забор и оказались на дворцовой территории. Мало этого, судя по звукам, они уже справились с оказавшимися поблизости защитниками.

— С такой короткой стеной — ее для меня замерила Ирина — это срабатывает быстрее, чем лестницы,— довольно прокомментировал Гермоген.— При необходимости я смог бы перебросить всех пехотинцев менее чем за четыре минуты. Но у нас такой необходимости нет, потому что...

Велисарий услышал победный крик. Повернув голову, увидел, как открываются одни ворота. Через несколько секунд толкавшие их изнутри пехотинцы полностью их распахнули. Мгновение спустя начали открывать еще двое ворот.

Ситтас и двадцать катафрактов уже с грохотом неслись в первые ворота. Другие катафракты встали в ожидании перед следующими воротами. Как только путь был свободен, они все отправились на дворцовую территорию.

После того как вошла тяжелая конница, последовала остальная пехота. Велисарий и Гермоген держались позади, за ними в нескольких шагах следовала Ирина. Впереди — Валентин с Анастасием. Мснандр, Ашот и остальные фракийцы держались по обоим флангам.

Как только Велисарий оказался на прилегающей ко дворцу территории, он быстро оглядел местность. Войска Гермогена уже заняли

позиции по периметру, в то время как Ситтас и его люди выстраивались типично для катафрактов. Катафракты были слегка дезорганизованы. Шахматный порядок не подходил для дворцовой территории, которую едва можно было назвать идеальной местностью для тяжелой конницы, со всеми садами, маленькими беседками и открытыми портиками.

Велисария это не волновало. Эти же препятствия придется преодолевать и вражеским катафрактам, и он сомневался, что по отдельности они справятся с элитными наездниками Ситтаса. Если возникнет необходимость, он использует катафрактов Ситтаса, как закованный в броню кулак. Но он рассчитывал на пехоту.

Это пехота — отличная пехота — уже дала ему преимущество. То, как они быстро перебрались через стену, очевидно, застигло предателей врасплох. Лежа у ворот, Велисарий видел тела, возможно, человек тридцати. Большинство из них, судя по форме, были из личного окружения Иоанна из Каппадокии. Кроме них из врагов виднелась только горстка солдат, которые быстро отступали.

Отлично. Но...

Тут и там среди трупов букеллариев Иоанна и нескольких пехотинцев Гермогена он также увидел тела людей, одетых в форму императорской стражи. И Велисарий смутно слышал звуки сражения, доносящиеся от Гинекея.

Он повернулся к Ирине.

— Где Юстиниан? И Феодора?

Она показала пальцем на северо-восток, на одно из более удаленных зданий.

— Они собирались проводить экстренное заседание совета в зале для приемов во дворце Льва.

— Я знаю, который это,— кивнул Велисарий и повернул в том направлении.— Гермоген! — крикнул он.

Командующий пехотой, находившийся в нескольких ярдах, посмотрел на него. Велисарий показал на нужное здание.

— Половину твоих людей отправь со мной. Сам бери вторую половину и спасай Гинекей.

Галопом подъехал Ситтас, за ним следовали катафракты на лошадях. Велисарий сделал круговое движение рукой.

— Ситтас, очисти придворцовую территорию!

Ситтас улыбнулся. Тучный полководец развернул коня.

— Вы слышали! — заорал он.

Его конь перепрыгнул через низкую живую изгородь и помчался галопом к центру комплекса. Его кавалеристы последовали, проносясь сквозь сады, дворы и портики. Растительность топтали под копытами, статуи падали с пьедесталов, разбивались. Фонтаны выжи-

ли, в большей или меньшей степени неповрежденные. Как и, конечно, колонны, поддерживавшие портики, хотя многие из красивых плиток, которыми был выложен пол, разбились, а некоторые настенные мозаики пострадали, когда мимо проезжали катафракты и кто-то задевал их одетым в броню плечом или острием копья.

В самом центре дворцого комплекса Ситтас встретил двести букелляриев Иоанна. Большинство из них сидело на конях. А те, кто еще не сел в седло, как раз пытались это сделать — трудный процесс для одетых в броню катафрактов. Все они казались дезорганизованными и пребывали в смятении.

Ситтас не оставил им никакого шанса. Он даже не потрудился выкрикивать какие-то приказы. Он просто опустил копье и с грохотом понесся в толпу. Его пятьсот катафрактов следовали прямо за ним и следовали его примеру.

Результатом стала чистая бойня. Букелларии Иоанна из Каппадокии удивились. Они находились в меньшинстве. К тому времени, как они осознали опасность, Ситтас и его люди практически накрыли их. На этом расстоянии луки были бесполезны. Большинство приближенных Иоанна успели поднять копья, но...

У них не было стремян. Ситтас и его катафракты прошли сквозь толпу, как топор проходит сквозь мягкую древесину. Половина букелляриев Иоанна умерли или получили тяжелые ранения во время первой атаки копьеносцев. После этого, при сражении мечами и булавами, колоссальное преимущество получили те, у кого имелись стремена. Оставшиеся после первой атаки букелларии продержались меньше минуты. В конце сдаться смогли не более двадцати букелляриев Иоанна. Остальные или умерли, или получили тяжелые ранения, или лежали без сознания.

Тем временем Гермоген повел тысячу своих пехотинцев в Гинекей. Попав в лабиринт женской части комплекса, Гермоген ориентировался по звукам битвы. Через две минуты после того, как он попал в комплекс, они с пехотинцами уже увидели спины букелляриев Иоанна, которые сражались с остатками стражников Феодоры.

Сражение в Гинекее не было таким кровавым, как схватка на придворцовой территории, по той простой причине, что букелларии Иоанна сдались практически сразу же. Они попали в безнадежный капкан между двумя силами, а сами по сути являлись только наемниками. Что бы ни говорили о его других талантах, Иоанн из Каппадокии не смог зацементировать преданность букелляриев.

Сам Велисарий не столкнулся ни с кем из врагов, за исключением небольшой группы букелляриев — не более сорока, которых встретил, когда они покидали дворец Льва, как раз когда полководец к нему приближался. Катафракты находились в процессе залезания в седло.

Сражения не последовало. Букелларии только один раз взглянули на сотню пехотинцев, летящих на них, и тут же пронеслись прочь. Те, кому не удалось вовремя сесть в седло, также отступили, с трудом передвигая ногами. Одетым в броню наездникам очень тяжело бежать на своих двоих.

Велисарий дал им уйти. У него были другие, гораздо более важные заботы. Он бросился в здание. Вслед за ним бежала пехота. Велисарий пронесся по коридорам, которые смутно помнил, в поисках зала для приемов.

В душе теплилась надежда, но он боялся худшего.

* * *

— Кто это? — прокудахтал «император» Ипатий, склонившись через стену, которая отделяла императорскую ложу от ипподрома. Он уставился на небольшую армию, которая вливалась сквозь юго-западные ворота. Затем подавился, увидев, как они выпускают из пращей гранаты на огромную толпу бандитов на другой стороне ипподрома.— Где они взяли гранаты? — завизжал он.

Тут послышался новый боевой клич:

— Антонина! Антонина!

Аджатасутра склонился через стену и тоже изучил вторгнувшихся. Его глаза были прикованы к невысокой фигурке, которая замыкала шествие. В шлеме, в броне, но безошибочно женская.

Он горько улыбнулся и отвернулся. Посмотрел на Балбана и показал большим пальцем назад.

— Это то, что ты называешь овцами.

Ипатий теперь трясся от чистого ужаса. Как и Помпей.

Кто-то начал колотить в дверь в задней части ложи, в запертую дверь, которая вела в Большой Дворец. Нарсес узнал голос Иоанна из Каппадокии.

— Откройте! Откройте!

По приказу Балбана охранявший дверь кшатрий открыл ее.

Иоанн из Каппадокии ворвался в ложу, вслед за ним бежали трое его букелляриев.

— Здесь Велисарий! — заорал он.— У его шлюхи Антонины какая-то армия...

Он резко замолчал, увидев происходящее на ипподроме.

— Она уже здесь! — рявкнул Балбан, показывая пальцем через стену.— И у нее гранаты!

Нарсес вздохнул.

«Перехитрил сам себя».

Евнух встал. Пошел вперед. Взял все в свои руки.

— Вы ослепили Юстиниана? — спросил он.

Иоанн из Каппадокии кивнул.

— Феодору?

— Она под стражей во дворце.

Нарсес взял Балбана под локоть и показал на стену, отделяющую императорскую ложу от ипподрома. Он показал на сотни кшатриев, которые обслуживали ракетницы. Четыреста кшатриев, в отличие от тысяч суетящихся и приведенных в смятение бандитов, уже выстраивались боевым порядком. Большинство открывало ящики с гранатами. Кшатрии, управляющие ракетницами, быстро перенацеливали их.

— У тебя все еще есть твои солдаты и — если сможешь обеспечить руководство — эта огромная толпа бандитов. Спускайся туда! Немедленно!

Балбан не стал спорить или возражать. Начальник шпионской сети тут же перебрался через стену.

Нарсес схватил Ипатия и толкнул к стене.

— Иди с ним! — приказал он.— Ты — новый император! Ты должен собирать толпу на ипподроме!

Итатий протестующе что-то лепетал. Нарсес незамедлительно собственноручно потащил «императора» к каменному парапету. Несмотря на ужас, Ипатий не мог сопротивляться силе старого евнуха. Наполовину перекинутый через стену — не с того конца — Ипатий уставился на Нарсеса.

— Ну! Делай что сказано! — приказал евнух.

Его глаза смотрели на Ипатия, как змея смотрит на свою жертву. Через мгновение Ипатий разжал пальцы, в ужасе сжимавшие стену. «Император» приземлился кучей на каменной площадке внизу.

Мгновенно поднялся на ноги и попытался запрыгнуть назад на стену.

Безнадежно. Эта стена была спроектирована так, чтобы наемные убийцы не подобрались к императору. Сильный и ловкий человек мог бы подпрыгнуть достаточно высоко, чтобы ухватиться за верхний край стены. Ипатий не был ни сильным, ни ловким.

Новый «император» захрипел от страха.

— Ну! Делай что сказано! — велел Нарсес.

Ипатий вдохнул воздух. Повернул голову и увидел Балбана. Начальник шпионской сети бежал над верхними рядами ипподрома, направляясь к кшатриям у ракетниц. Он находился уже в сорока ярдах от площадки.

Лопоча что-то себе под нос в страхе, Ипатий шатаясь тронулся за ним.

В императорской ложе Нарсес отвернулся от стены и посмотрел на Иоанна из Каппадокии.

— Где остальные твои букелларии? — спросил он.

Иоанн гневно уставился на него.

— Это не твое...

— Ты — идиот! — рявкнул евнух.— Ты держал их во дворце, так? Планировал, чтобы они не пострадали, так? Чтобы использовать их *потом*?

Иоанн смотрел гневно, но не стал отрицать обвинения.

Нарсес показал пальцем на хаос на ипподроме.

— «Потом» уже наступило, Иоанн. Потом — это сейчас. Веди их сюда! Если добавить тысячу твоих букелляриев, то мы все еще имеем шанс выиграть.

Иоанн начал возражать. Евнух заткнул его:

— Делай!

Иоанн больше не спорил. Он бросился по коридору, ведущему в Большой Дворец. Нарсес пошел за ним и потащил за руку Помпея. Перед тем как последовать, Аджатасутра приказал все еще остающимся в ложе кшатриям присоединиться к Балбану. Когда он покидал ложу — теперь пустую,— кшатрии уже перебирались через стену и спрыгивали на ипподром.

В коридоре Аджатасутра быстро догнал Нарсеса и Помпея.

Наемный убийца улыбнулся, склонился к евнуху и прошептал:

— Ты говорил «годы гражданской войны».

Нарсес бросил на него взгляд, но ничего не сказал. Евнух концентрировал внимание на том, чтобы тащить лопочущего Помпея вперед. Брата нового «императора» практически парализовало от страха.

— Если не будешь шевелиться, я оставлю тебя здесь,— рявкнул Нарсес.

Помпей внезапно припустил бегом по коридору.

Нарсес позволил ему уйти.

— По крайней мере он побежал в нужном направлении,— проворчал евнух.— Мы поймаем его позднее. Он где-нибудь потеряет сознание.

Евнух побежал рысцой. Аджатасутра легко поддерживал тот же темп.

Наемный убийца снова склонился и прошептал. Также улыбаясь.

— «Римская империя целое поколение будет в хаосе»,— говорил ты.

Нарсес проигнорировал его.

Аджатасутра улыбался.

— «Это гораздо лучше, чем позволять Юстиниану вести свои глупые войны»,— говорил ты.

Нарсес проигнорировал его.

Они достигли конца коридора. Теперь Нарсес и Аджатасутра оказались в одном из многочисленных строений Большого Дворца. Они

слышали звуки битвы, доносящиеся откуда-то с прилегающей ко дворцу территории.

Как и предсказывал Нарсес, Помпей ждал их. В некотором роде. Благородный господин сидел на корточках, спиной и головой прижимаясь к стене, и рыдал.

Нарсес склонился, схватил Помпея за волосы и поднял брата «императора» на ноги.

— Единственное место, где ты теперь в безопасности,— это со мной,— прошипел евнух.— Если снова свалишься, если не подчинишься мне хоть в чем-то — я тебя брошу.

Нарсес отпустил его и широкими шагами отправился к одному из коридоров, ведущих к другому зданию в комплексе. Аджатасутра шел рядом. Помпей следовал за ними.

Звуки сражения стали громче. Среди прочих звуков Нарсес узнал тяжелый грохот броска катафрактов. Как и Аджатасутра. Оба мужчины ускорили темп.

— Куда мы идем? — прошептал наемный убийца.— И почему ты так хочешь тащить с собой это существо? — он показал большим пальцем через плечо.

— Он мне понадобится,— проворчал Нарсес.

Они достигли конца коридора. Нарсес бросился в дверь в левой стене.

Снова короткий коридор. Снова комната в еще одном здании. Нарсес повел их через еще одну дверь. Снова еще один коридор.

Аджатасутра, хотя у него было абстрактное знание о планировке Большого Дворца, теперь оказался полностью дезориентирован.

— Куда мы идем? — повторил он.

— Мне нужно кое-что сделать,— пробормотал Нарсес.

Евнух перешел на рысь. Коридор заворачивал. После поворота Аджатасутра увидел, что коридор кончается массивными двойными дверьми. Одна из них была открыта. За ней Аджатасутра услышал звук нечетких голосов.

Когда они оказались в десяти футах от наполовину открытых дверей, Аджатасутра узнал один из голосов в комнате.

Голос Иоанна из Каппадокии.

Нарсес зашипел.

— Ублюдок. Я знал, что он вначале пойдет сюда.

Евнух повернул голову. Глаза рептилии уставились на Аджатасутру.

— Решай,— приказал он.

Аджатасутра колебался только секунду. Затем с полуулыбкой сказал:

— Ты — лучший в плохой компании.

Нарсес кивнул. Показал на Помпея, который шатаясь только нагнал их.

— Побереги его,— прошептал евнух.— И возьми на себя букелляриев.

Нарсес отвернулся и проскользнул в дверь. Аджатасутра последовал за ним, тащил Помпея за руку.

Внутри они нашли живописную драматическую сцену.

Феодора стояла на коленях, держа в объятиях Юстиниана. Император, хоть и оставался без сознания, но начинал стонать.

Иоанн из Каппадокии нависал над нею, держа в руке меч. Трое его букелляриев стояли в нескольких футах между Иоанном и Нарсесом. Услышав, как вошел евнух, стражники поспешно повернулись и подняли оружие. Затем, узнав его, опустили мечи и отступили в сторону. Нарсес проскользнул мимо них, направляясь к Иоанну и императрице.

Аджатасутра отпустил Помпея и подобрался поближе к букелляриям.

Иоанн из Каппадокии гневно смотрел сверху вниз на императрицу. Он уже начал что-то рявкать.

Лицо Феодоры превратилось в маску.

— Хватит трепаться, предатель,— фыркнула она презрительно.— Сделай это, трус.

Иоанн поднял меч.

Нарсес зашипел подобно змее:

— Остановись, идиот! Нам она потребуется. Живая.

Иоанн в удивлении отвернулся от императрицы. Его меч опустился, слегка.

— Зачем? — спросил он.— Мы все равно собирались убить ее после того, как она провозгласит нового императора. Теперь нет оснований ждать.— Он нахмурился.— Почему ты здесь?

Нарсес прошел вперед.

— Клянусь, Иоанн, у тебя мозги жабы.

Ближе, ближе.

— Думай, Иоанн, думай.

Ближе, ближе. Евнух показал пальцем на императрицу. Иоанн повернул голову, следуя за указательным пальцем.

Нарсес ударил.

На наблюдавшего за ним Аджатасутру это произвело впечатление. Старый евнух бил, как гадюка. Его маленький нож, казалось, появился из ниоткуда, перед тем как воткнуться в грудную клетку Иоанна.

Иоанн закричал, пошатнулся и уронил меч. Нож все еще торчал из его бока.

Нарсес отступил.

Букелларии заорали, подняли мечи и сделали шаг к евнуху.

Один шаг. Дальше они не добрались.

Аджатасутра прикончил трех букелляриев за такое же количество секунд. Три быстрых удара кинжалом в спины стражников. Каждый

удар — мощный, быстрый — попадал как раз в проемы в броне, очень точно. Жертвы Аджатасутры умерли до того как поняли, что случилось. Они просто рухнули мешками на пол.

Иоанн из Каппадокии упал на пол до них. Но он не был безжизненным кулем. Лицо префекта претория искажала агония. Он, очевидно, пытался кричать, но звуки из искаженного рта не вылетали.

— Это жуткий яд,— весело заметил Нарсес.— Полностью парализующий и болезненный. И также смертельный. Через некоторое время.

Аджатасутра быстро вычистил свой кинжал, но не стал прятать в потайные ножны.

— Объясни,— приказал он.

Нарсес уже начал ухмыляться. Но затем, увидев выражение лица наемного убийцы, передумал.

— У тебя до сих пор остались иллюзии, Аджатасутра? — спросил он.

Евнух показал пальцем на ближайшую стену. Сквозь нее, несмотря на толщину, долетали звуки схватки. Взрывы гранат, крики, приказы.

— Все закончилось,— объявил он.— Мы проиграли.

Аджатасутра нахмурился. Не осознавая, что делает, наемный убийца поднял кинжал.

Нарсес же четко осознавал, что происходит. И быстро продолжил:

— Подумай, Аджатасутра. Где Антонина взяла гранаты? Она не украла их от нас. Их сделали по ее приказу. Значит, она планировала это уже несколько месяцев. Это означает, что все сообщения дурака Прокопия дураку Балбану были обманом. Не он обманывал — этот сплетник и идиот! — а она. Антонина не устраивала оргии у себя в усадьбе — она готовила армию и обеспечивала ее пороховым оружием.

Аджатасутра нахмурился сильнее.

— Но она не могла знать...

Больше он ничего не сказал. Его оборвал каркающий смех Феодоры. Увидев триумф у нее на лице, наемный убийца внезапно понял, что Нарсес прав.

Он опустил кинжал. Опустил, но не стал убирать в ножны.

— Шанс все еще остается,— сказал он.— Судя по тому, что я видел, у нее небольшая армия. А у Балбана есть кшатрии и толпа.

Нарсес покачал головой.

— Нет шансов, Аджатасутра. Не тогда, когда здесь Велисарий.

Евнух снова покачал головой. В этом жесте была мрачная законченность.

— Нет шансов,— повторил он.— Не с Велисарием. Он уже разбил армию Вифинии. Если Балбану удастся разгромить Антонину на ипподроме, ему все равно придется столкнуться с Велисарием. С кем? С несколькими сотнями кшатриев? С бандитами с ипподрома?

Нарсес с упреком показал на тела букеллариев Иоанна.

— Или ты думаешь, что эти декоративные собачки способны идти против Велисария и его катафрактов?

Аджатасутра уставился на три трупа. Однако смотрел недолго. Звуки схватки становились громче.

Он опустил кинжал в ножны.

— Ты прав. Что теперь?

Нарсес пожал плечами.

— Мы убегаем. Ты, я, Помпей. Он нам потребуется, чтобы успокоить и смягчить твоих хозяев. Мы по крайней мере сможем заявлять, что спасли «законного наследника» от убийства. Малва смогут использовать его, как марионетку.

Наемный убийца поморщился.

— Нанда Лал будет в ярости.

— И что? — спросил Нарсес.— *Ты* не отвечал за операцию. За все отвечал Балбан. Ты предупреждал его, что Антонина нас обманывает. Я в этом поклянусь. Но Балбан не хотел слушать.

Аджатасутра бросил взгляд на Помпея. Знатный господин стоял, прислонившись к дальней стене. Его лицо побледнело, глаза были несфокусированы. Он, казалось, не замечал ничего вокруг и только дрожал от страха.

Взгляд наемного убийцы переместился на императрицу. Феодора гневно посмотрела на него.

Черными, черными глазами. Ненавидящими глазами.

— А она? — спросил он.

Теперь лицо старого евнуха на самом деле стало змеиным. На мгновение Аджатасутра чуть снова не вытащил кинжал. Но вместо этого просто пробормотал:

— Кто бы мог подумать, что Нарсес проявит благородство?

Улыбаясь, наемный убийца отправился к Помпею, схватил его за руку и потащил к двери. Там остановился, поджидая Нарсеса.

Евнух и императрица уставились друг на друга.

Евнух смотрел печально. Феодора...

— Я никогда не прощу тебя. Ты — мертвец.

Нарсес кивнул.

— Знаю.— На его лице появилась печальная улыбка.— Но я все равно могу выиграть. В любом случае я — старый человек. Даже если я проиграю, я могу умереть до того, как ты меня убьешь.

Улыбка исчезла. Печаль осталась.

Евнух отвернулся и пошел к двери. Его остановил голос Феодоры:

— Почему, Нарсес?

Впервые в ее голосе кроме ненависти звучала мука. Не поворачиваясь, Нарсес просто пожал плечами.

— Амбиции,— сказал он.

— Нет. Я не о твоих мотивах. Почему *это*?

Нарсес повернул голову. Его глаза встретились с взглядом Феодоры. В ее глазах был намек на слезы. Только намек.

Нарсес боролся со своими слезами.

— Не было необходимости. И...

Он не мог смотреть в эти глаза. Отвернулся и добавил:

— Я не прекращал любить тебя, дитя, просто потому, что планировал убить тебя.

Мука улетучилась из Феодоры. Остался только адский голос.

— Тебе следовало убить меня, предатель. Ты пожалеешь об этом, трус.

Нарсес покачал головой.

— Нет, Феодора, не пожалею. Никогда.

Через мгновение он ушел. Феодора уставилась сверху вниз на мужа. Стоны Юстиниана становились громче. Вскоре он придет в сознание и начнет кричать.

Императрица сняла его голову со своих колен и аккуратно опустила на ковер.

Ей требовалось кое-чем заняться.

Она на четвереньках доползла до тела ближайшего солдата. Вытащила кинжал из ножен на поясе трупа.

Затем все еще ползком стала пробираться к Иоанну из Каппадокии.

Императрица продвигалась на четвереньках не потому, что не могла стоять, не потому, что была ранена, и не потому, что пребывала в шоке.

Нет. Она ползла просто потому, что хотела заставить Иоанна из Каппадокии наблюдать за ее приближением.

Он видел ее. А затем, несмотря на то что его парализовал яд, попытался закричать.

Но не мог. Он не мог вымолвить ни звука, не мог двинуть мускулом. Он мог только смотреть.

Феодора ползла к нему, держа кинжал в руке. Ее глаза неотрывно смотрели в глаза префекта претория.

Она хотела добраться до этих глаз.

Адский взгляд. Адское приближение.

Это станет последним, что увидит в жизни Иоанн из Каппадокии, и он знал это.

* * *

Через три минуты в зал ворвался Велисарий. За ним следовали его катафракты и Ирина.

Все они резко остановились.

Ирина зажала рот рукой после того, как резко вдохнула воздух. Менандр побледнел. Анастасий сжал челюсти. Валентин ухмыльнулся.

Велисарий просто смотрел. Но он тоже на мгновение был зачарован зрелищем.

Не видом тел, устилающих зал. Не видом стонущего ослепленного Юстиниана. Даже не видом префекта претория, распростертого на полу и молчаливо кричащего, выгибая спину в агонии.

Нет, зачаровывал вид императрицы. Она сидела на корточках над умирающим предателем, держа окровавленный нож в одной руке и поддерживая свои императорские одежды другой. Она мочилась в пустые глазницы Иоанна из Каппадокии.

Глава 28

Ракета взметнулась в небо и взорвалась высоко над стенами ипподрома. За ней последовал громоподобный крик, издаваемый собравшейся внизу толпой.

— Ника! Ника![1]

— Это «побеждай»? — прошипела Антонина. Она склонилась в седле и прошептала Маврикию: — Подскажи мне, что делать.

Маврикий улыбнулся.

— Ты уже сама знаешь, что делать.

Он показал пальцем вперед. Они приближались к маячившему впереди ипподрому с юго-запада. Впереди них, в пятидесяти ярдах, начиналась широкая каменная лестница, которая поднималась к широкому входу. Вход составлял тридцать ярдов в ширину. Его поддерживали несколько колонн.

— Когда мы там окажемся, начнется схватка. Для маневров не будет места. Только убивай — или убьют тебя.

Антонина скорчила гримасу. Вход, к которому они приближались, назывался Ворота Смерти.

— Очень подходящее название,— пробормотала она.

Рядом с нею Маврикий презрительно фыркнул.

— Ты можешь в это поверить? — спросил он.— Они не поставили стражу! Ни одного часового.

Теперь они находились в двадцати ярдах от начала лестницы. Антонина остановила лошадь и стала спешиваться.

— Для лошадей там места тоже не будет,— сказала она.

---

[1] Восстание «Ника» — народное восстание, которое реально имело место в Константинополе 11–17 января 532 года. Название получило от клича-пароля восставших «Ника!» («Побеждай!»).

Маврикий кивнул и приказал катафрактам спешиться. Букелларии заворчали, но подчинились без колебаний. Несмотря на то что они терпеть не могли сражаться на своих двоих, они были ветеранами. Катафракты прекрасно знали, что кавалерийская тактика невозможна внутри ипподрома.

Антонина достала мясницкий нож и подняла над головой.

— Ничто! Ничто! — крикнула она и стала подниматься по лестнице.

Вся ее армия бросилась за ней. Но до того как Антонина преодолела половину лестницы, Маврикий ее попридержал.

— Ты останешься сзади.

Антонина подчинилась. Ее армия огибала ее. После того как все прошли вперед, они с Маврикием последовали за солдатами.

К тому времени, как они миновали Ворота Смерти, некоторые гренадеры уже запускали первые гранаты. Антонина слышала взрывы, так же как и боевой клич своих солдат.

— НИЧТО! НИЧТО!

Они с Маврикием вошли на ипподром. Они стояли на широкой плоской платформе. Под ними находились широкие каменные сиденья ипподрома, которые одновременно служили и сиденьями, и лестницами. Сиденья-ступени спускались вниз к беговой дорожке.

Триста катафрактов распределялись по первым десяти рядам по периметру. Приготовили луки. В центре, прямо под Антониной гренадеры и их жены выстроились боевым порядком. Некоторые гренадеры уже выпускали гранаты из пращей, но большинство все еще устанавливали корзины с гранатами.

Антонина уставилась на врагов, собравшихся на другой стороне ипподрома. После одного взгляда она игнорировала огромную толпу бандитов из группировок. Ее внимание привлекли ракетницы, установленные у дальнего поворота беговой дорожки. Антонина видела кшатриев, суетящихся вокруг неких деревянных опор. Она не узнала странные деревянные приспособления, но ей было нетрудно понять природу трубок, которые кшатрии устанавливали на эти деревянные опоры.

— Ракеты,— пробормотала она. Повернулась к стоявшему рядом с ней Маврикию.— Скажи нашим, чтобы не стояли плотно друг к другу. Я хочу, чтобы ни в одном месте не собиралось по многу наших. Так ракетам будет сложнее найти цель.

Маврикий поморщился.

— Но так будет тяжелее отражать массированную атаку.

Антонина покачала головой.

— Если все эти сорок тысяч бандитов бросятся на нас одновременно, они сметут нас, независимо от того, как компактно мы выстроимся. Но я знаю толпу, Маврикий. Я выросла с ними. Сорок тысяч

бандитов с ипподрома могут смести менее тысячи солдат, но сами они понесут очень тяжелые потери. В особенности первые ряды.

Она показала пальцем на толпу.

— Гарантирую тебе, Маврикий, они знают это не хуже меня. И каждый в этой толпе, каждый по отдельности в эту самую минуту, клянется себе в одном и том же.— Она хрипло рассмеялась.— «Побеждай!» — это только их официальный воинский клич. Настоящий, про себя, молча, это: «Ты — первый. Любой, кроме меня!»

Маврикий рассмеялся. Затем кивнул:

— Не сомневаюсь: ты права.

Мгновение спустя гектонтарх уже выкрикивал приказы. Катафракты тут же распределились по рядам, встав на удалении друг от друга. Не прошло и минуты, как они выстроились по всему периметру юго-западной дуги ипподрома. Гренадеры распределились, заполняя это охраняемое пространство. Вскоре гренадеры стояли отдельными небольшими подразделениями, вместо того чтобы находиться всем вместе, плотными рядами.

И вовремя. Малва выпустили первые ракеты по римлянам. Одна из ракет опустилась на дорожку под ними, подняв облако пыли. Еще одна вылетела за пределы ипподрома. Но следующая врезалась в ближайший сектор.

Несмотря на впечатляющий звук и ярость взрыва, тяжелый камень не пострадал — его только слегка опалило. А поскольку в том месте люди не стояли, не было и потерь, только несколько гренадеров пострадали от летящих в стороны деревянных щепок. Получили легкие повреждения, ничего серьезного.

Гренадеры заорали в ярости. И впервые после того как вошли на ипподром, выпустили гранаты из всех пращей одновременно.

Сотни гранат полетели через ипподром, их запалы искрились. Отправленные гранаты не концентрировались ни на одной определенной цели. Каждый гренадер просто решил смести врага. Любого врага.

Гранаты взорвались в огромной толпе бандитов. Несколько приземлились неподалеку от деревянных ракетниц, рядом с которыми находились кшатрии. Солдаты малва, привычные к пороху, быстро спрятались за защитным укреплением — задолго до того, как ракеты приземлились. Лишь несколько из них пострадали, и то несерьезно.

А толпа...

Если бы за выпущенной партией гранат наблюдал человек будущего, он назвал бы последствия гигантской взрывной волной.

Очередью из пулемета с близкого расстояния.

— Красиво! — закричал Маврикий, победно поднимая кулак.

Катафракты и гренадеры внизу добавили свои восторженные крики.

— Черт побери, нет! — рявкнула Антонина.— Неаккуратно.

Маленькая женщина нахмурилась, пошла вперед и стала выкрикивать приказы гренадерам. Ее четкий сопрано — который тренировала ее мать-актриса — прорезал весь орущий бедлам ипподрома.

Теперь гренадеры успокоились и стали выполнять приказы. Их направленные выстрелы стали концентрированными, по определенным целям.

Антонина направила первую партию на кшатриев. Все ракетницы были или разбиты, или перевернуты. Снова большинство солдат малва избежали потерь, спрятавшись за укреплениями. Укрепления были сделаны надежно — из тяжелых бревен, сцепленных болтами. Гранаты только немного опалили дерево.

Но Антонину это не волновало. Она просто хотела испугать малва, вывести их из строя. Она не сомневалась в своей способности разобраться с несколькими сотнями кшатриев. Ее гренадеры с пращами с легкостью отправляли гранаты дальше, чем малва. А ракетные желоба были слишком хрупкими и громоздкими одновременно, чтобы представлять угрозу в таком сражении.

Несмотря на свои уверенные заявления Маврикию, она по-настоящему беспокоилась, что огромная толпа бандитов с ипподрома все-таки сметет ее войско своим числом. Их сорок тысяч против менее чем тысячи гренадеров и катафрактов. А от гренадеров в рукопашной схватке мало толку.

Поэтому пока солдаты малва откашливались от пыли, попавшей им в легкие, Антонина занялась толпой.

Удар. Удар. Удар.

Три следующие партии гранат приземлились — сериями, с севера на юг — в первых рядах толпы. Когда пыль осела, сотни бандитов оказались разбросанными по каменным сиденьям. Умирающие, мертвые, раненые, оглушенные.

Толпа с визгом побежала. Умерли другие бандиты, растоптанные до смерти.

Ближайшие находились на северных секторах ипподрома. Антонина отправила туда две партии ракет. Масса людей была разорвана на куски. Выжившие сгрудились еще плотнее, отталкивая своих товарищей назад, назад. Назад к дальним выходам. Дюжины затоптали до смерти.

Кшатрии снова зашевелились. Небольшие группы солдат малва поднимали два ракетных желоба, которые только перевернулись, но не получили повреждений. Остальные бросали гранаты. Но без пращей эти гранаты приземлялись в центре ипподрома, не принося вреда.

Тем не менее...

Их нужно держать в страхе. Запугивать.

Антонина отправила еще одну партию ракет в кшатриев. Солдаты малва снова понесли относительно слабые потери. Но как и раньше им пришлось отступить за укрепления. Они не могли действовать.

Назад к толпе.

Удар. Удар. Удар.

Маврикий, стоявший в нескольких футах за Антониной, мрачно улыбнулся. Он ничего не сказал. Не было необходимости.

«Драка на ножах в кухне»,— подумал он.

* * *

Первые из толпы, кто убежал с ипподрома, спаслись. Возможно, две тысячи, минус человек сто, которых затоптали, когда они пытались протиснуться сквозь северо-восточные ворота.

Остальные столкнулись с Велисарием.

Велисарий увидел, как Зеленые и Голубые выбегают с ипподрома, и тут же приказал половине пехотинцев выстроиться по обеим сторонам ворот.

— Пусть бегут сквозь строй, Гермоген,— сказал он.— Убей столько, сколько можешь — но ни в коем случае не нарушайте порядок построения.

— Большинство убежит,— запротестовал Гермоген.— Нам следует не выпускать их. Убить *всех* вонючих предателей.

Велисарий покачал головой.

— Нам не нужна такая кровавая бойня. Просто запугать группировки на следующие двадцать лет.

Он повернулся к Ирине, которая ехала рядом. Начальница шпионской сети хотела остаться с Феодорой, но Велисарий настоял, чтобы она с ним отправилась на ипподром. Теперь Феодора в безопасности. Их с Юстинианом в Гинекее охраняют стражники Феодоры, пятьсот пехотинцев Гермогена и большая часть катафрактов Ситтаса. В настоящий момент Ирина ничего не могла сделать для Феодоры, а Велисарию требовалась ее помощь.

— Ты можешь опознать лидеров группировок? — спросил он.

Ирина кивнула.

Велисарий свистнул и махнул Ситтасу. Полководец подъехал вместе с примерно сотней катафрактов, которые остались с ним.

Велисарий показал пальцем на пехотинцев, выстраивающихся по обеим сторонам ворот. Солдаты уже резали членов группировок, которые, шатаясь, шли сквозь их ряды. Бандиты, которым удавалось остаться вне радиуса действия мечей, были в безопасности. Но стараясь уклониться от угрожающих пехотинцев, толпа превращалась в плотный поток тел. В течение нескольких секунд затоптали очередную дюжину.

— Пропускай их, Ситтас, тех, кто пройдут сквозь строй. Кроме лидеров группировок. Я хочу, чтобы их убили или поймали. Ирина покажет их тебе.

Ситтас начал возражать против такого приказа. Как и Гермоген, он намеревался прикончить всю толпу.

— Делай, как я приказываю! — заорал Велисарий. И так же гневно посмотрел на Ситтаса, как тот смотрел на него.— Не будь идиотом, Ситтас! — Он показал на юго-восток.— У Антонины менее тысячи человек. Большинство из них — гренадеры, от которых мало толку в рукопашной. Если на них понесется эта огромная толпа, то их сметут.

Ситтас все еще смотрел гневно. Велисарий рявкнул:

— Думай, Ситтас! Если мы поймаем толпу в капкан с этого конца, у них не будет выбора, кроме как направиться в другую сторону. Поэтому выпускай их здесь. Гермоген и его люди нагонят на них страху, а ты хватай лидеров. Этого достаточно.

— Он прав, Ситтас,— прошипела Ирина.

Ситтас выдохнул воздух.

— Знаю,— проворчал он.— Я просто... Черт побери предателей в любом случае.

Он развернул коня без дальнейших споров. Не прошло и минуты, как его катафракты уже выстраивались в линию на лошадях на расстоянии ста пятидесяти ярдов. К этому времени Гермоген и его пятьсот пехотинцев уже стояли по обе стороны ворот, половина на каждой. Люди расположились в трех футах друг от друга. Когда бандиты будут выбегать с ипподрома, им придется бежать сквозь строй пехотинцев почти в сотню ярдов. Затем их встретят катафракты на лошадях и в полном вооружении. Они врежутся в них, как поток воды в валун. Бандиты, которым удастся выжить после строя, смогут убежать, направляясь в любую сторону в проемы между последними пехотинцами и линией катафрактов Ситтаса. Но за это время их в свою очередь сможет рассмотреть Ирина — а стрелы катафрактов сделают свое дело.

Довольный Велисарий отвернулся. Некоторые из лидеров группировок убегут. Но немногие.

Он поскакал на юго-восток, под нависающей стеной ипподрома. Валентин, Анастасий и Менандр ехали рядом с ним. За ними следовала оставшаяся тысяча пехотинцев из армии Гермогена.

Велисарий развернулся в седле. Он увидел, как пехота поддерживает правильный боевой порядок. Они шли строем и были готовы перестроиться в шеренгу как только получат приказ.

«Ашот прав,— подумал он.— Лучшая римская пехота со времен принципата».

Велисарий поехал быстрее.

«Спасибо, Гермоген. Ты, возможно, спас жизнь моей жене».

* * *

— Забудьте о ракетах! — закричал Балбан.

Группа кшатриев, которые пытались установить ракетный желоб, немедленно прекратила работу.

Балбан повернулся назад к трем своим заместителям. Четверо офицеров малва вместе с шестью лидерами группировок Голубых и Зеленых собрались в углу, под тяжелыми деревянными балками. В этом укрытии, защищенном с трех сторон, было очень душно. В небольшое пространство — не более пятидесяти квадратных футов — забились сотня кшатриев и, возможно, еще дюжина лидеров группировок. Оставшиеся кшатрии — те, кто еще оставались в живых, а их набралось более трехсот — скрючивались как можно ближе к защитным укреплениям. К счастью для них проклятые римские гренадеры все еще концентрировались на толпе.

Балбан уставился на сектора ипподрома. Они были заполнены людьми. Тысячами тысяч людей, причем вооруженных, и все они не приносили никакой пользы. По крайней мере половина из них, по его прикидкам, просто намеревалась убежать с ипподрома через северо-восточные ворота. Многие уже бросили оружие.

— Мы не можем победить в артиллерийской дуэли,— объявил он.— Наша единственная надежда — это совершить бросок через ипподром и задавить их количеством.

Все трое офицеров кшатриев кивнули сразу же.

— Большая часть римской силы — гренадеры,— сказал один из них.— Мы потеряем людей, пока бежим по беговой дорожке, но как только дело дойдет до рукопашной, мы их всех положим.

— Некоторые из них — катафракты! — запротестовал один из лидеров Голубых.

— Несколько сотен — самое большее! — рявкнул Балбан и показал пальцем на толпу на секторах.— У вас все еще по крайней мере десять тысяч человек! — заорал он.— Что лучше — использовать их или просто умереть здесь, как овцы на скотобойне?

— Он прав,— заметил еще один из лидеров Голубых. Двое из лидеров Зеленых кивнули. Горящие глаза Балбана обвели других лидеров группировок. Через мгновение они тоже согласно кивнули.

— Хорошо. По моей команде мы выходим отсюда и собираем столько людей, сколько сможем. Затем все просто. Бросок на юго-запад. Как можно быстрее.

Он посмотрел на кшатриев.

— Проверьте, чтобы наши гренадеры распределились по толпе. Когда мы будем достаточно близко, мы должны начать бросать гранаты.

Один из лидеров группировок показал пальцем на скрючившуюся в углу фигурку.

— А что делать с императором? Поможет, если он поведет атаку. Вдохновит людей.

Балбан даже не удосужился взглянуть на Ипатия.

— Если вашим людям нужно вдохновение, скажите им, что в данном случае это или победа, или смерть,— проворчал он.— Это должно быть достаточно просто понять.

Он поднял голову и позвал кшатриев. Потребовалось не более двадцати секунд, чтобы объяснить им план. Он был достаточно прост.

— Ника! — закричал один из лидеров группировок. Толкаясь, он выбежал из укрытия и запрыгнул на нижний ряд ипподрома. Размахивая мечом, стал кричать толпе над собой: — Ника! Ника!

К нему присоединились другие лидеры группировок. Они тоже стали кричать и показывать мечами на юго-запад.

Из укрытия высыпали Балбан и кшатрии. Они быстро выстроились в шеренгу через грязную арену ипподрома. По приказу Балбана начали маршировать вперед.

Маршировать медленно. Все инстинкты Балбана и его кшатриев призывали к спешке. Но Балбан знал: ему нужно дать время лидерам группировок, чтобы сорганизовать толпу. Сами по себе малва не справятся с римлянами на другом конце ипподрома. Им требовались эти тысячи бандитов. Поэтому кшатрии шли медленно. И начали умирать, когда в их сторону полетели гранаты. Но они были солдатами, поэтому поддерживали построение.

Из толпы на секторах дюжины людей стали прыгать на арену. Затем сотни. Затем тысячи.

Все — бандиты. Но ни в коем случае нельзя назвать всех бандитов трусами. И не все они глупы. При выборе между схваткой и ужасом толпы, которая может растоптать, которая уже растоптала сотни человек, многие из них решили поучаствовать в схватке.

К тому времени, как Балбан с кшатриями прошел до половины арены ипподрома, к ним присоединились почти шесть тысяч членов группировок.

Балбан приказал начать бросок.

* * *

— Отводи их назад, Антонина,— сказал Маврикий.

Антонина побледнела и посмотрела на него.

— У тебя только триста катафрактов,— возразила она.

— Отводи гренадеров назад,— повторил он.— У них легкие доспехи и нет опыта рукопашной.

Гектонтарх показал на огромную толпу, идущую на них.

— Гренадеры просто станут мешать моим катафрактам,— проворчал он.— Отводи их назад и продолжайте бросать гранаты. Я попытаюсь продержаться столько, сколько смогу.

Маврикий пошел вперед, выкрикивая приказы. Антонина добавила свой голос. Гренадеры и их жены полезли вверх на сектора. Фракийские катафракты выдвинулись вперед с флангов и встали плотной шеренгой перед гренадерами. Букелларии не стали ждать приказа Маврикия и выпустили партию стрел.

— Цельтесь в малва! — приказал Маврикий.

Враг бросился в атаку. Ни о какой дисциплине не шло и речи. Ни о каком боевом построении. Просто шесть тысяч человек бежали на трехсот.

К тому времени, как армия предателей достигла нижнего ряда скамей, тысяча из них была убита или ранена гранатами или стрелами. В особенности тяжелые потери понесли кшатрии, включая Балбана, который истекал кровью на арене. Стрела катафракта попала ему в бедро, разорвав артерию.

Но предатели почувствовали победу. Их гранаты теперь достигали целей, несли разрушения. И они находились слишком близко для ужасных стрел катафрактов. Да, фракийцы в доспехах возвышались над ними, как железные статуи. Но их было мало. И от их луков уже было мало пользы. Сейчас начнется рукопашная.

Толпа стала взбираться по ступеням.

— НИКА! НИКА!

Катафракты подняли мечи и булавы. Теперь скоро. Первый ряд толпы находился менее чем в двадцати ярдах.

Тысячи бандитов.

В десяти ярдах.

Внезапно толпа распалась. Развалилась. Остановилась и замерла на своих местах. Над головами катафрактов пролетели тяжелые дротики и врезались в атакующую толпу, как молот. Вся первая линия рухнула — назад, отталкивая тех, кто бежал за ними, создавая кучу-малу.

Катафракты останавились. Опустили мечи. Повернули головы.

За их спинами, не нарушая боевого построения, шла тысяча римских пехотинцев. Над этими пехотинцами, на самом верхнем ряду ипподрома находился их командир. Он стоял рядом с командующей Когортой Феодоры.

Катафрактам не показалось странным, что двое полководцев страстно целуются в середине сражения. Не в тот момент. Конечно, потом эпизод станет предметом многих неприличных шуток и стишков.

Но не в тот момент. Нет, совсем нет.

Катафракты не стали ждать, когда пехота до них доберется. Как один человек, триста фракийцев просто бросились вперед, выкрикивая боевые кличи.

— Ничто! Ничто! — кричали некоторые.

— Велисарий! Велисарий! — кричало большинство.

— О, вам, жалким ублюдкам, пришел конец! — крикнул один энтузиаст.

* * *

Час спустя, топча растоптанные до них тела у северных ворот, Ситтас с Гермогеном оказались на ипподроме. Они продвигались вперед медленно. Частично потому, что приходилось огибать множество разбросанных по арене тел. Частично потому, что Ситтас остановился у тела Балбана, чтобы отрубить тому голову. И частично потому, что они нашли прячущегося Ипатия и тащили его за собой.

Велисарий и Антонина сидели на нижнем ряду у юго-западного поворота беговой дорожки. Валентин стоял в нескольких футах от них. На Антонине все еще была надета кираса, но она сняла шлем. Ее голова лежала на плече мужа. На щеках остались дорожки слез, но она улыбалась, как херувим.

Ситтас бросил голову Балбана к их ногам.

— Можете добавить в коллекцию,— сказал он, улыбаясь.

Антонина открыла глаза и уставилась на трофей. Сморщилась от неудовольствия. Затем закрыла глаза и удовлетворенно вздохнула.

— Сколько? — спросил Велисарий.

— Сто двадцать восемь,— ответил Ситтас.— Ирина говорит, что мы покончили с большинством. Кроме этого...

Он махнул толстой рукой и сам скорчил гримасу. Сильно сморщился.

— Здесь, как на скотобойне. В особенности внизу, в загонах для лошадей.

Гермоген покачал головой. Его лицо стало пепельного цвета.

— Тысячи пытались убежать через конюшни.

Велисарий поморщился. Единственными входами в конюшни были небольшие дверцы, достаточно широкие только для того, чтобы могла проехать беговая колесница.

— Большинство мертвы,— пробормотал Гермоген.— Раздавлены, растоптаны, со сломанными конечностями, или задохнулись. Боже, потребуется несколько дней, чтобы вытащить тела. Те, что внизу, явно превратились в фарш.

Гермоген повернулся, протянул руку и поднял на ноги Ипатия. «Император» тут же свалился, как мешок с дерьмом. От него сильно воняло мочой и калом.

— Феодора будет счастлива убить его! — рявкнул Ситтас.

Антонина резко открыла глаза.

— Нет,— прошептала она.— Она и так уже у самых ворот ада.

Она повернула просящий взгляд на мужа.

Велисарий сжал ее плечо. Кивнул.

Ипатий заговорил.

— Будьте милосердны,— прохрипел он.— Я прошу вас о милосердии.

— Хорошо,— сказал Велисарий и повернул голову.— Валентин!

ЭПИЛОГ

Императрица и ее душа

Огромный тронный зал больше чем когда-либо напоминал Велисарию пещеру. Возможно, из-за такого малого количества собравшихся в нем людей. Но Феодора настояла, чтобы принять его там, и полководец не возражал. Если императрица находила силу и утешение при виде огромного зала и от ощущения своего огромного трона, то Велисарий этому только радовался.

Теперь она сама била врагов.

Велисарий быстрым шагом пересек огромный зал. Когда оказался в десяти шагах от трона, пал ниц. Затем поднялся и начал говорить. Но Феодора жестом остановила его.

— Один момент, Велисарий,— императрица повернулась к группе стражников, стоявших в нескольких ярдах.— Скажите слугам, чтобы принесли стул,— приказала она.

После того как стражники поспешили выполнить приказ, Феодора уныло улыбнулась стоявшему перед ней полководцу.

— Это скандально, я знаю. Но нас ждет долгий разговор, много всего нужно обсудить. А мне скорее требуется твой острый ум, чем официальное проявление уважения. Я не хочу, чтобы ты зря уставал, стоя передо мной.

Внутри Велисарий вздохнул с облегчением. Не из-за перспективы провести вторую половину дня сидя в комфорте — он привык стоять подолгу, а из-за первого знака за много дней, показывающего, что в душе императрицы есть что-то, кроме ярости, ненависти и мести.

Город и террор

На протяжении восьми дней после подавления восстания душа Феодоры жила во тьме. Как очень точно заметила Антонина, у самых ворот ада.

Да, большую часть этого времени императрица проводила с мужем. Наблюдала за докторами, которые занимались его ранами; очень часто отталкивала их в сторону и сама ухаживала за Юстинианом.

Но она не проводила все время там. Ни в коем случае. Она провела много часов с Ириной, давая задания ее агентам, которые официально числились почтовыми курьерами, а на самом деле служили короне в качестве тайной полиции. Она отправляла их целыми взводами по империи. Те, кто был приписан непосредственно к столице, уже отчитались. Результаты выполнения ими заданий выставили для всеобщего обозрения на стенах ипподрома. Рядом с головами кшатриев малва, надетых на колы, сотен голов, с головой Балбана в центре, красовались головы лидеров группировок, Ипатия, Иоанна из Каппадокии (и всех его букеллариев, которым не удалось убежать из города). Рядом с ними на кольях сидели головы трех дюжин священнослужителей, включая Глицерия из Халкедона и Георгия Барсимеса, офицеров армии Вифинии, которых удалось поймать, девятнадцати господ благородного происхождения, включая шесть сенаторов, восемьдесяти семи чиновников и должностных лиц, а также палача, который ослепил Юстиниана.

Под головой палача висела поясняющая надпись. Его лицо стало неузнаваемо. Феодора провела несколько часов, наблюдая за пытками, пока наконец не оттолкнула в сторону своих экспертов и собственноручно не закончила работу.

Голов было бы больше, если бы не Велисарий с Антониной.

Гораздо больше.

Феодора требовала посадить на кол головы всех офицеров выше ранга трибуна, всех воинских подразделений в столице, которые во время восстания держались в сторонке. Однако это требование не могло быть удовлетворено ее тайной полицией. Несмотря на страх и смятение, эти офицеры все еще командовали тысячами военнослужащих. Их положение было неустойчивым, да, очень неустойчивым, но достаточно крепким, чтобы противостоять подразделениям тайной полиции.

Поэтому Феодора приказала Велисарию провести чистку. Он отказался.

Твердо отказался. Частично, сказал он ей, потому что это излишне. В конце концов эти люди не виноваты в измене, просто уклонении от выполнения обязанностей. Гораздо важнее, объяснил он,— спокойно и холодно,— что подобная чистка без разбору всех офицеров в Константинополе подорвет саму армию.

А ему нужна армия. Риму нужна армия. Первая битва с империей малва закончилась и выиграна. Но предстоят еще многие.

В конце Феодора согласилась. Она была удовлетворена — может, лучше сказать: приняла отставку этих офицеров. Велисарий вместе с Ситтасом и Гермогеном три дня занимались этим вопросом.

Никто из офицеров не возражал, за единственным исключением. Гонфарий, из армии Родопы. Отпрыск одной из наиболе благородных семей империи явно считал, что его аристократическая родословная освобождает его от такого бесцеремонного грубого отношения.

Велисарий, не желая подпитывать и так неприязненное отношение аристократии к фракийцам, позволил Ситтасу разбираться с проблемой.

Греческий аристократ решил вопрос быстро и просто. Ситтас врезал Гонфарию кулаком в латной рукавице, вытащил его из штаба на тренировочное поле армии Родопы и обезглавил перед собравшимися войсками. Еще одна голова присоединилась к коллекции на стенах ипподрома.

Сразу же после этого Ситтас со своими катафрактами направились в усадьбу Гонфария в пригороде Константинополя. Ситтас выгнал всех, кто там находился, потом захватил все имеющиеся там сокровища и сжег усадьбу дотла. Конфискованное богатство передал в императорскую казну.

Теперь сундуки казначейства чуть ли не лопались. Феодора казнила только девятнадцать знатных господ. Но она конфисковала богатства всех благородных семей, члены которых имели хотя бы малейшее отношение к заговору. Да, конфискация ограничивалась частью богатств, сосредоточенной в столице. Провинциальные усадьбы — в которые убежало большинство — не тронули. Но поскольку большая часть аристократии проживала в столице, собрано было очень много.

То же самое коснулось чиновников, бюрократов и священнослужителей.

Никто из них не возражал. По крайней мере публично. Они радовались, что им сохранили жизнь.

Народ и его радость

Огромное население города осталось нетронутым.

На самом деле через день население вышло из укрытий и начало аплодировать чистке. Толпы простых людей от рассвета до заката восхищались новыми декорациями ипподрома. Головы букелляриев мало что для них значили, а головы малва еще меньше. Но головы высокопоставленных должностных лиц, знатных господ и священнослужителей — о, это совсем другое дело. Достаточно часто на протяжении многих лет — на протяжении десятилетий и столетий на памяти семей — такие люди издевались над ними и всячески стращали.

Конечно, голова Иоанна из Каппадокии привлекала наибольшее внимание. Его часто называли самым ненавистным человеком в Римской империи. В прошлом мало кто в этом сомневался. Теперь не сомневался никто.

Но население также проводило много времени, восхищаясь головами лидеров группировок с ипподрома. Впервые в их жизни простые люди Константинополя могли идти по улицам города, не опасаясь встречи с этими бандитами. Почти все лидеры этих банд — за исключением нескольких, которым удалось проскользнуть под взглядом Ирины — оказались на стене. В течение нескольких дней те, которым удалось убежать в первый день, присоединились к ним — вместе с двумястами шестьюдесятью тремя боевиками группировок. Они могли бы убежать от взгляда Ирины и тайной полиции, но не могли убежать от горожан, которые вытащили их из укрытий и передали с рук на руки пехотинцам Гермогена. Или, достаточно часто, сами просто линчевали их на месте и приносили головы на ипподром.

Более богатые жители Константинополя — а таких в этом густонаселенном городе проживало много: купцы, владельцы магазинов, ремесленники, мастеровые — не разделяли неподдельную радость своих более бедных соседей. Конечно, они тоже радовались. Им тоже доводилось страдать от высокопоставленных и могущественных господ. Но, как часто случается с теми, у кого есть, что терять, они боялись, что чистка может расшириться и углубиться и перерасти в массовый террор.

Возможно, их страхи были преувеличены, но ни в коей мере небезосновательны. В нескольких случаях пехотинцы Гермогена предотвратили избиение или убийство толпой человека или целой семьи, единственной виной которых являлась непопулярность. В двух случаях потребовалось даже вмешательство катафрактов Ситтаса и Велисария.

Ярость Феодоры сотрясла весь город. Почти развалила на куски.

Именно Антонина, больше, чем кто-либо, помогла городу удержаться. Частично тем, что проводила долгие часы с Феодорой, делая все возможное, чтобы сдержать полусумасшедшую ярость подруги. Но по большей части Антонина спасла город, маршируя по нему.

Час за часом, день за днем маршируя по Константинополю во главе своей маленькой армии гренадеров, их жен и детей.

На самом деле «маршировать» — не совсем правильное слово. Точнее было бы сказать, что она и возглавляемая ею Когорта Феодоры шествовали или гордо выступали по улицам. Весело, радостно и победно. Их триумф не походил на мрачный триумф катафрактов или солдат регулярной армии. Это был беззаботный триумф скромных сирийских крестьян, которые так же сами смотрели достопримечательности, как и представляли собой зрелище для жителей города.

Кто станет бояться таких людей? Когда с ними рядом идут их семьи? После первого дня никто и не боялся. Ко второму дню парады Антонины стали так же популярны, как мрачная выставка на ипподроме. К третьему дню гораздо более популярны.

Гораздо более популярны.

Прилегающая к ипподрому территория, во-первых, стала невыносимой из-за вони. Отряды рабов вытаскивали тела и хоронили их в общих могилах. Но набирались тысячи тел, и многие из них, как и сказал Гермоген, представляли собой мясной фарш или паштет, размазанный по стенам и полам. К счастью, стояла зима, но даже и в это время тела гнили быстрее, чем их могли разобрать.

С другой стороны, мстительная радость простых людей пошла на убыль. В голову лезли другие мысли, в особенности когда эти люди сидели по вечерам в своих маленьких квартирках, наслаждаясь обществом членов семьи. Сомнения, колебания, оговорки, когда отцы стали задумываться о будущем, а матери беспокоились о своих детях.

Да, смерть надменных господ стоило ценить. Но в глубине души никто из простых людей Константинополя не считал Смерть истинным другом. Они были слишком хорошо знакомы с ней.

Нет, лучше пойти и насладиться парадами Антонины. Там ничто не испугает ребенка. Ничто не будет беспокоить мать и не заставит хмуриться отца. Там только...

Триумф, победа скромных, простых людей.

Наслаждение от постоянных и легких бесед с этими простыми гренадерами и их женами. И их детьми, на которых константинопольские дети смотрели с восхищением. С таким восхищением городские мальчишки и девчонки редко смотрят на деревенских. Но это были дети гренадеров, чему городские сильно завидовали.

И больше всего парады давали чувство безопасности. Безопасности в ЕЕ присутствии.

ОНА — ближайшая подруга императрицы. Которая, как все знали или вскоре узнали, пыталась сдержать императорское безумие.

ОНА — которая расправилась с предательством тех, кто стоял у власти.

ОНА — которая была одной из них.

ОНА — жена Велисария. Самого великого римского полководца во время войны.

ОНА — самый здравый голос во время сумасшествия.

Велисарий уже был именем из легенды среди этих людей. Теперь легенда росла и росла. Его слава росла. Но также вместе с ней распространяясь и слава Антонины. Разрасталась и включалась в легенду о муже.

Ее часто называли шлюхой — верхушка римского общества.

В прошлом простые люди Константинополя это тоже слышали. Задумывались. Теперь, зная, они отбрасывали это слово.

Они называли ее «жена» или, гораздо чаще, «великая жена».

Легенда о ней началась со слов известного святого человека, который говорил о ней в далекой Сирии. Гренадеры передали его слова

людям Константинополя. Легенда расширилась благодаря кухне, здесь, в самом городе. Гренадеры и катафракты пересказывали эту историю.

Вскоре торгующий пирожками и печеньем магазинчик стал популярным местом поклонения сам по себе. Владелец магазинчика разбогател и смог рано уйти на пенсию, но, будучи человеком жадным, до последнего дня жаловался, что у него забрали мясницкий нож по дешевке.

Легенда росла и распространялась. Затем через пять дней после подавления восстания в Константинополь прибыл Михаил Македонский. Он сразу же обустроился на Форуме Константина и начал читать проповеди. Читал проповеди от восхода до заката. Его проповеди тут же стали самыми популярными событиями в городе. Толпы заполняли Форум и Месу[1].

Михаил читал прововеди о многих вещах.

Некоторые его слова заставляли высоких чинов церкви скрежетать зубами. Но они скрежетали в уединении и ни разу не решились созвать совет. Они были слишком испуганы, чтобы вылезти из своих укрытий.

Но по большей части Михаил не изобличал и не громил. Он скорее хвалил и увещевал.

Теперь легенда об Антонине разнеслась по всему городу. Как и легенда о Велисарии. И также в своем роде легенда о Феодоре.

К концу недели подавляющее большинство простых жителей Константинополя пришло к своим простым выводам.

Надеяться можно только на Велисария и его жену. Пожалуйста, Господи, помоги им восстановить разум императрицы.

Огромный город затаил дыхание.

Императрица и ее слезы

Императрица и полководец смотрели друг на друга в молчании, пока слуги не поставили стул и не удалились.

— Сядь, полководец,— приказала Феодора.— У нас кризис. Юстиниан ослеп, и престолонаследование...

— У нас НЕТ кризиса, Ваше Величество,— твердо заявил Велисарий.— У нас просто проблема, которую нужно решить.

Феодора уставилась на него. Вначале с неверием и подозрением. Потом с появляющейся надеждой.

— Я дал клятву,— напомнил Велисарий.

Внезапно на глаза императрицы навернулись слезы. Немного слез. Совсем немного. Но для Велисария их было достаточно.

---

[1] Меса — главная улица Константинополя.

Он видел, как императрица отворачивается от ада и закрывает за собой ворота. И впервые за эти дни он перестал задерживать дыхание.

— Проблема, которую нужно решить,— мягко повторил он.— Не больше. Ты хорошо умеешь решать проблемы, императрица.

Феодора с трудом улыбнулась.

— Да, умею. И ты тоже, Велисарий.

Полководец улыбнулся своей хитроватой улыбкой.

— Это так. Раз уж ты это упомянула.

Феодора улыбнулась шире.

— Жаль несчастных малва,— пробормотала она.

— А еще лучше, если мы совсем не будем их жалеть,— возразил Велисарий.

Человек и его цель

В каюте корабля еще одна императрица спорила с рабом.

— Мы завтра прибываем в Мангалуру. Теперь ты должен решить. Ты мне нужен, Дададжи. Гораздо больше, чем ему.

— Может быть и так, Ваше Величество,— раб пожал плечами.— Но факт остается фактом. Он — мой законный хозяин.

Шакунтала резко рубанула воздух.

— Это закон малва. Тебя купили в Бхаруче.

Холкар снова пожал плечами.

— И что? Продажа является юридически связующей везде в мире. Определенно в Римской империи. В конце концов Индия малва не объявлена страной вне закона.

Императрица гневно уставилась на него. Раб поднял руку, ладонью к ней, стараясь ее успокоить.

— Я не спорю по тонкостям закона, Ваше Величество. Дело в том, что даже если империю малва объявят вне закона,— он усмехнулся,— хотя я не уверен, найдется ли кто-то достаточно могущественный, чтобы сделать это! — я все равно буду чувствовать себя связанным обязательствами.

Он сделал глубокий вдох.

— Я обязан своей жизнью полководцу, императрица. Я был мертв, когда он нашел меня. Да, я все еще ходил, даже время от времени говорил, но несмотря на это я был мертв. Он вдохнул жизнь в мою душу. Цель.

Шакунтала наконец увидела лазейку.

— Какую цель? — спросила она.— Это ведь разрушение малва, так?

Дададжи распрямил спину, слегка отклонился назад. Они с императрицей сидели лицом друг к другу в трех футах друг от друга, на подушках, в позе лотоса. Холкар подозрительно посмотрел на нее.

— Да. Разрушение малва. И есть еще одна цель.

Шакунтала яростно закивала, закрепляя свое преимущество.

— Ты можешь лучше служить этой цели, как мой императорский советник, чем его раб,— заявила она.— Гораздо лучше.

Холкар потрепал бороду. Жест в своем роде проиллюстрировал его затруднение.

Как раб, он не имел права носить бороду. Эта борода и достоинство человека средних лет были восстановлены Велисарием. Борода стала символом всего, чем Холкар обязан полководцу.

Тем не менее в то же время борода служила знаком его достоинства. Теперь она полностью отросла, густая благодаря множеству седых волос опыта и мудрости. На самом деле глупо тратить бороду и все, что она означала, на жизнь раба. Раба, который, как правильно заметила Шакунтала, больше не особо нужен хозяину.

Холкар погладил бороду. Еще раз.

— Откуда ты знаешь, что я смогу служить тебе должным образом? — спросил он.

Шакунтала почувствовала, как напряжение уходит из плеч. Увести спор с почвы абстрактной чести на конкретный долг — и она должна выиграть.

— Ты — самый умный и быстро соображающий человек, кого я когда-либо знала,— заявила она уверенно.— Посмотри, как ты организовал наш побег — всю подготовку, которая велась к нему. Велисарий всегда полагался на тебя во всем — в подобных делах. Он тебе полностью доверял — а он сам исключительно умен и хитер, как в подобных, так и в других делах. Мне нужен человек, которому я могу доверять. На которого могу полагаться. Очень нужен.

Холкар опять потрепал бороду.

— Тебе, девочка, нужны престиж и авторитет. Императорский советник должен иметь благородное происхожение. Из брахманов. А я из вайшиев. Из низшей прослойки вайшиев.— Он улыбнулся.— И к тому же из народности маратхи. В большинстве других стран моя каста будет среди шудр, из низших.

— И что? — спросила она.— Ты образован не хуже любого брахмана. Лучше, чем большинство! И ты знаешь, что это так.

Халкар развел руками.

— И какос это имеет значение? Правители и высокопоставленные лица других стран будут оскорблены, если твой советник не разделяет их чистоту. Им придется встречаться со мной, лично, часто в уединении, по многу раз. Они посчитают себя загрязненными таким контактом.

Императрица чуть не рявкнула.

— Черт их побери в таком случае! Если они будет искать союза со мной, то им придется брать то, что дают!

Холкар усмехнулся.

— Горячая голова! Ты уже потеряла мозги — в твоем возрасте? *Они* не будут искать союза с тобой, императрица. Они — не лишенные трона беженцы, за которыми охотятся, как за зверем. Это *ты* будешь стучаться в их двери, держа в руке кружку нищего.

С поразительным достоинством (при сложившихся обстоятельствах, ведь в конце концов она на самом деле она была лишенной трона беженкой) Шакунтала заявила:

— Не буду.

— Тебе придется.

— Не придется.

Дададжи гневно посмотрел на нее.

— Видишь? Ты уже отвергаешь мой совет! — Погрозил пальцем.— Ты должна научиться сдерживаться, императрица! Тебе на самом деле придется иметь дело с возможными союзниками, причем демонстрировать необходимую... я не стану говорить униженность, поскольку не верю в волшебство, но — внешнюю благопристойность, воспитанность и соблюдать приличия.

Она гневно уставилась на него.

— И вот еще что...

Шакунтала провела следующий час в нетипичной тишине, кивая, терпеливо слушая своего советника. Это не было трудно. На самом деле он давал отличные советы. И ей не требовалось сдерживаться. Даже если бы он и нес полную чушь, она стала бы слушать его вежливо.

У нее появился советник. Фактически, если он так и не назывался.

В конце этого часа Дададжи Холкар сам одернул себя. С удивлением.

— Ты — хитрая девчонка,— проворчал он. Затем добавил посмеиваясь: — На самом деле очень неплохо у тебя получилось! Добилась, чего хотела!

Он посмотрел на нее с симпатией, покачивая головой в веселом удивлении.

— Очень хорошо, императрица,— сказал он.— Давай оставим все как есть. Я отправлю твою просьбу Велисарию. Если он согласится, я буду служить тебе в любой должности, в какой ты пожелаешь.

Шакунтала кивнула.

— Он согласится,— заявила она уверенно.— По государственным причинам, если и никаким другим. Но он захочет узнать — чего ты сам хочешь? Что ты ему скажешь?

Холкар уставился на нее.

— Я скажу ему, что сам тоже хочу этого.— Затем, все еще сидя, он низко поклонился.— Ты — моя правительница, императрица. Такая правительница, которой любой человек, достойный называться человеком, захочет служить.

Когда Холкар поднял голову, лицо его было спокойным. Следующие слова Шакунталы разрушили это спокойствие.

— Какая еще у тебя есть цель? — спросила она.

Холкар нахмурился.

— Ты раньше сказал, что разрушение малва — это одна из твоих целей. Одна из двух. Назови вторую.

Холкар поджал губы.

Шакунтала была безжалостна.

— Скажи мне.

Он отвернулся.

— Ты сама знаешь,— прошептал он.

Это было правдой. Шакунтала знала. Но она заставит его смотреть правде в лицо. Чтобы в следующие годы она не грызла его душу и не разрушала ее. У молодости тоже есть своя смелость и мудрость.

— Скажи.

По лицу потекли слезы.

— Скажи.

Наконец, когда Холкар произнес слова вслух, раб исчез. Не в новой, туманной душе императорского советника. Он просто стал тем, кем всегда был. Человеком, Дададжи Холкаром.

В тишине и спокойствии, которые последовали, низкорожденный маратхи плакал и плакал, а его седую голову обнимали маленькие ручки представительницы самой чистой, самой древней, самой благородной линии в Индии, и душа Дададжи Холкара закончила лечение, которое начал иностранный полководец.

Он поможет своей императрице восстановить ее разбитый народ.

И когда-нибудь он найдет свою потерянную семью.

Семья и ее намерение

По иронии судьбы Дададжи Холкар уже нашел свою семью, не зная этого. Он даже помог им перенести страдания, опять же не зная этого.

Стоя рядом с хозяином конюшни в Каушамби, наблюдая за тем, как ракеты взмывают в небо, Холкар находился менее чем в полумиле от своей жены. Она вместе с другими рабами, работающими на кухне, тоже наблюдала за теми же ракетами из заднего двора особняка своего хозяина. Пока главный повар в ярости не погнал их назад выполнять свои обязанности.

Она вернулась к этим обязанностям с более легким сердцем, чем обычно. Женщина совершенно не представляла, что означает эта катастрофа. Но что бы это ни было, взрывы — плохая новость для

малва. Эта мысль помогала ей продержаться часами в ту ночь, согревала ее немного и в последующие бесчисленные ночи.

Сын Холкара на самом деле видел его. В Бихаре, где трудился на полях. Молодой человек разогнулся ненадолго и увидел, как караван знатного господина проезжает по ближайшей дороге. Он увидел самого благородного господина только мельком, когда тот с надменным видом прямо сидел в паланкине на спине первого слона. Черты лица на таком расстоянии оставались неразличимы. Но нельзя было ошибиться. Кто-то из обладающих властью малва, подавляющих весь мир.

Гневный крик надсмотрщика вернул сына Холкара обратно к работе. Крик вместе с видом надменного господина прожег ему душу. От месяцев и месяцев тяжелого труда тело парня стало крепким, чтобы выдержать все. Но иногда парень боялся, что сам он слишком слаб. Теперь, почувствовав пламя в душе, он понял: способен на многое.

Наклоняясь, он проклинал неизвестного малва и дал торжественную клятву. Кто бы ни был тот вонючий господин, сын Дададжи Холкара переживет его.

Холкар так близко не подходил к своим дочерям. Как и планировалось, Шакунтала и сопровождающие ее лица поехали по ответвлению дороги до того, как достигли Паталипутру. Они не желали попадать в большой город, где полно официальных лиц, поэтому вообще обошли его стороной.

Тем не менее они проезжали менее чем в пятнадати милях к югу. Только в тринадцати милях от рабского публичного дома, где держали дочерей Холкара.

В некотором роде Дададжи даже дотронулся до них. И это прикосновение стало благословением.

Солдаты на блок-посту, где Шакунтала запугала своими угрозами командующего, позднее еще добавили ему унижений. Взятку дали очень большую, а командир был слабаком. Надменным ничтожным снобом, от которого солдаты своими угрозами получили больше, чем обычно получают простые солдаты. Со своей частью взятки они насладились приятным посещением ближайшего публичного дома на южной окраине города. У них имелись деньги.

Деньги, которые они все потратили. Золотые монеты из рук Дададжи Холкара нашли дорогу в карманы сутенеров его дочерей. Девушки пользовались популярностью у солдат, и они хорошо платили.

Нельзя сказать, что солдаты были популярны у девушек. Никто из клиентов не был. Но на самом деле дочери Холкара почувствовали облегчение, проведя время только в компании солдат. Солдаты не грубили им и не били их. Они были молодыми непресыщенными парнями, не склонными к извращенным штучкам, которые предпочитали некоторые местные купцы и торговцы.

После того как солдаты ушли, сутенеры поставили девушек в известность, что решили отклонить различные предложения, которые поступали из других публичных домов, желающих их купить. Дочери Холкара знали об этих предложениях и боялись их, потому что в результате их бы разделили. Но сутенеры решили их оставить. Они популярны у солдат. Постоянный доход. Владелец публичного дома даже бросил им одну монету. Премия, сказал он, за хорошую работу.

В бесконечные последовавшие дни монета стала тайным сокровищем девушек. Они так и не потратили ее. Иногда поздно ночью, лежа рядом друг с другом, они доставали монету из тайника и с восхищением смотрели на нее, держась за руки.

Они решили, что эта монета принесет им удачу. Пока она у них, они останутся вместе. Семья Дададжи Холкара выживет.

Императрица и ее решение

Когда она смотрела на то, как слезы Дададжи Холкара смачивают ее императорскую кожу, императрица Шакунтала приняла решение. И заново подтвердила свою клятву.

Она никогда особо не думала о чистоте и загрязнении в своей короткой жизни. Она полусознательно отвергала кастовую систему потому, что во многих случаях система ее сдерживала. Шакунтала даже ненавидела ее полусознательно из-за неразделимого барьера, который система ставила между нею и ее самым большим желанием. Но раньше она никогда о ней по-настоящему не думала. Система просто есть. Жизненный факт, как и три сезона в Индии.

Теперь Шакунтала начала о ней думать. Ее мысли, в отличие от того, что лежало на сердце, оставались очень неясными. Она была молода. Рао в прошлые годы пытался научить ее некоторым аспектам философии и религии. Но та девочка, которой была Шакунтала, не воспринимала те уроки. Его мягкие слова не встретили того энтузиазма и внимания, которые встречали его уроки в других, более жестких областях.

Теперь она начала думать и учиться.

Она уже многое узнала. Наблюдая за иностранным полководцем, Шакунтала увидела, как к жизни возвращаются забытые уроки Рао. Твердые кулаки, как и более твердая сталь, подобны снегу у подножия гор. Горы, называемые умами, производят тот снег, а затем плавят его, когда захотят. В конце только душа имеет значение. Она нависает над мирозданием, как Гималаи.

Шакунтала приняла решение. Когда она будет восстанавливать Андхру, она соберет вокруг своего трона человеческие знания и муд-

рость, которые только есть. Она не только восстановит ступы и вихары. Она не просто призовет назад философов, садху и монахов. Она заставит их работать — безжалостно — сталкивая друг с другом. Сталкивая идею с идеей, как огромные цимбалы, пока наконец не появится истина.

Для этого, конечно, требуется вначале сделать другое дело. И поэтому, глядя, как ее чистота подвергается опасности загрязнения падающими на ее тело слезами низкорожденного человека у нее в объятиях, и черпая силу от этого загрязнения, Шакунтала заново подтвердила свою клятву:

«Я заставлю малва выть!»

Империя и ее бои

Малва на самом деле выли. Однако пока только в личных покоях императора. И пока только выли от ярости. Страху еще предстояло прийти.

Ярость распространялась внутрь, концентрируясь на самих малва. Судьба Венандакатры висела на волоске.

— Я всегда говорил вам, что он ведет себя, как дурак! — рявкнул Нанда Лал.— Признаю, он умен. Но ни один умный человек не стоит кваканья жабы, если он не в состоянии сдержать свою похоть и тщеславие.

— Ты больше не можешь его защищать, Шандагупта,— заявила Сати.— Ты уже достаточно нянчился с ним. Он сам — а не его подчиненные, которых он обвиняет — виноват в том, что произошло с Велисарием. С Шакунталой. Вызови его. И серьезно накажи его.

Линк спас Венандакатру от позора. Или худшей судьбы.

— Нет. Вы упускаете важный момент. Венандакатра был только что назначен гоптрием Деканского плоскогорья. Отозвать его с позором — это значит ободрить и воодушевить маратхи. Шакунтала важна, но она не так важна, как ее люди. Если сломать ее народ, сломается и она.

Малва склонились перед своим господином.

— Сломайте Махараштру. Терроризируйте дворняг маратхи. Пока ублюдки не будут дрожать в страхе все следующее тысячелетие. Разотрите в порошок этот зараженный народ. Для этого подойдет Венандакатра. Идеально.

Муж и его мысли

Весь предыдущий день перед отправлением в армию Дамодары Рана Шанга провел с женой. Поздно той ночью, усталый после занятий любовью, он гладил волосы жены.

— О чем ты думаешь? — спросила она и улыбнулась.— Внезапно у тебя на лице появилось серьезное выражение.

— Трудно объяснить,— проворчал он.

Жена села в постели, простыни свалились с ее полного тела.

— Говори! — приказала она и угрожающе погрозила пальцем.— Или я начну тебя щекотать.

Шанга рассмеялся.

— Не это! Пожалуйста! Я лучше лицом к лицу столкнусь с Велисарием, с его армией за спиной.

Веселье жены прошло.

— Так вот ты о чем думал? О нем?

Его лицо вытянулось. Должна была начаться персидская кампания. Жена знала, что Шанге вскоре предстоит встретиться с этим ужасным римлянином на поле брани. И несмотря на все невероятные воинские таланты мужа, это был враг, которого он по-настоящему уважал. Даже, думала она, боялся.

Шанга покачал головой.

— На самом деле нет. По крайней мере не прямо.

Он поднял руку и нежно погладил ее лицо. Это было простое лицо, совсем некрасивое. Круглое, как и ее тело.

* * *

Рана Шанга женился на ней не из-за красоты. Он даже ни разу не видел ее лица, пока она не сняла фату в его спальне после свадьбы. Их брак, как и обычно для раджпутов королевской крови, был государственным. Посвященным суровым необходимостям династии, клана и касты. Чтобы поддержать истинную родословную раджпутов, защитить чистоту от загрязнения.

Он ничего не сказал в ту ночь, когда впервые увидел лицо жены, а затем ее тело, и не показал свое разочарование. Она очень боялась, как она призналась ему много лет спустя, того, что он мог бы сказать или сделать — или не сделать — когда увидел, что она совсем не красавица. Но Шанга показал себя милым, даже добрым, и сделал то, что должен. И к концу той ночи он с удивлением получил удовольствие, глядя на готовое, пышное тело; возбуждение от быстрых ловких пальцев; его обрадовали веселость и теплота, скрывающиеся за робостью в ее глазах. А утром он видел счастье на все еще спящем, круглом лице. Счастье, которое оказалось там благодаря ему, как он знал, скорее от доброты, чем мужских способностей.

Тогда Шанга был молод и полон тщеславия принца раджпутов, уже известного своей воинской доблестью, но он сделал неожиданное открытие. Гордость также можно найти в доброте. Глубокую гордость

при виде лица жены, светящегося утром. Даже некрасивого лица. Возможно, особенно некрасивого лица.

Настал день много лет спустя, когда он застал жену в кухне. Несмотря на множество кухарок и слуг, его жена любила готовить. Услышав, как он идет, узнав его шаги, она отвернулась от стола, где резала лук. Повернулась, улыбнулась — засмеялась, утирая слезы из глаз — откинула волосы (теперь все седые — совсем не осталось черных) с лица, все еще держа нож в руке, и рассмеялась от своего нелепого вида. Она смеялась и ртом, и глазами.

За свою жизнь величайший из царей Раджпутаны был поражен только два раза. Сражен, сбит с ног внезапным открытием.

Один раз на известном поле сражения, когда Рагунат Рао расколол его шлем дьявольским смелым ударом меча. Тогда он упал.

Второй раз он свалился на скамью в своей собственной кухне, когда понял, что любит свою жену.

— Ты — моя жизнь,— прошептал он.

— Да,— ответила она. И дала ему свежую сладкую луковицу, словно это был еще один ребенок.

— Я думал о твоем лице,— сказал он.— И другом лице. Молодой женщины. Она очень красива.

Его жена слегка поджала губы, но не отвернулась.

— Я вседа говорила тебе, муж, что не стану возражать против наложниц,— произнесла она мягко.— Я не...

— Тихо, жена! — приказал он. Затем рассмеялся.— Это последнее, о чем я думаю! Даже если бы девушка, о которой идет речь, и не была дочерью императора, она навряд ли подходит на роль наложницы раджпута.

Его жена захихикала. Шанга покачал головой.

— Я не сравнивал лица таким образом, дорогая моя. Я... а! Это слишком сложно объяснить!

— Тогда буду щекотать!

Она выполнила угрозу. Но несмотря на радостную пытку, Шанга так и не объяснил ей свои мысли. Не в ту ночь.

Их было слишком сложно объяснить. Они оказались совсем новыми. Крепко связанными с новыми секретами. Слишком запутанными в туманных спиралях отдаленного будущего, которое он увидел мельком в покоях Великой Госпожи Холи и сущности, для которой она служила только оболочкой.

В конце концов жена заснула. Шанга какое-то время не спал. Ему не давали заснуть мысли о его родословной. О некрасивом лице жены, чертах ее лица, которые он видел на лицах детей вместе со своими собственными. И о красивом лице дочери императора, которой судьбой предзначено стать оболочкой для идеальных лиц будущих богов.

Линия его семьи. Это была жизнь. Это есть жизнь. Это будет жизнь.

Шанга подумал о чистоте, подумал о загрязнении. Подумал об идеальности. Подумал о луковицах.

Больше всего он размышлял об иллюзии, и правде, и странном образе, когда иллюзия может стать правдой.

И правда иллюзией.

Созидание и его понимание

Когда полководец наконец оставил императрицу и вышел из дворца, день клонился к вечеру. Притягиваемый закатом, Велисарий пошел к балюстраде, выходящей на Босфор. Облокотился на камень, наслаждаясь видом.

От Эйда пришла настойчивая мысль.

«Теперь больше. Я теперь больше понимаю из послания Великих. Я так думаю. Я не уверен».

«Поясни»,— приказал Велисарий.

«Вот что еще они нам сказали:

Найди все, что сделало нас.

Найди страсть в девственнице, чистоту в шлюхе;

Веру в предателе, рок в священнике.

Найди сомнения в пророке, решительность в рабе;

Милость в убийце, убийственность в жене.

Ищи мудрость в молодых и неопытность в старых;

Ищи правду в движущейся воде; ложь в камне.

Узрей врага в зеркале, друга через поле брани.

Ищи все, что нас сделало.

На земле, где мы были сделаны».

Молчание.

«Ты понимаешь?» — спросил Эйд потом.

Велисарий улыбнулся. Не хитро, совсем нет.

«Да. О, да».

«Я думаю, что тоже понимаю. Я не уверен».

— Конечно, ты понимаешь,— прошептал Велисарий.— Мы сделали вас. На той же самой земле.

Молчание.

«Ты обещал»,— прозвучало потом.

Теперь в этой мысли не было укора. Больше не было. Это говорил удовлетворенный ребенок, который положил головку на плечо отца.

«Ты обещал».

север
запад
восток
юг
КОНСТАН-
ТИНОПОЛЬ
Черное море
Анатолия
Дарас
Средиземное море
Каспийское море
Александрия
Египетская
п-ов АРАВИЯ
Персидский залив
Красное море
Асэб
Аксум
ЭФИОПИЯ
(Аксумское царство)
Индийский
океан
ИНДИЯ
Аджмер
Ранапур
РАДЖПУТАНА
Гвалияр
Каушамби
БЕНГАЛИЯ
Барода
Бхаруч
МАХА-
РАШТРА
АНДХРА
КЕРАЛА

ВОСТОК
КАМПАНИЯ ВЕЛИСАРИЯ
В МЕСОПОТАМИИ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Персидская империя
Персидский залив
Харк
Ктесифон
Нехар Малка
Вавилон
Хилла
Пероз-Шапур
река Тигр
река Евфрат
Аната
Карбела
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Римская империя
Аравия
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
0
100
200
шкала в милях
СЕВЕР
ЮГ
ЗАПАД

север
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
запад
восток
юг
бухта Золотой Рог
Босфор
Феодосия
стены Константина
стены
колонна Марциана
форум Феодосия
форум Константина
Меса*
Айя София**
ВИФИНИЯ
ипподром
Большой императорский дворец
порт Цезаря
Золотые ворота
Мраморное море
ХАЛКЕДОН
* главная улица Константинополя
** храм Святой Софии

Содержание

Окольный путь 5

В сердце тьмы 355

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Дрейк Дэвид, Флинт Эрик

Окольный путь
В сердце тьмы

Фантастические романы

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Ведущий редактор *В. Кузнецова*
Редактор *А. Гурова*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *А. Сергеев*
Верстка: *Ю. Борисова*
Корректоры *Л. Быстрова, Л. Ильина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

…Восточная Римская Империя достигла наибольшего расцвета в VI веке н.э. при императоре Юстиниане I. Немало этому способствовал великий полководец Велисарий, чьи армии значительно расширили пределы Империи, одерживая победу за победой в Африке и Италии…
Это — наша с вами история. История НАШЕГО мира.

Но — в это же время на севере Индии сформировалась и другая Империя. На их стороне — оружие будущего, богатства прошлого и неудержимое стремление к власти. Их ведут те, кого люди всегда считали БОГАМИ. Земля ПОЧТИ покорена, на их пути — лишь один человек. И лишь одному человеку под силу остановить шествие ЗЛА.
Он — человек, возведший войну в ранг искусства. Человек, чье призвание — командовать. Приказ прост — сражайся и умри!
И это — история Велисария. История расцвета и гибели великих ИМПЕРИЙ. История противостояния величайшего полководца прошлого — и супероружия будущего.
История о том, как ВОЗМОЖНОСТЬ становится РЕАЛЬНОСТЬЮ!

«...Дрейк — один из наиболее одаренных современных авторов, работающих в жанре военно-исторической фантастики».

Chicago Sun-Times

«Великолепный образец, органично сочетающий боевую фантастику с альтернативной историей...»

Science Fiction Chronicle

ISBN 5-17-018229-5
9 785170 182299

ДЭВИД ДРЕЙК ФЛИНТ ЭРИК

ОКОЛЬНЫЙ ПУТЬ В СЕРДЦЕ ТЬМЫ